

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

При поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

X Международные Лихачевские научные чтения 13–14 мая 2010 года

ДОКЛАДЫ

Данные Чтения (первоначальное наименование — «Дни науки в СПбГУП») — Восемнадцатые по счету и Десятые — в статусе Международных Лихачевских научных чтений

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. ПУТИНА «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА» № 587 от 23 мая 2001 г.

Санкт-Петербург
2010

Научный редактор

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений,
академик Российской академии образования, доктор культурологических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП,
протокол № 10 от 09.04.10

Д44 **Диалог культур и партнерство цивилизаций : становление глобальной культуры : X Международные Лихачевские научные чтения, 13–14 мая 2010 г. — СПб. : СПбГУП, 2010. — 572 с.**

ISBN 978-5-7621-0552-1

В сборнике опубликовано 234 доклада участников юбилейных, X Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся 13–14 мая 2010 года в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева».

Среди авторов — выдающиеся отечественные и зарубежные ученые, свыше 50 академиков и членов-корреспондентов Российской академии наук и Российской академии образования: Л. И. Абалкин, О. Т. Богомолов, А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский, В. Л. Макаров, Н. Д. Никандров (президент РАО), Ю. С. Осипов (президент РАН), М. Б. Пиотровский, В. С. Степин, В. А. Тишков, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев и другие, около 40 руководителей академических институтов и научно-исследовательских центров, более 20 глав университетов; известные политики, государственные и общественные деятели, представители творческой интеллигенции: писатель Д. А. Гранин, министр культуры РФ А. А. Авдеев, министр иностранных дел РФ С. В. Лавров, председатель ЦИК России В. Е. Чуров, судьи Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь, Г. А. Гаджиев, М. И. Клеандров, председатель ФНПР М. В. Шмаков, губернатор Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко, Президент Республики Саха (Якутия) В. А. Штыров и многие другие.

В сборнике опубликованы доклады 18 послов разных стран в Москве и ЮНЕСКО, работы видных историков, правоведов, экономистов из трех десятков государств, охватывающих все части света, от Канады до Новой Зеландии, от Японии до Англии. Среди иностранных гостей Чтений — французский славист Р. Герра, немецкий политолог А. Рар, член Европейской, Шведской и Норвежской академий Р. Торштендаль, украинские академики П. Толочко и Ю. Шемшученко и другие всемирно известные специалисты.

Доклады участников X Лихачевских чтений посвящены актуальным проблемам современности: путям становления глобальной культуры, тенденциям развития мировой экономики, глобализации образования и трудовых отношений, международному праву и современным средствам массовой информации.

Роль Чтений высоко оценил Президент Российской Федерации Д. А. Медведев, отмечая, что их научные результаты и «рекомендации будут востребованы на практике и послужат реализации перспективных международных проектов в гуманитарной сфере».

ББК 72

**УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ
Д. С. ЛИХАЧЕВА»**

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить, начиная с 2001 года, две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. **Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.**

**Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН**

Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

**ПРИВЕТСТВИЕ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ Д. А. МЕДВЕДЕВА
УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ**

**Организаторам, участникам и гостям
Международных Лихачевских научных чтений**

Уважаемые друзья!

Приветствую вас в Санкт-Петербурге по случаю открытия IX Международных Лихачевских научных чтений. Желаю всем их участникам интересного и плодотворного общения и успехов.

Ваш авторитетный форум, собравший представителей мировой интеллигенции, — это всегда событие. Его содержательные дискуссии и доклады, посвященные роли культуры и гуманитарного знания в жизни современного человека, партнерству цивилизаций, и многие другие вызывают большой интерес и широкий общественный резонанс.

Важная примета нынешних Чтений — это появление специальной программы мероприятий для юношества «Лихачевский форум старшеклассников России». И нет сомнения, что для нравственного воспитания подрастающих поколений крайне важно обращение к фундаментальным трудам и научному наследию академика Лихачева, чьи гуманистические идеи имеют непреходящее значение.

Уверен, что подготовленные в ходе встречи рекомендации будут востребованы на практике и послужат реализации перспективных международных проектов в гуманитарной сфере.

Желаю участникам и гостям Чтений всего самого доброго!

Президент Российской Федерации

Д. А. МЕДВЕДЕВ

13 мая 2009 года

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

21 мая 2001 года

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отраднo, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума — это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

20 мая 2004 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева — неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

25 мая 2006 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение вашего научного форума стало важной и доброй традицией и помогает не только лучше осознать значимость гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, его творческого наследия, но и понять актуальные вопросы современности.

Поэтому сегодня в повестке дня конференции такие важные для всех темы, как «Личность и общество в поликультурном мире», «Экономика и право в контексте партнерства цивилизаций», «Средства массовой информации в системе формирования картины мира», «Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации» и другие.

Уверен, что заинтересованное обсуждение, содержательные и конструктивные дискуссии в рамках Чтений послужат развитию гуманитарных наук, укреплению духовно-нравственных основ общества.

Желаю организаторам, участникам и гостям форума плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

22 мая 2008 года

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. В числе их инициаторов был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. С тех пор Чтения проводятся каждый год. После ухода из жизни академика Лихачева данный научный форум получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений (Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.).

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, Российская академия образования, СПбГУП, Конгресс петербургской интеллигенции (учредители Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Запесоцкий, К. Ю. Лавров, Д. С. Лихачев, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). С 2007 года Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел России. В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности: «Образование в условиях формирования нового типа культуры», «Культура и глобальные вызовы мирового развития», «Гуманитарные проблемы современной цивилизации» и др.

Ежегодно на Чтения съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: Л. И. Абалкин, А. Г. Арбатов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, Ю. С. Васильев, Р. С. Гринберг, А. А. Гусейнов, Т. И. Заславская, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, И. И. Лукинов, Д. С. Львов, В. А. Мартынов, Н. Н. Моисеев, А. Д. Некипелов, Ю. С. Осипов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, В. Ф. Петренко, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, Н. А. Платэ, В. М. Полтерович, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скатов, А. В. Смирнов, В. С. Степин, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, В. Л. Янин и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, Г. Н. Волков, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. И. Загвязинский, И. А. Зимняя, В. Г. Кинелев, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, А. А. Лиханов, Г. В. Мухаметзянова, В. С. Мухина, В. А. Мясников, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, О. А. Омаров, А. А. Орлов, Ю. В. Сенько, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Г. А. Ягодин, В. Миттер (Германия) и др.; общественные и государственные деятели: А. А. Акаев, А. Е. Бусыгин, Г. А. Гаджиев, С. Л. Катанандов, С. В. Лавров, Е. И. Макаров, В. И. Матвиенко, В. В. Миклушевский, К. О. Ромодановский, А. Л. Сафонов, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шмаков, А. В. Яковенко, В. А. Яковлев; деятели культуры и искусств: М. К. Аникушин, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинский, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Г. В. Свиридов и др.

С 2007 года в рамках Чтений проводится Лихачевский форум старшеклассников России, на который собираются победители Всероссийского конкурса творческих работ «Идеи Д. С. Лихачева и современность» со всей России и из-за рубежа.

С 2008 года совместно с МИД России началось осуществление Дипломатической программы Чтений «Международный диалог культур», в которой выступают послы иностранных государств с изложением своих взглядов на важнейшие проблемы нашего времени.

С 2010 года комплекс лихачевских мероприятий дополнен Всероссийской культурно-образовательной программой для старшеклассников «Лихачевские уроки в Петербурге».

Четырежды — в 2001, 2004, 2006 и 2009 годах — организаторов и участников Чтений приветствовали Президенты Российской Федерации Д. А. Медведев и В. В. Путин, в 2008 году — Председатель Правительства РФ В. В. Путин.

Ежегодно по итогам Чтений публикуются сборники докладов и выступлений их участников, тексты секционных дискуссий и круглых столов. Эти материалы хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира. Материалы Чтений представлены на специальном научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.lihachev.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»	3
ПРИВЕТСТВИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Д. А. МЕДВЕДЕВА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ.....	4
ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ.....	5
О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ (Справка)	6

Пленарное заседание. ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Д. А. ГРАНИН , писатель, Герой Социалистического Труда, почетный гражданин Санкт-Петербурга, соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, член Общественной палаты РФ, почетный доктор СПбГУП К ВОПРОСУ О ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	19
Л. И. АБАЛКИН , академик РАН, научный руководитель Института экономики РАН, главный редактор журнала «Вопросы экономики», доктор экономических наук, профессор ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА И КУЛЬТУРА	20
А. А. АВДЕЕВ , министр культуры РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол КУЛЬТУРА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА И ЕЕ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА ...	21
П. АНЧЕВ , главный редактор литературно-художественного журнала «Просторы» (Болгария) ЗАКАТ КУЛЬТУРЫ КАК НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА	23
Ю. В. АРУТЮНЯН , член-корреспондент РАН, советник РАН, доктор исторических наук, профессор О НОВЫХ ГРАНИЦАХ РАССЕЛЕНИЯ РУССКИХ И НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ ДИНАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ	26
Ф. А. АСАДУЛЛИН , руководитель Научно-общественного комитета Совета муфтиев России, член Общественной палаты РФ, кандидат филологических наук РОССИЯ — ИСЛАМСКИЙ МИР: ДВИЖЕНИЕ НАВСТРЕЧУ (Духовно-культурный вектор взаимодействия)	27
В. Ю. АФИАНИ , директор Архива Российской академии наук, заведующий кафедрой археографии Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, заместитель главного редактора журнала «Исторический архив», кандидат исторических наук АРХИВ — ЕГО МЕСТО И РОЛЬ В ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ	29
Г. М. БИРЖЕНЮК , заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	32
О. Т. БОГОМОЛОВ , академик РАН, советник РАН, заведующий кафедрой мировой экономики Государственного университета управления, доктор экономических наук, профессор ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	34
Н. С. БОНДАРЬ , судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛИСТСКОГО МИРА	37
К. Н. БРУТЕНЦ , вице-президент Российской внешнеполитической ассоциации, доктор исторических наук, профессор ПОДЪЕМ АЗИИ И ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	41
А. Е. БУСЫГИН , заместитель министра культуры РФ, доктор экономических наук, профессор ДИАЛОГ КУЛЬТУР В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	42
В. И. ВАСИЛЬЕВ , член-корреспондент РАН, генеральный директор Академического научно-издательского производственно-полиграфического и книгораспространительского центра РАН, директор издательства «Наука», доктор филологических наук, доктор исторических наук, профессор КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА И СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (На примере творческого наследия Д. С. Лихачева)	45
Г. А. ГАДЖИЕВ , судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ «ШЕЛКОВЫЕ ОКОВЫ»: РЕШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР В ЕВРОПЕ	46
Р. ГЕРРА , заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), доктор филологических наук, президент Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции РУССКИЙ ПАРНАС И МОНПАРНАС	47
В. Б. ГИГЕР , Чрезвычайный и Полномочный Посол Швейцарской Конфедерации в РФ, доктор ДИАЛОГ КУЛЬТУР И СОТРУДНИЧЕСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	51

Р. С. ГРИНБЕРГ , член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор КРИЗИС ОКОНЧЕН? ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	53
С. ГУАНЧЕН , заместитель директора Центра исследований истории и географии пограничных областей Китая Академии общественных наук Китая, доктор юридических наук, профессор БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ	57
П. Н. ГУСЕВ , главный редактор газеты «Московский комсомолец», председатель Союза журналистов Москвы, председатель Комиссии Общественной палаты РФ по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации, заслуженный работник культуры РФ СМИ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПОТОКЕ: ПОИСК НОВОГО УРОВНЯ МЫШЛЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ	59
А. А. ГУСЕЙНОВ , академик РАН, директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП КАК ВОЗМОЖНА ГЛОБАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ ЛЮДЕЙ?	61
В. М. ДАВЫДОВ , директор Института Латинской Америки РАН, доктор экономических наук, профессор «АЛЬЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ» — ИСТОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ	64
М. Г. ДЕЛЯГИН , директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, действительный государственный советник 2-го класса КРИЗИСЫ ГЛОБАЛЬНОГО МОНОПОЛИЗМА И ПЛАНЕТАРНОЙ РОЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ОБЩИЙ ВЫХОД?	66
М. М. ДЖОШИ , член Парламента Республики Индия, доктор ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ....	68
П. ДУТКЕВИЧ , директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете (Канада), профессор; Я. ДУТКЕВИЧ , профессор Университета Виктории (Веллингтон, Новая Зеландия) В ПОИСКАХ УМЕСТНОСТИ «СПОРА ЦИВИЛИЗАЦИЙ»	71
И. И. ЕЛИСЕЕВА , член-корреспондент РАН, директор Социологического института РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ РЫНОК ТРУДА КАК ПРИМЕР СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ И ТОЛЕРАНТНОСТИ.....	72
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ ПРОБЛЕМАТИКА ДИАЛОГА КУЛЬТУР В НАУЧНОМ И ПРАВСТВЕННОМ НАСЛЕДИИ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА.....	76
К. Ф. ЗАТУЛИН , депутат Государственной Думы РФ, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института стран СНГ, кандидат исторических наук СОХРАНЕНИЕ ЕДИНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СНГ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	80
В. Н. ИВАНОВ , член-корреспондент РАН, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ. КОНТУРЫ ПРОЕКТА	82
И. Т. КАСАВИН , член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН, главный редактор журнала «Эпистемология и философия науки», доктор философских наук, профессор ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ: В ПОИСКАХ ОБЛАСТИ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА.....	83
А. Е. КИБРИК , член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий отделом лингвокультурной экологии Института мировой культуры МГУ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЯЗЫКИ	85
М. И. КЛЕАНДРОВ , судья Конституционного Суда РФ, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕЙ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ЭТИЧЕСКОЙ ИЛИ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ИЗМЕРЕНИИ	87
Г. Б. КЛЕЙНЕР , член-корреспондент РАН, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, доктор экономических наук, профессор ГЛОБАЛЬНОЕ МИССИОНЕРСТВО ИЛИ ГЛОБАЛЬНОЕ СТЯЖАТЕЛЬНОСТЬВО: ЕСТЬ ЛИ ТРЕТИЙ ПУТЬ ДЛЯ РОССИИ?.....	89
А. КЛЕСС , директор Люксембургского института европейских и международных исследований, доктор СМЕШЕНИЕ КУЛЬТУР	92
М. КЛЕСТИЛЬ-ЛЁФФЛЕР , Чрезвычайный и Полномочный Посол Австрийской Республики в РФ, доктор филологии ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ	94
В. П. КОЗЛОВ , член-корреспондент РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор исторических наук ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. М. КАРАМЗИНА.....	96
И. С. КОРОЛЕВ , член-корреспондент РАН, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН, доктор экономических наук, профессор ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ.....	100
С. В. ЛАВРОВ , министр иностранных дел РФ, член Совета безопасности РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ....	102

Н. И. ЛАПИН , член-корреспондент РАН, заведующий Отделом аксиологии и философской антропологии Института философии РАН, профессор Государственного университета управления, доктор философских наук, профессор социологии	
УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И МНОГООБРАЗИЕ ЖИЗНЕННЫХ МИРОВ ЛЮДЕЙ.....	105
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ , академик РАН, академик РАО, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии» (Москва), доктор философских наук, профессор	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ	107
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ , член-корреспондент РАН, директор Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор	
РОЛЬ ПРАВА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР.....	108
Е. А. ЛУКАШЕВА , член-корреспондент РАН, заведующая сектором прав человека Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ	
ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ИНТЕГРАЦИЯ КУЛЬТУР И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ	109
В. А. МАКАРОВ , академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН, доктор физико-математических наук, профессор	
О ВЛИЯНИИ СИНТЕТИЧЕСКИХ МИРОВ НА ОБЩУЮ КУЛЬТУРУ	111
А. П. МАРКОВ , профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук, доктор культурологии, заслуженный деятель науки РФ	
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ И РЕСУРС РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ	113
В. И. МАТВИЕНКО , губернатор Санкт-Петербурга, Чрезвычайный и Полномочный Посол	
ПЕТЕРБУРГ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ.....	117
В. М. МЕЖУЕВ , главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор	
НА ПУТИ К УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	119
Э. В. МИТРОФАНОВА , председатель Исполнительного совета ЮНЕСКО, Постоянный представитель России при ЮНЕСКО, Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор экономических наук	
РОЛЬ ЮНЕСКО В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ И СБЛИЖЕНИИ КУЛЬТУР.....	122
К. МУСЯКОДЗИ , директор Центра азиатско-тихоокеанского партнерства Университета экономики и права (Япония), вице-ректор Университета ООН по региональным и международным исследованиям, профессор	
КОНФЛИКТ И СОТРУДНИЧЕСТВО: ВОЗМОЖНЫЙ ВКЛАД ВОСТОКА	123
А. П. НАЗАРЕТЯН , главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории», главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук	
СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ И ПЕРСПЕКТИВА ПЛАНЕТАРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	131
В. В. НАУМКИН , директор Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор	
ИСЛАМСКИЙ МИР, РОССИЯ, ЗАПАД — ТРУДНЫЙ ДИАЛОГ	133
Н. Д. НИКАНДРОВ , президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ОДИН МИФ ПОРОЖДАЕТ ДРУГОЙ	137
Ю. С. ОСИПОВ , президент Российской академии наук, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор	
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР.....	142
А. ПЕРЕС БРАВО , Посол Мексики в Российской Федерации	
БЛАГО НАРОДА КАК КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	146
Ф. ПЕТИТО , профессор Университета Суссекса (Великобритания), доктор	
АПОЛОГИЯ ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ РЕЛИГИЙ КАК ИСТОЧНИК ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	148
В. Ф. ПЕТРЕНКО , член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики психологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор	
ДУХОВНЫЕ ПСИХОПРАКТИКИ В СОЗДАНИИ АТМОСФЕРЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ, ВЕРОТЕРПИМОСТИ И НЕНАСИЛИЯ.....	158
И. ПЕЧИ , доктор права Утрехтского университета (Нидерланды)	
ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ЕВРОПЕИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ИНТЕРЕСНЫЙ СПЛАВ ПРАВОПОРЯДКОВ И ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР	162
Е. И. ПИВОВАР , член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья, доктор исторических наук, профессор	
РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКИЙ МИР КАК ФАКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	167
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ , член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, директор Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, профессор, председатель Конгресса петербургской интеллигенции, председатель Союза музеев России	
МИГРАНТЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	170
Э. ПОНЗИАНИ , директор Бюро международной организации по миграции (Москва)	
О РОЛИ МИГРАЦИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МЕЖДУ ОБЩЕСТВАМИ, КУЛЬТУРАМИ И ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ.....	173
Ж. РАДВАНЬИ , директор Центра франко-российских исследований (Москва), профессор Национального института восточных языков и цивилизаций (Париж), доктор географических наук	
ФРАНКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПОРА СТЕРЕОТИПОВ?.....	175

А. РАР , директор программ по России и Евразии Германского совета по внешней политике, журналист, политолог (ФРГ) СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО ГЕРМАНИЯ–РОССИЯ КАК ФУНДАМЕНТ ПРОЧНОЙ ЕВРОПЫ	177
П. РЕАЛЬ , президент Института консультирования по вопросам стратегии, политики, средств безопасности и экономики (Берлин), доктор философии МОРСКОЙ ТЕРРОРИЗМ — УГРОЗА ДЛЯ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ?	182
Н. М. РИМАШЕВСКАЯ , член-корреспондент РАН, советник РАН, заведующая лабораторией гендерных проблем Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ	185
М. САНАИ , член парламента Исламской Республики Иран, директор Центра изучения России и Восточной Европы Тегеранского университета (Иран), член Казахской академии общественных наук, профессор, доктор ИСЛАМСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДИАЛОГУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	187
А. Л. САФОНОВ , заместитель министра здравоохранения и социального развития РФ, доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 3-го класса РАЗВИТИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	189
М. В. СЕСЛАВИНСКИЙ , руководитель Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям РОССИЯ–ФРАНЦИЯ: ПОЛУЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ХУДОЖНИКОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ	195
Н. Н. СКАТОВ , член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Русская литература», доктор филологических наук, профессор РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	198
Ю. Н. СОЛОНИН , декан философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой культурологии, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ	200
Д. Е. СОРОКИН , член-корреспондент РАН, первый заместитель директора Института экономики РАН, заведующий кафедрой «Макроэкономическое регулирование» Финансовой академии при Правительстве РФ, доктор экономических наук, профессор РОССИЯ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПАРТНЕРСТВА	202
В. С. СТЕПИН , академик РАН, научный руководитель Института философии РАН, доктор философских наук, профессор СТРАТЕГИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР	204
В. А. ТИШКОВ , академик РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, доктор исторических наук, профессор ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	208
М. ТЛИЛИ , основатель, директор Центра диалогов Нью-Йоркского университета ЕВРОПА И ИСЛАМ	215
П. П. ТОЛОЧКО , академик Национальной академии наук Украины, директор Института археологии НАН Украины, доктор исторических наук, профессор О ПРОБЛЕМЕ ВНУТРИКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА	217
Р. ТОРШЕНДАЛЬ , член Европейской, Шведской и Норвежской академий, профессор Уппсальского университета (Швеция) ГЛОБАЛЬНАЯ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	220
Ж. Т. ТОШЕНКО , член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой теории и истории социологии, доктор философских наук, профессор МАНКУРТИЗМ КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОГО БЕСПАМЯТСТВА	224
Н. А. ХРЕНОВ , заместитель директора Государственного института искусствознания (Москва), доктор философских наук, профессор ОТ ИМПЕРСКОГО МОНОЛОГА К ДИАЛОГУ В ЕГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПОНИМАНИИ	231
С. ЧАНГ , профессор Высшей школы общественного развития (КНР), доктор философии ПОСТРОЕНИЕ БОЛЕЕ ГАРМОНИЧНОГО МИРОПОРЯДКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	237
В. А. ЧЕРЕШНЕВ , академик РАН, член Президиума РАН, председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН и Средне-Уральского научного центра Российской академии медицинских наук (Екатеринбург), доктор медицинских наук, профессор; В. Н. РАСТОРГУЕВ , профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК ПРОДВИЖЕНИЕ К НОВЫМ СИНТЕЗАМ	240
А. О. ЧУБАРЬЯН , академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН, президент Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), доктор исторических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ К ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ	242
В. Е. ЧУРОВ , председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП ВЫБОРЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В СОВРЕМЕННОМ МНОГОПОЛЯРНОМ И МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ (Сравнительный анализ)	243
Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО , академик Национальной академии наук Украины, иностранный член РАН, директор Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины; А. В. КРЕСИН , ученый секретарь, старший научный сотрудник Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, кандидат юридических наук, доцент СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И РОЛЬ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ	250

М. В. ШМАКОВ , председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеевропейского регионального совета профсоюзов Международной конфедерации профсоюзов, почетный профессор СПбГУП ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	254
Н. П. ШМЕЛЕВ , академик РАН, директор Института Европы РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор QUO VADIS, РОССИЯ?	257
Ю. ШТРАУБ , заведующий кафедрой социальной теории и социальной психологии Рурского университета (ФРГ), доктор философии, профессор МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА.....	260
В. А. ШТЫРОВ , Президент Республики Саха (Якутия) РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ): ДУХОВНОЕ ВЗАИМООБОГАЩЕНИЕ НАРОДОВ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ РЕСПУБЛИКИ	265
Р. М. ЮСУПОВ , член-корреспондент РАН, директор Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК РЕСУРС ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	271
А. В. ЯКОВЕНКО , заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЮНЕСКО	274

Секция 1. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА И МИРОВЫЕ ИНСТИТУТЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ПУТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. АНАСТАСОПУЛОС , посол, Постоянный представитель Греции в ЮНЕСКО НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА И МИРОВЫЕ ИНСТИТУТЫ: СОТРУДНИЧЕСТВО И СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	277
Т. А. ЖДАНОК , депутат Европейского парламента (Латвия), доктор математики РОЛЬ ЛЮДЕЙ С МНОЖЕСТВЕННОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ	279
В. Б. КУВАЛДИН , заведующий кафедрой общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА КАК ДЕМИУРГИ МИРОВЫХ ИНСТИТУТОВ	281
М. Р. МАЖИДИ , Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ, Постоянный представитель Исламской Республики Иран в ЮНЕСКО, доктор СБЛИЖЕНИЕ КУЛЬТУР: ВВЕДЕНИЕ В ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ.....	282
К. ОЛИМОВ , Председатель Национальной комиссии Республики Таджикистан по делам ЮНЕСКО, директор Института востоковедения и письменного наследия (Таджикистан), член-корреспондент Академии наук Таджикистана НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА И МИРОВЫЕ ИНСТИТУТЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ПУТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	284
Р. ПАКАЛНИС , председатель Национальной комиссии Литвы по делам ЮНЕСКО ПЛОДОТВОРНОЕ УЧАСТИЕ ЛИТВЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮНЕСКО.....	286
В. В. ПОПОВ , директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол О РОЛИ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ	288
К. В. РУСНАК , генеральный секретарь Национальной комиссии Республики Молдова по делам ЮНЕСКО, профессор РОЛЬ ЮНЕСКО ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НА ПУТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.....	293
В. Г. СЧАСТНЫЙ , председатель Национальной комиссии Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО, посол по особым поручениям Министерства иностранных дел Республики Беларусь РОЛЬ ЮНЕСКО В СОХРАНЕНИИ И СБЛИЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	296
К. В. ШУВАЛОВ , посол по особым поручениям МИД РФ, специальный представитель МИД России по взаимодействию с «Альянсом цивилизаций», Чрезвычайный и Полномочный Посол ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ С «АЛЬЯНСОМ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»	297
Ю. В. ЯКОВЕЦ , президент Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, доктор экономических наук, профессор ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ И СТРАТЕГИЯ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	299
О. В. ЯЩЕНКОВСКИЙ , ответственный секретарь Национальной комиссии Украины по делам ЮНЕСКО; А. С. ПРИСЯЖНЮК , магистр Киевского национального университета им. Тараса Шевченко Института международных отношений ГЛОБАЛЬНОЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВО: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО И ГЛОБАЛЬНОГО КОНТЕКСТА	300

Секция 2. ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: МНОГООБРАЗИЕ ОПЫТОВ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

С. Р. АБРАМОВ , заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор КАЗУС ФИЛОНА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО: ОПЫТ ВСТРЕЧИ ИУДЕЙСКОЙ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ	302
--	-----

А. В. АГОШКОВ , главный редактор журнала «Вопросы культурологии», кандидат философских наук СОЦИАЛИЗМ КАК ПРОБЛЕМА, ЦЕННОСТЬ И КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.....	306
С. Н. АРТАНОВСКИЙ , доктор философских наук, профессор; Е. М. НИКИФОРЕНКО , сотрудник Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», кандидат искусствоведения НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ: ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА	307
Е. М. АСТАХОВ , профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ «РУССКОГО МИРА»	309
Г. В. АТАМАНЧУК , главный научный сотрудник НИИ системного анализа Счетной палаты РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ И НЕКОТОРЫЕ ОТВЕТЫ РОССИЙСКОГО СОЗНАНИЯ	311
В. П. БОЛЬШАКОВ , профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ПОЛИКУЛЬТУРНОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ	313
А. А. ГЕЗАЛОВ оғлы , старший научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, кандидат философских наук; А. А. ГАМЗАЕВ оғлы , директор Астаринского государственного педагогического техникума (Азербайджан), кандидат философских наук, заслуженный учитель Азербайджана ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ АКАДЕМИКА ЛИХАЧЕВА	314
Н. В. ГОЛИК , заведующая кафедрой эстетики и философии культуры Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ	315
В. В. ГОРШКОВА , заведующая кафедрой социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор ДИАЛОГ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТРАДИЦИОННОЙ И МОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	317
В. М. ДИАНОВА , профессор кафедры культурологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ТРАКТОВОК УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ	319
О. А. ЖУКОВА , профессор Столичной финансово-гуманитарной академии, доктор философских наук, кандидат культурологии НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ В ГЛОБАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ СОВРЕМЕННОСТИ: ВОЗМОЖЕН ЛИ НОВЫЙ УНИВЕРСАЛИЗМ?	321
С. Н. ИКОННИКОВА , заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор СПбГУП, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ «ТЕКУЧЕСТЬ» КАК МЕТАФОРА ИЗМЕНЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ	322
Е. А. КАЙСАРОВ , заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент ПРОСТРАНСТВЕННО-ПЛАСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	324
Д. Н. КАТЫШЕВА , профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАПАДНАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ТВОРЧЕСКИЙ ВЗАИМООБМЕН ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ИДЕЯМИ (XX–XXI вв.).....	326
В. Д. КОМАРОВ , профессор кафедры философии и психологии Государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Военного инженерно-технического института, доктор философских наук ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ИСТОРИЧЕСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ РОССИЙСКОЙ И ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	327
В. А. КОНЕВ , заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ МОДЕРНИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА В РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.....	330
С. М. ЛАРЬКОВ , президент Петербургского общества библиофилов УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	333
М. А. МАНУИЛЬСКИЙ , заместитель главного редактора журнала «Человек» (Москва), старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат философских наук ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	337
Б. В. МАРКОВ , заведующий кафедрой философской антропологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор ТРАДИЦИОННАЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРЫ	338
С. Т. МАХЛИНА , профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук СЕМИОТИКА КРИЗИСА	340
А. Н. МОСЕЙКО , ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент РУССКИЙ МИР В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ЗАПАД–РОССИЯ–ВОСТОК.....	342
К. С. ПИГРОВ , заведующий кафедрой социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ИНТИМНОГО ДНЕВНИКА	344

В. М. ПОМЕРАНЦЕВ , профессор кафедры технологии катализаторов Санкт-Петербургского государственного технологического института, доктор химических наук ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ОБЩИЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬ	345
Г. А. ПРАЗДНИКОВ , заведующий кафедрой философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПРАВСТВЕННАЯ УНИВЕРСАЛИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	348
Т. Б. СИДНЕВА , проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академия) им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор ДИАЛОГ ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО В ИСТОЛКОВАНИИ ГРАНИЦ ИСКУССТВА	350
Г. Ф. СУНЯГИН , профессор кафедры социальной философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК НОВАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ.....	351
В. И. ТОЛКАЧЕВ , ректор Международного института трудовых и социальных отношений (Минск, Республика Беларусь), кандидат исторических наук, доцент ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ.....	352
Л. И. ХАРЧЕНКОВА , заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, доктор педагогических наук, профессор ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	354
Ю. М. ШОР , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ ИХ ЕДИНСТВА И МНОГООБРАЗИЯ	356

Секция 3. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПОИСК РЕШЕНИЙ

М. М. АРТЮХИНА , начальник Управления социального партнерства Межрегионального объединения «Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области», заслуженный экономист РФ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ	358
В. Г. ДЕРБИН , председатель Межрегионального объединения «Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области» ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИИ В СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА	359
В. Ю. ЗОРИН , заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 2-го класса ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2002 ГОДА.....	361
Д. В. ЛОБОК , заведующий лабораторией по анализу и прогнозу профсоюзного движения СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент ГЛОБАЛЬНЫЙ РЫНОК ТРУДА И ПРОФСОЮЗЫ	369
Б. И. МАКСИМОВ , ведущий научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург), кандидат философских наук ИНОСТРАННЫЕ И СОВМЕСТНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В РОССИИ КАК АГЕНТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	371
В. Д. РОЖКОВ , ректор Негосударственного образовательного учреждения Института дополнительного профессионального образования «АТОМПРОФ», доктор экономических наук РЫНОК ТРУДА. ВОПРОСЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	373
А. Ю. ШЕВЯКОВ , директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, доктор экономических наук, профессор ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА	374

Секция 4. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ , заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ.....	376
С. А. БОГОЛЮБОВ , заведующий отделом аграрного, экологического и природоресурсного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ИДЕИ И ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ.....	378
К. А. ГЕЗАЛОВА гызы, младший научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана ПРАВОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ	380
В. Г. ГРАФСКИЙ , главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор РУССКАЯ ПРАВОВАЯ ФИЛОСОФИЯ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР (Из опыта XIX и XX вв.)	382
А. А. ДЖАГАРЯН , советник судьи Конституционного Суда РФ, кандидат юридических наук НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ — КОНСТИТУЦИОННЫЙ ФАКТОР МУНИЦИПАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ	383

Е. М. ДОРОВСКИХ , заместитель главного редактора «Журнала российского права», научный сотрудник сектора политологических исследований Института государства и права РАН, кандидат юридических наук	
КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	385
А. А. ДОРСКАЯ , заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, доцент	
СООТНОШЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (На примере свободы совести)	387
Н. В. КОЛОТОВА , ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук	
СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА В РАЗЛИЧНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ: КОНСТИТУЦИОННЫЙ УРОВЕНЬ	388
И. Ю. КОТЕНКО , ведущий ассистент директора Нидерландской школы по исследованиям в области прав человека, магистр права	
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТВО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ: ПУТИ К ВОССОЕДИНЕНИЮ	391
Н. А. КРАШЕНИННИКОВА , профессор кафедры истории государства и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук	
СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ИНДИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	394
А. В. ЛАВРЕНКО , руководитель Следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре РФ по Санкт-Петербургу	
УРЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	396
В. В. ЛАПАЕВА , главный научный сотрудник Института государства и права РАН, советник Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ	
ПРАВОПОНИМАНИЕ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ (Сравнительный анализ российской и западноевропейской правовой мысли)	399
С. А. МАРКОВА-МУРАШОВА , профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета (Краснодар), доктор юридических наук, доцент	
ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ (На примере семейного права)	400
Р. Н. МИНЧЕНКО , заведующая кафедрой гражданского процесса Одесской национальной юридической академии, доктор юридических наук, заслуженный юрист Украины	
ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВОПОЛАГАЮЩИМ СВОБОДАМ НА ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В УКРАИНЕ	402
А. А. МОИСЕЕВ , профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД РФ, руководитель Центра международного права и международной безопасности Института актуальных международных проблем ДА МИД РФ, доктор юридических наук	
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВ	404
Г. И. МУРОМЦЕВ , профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук	
СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ	405
М. В. НЕМЫТИНА , заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук, профессор	
МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ, ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ	407
С. В. ПОЛЕНИНА , главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ	
ИНСТИТУТ БРАКА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ	409
Р. А. РОМАШОВ , начальник Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КСЕНОФОБИИ НАЦИОНАЛЬНОГО, РАСОВОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ПРОЦЕССЕ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР	411
Р. А. САФАРОВ , доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российской академии правосудия (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук	
О РЕЦЕПЦИИ ИНСТИТУТОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР ПРИ ПРОВЕДЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	413
С. А. СМЕРНОВА , начальник Северо-Западного регионального центра судебной экспертизы Министерства юстиции РФ (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ	
К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	415
И. А. СОБОЛЬ , профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, заслуженный работник высшей школы РФ	
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ОТРАЖЕНИЕ В МОДЕЛЬНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ АКТЕ	417
И. Л. ЧЕСТНОВ , профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции	
КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СОВРЕМЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	419

В. Е. ЧИРКИН , главный научный сотрудник сектора сравнительного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ КОНВЕРГЕНЦИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ И НЕСОВМЕСТИМОСТЬ НЕКОТОРЫХ ИНСТИТУТОВ В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	420
--	-----

Секция 5. ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТОКИ КАК ФАКТОР МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТОКИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИЙ КУЛЬТУРЫ	425
М. Б. КАСЕНОВА , профессор кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД РФ, кандидат юридических наук МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТОМ	428
В. К. МАМОНТОВ , президент ОАО «Редакция газеты «Известия» МИР НА ПОРОГЕ ТЕКТОНИЧЕСКИХ ПЕРЕУСТРОЙСТВ	430
А. П. МАРКОВ , профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук, доктор культурологии, заслуженный деятель науки РФ ГЛОБАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА: ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»	432
Л. В. МАТВЕЕВА , профессор кафедры методологии психологии МГУ им М. В. Ломоносова, профессор МГИМО (Университет) МИД РФ и Московского государственного педагогического университета, доктор психологических наук ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ И ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОРЫ В МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ	435
Д. В. МИНАЕВ , заведующий кафедрой экономики СПбГУП, доктор экономических наук, профессор ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ МЕДИАСФЕРЫ В СТАНОВЛЕНИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	437
Л. Я. НЕДЛИН , заместитель руководителя филиала «Газпроммедиа» в Санкт-Петербурге ГЛОБАЛЬНЫЕ НОВОСТИ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	440

Секция 6. РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В. Ф. БОГАЧЕВ , профессор кафедры коммерческой деятельности и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, кафедры экономики СПбГУП, доктор экономических наук ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ	442
М. А. ГУСАКОВ , заведующий лабораторией Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА КАК ПОДСИСТЕМА ИННОВАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ОБЩЕСТВА	444
С. А. ДЯТЛОВ , профессор кафедры общей экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук ИННОВАЦИОННАЯ ГИПЕРКОНКУРЕНТНОСТЬ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ	446
А. И. ЕВДОКИМОВ , заведующий кафедрой международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук, профессор КУЛЬТУРНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ	448
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА: К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ	449
Т. В. ИВАШКОВСКАЯ , доцент кафедры философии Северо-Западной академии государственной службы (Санкт-Петербург), кандидат философских наук; В. А. ПАВЛОВ , доцент кафедры истории и мировой политики Северо-Западной академии государственной службы, кандидат философских наук ПРОТИВОРЕЧИЯ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ ЭКОНОМИКИ	452
В. А. КАМЕНЕЦКИЙ , ректор Академии труда и социальных отношений (Москва), доктор экономических наук, профессор УТРАЧЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?	453
М. С. МОТЫШИНА , декан экономического факультета СПбГУП, заведующая кафедрой управления, доктор экономических наук, профессор СФЕРА УСЛУГ И РАЗВИТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ	455
И. Н. ПАНАРИН , декан факультета международных отношений Дипломатической академии МИД России, доктор политических наук, профессор МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ	457
Л. А. ПАСЕШНИКОВА , первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ИНСТИТУТА АКАДЕМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	461
С. А. РОГИНКО , руководитель программы экологических исследований Института Европы РАН, кандидат экономических наук ПРОБЛЕМА КЛИМАТА — ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ ИЛИ КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ?	463

Ф. Ф. РЫБАКОВ , заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ УСЛУГИ В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	466
Г. Ф. ФЕЙГИН , профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕНЕДЖМЕНТА	468

Секция 7. СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ К ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

А. Г. ВАСИЛЬЕВ , заместитель директора по научной работе Российского института культурологии (Москва), кандидат исторических наук, доцент НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРИУМФЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАВМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ	471
Н. Ф. ВЫСОЦКАЯ , профессор Белорусского государственного университета (Минск), доктор искусствоведения ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СТИЛИСТИКИ БАРОККО В МОСКОВСКОЙ РУСИ: ПРЕДПОСЫЛКИ ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО XVII ВЕКА	473
Л. Н. ГОНЧАРЕНКО , заведующий кафедрой истории и политологии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор исторических наук, профессор О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗРАБОТКИ ИСТОРИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ.....	475
В. К. КАРНАУХ , профессор кафедры философии и политологии Санкт-Петербургского торгово-экономического института, доктор философских наук ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	477
И. В. ПАЛАГУТА , доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат исторических наук КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	479
Р. А. УРИЦКАЯ , заведующая кафедрой истории СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент ПРОЕКТ «ЕВРОПА»: 400 ЛЕТ ИСТОРИИ (1610–2010)	480
П. Н. ХМЫЛЕВ , профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук АЛЬФРЕД ХЕЙЗ И ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЯ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ.....	482

Секция 8. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

В. И. АДИШЕВ , декан факультета музыки, заведующий кафедрой музыковедения и музыкальной педагогики Пермского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор ВЫСШЕЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И ЕВРОПЕ: РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	484
Т. Н. БАЛОБАНОВА , доцент кафедры педагогических технологий в профессиональном образовании Ленинградского областного института развития образования (Пушкин), кандидат педагогических наук ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	485
Г. А. БЕРУЛАВА , член-корреспондент РАО, председатель Южного отделения РАО, директор Института образовательных технологий РАО, ректор Черноморской гуманитарной академии (Сочи), доктор психологических наук, профессор; М. Н. БЕРУЛАВА , академик РАО, ректор Университета РАО (Москва), доктор педагогических наук, профессор МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.....	488
Е. В. БОНДАРЕВСКАЯ , академик РАО, заведующая кафедрой педагогики Педагогического института Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ ВОСПИТАНИЕ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ	490
А. П. ВАЛИЦКАЯ , член-корреспондент РАО, заведующая кафедрой этики и эстетики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор ЦЕННОСТИ КУЛЬТУР И ОБРАЗОВАНИЕ.....	493
Л. М. ВАНЮШКИНА , заведующая кафедрой культурологического образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, доктор педагогических наук, профессор ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО ЗНАКОВОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ.....	494
Н. В. ВАСИЛЕНКО , доцент кафедры теоретической экономики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, кандидат педагогических наук ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ЗА И ПРОТИВ	496
В. Н. ВАСИЛЬЕВ , член-корреспондент РАО, председатель Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга, ректор Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики (технический университет), доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ РОССИЙСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА КАК СУБЪЕКТ МИРОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	497
Ю. С. ВАСИЛЬЕВ , академик РАН, президент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ; В. Н. КОЗЛОВ , проректор по учебно-методическим объединениям (УМО) Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор технических наук, профессор; П. И. РОМАНОВ , директор Научно-методического центра УМО вузов России, доктор технических наук, профессор ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ В СПЕЦИАЛИСТАХ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	498

А. А. ГАЛИЦКИХ , заместитель председателя правительства Кировской области, кандидат педагогических наук, заслуженный учитель РФ	
ДИАЛОГ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ РЕГИОНА	500
Е. О. ГАЛИЦКИХ , заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Вятского государственного гуманитарного университета (Киров), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ	
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО ГЛОБАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	502
О. В. ГУКАЛЕНКО , член-корреспондент РАО, профессор кафедры педагогики Педагогического института Южного федерального университета, председатель Комитета Верховного совета Приднестровской Молдавской Республики по вопросам образования, науки, культуры, семьи и детства, доктор педагогических наук	
ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	503
Ю. С. ДАВЫДОВ , академик РАО, президент Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ; А. Ю. ДАВЫДОВ , доцент ПГЛУ, кандидат экономических наук	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	506
А. Я. ДАНИЛЮК , член-корреспондент РАО, главный редактор журнала «Педагогика», доктор педагогических наук, доцент	
ГЛОБАЛИЗИРУЮЩИЙСЯ МИР И ПРИОРИТЕТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ	508
И. А. ЗИМНЯЯ , академик РАО, заведующая сектором Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
ЕДИНОЕ И ЕДИНИЧНОЕ В ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ (Пример компетентностного подхода)	511
Л. С. ИЛЮШИН , профессор кафедры непрерывного филологического образования и образовательного менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, доктор педагогических наук	
СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК РЕСУРСЫ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ В МИРОВОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО	513
В. П. КАЗАРИН , заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь), доктор филологических наук, профессор	
НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ	514
И. А. КАРАЧЕВЦЕВ , директор гимназии № 166 (Санкт-Петербург), заслуженный учитель РФ, почетный работник общего образования РФ	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ: НОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЛИ НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ДИСЦИПЛИН?	515
О. В. КАШИРИНА , доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, доктор философских наук	
МЕТАОБРАЗОВАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	516
Т. П. КИБАЛЬНИК , директор гимназии № 171 (Санкт-Петербург), заслуженный учитель РФ, отличник просвещения РФ; Н. А. СИНИЦЫНА , заместитель директора гимназии № 171, почетный работник общего образования РФ	
ДВУЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ИНТЕГРАЦИИ ОБУЧАЕМЫХ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО	518
Н. Н. КИРИЛЛОВА , профессор кафедры французского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кафедры немецкого и романских языков СПбГУП, доктор филологических наук	
СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ ЯЗЫКОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	519
В. А. КУДИН , начальник Санкт-Петербургского университета МВД России, генерал-лейтенант милиции, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	520
В. Д. КУРГАНСКАЯ , ведущий научный сотрудник Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы), доктор философских наук, профессор	
«МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ» В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЯХ ОБРАЗОВАНИЯ	522
О. Е. ЛЕБЕДЕВ , член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор	
ШКОЛА КАК ЛОКУС ПЕРЕСЕЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ	523
С. В. ЛЕВКОВЕЦ , учитель средней общеобразовательной школы № 658 (Санкт-Петербург)	
ОРИЕНТАЦИЯ НА ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	525
Ф. А. ЛЕЙКИНА , учитель средней общеобразовательной школы № 367, методист кабинета словесности Научно-методического центра Фрунзенского района Санкт-Петербурга, заслуженный учитель РФ	
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ КАК СРЕДСТВО ДИАЛОГА В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ	526
В. П. МАКСАКОВСКИЙ , академик РАО, заведующий кафедрой экономической и социальной географии Московского государственного педагогического университета, доктор географических наук, профессор	
О ЗАИМСТВОВАНИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ОПЫТА	527
В. Н. МАКСИМОВА , заведующая кафедрой теории и методики непрерывного образования Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
НАПРАВЛЕНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	529
И. А. МАКСИМЦЕВ , ректор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук, профессор; Я. Я. КЛЕМЕНТОВИЧУС , директор Международного института экономики и политики СПбГУЭФ, доктор экономических наук, профессор	
ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПОДГОТОВКУ СПЕЦИАЛИСТОВ РОССИЙСКИМИ УНИВЕРСИТЕТАМИ	530

В. А. МОСОЛОВ , профессор межфакультетской кафедры педагогики Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор педагогических наук, кандидат философских наук	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ТРЕБОВАНИЯ К ЗНАНИЯМ	534
Л. М. МОСОЛОВА , заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ	535
Г. В. МУХАМЕТЗЯНОВА , академик РАО, директор Института педагогики и психологии профессионального образования РАО (Казань), доктор педагогических наук, профессор	
ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА	538
В. С. МУХИНА , академик РАО, заведующая кафедрой психологии развития Московского государственного педагогического университета, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
ПРОБЛЕМЫ БЫТИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОТЕНЦИАЛОВ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	541
Б. М. НЕМЕНСКИЙ , академик РАО, академик Академии художеств, профессор, народный художник РФ	
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ШКОЛЕ КАК ПУТЬ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ НАРОДОВ	543
А. М. НОВИКОВ , академик РАО, руководитель Центра проблем непрерывного образования Института теории и истории педагогики РАО, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель РФ	
О СТРУКТУРЕ КУЛЬТУРЫ В ОТНОШЕНИИ СТРУКТУРЫ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	545
А. А. ОВОДЕНКО , ректор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
СПБГУАП В КОНТЕКСТЕ ВОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА	548
Б. Д. ПАРЫГИН , почетный заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	549
М. Б. ПИЛЬДЕС , директор гимназии № 56 (Санкт-Петербург), народный учитель РФ	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ШКОЛЫ	551
Ю. В. СЕНЬКО , академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	
ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПУТЯХ ЕГО ГЛОБАЛИЗАЦИИ	552
Н. В. СЕРОВА , директор Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета	
ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ЗАДАЧА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	554
Т. А. СКОПИЦКАЯ , методист факультета развития профессионального образования Ленинградского областного института развития образования	
ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ ...	556
Г. В. СТАДНИКОВ , заведующий кафедрой зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЛЕКЦИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ	557
В. Е. ТРИОДИН , директор Института образования взрослых РАО (Санкт-Петербург), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ	
НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	559
А. А. ФАКТОРОВИЧ , руководитель отдела программ и технологий высшего и послевузовского образования Центра начального, среднего, высшего и дополнительного профессионального образования Федерального института развития образования (Москва), кандидат педагогических наук	
КАЧЕСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: РОССИЙСКИЕ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ	561
В. Я. ФЕТИСОВ , профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ	
ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ОБЩЕСТВА И РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ	564
Г. Н. ФИЛОНОВ , академик РАО, советник президента РАО, доктор философских наук, профессор	
РАЗВИВАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ МИРОВОЗЗРЕНИЯ	565
М. Н. ФРОЛОВСКАЯ , доцент кафедры педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), кандидат педагогических наук	
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА ПЕДАГОГА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	566
М. А. ХМЫРОВА , директор средней общеобразовательной школы «Международный лицей СПбГУП»	
РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЛИЦЕЕ СПБГУП	568
А. А. ШЕХОНИН , проректор по учебно-методической работе, заведующий кафедрой прикладной и компьютерной оптики Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики (технический университет), кандидат технических наук, профессор	
ЗАДАЧИ ВУЗОВ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТУДЕНТОВ НА МИРОВОМ РЫНКЕ ТРУДА	569
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	571

Пленарное заседание ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

13 мая 2010 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова, СПбГУП

Сопредседатели заседания:

Д. А. ГРАНИН	соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, писатель, почетный гражданин Санкт-Петербурга, почетный доктор СПбГУП
А. Д. НЕКИПЕЛОВ	вице-президент Российской академии наук, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ	председатель Конгресса петербургской интеллигенции, директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор

Д. А. Гранин¹

К ВОПРОСУ О ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

У меня дома есть железная коробка, где я храню различные награды. Когда я положил в нее свой немецкий орден, там поднялся невообразимый шум. Больше всех шумели мои фронтовые ордена. Они хотели выбросить немца. Участвовать в этом скандале не хотелось, и я ушел, решив, что сами разберутся. Так и случилось. Прошло время, шум утих. Видимо, что-то позволило им теперь быть вместе.

*(Записано А. С. Запесоцким
по итогам беседы незадолго до 9 мая 2010 года)*

¹ Писатель, Герой Социалистического Труда, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, член Общественной палаты РФ, почетный доктор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов.

Автор книг: «Искатели», «Иду на грозу», «Эта странная жизнь», «Клавдия Вилор», «Блокадная книга» (в соавт. с А. Адамовичем), «Картина», «Зубр», «Бегство в Россию», «Вечера с Петром Великим», «Интелегенды», «Д. А. Гранин — Университетские встречи. 33 текста», «Причуды моей памяти», «Как работать гением : [сб.]», «Место для памятника», «Скрытый смысл», «Все было не совсем так» и др.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» III степени, крестом за заслуги I класса — Офицерский крест (ФРГ), орденом Святого апостола Андрея Первозванного и др. Лауреат государственных премий СССР и России, премии Президента РФ в области литературы и искусства, премии Правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры, премии Гейне. Лауреат Международной премии за развитие и укрепление гуманитарных связей в странах Балтийского региона «Балтийская звезда».

Л. И. Абалкин¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА И КУЛЬТУРА

В современном мире проходит ряд радикальных перемен. И одной из ведущих тенденций является экономическая, социальная и научно-техническая глобализация. Ее различные аспекты были и остаются предметом споров и дискуссий. Серьезные аргументы высказывают как сторонники глобализации, так и антиглобалисты.

Подтверждением этих различий явился и симпозиум, проведенный в 2009 году в Институте мировой экономики и международных отношений РАН. По теме глобализации докладчиком выступил доктор экономических наук В. Л. Иноземцев. Однако дискуссия к единому мнению не привела. Никакого сближения позиций не происходит.

В чем здесь причина? Чтобы подойти к ответу, начну с примера из своей молодости. Мой однокашник по аспирантуре защищал в начале 1960-х годов диссертацию. На совете ему был задан вопрос: «Является научно-техническая революция бедой или благом для рабочего класса?» Время, когда проходила защита, показывает тогда актуальную тему.

Мой коллега отвечал вначале как-то неуверенно и ему повторили вопрос. Тогда он вспомнил методологию и четко сформулировал ответ, почти по К. Марксу. Машина, как объективная данность, увеличивает объем производства, насыщает рынок товарами, повышает производительность труда. Выступать против машин — значит плевать против ветра. Так, кстати, поступали луддиты, боровшиеся против машин «вообще».

Но машина не только объективная данность. Ее использование связано с социально-экономической формой применения. И в условиях того времени она имела капиталистическую форму: привлекала к работе женщин и детей, калечила их здоровье, удлиняла рабочий день. Вот почему следует бороться не с машиной, а с формами ее применения. А она носила в то время капиталистический облик.

По мере становления гражданского общества, формирование социального государства, массового рабочего движения эти противоречия начали сниматься. Появились новые законодательные акты, запрещалось применение детского труда, сокращалась продолжительность рабочего дня. Это происходило в наиболее развитых странах, в том числе и в России.

¹ Академик РАН, научный руководитель Института экономики РАН (Москва), главный редактор журнала «Вопросы экономики», доктор экономических наук, профессор.

Автор около 800 научных публикаций, 24 книг, в том числе: «Политическая экономия и экономическая политика», «Хозяйственный механизм развитого социалистического общества», «Заметки о российском предпринимательстве», «Конечные народнохозяйственные результаты (сущность, показатели, пути повышения)», «Новый тип экономического мышления», «Россия: поиск самоопределения».

Почетный президент Международного фонда Николая Кондратьева, вице-президент Вольного экономического общества России и Международного союза экономистов, почетный профессор университета Тсинхуа в Пекине, член Нью-Йоркской академии наук, академий наук Белоруссии и Грузии, Международной экономической академии «Евразия».

Сегодня, если говорить о «золотом миллиарде» жителей планеты, капиталистический облик применения машин ушел из жизни.

А теперь вернемся к поставленному вопросу. Главная причина антагонизма между глобалистами и антиглобалистами состоит в методологическом бескультурии. Неумение разглядеть двойственность глобализации: ее объективную основу и социально-экономическую форму. А последняя в большинстве своем носит империалистический облик. Такова сегодня реальность, и игнорировать ее недопустимо.

Большинство этой двойственности не замечает. Настроения людей питаются современными средствами массовой информации. Им важно схватить что-то острое, привлечь внимание читателей, накалить страсти. Судьбы людей и общественных движений в современном мире не интересуют средства массовой информации. А они сегодня являются первой властью. Что касается научной проработки, то это дело профессиональных исследователей, хотя и среди них сохраняются противоречия.

И вот здесь возникает вопрос о демократии и культуре. Не может быть единой модели демократии для различных стран мира. Попытка навязать такой подход, который пытаются применить США при всем их могуществе, не может подходить для Китая и Индии, для исламских государств.

Культура является не чем-то изолированным, а вплетена в ткань социальной жизни. Это общественная форма жизни со своими традициями, ценностями, менталитетом граждан.

В 2000 году Э. Я. Баталов в своей статье «Русская идея и американская мечта» писал: «американская мечта проникнута духом национального превосходства, избранности и проистекающего отсюда мессианизма. Янки убеждены, что Соединенные Штаты — “Град на холме”, путеводная звезда, по которой должны сверять свой исторический маршрут другие народы, а Америка имеет моральное право при необходимости корректировать его».

Отличие от глобализации, культура по своей природе национальна. В свое время Л. Н. Гумилев раскрыл примитивность рассуждений о создании единой мировой культуры. Он убедительно показал, что «общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна». «Известно, — писал он, — что жизнеспособна и успешно функционировать может лишь система достаточно сложная. Общечеловеческая “культура” возможна лишь при предельном упрощении (за счет уничтожения национальных культур). Предел упрощения системы — ее гибель».

Мир культуры многоцветен, и в этом его достоинство. Знакомство с чужой культурой обогащает кругозор человека, сближает его с другими странами, формирует взаимоуважение между народами. Это путь к широкому мировоззрению.

Очень близка и понятна мысль академика Д. С. Лихачева о том, что именно культура «делает

людей, населяющих определенное пространство, из простого населения народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства».

Поэтому понятно, что для столь важного сегодня самосознания духовной уникальности России их корни следует искать в прошлом, ушедшем, но бессмертном. Во многом забытом, но крайне актуальном.

В 2000 году на состоявшейся в Москве конференции Римского клуба принц Иордании Аль Хасан бин Талал остановился на проблеме сочетания глобализации и культуры. Он отмечал, что «чем быстрее мы будем двигаться в сторону универсализации, тем сильнее проявятся культурные различия. Поэтому нельзя говорить о глобализации как ведущей тенденции мира и одновременно забывать культурные, религиозные и исторические ценности, унаследованные от прошлого. Учет национальных особенностей моей или иной страны — традиционный подход, и он бу-

дет оставаться в инструментарии ученых до тех пор, пока будут существовать различия не только для мира, но и для отдельного человека».

Важно подчеркнуть, что преобразования в культуре сложнее, чем в технике или даже в экономике. Техника и экономика являются вторичными по отношению к культуре. Не все согласны с таким выводом, но он органически вытекает из всей истории прогресса общества.

Однако, когда мы анализируем этот аспект, возникают не очень оптимистические воспоминания. Причем для культуры в самом ее широком понимании, что наводит на достаточно грустные размышления. Они усиливаются серьезными провалами в современном духовном положении россиян, культуры и нравственный облик которых уступают прошлому.

История показывает, что в смутное время (а именно таким оно выглядит сегодня) находились решения для культурного прорыва. Хотелось бы надеяться, что и в наши дни оно совершится.

А. А. Авдеев¹

КУЛЬТУРА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА И ЕЕ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА

В последние десятилетия значение культуры необычайно возросло. Об этом свидетельствуют частые дискуссии о сохранении культурного наследия, бурное развитие культурологии, работа по совершенствованию законодательства о культуре и многое другое. Можно констатировать, что идеи, высказанные когда-то Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, получают свое воплощение и развитие.

Мы постоянно задаемся вопросом о том, что может культура и в каком состоянии она находится. Поэтому сегодня нужно вспомнить фундаментальные идеи российских ученых, живших в России или уехавших за рубеж, например Питирима Сорокина, труды которого издаются в мире огромными тиражами. Я хочу лишь напомнить о его важной идее переходности в культуре, когда одна система ценностей распадается, а другая возникает и находится в стадии становления. Еще одна идея — о том, что состояние культуры (а вовсе не экономика, как мы привыкли считать) вызывает большинство противоречий, катастроф, имеющих место в государственной, общественной и частной жизни. По моему мнению, эти идеи, высказанные 70 лет назад, сегодня как никогда актуальны.

В какой бы ситуации ни находилась культура, мы приблизились к тому состоянию, когда большинство

вопросов социальной жизни невозможно разрешить без учета культуры. Некоторые ученые объясняют возрастание роли культуры уменьшением важности идеологии. Думаю, этот тезис — особенно актуальный для нашей страны — требует расшифровки.

Упразднение идеологии, которая имела место в СССР, поставило перед обществом важнейшую задачу — найти средства для обеспечения духовного единства людей, того, что в науке называют культурной идентичностью. Эта проблема в последние годы стала весьма актуальной для гуманитарных наук. Идентичность — потребность человека ощущать себя частью сообщества. В условиях распада советской империи эта потребность особенно обострилась. Духовное единство — фактор психологический, а не экономический, поэтому раньше (но не сейчас) мы мало обращали на него внимания.

Как бы мы ни оценивали упраздненную идеологию, она тем не менее действовала как объединяющая сила и на определенном этапе способствовала выживанию государства в непростых исторических условиях. Российская цивилизация с помощью идеологии объединяла десятки этносов на наднациональной основе. Это была уникальная историческая ситуация, уже ушедшая в прошлое.

Для нашей науки, долгое время исходившей из марксистской ориентации, а следовательно, из экономического фактора при объяснении общественных явлений, функция идеологии как наднациональной основы единства была неявной. Когда идеология упраздняется, возникает серьезная проблема общественной интеграции — первостепенная проблема для выживания любого сообщества. Я вовсе не призываю вернуться к прежней идеологии. Речь идет

¹ Министр культуры РФ.

С 1968 года — на дипломатической службе. Был атташе Посольства СССР в Алжире, первым секретарем посольства СССР во Франции, в разные годы — Чрезвычайным и Полномочным Послом в Люксембурге, Болгарии, Франции. Работал заместителем министра внешних сношений СССР, заместителем министра иностранных дел РФ, первым заместителем министра иностранных дел РФ. С 2008 года — министр культуры РФ.

о том, что функции, которые она раньше выполняла, теперь должны осуществляться другим институтом.

Это обстоятельство было давно отмечено социологической наукой: любая попытка ликвидировать социальную структуру обречена на провал, если не обеспечить ей альтернативы для выполнения важнейших социальных функций. Что это за альтернатива? Полагаю, что место идеологии в обеспечении солидарности общества все более закрепляется за культурой.

Но отсюда вытекают важные следствия. Если за единение отвечает культура, то идеологическое стирание различий во имя солидарности уже не действует. Современность живет идеей, что культура не одна, культур много. И поэтому теперь — во имя единства — мы должны принимать во внимание этнические, национальные, конфессиональные и другие особенности населяющих Россию народов. Все они помогают увидеть в российской цивилизации не только общее, но и различное, чего еще недавно, казалось, не было или что не играло существенной роли. Если различия не принимаются во внимание, возникают обиды, конфликты, противостояния и то, что нас сегодня особенно беспокоит, — националистические настроения, терроризм и экстремизм, возникающий на религиозной почве.

Так, констатируя повышение роли культуры в современном обществе, мы естественно приближаемся к центральной проблеме данных научных Чтений — диалогу. Современность — это время, когда активизируется культурный потенциал каждой социальной группы: и здесь невозможно без диалога. Диалог — новая основа для взаимодействия и между народами, и между цивилизациями; это средство раскрытия их культурного потенциала. Для многонациональной России это особенно актуально.

Конечно, установлению диалога способствуют процессы демократизации и либерализации, сегодня получающие развитие в России. Однако пока нельзя утверждать, что культура на современном этапе уже в полной мере доказала, что она способна осуществлять эти функции. Может быть, настоящий период — это лишь начало трудного пути, по которому мы должны двигаться. Это обстоятельство наводит на мысль, что под культурой нужно понимать более широкий круг явлений, чем обычно подразумевается. Культуру нельзя свести только к искусству. У нас, практиков и организаторов этого процесса, есть большая просьба к представителям гуманитарных дисциплин: продолжать исследовать этот вопрос.

Когда мы говорим о повышении роли культуры, замене ею идеологии, необходимости диалога, то не должны ограничиваться только Россией времени распада старой политической системы, конца XX века. Россия — это важное звено в мировом культурном процессе. Возникновение большевистской идеологии во многом было обусловлено переходом человечества от доиндустриальной цивилизации к индустриальной; в России этот переход был запоздалым. Распад традиционного общества привел к «омассовлению» всех проявлений общественной жизни. Беспрецедентная в истории «смута» приве-

ла к решению вопроса коллективной солидарности на наднациональной и надличностной основах.

Сегодня мир находится в ситуации нового перехода — к постиндустриальной цивилизации. И вновь становится актуальной проблема коллективной солидарности, причем для всех народов и цивилизаций. Европейская и американская гуманитарная наука в XX веке с неменьшей остротой поднимала проблемы общественной идентичности, в том числе проблему глобализации, вызывающую наибольшие дискуссии.

Прежде всего необходимо признать, что глобализация — это необходимый и органичный для истории процесс, начавшийся не сегодня и не вчера. Одни исследователи связывают начало его отсчета с эпохой завоевательных походов Александра Македонского или возникновения христианства, а другие — с эпохой образования Римской империи или открытия Америки Колумбом. В любом случае процесс, который мы называем глобализацией, не нов. В настоящее время он имеет интенсивный характер в результате стремительного развития новых информационных и коммуникационных технологий.

Многие видят опасность глобализации в том, что она стремится возратить всех к наднациональному единству, характерному для эпохи тоталитарных режимов. Благодаря распространению западных стандартов жизни, в том числе на товары широкого потребления и условия повседневного быта (главной силой и потребителем этого распространения признается международный туризм), происходит стирание различий во внешних проявлениях жизни, а именно их мы называем культурой в широком смысле слова. Унификация и разнообразие, конечно, противоположны друг другу. Но действительно ли глобализм в таком понимании представляет фатальную угрозу культуре?

Быт — самый консервативный хранитель культурных традиций, но в нем тоже есть творческое начало. Творчество заключено в свободном выборе способа жизни: в том, как обставить свое жилище, какой приготовить ужин, как одеться и т. д. Свобода выбора — безусловная и несомненная ценность демократического общества. Но свобода заключается также и в том, чтобы отказаться от традиции, которую человек и общества признают нежизнеспособной. В современном мире (это отчетливо видно на примере России) мы все больше сталкиваемся с тем, что результатом свободного выбора является предпочтение западных стандартов жизни, прагматических ценностей быта, которые несет глобальный рынок (через рекламу, гипермаркеты и т. д.). В трудные 1990-е многие иностранные туристы, посещавшие Россию, желали увидеть знаки советской эпохи, уже тогда превращавшейся в туристскую экзотику. Для местных жителей глотком свежего воздуха было соприкосновение с глобальным рационализмом, обеспеченностью и прагматикой западного быта, с тем чтобы почувствовать себя частью общей цивилизации.

Я полагаю, что главная опора глобализма — это необразованность или нечувствительность людей в культурном отношении. Человек, чувствительный

к культуре, всегда задает себе вопрос о смысле любого явления, в том числе того, которое подается как последняя новинка западной цивилизации. Изменение культуры быта (если оно происходит в обществе свободно, в сторону большей прагматизации) само по себе не страшно. Но глобализм станет настоящей угрозой, если угаснет национальное гуманитарное образование, в котором важную роль должно играть образование в сфере искусства. Именно в нем залог того, что в обществе сохраняется способность производить уникальные культурные ценности, залог уважения к культурным традициям, умения узнавать и сохранять ценности, не подвластные времени.

Объединение разных культур в единую сферу коммуникации — благородная цель. Именно ее мы должны преследовать в процессе глобализации. Но драматизм современной эпохи состоит в том, что реальная глобализация не отвечает этой цели. Почему сегодня стало возможным такое отклонение? На мой взгляд, это отклонение связано с отсутствием диалога между цивилизациями. Отсутствие диалога ведет к конфликтам.

Почему сегодня разные народы трудно понимают (вернее, не принимают) друг друга? Конечно, этот вопрос возникает не только по отношению к современности, но и к истории (к античной проблеме варварства и эллинизма и т. д.). Немецкий историк Эрнст Трельч писал, что великие культуры Запада, ислама, Китая и Индии понимают лишь самих себя, пользуясь контрастами как средством для самопонимания, то есть он отмечает монологичность великих народов.

То обстоятельство, что мировое взаимодействие цивилизаций происходит по принципу монолога, а не диалога, в начале XX века пытался осмыслить еще один знаменитый немец — Освальд Шпенглер. Мы уже успели забыть, что Первая мировая война, на взгляд современников, была реакцией на очередной интенсивный виток глобализации — как вестернизации. Рубеж XIX—XX веков, казалось, свидетельствовал о наступлении оптимистической эпохи, реализации классических идей гуманности и свободы, наследником которых мыслит себя Запад. Казалось, мир был как никогда един. Не находимся ли мы сегодня в аналогичной ситуации?

Ученые писали, что XIX век был временем перехода человечества к новому единому миру. Но почему этот процесс с благородными целями объединения завершился ужасающим конфликтом и разрушениями? Может быть, дело в том, что глобализация, которая должна была развертываться в форме диалога, где каждая цивилизация сохраняет свой голос и свободу выражения, в реальности осуществлялась монологически? Мы всегда должны помнить об опасности: монологичность международной культурной политики чревата имперскими установками, которые могут породить конфликты.

Следует затронуть вопрос о связи процессов глобализации с идеологией либерализма в западноевропейском или американском прочтении: противоречит ли эта идеология историческому опыту России? Собственно, это вопрос о способности или неспособности русских к либерализации, построению гражданского общества, демократическим ценностям. В связи с этим я приведу высказывание русского философа Ф. А. Степуна, которое он произнес в середине 1920-х годов в Берлине, в период вынужденной эмиграции: «В идее демократии как таковой нет ничего претящего русскому духу. Быть может, даже наоборот. Быть может, как раз в России заложена возможность подлинно духовно углубленного демократизма».

Однако если от политических моделей вновь обратиться к культуре, то необходимо сделать вывод, что лишь на основе культуры могут быть достигнуты истинное самовыражение каждого народа и диалог между разными цивилизациями. Любое блокирование процессов развития национальных культур чревато конфликтами.

Деятельность людей культуры, ученых преследует благородную цель — погружение в уникальный культурный мир каждого народа, его изучение и пропаганду. Мы должны пробить брешь в тех ментальных барьерах, которые сопутствуют монологизму великих культур. Именно это обстоятельство должно способствовать укреплению диалога, сопровождающего глобализационные процессы. В этом залог успеха движения человечества к единству, являющегося в наше время универсальным мировым процессом. Эту миссию мы, люди культуры, ощущаем со всей ответственностью.

Панко Анчев¹

ЗАКАТ КУЛЬТУРЫ КАК НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

Культура в эпоху атеизма и секуляризации исполняет роль религии, то есть связывает людей на основе общих ценностей, принципов, критериев, мораль-

¹ Главный редактор литературно-художественного журнала «Просторы» (Болгария), председатель Варненского отделения Союза болгарских писателей. Автор многочисленных научных публикаций, в т. ч. книг: «Творцы и слово», «Философия на литературната история», «Разумът в българската история», «Малкият народ», «Друг начин на мислене», «Смисълът на литературознанието», «Руският разум», «Христо Ботев като мислител. Теория за Христо Ботев». Почетный доктор Литературного института им. А. М. Горького.

ных норм, понимания красоты, добра и зла. Очевидно, что такая «связь» нужна людям. И когда один тип религии по какой-либо причине исполнит свои функции, он заменяется другим, чтобы постоянно поддерживалось, сохранялось и осмысливалось единение общности. В противном случае культура упадет, и ее носители исчезнут физически. На культуру возложена именно эта функция, особенно она актуальна в эпоху модерна с идеями и принципами Ренессанса и Просвещения, то есть реализуясь в рамках национального государства. Речь идет о культуре

как о своеобразном «омофоре», простирающемся над нацией, чтобы та не распалась.

Постмодернистская эпоха заметно изменила просвещенческую парадигму мирового устройства, принимаемую как единство национальных государств и культур. Буржуазная революция воспользовалась идеями христианства, вменив ему новый смысл. Она сузила смысл, придала ему другое значение, вынула из естественной среды, чтобы использовать в своих целях. Христианство сделало человека свободным, предоставив ему право выбирать и самостоятельно прийти к своему Богу и Спасителю. Оно не насилует: Божьи приказы — только указания, по какому пути должен идти человек во имя спасения своей души, чтобы обрести Царствие Небесное и заслужить вечную жизнь. Но если человек этого не хочет, он может выбрать зло и служить сатане. Эпоха модерна придала иное значение свободе, сведя ее к политическим измерениям, внешнему статусу человека, ограничивая смысл, придавая ему больше корысти и элементарности. Таким образом, эпоха модерна искажала христианство, смеялась над ним и убеждала людей, что реально только то, что существует на земле, и что так называемая «вечная жизнь» — ложь, придуманная для укрепления политического статус-кво.

То же самое относится и к другим христианским ценностям и заповедям. Христианство придает полноту и целостность, а эпоха модерна фрагментирует и сужает. Модерну не нужно ни целостности, ни универсальности, ни реальной свободы и равенства, потому что он знает, что не в состоянии их постигнуть и обеспечить.

Дерзкая попытка Ренессанса оспорить, а потом и отвергнуть христианство, религии и церкви дала вначале определенные результаты в научно-техническом развитии человечества. Это ошеломило и опьянило буржуазного человека. Он поверил, что навсегда порвал с одной иллюзией, освободился от оков заблуждения и химер и пошел по пути истинного знания, основанного на разуме и опыте. Первоначально это дало удивительные результаты в науке, технике и художественной культуре. Родились гениальные личности, универсальные возможности, в постижении которых как будто было достигнуто совершенство, полнота целого и бесконечности. В них как будто совершеннейшим образом сосредоточилось *все*.

Но именно буржуазный человек начал испытывать глубокие сомнения, был раздираем противоречиями и ощущал себя в заколдованном круге. Обычно философия и наука объясняют это осложненной душевностью человека. Потом наступают эпохи, в которых этот человек чувствует себя в отчаянии и вообще не находит покоя. Веря в свои абсолютные способности, личность эпохи модерна отчуждается от себя и остальных и находится в непреодолимом одиночестве. Поэтому искусство и культура XVIII, XIX и особенно XX веков так пристально рассматривают проблемы «лишнего человека», «одиночества и тупика».

Так называемое гражданское общество является политической формулой эпохи модерна, характеризующейся распадом и фрагментацией целостности. Гражданское общество ломает устои нации, ослабля-

ет ее внутренние силы. Однако нация продолжает оставаться живой и объединяет людей при помощи культуры и национального общественного сознания. Культура выражает нацию и предоставляет ей новую мотивировку для того, чтобы она была единой и неразделимой, могла развиваться и приспосабливаться ко всем условиям и испытаниям. Именно культура оформляет «лицо» нации, легитимирует ее перед миром, связывает с традициями и прошлым, дает ей исторический смысл и цель в истории.

Нация образуется после распада религиозного сознания, когда равноправные граждане объединяются по родовому и политическому принципу для создания самостоятельного и независимого государства и участия в капиталистическом разделении труда. Это новый тип государства. Государство называется национальным, но в его основе уже лежит гражданское общество, то есть нация вместе со структурами свободных граждан с их правом выбирать представителей во власть. Нация считает государство своим и без него не может существовать. *Народ способен существовать без государства, но нация практически не может жить без своей отдельной политической организации, каковой является государство.*

После того как было создано национальное государство, буржуазия начала развивать новый тезис, который будет углублен в эпоху постмодерна, а именно — ради прогрессивного развития общества необходимо стремиться к одинаковости во всем: одни стандарты в производстве, одна модель государственной власти, одна культура. Сначала эти тенденции распространялись внутри нации и национального государства. Создавался один общий официальный язык, одни законы, одна культура для всех. Единение формируется при помощи единого литературного языка как главного инструмента национальной культуры.

В Средневековье основой духовного единства являлась церковь. Она объединяла вокруг себя народ, руководила им, учила, утешала, направляла. И народ ей подчинялся бессознательно, инстинктивно и добровольно участвовал в ее укреплении. В эпоху модерна действуют иные правила и принципы единения и соучастия. Теперь необходимо единое национальное сознание, которое должно преодолеть различия между отдельными частями народа, а также социальные различия. Не случайно, что после своей блестящей исторической победы над аристократией буржуазия стремится внушить людям, что наступил конец идеологиям, разъединяющим по социальному и политическому признаку людей и противопоставляющим одних другим.

Новая формула делает власть как будто доступной для всех, и поэтому вокруг нее объединяется гражданское общество. Именно оно формирует власть, которая использует его для своего существования. Гражданское общество, чья могучая сила проявляется на закате эпохи модерна, не рассчитывает на национальную культуру в качестве созидательного и сплачивающего фактора. А обществу такой фактор необходим, чтобы было обеспечено его беспрепятственное существование. Гражданское общество ускоряет глобализацию и унификацию во всех сферах, особенно

в культуре. Поэтому надо знать, что так называемое «национальное гражданское общество» — незначительная подробность, маленькая часть гражданского общества вообще. Оно имеет некоторые функции и значение только в «великих» государствах, определяющих мировой порядок, и ничего не означает для таких государств, как Болгария. Граждане всегда более космополитичны, чем подданные; гражданское общество часто забывает свою национальную принадлежность, стремясь к интеграции с глобальным человечеством. Это с точки зрения культуры порождает серьезное противоречие. Национальный характер все еще преобладает в культуре, но в гражданском обществе она демонстрирует меньше социальных различий и там редко появляются культуры отдельных социальных слоев.

Гражданское общество, мощная сила которого проявляется в эпоху постмодерна, не только не может, но и не хочет рассчитывать на поддержку национальной культуры. Однако гражданскому обществу необходим фактор, который гарантировал бы ему существование и объединение всех его членов. Параллельно происходит процесс создания нового типа наднационального государства, и его общественный договор заключается с членами гражданского общества, а не с членами нации, как было раньше. *Наднациональное государство уничтожает нацию и национальное государство эпохи модерна.*

Здесь проявляется парадокс. Человечество сознательно объединяется, создается наднациональное государство, нацию хотят уничтожить ради универсального единства человечества. В то же время резко сужается идейный круг культуры, теряется ее универсальность и глубина. Она становится объектом для консумации и перестает быть религией. Объединение людей в культуру происходит именно через консумацию, а не через идеи и эстетические переживания. Высокая культура ограничивается воздействием на минимальное количество людей, но она сохраняет национальный характер. Все остальные потребляют только массовую культуру. Массовая культура *ненациональна*.

Основным связывающим элементом гражданского общества, то есть его религией, в эпоху постмодерна становится *шоу*, развлечение. Отчужденные люди встречаются на шоу и там устанавливают связи друг с другом, общаются, но уже на новом, специально разработанном для шоу языке. Это относится не только к молодым людям.

Сегодня шоу — не обычный шумный спектакль со световыми и музыкальными эффектами, а целый мир идей и уклад жизни. Это новая постмодернистская или постпостмодернистская культура, освобожденная от национальных особенностей, которая не интересуется проблемами человека, общества и народа. Она их подавляет ритмом, громкостью и свободой тела. И это обещание почти пассивное и бессознательное, нетворческое, освобождающее тела и умы от накопленной напряженности и житейских забот.

Шоу превратилось в самостоятельную культуру удовольствий и беспроblemного существования. Оно становится новой идеологией успеха и прагма-

тизма. Шоу утверждает и показывает, что успех доступен всем, если очень этого хочется. Чтобы преуспеть в жизни, необходимо только желание, красивое тело, шанс. За простой ответ на глупый вопрос можно заработать много денег, стать миллионером, получить известность, войти в состав «элиты» общества. Нельзя думать лишь социально о реальных проблемах, то есть можно думать только о себе, и ничего больше.

Только шоу, однако, ничего не может изменить, поэтому к нему добавляется наркотик. Шоу — идейный родитель наркомании. Поэтому я называю современную культуру *наркокультурой*. Производство и распространение наркотиков — огромная общественная и политическая проблема, но она связана прежде всего с идеологией и культурой сегодняшнего времени и поэтому не решается репрессивными мерами. Можно говорить о том, что эта проблема связана не столько с правосудием и экономикой, сколько с моралью и укладом жизни в эпоху постмодернизма. Наркотик действительно опасен для здоровья человека, но в то же время он помогает решить (хотя и нереально и ложно) все трудные социальные проблемы. Наркозависимые люди духовно более близки друг другу. В этом и заключается невозможность решения данной проблемы.

Шоу и наркотик вводят человека в другой мир, где все приятно, красиво, легко и благостно для тела. Элементом идеологии и новой культуры являются претензии на право узаконивания эвтаназии, смены пола, однополых браков и т. д. С точки зрения Ренессанса и Просвещения эти претензии абсурдны, но сегодня «хороший тон» и требования новой культуры обязывают нас быть толерантными.

Все это — трансформации так называемой массовой культуры, которая отесняет высокую культуру и претендует на то, чтобы быть реальной связующей силой гражданского общества. Речь идет не только о забавах и отдыхе после упорного труда, но и о целостной системе организации общества, полном присваивании человеческого сознания и подчинении воли личности определенному укладу жизни.

Закат культуры как национального проекта осуществляется в условиях отрицания разных периодов истории нации, особенно таких, в которых проявляется национальное самосознание. Под предлогом толерантности насаждается ненависть к собственной истории и пробуждается комплекс низкой ценности. Не случайно, что сегодня пропагандируется мнение о неучастии государства в культурной жизни. Государство якобы не должно заботиться о культуре, все следует решать на рыночных условиях. Такое мнение порождается в условиях заката культуры как национального проекта и образования наднационального государства.

Все это демонстрирует, что объективный процесс глобализации некоторые силы хотят направить в определенное русло. На это «работает» развитая индустрия пропаганды и рекламы. На мой взгляд, правы те, кто считает, что идет новое строительство Вавилонской башни. Но всем известно, чем закончилось это строительство.

Надо сказать, что сегодня строительство новой Вавилонской башни не только противоречит установлениям Бога, но и вызывает отпор самих национальных культур. Существует немало людей, которые сопротивляются такой глобализации и унификации. Они есть и в России, и в Болгарии, и во всех малых и больших государствах.

Глобальная культура — сложное единство национальных культур. Она не может быть наднациональным проектом, созданным для преодоления наций и их культур. Национальное разнообразие не есть принадлежность эпохи модерна, это исконное состояние человеческого мира согласно велению Господа. Еди-

ние народов означает не создание безличного человечества, а возможность устранения вражды и ненависти. Это жизнь в любви. Мировое единство — это прежде всего единство национального разнообразия народов.

Проблема, которую я обозначил в статье, становится все более актуальной. В ряде национальных культур, в том числе и в болгарской, уже можно видеть ее результаты. Я уверен, что проект по денационализации культур и созданию единой глобальной наднациональной культуры потерпит крах. Но проблема существует, и мы должны ее пристально изучать. Именно поэтому я вынес существующую проблему на обсуждение.

Ю. В. Арутюнян¹

О НОВЫХ ГРАНИЦАХ РАССЕЛЕНИЯ РУССКИХ И НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ ДИНАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ

Представляется, что произошедшие на пороге XXI столетия изменения в расселении русского этноса, имеющие исторический смысл, еще не до конца осознаны. Пространственное распространение русских, заданное в XV—XVI столетии утверждением российского государства и к XIX—XX веку охватившее обширнейшее евразийское пространство, на наших глазах стало переживать контрастные перемены. Веками расширявшиеся границы расселения русских на западе и юге сейчас в кратчайшие сроки уплотнились.

Симптомы перемен исторически как бы символизировались переименованием в свое время Российской империи в Союз республик — СССР, а в недавнем прошлом — в Российскую Федерацию. Хотя в сталинскую эпоху республики — союзные, а тем более автономные — носили скорее символический характер, эмблема «союзных государств» и амбиции пробуждавшихся там элит настраивали их на ожидания и претензии, что в ситуации намечавшейся демократизации стало приобретать реальный смысл.

В новообразованных государствах, окаймляющих теперь Россию, русские, в прошлом воспринимаемые в образе «старшего брата», вдруг стали обретать непривычные для них ролевые функции «национальных меньшинств». Конечно, можно было успокаиваться тем, что, условно говоря, культурные границы достаточно широко цивилизованного «русского мира», как французского или английского, не совпадают с границами государственными. Но все же это не снимало необходимости для русских, вдруг оказавшихся за пределами «своего государства», адаптации к доминирующей теперь уже в инациональной для них среде и, соответственно, освоения ее культуры, языков, норм, образа жизни.

Ситуация с распадом СССР, осложняемая этническими конфликтами, оказалась непростой и есте-

ственно сопровождалась волной миграционных перемещений русских.

В странах СНГ и Балтии с 1989 по 2000 год (в раунде) русское население сократилось почти на треть — с 25,2 млн человек до 17,8 млн. Интенсивность оттока, особенно сильного в первой половине 1990-х годов, определялась как этническими, так и, пожалуй, в большей мере, социально-экономическими факторами, тяжелым положением, стимулирующим миграцию. Самый заметный отток русского населения наблюдался там, где эта ситуация стала особенно ущербна. Больше чем наполовину русское население сократилось в Азербайджане, Армении, Грузии, Молдове, Таджикистане, Туркмении. В других новообразованных государствах, включая прибалтийские, русских стало меньше на одну четверть, треть. Наиболее устойчиво численность русского населения сохранялась в Белоруссии, где их стало меньше примерно на 15%, что в известной мере было связано с естественной депопуляцией, характерной в это время и для русских самой России.

Во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов интенсивность миграционных перемещений русского населения резко спала. Прошла острота неожиданных перемен, особенно ощутимых для русских, проживавших вне России. В сознании не только людей коренных национальностей новых государств, но и русских, наступило известное отрезвление — понимание реальной ситуации, малоблагоприятной, во всяком случае теперь, для радикальных перемен и массового переселения.

Значительная часть русскоязычных мигрантов ближнего зарубежья, естественно, переместилась в Россию. По зафиксированному отечественной статистикой данным, по-видимому, неполным, миграционный прирост населения в Российской Федерации в 1992—1998 годах составил около 4360 тыс. человек, в основном русских по национальности (75%). В последующие 2000—2006 годы наступил спад массовой миграции, отток населения из стран ближнего зарубежья в Российскую Федерацию сократился

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, советник РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор книг: «Этносоциология», «Постсоветские нации», «Трансформация постсоветских наций», «Москвичи глазами этносоциолога», «Москвичи. Этносоциологическое исследование». Член редколлегии журнала «Социологические исследования».

до 680 тыс. человек, среди которых свыше 400 тыс. были русскими¹.

Прекращение массовой миграции русских из стран ближнего зарубежья не означало стабилизации их положения в новых государствах. Ориентация на миграцию и процессы депопуляции русского населения с разной степенью интенсивности проявлялись повсеместно. Очень четко это отражалось, в частности, на возрастной структуре русских — особенно резком снижении их рождаемости и соответственно детности в новых странах, в большинстве которых они, очевидно, плохо уживались. В результате даже в прибалтийских государствах, где детность коренных народов была безусловно низкой, русские теперь стали «успешно конкурировать» с ними в бездетности. К примеру, в Эстонии обнаружилось, что русские по детности стали заметно отставать от эстонцев, чего прежде не было². Становилось очевидным, что при такой интенсивной депопуляции русских вне России их численность по поколениям за рубежом будет быстро снижаться, а в некоторых странах фактически сводиться на нет.

Процессы депопуляции, характерные исключительно для русских вне России — в странах ближнего зарубежья, уже не с такой интенсивностью, но достаточно ощутимо проявлялись и «дома». В результате миграционный приток русских в Российскую Федерацию никак не покрывал здесь их естественной убыли. Впервые за все годы, фиксируемые переписями, именно теперь русское население стало сокращаться, к тому же очень быстро (см. табл. 1).

Переживаемые процессы делают совершенно очевидными бессмысленность и антигосударственную направленность лозунга «патриотов»: «Россия для русских». Именно Россия кровно заинтересована в сохранении «для русских» территории страны, которая уже начинает испытывать интенсивный спад числен-

ности русского населения между переписями, несмотря на существенный приток мигрантов из стран СНГ и Прибалтики, как это отражено в табл. 1.

Таблица 1
Русские в России и странах ближнего зарубежья
(по отношению к предыдущей переписи)³

		1979	1989	2000 (в раунде)
Все русское население	тыс. %	137 397 100,0	145 162 105,7	133 711 92,1
В том числе в России	тыс. %	113 522 100,0	119 866 105,5	115 869 96,7
В странах СНГ и Балтии	тыс. %	23 875 100,0	25 296 106,0	17 842 70,5

С преодолением сложностей, связанных с экономическим кризисом, возрастут возможности для оптимального расширения трудового потенциала страны, в частности, с использованием ресурсов не только внутренних, но и внешних источников. Восполнить эти потребности, особенно в таких регионах, как Дальний Восток, за счет «своих» мигрантов из стран ближнего зарубежья вряд ли будет достаточно, а для некоторых регионов и вообще реально. Опыт уже показал, что планируемые в последние годы перемещения соотечественников в Россию оказались труднореализуемы.

Страна должна быть открыта для рациональной и интенсивной миграции, необходимость которой с оздоровлением экономики, преодолением кризиса неизбежно возрастет. Оптимизация демографических процессов выходит за границы чисто экономических мер и требует существенного оздоровления общественного сознания, активизации широких слоев населения в регулировании и контроле социальных процессов, отвечающих не только индивидуальным, частным, но и общим интересам. Здесь нам предстоит преодолеть большой путь.

Ф. А. Асадуллин⁴

РОССИЯ — ИСЛАМСКИЙ МИР: ДВИЖЕНИЕ НАВСТРЕЧУ (Духовно-культурный вектор взаимодействия)

2010 год отмечен одним общественно важным событием, значение которого в равной степени связа-

¹ Рассчитано по данным: Демографический ежегодник России. Официальное издание. М., 1999. С. 354–357; 2001. С. 370–372; 2007. С. 498.

² См.: Population and Housing Census. Vol. II. Tallinn, 2001. P. 18.

³ Рассчитано по материалам: Итоги переписей населения в странах Содружества Независимых Государств (раунд 2000 года) : стат. сб. М., 2000. С. 171, 178, 204, 210, 230–234, 264, 268, 279, 283, 314, 316, 344, 346, 416, 418, 446, 447, 458, 464, 470; Population and Housing Census. Vol. II. Tallinn, 2001. P. 64; Тишков В. А. Русский язык в странах СНГ и Балтии. М., 2007. С. 75; Русские. Этносоциологические очерки / отв. ред. Ю. В. Арутюнян. М., 1992. С. 19, 449.

⁴ Заведующий отделом науки и связей с государственными службами РФ Московского муфтията, шейх, кандидат филологических наук, автор более 100 научных публикаций по проблемам развития арабской культуры, истории ислама, мусульманского вероучения и межрелигиозным отношениям, среди них: «Ислам в Москве», «Очерк истории ливийской литературы, XIX–XX вв.». Член Общественной палаты РФ, руководитель Научно-общественного комитета Совета муфтиев России.

но с интересами российского государства, как в сфере межгосударственных отношений, так и внутри страны. Включение России в июне 2005 года в орбиту деятельности Организации исламской конференции (ОИК) — второй по численности после ООН организации, представляющей интересы 1,5 млрд мусульман (из которых 20 млн — россияне), еще больше укрепило политические и духовно-культурные векторы взаимодействия с арабо-мусульманским миром. Эти отношения уходят в глубь столетий и восходят к рождению российской государственности. Многочисленные примеры из истории древней и средневековой России свидетельствуют, что она всегда была органичной частью глобальной арабо-мусульманской цивилизационной инфраструктуры⁵. В условиях гло-

⁵ См.: Асадуллин Ф. А. Исламо-христианский диалог в ракурсе исторической перспективы России (извлечение опыта) : материалы VII Междунар. Лихачевских науч. чтений.

бализации значение исламского фактора будет расти по всему спектру вопросов, связывающих Россию с ее южными соседями — близкими и далекими, где ислам не только образ жизни, но доминирующая духовная традиция.

Ислам, как и любая мировая религия, развивался и развивается в творческом соревновании разных богословских подходов и идей, отражающих многообразие его идеологических форм и разные уровни их осмысления. За более чем 14 веков сосуществования четырех суннитских мазхабов, шиитских течений джафария, зайдия, а также ибадия, захирия отношения между их представителями пережили разные, порой очень сложные фазы. История развития мусульманской мысли за прошедшие столетия может дать множество примеров идейного размежевания и острой конкуренции различных версий исламского вероисповедания (наиболее яркий и поучительный среди них — идейный спор между мутазилитами и традиционалистами при халифе Аль-Мамуне в середине X в.). При всем этом в большинстве случаев участники данных дискуссий, отстаивая свою версию понимания символа веры, не выходили в своих размышлениях за рамки известных предписаний ислама — веры во Всевышнего Единого Аллаха, Священный Коран и посланническую миссию пророка Мухаммеда, включая пять столпов веры. При всем разнообразии указанных направлений и исламских богословских подходов их представители (хариджиты, суфии, ашариты и др.) связывали свою религиозную идентичность с учением пророка Мухаммеда. Расхождения между улемами указанных направлений несопоставимы с тем, что их объединяет, затрагивая не основополагающие положения ислама, а лишь отдельные частные моменты, которые не могут служить камнем преткновения в поиске компромиссных решений. Согласно известному хадису существование различий во взглядах улемов — это положительное явление («ихтиляф уммати рахматун»), которое стимулирует творческий поиск ответов на самые сложные вопросы человеческого бытия и вызовы современной действительности. Таким образом, адекватное и объективное представление ислама выражено в идее срединности и умеренности.

В условиях глобализации наиболее перспективной для интересов огромной мусульманской уммы (а значит, и всего человечества) представляется компромиссная модель «аль-васатыйя» — «срединного пути», которая имеет опору в самом Коране и отвечает задачам современного развития межрелигиозного диалога и международного сотрудничества. В ней содержится рецепт идеи общечеловеческого единства на основе признания единства общечеловеческих ценностей. Рождение в начале XXI века глобального миротворческого проекта «аль-васатыйя» можно считать в известном смысле реализацией слов айята: «Пришла истина и исчезла ложь» (17:81). Идеи «аль-васатыйи», под которой подразумевается умеренная модель ислама, находили поддержку и богословское обоснование в предшествующие эпохи. Это то хо-

рошо забытое старое, реанимацией которого занимается большая группа арабских ученых во главе с доктором Аделем аль-Фаляхом (Кувейт) и шейхом Йусуфом аль-Карадави (Катар).

Идеи компромисса, «срединного решения дел» («хайру-ль-умур авсатуха») в общественной и политической жизни халифата содержались уже в трудах известных мыслителей Средневековья: аль-Кинди (801–873), аль-Фараби (872–950), Ибн Сины (980–1037), Ибн Мискавейха (ум. в 1030 г.). Гуманистические интерпретации слов Священного Корана: «Джаальнакум умматан васатан» — «Мы сделали вас общиной, придерживающейся середины» (2:143) можно найти и в сочинениях известных мыслителей Нового времени. Арабский просветитель Абд ар-Рахман аль-Кавакиби (род. в 1849 г.) в сочинении «Природа деспотизма и гибель порабощения», опираясь на традиции учения мутазилитов (VIII–IX вв.), отстаивает принципы разумности, на которых должно строиться человеческое общество. Он, широко привлекая сакральную нарративную традицию, и прежде всего хадисы, ратует за умеренность (итидаль) и рациональное использование всего, что даровано Всевышним человеку. Многие яркие представители мусульманской уммы (Мухаммад Абдо, Муса Биги, Мухаммад Икбаль) раскрывали огромный миротворческий потенциал ислама, указывая при этом на гибкость интерпретации коранических принципов при неизменности акыды — предписанного Аллахом вероустава. В российском исламе автор концепции «Рахмат илляхия умумияты» («Всеохватности божьей милости») ученый-энциклопедист Муса Биги (ум. в 1949 г.), фигура которого сопоставима с М. Абдо и Дж. аль-Афгани, в своих работах также опирается на принципы «золотой середины».

Идеи поиска взаимных компромиссов при отказе от «такфира», терпимости и снисхождения друг другу лежат в основе Амманской декларации (итогового документа Международной мусульманской конференции, состоявшейся 4–6 июля 2005 г. в Аммане), а также резолюций Мадридского конгресса, который проходил под эгидой монархов Саудовской Аравии и Испании в июле 2008 года в испанской столице. О широком обращении к практике «аль-васатыйи» говорилось на сентябрьской Международной конференции в Москве «Россия и исламский мир: партнерство во имя стабильности» (2009). Выдающаяся роль в продвижении этой идеологии принадлежит эмиру Кувейта шейху Ас-Сабаху. Вспомним и блестящие работы Юсуфа аль-Карадави, Махмуда Хамди Закзука, Мухаммада Садька и др. Я перечисляю эти имена для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что идеи «аль-васатыйи» имеют очень серьезную духовную базу и интеллектуальную поддержку внутри ислама.

С другой стороны, развертывание идеологии «аль-васатыйи» — это действенное средство против исламофобии, налаживания диалога с западной цивилизацией через популяризацию духовных принципов ислама. Задача «аль-васатыйи» — снять тяжкое бремя ответственности уммы за противоправные действия людей, которые, прикрываясь исламскими лозунгами, творят безответственные поступки, забывая об известном предписании: «Ля дарар ва ля ди-

рар» — «Поступай и делай все с пониманием ответственности перед Всевышним».

Религиозное измерение

Привлекательность идей «аль-васатыйи», сторонников которой много как в России, так и в арабo-мусульманском мире в целом, объясняется самим духом Корана, который является «руководством (к действию) богобоязненных». Ряд принципиальных положений Корана («Призывай к Господу мудрым словом и добрым увещанием и спорь с людьми Писания наилучшим образом» (16:125), «Сотрудничайте в добре и благочестии и не сотрудничайте в грехе и вражде» (5:3), «...спешите делать доброе» (2:148)) позволяет каждому мусульманину найти свое место среди ее сторонников.

Проект «Аль-васатыйи» в России стартует не на пустом месте. Есть не только накопленный опыт лучших представителей российского ислама прошлых эпох, который может стать предметом специального исследовательского проекта. В последние годы в рамках деятельности Совета муфтиев России прошли Исламо-христианская конференция, посвященная 40-летию принятия декларации *Nostra aetate* (2005), Исламо-иудейская конференция, рассмотревшая вопросы диалога и сотрудничества (2006). Материалы этих конференций можно рассматривать как вклад российских мусульман в реализацию программы «аль-васатыйи», поскольку в ходе их работы идеи аргументированного, «серединного» взгляда на суть и развитие межконфессионального диалога в XXI веке не только прошли апробацию, но и в целом доказали свою практическую состоятельность.

Последовательное претворение в жизнь идей «аль-васатыйи» позволит приверженцам авраамических религий выстроить новую парадигму взаимоотношений на основе общих духовных корней. Одновременно это путь, который может помочь избежать дискриминации и ксенофобии на религиозной и расовой почве, а также обозначить пути решения про-

блемы социального и политического отчуждения, заниженной самооценки и деморализации.

Культурно-просветительское измерение

Расширение возможностей для реализации концепции «аль-васатыйи» создаст новые условия для содержательного взаимодействия РФ с ОИК по линии научного, культурного и международного обмена и сотрудничества. Реализация научно-просветительских программ «аль-васатыйи» может способствовать развитию духовно-культурных связей России с арабo-мусульманским миром, популяризировать русскую культуру на арабo-мусульманском Востоке и наоборот. Для этого существует насчитывающая столетия богатая традиция межкультурных контактов. Большой познавательный интерес, например, представляет переписка Л. Толстого и главного муфтия Египта М. Абдо (в апреле—мае 1904 г.), которая является примером плодотворного диалога двух великих представителей арабской и русской культур, двух цивилизаций. «Вероисповедания различны и их много, — отмечает в своем письме Л. Толстой, — но вера существует лишь одна — истинная». Есть и другие интересные факты обращения к наследию Толстого, например, в творчестве арабских писателей XIX—XX веков: Мустафы аль-Манфалути, Амина ар-Рейхани, поэтов Ахмеда Шауки и Хафиза Ибрагима. Можно вспомнить и первого популяризатора Корана в русской литературе А. С. Пушкина. Его цикл «Подражания Корану» — важная сторона культурного диалога России с арабским Востоком через переосмысление ранних сур Корана.

Важным подспорьем в реализации этого проекта являются традиции научного исламоведения, которые при заинтересованном отношении ведущих ученых и экспертов страны можно обратить во благо российского общества в целом, а также превратить в важный инструмент взаимодействия России с исламским миром.

В. Ю. Афиани¹

АРХИВ — ЕГО МЕСТО И РОЛЬ В ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Свобода доступа к животворным культурным ценностям — наше общее право, право всех и каждого, и обязанность библиотек и архивов — обеспечить осуществление этого права на деле.

Д. С. Лихачев²

Архив — один из древнейших институтов человеческой цивилизации, неотъемлемый атри-

¹ Директор Архива Российской академии наук, заведующий кафедрой археографии Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, заместитель главного редактора журнала «Исторический архив», кандидат исторических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Российская академия наук = Russian academy of sciences: персональный состав, 1724–2009: в 4 кн. Кн. 4.», «Аппарат ЦК КПСС и культура, 1958–1964: документы», «Аппарат ЦК КПСС и культура, 1953–1957: документы», «Идеологические комиссии ЦК КПСС: 1958–1964: документы», «Русская провинция. Культура XVIII–XX веков» и др.

бут светской и духовной власти. Древнейшие архивы человечества в Месопотамии и на Ближнем Востоке конца IV—I тыс. до н. э. (Ниппуре, Вавилоне, Борсиппе, Сиппаре, Уре, Уруке, Лагаше, Канише, Ашшуре) демонстрируют осознанное и развитое стремление сохранить юридические, судебные, дипломатические, хозяйственные и иные документы, переписку и документы царей и их заместителей, чиновников, военачальников, послов и жрецов.

² Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 303.

Специалисты говорят о существовании уже в этот период частных архивов, архивов купцов, но центральное место в то время занимали архивы власти, царей. Удивительно, но мало известно о религиозных архивах, в то время как имеется немало свидетельств хранения документов (даже хозяйственных и разведывательных) в храмах.

Власть, государство на протяжении тысячелетий у разных народов имели сакральный характер. Это понимание сохранилось в России до начала XX века, император — это «помазанник Божий», а в Японии божественное происхождение императоров, потомков богини солнца Аматэрасу, — до 1945 года. Аура сакральности государственной власти покрывала тайной и ее архивы.

На протяжении веков архивы если и приоткрывались, то лишь для официальных архивариусов и историографов. Тайные государственные архивы, где сосредоточивались наиболее важные документы высших органов государственной власти, и наиболее «острые» в политическом отношении, — характерное явление XIX века. **Официальные архивы продолжают** сохранять свои тайны и в современных цивилизованных странах.

В Советском Союзе все действия и тексты власти, за исключением специально транслируемых обществу, были секретными и совершенно секретными. Отчасти это было наследием конспиративных привычек подполья, психологией враждебного окружения, перманентной борьбы с врагами, отчасти объяснялось сакральными традициями самой российской власти, невзирая на происхождение. Нередко в закрытости упрекают и современную Россию, чаще всего по инерции. Хотя до сих пор имеется немало документов, открытия которых ждут прежде всего историки. Однако это общая проблема, в том числе европейская. Например, лишь недавно были открыты архивы Ватикана за предвоенные годы и период Второй мировой войны¹. Какие тайны католической церкви они откроют? Декларируемые открытость и публичность до сих пор с трудом распространяются на архивы власти и в демократических обществах. Можно говорить о генетической традиции закрытости государственных (и частных) архивов, в том числе в Европе и США, в противовес библиотекам и музеям.

Вместе с тем еще с эпохи Древнего мира архивы хранят драгоценные свидетельства о межкультурных контактах. Царь Ассирии Ашшурбанапал (Ассурбанипал) собрал, как записано в одной из глиняных табличек, «на долгие времена» десятки тысяч исторических, магических и научных текстов на разных языках с запечатленными сведениями из истории, результатами астрономических наблюдений и медицинских опытов, а также юридические акты, государственные договоры, художественные мифы, религиозные песни, рассказы о мироздании, в том числе знаменитый фрагмент о Всемирном потопе. Его собрание можно назвать библиотекой-архивом, оно сохранило редкостные «плоды» культур разных народов

тех далеких времен. Здесь сохранялись бесценные документы, но насколько это собрание было предназначено для их распространения, трансляции?

После тысячелетий закрытости, в XX веке, стали активно развиваться процессы вовлечения архивов в современные общественные и культурные процессы, сначала для профессиональных историков. Передовые историки и архивисты в России в конце XIX — начале XX века, до революции, боролись и мечтали, чтобы архивы были открыты именно для исследователей, науки.

Однако в конце концов начиная с 1930-х годов возобладала тенденция закрытости, нового засекречивания архивов. Без ограничений их могли использовать только представители карательных органов. Тем не менее процесс участия советских архивов в более широком представлении своих документов обществу — в виде справочных изданий, сборников документов или архивных выставок — неуклонно расширялся.

Три исторические эпохи в нашей стране сопровождалась рассекречиванием и широкомасштабным обнародованием ранее закрытых архивных документов — Октябрьская революция 1917 года, либерализация 1950-х годов, после смерти И. В. Сталина, и 1990-е годы, эпоха крушения Советского Союза. Подоплека этих событий была политической — критика предшествующего политического режима. В каждую из этих эпох к распространению сенсационных документов привлекались средства массовой информации и архивные документы становились достоянием широких слоев общественности. Несмотря на то что затем, после прохождения острой политической фазы, закономерно наступала стабилизация ситуации и происходила своеобразная «контрреволюция» в отношении рассекречивания документов, историки успевали получить ценнейшие исторические источники, а образ архивов как хранилищ государственных тайн несколько тускнел. Законодательством в Российской Федерации запрещено создавать тайные архивы.

Открытость и публичность архивов во многом определяется доступностью информационно-поисковых систем, архивных фондов. Очевидно, что в информационную эпоху традиционные системы информации о составе и содержании архивных документов — путеводители, обзоры и другие справочники — становятся недостаточными, ибо ориентированы главным образом на специалиста и труднодоступны вне стен архива, так как издаются мизерными тиражами.

Но в истории архивов, как и в истории человечества, открывается новая страница — эпоха Интернета, глобальной информационной и культурной связи. Специалисты спорят, наступила ли эпоха глобальной культуры, что это такое и возможна ли вообще глобальная культура?

Конечно, вряд ли возможно окончательное торжество глобальной культуры над национальными культурами. Но нельзя отрицать давно существующих тенденций, порожденных стремлением самой могущественной державы мира — США — к продвижению своего образа жизни и собственных

¹ Бенси Дж. Ватикан открывает тайные архивы. Историкам предстоит разобраться, был ли Папа Пий XII коллаборационистом // Независимая газета. 2003. 14 февр.

культурных ценностей, культуры. И в этом американская культура во многом преуспела. С появлением Интернета эти тенденции получили мощные рычаги воздействия, в том числе и для распространения английского языка — фундамента глобальной культуры. Без знания английского языка Интернет существенно ограничен для пользователя. Многие люди в мире не согласны с этой экспансией и по политическим, и по культурным соображениям. Эта проблема также может быть предметом исследования. Возникает вопрос: «Как — положительно или отрицательно — воспринимать глобальную культуру?»

Дело не только в стремлении определенной державы, культуры к экспансии. Существуют и объективные причины глобализации, в основе которых лежит экономика, и только потом — политика. Глобализация основана на неутолимом голоде в информации со всего света и обо всем. Интернет можно назвать важнейшей составляющей глобальной культуры и инструментом ее создания, но не единственным ее элементом. Впрочем, все эти явления — международная мода, поп-культура и многое другое — сейчас стремятся влиться в Интернет, как ручьи и реки — в океан.

Пока специалисты спорят о позитивности или негативности глобальной культуры, происходят локальные процессы глобализации, которые вряд ли можно рассматривать как отрицательное явление. Вслед за библиотеками архивы мира «обживают» в Интернете. Но это только видимая часть более глубоких процессов. Информационные технологии проникают во все традиционные направления работы архивистов, и многое в жизни архива сейчас уже немыслимо без использования этих технологий. Это уже не будущее, а настоящее архивного дела.

В современном быстро меняющемся мире такой традиционно консервативный по своей природе социокультурный институт, как архивы, не остался в стороне от перемен. Из хранилищ государственных тайн, главная задача которых — обслуживать текущие потребности власти, архивы превращаются в общественные институты со все более усложняющимися функциями. В число важнейших функций архивов вошло обеспечение потребностей государства, общества и граждан в исторической и иной значимой информации, в том числе социальной и юридической.

Прошли века, и документ, рукопись на бумажной основе стали уступать место новым документам. Все более важные позиции в жизни человечества занимают аудиовизуальные и электронные документы. Быстро увеличиваются объемы электронной и аудиовизуальной документации, появляются все новые средства их сохранения и доставки до потребителя: электронная почта, Интернет, мобильный телефон, национальные информационные системы, внутренние сети, автоматизация документооборота и др. Конечно, реальный процесс вытеснения бумажных документов электронными оказался более длительным, чем это казалось энтузиастам, но он необратим.

Это создает новые условия для архивов и архивистов. Изменяются не только методы создания, фиксирования и хранения документальной информации, но и формы и методы ее представления архи-

вами пользователям. Это общие процессы для всех исторически сложившихся центров хранения и распространения ретроспективной информации — музеев и библиотек. Развитие информационных технологий и Интернета постепенно меняет и характер работы архивистов, сам архив и наши представления о нем. Эти технологии позволят, как надеются многие специалисты, уже в ближайшем будущем доставлять архивную информацию в каждый дом, каждому человеку.

С позиций информационного похода сейчас все более ясно вырисовывается следующая картина: архив будущего как центр, собирающий, хранящий информацию на различных носителях, обрабатывающий и предоставляющий ее пользователям, в том числе в активном, диалоговом режиме онлайн. Каким будет архив будущего? Каким он должен быть?

Схожие с архивами функции выполняют такие информационные центры, как музеи и библиотеки. Различается только источник информации — документ, книга, вещь. Прошедшая недавно в журнале «Отечественные архивы» дискуссия о соотношении архивов, музеев и библиотек и их месте в современном обществе обозначила разные позиции специалистов. Очевидно, что каждый из этих особых социальных институтов, порожденных процессами специализации человеческой деятельности и сохранения исторической памяти в XVIII—XIX веках, обладает своей спецификой. Но, возможно, в будущем усилятся процессы «размывания» границ ответственности этих институтов, будут создаваться (и уже создаются) «гибридные» формы (библиотек и музеев, хранящих архивы, архивов, собирающих музейные предметы, те, другие и третьи, занимающиеся выставочной деятельностью). Примеры этому и сейчас многочисленны. Самый известный из них — одно из крупнейших в мире хранилищ — Библиотека Конгресса в Вашингтоне. Кроме печатных изданий, там хранятся и традиционные, и аудиовизуальные, и электронные документы.

Приведут ли эти процессы к еще большему сближению архивов, библиотек и музеев? Однозначно ответить на этот вопрос трудно. Вряд ли стоит в ближайшем будущем ожидать их полного слияния, но такие тенденции сейчас прослеживаются.

Другая тенденция, которая, безусловно, получит более масштабное развитие, — представление информации об архивных документах и самих документов в оцифрованных образах в Интернете. Уже сейчас архивные документы в Сети представлены на множестве сайтов. Все национальные архивы и многие крупные архивы разных стран имеют собственные сайты. Возникают сайты и даже порталы, интегрирующие информацию нескольких архивов, например портал «Архивы России», сайт «Архивы Российской академии наук» и др. В Интернете множится информация, представленная архивами: оцифрованные путеводители и другие справочники, базы данных, в том числе полнотекстовые, веб-публикации и выставки архивных документов...

Это тоже, как и информация библиотек и музеев, элемент глобальных процессов. Возможности

использования архивной информации становятся неограниченными. Архивная информация, архивный документ являются составным элементом глобальных культурных процессов, процессов обмена информацией и культурного диалога культур. Пред-

ставляется, что как бы мы ни оценивали существующую или будущую глобальную культуру в целом, такие явления, как глобальный информационный и культурный обмен, заслуживают положительной оценки.

Г. М. Бирженюк¹

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Мы являемся свидетелями и участниками чрезвычайно сложного и во многом противоречивого процесса — формирования глобальной культуры. Данный процесс выступает, с одной стороны, как частное проявление более широкого феномена — глобализации, с другой — может рассматриваться как один из ведущих источников этого процесса.

Глобализацию можно рассматривать как феномен, в основе которого: а) действие ряда общих закономерностей развития науки, техники, культуры, политики и так далее, что объективно сближает различные (как правило, развитые) страны; б) мировой информационный обмен, который в XX веке приобрел невиданную интенсивность и масштабы. Важным фактором глобализации стал интенсивный прогресс технологий в области электроники и коммуникаций. Это стало возможно в связи с быстрым развитием микропроцессорной техники, цифровых технологий, средств телекоммуникаций, что и способствовало формированию глобальной информационной среды.

В силу этого значительная часть населения планеты оказалась включенной в глобальные информационные потоки. Этому во многом способствовали как развитие технических средств передачи информации (спутниковое телевидение, Интернет), так и концентрация средств массовой коммуникации (СМК) в относительно немногих частных руках и компаниях².

Современный человек, даже находясь в удаленном уголке планеты, имеет возможность следить за актуальными событиями в режиме реального времени, становиться их соучастником, получать доступ

к различным информационным источникам, базам данных, иными словами, самостоятельно формировать свой информационный контент. Это все объективно изменяет время (события можно отслеживать как в синхронном, так и диахронном режимах, актуально или ретроспективно и т. д.), «уничтожает» пространство, «раскрывает» границы национальных государств, формирует принципиально новую идентичность «мы».

В связи с этим вполне закономерен вопрос, хорошо ли все это и какого рода общность «мы» формируется в контексте глобальных информационных потоков.

По отношению к оценке глобализации в целом и конкретно — ее культурной составляющей можно зафиксировать два диаметрально противоположных подхода.

С одной стороны, противники глобализации оперируют понятием «культурный империализм». Эта концепция сформировалась в 1960-е годы и была призвана зафиксировать тот факт, что развивающиеся страны, освободившись от колониализма, были включены бывшими метрополиями в мировые информационные потоки, что и породило новую форму колониализма — культурного³. Суть его проявляется, в частности, в том, что доминирование индустриально развитых стран в сфере технологии производства и распространения материалов СМК позволяло интенсивно внедрять в сознание жителей развивающихся стран инокультурные ценности, нормы и образцы поведения и т. п.

В работе Ричарда Харриса «Психология массовых коммуникаций»⁴ убедительно показано, что в новостных, художественных, спортивных, рекламных материалах доминируют такие ценности, как потребление и индивидуализм, наркотики и секс, насилие и жестокость и т. п. Поскольку источником информационных потоков выступают в основном СМИ из США или так или иначе интегрированные с американскими, то эти ценности — американского образа жизни — заменяют ценности традиционной культуры развивающихся стран. Иными словами, вместо двустороннего культурного обмена имеет место односторонний «экспорт» из развитых стран массовой культуры и ее ценностей в развивающиеся страны. Доминирование западных СМИ в информационном пространстве развивающихся стран неизбежно

¹ Заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный профессор СПбГУП.

Автор более 100 научных работ, в т. ч.: «Клуб и здоровый образ жизни», «Основы региональной культурной политики и формирования культурно-досуговых программ» и др.

² Речь идет о мегакомпаниях, которые занимают доминирующее положение на мировом информационном рынке: «America Online — Time Warner», «Walt Disney Co», «Vivendi Universal Viacom», «Bertelsmann», «News Corporation» и др. Во всем мире интенсивно распространяются и используются новости, распространяемые «Washington Post», «Bloomberg», «Reuters», BBC, «New York Times», «Dow Jones & Co» и др.

Особая роль в управлении глобальными информационными потоками принадлежит медиамагнатам. Среди них особый вес имеет Руперт Мэрдок, глава «News Corporation», в собственности которого находится более 150 медиакомпаний в Австралии, Великобритании, Соединенных Штатах Америки, Китае; Самнер Редстоун, президент и исполнительный директор компании «Viacom»; Майкл Блумберг, владелец медиакорпорации «Bloomberg»; Майкл Эйсер, президент «Walt Disney Co» и др.

³ См.: Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1984.

⁴ Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. 4-е издание. СПб.: М., 2002.

ведет к разрушению их национальной идентичности. В итоге «перекося» в области международного разделения труда в направленности и доминировании информационных потоков не только не способствуют развитию стран, освободившихся от колониального ига, но, напротив, усиливают их зависимость от бывших метрополий.

Деятельность глобальных медиакомпаний среди прочего включает:

- дистрибуцию медиапродуктов, то есть газет, журналов, книг, теле- и радиоканалов;

- импорт и экспорт контента медиаканалов: новостей, фильмов, музыкальных роликов, телепрограмм, журналистских произведений и др.

Крупнейшим экспортером выступают Соединенные Штаты Америки. При этом важно учесть, что контент включает:

- идеи, образы, идеологию и культуру, которые поставляются в другие государства;

- импорт и экспорт рекламных роликов¹.

Наиболее развитыми зонами мирового медиарынка являются рынки звукозаписи, производства фильмов и книгоиздания. Мировой рынок звукозаписи характеризуется наиболее высоким уровнем концентрации и контролируется ограниченным числом игроков: “PolyGram” (19 %), “Time Warner” (18 %), “Sony” (17 %), EMI (15 %), “Bertelsman” (13 %), “Universal” (9 %). В ходе последующего изложения мы опираемся на ряд источников².

Практически все из этих компаний являются составными частями ведущих мировых медиаконгломератов. То же самое относится и к мировой киноиндустрии, где доминировали такие игроки, как “Disney”, “Time Warner”, “Viacom”, “Universal”, “Sony”, “PolyGram”, MGM, “News Corporation”. Книгоиздание в силу специфики издательского дела, а также национальных, языковых и региональных особенностей характеризуется меньшим уровнем концентрации и монополизации. Однако и здесь выделяются три ведущих в мире книгоиздателя: “Bertelsmann”, “Viacom”, “Time Warner”, также аффилированные с глобальными медиаструктурами³.

Все это многократно расширяет возможности влияния медиакорпораций на аудиторию. В 1980–1990-е годы в различных публикациях подчеркивалось также, что транснациональные корпорации активно участвуют в организации информационных потоков и таким образом влияют как на управление мировыми политико-экономическими и культурными процессами, так и приобретают дополнительные ресурсы для влияния на культуру, политику, экономику развивающихся стран. Сегодня понятие «культурный империализм» практически не употребляется, но логика и аргументация противников этого яв-

ления воспроизводятся в идеологии так называемых антиглобалистов.

Сторонники «позитивистского» подхода к оценке глобализации и ее последствий трактуют этот процесс как единство в многообразии. Глобальная культура в рамках такого подхода выступает как интегрированная система ценностей, культурных образцов, норм и пр. При этом ценности каждой культуры обогащают мировую культуру и возникает новая глобальная культура, которая, в свою очередь, обогащает национальные культуры.

Одновременно в качестве контраргумента антиглобалистами выдвигается тезис, что интерпретация материалов СМИ в разных группах аудитории может быть разнообразной и подверженной влиянию национального менталитета, что способно в корне изменить базовую информацию. В свое время была предпринята попытка исследовать восприятие американского сериала «Даллас» в разных странах и этнокультурных группах. Были проведены фокус-группы, на которые приглашались супружеские пары примерно одинакового возраста и образования, проживающие в США, Японии и Израиле. Методика предполагала, что респонденты, имеющие различное этническое происхождение, после просмотра программы пересказывают ее содержание своему другу или родственнику, пропустившему данную серию. Результаты этих исследований показали, что представители различных этносов (культур) по-разному воспринимают содержание одного и того же информационного поля и по-разному его интерпретируют, обращают внимание на различные аспекты и детали. Общий вывод исследования — восприятие текстов СМК происходит через призму культурного контекста⁴.

Кроме того, сторонники глобализации акцентируют внимание на том, что нет репрезентативных данных, позволяющих оценить социальные последствия воздействия на сознание и поведение людей глобальных информационных потоков, как тот или иной культурный контекст влияет на восприятие информации индивидами⁵.

Однако один из самых авторитетных социологов современности Иммануэль Валлерстайн называет свою работу «Глобальная культура — спасение, угроза или миф?»⁶ и высказывает большие сомнения относительно влияния глобальной культуры на людей. Он пишет: «Мы все знаем, какой разной жизнью живут люди в разных частях мира и в какой мере им ежедневно приходится реагировать преимущественно на требования своих местных “культур”. Глобальные культуры, о которых я говорил, вероятно, неизвестны значительному большинству населения планеты, и вряд ли они имеют хоть какую-нибудь значимость даже для высокообразованного меньшинства, осведомленного с их постулатами. То же самое наблюдается и в средоточии защитников универсальных норм, в организациях, созданных для их поддержки и пропаганды»⁷.

¹ Орлова В. В. Глобальные телесети новостей на информационном рынке. М., 2003. С. 9.

² Herman E., Mc Chesney R. The Global media in the late 1990 / H. Mackay and T. O'Sullivan (ed.). 1999. The Media Reader: Continuity and Transformation. Sage Publications. Croteau, 2001; The Business of Media. Corporate Media and the Public Interest. A Pine Forge Press Publication; Media in Global Context / A. Sreberny-Mohammadi [et al.]. L., 1997.

³ Иванов В. Н., Назаров М. М. Массовая коммуникация и современные тенденции глобализации // Социс. 2003.

⁴ Liebes T., Katz E. The Export of Meaning. Cross Cultural Readings of Dallas. Dallas, 1993.

⁵ Thompson J. B. The Media and Modernity. A Social Theory of the Media. Stanford, 1995. P. 171.

⁶ <http://www.politstudies.ru/universum/dossier/01/wall02.htm>

⁷ Там же.

Тем не менее по мере развития глобальных информационных потоков возникает все больше сомнений, что они либо не влияют на национальные культуры, либо же их влияние незначительно.

В частности, Н. Е. Маркова, руководитель Центра коммуникативных исследований ИСЭПН РАН, в своей публикации¹ указывает на ряд тревожных явлений, порожденных именно глобальными информационными потоками. «Вот уже более 10 лет мы наблюдаем на экранах телевизоров и в кинотеатрах, обнаруживаем в новейшей литературе и в журналах, в газетах и интернет-сети поток гипертрофированной сексуальной направленности. Сексуальная тематика патологического характера стала главной составляющей произведений искусства. Сексуальную окраску приобрела даже отечественная классика. Возникли научные труды, углубленно-сочувственно исследующие “гомосексуальную культуру”, энциклопедии для детей и взрослых с подробной и многообразной информацией о сексуальной жизни в самых ее разнообразных проявлениях. Таким образом, явственно выделилась одна из основных ценностей новейшего информационного комплекса — свобода и разнообразие сексуальных отправления».

Другое новшество воцарившейся глобальной информационной среды — наркотики. Фильмы, книги, статьи в газетах, журналах, Интернете основаны на сюжетах, разворачивающихся в среде наркоторговцев, наркоманов, потребителей; сочувствующих, страдающих и наслаждающихся. При этом сообщения носят не предупреждающий, а рекламный и информирующий характер».

Проведенные данным автором исследования показывают, что информационные потоки, поступающие на демографические секторы 12–18 и 18–25 лет, содержат всего шесть тем, выстраивающих бихевиористские модели поведения. Практически все журналы и газеты, аудио- и видеопродукция, теле- и радиопередачи, рассчитанные на демографические секторы 12–18 и 18–25 лет, воздействуя на потребности и обуславливая информацию сексу-

альными стимулами, моделируют следующие виды поведения:

- агрессивное, асоциальное, девиантное поведение;
- поведение потребителя наркотиков;
- релятивный и рекреативный секс, распространенный идеями, повторяющими западную сексуальную революцию середины XX века;
- появление субкультурных групп, в том числе фашистского толка².

Возможно, для такого рода алармистских утверждений пока нет достаточных оснований, но нет и оснований для игнорирования указанных обстоятельств. Можно уповать на прочность корней российской культуры, ее традиции и ценности. Но следует помнить, что «...всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную ценность. Доминирующие черты изящных искусств и науки такой единой культуры, ее философии и религии, этики и права, ее основных форм социальной, экономической и политической организации, большей части ее нравов и обычаев, ее образа жизни и мышления (менталитета) — все они по-своему выражают ее основополагающий принцип, ее главную ценность. Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры. По этой причине важнейшие составные части такой интегрированной культуры также чаще всего взаимозависимы: в случае изменения одной из них остальные неизбежно подвергаются схожей трансформации»³.

В связи с этим представляется целесообразным продолжить исследование влияния глобальных информационных потоков на культуры. Это позволит выработать взвешенную политику по отношению к идущим процессам и, если потребуются, минимизировать негативные последствия глобализации в сфере культуры.

О. Т. Богомолов⁴

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Сегодня многие начинают задумываться над тем, как скажется глобальный экономический кризис на

¹ Маркова Н. Е. Ценностные установки молодежи в современной России // Народонаселение. М., 2003. № 2.

² Маркова Н. Е. Указ. соч.

³ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 429.

⁴ Академик Российской академии наук, советник РАН, руководитель исследовательского проекта РАН «Взаимодействие экономики и общественной среды», заведующий кафедрой мировой экономики Государственного университета управления, доктор экономических наук, профессор. Автор свыше 700 научных публикаций, в т. ч. книг: «Реформы глазами американских и российских ученых», «Реформы в зеркале международных сравнений», «Моя летопись переходного времени», «Раздумья о былом и настоящем», «Мировая экономика в век глобализации». Почетный президент Международной ассоциации экономических наук, член Болгарской академии наук, почетный профессор Будапештского университета.

культурном и духовном наследии земной цивилизации. Станет ли человечество мудрей, сделав выводы из охвативших мир экономических потрясений? И готовы ли политические лидеры учиться на опыте нынешнего, самого глубокого за послевоенное время кризиса? Ведь дело не сводится только к оздоровлению глобальной экономики и финансов. В преодолении кризиса и недопущении его повторения многое будут определять господствующие идеологические доктрины, государственная политика, состояние общественного сознания, профессионализм и добросовестность работников управленческого аппарата, дееспособность демократических институтов. Нельзя также недооценивать исключительно важную роль науки, образования, духовно-нравственного климата в обществе, творческого по-

тенциала и общей культуры интеллектуальной элиты. Какие перемены назревают в неэкономических сферах общественной жизни?

Решающее значение для будущего благополучия людей приобретает умножение человеческого капитала: другими словами, знания, умения, здоровья, общей и поведенческой культуры членов общества в каждой стране. Не менее важно укреплять доверие людей к власти, их уверенность в справедливости и жизнеспособности общественного устройства, обеспечивать сплоченность общества, наконец, способствовать активной гражданской и патриотической позиции граждан. Иначе говоря, наращивать и социальный капитал в странах мира.

Представляется, что ряд политических деятелей и ученых начинают под влиянием кризиса намечать стратегические перемены в этих областях. Показательно, что новая американская администрация не ограничилась в борьбе с кризисом мерами по санации кредитно-банковских и страховых институтов, включая национализацию де-факто некоторых из них. Не ограничилась предоставлением крупных кредитов ряду терпящих банкротство корпораций, налоговыми льготами и другими мерами по увеличению покупательной способности населения. Она включила в антикризисную программу реформы в социально значимых областях. Среди них на одном из первых мест — создание с помощью государства новых рабочих мест, повышение уровня образования и охраны здоровья населения, совершенствование пенсионной системы, стимулирование инноваций, повышение моральной ответственности бизнеса. Б. Обама, в частности, заявил: «Мы дадим людям работу на строительстве школ, лабораторий, библиотек, чтобы наши дети могли конкурировать с любым работником в мире». А выступая в Национальной академии наук, подчеркнул: «Сегодня наука больше, чем когда либо раньше, нужна для нашего благосостояния, нашей безопасности, нашего здоровья, сохранения нашей окружающей среды и нашего качества жизни».

Президент Франции Н. Саркози объявил о намерении государства прибегнуть к займам у частного бизнеса, чтобы направить на финансирование образования и науки 35 млрд евро. Он мотивировал это необходимостью вывода Франции, ее молодого поколения на высший мировой уровень знаний и конкурентоспособности. Подобные усилия по поддержке науки и образования предпринимает и Китай.

К сожалению, инерция либерального мышления все еще сильна в головах российских политиков. Дефицит бюджета, возникший в условиях резкого падения производства и огромных вливаний денег для спасения крупных банков и предприятий, толкает их на сокращение государственных ассигнований на академическую науку, культуру, отказ от повышения оплаты труда ученых, педагогов, деятелей культуры, медицинских работников. Это плохо согласуется с задачами модернизации экономики и общественно-го устройства на основе инноваций.

В кризисных условиях дерегулирование, упование на невидимую руку рынка все явственнее демонстрируют свою ущербность. На Западе и в России на это давно указывали видные экономисты, начиная

с Джона Мейнарда Кейнса, выдвигавшие альтернативные идеи функционирования капиталистической экономики. К сожалению, основное течение экономической мысли пошло по другому руслу. Господствующим стал либеральный фундаментализм. Его и восприняли, не без зарубежных советов, российские реформаторы.

Сегодняшняя ситуация в экономике ведущих стран Запада, как, впрочем, и во всем мировом хозяйстве, заставляет пересматривать сложившиеся взгляды. «Рыночный фундаментализм *laissez-faire* последних 20 лет драматически провалил экзамен», — говорится в докладе ЮНКТАД «Глобальный экономический кризис: системные провалы и мультilaterальные средства лечения»¹. Даже из лагеря убежденных либералов все громче раздаются критические голоса. Показательны в этом отношении публикации журнала «Экономист».

В октябрьском номере 2008 года он иронизировал по поводу отступничества от либеральной доктрины президента Франции Н. Саркози, печатая карикатуру на него с томом «Капитала» К. Маркса в руках. Действительно, на саммите ЕС в октябре 2008 года Н. Саркози признал, что ультралиберальный капитализм себя дискредитировал и миру нужна рыночная социальная модель². А в следующем номере журнал помещает специальный доклад «Когда фортуна нахмурила брови», в котором допускает перемены в капиталистическом мироустройстве.

В нем, в частности, говорится: «Предсказывать последствия незавершившегося кризиса опасно. Но уже ясно, что даже в условиях отсутствия катастрофы направление глобализации изменится. В течение последних двух десятилетий ее ход совпадал с усиливающимся интеллектуальным влиянием англосаксонской модели капитализма свободного рынка. Глобальная интеграция явилась по большей части триумфом рынка над государством... Теперь баланс между ними сдвигается, причем не только в сфере финансов»³. «Уолл-стрит, — говорится далее, — оказался в центре нынешнего кризиса, так что статус Америки и ее интеллектуальный авторитет резко упали»⁴. «Больше, чем в новом капитализме, — говорится в заключение доклада, — мир нуждается в новом мультilaterализме»⁵.

Говоря проще, за этим мудреным словом скрывается допустимость, помимо либеральной, других моделей развития современной экономики, в которых на государство возлагается большая регулирующая роль. В январском номере 2010 года журнал поясняет свою мысль: «Мир наблюдает за восходом нового экономического гибрида, который мог бы быть назван “государственный капитализм”»⁶. В этом отношении весьма поучителен опыт скандинавских государств, где социальная ориентация рыночного хозяйства и государственной политики практикуется

¹ The Global Economic Crisis: System Failures and Multilateral Remedies. N. Y., 2009. P. III.

² The Economist. October 4. 2008. P. 2.

³ A special report on the world economy // The Economist. October 11. 2008. P. 6.

⁴ Ibid. P. 33.

⁵ Ibid.

⁶ The Economist. January 23–29. 2010. P. 22.

многие годы, и достаточно успешно. В этом направлении эволюционируют и другие европейские страны, например Франция.

Стоит сослаться еще на одного автора — известного французского экономиста и государственного деятеля Жака Аттали. В своей новой книге «Мировой экономический кризис. А что дальше?» он отмечает, что «человечество вползло в депрессию планетарного масштаба, пожалуй, самую тяжелую ныне за последние 80 лет» и что это одновременно и «кризис социальный, идеологический и политический, обнаживший несостоятельность неолиберальных концепций, которые носят недемократический характер».

«Либеральная идеология, — подчеркивает Аттали, — на службе ничтожного меньшинства, особенно если учесть, что в конце 2008 года, как, впрочем, и в предыдущие годы, многие миллиарды долларов пошли на бонусы банкирам. А ведь идеология должна отражать интересы самых бедных людей и будущих поколений... Небольшая группа людей, не производящая богатств, захватывает... безо всякого контроля со стороны, важнейшую часть произведенных мировых ценностей. А потом она же, разграбив все, что можно, заставляет расплачиваться за свои неслыханные прибыли, премии, надбавки и бонусы налогоплательщиков, трудящихся по найму, потребителей, предпринимателей и вкладчиков, подталкивая государства изыскивать в течение нескольких дней огромные суммы для латания дыр»¹.

Недостаточно объяснять свалившиеся на людей беды раздуванием финансово-кредитного пузыря в США, который, лопнув, втянул в кризис и другие страны. Несомненно, США оказались наиболее наглядным примером изъянов неолиберальной модели рыночной экономики. Однако глобальный кризис имеет не только американские корни. Во многих других странах отсутствовало надлежащее регулирование рынка, существовали устойчивые диспропорции между денежными и товарными потоками, недооценивалась роль науки, образования, здравоохранения, культуры, состояния нравственности, игнорировалась социальная справедливость.

Отрадно, что уже началось обсуждение на встречах лидеров ЕС и «Большой двадцатки» новой архитектуры мировой финансовой системы и коллективных действий государств по обузданию разрушительных стихийных процессов и обеспечению стабильности глобального рынка. Достаточно ли этого, тем более что у США и ЕС различаются взгляды на будущее стареющего капитализма? Можно предположить, что США в конечном счете предпочтут ограничиться частичной корректировкой существующей системы, тогда как европейцы продолжают поиск новой парадигмы постиндустриального развития.

О достижении нижней точки экономического спада и признаках оживления принято судить по показателям валового внутреннего продукта (ВВП). Однако прирост ВВП часто не сопровождается улучшением занятости, демографических показателей рождаемости и смертности, здоровья населения, пенсионного обеспечения, повышением жизненного уровня основной массы населения, снижением инфляции, подъемом культуры, науки, образования и т. д. Между тем состояние именно этих сторон жизни общества должно служить важнейшим индикатором наличия кризиса или оживления в экономике.

Это побудило президента Франции поручить комиссию экономистов под руководством нобелевских лауреатов Джозефа Стиглица и Амартии Сена изучить адекватность показателя ВВП как центрального ориентира в оценке экономической ситуации и результатов предпринимаемых правительством антикризисных мер. По итогам работы Дж. Стиглиц заявил: «То, что мы измеряем, влияет на то, что мы делаем. Если у нас неверное измерение, мы будем иметь неверные результаты... Надо перестать фетишизировать ВВП и понять его ограниченность... Многие аспекты жизни общества ВВП не отражает». А президент Н. Саркози высказался в связи с этим еще определеннее: «Граждане думают, что мы лжем и приводим неправильные показатели. И они имеют основание так думать»².

Мы видим, что глобальный кризис заставляет правящие круги многое переосмысливать. Европа, Китай и ряд других стран задумываются о новой модели или парадигме экономического устройства. Не менее актуально это и для России. Конечно, открыто признать несостоятельность ультралиберальной идеологии наши реформаторы еще не готовы. Но критические настроения в России, испытавшей все прелести дикого капитализма, пожалуй, сильнее, чем где-либо. Поэтому естественно ожидать, что новые подходы в экономической политике проложат себе дорогу.

Кризис должен способствовать отрезвлению приверженцев неолиберальной идеологии, а также признанию наличия серьезного кризиса культуры и морали в западном обществе, как, впрочем, и в российском. Представляется, что диалог между представителями различных цивилизаций и культур мог бы облегчить поиск путей преодоления кризисных явлений и оптимальных моделей посткризисного развития. Во многих странах назрела необходимость модернизации как экономического, так и общественного устройства, переоценки не оправдавших себя идей, концепций развития экономики, культуры, образования и нравственности.

¹ *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис... А что дальше? СПб., 2009. С. 7, 129.

² *Financial Times.* 2009. September 15. 2009.

Н. С. Бондарь¹

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛИСТСКОГО МИРА

Современная эпоха ознаменована конституционными преобразованиями, отразившими всю глубину, противоречивость, а порой и национально-исторический трагизм геополитических изменений современного мира и отдельных стран. Это в полной мере касается России и других стран, возникших после распада СССР, что находит свое отражение в том числе в зарождении новой политической философии, новой конституционной идеологии и соответственно в разработке принципиально новых подходов к пониманию и обоснованию ценностей современного конституционализма в условиях глобалистского мира.

1. Правовая глобализация — результат партнерства и (или?) противостояния современных правовых систем.

Пожалуй, одними из наиболее значимых, воздействующих как позитивно, так и отрицательно на состояние и развитие современного конституционализма, являются процессы глобализации. Одновременно именно глобализационные процессы современной эпохи представляют собой определенную духовную (нередко, впрочем, и бездуховную) результат диалога, взаимодействия и противостояния цивилизационных культур, включая правовую культуру современной цивилизации. В этом плане правовая культура представляет собой, если говорить в обобщенно-мировоззренческом, гносеологическом аспекте, процесс приобщения личности, общества, цивилизации к сущности, основам человеческого бытия посредством (и на основе) ценностей права, с помощью (и в условиях) действия (взаимодействия) национальных правовых систем, а также общепризнанных принципов и норм современного международного права.

Соответственно всеобъемлющий, универсально-культурологический характер процессов глобализации, оцениваемой в том числе с позиций юридического мировоззрения и правовой культуры, включает гуманистические, философско-мировоззренческие, натуралистические (отношения человека с природой), нравственно-этические, социально-политические, юридико-правовые и многие другие координаты своего измерения. Поэтому вполне

оправданным является выделение наряду с экономическим, политическим и иными способами проявления глобализационных процессов правовых форм. При этом очевидным представляется тот факт, что правовые аспекты глобализации не сводятся к воздействию соответствующих процессов экономической, политической глобализации на правовые системы современных государств мирового сообщества. Важно учитывать, что понятие «правовая глобализация» не тождественно глобализации в правовой сфере.

Правовая глобализация отражает современную динамику качественных характеристик правовой интернационализации социальной действительности. В центре ее внимания — нарастание общего, универсального в нормативно-правовых стандартах современной цивилизации. В свете этих процессов представляется важным подчеркнуть (без подробного обоснования), что в настоящее время более важное значение приобретает сохранение и развитие всего богатства национально-культурных особенностей российской государственности и ее правовой системы, чем рецепция либеральных ценностей западной культуры². Но это, естественно, ни в коей мере не должно привести к противопоставлению национальных и универсальных демократических ценностей правовых систем современной цивилизации.

Правовая глобализация отражает прежде всего качественные характеристики интернационализации, интервенции, в том числе взаимной, ведущих правовых систем современности и на этой основе — нарастание общего в нормативно-правовой жизни современной цивилизации. Для нас, пожалуй, наиболее важное, революционное значение имеет в этом отношении проникновение в нашу национальную правовую систему (как и в континентальную систему права в целом) прецедентных начал. Достаточно вспомнить о приобретающих прецедентное значение для нашей правоприменительной практики решениях Европейского суда по правам человека, а также о юридической природе решений органов конституционного контроля государств континентальной Европы.

Таким образом, процессы правовой универсализации объективно нуждаются в конституционных оценках на уровне национальных государственно-правовых систем и одновременно в диалоге, взаимодействии национальных правовых систем. Соответственно современные ценности правовой культуры естественным образом — не только в силу глобальных последствий, но и по своей природе, в силу единых общедемократических начал — вы-

¹ Судья Конституционного Суда Российской Федерации, заведующий кафедрой муниципального права и управления Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации», «Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ)», «Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России», «Конституционная ценность избирательных прав граждан России», «Конституционно-судебная защита социально-трудовых прав с участием профсоюзов» и др.

² В этом плане нельзя не согласиться с основными идеями, представленными в кн.: Величко А. М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999.

ходят далеко за пределы собственно национальных конституционно-правовых систем.

2. *Конституционные ценности — универсальный «язык» диалога современных правовых культур.*

Основу глобальной юридикации общественных отношений в современных демократических государствах составляют прежде всего процессы правовой модернизации на основе всеобщего признания и утверждения универсальных конституционных ценностей. В свою очередь универсализация конституционных ценностей сопровождается их трансформацией из мифологизированных политико-идеологических категорий в действующие нормативно-правовые императивы должного.

Важное значение в этом плане имеет определение ценностных критериев и ориентиров, лежащих в основе правовой глобализации и соответственно правового прогресса демократических государств. Имеется в виду признание в качестве своего рода аксиомы современного правового глобализма, что эти процессы должны развиваться в направлении *юридикации свободы, власти, собственности* — основополагающих компонентов современных социально-политических и экономических систем. В их числе — ценности свободы и прав человека, социальной справедливости и равенства всех перед законом, правового социального государства, разделения властей, политического, идеологического и экономического плюрализма и др.

Недавно основой интернационализации, сближения правовых систем, в том числе в направлении формирования единого правового пространства в Европе, безоговорочно признавались права человека. Благодаря имманентно присущей им ценностно-интегративной функции права человека приобрели наднациональный, интернациональный характер. Их признание на международном уровне и закрепление в нормах международного права лишь усилило всеобщность и обязательность заложенных в них требований в масштабах всего мирового сообщества.

В современном мире главным является установление баланса между ценностями публичного характера, с одной стороны, и личными, частными ценностями — с другой. В формализованном, нормативно-правовом выражении это проблема соотношения суверенной государственной власти (на характеристике власти как «суверенной» делаем акцент) и свободы, которая прямо или косвенно пронизывает всю систему конституционного регулирования, «присутствует» в каждом конституционном институте, каждой норме и статье Конституции. В этом смысле нахождение баланса власти и свободы составляет главное содержание теории и практики современного конституционализма¹.

Уже поэтому весьма острой является *проблема конкуренции конституционных ценностей*, лежащих в основе современных процессов глобализации и правового прогресса. В частности, игнорирование

мультикультурной природы современных правовых систем, их национальных и исторических особенностей может привести в правоглобализационном процессе (и нередко приводит) к политической, идеологической, правовой экспансии экономически, военно-политически господствующих стран и блоков, в основе которой лежит не сила права, а право силы и соответственно отказ от фундаментальных конституционных идей демократии и государственного суверенитета.

Глобализация непосредственно влияет на конституционные системы современных государств, предопределяет новые ценностные критерии их развития, модернизации и защиты. В условиях современного мира процессы модернизации являются неотъемлемым элементом универсальной тенденции глобализации, в рамках которой происходит взаимное переплетение, диффузия внутригосударственных и международных кризисов, конфликтов и противоречий, а преобразование жизнедеятельности конкретного общества и государства обуславливается системой универсальных принципов развития всего человечества. Правовые факторы глобализационной модернизации наиболее зримо материализуются в усиливающейся тенденции сближения англосаксонской и европейской континентальной правовых систем, их конвергенции.

Конституционализм, представляя собой важную сферу реализации современных процессов правовой глобализации, одновременно характеризуется и как основа правового диалога цивилизационных культур.

3. Конституционализм — основа правового диалога культур в условиях глобализации.

Известно, что конституционализм — комплексная политико-правовая категория, которая в современных условиях правовой глобализации и противоречивых процессов демократического развития российской государственности дополняется новыми качественными характеристиками. Структурно она включает: во-первых, конституционную доктрину, философско-правовую теорию развития общества и государства, их взаимоотношений с личностью; во-вторых, конституционализм — это сама практика, конституционно-правовая онтология конституционной государственности в самом широком проявлении ее законотворческого, правоприменительного и, естественно, судебного бытия; в-третьих, нормативно-правовой компонент (систему конституционного законодательства во главе с Конституцией РФ), имеющий прежде всего аксиологическую ориентацию; наконец, в-четвертых, конституционализм — это одна из форм общественного сознания, характеризующаяся единством конституционной психологии и конституционной идеологии, на основе которых становится возможным формирование в нашем обществе (хочется надеяться) нового типа юридического, конституционного, мировоззрения.

Понимание сущности Конституции как документа, «впитавшего» все многообразие социальных противоречий и в концентрированном виде выразившего вариативный набор возможных моделей развития

¹ См.: Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М., 2005.

общества, а также призванного конституционно-правовыми средствами способствовать (как реально действующий, работающий акт) разрешению таких противоречий, выбору наиболее оптимальных путей цивилизационного развития общества и государства, означает, что *Конституция по своей сути выступает предпосылкой, идеальным итогом и институционной основой правовой глобализации.*

Конституционная доктрина развития государственности, ее модернизации применительно к условиям глобализирующегося мира не являются абстрактно-умозрительной конструкцией; она имеет в своей основе фактические конституционные отношения и их формально-юридическое выражение, что в своем единстве предопределяет конституционно допустимые, нормативно определенные модели развития общества и государства.

Анализ закономерностей развития современного конституционализма свидетельствует, что в сферу конституционного воздействия все в большей степени вовлекаются экономические и социально-культурные отношения — как путем их прямого конституционно-правового регулирования, так и посредством осуществления конституционного контроля в области рыночного (экономического) и социально-культурного законодательства.

Какими бы ни были концептуальные подходы к пониманию природы права, его соотношению с экономикой и социально-культурной сферой, очевидно, что и современные тенденции массивного нормативно-правового наступления на социально-экономическую сферу, «гиперрегулирование» соответствующих отношений нуждается (не в меньшей, если не в большей степени, чем прежде) в конституционных ориентирах. Будучи «встроенным» в систему конституционных координат, правовое регулирование экономических отношений должно подчиняться аксиологическим критериям современного конституционализма, базирующегося на всеобщем признании универсальных конституционных ценностей, таких как свобода, права человека, социальная справедливость, равенство всех перед законом, правовое социальное государство, разделение властей, идеологический и экономический плюрализм, как общего достояния человеческой цивилизации.

Таковы основные линии системных взаимосвязей между глобализацией, правовым прогрессом и конституционализацией правопорядка, что в общем виде выражается в интернационализации современного конституционализма, с одной стороны, и конституционализации процессов социальной действительности — с другой.

4. Конституционное правосудие — институционный «язык» диалога современных национально-правовых культур.

Особую роль в утверждении правовых принципов межцивилизационного общения и установлении на этой основе точных конституционно-правовых координат международного сотрудничества государств и народов играют органы конституционного правосудия. Как это выражается на практике? Речь идет об универсализации и интенсификации воздействия

конституционных ценностей на отрасли и институты различных правовых систем, что существенным образом способствует их сближению посредством конституционализации социального и правового пространства, в том числе в его транснациональном восприятии.

По природе, сущностным характеристикам и результатам деятельность органов конституционного правосудия как универсального института разрешения социальных противоречий не исчерпывается правоприменением. Она имеет более сложный характер: получая институционное оформление прежде всего как правоприменительный юрисдикционный процесс, конституционное правосудие (и это становится все более очевидным для современной юриспруденции) в итоговых правовых характеристиках сближается с нормативно-установительной юридической практикой, правотворчеством. Это квазиправотворческий орган.

Природа решений Конституционного Суда РФ, их *нормативность проявляется в единстве с доктринальным значением*, что, в свою очередь, значительно усиливает их потенциал как актов по выявлению, конституционной оценке и разрешению социально-политических противоречий. Нормативность и доктринальность — это не две самостоятельные характеристики решений суда. Они существуют в единстве, что создает некое новое, интегральное качество данного вида актов — их нормативно-доктринальную природу.

Именно в этом кроются глубинные характеристики конституционного правосудия как фактора юрисдикции (конституционализации) межцивилизационного диалога и партнерства, истоки *генерирования и развития посредством конституционного правосудия конституционной идеологии*, что не противоречит требованиям ч. 2 ст. 13 Конституции РФ: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Правовые позиции Конституционного Суда есть результат не только итогового вывода о конституционности проверяемого акта, но и прежде всего истолкования конкретных положений законодательства, выявления конституционного смысла рассматриваемых положений в пределах компетенции Конституционного Суда.

Анализ практики деятельности не только Конституционного Суда РФ, но и органов конституционного контроля других стран свидетельствует о весьма активном влиянии конституционных судов на процессы, связанные с внедрением в национальные правовые системы и практику универсальных ценностей современной демократии, разрешением социальных противоречий (в том числе достаточно глубокие, по сути, цивилизационного характера), утверждением и развитием правовых стандартов для комфортного сосуществования и эффективного диалога различных правовых культур.

При этом *в методологическом плане* для разрешения конкретных дел чрезвычайно важно учитывать, что *демократические ценности и принципы государственно-правового строительства и развития должны соотноситься с национальной культурой и традициями*, применяться на основе ответствен-

ности перед нынешним и будущими поколениями (Преамбула Конституции РФ).

Опираясь на конституционные подходы к формированию демократического устройства государства и общества, Конституционный Суд РФ в своей практике исходит из необходимости учета социокультурных особенностей национального развития как одного из принципов интерпретации конституционных положений, выступающего одновременно и критерием для оценки конституционности проверяемых нормативных правовых актов. Так, согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 года № 26-П законодатель, *исходя из исторически обусловленных особенностей России как федеративного государства, специфики ее территориального устройства и крайне неравномерного размещения населения в различных субъектах Российской Федерации*, с тем чтобы не поставить под угрозу основы конституционного строя и его стабильность, мог в соответствии со ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ предусмотреть в данном законе норму, устанавливающую отклонения от единой нормы представительства, поскольку целью такого решения служит обеспечение парламентского представительства территориальных единиц с малочисленным населением¹.

В другом постановлении по вопросам партийного строительства Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что *в современных условиях*, когда российское общество еще не приобрело прочный опыт демократического существования, имеют место серьезные вызовы со стороны сепаратистских, националистических, террористических сил, создание региональных политических партий (поскольку они стремились бы к отставанию преимущественно своих, сугубо региональных и местных интересов) могло бы привести к нарушению государственной целостности и единства системы государственной власти как основ федеративного устройства России, а потому федеральный законодатель вполне обоснованно ввел запрет на такую форму партийной организации².

В целом же Конституционный Суд РФ полагает, что особенности проявления конституционных целей и соотношения конституционно защищае-

мых ценностей и общенациональных интересов Российской Федерации на каждом этапе развития национальной государственности могут служить основанием для корректировки федеральными законодателями государственно-правового механизма, в том числе в части, касающейся обеспечения единства системы государственной власти и разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Федерации. Для самого Конституционного Суда РФ это означает, что его правовые позиции, сформулированные в результате интерпретации, истолкования тех или иных положений Конституции РФ, могут уточняться либо изменяться, с тем чтобы адекватно выявить смысл тех или иных конституционных норм, их букву и дух, с учетом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования³.

Следует заметить, что эти позиции Конституционного Суда РФ находятся в известной корреляции с прецедентной практикой Европейского суда по правам человека, который в своих решениях неоднократно обращал внимание, в частности, на то, что существует множество способов организации избирательных систем и обеспечения их функционирования и множество различий, *inter alia*, в историческом развитии, культурных особенностях и политических взглядах европейских государств, в силу чего каждая договаривающаяся сторона вправе сама формировать свое видение демократии (постановления от 6 октября 2005 г.⁴, 16 марта 2006 г.⁵, 19 июля 2007 г.⁶).

Таким образом, участие России в диалоге конституционно-правовых культур, ее сотрудничество с другими цивилизационными носителями современного конституционализма должно опираться на универсальные демократические ценности и принципы и одновременно учитывать социокультурные особенности многонационального российского народа, чтобы такое сотрудничество и партнерство обеспечивали реализацию национальных интересов России как суверенного демократического правового государства.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 года № 26-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона РФ от 21 июня 1995 года № 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 48. Ст. 5969.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2005 года № 1-П по делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего п. 2 ст. 3 и п. 6 ст. 47 Федерального закона РФ от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // СЗ РФ. 2005. № 6. Ст. 491.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона РФ от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336.

⁴ См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 6 октября 2005 года по делу «Херст против Соединенного Королевства» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 16 марта 2006 года по делу «Жданок против Латвии» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 19 июля 2007 года по делу «Краснов и Скуратов против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2008. № 4. С. 115–132.

К. Н. Брутену¹

ПОДЪЕМ АЗИИ И ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Характерной чертой российской общественной мысли (впрочем, это скорее общемировое явление) была, думается, недооценка роли цивилизационного фактора как на внутренней сцене — в развитии различных стран, так и на внешней — во взаимоотношениях между ними. Сейчас внимание к данному фактору заметно растет, и не только в силу логики научного познания. К этому подталкивает реальность.

В международных политических и экономических отношениях ныне происходит крутой поворот. Он характеризуется вступлением в игру целой группы держав, прежде всего в Азии, с потенциалом глобального влияния, крупными изменениями в балансе сил на арене целых континентов и в планетарном масштабе, вовлечением в историческое творчество сотен миллионов людей, известным ограничением возможностей международных олигархов. По сути можно говорить о начавшейся радикальной реструктуризации международных отношений, вступлении в новую эпоху и, больше того, заре великой геополитической революции.

Трансформация Китая и Индии уже сама по себе преобразила Азию. Кстати, оказалось, что Наполеон был не очень далек от истины, когда говорил о Поднебесной: «Там лежит гигант. Пусть спит. Когда проснется, он сотрясет мир». В самом деле, Китай стремительно набирает силу и уже стал признанным локомотивом мировой экономики.

Все это знаменует фундаментальную перемену в исторической парадигме: Азия возвращается в центр мировой истории и свое будущее отныне будет определять сама. Такова одна из важнейших примет нового мирового порядка. С этой точки зрения тем более деструктивны сохранившиеся стереотипы отношения к Азии (это, к сожалению, относится и к России), в которых недооценка ее креативных возможностей соседствует с высокомерием и негативной предрасположенностью.

Между тем XXI век — это время новой встречи Запада и Востока в самом широком смысле. В ушедшем столетии распад колониальных империй, изгнание колонизаторов были равносильны отрыву, пусть частичному, Востока от Запада. Сейчас они встречаются вновь, но положение принципиально иное: это встреча не колонизатора с колонизируемым, то есть поработавшего Запада с поработаемым Востоком, а стремительно развивающегося Востока с Западом, который пытается отстоять свое привилегированное положение. Кроме того, они встречаются в ра-

дикально изменившихся условиях — условиях глобализации.

Эту встречу осложняют многие факторы: непреодоленная психология превосходства и патернализма, которая накладывается на гегемонистский курс США, тянущих за собой других натовцев; стремление Запада модернизировать Восток по своему образу и подобию; цивилизационные различия и решимость «восточников» отстоять свою национальную и цивилизационную идентичность; отсталость, нищета и ксенофобские настроения на Востоке и Западе; подъем политического ислама и многое другое. И все же определяющую роль в позиции Азии сыграют ее заинтересованность во взаимовыгодном сотрудничестве, растущая внешнеполитическая зрелость азиатских государств и понимание своей ответственности за обеспечение адекватного ответа на глобальные вызовы.

Принципиальный исторический вопрос состоит в том, сумеет ли Запад строить отношения с Востоком на новой основе — равноправия и почтения к его специфике, уважительного отношения к его цивилизационным основам, признания необходимости культурного взаимодействия и т. д. Найдет ли Запад такую основу, дружественный *modus vivendi*² — жизненно важный вопрос для него самого.

Восхождение Азии окончательно выбивает почву из-под европо- и американоцентристского концептуализма и означает для них нечто вроде *coup de grâce*³. Но это отнюдь не является достаточным основанием для конструирования философии азицентризма, прогнозов о том, что XXI век станет азиатским, что начинается «мировой порядок с центром в Азии» и т. п. Иначе говоря, теперь создается псевдонаучный флюс⁴ обратного порядка. И среди выступающих с подобными утверждениями такие известные политические аналитики, как Ж. Аттали, Г. Киссинджер, З. Бжезинский и многие другие.

Однако время таких подходов и концепций безвозвратно прошло. Мир уже небывало многообразен, а станет еще многообразнее благодаря постепенному выходу из политического анабиоза все новых действующих лиц. XXI век будет полицентрическим, если угодно, концентрическим. Любые центристские теории жизни и развития нашей планеты противостоят целостной парадигме мировой истории.

В достижениях азиатских стран значительную роль сыграли, как это уже стал признавать и Запад, цивилизационные факторы. Например, в том же Китае. Еще недавно утверждалось (в частности, Максом Вебером), что конфуцианство — барьер на пути модернизации. На деле же в китайском «чуде» огромную роль сыграл громадный цивилизационный задел, в который органично входит

¹ Вице-президент Российской внешнеполитической ассоциации, доктор исторических наук, профессор.

С 1961 года работал в аппарате ЦК КПСС. С 1991 года — советник Президента СССР М. С. Горбачева. Автор публикаций на общественно-политические темы: «Освободившиеся страны: некоторые проблемы и перспективы», «Освободившиеся страны в 70-е годы», «О внешнеполитической концепции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе», «Тридцать лет на Старой площади», «Внешняя политика России: новый этап?», «Несбывшееся. Нравнодушные заметки о перестройке», «Закат американской гегемонии».

² *Modus vivendi* (лат.) — образ жизни, способ существования. — *Примеч. ред.*

³ *Coup de grâce* (фр.) — удар милосердия, которым добивали тяжело раненого, уже не оказывающего сопротивления противника, чтобы прекратить его мучения. — *Примеч. ред.*

⁴ Флюс (от нем. Fluss) — поток, течение. — *Примеч. ред.*

конфуцианство, до сих пор серьезно влияющее на образ мыслей и стереотип поведения китайцев. Речь идет о высокой трудовой этике, трудолюбии (как необходимом условии выживания), дисциплине и уважении к старшим (что предполагает определенное отношение к власти наряду с принципом управления на основе сложившихся традиций, этических норм и презумпции «человечности»). Характерно и то, что открытые в 78 странах центры, призванные «объяснять» сегодняшний Китай, названы центрами Конфуция.

Как известно, влияние конфуцианства выходит далеко за границы Китая. В целом в азиатском цивилизационном коде имеют немалое значение следующие компоненты конфуцианского кредо: верность традициям, человеколюбие, чувство долга, уважение к старшим, соблюдение правил общественных, внутрисемейных и групповых отношений, верность таким ценностям, как иерархия, долг, консенсус, подчинение интересов личности интересам группы, клана¹. Модернизация реализовалась и реализуется, опираясь в значительной степени на этот цивилизационный код.

Я, разумеется, не имею в виду, что коллективистские начала отсутствуют в западной культуре, а индивидуалистическое начало — в восточной. Речь идет лишь о выраженности, интенсивности соответствующих компонентов.

Новая роль Азии в мире, надо думать, приведет (и уже ведет) к повышению ее культурно-цивилизационного влияния. Расширенная и укрепившаяся азиоцентристская культурная идентичность — неизбежный спутник подъема Азии, и это будет иметь глубокие последствия.

Запад, думается, только выиграл бы от обогащения некоторыми ценностями и уроками китайской и индийской цивилизации, вклад которых уже присутствует в копилке европейского цивилизационного богатства. Воздействие некоторых сторон восточной культуры (разумеется, в модифицированном и модернизированном виде) было бы небесполезно для излишне коммерциализированных, рационалистических, индивидуалистических и духовно обедняемых западных обществ. Может быть, Азии, Восто-

ку, перенимая достижения Запада и соединяя их со своими, предстоит внести незаменимую лепту в поиски некоего промежуточного идеала, доказать, что достижения западного общества отнюдь не конечный пункт развития человеческой цивилизации.

Как бы то ни было, уже сейчас видно, что Восток (в данном случае я имею в виду прежде всего Восточную Азию, но это относится и к более широкой группе развивающихся стран) переживает модернизацию отнюдь не на путях так называемой вестернизации, переноса институтов и ценностей Запада, а сохраняя и даже укрепляя свою идентичность, что не мешает использовать и перенимать его достижения. Оказалось, что вопреки утверждениям западных идеологов такой перенос совсем не обязательный ключ к вступлению в современность.

Но, конечно, речь идет не о каком-то одностороннем процессе, а о диалоге цивилизаций, в котором обе стороны «слышат» и взаимообогащают друг друга.

Экономический рывок, произошедший в ряде стран Азии, имел социально-культурные и психологические последствия, которые получили общеазиатский резонанс. Произошел серьезный сдвиг в сознании народов региона. Заметно поднялась планка самооценки и по большей части преодолено представление о превосходстве Запада. Отголоском этого является то, что в Азии заговорили об «азиатской» идее, азиатском самосознании, имея при этом в виду, что именно с ними неразрывно связана бурная экономическая динамика азиатских стран. Причем растущая популяризация и популярность тезисов об «азиатской» идее и азиатской модели служит своего рода спусковым крючком для роста национального самосознания народов региона. Это создает потенциал и для развития национализма.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что равноправный и взаимообогащающий диалог цивилизаций — это актуальнейший вопрос сегодняшнего дня и всей нашей эпохи. Но огромную, если не решающую роль предпосылки такого дружественного диалога играет формирование политических основ равноправных отношений и сотрудничества между Востоком и Западом.

А. Е. Бусыгин²

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Полезный и результативный диалог культур возможен только в том случае, когда все стороны диало-

¹ Подробнее об этом см.: Гаджиев К. Вестернизация или особый путь модернизации? // Полис. 2008. № 4. С. 148–163.

² Заместитель министра культуры Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор. Автор книг: «Диалектика становления интенсивного типа воспроизводства», «Интенсификация и обобществление производства в экономической системе социализма: закономерности развития и диалектика взаимодействия», «О роли культуры в развитии современного российского общества»; автор статей: «Государственная служба: взгляд изнутри», «Муниципальная реформа: в чем причина настроенного к ней отношения» и др.

га заинтересованы в нем и в его процессе происходит их взаимообогащение.

Следует отметить, что понятие «диалог культур» достаточно абстрактно. Диалог культур предполагает различные формы взаимодействия носителей различных культур, проведение всевозможных акций (выставочных проектов, гастролей, научных и научно-практических конференций и т. п.), в которых также принимают участие конкретные персоналии. Причем, когда диалог протекает в таких формах, его участниками являются прежде всего специали-

сты — работники музеев, архивов, библиотек, деятели искусств, литераторы. «Плоды» таких диалогов обогащают не только их участников. Они дают новые импульсы к развитию общественного сознания, развеивают предрассудки, ломают привычные стереотипы.

Огромная роль в постоянно развивающемся диалоге культур принадлежит музеям. В качестве хранилищ памяти человечества музеи аккумулируют множество вещественных свидетельств разнообразия культур, культурного диалога, который ведется с древности до наших дней. В этом заключается непреходящая ценность музеев. Музейные работники — это VIP-персоны, которые выполняют миссию обогащения знаний современников на основе вещественных доказательств развития культур и их взаимодействия на протяжении истории человечества.

Музейное сообщество иной раз обвиняют в консерватизме. Но так называемый консерватизм музейных работников оправдан и понятен. Главная функция музеев — хранение музейных предметов и коллекций. Функции их изучения и популяризации вторичны по отношению к функции хранения. Только сохраняемое можно изучать и популяризировать. Сроки хранения при этом стремятся к вечности. Разумеется, ничто не вечно. Но стремиться к максимально длительным срокам хранения призывает музейных работников их долг. Поэтому так строги музейные правила хранения, так требовательны хранители к условиям хранения музейных предметов, к температурно-влажностному режиму. Если сегодня та или иная музейная коллекция не вызывает большого общественного интереса, то никто не даст гарантии, что она не окажется в центре общественного внимания через несколько десятков, а то и сотен лет. Кто знает? Музейная работа ориентирована на вечность, потому и кажется консервативной. Д. С. Лихачев говорил: «В музее надо работать долго, желательно всю жизнь». Однако при этой ориентации на вечность музейная работа каждодневно актуальна.

Жаль, что понимание этого в нашем обществе оставляет желать лучшего. Свидетельство тому — недавнее тиражирование в СМИ мнения одного из руководителей федеральных агентств, призывавшего закрыть музеи, в которые все равно никто не ходит. Другой пример — уже в текущем году один из членов Общественной палаты Российской Федерации заявил, что все предметы религиозного назначения, хранящиеся в музеях, нужно отдать церкви. «А музейщикам мы найдем другую работу», — сказал он. Невежество, судя по этим высказываниям, не сдает своих позиций. Но это не значит, что с невежеством надо смириться.

В связи с проблематикой диалога культур затронем тему православной иконы в музеях. В 2008 году в России (Государственная Третьяковская галерея), Украине (Национальный Киево-Печерский историко-культурный заповедник) и Беларуси (Национальный художественный музей Республики Беларусь) с большим успехом прошла выставка «Православная икона России, Украины, Беларуси». Основная цель данного выставочного проекта — показать своеобразие и родство изобразительного искусства трех братских на-

родов, имеющих одни культурные корни, общие истоки и общего наставника — Византию. Наши страны связывают единая древняя история, православная вера, иконописная традиция. Но, развиваясь в разных исторических условиях, русская, украинская и белорусская иконописные традиции обрели свои неповторимые черты и стали выдающимся явлением в культуре каждой страны.

Если бы не музеи, хранящие православные иконы, разве мог бы быть реализован этот проект? Разве можно было бы сравнить православную, но столь различную иконопись трех стран? Надо отметить, что этот проект имеет не только историко-познавательное значение. В обращении, опубликованном в каталоге выставок, патриарх Московский и всея Руси Алексий II писал: «Особенно радостно видеть, как успешно возрождаются иконописные традиции в наше время. Тому свидетельством — работы современных авторов-иконописцев, художников-реставраторов, среди которых много молодых людей». Как можно учиться иконописи, не изучая различные школы, направления, национальные особенности иконописи? Такую возможность предоставляют музеи.

А какое разнообразие школ иконописи мы наблюдаем, рассматривая в музеях иконы Московской и Ярославской школ, Новгородские и Русского Севера, юга России! Все они созданы в рамках единой православной культуры, но каждая школа имеет свои неповторимые особенности.

Американский предприниматель Гордон Лэнгтон основал частный музей православной иконы в небольшом американском городке Кеннеди недалеко от Бостона. Он приобретал иконы на аукционах, покупал у современных иконописцев в России. В его музее в любое время года большое число посетителей. Американцы открывают здесь для себя богатства русской иконописи. Крупные музеи России, в частности Государственный Русский музей, заинтересовались возможностью реализовать совместные с этим музеем выставочные проекты в США.

Не могу не упомянуть выставочный проект «Святая Русь. От возникновения до эпохи Петра Великого», которая проходит этой весной в парижском Лувре в рамках обменного Года культуры России и Франции. Этот проект призван показать французам, что «русская культура всегда была по своему типу европейской культурой и несла в себе все три отличительные особенности, связанные с христианством: личностное начало, восприимчивость к другим культурам (универсализм) и стремление к свободе»¹. В то же время выставка демонстрирует особенности именно русского выражения вышеназванных отличительных черт.

Благодаря Государственному музею изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в 2008 году россияне смогли познакомиться с одной из интереснейших сторон японской культуры на выставке «Японская гравюра XVIII–XIX веков». Вся обширная выставка была сформирована на основе коллекции японского

¹ Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Дмитрий Лихачев. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 366.

искусства в ГМИИ им. А. С. Пушкина, которая является одной из самых ранних и крупных в России. Причем главная особенность собрания Музея состоит в том, что произведения японских графиков приобретались непосредственно в Японии, а не на последующих аукционах. По свидетельству японского специалиста Сэйдзи Нагата, «...разнообразие этой коллекции совершенно уникально среди зарубежных коллекций наших дней». К выставке был выпущен двухтомный ее каталог — уникальное научно-художественное издание, в предисловии к которому говорится: «Этот Каталог музейного собрания, как и многие каталоги такого типа, готовился много лет, даже десятилетий. Можно сказать, что с ним связана вся научная жизнь хранителя японской графики Музея Беаты Григорьевны Вороновой...» Не могу не процитировать данную фразу, поскольку министерства экономического блока Правительства России отказывают музеям страны в праве заниматься научной работой. Результат этого — урезанное финансирование (по мнению Министерства финансов России научных работников в штате музеев быть не должно). Абсурд, да и только!

В 2008 году был реализован еще один выставочный проект, позволивший россиянам познакомиться с другим самобытным явлением японской культуры. Это выставка «Самураи. Сокровища воинской знати Японии» в Государственном историко-культурном музее-заповеднике «Московский Кремль». Демонстрировались 73 произведения из фондов Токийского национального музея. Причем японцы привезли в Москву особо ценные в Японии сокровища: один экспонат имел статус «национальное сокровище», четыре — «особо ценный культурный объект», два — «особо ценный предмет искусства». Это свидетельствует о желании развивать культурные связи, вести культурный диалог. В каталоге, выпущенном к выставке, господин Тэйити Сато, генеральный директор Токийского национального музея, отметил, что в Японии уже несколько раз проводились выставки, представляющие российское искусство и культуру.

Россия имеет богатый опыт организации музейного пространства для диалога культур. Причем не только в крупных, общенациональных музеях, но и в относительно небольших.

Один из интереснейших музеев с этой точки зрения — Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д. Г. Бурьлина.

Страсть к коллекционированию, любовь к старинным и редким вещам определили цель жизни основателя музея Д. Г. Бурьлина (1852–1924) — создать музей для всеобщего обозрения, для всех желающих.

Для пополнения коллекции Дмитрий Геннадьевич выезжал в различные города России. Побывал в Англии, Австрии, Германии, Греции, Египте, Италии, Польше, Турции, Франции, Финляндии, Бельгии, Швейцарии. Истинную музейную ценность представлял отдел Востока. Его гордость — уникальная коллекция предметов буддистского культа — подобной в дореволюционное время не было во всей России. Одной из самых лучших в России была ма-

сонская коллекция. В ней находились редчайшие мasonicкие знаки всех стран, рукописи, символические одежды. Кстати, эта коллекция после 1917 года украшает музейную коллекцию Государственного Эрмитажа.

И сегодня, проходя по залам музея им. Д. Г. Бурьлина, рядом с коллекцией русского оружия видишь доспехи самурая, мечи русских средневековых воинов и японское оружие, вооружение среднеазиатских воителей. Музей дает уникальную возможность сравнивать культуры различных народов.

Не могу не упомянуть еще об одном музейном проекте, чрезвычайно важном с точки зрения развития диалога культур. Речь идет об одновременном совместном развитии музеев-заповедников Волжские Булгары и Свияжск с приданием им федерального статуса. Два этих уникальных объекта находятся недалеко друг от друга на территории Республики Татарстан. Булгар — столица государства, существовавшего в VII–X веках, имевшего тесные связи с арабским миром того времени. Население Булгара исповедовало ислам. Памятники исламской культуры сохранились до нашего времени. В XIX веке они были запечатлены И. Шишкиным в его пейзажах. Это уникальное место Поволжья. Путешественник, поднимающийся немного вверх по Волге, минуя Казань, скоро видит город Свияжск, расположенный на острове. Срубленный близ Ярославля, он был разобран по бревнышку, спущен на судах вниз по Волге и в течение двух недель собран строителями близ Казани. Основанный в 30 километрах выше Казани по реке Волге, он служил базой наступления русских войск Ивана Грозного на Казань в середине XVI века. Здесь сохранились уникальные памятники истории и культуры XVI–XVII веков.

Идея одновременного развития двух этих музеев-заповедников принадлежит руководству Республики Татарстан и заслуживает всесторонней поддержки. Вся последующая после середины XVI века история свидетельствует о взаимовлиянии культур русского и татарского народов. Два музея-заповедника — Булгар и Свияжск — как бы два исходных пункта, положивших начало новому этапу развития мусульманской и православной культур в Среднем Поволжье, уже много столетий «ведут диалог».

Если бы практически во всех субъектах Российской Федерации не было краеведческих музеев, межкультурный диалог стал бы гораздо беднее. Более того, смею утверждать, что в отсутствие этих музеев межкультурный диалог носил бы эпизодический характер. Именно краеведческие музеи с их экспозициями делают этот диалог постоянным. Именно они просвещают детей и молодежь, вводя их в мир богатой, столь разнообразной культуры мира.

В России с многообразием населяющих ее народов почти в каждом краеведческом музее можно найти экспонаты, которые много говорят о различиях и взаимовлиянии разнообразных культур. В Поволжье — это русская, татарская, удмуртская, чувашская, марийская, мордовская культуры. На Северном Кавказе — огромное разнообразие культур. Затруднительно все их перечислить. Недаром Кавказ называли «горой языков». То же самое и в Сибири, на

Европейском Севере России, на юге России. Обильную пищу для размышлений на тему диалога культур дают экспозиции Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге.

Невозможно представить себе современный диалог культур без музеев. В пространстве музеев этот диалог ведется непрерывно, результативно и весьма эффективно.

В. И. Васильев¹

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА И СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (На примере творческого наследия Д. С. Лихачева)

Даниил Гранин назвал академика Дмитрия Сергеевича Лихачева министром той «культуры, которой власть не занимается»². Однако сегодня можно утверждать, что своими научными трудами, образом жизни, а также любовью к книге и заботой о ее настоящем и будущем великий ученый и гражданин добился того, что духовная культура нации стала объектом пристального внимания власти, насущной потребностью общества, и не только в России. Общеизвестны универсальность и энциклопедизм научных знаний и интересов академика Д. С. Лихачева. В многочисленных изданиях о нем и его трудах отмечается, что он творчески разрабатывал мало или совсем не изученные темы различных областей знания (литературоведения, языкознания, истории, философии, искусствоведения, культурологии, краеведения). Изучение трудов Д. С. Лихачева позволяет с уверенностью утверждать, что ученый внес заметный вклад и в науку о книге, историю книжной культуры.

Дмитрий Сергеевич Лихачев и книга во всех ее ипостасях неразделимы. Для Дмитрия Сергеевича книга — это прежде всего средоточие духовной жизни общества, его истории и культуры, а также продукт материального производства, на базе которого создаются книжные памятники культуры. Он хорошо знал и любил издательско-полиграфическую сферу деятельности, оценивал ее не иначе как книжное искусство. «Типографии я обязан своим интересом к типографскому делу. Запах свежееотпечатанной книги для меня и сейчас — лучший из ароматов, способный поднять настроение», — отмечал Д. С. Лихачев в своих воспоминаниях³.

Дмитрий Сергеевич оставил потомкам большое творческое наследие: более 1100 публикаций, не считая многих редакторских работ. Анализируя структуру монографических исследований Д. С. Лихачева, можно отметить, что только под грифом академического издательства «Наука» они выдержали 29 изданий

(19 первых и 6 вторых, включая репринтное воспроизведение, и 4 третьих). Трижды выпускались две работы Д. С. Лихачева: «Человек в литературе Древней Руси» (1958, 1970, 2006) и «Развитие русской литературы X—XVII веков» (1973, 1998, 1999)⁴. Кроме того, ученый подготовил к изданию на русском языке немало выдающихся произведений мировой литературы как текстолог, составитель, а нередко и как переводчик.

Под грифом Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (РАН) в академическом издательстве в 1945–2006 годах было издано 12 работ Д. С. Лихачева, под грифом Научного совета по истории мировой культуры АН СССР, Отделения литературы и языка АН СССР, Археографической комиссии РАН и библиотеки Международного литературного фонда — по два произведения. Шесть книг вышли в научно-популярной серии, по одной в сериях «Наука. Мировоззрение. Жизнь», «История мировой культуры» и «Литературные памятники».

Трудно подсчитать число статей, написанных Д. С. Лихачевым для трудов, вышедших в академическом издательстве. Чаще всего они публиковались в «Трудах Отдела древнерусской литературы», книгах серии «Литературные памятники» и «Библиотека литературы Древней Руси», академических журналах гуманитарного профиля.

Грани таланта Д. С. Лихачева как текстолога, переводчика и составителя академических изданий наиболее ярко раскрылись в процессе его многолетней работы в редколлегии серии «Литературные памятники». В 1952 году Д. С. Лихачев стал членом редколлегии серии «Литературные памятники», в 1971-м — ее председателем, а с 1990 года до последних своих дней он был ее почетным председателем.

Основатели серии ставили задачу системно знакомить читателей с наиболее выдающимися, характерными для своего типа культуры литературными, историческими, философскими, этическими и социально-политическими книжными памятниками народов всего мира. Они являлись, по словам академика Д. С. Лихачева, воплощением мирового литературного процесса, учили современного читателя уважению ко всем эпохам, их ценностям, сохраняющим свое значение и для нас. Этот пример наглядно демонстрирует цепочку от национальных историй (в данном случае литератур) ко всемирной истории.

Д. С. Лихачев внес неоценимый вклад в развитие серии «Литературные памятники» не только

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, генеральный директор Академического научно-издательского производственно-полиграфического и книгораспространительского центра РАН, директор издательства «Наука», доктор филологических наук, доктор исторических наук, профессор. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч.: «Техника научного книгопечатания: История. Состояние. Перспективы», «Электронные устройства обработки информации», «Теория информации и кодирования», «Издательство “Наука”. История и современность» и др. Президент Ассоциации книгоиздателей России.

² Гранин Д. Он был министром той культуры, которой власть не занимается // Очень^{UM} — University Magazine. 2006–2007. № 1 (спецвып.). С. 16–23.

³ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 96.

⁴ Подробно об этом см.: Васильев В. И. Д. С. Лихачев и книга. М., 2006.

как председатель ее редколлегии, но и как ученый, подготавливавший тексты к печати, в ряде случаев выступавший еще и в качестве переводчика, создателя справочного аппарата и составителя. Кроме того, он был ответственным редактором более 20 изданий, вышедших в этой серии начиная с 1954 года.

Общеизвестно, что любовь к книге, восхищение ею Д. С. Лихачев пронес через всю свою жизнь. Но одновременно он боролся за достойное место книги в обществе, культуре.

В чем Д. С. Лихачев видел роль книги в обществе? Так, определяя задачу своей книги «Поэтика древнерусской литературы» — «наметить пути изучения, а не закрыть их для движения ученой мысли», он отметил, что чем «больше споров вызовет эта книга, тем лучше»¹.

Литературоведение и искусствоведение Д. С. Лихачев определял как «науки, борющиеся со смертью культуры»².

Глубоко символично название речи Д. С. Лихачева, произнесенной им на праздновании своего 90-летия 28 ноября 1996 года, — «Книга спасает от смерти»³. В ней он, в частности, выражал глубокую благодарность как академическим издателям, полиграфистам, так и «хранителям и популяризаторам» книги — сотрудникам Библиотеки Академии наук.

Литература, материализованная в книге, по убеждению Д. С. Лихачева, «всегда была совестью народа»⁴.

Д. С. Лихачева нет с нами, но его творческое наследие при изучении, в частности, проблемы становления глобальной культуры актуально и востребовано и в наши дни.

Научным и нравственным завещанием сегодня стала «Декларация прав культуры», идею которой сформулировал Д. С. Лихачев. Под его научным руководством совместно с учеными Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов этот текст был преобразован в итоговый документ. В нем был сформулирован новый подход к определению места и роли культуры в жизни общества⁵. Как известно, Дмитрий Сергеевич не отделял культуру от литературы и чтения, что, по его словам, составляет основу формирования культурного потенциала общества.

Сегодня часто цитируют еще одно высказывание великого ученого, не утратившее своего значения и в настоящее время: «Общение между собой народов, их культур совершается в первую очередь через книги, но и консолидация национальных особенностей культур совершается прежде всего в книге»⁶.

Г. А. Гаджиев⁷

«ШЕЛКОВЫЕ ОКОВЫ»: РЕШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР В ЕВРОПЕ

Выступая с докладом «Толерантность и диалог культур» на IX Международных научных Лихачевских чтениях 2009 года, академик А. А. Гусейнов затронул вопрос о том, как толерантность, культивирующая мировоззренческий плюрализм, согласуется с концепцией прав человека, которая заявляется в качестве универсально-транснационального, транскультурно-гуманитарного проекта. Им кон-

статируется, что здесь есть известное напряжение и даже противоречие, если только права человека понимать как догматическую совокупность абстрактных ценностей сугубо западного происхождения. В действительности они в таком «оголенном» виде нигде, в том числе и на Западе, не существуют. Это означает, как утверждает А. А. Гусейнов, что понимание и конкретное осуществление прав человека меняется от культуры к культуре, от страны к стране, от эпохи к эпохе. Права человека сами по себе существуют только в текстах деклараций и трудах философов. В реальности мы наблюдаем многообразные опыты их осуществления.

В Европе говорят более чем на 50 различных языках. Каждая страна обладает собственной правовой системой. Казалось бы, это не является непреодолимым препятствием для взаимного общения правовых культур, однако сложности начинаются уже на стадии перевода юридических терминов. Есть сомнения в том, всегда ли удастся адекватно перевести юридические термины, поскольку последние — всего лишь малозначимая в юриспруденции вербальная оболочка, которая скрывает все богатство содержания идей, воплощенных в этих терминах. И в Конституции России, и в Основном законе ФРГ есть упоминание о том, что государство является социальным. Однако представление, идеи о том, что означает социальное государство у нас — страны, вышедшей из социализма, и у Германии, обошедшей его стороной, очень

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М. ; Л., 1967.

² Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971.

³ Лихачев Д. С. Университетские встречи. 16 текстов. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 45–47.

⁴ Ларьков С. М. Д. С. Лихачев о роли книги в современной культуре // Гуманитарные проблемы современной цивилизации : VI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 26–27 мая 2006 года. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 164.

⁵ Запесоцкий А. С. Д. С. Лихачев — выдающийся гражданин, просветитель, ученый // Вестник РАН. 2006. Т. 76, № 11. С. 1026–1030.

⁶ См., например: Селиверстова Н. А. Книжные культуры стран СНГ и Балтии: прошлое и настоящее. М., 2006. С. 3.

⁷ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор более 160 научных работ, в т. ч. книг: «Предприниматель—налогоплательщик—государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики: развитие основ гражданского права в решении Конституционного Суда Российской Федерации», «Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционная экономика» и др. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Председатель редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение».

разнятся. Вот почему специалисты по конституционному праву так любят повторять, что слова конституций, будучи частью реального текста, тем не менее представляют собой некое таинство и потому, что, подобно притчам в Священном Писании, обладают мистическим содержанием. Данные термины только кажутся неизменными и в этом смысле, как часть внешне неизменного текста Конституции, метафизичными. На самом же деле в обществе (включая, прежде всего, сообщество юристов) складываются представления, идеи, иногда развернутые доктрины и концепции о смысле тех или иных юридических терминов (таких, например, как правовое государство, экономическая свобода, достоинство личности). И эти представления очень разнятся, как удачно выразился академик Гусейнов, в разных правовых культурах, разных странах.

Представления о конституционных терминах подвержены трансформации в процессе их официального толкования, и этим обеспечивается диалектическое развитие Конституции при внешней ее метафизичности. Представления о конституционных принципах достаточно эластичны. Однако их нельзя сравнивать с флюгером, который резко изменяет направление в зависимости от направленности ветра. В праве есть, как выражаются психиатры, навязчивые идеи. Одна из них состоит в том, что право должно быть фактором стабильности с помощью правовой определенности. А поэтому устойчивость в представлениях о конституционных терминах должна обеспечиваться, в частности, путем выявления объективной природы каждого из них.

Итак, за различными юридическими терминами может скрываться разное понимание того, что справедливо, разумно, допустимо, дозволено и т. д. Сами по себе юридические термины не элиминируют веления или запреты; представления о них производны от того, что обычно называют правовой культурой.

В книге Патрика Гленна «Правовые традиции мира» автор проводит аналогии семи различных традиций: томической, талмудической, исламской, индуистской, азиатской и традиции стран континентального и общего права.

На европейском континенте появился плавильный котел, в котором происходит сплав различных правовых традиций, — это Европейский суд по правам человека. 46 государств Европы, ратифицировавших Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (и протоколы к ней), вынуждены придерживаться европейских ценностей, закрепленных в Уставе Совета Европы. А решения Европейского суда по правам человека — это удивительные «шелковые оковы», с помощью которых обеспечивается партнерство различных правовых культур.

При этом Европейскому суду постоянно приходится сталкиваться с конфликтами правовых традиций. Культурные различия между странами приводят к различному пониманию границ свободы человека. В определенной степени эти различия могут иметь место, не посягая на европейские ценности, но возможны и ситуации, когда требуется их сглаживание, и это вызывает чрезвычайно болезненные общественные процессы. Различия между правовыми традициями в странах Европы не только сформировали разное понимание внешне одинаковых правовых норм, но и отразились на ценностных суждениях европейцев, живущих в Лиссабоне, Париже или Владивостоке. Особенно много различий по таким основополагающим вопросам, от которых зависит традиционный, сложившийся уклад жизни, такие как роль семьи и религии в обществе, свободы выражения мнений и т. д. Достаточно вспомнить истории о накидках (хиджабе), карикатурах на пророков.

Остается объяснить, почему же все-таки решения Европейского суда — это «шелковые оковы»? Дело в том, что Суд разработал чрезвычайно гибкую и прагматичную судебную доктрину «свободы усмотрения». Эта доктрина защищает национальные особенности страны, широкую дискрецию национального законодателя, позволяет учитывать различные концепции, а также исторические факторы, особенности уклада жизни людей. Доктрина «свободы усмотрения национального законодателя» позволяет найти разумный компромисс между европейскими ценностями, выплавленными в общем юридическом котле, и ценностными суждениями в каждой отдельной стране.

Ренэ Герра¹

РУССКИЙ ПАРНАС И МОНПАРНАС

ной России. Итак, две великие культуры, русская и французская, волею судеб начали сосуществовать на французской земле. Отсюда сразу возникает целый ряд вопросов об их взаимоотношениях, взаимопонимании, взаимопроникновении, восприятии и вкладе русских во французскую культуру...

Что касается русских культурных деятелей Рассеяния, эти писатели и художники старшего поколения поистине совершали подвиг: в чужой языковой среде, чужом быте, отрыве от родной почвы они стремились сохранить себя, свои культурные традиции, чистоту русского языка, дух и ценности исконно

После октябрьского переворота и по окончании Гражданской войны, русская культура Серебряного века оказалась выброшенной за пределы России, и с 1924 года Париж де-факто стал столицей зарубеж-

¹ Заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), доктор филологических наук, коллекционер-исследователь, президент Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции. Автор свыше 200 научных и публицистических работ, в т. ч. книг: «Младшее поколение писателей русского зарубежья», «Они унесли с собой Россию... (Русские эмигранты — писатели и художники во Франции: 1920–1970)», «Жаль русский народ», «Библиография Б. К. Зайцева» и др. Лауреат Царскосельской художественной премии, литературной премии им. Антона Дельвига.

русской культуры, попираемой на родине большевиками. Ведь каждый из них унес с собой Россию, свою Россию, и преданность ей. Однако все имеет свою обратную сторону: эти изгнанники сохранили свою русскость, не переставали думать о России и мучиться ее несчастиями — и чувствовали себя чужими во Франции.

Вслед за Марком Шагалом многие художники и писатели-эмигранты могли повторить, что вдали от родины они были более близки к ней. В этом признавался в биографическом очерке Борис Зайцев: «Вообще годы оторванности от России оказались годами особенно тесной с ней связи в писании. За ничтожными исключениями все написанное здесь мною выросло из России, лишь Россией дышит»¹. И это верно и для Бунина, Куприна, Шмелева, Ремизова, Гиппиус, Тэффи...

Писатели-эмигранты старшего поколения испытывали потребность путешествовать по своей «внутренней» России. Во всех произведениях, написанных ими в изгнании, читатель угадывает непрекращающийся диалог с Россией, «отсутствующей», но всегда незримо «присутствующей». Они все находились в постоянном поиске этой утраченной России.

В первом номере парижской эмигрантской газеты «Последние новости»² был напечатан фельетон Н. Тэффи, начинающийся с анекдота про русского генерала, который выходит на «пляс де ля Конкорд», озадаченно смотрит вокруг и говорит: «Все это хорошо... очень хорошо... но ке фер? Фер то ке! Все прекрасно в этом замечательном городе, но что делать, как жить среди этой красоты, без денег, без надежды на будущее». Эта крылатая фраза, если верить Дон-Аминадо (известному писателю-сатирику), превратилась в некий рефрен всей эмигрантской жизни. Она едко и точно выразила самую суть тупиковой ситуации русского эмигранта, его беспомощную и бесплодную попытку соединить свою русскость с чужеродным контекстом. В этой забавной фразе на самом деле сублимируется вся боль изгнания, вызванная не только разлукой с родиной, родным домом, утратой всего, что было дорого, но и исключением из реальности, подлинным отлучением от действительности. Здесь уместно вспомнить две вещи строки о России того же Дон-Аминадо: «Ты была и будешь вновь, / Только мы уже не будем».

Эмигрантская среда русского Парижа изначально хаотичная, не устоявшаяся, вне быта, отяжелявшего жизнь. Однако к концу 1920-х годов завершился период адаптации эмигрантов, переживших шок вынужденного отрыва от Родины. Большинство из них решили житейские проблемы, нашлись и источники существования, как-то обустроился быт. И одновременно развеялись иллюзии о непрочности советской власти и возможности скорого возвращения на Родину. О чем теперь они мечтали? Об интеграции? Нет. О возвращении? Куда? В Советскую Россию? Нет. Россия стала для них «градом Китежем». Так случилось, что русские деятели культуры уважали Францию, принявшую их, принимали и перени-

мали ее обычаи. И если адаптация была налицо — то ассимиляции так и не произошло: всем своим существом они оставались русскими, связанными с родной страной бесчисленными незримыми нитями. Все представители творческой интеллигенции мучительно переживали трагедию расставания, бесконечно ностальгировали по далекой России, тосковали по Петербургу, Москве.

Можно смело утверждать, что ностальгия — «русская болезнь» XX века. Ностальгия по России — удел русских изгнанников в Париже — была горькой и открытой; а ностальгия по Парижу в Советской России — удел репатриантов — была горькой и потаенной (для Фалька, Альтмана, Штеренберга, Редько, Глушенко).

В связи с этим интересен и весьма любопытен парижский контекст в произведениях писателей старшего поколения — Бунина, Зайцева, Куприна, Ремизова и, конечно, Тэффи. Бунин в рассказах из цикла «Темные аллеи», например в «Гале Ганской» (1940), писал: «Художник и бывший моряк сидели на террасе парижского кафе. Был апрель, и художник восхищался: как прекрасен Париж весной и как очаровательны парижанки в первых весенних костюмах»³. Или в другом его рассказе «В одной знакомой улице» (1944) читаем: «Весенней парижской ночью шел по бульвару в сумраке от густой свежей зелени, по которому металлически блестели фонари... И как удивительно, что все это было когда-то и у меня! Москва, Пресня, глухие снежные улицы, деревянный мещанский домишко — и я студент, какой-то тот я, в существование которого теперь уже не верится». Гуляя по Парижу, герой рассказа вспоминает Москву, молодость.

А вот пассаж из романа Зайцева «Дом в Пасси»: «Сам изящно-серый Париж ведет вечный свой круговорот — в непрерывном потоке прохожих, скользящей волне машин, в запахе сырости, бензинового дыма, дамских духов». И далее: «Над Парижем черная августовская ночь. Эйфелева башня давно мигать перестала. На облаках розоватые отражения огней...»⁴ При этом в дневнике Б. К. Зайцева «Дни» за 1939 год мы читаем: «В этом Париже мы жили и живем, но мы не дома. Прекрасен город Париж, многое от красоты и изящества его — общечеловеческое, все должны защищать Нотр-Дам, Лувр и многое другое... Город всемирный — что и говорить. Но Москва была наша, Кремль наш и любой извозчик-ванька, почесывавший в затылке, также наш, как могилы собирателей Земли Русской в Соборе Кремля. Что же поделать, мы не у себя»⁵.

Что касается младшего поколения, то оно, в отличие от старшего, не могло не испытать влияния современной европейской культуры в Париже, где даже воздух был пропитан ею. Несомненно, это обогатило их внутренний мир и способствовало возникновению «Парижской ноты». Это выражение придумал Борис Поплавский. На самом деле «Парижская нота» — это вовсе не литературная школа с определенной программой, как, например, символизм или

¹ Зайцев Б. К. О себе // Возрождение. Париж, 1957. № 70. С. 24–29.

² Последние новости. Париж, 1920. 27 апр. № 1.

³ Бунин И. А. Темные аллеи. Париж, 1946.

⁴ Зайцев Б. Дом в Пасси. Берлин, 1935. С. 33, 213.

⁵ Зайцев Б. Дни. М.; Париж, 1995. С. 19.

акмеизм. Просто эта «нота» была в самом воздухе, атмосфере 1930-х годов; то было некое верное звучание, стремление к ясности, простоте, отказу от всяких формальных эффектов и трюков и одновременно — трезвость, даже скептицизм вне всевозможных обманов, символики, метафизики. Центральной фигурой для поэтов «Парижской ноты» был современный человек с его внутренним состоянием, отношением к различным событиям и духовным запросам. Поэтому стихи Б. Поплавского, Л. Червинской, Б. Заковича, А. Штейгера, И. Чиннова оставляли ощущение чего-то действительно нового, щемящего, неповторимо личного.

Подобное новое звучание, несомненно, было эхом творчества Марселя Пруста. Здесь возникает вопрос: испытывал ли Бунин влияние автора романа «В поисках утраченного времени»? Писатель это отрицал, но уже сам факт такого отрицания о многом говорит и заставляет задуматься. Ведь то, что Бунин говорит о Прусте, словно оправдываясь, позволяет сомневаться в однозначности ответа. В то же время в современной европейской литературе творили и такие писатели нового типа, как Джеймс Джойс, автор знаменитого «Улисса». А в тени этих титанов находился целый ряд других, менее известных писателей, тем не менее в той или иной степени оказавших влияние на русских писателей-эмигрантов, особенно на младшее поколение, которое металось в поисках новых веяний. В этом ряду можно назвать Эдмона Жалу с его «магическим реализмом», чья роль «состоит в отыскании в реальности того, что есть в ней странного, лирического и даже фантастического — тех элементов, благодаря которым повседневная жизнь становится доступной поэтическим, сюрреалистическим и даже символическим преобразованиям» («Нувель литерэр», 7 ноября 1931 г.). Нельзя отрицать влияния Жоржа Бернано, автора «Дневника сельского священника», либо Франсуа Мориака и его романа «Женитрикс» и многих других. Не будем утверждать, что влияние этих европейских авторов на русских писателей-эмигрантов младшего поколения было довлеющим, но они, несомненно, их читали. Доказательство тому — наличие в моей библиотеке книг французских авторов с пометками Б. Поплавского и С. Шаршуна. Так что писатели-эмигранты прекрасно понимали, что могут обогатить русскую литературу за счет опыта французской культуры.

Младшее поколение литераторов по-настоящему вышло на авансцену с появлением «Чисел» — литературно-художественного журнала (Париж, 1930–1934), ставшего для них трибуной триумфального самоутверждения. Философ-эссеист Георгий Федотов назвал появление первого номера «Чисел» «значительным литературным событием». По выражению Н. Тэффи, «Числа» стали «читаделью молодой литературы». Наряду с литературой «Числа» уделяли внимание искусству, скульптуре, музыке, танцу, современным течениям в искусстве Запада, балету, живописи известных французских художников. Воспроизводились произведения русских мастеров парижской школы: М. Шагала, К. Терешковича, Н. Гончаровой, М. Ларионова, М. Блюма...

Своим существованием «Числа» обязаны прежде всего Н. А. Оцупу, представителю Петербурга и «Цеха поэтов», редактору, издателю и администратору. Секретарем редакции был сначала писатель Ю. Фельзен, затем — поэт и прозаик Е. Бакунина. Отсутствие средств повлекло за собой нерегулярность выпуска журнала, который должен был выходить четыре раза в год. «Числа» объединили вокруг себя почти всю русскую элиту, в них печатали стихи Г. В. Адамович, Г. В. Иванов, Б. Ю. Поплавский, Б. Б. Божнев, И. В. Одоевцева, М. И. Цветаева, Ю. К. Терапиано, Г. А. Раевский, В. А. Смоленский, А. С. Гингер, А. П. Ладинский, В. А. Мамченко, Л. Д. Червинская, Б. К. Закович, В. Ф. Дряхлов, Ю. П. Иваск, И. В. Чиннов, Ю. Б. Софиев, Н. А. Оцуп, прозу — З. Н. Гиппиус, М. Агеев, В. С. Варшавский, Г. И. Газданов, Г. В. Иванов, Б. Ю. Поплавский, Ю. Фельзен, С. И. Шаршун, В. С. Яновский и др.

Десять выпущенных номеров «Чисел» на самом деле были книгами. Эти выпуски были толстыми, сдвоенными и посвящены не только литературе. На их страницах был представлен богатый и разнообразный материал. Продолжая традиции знаменитых изданий Серебряного века, таких как «Аполлон» или «Золотое руно», этот парижский эмигрантский журнал отличался изящным дизайном, высоким качеством полиграфического исполнения, изысканностью, качеством верстки, печатью на бумаге альфа. Выпускалась небольшая часть пронумерованных экземпляров на голландской бумаге и даже на императорской японской! (Все это было бы сегодня немислимо!..)

Как уже говорилось, выход первой книги «Чисел» стал «звездным часом» младшего поколения. И если формально главным редактором «Чисел» был Николай Оцуп, то подлинными, негласными хозяевами издания были Г. Адамович, Г. Иванов и З. Гиппиус — блистательный эмигрантский Петербург на блистательном Монпарнасе. Во многом журнал находился под влиянием антропософов (его соредктором был теософ И. В. Манциарли), но после выхода четвертого номера они отошли от журнала.

Тираж в тысячу экземпляров обеспечивал «Числам» широкую аудиторию. Разумеется, не обходилось и без конфронтаций и даже сведения счетов. Стоит вспомнить «нападение» Г. Адамовича на М. Цветаеву, «войну» между Г. Ивановым и В. Ходасевичем и т. п. Но именно журнал позволял на своих страницах высказывать разнообразные мнения и воззрения, превращая эти страницы порой в настоящие поля сражения! Журнал был не только дорогой, но и боевой, поэтому и смог «выжить» в тех непростых условиях.

Одной из главных задач «Чисел», конечно, был диалог с Западом — диалог культур, чтобы «вытащить» русских из эмигрантского «гетто», состояния одиночества. Ведущая идея издания: мы — дети великой страны, великой культуры и должны на равных беседовать с французской и европейской культурами. В рамках этого диалога также была предпринята едва ли не единственная попытка создать франко-русскую литературную студию¹. У ее истоков стоял

¹ Вейдле В. Франко-русские встречи // Русский альманах. Париж, 1981. С. 397–400.

молодой поэт и журналист В. Б. Фохт и некоторые представители передовой французской литературы.

Большинство писателей-эмигрантов говорили и читали по-французски и, безусловно, в огромной степени испытали влияние французской литературы того времени, особенно Б. Поплавский, Г. Газданов, Ю. Фельзен, С. Шаршун, В. Варшавский, Н. Берберова, И. Одоевцева, Г. Песков. Даже у Бунина, Ремизова, Зайцева, Газданова, Шаршуна шла двуязычная игра. Двуязычие как характерный феномен диаспоры — это не что иное, как игра с языком чужой страны, позволяющая иностранцу, живущему в ней, открывать новые возможности родного языка, обогащая его чужой речью. Тем самым происходит смешение не только языков, но и реалий. В условиях иноязычной среды иностранное влияние, как считал литературный критик М. Слоним, чувствовалось у многих молодых эмигрантских писателей даже в построении фразы, которое он наблюдает у В. Сирина, Г. Газданова, С. Шаршуна и др.¹ Ю. Фельзену принадлежит крылатая фраза: «Кто-то из французов когда-то сказал: теперь нельзя так писать, словно не было Толстого и Достоевского. В наше время эти слова надо повторить о Марселе Прусте»². А некоторые авторы, такие как В. Вейдле, Г. Адамович, М. Цветаева, Ю. Анненков, П. Сувчинский, Б. Шлецер, Г. Лозинский, А. Левинсон, Н. Городецкая, З. Шаховская, писали по-французски столь же естественно и просто, как по-русски, и печатались в парижских газетах и престижных «толстых» журналах.

Согласно ведущей идее «Чисел» представители молодого поколения — писатели, поэты и художники — должны были смотреть вперед и удивляться, восхищаться и учиться у западной современной литературы и живописи, ибо они были достойны этого. Это был призыв поучиться не только у французских художников, как делали Серж Шаршун, Серж Поляков, Никола де Сталь, Костя Терешкович... Они общались не только между собой, но и с западными художниками и писателями, главным образом французскими. Впервые эмигрантский журнал предоставил свои страницы французским художникам и критикам — так завязался диалог. Мосты были наведены.

Французские критики, публикуя статьи о современном западном искусстве, говорили, что создатели и сотрудники «Чисел» — «потерянные дети» русского искусства — ищут точки соприкосновения с западными коллегами.

Русские представители парижской школы, приехав на Запад уже состоявшимися художниками, прославились на чужбине отчасти благодаря «Числам». Это Сергей Шаршун, Марк Шагал, Никола де Сталь, которого многие на Западе почитают одним из первых художников XX века; обрусевший финн Леопольд Сюрваж (Штюрсваге). Здесь же уместно вспомнить и Сержа Полякова, игравшего в цыганском кабаре на гитаре и одновременно писавшего свои светоносные картины; замечательного художника графа Андрея Михайловича Ланского, Михаи-

ла Федоровича Андреевко, Константина Терешковича, Наталью Гончарову, Михаила Ларионова, Василия Кандинского, Хаима Сутина, Осипа Цадкина, Александра Архипенко, Ханну Орлову, Ивана Пуни и др. В западной живописи более десяти художников первого ряда — русского происхождения. И все эти великие французы были и оставались русскими, думали по-русски, часто встречались, веселились на Монпарнасе в кафе «Дом», «Ротонд», «Куполь», «Селект», «Клозери де лила», дружили.

Эти мастера были обязаны «Числам» не только тем, что там печатались превосходные репродукции их работ, публиковались статьи об их творчестве, но и тем, что с помощью журнала организовывались их выставки. Назову несколько имен, чьи работы были опубликованы и о ком писали в «Числах»: Михаил Ларионов, Наталья Гончарова, Марк Шагал, Хаим Сутин, Осип Цадкин, Сергей Шаршун, Андрей Ланской, Константин Терешкович, Лев Зак, Филипп Го-зиассон, Абрам Минчин, Борис Поплавский, Роберт Пикельный, Александр Яковлев...

В Париже оказались почти все художники «Мира искусства» первого (А. Бенуа, К. Сомов, Л. Бакст, К. Коровин, М. Добужинский, И. Билибин, Д. Стеллецкий, Н. Рерих, Н. Калмаков, С. Чехонин, Н. Гончарова) и второго поколений (Б. Григорьев, А. Яковлев, В. Шухаев, Ю. Анненков, Д. Бушен). Благодаря славе довоенных Русских сезонов и своим качествам: мастерству, опыту, тонкости вкуса, изобретательности, пониманию стиля эпохи и умению создать эскизы декораций и костюмов — они быстро и по заслугам заняли свое место в театральном-музыкальном Париже. При этом, кроме «мирискусственников», для сцены работали П. Челищев, А. Шервашидзе, С. Судейкин, Р. Эрте (Тыртов), Л. Зак, Е. Берман, Ф. Го-зиассон, Б. Билинский, Н. Исаев, В. Жедринский, Г. Шильян, А. Зиновьев, С. Лиссим, М. Андреевко, Г. Пожедаев, Н. Миллиоти...

Кроме оформительского искусства, десятки русских художников-эмигрантов занимались книжной графикой — делали иллюстрации и обложки для книг, как русских, так и французских. Самые известные французские издательства сотрудничали с ними. Недавно московский библиофил Михаил Сеславинский выпустил превосходную монографию, посвященную русским художникам во французском книгоиздании первой половины XX века³, — достойный памятник блистательному искусству этих мастеров.

Для всех русских художников в изгнании Париж стал не только местом изгнания, но и подмостками для подлинно мировой славы. В Париж они стремились еще в юности и полюбили его как осуществившуюся мечту. Но не только Париж привлекал их. Одно из многочисленных свидетельств тому — организованная в 2006 году в городе Кемпер выставка «Русские художники в Бретани», на которой были показаны картины Ю. Анненкова, А. Бенуа, Б. Григорьева, К. Кузнецова, З. Серебряковой и др.⁴ С таким же успехом можно было бы устроить выставку «Русские художники в Провансе». Поэтому актуаль-

¹ Слоним М. Заметки об эмигрантской литературе // Воля России. Прага, 1931. Кн. XII.

² Фельзен Ю. Разрозненные мысли // Круг. Берлин; Париж, 1937. Кн. II. С. 129.

³ Сеславинский М. В. Рандеву. Русские художники во французском книгоиздании первой половины XX века. М., 2009.

⁴ Peintres Russes en Bretagne. Quimper, 2006.

ной и своевременной оказалась выставка «Парижачьи», посвященная теме Парижа глазами русских художников первой половины XX века с работами А. Бенуа, М. Добужинского, К. Сомова, К. Коровина, Ю. Анненкова, И. Пуни, Г. Лукомского, А. Ланского, С. Шаршуна, М. Андреевского, Л. Зака, Ю. Черкесова, С. Иванова, А. Серебрякова... Эта выставка стала для многих настоящим откровением.

Язык изобразительного искусства, как известно, в переводе не нуждается. Поэтому, в отличие от литераторов, художникам-эмигрантам оказалось легче наладить творческие связи, правда, не без усилий с их стороны. Они сумели не только влиться в художественную жизнь Запада, но и положить начало новым направлениям живописи. Достаточно упомянуть В. Кандинского, О. Цадкина, Н. де Сталю, С. Делоне, Л. Сюрважа. Этому, безусловно, способствовало то, что многие приезжали в Париж задолго до революции и Первой мировой войны, полноправно вписавшись в артистическое «панно» этого довоенного Парижа.

Художественный Париж невозможно представить без русских художников и писателей-эмигрантов, которые именно здесь добились блистательных побед. Не было бы эмиграции — не было бы Бунина, Цветаевой, Шмелева, Зайцева, Ремизова, Г. Иванова, Ходасевича, Адамовича, Набокова, Газданова, По-

плавского, Бердяева, Булгакова, Карсавина, Лосского, Кандинского, Шагала, Ланского, де Сталю, Шаршуна, Полякова... Список можно продолжать бесконечно.

Триумфальное возвращение в Россию начиная с конца 1980-х годов творческого наследия великих изгнанников, будучи вполне закономерным, тем не менее поражает своим масштабом. Печатают книги, выставляют картины, пишут статьи, рефераты, монографии, защищают диссертации, устраивают международные конференции — после десятилетий замалчивания и забвения. Кто бы мог подумать в эпоху тоталитаризма о столь блестящей победе!

Поэт и критик, Юрий Иваск однажды написал: «Эмиграция — всегда несчастье. Ведь изгнанники обречены на тоску по родине и обычно на нищету. Но эмиграция не всегда неудача — творчество, творческие удачи возможны и на чужбине»¹. Эта трагическая страница русской истории XX века волею судеб оказалась великой удачей для ее жертв и в конечном счете для всей русской культуры. И лучшее доказательство тому — всемирный успех представителей русской элиты в Рассеянии, ставшей сегодня национальной гордостью не только Франции, но и России. Своим творчеством, своей жизнью они доказали: в свое время ими был сделан трудный, но правильный выбор.

В. Б. Гигер²

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И СОТРУДНИЧЕСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Благодарю СПбГУП за предоставленную возможность участвовать в X Международных Лихачевских научных чтениях. Тема доклада актуализирует в памяти определенные имена и события. Связаны Global Village и теракт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, книга Ф. Фукуямы о конце истории и вызвавшая бурные дискуссии книга С. Хантингтона о столкновении цивилизаций и борьбе культур.

В докладе я представлю свою точку зрения на глобализацию и ее влияние на международную внешнюю политику, а также показываю предпосылки, необходимые для успешного диалога культур и сотрудничества цивилизаций. В конце выступления на конкретном примере покажу, как наша страна адаптируется к новым условиям.

1. К вопросу об определении культуры.

На мой взгляд, культура, или цивилизация, — это совокупность знаний и ценностных и религиозных представлений, которые влияют на жизнь и поведение личности и окружающего общества и имеют соб-

ственные структуры (государство, правовую систему и т. д.). Культура — это основа для самоопределения, она объединяет (порождает чувство принадлежности к определенному сообществу) и разделяет (потому что существуют и другие культуры). Культура, как правило, имеет коллективную специфику, которая развивалась на протяжении столетий. В качестве примера можно привести становление религии или языка. Но культура продолжает развиваться, адаптируется к новым условиям и усваивается обществом как образец поведения, который сможет наилучшим образом разрешить основные проблемы, в большинстве своем — проблемы сосуществования людей. Такой взгляд на культуру представляется важным. Для меня культура не является чем-то абстрактным, это живой организм, который проявляет себя ежедневно в поведении отдельных людей и общества при решении насущных проблем повседневной жизни.

2. К вопросу о глобализации.

Глобализация — это набирающее силу и стремительно распространяющееся по всему миру явление, предполагающее переплетение различных областей жизни (например, политики, экономики, экологии, коммуникации). Глобализацию необходимо принять как факт, независимо от того, хотим мы этого или нет. Она порождает страхи и надежды.

¹ Иваск Ю. П. На Западе // Антология русской зарубежной поэзии. Нью-Йорк, 1953. С. 5.

² Чрезвычайный и Полномочный Посол Швейцарской Конфедерации в РФ, доктор. На дипломатической службе с 1974 года. Был послом Швейцарии в ряде африканских стран и стран южно-азиатского региона, Турции, Азербайджане.

Глобальные проблемы, возникшие сегодня, являются, с одной стороны, причиной, а с другой — следствием глобализации. Особенно ощутимо это проявляется в области экологии. Ни одна страна, даже такая большая, как Россия, сегодня не в состоянии решить проблемы защиты окружающей среды самостоятельно. Другой пример — из области экономики. Как представитель страны, в которой каждый второй франк национального дохода основан на сотрудничестве с иностранными партнерами, я с полным правом заявляю, что наше благосостояние стало возможным прежде всего благодаря международному экономическому сотрудничеству. Взаимосвязь между различными национальными экономиками имеет значение и для России. Что было бы с Россией сегодня, если бы она не имела возможности продавать за границу нефть, газ и сырье и не получила бы доступа к зарубежным технологиям и капиталу? Уровень благосостояния зависит от использования преимуществ, основан на том, что мы постоянно что-то продаем и приобретаем. Но это также подразумевает чувство ответственности и осознание того, что трудности и несчастья других стран касаются и нас.

Третий пример связан с обеспечением мира и безопасности. Сегодня проблема сохранения мира и безопасности стала глобальной. Ни одна страна в отдельности не может обеспечить их. Классическая политика невмешательства, которая в форме нейтралитета продолжительное время определяла швейцарскую внешнюю политику, больше не гарантирует мира и безопасности для нашей страны. Необходима активная политика, направленная на сохранение мира и безопасности. Поэтому Швейцария вступила в ООН и проводит активную мирную политику.

3. Вывод.

Существуют глобальные проблемы, которые необходимо решать на глобальном уровне, но для их решения следует выработать общие ценности. Без глобальных ценностей невозможно сформировать модели отношений, которые помогут успешно решать глобальные проблемы. Если мы не создадим общий базис и не будем сознательно его развивать, то к власти придет сильнейший. В качестве примера можно привести Pax Romana (Римский мир). Но культурный базис имеет свою специфику у разных групп и не является глобальным. Многие опасаются утраты своей культурной идентичности, боятся, что они будут вынуждены признать и даже перенять культурные модели, которые чужды им и которые не подходят для повседневной жизни.

Приведу в качестве примера Швейцарию. Народ Швейцарской Конфедерации в подавляющем большинстве выступил за запрет строительства новых минаретов на территории страны. Данное положение Конституции не препятствует исповедованию ислама и возведению мечетей. Это происходит в стране, которая известна своей толерантностью и открытостью и где вопросы строительства решались органами местного самоуправления. Швейцарское правительство совместно с парламентом призвало народ Швейцарии к отказу от этой инициативы. Этот неожиданный результат объясняется страхом народа перед чуждой для него системы ценностей. Количество иностранцев,

проживающих в государстве, составляет более 20 %, что привело к проникновению в Швейцарию чуждой системы ценностей, воспринимаемой населением в качестве угрозы собственной идентичности. Минареты расцениваются большинством населения как символ этой угрозы. Поэтому можно говорить о том, что результат этого голосования направлен не против ислама, а является лишь выражением недовольства, неуверенности широких слоев населения перед лицом глобализации, воспринимаемой как угроза.

4. Возможная стратегия.

Существует напряженное противоречие между развивающейся глобализацией и необходимостью сохранения национальной идентичности, национальных и региональных культур, которые являются предпосылкой для обеспечения всеобщего благополучия и сохранения каждым принадлежности к своей культуре. Чтобы выполнить это требование, нужно реализовать двойную стратегию. На международном уровне необходимо вести диалог культур, чтобы установить партнерство цивилизаций. Но это станет возможным только тогда, когда на национальном уровне удастся укрепить доверие к собственной культуре. Без веры в собственные ценности, понимания того, что становление глобальной культуры в плане развития глобальной системы ценностей и общепризнанных методов решения глобальных проблем не угрожает нашей идентичности, невозможно создание базиса на национальном уровне. Если мы уверены в собственной культуре, можем успешно вести диалог с другими, чтобы лучше понимать их и вместе находить способ решения общих проблем, только в этом случае возможно преодолеть разногласия и сблизить различные точки зрения, изменить собственное отношение.

5. Политика диалога.

Как посол я должен предложить стратегию углубления международных отношений. В докладе, посвященном внешней политике Швейцарской Конфедерации, который швейцарское правительство представило в 2000 году парламенту, отчетливо прослеживается позиция, выступающая за диалог культур. Я хотел бы процитировать высказывание из этого доклада, который был опубликован за год до катастрофы 11 сентября: «Национальные общества и регионы сближаются политически, экономически, экологически и социально. Для решения проблем, перешагнувших рамки границ, необходима политика сотрудничества, которая может соответствующим образом принимать во внимание интересы различных регионов, культур и религий. Швейцария как страна, ориентированная на внешние связи, проявляет интерес к взаимопониманию народов».

Сегодня международной политике зачастую не хватает диалога. Принимаются односторонние решения, ведутся односторонние переговоры при отстранении от них важных партий, часто не принимаются во внимание все необходимые аспекты и перспективы. Альтернатива диалога — отказ от переговоров и исключение влиятельных действующих лиц. Тем самым решение проблемы скорее затрудняется, чем стимулируется. Диалог основывается на принципах уважения и взаимности и открывает возможности для целостного видения проблем. Это является

ся залогом успешной работы и серьезного решения проблем. Диалог — это непростой путь, который требует наполненности содержанием и длительного времени, зачастую он непредсказуем.

6. Пример внешней политики Швейцарии.

Я хотел бы ограничиться одним примером из политики Швейцарии в миротворческой деятельности, чтобы показать, как правительство Швейцарии пытается конструктивно влиять на развитие партнерства цивилизаций. Уже на протяжении многих десятилетий участие в миротворческой деятельности является важной составляющей внешней политики Швейцарской Конфедерации. Исторически сложилось так, что Швейцария всегда находилась в благоприятном положении, и она может поделиться своим опытом в этом вопросе. Швейцария является страной, компетентной в вопросах федерализма, демократии, системы выборов, толерантности в отношении меньшинств и уважения к своему прошлому. В вопросах урегулирования мирных взаимоотношений Швейцария не преследует никаких скрытых целей и не пытается оказывать давление в принятии решений. Именно поэтому она считается нейтральным посредником, вызывающим доверие. Говоря другими словами, Швейцария — типичная Soft Power («мягкая сила»).

Защита чужих интересов — традиционный инструмент внешней политики Швейцарии. Я горжусь тем, что в этой области доверие Швейцарии оказывает и Россия. Интенсивные контакты между Российской Федерацией и Швейцарской Конфедерацией, безусловно, способствовали тому, что Россия после разрыва дипломатических отношений с Гру-

зией в начале октября 2008 попросила Швейцарию представлять ее интересы в Тбилиси. При условии согласия Грузии Швейцария выразила свою готовность. Впоследствии Грузия также ходатайствовала о том, чтобы Швейцария представляла ее интересы в России. Этот случай демонстрирует как под патронажем Швейцарии в посольствах этих стран в Тбилиси и Москве были представлены интересы соответственно российской и грузинской сторон. В дипломатических отношениях принято, чтобы заинтересованные стороны общались с представителями власти принимающей страны. В решении политических вопросов между Россией и Грузией Швейцария всегда готова прийти на помощь.

Швейцария также пытается найти позитивное решение в урегулировании старого конфликта на Южном Кавказе. По просьбе Армении и Турции Швейцария была посредником в урегулировании конфликта между этими государствами; она поддержала процесс переговоров, во время которого впервые произошли положительные изменения, способствующие примирению сторон.

7. Заключение.

В истории Швейцарии умение вести диалог являлось важным при объединении кантонов и других частей страны, создании единой нации и политической системы. Невозможно представить Швейцарию без умения вести диалог, преодолевать языковые и прочие границы, без этого наша страна вряд ли смогла функционировать. Во внешней политике мы пытаемся применять те же успешные методы и надеемся тем самым внести свой вклад в диалог культур и партнерство цивилизаций.

Р. С. Гринберг¹

КРИЗИС ОКОНЧЕН? ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Глобализация мировой экономики практически стерла границы между отдельными государствами, многократно увеличив возможности международного разделения труда, движения капитала, производственной кооперации, слияний и поглощений. Мы действительно живем уже в одной «большой деревне». И это не просто метафора. Теперь любой человек, живущий в любой стране, может беспрепятственно включиться в систему мирохозяйственных связей на любом континенте, предлагая или пользуясь услугами по маркетингу, рекламе, PR, сбыту, производству, хеджированию, транспортировке и оплате любого продукта.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, директор Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор. Профессор Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Автор свыше 250 научных публикаций; в т. ч. книг: «Экономическая социодинамика: Россия: правила и реальность», «Государственная поддержка малого предпринимательства в странах Центральной и Восточной Европы», «Оценка социально-экономических последствий присоединения России к Всемирной торговой организации», «Среди рисков и шансов» и др. Председатель экспертного совета Высшей аттестационной комиссии РФ. Главный редактор журнала «Мир перемен», председатель редакционного совета журнала «Имущественные отношения в Российской Федерации».

Но вот на мировую экономику обрушился мощный финансовый и экономический кризис, который, начавшись в США с катастрофы в ипотечном кредитовании, быстро распространился на страны Евросоюза, постсоветские государства и весь остальной мир. Охватив практически всю планету, он высветил светлые и темные стороны глобализации и, что особенно важно, отчетливо акцентировал ее социально-экономические парадоксы, обозначившиеся уже в благополучные «тучные» времена.

Парадоксы

Еще каких-то 20–30 лет назад казалось, что с окончанием холодной войны и поражением реально-го социализма жители постсоциалистических государств вступят в эру благоденствия в условиях плюралистической демократии, гражданского общества и социальной рыночной экономики. Думалось, что рано или поздно к «золотому миллиарду», уже живущему в процветающих демократических государствах, подтянутся остальные пять миллиардов жителей Земли. В ту пору считалось, что мир теперь будет построен по единому образцу — принципам либеральной демократии, ибо все другие идеологии, в частности коммунистическая, потерпели фиаско.

Именно тогда известный американский политолог Фрэнсис Фукуяма в своей нашумевшей статье заявил о «конце истории», подразумевая, что мировая история как результат борьбы идеологий завершилась. Увы, этим представлениям не суждено было сбыться!

К концу первого десятилетия XXI столетия выяснилось, что глобализация — процесс гораздо более сложный, многомерный и противоречивый, чем мы думали прежде. Даже в таких благополучных странах, как, к примеру, Федеративная Республика Германия, где вроде была найдена почти оптимальная модель государственного и социального устройства, оберегающая общество от возникновения конфликтов и проблем, на высоком материальном уровне создано почти бесклассовое общество. Однако положение значительно осложнилось, когда страна столкнулась с проблемой трудного выбора.

Внезапно возникла ситуация, поставившая под угрозу достигнутое не без труда и потому казавшееся таким прочным благополучие. Явилось и стало нарастать тревожное ожидание обострения проблем, преодолеть которое будет крайне трудно. Постепенно становилось очевидным, что разрешить эти новые проблемы можно будет лишь ценой отступления от сложившихся к этому времени стандартов общественного и личного благополучия.

В сущности, речь идет о явлениях, которые можно было бы назвать социально-экономическими парадоксами. Разве не парадоксальна, например, следующая ситуация? Жизнь пенсионеров в развитых обществах — спокойная и обеспеченная, длится долго, пенсионерам она нравится, они стремятся ее продлить еще больше, общество и государство им в этом помогают, создают нужные условия. Размер пенсий при этом близок к прежним заработкам пенсионеров. В то же время наблюдается снижение рождаемости, тоже не без влияния нового жизненного уклада с его привлекательными свойствами — материальной обеспеченностью, личной независимостью и так далее, — воспользоваться которыми становится труднее с ростом количества детей в семье. Но это означает, что налоговая нагрузка на работающих, число которых в развитых странах неуклонно уменьшается, становится чрезмерной и постепенно угрожает банкротством системе пенсионного обеспечения благополучных ныне стран. Социальное государство вынуждено корректировать политику. Возможные и предлагаемые меры известны — повышение возрастного пенсионного порога, снижение размеров пенсий, частные пенсионные планы и тому подобное, а главное — все они означают конец благостного общежития, а значит, и подрыв социального мира.

Найдутся ли интеллектуальные, политические, организационные, прежде всего экономические, ресурсы, чтобы избежать волны потрясений? Ответа на этот вопрос пока нет. Нельзя, кстати, не видеть и того, что проблемы такого рода очень быстро становятся актуальными и для России, хотя она стоит на более низкой ступени развития по сравнению со странами Запада.

Парадокс первый. Всюду в развитых странах в той или иной мере ныне ощущается некоторый дефи-

цит рабочей силы из-за уже отмеченного снижения рождаемости среди коренного населения этих стран, уменьшения его численности и старения. Проблема была бы во много раз острее, если бы не привлечение рабочей силы из других государств мира. Для экономики развитых стран иммиграция — благо, потому что она предотвращает сокращение производства. Благом она становится и для населения бедных развивающихся государств, где велика безработица, а бедность и нищета носят массовый характер. Труд в развитых странах дает средства к существованию не только самим мигрантам, но и многим их родственникам, получающим от них денежные переводы. Эти переводы представляют собой поддержку, часто весьма ощутимую, и экономике бедных стран. То же самое, как известно, происходит и в России, когда таджики или азербайджанцы, работающие у нас, шлют переводы на родину.

Однако иммигранты в большинстве своем плохо адаптируются к культуре и многообразным обычаям принявшей их страны. Они трудятся много, но, не обладая должной квалификацией, обычно вынуждены довольствоваться непрестижными и плохо оплачиваемыми рабочими местами, следовательно, более низким доходом по сравнению с представителями коренного населения. Часто они ощущают свою социальную уязвимость, начинают считать недостойным свое имущественное положение. Среди иммигрантов время от времени вспыхивают волнения, особенно это касается второго поколения приезжих: они острее своих родителей реагируют на связанные с миграцией проблемы, действительные и мнимые, чаще устраивают беспорядки, акции протеста или выражают недовольство иными способами. Но при этом недовольство испытывают и многие представители коренного населения. Они ощущают угрозу привычной стабильности общества, политической и экономической жизни, угрозу эрозии своей культуры, считают неоправданной социальную поддержку иммигрантов со стороны своего государства и т. д. В обществе наступает разлад, грозящий расколом, а это чревато конфликтами.

Словом, глобализация рынка труда, расширяя возможности миграции рабочей силы, которая не только объективно необходима, но и приносит пользу всем вовлеченным в нее странам, в то же время становится источником напряженности в странах, до этого отличавшихся достаточно высокой социальной стабильностью. Излишне напоминать, что эта проблема становится ощутимой и в России.

Парадокс второй. Расширяя и углубляя взаимные экономические связи, национальные государства постепенно устраняют препятствия, мешающие передвижению товаров, услуг, денег и людей. Некоторым из развивающихся стран удалось и мобилизовать внутренние ресурсы, и привлечь иностранные источники финансирования, что обеспечило высокие темпы их экономического роста. Но при этом нищета по-прежнему охватывает значительную часть населения планеты (известно, что сегодня в мире более 1 млрд человек живут за чертой бедности), а разрыв в уровне благосостояния развитых стран и большинства остальных не только не сокращается, но и во

многих случаях даже увеличивается. Выявилось отчетливое противоречие между способностью глобализации формировать новые возможности экономического роста и недоступностью этого для наиболее отсталых стран мира. Обнаружилось, что одна лишь открытость национальной экономики, лишенной соответствующих институтов и необходимой государственной активности, только усугубляет отсталость хозяйственных структур.

Третий из значительных общественно-экономических *парадоксов* можно назвать «эффектом бумеранга». Он появился благодаря тому, что технологические стандарты современного производства, формирующиеся в передовых странах, в ходе глобализации распространяются на все большее число стран с другими уровнями развития. Благодаря современным технологиям и средствам коммуникации менее развитые страны научились производить современные товары и услуги все более качественно, но с меньшими издержками, главным образом ввиду сравнительно низких затрат на рабочую силу, на предоставление социальных гарантий и т. п. В результате то, что первоначально выросло из стремления развитых стран перенести трудоемкие или экологически опасные производства на другие, более выгодные территории, привело к обострению конкуренции развивающихся стран с более развитыми. Но ведь именно развитые страны ратовали и ратуют за открытие границ, за практическую реализацию знаменитых «четырех свобод» — свободы передвижения товаров, услуг, денег и людей.

Неминуемый парадокс заключается в том, что по мере исчезновения барьеров развивающиеся государства становятся конкурентами миру «золотого миллиарда», успешно завоевывая международные рынки. Скажем, еще лет десять назад трудно было себе представить качественную обувь китайского производства, а сейчас такая обувь может успешно конкурировать с продукцией ведущих фирм — признанных мировых производителей обуви. За последние два года импорт обуви из Китая и Вьетнама Западной и Центральной Европой увеличился на 700 % — и в Западной Европе почти 100 тыс. человек, занятых на обувном производстве, потеряли работу.

Можно было предполагать возможное решение в том, например, что развитые страны будут тем временем переходить к еще более высоким производственным технологиям, и это позволит им восстанавливать утраченные рыночные позиции. Однако выяснилось, что переход на новые, более высокие технологии происходит с гораздо меньшей скоростью по сравнению с развитием процесса завоевания мировых рынков развивающимися странами. В то же время и восстановление рыночных позиций развитых стран, если бы оно произошло за счет освоения новых технологий или по другим причинам, тоже грозило бы новым кризисом, связанным с перепроизводством одних и тех же товаров одинакового качества, и в этом случае уже развивающиеся страны стали бы терять благоприобретенные позиции.

Возникает проблема непростого выбора: развитым странам для сокращения или полного прекращения образующихся потерь следует либо снижать

производственные затраты, уменьшая зарплату, сокращая отпуска и вводя драконовскую экономию на социальных услугах, например на бесплатном или льготном здравоохранении, либо этим странам придется заблокировать процессы глобализации, прибегая к протекционизму, ими же преданному анафеме. Мир уже в докризисное время стоял перед угрозой практической реализации второго варианта: в развитых странах начнется закрытие границ для товаров и услуг под любыми предлогами, в том числе и надуманными. Конечно, при этом пострадают потребители, но выиграют производители, правда временно.

Что касается российской экономики, то ее положение в мире пока весьма специфично. Основной источник внешних доходов России — продажа энергоресурсов и сырья, в них нуждаются многие страны. Проблемы нашей страны во внешнеэкономической сфере в значительной мере связаны именно с этим, и они тоже носят характер отчетливо выраженного *парадокса*. Российский потребитель ввиду отсутствия внутреннего производства стал широко ориентироваться на потребление импортных товаров. Российское государство почти не защищает внутренний рынок, иначе говоря, отечественного производителя. На повестке дня стоит трудная задача — вырабатывать перспективную политику стимулирования отечественного производства, не загоняя себя при этом в ловушку изоляционизма, который в конечном счете заблокировал бы модернизацию российской экономики. И еще одна не менее сложная задача — найти рынки сбыта для тех высокотехнологичных товаров, которые нам предстоит научиться производить.

Словом, России надо использовать все возможности для восстановления своего научно-технического потенциала, реанимирования и развития новых высокотехнологичных отраслей промышленности, диверсификации всего хозяйства. Надо выстроить приоритеты и сохранить страну с приличной экономикой. Но времени для выстраивания приоритетов остается все меньше, поскольку при сохранении нынешней неопределенности уже через 5–6 лет наша страна окончательно потеряет научно-технический потенциал и придется начинать с чистого листа. В конечном счете путь восстановления и развития — единственно верный и надежный, чтобы занять в мире место одной из ведущих держав и прочно утвердиться в этом качестве.

Мировой кризис

Теперь о глобальном экономическом кризисе. Еще совсем недавно считалось, что рецепт экономического процветания прост: поменьше государственного регулирования и запретов, долой чрезмерную бюрократию, никакого вмешательства государства в экономику, рынок все обеспечит и решит сам. Государству отводилась роль «ночного сторожа».

Однако глобальный экономический кризис быстро вывел мир из состояния эйфории, головокружения от рыночных успехов. Даже США, всегда слывшие оплотом либеральной экономики, стали активно применять в экономике методы, напоминающие советские: пошли на государственные интервенции в

экономику и национализацию обанкротившихся или оказавшихся близкими к краху банков и корпораций. Здесь уместно напомнить, что в рыночных процессах заметную роль играет психология — «чувство толпы». Людвиг Эрхард как-то заметил, что 50 % экономики составляет психология. Именно это мы сейчас и наблюдаем. Стадное поветрие последних 10 лет — безудержное мотовство (а по словам французского философа-моралиста Пьера Клода Буаста, «мотовство — это смерть достатка»), когда весь мир жил не по средствам, сменилось другим стадным чувством — унылой прижимистостью. Важная деталь: антикризисные меры и программы запаздывают, особенно в отношении «реального сектора» экономик разных стран. Правда, следует заметить, что правительствам удалось предотвратить коллапс банковских систем (в том числе и в России) мерами «мягкой национализации» — накачкой ликвидности и вхождением государства в капитал коммерческих банков.

Пожалуй, самый главный урок глобального кризиса, достаточно ответственно, как хочется думать, воспринятый мировым сообществом, заключается в осознании необходимости эффективных наднациональных регуляторов мировой экономики. По-другому нельзя расценивать тот факт, что «восьмерка» трансформировалась в «двадцатку» и в таком расширенном составе на саммитах 2009 года декларировала свою ответственность за коллективное управление мирохозяйственными процессами.

Необходимо далее подчеркнуть, что сегодня наглядно подтверждается мысль Карла Маркса об опасности отрыва финансового сектора от производства товаров. Вероятно, менять следует не столько методы и способы возможного воздействия на экономику со стороны властей, сколько принципы, в соответствии с которыми эти методы и способы применяются: когда, в каких дозах, с какой целью и кем решение об использовании таких мер воздействия должно осуществляться.

Что касается России, то одно время у нас гордились тем, что наша экономика полностью встроена в мировой рынок. Правда, в первые месяцы нынешнего кризиса заговорили о том, что связи с мировой экономикой не так уж и глубоки, поэтому кризис нас не сильно заденет. На деле оказалось, что глобальный кризис сильно и болезненно ударил по российской экономике. Особая уязвимость нашей страны перед лицом глобального экономического кризиса объясняется тем, что постсоветская Россия столкнулась с ним, еще не выйдя из кризиса системной трансформации. Несмотря на недолгую историю российского капитализма, к этому прямо вели не только ошибки политики реформ в период «бури и натиска» 1990-х годов, но и просчеты и промахи финансовых властей России в условиях ее достаточно благополучного развития в 1999–2008 годы, обеспеченного, прежде всего, высокими мировыми ценами на углеводородное сырье.

Итак, нынешний кризис для России — «импортный продукт», она стала его жертвой, как, впрочем, и другие государства. Замедление роста мировой экономики привело к резкому уменьшению внешнего

спроса на углеводородное сырье и металлы, которые экспортирует Россия, в результате существенно снизилась ожидаемая валютная выручка. К сожалению, по-прежнему основа экономики России — это экспорт природных ресурсов, а это значит, что мировой экономический кризис еще долго будет влиять на ее экономику, а также на экономику стран СНГ, сильно зависящих от России.

Самый главный урок последних «тучных» лет для России заключается в том, что власть не использовала благоприятную конъюнктуру, когда «нефтегазовые» средства можно было направить на модернизацию экономики и реализацию инфраструктурных проектов. К тому же страна слишком быстро открылась для внешнего мира. Это, кстати, могло бы помочь в преодолении высокой инфляции в стране. Сейчас уже невозможно отрицать, что основная причина высокого роста цен вовсе не монетарная, она заложена в несовершенной структуре российской экономики. Нормальная экономика — с мощной инфраструктурой, богатым товарным предложением, развитой конкуренцией — реагирует на рост покупательной способности увеличением производства. А российская — отвечает ростом цен. Проблема в том, что в России слишком мало производителей товаров и услуг и нет эффективной антимонопольной службы. В результате в нашей экономике в последние годы, с одной стороны, консервируется примитивная структура экономики, с другой — сохраняются высокие темпы инфляции.

Сегодня российское руководство в борьбе с кризисом многое делает правильно. Но что дальше? К сожалению, почти 20 лет основной целью экономической политики России было только подавление инфляции. Но именно этого-то мы и не добились. Чтобы избавиться от инфляции, надо создать нормальную экономику: срочно начать модернизировать производство, развивать инфраструктуру, вкладывать деньги в промышленность. Тогда экономика отреагирует на рост спроса товаров не увеличением темпов инфляции, как происходит у нас сегодня, а ростом производства.

Однако пора вспомнить, что слово «кризис», написанное по-китайски, состоит из двух иероглифов: один означает «опасность», другой — «благоприятная возможность». Кризис — это очищение от старого и, действительно, «благоприятная возможность» начать новое. Российские власти просто обязаны скорректировать экономический курс страны, заняться развитием инфраструктуры, диверсификацией отечественной экономики, развитием высоких технологий.

Мировой финансовый кризис со всей очевидностью продемонстрировал крах философии безбрежного экономического либерализма. Это может и должно стать его важнейшим уроком. В сущности, кризис стал следствием тридцатилетнего господства в мировой (а с начала 1990-х гг. и в российской) экономической политике идеологии «свободного рынка» — неолиберализма, главная идея которого состояла в том, что деятельность государства должна сворачиваться в пользу сил саморегулирования.

Сегодня вновь приходится констатировать, что без мощной и регулярной государственной активности в нынешней экономике не обойтись. Но нужно избегать и другой крайности — сочетания гипертрофированного обобществления с порочным протекционизмом. Россия все это уже проходила с удручающими результатами. Выход из кризиса требует формирования новой модели экономики и, в частности, новой модели государственного регулирования. В этой модели социальная составляющая, социальная справедливость должна стать не антитезой, а необходимым условием повышения экономической эффективности.

Несмотря на очевидные трудности, глобализация как объективное требование времени будет продолжаться, сопровождаясь и сбоями, и обостряющимися противоречиями. Вполне возможно, что здесь может произойти даже и откат. И тогда потребуются серьезная корректировка этого закономерного процесса, который ныне развивается вне всякого контроля в соответствии с явно устаревшими неолиберальными установками. Так что безальтернативной представляется не только систематическая государственная активность, но и международная координация национальных экономических политик.

Син Гуанчен¹

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

Проведение такой международной научной конференции в Санкт-Петербурге и обсуждение вопросов по диалогам между культурами и цивилизациями имеют важное значение. По словам Дмитрия Сергеевича Лихачева, Санкт-Петербург является ни европейским, ни восточным, а типично русским городом со способностью поглощения и преобразования элементов других культур. Дмитрий Сергеевич Лихачев также отмечал, что, как независимые явления, культуры не всегда сливаются в один общий процесс, и вместе с тем цивилизации, являясь свободными, с легкостью заимствуют и творчески преобразуют чужие или древние достижения других культур. Действительно, являясь бытием человеческого общества, разные культуры имеют такую же историю, как и само человечество. Культуры имеют национальный и страновой характер, и каждая нация и народность во всем мире — свою уникальную культуру, которая, в свою очередь, является частью общего духовного богатства всего человечества. Дмитрий Сергеевич Лихачев сделал обобщения относительно характеристик европейской культуры и на этой основе провел анализ характеристик русской культуры и истории, дал объяснение исторической роли «русского фактора». В связи с этим изучение основных характеристик русской цивилизации и культуры имеет весьма актуальное значение.

Пользуясь случаем, мне хотелось бы поделиться своими соображениями о базовых ценностях традиционной культуры Китая. Полагаю, что такая постановка вопроса созвучна с тематикой конференции и может способствовать раскрытию темы «Диалог и обмен между цивилизациями и культурами».

В Китае 56 национальностей и народностей. Культура каждой национальности и народности яв-

ляется основной частью культуры Китая. Как этническая община, китайская нация с древних времен складывалась из множества элементов, таких как общи язык, территория, экономическая жизнь и менталитет на основе идентичности культуры и т. д.

Китайская культура является великим достижением и огромным вкладом китайской нации в историю человечества. Китайская цивилизация, разумеется, формируется и развивается на основе китайской традиционной культуры, постоянно развивающейся и эволюционирующей. Китайская традиционная культура базируется на культе предков и является воплощением истории китайской нации. Способы мышления, ценности и правила поведения, содержащиеся в китайской традиционной культуре, оказывают влияние на развитие китайского общества. Также надо отметить, что по мере своего развития традиционная культура Китая меняется и тем самым обогащает оригинальную культурную коннотацию. Китайская традиционная культура, формируясь в течение долгой истории в рамках ценностей определенного типа культуры, представляет собой неизменяемый психологический и поведенческий паттерн, идентичный для большинства китайцев.

Суть китайской традиционной культуры заключается в тех мыслях и идеях, которые выражают направление развития китайской цивилизации и в полной мере отражают положительный дух китайской нации. В основе китайской традиционной культуры лежат несколько принципов, среди которых один из главных — это гармония человека с природой.

Китайская традиционная культура делает особый акцент на гармонии человека с природой. Подчеркивается, что человек и природа, законы природы и жизни человека являются взаимосвязанными и единными. В сущности, идея гармонии человека с природой объясняет отношения между человеком и природой и согласие между действиями человека и природой и между моральной рациональностью и природной рациональностью. Она в полной мере отражает диалектическое отношение между субъектом и объектом, субъективными инициативами и объективным законом, осуществленные древними

¹ Заместитель директора Центра исследований истории и географии пограничных областей Китая АОНК, доктор юридических наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Отношение Китая с новыми независимыми государствами Центральной Азии», «Процесс принятия решения высшим советским руководством на протяжении 70 лет», «О парламентах России», «Путин и Медведев: тандем высшей власти» и др. Вице-президент Ассоциации по содействию развитию западных регионов Китая. Вице-директор Центра исследований Шанхайской организации сотрудничества при Академии общественных наук Китая.

китайскими философами и мыслителями. Китайская традиционная культура подчеркивает то, что человек должен следовать закону природы и в соответствии с ним использовать, регулировать и преобразовать природу. Тем не менее китайская традиционная культура рассматривает природу не как непреодолимый, таинственный и чуждый человеку мир, а как объективное явление, которое может пониматься и использоваться людьми.

До сих пор идея гармонии человека с природой остается весьма актуальной при решении вопросов в сфере отношений между человеком и природой. В частности, при обсуждении проблем глобального потепления можно было бы учесть диалектические и единые отношения между человеком и природой.

Гуманизм исторически является важной составляющей китайской традиционной культуры, в которой подчеркивается, что человек является центром в треугольнике отношений: небо—земля—человек. Причем человек здесь является центром между небом (богом) и землей, то есть самым важным субъектом. Таким образом, «антропоцентризм» является основной темой китайской древней философии, то есть человек как отправная точка, мера всего.

В китайской традиционной культуре существовало множество философских школ, и, несмотря на все расхождения во взглядах, они развивались в русле вопросов, связанных с попыткой выявить и реализовать ценность и цель жизни, ценности личности. Известны слова китайского древнего философа о том, что человек является духом всей Вселенной. Идея, что человек является самым важным субъектом между небом и землей, лежит в основе китайской традиционной культуры. Видимо, с такой точки зрения китайская традиционная культура имеет сильные эмоциональные и функциональные черты, отличные от религии.

Религиозность в Китае никогда не была доминантой, напротив, гуманизм всегда оставался основным фактором в традиционной китайской культуре. Пользующаяся наибольшим влиянием конфуцианская доктрина придерживается идеи антропоцентризма; ее формирование не только возвышает ведущую роль человека, но и усиливает восприятие человека как субъекта, решительно противопоставляя его религии и теологии. Таким образом, «антропоцентризм» в традиционной китайской культуре также подчеркивает роль нравственности и придает высокий статус моральной практике человека, считая духовную сублимацию высшей ступенью жизни. Конфуцианская доктрина обращает повышенное внимание на моральную самодисциплину человека. В китайской традиционной культуре нравственное воспитание пришло на смену религии, моральная самодисциплина заменяет религиозное принуждение, что обогащает духовный мир человека и способствует развитию гуманизма.

Основной дух китайской традиционной культуры заключается в стремлении к гармонии и поощрении умеренности. Древний китайский философ Конфуций выдвинул идею о том, что на свете нет ничего дороже мира. Стремление к гармонии и поощрение умеренности являются драгоценными составляющими тра-

диционной культуры, стремящейся к идеальному положению — гармонии. При этом гармония считается не одномерной и односторонней, а всесторонней концепцией с всеобъемлющим устойчивым характером.

Китайская традиционная культура обращает большое внимание на гармонию Вселенной, включающей гармонию человека с природой и гармонию между людьми. Взаимная гармония между небом—землей—человеком создает замечательный гармоничный мир. В Древнем Китае умеренность являлась признаком высшего разума, с помощью которого регулировались социальные противоречия и общество приводилось в гармоничное состояние. Стремление к гармонии и поощрение умеренности являются сущностью китайской и в целом восточной культуры.

С началом XXI века китайское правительство, иницируя идею гармонии, выдвинуло во внутренней политике принцип создания гармоничного общества, а во внешней политике — гармоничного мира, что, в сущности, стало наследованием и развитием идей традиционной культуры.

Один из важных аспектов китайской традиционной культуры — неуклонное развитие китайской нации. Эта идея изложена в известном произведении китайской философии — Книге Перемен, в которой подчеркивается мысль о бесконечном обновлении. С исторической точки зрения Книга Перемен — философское произведение, в котором объясняется правило трансформации Вселенной. Еще один важный принцип традиционной китайской культуры — твердость как сталь и активная готовность человека ко всему. Эта идея тесно связана с тем, что человек должен обладать независимой личностью и быть способным пожертвовать даже жизнью во имя благородных идеалов, что является проявлением стремления к правде.

В наше время под влиянием интеграции и глобализации традиционная китайская культура подвергается огромному давлению и постоянно изменяется, следуя естественному течению. В широком смысле слова, китайская культура сильно изменяется на уровне «материала», институтов и взглядов. В этих изменениях два фактора играют главную роль: во-первых, это сильное воздействие западной культуры; во-вторых, способность традиционной культуры к восстановлению. Идея о национальной науке и массовой культуре, выдвинутая в 1930—1940-х годах, указала правильный путь развития китайской культуры.

Необходимо отметить и то, что во всем мире только китайская культурная система продолжает непрерывно развиваться и тем самым получает новую жизнеспособность, что является важной чертой характера нашей национальной культуры. Китайская культура выделяется способностью к интеграции, ассимиляции, преемственности и единству. Это показывает, что в эпоху глобализации китайская культура, наследуя принципы и ценности традиционной культуры, с помощью заимствования элементов разных мировых культур развивается, совершенствуется и изменяется, добивается обновления, энергии и способности к проведению диалогов и обмена с другими культурами. Таким образом, традиционная китайская культура непрерывно обновляется и идет в ногу со временем.

П. Н. Гусев¹

СМИ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПОТОКЕ: ПОИСК НОВОГО УРОВНЯ МЫШЛЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ

Все темы юбилейных X Лихачевских чтений — и пленарных заседаний, и секционных — предоставляют реальную возможность высказаться по крупным и в то же время проблемным составляющим отечественной культуры, задуматься о ее взаимодействии с мировой культурой, совпадении (или несовпадении?) векторов движения России с мировыми общекультурными течениями и тенденциями.

Сегодня Россия находится в системном, все более углубляющемся кризисе. Можно, не претендуя на глубину анализа, назвать лежащие на поверхности признаки кризиса: неэффективную экономику, коррупцию, низкий и продолжающийся снижаться уровень жизни населения, сложнейшую демографическую ситуацию, состояние медицинского обслуживания и пенсионного обеспечения, образования, систем безопасности и т. д.

Что особенно тревожно — все заметнее становятся нарастающие в обществе равнодушие и недоверие к власти. Сужающееся поле общественной активности, имитация или ограничения демократии говорят о стагнации российской политической системы.

Сложившаяся ситуация не может не отражаться на деятельности СМИ.

Власти России заявляют о своих стремлениях к современной демократии и хотят, чтобы к ним серьезно относились на мировой арене. Вместе с тем они не обеспечивают условий для нормального функционирования собственной прессы: на независимые СМИ оказывается давление, сужаются возможности для распространения объективной информации о положении дел в стране и т. д.

Можно говорить об этом в более жестких категориях — информационное поле страны искажено. На кухне люди ведут речь об одном, а СМИ, особенно электронные, выдают совершенно другую картинку.

Мониторинг, который в начале 2010 года провела Комиссия Общественной палаты РФ по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации, показал, что имеют место серьезные различия между проблемами, которые беспокоят граждан, и темами, которые освещает, в частности, местная пресса.

Ученые-социологи справедливо подчеркивают, что выявленные расхождения между интересами граждан и фокусом освещения проблем в СМИ — потенциальный источник социальной напряженности. Создается информационный вакуум, препятствующий формированию общественного диалога, и граждане вынуждены искать альтернативные каналы выражения собственных интересов и дополнительные источники информации.

¹ Главный редактор газеты «Московский комсомолец», председатель Союза журналистов Москвы, председатель Комиссии Общественной палаты РФ по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации, заслуженный работник культуры РФ.

Известно, что около 80 % региональных СМИ дотируются региональными и местными властями.

В 2009 году международная организация «Репортеры без границ», исследуя степень свободы СМИ в регионах России, акцентировала внимание на еще одной небезопасной тенденции — финансировании государством формально частных СМИ через систему «информационных контрактов».

Например, в бюджете Приморского края во втором квартале 2008 года было предусмотрено 7 млн руб. на финансирование «информационных услуг». Мэрия подмосковного г. Клина имеет контракт с независимым телевизионным каналом «Поиск-ТВ», предусматривающий освещение деятельности городских органов власти в объеме 960 минут в квартал, а городские власти могут «высказывать рекомендации по содержанию, художественному и эстетическому качеству оформления», — отмечают эксперты «Репортеров без границ» в докладе «Россия: герои и приспешники. Работа журналистов и СМИ в российских регионах».

Более завуалированный способ госрегулирования медиабизнеса существует в Краснодарском крае, где большинство изданий вносятся в краевой реестр СМИ, участники которого получают финансовые преимущества и льготы при налогообложении. «Помогая» изданиям, власть, в свою очередь, достигает лояльного отношения к себе.

Государство тратит миллиарды рублей на поддержку средств массовой информации — многие СМИ после этого не могут публиковать критические статьи на неэффективную работу государственных и правительственных структур, так как знают, что больше не получат грантов.

Серьезнейшая проблема России — неэффективность работы государственных институтов по защите прав журналистов и отсутствие верховенства права, когда речь идет о журналистике.

Международный Комитет защиты журналистов (КЗЖ), главный офис которого находится в Нью-Йорке, представил в штаб-квартире ООН новый ежегодный доклад «Нападения на прессу».

Согласно данным доклада, Россия занимает пятую строчку в списке наиболее опасных для журналистов стран: в 2009 году в Российской Федерации погибли пять сотрудников СМИ, при этом три убийства были совершены из-за выполнения журналистами своего долга; в отношении гибели еще двух журналистов собираются доказательства в пользу версии о профессиональных мотивах убийств.

С 2000 по 2009 годы погибли 35 российских журналистов. В России годами складывалась атмосфера безнаказанности, в абсолютном большинстве случаев убийцы журналистов не найдены и не осуждены. Авторы доклада пришли к выводу, что Россия является одной из самых опасных в мире стран для работы прессы из-за «изоляции

оппозиционных журналистов и враждебности официальных кругов».

Вместе с тем растет понимание того, что российские СМИ как институт гражданского общества должны и могут развиваться более стремительно. Более того, это развитие предопределено. Во-первых, потому, что человечество сегодня имеет новые возможности для того, чтобы пользоваться преимуществами глобального информационного общества.

Устойчивость глобального информационного общества основывается на стимулирующих развитии человека демократических ценностях, таких как свободный обмен информацией и знаниями, взаимная терпимость и уважение к особенностям других людей. Все это создает уникальные условия для свободного общения, а значит, и для развития глобального гражданского общества.

Во-вторых, российская власть, порой излишне осторожно и не всегда последовательно, но все-таки сделала первые реальные шаги навстречу собственному гражданскому обществу. Что не могло не привести — и этот процесс становится все более заметным — к его самоидентификации. В частности, несмотря на все еще имеющуюся разобщенность, более деятельным становится медиасообщество.

В Нижегородской области, например, появилось объединение добросовестных газет, в Красноярском крае был создан Комитет защиты независимой прессы. Свою журналистскую хартию как коллективный свод этических норм журналиста приняли на Урале. Это хорошие признаки.

Союзы журналистов — и российский, и московский, и региональные, и «Медиасоюз», и объединения издателей, телевещателей и другие — не только не конфликтуют друг с другом, но и взаимодействуют в области реальных проблем, которые надо решать сообща.

Заметка на полях: даже государственные органы иногда становятся местом проявления своего рода передовых тенденций. Так, в Совете Федерации Федерального собрания РФ в марте 2010 года прошло заседание круглого стола со знаковой, на мой взгляд, темой: «Региональные и муниципальные СМИ как самостоятельный социальный» (выделено мной. — П. Г.) институт».

Когда мы анализируем статистику о количестве газет, журналов, теле- и радиопрограмм, мы далеко не всегда отдаем себе отчет в том, какой мощный интеллектуальный потенциал сосредоточен в российских медиа.

Что именно они — не как исполнители чьей-то властной воли, а как носители новой культуры, как новая форма гражданской самоорганизации в российском обществе — могут и должны способствовать выводу нашего общества из кризисного состояния.

Заметки на полях. Да, нам необходим новый уровень мышления. Да, вполне реален и необходим, как считают авторитетные эксперты, — и я эту точку зрения решительно поддерживаю — гражданский медиафорум российских медиа. Причем в ближайшее время, не откладывая, поскольку, судя по отдельным признакам, российская вертикаль власти теряет свою действенность и устойчивость под мощным давлени-

ем коррупции, местнического феодализма и других следствий политической стагнации в обществе.

Нам есть что внести в повестку этого медиафорума. В первую очередь это тема комплексной системы разгосударствления СМИ.

Уже сейчас необходимо силами Счетной палаты РФ, возможно, с участием других государственных и общественных институтов начать анализ схемы финансирования СМИ, посчитать, сколько и как государство ежегодно тратит денежных средств на прессу.

Необходимо разработать новую, соответствующую времени схему финансирования СМИ, привлечь к формированию политики по распределению средств региональные общественные палаты, общественные организации, независимых экспертов.

Надо понять, в каком состоянии находится «Индекс свободы слова в России» — проект по мониторингу состояния свободы слова и средств массовой информации в субъектах Российской Федерации. Индекс должен отображать состояние СМИ в каждом субъекте России: взаимоотношения СМИ и власти, степень независимости СМИ и разнообразие медийного поля, уровень доверия общества к СМИ, соблюдение свободы слова и прав журналистов, возможность получения, производства и распространения информации в каждом регионе.

Увы, этот долгосрочный инструмент полностью создать и отрегулировать пока не удалось: исследования проведены лишь в трех субъектах Российской Федерации: Воронежской, Новосибирской и Калининградской областях.

Но индекс свободы слова может стать мерилем оценки деятельности региональных властей, и Администрация Президента России должна помочь в этом медийному сообществу.

Одним из актуальнейших базисных вопросов для прессы России является разработка межотраслевой программы ее развития.

Тема позиционирования медиабизнеса как отрасли стала систематически обсуждаться с мая 2009 года — тогда был сформулирован тезис о необходимости закрепления отрасли как единого элемента в системе социальных и экономических институтов. Тем более что объективных факторов для такого позиционирования достаточно: все признаки единой отрасли налицо — от производства продукции до ее распространения. На протяжении последних лет СМИ в целом и каждый отдельный сектор демонстрируют хорошую динамику развития и устойчивость. По данным Росстата, в СМИ (без учета интернет-проектов) на сентябрь 2009 года было занято 0,16 % всех работающих в российской экономике. Если прибавить к этому показателю долю работающих в полиграфии, то он вырастет до 0,25 %.

Следует приветствовать первые шаги государственных органов России, направленные на обеспечение понимания, а значит, и создание соответствующих экономических условий для деятельности СМИ: речь идет о специальном переходном периоде для СМИ по уплате страховых взносов по льготной ставке в течение трех-четырех лет и т. д.

Должна продолжиться работа по причислению всех участников процесса создания и реализации га-

жет и журналов к единому виду экономической деятельности по признаку участия в выпуске конечной продукции (печатных СМИ) с присвоением в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД) соответствующего кода.

Конечно, особого разговора и особой программы поддержки и развития требует Интернет, если быть более точным — тема общественного контроля за соблюдением свободы в российском сегменте, Рунете.

Комиссия по СМИ Общественной палаты РФ, о деятельности которой я уже говорил, неоднократно становилась свидетелем попыток правового регулирования Интернета. Многие из них носили запретительный характер, затрагивающий право свободно получать и распространять информацию. Однако граждане — и это тоже реальность — должны нести ответственность за размещение в Интернете материалов запрещенного законами контента, экс-

тремистского характера, инструкций к насильственным действиям, детской порнографии и пр.

Вместе с тем мы должны понимать, что под видом борьбы с правонарушениями в Сети могут быть внесены запреты идейного, нравственного характера. Зачастую именно под этим предлогом появляются новые поправки, ужесточающие свободу распространения информации.

Я разделяю оценки тех, кто считает, что Интернет должен оставаться важным инструментом создания глобальной культуры, свободным, демократическим информационным инструментом.

Свое выступление я хотел бы завершить образно. Кто-то сказал, что «типичная функция прессы — быть волкодавом, который от имени общества контролирует власть». Увы, российские СМИ сегодня больше похожи на щенков, которым самоуверенный хозяин смело кладет пальцы в пасть. Но ведь щенок все равно вырастет, правда?

А. А. Гусейнов¹

КАК ВОЗМОЖНА ГЛОБАЛЬНАЯ ОБШНОСТЬ ЛЮДЕЙ?

1. В процессе глобализации обнаружилось фундаментальное противоречие, на которое до настоящего времени нет удовлетворительного ответа. Оно состоит в следующем. Нарастающая и успешная трансформация человечества в единое целое в финансово-экономическом и технологическом отношении сопровождается углублением и расширением его разделения в отношении духовном и культурном. Прогресс производительных возможностей человека, достигший общепланетарных масштабов и вплотную приблизивший его к тому, чтобы управлять природными основами своего существования, в силу какой-то дьявольской диалектики оборачивается ростом культурного изоляционизма, всплеском этнонациональных идентичностей и конфликтов, обращением к «корням», средневековым и даже языческим традициям.

2. Принятое объяснение этого исторического парадокса состоит в том, что культурный изоляционизм является естественной защитной реакцией на конкретную форму глобализации, которая на деле выступает как гегемония Запада, навязывание его ценностей. В качестве самого яркого примера такой реакции и доказательства обычно приводится антишахская революция в Иране под руководством Аятоллы Хомейни. Подобная интерпретация

является слишком очевидной, чтобы быть правильной. Во-первых, процессы культурного, прежде всего этнокультурного, анархизма наблюдаются и в западных странах (в Великобритании, Бельгии и др.). Во-вторых, существуют примеры незападных стран, которые успешно включились в глобальную финансово-экономическую и технологическую сеть, сохранив свою духовную и культурную самобытность (самый яркий и показательный из них — Япония). В-третьих, экономические и технологические достижения Запада действительно неразрывно связаны с определенным строем ценностей. Приобщение к ним неизбежно ведет, не может не вести к одновременному заимствованию определенных элементов западной культуры, таких, например, как ориентация на успех, рациональная упорядоченность делового поведения, юридически гарантированная обязательность договорных отношений. Поэтому развивающиеся страны, поскольку они всерьез и ответственно относятся к преодолению своего экономического и технологического отставания, не могут занимать акцентированно враждебную позицию по отношению к западной культуре и образу жизни.

3. Для того чтобы глобализация, с одной стороны, не стала вестернизацией, а с другой — открыто не блокировалась процессами культурного изоляционизма, предлагается концепция диалога культур (цивилизаций). Нет сомнений: диалог — наиболее продуктивная форма взаимоотношений разных культур. Он наилучшим образом обеспечивает их взаимную уважительность и взаимное обогащение. Однако диалог не снимает различий между культурами. Он даже усиливает их. Непременное условие диалога культур (о каких бы культурах ни шла речь) — наличие общего для них пространства. Но это лишь одно из условий.

Другое условие состоит в том, что вступающие в диалог культуры не сводимы друг к другу. Каждая

¹ Академик Российской академии наук, директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика». Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», книжной серии «Библиотека этической мысли», журнала «Общественные науки» на английском языке, член редколлегии журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники.

из них равна самой себе. Диалог культур — не спор, где рождается одна общая истина. Одна из его несомненных функций и следствий состоит в том, что стороны в ходе диалога осознают и более отчетливо фиксируют свое отличие друг от друга. Вообще современный человек тянется к индивидуализации: он больше ценит то, что отличает его от других людей, чем то, что соединяет с ними. Диалог культур (и особенно диалог культур национальных и религиозных), возможно, не всегда оборачивается углублением их дифференциации. Но он никогда не ведет к их синтезу, слиянию и тем более не может привести к созданию глобальной культуры.

4. Можно было бы подумать, что глобальная культура возможна, в логике стремления к господству над миром, как более или менее принудительное навязывание всему человечеству одной системы культурных ценностей, например западных. Но это противоречило бы самой идее господства, легитимность которого предполагает, что те, кто господствуют, осознают свое человеческое превосходство над теми, над кем они господствуют, и поддерживают, культивируют свое отличие от них.

5. Словом, культура, как и народ, и государство, относится к такого рода явлениям, которые не могут существовать в единственном числе. Глобальная общность людей, если она возможна, возможна только как общность сверхкультурная, транскультурная. Она находится по ту сторону культур в их цивилизационной, религиозной, национальной выраженности. Рассуждая в терминах культурологии, можно сказать, что глобальная общность людей или, говоря точнее, универсальная основа, сплачивающая человечество в единое целое, возможна как сверхкультура.

6. Почему глобальная сверхкультура, а не глобальная культура? Чтобы ответить на этот вопрос, надо ясно очертить предмет, о котором идет речь. Таким предметом является перспектива кросскультурных процессов. Более конкретно — вопрос о том, может ли она, эта перспектива, завершиться таким единением людей и народов, когда они будут идентифицироваться в качестве представителей человечества в целом и строить (гармонизировать) свои отношения исходя из осознания этого факта. Самое важное при этом состоит в том, чтобы ответить, каким будет отношение такой гипотетической глобальной общности к ныне существующему многообразию культур — будет ли она качественно однотипной культуре как привычной основе единства людей в рамках локальных общностей (наций, конфессий и т. д.) и не растворит ли в себе их исторически сложившееся многообразие. Термин «глобальная культура» правильно фиксирует возможность возвышения человечества до практического осознания своей родовой сущности, но в то же время создает иллюзию, будто это может произойти в форме перехода от множества цивилизационно, религиозно и национально разделенных культур к единой культуре. Термин «глобальная сверхкультура» предпочтительней, так как он, сохраняя идею глобальности, в то же время подчеркивает, что глобальное практически-духовное единство человечества возникает поверх существующих культур, не отменяет их, не стирает их различий.

Моделируя характер соотношения глобальной культуры с локальными культурами, можно обратиться к следующей аналогии. На заре истории люди группировались по кровно-родственному принципу. Со временем человечество перешло на иной — государственно-территориальный принцип организации совместной жизни, когда решающей основной соединения людей в коллективные организмы стали социальные связи вместо кровных уз, а родовой единицей общества стал народ вместо рода. Однако ни родственные узы как способ соединения индивидов в первичную ячейку, ни семья как такая ячейка не исчезли из-за того, что духовный кругозор и общественная практика вышли далеко за кровно-родственные рамки. Семейные ценности и на сегодняшний день остаются базовыми, самыми важными в системе человеческих предпочтений. Люди научились сочетать, соединять многообразие семейных существований с единством народного существования. Более того, второе невозможно без первого. Рассуждая по аналогии, можно предположить, что глобальная сверхкультура будет не унификацией национальных и иных локальных культур, а новой и качественно иной надстройкой над ними.

7. Я попытаюсь схематически представить, как глобальная сверхкультура может выглядеть. Применительно к поведению, общественным нравам, то есть в качестве глобального сверхэтоса.

Глобальное общество — не только более или менее отдаленная перспектива: оно формируется сегодня и в зачаточном виде фактически уже существует. Оно существует в формах мощнейших транснациональных компаний, играющих решающую роль в финансово-экономической сфере, всеохватывающих информационных систем, огромного количества разнообразных международных гуманитарных организаций, политических объединений и т. д. То, что именуется процессом глобализации, — это реальное движение в направлении глобального общества: в него втянуты сотни миллионов людей. Процесс глобализации оказывает влияние на все стороны жизни. Он не ограничивается материальной (финансово-экономической, технологической и т. д.) сферой жизни, а затрагивает, и притом существенно, также ментальную сферу, область отношений между людьми. Речь идет не только об идеологии глобализма, например, пропаганде концепции прав человека. Дело в том, что сами универсальные технологии заключают в себе определенную логику поведения индивидов и отношений между людьми, которые в них втянуты. Они объективно задают, формулируют универсальную (глобальную) схематику поведения, то, что можно было бы назвать этосом глобально организованного общества.

Те, кто делают и обслуживают современные самолеты, трубопроводы, работают в банковской системе, строят небоскребы и тому подобное, в пределах своего делового поведения ведут себя, в общем и целом, одинаково, независимо от своей национальности, конфессиональной или иной культурной принадлежности. Здесь канон поведения задается самим делом, он объективен, не зависит от внутреннего мира индивидов, их душевных и иных человеческих качеств.

Конечно, культурно обусловленные психологические и нравственные различия индивидов имеют значение с точки зрения того, насколько они готовы включиться в современные высокотехнологичные производства и тонко организованные, требующие высокой исполнительской дисциплины формы деятельности. Но, поскольку они включаются в них, их поведение оказывается однотипным. Оно определяется прежде всего способностью рационально контролировать свои действия и подчинять их внешним, объективированным схемам деятельности. Такая способность, надо думать, является одним из элементов глобального этоса, который складывается наряду (поверх и сквозь) с национальными, религиозными и иными человеческими этосами.

8. Выше говорилось, что диалог культур не выходит за рамки культур, не снимает различий между ними. В то же время сверхкультура как зародыш, прообраз глобальной общности людей формируется именно в процессе диалога культур. Диалог культур нельзя понимать как простое схождение, встречу, взаимодействие разных культур. Он прежде всего представляет собой сам процесс их взаимодействия, то, что делает такое взаимодействие возможным — особое гуманитарное пространство, которое находится между культурами, является продолжением каждой из них и в то же время ни в одну из них не входит, в известном смысле является «нейтральной территорией» по отношению к каждой.

В широком плане таким пространством можно считать любое взаимодействие людей, принадлежащих к разным культурам. Таковы, например, межконфессиональные и межнациональные браки, особенно те из них, где супруги и дети сохраняют и культивируют конфессиональные и языковые различия, или пребывание в инокультурной среде (обучение в зарубежном университете, переезд в другую страну и т. д.). Однако с точки зрения межкультурного диалога такие случаи не являются специфичными — браки не обязательно должны быть межконфессиональными, университеты не предполагают обязательного наличия иностранных студентов, государства могут обходиться без иммигрантов. Говоря по-другому, понятия брака, университета, государства не предполагают поликультурного происхождения тех, кто образует эти формы общности. Практические взаимодействия людей разных культур и в этих случаях могут иметь, конечно, форму диалога, но не обязательно; они могут также приобретать конфликтный характер, а еще чаще развиваться в направлении ассимиляции, смены культурной идентичности.

Для понимания специфики диалога культур более показательными являются такие коммуникативные площадки, на которых сходятся люди разных культур, которые изначально предназначены для людей разных культур и могут существовать только в форме их упорядоченного взаимодействия. Таковы, например, международные аэропорты, супермаркеты, интернациональные коллективы различных международных проектов, международные туристические центры и т. п. Способ существования (поведения, общения) людей на этих площадках (в отличие от того, как они являют себя в монокультурной среде), за-

служивает специального культурологического исследования. Но даже предварительный, основанный на простой наблюдательности взгляд позволяет увидеть ряд характерных особенностей.

Прежде всего бросается в глаза, что люди, независимо от того, какова их этническая, конфессиональная или иная культурная принадлежность, на этих площадках чувствуют себя уверенно, ведут себя с полным сознанием законности своего пребывания здесь.

На таких изначально интернациональных площадках люди, как правило, не демонстрируют своего культурного своеобразия, не настаивают на нем, вообще на этот аспект личности не обращают внимания. Так, например, пассажиры международных аэропортов не чувствуют себя дискриминированными из-за того, что они не могут пользоваться родным языком и должны обращаться к служащим на английском языке. Соответствующая ситуации рациональность поведения людей состоит в том, что они оставляют свое культурное своеобразие, своих богов и обычаи при себе и руководствуются в словах и действиях конкретной целью, ради которой они здесь оказались, выбирая для этого соответствующие специальные и продуманно подобранные средства.

Наконец, еще одна особенность общения людей на интернациональных площадках состоит в том, что это общение характеризуется высокой, можно даже сказать, акцентированной степенью вежливости и учтивости. Здесь люди ведут себя иначе, чем в собственной (родной) культурной среде, более настороженно, подтянуто, не без интереса друг к другу, но стараясь выдержать дистанцию, быть подчеркнуто уважительными.

Таким образом, поведение людей в тех проявлениях, в которых можно видеть зачаточные формы глобального этоса (или сверхэтоса), в отличие от того, как они ведут себя в пределах своих локальных (национальных, конфессиональных и др.) общностей, характеризуется тем, что оно максимально объективировано (в частности, вынесено во внешние, зримые, общезначимые, контролируемые схемы деятельности) и рационально упорядочено. В нем нивелируется индивидуальное, эмоциональное, культовое начало — все то, что идет от традиции, устоявшихся привычек. Здесь индивид обнаруживает себя прежде всего как субъект целерациональной деятельности, если воспользоваться терминологией М. Вебера. Если же воспользоваться категориальным строем М. М. Бахтина, то можно сказать, что индивид в своем поведении единичен (представляет собой лишь экземпляр универсального рода разумного существа), но не единствен, и в этом смысле речь действительно идет о стандартизации поведения. Это была бы пугающая перспектива, если бы глобальный сверхэтос отменял национальный, религиозный и иные этосы, разнообразящие картину общественных нравов и межличностных отношений. Однако как надстройка над ними, как общая «крыша», предохраняющая от опасности столкновений на почве культурно обусловленных различий в поведении, такого рода стандартизация может рассматриваться в качестве блага.

В. М. Давыдов¹**«АЛЬЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ» — ИСТОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ**

Переходный характер нашей эпохи общепризнан. Его связывают с движением от индустриального к постиндустриальному обществу, от пятого к шестому технологическому укладу, к глобализации как доминанте мирового развития, от биполярного и затем квазиднополярного миропорядка к многополюсной структуре планетарного сообщества. В обстановке мирового экономического кризиса, выделяющегося в ряду ординарных циклических перепадов, справедливо ставится вопрос о переходе к новой парадигме экономического развития, иной экономической политике.

В других интерпретациях — с серьезными на то основаниями — переходность ассоциируется с формированием предпосылок доминирования интегральной цивилизации, планетарно универсальной. С этой концепцией, плототворно развиваемой в произведениях российских ученых Б. Н. Кузика и Ю. В. Яковца², можно солидаризироваться с пониманием ряда обстоятельств. Во-первых, того, что перспектива подобного перехода уже наметилась, но его историческая дистанция выходит далеко за пределы не только предстоящих десятилетий, но и нескольких поколений. Во-вторых, с пониманием неизбежной проекции в будущее так называемых «локальных» цивилизаций — крупных частей мирового сообщества, воспроизводящихся на основе определенного социокультурного родства, системообразующим началом которого служат мировые религии, несущие особый генетический код соответствующего цивилизационного макросоциума.

Далее следует учитывать, что универсализация не равнозначна унификации планетарного пространства, которая не привносится глобализацией. Пока мы наблюдаем противоположное. Неодолимо увеличивается разрыв в уровне экономического развития и социального благополучия стран и народов, принадлежащих к разным «локальным» цивилизациям. Это служит одной из объективных основ интенсификации международных миграционных потоков. К сожалению, на настоящий момент мы не видим в реальности тех факторов, которые способны существенно противодействовать нарастающему разрыву и соответственно эффекту отторжения/притяжения мигрирующих масс.

¹ Директор Института Латинской Америки РАН, доктор экономических наук, профессор. Член бюро Отделения общественных наук РАН.

Автор свыше 180 научных публикаций, в т. ч. книг: «Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века = Еспапа», «Феномен финансовой глобализации. Универсальные процессы и реакция латиноамериканских стран», «Современный финансово-экономический кризис. Реакция нарождающихся рынков и центров мировой экономики», «Куба 90-х: модель «переходной» экономики и сотрудничество с Россией» и др. Член редколлегий Малой российской энциклопедии, научного журнала Кембриджского университета, журналов «Латинская Америка» и «IBEROAMERICA», член президиума Национального комитета содействия экономическому сотрудничеству со странами Латинской Америки. Академик-корреспондент Португальской академии культуры.

² См.: Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. М., 2006. Т. 1.

Противоречивым образом в русле современной практики мы, не имея достаточных теоретических обоснований, видим тенденцию усиления самоидентификации параллельно экономической и технотронной глобализации. Во многих случаях локально цивилизационный социум проявляет инстинкт самосохранения. И, наконец, это должно служить своего рода историческим предупреждением. Не следует ожидать быстрого поглощения глобализацией локального цивилизационного своеобразия. У него свои механизмы воспроизводства, которые, быть может, до сих пор не познаны современной наукой. Мы вновь убеждаемся в огромной инерционной силе цивилизационной детерминации развития.

Между тем интенсификация миграционных потоков, сопровождающая и в определенной мере выражающая глобализацию, сегодня ставит вопрос о масштабном иноцивилизационном влиянии. История предоставляет массу примеров того, что межцивилизационное взаимодействие имеет две стороны медали: одна — серьезные (часто разрушительные) издержки иноцивилизационного вторжения; другая — продуктивность межцивилизационного взаимодействия.

Сегодня мы констатируем, что процесс «вестернизации», стартовавший, наконец, в эпоху Великих географических открытий, находится на исходе, появляются признаки его замещения (пусть пока не очень осознанного) процессом «истернизации». Но эффект «плавильного котла» ассимиляции уже не срабатывает. В ходе масштабной трансграничной миграции этнически иноцивилизационные вливания создают «критическую массу», обеспечивающую самовоспроизводство культурной идентичности. Такой феномен проявляется в США, которые постепенно превращаются в двуязычное общество, а также в ряде западноевропейских стран. Концепция «пограничной» цивилизации, применявшаяся российскими учеными (Я. Г. Шемякин, Б. И. Коваль, С. И. Семенов)³ для определения исторического своеобразия России, Испании и Латинской Америки, сегодня приобретает дополнительный смысл. Качество «пограничности» начинает характеризовать ранее однородные моноцивилизационные социумы Запада. Понятия «мультикультурализм», «поликультурализм» перестают быть академической абстракцией, становясь определяющей характеристикой общественного бытия в обширных ареалах современного мира.

Качество «пограничности» социума усиливается не только вследствие интенсификации международной миграции, но и в результате регенерации ранее подавленных и маргинализированных автохтонных этносов. Наиболее яркий пример — ны-

³ См.: Шемякин Я. Г. Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001.

нешняя ситуация в «индейском поясе» Латинской Америки¹.

Смена официального наименования страны (согласно последней боливийской конституции) на формулу «многонациональное государство Боливия» — не юридическая формальность, а серьезный исторический симптом. Со второй половины XX века демографическая динамика индейских этносов превосходит прирост белой креольской массы и даже метисного слоя. Здесь в Боливии (возможно, в наиболее явном виде), а также и в других латиноамериканских странах с большим удельным весом автохтонного населения происходит то, что мы называем «индейским Ренессансом», — количественное, затем духовное возрождение и, как следствие, все более активное вхождение индейских масс в политику. Индихенизм «сверху», индихенизм патронажа и покровительства, характерный для XX века, замещается индихенизмом «снизу» — протестным, политически организованным, порой принимающим самые радикальные формы.

Современный индихенизм сегодня пересекается с альтерглобалистскими движениями, противопоставляя себя «вестернизации». В то же время он нередко (боливийский пример, отчасти перуанский и эквадорский) постулирует и реализует возвращение к традициям автохтонного общинного бытия, в частности в судебной практике, отношениях человека и природы, отношениях к собственности, семейной этике. Все это создает немалые риски и реальные конфликты.

Рисками чревата и переходность иного рода. В какой мере наши стремление и позитивное ожидание многополярного мира свободны от идиллических представлений? Похоже, мы не в полной мере отдаем себе отчет в том, что, несмотря на объективную обусловленность перераспределения сил и влияния на мировой арене, динамика восхождения—нисхождения (тем более окрашенная в цивилизационные цвета) способна вызвать не только серьезные осложнения, но и катастрофические события. Это произойдет в том случае, если мировое сообщество не будет извлекать уроков из собственной истории, если оно не научится вырабатывать адекватные механизмы нейтрализации рисков переходности, своевременно дезактивировать мины замедленного действия — назревающие конфликты.

Не думаю, что сегодня у кого-то найдутся рецепты лечения обнаруживающихся или ожидаемых болезней переходности. Рецепты вырабатываются жизнью, практикой международного общения. Однако мы уже имеем одно из своевременных и адекватных решений — инициативу правительства Испании, поддержанную правительством Турции и принятую ООН в качестве одного из важнейших направлений своей деятельности.

Речь идет о проекте «Альянс цивилизаций», о котором на предыдущих Лихачевских чтениях убедительно рассказывали Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации Хуан Марк Пужоль и экс-

президент Португалии, а ныне Высокий представитель Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций» Жоржи Сампайю². «Соавторство» Испании и Турции в данном случае выглядит символично, поскольку обе страны представляют ситуации цивилизационной пограничности, а значит, чувствительны к проблеме преодоления разделительных межцивилизационных линий. Проект «Альянс цивилизаций» получил широкий международный резонанс. Он действительно отвечает насущным потребностям времени, особенностям нынешнего сложного исторического этапа. Располагая гуманистической идеологической основой, способной привлечь к сотрудничеству протагонистов различных «локальных» цивилизаций, он обращен в практическую плоскость, предполагает широкое использование государственных и негосударственных факторов и их солидарное воздействие на наиболее чувствительные сферы. В сфере особого внимания Альянса:

- образовательно-воспитательная сфера;
- молодежная политика;
- миграция;
- средства массовой информации.

Иными словами, речь идет о ключевых направлениях целенаправленного формирования нового общественного сознания в духе толерантности и сотрудничества.

Хочется надеяться, что очередной, Третий форум Альянса, который должен состояться в Бразилии одновременно с Лихачевскими чтениями, придаст дополнительный импульс мощному международному движению, которое зарождается в русле идеологии и практики «Альянса цивилизаций». Бразилия, которая во всемирной истории предстает как символ симбиоза культур и веротерпимости, является благодатной почвой для нового этапа борьбы за превращение «Альянса цивилизаций» в международную реальность.

Форуму Альянса символически предшествует другой — Второй саммит БРИК (устоявшаяся аббревиатура от названия четырех быстро развивающихся стран: Бразилии, России, Индии и Китая), созданный на бразильской земле. Формат БРИК открыл перспективу конструктивного взаимодействия четырех восходящих центров мировой экономики и международной политики. Но дело не только в крупном экономическом, ресурсном и демографическом потенциале четырех гигантов. Каждый из них представляет мощную цивилизацию, способную оказывать определяющее воздействие на судьбы мира. Совокупный авторитет БРИК и пример межцивилизационного взаимодействия в этом формате призваны внести весомый (а возможно, и решающий) вклад в нейтрализацию рисков переходности. БРИК — одна из новых международных структур, которые сегодня вырабатывают механизмы будущего глобального регулирования, гарантирующего устойчивость развития мирового сообщества.

¹ См.: Давыдов В. М. Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. М., 2006.

² См.: Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 года. СПб. : СПбГУП, 2009.

М. Г. Делягин¹

КРИЗИСЫ ГЛОБАЛЬНОГО МОНОПОЛИЗМА И ПЛАНЕТАРНОЙ РОЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ОБЩИЙ ВЫХОД?

Глубина мирового финансового кризиса недооценивается из-за игнорирования его фундаментальной причины — исчерпанности модели глобального развития, созданной в результате уничтожения Советского Союза. После победы в холодной войне глобальные корпорации Запада эгоистично перекроили мир в своих интересах, лишив (для недопущения конкуренции) свыше половины человечества возможности нормального развития.

По своим масштабам, глубине и разрушительности преобразований для осваиваемых обществ, но главное — по своему значению для развитых стран освоение *постсоциалистического пространства можно сравнить лишь со второй Конкистой*.

Первая за счет разграбления цивилизаций Центральной и Латинской Америки обеспечила ресурсами формирование в развитых странах Запада классического капиталистического общества.

Вторая Конкиста, развернувшаяся в конце 1980-х годов, за счет не менее беспощадного разграбления постсоциалистического и неразвитого мира технологически, интеллектуально и финансово обеспечила глобализацию, в том числе *перерастание развитых стран в качественно новое состояние глобального общества* на основе развития уже не индустриальных, но информационных технологий.

Эксплуатация дополнялась навязыванием (при помощи глобальной рекламы) ограбляемой части человечества представлений о нормальности и, более того, необходимости даже не повседневных, а высочайших стандартов западного потребления. *Растущее понимание представителями неразвитого мира (в том числе бывших социалистических стран) невозможности достижения этих стандартов их обществами породило феномен национального предательства либеральных реформаторов. Осознавая невозможность развития своих обществ в рамках сложившихся «правил игры», они сосредоточивали свои усилия на обеспечении личного уровня потребления, соответствующего стандартам глобальной рекламы, — за счет попыток войти в круг «глобальных кочевников».*

Обострение этого противоречия к концу 1990-х годов многократно усугубило глобальную напряженность, терроризм и буквально смывающую современную западную цивилизацию миграцию. Однако развитые общества ощутили разрушительные последствия эгоизма глобальных корпораций намного быстрее.

Лишение огромной части человечества возможностей развития ограничило сбыт самих развитых стран, создав кризис перепроизводства, правда в первую очередь не традиционной продукции, а преи-

мущественно продукции информационных и управленческих технологий, *high-hume'a*, а не *high-tech'a*. *Дополнительным фактором, усилившим этот кризис, стало относительное сжатие спроса уже не в неразвитых, а в самих развитых странах. Это происходило за счет обнищания их собственного «среднего класса» под влиянием распространения информационных технологий (во многом также вызванного уничтожением «социалистического лагеря», давшим необходимые для этого распространения ресурсы).*

Автоматической реакцией глобальных корпораций на эту первую волну глобального кризиса перепроизводства стало «накачивание» недостающего спроса за счет кредита. Кредитованием потребителей занимались не глобальные корпорации, но правительства стран их базирования и международные финансовые организации.

Обособление глобальных корпораций от государств окончательно произошло именно в ходе реализации этой стратегии к середине 1990-х годов. Причина обособления была проста: корпорации не хотели нести ответственность за чрезмерно рискованные кредиты, пусть даже и выданные в их интересах, и солидаризоваться с теми, кто это кредиты выдавал, пусть и под их давлением.

Стимулирование сбыта кредитованием неразвитого мира вызвало в 1997–1999 годах кризис долгов, бумерангом ударивший по США в 2000–2001-м. США вытащили себя (и мировую экономику, стержнем которой они являются) из начинавшейся депрессии при помощи реализации двух ключевых стратегий.

Первая стратегия — *«экспорт нестабильности»*. Непосредственно она ориентирована на подрыв конкурентов (или их периферии), вынуждающий их капиталы и интеллект (а также капиталы и интеллект неразвитых стран, до начала соответствующего кризиса намеревавшиеся бежать к ним) бежать в «тихую гавань» — США.

Однако главное заключается в том, что рост нестабильности оправдывает рост военных расходов в самих США, взамен рынка стимулирующих экономику и технологии («военное кейнсианство» Рейгана). Реализованная в 1999 году в Югославии против еврозоны, а затем в 2001-м, как минимум, в Афганистане, эта стратегия исчерпала себя уже в 2003 году в Ираке.

Вторая стратегия поддержки экономики США — *«накачка» рынка безвозвратных ипотечных кредитов*. Созданный ею финансовый пузырь начал «ползти по швам» еще летом 2006 года, но разнообразие, многоуровневость и гибкость финансовой инфраструктуры США привели не к мгновенному краху, но к длительной агонии, перешедшей в открытую форму только в сентябре 2008 года.

Обе стратегии поддержания мировой экономики, позволившие временно «заморозить» глобальный кризис перепроизводства, к 2008 году полностью исчерпали свой ресурс.

¹ Директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, действительный государственный советник 2-го класса. Автор более 800 научных публикаций, в т. ч. 12 книг, среди которых: «Экономика неплатежей», «Идеология возрождения», «Мировой кризис. Общая теория глобализации», «Россия после Путина», «Драйв человечества». Почетный профессор Цзилиньского университета (Китай).

Сегодня развитые страны пытаются уже не повысить свою конкурентоспособность, а просто зафиксировать мир обратно в уже уходящие навсегда 1990-е и 2000-е годы, когда под видом разговоров о глобализации сложился по сути дела новый колониализм.

Неспособность США поступиться даже малой частью текущих интересов ради урегулирования своих же стратегических проблем, их поистине убийственный эгоизм делают невозможным осмысленное изменение глобальной финансовой архитектуры.

Это не только делает глобальное развитие стихийным и соответственно сопровождающимся неоправданными диспропорциями и разрушениями. Положив конец американскому интеллектуальному лидерству (ибо первенство интеллекта оказывается обесценено тупиковой системой интересов), эта невозможность выталкивает на авансцену мирового развития новых ключевых участников — не только Евросоюз, но и Китай, тем самым уничтожая Pax Americana.

Похоже, *интеграция человечества вновь, как в начале XX века, превысила возможности его управляющих систем, и теперь оно вынуждено уменьшить ее глубину*, восстанавливая управляемость за счет примитивизации процессов развития.

На практике это обернется *переходом от глобализации к регионализации*: ускорением формирования макрорегионов, ведущих между собой жесткую всеобъемлющую конкуренцию.

Вероятно, равновесие будет временно достигнуто восстановлением биполярной системы (с противостоянием США и Китая при Евросоюзе, Японии, Индии и, возможно, России в качестве совокупного балансира) в политике и поливалютной — в экономике. Каждая валютная зона будет иметь свою резервную валюту (доллар, евро, юань), и эти валюты будут конкурировать друг с другом.

Однако фундаментальная проблема современного развития — не эгоизм США, не нехватка ликвидности, не кризис плохих долгов и даже не утрата собственниками контроля за топ-менеджерами, но отсутствие источника роста США, а с ними — и всей мировой экономики. Даже оздоровление финансов США не смягчит кризиса перепроизводства продукции глобальных монополий и не создаст нового экономического двигателя взамен разрушившихся. Это значит, что *из сегодняшнего кризиса мировая экономика выйдет не в восстановление, а в длительную и тяжелую депрессию*.

Фундаментальная причина новой мировой депрессии, первопричина кризиса перепроизводства — глобальное загнивание глобальных же монополий. Их монополизм усугубляется изменением характера самого технологического прогресса — распространением высокопроизводительных «метатехнологий», использующий которые субъект рынка лишается возможности конкуренции с их разработчиком.

Развитие и усложнение технологий ведет к тому, что *деньги теряют значение*. Символом успеха и инструментом его достижения все меньше становятся легко отчуждаемые деньги. Все больше эту роль выполняют сливающиеся со своими разработчиком и пользователем, все менее отчуждаемые от них технологии, причем значимость социальных технологий,

связанных с управлением и особенно формированием сознания, возрастает неуклонно.

Однако, несмотря на это, *загнивание глобальных монополий будет, скорее всего, преодолеваться так же, как и загнивание монополий обычных: сменой технологического базиса*, в ходе которой новые, более производительные технологии сломают устаревшие социальные отношения и, в частности, преодолеют монополизм.

Глобальные монополии ощущают это и всеми силами стремятся затормозить способный подорвать их доминирование технологический прогресс.

Впрочем, прежде всего он тормозится по объективным причинам: из-за экономизации и идеологизации процесса управления, исчезновения сверхзадач и замены их мотивом прибыли. Ведь *инвестиции в создание качественно новых технологических принципов нерыночны*: инвестор не знает, получит ли он за свои деньги хоть что-нибудь, а если получит — то когда и что именно.

Тем не менее уверенность в неизбежности радикального упрощения и удешевления господствующих технологий основана на невозможности длительного масштабного торможения технологического прогресса и очевидности технологического, экономического и социально-политического тупика, в который привело мир доминирование уже загнивающих глобальных монополий.

Социальные последствия «технологического взрыва», которым человечество будет преодолевать загнивание глобальных монополий, будут усугублены изменением взаимодействия человечества с природой, выражающимся в увеличении общесистемных рисков.

Стандартные объяснения кризиса американской ипотеки, помимо естественной для спекулянта алчности, указывают на объективную потребность американской экономики в накачивании спекулятивного «финансового пузыря» для стимулирования продолжения ее роста. Кроме того, увеличение объема ипотеки (в том числе и даже в особенности безвозвратной) представляло собой замаскированный (так как американская идеология плохо воспринимает саму идею социальной помощи) способ обеспечения социальной помощи, необходимой в условиях стремительного размывания (а говоря проще, разорения) американского «среднего класса».

Эти объяснения правильны, но они носят макроэкономический характер, объясняя общественную потребность в этих вопиющих безобразиях. Между тем, помимо общественной потребности, существовала еще и потребность инвесторов, — и вот эту причину кризиса, лежащую на микроуровне, на уровне отдельных субъектов экономики, наблюдатели предпочитают тактично не замечать.

А ведь многоуровневая «перепаковка рисков», приведшая к утрате регулируемыми органами всякого контроля за обращающимися на рынках обязательствами, выполняла важнейшую экономическую функцию — страхование рисков инвесторов.

На этом пути были достигнуты выдающиеся успехи: благодаря многоуровневой системе деривативов риски инвестора, вкладывающего свои средства

в первоклассные облигации американской корпорации, были на порядок — примерно в десять раз! — ниже рисков самой этой корпорации. Это позволяло получать практически гарантированную доходность и обеспечило (наряду с макроэкономической функцией) бурное развитие деривативов.

США — а с ними и весь мир, так как их экономика является основой мировой, — столкнулись с действием закона *сохранения рисков*, по которому *общая величина рисков в большой системе примерно постоянна*. В результате снижение индивидуальных рисков значимого числа элементов этой системы неминуемо ведет к перекалыванию этих рисков на более высокий уровень — и соответственно к нарастанию общесистемных рисков. В частности, сведение индивидуальных рисков к минимуму увеличивает общесистемные риски настолько, что это, как правило, приводит к разрушению системы.

Именно это произошло в американской финансовой системе, — но ведь это же происходит и с человечеством в целом. Наблюдается системное нарастание неблагополучия, свидетельствующее об исчерпании традиционной модели взаимодействия человечества с планетарным природным комплексом, частью которого оно является. Исчерпание потенциала старой модели означает начало перехода к какой-то новой модели такого взаимодействия, которая еще нам непонятна, но может потребовать существенных изменений в нашем привычном образе жизни.

Нельзя исключать и *опасности деструкции не способного справиться с нарастанием своих системных рисков человечества*, то есть *значимого упрощения его внутренней организации, десоциализации уже на планетарном уровне*, а не только в рамках отдельных обществ.

М. М. Джоши¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

«Глобализация» — привлекательное слово, ибо оно пробуждает благородное чувство «единой земли» и человечества как единой расы, рожденной от «матери Земли». Оно побуждает нас мечтать об идеале человеческого единения и всеобщего братства. Но когда мы начинаем пристально рассматривать современное явление глобализации, то обнаруживаем, что глобализм — это глобализм рыночных сил с бандитской конкуренцией, это растущее неравенство между народами и внутри конкретных стран, это гегемония ведущих и богатых государств. Всеобщего понимания, в котором преобладали бы единство и единение, нет. Распространение терроризма и религиозно-фундаментализма представляет серьезные проблемы для самой сущности культурного разнообразия. Рыночные отношения вместо того, чтобы устранять конфликты, еще более усугубляют расколы и стимулируют культ насилия в противовес культуре диалога, разума и здравого смысла.

В одном из моих прежних выступлений я высказал утверждение, что мир не может быть назван подлинно глобальным, если он является глобальным только в сфере торговли и коммерции, науки и технологий, тогда как культуры и цивилизации находятся в постоянном конфликте. Ибо в подлинно глобальном мире торговля и коммерция, наука и технологии, культуры и цивилизации и окружающая среда должны находиться в состоянии гармонии. Я пользуюсь здесь возможностью повторить это утверждение снова. Если человечество хочет выжить, то следует отказаться от мысли, что отношениям между странами и сообществами внутренне присущ вечный конфликт цивилизаций. Мировой порядок, основанный

на «столкновениях цивилизаций», никогда не приведет к разрешению конфликтов. Для прочного мира и гармонии необходима новая парадигма и новый мировой порядок, основанный на свободном и честном диалоге между цивилизациями, который приведет к становлению глобальной культуры.

Как известно, глобализация имеет экономические основы и социально-политические последствия, но она также оказывает влияние на культуру. Хотя глобализация объединяет экономику разных стран, народы и сообщества тем не менее склонны сохранять свои отличительные культурные черты. В этом кроется конфликт между экономической интеграцией и культурным сепаратизмом. Для создания глобальной культуры нам необходимо обсудить вопрос взаимодействия глобализации, культуры и последствий этого взаимодействия, а также вопрос: возможно ли существование глобальной культуры в полном смысле слова при нынешнем состоянии и направлении глобализации?

Сначала о глобализации. В начале 1990-х годов многие страны, как развитые, так и развивающиеся, приветствовали глобализацию. О ней всюду говорили и с ней связывали надежды на всеобщее процветание. Однако в декабре 1999 года в Сиэтле прошел крупный марш протеста. Он явился полной неожиданностью и потрясением для сторонников свободных и открытых рынков. За ним последовали протесты в Европе, Соединенных Штатах и ряде развивающихся стран. Группы протестующих выступали против утверждения, что глобализация в итоге обеспечит экономическое благоденствие всем и каждому. Джозеф Стиглиц в своей основополагающей работе «Глобализация и ее негативные последствия» проделал детальный анализ последствий глобализации для развивающихся стран. Он пишет: «Глобали-

¹ Член парламента Республики Индия, доктор. Бывший министр по развитию человеческих ресурсов, науки и технологий, освоения океана в Правительстве Республики Индия.

зация сегодня не действенна. Она не действенна для тех в мире, кто беден. Она не действенна для окружающей среды. Она не действенна для стабильности глобальной экономики».

Всемирная комиссия по социальным аспектам глобализации (2001), учрежденная Международной организацией труда, сообщает: «Современные процессы глобализации вызвали дисбаланс как между странами, так и внутри самих стран. В Африке процент населения, живущего за чертой крайней бедности, возрос с 42 до 47 %. В последнее время сомнения в преимуществах глобализации звучат в Латинской Америке и России. Рынок стал открытым, а глобализация не принесла избавления, особенно нуждающимся».

Выступая на заседании Совета управляющих в сентябре 2003 года, Джеймс Д. Вулфенсон, президент группы Всемирного банка, с сожалением заметил, что мир оказался в состоянии дисбаланса. В этом следует винить основные силы, которые формируют современное состояние мира и нарушают равновесие в нем. Вулфенсон заявил также, что в мире с населением в 6 млрд 80 % глобального ВВП принадлежит 1 млрд людей, в то время как еще миллиард из последних сил пытается выжить на 1 доллар в сутки. Вот мир в состоянии дисбаланса.

Каковы последствия этого дисбаланса? Возможно, определенный рост имеет место, но огромное число людей лишено преимуществ этого роста. Многие он принес ухудшение положения. Экономика, которая обещает, что блага роста дойдут до низов, доказала свою несостоятельность. По данным Всемирной комиссии по социальным аспектам глобализации, 59 % мирового населения живут в странах возрастающего неравенства. Даже в самых развитых государствах богатые становятся богаче, в то время как бедные с трудом сводят концы с концами.

Один миллиард самых богатых людей мира проживает в нескольких странах, некоторые из них живут и в развивающемся мире. У этого миллиарда схожие взгляды, установки и жизненные ценности. В определенном смысле глобализация имеет тенденцию порождать две культуры — культуру имущих и культуру неимущих. Определенный круг проблем вызван влиянием глобализации на культуру. Ниже приведены некоторые из них.

— Миллиарды людей лишены возможности внести достойный вклад в развитие культуры и прогресс цивилизации из-за роста уровня бедности.

— Глобализация вызывает серьезные политические последствия. Рыночные механизмы враждебны демократии. Огромные суммы, расходуемые на избирательные кампании, рост влияния теневой экономики, компромисс политических лидеров с коррупцией — это все свидетельства преобладания рыночных процессов над демократическими. В конечном счете это может привести к установлению диктатуры рынка. Как сказал Жак Аттали, демократия уступит место могуществу люмпенизированного рынка, не сдерживаемого никакими институтами.

— Экономика и даже культура развивающихся стран серьезно пострадали от той экономической системы, которую им навязывают в процессе глоба-

лизации. Эта система во многом виновна в американизации их культуры, экономики, жизненных ценностей, общественных и политических институтов. Таким образом, глобализация угрожает культурному плюрализму и стремится насаждать ценностные системы, которые определяются одними лишь рыночными механизмами.

— Глобализация ведет к миграции, и во многих случаях уже стала причиной разногласий в отношениях между культурой принимающей страны и культурой мигрантов.

Теперь о культуре. Что такое культура? Культура может быть определена как общая модель поведения общества, отражающаяся в языке, деятельности, системе ценностей, практике и в том способе, которым она определяет отношения между его членами, окружающей средой и другими обществами. Культура и мировоззрение общества тесно взаимосвязаны и постоянно взаимодействуют. Ведущую роль в формировании мировоззрения играют религия и философия. А цивилизация обычно означает состояние гражданского общества, способы его организации, управления, образования, и то, как знания проникают во все стороны жизни общества. Это общество на определенном этапе развития стремится к непрерывному улучшению качества жизни человека. Именно культура предусматривает систему ценностей в обществе и тем самым формирует отношения внутри его. Культура и религия, таким образом, играют основную роль в формировании человеческого поведения и развитии общества.

Культура — динамическая сущность. Она эволюционирует и постоянно взаимодействует со всеми аспектами жизни. Культура использовалась и даже сейчас используется для поддержания единства и обеспечения порядка в стремлении цивилизации к высоким целям. Это материальные, интеллектуальные и духовные цели. Но история, к сожалению, знает немало случаев, когда политики, религиозные лидеры и интеллектуалы по разным поводам использовали культуру для оправдания варварства и военных действий. Культурные конфликты порой выливаются в продолжительные войны.

Имеется ряд примеров, когда этническая вражда наряду с религиозными различиями приводила к ситуациям, чреватым войной. В таких случаях в развитии общества и демократии наблюдался серьезный регресс. Культуры эволюционируют, а их воздействие на современные сообщества играет важную роль в формировании политики и экономики этих сообществ. Например, исламская культура разъясняет, почему демократия не может укорениться в ряде исламских государств, в то время как в Индии демократическая политика надежно оберегается Конституцией и успешно работает.

Существует еще один вид конфликтов, где культура играет, хотя и косвенно, определяющую роль. Так, холодная война сама по себе была конфликтом, хотя и не сугубо культурным, но с культурными оттенками. Ее обычно изображают как конфликт между «коммунистической» и «капиталистической» культурами. В течение столетий человечество являлось свидетелем того, как так называемые «высшие

культуры» стремились упразднить то, что они имели «низшими культурами».

Многие ученые предсказывали, что после холодной войны начнет свое становление новый технико-экономический мировой порядок, при котором с международной политической арены будут устранены крупные конфликты — политические, культурные или идеологические. Предполагалось также, что в однополярном мире соревнующиеся державы превратятся в сотрудничающих партнеров. К сожалению, этого не случилось. Растущая международная торговля и связи не только не разрешили, но скорее даже усилили конфликты и напряженность. Глобализация, хотя и невольно, породила тиранию терроризма.

При обсуждении роли различных стран в культурной глобализации К. Сьямаламма и П. Кришнамохан Редди в *World Affairs*¹ (зимний выпуск 2009 г.) показывают, что для многих социологических интерпретаций глобализации центральным вопросом является понятие культуры. Это означает, что глобализация представляет собой нечто вроде развития «глобальной культуры». На ранней стадии глобализация являлась результатом колонизации западными державами крупных регионов мира. Экспансия колониализма привела к экономической и технологической унификации больших пространств земного шара. Это было началом становления глобального общества, находящегося под влиянием преимущественно западных идей.

Культурное воздействие ощущалось в изменении образа жизни, языке, манерах, применении различных бытовых устройств и технологиях. Однако такое изменение происходило медленно и затрагивало небольшую часть населения. Но в настоящее время, благодаря ускоренному развитию коммуникационных и информационных технологий, быстрорастущее взаимодействие в коммерческой и социальной сферах приводит к гораздо более интенсивному изменению в различных аспектах социальной и культурной жизни гораздо большего числа людей. Некоторые социологи говорят даже о зарождении «глобального сознания». Это не означает создания единой, централизованной и однородной культуры для всего мира, которая в любом случае не могла бы быть жизнеспособной.

Глобальное сознание должно приводить к ситуации, когда различные сообщества делятся своим культурным опытом, обогащают друг друга, выступают в виде своего рода культурной мозаики и становятся символом «единства в многообразии». К. Сьямаламма и П. Кришнамохан Редди утверждают далее, что «культурную глобализацию следует рассматривать как непрерывное развитие множественных типов современности в глобальном масштабе. Транскультурация должна развиваться так, чтобы разные культуры оставались верны собственным исконным силам и не были рассеяны на пути, определяемом одним только типом трансформации».

Демократию, плюрализм и толерантность многие связывают с так называемыми «западными культурами». Но всего два с половиной столетия назад демократические идеи владели умами лишь небольшой

группы философов и никак не влияли на реальную государственную политику в феодальной и монархической Европе. Широко известный политолог и экономист Амартья Сен в статье «Демократия как универсальная ценность» (февраль 1999 г.) приводит в пример законы индийского императора Ашоки, записанные в III веке до н. э. Император, по этим законам, — поборник толерантности, плюрализма и защиты прав меньшинства. И это лишь одна из характерных особенностей индийской цивилизации и культуры.

Транскультурация может быть реализована только благодаря партнерству цивилизаций и диалогу между культурами. Но это случится лишь тогда, когда мы осознаем культуру в качестве истинной основы цивилизаций, а также согласимся с тем, что глобальное культурное многообразие есть предпосылка для установления диалога между культурами. Нам следует также понять, что наблюдаемое сегодня культурное многообразие является результатом взаимодействия различных цивилизаций, вызванного более чем тысячелетними миграциями. Как отмечает Альфонсо Лингис из Пенсильванского университета, Мохен-джо-Даро, Мемфис и Фивы, Махабалипурам, Ангкор, Дженне Дженно в районе Сахел, Теотиуакан, Куско — все эти центры великих культур представляли собой космополитичные города с рынками, заполненными иноземными торговцами, а также и с целыми кварталами, в которых обосновались иностранцы.

Мы должны прийти к пониманию того, что такие своеобразные и влиятельные цивилизации, как египетская, персидская, китайская, римская и монгольская, появились в результате привлечения ресурсов, артефактов, изобретений и теорий из самых разных этнических регионов и культур. Каждый, кто посещает Ангкор Ват, испытывает потрясение при виде алтарей с индуистскими божествами, танцующими вокруг алтарей с сидящим Буддой; фриз, изображающих повседневную жизнь так, что становится очевидной работа скульпторов из Боробудура.

Далее можно признать, что культовые ритуалы браминов и дворцовые церемонии были заимствованы двором в Сукотаи и особенно в Аюттхаве в Сиаме XV столетия, однако без усвоения кастовой системы в этом буддистском королевстве. В XIV веке индуистские жрецы закрепились на Бали, где также был заимствован и придворный церемониал, однако идея межвидовой реинкарнации не была здесь усвоена. Такое всегда происходило в результате диалога культур, но не войны. Таким образом, индийская цивилизация служит примером того, как основанное на сотрудничестве партнерство цивилизаций приводит к ассимиляции и развитию культурной модели, которую переняли и внедрили различные цивилизации на обширном пространстве земель.

Индийский опыт более чем тысячелетнего мирного сосуществования различных религий коренится в основополагающей доктрине о том, что разнообразие есть неотъемлемый элемент плана творения. В рамках современной физики это можно понять на примере теоремы, которую предложил Дж. С. Белл: Вселенная — это громадная голограмма, где каждая

¹ <http://www.worldaffairsjournal.com>

часть теснейшим и непосредственным образом взаимосвязана с другими ее частями. Голограмма — это такое единство, в котором вся картина отражена в каждой из ее частей. В ходе дальнейшей аргументации Дэвид Бом, один из самых глубоких философов в сфере интерпретации научных теорий, показал, что отдельные части Вселенной не являются отдельными: эти части следует рассматривать в непосредственной связи, в которой их динамические отношения зависят от всей целокупной системы.

Итак, мы приходим к новому понятию нерушимой целостности. Такое мировоззрение дает начало новому пониманию целостности — не только человеческого сообщества, но и человечества и природы, окружающей среды и космоса. С этой точки зрения фрагментация городов, религий, народов, политических систем, конфликты, насилие, войны, братоубийство и тому подобное не являются действительностью. Все это — результат фрагментарного подхода и порождения ума, утратившего связь с целостностью. Иными словами, жизнь не может быть понята и ее проблемы не могут быть решены в частном порядке: решения следует искать, рассматривая их в совокупности.

Древняя индийская мудрость усматривает в разнообразии проявление одной и той же космической сущности в различных формах. Индуистское видение жизни основано на стремлении к единству в многообразии и вере в инклюзивный подход. Это

может стать отправной точкой для диалога между культурами.

Глобализация сегодня делает упор на «мире как едином рынке», но это понимание спорное, эксклюзивистское, фрагментарное, и оно не разрешило еще ни одного конфликта, но, скорее, усугубило таковые. Лучшей альтернативой, глубоко продуманной древними индийскими мудрецами, был бы «мир как семья». Это инклюзивный, целостный подход, ведущий к сглаживанию конфликтов. Такой взгляд, возможно, станет еще одним основанием для диалога.

Еще одна характерная черта ценностей индийской цивилизации заключается в осознании того, что «истина, или действительность, — едина, но мудрые люди описывают ее по-разному». Здесь — основа для любого диалога, нацеленного на разрешение конфликтов. Такое видение означает, что следует выслушивать иную точку зрения и стараться понять ее аргументы. Это демократический и секулярный подход, возникающий из целостного мировоззрения.

С моей точки зрения, если диалог основан на этих трех базовых принципах целостного мышления, он способен привести к установлению мирного, ненасильственного и неэксплуататорского мирового порядка, согласующего лучшие традиции национальных культур, ассимилирующего опыт различных цивилизаций, защищающего окружающую среду, но, прежде всего, обеспечивающего систему, где уважается достоинство каждой личности.

Петр Дуткевич¹,
Ян Дуткевич²

В ПОИСКАХ УМЕСТНОСТИ «СПОРА ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Мы коснемся проблемы поиска политически уместного «интерфейса» между, казалось бы, противоположными позициями — столкновением цивилизаций и диалогом между цивилизациями, который предстал бы в форме общего основания «цивилизационно согласованных моделей для институционализированных политических действий» или, иначе говоря, «цивилизационным мостом» как основой для конструктивного партнерства. Настоящий доклад представляет собой также дополнение к дискуссии о том, как попытаться деполитизировать и деидеологизировать данные обсуждения. Последнее есть необходимая предпосылка более глубокого понимания возможностей и ограничений для мирного сосуществования во все более хаотичном международном окружении формирующейся мультиполярной мировой системы. Иными словами, это — поиск приемлемого (как на теоретическом, так и на практическом

уровнях) общего пространства для новой волны дебатов, которые, возможно, избегнут участи чрезмерной идеологизации или неспособности к внятному применению.

Наш доклад строится на следующем тезисе Бориса Капустина, известного российского политолога. Диалог между цивилизациями, который претендует на роль *альтернативы* столкновению цивилизаций, всецело принимает логику натурализации, типичную для своего «оппонента». Диалог предполагает, что столкновение цивилизаций представляет собой *главную* угрозу благу человечества. Этому столкновению приписывают скорее экзистенциальный, нежели функциональный характер (освобождение от институтов, по Хантингтону). Теоретическое сходство между этими двумя якобы конкурирующими подходами подкрепляется к тому же их равной неспособностью объяснить логику столкновения цивилизаций. Хантингтон не сумел показать, почему и каким образом культурные различия могли бы привести к столкновениям, поэтому центральный тезис его книги — о столкновении цивилизаций как некоем средоточии международной политики — повисает в воздухе. В ответ на это диалог выдвигает такие загадочные понятия, как «боязнь отличия» или «восприятие

¹ Директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете (Канада), профессор. Автор книг “Problems of local development in Poland” (1989), “NATO looks East” (1998), статей «Вызовы демократизации: перспективы политической трансформации в Восточной Европе» (в соавт.), «Новая роль Канады в отношениях с Россией» (в соавт.) и др.

² Профессор Университета Виктории (Веллингтон, Новая Зеландия).

отличия как угрозы», в качестве (единственных) причин «культурных» конфликтов. Более наглядные противоречия, представленные в виде раскола между Востоком и Западом, Севером и Югом, предлагаются в «предполагаемых дихотомиях». Считается, что безосновательная боязнь различия и ее ошибочное восприятие как угрозы поддаются излечению; диалог же преподносится в качестве надежного средства для лечения таких болезней¹.

Первый шаг. Чтобы быть в состоянии общаться друг с другом — не говоря уже о том, чтобы стать партнерами (на «цивилизационном уровне»), — мы должны прежде всего создать базовые *предпосылки* построения «цивилизационно согласованных моделей для институционализированных политических действий», или «цивилизационных мостов». Как представляется, взлету данной идеи могут помочь три соображения. Во-первых, такой диалог может иметь место только между равными, и таким образом, цивилизации (и образующие их народы) должны рассматриваться как равные (поскольку, если изначально оперировать такими категориями, как «угнетенные» и «доминирующие», с одной стороны, и «развитые» или «передовые» — с другой, то дискуссия изначально перейдет в русло чисто политических категорий). Во-вторых, надо признать допустимость того, что иногда оптимальный результат процесса — согласиться с тем, что мы не согласны. Как справедливо отмечает Марк Кингвелл, «состояние разумного несогласия не только способствует минимальной сплоченности, отказу от анархии войны всех против всех, но и фактически является показателем значительного роста человеческого интеллекта». В-третьих, необходимо осознание глобальной человеческой уязвимости как потенциального связующего элемента для единичных действий. Общее чувство человеческой уязвимости создает чувство общности, глобального коллективизма, когда групповой интерес если и не устраняется, то видоизменяется, и произойти это может не из-за представлений о цивилизованности и понимания ценности этического плюрализма, но из-за страха перед будущим выживанием как в виде «цивилизаций» (как бы их ни определяли), так, фактически, и в виде человечества, каким мы его знаем.

Второй шаг заключается в том, чтобы раскрыть единство и многообразие значений основных категорий межцивилизационного взаимодействия и потенциального партнерства. На ум приходят четыре: *пространство, справедливость, природа, правление*. Основная идея — переместить разговор о цивилизации из таких областей, как религия, эконо-

мика или общество (которые обычно включаются в состав «культурных категорий», относящихся к ключевым ценностям и, таким образом, к культурно укорененным различиям), в сферу взаимного признания *представлений о глобально разделяемых интересах*. Иными словами, заменить один тип дискурса (диалог—столкновение) другим, который «де-акцентирует» внимание на истории, «де-европеизирует», «де-модернизирует» дискурс и тем самым пытается создать базовую *универсальность значений* (тем самым делая универсальными и интересными). Задача состоит в том, чтобы раскрыть, что именно различные цивилизации имеют в виду, когда используют данные понятия. Пространство имеет различные значения для разных людей, но оно объемлет такие понятия, как «сосуществование», «объединение», «коммуникация», «границы», «принадлежность», «идентичность» и др. Разнообразные значения справедливости могут указывать на коллективные желания, страхи и упования как на внутреннем, так и на международном уровнях. Дебаты о природе будут способствовать нашему цивилизационному пониманию отношений людей к животным, глобальной биополитики и биоэкономики. Поиск смысла правления (как это представляется с точки зрения разных цивилизаций) потенциально даст нам ощущение того, действительно ли мы способны и каким образом сможем глобально руководить пространством, экологией и людьми в рамках многообразия структурных и институциональных возможностей.

Третий шаг заключается в том, чтобы рассмотреть, каким образом — если это вообще осуществимо — универсализировать основные «смыслы»; что считать «общим» цивилизационным основанием — пространство, которое принадлежит всем нам? В ходе текущего спора о диалоге цивилизаций, который до определенной степени ведется по инициативе Запада, мы озабочены одомашниванием «иных» и снижением насилия. В рамках нового подхода основная цель заключается в том, чтобы попытаться раскрыть природу «межцивилизационного» ядра.

Четвертый и последний шаг должны сделать глобальное сообщество негосударственных организации, правительства и высокопоставленные политики, и поэтому зададим вопрос: если мы знаем разделяемые всеми значения фундаментальных понятий, то каким образом мы сумеем сделать мир более «цивилизанным»? Как нам усилить «цивизованность»? Это и станет исходной точкой для действий политиков.

И. И. Елисеева²

РЫНОК ТРУДА КАК ПРИМЕР СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ И ТОЛЕРАНТНОСТИ

Общепризнано, что экономическое развитие невозможно без привлечения мигрантов. Примером тех

¹ Капустин Б. О некоторых политических смыслах понятия «цивилизации» // Diogenes. 2009. № 56. С. 151.

² Член-корреспондент РАН, директор Социологического института РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Главный редактор журнала «Финансы и бизнес».

проблем, которые возникают на рынке труда в этом случае, может служить Санкт-Петербург. Кроме количественных параметров миграции имеет влияние структура мигрантов. Привходящим условием выступает согласование интересов работодателей страны-донора, мигрантов, а также администрации принимающих территориальных образований. Трудовая

миграция нередко перерастает в более длительные и постоянные формы проживания, вызывая новые культурные феномены. Актуальной оказывается проблема толерантности не только в трудовой сфере, но и в культурно-бытовой. Научное и практическое значение имеет процесс адаптации мигрантов, выявление его стадий, характеристик, изменение стандартов поведения не только самих мигрантов, но и представителей коренного населения, вступающих в постоянные контакты с мигрантами. Все стороны современных процессов, происходящих на рынке труда, составляют один из актуальных объектов статистико-социологического исследования.

Целеполагание процессов, происходящих на рынке труда, определяется Концепцией развития рынка труда, содержащей стратегические положения. Стратегическое планирование строится по принципу «от будущего — к настоящему». Поэтому основной задачей стратегического планирования является правильный выбор основных целей и приоритетов развития Санкт-Петербурга. При этом главная цель развития города должна соответствовать ст. 7 Конститу-

ции РФ, устанавливающей, что политика Российской Федерации как социального государства должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7). Желаемым является такое будущее, в котором людям, населяющим Санкт-Петербург, будет обеспечено достойное (на уровне европейских стандартов) качество жизни.

Качество жизни складывается как из материального благополучия отдельных семей, так и из общих условий для гармоничного развития человека, включая духовно-нравственную составляющую, и состояния среды его жизнедеятельности.

Радикальное улучшение качества жизни возможно лишь при успешной, эффективной экономике, развитии человеческого потенциала, при условии реализации в Санкт-Петербурге основных национальных проектов Российской Федерации в сферах образования, здравоохранения и обеспечения граждан доступным и комфортным жильем.

Планируемые показатели качества жизни населения в Санкт-Петербурге приведены в табл. 1.

Таблица 1

Целевые ориентиры по показателям качества жизни населения в Санкт-Петербурге в 2025 году

№ п/п	Показатели	Единица измерения	Целевые ориентиры			Базовое значение 2003 г. (справочно)
			2015 г.	2020 г.	2025 г.	
1	Демографическая ситуация					
1.1	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (мужчины)	Лет	Не менее 66,00	Не менее 67,10	Не менее 68,60	60,60
1.2	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (женщины)	Лет	Не менее 75,90	Не менее 76,10	Не менее 76,50	72,40
1.3	Коэффициент рождаемости	—	Не менее 11,70	Не менее 12,15	Не менее 12,50	8,70
2	Занятость, доходы и расходы населения					
2.1	Уровень безработицы (по методологии МОТ)	%	Не более 2,30	Не более 2,20	Не более 2,10	4,17
2.2	Валовой региональный продукт Санкт-Петербурга на душу населения	Тыс. руб./чел. год	Не менее 671,70	Не менее 1201,75	Не менее 1942,75	93,90
2.3	Среднедушевые денежные доходы населения	Тыс. руб./чел. месяц	Не менее 29,58	Не менее 54,25	Не менее 108,09	6,85
2.4	Отношение месячных среднедушевых доходов к величине прожиточного минимума (рассчитанного по действующей методике) в среднем на душу населения	Раз	Не менее 3,60	Не менее 4,50	Не менее 8,02	2,67
2.5	Доля расходов домашних хозяйств на покупку продуктов питания в денежных расходах	%	Не более 30,00	Не более 30,00	Не более 30,00	36,00
2.6	Коэффициент фондов (соотношение доходов 10 % населения с наиболее высокими доходами и доходов 10 % населения с самыми низкими доходами)	Раз	Не более 15,00	Не более 12,00	Не более 10,0	13,10
3	Обеспеченность населения имуществом					
3.1	Средняя обеспеченность одного жителя Санкт-Петербурга общей площадью жилья	Кв. м	Не менее 28,00	Не менее 31,00	Не менее 35,00	19,84
3.2	Количество собственных легковых автомобилей	Ед./1000 чел.	Не менее 350,00	Не менее 390,00	Не менее 420,00	201,50
4	Здоровье					
4.1	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Лет	Не менее 70,60	Не менее 71,70	Не менее 73,00	66,50
4.2	Общая заболеваемость (зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни)	Количество случаев в год/1000 чел.	Не более 700,00	Не более 650,00	Не более 600,00	688,30

Окончание табл. 1

№ п/п	Показатели	Единица измерения	Целевые ориентиры			Базовое значение 2003 г. (справочно)
			2015 г.	2020 г.	2025 г.	
4.3	Младенческая смертность	Число детей, умерших в возрасте до 1 года/1000 родившихся	Не более 4,50	Не более 4,50	Не более 4,50	8,00
5	Образование					
5.1	Обеспеченность детей местами в дошкольных образовательных учреждениях	% к численности детей дошкольного возраста	Не более 30,00 Не менее 100,00 Не менее 14,90	Не менее 73,00	Не менее 76,00	50,00
5.2	Доля детей школьного возраста, посещающих общеобразовательные учреждения или обучающихся на дому	%		Не менее 100,00	Не менее 100,00	92,2
5.3	Доля исследователей с учеными степенями в общей численности персонала, занятого исследованиями и разработками	%		Не менее 15,20	Не менее 15,50	13,65
6	Состояние общества					
6.1	Соотношение браков и разводов, регистрируемых в течение года	Раз	Не менее 1,90 Не более 5,85	Не менее 2,10	Не менее 2,30	1,17
6.2	Уровень тяжких и особо тяжких преступлений	Количество зарегистрированных преступлений в год/1000 чел.		Не более 5,35	Не более 5,00	6,03
7	Городская среда					
7.1	Среднегородская величина трудовой транспортной доступности ¹	Мин.	Не более 55,00	Не более 50,00	Не более 45,00 Не менее 97,00	76,00 94,50
7.2	Доля территории Санкт-Петербурга, на которой качество атмосферного воздуха соответствует действующим нормативам	%	Не менее 95,50	Не менее 96,00		
8	Интегральный показатель					
8.1	Индекс развития человеческого потенциала ²	Ед.	Не менее 0,905	Не менее 0,940	Не менее 0,960	0,799

Примечания

¹ Трудовая транспортная доступность — время, затрачиваемое в среднем жителем Санкт-Петербурга при поездке до места работы (в одном направлении).

² Учитывает три основных компонента: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, образованность населения и уровень жизни (для регионов — валовой региональный продукт в расчете на 1 жителя).

Ожидается, что в 2025 году в Санкт-Петербурге будет проживать не менее 4,7 млн человек.

Показатели смертности ниже средних по Российской Федерации благодаря комплексной работе по улучшению здоровья населения, пропаганде здорового образа жизни и снижению смертности (особенно среди населения в трудоспособном возрасте).

Повышены показатели рождаемости, в частности, путем создания благоприятных экономических условий для семей с детьми, реализации мер по укреплению института семьи, пропаганде семейных ценностей.

За счет постоянного стабильного притока мигрантов (преимущественно молодежи) существенно замедлено снижение доли населения в трудоспособном возрасте.

В этнической структуре населения большинство составляют русские, наряду с ними в городе проживают представители других национальностей. Состав населения в Санкт-Петербурге был и остается многонациональным.

Созданы условия для эффективной социальной адаптации мигрантов в Санкт-Петербурге и их интеграции в общество, минимизированы административные ограничения для внутрироссийской миграции в Северную столицу.

Высокий уровень жизни и комфортная городская среда привлекают в Санкт-Петербург все большее число мигрантов. Хотелось бы, чтобы в их структуре повысилась доля квалифицированных специалистов трудоспособного возраста. Задача регулирования миграционного потока состоит в том, чтобы положительное сальдо миграции составляло не менее 35 тыс. человек в год.

Значение индекса развития человеческого потенциала в Санкт-Петербурге находится в пределах, соответствующих параметрам 30 наиболее развитых стран мира.

Сформирована действенная система привлечения в Санкт-Петербург трудовых ресурсов (главным образом молодежи), отвечающих профессионально-квалификационным требованиям спроса на рынке труда. Это позволит снизить до минимального уровня диспропорции между структурами спроса и предложения на рынке труда. На решение этой же задачи направлены и государственные программы содействия занятости населения, осуществление поддержки повышения и изменения квалификации. Одним из важнейших положений политики на рынке труда является приоритетное использование местных трудовых ресурсов. Число нелегальных

трудоустройства мигрантов должно быть сведено к минимуму.

Разработана и действует система стандартов, норм и нормативов социального обслуживания населения, критериев оценки качества социальных услуг и эффективности деятельности учреждений, реализации целевых программ и внедрения современных технологий обслуживания.

Все население, включая мигрантов, должно иметь возможность получения качественной медицинской помощи на основе обязательного медицинского страхования в полном объеме, гарантированном государством.

Должны быть созданы условия для гармоничного развития межэтнических отношений в молодежной среде и социальной адаптации молодежи разных национальностей.

Важным аспектом выступает повышение общей безопасности населения. Интегральный показатель уровня комплексного индивидуального риска для населения Санкт-Петербурга не выходит за пределы общеевропейского критерия приемлемости (1×10^{-6}).

В городе, выполняющем функции крупнейшего транспортного узла, безопасность во многом зависит от осуществления постоянного контроля за передвижением потенциально опасных грузов, наличия необходимых сил и средств для ликвидации аварий с потенциально опасными грузами и утилизации отходов. Должна быть обеспечена защита культурных ценностей от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

В Санкт-Петербурге целесообразно создание Центра приема мигрантов с развитой инфраструктурой, что позволит обеспечивать отрасли экономики легальными трудовыми мигрантами.

В Северной столице созданы условия для спортивной жизни на районном и муниципальном уровне, организовано предоставление услуг населению для занятий физической культурой и спортом, развит семейный и дворовый спорт, что достигнуто путем интенсивного строительства большого числа недорогих функциональных спортивных сооружений, максимально приближенных к месту жительства петербуржцев.

Роль петербургских организаций науки и учебных заведений на российском и мировом рынках образовательных и научных услуг традиционно высока и постоянно увеличивается. Санкт-Петербург стал признанным центром подготовки кадров не только общероссийского, но и международного значения с высокой долей иногородних российских и иностранных студентов.

Инновационная экономика, наука и образование стали главными приоритетами, обуславливающими национальную стратегию развития государства. Привлекательность города усиливается сетью уникальных культурных учреждений.

Для достижения стратегических целей развития Санкт-Петербурга необходимо добиться выполнения следующих стратегических задач:

— обеспечить рост доходов подавляющего большинства населения города (работников бюджетной

сферы — за счет увеличения доходов городского бюджета, работников внебюджетной сферы — за счет роста экономики Санкт-Петербурга, неработающих — за счет увеличения социальных трансфертов);

— постоянно улучшать качество городской среды (развивать инфраструктуру Санкт-Петербурга, улучшать состояние окружающей среды, благоустраивать территорию города);

— повышать конкурентоспособность Санкт-Петербурга путем формирования благоприятного хозяйственного климата.

Для выполнения поставленных стратегических задач необходимы действия по следующим направлениям:

— развитие человеческого потенциала;

— развитие городской среды;

— улучшение качества окружающей среды;

— развитие экономики;

— совершенствование системы государственного управления и местного самоуправления в Санкт-Петербурге, укрепление внешних связей, развитие гражданского общества.

В части миграционной политики главными задачами являются следующие.

Стимулирование притока мигрантов в соответствии с желаемыми профессиональными и социальными характеристиками, потребностями рынка труда Санкт-Петербурга.

Минимизация издержек, которые несут работодатели и работники-мигранты при принятии решения о трудоустройстве.

Подготовка предложений по либерализации миграционного законодательства, формирование оптимальной квоты Санкт-Петербурга на прием иностранных граждан.

Работа с целевыми группами потенциальных мигрантов, предоставление им информации о потребностях Санкт-Петербурга в работниках различных специальностей, нормативной правовой базе трудоустройства, условиях жизни в городе, возможностях найма или покупки жилья и пр.

Поддержка социальной адаптации мигрантов, включения их в общественную жизнь Санкт-Петербурга. Создание для мигрантов цивилизованных условий труда и жизни, возможностей для изучения русского языка, включая дотирование расходов на изучение русского языка со стороны Санкт-Петербурга и работодателей.

Борьба с проявлениями нетерпимости и ксенофобии, активная пропаганда открытости Санкт-Петербурга, распространение объективной информации относительно целесообразности миграции и ее положительного влияния на экономическое развитие города.

Повышение эффективности работы правоохранительных органов в части, касающейся предупреждения и ликвидации проявлений нетерпимости, ксенофобии и нелегальной миграции.

Организация четкого порядка медицинского освидетельствования прибывающих в Санкт-Петербург мигрантов.

Создание экономических условий для сокращения эмиграционного оттока и сохранения научно-

технического, интеллектуального и творческого потенциала Санкт-Петербурга.

Важными компонентами в социальной политике города выступают увеличение числа иностранных студентов, обучающихся в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга, что может способ-

ствовать развитию экспортного потенциала системы образования, и привлечение для работы в научных организациях и высших учебных заведениях Северной столицы авторитетных и высококвалифицированных иностранных преподавателей и исследователей.

А. С. Запесоцкий¹

ПРОБЛЕМАТИКА ДИАЛОГА КУЛЬТУР В НАУЧНОМ И НРАВСТВЕННОМ НАСЛЕДИИ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА

Гуманитариям хорошо известно, что истина познается в сравнении. Конечно, сравнение — метод не абсолютный, не универсальный и не единственный в попытках познания истины, но когда речь заходит о диалоге культур — весьма продуктивный.

Сегодня в мире существует два основных подхода к проблеме диалога национальных культур. Один из них основан на признании в качестве некоего «высшего» типа культуры так называемой англо-саксонской цивилизации, Запада, который всем ходом развития мировой истории якобы доказал свое превосходство и право на глобальное доминирование в качестве эталона, образца для всех прочих культур. В этом случае диалог понимается как взаимодействие учителя и ученика, либо — сильного и слабого. Другой подход основан на отношении к каждой культуре как к ценности, к источнику взаимного культурного обогащения. Тогда диалог — это взаимодействие равных.

Для меня эти подходы персонифицируются в фигурах Сэмюэля Хантингтона и Дмитрия Лихачева. Констатация одного и того же научного факта — различия национальных культур — привела их к совершенно различным выводам, опубликованным практически одновременно. Хантингтон в 1996 году опубликовал сразу же ставшую знаменитой книгу «Столкновение цивилизаций»², в которой, основываясь на признаках общности языка, религии и понимания истории, разделил весь мир на цивилизации разных культурных типов. Он был воспринят как апологет идеи исторической предопределенности, неизбежности конфликта цивилизаций.

Идеология Хантингтона воплощалась в жизнь администрацией США до избрания президентом Барака Обамы. И даже сегодня она занимает особое

место в жизни американского общества. В качестве примера достаточно вспомнить последнее присуждение премии «Оскар», когда фильм «Аватар», уникальными техническими методами и на высоком художественном уровне воплощающий идею единства человека с природой и ценности различных культур, уступил призовые места фильму «Повелитель бури» — типичной поделке массовой культуры, отстаивающей концепцию особой значимости «миссионерской» функции оккупационных войск США в «дикой» части нашей планеты.

В 1995 году Дмитрий Лихачев представил общественности на площади, у входа в зал, где мы сегодня собрались, созданную в нашем Университете под его научным руководством «Декларацию прав культуры»³. Упомяну некоторые ее положения:

- культура — главный источник гуманизации человечества;
- культура любого народа, определяя его духовную уникальность, выражает его творческие силы и способности, одновременно является достоянием всего человечества;
- диалог культур обеспечивает взаимопонимание между народами, выявление духовной уникальности каждого из них;
- сохранение и развитие культуры каждого народа должно стать делом всего мирового сообщества;
- культура является основой социального и экономического развития народов, государств и цивилизаций, духовного и нравственного возвышения человека;
- неспособность к культурному взаимопониманию и взаимообогащающему диалогу культур стала одной из причин конфликтов и войн XX столетия;
- культурное развитие и культурная солидарность в условиях экономической и политической интеграции современного мирового сообщества являются залогом толерантности, взаимопонимания и демократии, условием предотвращения войн и насилия;
- реализация ценностей демократического устройства жизни и прав человека в значительной мере определяется уровнем культурного развития общества;
- утрата любого элемента культурного наследия является невосполнимой потерей и ведет к духовному обеднению всей человеческой цивилизации;

¹ Академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор культурологических наук, профессор. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга.

Автор свыше 1400 публикаций. Сценарист, режиссер создатель более 30 научно-популярных фильмов и более 300 телепрограмм. Член редколлегии журналов «Педагогика», «Вопросы культурологии» и «Литературная учеба».

Лауреат премии Правительства РФ в области образования. Лауреат Горьковской литературной премии. Кавалер Большой золотой медали Льва Толстого Международной ассоциации писателей и публицистов. Почетный доктор университетов США, Ирландии и Украины. Заслуженный деятель науки России. Заслуженный артист России.

² Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World order. N. Y.: Simon & Schuster, 1996. 367 p. : ill., maps.

³ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры: (проект) / Пушкинский Дом РАН, СПбГУП. СПб.: СПбГУП, 1995. 15 с. Автор указ. на обл. Текст на рус. и англ. яз.

— в условиях ускорения цивилизационных процессов под угрозой оказывается существование культур различных народов мира;

— усиливающаяся экспансия антигуманных явлений массовой коммерческой культуры угрожает самобытности национальных культур и культурному развитию человечества в целом;

— необходима выработка национальных и международных мер по защите культуры, обеспечению сохранения и развития культуры каждого народа, налаживанию взаимодействия и продуктивного диалога между нациями.

Следует отметить, что данные подходы в постсоветский период стали основой российской дипломатии¹, а после теракта 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке они стали овладевать умами и западного сообщества. Характерным примером практических сдвигов, происходящих под влиянием этих умонастроений, стало создание «Альянса цивилизаций» при ООН² и принятие мировым сообществом целого ряда документов, связанных с проблематикой культурного разнообразия и диалога культур.

Наш анализ тенденций развития глобальной культуры показывает, что будущее — не за Сэмюэлем Хантингтоном, а за Дмитрием Лихачевым. Однако глубинные основы развития концепции русского ученого, ее значение и обусловленность потребностями человечества до сих пор для многих остаются непонятными. В связи с этим представляется продуктивным обратиться к сути и истокам воззрений Д. С. Лихачева, побудивших его к завершению жизненного пути сформулировать вышеизложенные подходы к диалогу культур в «Декларации».

Прежде всего, следует остановиться на понимании Д. С. Лихачевым культуры: «это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства. Культура — это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации»³, пишет Д. С. Лихачев. И продолжает: «Мне

¹ См., например: Яковенко А. В. Россия за соблюдение прав человека во всем мире // Гуманитарные проблемы современной цивилизации : VI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 26–27 мая 2006 г. / РАН, РАО, Конгресс петербург. интеллигенции, СПбГУП ; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 60.

² Сампайо Ж. [Выступление на Пленарном заседании «Диалог культур и партнерство цивилизаций», 22 мая 2008 г.] // Диалог культур и партнерство цивилизаций : VIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–23 мая 2008 г. / РАН, РАО, Конгресс петербург. интеллигенции, СПбГУП, при поддержке М-ва иностр. дел РФ; науч. ред. А. С. Запесоцкий, отв. ред. секций Л. А. Санкин. СПб. : СПбГУП, 2008. С. 30–34; *Он же*. [Выступление на круглом столе «Диалог культур и партнерство цивилизаций», 23 мая 2008 г.] // Там же. С. 118; *Он же*. Итоги деятельности «Альянса цивилизаций» // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. / РАН, РАО, Конгресс петербург. интеллигенции, СПбГУП, при поддержке М-ва иностр. дел РФ; науч. ред. материалов Пленарного заседания А. С. Запесоцкий ; ред. материалов круглых столов : Е. А. Кайсаров [и др.]. СПб. : СПбГУП, 2009. С. 124–126.

³ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 349. (Почетные доктора Ун-та).

представляется чрезвычайно важным рассматривать культуру как некое органическое целостное явление, как своего рода среду, в которой существуют свои обыщи для разных аспектов культуры тенденции, законы, взаимоотношения и взаимоотталкивания... Мне представляется необходимым рассматривать культуру как определенное пространство, сакральное поле, из которого нельзя, как в игре в бирюльки, изъять одну какую-либо часть, не сдвинув остальные. Общее падение культуры наступает при утрате какой-либо одной ее части»⁴.

Такое понимание лежит в основе современной науки о культуре — культурологии. Наиболее широкий подход к определению культуры — включение в ее рамки всего, что не является природой, всего, что создано в результате человеческой деятельности. При подобном взгляде к культуре относятся и экономика, и правовая сфера, и мир техники и технологий и т. п. Культурологический подход дает возможность рассматривать, к примеру, экономические отношения как одну из подсистем культуры, в отличие от марксистского подхода, где ей предписывается роль «базиса», и это позволяет сегодня выявлять зависимость экономики от других подсистем — идеологий, способов организации социальной жизни, национальных традиций и ментальностей и др.

Развивая идею культуры как единой системы человеческой деятельности, Д. С. Лихачев вводит понятие «культуросферы»⁵, отмечая, что ее единство существует в «динамике и различии»⁶. Отсюда происходит и лихачевское понимание развития культуры как непрерывного диалога между ее различными явлениями, феноменами, элементами, пластами, подсистемами, культурными комплексами. Разумеется, субъектами этого диалога являются люди.

Нами на сегодня выявлено 1425 лихачевских публикаций⁷. Наиболее существенные труды о культуре собраны Университетом в книге «Избранные труды по русской и мировой культуре»⁸. Знакомство с ними представляет собой удивительную онтологию диалогов культур.

В работе «Слово и изображение в Древней Руси» рассматривается диалог в таких подсистемах культуры, как литература и изобразительное искусство — через сюжеты, объекты, идеологию художника. Анализировается и обусловленность диалога состоянием общества: «Многие явления в развитии искусства одновременны, однородны, аналогичны и имеют общие корни...»⁹ На примере икон, фресок, архитектуры, молитв, рукописей, клейм и так далее Лихачев показывает, как литература и различные виды других искусств управляются воздействием социальной действительности, находятся в диалоге между собой

⁴ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда. С. 350.

⁵ Там же. С. 358.

⁶ Там же. С. 354.

⁷ Библиография работ Д. С. Лихачева // Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб. : Наука: СПбГУП, 2007. С. 356–434. (Новое в гуманитар. науках ; Вып. 27). Отдельные разделы написаны в соавт.

⁸ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / науч. ред. Ю. В. Зобнин. СПб. : СПбГУП, 2006. 416 с. (Почетные доктора Ун-та).

⁹ Лихачев Д. С. Слово и изображение в Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской... С. 24.

и составляют в целом «одну из наиболее показательных сторон развития культуры»¹. Однако «в общем развитии художественной культуры народа то одна, то другая ее область оказывается ведущей»².

Труд «Закон цельности художественного изображения и принцип ансамбля в древнерусской эстетике» обращает нас к диалогу автора произведения с его аудиторией³.

Работа «Прогрессивные линии развития в истории русской литературы» затрагивает внутренний диалог культуры с самой собой с помощью «стилистических кодов»: «Литература получает вещество не только из внешней среды, но и из самой себя»⁴. И еще: «Литературное произведение (я нарочно говорю в данном случае о произведении, а не о писателе, так как явление это органически присуще самому искусству) служит не только действительности и самому себе, но поддерживает рождение других произведений. В литературном произведении заложена способность «заботиться» о других литературных произведениях. Литература обладает способностью к саморегулированию»⁵. Здесь же Лихачев пишет о диалоге искусства с социальной реальностью. И — весьма обстоятельно — о международных связях русской литературы: «Национальные литературы никогда не развивались в одиночку и в изоляции от других литератур. Никогда не была изолированной и русская литература. Она родилась из внутренних потребностей, но при участии произведений, перенесенных к нам непосредственно из Болгарии, Византии... В ее составе были произведения, общие всем литературам Европы... Общими... были и многие жанры: хроники, жития святых, разные типы проповедей, сборники изречений, повести, многие богослужебные жанры и т. д. Но все-таки опыт, который имела русская литература, был опытом ограниченных географических границ. Это была литература, тесно связанная с определенным районом Европы — ее православным юго-востоком. Европейские связи русской литературы расширяются в XV, XVI и XVII вв. В сферу используемого литературного опыта вводится Кавказ, Украина, Белоруссия, Польша и Чехия. В XVIII в. в круг литературного опыта вводится вся Европа: Германия, Франция, Англия, Италия»⁶.

Лихачевский текст «Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого» раскрывает взаимосвязь культурного и национального начал в жизни народов. Строительство наций в Европе шло через культурное самоопределение. Национальные культуры самоопределялись через свои исторические корни, апеллируя к своей древности⁷.

«Русская культура конца XIV — начала XV в. несет в себе, с одной стороны, черты уравновешенной, уверенной в себе древней культуры, опирающейся на сложную культуру старого Киева и старого города

Владимира... Вместе с тем в ней явственно сказывается органическая связь с культурой всего восточно-европейского Предвозрождения. Культурное развитие России в XIV и XV вв. отмечено усиленным общением с Византией... Болгарией и Сербией»⁸, — пишет Дмитрий Сергеевич. Диалог русской культуры с византийской и южнославянской проанализирован в этом труде весьма обстоятельно и с привлечением огромного фактического материала. Лихачев показывает, что в основе диалога «лежат сходные идейные явления, и они управляются сходными условиями»⁹, но ни одна из культур не испытывает влияние другой пассивно, а активно участвует в творческой разработке нового. И в этом процессе сказываются национальные черты и национальные традиции: «...древнерусская культура, вливаясь в восточноевропейское Предвозрождение, не утрачивает собственной традиции в подражании иностранным образцам, но, напротив, стремится к возрождению национальной древности»¹⁰.

В этом же труде Д. С. Лихачев дает один из примеров блестящего культурологического анализа истории, показывая обусловленность границ диалога культур в сферах духовной жизни, развития литературы и искусства ситуацией в иных подсистемах культуры: «Эпоха Предвозрождения оказала огромное влияние на характер русской культуры последующих веков. <...> Но русское Предвозрождение не перешло в настоящее Возрождение. Предвозрождение тем и отличается от Возрождения, что оно еще тесно связано с религией. <...> религия по-прежнему подчиняет себе все стороны культуры. <...> Чем объяснить, что вслед за Предвозрождением в России не наступило настоящего Возрождения? Ответ следует искать в общем своеобразии исторического развития России: в недостаточности экономического развития в конце XV и в XVI в., в ускоренном развитии единого централизованного государства, поглощавшего культурные силы, в гибели городов-коммун — Новгорода и Пскова, служивших базой предвозрожденческих течений, и, самое главное, в силе и мощи церковной организации, подавившей ереси...»¹¹

Одной из центральных, в плане понимания отношения Д. С. Лихачева к диалогу культур и его роли в культурной динамике, является работа «Русская культура Нового времени и Древняя Русь»¹². Здесь Дмитрием Сергеевичем сформулирован целый ряд положений, заслуживающих статуса закономерностей. «История культуры движется и развивается не только путем изменений внутри этой культуры, но и путем накопления культурных ценностей. Ценности культуры не столько меняются, сколько создаются, собираются или утрачиваются»¹³, — утверждает академик. Исключительное значение, по мнению Лихачева, в данном плане имеет отношение рассматриваемой культуры к другим культурам, формы и типы усвоения или отторжения предшествующих или иностранных культур. Дмитрий Сергеевич иллюстриру-

¹ Лихачев Д. С. Слово и изображение в Древней Руси... С. 24.

² Там же. С. 27.

³ Лихачев Д. С. Закон цельности художественного изображения и принцип ансамбля в древнерусской эстетике // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской... С. 34–43.

⁴ Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // Там же. С. 50.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ Там же. С. 74–75.

⁷ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Там же. С. 87–163.

⁸ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Там же. С. 103.

⁹ Там же. С. 155.

¹⁰ Там же. С. 160.

¹¹ Там же. С. 162–163.

¹² Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской... С. 171–190.

¹³ Там же. С. 171.

ет эту мысль о «жизни культуры в других культурах» примером обращения европейской культуры к наследию Античности, выделяя здесь пять этапов — пять разных по содержанию и результатам диалогов («варварский стиль» VI—X вв., **романский стиль**, **готическое искусство**, ренессанс, культура конца XVIII — начала XIX в.): «Для каждого культурного единства характерно свое, своеобразное обращение к прошлому и свой выбор питающих его культур»¹. Как показывает ученый, для России XVIII—XIX веков важнейшим вопросом ее культурного своеобразия было отношение к культуре Древней Руси: «это, по существу, постоянный и чрезвычайно интересный диалог русской современности с Древней Русью, диалог иногда далеко не мирный. В ходе этого диалога культура Древней Руси как бы росла, становилась все значительнее и значительнее. Древняя Русь приобретала все большее значение благодаря тому, что росла культура новой России, для которой она становилась все нужнее. Необходимость культуры Древней Руси для современности выростала вместе с ростом мирового значения русской культуры и увеличением ее весомости в современной мировой цивилизации»². Утверждая данный тезис, Лихачев рисует поражающую воображение читателя панораму своеобразного, изобилующего удивительными поворотами диалога культур, длившегося три века. В том числе подвергает критике концепцию деятельности Петра I, якобы порвавшего связи России с ее традиционной культурой во имя диалога с Западом. (Еще более подробно Дмитрий Сергеевич делает это в работе «Петровские реформы и развитие русской культуры»³.)

Анализируя специфику диалога культур, осуществляющегося «сквозь пласты времени», Д. С. Лихачев формулирует и другие принципиально важные для понимания закономерностей развития культуры положения: «Не только культура прошлого влияет на культуру современности, вливается в нее, участвует в “культурном строительстве”, но и современность, в свою очередь, в известной мере “влияет” на прошлое... на его понимание. <...> постоянно наблюдается одно любопытное и очень важное явление, которое может быть определено как своего рода астрономическое “противостояние” культур — старой, авторитетной, с одной стороны, и молодой, ощущающей либо свое превосходство над старой, либо свою недостаточность — с другой»⁴. Обе культуры при этом вступают в диалог, что приводит к быстрому развитию новой культуры на противопоставлениях и сопоставлениях со старой.

Неотъемлемой чертой диалога культур является недостаточное взаимопонимание и ошибки. В связи с этим Лихачев приводит пример убежденности Запада в отсутствии у России опыта парламентаризма⁵. На самом же деле от домонгольской Руси до эпохи Петра в нашей стране были глубокие традиции совещательных учреждений: «Конечно, Иван Грозный жестоко “играл людьми”, — но и он не осмеливался офици-

ально отменить старый обычай совещаться “со своей землей”»⁶. Разумеется, этот пример у Дмитрия Сергеевича далеко не единственный.

Взлет тысячелетней российской культуры во многом связан с ее диалогичностью как своего рода изначальным, «врожденным» свойством: «Миссия России определяется... тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонациональности»⁷. Россия виделась Лихачеву как своего рода культурный мост между народами: «Не случайно расцвет русской культуры в XVIII и XIX вв. совершился на многонациональной почве в Москве и, главным образом, в Петербурге. Население Петербурга с самого начала было многонациональным. Его главный проспект — Невский — стал своеобразным проспектом веротерпимости, где бок о бок с православными церквями находились голландская, немецкая, католическая, армянская, а вблизи от Невского — финская, шведская, французская церкви. Не все знают, что самый большой и богатый буддийский храм в Европе был в XX в. построен именно в Петербурге. В Петрограде же была построена богатейшая мечеть»⁸.

Изначальная открытость, внимание к различным культурам, стремление к их объединению, сохранению и отчасти усвоению во многом определили характер, а затем и богатство русской культуры: «Вспомним, что легендарное начало Руси было озаменовано *совместным* призванием варяжских князей, в котором вместе участвовали и восточнославянские, и финно-угорские племена... Универсализм и прямая тяга к другим национальным культурам были характерны и для Древней Руси, и для России XVIII—XX вв.»⁹.

Отношение к другим культурам для Д. С. Лихачева — вопрос не только рациональности, но и нравственного значения. Он тесно связан с гуманистической сущностью развития мирового сообщества, понятиями добра и справедливости. Культура в его представлении развивается не по законам Дарвина, а по линии взращивания гуманизма, человечности, по дороге духовного возвышения.

Все это позволило миллионам соотечественников считать академика Д. С. Лихачева «совестью нации» и «нравственным идеалом» России. В «Декларации прав культуры» отмечено, что культура каждого народа имеет право на участие в гуманистическом развитии всего человечества. Культурное сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных конфликтов, насилия и войн.

Как одному из разработчиков «Декларации», мне отродно отметить, что такое понимание диалога культур благодаря усилиям российской дипломатии постепенно находит отклик в мировом сообществе. И наши Международные Лихачевские научные чтения, пусть в скромной мере, этому способствуют.

⁶ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире... С. 197.

⁷ Там же. С. 196.

⁸ Там же.

⁹ Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской... С. 367.

¹ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени... С. 172.

² Там же. С. 181.

³ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской... С. 164–170.

⁴ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени... С. 180.

⁵ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской... С. 193.

К. Ф. Затулин¹

СОХРАНЕНИЕ ЕДИНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СНГ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Проблема сохранения единого культурного пространства, которое прежде называлось Российской империей, Советским Союзом, а теперь называется странами СНГ и Балтии, с каждым годом становится все более актуальной и значимой.

Распад Советского Союза, случившийся в 1991 году, продолжает оказывать определяющее влияние на политику, экономику и культуру новых независимых государств. Наряду с центробежным ускорением, наблюдающемся на данном пространстве, существуют и центростремительные движения, которые периодически проявляются в виде возвратных процессов, попыток создать интеграционные объединения, первым из которых и было Содружество независимых государств.

Мы все воспитаны десятилетиями в одном государственном, оборонном, экономическом, культурном, информационном пространстве. Эти связи в той или иной мере существуют до сих пор, несмотря на то, что 20 лет назад Содружество формировалось в условиях национализма, пробуждающегося при распаде большой интернациональной державы. При этом совершенно понятно, что наши страны, как и весь мир, переживающие в настоящее время финансовый кризис, только выиграли бы от совместных действий в различных сферах деятельности. Успехи в экономике были бы куда более ощутимыми, если бы осуществился по-настоящему интеграционный проект. С 91-го года под разными названиями предпринимаются попытки запустить этот интеграционный механизм, но он пока толком не заводится. На это есть много причин. И первая из них — эгоизм новых функциональных, государственных, политических элит. Каждый хочет оценить свою суверенность подороже. И каждый боится, что если он пойдет на соглашение с Россией, то Россия рано или поздно приберет к рукам и экономику, и государственные рычаги страны. Экономика в СНГ сегодня переживает очень серьезное испытание. Россия использовала этот кризис как редкую возможность для укрепления своих позиций и интеграционных идей, в том числе общекультурного и гуманитарного плана, на постсоветском пространстве. Создается Таможенный союз, он обретает плоть и кровь, вслед за ним будет создана Единая зона торговли. И если нам удастся убедить новое руководство Украины вернуться к единому экономическому пространству, то тогда возникнет полноценный союз Украины, России, Бело-

руссии и Казахстана, который обретет политическую составляющую, наднациональные органы координации и даст импульс для развития единого культурного пространства. Надо отметить, что сегодня начал укрепляться, как и Таможенный союз, проект под названием «Договор о коллективной безопасности», служащий для сплочения оборонного пространства СНГ. Правда, некоторые страны СНГ пытаются на самом деле проводить типичную политику стран третьего мира периода «холодной войны», то есть быть одинаково равноудаленными и от России, и от США.

Что касается общей культурной составляющей, то она после распада Советского Союза понесла значительные потери. В большинстве стран Содружества, за исключением Российской Федерации, идет процесс построения национальных государств по принципу «Украина для украинцев», «Казахстан для казахов», «Латвия для латышей», «Эстония для эстонцев». Российская Федерация в этом плане пребывает в кризисе самоидентификации, задается вопросом «Кто мы такие?», «Россия — это государство русских или всех, кто в России живет?» Со времен Московского царства ответ на этот вопрос давался в пользу второго определения. Российская Федерация — это не государство этнических русских (хотя в современной России этнических русских гораздо больше, чем в СССР, — 85 %), это государство для всех, кто в России живет. И любой, кто имеет способности, талант, может в Российской Федерации зарабатывать деньги, делать карьеру, достигать самых высоких степеней на государственной службе. Все по-другому в соседних странах СНГ. В гуманитарной сфере в этих новых государствах национализм породил феномен «переписывания истории», связанный с попытками вытеснения из народной памяти всего, что является воспоминанием об общем с Россией прошлом.

В данном контексте совершенно не случаен отказ от признания русского языка как государственного на всем постсоветском пространстве, за исключением непосредственно Российской Федерации и Белоруссии. Законодательство некоторых стран Содружества прибегает к разного рода уловкам, предусматривает, что русский язык — это язык официального общения. Одно время на Украине было модно говорить, что русский язык — это «приемлемый язык». Так, например, назывался русский язык в Луганской области, которая вообще в большинстве своем состоит из одного русского населения. Как бы там ни было, если русский язык не уравнен в правах с языком так называемой титульной нации, он в процессе государственного строительства всегда испытывает дискриминацию, постепенно перестает быть языком делопроизводства и образования. Между тем, это вытеснение русского языка, безусловно, приводит к обеднению культуры страны в целом, потому что огромные запасы знания накоплены именно на русском языке, многие термины существуют только на

¹ Директор Института стран СНГ, депутат Государственной Думы РФ, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, кандидат исторических наук. Член Совета по внешней и оборонной политике. Член Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Координатор Депутатской группы Государственной Думы РФ по связям с парламентом Украины. Заместитель сопредседателя Межпарламентской комиссии по сотрудничеству Федерального собрания РФ и Национального собрания Республики Армения. Член депутатских групп по связям с парламентами Сербии и Черногории, Испании, а также Абхазии и Южной Осетии.

русском языке. Политика по ограничению русского языка связана с националистическими тенденциями в государственном строительстве и преследует цель в тех странах, где количество русского населения значительное, либо выдавить это русское население за пределы страны, либо ассимилировать его. Так, например, из 12,5 млн русских, проживавших на Украине согласно последней всесоюзной переписи населения 1989 года, только 7,5 млн человек идентифицировали себя как русские в 2002 году по результатам первой всеукраинской переписи. Как оказалась «потерянной» четверть населения? Сальдо миграции между Россией и Украиной не дает таких показателей. Эти люди были ассимилированы.

Другой вопрос — вопрос гражданства. Только Российская Федерация и Республика Армения позволяют своим гражданам иметь второе гражданство. На Украине, в Казахстане, в других странах СНГ двойное гражданство либо запрещено, либо не подтверждено конституциями. Очень хорошо это обстоятельство объяснил бывший президент Украины Л. Кучма, издав книгу «Украина — не Россия». Если мы будем смотреть сквозь пальцы, заявлял Л. Кучма, на то, как наши жители, обладая украинским гражданством, будут получать доступ к российскому гражданству, то через некоторое время у нас не останется и половины населения, лояльного Украине. Все это навязчивая идея о пресловутой «руке Москвы».

Между тем, главный интерес России на постсоветском пространстве состоит не в экономическом сотрудничестве со странами СНГ (в конце концов, в настоящее время у нас гораздо больший объем торговли с развитыми странами Европы, с США, с Китаем), а в вопросах обороны и безопасности, укреплению которых во многом способствует фактор сохранения единого культурного пространства. С геополитической точки зрения невозможно переоценить значение единства, в том числе в культурной плоскости, молодых независимых государств. Более других заинтересована в сохранении единого пространства именно Россия, которая с рядом государств разделена не существующими на практике границами. Пример тому — граница между Россией и Казахстаном. Хорошие отношения с этими странами — залог отсутствия источника угрозы какой бы то ни было агрессии с их стороны.

Другой причиной крайней заинтересованности Российской Федерации в сохранении культурного влияния на постсоветском пространстве является тот факт, что впервые в своей истории мы стали разделенным народом. 17 % русского народа находится сегодня за пределами России. Без того чтобы поддерживать сегодня диаспору наших соотечественников за пределами России, мы вряд ли сможем рассчитывать на собственное возрождение.

Один из важнейших факторов единства рассеянного по разным странам народа — это единство духовной культуры. Мы должны самым серьезным образом обращать внимание на соблюдение прав человека в отношении наших соотечественников. Важно, чтобы русское население в странах СНГ и Балтии имело возможности для политической самореализации, создавая свои партии, голосуя за своих лиде-

ров, побеждая на выборах. Нам целесообразно делать так, чтобы, например, на Украине русский язык стал государственным в масштабе всей страны или, по крайней мере, на востоке и юге Украины, где живет русскоязычное население; важно прекратить происки светской власти против единства Московского патриархата. Важно, наконец, завершить создание союзного государства с Белоруссией, что позволило бы хотя бы частично реализовать идею Славянского союза, терзавшую наших предков в XIX веке. То, что союзное государство по-настоящему не создано, — серьезный упрек нашей политической элите. Нам необходимо развивать общее, в том числе в культурной сфере, и с Казахстаном, и с республиками Центральной Азии, и с Закавказьем.

Сегодня можно констатировать наличие довольно большого количества подписанных соглашений по сохранению единого культурного пространства в странах СНГ. К сожалению, многие из них не соблюдаются. Тем не менее, создан фонд по сохранению культурного наследия, проводятся различные межгосударственные мероприятия в этой сфере. Существуют, к примеру, серьезные договоренности, касающиеся музейного дела.

Отрадно отметить, что создана, наконец, комиссия по борьбе с фальсификациями в ущерб исторической правде. Понятно, что при построении новых национальных государств первой жертвой становится общая история. Ведь целого ряда ныне независимых государств до недавнего времени в истории не существовало. Не существовало никогда Украины, не существовало никогда отдельно Белоруссии, Казахстана как единого государства. Были, конечно, в разные времена те или иные формы самостоятельности у этих народов, но в целом государственности и государственных традиций не было. У отдельных представителей национальных элит в некоторых странах СНГ появляется соблазн исказить историю, переписать ее из конъюнктурных соображений. В рамках этого доказываются, например, украинскому народу, что у него свои, отличные от России, герои, своя, отличная от России, история. Ученые провели исследования 180 учебников истории для средней школы в разных странах и пришли к выводу, что история нередко приспосабливается под интересы нового этапа развития того или иного государства. Укрепление позиций исторической науки, придерживающейся объективности при изучении прошлого, — один из методов борьбы за общее культурное наследие, общее культурное пространство стран СНГ.

Надо отметить положительную роль, которую играют в странах СНГ возрождающиеся традиционные религии в укреплении национальных культур и, что не менее важно, в развитии межкультурного диалога. Значительная часть приходов Русской православной церкви находится на Украине и в Белоруссии, церковь, таким образом, связывает граждан наших государств в единое духовное и культурное целое.

Во многих странах СНГ осуществляются программы, представляющие национальные культуры других государств Содружества. В самой Рос-

сийской Федерации действует Закон о культурно-национальной автономии. На средства российского государственного бюджета, к примеру, поддерживается украинская культурно-национальная автономия в России, предполагающая функционирование библиотек, школ, театра.

Я верю, что если на постсоветском пространстве будет господствовать атмосфера уважения и доверия, взаимопроникновения и единения культур, то вскоре мы, народы СНГ, выйдем на новый рубеж общения, который даст импульс динамичному развитию сотрудничества в интересах всех государств Содружества.

В. Н. Иванов¹

ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ. КОНТУРЫ ПРОЕКТА

Поставленная Президентом РФ Д. А. Медведевым задача системной модернизации (целенаправленное изменение экономики, политической организации, социальной сферы, массового сознания) предполагает более активное применение результатов научных исследований, концентрацию усилий ученых и практиков на важнейших для страны направлениях созидательной деятельности.

Президент подчеркнул необходимость завершить разработку предложений по формированию в России мощного центра исследований, сфокусированного на поддержке всех приоритетных направлений. Речь идет о современном технологическом центре (по типу Силиконовой долины и других аналогичных зарубежных центров), с тем чтобы в результате его деятельности мы смогли выйти на мировой рынок с новыми конкурентоспособными технологиями². К числу приоритетных направлений наряду с сугубо техническими должны быть отнесены и гуманитарные технологии.

Гуманитарные технологии противостоят по сути технократическим подходам к управлению, ориентированным на решение сложных социальных и политических проблем, инженерных задач. Человек в этом случае выступает как пассивный объект манипуляции. Гуманитарные технологии близки по смыслу к социальной инженерии, решающей задачи планирования отдельных социальных институтов и процессов (частичная социальная инженерия, по К. Поннеру). Принципиальное различие этих категорий состоит в том, что гуманитарные технологии решают свои задачи (организация, упорядочение, систематизация деятельности людей) на основе современного гуманитарного знания. Способствуя решению производственных, политических, технических и других задач, они призваны ориентировать власть преобладающих (на разных уровнях) на создание условий для разностороннего развития личности, вложение необходимых ресурсов в развитие и защиту человеческого потенциала, дости-

жение единства целей, смыслов, средств и результатов деятельности.

В связи с этим разработка специального научно-исследовательского проекта под названием «Гуманитарные технологии» представляется делом необходимым. Актуальность такого проекта объясняется сложившейся в стране ситуацией, о которой очень точно сказал руководитель Центра макроэкономической политики Российского государственного торгово-экономического университета, доктор экономических наук О. С. Сухарев: «Сегодня в России сложился миф о высоком качестве человеческого капитала³. Высокого качества в целом быть не может, поскольку отсутствует применение (точки приложения) для такого капитала, нарушен воспроизводственный механизм кадров (подготовка, обучение, ввод, выбытие), осуществляется реформа образовательной системы, дестабилизирующая последнюю, снижающая ее качество. Причину можно сформулировать согласно выражению Сенеки: когда не знаешь, куда плыть, ни один ветер не будет попутным. Возникший “структурный перекос” российского хозяйства, когда одни виды деятельности (трансакционные) обеспечивают агентам относительно высокий доход при низких рисках, а другие (накопительные сферы) — низкий доход при относительно высоком риске, способствует не просто переливу квалифицированных кадров из одних секторов в другие, а ликвидирует опорные точки приложения и наращивания человеческого капитала в производственных секторах. <...> Крен на организационные изменения без возможностей наращивания квалифицированных кадров, улучшения их возрастной структуры, уровня компетенции по существу представляет собой неэффективную форму “конъюнктурной” адаптации»⁴. Невостребованность научного и инженерного труда — красноречивый показатель состояния сектора реальной экономики.

Разработка и реализация проекта может при определенных условиях сыграть положительную роль в повышении эффективности и конкурентоспособности экономики. Главным в связи с этим является ор-

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. книг: «Социология сегодня», «Россия: обретение будущего», «Россия: социальная ситуация (национальный и региональный аспекты)», «Социология федерализма», «Социология и поэзия», «Моя эпоха. Люди и события», «Ad rem», «Юбилей Великой победы» и др., 10 сборников стихов. Член Союза писателей России.

² См.: Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному собранию Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru>

³ Среди многочисленных попыток определить это понятие оптимальной представляется следующая формулировка: человеческий капитал — это совокупность навыков, умений и знаний, а также установок, интериоризируемых индивидом и выступающих для него в качестве основы реализации жизненного сценария (см.: Крутий И. А. Человеческий капитал: эволюция представлений / И. А. Крутий, О. В. Красина // СОЦИС. 2007. № 8. С. 129).

⁴ Сухарев О. С. Образование и наука России: уничтожающий формализм реформ и спекуляции на инновациях // В защиту науки. Бюллетень № 6. М., 2009. С. 175.

ганизация и проведение в режиме мониторинга фундаментальных и прикладных исследований, позволяющих получить необходимый объем разносторонней научной информации, на базе которой возможно успешное решение инновационных задач.

Как отмечают многие исследователи, в современных условиях важны не столько отдельные элементы коллективной деятельности, сколько тип системных отношений, определяющих содержание (а стало быть, и название) гуманитарных технологий.

Есть соблазн не обойти своим вниманием слишком многие, еще не решенные наукой проблемы, особенно связанные с homo sapiens, его интеллектуальными и иными возможностями. Думается, что фундаментальные исследования в рамках проекта должны быть отнесены к категории «ориентированных фундаментальных исследований», вектор которых направлен не просто на актуальные для науки проблемы, а на те, которые имеют приоритетное значение для инновационных потребностей реального сектора экономики. Некоторое сужение проблемного поля исследований позволит сосредоточить познавательные возможности участников проекта на приоритетных вопросах с учетом новых взглядов, связанных со сменой технологического уклада в макроэкономике.

Создание новых (и оптимизация существующих) гуманитарных технологий предполагает анализ состояния «различных составляющих целенаправленной коллективной деятельности людей», выяснение доминирующих тенденций, актуальных проблем и противоречий. На основе подобного рода анализа можно построить некую иерархию исследовательских задач, определить их приоритетность.

Эффективность вновь создаваемых гуманитарных технологий будет в значительной мере зависеть от учета социального самочувствия людей, их отношения к власти предрешающим. Отрицательно влияет на психологическую атмосферу в стране фактический отказ от принципа социальной справедливости. Избыточное сосредоточение доходов в малочисленной группе богатых и сверхбогатых семей при отсутствии прогрессивного налогообложения (чем больше доход, тем большая его доля отдается государ-

ству) создает ситуацию социальной напряженности и рождает не только недоверие к власти, но и недовольство существующими порядками в целом, предпосылки для новых форм отчуждения. «Работающая бедность» дискредитирует современный российский социум, отрицательно воздействует на развитие социального капитала, являясь фактором дегуманизации общественных отношений. «Инструментальная рациональность» (Ю. Хабермас), решая сугубо экономические задачи, оставляет в стороне задачи духовные, этические, культурные, а нередко и социальные. Именно прикладные социологические исследования должны ответить на вопросы: кто (какие социальные группы, слои и т. п.) сегодня не на словах, а на деле заинтересован в модернизации?

Очевидно, что для устойчивого развития экономики России необходимо всячески укреплять наукоемкий сектор. Однако очевидно и то, что крупный российский бизнес не осознал еще необходимости использования значительной части доходов от экспорта сырья на развитие науки и высоких технологий.

Инновационная активность предприятий остается низкой, и не только из-за нехватки ресурсов. Как исправить положение? Как сформировать действенную систему стимулов? Как пробудить устойчивый интерес к инновационной практике, освоению мировых и отечественных технических и организационных достижений? Как преодолеть недооценку человеческого капитала, ставшую характерной чертой государственного и корпоративного управления? На эти вопросы предстоит ответить в первую очередь.

Социологические (и социально-психологические) исследования позволяют также определить готовность различных категорий работников к переменам не только в организации производства, но и в других сферах общественной практики.

Реализация проекта может быть успешной, если удастся, во-первых, сделать его составной частью более общего (глобального) проекта, получившего название «общество знания», проекта, делающего акцент на научные знания как главный руководящий принцип развития современного и будущего общества, и, во-вторых, объединить фундаментальную и прикладную составляющие проводимых исследований.

И. Т. Касавин¹

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ: В ПОИСКАХ ОБЛАСТИ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

Современная техногенная цивилизация нуждается в адекватном решении ряда глобальных проблем экологии,

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор свыше 290 научных работ, в т. ч. книг: «Теория познания в плену анархии», «Рациональность в познании и практике», «Познание в мире традиций», «Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания», «Традиции и интерпретации. Фрагменты исторической эпистемологии», «Анализ повседневности», «Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка». Главный редактор журнала Института философии РАН «Эпистемология и философия науки», главный редактор Энциклопедии эпистемологии и философии науки.

гии, демографии, бедности, терроризма и пр. Согласно мнению В. С. Степина, есть два сценария в поиске такого решения. Первый основан на доминирующих ценностях современности, или приоритетах: технологического прогресса по отношению к экологии, научной рациональности по отношению к традиции, личности по отношению к обществу, формального закона по отношению к личности, максимизации продукции и потребления по отношению к ресурсам и т. п. Такое решение приведет к еще большему обострению проблем техногенной цивилизации и в итоге — к катастрофе.

Второй сценарий предполагает радикальную смену ценностных приоритетов. Необходим анализ ее условий, вариантов и возможных последствий, который в целом способен стать предпосылкой сравнения двух типов ценностного дискурса в науках, с одной стороны, и в теологии — с другой. Такому выяснению условий возможности сравнения и взаимодействия этих типов дискурса и посвящен данный доклад.

Можно ли вообразить себе что-то вроде независимого пространства, где элементы культур отбираются для конструирования новых культурных систем? Есть ли где-нибудь такое интеркультурное пространство типа нейтрального языка наблюдения, над которым размышляли члены Венского кружка и который мог быть использован для сравнения разных культур и рационального культурного выбора? В действительности можно представить только два места, где культурные смыслы играют реальную и активную роль: это собственная культура или инокультурное пространство. Их различие очевидно: в первой мы живем, а второе для нас — лишь концептуальная и эмоциональная конструкция. Культура, к которой мы принадлежим, делает наше знание культурно обусловленным и тем самым неадекватным. Согласно мнению А. Шюца¹, объективно и научно можно изучать только чужую культуру. Чужак, посторонний рассматривается как единственная личность, которая в состоянии адекватно анализировать и понимать всякую культурную систему.

Если мы собираемся предпринять сознательную и рациональную попытку в направлении культурного синтеза, то должны выйти за пределы всех локальных культурных приверженностей и действовать так, как если бы мы были совершенно нейтральны по отношению к любым нормам, идеалам и ценностям. Однако это совершенно невозможно, ибо такая стратегия немедленно обнаруживает свою вполне определенную культурную нагруженность, а именно приверженность идеалам научной объективности, заимствованным из мировоззренческой парадигмы классической науки.

И одновременно наше понимание собственной культуры представляет собой конструкцию в не меньшей мере, чем образ чужой культуры. Картина собственной культуры сильно нагружена непосредственными жизненными впечатлениями, которые обычно весьма локальны и являются не более чем фрагментами данной культуры. В то же время в современном глобализирующемся мире лишь немногие культуры выступают совершенно чуждыми друг другу. Мы все иностранцы, почти везде — гласит известная немецкая поговорка. Мы постигаем различные культуры с помощью средств массовой коммуникации, путешествий, путем личного общения; мы живем почти везде.

Итак, пытаясь понять различные культурные детерминанты, образующие условия рационального дискурса о культуре, мы можем провести различие по крайней мере между тремя разными уровнями.

Первый из них — это уровень конкретных жизненных впечатлений, изучения родного языка, дол-

госрочных отношений с людьми (родителями, родственниками, одноклассниками, учителями, объектами малой родины — домом, местностью). Здесь в основном имеет место практическое, неосознаваемое, эмоциональное овладение культурой. На втором уровне (путешествия, общение с иностранцами, изучение иностранных языков) индивид приобретает знание инокультурной реальности, в которой привычные решения обычных проблем имеют очень ограниченный характер. Слова здесь обладают необычным значением, отношения между людьми выглядят странно, социальное окружение ведет себя непредсказуемым образом. Это уровень проблематизации здравого смысла и обыденной реальности, который дает возможность расширить культурные знания индивида или сформировать картину чужой культуры, полную непонимания и даже страха.

Когнитивная установка впервые появляется именно на этом уровне благодаря дистанции от непосредственного культурного фундамента. И вся ситуация укрепляет критические и рациональные способности индивида, в то время как эмоциональная установка ограничивает взаимопонимание разных культур. Однако по-настоящему возможной когнитивная установка оказывается только на третьем уровне, а именно на уровне научного и философского исследования культуры. Здесь разные культуры изучаются как равноправные части «третьего мира», в терминологии К. Поппера². Эта сфера объективного знания, доступного и ценного для всякой зрелой личности, демонстрирует плюрализм культурных универсалий. Рациональный диалог культур имеет место именно в этой межкультурной сфере реальности.

Особое место занимает философ в диалоге о ценностях, который разворачивается между наукой и теологией. Задача философии — рефлексия по поводу универсалий культуры. Универсалии — центр мировоззрения. Рефлексия предполагает дистанцию. Критическая позиция ученого-гуманитария — на перекрестке культур. Позиция философа — на стыке культурных времен, на рубеже эпох. Это, в частности, предполагает равно нейтральное отношение к ценностным основаниям и науки, и теологии, каждая из которых не в состоянии задать глобальные мировоззренческие ориентиры для будущей цивилизации.

Идеология и массовое сознание конструируют социальные ценности, формируют их систему, будучи при этом не заинтересованными в их критическом анализе. Идеологическая стратегия состоит в оправдании своих ценностей и опровержении чужих. И только философ выходит за пределы всякой ценностной системы, пытаясь сохранить политическую и ценностную нейтральность. Он — последний человек, который будет создавать ценностные смыслы, коль скоро он знает с самого начала об их неясности и противоречивости. Конечно, как эмпирический индивид на первом и втором уровне культурной динамики он может предпочитать и даже формировать определенные ценностные смыслы, отвергая другие. Здесь он может использовать кумулятивный метод или метод парадигмального сдвига. Но подлинное

² Popper K. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach. Oxford, 1972.

¹ Schutz A. The Stranger // Schutz A. Collected papers. The Hague, 1964. Vol. II.

назначение философа, следуя Л. Витгенштейну, не знание, но деятельность.

Философ твердо знает, что он ничего точно не знает; будущее остается непредсказуемым, результаты человеческой деятельности не совпадают с поставленными целями. Единственной позицией в диалоге, которую он может ответственно занимать, является создание условий диалога путем демонстрации ограниченности всех участвующих сторон и тем самым обеспечение консенсуса. Нейтральность обе-

спечивает дистанцию. Философ может попытаться встроить критически анализируемые ценности в более широкий контекст интеллектуальной или высокой культуры. И одновременно дистанция позволяет видеть горизонт, хотя это телескопическое зрение препятствует различению деталей. Балансируя между двумя этими интенциями и все время переключаясь с одной на другую, философ действует согласно принципу дополнительности для асимптотического приближения к общим ценностным основаниям.

А. Е. Кибрик¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЯЗЫКИ²

В начале было слово.
Евангелие от Иоанна

Я затрону только некоторые из вопросов, связанных с понятием культуры. В самом общем виде можно разделять две основные составляющие культуры — материальную и духовную. Материальная культура появилась на самых ранних этапах человеческой цивилизации, начиная с примитивных артефактов (изделий из камня, глины, дерева и т. п.) и способов их изготовления. Эти продукты целенаправленной деятельности многократно усиливали физические возможности первобытного человека и способствовали выживанию его как биологического вида. Можно говорить и о материальной культуре нынешней эпохи, кардинальным образом изменившей всего за сотню лет жизнь современного человека. Во всех ипостасях материальной культуры движущим началом является человеческий интеллект.

Духовная культура невозможна без языка, возникшего сравнительно недавно (по экспертным оценкам, около 100 тыс. лет тому назад) и поднявшего человека на высшую ступень эволюции — *homo loquens* (человека говорящего). Язык является уникальной, видообразующей характеристикой человека. Он не только обеспечивает интерактивный диалог между людьми, помогая обмениваться знаниями, намерениями, желаниями, но и формирует эти знания, намерения и желания, организует мыслительную деятельность и дает выход к познанию реальной действительности и к построению любых виртуальных миров. Он безгранично усиливает интеллектуальные возможности человека, в частности, в создании новых артефактов материальной культуры. Во

всех ипостасях духовной культуры движущим началом является человеческий язык.

Роль языка в диалоге культур можно рассматривать с двух точек зрения — в историческом и синхронном (современном) измерении.

В своем выступлении я преимущественно рассмотрю исторический аспект.

Общеизвестно, какое значение для духовной культуры эпохи Возрождения имел диалог с античной греко-римской культурой. Важнейшим источником знаний об этой полузабытой культуре были сохранившиеся тексты на греческом и латинском языках. Если бы их не существовало, последующие поколения могли бы судить об античной Греции и Риме лишь по сохранившимся памятникам материальной культуры (в основном по архитектуре, скульптурным изваяниям и предметам быта)³. К сожалению, подавляющее количество древних цивилизаций исчезли для нас вместе с их языками.

Кроме участия языка в передаче культуры в форме письменных текстов, следует отметить его еще более универсальную функцию. Всякий язык есть основной носитель духовной культуры говорящего на нем этноса, в его структуре запечатлевается и хранится выработанная картина мира этого этноса. Это касается прежде всего того, как человек опознает в окружающем его мире тождество и различие предметов, событий, абстрактных сущностей. Так, любой человек, говорящий по-русски, легко различает синий и голубой цвет, ситуацию мытья и стирки — в отличие от людей, говорящих по-английски, у которых имеется только один ярлык для упомянутых цветов (*blue*) и ситуаций (*wash*). Многие кавказские языки не различают эмоциональные ситуации *хотеть* и *любить*, а большинство европейцев, в отличие от эскимосов, не в состоянии различить всевозможные типы снега. Русские словечки «*ты*» и «*вы*» глубоко связаны с этическими культурными схемами межличностного взаимодействия, которые с трудом поддаются точным

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заведующий отделом лингвокультурной экологии Института мировой культуры МГУ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор 270 научных публикаций, в т. ч. книг: «Методика полевых исследований», «Опыт структурного описания арчинского языка», «Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах», «Константы и переменные языка» и др. Заместитель главного редактора журнала «Вопросы языкознания».

² Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 08-06-00345а и NSF, грант №0553546.

³ Противопоставление материальной и духовной культуры относительно: уже на ранних стадиях своего существования человек стремится сочетать прагматическую функцию артефактов с их эстетическим совершенством.

определениям, а иногда вызывают трудности правильного выбора и у носителей русского языка. При этом нас, носителей русского языка, удивляет японский язык, который обладает несравненно более богатой и многочленной системой форм вежливости, отражающих традиционную японскую культуру.

Таких примеров можно привести великое множество. Обобщая, можно сказать, что каждый язык создает свою уникальную картину мира. Этот факт отражен в знаменитой гипотезе лингвистической относительности Сепира—Уорфа. В своей экстремальной трактовке, сформулированной Уорфом, эта гипотеза предполагает, что адекватный перевод с языка на язык неосуществим, поскольку носители конкретных языков по-разному видят один и тот же мир.

Здесь нет необходимости включать в дискуссию о правильности этой гипотезы, длящуюся уже более 70 лет, нам важен другой аспект затрагиваемых ею фактов. А именно, вклад человеческих языков в очеловечивание человека. Язык является главным инструментом познания мира и организации повседневного поведения. В то же время он хранит накопленные этносом знания. Замечательно, что язык обеспечивает это своим существованием, поскольку знания не отделены от языка, а встроены в саму его структуру, усваиваются последующими поколениями вместе с усвоением родного языка.

Эти, казалось бы, самоочевидные истины, к сожалению, далеко не очевидны для многих людей — как для рядовых обывателей, так и для весьма образованных представителей научного сообщества и тех государственных структур, от которых зависит судьба духовной культуры и малых языков. А над их судьбой нависла витальная опасность. Во всем мире неуклонно усиливаются процессы умирания прагматически непрестижных языков.

Всего в мире насчитывается около 6 тыс. языков, причем из них количество крупных языков, на которых говорит более миллиона человек, — около 140. Если к ним добавить языки с более чем 100 тыс. говорящих на них, то таких языков всего 258. При добавлении к ним более мелких языков, на каждом из которых говорит более 10 тыс. человек, получится около 600 языков. Это одна десятая всех ныне существующих языков. Значит, на *сверхмалые языки*, на которых говорит менее 10 тыс. человек, приходится 90 % от общего числа *всех языков*.

Каковы перспективы выживания этого огромного большинства? Если не принять экстренных охраняемых мер, эти перспективы ничтожны. По оптимистическому прогнозу уже в конце нынешнего столетия исчезнет 60—70 % языков, по пессимистическому — 95 %, а *исчезновение каждого языка является серьезной гуманитарной потерей*.

Как уже упоминалось, каждый язык является уникальным хранилищем человеческого опыта, культуры, истории говорящего на нем этноса, неповторимым совершенным продуктом многовековой работы человеческого интеллекта. В языке, как в капле янтаря, запечатлена творческая познавательная деятельность многих поколений. Язык каждой этнической группы отличен от всех прочих языков, является одной из самых ярких ее черт. С потерей языка этническая группа, как правило, утрачивает свою идентичность и растворяется в другой этнической среде.

Это, прямо скажем, драматическое положение усугубляется тем, что подавляющее большинство языков до сих пор практически не документировано. В основном обделены вниманием те языки, которые, ввиду их малочисленности, находятся на грани исчезновения. Необходима широкомасштабная международная программа создания максимально полных «портретов» этих языков, соответствующих нашим нынешним лингвистическим знаниям о технологии такой документации. По сравнению с возможностями полувекковой давности стремительно развились компьютерные технологии и аудиовидеотехника, позволяющие зафиксировать естественную речевую деятельность. Огромные изменения произошли и в лингвистической теории. В 1950-е годы широким фронтом возникали или до неузнаваемости менялись, развиваясь, новые направления науки: синтаксис, семантика и прагматика, теория дискурса, типология, теория универсалий, психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика, интегральные модели языка и др. Активно развивалась полевая лингвистика, целью которой является изучение незнакомого исследователю языка.

Лично я посвятил многие десятилетия полевым исследованиям бесписьменных языков СССР, провел более 40 экспедиций (их география — от Кавказа до Камчатки) совместно со студентами отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ. С моим участием были опубликованы описания 7 языков. На своем опыте я знаю, как быстро изменяются возможности лингвистической документации, и те аспекты языка, которые казались недоступными такому методу изучения, сейчас уже успешно изучаются. В настоящее время осваиваются новые технические возможности документации, и благодаря гранту Национального научного фонда (США) наш небольшой коллектив исследователей создает в новом электронном формате те описания, которые созданы нами 30—40 лет назад. Я уверен, что эти технологии будут интенсивно совершенствоваться в ближайшем будущем.

Важность документации языков, которым угрожает исчезновение, сегодня трудно переоценить. Это один из способов поддержания диалога культур.

М. И. Клеандров¹

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕЙ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ЭТИЧЕСКОЙ ИЛИ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Правовая культура — в этом нет сомнений — является важнейшей составной частью общей культуры человека. В свою очередь, судебная культура, и это очевидно, есть важнейший компонент правовой культуры. Можно считать, что осознание необходимости защищать свои права, свободы и законные интересы в случае их нарушения, ограничения или оспаривания путем обращения в специально для этого созданный орган — независимый, справедливый и беспристрастный суд (равно как в случае необходимости разрешить мирным путем и корректным образом споры или конфликты без обращения для этого к помощи «сильного») — является важным достижением в истории развития человеческой цивилизации, сопоставимым с изобретением колеса. А реальное создание организационно-правового механизма судебной власти, равновеликого законодательной и исполнительной ветвям государственной власти, можно сравнить и с реальным использованием человечеством колеса — во всей полноте его потенциальных возможностей.

При всех различиях в разных правовых системах государств мира, структурах судебных систем и механизмах осуществления правосудия общим у них является высокий статус судей — профессионалов, призванных непосредственно осуществлять правосудие и наделяемых для этого соответствующими полномочиями. Естественно, к таким людям предъявляются высокие требования, в том числе морально-нравственного, этического характера. При этом, с одной стороны, как это установлено п. 2.1 Европейской Хартии о статусе судей (принятой Советом Европы 8–10 июля 1998 г. в Страсбурге), статус исключает возможность отклонения кандидатуры соискателя на должность судьи по соображениям половой, этнической или социальной принадлежности, а также по философским и политическим воззрениям или религиозным убеждениям. С другой стороны, в силу п. 4.2 Бангладешских принципов поведения судей (Приложение к резолюции Экономического и Социального Совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 г.), имея в виду постоянное внимание со стороны общественности, судья сознательно, по доброй воле принимает на себя необходимые ограничения, которые рядовыми гражданами могут рассматриваться как обременительные.

Подобные ограничения, которые добровольно (и это важно) принимает на себя судья при вступле-

нии в судебскую корпорацию, в отдельных проявлениях довольно обременительны. Но пренебрежение ими, их открытое или непреднамеренное неисполнение либо сознательное нарушение, как всякое нарушение обязанности, влечет за собой (точнее, должно повлечь) адекватную ответственность.

Эти ограничения для судей (в форме запретов совершать какие-то действия, указаний на необходимость воздержаться от тех или иных действий, поступков и т. д.) закреплены практически во многих государствах мира, в том числе с разными правовыми системами: и в законодательных актах, определяющих статус судей и наделяющих их соответствующими полномочиями, и — в различных вариациях — в актах этического толка, принимаемых самими судебскими корпорациями государств. В Российской Федерации таким актом в настоящее время является Кодекс судейской этики, утвержденный 2 декабря 2004 года VII Всероссийским съездом судей — высшим органом судейского сообщества России.

Парадокс сложившейся в настоящее время ситуации заключается в том, что именно судьи, как непосредственные носители судебной власти, в случае совершения ими нарушения этических норм, закрепленных в кодексах или иных этических актах, оказываются в состоянии недостаточной защищенности при привлечении их к ответственности.

Какого-либо международно-правового документа об этической ответственности за нарушение или несоблюдение судьями этических норм, в том числе закрепленных в национальных актах о судейской этике, нет. Принцип VI («Невыполнение своих обязанностей и дисциплинарные нарушения») Рекомендации № R(94) 12 Комитета министров Совета Европы государствам — членам Совета Европы о независимости, эффективности и роли судей (принята Комитетом министров Совета Европы 13 октября 1994 г. на 518-м заседании заместителей министров) предусматривают (п. 1) возможность установления национальным законодательством государств — членом Совета Европы таких мер ответственности судей, как: а) отзыв дела у судьи; б) перевод судьи на другую работу в суде; в) материальные санкции, например временное снижение оклада; г) временное отстранение от должности, но не за нарушение этических норм, а «в случаях, когда судьи выполняют свои обязанности неэффективно и ненадлежащим образом или когда имеют место дисциплинарные нарушения». Да и основания освобождения судей от должности, закрепленные там же (п. 2), обусловленные неспособностью судьи выполнять свои функции совершением уголовных правонарушений или серьезными нарушениями дисциплинарных мер, также не могут квалифицироваться как нарушение или несоблюдение норм судейской этики.

Между тем, ст. 12.1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 года № 3132-1

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, судья Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, заведующий кафедрой Института государства и права Тюменского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор более 420 научных работ, в т. ч. монографий: «Статус судьи: правовой и смежные компоненты», «Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее», «Судебные системы государств — участников СНГ». Член редколлегии журналов «Предпринимательское право», «Энергетическое право». Лауреат Международной премии им. Гуго Грюция.

(в ред. от 15 декабря 2001 г. № 169-ФЗ) гласит, что за совершение дисциплинарного проступка (нарушение норм настоящего Закона, а также положений кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей) на судью, за исключением судей Конституционного Суда РФ, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде предупреждения, досрочного прекращения полномочий судьи. При этом установлено, что решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания (обоих видов) принимается выборным органом судейского сообщества — квалификационной коллегией судей. Таким образом, в России по закону дисциплинарным проступком судьи, влекущим дисциплинарную ответственность, в том числе досрочное прекращение полномочий судьи, является также нарушение этических норм, закрепленных в Кодексе судейской этики, то есть не в законе, не в ином нормативном правовом акте, а в корпоративном акте самого судейского сообщества. В правоприменительной практике такое понимание ответственности за нарушение положений судейской этики широко используется, тем более что Верховный Суд РФ в п. 2 Постановления Пленума от 31 мая 2007 года № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» пошел еще дальше, утверждая, что под дисциплинарным поступком судьи, влекущим дисциплинарное взыскание, следует понимать не только нарушение норм Закона о статусе судей и положений Кодекса судейской этики, но и нарушение общепринятых норм морали.

Следует отметить, что Россия в вопросах приравнивания нарушения норм судейской этики к дисциплинарному проступку судьи отнюдь не одинока. Временной творческой группой, созданной Высшей квалификационной коллегией судей РФ и Российской академией правосудия, в 2007–2008 годах было проведено исследование деятельности органов судейского сообщества 22 стран (довольно репрезентативная выборка). Было установлено, что общими основаниями для привлечения судей к дисциплинарной ответственности является, в том числе, совершение проступка, несовместимого с положениями судейской чести и положениями кодекса поведения судьи, кодекса судейской этики (подчеркнуто, что почти в каждой стране существует подобный акт).

Общепринято, что вопросы этики находятся вне сферы прямого правового регулирования и что соблюдение этических норм не обеспечивается государственным принуждением. Это значит, что за измену жене мужа, даже если он — судья, нельзя привлечь к юридической, в частности дисциплинарной ответственности.

Более того, дисциплинарное взыскание может, и это естественно, налагаться за совершение именно дисциплинарного проступка. Под последним, согласно ст. 57 Закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июня 2004 года № 79-ФЗ, понимается неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим

по его вине возложенных на него должностных обязанностей. Соответственно дисциплинарным проступком судьи будет неисполнение или ненадлежащее исполнение судьей по его вине его служебных (именно служебных) обязанностей. Особенность для судьи здесь в том, что основная его обязанность — осуществление правосудия, но за судебную ошибку он не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий, если только неправосудность судебного акта не явилась результатом такого поведения судьи, которое по своему характеру несовместимо с занимаемой им должностью (Постановление Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2008 г. № 3-П).

Из этого следует также, что к дисциплинарной ответственности российского судью можно привлечь не за всякое нарушение Закона «О статусе судей», а только за то, которое является именно дисциплинарным проступком — нарушением служебных обязанностей. Считать же, что судья круглые сутки исполняет служебные обязанности, поскольку всегда обладает статусом судьи, оснований нет: его служебные обязанности есть осуществление правосудия, которое вершится исключительно в процессуальных формах (то есть дома, в гостях, театре и иных местах он правосудие не осуществляет и нарушить свои служебные обязанности по осуществлению правосудия не может).

Таким образом, можно сделать вывод: сложившаяся, и не только в России, устойчивая, опирающаяся на действующее законодательство практика привлечения судей к дисциплинарной ответственности за нарушение норм судейской этики и совершение запрещенных законом действий, не являющихся дисциплинарными проступками, не отвечает канонам судебной, а значит, и правовой культуры.

Нельзя за административное правонарушение привлечь судью ни к уголовной, ни к дисциплинарной (и наоборот) ответственности, хотя все это — юридическая ответственность; нельзя за совершение неэтичного проступка привлечь его к юридической ответственности, если только это — не юридически наказуемый проступок. В то же время очевидно, что любой юридически наказуемый проступок (за редкими исключениями) является как минимум неэтичным и может (а в случае с судьями — должен) быть подвергнут этической оценке и этическому осуждению.

Это значит, что дисциплинарная и этическая ответственность судьи — не однопорядковые категории, однако одновременно соотносятся друг с другом как вид и род. Однопорядковыми категориями являются юридическая (родовое понятие, видовыми будут уголовная, административная, дисциплинарная) и этическая ответственность судьи. Это подразумевает возможность привлечения судьи к юридической (в частности к дисциплинарной) ответственности за совершение дисциплинарного проступка и, одновременно, к этической. Беда в том, что ни само понятие этического нарушения, ни механизм привлечения к ответственности за его совершение, ни понятие этической ответственности судьи практически не разработаны.

Поэтому считать, что федеральный законодатель и квалификационные коллегии судей России, равно как и ряд зарубежных, не умея или не желая давать нужную квалификацию названным выше отношениям, «валят все в кучу» и наказывают «выговором жену за недостаточно крепкую любовь к мужу», оснований нет. Судьи, нарушившие некоторые базовые положения Кодекса судейской этики, должны быть — во многих случаях это абсолютно очевидно — очень жестко наказаны, даже если это нарушение не является правонарушением и не подлежит наказанию в соответствии с действующими правовыми предписаниями. Равным образом подлежат соответствующей юридической ответственности судьи, совершившие запрещенное Законом «О статусе судей» действие, которое не может квалифицироваться в качестве дисциплинарного проступка.

Как видно, названная проблема объемна, многоаспектна и остра, непосредственно затрагивает вершителей одной из ветвей государственной власти, а также базовые основы понимания ответственности людей за свои действия и поступки. Остроту ей придает то обстоятельство, что подготовлен и в соответствии с решением Совета судей России от 3 декаб-

ря 2009 года начал обсуждаться новый проект Кодекса судейской этики, которым названная проблема не только не решается, но и не обозначается. К тому же, как уже говорилось, данная проблема не замыкается рамками нашей страны — у нее очевидный международный аспект.

В силу вышесказанного решение подобной проблемы немислимо без ее глубокой научной проработки. Представляется, что разработка критериев, оснований, условий и видов этической ответственности судей как одного из сегментов механизма судейской ответственности силами одной лишь юридической науки бесперспективно. Необходимы комплексные междисциплинарные объединенные усилия незашоренных ученых — философов, юристов, социологов, психологов...

В первом приближении, учитывая конституционный статус судьи, поиск, видимо, следует вести в направлении разработки организационно-правового механизма конституционной ответственности судей, и параллельно — организационно-этического механизма этической ответственности судей с учетом необходимости взаимной увязки звеньев этих механизмов.

Г. Б. Клейнер¹

ГЛОБАЛЬНОЕ МИССИОНЕРСТВО ИЛИ ГЛОБАЛЬНОЕ СТЯЖАТЕЛЬСТВО: ЕСТЬ ЛИ ТРЕТИЙ ПУТЬ ДЛЯ РОССИИ?

Одним из опорных параметров культурной идентичности страны служит степень понимания (или непонимания) обществом места и роли данной страны в ходе мирового социально-экономического развития. Диапазон вариантов здесь широк — от случая полной идентификации и общественного осознания миссии страны в глобальном (по времени и пространству) мире — своеобразного миссионерства — до ситуации столь же полного отрицания самого существования такой миссии — «антимиссионерства». В последнем случае место противоположного полю-

са в возникающем континууме — так сказать, «антимиссии» — часто занимает идеология стяжательства, основанная на гедонизме как признании абсолютной ценности потребления. Между полюсами глобального миссионерства и глобального потребительства существует широкое поле стратегических вариантов. Задача общественной мысли — определить желаемое положение страны в этом поле, исследовать устойчивость соответствующей позиции и указать путь от существующего положения к желаемому.

Конкретное содержание миссии страны не является предметом общественного выбора. Оно является предметом общественного познания окружающего мира и природно-географических, историко-политических и ментально-психологических особенностей данной страны, траектории ее развития и ее населения. При этом познание не может ограничиваться только научным, рациональным исследованием или только чувственным, эмоциональным восприятием. Скорее, миссия появляется как результат постижения — сочетания всех видов проникновения в суть предмета, в данном случае — в первую очередь — социально-экономического и нравственно-идеологического потенциала населения и общества. В определенном смысле миссия представляет собой амальгаму действительного, осознаваемого и желаемого. Определение и формулирование миссии — это путь от осознания предназначения к пониманию назначения данной страны в процессе собственного и мирового развития.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, доктор экономических наук, профессор. Директор Института новых экономических знаний Российского нового университета, заведующий кафедрой экономики Государственного академического университета гуманитарных наук, заведующий кафедрой институциональной экономики Государственного университета управления, заведующий кафедрой «Системный анализ в экономике» Финансовой академии при Правительстве РФ, профессор экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Московской школы экономики МГУ. Автор более 500 научных работ, в т. ч. книг: «Стратегия предприятия», «Микроэкономика знаний», «Теория фирмы и практика российских предприятий: состояние, проблемы, перспективы», «Эволюция институциональных систем», «Производственные функции: теория, методы, применение», «Перспективное планирование производства в объединении (опыт моделирования)» и др. Главный редактор журнала «Экономическая наука современной России», заместитель главного редактора «Российского журнала менеджмента», член Научно-экспертного совета по антикризисной политике Аналитического управления Аппарата Государственной Думы РФ. Лауреат премии РАН им. В. С. Немчинова.

Сама миссия может носить более или менее предметный характер, формулироваться в расплывчатых или точных терминах. Глобальная миссия России, то есть миссия в пространственном и временном аспектах одновременно, не может иметь ни четко очерченного предметного характера, ни точных временных границ. Миссия формулируется не в виде цели — нового состояния или положения объекта, достигаемого к определенному сроку, а в виде указания общего направления и характера движения (что, однако, должно позволять оценивать, соответствует ли миссии осуществляемая государством политика). Это сближает миссию с национальной идеей.

Каковы предпосылки формирования миссии России? Для определения существенных особенностей России воспользуемся вначале базовой классификацией социально-экономических систем. Такие системы делятся на четыре класса, отличающиеся типом пространственно-временной локализации и соответствующими функциональными особенностями. Это объектные системы, для которых известны пространственные границы и не определены границы периода существования; процессные системы, для которых, наоборот, не определены пространственные границы и известны границы жизненного цикла; проектные системы, для которых известна и пространственная, и временная локализация, и средовые системы, где пространственные и временные границы не определены.

Все социально-экономические системы, в том числе такие, как страны, могут быть охарактеризованы с точки зрения соотношения между наличием у них функциональных свойств объектных, процессных, проектных и средовых систем (имеется в виду восприятие страны как части глобального мирового социально-экономического пространства и времени). Каждый тип систем имеет свой набор функций, реализация которых обеспечивает на разных уровнях гармоничное развитие экономики. В принципе, все государства, ввиду определенности их географических границ и неограниченности жизненного цикла, относятся к числу объектных систем. Вместе с тем они разделяют между собой функции обеспечения необходимого разнообразия и необходимой однородности экономического пространства и времени.

Россия — территориально самое большое государство в мире — предстает в страновом сообществе как ярко выраженная «средовая» страна. Это означает, что на Россию возлагаются функции обеспечения однородности мирового социально-экономического пространства-времени за счет создания возможностей контактов и взаимодействия между культурными объектами и явлениями разных стран, включения их в единое культурное и социально-экономическое поле.

Природно-географические и исторические условия пространственно-временной локализации России сформировали особый «средовой» тип цивилизации. Такая цивилизация вбирает в себя и сохраняет на своей территории разнокачественные объекты и явления. Так, для России характерны: наличие разных по культуре развития групп населения; высокая дифференциация доходов граждан; неоднородность

социально-экономических укладов на территории страны; неравномерность развития отдельных территорий и секторов народного хозяйства; острая восприимчивость отдельных групп населения к внешним влияниям и т. д.

Такие крупнейшие русские писатели-классики, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, И. А. Бунин и другие, отмечали созвучную российским просторам широту души россиянина, переменчивость в оценках, внезапные переходы от любви к вражде, склонность к неожиданным поступкам, порой жестокость и одновременно пробуждение совести, стремление помочь попавшим в беду. Подобная «переключательность» индивидуального и общественного сознания определяет и зигзагообразный, возвратно-поступательный характер общественного движения («шаг вперед, два шага назад»). (В образной форме это продемонстрировано Г. Остером: «Если вы решили первым / Стать в рядах своих сограждан — / Никогда не догоняйте / Устремившихся вперед. / Через пять минут, ругаясь, / Побегут они обратно, / И тогда, толпу возглавив, / Вы помчитесь впереди!»)

Все это определяет и характер развития страны. Есть государства, как бы застывшие в своем развитии. Есть — неизменно стремящиеся вперед и оставляющие в прошлом пройденные этапы. Для таких стран характерно стадийное движение. Что же касается России, то глубина российской души, высота лучших культурных образцов и широта пространства позволяют стране двигаться «во всех направлениях» как бы одновременно, включая движение от настоящего к прошлому. Восприятие территории страны как неограниченного пространства создает у многих россиян и иллюзию двусторонней неограниченности времени.

В итоге Россия предстает в мировом сообществе как гигантская *выставка*, своеобразная *галерея времени*. Не музей, где содержатся экспонаты прошлого, а выставка, где наряду с прошлым и настоящим представлены (в прототипической форме) и образцы будущего. В плане общественных форм здесь наблюдаются и элементы феодализма, и островки коммунизма, и начала капитализма, и фрагменты будущих укладов, не имеющих пока названия.

В России неизменно были, есть и будут и смешанная экономика, и смешанное общество. Драма возникает тогда, когда к власти приходят «пуристы» — политики, желающие видеть Россию «чистым» обществом (неважно даже каким: коммунистическим, капиталистическим или каким-либо другим) и не жалеющие ни средств, ни людей для достижения этой цели. Такие деятели признают только два вида движения: вперед (прогресс) или назад (реакция). В связи с таким мировоззрением и возникает концепция «догоняющей модернизации». На самом деле России нужна не «догоняющая», а «эволюционная» модернизация, обеспечивающая преемственность развития во времени, и «диффузионная» модернизация, обеспечивающая распространение позитивных инноваций по всем направлениям социально-экономического пространства страны. При этом следует понимать, что в России невозможно ни чисто

модернистское, ни чисто архаичное, патриархальное общество. Россия всегда будет и тем, и другим. При этом возникают неустранимые предпосылки динамической неустойчивости, маятниковые циклы.

Если говорить о чисто экономических особенностях России, то наиболее заметной чертой здесь выступает особый характер труда работников. Основные проблемы экономика России в течение многих десятилетий испытывает из-за низкого качества массовой продукции. В отличие от промышленно развитых, а в последнее время и от многих развивающихся стран, «проблема тиражирования», то есть выпуска больших объемов продукции с высоким качеством всех товарных единиц, и сейчас остается наиболее сложной. Создание же и изготовление единичных *выставочных образцов* продукции, в особенности тех, где требуются нестандартные творческие решения, тем более — в экстремальных условиях, в связи с экстраординарными событиями (выставка!), в условиях дефицита ресурсов — вот сфера, в которой российскому работнику нет равных. Именно здесь трудовой (а следовательно, и общеэкономический) потенциал России может быть реализован в наибольшей степени. *Импульсный* характер труда затрудняет поддержание надлежащего уровня качества работы в течение долгого времени.

Итак. С точки зрения системного подхода Россия предстает как обширная средовая социально-экономическая система с переключательной логикой поведения, высоким креативным потенциалом и импульсным характером труда. Главная функция средовых систем — обеспечение возможностей взаимодействия между социально-экономическими объектами и проектами, устойчивости развития самой системы и ее окружения. *Миссия России как ярко выраженной средовой социально-экономической системы — обеспечение единства культурного пространства и связности времени, создание и сбережение достижений отечественной и мировой культуры.*

Мы видим, что миссия России в данной формулировке носит интеграционный характер и направлена на укрепление взаимодействия (или «диалога») культур других стран, прежде всего стран Европы и Азии, а также на обеспечение преемственности в развитии («партнерстве») цивилизационных исторических эпох. Тем самым тема Лихачевских чтений последних трех лет может рассматриваться как образное выражение миссии России. Отметим, что предложенная выше формулировка миссии охватывает и тему сбережения народа (А. И. Солженицын), и тему евразийства (Л. Н. Гумилев), и тему сотворения «альтернативного мирового порядка» на принципах справедливости (А. А. Проханов). Важно отметить также, что интегративная миссия направлена на гармонизацию мирового культурного пространственно-временного развития и не может быть реализована вне обретения собственного гармоничного и эволюционного пути.

Для России отказ от стремления к постижению и осуществлению миссии, как показывает история, в частности события конца 1980-х — 2000-х годов, быстро ведет к необузданному стяжательству, стратификации, а затем и дроблению общества, «эко-

номике физических лиц». Вместе с тем и безудержное миссионерство, достигшее апогея в российской истории в первой четверти XX века, также привело к материальным потерям — российскую экономику и к культурным потерям российского общества. Неприемлемыми для России являются оба полюса — и миссионерский, и антимиссионерский.

Задача состоит в том, чтобы не бросаться от одного полюса к другому и найти траекторию золотой середины, равноудаленную как от глобального миссионерства, так и от глобального стяжательства. В качестве общего принципа, который должен определять выбор стратегии движения страны, можно указать принцип *неэкстремальности* решений, альтернативный принципу их экстремальности (оптимальности). Согласно принципу оптимальности, решения должны приниматься исходя из стремления к максимизации или минимизации какого-либо экономического показателя. Для общества и экономики России более органичным является выбор не экстремальных, а *гармоничных и гармонизирующих* стратегических решений.

Задачи определения страновой миссии и выбора национальной стратегии могут быть решены только при активной роли российской интеллигенции. Функции интеллигенции как слоя людей, обладающих «умственной порядочностью» (Д. С. Лихачев), по отношению к стране и обществу состоят в первую очередь в идентификации и общезначимой маркировке полюсов странового развития и обеспечении безопасной межэкстремальной общественной навигации. Дело интеллигенции — смягчать нравы, сглаживать углы, уменьшать крутизну поворотов курса общественного развития.

Особая роль принадлежит здесь научной интеллигенции. Наука по своей сути играет роль соединительной ткани, объединяющей пространства и времена. Наука эволюционна, ее развитие носит последовательный, накопительный характер, ее нельзя приостановить без слома, так как тогда прерывается процесс осознания и исправления научных ошибок — один из основных процессов научного познания. Наука как генератор и аккумулятор знаний — подлинный хранитель времени, и в этом — первая и основная сторона ее миссии. Есть и вторая сторона миссии науки, существенная именно для российского социума. Как упоминалось выше, ментальные модели россиян в силу многих исторических и географических причин носят полярный характер («ужасно—прекрасно»).

Такая бинарность отличает в социокультурном плане Россию от стран Запада, где ментальные модели в большей части основаны на трехзначной, а не двузначной оценочной логике, где преобладает срединная зона («нормально»). Она неизбежно ведет к «взрывному», по выражению Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, характеру развития, при котором полюса общественно-ценностных диполей стремительно (в историческом плане — одномоментно) меняются местами. Между тем для научной деятельности характерна прежде всего последовательная работа, стремление избежать крайностей, постепенное продвижение. У ученых присутствует, как правило,

и развитая внутренняя мотивация, на формирование которой в других секторах хозяйства расходуется колоссальные усилия. Жизненное кредо большинства истинных интеллигентов формируется на принципах нестяжательства. Наконец, в науке с давних пор функционируют и имеют большое значение институты объективной оценки и общественной репутации. К сожалению, сейчас абсолютно необходимый российской экономике институт репутации все чаще вытесняется институтом коррупции.

Для современного общества характерно не столкновение, но скорее смешение² культур. То, что сегодня воспринимается как столкновение западного мира и исламского, вероятнее всего, сольется в единой цивилизационной модели. Настоящей угрозой является возможность утратить многообразие культур, вероятность возникновения единой, заурядной, обезличенной цивилизации, элиминирующей различные жизненные уклады, мировоззрения, мироприятия и жизнеощущения.

Таковому смешению предшествуют угасание, разрушение и разложение мысли и чувства, а также в целом — эмоциональная и интеллектуальная кастрация. Это время торжества прагматизма, грубого утилитаризма, первобытного гедонизма и извращенного эвдемонизма, время, когда все благородное и возвышенное подвергается осмеянию и презрению. Это время охлократии, время обесценивания всего существенного, бездумного нигилизма.

Смешение культур порождает смущение умов. Модель современного общества, которая может стать всеобщей, является эгоистичной и солипсической, обращенной исключительно на себя. В странах Запада этому солипсизму, возможно, способствовало исчезновение религии. Конечно, есть немногие, которые остаются верны призванию, зачастую осуществляемому посредством организаций, обеспокоенных, например, ухудшением состояния природной среды, или нарушением прав человека, или увеличением числа бедных и обездоленных в разных странах и даже частях света. Существуют общественные движения, есть Гринпис, Международная амнистия, остались даже какие-нибудь пацифисты, хотя их чис-

¹ Директор Люксембургского института европейских и международных исследований, доктор. Автор и редактор ряда трудов по проблемам европейской и международной политики, в т. ч.: «Отношения Россия—Евросоюз: новые вызовы и возможности», «Жизнеспособность России», «The vitality of China and the Chinese», «Beyond East-West confrontation: searching for a new security structure in Europe», «The vitality of Japan: sources of national strength and weakness», «The Euro as a stabilizer in the international economic system», «Europa auf dem Weg zur Weltordnung?».

² Термин «смешение» (англ. confusion) использован здесь в этимологически исконном значении: «слияние» или «соединение». Можно также использовать термины «сращение» или «срашивание» (англ. conrescence or concretion), «синкретизм» или «синкрисис» (англ. syncretism or syncretism).

Таким образом, научная интеллигенция может и должна играть стержневую роль как в процессах определения миссии страны, так и в ходе формирования стратегии ее реализации. Сокращение, или, как сейчас говорят власти, «оптимизация» исследовательского сектора не только отбросит Россию на много лет назад, но и лишит ее возможности выбрать и реализовать «третий», наиболее перспективный для страны путь эволюционного развития.

Арман Клесс¹

СМЕШЕНИЕ КУЛЬТУР

до стремительно сокращается, существуют защитники прав животных. Но даже большинство из этих на вид благородных и альтруистических движений заботятся только «о нас», «о нашем (ближайшем) будущем». В определенном смысле эти движения являются материалистическими по духу, не движимыми высоким нравственным идеалом. Более того, их приверженность «благой цели» лишена полноты: это или окружающая среда, или права человека, или ядерное разрушение, или животные.

Существуют также псевдопрогрессивные движения, например, такие, которые требуют свободы абортов во имя самоопределения женщины. Они ставят благополучие рожденной женщины выше права на жизнь еще не рожденного, вынашиваемого ею во чреве.

Мы сталкиваемся с потерей духовности человеком и обществом вследствие угасания религиозных чувств³. Ясно одно: поиск функционального эквивалента религии представляется попыткой, обреченной оставаться бесплодной. Напротив, нарастает лишь чувство пустоты, небытия.

Экзистенциализм провозгласил: «Все бессмысленно. Однако я налагаю на себя обязательства во имя некоторых целей, таких как запрет пыток, отмена смертной казни и борьба против неоимпериализма и неокOLONиализма». Под этим подразумевается невысказанный девиз «Ago quia absurdum est»⁴ — «Действую, ибо это бессмысленно».

Вот уже некоторое время мы наблюдаем становление так называемой демократической культуры. Она склонна отвергать все элитарное и даже все мужское, а ее незримым критерием стали доступность, соответствие вкусам и запросам всякого: легко заглотить, прожевать, переварить и исторгнуть из себя.

Это всеобщее расслабление и размягчение порождают утрату сущности, царство наглой посредственности. Самозванные специалисты-знатоки, например

³ Я не стану обсуждать здесь увлекательный вопрос о том, что предшествует чему: (исчезающая) религиозная обрядность или (исчезающее) религиозное чувство.

⁴ «Действую, ибо это бессмысленно» (лат.). Ср.: «Credo quia absurdum est» (лат.) — «Верую, ибо бессмысленно» — знаменитая максима Тертуллиана (ок. 160 — ок. 220 гг.), одного из наиболее выдающихся раннехристианских писателей и богословов, названного впоследствии «отцом западного христианства». — *Примеч. пер.*

журналисты, оценивают и даже устанавливают качество культурного достижения. Посредственность правит бал во всех областях искусства — в литературе, живописи, музыке. Традиционное «высокое искусство» (пока еще) не отвергнуто, но зачастую грубо попирается. С появлением бесценно воспроизводимого искусства исчез и самый его дух¹.

Культура стала составной частью капиталистического производства и его пристрастия к изменчивой моде. Рынок и его настроение определяют качество. Это и есть становление всеобщей культуры, или цивилизации, — поверхностной, безвкусной и обоеполой. Выродившейся суррогатной западной культуре в ее американской, а возможно, вскоре уже в пост-американской стадии суждено стать культурой всего мира.

В определенном смысле искусство стало заурядным, а традиционные стандарты утрачены. Ценность произведения искусства создается искусственно; цена сама стала критерием. Она устанавливается посредством хитроумных рыночных операций и рекламных уловок. Такое положение дел неминуемо ведет к возникновению ничтожных произведений. Культура становится в определенном смысле массовой, плебейской и даже инфантильной. Повсеместно «дурной вкус» состоятельных, эстетически малообразованных людей, в основном из финансовых кругов, определяет правила этого рынка². Заурядная фотография может достичь цены полотна Ван Гога. Некому художественному продукту реклама приписывает определенный статус, и никто не находит в себе мужества воскликнуть: «А король-то — голый!» Это, разумеется, приводит к обесцениванию традиционного искусства.

На взгляд поборников этой «размягченной культуры», радеющих о единообразной культуре и парадоксальным образом именующих себя сторонниками культурного многообразия, остается еще немного препятствий и врагов: традиционный представитель элиты, люди и народы с крепкими культурными корнями и убеждениями, готовые бороться за них. К ним относятся, прежде всего, мусульмане, а также индусы и др.

Несмотря на редкие очаги сопротивления, пандемия размягченной культуры стремительно распространяется и уже захлестнула большую часть Азии, Латинской Америки и Африки. Кажется едва ли не банальным доказывать, что банальное общество может порождать только банальные чувства, банальные мысли и, в конечном счете, банальную культуру.

Великое искусство может проистекать лишь из предельного восторга или глубочайшей скорби, тревоги, отчаяния и нравственных страданий, великих духовных или моральных надломов и надрывов (таких, например, как, гражданская война в Испании). Оно может возникать посреди крайнего национального или общественного разложения (например, Австро-Венгерская империя на рубеже веков). Оно

может разгораться как протест против огромной несправедливости или того, что воспринимается как незаслуженное бедствие. Оно может произрастать из избытка жизненных сил или, наоборот, от их дефицита. Оно может оплакивать былую славу или предвосхищать славу грядущую. Оно может возникнуть из отвращения, нравственного или интеллектуального истощения или *tædium vitæ*³, но также из душевного или духовного взлета. Оно может родиться из отвержения существующих норм и поведения или из жажды новых путей.

Великое искусство создавалось людьми, жившими в уютных покоях королевских дворцов, а также изгнанниками и искателями приключений, боровавшимися за выживание в самых жутких условиях.

Что же в конечном счете порождает высокую культуру и великое искусство? Возможно, это вопрос, на который нет ответа. Не свойственно ли, например, аристократическому обществу (что кажется очевидным фактом) производить больше великих художников, чем демократическому? Может быть, засилье современной посредственности — явление преходящее? Откуда же тогда может возникнуть «великая культура»?

Какова была роль политической системы при возникновении культуры в прошлом? Явилась ли она из чувства прекрасного, ощущения гармонии в Египте, Греции, Италии эпохи Возрождения, из жизненного уклада в таких городах-государствах, как Флоренция, Венеция, Генуя, Роттердам и Брюгге?

Какую роль сыграли религиозный пыл, ощущение божественной благодати, поиски Бога и спасения, стремление к возвышенному и совершенному, жажда бессмертия — и не только в храмовой архитектуре, но и во множестве произведений живописи, в большинстве музыкальных творений (и речь здесь не об одном лишь Бахе)? Художественное творение питалось и чувством прекрасного, и восторгом, и метафизическими страхами.

Что объясняет крайнюю нищету так называемого социалистического искусства? Социалистический художник принужден был производить искусство для масс, искусство, которое удовлетворяло бы рабочих, заурядных людей и которое тем самым принуждено было быть простым, доступным для восприятия. Тоталитарное искусство, какое можно было видеть в нацистской Германии, удовлетворяет вкус безжалостных, но неотесанных правителей и в целом ведет к производству китча.

Возможно, что капитализм, как и социализм, — враг высокой культуры, то есть Соединенные Штаты Америки — так же, как и Советский Союз, и коммунистический Китай. Другими врагами высокой культуры, безусловно, являются эгалитаризм с его недоверием к гениальности или феминизм с его ненавистью к искусству, в котором «главенствует мужчина».

Высокое искусство проистекало из трепета, смирения, стыдливости, скромности (*lat. pudor, verecundia, erubescencia*); оно было рождено чувством святости, чистоты, величия, стремлением к благородству и совершенству, желанием стать как можно

¹ См.: *Benjamin W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit* [1936] (Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости) (крат. версия на фр. яз.; полное изд. на нем. яз: Frankfurt am Main; Suhrkamp, 1963).

² Можно назвать это «синдромом Энди Уорхола».

³ *Tædium vitæ* (лат.) — скука жизни. — *Примеч. пер.*

ближе посредством творческого акта к *ens perfectissimum*¹.

Ценой, которую придется заплатить Западу (а вскоре, возможно, и всему мировому сообществу) за необузданную свободу нравов, полную открытость, недостаток норм и ценностей («все сойдет»), умственную, душевную и физическую распушенность, станет истощение творческих способностей и общее бессилие, неспособность возвыситься над пошлостью, непристойностью.

Современная культура, развивающаяся по существу в плебейском обществе, — это помешанный на безобразном и омерзительном убудок, порожденный бесстыдным обществом, в котором

женщины утратили или отвергли традиционную роль хранительниц стыдливости и целомудрия и таким образом перестали это общество облагораживать.

Смешение культур — проклятие, с неизбежностью несущее гибель высокой культуре. По сути, ее гибель уже наступила. То, что сегодня мы называем искусством, во всех его областях есть не что иное, как «низкая культура», бесхребетная и трусливая смесь. Высокая культура, может быть, и выживет — как воспоминание о былом, малый обломок прошлого, медленно разрушающийся сам либо истребляемый умышленно или по небрежению, как это было сделано американскими войсками в Ираке.

М. Клестиль-Лёффлер²

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

уважении стараются определить, чем они отличаются друг от друга и где начало общей основы, на которой можно строить плодотворное культурное взаимопонимание.

Если мы говорим о диалоге культур и цивилизаций, то подразумеваем разнообразие и богатство цивилизации и мировой культуры, которые объединяют человечество в единой истории, а также возможность взаимного обмена и расширения горизонта, который для всех цивилизаций планеты создает потенциал совместной мирной жизни.

Так как мы обозначили опыт межкультурного обмена в богатой истории России и Австрии исходной точкой наших рассуждений, то необходимо отдавать отчет в том, что рамочные условия диалога между культурами и цивилизациями в XXI веке значительно изменились.

Опыт Австрии

Австрия имеет долголетний опыт, иллюстрирующий то, как с помощью культурного сотрудничества можно преодолеть культурные границы. В этом направлении дипломаты, в том числе и австрийские, особенно востребованы. В настоящее время успешная внешняя политика более, чем когда-либо, ориентирована на диалог культур, серьезное обсуждение культурных различий и общности, проблемы совместного проживания лиц разного культурного, этнического и религиозного происхождения. Межкультурная компетенция, готовность к диалогу и партнерству должны стать базовой ценностью в том случае, если мы требуем ответственности от других. Только так удастся отстоять универсальные ценности свободы, равноправное участие и солидарность и противостоять религиозному фанатизму и тоталитарной идеологии.

Вызовам, которые возникают вследствие разнообразия, особенно в быту, необходимо ясно и честно противостоять. Совместная жизнь людей разного культурного происхождения вызывает страх и неуверенность. В Вене, например, в настоящее время проживает такое количество людей, родившихся за

Введение

Я рада, что имею честь выступить с докладом на X Международных Лихачевских научных чтениях в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Австрийской Республики в Российской Федерации.

Санкт-Петербург — место, в котором необходимо говорить о диалоге культур и цивилизаций, так как этот город, как никакой другой город мира, является результатом такого диалога. Некоторые из разнообразных культурных влияний, которые накладывали отпечаток на этот город, можно угадать по его названию, которое менялось с течением времени: нидерландский Санкт-Питербурх, немецкий Санкт-Петербург, славянский Петроград, советский Ленинград; некоторые писатели называют его Северной Венецией, античным Петрополисом и т. д.

Россию и Австрию объединяют вековые традиции общения с разными культурами внутри страны (если учитывать изменчивую и нередко сложную историю). С давних пор оба государства впитывают различные культурные влияния Востока и Запада и обеспечивают мирный и обогащающий всех компромисс между противоположными культурными влияниями.

Именно этот аспект нашей совместной истории демонстрирует, что предмет диалога культур и цивилизаций нельзя сводить лишь к отношениям между исламом и христианством. Решение этой проблемы не терпит отлагательств, но ее суть заключена не только в различиях религиозных точек зрения. Эта тема, диктующая в начале XXI века создание нового направления межкультурного диалога, гораздо шире.

Если говорить о диалоге, то сначала необходимо выяснить, что обозначает это понятие в конкретном контексте. Диалог в смысле межкультурного обмена нельзя понимать как доктринерский прозелитизм. Суть в том, что равные собеседники во взаимном

¹ *Ens perfectissimum* (лат.) — Единому совершеннейшему — одно из богословских определений Бога. — *Примеч. пер.*

² Чрезвычайный и Полномочный Посол Австрийской Республики в Российской Федерации, доктор филологии.

границей и для которых немецкий язык не является родным, которое последний раз отмечалось сто лет назад. Сегодня мы гордимся творческой атмосферой, царившей в Вене в 1900 году. Необходимо способствовать развитию творческих процессов, основанных на кооперационных связях и мобильности, и обнаруживать их. Разнообразие традиций, знания, опыта и способностей может помочь в отражении глобальных вызовов.

За границей Австрия использует культурные учреждения Министерства иностранных дел в качестве места для общения и реализации инновационных и творческих идей. Культурный форум, функционирующий при Посольстве Австрии в Москве, вносит важный вклад в общее дело. В 2009 году в России (с участием российских партнерских институтов) было реализовано около 50 совместных российско-австрийских проектов в музыкальной, литературной, кино-, театральной и танцевальной сферах. В области науки необходимо назвать, в частности, сотрудничество историков обеих стран, которое в 2008 году было институционализировано благодаря созданию Австрийско-российской комиссии историков.

Глобализация в качестве импульса культурного обмена: технический прогресс, экономика, преодоление глобальных кризисов

В настоящее время государства и общества всего мира взаимосвязаны друг с другом, как никогда в истории человечества.

Свобода путешествий в значительной мере связана с установлением всемирного воздушного транспорта. Возможности общения и обмен информацией по Интернету, мировая экономика, утверждение английского языка в качестве *lingua franca* (по меньшей мере в областях экономики и естественных наук) и возрастающая интернационализация учебы и труда позволили культурам приблизиться друг к другу.

Эти явления, при помощи которых обобщенно можно определить значение глобализации, предоставляют нам новые обстоятельства и вызовы. Из-за усиления кооперационных связей в народном хозяйстве происходит расширение задач, распространение их всемирного контекста: современный экономический кризис и необходимость преодоления последствий изменения климата являются самыми выразительными примерами этого. Речь идет о проблемах, которые можно решать только при помощи конструктивных действий содружества стран.

В будущем потребуются глубокая борьба с симптомами. Вернее — необходимо вести серьезный диалог мировых культур с целью обеспечения их существования, более глубокого понимания культур и истории, деликатно обращаться с переданными по наследству ценностями представлениями и культурными особенностями других культур.

В связи с этим следует обратить внимание на постоянно возрастающую глобализацию эстетических ощущений и представлений, прежде всего у молодежи. Это наблюдается, например, в таких явлениях, как мода и искусство, всемирно известные музыкальные группы и герои кино. Эта тенденция демонстри-

рует глобальное понимание культуры. Но необходимо различать высокую культуру и развлекательную индустрию, зависимую от потребительского спроса. Последние всегда в определенном культурном контексте «заземлены» и открывают перспективы рассмотрения культурного контекста, из которого они происходят.

Вызов заключается не в нивелировании культурных ландшафтов, а в обогащающем обмене разнообразием культур и цивилизаций. Я считаю важным сохранить и сберечь это разнообразие.

В связи с обозначенной проблематикой можно также упомянуть о массовых миграциях с юга на север и с востока на запад и современном интернационализированном рынке труда, который развивается в больших многонациональных городах и регионах, где разные цивилизации вступают в непосредственный контакт друг с другом. В настоящее время цивилизованные общества характеризуются плюрализмом культурных влияний и призваны обеспечить совместную жизнь разных народов.

То, что в странах Европы часто обозначается как «проблема с иностранцами», на самом деле представляет собой проблему «встречи» чужих культур меньшинств из незнакомых стран с локальной культурой страны пребывания. Вытекающие из этого феномена проблемы представляют собой вызовы для наших обществ.

Линии пересечений культур уже давно проходят не между отдельными странами, а внутри обществ. Одновременно эти вызовы благодаря непосредственному контакту между разными культурными обществами предоставляют шанс научиться друг от друга уважительному отношению, жизни в мире и согласии, конечно, не отказываясь от собственной культуры. Таким образом, цивилизованные общества ежедневно могут вести диалог и наводить мосты, о которых идет речь.

Интернационализация сферы труда. Значение образования и воспитания

Представляется, что глобализация экономики и науки в прогрессивных индустриальных странах лишает возможности молодое поколение построить профессиональную карьеру без международного профессионального опыта и опыта общения с чужой культурной средой. Можно сказать, что у молодых людей в современном мире нет другой альтернативы, кроме как учиться разнообразию жизни. Это поколение, которое с юности привыкло учитывать существующее разнообразие культур, является существенным фактором развития международного диалога культур.

Однако эти обстоятельства не должны никого вводить в заблуждение: глобально только меньшинство пользуется этой возможностью, и проблемы культурной нетерпимости возникают чаще всего там, где положительный опыт контактов с другой культурой обесценивается из-за недостатка материальных средств. Необходимо призвать богатые государства к тому, чтобы они взяли на себя ответственность в области образования способствовать знакомству с другой культурой.

Большие, прежде всего религиозные, культурные конфликты частично основаны на традиционных конфликтах. Но также они связаны с экономическими проблемами и слепым следованием стереотипам, с чем можно бороться только с помощью образования и знаний о культуре другого. Здесь образование играет важную роль. Только в том случае, если удастся научить молодых уважать чужие культуры, диалог культур будет успешен в долгосрочной перспективе.

Диалог между институтами и внутри общества и роль средств массовой информации

Недостаточно того, если диалог между культурами будет ограничен диалогом между институтами и их представителями. Диалог культур и знания о нем надо внедрить в общественное сознание.

В связи с этим следует сказать о значении СМИ. В настоящее время они выступают как создатели и посредники в передаче культурных ценностей. В диалоге культур и цивилизаций СМИ имеют ключевую позицию и должны осознавать свою ответственность.

В мире, характеризующимся свободным рынком, большинство СМИ (так и должно быть) являются частными предприятиями, которые следуют правилам рынка. Лишь те СМИ, которые могут продать свою продукцию, в состоянии, с одной стороны, выжить и, с другой стороны, иметь влияние на общественное мнение. Но необходимо, чтобы СМИ осознавали свою этическую ответственность в освещении разнообразия культур и обществ, диалога культур и цивилизаций.

Европа в качестве образца удачного сосуществования разных культур

История Австрии, как и России, характеризуется пересечением многочисленных культурных влияний,

в течение многих веков сформировала самобытность страны. Современная история Европы (Европейского Союза) вселяет в нас уверенность в том, что диалог культур — единственно правильный путь для обеспечения совместной мирной жизни.

Заключение

Вследствие небывалого прогресса в областях транспорта и коммуникаций люди в XXI веке, как никогда ранее, находятся в тесном взаимодействии. Это дает повод для диалога разных культур и цивилизаций, чего никогда не было на протяжении мировой истории. Этим шансом надо воспользоваться и преодолеть большое количество препятствий на пути к глобальному культурному пониманию. В настоящее время мы живем во всемирной цивилизации. Благодаря большой миграции, происходящей в течение последних лет, мы понимаем, что линии соединения культур проходят не между отдельными странами, а внутри государств и через «сердце» наших обществ. Это обстоятельство нельзя трактовать как опасность, так как оно заключает в себе подход к решению проблем — уважительный диалог между культурами и конструктивная учеба друг у друга. Решающую роль в перспективном диалоге культур играет включение в него большей части общества, молодежи, а также СМИ.

Диалог между культурами и цивилизациями в глобальном мире, способствующий созданию атмосферы безопасности и доверия над культурными и национальными границами, важен как никогда. Диалог зависит в том числе и от нашей вовлеченности в него. Это обеспечит молодому поколению соответствующие средства и образование, необходимые для совместной жизни, основанной на толерантности и взаимопонимании.

В. П. Козлов¹

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. М. КАРАМЗИНА

В 2016 году счастливо встретятся три юбилея, связанные с именем Н. М. Карамзина, творчество которого привлекало пристальное внимание Д. С. Лихачева. Это 250 лет со дня рождения писателя, поэта, публициста и историка, 215 лет со дня начала издания его «Писем русского путешественника» и 200 лет со времени опубликования первых шести томов «Истории государства Российского» — первой национальной истории России, к сожалению, оставшей-

ся незавершенной. Эти два произведения Карамзина не просто важнейшие вехи его творчества. «Письма» открыли для россиян Европу — ее культуру, нравы в момент критического излома европейской истории. «История» открыла для европейцев далекое и недавнее прошлое России — страны, народ которой победой над Наполеоном решительно изменил политическую ситуацию в Европе. Эти обстоятельства дают нам возможность обратиться к размышлениям Карамзина — писателя и историка — о судьбах России, сегодня в очередной раз переживающей рубежный период своей истории.

Нет нужды доказывать, что Карамзин — глубоко национальный писатель и историк. Тысячами нитей его литературное и историографическое творчество, публицистика связаны с Россией, где он сформировался как человек и мыслитель, где провел самые плодотворные годы жизни, лишь в конце которой,

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор исторических наук. Автор свыше 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Колумбы российских древностей», «Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве», «История государства Российского Н. М. Карамзина в оценках современников», «Тайны фальсификации», «Российская археография XVIII — начала XIX вв.», «Российское архивное дело», «Обманутая, но торжествующая Клио», «Основы теоретической и прикладной археографии». Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники.

потрясенный декабрьскими и январскими событиями 1825—1826 годов, ничуть не усомнившийся в своих политических взглядах и нравственных убеждениях, но словно уставший от болезней не столько своих, сколько своей родины, решил посмотреть на ее новейшую историю, как когда-то в юности, со стороны — с солнечных берегов Средиземноморья. Автор статьи «О любви к Отечеству и народной гордости» — своего рода политического и нравственного манифеста Гражданина Отечества, захотел стать «эмигрантом» — факт, отразивший зарождавшееся явление в исторических судьбах российской интеллигенции.

Вместе с тем Карамзин для соотечественников — современников и их потомков — выступал и выступает как носитель общеевропейской культуры. Уже в юности познакомившись с идеями европейского Просвещения, в зрелом возрасте он легко и естественно вошел в интеллектуальную элиту России, прочно удерживая в представлении современников авторитет европейски образованного мыслителя.

В таком восприятии Карамзина нет противоречий. Россиянам он мог казаться «европейцем», оставаясь глубоко национальным писателем, историком, мыслителем. Для европейского читателя он выступал, безусловно, представителем российской интеллигенции, впитавшим многое из достижений европейской культуры, свободно ориентирующимся в ее прошлом и настоящем.

«История» едва ли не сразу после выхода в свет была переведена на польский, французский, немецкий, английский, итальянский языки — событие в то время уникальное для российской словесности. С этого момента началось не только познание россиянами своего прошлого (исторические сочинения В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Екатерины II и других авторов из-за устаревшего языка привлекали внимание лишь специалистов), но и знакомство с российской историей европейских читателей. Можно сказать, что Карамзин выполнил свой гражданский и человеческий долг, в высокохудожественной форме и на уровне современной ему историко-критической мысли рассказав об исторических судьбах народов и государства, раскинувшегося на одной седьмой части планеты.

Эта общекультурная роль Карамзина-историка, безусловно, заслуживает самостоятельного изучения. Отметив ее, мы в настоящей статье попытаемся рассмотреть те элементы, черты национального мышления, которые Карамзин вольно или невольно отразил в своей исторической концепции и которые, на наш взгляд, не являются только принадлежностью россиян той эпохи, когда гремели победы Суворова, Каменских, Румянцева-Задунайского, Кутузова, когда сама Россия казалась европейцам далеким, но опасным и сильным в своем неумолимом движении к могуществу соседом.

В извечно характерном для россиян споре: «Что есть Россия?», в котором почему-то всегда искали и ищут ответы на причины российских свершений и особенно бед, Карамзин принадлежал к той партии, которая еще в XVIII веке, после петровских преобразований, отказываясь от византийско-

го цинично-смирненного целомудрия, заявляла, что «Россия есть Европа». Для Карамзина такое признание означало не только констатацию реальности, которую, конечно, можно было оспаривать. Для него ответ на вопрос: «Что есть Россия?» значил куда больше. Он помогал постижению современной историку цивилизации. Уже ко времени начала работы над «Историей» Карамзин расстался со своими ранними колебаниями между двумя концепциями прошлого человечества. Он окончательно принял ту, которая восходила к Вольтеру, Кондорсе и Гердеру. Она, как известно, постулировала идею непрерывности человеческого прогресса, историческое движение в ней выступало движением к будущему, более совершенному состоянию человечества. Отсюда следовали оптимистические надежды на единство развития человечества от невежества к братству просвещенных народов. Не случайно после победы над Наполеоном Карамзин написал пространное стихотворение «Освобождение Европы и слава Александра I», в котором провозгласил: «Народы — братья! Злобы нет». Здесь же историк очертил и свои представления о настоящем и будущем месте России в развитии цивилизации. В победе россиян над Наполеоном он видит знаменательную силу Провидения (идея providencialизма, заимствованная историком у Босьюэ), избравшего российский народ не только для наказания узурпатора, но и в качестве соучастника, едва ли не преемника европейских народов в создании современной цивилизации.

Но обращение к народу как к «знаку», «единице» истории неизбежно ставило вопрос о «народности», «национальности» и их роли в общечеловеческом прогрессе. «Сходствуя с другими европейскими народами, — говорил Карамзин в 1818 году, — разнствуем с ними в некоторых способностях, обычаях, навыках, так, что хотя и не можем иногда отличить россиянина от британца, но всегда отличим россиян от британцев: во множестве открывается народное».

Сочетание идеи прогресса с представлениями о ценности «народного» — традиций и обычаев в первую очередь — составляло немалую трудность, и потому Карамзин для ее преодоления выдвинул идею универсальности культуры. «Путь образования и просвещения, — писал он, — один для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: и так от них надлежало заимствовать...»

Эти общие методологические позиции Карамзин попытался приложить к своей концепции исторического пути России для установления общеевропейских и национальных явлений в ее истории. Позволим себе здесь кратко охарактеризовать основные представления Карамзина о процессе исторического развития европейских государств и народов и место в этом процессе России.

Российское государство, по Карамзину, вошло в «общую систему» государств, возникших «на развалинах владычества римского». И в первый век своего существования (конец IX — конец X в.) «Европейская Россия была уже не менее нынешней, то есть во сто лет она достигла от колыбели до величия редко», являлась «самым образованным государством»,

обещая еще большее величие и могущество. В то время, когда Европа, пишет Карамзин, стала театром поместного или феодального тиранства, слабости венценосцев, дерзости баронов, суеверия, рабства и невежества, Россия «не уступала в силе и гражданском образовании первейшим европейским державам... имея тот же характер, те же законы, обычаи, уставы государственные», испытывая благотворное воздействие Греции, единственной не уничтоженной варварами древней державы.

Однако уже во второй половине XI века, согласно Карамзину, все изменилось. В то время как в Европе благодаря Крестовым походам укреплялась государственная власть, оживлялась торговля, просвещение, в России расцвела удельная система германских народов. Она орошала кровью и слезами бывшую могущественную державу и привела к тому, что уже в XIII веке Россия «отстала от держав западных в государственном образовании».

Следствием раздробленности стало ордынское иго. Оно исключило Россию из системы европейских государств. В то время как последние продолжали двигаться по пути прогресса, смягчая нравы, развивая науки и искусства, Россия была вынуждена напрягать все силы, чтобы не исчезнуть. Находясь около трех веков вне круга европейской политики, Россия погружалась в невежество. Ордынское иго, пишет Карамзин, нравственно унизило россиян, научив их «низким хитростям рабства». Нравственно униженный народный дух, заключает он, не способен на великое дело, следствием его является равнодушие, безмолвие народа, «злое семя в народе». Это первое в русской истории «нравственное унижение» народа Карамзин ставит в прямую связь со вторым — 24-летней тиранией Ивана Грозного, а от него тянет нить причинно-следственной связи к третьему «нравственному унижению», как следствие тирании случившемуся во времена Смуты в начале XVII века. И все же, считает Карамзин, отстав от Европы, Россия вышла из-под ордынского ига «более с европейским, нежели азиатским характером». Европа с трудом узнавала восточного соседа, но не потому, что для нее он оказался совсем непонятным, а потому, что она сама изменилась, а Россия оставалась такой, какой она была триста лет назад. Благодаря политике московских князей, последовательно и успешно укреплявших самодержавие, между Европой и Азией постепенно возрождалось государство, представлявшее собой «смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу, и подновленных, так сказать, нашею долговременной связью с монголами, византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами». Эта смесь и составляет, по Карамзину, «народную собственность» россиян.

Истинным творцом возрождения России Карамзин называет Ивана III, при котором страна оказалась вновь включенной в общую систему европейских государств. После него пошел естественный процесс сближения России и Европы: «без порывов и насилия», как бы «нехотя» россияне заимствовали все то, что отвечало их пользе.

Петровские преобразования, по Карамзину, окончательно сделали Россию европейской страной. Воздавая ему за это должное, историк тем не менее решительно осуждает первого русского императора за то, что тот одновременно уничтожил «древний народный дух» россиян, составляющий нравственное могущество любого государства. Это было, по Карамзину, четвертым «нравственным унижением» его народа, сулящим опасность для его будущего, поскольку эрозии оказалась подвергнута одна из важнейших народных добродетелей — соборность.

Итак, согласно Карамзину, Россия не только является, но и почти всегда оставалась европейским государством. Обладая собственной «народной физиогномией», россияне, несмотря на невзгоды, естественно шли вместе с другими европейскими народами по пути прогресса. Петр I дал еще больший импульс этому движению, но уничтожил многое в народном духе россиян. Осуждая его за это, Карамзин тем не менее понимает, что свершившееся изменить невозможно. «Жалобы бесполезны», — констатировал он, Россия должна продвигаться по пути, заданному ей Петром.

Однако ум просвещенного человека и знания историка, которому были известны судьбы прошлых империй, неизбежно заставляли Карамзина проецировать эти судьбы на настоящее и будущее своей страны. И чтобы сделать эту проекцию не пессимистической, а оптимистической, он обнаруживает первое принципиальное отличие исторического пути России от истории других народов и государств. Он убеждает в том, что Российская империя создавалась «без насилия, без злодейства, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего». Карамзину казалось, что, постулируя тезис о «мирном» процессе создания Российской империи, он разрешил проблему, рано или поздно встававшую перед каждой империей. Российское государство ему представлялось органическим соединением разных народов, судьба которых исторически предопределялась тысячелетним прошлым. Эту своеобычность России историк пытался подкрепить просветительским постулатом о верховенстве человеческих интересов над державными. «Для того ли образуются, для того ли возносятся державы на земном шаре, — писал он, — чтобы единственно изумлять нас грозным колоссом силы и его звучным падением; чтобы одна, низвергая другую, чрез несколько веков обширную своею могилою служила вместо подножия новой державе, которая в чреду свою падет неминуемо? Нет! И жизнь наша, и жизнь империй должны содействовать раскрытию великих способностей души человеческой, здесь все для души, все для ума и чувства; все бессмертно в их успехе! Сия мысль, среди гробов и тления, утешает нас каким-то великим утешением. Возвеличенная, утвержденная победами, да сияет Россия всеми блестящими дарами ума бессмертного; да умножает богатства наук и словесности; да слава России будет славою человечества...»

После объявления «мирного» характера создания империи Карамзину уже не составляло трудно-

стей называть все народы, составившие эту империю, россиянами, которые имели если не единого бога, то единого его наместника на земле — самодержца, и в связи с этим попытаться очертить еще одно принципиальное отличие российской истории от западноевропейской. Принимая за данность пределы России, Карамзин в соответствии с «Духом законов» Монтескье и его российского варианта в виде «Наказа» Екатерины II Уложенной комиссии объявляет о необходимости для российского государства монархической, точнее, самодержавной, формы правления. Для России, считает он, важно самодержавие как самовластие, то есть неограниченная власть одного человека, пусть даже и не наследственная. «Россия не Англия, — писал он в 1818 году П. А. Вяземскому, — и даже не Царство Польское; имеет свою государственную судьбу, великую, уважительную... Самодержавие есть душа, жизнь ее, как республиканское правление было жизнью Рима».

В понимании историка самодержавная власть — это не тирания, порождающая рабство одних и произвол других, а просвещенная, стоящая над всеми политическими силами власть, карающая, милующая во имя государственного блага, выступающая равнодействующей всех интересов, существующих в обществе на разных стадиях его пути к прогрессу. Убежденный в правильности своей политической идеи самодержавия как естественной организации российской государственности, идеи, обращенной прежде всего в настоящее и будущее России, Карамзин прилагает ее и к прошлому страны. Уже начало российской истории, пишет он, представляет удивительный и беспримерный в мировой истории случай, когда славяне добровольно отказались от древнего народного правления в пользу самодержавия. Этим как бы предопределялась вся последующая российская государственность, окончательно оформившаяся, по Карамзину, в XV веке. «Два государя, — пишет он, — Иоанн и Василий, умели навеки решить судьбу нашего правления и сделать самодержавие как бы необходимой принадлежностью России, единственным уставом государственным, единственной основой ее целостности, силы, благоденствия».

В системе функционирования российского самодержавия Карамзин важнейшее место отводил его взаимодействию с народом как одной из предопределяющих государственные судьбы политических сил. В соответствии со своими общими мировоззренческими представлениями историк старательно пытается выявить те черты «народности», которые отличают его соотечественников от европейцев. На одни отличия, например в уровне культуры, он смотрит с оптимизмом, не сомневаясь в их преодолении, другие объявляет извечными, возводит в ранг не про-

сто «национального», но политической добродетели. В числе последних важнейшую роль Карамзин отводит терпимости россиян. Называя эту добродетель «явлением достопамятным и даже удивительным», историк склонен объяснить ее и недостаточным просвещением россиян, и исконной набожностью, и веротерпимостью. Согласно Карамзину, российская терпимость — это не только послушание и смирение, но и некая своеобразная линия «обратной связи» народа с действующей во имя общегосударственных интересов властью.

В эту же систему функционирования российского самодержавия Карамзин попытался органически включить и церковь, разумеется, православную в первую очередь. Церковь в России, по Карамзину, никогда не стремилась подчинить светскую власть, действовала в русле княжеской и царской политики и, «не изменяясь в своем первобытном характере», смягчала нравы, гасила страсти, воспитывала добродетели. «В западных странах европейских, — писал историк, — духовная власть присвоила себе мирскую от того, что имела дело с народами полудикими... которые... приняв христианство, долго не умели согласить оно со своими гражданскими законами, ни утвердить естественных границ между сими двумя властями, а греческая церковь воссияла в державе благоустроенной, и духовенство не могло столь легко захватить чуждых ему прав».

Сегодня, с высоты современных знаний о прошлом России, можно легко подметить, в чем ошибался Карамзин, характеризуя отличия российской истории от западноевропейской. Не было ни исключительного в анналах мировой истории мирного призвания варягов, ни «мирного» включения народов в состав империи. Как политическая организация, российское самодержавие выступало издревле носителем авторитета не столько власти, сколько силы, не столько закона, сколько страха. Идея патриархальной «отеческой» власти государства в лице самодержавия вряд ли могла сколько-нибудь серьезно противостоять и тому бюрократическому деспотизму, который, привитый на русской почве Петровскими реформами, дал метастазы чисто российского бюрократизма, поразительно живучего, несмотря на неоднократные хирургические вмешательства.

Карамзин творил исторический миф о России. Но как творец такого мифа он сам — представитель российской интеллигенции рубежа двух веков — историческая реальность, отразившая в своем творчестве представления определенной части российского общества о прошлом России и Европы. И после Карамзина элементы этого мифа, сотворенного им, не были сложены в старинный сундук российской бабушки.

И. С. Королев¹

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Понятно, что процесс модернизации должен охватывать все сферы деятельности и жизни общества, включая совершенствование политических институтов. Однако в докладе автор затронет лишь некоторые вопросы, относящиеся к экономическим аспектам этого процесса.

Такое сужение темы определяется следующими мотивами.

Во-первых, за последние десятилетия экономические успехи добились многие страны, представляющие различные цивилизации и социально-экономические модели развития. Все они эффективно заимствовали современные рыночные институты, передовые технологии, иностранные инвестиции, активно использовали международные отраслевые альянсы и т. д. Опыт таких стран, безусловно, может быть нам полезен. Речь идет, естественно, не о стопроцентном копировании. У каждой страны мира есть национальная специфика. При этом есть возможность уйти от двухвековой дискуссии о «западном», «восточном» или «особом» пути России, от обсуждения вновь появившейся квазипроблемы идеологической характеристики модернизации. Экономическая модернизация, на наш взгляд, — совершенно объективный процесс, который можно оценить конкретными показателями, прежде всего количественными.

Во-вторых, мировой кризис поставил вопрос о выборе модернизационной политики для России, переходе на инновационные рельсы развития, интенсивные механизмы роста. Передовые страны, прежде всего США, еще в период кризиса предприняли серьезные долгосрочные меры по стимулированию инноваций, рассчитывая за счет этого ускорить свои позиции в мире.

В-третьих, с точки зрения конкурентных преимуществ Россия в обозримом будущем останется крупным экспортером сырья. Здесь мы стоим перед дилеммой: или мы остаемся просто сырьевым придатком для всего остального мира, или активно используем сырьевой экспорт в целях модернизации. В практическом плане это ключевой вопрос.

Проведение модернизации осложняется массой серьезных проблем российской экономики. Среди них:

- растущее социальное неравенство;
- неразвитость правовых институтов;
- коррупция;

- отраслевой и региональный монополизм;
- низкая инвестиционная активность и конкурентоспособность (особенно в обрабатывающих отраслях);
- недостаточность внутреннего спроса при высокой инфляции;
- слабость финансовых рынков;
- все еще относительно низкие мотивация и культура труда.

Несмотря на высокие темпы роста в 2000-е годы, доля России в мировом ВВП в начале 2010-го составляла всего лишь 3 % по паритету покупательной силы рубля и 2 % по его рыночному курсу. Для сравнения: доля Российской империи (без Финляндии и Царства Польского) в 1913 году составляла, по расчетам ИМЭМО, 9 %, а Советского Союза в 1960 году (максимальная доля) — 14,5 % и в 1990-м — 9 % (так же как и у дореволюционной России).

По объему ВВП на душу населения Россия (в ценах и по ППС 2008 г.) занимала в 2008 году 49-е место (из 154 стран). После кризиса, по-видимому, этот показатель ухудшился.

Еще более опасно отставание в разы от США и ЕС по производительности труда и эффективности производства. По выработке ВВП на одного занятого мы хотя и обгоняем Китай, но отстаем от США более чем в 4 раза, от Западной Европы и Японии — в 3,5 раза. На производство одной тонны стали у нас тратится в 3 раза больше электроэнергии, чем в ЕС. Энергоемкость ВВП у нас выше, чем в Китае; в 2 раза выше, чем в США; почти в 3 раза выше, чем в ЕС и Японии.

Без кардинального повышения эффективности энергопотребления под угрозой может оказаться экспорт углеводородов. В мировых достоверных запасах нефти доля России — всего 4,5 %. Нагрузка на месторождения в 2 раза выше мировой. Значит, и нефтяная отрасль нуждается в модернизации, значительных затратах на геологоразведку.

В такой сложной ситуации требуется абсолютно реалистичный подход к срокам и этапам модернизации. Пока этого нет. Вряд ли успеху способствует выдвигание таких внешне броских, но практически нереализуемых задач, как превращение рубля в резервную валюту или создание у нас международного финансового центра. До этого придется решить более актуальные вопросы — снизить инфляцию до 2–3 %, уменьшить зависимость курса рубля от цен на нефть, кардинально реформировать банковскую систему, которая, как подтвердилось в ходе кризиса, в принципе не способна выполнять функции финансового посредника в экономике, устранить недостатки фондового рынка (спекулятивный характер, мизерная роль в финансировании инвестиций в основные фонды, чрезмерная концентрация собственности и т. д.). Для начала надо создать нормальный финансовый сектор хотя бы для самих себя, что будет непросто и потребует немало времени.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН, доктор экономических наук, профессор. Основные публикации: «Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет», «Экспортно-импортные потоки РФ. Сопоставление данных таможенной статистики РФ и статистики ОЭСР», «ВТО и национальные экономические интересы», «Россия и глобализация: международные аспекты», «Мировая экономика: прогноз до 2020 года», «Россия и мир в начале XXI века: новые вызовы и новые возможности» и др. Член редколлегии журнала «Мировая экономика и международные отношения».

Нам предстоит существенно расширить импорт передовой технологии (лицензий) и оборудования, увеличить роль иностранных инвестиций в обрабатывающей промышленности, прежде всего в производстве машин и оборудования, в финансировании технологических инноваций. В том числе отечественных исследований и разработок.

Чтобы не ошибиться, нужна, среди прочего, достоверная оценка ситуации на мировых рынках и в мировой экономике в целом.

Вряд ли помогут появившиеся во время последнего кризиса совершенно необоснованные, на наш взгляд, выводы о якобы конце капитализма и переходе экономики под жесткий контроль государства. Как раз наоборот: кризис показал устойчивость экономической системы развитых стран, способность реагировать на сложные вызовы решительными, тщательно подготовленными мерами.

Нравится нам или нет, но США останутся в ближайшие десятилетия страной, во многом определяющей развитие не только финансовых рынков, но и реального сектора мировой экономики, а доллар сохранит роль главной резервной валюты. По многим параметрам эта страна идет впереди в процессах, формирующих контуры будущих моделей социально-экономического развития не только для западной ветви цивилизации, но во многом и для ряда стран Восточной Азии (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Индонезия), стран Латинской Америки (Мексика, Бразилия, Чили, Аргентина), Ближнего Востока (Египет, Иордания, Саудовская Аравия, ОАЭ) и даже Китая. Когда в разгар кризиса китайский руководитель назвал американцев своими учителями, на ошибках которых китайцы учатся, в этих словах был не только сарказм.

Ожидаемые изменения в мировом хозяйстве:

- прорывы в инновационном развитии, стимулирование ресурсосберегающих и экологически чистых технологий;

- повышение эффективности промышленного и сельскохозяйственного производства;

- сокращение удельного потребления невозобновляемого минерального сырья на единицу мирового ВВП;

- устойчивый рост мировых потребностей в продовольствии;

- дальнейшая интернационализация национальных систем регулирования экономики, движение в сторону формирования международной модели социально-экономического развития, вбирающей в себя позитивный опыт национальных экономик;

- увеличение социальной составляющей мировой экономики, инвестиций в человеческий капитал — науку, здравоохранение, образование, культуру, улучшение среды обитания.

Экономическая модернизация России должна соответствовать этим мировым тенденциям.

Желательный, на наш взгляд, приоритет начального этапа модернизации (наряду с поддержкой образования и фундаментальной науки) — производство товаров и услуг потребительского сектора, прежде всего жилья и продовольствия, что ускорит формирование среднего класса, обеспечит рост внутреннего спроса на продукцию других отраслей, в том числе машиностроения.

Критической для России остается кардинальная модернизация сельского хозяйства, его естественная специализация, обустройство сельских территорий, расширение пространства для комфортного проживания.

География потенциальных партнеров по модернизации достаточно широка. Прежде всего это наиболее развитые страны — США, «старые» члены ЕС (Германия, Англия, Франция, Италия, Бельгия, Голландия), Япония, Канада, а также Швейцария, Скандинавские страны, Израиль. Выбор форм — за российским бизнесом. То есть модернизация у нас должна идти снизу, а не сверху, как в 1930-е годы.

Задача государства — обеспечить условия, при которых в модернизации были бы заинтересованы бизнес и общество в целом (другое отличие модернизации от советской индустриализации). Еще один важный аспект — создание благоприятной атмосферы для развития взаимоотношений со странами — потенциальными партнерами по модернизации, сведение к минимуму политических препятствий (всплески конфронтационного противостояния, рецидивы холодной войны, санкции, эмбарго), создание стимулов для инвестиционной активности, поставок высокотехнологичного оборудования и т. п.

Разумеется, такой подход включает последовательное отстаивание Россией своих политических и экономических интересов.

Не менее важно участие России в международных структурах, прежде всего ВТО, противники которого заинтересованы в сохранении ситуации, когда в стране отсутствуют прозрачные правила игры, обеспечивающие равные условия конкуренции для всех хозяйствующих субъектов (производителей) и защищающие права потребителей.

Участие Запада в российской модернизации не будет благотворительностью. За него придется платить. При этом еще долго отношение Запада к России будет как к «другому». По этому поводу не стоит комплексовать, а следует принимать как данность. Тем более что и к дореволюционной России относились так же.

Главное, чтобы на всех этапах модернизация была подчинена задаче формирования человекоцентристской модели социально-экономического развития.

С. В. Лавров¹**ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Актуальность темы очередных Международных Лихачевских научных чтений не вызывает сомнений. Мировой финансово-экономический кризис наглядно продемонстрировал не только несостоятельность всей послевоенной финансово-экономической системы, ее неадекватность современным реалиям, но и безальтернативность объединения усилий всех без исключения ответственных членов международного сообщества в поиске эффективных ответов на общие глобальные вызовы и угрозы. В их числе — и преодоление последствий кризиса, и противодействие распространению оружия массового уничтожения, и борьба с международным терроризмом, организованной преступностью, наркотрафиком, пиратством. Мир стоит перед необходимостью нахождения солидарных решений таких масштабных проблем как бедность, эпидемии, изменение климата, последствия природных катастроф. Позитивная объединительная повестка дня, которая начинает утверждаться в международных отношениях, обуславливает приоритетную важность их гармонизации на основе сближения и взаимопроникновения различных экономик и культур.

В XXI веке мы живем в многоликом мире, включающем в себя не только более двухсот суверенных государств, но и ряд локальных цивилизаций — совокупностей этносов и народов, объединенных общностью систем цивилизационных ценностей и исторических судеб. Во взаимосвязи они составляют глобальную цивилизацию, переживающую переходный период своего развития.

С уходом в прошлое биполярной «директории» эпохи холодной войны все громче заявляет о себе культурно-цивилизационное многообразие современного мира, оказывающее возрастающее воздействие на процессы формирования современной, справедливой и эффективной полицентричной системы глобального управления. Это требует коллективной работы в широком, представительном кругу государств с целью поиска общих знаменателей как основы международного сотрудничества. Соответственно императивом времени становится межцивилизационное согласие — сосуществование культур и религиозных традиций, признание множественности моделей развития и равных прав за различными системами ценностей. Иными словами, глобализация диктует выбор в пользу толерантности и цивилизационной совместимости, деидеологизации межгосударственных отношений.

¹ Министр иностранных дел РФ, член Совета безопасности РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол. С 1972 г. работает в системе МИД СССР и России. В 1994–2004 гг. — постоянный представитель РФ при ООН и представитель РФ в Совете Безопасности ООН. Автор ряда научных работ, в т. ч.: «Попытка заглянуть в послевоенное будущее», «Несколько штрихов к международному портрету Москвы», «Россия и Индия. Взаимовыгодное сотрудничество и стратегическое партнерство», «Мир в поисках нового равновесия» и др.

Вместе с тем в процессе становления многополярного мироустройства возрастают и риски межцивилизационного раскола, увеличивается конфликтный потенциал на этно-конфессиональной почве. Среди основных причин этого — распространение глобализационных процессов за рамки западной цивилизации, в результате чего ценностные критерии и модели развития стали предметом конкуренции, а сама она приобрела межцивилизационное измерение. Вряд ли можно утверждать, что в самом усилении состязательности культур и цивилизаций посеяны семена конфликта. Мир никогда не был однородным или унифицированным. Дело в затянувшемся болезненном расставании Запада с иллюзией вечности своего глобального доминирования.

Реальность формирующегося многополярного мира признана абсолютным большинством стран. Усиливается понимание, что в XXI веке **взаимозависимость государств резко возросла, их безопасность и процветание неделимы.** Ни одна из современных международных проблем не имеет силового решения. Это — объективные предпосылки подлинной демократизации международных отношений через укрепление в них правовых начал, утверждение многостороннего подхода к решению глобальных проблем. Все эти факторы определяют ключевое значение формирования общности интересов и ценностей для партнерства цивилизаций. Наиболее очевидным фактором сближения является диалог цивилизаций в сфере культуры.

2010 год провозглашен Организацией Объединенных Наций Международным годом сближения культур. Это отражает растущее осознание международным сообществом роли культуры в современном, быстро меняющемся мире. Гармоничный межкультурный диалог — не только эффективный инструмент сглаживания возникающих между государствами разногласий, но и одно из важнейших условий устойчивого национального развития, обеспечения должного уровня безопасности и поддержания благополучия каждого государства.

Содействие продвижению международного культурного и гуманитарного сотрудничества как средства налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами — в числе приоритетных задач российской дипломатии, что закреплено в утвержденной президентом Д. А. Медведевым Концепции внешней политики Российской Федерации.

Залог успешного межцивилизационного общения — терпимость. Она является одним из основных критериев приверженности человека, общества и государства ценностям демократии, устойчивого развития, сосуществования народов в согласии друг с другом, в условиях взаимного уважения верований и обычаев, отличающихся от собственных убеждений.

Такой подход буквально выстрадан непростой российской историей. Если бы многонациональ-

ная и многоконфессиональная Россия не смогла достичь гармонии между представителями многочисленных народов и этносов, культурных и религиозных традиций, нам не удалось бы создать крупное и эффективное государство. Необходимым условием поступательного развития, да и самого существования России было постоянное созидание межкультурно-цивилизационного согласия на основе толерантности. Именно этим обусловлена та особая роль, которую наша страна может сыграть в деле сопряжения интересов всех государств независимо от их культурно-цивилизационных различий, что является ключевым фактором решения острых проблем современности.

Россия поддерживает все международные начинания, содействующие межкультурно-цивилизационному сближению, направленные на интеграцию духовно-нравственного компонента в общий формат современных международных отношений. Уверен, что все без исключения государства способны внести свой позитивный вклад в этот важный процесс. Инициативно работаем по данной проблематике в рамках ООН, «Альянса цивилизаций», ЮНЕСКО, ОБСЕ, Совета Европы, других специализированных международных структур и форумов.

Взаимодействуя с созданным под эгидой Генерального секретаря ООН «Альянсом цивилизаций», выстраиваем нашу работу на основе соответствующего Национального плана. Его ключевые положения созвучны главным направлениям деятельности Альянса — это образование, молодежная политика, СМИ и миграция, однако включают в себя и разделы, посвященные межкультурному и межрелигиозному диалогу. План последовательно выполняется. И в дальнейшем в его реализации намерены в максимальной широкой степени задействовать весомый потенциал гражданского общества, включая неправительственные организации, экспертные и академические круги.

Российские делегации приняли участие во втором Форуме Альянса в апреле 2009 года в Стамбуле, министерской встрече в сентябре прошлого года в Нью-Йорке «на полях» 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, встрече координаторов — участников Группы друзей Альянса в ноябре в Рабате (Марокко). На повестке дня — третий Форум, который пройдет в мае нынешнего года в Рио-де-Жанейро. Исходя из того, что его проведение в Бразилии является признаком придания более глобального характера формату Альянса, отхода от заданной изначально дихотомии «Запад — исламский мир».

Поддерживаем усилия ЮНЕСКО в сфере межкультурного и межрелигиозного диалога, по противодействию ксенофобии, расовой и религиозной нетерпимости. В мае 2009 года в Санкт-Петербурге прошло заседание Руководящего комитета Европейской коалиции городов против расизма, объединяющей более ста городов, в том числе два российских — Санкт-Петербург и Дербент. В декабре в Москве учреждена ассоциация «Города России за гражданскую солидарность и межнациональное согласие», основная задача которой — способствовать консолидации усилий муниципальных властей в деле профилактики проявлений ксенофобии и нетерпимости.

Ее членами стали 30 российских городов. В ноябре в Москве и Санкт-Петербурге состоялись основные мероприятия в рамках Всемирного дня философии под девизом «Философия в диалоге культур».

Международный год сближения культур в нашей стране будет отмечен целым рядом событий: пройдут фестивали музыкального, художественного и сценического творчества народов России и стран СНГ и Балтии, международные конференции и выставки. В их числе — Девятые молодежные Дельфийские игры России и Седьмые молодежные Дельфийские игры СНГ, IV Форум переводчиков, писателей и издателей стран СНГ и Балтии, V Форум научной и творческой интеллигенции стран СНГ.

Продолжаем продвигать инициативу Патриарха Московского и всея Руси Кирилла о создании Группы высокого уровня по межрелигиозному диалогу при Генеральном директоре ЮНЕСКО, которая пользуется поддержкой представителей основных мировых религий.

Генеральный директор ЮНЕСКО И. Бокова планирует также создать под своей эгидой Группу высокого уровня по вопросам мира и диалога культур, к участию в которой приглашены представители интеллектуальной и творческой элиты, бизнеса, общества и СМИ, общественные и религиозные деятели из разных стран мира.

Проблематика межкультурно-цивилизационного диалога занимает все более видное место в политической повестке дня ОБСЕ. На постоянной основе участвуем в организуемых дискуссиях в ходе мероприятий Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, в контактах с тремя личными представителями действующего председателя ОБСЕ по противодействию различным формам нетерпимости. В принятой по инициативе России, наших партнеров по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Сербии на Совете министров иностранных дел ОБСЕ в Афинах в декабре 2009 года Декларации в связи с 65-й годовщиной окончания Второй мировой войны подтверждена приверженность уважению прав человека и основных свобод, включая права национальных меньшинств, и подчеркнута опасность создания атмосферы ненависти, дискриминации и нетерпимости по этническому, расовому и религиозным причинам.

Россия поддержала настрой действующего председателя ОБСЕ — Казахстана — сделать тему поощрения межкультурного и межрелигиозного диалога одним из важнейших приоритетов своего председательства в нынешнем году. Намерены принять самое активное участие в Конференции ОБСЕ высокого уровня по толерантности и недискриминации (Астана, 29–30 июня).

В продвижении наших приоритетов в межкультурно-цивилизационном диалоге активно задействуем весомый потенциал Совета Европы. По нашей инициативе под эгидой Комитета министров СЕ проводятся ежегодные конференции по религиозному измерению межкультурного диалога. Очередная, третья конференция планируется 13–14 сентября нынешнего года в Охриде (Македония) на крайне актуальную тему «Роль СМИ в продвижении межкультурного диалога,

толерантности и взаимопонимания: свобода выражения СМИ и уважение культурного и религиозного разнообразия». Перспективным направлением для обсуждения в этом формате является вопрос о влиянии нравственно-этических предпосылок на формирование правовых норм. Намерены также продвигать идею проведения Советом Европы мероприятий по проблематике современного понимания европейской идентичности.

Среди важнейших направлений работы российской дипломатии по тематике межцивилизационного согласия — укрепление взаимодействия с исламским миром — как на двусторонней основе, так и по линии Организации Исламская конференция, включая Исламскую организацию по образованию, науке и культуре. В прошлом году начало работу постоянное представительство России при ОИК в Джидде. Продолжается деятельность созданной по нашей инициативе Группы стратегического видения «Россия — исламский мир», на пятом заседании которой в декабре 2009 года в Кувейте утверждены планы в области совместной переводческой и издательской деятельности, сотрудничества со СМИ, продвижения диалога православия с исламом.

Важную роль в укреплении межцивилизационного диалога, взаимопонимания и доверия призвано сыграть гражданское общество. Его представители должны не только давать отпор идеологии раскола мира, но и бороться с теми, кто ее исповедует. Еще более актуальная задача — выработать позитивную повестку дня межцивилизационного сотрудничества, показать общность стоящих перед всеми государствами и народами задач, перспективу формирования глобальной общецивилизационной культуры, основанной на сохранении многообразия и совместном приумножении культурных и духовных богатств человечества.

Весомый вклад в расширение контактов в данной области вносит международная НПО «Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций»», созданная по инициативе российских неправительственных организаций. В октябре 2009 года на острове Родос прошла уже седьмая сессия Форума, которая была посвящена поиску концептуальной основы сохранения структурной целостности мирового сообщества в современных условиях и перспективам формирования посткризисного мира.

Россия привержена отстаиванию высших общецивилизационных ценностей — прав человека на жизнь и свободу, на защиту от дискриминации по этническому признаку, выступает против попыток принести эти ценности в жертву политике, основанной на блоковом мышлении и двойных стандартах. Сегодняшние проблемы нельзя решать вне морали, вне общечеловеческой солидарности. Поиск общего нравственного знаменателя, всегда существовавшего в основных мировых религиях, крайне важен для развития межцивилизационного диалога, выстраивания критериев обеспечения как прав, так и ответственности личности, прав и ответственности государств.

В этих условиях все более заметна востребованность религиозного фактора в международных делах. Искать развязки актуальных проблем легче,

если удастся опереться на совпадающие духовно-нравственные ценности мировых религий. Поэтому важно, чтобы политики и дипломаты способствовали созданию благоприятных условий для дальнейшего развития межконфессионального диалога, помогающего находить точки соприкосновения, в том числе в вопросах урегулирования конфликтов, имеющих религиозную составляющую.

Сегодня, когда коллективные усилия международного сообщества направлены на преодоление глобального кризиса и поиск новых основ устойчивого общественного развития, необходимо суметь воспользоваться преимуществами глобализации и вместе с тем не допустить пагубных последствий унифицирующего глобализма.

Во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 года отмечается, что стимулируемый быстрым развитием информационных и коммуникационных технологий процесс глобализации, хотя и представляет собой вызов для культурного разнообразия, в то же время создает условия для нового диалога между культурами и цивилизациями. Будучи источником новаторства и творчества, культурное разнообразие является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущего поколений. ЮНЕСКО призывает осуществить переход к культурному плюрализму, так как, будучи неразрывно связанным с демократией, он создает благоприятную среду для культурных обменов и расцвета творческих способностей, питающих жизненные силы общества.

В начале XXI века усилились две тенденции, угрожающие культурному разнообразию и препятствующие диалогу культур. С одной стороны, современные информационные технологии, прежде всего Интернет, являются мощным каналом продвижения культурных и цивилизационных ценностей Запада. Отсутствие сопоставимых инструментов для распространения ценностей иных культур и цивилизаций ведет к угрозе свертывания культурного и информационного разнообразия мира, обеднению духовной сферы человечества. С другой стороны, крайности национального и цивилизационного самоутверждения, а тем более превосходства, абсолютизирование самобытности, попытки обособиться от общемирового культурного прогресса тоже препятствуют становлению глобальной культуры. Подобные тенденции отчетливо обозначились на пространстве бывшего «социалистического лагеря» в 90-е годы, когда русский язык как язык межнационального и межцивилизационного общения в ряде государств СНГ и Восточной Европы стал заложником политических спекуляций и амбиций. Попытки использовать национально-культурный фактор для разобщения народов мы видим в некоторых странах и сегодня.

Наша общая задача — вести дело к тому, чтобы было найдено оптимальное соотношение между самобытностью культур и цивилизаций и их открытостью к диалогу и взаимообогащению.

Россия и впредь будет всемерно содействовать продвижению всестороннего межкультурного и межцивилизационного диалога. Убежден, что это станет

реальным вкладом в усилия по построению полицентричного, демократического миропорядка, где не будет комплексов цивилизационного и любого иного превосходства, где каждое государство, большое или малое, будет жить в мире, безопасности и взаимо-

понимании со своими соседями, будет ощущать себя равноправным и уважаемым членом международного сообщества, обеспечивая своим гражданам самый широкий доступ ко всем сокровищам мировой культуры.

Н. И. Лапин¹

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И МНОГООБРАЗИЕ ЖИЗНЕННЫХ МИРОВ ЛЮДЕЙ

Организация Объединенных Наций провозгласила 2010 год Международным годом сближения культур. С одной стороны, такое сближение возможно, если имеются ценности, свойственные всем существующим культурам, то есть универсальные ценности. В этом случае необходимо их эксплицировать и стремиться к консенсусу относительно их содержания.

С другой стороны, сближение культур имеет границы, поскольку каждая культура стремится к самосохранению и воплощается в неисчислимом многообразии социокультурных сообществ и общностей, жизненных миров людей. Основание такого многообразия составляют специфические сочетания этнокультурных, религиозных, социальных, политических, экономических, профессиональных, корпоративных, гендерных, поколенческих и иных ценностей, циркулирующих в жизненных мирах.

Предстоит уяснить, как соотносятся универсальные ценности и специфические структуры ценностей жизненных миров людей. В настоящем докладе автор пытается наметить подход к изучению этого соотношения.

Универсальные ценности как культурный инвариант базовых ценностей

Чтобы достичь консенсуса относительно состава и содержания универсальных ценностей, необходимо уточнить, что такое ценности. Анализ литературы и собственные исследования позволяют автору заключить: ценности — это обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм. Они обеспечивают интеграцию общества, помогая индивидам осуществлять социально одобряемый выбор поведения в жизненно значимых ситуациях. Каждая ценность и их совокупность имеют двуединое основание: в индивиде и в обществе.

В сознании людей совокупность ценностей образует иерархическую структуру. Верхний, наиболее устойчивый ее слой составляют терминальные

ценности, или ценности-цели, заключающие в себе обобщенные представления о желаемых социальных отношениях. Ниже их расположены инструментальные ценности, или ценности-средства, то есть качества людей, желаемые для достижения терминальных ценностей — они более подвержены изменениям.

Различают базовые ценности (их два-три десятка) и предметные ценности (их сотни). Базовые ценности — это предельно обобщенные цели (идеалы) людей и столь же общие средства приближения к целям. Они сопряжены с основными потребностями людей: витальными, социализационными, интеракционными, смысложизненными. Выделяются два культурных типа базовых ценностей: традиционные и посттрадиционные (современные, либеральные). Вместе с тем имеются культурно-инвариантные базовые ценности, свойственные любой культуре; они и представляют собой универсальные, или общечеловеческие ценности.

Ниже (см. табл. 1) представлена минимальная модель базовых ценностей, которая была построена для мониторингового наблюдения за изменением ценностей населения трансформирующейся России и получила эмпирическую апробацию в пяти волнах Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России». В чем-то можно уточнить состав отобранных ценностей и их распределение по клеточкам таблицы. Например, вслед за М. Вебером ценность работы (труда) можно считать посттрадиционной. Отметим, что общительность мы интерпретируем как способность к общению, основанному на антропно-коммуникативной потребности во взаимопонимании.

Таблица 1
Минимальная модель базовых ценностей населения России

	Традиционные	Универсальные	Посттрадиционные
Терминальные	Традиция Семья	Порядок Благополучие Работа	Жизнь индивида Свобода
Инструментальные	Жертвенность Своевольность	Общительность Нравственность Властность	Независимость Инициативность

В каждом обществе формируется своеобразная структура ценностей населения, отражающая его этнические и исторические особенности. Приведенная модель опирается на данные российского мониторинга. Эти данные, фиксируя динамику ценностей населения России с 1990 года, свидетельствуют о том, что в последние два десятилетия в сознании

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии РАН, профессор Государственного университета управления, доктор философских наук, профессор социологии. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Пути России: социокультурные трансформации», «Эмпирическая социология в Западной Европе», «Общая социология», «Теория и практика инноватики» и др. Член редколлегии журналов: «Мир России. Социология. Этнология», «Человек. Культура. Личность», «Человек и культура». Лауреат Государственной премии СССР, премии им. Питирима Сорокина за лучшую работу по социологии.

россиян наблюдается рост влияния посттрадиционных и универсальных ценностей, близость их векторов. Параллельно с ними эволюционируют и традиционные ценности, имея несколько меньшую поддержку. В целом сложился толерантный симбиоз различных типов ценностей.

Как стал возможен такой симбиоз? Свидетельствует ли он об аксиологическом хаосе или же основан на своеобразном типе рациональности?

Взаимопонимание между людьми как функция жизненных миров людей и предпосылка толерантного симбиоза ценностей

Эволюция базовых ценностей населения современной России происходит в целом спонтанно, без идеологического диктата с чьей-либо стороны. Массовые интервью с респондентами в домашних условиях, используемые в мониторинге «Ценности и интересы населения России», фиксируют эту эволюцию на уровне повседневного сознания, циркулирующего в жизненных мирах людей.

Напомним, что структура ценностей образует смысловую основу взаимопонимания населения. Она формируется на стыке двух потоков ценностей: с одной стороны, большое общество, его институты и организации транслируют в региональные сообщества ценности, которым свойственна формальная рациональность (по М. Веберу); с другой стороны, первичные поселенческие общности, складывающиеся в них жизненные миры людей наполняют социокультурное пространство регионов и всего общества ценностями, которые обладают субстанциональной (по Ф. Теннису) рациональностью. Происходит столкновение двух типов рациональности: формально-целевой и субстанциональной. Это столкновение приобрело особую остроту в трансформируемом российском обществе, которое в «революционные» 1990-е годы характеризовалось высокой неопределенностью векторов трансформации и множественными рисками в большинстве его сфер.

В этих условиях задача по обеспечению взаимопонимания между членами общества получила исключительную остроту и сложность. Основной своей тяжестью она легла на жизненные миры населения, главная функция которых в том и состоит, чтобы люди, живущие в первичных, поселенческих общностях, достигали взаимопонимания, которое составляет необходимое условие эффективных коммуникаций, взаимодействий между людьми (Ю. Хабермас). Решение этой задачи оказалось возможно благодаря свойственной россиянам толерантности — в данном случае как способа практической рационализации отношения к конфликтным потокам ценностей. Взаимопониманию россиян всегда помогает богатство «концептосферы» русского языка (Д. Лихачев) как языка межнационального общения в России.

На этой почве и возник своеобразный консенсус многих россиян по отношению к культурно разнородным ценностям: практическая рациональность мотивировала «снятие» (по Гегелю) формально конфликтного соотношения ценностей, восприятие этого соотношения как некоего синтеза, фактически — толерантного симбиоза. Этот симбиоз стал

практически-рациональным ответом жизненных миров людей на аксиологический вызов остроконфликтного общества, результатом необходимых взаимодействий большинства жителей городов и сел, регионов и всего общества.

В настоящее время в России поселенческие общности представляют собой муниципальные образования. Социокультурную миссию органов управления этими образованиями как раз и должно составлять сохранение жизненных миров населения, а тем самым — поддержание солидарности людей, их активности (культурной, гражданской, экономической) и доверия органам власти. Но в большинстве муниципальных образований их администрации смутно сознают эту миссию, хотя спонтанно отчасти осуществляют ее. В результате жизненные миры поселенческих общностей испытывают возрастающее давление со стороны формализованных институтов и организаций, деформируются и оказываются под угрозой разрушения.

Правда, согласно Хабермасу, первичные территориальные общности повсеместно отстаивают свои жизненные миры, иначе стали бы невозможны взаимопонимание и совместная деятельность людей. Но такова ли реальность в России?

Культурная асимметрия общества и миссия государственных структур

В настоящее время в субъектах Российской Федерации полномочия и ресурсы федеральных органов власти преобладают над полномочиями и ресурсами самих субъектов. Это преобладание растет, нависает над собственными структурами региональных сообществ. Согласно данным федеральной статистики, с 2001 по 2006 год общая численность работников территориальных органов федеральной исполнительной власти увеличилась почти в 1,8 раза и превысила 600 тыс., что в 3 раза больше, чем работников исполнительных органов власти самих субъектов РФ. Как свидетельствуют факты, административно-муниципальная реформа 2003—2008 годов увеличила финансовую и административную зависимость муниципалитетов от государственных органов. Возросли угрозы разрушения жизненных миров людей.

Исследуя современные западные общества, Дж. Коулмен пришел к выводу, что в них макросоциальные структуры доминируют над первичными общностями и представляют собой асимметричные общества. Это с уверенностью можно сказать и о российском обществе и его регионах, которые также стали асимметричными сообществами. Существуют ли границы (пределы) этой асимметрии?

Общепризнанна необходимость разнообразия для развития культур, обществ и индивидов. Следовательно, должна быть граница асимметрии. Миссия государственных органов власти (региональных и федеральных, включая их территориальные органы) состоит в том, чтобы не нарушать допустимые границы асимметрии соотношения, с одной стороны, макросоциальных институтов и организаций, а с другой — региональных структур и жизненных миров поселенческих общностей. Необходимо противодействовать

перерастанию асимметрии в полное подавление региональных структур и разрушение жизненных миров населения. Высший смысл этой миссии государственных органов — поддерживать и возвышать фундаментальную, антропо-коммуникативную потребность людей во взаимопонимании.

Создание условий для реализации этой потребности — неременная предпосылка участия российско-го государства и всего общества в глобальном диало-

ге культур и их сближении. Взаимопонимание — не только потребность, но и универсальная ценность, которая должна утверждаться на всех уровнях глобального сообщества и каждого общества. Снижение роли этой потребности на первичном уровне жизненных миров населения страны составляет угрозу как демократии, так и безопасности государства, отодвигает его на периферию глобального диалога и сближения культур.

В. А. Лекторский¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Разные культуры с присущими им системами ценностей, пониманием человеческого достоинства, места человека в мире и социуме всегда так или иначе соприкасались друг с другом. Тем не менее до недавних пор они могли существовать до определенной степени изолированно друг от друга. Современная глобализация означает невозможность какой бы то ни было изоляции. Простая толерантность во взаимоотношениях культур (нашедшая выражение в идее мультикультурализма) не срабатывает, так как каждая культура по своей природе является экспансионистской, навязывая свои смыслы другим. Единственный путь избежать тотального столкновения культур (а такая опасность вполне реальна) — налаживание диалога между ними. Но последняя задача исключительно трудна, ибо диалог предполагает наличие взаимопонимания, последнее же невозможно без общности некоторых ценностных позиций, не говоря уже о взаимном принятии общих способов ведения рациональной дискуссии.

Между тем сегодня становится все более явным, насколько серьезно различаются ценностные представления, присущие разным культурам. Проиллюстрирую это на актуальной сегодня проблеме прав человека.

Нужно признать, что представления о правах человека сложились в рамках одной цивилизации — западноевропейской, это результат определенного опыта развития. Но данный факт можно понимать по-разному.

Можно считать, что, хотя эти права были исторически сформулированы именно в европейском контексте, они, тем не менее, выражают саму природу человека. Последняя может пониматься как укоре-

нная в высшей духовной сфере, однако имеющая биологическое происхождение, корнящееся в «естестве» человека (идея естественного права).

Другое представление состоит в том, что права человека — результат определенного пути развития цивилизации, возникшей в определенном регионе, и поэтому они не обязательны для других регионов мира. Такое представление имеет немало защитников.

Есть третье понимание — точка зрения, согласно которой право возникло исторически в определенном контексте, в рамках определенной культуры, но, тем не менее, приобрело сегодня всеобщий характер. Поэтому будущее человека в мире в целом невозможно без этих прав.

Но тогда возникает вопрос о том, как нужно понимать те или иные права человека, например такие, которые соотносят права индивида и права общества? Как понимать взаимоотношения прав и обязанностей? Между прочим, в разных культурах существуют разные понимания этого взаимоотношения.

Поэтому сегодня дискуссия вокруг понимания прав человека — это спор о разном понимании человека, его автономности, свободы, достоинства. Этого спора не избежать. Важно, чтобы он велся именно в рамках диалога, а не в виде навязывания одной системы ценностей другой (посредством экономического или политического давления или же с помощью информационных технологий).

Между тем дискуссия о понимании человека обостряется сегодня не только в связи с новым этапом во взаимодействии культур. Связанные с глобализацией новые информационно-коммуникационные технологии и биотехнологии ставят человечество перед лицом таких вызовов, при которых речь идет уже не только о разном понимании человека и его ценностях в рамках разных культур, но о самом существовании культуры и человека.

Меняется степень свободы человека, потому что современная цивилизация настолько сложна (и становится все более сложной), что возникает необходимость большего контроля над тем, что делает человек. Граница между жизнью частной и публичной постепенно размывается.

Можно привести много примеров тому, начиная с современных опытов по конструированию человеческой телесности и психики и заканчивая тем, что

¹ Академик Российской академии наук, академик Российской академии образования, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии» (Москва), доктор философских наук, профессор. Автор книг: «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре», «Философия в контексте культуры» и др. Многие его работы переведены и опубликованы в США, Великобритании, ФРГ, Франции, Финляндии, Южной Корее и др. Член Международного института философии (Париж), иностранный член Центра философии науки Питтсбургского университета (США), член-корреспондент Международной академии философии науки (Брюссель), почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук (Пекин), почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан.

вследствие растущей сложности социальной жизни, увеличения возможностей риска, роста опасности терроризма возникнет необходимость контроля над передвижением человека (нужно знать, где он находится, куда движется и т. д.). Это слежение может быть преподнесено как осуществляемое в интересах самого человека, так что люди охотно пойдут на такой контроль над ними.

Иными словами, речь идет о будущем человека, о возможности и опасности превращения человека в «постчеловека». Но в связи с этим становится понятным, что, сколь бы ни различались существующие

культуры в понимании человека, его прав и обязанностей, характера его свободы и места в мире, все они исходят из необходимости защиты человеческого достоинства, свободы человека (ибо ответственное действие ее предполагает), справедливости. Без этого нет ни человека, ни культуры.

Перед лицом вызовов «расчеловечивания» различные культуры просто вынуждены совместно, с помощью диалога искать общие ценности, ибо это единственный способ их самосохранения. Ни одна культура в одиночку не может противостоять современным технологическим вызовам.

А. Г. Лисицын-Светланов¹

РОЛЬ ПРАВА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Любой диалог — это своего рода форма общения, определенные правила и культура поведения. Все эти характеристики, присущие диалогу, реализуются в праве. Диалог мировых культур — это форма реализации международных отношений, выражающаяся в определенных правилах и отличающаяся определенной культурой поведения участников этих отношений.

Диалог культур, как и любой диалог, основывается на неких постулатах, которые по-разному могут оцениваться современниками, но со временем видятся потомками в более компромиссных тонах. Соответственно и правовое регулирование в своем историческом развитии основано на различных ценностях.

Применительно к правовому регулированию международных отношений, в широком смысле этого слова, пройден долгий исторический путь от *De Jure Belli ac Pacis* — Права Войны и Мира, как это описано у Гуго Гроция, до права Мира и Мирного сосуществования, что легло в основу учредительных документов ООН.

Диалог культур, выступающий в качестве формы международных отношений, реализуется на двух уровнях — это диалог людей как носителей культуры и диалог государств как представителей культуры.

В праве международный диалог людей выражается через частные имущественные и личные неимущественные отношения. Возникая в рамках одного государства и регулируясь его правом, они требуют признания и в других государствах, имеющих собственные правовые порядки. Отличие правовых порядков обусловлено различиями культур стран и народов.

За свою долгую историю человечество выработало механизмы взаимодействия правовых систем для регулирования данной сферы отношений. Централь-

ное место в этом механизме занимают международное частное право и международный гражданский процесс, призванные обеспечивать как признание легитимности правоотношений, возникающих в зарубежных странах, так и осуществление судебной защиты прав участников этих отношений.

Отдельные сферы правового регулирования, например правовой статус иностранцев, их процессуальные права в суде демонстрируют эффективное взаимодействие правовых систем. В этих вопросах доминирующим является принцип предоставления иностранцу национального режима. Столь же оптимистичную оценку можно дать сфере коммерческих отношений или сфере интеллектуальной деятельности, в частности признанию и защите авторских прав.

Вместе с тем в отношении других областей правового регулирования, несмотря на их многовековую историю, говорить об их совершенстве было бы ошибочным. Достаточно обратиться к такой сфере отношений, как семейные. Именно здесь наиболее полно и тонко проявляется культурное многообразие. И в то же время, как показывает практика, именно здесь наиболее остры проблемы взаимодействия правовых систем и усилий государств по созданию взаимоприемлемого унифицированного регулирования. Применительно к российской практике можно отметить конфликты смешанных браков, проблемы прав родителей по отношению к детям, проблемы усыновления.

Анализируя проблемы, существующие в этой области правового регулирования, следует отметить, что возникают они не только в контексте «диалога значительно взаимно удаленных культур», но и там, где смешанные браки — достаточно обыденное явление.

Примечательным является европейский опыт. Подготовка Гаагскими конференциями ряда конвенций по вопросам семьи и брака не сделала правовое регулирование универсальным. Возможно, решение проблем в этой сфере диалога культур следует искать не столько в выработке и принятии статутных правил, сколько в правоприменительной практике, где существенную роль в поиске компромиссов может играть судебское усмотрение.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, директор Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Международная передача технологий: правовое регулирование», «Правовые проблемы совершенствования хозяйственного механизма в СССР», «Международное частное право: современные проблемы», «Международное частное право: современная практика», «Международный гражданский процесс: современные проблемы» и др.

Диалог государств как субъектов международного публичного права — явление многоплановое. Оно охватывает различные сферы их сотрудничества. Однако современное международное право как форма международного диалога культур имеет единый подход: международное право — это продукт согласования воли государств. Только благодаря согласованию воли различных государств после Второй мировой войны удалось сформулировать общепризнанные принципы международного права, которые легли в основу послевоенного мироустройства. Эти принципы и по сей день являются основой для развития международных отношений и самого международного права.

Особое место международно-правового регулирования, обеспечивающего диалог культур, принадлежит международно-правовой защите прав человека. История наглядно показывает, что государства — члены ООН, единодушно признавая основные прин-

ципы международного права, в том числе принцип уважения прав человека, по-разному реализуют его в своем национальном праве и, тем более, в правоприменительной практике. Причем было бы ошибкой считать существующие различия преднамеренными нарушениями со стороны одних государств и эталонными действиями других.

Часто такая «эталонность» приписывается европейской цивилизации и ее правовым институтам в области прав человека. Безусловно, признавая ее гуманистический характер, нельзя не заметить, что европейская культура — это только сегмент в мировом культурном многообразии. А современный мир находится перед лицом очередного импульса развития древних цивилизаций, составляющих большую часть населения планеты. В этом контексте представляется более реалистичным межрегиональный диалог, нежели стремления и усилия по установлению общемирового взаимопонимания.

Е. А. Лукашева¹

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ИНТЕГРАЦИЯ КУЛЬТУР И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ

В нашу эпоху нет более острой темы и для познания, и для жизни, чем тема о культуре и цивилизации, об их различиях и взаимоотношениях. Это тема об ожидающей нас судьбе. А ничто так не волнует человека, как судьба его.

Н. Бердяев

Современный мир развивается под воздействием двух процессов — глобализации и самоутверждения цивилизаций. Эти процессы, как два мощных потока, иногда плавно и гармонично соединяются. Но, пересекаясь на крутых порогах, они создают турбулентные завихрения такой силы, которая может привести, а подчас и приводит к социальным катаклизмам, ставит человечество на грань катастрофы. Это естественные последствия теории «неравноценности» цивилизаций, превосходства европейской культуры, теорий «догоняющих» цивилизаций, главная задача которых состоит в том, чтобы повторить пути развития европейской цивилизации, безоговорочно принять ее ценности. В последние десятилетия европоцентристское видение мира преодолевается благодаря цивилизационному подходу. Он разрушает однообразные представления о мироустройстве, однолинейности, одномерности его развития, раскрывает своеобразие и неповторимость жизнеустройства народов различных социокультурных общностей, стремящихся к сохранению своей идентичности. В то же время такой подход позволяет увидеть те общечеловеческие обретения, которые создают условия для взаимодействия цивилизаций, их диалог помогает не

только понять иные системы бытия народов, иные способы их самоорганизации, но и уважать их.

Гуманистический смысл цивилизационного подхода состоит в том, что он снижает вопрос об иерархии цивилизаций, выстраивании их по ранжиру, делении на передовые и отстающие. В глобализирующемся мире это очень важно, поскольку диалог цивилизаций должен опираться на принципы равенства, партнерства, взаимобмена, недопустимости давления культур более сильных цивилизаций, навязывания инородных эталонов, стандартов и ценностей цивилизациям, не подготовленным к подобным инновациям.

Насильственно навязанные чужеродные ценности или бездумно заимствованные эталоны, сформировавшиеся в иной культуре, плохо приживаются на неподготовленной почве, разрушают привычные общественные связи, дезориентируют людей, вносят хаос в устоявшееся развитие. XX век показал разрушительные результаты попыток США и Советского Союза вторгнуться со своими рецептами государственных преобразований в традиционные общества Африки. И на нынешнем этапе мирового развития сохраняется давление сильных цивилизаций на развивающиеся общности. Скрытая сторона глобализации — это стремление высокоразвитых стран нивелировать религиозные, культурные, нравственные устои цивилизации, последовательное игнорирование национальных интересов, норм и традиций, стремление ограничить суверенитет государства, подогнать все цивилизационные структуры под европоцентристскую модель.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заведующая сектором прав человека Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор более 200 научных публикаций: «Общая теория прав человека», «Права человека» (учебник для вузов), «Права человека как фактор стратегии устойчивого развития», «Права человека: итоги века, тенденции, перспективы», «Права человека и процессы глобализации современного мира», «Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение» и др. Лауреат юридической премии «Фемида».

Следует напомнить глубокую мысль С. Хантингтона о том, что «Запад — странное, хрупкое, ни на что не похожее образование, которому ни в коем случае нельзя придавать статус общечеловеческого. Западный путь развития никогда не был и не будет общим путем для 95 % населения Земли. Запад уникален, а вовсе не универсален»¹.

К восприятию новых для данной цивилизации ценностей другой культуры общество должно быть подготовлено. Процессы взаимообмена и заимствования в современном мире идут постоянно, но их нельзя подталкивать, насильственно ускорять, поскольку, как свидетельствует исторический опыт, это ведет к «расщеплению» культуры (А. Тойнби), разлому, а иногда и гибели цивилизаций.

Для взаимодействия цивилизаций, их диалога необходимо представлять несущую конструкцию «цивилизации»: нормативную, социокультурную систему регуляции, включающую религию, религиозно-нравственные учения, право, мораль, политику, формы государственности, обычаи, традиции, этикет. Нормативность — это универсальное свойство самоорганизации любой общности, системы, цивилизации. Элементы, включенные в соционормативную систему, действуя на сознание, поведение, деятельность людей, создают определенный порядок общественных связей, предотвращают хаос и произвол.

Социокультурная система любой цивилизации содержит перечисленный выше каталог элементов. Однако их содержание многообразно, и это определяет различный характер, «стиль» цивилизаций. Стиль маркируется общепринятыми, выработанными веками, тысячелетиями правилами, нормативами, ценностями, значениями, символами, которые выражают своеобразие и специфику жизнеустройства цивилизаций, или «суперсистем», и передаются из поколения в поколение. Социокультурный комплекс позволяет рассматривать культуру как всеобъемлющее понятие во всех сложных проявлениях и взаимодействиях входящих в нее элементов: а) системы эталонов, ценностей, символов; б) деятельности людей, регулируемой и самоорганизуемой посредством таких нормативов; в) предметов и объектов бытия, являющихся результатом этой деятельности.

Полиформизм, как учение о многообразии культур, их способности реагировать на внешние вызовы или потребности внутреннего устройства, позволяет исследовать внутреннее движение социокультурных систем, определять основные направления и принципы взаимодействия культур и цивилизаций.

Диалог цивилизаций должен быть ориентирован на то, что элементы, включенные в социокультурную систему, обладают различной степенью и возможностью трансформации в контактах с инокультурными системами. Наиболее устойчивые — религия, мораль, традиции, верования, обычаи, обыкновения. Право, формы государственного устройства, технические и экономические стандарты обладают высокой подвижностью, динамизмом, способностью передачи и приживаемостью.

¹ Huntington S. West is Unique, and not so Universal // Foreign Affairs. 1996. Apr. 8.

Наиболее крупные «осевые» цивилизации выросли из основных мировых религий, давших импульс развитию всех основных элементов социокультурной регуляции. Понять суть культуры той или иной цивилизации можно, лишь оценив взаимовлияние и взаимодействие всех элементов, включенных в эту культуру. Отсюда вытекают различия в основных понятиях культуры: добра и зла, воздаяния за добрый проступок и наказание за грех, свободы и равенства, значимости права в воздействии на поведение человека по сравнению с другими видами нормативного регулирования, положения женщины и т. д. При одном и том же наименовании категорий они несут совершенно иную идеологическую и смысловую нагрузку.

То, что очевидно человеку восточных цивилизаций, бывает трудно постижимо для тех, кто находится в иной культуре. Равно как многие ценности и символы западной цивилизации неприемлемы для иных культур. Американский правовед Г. Дж. Берман справедливо отмечает, что в прошлом человек Запада уверенно нес свой закон по всему миру, однако в современных условиях человек Востока и Юга предлагает иные альтернативы².

Взаимодействие и взаимообмен в сфере культуры — важный шаг на пути сближения цивилизаций. Но это долгий и трудный путь, на котором очень непросто преодолевать традиционные барьеры и устоявшиеся верования.

В связи с этим важно ответить на вопросы — достижима ли цель формирования глобальной культуры, ее универсализации, и нужно ли к этому стремиться?

Думаю, что взаимодействие культур, преодоление культурных барьеров очень важно для объединения людей в решении основных вопросов мироустройства. Такое объединение должно основываться на общепризнанных ценностях, таких как:

- признание и соблюдение принципов, провозглашенных в Уставе Организации Объединенных Наций;
- утверждение веры в основные права человека, достоинство и ценности личности;
- признание верховенства права, свободы, справедливости;
- признание равенства культур различных цивилизаций;
- уважение к человеку, воспитанному в иной социокультурной общности;
- осознание необходимости бережного отношения к окружающей среде;
- взаимообмен культурными ценностями, инновациями в науке, технологиях, производстве;
- недопустимость насильственного навязывания эталонов и ценностей «сильных цивилизаций» иной социокультурной среде;
- соблюдение честных «правил игры» в мирохозяйственных взаимосвязях, исключающих использование рабочей силы и природных богатств странами «золотого миллиарда» в ущерб народам развивающихся стран;

² Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 48.

— объединение усилий для борьбы против любых экстремистских проявлений, препятствующих сохранению нормальной жизнедеятельности людей, стран, цивилизаций.

Это далеко не полный набор принципов интеграции культур. Однако создание глобальной культуры малоперспективно. Необходимо учитывать процесс «социоутверждения» цивилизаций, их стремление

к сохранению своей самобытности, присущих данной цивилизации ценностей и традиций. Несоединимое (а оно есть в каждой цивилизации) трудно подчинить глобальным процессам. Глобальная культура — это обеднение многоцветной картины мира. Объединяясь в важнейших вопросах миропонимания, цивилизационные культуры должны сохранять свою неповторимость, самобытность, своеобразие.

В. А. Макаров¹

О ВЛИЯНИИ СИНТЕТИЧЕСКИХ МИРОВ НА ОБЩУЮ КУЛЬТУРУ

Сначала надо определиться с термином. Применяются как эквивалентные следующие понятия: «синтетические миры», «искусственные миры», «цифровые миры», «виртуальные миры». В русском языке чаще используется название «искусственные миры», а на Западе — «синтетические миры», благодаря популярности книги американского профессора Кастроновы (см.: Castronova, Edward, 2005).

Вслед за Кастроновой я буду говорить о синтетических мирах как о новом феномене для познания человеком мира и самого себя и, наконец, для более осмысленного выбора человечеством своего будущего.

Поле наработанной человечеством культуры огромно. В нем зафиксированы различные интересные человеку представления о мире. В литературе, картинах художников, фотографиях, кинофильмах, музыкальных и телевизионных программах отражается либо существующий мир, либо представления о том, каким этот мир хочется видеть людям, то есть фантазии о том, как мир может быть устроен. Все перечисленное обладает одним свойством. Отраженный таким образом мир получается застывшим, мертвым. Великие шедевры культуры мы воспринимаем как что-то заданное.

Шаг к другой технологии познания мира через культуру связан с играми, спектаклями, театром в широком смысле этого слова. Здесь человек не является сторонним наблюдателем. Он — участник творческого процесса. Дети любят ролевые игры и через них лучше познают мир и реализуют свои желания. В театре актеры играют одну и ту же пьесу по-

разному. Это не точная копия, как в случае с кинофильмом или романом. В некоторых современных театрах зрители принимают участие в постановочных действиях. На концертах поп-музыки зрители танцуют, подпевают, то есть физически вовлечены в происходящее действие. Да и в древности зрители решали, оставить в живых поверженного гладиатора или нет. Несомненно, в игровой технологии человек использует больше органов чувств, больше действий для познания мира и развлечений, чем при технологии пассивного наблюдателя.

Следующий шаг — компьютерные игры. Здесь вовлеченность участников в процесс познания мира существенно выше. Игрок не знает заранее, что его может ждать на следующих ходах. Тем самым он учится предвидеть. Чем правильнее и детальнее познан искусственный мир, тем легче предвидеть и получать больше удовольствия. В играх нового поколения игрок может сам строить виртуальный мир, точнее кусочек этого мира, в котором он дальше будет «жить». И те желания и мечты, которые человек не в состоянии осуществить в реальном мире, вполне могут быть воплощены в виртуальном. Поэтому компьютерные игры столь привлекательны для молодежи, вплоть до болезненной зависимости, связанной с желанием убежать от действительности в воображаемый мир.

И наконец, наиболее интересный этап в развитии технологий познания человеком мира и себя связан с построением синтетических миров, в которых человек принимает непосредственное участие. Технологически это дальнейшее развитие компьютерных игр, в которых принимает участие множество игроков.

Для таких игр используется (ужасная!) аббревиатура — MMORPG (Massively Multiplayer Online Role-Playing Game). Эти игры бурно развиваются там, где есть широкополосный Интернет. В них принимает участие все больше игроков. Счет идет на десятки миллионов человек. Вот эти самые MMORPG и называются синтетическими, или искусственными, мирами. Причем эти миры «живые»: они постоянно изменяются, развиваются, совершенствуются, в отличие от мертвых виртуальных миров, ассоциируемых со «Звездными войнами», «Пятым элементом» или известной «Матрицей».

Возникает естественное возражение или сомнение в полезности, креативности погружения в синтетический мир. Статистические данные говорят нам,

¹ Академик Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН, декан экономического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук РАН, директор-организатор Высшей школы государственного администрирования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор физико-математических наук, профессор, почетный профессор МГУ. Автор более 300 научных публикаций: «Математическая теория экономической динамики и равновесия», «Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности», «Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия», «Россия в глобализирующемся мире. Модернизация российской экономики». Главный редактор журнала «Экономика и математические методы». Член редколлегии и редакционных советов журналов: «Economics of Planning», «Social Sciences», «Кибернетика и системный анализ», «Экономика современной России», «Науковедение», «Оптимизация» и др. Лауреат премии Совета Министров СССР, премии им. Л. В. Канторовича, Демидовской премии.

что современный человек проводит у телевизора до 3–5 часов день. Примерно столько же времени тратят заядлые любители погружения в синтетические миры. В телепрограммах можно увидеть мировые шедевры, результаты творческого подъема, то есть то, что обогащает человека — потребителя. В синтетическом мире участнику хочется «жить» полноценной жизнью, общаясь с себе подобными, а не обогащаясь шедеврами мировой культуры. Поэтому, казалось бы, в синтетическом мире человек должен оглупляться, упрощаться или (в лучшем случае) быть под влиянием создателей данного синтетического мира.

Здесь напрашивается контраргумент, идущий от известной технологии открытого кода, которая распространяется ныне на многие области. Например, широко известная интернет-энциклопедия Википедия (<http://ru.wikipedia.org>) создана и поддерживается именно с помощью данной технологии. Здесь индивидуальное творчество заменяется массовым, коллективным, и это приносит великолепные плоды.

Синтетических миров уже сейчас создано несколько десятков, поэтому у пользователя имеется выбор. Синтетические миры не универсальны, как реальный мир, — они рукотворны. Уже наметилась некоторая классификация синтетических миров в зависимости от типа пользователя. Пользователи, согласно одному из создателей первых синтетических миров Ричарду Бартлу, делятся на четыре типа:

— *исследователи*, которым интересно, как устроен мир; они его изучают, и чем мир богаче, тем лучше;

— *общественники*, для которых важно общение с другими членами общества; они выбирают те миры, где много социальных групп, городов, клубов, арен, свадеб, любителей охоты и пр.;

— *созидатели*, для кого доминантой является создание чего-либо, строительство, накопление богатства, постоянное созидание;

— *победители*, для которых главное — доминировать над другими людьми, властвовать над ними; они выбирают такие синтетические миры, где много средств борьбы, где присутствуют поединки, соревнования; для них главное — победить, как в спорте.

Обратимся к культуре. Обогащают ли ее синтетические миры? И может ли культура развиваться, обогащаться, используя инструмент синтетических миров? Я попытаюсь привести аргументы в защиту тезиса, что на оба эти вопроса можно дать положительный ответ.

Как уже упоминалось, существуют, вернее построены, разные синтетические миры. Если такой мир полон идиотизма, он примитивен как некоторые «стрелялки», и естественно что «живущий» в таком мире культурно не обогатится. Но уже имеются синтетические миры, в которых создатель будет чувствовать себя уютно — ему есть где развернуться. Появились средства создания собственных кинофильмов, картин, пьес. Можно даже породить новый вид искусства, которого еще нет в реальном мире. Фантазия создателя в таком мире имеет меньше ограничений, чем в земной реальности, и, стало быть, в нем можно ожидать таких продвижений в культуре и искусстве, которые в условиях рутинного земного существования вряд ли возникнут.

Появление нового инструмента повышает креативность. Почему фильмы Кэмерона привлекают столько внимания? Потому что у него, кроме всего прочего, есть возможность использовать такие изобразительные средства, о которых раньше даже не догадывались. Противники данного утверждения резонно замечают, что в картинах Босха не меньше чудовищ, и они не менее страшные и также сильно действуют на психику человека. Но достаточно взглянуть на эти картины, чтобы убедиться в обратном.

Но на самом деле существенное изменение произошло. В умах прежних поколений разве что Баба-Яга с Кашеем и вурдалаки олицетворяли Зло. Современное поколение воспитано на компьютерных играх и, образно выражаясь, «живет» в мире чудовищ. Сказка «Красавица и чудовище» не производит такого впечатления, как раньше. Одним словом, воображаемые миры стали ближе, сделались частью обыденного мышления.

В заключение сформулирую общий вопрос: можно ли утверждать, что информационно-коммуникационные технологии привели к качественному прорыву в области культуры и искусства, новому видению мира?..

Булгаков своим романом «Мастер и Маргарита» открыл новый способ представления мира читателю. Что-то подобное придумали и Замятин («Мы») с Оруэллом («1984»). Но этот способ стал активно эксплуатироваться и быстро потускнел. Синтетические миры — способ познания, несомненно, более фундаментальный и долговременный. К чему он приведет, покажет будущее, и отнюдь не такое далекое.

Литература

Castronova E. Synthetic Worlds. Business and culture of online games. Chicago : The University of Chicago Press, 2005.

А. П. Марков¹**МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ И РЕСУРС РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ**

В социально-культурном плане последствия глобализации весьма неоднозначны. С одной стороны, негативные аспекты этого феномена охарактеризованы в литературе всесторонне и убедительно, включая такие тенденции, как размывание национальных культур, усложнение процесса обретения личностной идентичности, ослабление культуuroобразующей роли национальных языков, массовое распространение различных форм девиантного, ненормативного и деструктивного поведения (наркомания, игровая зависимость, терроризм и т. п.). С другой стороны, современная цивилизация, погруженная в глобальное информационное пространство, концептуально меняет многие атрибуты бытия человека и мира. Информация становится уникальной онтологической субстанцией, внутри которой начинает формироваться нечто похожее на «коллективный разум» — ноосферу Вернадского. Реальным и конструктивным становится диалог культур, который переходит в плоскость индивидуальных коммуникаций ученых, в том числе и в рамках виртуальных сообществ.

Позитивной тенденцией глобализации становится интеграция человечества в сфере научного знания. Воистину глобальными стали проекты последних десятилетий в области освоения космоса, постижения глубинных закономерностей строения физического вещества, понимания биологических основ жизни и др. Особое значение данная тенденция имеет для развития гуманитарного знания — если развитие естественных наук всегда носило характер естественной экспансии новой концепции или идеи, которая легко преодолевала временные, языковые и иные барьеры, то в гуманитарной сфере ситуация была принципиально иной. До недавнего времени возможности создания глобальных гуманитарных проектов были ограничены — идеологическими границами, которые зорко охраняли ценностную базу гуманитарных наук; языковыми и пространственными барьерами; ментальным видением образа мира, который существенно модифицировал представление определенного научного сообщества не только о приоритетах исследования, но и о самом методе познания.

Сегодня этих барьеров нет. Глобализация, опирающаяся на революцию в области средств коммуникации, породила огромное информационное пространство, внутри которого стало возможным зарождение самоорганизующихся научных сообществ как носителей и творцов новых гуманитарных парадигм. «Всемирная паутина» сделала реальностью диалог культур, который способен конструктивно востребовать в рамках парадигмального знания идеи ученых различных стран и континентов.

¹ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук, доктор культурологии, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Отечественная культура как предмет культурологии», «Основы социокультурного проектирования», «Проектирование маркетинговых коммуникаций. Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность» и др.

Тенденции развития гуманитарных наук последних десятилетий свидетельствуют о том, что парадигмальная методология производства знания — это перспективная и универсальная модель существования и развития науки в глобальном мире. Парадигмальный этап методологии и структурирования научного знания связан с кризисом позитивистской методологии получения истины. Кроме того, во второй половине XX века актуализируется класс сложных социально-гуманитарных проблем, масштаб которых превышал гносеологические возможности каждой науки в отдельности².

В гуманитарной сфере одним из ярких и убедительных проектов, возникших на основе диалога культур «внутри» глобального информационного пространства, является становление и развитие культурологии — науки, исследующей культуру как целостность, а также ее антропологические проекции, то есть образы и модификации человека внутри определенного культурного пространства. С момента своего возникновения культурология структурировалась и развивалась как *совокупность гуманитарных научных парадигм, специфически объясняющих различные аспекты, уровни и грани феномена культуры*³. История культурологии в XX веке — это процесс становления и диалога различных парадигмальных моделей интеграции наук и организации гуманитарного знания, которые отличаются друг от друга по пониманию объекта исследования, методу, структуре проблемно-тематического поля.

Англо-американская культурология, немецкая философия культуры, отечественная культурология 1960—1980-х годов, исповедующая деятельностный

² В качестве примера парадигмальной организации знаний можно привести синергическую парадигму, в рамках которой была онтологизирована картина самоорганизующейся реальности, а также системно-функциональную концепцию Парсонса, который предпринял попытку структурировать на базе единой методологии различные науки обществоведческой направленности. В рамках парадигмального знания сегодня развивается биоэтика как концептуальная система знаний о пределах возможного манипулирования жизнью и смертью человека, как область междисциплинарных исследований, интегрирующая достижения генетики, биологии, медицинского и уголовного права. В России в качестве примера научных проектов интеллектуально-интегрированного характера можно назвать парадигму «синергичной антропологии», исследующую опыты «онтологической трансформации субъекта» в его движении к истине и смыслу и объединяющую не только ученых-гуманитариев, но и художников, специалистов в области фундаментальных наук. Концептуальное ядро парадигмы прописано в работах московского философа С. С. Хоружего, рассматривающего синергичный опыт преодоления замкнутой в себе человеческой природы как путь преображения и перехода в иной онтологический статус, как систему конституирующих человека практик «бытия-действия», направленных к «онтодиалогу» с Богом, приобщающих человека к Его нетварным энергиям, претворяющих «образ Божий» в «подобие» в своем существовании.

³ Внутри философского знания критериям парадигмальности в полном объеме соответствует экзистенциализм, философия культуры, а сегодня в границы культурологической парадигмы вписывается постмодернизм, в котором культурная проблематика (как в ее антропологической перспективе, так и плане бытия различных феноменов и социальных институтов) занимает значительное место.

подход, — все они соответствуют ключевым признакам парадигмы, которые в свое время сформулировал Т. Кун: во-первых, наличие сообщества ученых гуманитарного профиля, участников которого объединяет сходство понимания ключевых проблем; во-вторых, специфическая проблематизация и онтологизация особой реальности, фиксируемой категорией «культура»; в-третьих, специфический метод познания культурной реальности. Сегодня культурология продолжает свое развитие в виде активного диалога различных научных парадигм, она живет в режиме «голосов» разных эпох и стран, включая в свой состав тексты Шпенглера и Тойнби, Тайлора и Уайта, Николая Данилевского и Питирима Сорокина, идеи и концепции наших выдающихся современников А. Флиера и И. Кондакова, В. Степина и В. Межуева и многих других.

Становлению культурологии как области гуманитарного знания предшествовал этап концептуализации идеи культуры, за которым последовала экспансия данного понятия в различные науки гуманитарного цикла. Первичная концептуализация понятия культуры осуществляется в рамках антропологических исследований (в частности, в известной работе Э. Б. Тайлора «Первобытная культура», 1871). Затем термин начинает активно расширять свою географию и проникать в ткань самых разных академических дисциплин, модифицируясь под воздействием методологии той или иной гуманитарной науки.

К середине XX века «идея культуры» становится одной из ключевых категорий западноевропейской мысли. Как отметил американский социолог Стюарт Чейз, по широте приложения данная категория сопоставима с такими категориями, как гравитация в физике, болезнь в медицине, эволюция в биологии. Б. Малиновский говорит о культуре как «самой главной проблеме всех социальных наук» (1939). Культурологический контекст становится важнейшим ресурсом объяснения и понимания феноменов в рамках психологии и психиатрии, социологии и педагогики, экономики и права. Все большее культурное измерение получают исследования, выполненные в сфере аксиологии и логики, онтологии и эстетики.

Становление культурологии как науки осуществлялось в процессе диалога ученых различных стран и областей гуманитарного знания по трем ключевым проблемам:

- а) концептуализация и онтологизация объекта исследования;
- б) рефлексия по поводу специфики и сущности научного метода, его отличия от философского познания и методологии частных наук;
- в) понимание границ и содержания «проблемного поля» исследований, диалог представлений о характере и степени актуальности «болевых точек» культурного бытия человека и мира.

Условно динамику взглядов на культуру как объект познания на протяжении XX века можно представить в виде нескольких последовательно сменяющихся концептуальных моделей (или научных парадигм):

1. *Культура как «суперорганика»*, то есть совокупность элементов и частей обычая: язык и верования,

модели поведения и отношения, законы и институты, произведения и формы искусства, орудия и результаты труда.

2. *Культура как целостность* — этот концепт утверждается в первые два десятилетия XX века (историки культурологии называют этот период эпохой «возвеличивания» культуры). Онтологизируются такие объекты исследования, как культурные комплексы, культурные типы, культурные образцы, культурные сближения и контакты. Ученых интересуют вопросы рождения и развития культуры, признаки зрелости и факторы смерти. «Биографами» и «анатомами» культуры на данном этапе становятся антропологи.

3. *Культура как деятельность*. В отечественной культурологической мысли второй половины XX века антропологическая направленность была реализована в рамках деятельностного подхода — именно понимание культуры как деятельности не только определило специфику отечественной культурологической мысли, но и позволило заложить мощный фундамент развития всего гуманитарного знания (работы Э. В. Ильенкова, Ю. Н. Давыдова, Э. С. Маркаряна, Н. С. Злобина, М. С. Кагана и др.).

4. *Культура как ценность* — понимание культуры как своеобразной «духовной матрицы», обеспечивающей идентичность человека и общества, уникального механизма, благодаря которому обеспечивается самостождественность и целостность социума. В российской культурологической мысли конца XX века сохранение культуры начинает рассматриваться в качестве основы духовной безопасности общества (яркий тому пример — инициированный в середине 1990-х годов академиком Д. С. Лихачевым проект «Декларация прав культуры»).

Многообразие концептуальных (или парадигмальных) подходов — сущностная черта культурологической парадигмы с момента ее возникновения до сегодняшних дней. Можно наблюдать, как в зависимости от мировоззренческих оснований парадигмального сообщества меняется и само представление о феномене культуры как объекте исследования¹.

Изначально специфику культурологического метода познания определяла *антропологическая направленность* научных поисков (не случайно Уайт назвал культурологию формой возврата к подлинным антропологическим традициям, к методологии «сверхсоматической антропологии»). У американцев антропологизм носил подчеркнuto рациональный, утилитарный характер — стоявшие у истоков культурологической науки исследователи (в частности, Тайлор, Уайт, Кребер, Клакхон) начинали с изучения человеческого поведения, а также всего того, что его определяет и детерминирует. Смысл этих поисков —

¹ Например, культура в рамках психоанализа и культура в концепции «евразийцев» — это две разные модели культуры, но и та и другая обнаруживают свои «следы» в бытии, то есть в некотором смысле соответствуют критериям объективности. Культура в атеистическом мировоззрении понимается как условие, способ и результат самореализации личности, а культура в трудах отечественных мыслителей, работающих в рамках христианской методологии, — как условие и форма реализации человеком Божьего замысла о нем. И эти культурологические онтологии обнаруживают точки соприкосновения.

обнаружить закономерности, определяющие человеческую деятельность, определить зоны и инструменты воздействия на сознание и поведение этнических и социальных групп.

Принципиальный шаг к неутилитарному пониманию культуры как целостности, как особого символического мира, к пониманию *культуры как идеи* был сделан в рамках немецкой философии, которая завершила фундаментальное оформление культурологической методологии познания культуры как целостности и ценности (идеи В. Виндельбанда, В. Дильтея, Г. Рикерта, Э. Кассирера). В. Межуев в этой связи отмечает, что «для англичан и французов, склонных отождествлять культуру с цивилизацией, философия культуры и сегодня ни о чем не говорящее понятие»¹.

Культурология в своем развитии обнаруживает различные научные школы, концептуальные подходы и мировоззренческие особенности, которые вносят определенный драматизм в диалог ее составляющих субъектов. Они во многом определяются ценностно-нормативными особенностями той культуры, внутри которой создаются, особенностями ментальных миров исследователей. В частности, обнаруживаются существенные отличия в приоритетах и мотивации культурологических исследований, коренящиеся в традициях отечественной, американской и западноевропейской гуманитарной мысли. Речь прежде всего идет о специфике фундаментальной мотивации познания человека и мира.

Академик В. С. Степин, раскрывая генезис социально-гуманитарных наук, отмечает, что история этих наук в собственном смысле этого слова начинается только в XIX веке — в качестве **особых научных дисциплин** они конституировались в то время, «когда объектно-предметное отношение к человеку и человеческим общностям становится доминирующим», когда в культуре техногенной цивилизации «отчетливо оформилось отношение к различным человеческим качествам и к социальным феноменам как объектам управления и преобразования»².

Действительно, утилитарный аспект гуманитарного познания был характерен для западноевропейской (и особенно американской) научной традиции. И даже целенаправленные попытки выйти за грани утилитарного в область целостного знания о культуре и человеку заканчивались «эксплуатацией» результатов таких поисков в сферах, далеких от принципов гуманизма, в частности, в отработке технологий манипулирования человеческим поведением³.

В отечественной гуманитарной традиции мотивация познания была иная — в философских исканиях XIX — **начала XX века доминирует целостная онтология**, гуманистическая проблематика, традиции которой не были утрачены многими гуманитариями советского периода. Вспомним, как определял мис-

сию гуманитарных наук академик Д. С. Лихачев, — понять и осуществить гуманистическое содержание и смысл культуры, развитие которой осуществляется через хаос к гармонии, через расширение «сектора свободы» и просветление высшего смысла. Познание, считал академик, совершается не только интеллектом, но и верой, любовью, оно становится родом общения с предметом познания, способом целостного самоосуществления человека познающего.

Парадигмальные отличия обнаруживаются и в специфике культурологического метода. В рамках западной культурологической парадигмы гуманитарная мысль продолжила и развила античные традиции рационализма, которые нашли свое логическое продолжение и завершение в позитивистском методе постижения истины. Гуманитарное познание, игнорирующее духовно-нравственные аспекты бытия, постепенно утрачивает свои онтологические функции: из акта познания исключаются энергии души и сердца, оно становится рассудочным, частичным, неполным.

Парадигмальную специфику отечественной гуманитарной традиции определяли такие особенности научного метода, как целостность, гуманистическая направленность, онтологизм. Последний, по мнению П. Флоренского, есть «основание и характерное положение всей русской философии», которая рассматривает Слово, Истину как силу, изменяющую бытие людей. Подлинное, целостное познание не может оставаться только на уровне интеллектуальных положений, истинное знание всегда «сопричастно бытию». Это значит, что научный метод выступает не только способом познания, но и средством преобразования культурной реальности.

Различные методологические основания лежат в основе единого для культурологии антропоцентрического принципа. Западноевропейская традиция исповедует родившуюся еще во времена античности идею уникальности и самодостаточности личности, принцип «заботы о себе». В рамках отечественной антропологии онтологическая сущность человека содержится не в нем самом, не в его автономности — она рассматривается как производная от некоей целостности, частью которой является человек как проекция Первообраза. В традиции отечественного культурологического знания лежит стремление понять онтологические основания бытия человека как целостности, найти духовные практики самоосуществления личности.

Различия парадигмального характера внутри культурологии — это условие и предпосылка развития науки, ибо конструктивная коммуникация, как отмечал М. М. Бахтин, возможна как *диалог разностей на почве общего*. Чтобы такой диалог состоялся, необходимо расширять пространство мировоззренческой общности, сохраняя при этом концептуальное своеобразие субъектов культурологического дискурса. Общим сегодня является, во-первых, единое понимание культуры как духовной матрицы человеческого бытия, разрушение которой неизбежно ведет к гуманитарной катастрофе. Во-вторых, культурологи едины в осознании остроты проблем развития современной цивилизации, само понимание которых

¹ Межуев В. Д. *Идея культуры*. М., 2006. С. 6.

² Степин В. С. *Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты)* // *Вопросы философии*. 2004. № 3. С. 38.

³ В частности, такова судьба «гуманистической психологии» Роджерса и Маслоу, концептуальные наработки которой были использованы не всегда с благородными целями в системе менеджмента и маркетинга.

возможно только в рамках культурологической методологии, способной осуществить междисциплинарный синтез гуманитарного знания, исповедующей целостное видение мира культуры и образа человека.

Следует отметить, что культурологический курс западноевропейских и российских ученых последних двух десятилетий сближается не только в позициях относительно объекта понимания, но и в методах, понимании острейших проблем современности. Входящих в культурологическое сообщество ученых сегодня объединяет резонанс с «болью повседневности», о чем свидетельствуют многочисленные конференции и форумы последнего десятилетия (в том числе и тематика «Лихаческих чтений», серия круглых столов, организованных СПбГУП совместно с журналами «Человек» и «Вопросы культурологии»). Неслучайно в проблемно-тематическом поле современной культурологии — как отечественной, так и западноевропейской — расширяется культурно-антропологическая тематика, что вызвано прежде всего антропологическим кризисом, который переживает европейская цивилизация.

Культурологическое сообщество пытается осмыслить причины и факторы нарастающего конфликта природного и социального, катастрофического сокращения человекосоразмерной среды обитания, разрушения традиционных институтов культурной преемственности, расширения спектра деструктивных социальных практик (наркомания, терроризм, зависимое поведение), истощения человеческой энергии, питающей созидательную деятельность, утраты позитивного образа будущего и роста пессимистических его проектов.

И западноевропейские гуманитарии, и российские ученые исследуют причины антропологического кризиса, выстраивают культурологические сценарии возвращения человека к самому себе, своей глубинной природе, разрабатывают проекты обретения человеком утраченной духовной идентичности. Даже в текстах такого, на первый взгляд, далекого от культурологической методологии философа-постмодерниста, как Мишель Фуко, обнаруживаются «переключки» с онтологическими практиками христианского подвижничества, разрабатываемыми в рамках отечественной парадигмы «синергичной антропологии».

Однако «диалог разностей на почве общего» внутри культурологического сообщества не теряет своего напряжения и сегодня. В частности, остаются весьма существенные различия в оценке российскими и западноевропейскими гуманитариями вклада в антропологический кризис «текстов» европейской культуры XX века, в видении «сценариев» будущего. Нравственно оправданным «голосом» отечественных культурологов являются попытки понять и нащупать пути преодоления антропологического кризиса, который сложился в сфере гуманитарного знания (и выражается в доминировании в последние десятилетия концепций, исповедующих так называемый «негативный антропологизм»). К сожалению, следует признать, что высокий нравственный пафос западноевропейской социально-философской мыс-

ли на исходе XX века сменился интеллектуальной и моральной агонией постмодернизма, объявившего о «смерти человека». Даже конструктивная в своем истоке экзистенциально-ориентированная линия в философском знании в итоге переродилась в философию тоски, уныния и отчаяния, то есть в проект разрушения духовных основ личности¹.

Сегодня мы видим, что воистину вначале было Слово — вначале человек был «разобран» на «атомы» внутри гуманитарного знания, а уже потом стал утрачивать целостность и распадаться в плоскости бытия. В частности, сегодня подвергаются сомнению основополагающие принципы жизни, касающиеся прав человека самостоятельно распоряжаться своим телом и жизнью (в этом плане характерны дискуссии вокруг права на самоубийство, эвтаназию, на манипуляции с органами, тканями и частями тела человека), допустимых границ поведения, обусловленного репродуктивными потребностями и сексуальными девиациями.

Именно «гуманитарная разборка» образа человека приблизила антропологический кризис, последствия которого могут быть не менее серьезными, чем те печальные события, которые произошли после того, как человек разобрал атом на частицы и на этой основе сотворил фантастическое по разрушительной силе оружие массового уничтожения. Сущностная связь гуманитарной сферы и мира реального еще раз подчеркивает великую миссию Слова о человеке и культуре, говорит об ответственности тех, кому дано это Слово — дано призванием, статусом, талантом. Отечественную культурологию в этой связи можно рассматривать в качестве конструктивной альтернативы тем направлениям гуманитарного знания, которые исповедуют «негативный антропологизм» — она пытается собрать «образ человека», измельченный и раздробленный в рамках специализированного гуманитарного знания, в сферу ее интересов входят ключевые проблемы бытия личности как субъекта культуры.

Сегодня отечественная культурологическая парадигма — это своеобразная метанаука, существующая в междисциплинарном пространстве диалога, в остром проблемно-тематическом «фокусе», стягивающем «энергии» различных гуманитарных наук. Ее специфика состоит в реабилитации онтологической линии в познании. Культурология обеспечила конструктивную координацию гуманитарного знания, выработала, как показало время, эффективные способы «подключения» науки к значимым для жизни человека и общества сферам деятельности. Как форма и результат интеграции различных областей гуманитарного знания, она существенно отличается (и по методу, и по предмету, и по тематике) от тех наук, которые «втянуты» в ее проблемное поле. В рамках культурологии исследуются принципиаль-

¹ Похожий путь прошла и психология, которая начинала как наука, изучающая душу со всеми ее проявлениями — любовь, вера, разум, совесть, — в итоге она стала изучать механизмы, реакции, то есть не целое, а части души человеческой (образно говоря, части «труппа» души). Эту тенденцию еще Э. Фромм отметил в работе «Психоанализ и религия». Попытки реанимировать гуманистическую ветвь в западной гуманитарной мысли не нашли своего развития.

но иные горизонты бытия человека и общества, недоступные пониманию в рамках классических наук гуманитарного цикла.

Развитие отечественной культурологической парадигмы осуществляется сегодня в глобальном информационном контексте, который предоставляет неограниченные возможности для коммуникации ученых-гуманитариев. «Всемирная паутина» стала

Идея глобального мира утверждалась многие столетия. Но в XX веке, когда появилась возможность охватить жизнь людей единым взглядом в масштабе тысячелетий и в пространстве всей планеты, общность исторического движения стала очевидной. Тенденции универсальности этого процесса можно увидеть в межгосударственных и межнациональных экономических и политических взаимодействиях, свободном движении в области достижений технической цивилизации, в информационных связях всех точек Земли на основе новейших средств коммуникации и т. д. С легкостью пользуясь шенгенской визой и общеевропейской валютой, мы ощущаем на себе реалии этого процесса.

Глобализация охватывает и область культуры, более того, проявляется даже в такой сложной сфере, как искусство. Вместе с тем в достаточно распространенных сегодня представлениях о новом мировом порядке, в котором могут укорениться единая для всех система образования, общая философия, религия и искусство, таится не только прекрасноточная наивность, но и потенциальная опасность. Недаром Пушкин, определяя лицо каждой нации, выделил три важнейших обстоятельства: климат, вера и образ правления. Утрата национальных особенностей, сформированных тысячелетиями, чревата серьезными потерями.

Общий мир для всего человечества, несомненно, предполагает единство культуры, но не единственность некой универсальной ее модели, главенства которой можно достичь только насильственно. Разная природная среда с присущими только ей цветовой гаммой, звуками и запахами, несходные климатические условия, особые традиции жизненного уклада и менталитета определяют культурное многообразие. Существенный признак культуры — не только национальные, но и региональные особенности. Мировая культура принадлежит человечеству,

¹ Губернатор Санкт-Петербурга. С 1972 года на комсомольской и партийно-хозяйственной работе. Избиралась народным депутатом СССР, возглавляла Комитет Верховного Совета СССР по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства. С 1991 по 1998 год — на дипломатической службе. Была послом в Республике Мальта. Чрезвычайный и Полномочный Посол. С 1998 по 2003 год работала заместителем председателя Правительства РФ, полномочным представителем Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе. С 2003 года — губернатор Санкт-Петербурга. Член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, член Совета при Президенте РФ по развитию информационного общества в Российской Федерации.

для культурологии ресурсом развития и пространством осуществления глобальных гуманитарных проектов, она сделала диалог культур реальностью, превратив его в живую коммуникацию идей, концепций и глубинных мировоззренческих позиций, определяемых спецификой национальной культуры, ментальными особенностями и традициями отечественного гуманитарного знания.

В. И. Матвиенко¹

ПЕТЕРБУРГ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

как русская, французская, японская культура. Или как культура римская, флорентийская, венецианская, московская, петербургская, владимирская...

Мировая культура — не самоочевидный факт наличия культур разных стран и народов. Главное — это взаимообмен и взаимовлияние, поскольку мировая культура — не суммарный итог, но живой процесс развития, предполагающий со стороны всех его участников толерантность и взаимодоверие.

Открытость Петербурга чужой культуре — одно из важнейших условий его становления, декларированное еще Петром I. Архитектурный облик города немыслим без творений Растрелли, Росси, Кваренги, Трезини, Монферрана. Основу петербургского балета составили сценические сочинения француза Пети-Пети. Многие немецкие актеры своими регулярными представлениями в Северной столице способствовали зарождению российской театральной публики. С оперой Петербург познакомился с подачи итальянцев, гастролировавших на берегах Невы еще во времена Анны Иоанновны. Петербургская культура, как губка, впитывала европейское искусство, исподволь обретая собственное неповторимое лицо.

Нужно ли говорить о роли петербургской культуры в мировой культуре? Достаточно упомянуть прозу Достоевского, музыку Мусоргского, Чайковского, Стравинского, Шостаковича, наши музеи и всемирно известные пригородные парки. Несомненно, они стали достоянием мировой культуры, так как миллионы туристов приходят в восторг от того, что видят в нашем городе.

На свете немного городов, место которых в мировой культуре определяется целостностью образа, — Париж, Лондон, Рим... В этом ряду по праву занимает свое место Петербург. Еще в 1922 году была издана книга Николая Анциферова с замечательным названием — «Душа Петербурга». Уникальный архитектурный облик города породил эту метафору, которая распространилась и на поиски метафизических характеристик Петербурга как средоточия духовных исканий.

Город — сложная система, включающая не только памятники и театры, но и производство, торговлю, социальную организацию, природный ландшафт, рядовые жилые дома... Здесь живут петербуржцы. Культуру города нельзя сводить к понятию «среда» (даже с уточнением «культурная»). Культура — целый *жизненный мир*. Понимаемая таким образом, она не

просто соотносится с человеком — он является ее *органической частью*.

Наши всемирно знаменитые белые ночи — это природное или культурное явление? Вопрос не праздный: в Петрозаводске ночи такие же белые, а в Мурманске они еще белее. Петербургские белые ночи неотделимы от пушкинского «Медного всадника», «Белых ночей» Достоевского, четких профилей шпилей Адмиралтейства и Петропавловского собора, словно тушью начертанных на ночном небе. Знаменитые строки С. Я. Маршак:

Давно стихами говорит Нева,
Страницей Гоголя ложится Невский,
Весь Летний сад — «Онегина» глава,
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

тяготее к буквальному смыслу, а не к метафоре. Это городская реальность, *бытийные* характеристики Петербурга.

XX век породил новые характеристики. Мужество ленинградцев, выдержавших 900-дневную блокаду, — этот великий духовный символ города тоже феномен мировой культуры. Седьмая симфония Шостаковича, для ленинградской премьеры которой отзывали музыкантов с фронта, прозвучала в США в сезоне 1942–1943 годов свыше 60 раз — подлинно духовное явление далеко не только на уровне нотного текста. Однако таким же символом человеческого духа и достоинства является невероятный факт сохранения семенной коллекции Института растениеводства: изможденные голодом сотрудники института сохранили тонны зерна. Две сотни зажигательных бомб, сброшенных на Публичную библиотеку, были погашены едва державшимися на ногах хрупкими женщинами, спасшими 20 миллионов книг, которые мы читаем сегодня.

Образ города немислим вне этих фактов (а их бесчисленное множество!). В истории Петербурга — Петрограда — Ленинграда — вновь Петербурга значимо каждое звено. Блокаду выстояли ленинградцы, и «Ленинградскую» симфонию Шостаковича нельзя переименовать в «Петербургскую». Сам факт возвращения городу его прежнего имени — знаменательнейшее событие в истории нашей страны.

В культуре города прошлое — его будущее. Этот парадокс воплощен в сегодняшнем дне Санкт-Петербурга. Множество музыкальных фестивалей, рожденных на нашей земле, связаны с прекрасной архитектурой нашего города: «Дворцы Санкт-Петербурга», «Музыкальный Эрмитаж», «Музыка Большого Эрмитажа», «Площадь искусств», а также с именами выдающихся композиторов-классиков: «Гаврилинский фестиваль», конкурс им. С. С. Прокофьева, фестиваль им. А. П. Петрова. Интересны и фестивали, проводимые консерваторией, и уже вошедшие в историю фестивали Мариинского театра. Это та коренная связь с культурой прошлого, которая обеспечивает продуктивное развитие музыки и музыкального театра в настоящее время.

То, что Петербург — город музыкальный, знает любой школьник: концертных организаций, музы-

кальных театров, инструментальных, хоровых коллективов здесь немало. В последнее время в лидеры стали выходить фестивали, посвященные развитию одного музыкального инструмента: исполнительский конкурс «Золотая арфа», карильонный фестиваль, конкурсы органистов и контрабасистов, объединяющие усилия музыкантов всей планеты, предоставляют возможность для развития музыкального искусства, обмена творческой энергией между талантливыми исполнителями. Проведенные в Петербурге, они способствуют насыщению ауры творчества, которая окружала наш город с самого его рождения.

Петербургское культурное пространство действительно распахнуто. В это «окно в Европу» веет ветер не только европейский, но и мировой. Судите сами: фестивали «Японская весна в Санкт-Петербурге», швейцарского короткометражного кино, «Новое польское кино», «Окно в Нидерланды», Неделя Германии в Санкт-Петербурге, «Балканское театральное пространство», Дни Кракова, Индии, корейской культуры, Недели кино Финляндии и Бразилии, Дании, мероприятия в рамках празднования 30-летия партнерских отношений с Осакой (Япония) и множество других встреч с мировой культурой и искусством насыщают воздух нашего города особенной атмосферой, прочерчивают духовные силовые линии. От них исходит новая животворная энергия, свежий ветер новых форм и идей.

Празднуя свое 230-летие, Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства (которая является старейшим в Европе государственным театральным вузом!) впервые вышла на улицы Санкт-Петербурга: с огромных рекламных щитов на горожан в течение нескольких месяцев смотрели знакомые всем лица — Сергея Юрского, Нины Ургант, Андрея Толубеева, Игоря Владимирова, Алисы Фрейндлих... Горожане с приятным удивлением обнаруживали свою сопричастность этим замечательным актерам, потому что смотрели фильмы и спектакли с их участием и запомнили их на всю жизнь. А когда студенты Академии театрального искусства вышли на Невский проспект в карнавальном шествии, их принадлежность городу и его жителям уже не вызвала никакого сомнения: они — часть общего культурного пространства Петербурга, только самая молодая, непредсказуемая и потому многообещающая. Забавная подробность: в шумном разноцветном театральном шествии вместе со студентами бодро несли плакаты «Театр жив!» ректоры многих театральных вузов Европы, прибывшие в Петербург на симпозиум, посвященный проблемам мирового театрального образования.

Петербургские театры победно шагают по городам Европы в рамках проекта «Петербургский театральный сезон» — Прага, Берлин, Хельсинки рукоплескали петербургским актерам, восхищаясь их талантом и мощной театральной школой.

Для того чтобы связь времен, культурных традиций не нарушалась, необходимо протянуть руку молодежи и вовлечь ее в процессы культурного строительства, в область постижения искусства как одного из средств общения и самопознания современного человека. Международный Брянцевский фестиваль

детских театральных коллективов, ежегодно проводимый Театром юных зрителей им. А. А. Брянцева, объединяет детские театральные коллективы: «Рождественские встречи на Моховой», придуманный Академией театрального искусства фестиваль художественного творчества детей-сирот стран СНГ «Кастальский ключ» и многое другое. Они кропотливо и настойчиво работают с детьми во имя будущего России. Ибо духовность возможно взрастить с помощью непреходящих ценностей культуры и искусства, постигаемых в атмосфере подлинного творчества.

Петербург активно участвует в европейских проектах. Интересный эксперимент под названием «Ночь музеев» стал важной приметой майской жизни Санкт-Петербурга. Тысячи людей, пересекая город на бесплатных автобусах, в одну из белых ночей могут посетить три, четыре, пять музеев, соревнуясь друг с другом. Спортивный азарт у части ночных посетителей музеев перерастает в устойчивый интерес к живописи, графике, скульптуре, в осознание того, что искусство способно взволновать и дать пищу для ума и сердца.

Важнейшая особенность жизни культуры — принципиальная неразделимость прошлого, настоящего, будущего. Эту черту культуры глубоко чувствовал, переживал как факт собственной жизни Дмитрий Сергеевич Лихачев — первый почетный гражданин Санкт-Петербурга. Самое далекое прошлое благодарно переживалось им как настоящее, но настоящее и будущее составляли для него предмет постоянных размышлений, душевной боли и гражданского пафоса, никогда не покидавшего этого тихо говорящего человека, казалось бы, всем своим обликом подчеркивающего приватность своей жизни. Невозможно не процитировать его слова из книги, обращенной к молодежи: «...память — это не сохранение прошлого, это — забота о вечности».

Память в одинаковой мере стремится к сохранению прошлого для вечности и будущего для будущего, чтобы оно тоже, в свою очередь, не ушло и служило вечности.

Память — это форма воплощения вечности и преодоления времени¹.

Эти слова — хороший повод для раздумий и одновременно вектор практического существования человека в культуре.

В заключение следует сказать о проблемах, которые тревожат. Их решение далеко не всегда зависит от городских властей. В статье уже говорилось о состоянии культуры города, реальных достижениях в этой области: музыкальные и театральные фестивали, премьеры, художественные выставки, творческие конкурсы, многочисленные и разнообразные мероприятия для детей. Но культуру могут характеризовать и другие показатели: преступность среди молодежи, коррупция, которая вышла на первое место в правовой сфере, в области медицины и образования, то есть именно там, где профессия по своей природе неотделима от миссии нравственного служения людям. Студенты вузов, в том числе и гуманитарных, многие петербургские юноши и девушки, ни разу в жизни не были в театре. Не стоит обращаться к социологическим данным для доказательства очевидного факта: совокупный, культурный потенциал населения города стал ниже.

Всеобщая декларация прав человека гласит: «Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе, пользоваться его благами». А если нет потребности в этом участии? Если нет финансовых возможностей? Крупные капиталистические города характеризуются постоянно усиливающимся разрывом между культурным уровнем разных групп населения. Может ли город что-либо сделать, пытаясь сгладить драматическое противоречие между правами человека и возможностями их реализации? У мегаполисов немало общих проблем, и мэры этих городов регулярно встречаются для их решения.

Существуют вопросы, которые нуждаются в культурологическом осмыслении. Как соотносится Петербург с городом, давно переросшим его границы? Может быть, этих пределов нет, просто Петербург обретает некое новое качество? Могут ли сохраниться устойчивые составляющие понятия «петербургская культура» при неизбежно нарастающем разнообразии городской среды? Не избавила ли город его пресловутая провинциальность от неизбежной столичной суетности? Подобных вопросов много, возможно, на X Лихачевских научных чтениях какие-то из них получат ответы, сразу породив новые вопросы.

В. М. Межуев²

НА ПУТИ К УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

За последние годы термин «цивилизация» получил в нашей философской и общественно-поли-

¹ Лихачев Д. С. Раздумья. М., 1991. С. 146.

² Главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, доктор философских наук, профессор. Автор ряда научных публикаций; в т.ч. книг: «Современное знание о культуре», «Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему», «Культура и история (проблема культуры в философско-исторической теории марксизма)», «Идея культуры. Очерки по философии культуры», «Между прошлым и будущим. Избранная социально-философская публицистика» и др., учебных изданий: «История культурологии», «Философия культуры. Эпоха классики», статей по

литературе широкое распространение, что во многом объясняется отказом от прежнего — формационного — членения исторического процесса по чисто экономическому основанию. По мнению большинства ученых-обществоведов, «цивилизация» — наиболее емкий термин для обозначения основных границ, разделяющих современное человечество.

философии культуры и философии истории; философии политики. Член Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ.

Можно спорить о том, где проходят эти границы, но нельзя отрицать сам факт их существования.

Сама по себе идея множественности цивилизаций не нова. Сформулированная еще в XIX веке Н. Я. Данилевским, она затем была положена в основу «постижения истории» О. Шпенглером и А. Тойнби (при всем различии их концепций). В таком виде эта идея была поддержана рядом наших отечественных историков и культурологов. В советские времена о теории «локальных цивилизаций» писали С. Н. Артановский, Э. С. Маркарян, некоторые другие исследователи. Правда, с распадом СССР эту теорию стали воспринимать у нас чуть ли не как последнее слово исторической науки¹. Под нее «подверстают» и Россию, которую принято называть сегодня особой цивилизацией, отличающейся от всех остальных.

Соответственно научно несостоятельной считается идея цивилизации как единого и универсального для всего человечества способа его существования. По словам А. Тойнби, «тезис о «единстве цивилизации» является ложной концепцией», существующей в головах историков, находящихся «под сильным влиянием социальной среды»². Ее источником, как он считает, является экономическая и политическая унификация мира под воздействием современной западной цивилизации. Подобную унификацию, ставшую следствием экспансионистской политики Запада в его стремлении к мировому господству, не следует выдавать за создание «единой Цивилизации». Претензия Запада на мировую гегемонию несостоятельна хотя бы потому, что игнорирует культурные особенности стран и народов за пределами западного мира, имеющие для них более фундаментальное значение, чем экономика и политика. «Тезис об унификации на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и к поразительному сужению исторического кругозора»³.

С тезисом Тойнби о том, что экономическую вестернизацию (сейчас бы сказали «глобализацию») нельзя выдавать за единую и универсальную цивилизацию, можно было бы согласиться, если бы под вопрос не ставилась сама возможность существования такой цивилизации. Именно в культуре (а не в экономике и политике) Тойнби видит доказательство ее невозможности. Казалось бы, и здесь он прав. Никто не будет спорить с тем, что культуре противопоставлена всякая унификация, подгонка под общий образец. А поскольку культура для английского исто-

рика — практически синоним цивилизации, понятен и его вывод об уникальности любой цивилизации, включая западную.

Мнение о неустранимости разделяющих разные цивилизации культурных барьеров поддерживается в наше время большинством авторов, пишущих на данную тему. Число цивилизаций может меняться, на смену одним приходят другие, но само их раздельное существование остается неизменным. И нет такой силы в мире, которая могла бы преодолеть эти барьеры, слить воедино разные цивилизации.

Подобному мнению противостоит, казалось бы, происходящий на наших глазах процесс глобализации. Именно на глобализацию ссылаются авторы, отстаивающие идею универсальной цивилизации⁴. Однако нельзя не видеть, что способность экономических и информационных систем выходить не только за национальные, но и за цивилизационные границы включает в себе новые исторические вызовы, угрожающие человечеству. Ведь именно на этих границах формируются мощные очаги антиглобалистского движения с их фундаменталистскими или леворадикальными лозунгами. Создаваемая глобализацией напряженность в отношениях между Западом и другими регионами мира заставила ряд исследователей, начиная с того же Тойнби, заговорить об угрозе столкновения цивилизаций. По их мнению, нарушение границ между цивилизациями чревато более тяжелыми потрясениями (вплоть до международного терроризма и ядерной войны), чем даже те, которые вызываются нарушениями национально-государственных границ.

Что можно противопоставить угрозе такого столкновения? Ответом на этот вопрос стала идея *диалога цивилизаций*, которую сегодня активно обсуждают ученые, политики, деятели науки и искусства из разных стран и регионов мира. Примером такого обсуждения может служить изданная под эгидой ООН книга «Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями» с участием интеллектуалов из 18 стран мира. По их общему мнению, «диалог — это надежный инструмент для построения новой парадигмы глобальных отношений. Диалог — это самый первый шаг, который дает нам чувство сопричастности, ибо, общаясь с другими и слушая других, мы делаем первый шаг на пути к нашей общности»⁵. Чуть позже и в России появилось значительное число публикаций, посвященных этой же теме⁶.

Принимая в целом идею диалога как наилучшего способа межчеловеческого общения, необходимо, однако, более внимательно разобраться в приро-

¹ Примером может служить изданный в 1998 г. сборник статей «Русско-славянская цивилизация: исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности» (М., 1998). Составитель этого сборника Е. С. Троицкий, причислив всех теоретиков локальных цивилизаций (от Н. Данилевского до А. Тойнби и О. Шпенглера) к людям, совершившим «научный подвиг», призвал в заключение «взять на вооружение его (Данилевского — В. М.) выводы» (С. 20) в качестве основополагающего метода исторического познания. При этом он упустил из виду критику этой теории другими выдающимися русскими философами — прежде всего Вл. Соловьевым.

² Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1992. С. 81.

³ Там же.

⁴ В наиболее разработанной форме идея прямой связи между процессом глобализации и становлением единой цивилизации представлена в недавно вышедшей книге Н. В. Мотрошиловой «Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов» (М., 2010).

⁵ Аристе Л., Ашрави Х., Абулмагд А. Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями: пер. с англ. / под ред. С. П. Капицы. М., 2002.

⁶ См., напр.: Диалог цивилизаций. Повестка дня / сост. и общ. ред. В. И. Толстых. М., 2005; От диалога цивилизаций к сотрудничеству и интеграции. Наброски проблемного анализа / под общ. ред. С. С. Сулакшина. М., 2006; Диалог культур в глобализирующемся мире. Мировоззренческие аспекты / отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов. М., 2005. Отдельных монографий и статей на эту тему великое множество.

де этого типа коммуникации. Здесь не все так ясно, как может показаться на первый взгляд. Что следует понимать под диалогом? Какой именно тип общения заслуживает такого названия? Любая ли цивилизация приемлет диалог и готова к нему? И что нужно сделать, чтобы такой диалог мог вообще состояться?

Потребность в диалоге возникает не в любой цивилизации, а лишь в той, где отдельный индивид осознает факт своего родства не только со своим видом (племенем, народом, нацией и пр.), но и со всем человечеством в целом. Именно в такой цивилизации впервые рождается идея человечества как единого рода. Подобное сознание отсутствует на более ранних ступенях развития, на которых индивид еще не отличает себя от своего вида, полностью сливаясь с ним. Люди не сразу осознали, что все они — братья по разуму или чему-то еще. Лишь освободившись от непосредственной сращенности с коллективом, с которым они связаны своим происхождением, осознав себя относительно автономными существами, обладающими правом индивидуального выбора своей культурной идентичности, они проникаются чувством личной сопричастности с людьми иной крови и культуры.

В этом наглядно проявляется особенность человеческой природы в отличие от любой другой. Таксономической единицей человеческого рода является не вид (как у животных и растений), а *индивид*. И только индивиду дано сознание своей принадлежности не только к определенному виду, но и к роду (то есть к человечеству в целом), благодаря чему он начинает испытывать потребность в диалоге с представителями другого вида. Диалог, следовательно — способ не межвидового, а *межиндивидуального* общения. Виды в диалог не вступают. Для вида все другие виды либо не существуют, либо воспринимаются как чуждые и враждебные ему. Даже то, что называют дружбой народов, — не совсем точное понятие. Дружат не народы, а люди, представляющие разные народы, способные на индивидуальном уровне выходить за рамки своей видовой (племенной или этнической) идентичности, возвышаться до осознания своей принадлежности ко всему роду человеческому.

Цивилизация, в которой люди обретают право индивидуального выбора своей культурной идентичности (что равносильно их свободе), только и может считаться *универсальной*. По мере того как это право распространяется на все более широкий круг людей, возрастает и степень универсальности цивилизационного развития, целью которого является не абстрактное тождество индивидов, в котором все на одно лицо, неотличимы друг от друга, а их бытие в качестве неповторимых в своей уникальности, непохожих друг на друга индивидуальностей. Инди-

видуальное есть синоним универсального. Индивид становится индивидуальностью в качестве не «абстрактного индивида» или частного лица (частного собственника или наемного работника), а универсального существа, равного целому, свободно распоряжающегося всем богатством человеческой культуры. Только такая индивидуальность нуждается в диалоге, и только она способна жить в универсальном мире.

В этом смысле правильнее говорить не о диалоге цивилизаций, а о *цивилизации диалога*, которая только и способна объединить людей в общемировом масштабе. В ней каждый, независимо от своего происхождения и места проживания, обретает право на свободный выбор своей культурной идентичности и, следовательно, на участие в диалоге, ибо свободный выбор (в отличие от навязанного или принудительного) реализуется только в процессе диалога с другими людьми. В качестве общественной связи и способа общения людей диалог в наибольшей степени характеризует природу человеческой универсальности. Возможно, люди так никогда и не придут к единой и общей для всех системе ценностей, то есть к согласию в том, что считать для себя хорошим и плохим, истинным и ложным, прекрасным и уродливым, но важнее любого согласия является стремление отстаивать свою правоту посредством не насилия, а диалога. Универсальная цивилизация, если когда-нибудь и состоится, будет отличаться от предшествующих ей только одним: возникающие между людьми разногласия и противоречия (которые, конечно, никуда не исчезнут) будут разрешаться в ней посредством не силы, а переговоров, то есть свободной и открытой для всех дискуссии.

Универсальная цивилизация не ликвидирует границы, разделяющие разные культуры, но позволяет каждому свободно переходить через эти границы, перемещаться из одного культурного пространства в другое, осуществляя при этом собственный поиск и выбор того пространства, в котором он хотел бы жить. Она делает подвижными границы не между культурами, а между людьми, связывая их не какой-то единой и обязательной для всех культурой, а правом каждого быть в культуре тем, кем он пожелает, следовательно, его открытостью, толерантностью к любой существующей культуре. Отношения людей внутри такой цивилизации — это всегда отношения равенства, партнерства между разными культурами. В этих отношениях любая культура имеет шанс стать «моей культурой», а граница между «моим» и «не моим» полагается исключительно свободой личного выбора. Поэтому цивилизация, делающая каждого человека лично ответственным за свой культурный выбор, только и заслуживает названия универсальной цивилизации.

Э. В. Митрофанова¹**РОЛЬ ЮНЕСКО В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ И СБЛИЖЕНИИ КУЛЬТУР**

Ежегодные научные встречи в городе на Неве, у истоков которых стоял выдающийся российский филолог, академик Д. С. Лихачев, стали признанной в мире площадкой для дискуссий по актуальным международным проблемам для представителей научной, политологической и интеллектуальной элиты из многих стран.

Как Председатель Исполнительного совета ЮНЕСКО, Постпред России, я рада, что в повестку данных Чтений среди центральных вопросов включена тема «Национальные государства и мировые институты: взаимодействие на путях становления глобальной культуры». Думаю, что именно пример деятельности нашей организации лучше всего проиллюстрирует мировые процессы, отраженные в постановке этой темы, обсуждение которой мы продолжим на секционном заседании во второй день Чтений.

Убеждена, что в рамках нашей секции Лихачевских чтений моим коллегам — послам и постпредам при ЮНЕСКО — предоставляется хорошая возможность поговорить о теоретических и практических подходах к решению проблем, встающих перед нашим общим культурным будущим, а если будет такая заинтересованность, то и осветить позицию их стран по наиболее актуальным международным вопросам.

Не сомневаюсь, что с учетом количества и высокого уровня иностранных представителей, принимающих сегодня участие в дискуссиях, речь пойдет главным образом об отношении стран — членов ЮНЕСКО к перспективам *культурного разнообразия, сближения культур и межкультурного диалога*, входящих в число приоритетов этой организации. В условиях глобализации и вызванной ею миграции людей две параллельно существующие проблемы — сохранение культурного многообразия и культурной самобытности, с одной стороны, и развитие межкультурного диалога, с другой — приобретают невиданные ранее важность и остроту.

Как я уже отмечала на различных форумах, на нынешнем непростом этапе мир по праву ожидает от ЮНЕСКО разумных и взвешенных решений, направленных на укрепление доверия, терпимости и взаимопонимания, для чего, собственно, она и была создана.

В XXI веке миссия ЮНЕСКО актуальна более чем когда-либо: содействовать всеобщему уважению к «плодотворному культурному разнообразию», то есть разделить со всеми позитивный образ разнообразия, что означает больше, чем просто его признание, поскольку это создает систему связей между нациями, сообществами, группами и людьми. С этой точки зрения плодотворное культурное разнообразие

рассматривается как уникальный возобновляемый ресурс, призванный привести к осмысленному решению проблем будущего на основе оценки положительной роли культурного разнообразия и диалога с целью построения доверительных межкультурных отношений в интересах устойчивого всеобщего мира.

Осознавая роль культуры в современном, быстро меняющемся мире, Генеральная ассамблея ООН объявила 2010 год Международным годом сближения культур и возложила на ЮНЕСКО координирующую роль в его проведении, рассчитывая на бесценный опыт организации в деле укрепления взаимопонимания между людьми и знаний друг о друге.

Международный год сближения культур призван продемонстрировать положительные черты культурного многообразия посредством признания важности культурных обменов и связей между представителями различных культур, возникших на заре человечества. Он также подразумевает включение принципов диалога и взаимного изучения в политику, особенно в сферах образования, науки, культуры и коммуникации, в целях устранения искаженных представлений о ценностях других культур и стереотипов, убедительно доказывая важную роль культурного разнообразия в обогащении человеческого общества.

Год будет отмечен целым рядом событий и в России: пройдут фестивали музыкального, художественного и сценического творчества народов России, стран СНГ и Балтии, международные конференции и выставки. В их числе — Девятые молодежные дельфийские игры России и Седьмые молодежные дельфийские игры СНГ, IV Форум переводчиков, писателей и издателей стран СНГ и Балтии, V Форум научной и творческой интеллигенции стран СНГ.

Первым мероприятием Года в ЮНЕСКО стало создание Группы высокого уровня по вопросам мира и диалога между культурами.

В состав международной группы, впервые собравшейся в феврале в Париже, входят известные интеллектуалы, политические и религиозные деятели всех континентов. Перед ними стоит задача осмыслить и предложить новые пути построения мира, основанного на справедливости, уважении прав человека, гендерном равенстве и солидарности в условиях глобализации и возникающих проблем, таких как изменение климата, использование ограниченных ресурсов, сочетание этических и экономических факторов. Цель Группы — средствами образования, науки, культуры, информации и коммуникации распространять идею всеобщего мира.

Напомню, что нами в свое время была выдвинута инициатива создания Группы высокого уровня по межрелигиозному диалогу при Генеральном директоре ЮНЕСКО, в которую вошли представители основных мировых религий. В ходе Международного саммита религиозных лидеров в Баку 26–27 апреля состоялась очередная встреча Группы, в работе ко-

¹ Председатель Исполнительного совета ЮНЕСКО, Постоянный представитель России при ЮНЕСКО, Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор экономических наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам экономического сотрудничества.

торой приняла участие представитель Генерального директора ЮНЕСКО.

Россия содействует усилиям по демократизации международных отношений, делает все, чтобы каждое государство могло рассчитывать на достойное место в сообществе наций. Этот подход продиктован особенностями исторического пути России, который включает многовековой опыт мирного сосуществования различных культурно-религиозных традиций в рамках единого государства.

Наше концептуальное видение роли религиозного фактора в мировой политике связано с необходимостью сопрягать подходы к актуальным международным проблемам с базовыми ценностями основных мировых религий, составляющими духовно-нравственную основу общечеловеческой солидарности. Без учета этих принципов трудно добиться справедливого решения насущных вопросов мирового развития на подлинно коллективных и правовых началах, создать атмосферу доверия и взаимопонимания в отношениях между государствами в эпоху глобализации, в условиях нарождающейся многополярности, когда конкуренция приобретает межкультурный масштаб.

Залог успешного межкультурного, межкультурного и межрелигиозного диалога — терпимость. Она является одним из основных критериев приверженности человека, общества и государства ценностям демократии, устойчивого развития, сосуществования народов в согласии друг с другом в условиях взаимного уважения верований и обычаев, отличающихся от собственных убеждений.

ЮНЕСКО прилагает активные усилия, чтобы уважение к культурному разнообразию и межкультурный диалог, на развитие которого мы рассчитываем, заняли уверенное место в международной поли-

тической повестке дня. Исходя из этих соображений, усилия организации направлены на поддержание всемирного разнообразия как процесса, а не конечного продукта, через подлинный диалог, который необходимо постоянно поддерживать и развивать.

Несмотря на то, что мир становится все более взаимозависимым и взаимосвязанным во всех сферах жизни на глобальном уровне, отношения между людьми, нациями и культурами все еще нуждаются в укреплении. В последнее время нарастают непонимание, недоверие и страх. На фоне широко распространенного чувства уязвимости существует острая необходимость поиска новых способов сохранения мира на национальном и международном уровнях.

В тексте Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 года записано: «Стимулируемый быстрым развитием информационных и коммуникационных технологий процесс глобализации, хотя и представляет собой вызов для культурного разнообразия, в то же время создает условия для нового диалога между культурами и цивилизациями». А также: «Будучи источником новаторства и творчества, культурное разнообразие является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущего поколений». И еще: «ЮНЕСКО призывает осуществить переход к культурному плюрализму, так как, будучи неразрывно связанным с демократией, он создает благоприятную среду для культурных обменов и расцвета творческих способностей, питающих жизненные силы общества».

Надеюсь, что наши дискуссии послужат этим благородным целям, а пребывание в Санкт-Петербурге оставит у гостей России неизгладимое впечатление. Благодарю за внимание и желаю коллегам плодотворной работы!

Кинхиде Мусьякодзи¹

КОНФЛИКТ И СОТРУДНИЧЕСТВО: ВОЗМОЖНЫЙ ВКЛАД ВОСТОКА

1. Введение.

Противопоставлять Запад Востоку или, в более широком смысле, Не-Западу при обсуждении различий значения, которое вкладывается в смысл понятий «конфликт» и «сотрудничество» — непродуктивное занятие. На самом деле, и на Западе, и на Не-Западе существует так много различных толкований этих терминов, что противопоставлять друг другу два разных региона мира, наверное, бессмысленно.

Кроме того, постмодернистская критика модернистских западных эпистемологических конструкций, которая определенно включает понятия «конфликт» и «сотрудничество», не может привести

к сколько-нибудь конструктивным результатам. Существующие на Востоке альтернативные конструкции этих двух понятий не должны быть использованы для того, чтобы подвергать деконструкции соответствующие западные концепты. Такая деконструкция имеет смысл только в том случае, если ведет к поиску лучших способов конструирования эпистемологической системы, которая делает мир более благоприятным местом для жизни. Восток может иметь иные определения «конфликта» и «сотрудничества». Это только доказывает тот факт, что и на Западе, и на Востоке такие понятия формируются обществом при определенном соотношении сил, отличным в двух частях мира. Это не означает, что это приведет к деконструкции западных понятий.

Тем не менее, возможно и полезно задать следующий вопрос. Существуют ли на Востоке понятия, дискурсы или эпистемологические подходы, которые могли бы оказаться полезны для выделения отдельных аспектов «конфликта» и «сотрудничества»,

¹ Директор Центра азиатско-тихоокеанского партнерства Университета экономики и права (Япония), вице-директор Университета ООН по региональным и международным исследованиям, профессор. Автор работ "An Introduction to Peace Research", «Политическая и культурная подоплека конфликтов и глобальное управление», "Japanese Foreign Policy in a Multipolar World", "Behavioural Sciences and International Politics" и др.

не адекватно изученных западной гуманитарной и общественной наукой в понимании того, каким образом люди сосуществуют, ссорятся и живут вместе? Если бы имелись такие эпистемологические подходы к этим двум связанным понятиям, которые способствовали бы лучшему пониманию мира и путей его совершенствования, было бы полезно выделить такие подходы. Это могло бы принести пользу не потому, что эти подходы имеют восточные корни, а потому, что научному сообществу необходимо обогащаться, усваивая старые идеи, которыми прежде пренебрегали из-за их «экзотического» происхождения [1].

В этом докладе будет приведен пример, в котором различные подходы к двум рассматриваемым терминам, обнаруженные в одной части *Pax Sinica* (мира Восточной Азии), могли бы способствовать лучшему пониманию того, как положительное или отрицательное поведение людей делает мир более спокойным и безопасным местом для жизни. Повторим, что целью нижеизложенного не является дать стандартное толкование того, что эти термины означают для всех в этом огромном мире, где такое огромное множество различных философских течений конфликтовали и сотрудничали многие тысячелетия. Мы хотим только подчеркнуть, что существует отдельное направление, которое отличается от стандартного толкования этих терминов на Западе. Мы были бы рады узнать от наших западных коллег, что подобные подходы существуют и на Западе, даже если эти взгляды разделяет небольшая часть ученых и их немногочисленные последователи.

Несомненно, это сделало бы межкультурный диалог, который мы ведем в Международной ассоциации политических наук, более полным.

2. Западная и восточная эпистемология.

Следующее описание того, как «конфликт» и «сотрудничество» рассматриваются в *Pax Sinica* (Мире Восточной Азии) [1], определяемом как Центральное государство и подчиненные ему территории (то есть страны, воспринявшие китайскую цивилизацию с ее этическими концепциями, поддерживающие ее миропорядок, а также основные эпистемологические принципы ее мировоззрения), не может считаться «объективным» описанием сотни цветов, которые расцвели в нем за более чем 3 тыс. лет его существования, в течение которых имело место множество интеллектуальных споров и множество философских школ конкурировали в получении знания. Мы сопоставим эти черты с господствующими взглядами западной эпистемологии путем создания идеальных типов, в веберовском понимании этого термина, чтобы подчеркнуть возможную пользу, которую могут принести эти подходы в деле осмысления конфликта и сотрудничества.

Мы выстроим наш идеальный тип на основании китайской классики. Национальность автора (а он японец) обязательно окажет влияние на то, как он будет толковать содержащиеся в ней мысли. Мы считаем, что это принесет пользу, так как мы получим толкование с окраины мира Восточной Азии. Мы надеемся, что периферийность этого подхода сделает идеальный тип более интересным, так как она обозначит то, какое влияние идеи конфликта и сотруд-

ничества имеют на весь *Pax Sinica*, в том числе и такую его окраинную часть, как Япония.

При конструировании идеального типа мы примем в качестве предпосылки (грубой и приближительной), что Запад склонен считать сотрудничество и мир добром, а не-мир и конфликт злом. Существуют две взаимодополняющие традиции, которые объясняют эту дихотомию в терминах морали или патологии. Ибо и не-мир, и конфликт являются нежелательными состояниями мира, причина которых — противоречия. Первая традиция выносит моральное суждение и осуждает конфликт, в то время как вторая воздерживается от нравственных суждений и видит в этом патологическое состояние мира. «Сотрудничество» как противоположный полюс определяется как хорошая и здоровая ситуация. Таким образом, западный подход сочетает осуждение плохих людей, чьи плохие решения становятся причиной конфликтов, с попыткой разрешить конфликты путем лечения системы.

На первый взгляд кажется, что, несомненно, эти два подхода — единственные рациональные способы рассмотрения конфликта и сотрудничества. Однако дихотомия разделяет состояния мира на две взаимоисключающие «группы» «хороших» и «плохих» поступков, «здоровья» и «болезни». Такое разделение на черное и белое ведет к осуждению и порицанию плохих лидеров, которые совершили плохие деяния. Без такого дихотомического нравственного подхода к «конфликту» и «сотрудничеству» невозможно введение наказания за нарушение прав человека. Так что этот подход оказывает положительное влияние на современный миропорядок и гарантирует правовые рамки его демократического развития. Дихотомия, располагающаяся между болезненным «конфликтом» и здоровым «сотрудничеством», способствовала созданию различных баз данных конфликтов, которые соответствуют определенным типам «конфликтов», определяют их характеристики, причины и следствия. Стало возможным собрать такие данные только потому, что исследователи считали, что существует четкое разделение между болезнью и здоровьем, и что состояние болезни имеет определенное начало и недвусмысленный конец.

Признав ценность западного подхода, мы все же хотели бы исследовать иной идеальный тип этики и эпистемологии. Тот, в котором добро и зло, здоровье и болезнь выступают не как взаимоисключающие полюсы, а скорее как континуум лучших или худших, более или менее здоровых состояний мира и состояний человеческого разума.

Действительно, в этическом и эпистемологическом пространстве *Pax Sinica* порядок и беспорядок — полярные понятия. И все же восприятие этих двух состояний мира отличается от западной дихотомии по следующей причине.

В Китае существует множество философских школ, но все они используют два основных понятия «Тянь» и «Дао». Хотя эти два концепта и толкуются по-разному, считается, что они представляют собой трансцендентные моменты перехода, где все создается через синтез базовых элементов «инь» и «ян». Согласно «И-Цзин», в переводе «Книги перемен», инь

и ян являются противоположностями друг друга и в то же время являются частями друг друга, превращаются друг в друга¹ и таким образом представляют собой циклический путь — «дао», где взлеты сменяются падениями, мягкое состояние мира чередуется с твердым состоянием.

Поэтому «конфликт» и «сотрудничество» — это не добро в сравнении со злом и не болезнь в сравнении со здоровьем. Согласно этой эпистемологии, они определяются как состояния мира, в которых содержатся аспекты инь и ян, постоянно трансформирующиеся один в другой. Важной характеристикой этого подхода к «конфликту» и «сотрудничеству» является то, что он диалектически сочетает два неясных онтологических принципа, которые делают полярными различными секторы реальности; кроме того, этот подход предполагает, что сложное взаимодействие между двумя принципами представляет собой мир, полный непрерывных последовательностей и разрывов, которые понимаются как постоянно изменяющиеся состояния. Нельзя сказать, что это — деление на белое и черное, поскольку единственное, что представляется черным и белым в мире — это полярность между инь и ян, которая никогда не проявляется в отрыве от иных подобных полярных аспектов различных сочетаний.

Таким образом, эпистемология, разработанная в *Pax Sinica* Восточной Азии, не находится в прямой оппозиции к западной дихотомической эпистемологии. Фактически, она столь же дихотомична, но она не дает определений состояниям мира в рамках континуумов более или менее хорошего или плохого, или более или менее здорового или болезненного [3]. Эпистемология инь и ян — бинарная цифровая, а не аналоговая. Тем не менее она рассматривает мир путем сравнения его различных континуумов как сложную комбинацию различных бинарных аспектов, так же как современная компьютерная технология переводит аналоговый мир звуков в компакт-диск путем сложной комбинации бинарных сообщений. Этот пример приведен здесь, чтобы развеять ошибочное представление, что Восток — это Восток, а Запад — это Запад, и их встреча невозможна. Самое современное применение западной информатики в технологии компакт-дисков имеет много общего с традиционной китайской эпистемологией инь и ян.

В настоящее время Запад воспринял эпистемологические конструкты *Pax Sinica*, особенной популярностью пользуется конфуцианство, этические позиции которого более понятны для Запада; это происходит потому, что в конфуцианстве особое внимание уделяется «правильному» или «добродетельному» порядку, в котором принцип ян помогает установить дихотомию между хорошим и плохим, несмотря на скрытые инь-аспекты любого действия, в котором нехорошие, недобродетельные характеристики скрыты в каждом из них за очевидной нравственностью ян. Это особое внимание аспекту ян соответствует политической и цивилизационной программе конфуцианства, которая заключается в построении

Порядка при господстве ян и подчинении ему инь. Женщины подчиняются мужчинам, дети — родителям, подданные — хозяевам и т. д.

В противоположность конфуцианству, даосизм, особенно мыслители, представляющие его метафизическое направление — Лао-Цзы и Чжуан-цзы, подчеркивает господство «инь» над «ян» [4]. Противопоставление этих двух школ не следует понимать статически. И конфуцианцы, и даосы верят в постоянно изменяющийся мир, находящийся во власти сложных взаимодействий двух принципов. Различие между этими двумя направлениями состоит в том, что для первых иерархический Порядок, основанный на превосходстве ян над инь, все время наполнен всплесками инь-факторов, что превращает Порядок в беспорядок на микро- и макроуровнях. Правитель, представляющий собой высшее проявление принципа ян, то есть Тянь = Неба, должен быть заменен, если у него накапливаются инь-проявления недобродетельного поведения. Это революционный принцип «смены Небесного мандата». Небо определяет путь Человека в соответствии с универсальной этико-ритуальной нормой поведения «ли» и универсальным Разумом, управляющим вселенной: «ли». Этот подход имеет и отличия, и функциональные сходства с Западной этикой. Сходства обнаруживаются в том, что касается определений, даваемых конфликтам и сотрудничеству. Различия — в том, что касается контекстуально-обусловленной эпистемологии, в то время как современная западная эпистемология в своем универсализме и формализме не принимает во внимание контекст [5].

Конфликт — это плохое и болезненное состояние, в то же время сотрудничество — это хорошее и здоровое состояние, поскольку согласуется с контекстуально-независимыми принципами хорошего поведения и Разума; сотрудничество — хорошее и здоровое явление, поскольку признает превосходство ян над инь. Это сходство делает конфуцианскую этику такой популярной среди западных интеллектуалов и средств массовой информации; некоторое время особый интерес вызывал конфуцианский путь индустриального развития. Наша цель заключается в том, чтобы определить подход к конфликту и сотрудничеству, отличающийся от западного, и помочь дополнить его. Поэтому конфуцианство не представляется для нас такого интереса, как даосизм, эпистемология которого демонстрирует совсем другие характеристики, позволяющие нам развить довольно интересный эпистемологический подход к «конфликту и сотрудничеству».

Для даосов пассивные аспекты мира и человеческие добродетели, представленные принципами инь, так же как хаос, который является их матрицей, представляют собой путь, который необходимо пройти для правильного руководства. Все аспекты ян любой реальности и любого поступка основаны и являются производными от инь-аспектов. Небо, ян *par excellence*, должно быть дополнено Землей, принципом инь. Ничто не может произойти без их взаимодействия.

Таким образом, конфликт и сотрудничество воспринимаются даосской эпистемологической традицией с точки зрения, которая полностью отличается

¹ Их зависимость и неразделимость выражены в известном китайском символе «инь—ян» включением частей одного внутри другого. — *Прим. пер.*

от современного западного подхода, или, если быть более точным, является идеальным типом, предложенным выше. В отличие от конфуцианской школы, даосизм считает, что социальные отношения между инь и ян идут от инь к ян, а не от ян к инь, и таким образом придает отношениям между сотрудничеством и порядком интерпретацию диаметрально противоположную конфуцианским формулировкам. Согласно даосскому толкованию, сотрудничество между различными парами социальных статусов успешно, если человек, занимающий высокое положение, уважает того, кто имеет низкий социальный статус.

Это то, что утверждается в «Учении Лао-Цзы» в гл. 35. В современную эпоху демократии и прав человека конфуцианскую этику трудно принять, поскольку она выстраивает контекст сверху вниз, где ян управляет инь, мужчины — женщинами, а правитель — подданными. Иной, и поэтому гораздо более приемлемой представляется даосская эпистемология, построенная на контексте снизу — вверх, от инь к ян, что готовит нас к существующим контекстам неравенства лучше, чем контекстно-необусловленная западная эпистемология.

Конфликт также рассматривается совершенно не так, как на Западе и в конфуцианском подходе; отличие состоит в том, что конфликт не содержит ни дихотомии хорошего/плохого, ни дихотомии здорового/больного. Миф об императоре Хаосе из «Чжуан-Цзы» дает нам представление о конфликте и разрешении конфликта, основанное на той точке зрения, что он порождается измерением ян и что его можно разрешить путем усиления измерения инь [6].

Согласно этой легенде, император Хаос пригласил двух императоров Севера и Юга. Чтобы отблагодарить его за гостеприимство, два примиренных императора решили подарить Хаосу органы восприятия, так как у него их не было. Каждый день они по очереди вырезали на его лице два глаза, два уха, две ноздри и один рот, а по прошествии семи дней царь Хаос умер. Этот миф позволяет сделать два вывода. Первый заключается в том, что, чтобы быть в хороших отношениях с двумя конфликтующими сторонами, нужно быть Хаосом, в абсолютном состоянии инь — неспособным видеть, слышать, ощущать запахи и вкус; второй — что Хаос не может существовать под воздействием факторов ян, которые оказывают на него влияние через органы чувств.

Хотя нам, живущим в условиях абсолютно противоположной эпистемологии, и эмпирической, и рациональной, трудно понять эти выводы, они учат нас, что конфликты — результат влияния факторов ян, которые побуждают действующих лиц (императоров Севера и Юга) бороться за то, что они видят, слышат, обоняют и ощущают на вкус, так что единственный способ примирить их требует вмешательства третьей стороны — инь, которая не обладает этими способностями ян. Посредническое вмешательство с целью примирения не означает необходимости обособлять хорошее от плохого, а здоровое от болезненного. Оно подразумевает трансформацию арены действия, или контекста, в обстоятельства, свободные от или, по крайней мере, сводящие к минимуму воздействия препятствий, порождаемых ян, и вызы-

вающих жажду власти и жадность. Хаос — не только мифический император, но и соответствующая ему эпистемологическая реальность — погибает, когда ему не удастся сохранить свою инь-обособленность и приходится выйти во враждебный эпистемологический мир факторов ян.

Этот даосский эпистемологический подход к «конфликту и сотрудничеству» уходит корнями в И-Цзин, Книгу Перемен, которая является классическим текстом, чей авторитет признается не только даосами, но и конфуцианцами. Эта книга определяет эти два понятия в контексте системы человеческого взаимопонимания, которое изоморфно системе согласия Вселенной, построенного на фундаментальной полярности Неба и Земли. Несмотря на рационалистское представление об этой книге как о «гадании», эпистемологическая система, которая развивается в ней, представляет большой интерес. Она пытается обозначить различные состояния Вселенной, которые и создают соответствующий контекст для различных человеческих ситуаций; для того, кто ищет альтернативную классификационную систему «конфликта и сотрудничества», эта книга полна уроков.

3. Конфликт и сотрудничество в И-Цзин.

И-Цзин выделяет различные ситуации, в которых специфические комбинации инь и ян создают контекст и формируют различные человеческие ситуации в рамках инь—ян контекста человеческих отношений. Действительно, необходимо ли предпринимать какие-либо действия в ситуациях конфликта и сотрудничества — основной вопрос для предсказателя, а также и для автора Книги Перемен [7].

В случае с конфликтом и сотрудничеством (вопрос, интересующий нас) различные контекстуальные модели конфликта и сотрудничества представлены элементом гексаграммы, состоящим из двух суб-элементов. Один из них символизирует Небо, другой Землю тремя парами символов инь—ян. Каждый соответствует Небу—Земле—Человеку.

Таким образом, эта модель, называемая «гексаграммой», выглядит следующим образом:

Инь или Ян
Инь или Ян
Инь или Ян

Инь или Ян
Инь или Ян
Инь или Ян,

где каждый X может приобретать две формы, ИНЬ или ЯН. Это приводит к появлению 64 различных комбинаций:

$$(2^3)^2 = 64.$$

Каждая из 64 моделей представляет собой мировой контекст, в котором осуществляются действия людей. Прочтение этих моделей затруднительно само по себе. Кроме общего значения модели, которое определяется шестью парами инь—ян, воспринимаемых вместе, существуют различные прочтения трех пар верхней стороны «Неба» и нижней стороны «Земли», которые необходимо читать по отдельности, а затем толковать как единое целое. Кроме этого второго типа прочтения, существует третий,

изучающий различные пары рядов, которые взаимосвязаны, например, первый ряд верхнего и нижнего субэлемента.

Таким образом, эпистемология И-Цзин основана на контекстно-обусловленной эпистемологии, предполагающей, что все состояния Вселенной, в рамках которых происходит человеческая деятельность, сводятся к 64 моделям. Однако модели, представленные гексаграммами, соответствуют различным динамично развивающимся, а не статичным состояниям системы. Эти состояния могли бы быть обозначены как хорошее и плохое, здоровое и болезненное, поскольку каждая модель представляет собой сложные комбинации хороших и плохих, здоровых и болезненных сил, которые и являются контекстом, в рамках которого данная деятельность всегда имеет положительные и отрицательные аспекты. Действующее лицо «свободно» в выборе пути, но целесообразность такого выбора зависит от сложного контекста, в рамках которого происходит действие. В определенных ситуациях целесообразно быть агрессивным или напористым, в других — быть пассивным и воздерживаться от демонстрации собственных желаний и свободной воли.

Конфликт и сотрудничество с точки зрения западной эпистемологии являются отдельными состояниями и результатом свободных решений, принимаемых действующими лицами, которые действуют в системах в здоровых состояниях «сотрудничества» или болезненных состояниях «конфликта»; эпистемология И-Цзин определяет «сотрудничество» и «конфликт» как размытые подгруппы вышеупомянутой сложной системы контекстуальных моделей. Современная западная эпистемология стремится к определению универсальных принципов, единых для всех конфликтов и сотрудничеств, избавляясь, насколько это возможно, от разнообразия, вводимого различными онтологическими контекстами. И-Цзин же основан на эпистемологии, задачей которой является прочтение онтологических контекстов, в рамках которых конфликт и сотрудничество могут быть частями различных динамичных процессов, при этом один и тот же выбор, сделанный действующими лицами, может привести к разным ситуациям. Поэтому мы можем определить эту эпистемологию, которая преобладает в странах *Pax Sinica*, как «контекстно-обусловленную» эпистемологию, в отличие от современной западной «контекстно-независимой» эпистемологии.

Контекстно-обусловленная эпистемология И-Цзин представляет конфликт и сотрудничество в рамках сложных контекстов, и это делает толкование двух понятий отличным от обоих характерных для современной западной эпистемологии подходов: как от моралистического, так и от подхода, оперирующего понятиями здоровья и патологии.

Прежде всего, И-Цзин и, в более широком смысле, даосская традиция, не дает никаких нравственных оценок доброте людей, которые действуют сообща, и злу тех, кто разжигает конфликты. Хороший поступок или плохой, уместный или неуместный, зависит от контекста, то есть обстоятельств или ситуации, в которой данное действие происходит. И-Цзин —

это не что иное, как классификационная система из 64 гексаграмм, которые определяют контекстуальные ситуации, в рамках которых определенные действия можно считать плохими или хорошими. Поэтому мы использовали термин «контекстно-обусловленный», чтобы подчеркнуть особые характеристики эпистемологии мира Восточной Азии (*Pax Sinica*) по сравнению с современным Западным миром. Конфликты неотделимы от здорового состояния сотрудничества. Существуют различные контексты конфликтов, которые не следует путать друг с другом. Некоторые из них являются неизбежным окончанием бесконфликтных ситуаций, другие — также неизбежные подготовительные состояния для новых состояний сотрудничества.

Тай (泰 Мир) [8], например, определяется как состояние сотрудничества между Небом и Землей, что создает контекст, в рамках которого люди в позиции ян и в позиции инь сотрудничают друг с другом. В гексаграмме Тай три инь располагаются над тремя ян. Земля над Небом. Кажется, что это перевернутая ситуация, представленная автором И-Цзин как состояние мира, где чи (космические энергии) Неба накапливаются снизу вверх, а чи Земли спускаются сверху вниз. Крупные народы располагаются под малыми народами, и это приносит сотрудничество и мир.

Фу (否 стагнация) [9] представлена гексаграммой, обратной тай, в ней три ян находятся сверху трех инь. Это означает, что Небо находится над Землей, нормальное состояние для рационального западного интеллектуала. Однако И-Цзин видит в этом ситуацию, в которой чи Неба возвышается, а чи Земли тонет, оставляя людей между ними в смятении, крупные народы ведут себя заносчиво, а малые народы становятся более зависимыми. Это ведет к недостатку сотрудничества между людьми, исполняющими взаимодополняющие роли.

В Тай совместные действия могут быть хорошими или плохими, в зависимости от контекстуальных обстоятельств: если у вас нет ни с кем конфликта интересов, вы можете попытаться перейти реку вброд вместе со всеми, кто участвует в сотрудничестве; тем не менее, когда фаза тай подходит к концу и появляются новые тенденции дисгармонии, вам следует ограничить себя, защищать свою землю и воздержаться от новых занятий. Даже во время Фу, когда ученый муж окружен людьми немудрыми, если он действует по приказу правителя, а не самостоятельно, он все же может спокойно сотрудничать с другими мудрецами. Так что сотрудничество и конфликт — не хороши и не плохи сами по себе. Все зависит от контекста и от того, как вы приспособитесь к нему.

Кстати, конфликт в И-Цзин можно определить и наблюдать в различных формах, в зависимости от контекстуальной ситуации. Мы обнаруживаем «сонг» (訟 конфликт) [10], гексагон, в котором три ян находятся поверх инь—ян—инь, что символизирует Небо над водой, правители несговорчивы, а подчиненные — неотесанны. Сонг — это неблагоприятная модель, в которой ученый муж должен всегда с осторожностью выбирать время для начала новой деятельности.

Ему следует просить совета у незаинтересованных мудрецов. Конфликт — это также состояние распада. Гексагон под названием буо (剥 распад, расщепление) [11] состоит из пяти инь, поверх которых один ян располагается в ненадежной позиции. Ученые мужи должны проявить сдержанность. В противном случае их спокойствие будет нарушено немудрыми людьми. Если кровать ломается, человек, спящий в ней, тоже падает. Однако, если мудрец не спит на одном ложе с глупцами, он может избежать падения.

Совершенно иная конфликтная ситуация создается, когда период разрушения подходит к концу и может начаться восстановление. Тогда гексаграмма называется фу (復 возвращение) [12]. Пять инь поддерживаются одним ян в нижней позиции. Когда контекст конфликта находится в этом положении, все еще нецелесообразно предпринимать поспешные действия, но пришло время соединиться с добродетельными людьми (то есть сотрудничать) и выразить свою мысль, не впадая в крайности. Конфликт может стать началом обновления.

Гексагон ге (革 вращение) [13] представляет собой такой контекст с одной инь и двумя ян сверху в верхней триаде, и одной инь между двумя ян в нижней. Это борьба между огнем и водой. Действия не должны совершаться поспешно, но когда настанет время, действия должны быть решительными. Ученые мужи меняют свои позиции по мере того, как меняется время. Другие гексаграммы, относящиеся к конфликтным обстоятельствам, преподают различные уроки о том, как действовать и когда приступать к сотрудничеству в различных контекстных ситуациях (заметим, что сотрудничество также возможно в ситуациях конфликта), но мы не будем в них углубляться, так как объем доклада ограничен.

4. Новый интерес к контекстуальной обусловленности.

Из всего сказанного выше стало понятно, что подход к «сотрудничеству и конфликту» не обязательно принимает такую же форму, какую он принял в современной западной интеллектуальной истории. Оказывается возможным развить совсем иной эпистемологический подход, как, например, в мире Восточной Азии (*Pax Sinica*), особенно в И-Цзин и в даосской традиции, которая толкует этот текст с позиции инь. Основное различие состоит в том, что в западной эпистемологии эти два понятия представляют собой взаимоисключающие состояния системы, включая хороший и плохой выбор, сделанный заинтересованными действующими лицами, что приводит к тому, что вся система становится либо здоровой, либо больной.

Эта позиция основана на не обусловленной контекстом эссенциалистской эпистемологии, которая характерна для современного Западного мира со времен Просвещения. Рациональный подход к «сотрудничеству и конфликту» заключается в том, чтобы дать независимое от контекста определение двух взаимоисключающих понятий, которое будет обоснованным при прочих равных условиях. Исследователи и те, кто планирует политику, стремятся создать и применить не обусловленную контекстом теорию, действующую в любой ситуации и при любых усло-

виях. Такая эпистемология необходима для социального порядка, основанного на равенстве индивидумов, для которых является общим набор универсальных ценностей, и должна применяться без разграничения контекстуальных условий. Это также основа позитивистских общественных наук.

В противовес современному Западнему миру *Pax Sinica* выработал в высшей степени иерархический социальный порядок, при котором, как мы убедились выше, пары ролей создают контекст, в рамках которого ожидаются определенные действия от действующих лиц. Эти предполагаемые действия зависят от контекста, в котором действующие лица оперируют. То, что разрешено в одном контексте, запрещено в другом. Контекстно-обусловленная этика была разработана и сопровождалась соответствующей эпистемологией.

Нетрудно выдвинуть аргумент о том, что такая этика недемократична и что контекстно-обусловленная эпистемология не развивает контекстно-независимые универсальные понятия, представляющие собой основу научного исследования, рационального планирования и принятия решений. Как мы указали выше, однако, полезно было бы задаться вопросом: может ли контекстно-обусловленный подход служить дополнением контекстно-независимому подходу в социальной этике, в научном исследовании, при планировании и принятии решений. К счастью, на Западе растет осознание этого факта.

Во-первых, что касается контекстно-обусловленной этики, нравственное решение, основанное на заданных парах вертикальных ролей, родители ~ дети, муж ~ жена, правитель ~ подданный и так далее, безусловно, является недемократичным, когда акцент делается на превосходстве высшей роли над низшей, как, например, в конфуцианстве. Когда акцент делается на низшей роли — детях, жене, подданных и так далее, как в даосизме, — важно принимать во внимание контекст, чтобы обличать несправедливые поступки, совершаемые человеком в более высокой позиции по отношению к человеку, занимающему более низкое положение. То, что феминистки настаивают на необходимости учитывать гендерную проблематику, — это типичный пример того, как радикальная демократия требует от каждого гражданина понимания контекста.

Я использую термин «радикальная», потому что традиционный подход к демократии предполагает, что все «люди» равны при главенстве универсальных ценностей, то есть при не обусловленном контекстом режиме демократии.

Таким образом, не только в случае с феминистками, стремящимися построить контекстуально-обусловленное общество, неправильно ассоциировать демократию с не зависящим от контекста универсализмом и считать контекстуальную обусловленность характеристикой недемократических обществ, не соответствующих современности. Те, кто так считает, и пытается «демократизировать» не-западные общества, совершают большую ошибку. То, что существование особых социокультурных контекстов в этих обществах не принималось во внимание, а также попытки применить не обусловленные кон-

текстом демократические западные институты, такие как «свободные выборы» на основе партийной системы, во многих случаях привело к трагедиям.

Именно так случилось с рядом африканских стран, где ООН провела выборы, которые отразили только относительную количественную значимость различных этнических групп, так как модель голосования зависела от этнического контекста. Эти выборы только утвердили господство многочисленных этнических групп над малочисленными. Предположение, что избиратели будут голосовать согласно своим необусловленным контекстом личным предпочтениям, оказалось неверным и непродуктивным.

Интересно отметить тот факт, что в последние годы западное интеллектуальное сообщество и средства массовой информации проявляют большой интерес к контекстно-обусловленной недемократической не-западной модели развития. Предположение, что все культуры превратятся из до-современных в модернизированные общества и, таким образом, из контекстно-обусловленных в контекстно-независимые общества, было не так давно разрушено признанием того, что в Азии есть исключительные случаи, в которых индустриализация происходила без перехода от контекстной обусловленности к контекстной свободе. Особое внимание было направлено на недемократическую культуру «конфуцианского капитализма», который позволил Японии и азиатским экономикам, недавно прошедшим индустриализацию, быстро развить промышленность. Недемократическую природу этого варианта капитализма западные интеллектуалы намеренно не заметили, так как интерес для них представляла экономическая эффективность этой модели.

Этот успех стал возможен благодаря преданности рабочих менеджерам компании и покровительственным/лояльным отношениям между «материнскими фирмами» и субподрядными фирмами. Эта контекстуализация трудовых отношений между администрацией и профсоюзами, а также субподрядного разделения труда в конфуцианском этическом контексте — недемократична, но наиболее благоприятна для быстрого индустриального подъема развивающейся экономики. После финансового кризиса в Азии эта версия капитализма, нашедшая применение в странах Азии, недавно прошедших индустриализацию, стала объектом критики. Теперь, во время кризиса, критики называют эту систему «клановым капитализмом». Клановость — это также часть конфуцианской контекстуальной этики, поскольку она подчеркивает необходимость принятия управленческих решений и при этом всегда принимать во внимание контекст сетевых семейных фирм и тех, кто поддерживает их в бизнесе — друзей в правительстве и т. д. Однако условия получения кредитов МВФ положили конец этому недемократическому «сотрудничеству» и тем самым породили «конфликт», который усложнил непростую ситуацию отсутствия сотрудничества во время финансового кризиса в Азии [14].

Сегодня уже не столь очевидно, как два десятилетия назад, что все не-западные культуры в процессе индустриализации будут использовать не зависящий от контекста демократический универсализм.

Не менее ложным оказалось убеждение в том, что контекстная обусловленность ведет только к господству высших ролей над низшими. В этой связи важно упомянуть существующее в Восточной Азии крестьянское движение; для представителей этого движения идеальное общественное устройство состоит в том, чтобы сделать все вертикальные роли горизонтальными именем Неба, перед которым все люди равны. Именно Движение Тонгхак (восточное учение) в конце XIX века создавало сообщества, в которых гендерное равенство применялось в эгалитарных институтах на подконтрольных им территориях. Это движение не использовало контекстно-независимую универсальную этику. Оно, скорее, развивало эгалитарную контекстуально-обусловленную этику, как этого требуют феминистки, озабоченные неравноправным положением мужчин и женщин [15].

Таким образом, по меньшей мере проблематично ассоциировать демократию с ее контекстно-независимым универсализмом, и рассматривать контекстную обусловленность как характеристику до-современных недемократических обществ. Игнорирование существующих особых социокультурных контекстов и попытки применить контекстно-независимые западные демократические институты всегда приводили к трагедиям в различных африканских обществах, обремененных конфликтами. Ожидалось, что проведение выборов в этих обществах приведет к примирению враждующих этнических групп. Результат оказывался обратным, так как модель голосования зависела от многонационального контекста, при котором голосование отражало только соответствующие количественные пропорции избирателей. Предположение о том, что избиратели будут голосовать согласно своим контекстно-независимым личным предпочтениям, было неверным и непродуктивным при этих в высшей мере контекстно-обусловленных обстоятельствах.

Значимость контекстуальной обусловленности не ограничивается одними лишь понятиями модернизации и демократизации. Она также важна в развитии исследований конфликтов и укрепления мира. Контекстно-независимые исследования, которые способствовали получению огромного количества данных о конфликтах, межгосударственных и внутриагосударственных, не так давно были признаны несостоятельными в качестве руководства для разрешения конфликтов.

Исследовательским проектом под названием КСРО во всех военных конфликтах были обозначены различные фазы, во время которых конфликт вспыхивал, развивался, достигал кульминации, а затем входил в стадию завершения. Это разделение на фазы сопровождалось вновь вспыхнувшим интересом к «хроникам» конфликта. Это вывело исследование конфликта на новую ступень, где ученые исследуют сложный процесс, полностью зависящий от контекстуальных условий и от того, как эти условия воспринимают действующие лица, задействованные в конфликте. На данный момент при проведении этого исследования не предпринимаются сознательные попытки определить контекст, в рамках которого развивается «хроника». Тем не менее такие

новые компьютеризированные базы данных хроник конфликтов способствуют повышению интереса к контексту, в рамках которого развивается конфликт.

Типичным примером этой новой тенденции является Прототипная рекомендательная система действий (PARIS). Ее цель — способствовать развитию «ситуационно обусловленных обоснований, связывающих возможные действия с конкретными целями» [16]. Ситуационно обусловленные — это, иными словами, контекстно-обусловленные. Эта новая тенденция в исследовании раннего предупреждения конфликтов — типичный случай, когда научное сообщество начинает осознавать недостаточность современной западной контекстно-независимой эпистемологии. Именно здесь контекстно-обусловленная методология, так сказать, грамматика, должна развиваться; цель этого развития — определить контекст, в рамках которого каждое действующее лицо, вовлеченное в процесс конфликта, оценивает свои шансы, опираясь на контекст при принятии определенных решений; при этом напряжение, существующее между нами, либо нарастает, либо убывает.

Именно здесь, в качестве примера, грамматика И-Цзин могла бы оказаться полезна. Факторы «Неба», состоящие из разнообразных благоприятных и неблагоприятных направлений идей и символов, используемых для узаконивания конфликтных позиций действующих лиц; факторы «Земли», отражающие столкновения интересов действующих лиц и их сторонников на почве геополитики и геоэкономики; аспекты «Человека» в создании и роспуске коалиций среди действующих лиц и их сторонников, а также институты, формируемые и реорганизуемые ими, представляют собой контекст, в рамках которого каждое действующее лицо развивает свое повествование о ситуации, в которой они принимают решения. Не заменить собой универсальную теорию конфликта и сотрудничества, а дополнить ее могла бы контекстно-обусловленная теория и методология, основанная на не-западной эпистемологии И-Цзин; мы полагаем, что эта эпистемология могла бы сыграть свою роль в изучении анатомии конфликтов.

На уровне политики контекстно-обусловленная эпистемология играла бы определенную роль при рассмотрении вопроса об управлении конфликтами; стало бы возможным ставить задачи, которые до сих пор не учитывались международным сообществом. Состояние исследований конфликта в настоящее время оказывает влияние на управление конфликтами и политику укрепления мира, проводимую различными международными деятелями и организациями, чьи системы раннего предупреждения были разработаны в соответствии с контекстно-обусловленными концептуальными стандартами. Интересно отметить тот факт, что в недавно опубликованном докладе Комитета ОЭСР по оказанию помощи в целях развития «О конфликте, мире и развитии» используется контекстно-обусловленный подход [17]. Этот доклад является контекстно-обусловленным по трем направлениям. Во-первых, в нем признается существование циклов конфликта, которые состоят из смены различных фаз, начиная с мира, эскалации конфликта, деэскалации и, нако-

нец, примирения. В докладе признается тот факт, что эти циклы в реальности принимают различные формы в различных контекстах и обстоятельствах. В докладе также признается тот факт, что в определенных случаях мир и конфликт могут сосуществовать годами и даже десятилетиями.

Этот абсолютно новый подход к конфликту и сотрудничеству сопровождается появлением определенного интереса к контекстно-обусловленному анализу среди исследователей конфликта и практических сообществ. Это вызвано практическим интересом к определению адекватности различных форм содействия, которым нельзя дать универсальное определение, и необходимостью уделять особое внимание контекстуальным условиям для того, чтобы приносить действительную пользу. Именно в этом идеи мира Восточной Азии (*Pax Sinica*) могут оказаться особенно полезны.

Нам хотелось бы отметить тот факт, что мы достигли новой фазы в истории человечества, когда не-западные культурные традиции начинают привлекать внимание Запада, а именно исследователей и политиков. Это происходит не только потому, что постмодернисты занимаются деконструкцией современной западной универсальной контекстно-независимой этики и эпистемологии. Это происходит потому, что конфликт и сотрудничество между не-западными деятелями политики, экономики и культуры в высокой степени зависимы от контекста. Бесконтекстные нормы и образцы принятия решений применимы только для прозападных деятелей, которые не играют решающую роль в современных внутренних конфликтах.

В этот переходный период мы должны усвоить мудрость Востока: не заменить современные западные универсальные идеи демократии и прав человека, а дополнить их, подготовить социально-экономическую и политическую почву для внедрения этих бесконтекстных ценностей в не-западных регионах. Конфликт и сотрудничество — это два понятия, которые необходимо рассматривать и с позиций контекстно-независимой западной эпистемологии, и с позиций контекстно-обусловленной эпистемологии Востока. Восток и Запад должны встретиться перед лицом множества сложных конфликтов в нашу эпоху глобализации.

Примечания

1. О мировоззрении *Pax Sinica*: Cf. *Mushakoji K.* Post-Modern Cultural Development in East Asia: Beyond the Japanese Version of Confucianism / K. Mushakoji // Massini E. B., Atal Y. (eds.) *The Futures of Asian Cultures.* Bangkok, 1993. P. 57–80.

2. Об эпистемологии: Cf. *Mushakoji K.* Global Issues and Interparadigmatic Dialogue: Essays on Multipolar Politics / K. Mushakoji. Torino, 1998. P. 3–28.

3. О диалектической эпистемологии, сочетающей полярные понятия «инь» и «ян»: Cf. *Ohama A.* Chugoku-teki Shii no Dento (The Tradition of Chinese Thinking) / A. Ohama. Tokyo, 1969.

4. О противоречиях между конфуцианством и даосизмом: Там же. С. 54–57.

Мы не будем останавливаться на положениях «Школы законников», которые в некотором смысле наиболее близки Западу в том, что касается позитивизма и реализма. Эта Школа также может представлять собой третий полюс, ян по отношению к конфуцианцам, которые являлись бы инь, и инь по от-

ношению к даосам, которые оказались бы в позиции ян. Мы не будем углубляться в дискуссию о трехсторонних отношениях инь–ян. Достаточно сказать, что легализм также в высокой степени контекстно-обусловлен. Например, в книге Хань Фэй-Цзы в пятой главе подчеркивается, что правителю необходимо следовать «дао» (путь), оставаясь инертным, слушая голоса своих подданных, которые и составляют контекст для него. Cf. Osamu Kanaya Translation. Han Fei Zi, Tokyo, 1994. Vol. 1. P. 78–82.

Под «контекстно-независимым» мы понимаем эпистемологию: систему, которая порождает дискурс, представляющий универсальную истину или общую тенденцию, имеющую силу при прочих равных условиях. Контекстно-обусловленная эпистемология порождает дискурсы, которые ограничиваются «если» или «когда».

5. Cf. Osamu Kanaya Trans. Soji (Zhuanzi). Tokyo, 1971. Vol. 1. P. 234–236.

6. Cf. Takada S. Motomi Goto Trans / S. Takada. Vol. 1. P. 11–61.

Для англоговорящего читателя следующий перевод может оказаться полезным, хотя в нем представлен только выборочный перевод исходного текста: Richard Wilhelm Translation rendered into English by Cary F. Baynes.

The I Ching or Book of Change. Princeton, 1967.

7. Cf. Takada S. Motomi Goto Trans / S. Takada // Op. cit. Vol. 1. P. 27–32.

Cf. Wilhelm R. Op. cit.

8. Cf. Takada S. Op. cit. Vol. 1. P. 151–161; Wilhelm R. Op. cit. P. 48–52. (T'ai: отсюда и до примечания 13 мы даем старую алфавитную транслитерацию, которая используется автором между скобками в конце цитаты.)

9. Cf. Takada S. Op. cit. Vol. 1. P. 162–166; Wilhelm R. Op. cit. P. 52–55. (P'i)

10. Cf. Takada S. Op. cit. Vol. 1. P. 127–132; Wilhelm R. Op. cit. P. 28–31. (Sung)

11. Cf. Takada S. Op. cit. Vol. 1. P. 221–225; Wilhelm R. Op. cit. P. 93–96. (Po)

12. Cf. Takada S. Op. cit. Vol. 1. P. 226–231; Wilhelm R. Op. cit. P. 97–100. (Fu)

13. Cf. Takada S. Op. cit. Vol. 2. P. 118–123; Wilhelm R. Op. cit. P. 189–192. (Ko)

14. Cf. Mushakoji K. Japan and Cultural Development in East Asia: Possibilities of a Human Rights Culture / K. Mushakoji // Human Rights in Asian Cultures: Continuity and Change / R. P. Jefferson, L. R. Sebasti (eds.). Osaka, 1997. P. 292–322.

15. Byung-Sun O. Cultural Values and Human Rights: The Korean Perspective // Ibid. P. 230–231.

16. Cf. Adibi J. I. A Prototype Action Recommender's Information Support System for Conflict Prevention / J. I. Adibi et al. // Paper presented at the XVIIth IPSA World Congress. Seoul, 1997.

17. DAC, OECD. Conflict and Cooperation on the Threshold of the 21st Century. OECD, 1998.

А. П. Назаретян¹

СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ И ПЕРСПЕКТИВА ПЛАНЕТАРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ²

Сравнительно-исторические и кросскультурные исследования, дополненные специальными расчетами *коэффициента кровопролитности* (отношение среднего числа убийств в единицу времени к численности населения), показывают, что широко распространенное мнение о возросшем в современном мире насилии неверно. В действительности уровень политического и бытового насилия сегодня значительно ниже, чем когда-либо прежде в истории человечества. Наша общая озабоченность текущей ситуацией не должна заслонять факт исторической динамики: *никогда прежде средний «маленький» человек не был в такой мере защищен от политических и бытовых форм насилия, а также биологической агрессии (болезнетворные микроорганизмы, дикие животные и т. д.) и голода, как теперь*. По данным ВОЗ, в начале XXI века среднегодовое количество самоубийств в мире превышает число убийств; такая ситуация исторически беспрецедентна.

Иллюзия растущего насилия обусловлена психологическим эффектом *ретроспективной аберрации*: с объективным улучшением обстановки в лю-

бой сфере социального бытия (экономическое благосостояние, социальная мобильность, политические свободы и т. д.) происходит опережающий рост ожиданий, сквозь призму которых динамика процессов воспринимается обыденным сознанием «с точностью до наоборот». Отсюда рост неудовлетворенности текущим положением дел.

Сокращение общего уровня насилия в современном обществе сопровождается небывалым *снижением порога чувствительности к насилию* (равно как к боли, смерти, грязи, дурным запахам и т. д.): каждое событие, содержащее насильственный компонент, вызывает гораздо более острое и массовое переживание, чем в любую прежнюю эпоху, и становится предметом пристрастного обсуждения. Параллельно происходит *возгонка семантических рядов*: слово «насилие» распространяется на очень многие действия, которые прежде не мыслились как таковые.

Но дело не только в психологических и психолингвистических эффектах. Пропорционально мощи технологий кардинально возросла *цена насилия*: локальные события как никогда чреватые далеко идущими последствиями, включая опасность глобальной катастрофы.

В этом обстоятельстве проявляется общеисторическая зависимость — *закон техно-гуманитарного баланса*: чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства ограничения агрессии необходимы для сохранения общества. Когда технологическая мощь не уравновешена соразмерными регуляторами, снижается внутренняя устойчивость социальной системы, то есть

¹ Главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории», главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук. Автор более 280 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных изданий: «Агрессивная толпа, массовая паника, слухи», «Психология стихийного массового поведения», «Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории», «Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии» и др.

² Исследование проводится по гранту РФФИ.

она становится более чувствительной к колебаниям массовых настроений, ошибкам харизматического лидера и т. д.

Согласно новейшим открытиям на протяжении всей человеческой истории системная зависимость между силой, мудростью и жизнеспособностью служила механизмом *отбора* (соответственно *отбраковки*) социумов, культурных ценностей и норм по критерию их соответствия растущему технологическому могуществу. Благодаря этому механизму в долгосрочной ретроспективе с ростом убойной силы оружия и плотности населения *коэффициент кровопролитности общества не только не увеличивался, но и нелинейно сокращался*. Мы с удивлением обнаруживаем, что даже XX век с мировыми и гражданскими войнами, концлагерями, ужасами геноцида и Хиросимой уступает по этому показателю любому прежнему веку.

Новая технология (не только военная) всегда представляет угрозу для существования общества, но просто отказ от нее — путь в тупик. Технология реально опасна лишь до тех пор, пока общество культурно и психологически не «переварит», не «приручит» ее и не выработает внутреннее «противоядие». Только такое «прогрессивное» решение проблем стратегически перспективно. Например, большую угрозу для передовых цивилизаций своего времени представляло стальное оружие, еще раньше — бронза, лук со стрелами и т. д. После того как культура адаптировалась к технологии, опасность резко снижается. *Опасность — это величина, выражающаяся отношением объективной угрозы к готовности субъекта ей противостоять.*

В целом человечество, пройдя через горнило локальных, региональных и в ряде случаев глобальных катастроф, смогло выработать достаточно эффективные средства контроля над естественными импульсами агрессии, чтобы дожить до наших дней. Но в прежние эпохи самоустранившиеся очаги цивилизации вытеснялись новыми, которым удавалось продолжить историческую эволюцию. Теперь же ситуация существенно изменилась. За сто лет — с середины XIX до середины XX века — убойная мощь оружия возросла в энергетическом выражении на 6 порядков (в миллион раз!), что поставило планетарную цивилизацию на грань выживания. Впервые в истории сложилась ситуация, когда *для необратимой планетарной катастрофы достаточно сбоя в сознании небольшого числа активных персонажей* (имеющих доступ к «кнопкам»).

То, что с 1945 года удалось воздержаться от прямого применения самых разрушительных видов оружия, — грандиозное достижение человечества. Однако оно было оплачено канализацией глобальных противоречий в русло локальных вооруженных конфликтов. В общей сложности *в этих конфликтах погибло до 50 млн человек*; тем не менее при ожидавшейся гибели сотен миллионов и миллиардов противостояние блоков во второй половине века называют холодной войной. За это же время удалось достигнуть беспрецедентных по масштабу и эффективности международных соглашений — о прекращении ядерных испытаний в трех средах и других глобальных мерах. Согласно ретропрогнозу, проведенно-

му несколько лет назад, *если бы деятельность человечества оставалась такой же экологически грязной, какой она была в 1950–1960-х годах, к 1990-м годам жизнь на планете стала бы невыносимой.*

«Классическое» ядерное оружие, полвека назад поставившее человечество на грань выживания, сегодня *не представляет глобальной опасности*, поскольку человечество уже сумело психологически «переварить» его, превратив в *инструмент сдерживания*. Появление этого оружия в США и СССР помогло предотвратить наихудшие сценарии третьей мировой войны. В Китае оно исключило возобновление гражданской войны, а притязания материкового Китая на Тайвань умерил «ядерный зонтик», раскинутый над последним американцами. Создание атомных бомб Пакистаном и Индией сразу прекратило вооруженные столкновения в спорном Кашмире, возобновлявшиеся прежде ежегодно. И если бы в 1999 году в Югославии имелась атомная бомба, агрессия НАТО была бы исключена...

Риторика «борьбы за ядерное разоружение» не должна отвлекать внимание общественных организаций, которые только зря тратят силы, помогая правительствам сохранить монополию на оружие. Появление атомной бомбы в каждой новой стране создает *зоны, где затруднительно «устанавливать демократию» или «оказывать братскую помощь» силой извне*; это обстоятельство рождает невротическое беспокойство у правителей сверхдержав. Чего категорически нельзя делать — передавать (продавать) новейшие технологии третьим странам: модель техногуманитарного баланса и богатый международный опыт прошедшего века показывают, что это чревато серьезными локальными катастрофами.

Практика военной локализации глобальных противоречий в XX веке уберегла человечество от планетарной катастрофы, однако *ее продолжение в XXI веке самоубийственно*. На повестке дня — качественно новые технологии взаимного уничтожения (ядерные мини-заряды, нанотехнологии, геновая инженерия, робототехника и т. д.), все более дешевые и доступные. Вместе с тем повсеместный рост образования параллельно с усилением национальных фрустраций и политического терроризма делает сохраняющуюся инерцию силовых конфликтов все более угрожающей. По выражению американского ученого Б. Джоя, *век оружия массового поражения сменяется веком знаний массового поражения*. Политический терроризм, оснащенный все более изощренными технологиями «двойного назначения», становится таким же жестоким *средством воспитания* человечества, каким в XX веке послужила атомная бомба, а еще раньше (с удалением вглубь истории) — порох, сталь, бронза, лук со стрелами и т. д. При худшем сценарии он грозит стать могильщиком планетарной цивилизации, но при оптимальном сценарии послужит шокосредством отрезвления.

Впервые в истории человечество столкнулось с жизненной необходимостью не просто ограничить или *упорядочить* физическое насилие (для чего тысячелетиями служили религия и прочие макрогрупповые культуры, делящие людей на «своих» и «чужих»), но *устранить* его, а точнее — окончательно вытес-

нить в виртуальную реальность. Несмотря на грандиозные успехи в развитии ненасильственных манипуляций, выработанные ранее средства культурного контроля недостаточны, а часто контрпродуктивны. К числу наиболее угрожающих тенденций относятся «религиозный ренессанс» и прочие формы реанимированного фундаментализма.

Согласно специальным расчетам, в ближайшие десятилетия планетарной цивилизации предстоит грандиозный «фазовый переход», который может выражаться либо необратимо обвальными процессами, либо выходом на космические рубежи развития. Опираясь на ряд концептуальных оснований, мы полагаем, что закон техно-гуманитарного баланса является общезначимым механизмом исторического отбора не только на Земле, но и везде, где эволюционирует интеллектуальный субъект. Из теории систем следует, что во Вселенной должны реализоваться *все* потенциально допустимые сценарии развития, и в таком случае мы, возможно, являемся невольными участниками *универсального естественного отбора*.

Похоже, консервативный механизм Вселенной складывается таким образом, чтобы декомпенсированная агрессия не могла вырваться за пределы планетарного локуса и превратиться в фактор универсальной деструкции. *Планетарная цивилизация способна превратиться в космический фактор в том случае, если она обретет мудрость, соразмерную космически значимым технологиям.*

Планетарные цивилизации, не справившиеся с ускоряющимся технологическим прогрессом, тем или иным образом *гибнут под обломками собственного могущества*, устранившись из эволюционного процесса. Только те, которые смогут пройти чистилище

форсированных глобальных кризисов, выйдут на космически значимые рубежи прогресса. Поскольку же в этой полифуркационной фазе число обвальных сценариев заведомо превышает число сценариев выживания, логично предположить, что кардинальное решение глобальной задачи дается немногим. Не исключено даже, что по-настоящему космической суждено стать только одной планетарной цивилизации.

Коль скоро, согласно расчетам, бифуркационная фаза в развитии земной цивилизации будет достигнута в ближайшие десятилетия, *следующему поколению людей предстоит определить, окажется ли цивилизация нашей планеты в числе тех, которые будут продолжать космическую эволюцию, или тех, которым суждено остаться расходным материалом универсальной истории.*

Задача выживания земной цивилизации упирается в успешность культурно-психологической адаптации человечества к беспрецедентным инструментальным возможностям. Ключевой же вопрос нашей эпохи в том, успеет ли человечество перерастить детскую потребность в опеке со стороны сверхъестественных и (или) авторитарно-идеологических авторитетов и достичь совершеннолетия прежде, чем сползание к пропасти самоуничтожения станет необратимым; соответственно, научатся ли люди *неконфронтационной солидарности* («мы» без «они»). Это, в свою очередь, зависит от многих факторов, в числе которых — эффективность светского и интернационального воспитания и развитие паллиативного критического мышления. *Только разум, свободный от макрогрупповой (конфессиональной, национальной, классовой и т. д.) идентификации, способен стать планетарным и, как следствие — космическим...*

В. В. Наумкин¹

ИСЛАМСКИЙ МИР, РОССИЯ, ЗАПАД — ТРУДНЫЙ ДИАЛОГ

Во всемирной цивилизационной классификационной сетке можно увидеть немало треугольных построений, в том числе с участием нашей страны: Россия—США—Евросоюз, Россия—Китай—Индия, Россия—Беларусь—Казахстан и т. д. Вынесенная заголовок триада не означает, что между ее членами существуют равнозначные отношения. Однако различия во взаимоотношениях не означают того, что они не сталкиваются с одинаковыми проблемами, к примеру «согражданства», сосуществования людей различных конфессий и этносов или миграционных потоков.

¹ Директор Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Истории Востока», «Очерки по этнолингвистике Сокотры», «Сокотрийцы», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Абу Хамид аль-Газали», «Правильные весы» и др. Председатель редакционной коллегии журнала «Восток (ORIENS)», редакционного совета журнала «Восточный архив», входит в состав редколлегий или редакционных советов журналов: «Центральная Азия и Кавказ» (Швеция), «Вестник российской нации», «Вестник МГУ. Сер. «Востоковедение», «Современный ислам». Многие книги переведены на иностранные языки.

Современные мусульманские государства играют большую роль в мировой экономике, политике и культуре. Эти три измерения тесно взаимосвязаны. К примеру, поставка этими государствами энергоресурсов на мировой рынок в значительной мере влияет на политические процессы и события, которые носят глобальный характер. Но политика тесно связана и с культурой. Именно культурное, или цивилизационное, измерение определяет характер взаимоотношений исламского мира с другими частями мирового сообщества.

Единственно правильный путь развития этих взаимоотношений — путь диалога религий и культур, их сотрудничества и взаимообогащения, уважения и терпимости друг к другу.

В глобализующемся мире цивилизации, культуры, народы, государства оказывают постоянно возрастающее влияние друг на друга благодаря активному перемещению капиталов, людей и информации (хотя на самом деле свободно пока перемещаются лишь капиталы и информация, но не люди). Глобализация не является порождением нашего времени.

Но ее характер и масштабы меняются. И если основной глобализации в последней четверти XX века было доминирование США, то в XXI веке ситуация изменилась. Как писал в своей знаменитой книге «Постамериканский мир» Фарид Закария, вслед за эпохой the Rise of the West («подъема Запада») в XXI веке наступила эпоха the Rise of the Rest («подъема остальных»).

В условиях глобализации все нации, государства и цивилизации активно взаимодействуют друг с другом, постепенно сближаются правила и нормы функционирования экономических и политических систем. Но любая цивилизация по праву дорожит теми культурными основами, от сохранения которых зависит ее идентичность. При этом даже в экономической сфере институты и правила, выработанные одной цивилизацией, могут оказываться глобально более эффективными, чем имеющиеся в другой. Так, в условиях всемирного кризиса исламские банки продемонстрировали большую устойчивость и эффективность, чем западные.

К сожалению, между исламским миром и Западом в последние десятилетия наметилась тенденция к ухудшению отношений. Причины этого явления известны. Прежде всего, это оккупация арабской Палестины и неоправданное применение военной силы в других странах исламского мира; действия террористов, присваивающих себе право действовать якобы от имени ислама. Конечно, существует надежда на то, что ситуацию можно исправить. Отчасти это связано с политикой Президента США Б. Обамы, стремящегося значительно улучшить отношения с исламским миром. Эта политика разительно отличается от той, которую в течение длительного времени проводили находившиеся у власти в США неоконсерваторы. Напомним, что еще за четыре года до 11 сентября 2001 года список ближневосточных режимов и организаций, которые Подгорец, Беннет, Ледин, Нетаньяху и отражавшая взгляды политиков и политологов этого направления газета «Уолл-стрит джорнэл» определили как цели для силового вмешательства, включал Алжир, Ливию, Египет, Судан, Ливан, Сирию, Ирак, Саудовскую Аравию, Иран, движения «Хесболлах» и ХАМАС, палестинскую администрацию и так называемый «воинственный ислам». Конструировался образ «империи зла», противостоящий «демократической империи добра» — США. Развитию этого образа способствовала вышедшая в 1993 году книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (“Clash of Civilizations”), в которой исламский мир предстал в виде противника Запада. «Месяцеподобный исламский мир имеет кровавые границы...» — пугающе вещал политолог, вовремя позаимствовавший идею «столкновения» у Бернарда Льюиса. Концепция цивилизационных столкновений в 1990-х годах стала «дежурным блюдом» западной политологии. В феврале 2004 года Чарльз Краутхаммер триумфально заявил на ежегодном обеде в Американском предпринимательском институте, что американцы создали «самую большую империю в мировой истории». Америка, по его заявлению, не только «однополярная держава», но и «хранитель международной системы». В 2000-е годы у части неоконсерва-

торов первое место среди центров исламской угрозы заняла Саудовская Аравия. 10 июля 2002 года Р. Перл пригласил Лорента Муравика (бывшего помощника Линдона Ларуша) провести брифинг в возглавляемом им тогда Бюро оборонной политики, на котором тот сказал, что США должны предъявить Саудовской Аравии ультиматум. «Или вы, — подчеркнул Муравик, — преследуете и изолируете всех тех, кто замешан в террористических сетях, включая саудовские спецслужбы, и заканчиваете всякую пропаганду против Израиля, или мы осуществляем вторжение, захватываем нефтяные месторождения и оккупируем Мекку».

К счастью и для США, и для исламского мира к совету Муравика администрация Дж. Буша-младшего не прислушалась, и поход на Мекку не состоялся. Но стремление части американского политического истеблишмента сформировать образ врага Запада в лице всего исламского мира осталось. Навязчивое стремление распространять в исламском мире демократию и во имя этой цели свергать режимы дискредитировало лозунги демократизации. Такую стратегию в исламском мире стали рассматривать как прикрытие для реализации иных целей геополитического характера. Пока Палестина, Ирак и в меньшей степени Афганистан являются свидетельствами неизменной политики «двойных стандартов» и ставки на военную силу, эта политика будет восприниматься как продолжение прежнего колониализма Запада, воспроизводя в памяти жителей многих государств долгие годы зависимости и национального унижения.

Напомню, как иронизировал известный американский журналист Роберт Фиск по поводу притязаний Израиля на библейскую землю: «Мы все имеем земли, которые Бог или наши отцы дали нам. Разве королева Англии Мария Тюдор не умерла со словом “Кале” на устах? Может быть, Испания имеет законное право на Нидерланды? Или Швеция — на Норвегию и Данию? Или Великобритания — право на Индию? Или мусульмане — да и евреи тоже — право на Андалусию XV века? Любая колониальная держава, включая Израиль, может выдвигать подобные нелепые притязания». Палестинские лидеры не могли бы высказаться столь определенно.

В связи с этим не могу не вспомнить историю, рассказанную испанским писателем Карлосом Ленсеро, долго жившим в марокканском Рифе. Хозяином дома, в котором он квартировал, был старик, который сначала сражался против Франко во время восстания в Рифе, а во время Гражданской войны в Испании воевал на его стороне против республиканцев (на стороне Франко воевали около 100 тыс. марокканцев, 20 тыс. погибли). Ленсеро спросил старика, не видит ли тот противоречия в столь резкой смене позиций. Старик удивленно поднял брови: «Что же в этом странного? Мы всегда делали одно и то же: убивали испанцев». Остается надеяться, что отношения между исламским миром и Западом не будут развиваться согласно этой логике.

Для западного политического дискурса привычным стереотипом стало представление об исламском мире как о сообществе, якобы отвергающем демо-

кратию. Этот стереотип часто использовался в качестве оправдания для оказания давления на те мусульманские государства, которые в политическом плане развиваются не в русле американской политики. Однако, как писали американские исламоведы Дж. Эспозито и Дж. Волл, «приверженность вестернизации не является гарантией демократии, подобно тому, как применение исламского закона не является доказательством врожденного авторитаризма в исламе». Как известно, напряженные поиски наилучшей модели сочетания исламских ценностей с современными методами правления, свободами и правами человека ведутся в исламском мире повсеместно. Иначе говоря, от неизбежности перемен не уйти никаким обществам, не исключая и мусульманские, но они также вправе гордиться теми духовными ценностями и моральными устоями, которые были у них и около полутора тысяч лет назад. Они тоже оказывают и будут еще в большей степени оказывать свое влияние на внешний мир, поскольку процесс взаимообогащения цивилизаций — улица с двусторонним движением.

Одна из улиц, по которой проходит это движение (причем с возрастающей скоростью), — это «улица мигрантов». Превращение мусульманской диаспоры на Западе во влиятельную общественно-политическую силу не может не оказывать влияния на систему государственно-политических институтов в западных государствах. В целом, рост ее численности и влияния способствует появлению новых центров силы и нарастанию неопределенности в системе мировой политики. Те новые отношения, которые складываются между акторами мировой политики (отчасти и под влиянием вышеназванного фактора), можно описать с помощью такого понятия, как полиархия (*poliarchy* — в переводе с греческого «многовластие»). Этот термин впервые был введен в научный оборот около четырех десятилетий назад американским политологом Робертом Далем для описания процессов, происходящих в развитых демократиях, а затем, чуть позже, использован применительно к мировой политике американским международником Сейюмом Брауном. Браун отмечал, что термин означает именно то, что заложено в его этимологии, а именно «политическую систему, которая может быть вполне хаотичной, управляемой разнообразными акторами». Однако это не анархия (что означает отсутствие управления вообще): «применительно к мировой политике так описывается система, в которой суверенные государства являются существенно важными игроками и нет наднациональных акторов с их принуждающей властью над государствами». В недавно опубликованной статье автор концептуализирует полиархию как систему, которая «включает значимых негосударственных, наднациональных и транснациональных акторов в дополнение к национальным правительствам и охватывает региональные и универсальные институты с наднациональными полномочиями». Таким образом, данная концепция в самой упрощенной форме отразила основную тенденцию современного процесса трансформации системы управления миром: от вначале происшедшего резкого уменьшения к нача-

вшемуся быстрому росту числа участвующих в этом управлении разновесных игроков. Естественно, что в рамках этого процесса общины иммигрантов становятся таковыми.

На основе достигнутого уровня теоретического осмысления проблемы можно говорить о трех глобализационно-культурных парадигмах, или перспективах, по концепции американского ученого Недервейна Питерса: о культурном дифференциализме, или продолжающихся различиях; культурной конвергенции, или растущей похожести (*sameness*); культурной гибридации, или постоянном смешении. Ключевым здесь является отношение к культурно-цивилизационным различиям: приведет ли глобализация к их нивелированию, стиранию путем поглощения одних другими, гомогенизации (конвергенция); будут ли они, напротив, укреплены, увековечены (дифференциализм, лежащий в основе теории «столкновения цивилизаций» Самюэля Хантингтона) или же будет происходить процесс их смешивания (гибридизация). Следует заметить, что дискурс, основанный на этой, известной еще в XIX веке концепции гибридации, на Западе получил развитие именно в литературе, посвященной феномену миграции. В данном контексте мусульманский Восток здесь выполняет функцию агента гибридации.

В данном случае необходимо вернуться к идее диалога, который я считаю возможным назвать межкультурным. Этот термин устоялся, вошел в глобальный политический лексикон и, несмотря на большую привлекательность и корректность употребления иной схемы — «одна цивилизация — много культур», вполне допустим как инструмент теоретического дискурса. Конечно, взаимодействуют не какие-то абстрактные цивилизации, а люди, являющиеся носителями различных культурно-цивилизационных ценностей. Однако идеационные мотивации и культурно-цивилизационное «обрамление» (*framing*) поступков не только индивидов, но и гораздо более крупных сообществ людей, таких как нации или государства, зачастую приобретают столь великую силу, что могут выступать, без преувеличения, в роли известного «двигателя истории».

Именно поэтому вышеупомянутый диалог между религиями и культурами в нашу просвещенную, но конфликтную эпоху глобализации стал императивом. Он является важным средством преодоления отчуждения, недопонимания, враждебности между людьми, сегодня особенно опасных для судеб мира. Этот диалог является не линейной, а многомерной конструкцией, и он может быть успешным только в том случае, если будет дополнен диалогом внутрицивилизационным, спорами о сути той или иной культуры, ведущимися самими ее представителями. Как мы знаем, эти споры иногда носят более ожесточенный характер, чем споры между представителями различных культур.

К сожалению, даже в либеральной, демократической и просвещенной Европе далеко не все делается для того, чтобы обеспечить комфортное вхождение живущих в ней мусульман в общество. Интеграция зачастую понимается как лишение мигрантов их собственной культурной идентичности. Юрген

Рюттгерс, премьер-министр германской земли Северный Рейн — Вестфалия и ярый ксенофоб, считает, что нигде в мире нет примера успешного мультикультурного общества. Он говорит: «Интеграция не ассимиляция. Вам не нужно отказываться от вашей религии, но вы должны подчиняться нашим основополагающим ценностям». Ему же принадлежит выражение: «Kinder statt Inder» — «Больше детей, но не индийцев». Шведский профсоюзный лидер Геран Юханссон на вопрос о том, что он имеет в виду под интеграцией, отвечает несколько иначе: «Меня не интересует, уважаете ли вы нашу культуру. Вы лишь должны подчиняться закону». Американский автор К. Колдуэлл, неадекватно интерпретируя взгляды одного из европейских профессоров-мусульман, утверждает: «Только тогда, когда европейские установления будут поняты как мусульманские, мусульмане будут подчиняться им. А если нет, то не будут». Журналист Иан Бурума идет еще дальше в приписывании мусульманам несуществующих намерений, говоря, будто исламисты XXI века, подобно исламистам прошлого, «цинично использовавшим технологические инновации Запада», «точно так же относятся к западным свободам и правам». На самом деле именно подход, демонстрируемый журналистом, отрицает культурное разнообразие, за развитие которого всегда выступали западные мыслители.

Заметим, что число мусульманских ученых, стремящихся с разных позиций — как модернистских, так и консервативно-оградительных — так или иначе приспособить ислам к условиям жизни исламской уммы в условиях обществ немусульманского большинства и правления немусульман, весьма велико. Крупнейший мусульманский правовед Америки и основатель Североамериканского совета по фикху шейх Таха Джабир аль-Альвани считается создателем концепции фикха меньшинств, получившей распространение с середины 1990-х годов. Правоведы, развивающие доктрину этого «нового фикха», с помощью фетв корректируют правовые нормы традиционного мусульманского законодательства, не противореча при этом основам шариата. К примеру, в фетве Европейского совета по фетвам и исследованиям мусульманам не только разрешается, но и рекомендуется поздравлять немусульман с их праздниками, что не дозволялось многими законодателями, но запрещается участвовать в самих празднованиях, за исключением светских национальных праздников государств их пребывания.

Характеризуя ситуацию в России, во-первых, повторю всем хорошо известную истину, иногда забываемую не только нашими зарубежными коллегами, но и отдельными соотечественниками: Россия — не только православная, но и мусульманская держава. Поэтому мы не можем жить в отрыве от исламского мира: он одновременно и снаружи, и внутри. Несколько слов об истории. Она была непростой: объединение страны в единый уникальный многокультурный организм сопровождалось завоеваниями и вооруженными столкновениями между вошедшими в него в конце концов сообществами, причем зачастую не всегда на этнической основе — воевали между собой и сами русские княжества. Заметим,

что в Европе между собой воевали гораздо больше и ожесточеннее. Даже в войнах русских княжеств с Золотой Ордой, которая оказала на них большое культурное влияние, по обе стороны часто вместе находились представители и русских, и татар, и других народов. Войско русского Александра Невского одолело западных захватчиков при помощи воинов из мусульманской Золотой Орды.

Объединившись и победив, Россия, опасаясь новых иноземных завоеваний и заботясь о своей безопасности, расширялась по периметру своих границ, но, в отличие от европейцев, она никогда не пыталась колонизировать другие государства. Наши предки оставили нам в наследство хорошее поле взаимоприятных отношений с народами мусульманского мира. Конечно, они, как было принято в те далекие времена, с оружием в руках соперничали за влияние с соседними империями — Персией и Турцией, но при этом ими никогда не ставилась цель завоевания и подчинения. Сегодня наше прошлое, похоже, сближает нас лишь с этими двумя дружественными влиятельнейшими державами — новыми центрами силы многополюсного мира.

Политика веротерпимости окончательно восторжествовала в России в эпоху Екатерины II, в XVIII веке. Но вопреки расхожим представлениям и до этого, и в Петровскую эпоху, когда на отношения Петра I к мусульманам накладывалась ситуация, связанная со столкновением интересов с Персией и Ираном, в политике царя не было исламофобии. Вокруг него, в том числе и в военных походах, всегда находились представители мусульман. К примеру, с Прутского похода 1711 года в окружении царя стал выдвигаться представитель одного из известных мусульманских аристократических родов — Тевкелев. Толерантность российского ислама, преданность укрепляющейся и растущей российской уммы нашему многонациональному и поликонфессиональному государству давно стали одной из главных цементующих основ, на которых базируется наша государственность. Но достаточно истории: сегодня к ней все чаще апеллируют политики, недостойно манипулируя ее данными. В общем, как правильно сказал президент Д. Медведев, выступая в Каире, нам не нужно добиваться дружбы с исламским миром, так как Россия является его неотъемлемой частью.

Важно и то, что русских сближают с исламским миром схожие моральные идеалы — это ответственность человека перед обществом и государством, взаимопомощь, роль семейных ценностей, нравственный подход к международным отношениям и многое другое. Можно говорить о цивилизационной близости наших народов. Сегодня Россия переживает эпоху решительного восстановления национальной культурно-исторической памяти. В этом, одном из важных измерений процесса укрепления нашей государственности, православная и мусульманская традиции объединены и своей богоданной близостью, и жизненными интересами людей, которые сталкиваются с вызовами эры глобализации, попирающей национальные устои. Для исламского мира это также вызовы агрессивной секуляризации,

которые проповедают некоторые группы в западных обществах.

Религиозные корни наших культур восходят к одному источнику, хотя ветви выросли в разных направлениях. Но разве так важно, что в наших православных храмах живописная икона, как писал Иоанн Дамаскин, является «поклонным образом», а в мечетях нет антропоморфного образа? Важно, чтобы в наших отношениях всегда торжествовала толерантность, готовность к сосуществованию культур. Именно толерантность является стержнем всех священных религий мира.

Наконец, мы вместе с исламским миром являемся энергетической «кладовой» человечества. Хорошо известно, что Россия и страны исламского мира совместно располагают основной частью ресурсно-энергетического потенциала Вселенной. В этой лодке нам еще довольно долго — желательно как можно дольше — плыть вместе.

В заключение несколько слов о так называемой «мировой войне с террором». Термин «исламский терроризм» категорически неприемлем, что очень

современно отметил Президент РФ. Этот термин стал ярлыком, который с радостью вешают на мусульманские общества их недруги. Однако не будем забывать того, что в этих обществах, к сожалению, есть разъедающие их изнутри злостные силы, неправомерно присваивающие себе право говорить от имени ислама и пытающиеся с помощью религии оправдать действия, коренным образом противоречащие его ценностям. Они предали забвению тот факт, что для мусульманской культуры характерны не только любовь к единоверцам и почтение к друзьям, но и уважение к противникам и милосердие к побежденным.

Лечить собственные болезни и исламский мир, и Россия, у которой они тоже имеются, должны сами, а не при помощи иностранных советчиков, охотно прибегающих для этого к военной силе. В треугольнике, о котором я говорил в докладе, лишь на одном отрезке — в отношениях между Россией и исламским миром — диалог, сотрудничество, взаимообогащение и культурный синтез позволяют надеяться на бесконфликтное будущее.

Н. Д. Никандров¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ОДИН МИФ ПОРОЖДАЕТ ДРУГОЙ

О глобализации написано столько, что, кажется, трудно что-либо добавить. Многочисленные публикации, оригинальные и обзорные, прослеживают ее с незапамятных времен, со времен античного мира. Ведь и тогда, и даже раньше были и миграция населения, и соответственно обмен идеями, изобретениями, технологиями, экономическими инструментами. Масштабы, разумеется, были другими. Где-то в середине XX века количественные изменения как-то «сами собой» переросли в качественные, и применительно к современности именно это время чаще всего связывают с реальным началом глобализации как процесса, охватившего всю планету и практически все сферы деятельности.

Ретроспективно рассматривая эти процессы и делая акцент прежде всего на экономической стороне дела, современные исследователи спорят о плюсах и минусах глобализации, о том, благо это или бедствие, увеличивает ли она бедность в мире или, напротив, уменьшает ее. Так, например, в конце 1990-х К. Анан, тогда генсек ООН, говорил, что «миллионы и миллионы граждан убеждаются на собственном опыте, что глобализация не подарок судьбы, а сила

разрушения, подрывающая их материальное благополучие или их привычный образ жизни»². В том же ключе высказывался лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц, утверждавший в книге с показательным названием «Большое разочарование», что глобализация не срабатывает для бедных планеты и для стабильности мировой экономики³. Легко найти и высказывания в противоположном духе, особенно те, которые так или иначе отражают интересы финансовых кругов и транснациональных корпораций. Например, в 2002 году Мировой банк утверждал на первой же странице подготовленной им книги, что «в целом глобализация позволяет уменьшить бедность»⁴. Но и те исследователи, которых трудно заподозрить в лоббировании этих интересов, в том числе занимающиеся гуманитарной сферой, например образованием, нередко видят прежде всего плюсы глобализации, отмечая и ее минусы⁵.

В рамках статьи мы не будем вмешиваться в этот спор по финансово-экономическим вопросам. Достаточно иметь в виду, что 1) это — именно спор, никто не привел однозначных и общеприемлемых аргументов за или против; 2) следует различать идеологические аргументы и реальные результаты; 3) экономика так или иначе влияет и на все другие стороны деятельности людей; 4) как экономическая мощь нередко выражается в экономическом империализме,

¹ Президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 300 научных работ, в т. ч. монографий: «Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий», «Воспитание ценностей: российский вариант», «Перспективы развития образования в России», «Воспитание и социализация в современной России: риски и возможности»; учебных изданий: «Общие основы педагогики», «История педагогики», «Педагогика высшей школы», «Организация учебно-воспитательного процесса в педагогическом институте», «Введение в специальность». Член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. Лауреат премий Президента РФ и Правительства РФ в области образования.

² См.: Известия. 1998. 22 авг.

³ Stiglitz J. E. La grande disillusion. P., 2002. P. 280.

⁴ Mondialisation, developpement et pauvreté. Washington, 2002. P. 1.

⁵ См.: Мясников В. А., Найденова Н. Н., Тагунова И. А. Образование в глобальном измерении. М., 2009.

так можно говорить и говорят — о культурном империализме, навязывании мощными (не обязательно в культурном отношении) странами культурных образцов странам, экономически менее мощным.

Нас будет интересовать глобализация в гуманитарной сфере, в сфере культуры, науки, образования. При этом помним, конечно, что все созданное человеком (в том числе и наука, и образование, и весь образ жизни) есть культура в ее широком понимании. Но кое-какие идеи и имена из социально-экономической и политической области стоит все же вспомнить, поскольку они (люди и идеи) фактически достаточно давно обозначили тенденцию развития и в гуманитарной сфере.

Речь идет о понятиях конвергенции и идеологии. Обе идеи возникли в середине XX века. Прежде всего стоит вспомнить работы Д. Белла, родившегося в 1919 году и здравствующего поныне. В некотором смысле его судьба и идейная трансформация хорошо иллюстрирует мысль мудрого премьер-министра Франции Ж. Клемансо: «Кто в молодости не был радикалом, тот не имеет сердца. Но кто в старости не стал консерватором, тот не имеет головы». В самом начале 1960-х годов Д. Белл обосновал концепцию деидеологизации, согласно которой социальные конфликты затухают, классовая борьба уходит в прошлое, общества идут к согласию. Но очень скоро в знаменитой книге «Конец идеологии. Об истощении политических идей в пятидесятых» он уже отказывается от идей деидеологизации, напротив, говорит о важности идеологий, особенно религии¹. Позднее ученый обосновывает более мягкие идеи постиндустриального общества, еще позднее приходит к либеральному консерватизму.

Но дело, конечно, не только в формуле Клемансо о естественном возрастном развитии человека и его идей. На самом деле многие и по многим показателям уже вскоре после возникновения идей деидеологизации, с которыми связывались радужные ожидания вселенского согласия, с сожалением — или просто сообразуясь с реальностью — отказывались от этих идей. То же произошло и с конвергенцией, идеей сближения стран, экономик и идеологий, известным сторонником которой в 1970-х годах в СССР был А. Д. Сахаров. Надежды здесь явно опережали реальность. Примерно так же развивались и идеи глобализации, возникшие в середине XX века.

В относительно краткой статье предаваться воспоминаниям личного порядка не принято. Но сделаю исключение, причина которого будет ясна из следующего изложения. Как раз к тем временам относится увлечение автора изучением иностранных языков. Соответственно, я очень внимательно и часто слушал чужие («чуждые», «вражеские»?) радиоголоса. Нередко на русском языке, что было не просто из-за глушения, чаще — на нескольких иностранных, которые с усердием изучал. При этом идеолого-политическая сторона передач меня первоначально мало интересовала — я был вполне нормальным и обыкновенным советским человеком, патристически настроенным. Тем не менее время, проведенное

за радиоприемником, подвело меня к рассуждениям идеологического свойства. Я с удивлением (тогда, теперь уже давно не удивляюсь) обнаружил, что при всем разнообразии радиостанций, характера передач, их тематики и языков по всем основным вопросам политико-идеологического свойства совершенно прозрачной была близость, нередко идентичность оценок, аргументов и даже приводимых примеров. Это касалось положения дел внутри и вокруг СССР, советского строя, политики СССР в самом широком плане. Разумеется, в других вопросах, мало или менее влиявших на политический менталитет (слово это, впрочем, тогда почти не употреблялось), были и разнообразие, и полемика.

Привыкнув к некоторым передачам и именам, я научился заранее предсказывать, что, кто и где скажет по тому или иному вопросу. Первоначально мне это было просто забавно как своего рода интеллектуальное упражнение. Потом понял, что это и есть самое реальное отражение идеологической борьбы: оценка определялась не реальным положением вещей, не здравым смыслом и логикой, а тем, как эта формируемая оценка вписывается в общий идеологический конструкт человека — организации — радиостанции — общества — государства.

Разумеется, я и тогда знал пословицу, согласно которой музыку заказывает тот, кто платит. Понимал и то, что плата отнюдь не обязательно должна быть в рублях, долларах или иной валюте. Это может быть плата разного рода услугами, устройством на работу или сохранением на рабочем месте, безопасностью собственной или близких и т. д. Соответственно невозможна и подлинная — абсолютная — независимость. Кроме грубых или мягких рычагов давления (скажем мягче — влияния) есть еще и самоцензура — часто самое надежное средство, позволяющее «и невинность соблюсти, и капитал приобрести».

Конечно, нам всем известны примеры, когда люди в разных ситуациях действительно выражают свою точку зрения, несмотря на возможные или несомненные риски разного рода; рискуют при этом благополучием, свободой и даже жизнью. Но речь идет не о примерах, пусть многих, а о типичном поведении работников «гуманитарного фронта» (особенно СМИ) тех времен и, самое главное, времен наших, поскольку в своей основе ситуация изменилась крайне мало. И сказано это не с осуждением, а с пониманием — такова жизнь. В 1930 году К. Скотт, редактор газеты «Манчестер гардиан», написал историческую фразу, изящный и остроумный афоризм: факты священны, их толкование свободно. Но все последующие годы только подтвердили, что разделить факты и аргументы, факты и их толкование можно во времени и пространстве (например в разных передачах или их разных частях), но общая идеологическая картинка, общий посыл всегда однозначен. То, что это так, хорошо показано во многих работах². В некоторых случаях какие-то вопросы пиара (даже чер-

¹ См.: *Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties.* N. Y., 1965.

² См., например: *Занесоцкий А. С. Образование и средства массовой информации как факторы социализации современной молодежи.* СПб., 2008; *Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием.* М., 2002; *Никандров Н. Д. Черный пиар: пособие для журналистов, читателей и слушателей.* М., 2007; *Ольшанский Д. В. Политический PR.* СПб., 2003.

ного) поддаются правовому регулированию¹, чаще речь идет о регулировании нормами морали и законами рынка, которые плохо гармонируются и нередко контрастируют.

С учетом сказанного легко понять, что гуманитарная сфера, то есть все созданное для влияния на культуру, нравственность, менталитет, лояльность, поведение человека, «нагружена» идеологией, использует — не может не использовать — идеологические формулировки, мифы и штампы. Это, в свою очередь, во многом определяет общий посыл статьи, книги, фильма, телепередачи, телеканала, в конечном счете — любого произведения культуры, а значит, направление и результаты социализации человека. Именно поэтому специалисты говорят о «дисфункции», «деформации» институтов социализации². Полагаю, вполне можно говорить о большем — о том, что воспитание (то есть процесс, специально организованный в школе, вузе и т. д.) и социализация (воспитание жизнью) работают не только не в сотрудничестве, но в противофазе и противостоянии. Это приводит к потере человеком собственной идентичности, делая его более зависимым от внешних факторов и влияний³. В частности и в особенности — от влияния СМИ⁴.

Иногда говорится, что средства массовой информации лишь отражают ситуацию в обществе, но не определяют ее. Однако они формируют восприятие ситуации и тем самым часто и во многом творят ее. Еще в 1928 году была сформулирована так называемая «теорема Томасов»: если люди считают ситуацию кризисной, то ее последствия будут представлять собой реальный кризис⁵. Много позднее Д. Макквейл вывел интересное следствие общего порядка из этой, казалось бы, относящейся только к психологии теоремы. Это следствие — о «провокационной» роли СМИ: если Си-эн-эн называет ситуацию кризисной, то она действительно станет кризисом со всеми его последствиями⁶. И если даже не воспринимать ни теорему, ни следствие на уровне определенности математической теоремы, тенденция, полагаю, схвачена верно.

Поскольку нас прежде всего интересует положение дел на нашей Родине, в России, для подтверждения сказанного необходим анализ потока информации, который циркулирует внутри страны и направлен на нее извне. Что касается внутреннего потока, мне бы хотелось положиться на опыт читателя, который читает книги, газеты и журналы, смотрит телевидение, слушает радио, со всех сторон окружен рекламой и даже иногда ходит в кино. По упомянутой выше причине за более чем 50 лет у автора на-

копился достаточно представительный опыт анализа этого потока из разных стран и на разных языках. Рамки статьи слишком узки для сколько-нибудь значимого набора примеров из «доказательной базы». Поэтому лишь перечислю те посылы, которыми нагружен глобальный поток информации, закончив это перечисление тем, что идет извне. Последнее желающие могут проверить, посмотрев зарубежные телеканалы и послушав зарубежные телепередачи на иностранных или на русском языках, что сейчас вполне доступно. Самым представительным и простым примером были бы передачи радио «Свобода», которая с 1 марта 1953 года финансировалась ЦРУ, а с 1971 года финансируется Конгрессом США.

Итак, каковы же посылы («контент») и те средства, которыми они доносятся до нас (своего рода «несущие частоты»)?

1. Негатив и зло в мире преобладают над добром. Средства — преобладание негатива в информационном потоке, особенно в кратких новостях.

2. Наш мир есть мир насилия (физического, военного, сексуального, психологического), противостояния и соперничества, что естественно. Средства — натуралистический показ насилия с использованием всех текстов, аудио- и видеосредств. Отметим, что, по данным исследований, такая демонстрация насилия даже «в борьбе за правое дело», например в борьбе с преступностью, у всех вызывает повышенную психологическую тревожность, у детей и людей с неустойчивой психикой возможно подражание в средствах и «методике» применения насилия.

3. Основной (сексуальный) инстинкт — действительно основа всего. Здесь трудно определиться с «нормой доступности», но, по многим данным, мы сейчас в этом отношении практически «впереди планеты всей». Средства те же — натуралистический показ, а также реклама сексуальных услуг и различных товаров на фоне сексуальных элементов видеоряда. Дополнительные «благоприятные возможности» здесь дает Интернет.

4. Культ «красивой жизни», богатства вообще и денег в частности естествен и необходим, «воспитание разумных потребностей» — пережиток коммунистических времен, высшие (духовные) потребности — либо от скудости, либо от глупости. Средства — демонстрация в связанных сюжетах и без сюжета.

5. Рынок правит миром, причем не только экономикой, но и всеми взаимоотношениями людей. Средства — вербальное и образное (аудио, видео) убеждение, что все продается и покупается, включая рыночный словарь применительно к человеку (например покупка, аренда, обмен спортсменом).

6. Конкуренция и соревнование за выгоды и ресурсы естественны, взаимопомощь и тем более альтруизм — исключение, удел оригиналов и святых («бери от жизни все»). Средства — подбор и частое повторение соответствующих сюжетов, а также указанные в п. 5.

К этим посылам и средствам глобального плана добавим то, что идет на Россию извне.

7. Российские власти всех уровней не заботятся о народе и в высокой степени коррумпированы. Они были лучше в 1990-е годы (то есть когда соглашались

¹ См.: Дорский А. Ю. Правовое обеспечение PR. СПб., 2005.

² См.: Гатальский В. Д. Педагогика профилактики и коррекции девиантного поведения учащейся молодежи. СПб., 2009.

³ См.: Проблемы идентичности в трансформирующемся российском обществе и школа / В. А. Лекторский [и др.]. М., 2008.

⁴ См.: Занесоцкий А. С. Указ. соч.

⁵ См.: Thomas W., Thomas D. The child in America. Behavior problems and programs. N. Y., 1928.

⁶ См.: McQuail D. Media performance: mass communication and the public interest. L., 1993.

на все, чего требовали США. — *Н. Н.*) Средства — подчеркивание соответствующей новостной информации, более частое повторение таких новостей в программах, специальные передачи для «концентрации» негатива подобного рода, особенно с привлечением радиослушателей. Особенно «полезен» для этого жанр ток-шоу (в народе — «треп-шоу»). Причем расчет (вполне правильный) делается на то, что особенно активно звонить будут люди, имеющие реальные проблемы на житейском, бытовом уровне, в то время как в целом удовлетворенные обычно относятся к «молчаливому большинству».

8. Российская армия, милиция, вообще все органы правопорядка антинародны, жестоки и коррумпированы. Средства — активный подбор соответствующих сюжетов, частый их повтор в общенациональных и специальных программах.

9. Гражданский патриотизм в России если и был возможен (например во время Великой Отечественной войны), то сейчас характер отношения народа и власти делают его реально невозможным. Средства — соответствующее толкование реальных событий, выступлений правозащитников, дегероизация (развенчивание героев прошлого), чужой патриотизм (сюжеты о маскулинности, героизме и мужестве вышших представителей власти и правоохранительных органов избранных зарубежных стран).

10. Права и свободы человека в России не защищены и сознательно нарушаются властью и людьми по отношению друг к другу; это происходит чаще, чем в «цивилизованных» странах. Средства — как в п. 8, 9.

11. Высшие иерархи православной церкви в России запятнали себя в давнем прошлом сотрудничеством с КГБ, в последние годы — бессовестным использованием рыночных механизмов для получения прибыли, при этом государство односторонне поддерживает именно православную церковь, нарушая тем самым Конституцию. Средства — как в п. 7–9.

12. Уровень развития России крайне низок. Средства — подчеркивание реального (достаточно часто) или мнимого технического превосходства «цивилизованных», «развитых» стран, частое, вызываемое или не вызываемое сюжетной необходимостью использование этих терминов для характеристики стран при их сравнении с Россией, одностороннее, часто искаженное толкование разного рода международных сравнений в образовании, науке, культуре. Так, часто подчеркивается «молодость» демократии в России, причем «забывается» о том, что в России крепостное право было отменено в 1861 году, а рабство в США — в 1867, что до середины 1950-х годов расовое неравенство было реальным и жестким фактом в США, что вполне преодоленным его на бытовом уровне нельзя считать и сейчас.

13. Между странами СНГ имеются непреодолимые противоречия, обусловленные историей российской и советской империй, имперскими «замашками» современной России. Средства — односторонняя интерпретация исторических событий, «забывающая» об огромной помощи России в развитии многих бывших губерний и республик СССР и делающая акцент на других фактах (напри-

мер «оккупация» прибалтийских стран Советским Союзом).

14. Российская власть неэффективна еще и потому, что расколота. Имеются непреодолимые противоречия между центром и регионами, между ветвями власти, а также в тандеме «Медведев–Путин». Средства — подбор сюжетов, допускающих интерпретацию в этом духе реальных событий, бесконечное повторение соответствующих сюжетов в ток-шоу.

Приведенные выше идеологические послылы каждый человек легко подтвердит, анализируя собственный опыт чтения, просмотра телепередач и рекламы, слушания радио. Причем даже не надо обращаться к зарубежным и иноязычным источникам — некоторые российские радиостанции и каналы телевидения демонстрируют то же самое. Причем хочется еще раз подчеркнуть, что у автора нет намерения «хулить» и «чернить» авторов, комментаторов, телеведущих, актеров, задействованных в этой работе. Это именно работа, которую люди делают, всегда так или иначе отвечая себе на вопрос: «С кем вы, мастера культуры?», а можно было бы сказать, расширительно понимая М. Горького: «С кем вы, гуманитарии?» При этом не имеет значения, оплачивается ли эта работа (чаще всего, конечно, оплачивается) или же выполняется «на общественных началах».

Рассматривая с приведенных выше позиций гуманитарное знание и действие, попробуем разобраться, чего же все все-таки мы можем ждать от глобализации в культурной сфере, какие надежды, как уже ясно, не оправдались, а что, может быть, нам не очень и нужно, даже вредно.

Видимо, можно и нужно ожидать относительно мирного сосуществования в культурной сфере и сфере человеческих взаимоотношений. Частично в результате глобализации, интенсификации обменов и общений, частично в результате понимания огромной мощи потенциала разрушений, накопленного человечеством, который сметет все, весь мир, если идеологическое противостояние превратится в холодную войну с перспективой перехода в «горячую». Но и над этим нужно работать, и все, что связано с терпимостью к другому человеку, другой нации, другому государству, другому мировоззрению (толерантность), способствует успеху. Как — описано в сотнях работ. С другой стороны, фундаментализм любого толка успеху мешает. И, конечно, при всех разговорах о глобализации, диалоге цивилизаций и культур, дружбе народов, при всех полезных шагах в этом направлении важно помнить то, что просто и понятно выразил еще Александр III Миротворец (**Миротворец!** — *Н. Н.*): у России только два союзника — ее армия и ее военно-морской флот. Ведь идеологические расхождения России с другими странами были до 1917 года, были после, есть и будут. Современная военная доктрина нашей страны при ее мирной направленности также фактически признает военные риски, есть риски и в социальной сфере¹. Но работать надо над тем, чтобы эти риски смягчал диалог культур.

¹ См.: Стратегические риски России / под ред. Ю. Л. Воробьева. М., 2005.

Он, безусловно, возможен и необходим, и при условии взаимной терпимости приводит к взаимному обогащению. Здесь вряд ли нужны особые обоснования, достаточно вспомнить остроумное сравнение Б. Шоу: «Если у меня и у Вас есть по яблоку, и мы ими обменяемся, то у каждого останется по яблоку. Но если у меня есть идея, и у Вас есть идея, то при обмене у каждого будет по две идеи». Прекрасный и очень конкретный вариант диалога культур и цивилизаций показан в интересном сборнике «Диалог цивилизаций»¹, а также во всех сборниках «Лихачевских чтений». Такой диалог возможен и необходим и в образовании.

Если иметь в виду современный мир, то особенно интересно проследить его с 1950-х годов, когда начался регулируемый процесс сближения систем образования, перешедший много позднее в Болонский процесс. Но с самого начала и позднее практически во всех документах Болонского процесса подчеркивалось, что лучшее и оправдавшее себя в национальных системах образования должно в них быть сохранено. Именно несоблюдение этого принципа обусловило весьма малый энтузиазм европейцев (включая итальянцев) по отношению к Болонскому процессу и сомнения многих россиян в его полезности. Помимо политического и научного варианта диалога возможна и эффективна народная дипломатия, широкое общение граждан разных стран по самым разнообразным вопросам. Опыт показывает, что даже при военных и дипломатических осложнениях такое общение, хотя и затрудняется формальными ограничениями, обычно не приводит к реальному ухудшению отношений между людьми.

Нельзя, полагаю, даже не нужно думать о глобальной культуре, которая невозможна по причине экономического, политического и идеологического соперничества. Конечно, можно все свести к формуле единства в многообразии. Но тогда мы уже, как господин Журден у Мольера, не знавший, что всю жизнь говорит прозой, и так живем в этом состоянии. Троица едина в трех лицах, СССР был един в 15 разных республиках, Россия едина в 88 разных субъектах, Европа едина в десятках весьма разных стран, музыка едина в разных жанрах и т. д. И каждое единство, каждая целостность защищает себя от других единств и целостностей, причем уже не на философском, а на вполне конкретном уровне. Достаточно, например, посмотреть на кары французского законодательства за несанкционированное использование не французского (прежде всего английского) языка в рекламе, кино и так далее («закон Тубона» 1994 года — по имени французского министра культуры и французского языка — да, именно так назывался этот пост: *ministre de la culture et de la francophonie*, который занимал Жак Тубон. — *Н. Н.*). И если помнить, что основой культуры является язык, то призывать к глобальной культуре означает призывать к глобальному языку, что вряд ли защитимо на рациональном, еще менее на эмоциональном уровне.

Очень показательным примером является то, как редко американцы говорят теперь о «плавильном котле», который формирует единую американскую нацию, американского «нового человека». Этот термин (*melting pot*, потом *melting pot*) существовал в таком понимании уже с XVIII века, когда США воспринимались как своего рода новая обетованная земля, где будет воспитан и новый человек. И этот термин, над которым в его советском понимании много смеялись критики советской социологии и педагогики в 1990-е годы, тоже существовал в США с давних времен (*American new man*). Но *tempora mutantur et nos mutamur in illis* — «времена меняются, и мы меняемся в них», как говорили еще древние римляне. Идея плавильного котла ушла, языковых и культурных проблем в США много как никогда раньше. Небеспроблемна эта ситуация и в России, нам тоже впору принимать меры к защите русского языка, поскольку закон 2005 года № 53-ФЗ, хотя и составлен весьма похоже на соответствующий французский, работает не очень надежно.

И в заключение вернемся к началу статьи, к ее заглавию. Мифом, конечно, является не сама глобализация — это объективное явление, если понимать ее как процесс и результат умножения и усиления разнообразных связей между цивилизациями, государствами, нациями, обществами, общественными группами и людьми. Мифом является понимание глобализации как своего рода плавильного котла по образу и подобию ушедшего в небытие американского, в котором якобы все перечисленные выше субъекты когда-то сольются, «переплавятся». Так, собственно, вопрос в явном виде и не ставится, но, если использовать компьютерный термин, «по умолчанию» мы — якобы — на этом пути. Может быть, это идеал, который, как всякий идеал, полностью не достигим, но желателен? Однако если использовать другую аналогию, так мы придем к первобытному хаосу, энтропии, неупорядоченности, дезинтеграции связей, поскольку исчезнут реальные субъекты этих связей. Если кто-то не любит упоминания имени Маркса, то и по Гегелю без различий, несходств и противоречий нет развития. Это к вопросу не только о достижимости, но и о желательности так понимаемой глобализации.

Соответственно и глобальная культура есть миф, хотя вполне реальными являются диалог культур, как и диалог цивилизаций. И вот здесь — реальное поле сотрудничества, совместного действия на различных уровнях — государства, общества, различных сообществ в России и вне ее.

Литература

- Танган С. А. Неолиберальная глобализация. Кризис капитализма или американизация планеты? / С. А. Танган. М., 2004.
- Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting / D. Bell. N. Y., 1973.
- Bell D. The cultural contradictions of capitalism / D. Bell. N. Y., 1998.

¹ См.: Диалог цивилизаций: базовые концепты, идеи, технологии / рук. проекта С. Фарах; общ. ред. О. А. Колобова. Бейрут; Н. Новгород, 2006.

Ю. С. Осипов¹

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Тема X, юбилейных, Международных Лихачевских научных чтений «Диалог культур и партнерство цивилизаций» побуждает осмыслить феномен Российской академии наук в историко-культурологическом ключе.

Как известно, наука — явление вненациональное. Законы природы и общества действуют «поверх» национальных границ, и научное знание, добытое одними учеными, становится в короткий срок достоянием других ученых и шире — источником развития общества и цивилизации. Однако наука — это одновременно и постоянный диалог. Диалог ученых и научных школ. Диалог общества, государства и науки. В этом плане роль Российской академии наук (РАН), или, как ее часто называют, «штаба российской науки», состоит именно в том, чтобы этот диалог был постоянным, наполнялся новым содержанием, чтобы наука не просто развивалась, но и обеспечивала приоритетное положение страны в мире. Эта функция Академии носит исторически устойчивый характер.

Датой основания Российской академии наук принято считать 8 февраля (по новому стилю) 1724 года, когда Сенат одобрил проект Петра I об учреждении в Санкт-Петербурге Академии наук и художеств. В проекте, в частности, говорилось: «...надлежит такое здание учинить, через которое, бы не токмо слава сего для государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и через обучение и расположение оных польза в народе впредь была».

Но еще до того как предложить Сенату проект Академии наук и художеств, Петр I предопределил ее роль в диалоге цивилизаций, стран и поколений. Он принял совет германского мыслителя Лейбница создать Академию как единый организм наук и обучения, лабораторию и высшее учебное заведение одновременно. Лейбниц также обратил внимание Петра I на ту пользу, которую могла бы извлечь европейская наука из сведений, поставляемых из России, а Россия — из сведений европейских ученых. Прислушавшись к совету великого философа, Петр I пригласил в Петербург иностранных ученых, имена которых вошли в историю российской науки: математиков Николая и Даниила Бернулли, Христиана Гольдбаха, физика Георга Крафта, астронома и географа Жозефа Делиля и др.

Уже через несколько десятилетий в российской Академии наук и художеств появились первые оте-

чественные академики: Ломоносов, Тредиаковский, Крашенинников, немного позднее — Попов, Котельников, Протасов, Румовский и др.

Существуют и другие интересные факты, свидетельствующие о диалогическом характере РАН в контексте научного знания и шире — истории России. Как известно, Библиотека Академии наук старше на 10 лет самой Академии наук и называлась по-разному: Санкт-Петербургской Императорской, Российской, Академии наук СССР и снова Российской академии наук — БАН. Ее начали собирать по высочайшему указу Петра Великого с 1714 года, а завершили в 1724 году. Она стала первой государственной, первой национальной и академической библиотекой. Лишь позже были открыты Императорская Санкт-Петербургская библиотека (1716), Королевская библиотека в Париже, позже переименованная в Национальную (1735), Библиотека Британского музея в Лондоне (1753), Библиотека Конгресса США в Вашингтоне (1880).

Масштаб БАН поистине космический — 63 млн единиц хранения. В здании на Биржевой линии и академических институтах Петербурга — 21 млн. Остальные фонды рассредоточены по академическим библиотекам Москвы, Екатеринбурга, Новосибирска, Владивостока, Красноярска. БАН — самая крупная академическая библиотека в мире. Ее даже не с чем сравнивать, потому что, в отличие от других великих библиотек мира, она государственная. БАН — это и память науки, потому что здесь хранятся все академические публикации, выходящие с 1728 года в академической типографии, — почти 2 млн. В БАН как великую ценность хранят библиотеку Петра I. И в БАН каждый день продолжают поступать новые издания со всего мира.

При Петре I БАН была бесплатно открыта для каждого, ее читателей после осмотра коллекции угощали рюмкою вина, «цукербродом» и фруктами по сезону. С 1716 года библиотека не только показывала свои коллекции, но и выдавала их читателям. Прийти сюда и работать здесь мог любой человек с улицы.

С 1721 года БАН ведет международный обмен. Сегодня у нее около 2 тыс. партнеров в 75 странах мира. Она — постоянный член Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений и Международной ассоциации библиофилов. Это позволяет БАН общаться с коллегами напрямую, получать все новые документы и обмениваться опытом.

История РАН свидетельствует не только о том, что здесь закладывались основы привычного для нас сегодня обмена учеными разных стран и диалога наук между Россией и Европой. Тогда же Петр I высказал идею «триединой композиции»: Академия наук — Академический университет — гимназия.

Академический университет должен был стать частью Академии и готовить для нее, как сказали бы сегодня, новые высококвалифицированные кадры.

¹ Президент Российской академии наук, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций: «Академия в истории Российского государства», «Лицом к науке: о научно-технологической стратегии России в XXI веке», «Наука и общество» и др. Член Совета безопасности при Президенте РФ, Высшей аттестационной комиссии РФ. Главный редактор журналов «Вестник Российской академии наук», «Вычислительная математика и математическая физика», «Доклады Академии наук». Председатель, член ряда правительственных, научных и общественных советов. Почетный член и доктор многих иностранных и национальных академий наук.

Эта цель была почти достигнута, когда Академическим университетом стал руководить М. В. Ломоносов (1750–1760-е гг.). После его смерти Академический университет в Петербурге стал угасать и вскоре был закрыт. Но идея «триединой композиции» не исчезла. Вскоре она воплотилась в создании Московского университета.

Именно РАН принадлежит заслуга в организации диалога между наукой и образованием на системной основе. Российские ученые не только создавали новые учебные заведения, но и писали для них учебники, преподавали, переводили научные труды, издавали научно-популярные журналы. Для учебных заведений страны члены Академии написали и издали около 30 учебных пособий на русском языке. В их числе — первый русский учебник по естествознанию «Начертание естественной истории», два учебника по географии — «Краткое землеописание Российского государства» и «Пространное описание Российского государства». Деятели Академии участвовали в реорганизации школьного образования в России. Академик Ф. У. Т. Эпинус, например, составил План об организации в России низшего и среднего образования, который стал основой школьной реформы. Участие Академии в ее проведении выразилось также в подготовке более 400 учителей, открытии первой в России учительской семинарии.

Так, благодаря Академии наук в России начала складываться государственная система школьного образования. В результате в стране увеличилось грамотное население: с 6,9 % в 1797 году до 42,8 % в 1917-м. Усвоив лучшие национальные и западные традиции, Россия, по словам академика Д. С. Лихачева, стала «страной высоких педагогов и высоких школ. Школ с большой буквы».

В качестве примера можно назвать, например, петербургскую школу Карла Мая — сына прусского подданного и шведки. Организованная в петровском духе: «приготовить юношу к труду, полезному для общества», она дала России 12 академиков Российской академии наук, 7 членов Академии художеств, 3 академиков архитектуры. Среди выпускников этой школы был и академик Д. С. Лихачев. Он писал: «Мне повезло. Я учился в очень хорошей школе. Школе Карла Ивановича Мая, такого великого гуманиста, педагога-гуманиста. И там у нас этого (имущественного различия. — *Ред.*) не было принято. У нас учился и сын швейцара, и внук Мечникова, и сын банкира «Митьки» Рубинштейна, который давал в долг Николаю II».

Примерно в это же время этот частный пример из прошлого обобщил для будущего писатель Александр Солженицын. «Говоря о высшей науке, не можем мы забыть, что будущее ее и в том, насколько с годами успешно встраиваются в нее таланты нынешней юности. Высшее образование утверждается и на фундаменте образования среднего». Он сказал об этом, получая Большую золотую медаль Российской академии наук им. М. В. Ломоносова.

Спустя почти три века идею «триединой композиции» реализовал в Санкт-Петербурге академик, лауреат Нобелевской премии Ж. И. Алферов. В 1999 году он открыл Научно-образовательный центр Физико-

технического института им. А. Ф. Иоффе, который позднее стал Санкт-Петербургским физико-технологическим научно-образовательным центром РАН, а в 2009 году — Санкт-Петербургским академическим университетом — научно-образовательным центром нанотехнологий РАН.

Этот университет объединил под одной крышей школьников, студентов и ученых, а именно — учащихся лицея «Физико-техническая школа», студентов и аспирантов физико-технического факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (6 кафедр), самого Академического университета и кафедры оптоэлектроники Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета. В этом университете работают научные академические лаборатории. Здесь читают лекции профессора Санкт-Петербургского государственного университета, научные сотрудники Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе РАН, Петербургского института ядерной физики РАН и других научных организаций Санкт-Петербурга. Сегодня, подводя итоги такой работы, академик Ж. И. Алферов подчеркивает: «Интеграция — важнейший элемент существования современной науки и образования».

Но это не все. Наука и образование, как живые существа, находятся в постоянном движении. Развиваться им помогает диалог с вечной всемирной субстанцией — культурой, что подтверждает реальная деятельность алферовского Научно-образовательного центра РАН. С самого начала — в 1999 году — на совместном заседании Президиума РАН и Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН было решено создать программный комитет лекторий Научно-образовательного центра. В него вошли ведущие ученые Санкт-Петербурга. О цели этого лектория академик Алферов говорит следующее: «Молодежи, выбравшей или еще выбирающей для себя научный путь, путь в физику, представилась конкретная возможность для контакта с ведущими учеными, выдающимися представителями культуры, общественными деятелями. Такие тематические встречи позволяют молодежи в стенах своего учебного заведения не только увидеть выдающуюся личность, но и задать вопросы, пообщаться после лекции. Годы работы лектория показали, что его создание было правильным и, можно сказать, необходимым для развития личностей наших молодых будущих исследователей».

Сначала здесь читался цикл лекций под общим названием «Прощание с XX веком». Сейчас читается цикл «Наука и культура в XXI веке». Лекции открыты для свободного посещения как учащимися школ и студентами университетов, так и сотрудниками научных и общественных организаций.

Академик Н. П. Бехтерева, научный руководитель Института мозга человека РАН, читала здесь лекцию «Живой мозг человека и как его изучают». Академик Е. М. Примаков выступал с лекцией «Россия и современный мир». Академик Б. П. Захарченя — с лекцией «Спин и свет», в которой рассказал о поляризационных свойствах света. Историк, директор Института международных отношений Стэнфордского университета (США), автор книги «Сталин и бомба»

Д. Холловэй выступил с лекцией «Ядерное оружие: прошлое и будущее». Директор центра «Биоинженерия» академик К. Г. Скрябин в своей лекции «Системная биология XXI века» рассказал о современных методах и подходах к фундаментальным проблемам биологии. Директор Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровский одним из первых выступил в лектории с лекцией о музеях мира. Профессор, академик Российской академии естественных наук С. П. Капица — с лекцией «Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле?».

Лучшие ученые Санкт-Петербурга и России читали здесь лекции об экономике, генетике, квазарах, компьютерах, семье Нобелей в Санкт-Петербурге, лазерной революции в физике и технологиях, полимерах, дуэли Пушкина, Петропавловской крепости и Кунсткамере, истории Руси и прорывах в астрофизике. Всего здесь прочитано более 130 лекций. Так, лекторий Научно-образовательного центра РАН стал местом диалога «физиков и лириков» разных поколений.

Диалог разных поколений в науке отразила лекция самого академика Алферова, которую он прочитал старшеклассникам Физико-технического лицея. Она называлась «Папа Иоффе и его “детский сад”». Академик подробно рассказал о жизненном пути основателя Физико-технического института (физтеха), его директора и выдающегося физика мира А. Ф. Иоффе, его юношеских годах и учебе в реальном училище маленького городка Ромны; о его учебе и работе в Мюнхене и Берлине у выдающихся физиков — Рентгена и Резерфорда; о его совместной работе с выдающимися отечественными физиками — Капицей, Курчатовым, Харитоновым, Семеновым, Константиновым, Зельдовичем, Александровым и многими другими. Их содружество позже получило название «детский сад академика Иоффе».

В лекцию были включены отрывки из истории физики, такие, например, как создание ядерной бомбы или полупроводников, и фрагменты личной жизни Иоффе. Например, рассказ о его любви, квартире в одном из «крыльев» нынешнего здания физтеха. И это тоже диалог ученых разных поколений.

Петровские принципы создания Академии наук придали Санкт-Петербургу новое столичное качество — профессионализм. Об этом много писал Д. С. Лихачев. Он считал, что профессионализм Петербурга выражается, среди прочего, в тесной связи наук и искусств с обучением. И напоминал о том, что Санкт-Петербургский университет всегда являлся не только учебным, но и научным заведением, что Военно-медицинская академия всегда была одновременно научным, лечебным и образовательным учреждением, и Академия художеств также объединяла науку, образование и музейное дело. Императорская певческая капелла тоже была не только концертной, но и учебной, и исследовательской организацией.

Но в триединстве «наука—образование—культура» на первом месте с первого дня Академии стояла задача исследования мира.

В первые десятилетия научная работа Академии велась по трем основным направлениям: математи-

ческому, физическому и гуманитарному. Одновременно академики включились и в изучение культурного богатства страны. В свое распоряжение они получили богатейшие коллекции Кунсткамеры. Были созданы Анатомический театр, Географический департамент, Астрономическая обсерватория, Физический и Минералогический кабинеты, Ботанический сад. Благодаря исследованиям академических ученых закладывались основы горного дела, металлургии и других отраслей промышленности России. Велась работа по геодезии и картографии. В 1745 году была создана генеральная карта страны — «Атлас Российский».

По инициативе Академии и при ее участии были проведены комплексные экспедиции, которые раскрыли природные ресурсы России, показали миру самобытную культуру ее народов, дали новые знания о ее животном и растительном мире, представили историю ее регионов. В начале 1740-х годов были опубликованы несколько томов каталога Кунсткамеры. Академия стала хранилищем памятников отечественной и мировой науки. В 1770-х годах она приобретает рукописи Кеплера, которые и сейчас составляют гордость академического архива и использовались Баварской академией наук при издании полного собрания его сочинений. Академия стала поддерживать постоянный диалог с европейскими научными учреждениями и журналами. Ее собственный журнал «Комментарии Петербургской академии наук» (на латинском языке) приобрел популярность и авторитет в научном мире, стал одним из ведущих изданий Европы. Это было в 1728 году. Чуть позже Академия организует собственную типографию, которой поручается издание всей литературы в стране. Потом появились «Академические известия», «Описание земли Камчатки», «Календари». Ее членами становятся знаменитые русские писатели и поэты — Фонвизин, Державин, Пушкин (!). Академия занимает ключевое место в развитии отечественной культуры. Это позволяет ей занять почетное место среди крупнейших научных учреждений Европы, о чем сообщает один французский физик того времени (1736 год): «Петербургская академия со времени своего рождения поднялась на выдающуюся высоту науки, до которой академии Парижская и Лондонская добрались только за 60 лет упорного труда».

В XVIII веке почетными членами Академии становятся более 160 иностранных ученых, в их числе — Вольтер, Дидро, Д’Аламбер, Линней, Франклин. В свою очередь почетными членами зарубежных академий ставятся Эйлер, Ломоносов, Лепехин, Паллас...

Так закладывался диалог наук на высоком уровне, который сегодня по-деловому называется «международными связями Академии». В 1820–1830-х годах, когда для Академии было построено специальное здание, начался новый этап, когда на базе коллекций Кунсткамеры были организованы Ботанический, Зоологический, Этнографический, Минералогический, Азиатский, Египетский и Нумизматический музеи. Позже часть из них вошла в состав Эрмитажа. Выдающимся событием стало открытие в 1820 году Антарктиды (М. П. Лазарев, Ф. Ф. Беллинс-

гаузен) и в 1839 году — Пулковской обсерватории (В. Я. Струве). Это еще больше расширило диалог российских и зарубежных географов и астрономов. Свои научные вершины стали занимать российские математики (П. Л. Чебышев), исследователи аэродинамики (Р. Е. Жуковский), биологии (К. М. Бэр), физики (Э. Х. Ленц), медицины (И. И. Мечников), физиологии (И. П. Павлов), геохимии, радиохимии, радиогеологии (В. И. Вернадский) и много других ученых. Этот краткий список — путь российской науки тех лет, нарисованный пунктиром.

А потом был 1917 год. Академия не отказалась от профессионального сотрудничества с новой властью. Она активно включилась в решение социально-экономических и культурных проблем страны и вскоре была провозглашена «высшим всесоюзным ученым учреждением» — Академией наук СССР. Могло показаться, что исторические, революционные события заставят провести революцию и в петровских принципах работы Академии. Но этого не произошло. В Академию избираются ученые, работающие вне ее системы: в вузах, отраслевых институтах, других организациях. Это позволяет объединить в ее составе большинство выдающихся деятелей науки и культуры и продолжать их диалог.

Создаются отделения и филиалы АН СССР в национальных республиках и крупных регионах страны — на Украине, в Белоруссии, Сибири, на Дальнем Востоке, в Пушино, Черноголовке, Троицке.

Фундаментальные результаты практически во всех областях знаний вывели российскую науку на нобелевский уровень. После первого русского лауреата Нобелевской премии Ивана Петровича Павлова эту высшую научную награду получили: Н. Н. Семenov (1956), П. А. Черенков, И. М. Франк, И. Е. Тамм (1958), Л. Д. Ландау (1962), Н. Г. Басов и А. М. Прохоров (1964), П. Л. Капица (1978), Ж. И. Алферов (2000), В. Л. Гинзбург (2003).

Академия наук в XX веке — это, конечно, физика и ядерная физика, мирный атом и атомная бомба. Фундаментальные результаты были получены математиками. Были созданы многопроцессорные вычислительные системы; расширены представления о Вселенной; созданы лазеры; построены установки для исследования термоядерного синтеза. А еще биология, медицина, химия, нейрофизиология и исследование мозга человека, гуманитарные и общественные науки, экономика и те науки, которые развиваются на «стыке» классических наук. Но по признанию специалистов, особая гордость науки XX века — космос. Запуск первого искусственного спутника Земли, Сергей Павлович Королев и Борис Викторович Раушенбах, Борис Евсеевич Черток и Владимир Федорович Уткин — великие ученые и конструкторы, проложившие путь Юрию Гагарину и сотням космонавтов других стран. Диалог тех, кто осваивает сегодня космическое пространство, продолжается на Международной космической станции (МКС)...

Эти достижения позволили АН СССР и позже РАН вести новый диалог с миром. Именно ученые стояли у истоков крупнейших международных соглашений — Договора о запрещении ядерных испы-

таний в трех средах, мировой программы по мирному использованию атомной энергии. Именно в Академии наук была разработана концепция нового диалога цивилизаций — современного этапа международных отношений как формирующейся многополюсной глобальной системы взаимосвязей, отражающей многообразие и целостность интересов гражданина, общества, государства и мирового сообщества.

В последние время Академия сохраняла и развивала традиционные направления деятельности и свои исторические принципы. С учетом новых реалий времени они, конечно, приобретают новые формы, но остаются прежними по содержанию. Например, прочно вошла в практику такая форма диалога, как двусторонние соглашения о сотрудничестве с научными учреждениями разных стран, в их числе — национальные научные центры Франции, Англии, Германии, США, Словакии, Румынии, Кореи, Индии, Италии, Польши, Финляндии, Швеции, Нидерландов, Норвегии, Израиля, Китая, Японии, Монголии и других стран. Подписанные РАН соглашения с зарубежными партнерами предусматривают обмен учеными, позволяют избежать информационного вакуума, получать ценную информацию о зарубежных проектах, программах по изучению, например, Мирового океана, космоса, климата, экологии, термоядерной энергии, биологии человека и многим другим важным проблемам.

РАН, ее институты и другие научные учреждения являются членами международных научных организаций, действующих практически во всех областях теоретической и прикладной науки, сотрудничают с такими авторитетными межправительственными организациями, как ООН, ЮНЕСКО, ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Всемирная метеорологическая организация (ВМО) и др.

РАН является членом около 230 международных неправительственных организаций, профессиональных союзов и ассоциаций. В их числе — Международный математический союз, Международный совет научных союзов (ICSU), Международный совет социальных наук, Всемирный союз охраны природы, международные союзы по теоретической и прикладной физике, химии, биохимии и молекулярной биологии, биофизике, астрономии, географии, геодезии и геофизике, геологическим наукам.

Ученые РАН достойно представлены в академиях разных стран, в которых объединена элита научного мира и с которыми у РАН налажены постоянные связи. В частности, это Европейская академия в Лондоне, Европейская академия наук и искусств в Зальцбурге, Всемирная академия наук и искусств в США.

Исторически начиная с Петра I, поддерживая интеграционные процессы российской и европейской науки, РАН участвует в Ассамблее европейских академий (АЛЛЕА) и совместно с более чем 50 академиями — членами АЛЛЕА осуществляет научное сотрудничество на общеевропейском пространстве.

В 2000 году РАН приняла участие в создании Межакадемического совета, в руководящий орган

которого вошли президенты 15 ведущих академий наук мира.

Ведущие ученые РАН активно работают в Международной лаборатории сильных магнитных полей и низких температур во Вроцлаве (Польша), Международном институте прикладного системного анализа в Лаксенбурге (Австрия), созданном по инициативе ученых России и США, в Европейском центре ядерных исследований в Женеве (ЦЕРН).

За последние десять лет более 10 тыс. научных сотрудников РАН были участниками международных конгрессов, ассамблей и симпозиумов. Назову некоторые из них: 28-я генеральная ассамблея Международного союза биологических наук; 6-я генеральная ассамблея Европейской федерации национальных академий естественных и гуманитарных наук; 29-й конгресс Федерации европейских биохимических обществ (ФЕБО); Европейский конгресс математиков; 27-е консультативное совещание по Антарктиде; 32-й международный геологический конгресс; 38-й международный конгресс по полимерам; 35-я научная сессия Комитета по исследованию космического пространства (КОСПАР); Международный полярный год...

За последние годы РАН провела в России около 800 конгрессов, симпозиумов и конференций, в которых участвовали около 18 тыс. зарубежных ученых и специалистов.

В последние годы раздается немало голосов (в основном со стороны прессы), что РАН якобы стала замкнутой организацией и даже клубом ветеранов от науки, предлагают то поставить над ней наблюдательный совет из чиновников, а то и полностью реформировать. С этим трудно согласиться. Академия наук — это, с одной стороны, сообщество ученых, членом Академии, с другой — большая организация, множество институтов, в которых, кроме членов са-

мой Академии, работают сотрудники рангом ниже, но все заняты одним делом. Жизнь Академии регламентируется не внезапными идеями отдельных лиц, а Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике» и Уставом РАН, но при этом определяется реальными потребностями государства, как это было во все времена, начиная с эпохи Петра I. И у Российской академии наук, несмотря на все трудности, — великое будущее.

В последнее время интенсифицировался диалог науки с властью. Власть начинает понимать роль науки. Появилась востребованность науки. Это видно по тому, как ставят вопросы ключевые министерства и ведомства. Сейчас все чаще говорится о том, что единственный способ устоять в новой экономической системе — строить экономику знаний... Важно создавать такую среду, в которой можно было бы держать руку на пульсе мировой науки, мировых достижений. Если среда достаточно хорошая, компактная, является носителем мировой научной культуры, то тогда перед страной можно ставить амбициозные задачи.

Если внимательно посмотреть на академическую печать 1735 года, сделанную по проекту выдающегося математика, конференц-секретаря Академии Христиана Гольдбаха, то в центре на фоне двуглавого орла — символа России — можно увидеть щит. На щите изображена богиня мудрости Минерва. Сверху — надпись: «Nis tuta perennat» — «Здесь она в безопасности на долгие годы». Это очень емкая в политическом, культурологическом, смысловом отношении символика. Российская академия наук сохраняет свои традиции и ведет свою партию в диалог науки и цивилизаций. Это служит не только залогом развития и процветания российской науки, но и фактором обогащения научного знания в планетарном масштабе.

Альфредо Перес Браво¹

БЛАГО НАРОДА КАК КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Позвольте мне прежде всего поблагодарить Гуманитарный университет профсоюзов и в частности ректора профессора Александра Запесоцкого за любезное приглашение принять участие в X Международных Лихачевских научных чтениях. Это большая честь — находиться среди вас на одном из самых значительных научных мероприятий в России, посвященном актуальной теме диалога культур и партнерства цивилизаций.

¹ Посол Мексики в Российской Федерации. Был аккредитован в качестве посла Мексики в 47 странах. Занимал пост главы Отдела по политическим вопросам посольства Мексики в Вашингтоне. Был послом Мексики в Малайзии и Старшиной Дипломатического корпуса. Нерезидентный посол в Республиках Армения и Беларусь. Автор книги «Мексика сегодня», ряда научных исследований, опубликованных в 30 специализированных журналах.

Имея опыт работы послом Мексики в 47 странах и познакомившись с множеством разнообразных культур, я не могу не воспользоваться возможностью высказать свою точку зрения по вопросу, который сегодня собрал нас вместе. По этой причине я хочу посвятить первую часть выступления своему видению темы Чтений, а во второй части остановлюсь на некоторых пунктах отношений между Мексикой и Россией.

Предыдущие выступавшие на этих Международных научных чтениях приводили различные определения, способствующие лучшему пониманию того, что мы называем цивилизацией и культурой. Я хотел бы сделать акцент на том, что мне кажется основой этих понятий — на человеке. Или, если быть более точным, на благе народа.

В целом можно согласиться, что цивилизация — это многомерное пространство—время, которое формируется на основе культуры, права и экономики определенной социальной группы; в таком контексте культура — это набор всех форм и проявлений данного общества. Учитывая это, при рассмотрении истории человечества легко обнаружить модели и типы поведения, которые всегда присутствуют в эволюции всех цивилизаций, например, отношение к власти, религии, экономические модели, нравственные ценности, поиск идентичности и т. д. На этом непрерывном пути общества неизбежно возникает «человек и его собственный социальный договор» — то, как люди хотят организовать свою жизнь в пределах своего общества и относительно иностранных.

Очевидно, что уровень развития общества зависит от того, как работает этот социальный договор. Но чем объяснить общественное развитие? Чем объяснить рост, расширение или упадок социальных групп? Во все времена социальный прогресс был возможен благодаря новым инструментам, созданным людьми, и, конечно, их использованию. Темп социальных изменений любого общества, нации всегда зависел именно от создания, обновления и доступности новых инструментов, новых технологий. Социальное преобразование основано на развитии науки и техники, и этот принцип неоспорим.

Новые открытия и изобретения, технологии, техника, наука обладают кумулятивным эффектом. Это значит, что все они, особенно наука, принимают и используют знание, которое было получено в разное время и в разных местах. Следовательно, социальный прогресс тесно связан с научным и техническим прогрессом и за счет этого способен ускорить свое развитие. Это можно наблюдать в том, как социальные группы сокращают циклы своего изменения и развития. Таким образом, можно сказать, что за последние десятилетия человечество изменилось не меньше, чем за несколько предыдущих веков. И, возможно, наши десятилетия по этому показателю станут эквивалентны годам будущих столетий.

Скорость нашего социального развития растет; высокий уровень жизни становится более доступным, но, к сожалению, блага прогресса распределяются неравномерно среди членов одного и того же общества и, конечно, среди представителей разных народов. Это, по моему мнению, является главной мировой проблемой.

Характеристики социальных групп меняются в процессе естественного развития общества, преобразуются экономические модели, политические деятели и государства приспосабливаются к новым изменяющимся обстоятельствам, но природа человека, его потребности, стремления, страхи, желания, мечты и помыслы остаются прежними. Я убежден, что суть мужчин и женщин Античности, Средневековья, Возрождения и нашего столетия осталась прежней. Изменилось качество жизни, количество возможностей, предоставляемых или не предоставляемых каждому человеку, а типы проблем, которые каждому приходится решать, сравнимы с таковыми в другие периоды истории. Повторюсь, привычки человека меняются, так же как и особенности обществ, языки,

умения, но неизменным остается желание каждого жить, преодолевать препятствия и идти в будущее.

Каждый человек значим и важен, поэтому все должны получить доступ к благам, которые несет социальный прогресс. Но реальность всегда была и остается иной. Веками существует неравенство между индивидуумами, социальными группами и народами, но никогда еще социальные группы, сообщества и нации не были так тесно взаимосвязаны друг с другом, как сегодня, и никогда возможность играть главную роль в создании справедливого мира не была так близка каждому.

Отношения между людьми и народами основаны на их интересах. Неоспорим тот факт, что у каждого народа имеется собственная идея, так же как у каждого человека есть собственная жизнь. Каждый ищет, работает и борется за то, что лучше для него. Это естественно. Однако, в отличие от остальных эпох, наше время требует понимания, что мы получаем удовлетворение собственных нужд в той степени, в какой заботимся о потребностях других.

Мы должны изменить свой подход: определить наилучшие стратегии уменьшения социальных и экономических различий, существующих между людьми и народами, при этом не посягая на интересы каждого. В этих стратегиях необходимо сделать упор на новом распределении благ от научных знаний, на новых формах доступа к технологиям для всех, на новых путях сотрудничества различных организаций и народов, на общих целях. Наша государственная политика, научные программы, все действия должны быть направлены на удовлетворение потребностей нынешнего и будущего поколений, на достижение благосостояния людей, независимо от их социального или этнического происхождения. Чем больше разрыв между людьми и народами, тем с более серьезными конфликтами столкнется человечество, но я убежден, что если различия уменьшить, то человеческое общество станет более конструктивным, более похожим на то, каким мы хотим его видеть, более «цивилизованным и справедливым миром».

Мексика и Россия сегодня.

Много лет назад меня спросили: а чем занимается посол? Теперь, когда я уже 20 лет представляю Мексику в качестве посла, мой ответ был бы таким: «выполняет функцию моста: налаживает связи, контакты, которые могут послужить на благо людей и народов». С сентября 2007 года моей основной обязанностью стала работа над укреплением и расширением связей между Мексикой и Россией. Наши страны сегодня входят в пятнадцать крупнейших экономик мира (Россия на 10-м месте, Мексика — на 13-м). На нас лежит большая международная ответственность, и потенциал наших двусторонних отношений огромен. Наш конструктивный политический диалог ведется постоянно. Фактически за последние 120 лет со времени установления дипломатических отношений между двумя странами не возникло ни одного конфликта. Мексиканцы с любовью, уважением и сочувствием относятся к российскому народу, его истории и культуре, и я считаю, что россияне испытывают такие же чувства к Мексике. Торговые отношения (хотя в настоящее время они не соответствуют

размеру наших экономик) начинают находить новые пути развития. За последние два года более 27 тыс. российских туристов посетили Мексику.

В феврале этого года министр иностранных дел Сергей Лавров совершил официальный визит в Мексику. Вместе с коллегой, министром Патрисией Эспиноса Кантеллано, они пересмотрели вопросы, стоящие на повестке дня двусторонних отношений, и продвинулись в различных областях сотрудничества. До этого, в декабре 2009 года, в Москве состоялась четвертая встреча Объединенной комиссии по экономическому, торговому, научно-техническому сотрудничеству и транспорту под председательством министра энергетики Мексики доктора Джорджины Кессель и министра образования России Андрея Фурсенко. Этот форум способствовал расширению уже существующих областей сотрудничества, а также созданию новых сфер торгового, инвестиционного и научно-технического взаимодействия. В феврале 2010 года большая делегация мексиканских бизнесменов во главе с министром сельского хозяйства Мексики Франсиско Майорга посетила выставку продуктов питания «ПРОДЭКСПО-2010» в Москве. Министр Майорга также встретился с российским министром сельского хозяйства Еленой Скрынник, были достигнуты договоренности о возможностях торговли новыми продуктами между двумя странами.

Новой сферой связей между Мексикой и Россией, развивающейся в последние два года, несомненно, стала сфера туризма. После принятого мексиканскими властями решения о сокращении срока выдачи визы российским гражданам в несколько раз увеличилось число туристов, посетивших Мексику. К примеру, два года назад мексиканская виза для россиян оформлялась в течение шести недель. Сегодня та же процедура занимает два дня, и ее можно осуществить по Интернету из любого уголка Российской Федерации. Результатом этого решения также стало то, что с декабря прошлого года чартерный рейс летает из Москвы в Канкун каждые 10 дней. Планируется сделать этот рейс более частым, а также ввести новые направления.

Можно с удовлетворением отметить, что наряду с успешным политическим диалогом между Россией и Мексикой мы сильно продвинулись в таких областях, как торговля, туризм, научно-техническое взаимодействие, а также заложили фундамент сотрудничества в таких сферах, как энергетика, инвестиции, инновации, технологии и других, направленных на удовлетворение потребностей социального прогресса.

Сегодня Россия и Мексика переживают важный период взаимоотношений. Оба народа работают над достижением более высокого уровня двустороннего сотрудничества; оба правительства признают его полезность. У нас общие позиции на международной арене. Важным приоритетом российских и мексиканских общественных и государственных институтов является повышение качества жизни граждан. Обе стороны в то же время признают, что необходимо на практике с упорством и мудростью утверждать нашу международную ответственность. Например, в этом году в Мексике пройдут четыре международных саммита: по энергетике (март 2010 г.), Международная конференция по вопросам молодежи в рамках задач тысячелетия ООН (август 2010 г.), мировой саммит по миграции и развитию (ноябрь 2010 г.) и, наконец, вслед недавнему саммиту в Копенгагене Мексика организует 14-ю Конференцию ООН по вопросам изменения климата (декабрь 2010 г.).

Я не могу завершить свое выступление, не сказав вам об историческом значении, которое имеет 2010 год для всех мексиканцев. В этом году мы отмечаем 200 лет с начала Войны за независимость Мексики, в то же время мы празднуем 100-летие со дня начала Мексиканской революции. 2010 год — это год глубоких размышлений для мексиканцев; нам необходимо усвоить уроки прошлого, говорить о нашем национальном самосознании, о различиях и достоинствах, найти свое место и влиться в международное сообщество, а также неустанно работать на благо лучшего будущего, которого мы хотим достичь, и благосостояния будущих поколений.

Фабио Петито¹

АПОЛОГИЯ ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ РЕЛИГИЙ КАК ИСТОЧНИК ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Прогнозы теоретиков модернизации о неизбежном «отмирании» религии на современном этапе не оправдались. Сегодня очевидно, что религии вновь находятся в центре международной политики. Та-

кое возвращение часто носит враждебный характер и, кажется, не служит пользе общего дела. Чем можно объяснить возрождение религии в мировой политике в эпоху после холодной войны? Что можно сказать о логике (если таковая имеется), по которой религия взаимодействует с международной политикой, пропитывает ее и даже придает ей «сакральные» черты? На эти злободневные вопросы предстоит ответить, особенно если учитывать, что религия и политика последнее время пересекаются и в исламском мире, и на Западе, а также их шаткие взаимоотноше-

¹ Профессор Университета Суссекса (Великобритания), доктор. Сфера научных интересов — проблемы взаимодействия факторов цивилизации, культуры и религии в международных отношениях. Автор более 100 публикаций, в т. ч.: «Civilizational Dialogue and World Order: the Other Politics of Cultures, Religions and Civilizations in International», «Relations», «Europe, the United States and the Islamic», «World: conceptualising a Triangular Relationship», «The International Political Thought of Carl Schmitt: terror, liberal war and the crisis of global order» и др.

ния — главный эмпирический источник подобного исследования.

Отправным пунктом является связь возрождения религии как центрального фактора международных отношений на современном этапе с возрождением концепции цивилизации в политическом дискурсе после холодной войны. Основываясь на последней работе профессора И. Арнасона (при этом доводы С. Хантингтона отчасти сохраняют свою силу), я хотел бы выдвинуть аргумент, что возрождение религий в международной политике должно рассматриваться в контексте цивилизаций (в их фундаментально культурологическом понимании), утверждающихся в качестве стратегических ориентиров, а не в качестве протагонистов международной политики.

Это развитие следует рассматривать как часть более протяженного процесса противостояния господству Запада. Этот процесс усилился после Второй мировой войны и, по словам Х. Булла, явился «культурным бунтом против Запада». Однако может ли такое «цивилизационное» понимание политизированных религий лишить влияния подход «болтовни о культуре» (с его абсолютизированными и диаметрально противоположными положениями)? Может ли цивилизационный подход поставить под сомнение господствующее ныне понимание роли религии в международных отношениях как серьезной угрозы международному порядку и стабильности (в особенности в таких проявлениях, как новые войны, теракты, совершаемые религиозными фундаменталистами, или теории столкновения цивилизаций)? Что дает подобный цивилизационный подход в решении вопросов о понимании статуса межрегиональных и межполитических отношений внутри исламского мира и Запада, а также хрупких отношений между ними?

Возрождение религии в мировой политике: теоретические проблемы и новое прочтение.

Господствующий дискурс академической и общественной мысли, идейно оформившийся в конце холодной войны, рассматривал возвращение религии на международную арену прежде всего как воинственную и склонную к насилию форму политики, практически как божественную кару или наказание, своего рода «отмщение Господне». Именно такие ассоциации породила одна из первых книг на тему возрождения религий (имеется в виду труд Жиля Кепеля). Примеров приводилось множество: конфликты в Боснии, Алжире, Кашмире, Палестине, Судане; повсеместный рост исламизма, индусского национализма от имени хиндиязычного большинства, христиан правого крыла во внешней политике Америки и православия — в России; и, конечно, события 11 сентября 2001 года, подтвердившие эту тревожную и дестабилизирующую тенденцию.

В целом, в рамках теории международных отношений существуют три, возможно четыре типа понимания возрождения религии в международной политике: 1) в контексте так называемых новых войн, когда политическое насилие проявляется на территории «несостоятельных» государств, раздираемых поиском идентичности и военными действиями вдоль границ религиозного разделения; 2) в кон-

тексте религиозного фундаментализма и международного терроризма; 3) в контексте опасений перед грядущим «столкновением цивилизаций»; 4) и, возможно, в контексте растущего внимания к роли интересов и целей религии во внутренних делах некоторых государств, осуществляющих агрессивную внешнюю политику¹.

К сожалению, когда факт возрождения религии и значимости религиозной составляющей в международных отношениях после холодной войны был признан в русле одного из четырех вышечисленных подходов, его интерпретировали в рамках «вестфальской презумпции» (термин С. Томаса). Она сводится к тому, что множественность религий (и культур) не может найти себе места в международном сообществе. Ее необходимо превратить в частное дело индивида либо преодолеть посредством космополитической этики, при условии что международный порядок будет установлен². Другими словами, при таком подходе политика, опирающаяся на религиозную идентичность, выступает прежде всего как конечная угроза порядку, безопасности и цивилизованности. Политизация религии всегда представляет угрозу безопасности, враждебна модернизации и несовместима с улаживанием конфликтов, что должно показывать новые войны, построенные на принципах политической идентичности, и теракты религиозных фундаменталистов.

Такое убеждение имеет большое число сторонников в западных научных и политических кругах. Оно основано на предпосылке, что политизированная религия всегда связана с политической нестабильностью, беспорядочным состоянием международных дел, политикой фундаментализма, терроризмом. В результате не учитывается положительная роль (частичной) политизации религии в отношении модернизации, демократизации и даже миротворчества в некоторых странах так называемого западного и незападного мира, а также в отношении создания новой нормативной базы, отвечающей *плюралистическому* и поликультурному мироустройству будущего. Существуют две причины, объясняющие подобную предвзятость господствующего политологического подхода. Во-первых, это наше традиционное восприятие международной политики, ее европейский опыт и так называемая «вестфальская презумпция». Во-вторых, это негласная антирелигиозная предвзятость социальных наук, корни которой восходят к духу идей Просвещения и позитивизма, всегда полагавших самопознание противником религии.

Именно поэтому я утверждаю, что в генетическом коде теории международных отношений по

¹ Примером такого подхода может служить работа М. Юргенсмейера «Террор во имя Бога: глобальный рост религиозного насилия» (Беркли, 2000), а также М. Калдор «Новые и старые войны: организованное насилие в эру глобализации» (Кембридж, 1999). Глубокие исследования, посвященные осмыслению доминирующих взглядов на религиозный фундаментализм, можно найти в журнале «Фундаментальные исследования» (Чикаго, 1991–1995. Вып. 1–5) под редакцией М. Марти и С. Эплби.

² *Скотт Т.* О религиозном и культурном плюрализме всемирно: глобальное возрождение религии и трансформация международного сообщества // Религия в международных отношениях. С. 21–53.

умолчанию заложено отвержение религии. Вероятно, это можно объяснить тем, что основополагающие принципы теории международных отношений были разработаны в Европе Нового времени для прекращения религиозных войн. Именно тогда, если перефразировать слова Т. Гоббса, Бог уступил место великому Левиафану (суверенному государству). В распоряжение этого смертного бога, которому *новый современный человек* обязан миром и безопасностью, была отдана религия. Благодаря доктрине «Чья власть, того и вера» (*лат. Cuius regio eius religio*) возникли принципы плюрализма и невмешательства, которые почитались как священные основы развивающегося вестфальского устройства. Как следствие — политика с опорой на религию становится конечной угрозой порядку, безопасности и цивилизованности и не должна присутствовать в практике международных отношений, необходимо исключить ее из академических курсов международных отношений.

Вторая причина предвзятости укоренена в теории международных отношений, осознающей себя частью традиции Просвещения, социальной наукой, обладающей привилегированным подходом к пониманию социальных явлений. Во-первых, в общих чертах, необходимо понимать, что религия и Просвещение не очень «ладили» между собой теоретически и политически. Просвещение скорее видело свою генеральную миссию в замене традиционных, основанных на религии мироустройств на универсальное, индивидуалистическое, рационально обусловленное *мировое устройство*¹. Во-вторых, необходимо помнить, что современное международное право (вероятный предшественник дисциплины «Международные отношения») зиждется на знаменитом возгласе А. Джентили: «*Silete theologi in munere alieno!*» («Пусть богословы молчат в делах вне пределов их сферы!», который символизировал конец схоластики и начало новой эпохи, вестфальской эры, где международная политика будет рассматриваться скорее с секулярной, а не с богословской точки зрения.

Это спорное и предвзятое (пред)положение исключает иное понимание возрождения религии в мировой политике. Я хочу доказать, что, хотя многие философы и социологи расценивали этот возврат как «конец современности» либо как «десекуляризацию мира», более важным с позиций развития политики и международных отношений является тот факт, что после окончания холодной войны религия стала важнейшим источником цивилизационной идентичности, в условиях когда цивилизации, понимаемые в сугубо культуралистском смысле, вновь утверждают себя в качестве стратегических ориентиров, а не прямых протагонистов международной политики.

Такое развитие является в некотором смысле типичным для времени, последовавшего за холодной войной. Как отмечал Арнасон, «в контексте глобальной идеологии цивилизационные притязания и ориентиры играют теперь более важную роль, чем во времена разгула соперничающих универсализмов эпохи холодной войны». Это высказывание также не-

обходимо трактовать с учетом длительного процесса по оспариванию господства Запада. Этот процесс усилился после Второй мировой войны, именно его Х. Булл назвал «бунтом против Запада». По Буллу, этот бунт можно разделить на пять этапов: борьба за равный суверенитет; антиколониальная революция; борьба за расовое равенство; борьба за экономическую справедливость; и, наконец, борьба за культурное освобождение². Последняя волна бунта против Запада, известная также как поиск странами незападного мира национальной идентичности либо как борьба против культурного неоимпериализма Запада, наиболее ярко проявилась в исламской революции в Иране в 1979 году и появлении во всем мире политического ислама, а также в новом утверждении в азиатских государствах так называемых «азиатских ценностей»³.

Сегодня мы живем в мире, большей частью находящемся в состоянии культурного мятежа. Он, по-видимому, только усилился после окончания холодной войны, когда возникла презумпция политически обоснованной необходимости общей (политической, экономической и социальной) либеральной и западной модели для всех стран мира. В этой ситуации религия явилась одним из ведущих способов сопротивления. Она обеспечила основу радикальной критики западнцентристской и либеральной глобализации. В связи с этим можно привести меткое выражение Режи Дебрэ: «В конце концов религия оказывается не опиумом для народа, а витамином для слабых». Она становится одним из ключевых векторов политического сопротивления и политической борьбы во имя социальной этики «реально существующих сообществ» и аргументов, затрагивающих сердца людей. Как представляется, данный процесс культурного бунта против Запада необходим для понимания нового центрального положения цивилизационной политики в эру после окончания холодной войны. В связи с этим довод С. Хантингтона частично сохраняет свою истинность.

На мой взгляд, новое центральное положение вопроса о демократии и демократизации в международной повестке после холодной войны, в особенности после событий 11 сентября в США, сделало этот процесс более очевидным и насущным. В противовес утверждениям многих сторонников содействия демократии можно сказать, что распространение демократии вовсе не обязательно уменьшит интенсивность дебатов по поводу господства Запада в международном сообществе на современном этапе. Напротив, споры могут усилиться в связи с последними успехами реализации процессов демократизации в незападном мире, осуществленными за счет национального и культурного переосмысления демократии⁴. Воспользовавшись понятием, заимствованным

² Булл Х. Бунт против Запада // Экспансия международного общества. С. 220–224. См. также: Линклейтер А. Рационализм // Теории международных отношений / под ред. С. Берчилла и др. 2-е изд. Нью-Йорк, 2001. С. 103–28; Джексон Р. Квазигосударства: суверенитет, международные отношения и третий мир. Кембридж, 1991. (См. гл. 4.)

³ См.: Ли Р. Осмысление традиции и современности: поиск исламской идентичности.

⁴ Часто приходится слышать, что ислам несовместим с демократией. В качестве наглядного примера, иллюстрирующе-

¹ Макинтайр А. Чья справедливость? Какая рациональность? Лондон; Дакворт, 1988. (См. главу XVII «Либерализм, трансформировавшийся в традицию».)

из христианского богословия, я назвал бы этот процесс «демократической инкультурацией»¹. Представляется, что такая инкультурация является наиболее оптимальным способом для укоренения демократических институтов и форм политического партнерства внутри стабильных и долговременных режимов. Шансов на успех у такого подхода существенно больше, нежели у искусственно (либо насильно) насаждаемой стратегии навязывания либерально-демократических ценностей. Процессы «демократической инкультурации» (которые можно рассматривать в русле парадигмы «множественной современности») устранят сомнения в возможности сочетания современных политических ценностей и традиционных культур и, скорее всего, более наглядно продемонстрируют политическую предвзятость современного международного сообщества.

Цивилизации как стратегические ориентиры мировой политики и центральное место религий.

К чему сводится смысл положения, что цивилизации с *культуралистской* точки зрения заявляют о себе как о стратегических ориентирах, но не прямых протагонистах в международной политике? И каким образом религий отводится решающая роль в этом процессе? Отвечая на эти вопросы, вновь обратимся к работе С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» и в особенности к выработанному в его концепции пониманию цивилизационной политики — наиболее критикуемому положению в связи с трактовкой концепта «цивилизация»². Критика имеет две стороны. Во-первых, она указывает на неоднозначную природу концепта «цивилизация». Как определять и эмпирически идентифицировать «цивилизацию»? Часто такая критика сопровождается отрицанием частной категоризации цивилизаций, предложенной Хантингтоном (он выделяет восемь основных цивилизаций современного мира).

го возрастающую роль ведущих в политическом исламе партий в процессе утверждения демократии, я хотел бы упомянуть такие страны, как Турция, Иордания и Индонезия. См., например: *Эспозито Дж., Вольт Дж.* Будущее политического ислама. Нью-Йорк, 2006.

¹ Термин «инкультурация» используется в христианском богословии для обозначения адаптации Евангелия к условиям национальных культур, а также для включения национальных культур в жизнь церкви. Термин обрел популярность в 1990 году после энциклики Папы Римского Иоанна Павла II «Миссия искупителя» («Redemptoris Missio»). Однако термин употреблялся и ранее. См.: *Шинеллер П.* Руководство по инкультурации. Нью-Йорк, 1990; *Шортер А.* Навстречу богословию инкультурации. Нью-Йорк, 1988. В «Миссии искупителя» Иоанн Павел II последовательно рассуждает об инкультурации как двунаправленном диалоге между верой и культурой. Эту идею, как представляется, можно с успехом применить к современному пониманию демократии, которую можно обогатить за счет вклада незападных государств. См.: Миссия искупителя (Redemptoris Missio). URL: http://www.vatican.va/holy_father/john_paul_ii/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_07121990_redemptoris-missio_en.html accessed on 15/1/2007

² О наличии этой проблемы свидетельствовали уже первые реакции на статью С. Хантингтона в журнале «Международная политика». См.: *Аджами Ф.* Призыв // *Международная политика*. № 4. С. 2–9; *Уикс А. Л.* Задерживаются ли цивилизации? // Там же. С. 24–25; *Биньян Л.* Прививка цивилизацией // Там же. С. 19–21. См. также ответную статью Хантингтона на дебаты вокруг его предыдущей статьи: *Хантингтон С.* А что же еще, если не цивилизации? Сэмюэль Хантингтон отвечает своим критикам // Там же. 1993. № 5. С. 186–194.

Во-вторых, что еще более важно, критики отмечают неадекватность понятия «цивилизация», необходимого для понимания мировой политики в условиях современности. По этому пункту основные возражения связаны с неизменным центральным местом, отводимым государству как ключевому элементу в международной политике, а также с тем, что цивилизации не располагают ведомствами (органами, представительствами), то есть сами по себе не являются действующими лицами или активными участниками мировой политики. Эти критические отзывы часто связаны с вопросом: кто является представителем той или иной цивилизации?

Что касается содержания первого блока вопросов в связи с определением цивилизации, данным С. Хантингтоном, то на эту тему существует обширная теоретическая литература. Тем самым можно доказать, что современная социальная теория проявляет живой интерес к понятию «цивилизация» как к объекту изучения и аналитической категории³. Хантингтон также признает этот факт. Давая обзор целого ряда различных версий цивилизационной теории, он показывает, что «существуют обширные сходства в таких определяющих моментах, как природные условия, идентичность и динамика развития цивилизаций»⁴. Исходя из этого наименьшего общего знаменателя, Хантингтон четко формулирует характеристику цивилизаций, определяя их как множественное культурное единство, самодостаточное, конечное, отличное от политического единства⁵. Выделение восьми основных современных цивилизаций — китайской, японской, индуистской, исламской, православной, западной, латиноамериканской и, возможно, африканской — представляется мне в некотором смысле проблематичным.

Однако я не вижу иной альтернативы этой теории, которая не была бы проблематичной (хотя очевидно, что эта категоризация отвечает определенным политическим «выкладкам» Хантингтона). Вслед за Арнасоном более важным представляется тот факт, что для подхода Хантингтона характерно замаскированное предпочтение такой интерпретации, которая подчеркивает конечность цивилизаций, создавая тем самым прецедент для споров. Как указывал Б. Нельсон, межцивилизационные столкновения следует рассматривать как составляющую цивилизационных моделей⁶.

³ См. два последних выпуска журналов, посвященных вопросам цивилизации и анализа цивилизаций: «Thesis Eleven» (2000. № 1) и «Международная социология» (2001. № 3). Также см.: *Айзенштадт Ш.* Цивилизационное измерение в социологическом анализе // *Thesis Eleven*. 2000. № 3. С. 1–21; *Турьякян Э.* Введение: Цивилизация современности и современность цивилизаций // *Международная социология*. 2001. № 3. С. 277–292; *Арнасон Дж.* Цивилизационные паттерны и цивилизующие процессы // Там же. С. 387–405. Более подробный анализ социологии цивилизаций см.: *Айзенштадт Ш.* «Компаративные цивилизации и многолика современность» и Дж. Арнасон «Спор цивилизаций». См. также статьи, посвященные цивилизационному анализу, в журнале «Международные отношения» (под ред. П. Джексона).

⁴ *Huntington S.* The Clash of Civilizations. P. 40.

⁵ Там же. С. 40–48. Глубокую критику концепции Хантингтона можно найти в работе Дж. Арнасона «Спор цивилизаций» (с. 11–13).

⁶ Там же. С. 11; *Нельсон Б.* Цивилизационные комплексы и межцивилизационные столкновения // *Sociological Analysis*.

Однако эмпирическая социологическая феноменология, стоящая за возрождением концепта цивилизации в геополитическом дискурсе и анализе, является возвращением к идеям культурной и национальной идентичности в качестве центрального фактора современной мировой политики¹. Можно полагать, что Хантингтон прав, подчеркивая глобальное возрождение роли культуры и религии в мировой политике (это можно сделать, основываясь на социологических исследованиях, которые начиная с 1970-х годов демонстрировали несостоятельность прогнозов приверженцев различных версий теории модернизации), и считать, что Хантингтон допустил ошибку, споря о возможных схождениях этих идейных сил и формировании цивилизационных сущностей. Пожалуй, этот довод был бы более созвучен с полезностью и целесообразностью применения концепта «цивилизация» в историческом анализе, где долговременность (*longue durée*) рассматривается как горизонт интерпретации, а не в политическом анализе современного социального мира.

Несмотря на эту критику, я хотел бы подчеркнуть, что, на мой взгляд, существенным является не выделение определенного числа цивилизаций и последующее изучение баланса сил и нового международного порядка (как говорит С. Хантингтон). Необходимо указать на растущую роль «традиционных» компонентов — культурного и религиозного — как важных составляющих в дискурсе и совместной практике мировой политики сегодняшнего дня. Таким образом, ключевой момент носит не *общий* «цивилизационный» (*à la* Хантингтон), а *частный* характер, который связан с всевозрастающей ролью ислама, азиатских ценностей, конфуцианства, христианского наследия, культур африканского континента в качестве центральных политических категорий в современной мировой политике, обеспечивающих множество действующих лиц (начиная с государственных и негосударственных вплоть до международных) на самых разнообразных уровнях — начиная с местного и государственного до уровня мировой политики.

Эта ссылка на действующих лиц подводит к следующему пункту распространенной критики цивилизационного подхода Хантингтона. Речь идет о вопросе о соответствующих действиях². Однако прежде всего

1973. № 2. С. 79–105; *Он же*. «На пути к современности» (“On the Road to Modernity”). 1981. Критический обзор новаторского анализа Нельсона можно прочесть у Дональда А. Нильсена в статье «Рационализация, трансформация сознания и межцивилизационные столкновения: размышления о социологии цивилизаций Бенджамина Нельсона» (Международная социология. 2001. № 3. С. 406–420).

¹ См.: The Return of Culture and Identity in International Relations Theory. L., 1996. Акцент на проблеме возвращения культуры и идентичности в теорию международных отношений в 1990-х годах ознаменовал появление большого числа исследований, связанных с религией, которую теория международных отношений обходила молчаливо. См.: Ф. Петито и Хатзопулос «Религия в международных отношениях» (“Religion in International Relations”); Дж. Фокс и Ш. Сэндлер «Привнесение религии в международные отношения» (Нью-Йорк, 2004); С. Томас «Глобальное возрождение религии и трансформация международных отношений» (“The Global Resurgence of Religion and the Transformation of International Relations”) (Нью-Йорк, 2005).

² См. обзор книги С. Хантингтона в эссе Стивена Уолта: *Walt S. M. Building up New Bogyman // Foreign Affairs*. 1997. № 106. P. 177–189.

мне хотелось бы пояснить, что мое несогласие с Хантингтоном не связано с идентификацией «культурной и религиозной» динамики как ключевым моментом для понимания современной мировой политики. Оно связано с политической кристаллизацией этих сил в цивилизационную систему. Такое упражнение в соционаучном упрощении, чрезвычайно успешном с точки зрения широкого общественного мнения (что с политической точки зрения является существенным достижением, натолкнувшим многих ученых на разговоры об опасностях самостоятельно сбывающихся пророчеств³), привело к дефектной аналитической картине, даже если по Хантингтону цивилизация представляет собой «культурное предписание», в котором «религия является центральной определяющей характеристикой», другими словами, чем-то с ключевой динамикой, которую я подчеркиваю⁴.

Как я уже указывал, вопрос наличия у цивилизаций действенной силы вызвал существенную критику против использования Хантингтоном этого концепта. Эта проблема связана с идентификацией политической организации, представляющей ту или иную цивилизацию, и значимостью государства как центрального действующего лица в международной политике. Другими словами, у цивилизаций С. Хантингтона отсутствует представительство: невозможно было бы определить появление цивилизационных блоков (альянсов, сформированных на цивилизационных линиях), цивилизационных международных организаций или институтов, и в большей степени проблематичной стала бы идентификация «спикера» этих цивилизаций, если принять во внимание недостаток процесса «цивилизационной интеграции». (Кто выступает от лица исламской цивилизации? Исламская Республика Иран? Президент или духовный лидер? Почему не саудиты и не египтяне?)

Некоторые критические замечания по поводу концепции С. Хантингтона, возможно, были несправедливы по отношению к целостности его аргументации. Даже в своей статье в журнале “Foreign Affairs” в 1993 году Хантингтон отстаивал цельное место государства в международной политике, а в вышедшей следом книге он уточнил, что цивилизации — это «культурные, а не политические образования»⁵. Однако я не думаю, что возобновление подобных критических отзывов можно объяснить только неадекватным прочтением его работы, поскольку эта двойственность цивилизации и государства является неоспоримым фактом его формулировки. Она постоянно смещается то в одну, то в другую сторону, исходя из имплицитного предположения, что государства конвергируют, объединяясь в некий цивилизационный контейнер. В равной степени недостаточно заявить, что «цивилизации не располагают четко определенными границами, у них нет четко определенного начала и конца... и что они развиваются, адаптируются», а затем идентифицировать несколько цивилизаций и «работать» с ними, как если

³ Обсуждение этого критического довода можно найти в работе: *Боттучи Ч., Шалан Б. Rethinking Political Myth: The Clash of Civilisations as a Self-Fulfilling Prophecy // European Journal of Social Theory* 9. 2006. № 3. P. 315–336.

⁴ *Huntington S. The Clash of Civilizations*. P. 41, 48.

⁵ *Ibid.* P. 44.

бы они являлись четко разделенными и устойчивыми образованиями¹.

По этой причине проблема представительства (где, на каком конкретно уровне я вижу возвращение цивилизационной политики в мировую политику, кто выступает в роли действующих лиц?) идет вразрез с аргументацией Хантингтона: возвращение цивилизационной политики как существенного элемента в формировании дискурса и правил современной мировой политики осуществляется многими действующими лицами на разных уровнях. Возвращение цивилизаций в мировую политику — это прежде всего идейная (идеологическая) перемена, векторы которой рассеяны в международном глобальном обществе. В настоящее время имеет место, как мы уже говорили, тот факт, что «цивилизации (в их сугубо *культуралистском* понимании) вновь заявляют о себе в качестве стратегических ориентиров, а не в качестве протагонистов международной политики»².

Речь идет не только о таких действующих лицах, как коренное население, религиозные неправительственные организации, культурные либо религиозные движения освобождения, террористические группировки, местные сообщества, которые ищут культурного признания, государства и международные организации, на международную деятельность которых оказывают влияние цивилизационные (культурные и религиозные) соображения. Но, пользуясь терминами конструктивистского подхода в международных отношениях, это также имеет отношение к некоторому системному сдвигу в принципах устройства мировой политики за счет новых идей, дискурсов и общих знаний, которые сегодня, по сути, становятся более цивилизационными³.

Однако подобная характеристика цивилизаций как стратегических референциальных фреймов (ориентиров) в международной политике, а не коллективных действующих лиц производит обманчивое впечатление: это возражение — своего рода дискурсивная магма или туман, окутавший современное международное общество, который не может быть сведен к отчетливому «действующему лицу», а только лишь к постмодернистской беспорядочной и неопределимой множественности не связанных между собой и атомизированных действий⁴. Я не думаю, что дело именно в этом и что любые соционаучные попытки определить типологию новых действующих лиц в цивилизационной политике будут приветствоваться. В этом отношении понятие «общества» как места создания и социального воплощения культурных и религиозных традиций в качестве определенных идей и практик может стать полезным аналити-

ческим инструментом. Здесь я следую за А. Макинтайром, его пониманием социальной традиции как набора практик, принятых в обществе. По Макинтайру, любое представление о морали (добродетели), как и представление о справедливости и практической рациональности и, наконец, политике, закреплено в социальной традиции как набор практик определенного общества⁵. Таким образом, возвращение цивилизаций в мировую политику одновременно означает рост политической важности культурных и религиозных *традиций и обществ* — всего того, что Макинтайр определяет как *социальные традиции*. Здесь необходимо сделать ряд уточнений к характеристике общества и традиции.

По Макинтайру, который вместе с М. Вальцером, М. Занделом и Ч. Тейлором определили так называемую классическую коммунитарную позицию в рамках коммунитарных/либеральных дебатов 1980–1990-х годов, мораль и политическое мышление всегда предопределяют социальный контекст, набор практик, закрепленных в данном обществе⁶. Моя задача состоит не в том, чтобы детально обсуждать логику сложных доводов Макинтайра, а в том, чтобы воспользоваться его понятием «социальная традиция» для более точного определения значения ворот цивилизаций в мировую политику. Кроме того, в сдвиге, который, возможно, указывает на более вежское расхождение с концептуализацией Хантингтона, я усматриваю, что политическая и интеллектуальная борьба происходит прежде всего *внутри* отдельно взятой традиции и только потом (а часто одновременно) — между различными традициями. Это происходит потому, что социальные традиции являются динамическими, постоянно изменяющимися объектами, зависящими от времени и места, которые сначала побеждают конкурентов *внутри* традиции и затем противостоят давлению извне. Как указал Макинтайр, именно их конкурентная природа является надежным свидетельством их здоровья⁷.

Однако понятие «культурные и религиозные социальные традиции» распространяется на обширную сферу идей и обществ, поэтому возникает вопрос: за счет чего возрастает роль цивилизационных традиций и сообществ (социальных традиций) в мировой политике? Ответ очевиден: политическая традиция Просвещения, вчера в форме соперничающих универсализмов холодной войны, а сегодня проявившаяся в господстве либерализма, который был основан и до сих пор зиждется на идее модернизации как процесса, уготовившей традиционному (религиозному) социальному миру поражение или вымирание. Естественно (это одна из частей философской

¹ Ibid. P. 43.

² Arnason G. *Civilisations in Dispute*. P. 11 (Выделено мной. — Ф. П.)

³ Я не присоединяюсь к какой-либо определенной ветви конструктивизма, однако кажется очевидным тот факт, что процесс, о котором я говорю, нельзя сводить к простому взаимодействию государств. Подробный анализ различных конструктивистских подходов в международных отношениях см.: Zehfuss M. *Constructivism in International Relations*: Wendt, Onuf and Kratochwil // *Constructing International Relations: The Next Generation*. N. Y.; L., 2001. P. 54–75.

⁴ О «постмодернистской» концептуализации действия см.: Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis, 1987.

⁵ См.: Arnason. Op. cit. P. 307.

⁶ MacIntyre “After Virtue” (ch. 3). См. также: Walzer “Sphere of Justice”; Sandel “Liberalism and the Limits of Justice”; Taylor “Sources of the Self”.

⁷ В связи с этим важным измерением традиции Макинтайр привел интересные доводы: «Мы склонны впадать в заблуждение, ведомые идеологическим использованием понятия традиции, которое выдвинули консервативные политические теоретики. Характерно, что такие теоретики пошли вслед за Берком, противопоставив традицию и рациональное мышление, стабильность традиции и конфликт... Традиции, когда они жизнеспособны, осуществляют продолжение конфликта. Несомненно, когда традиция становится беркианской, она либо умирает, либо уже мертва» (After Virtue. P. 221–222).

задачи, которую обсуждает Макинтайр, ссылаясь на этику), либерализм не воспринимается как социальная традиция, так же как сторонники теории модернизации не воспринимают современность как отдельную цивилизацию, — теоретический ход, предложенный Айзенштадтом (Eisenstadt). С этой точки зрения возвращение культуры и религиозных «коммунитарианизмов» в мировую политику связано с «демодеинизацией» международного сообщества и с либеральной точки зрения является опасным возвращением к нецивилизированности и варварству. С нашей точки зрения, напротив, это указывает на чрезвычайно сложный и продолжающийся спор о возникновении и природе современности и возможности — если использовать формулировку Айзенштадта — ее многочисленных путей и конфигураций¹.

Я хотел бы еще раз повторить (и на данном этапе это не должно вызывать удивления): среди главных путей новой цивилизационной политики находятся великие культурные и религиозные социальные традиции, о которых говорит Хантингтон: китайская, японская, индуистская, исламская, православная, западная, латиноамериканская и, возможно, африканская — хотя он говорит исходя из политических целей, которые я не разделяю. Мне бы хотелось подчеркнуть проблематичную природу дефиниции западной цивилизации, выдвигаемой С. Хантингтоном, и обозначить важную историческую коннотацию концепта «цивилизация».

С. Хантингтон утверждал, что «Запад был Западом задолго до современности». Это подразумевает, что он интерпретирует появление современности как изменение внутри данного цивилизационного контекста². Но, по утверждению Арнасона, «среди тех, кто принимает факт существования цивилизационной перспективы, должно превалять мнение о последовательности цивилизаций», а не «о непрерывной линии развития от Древней Греции вплоть до развитой современности»³. Этот момент, имеющий большую историческую и политическую значимость для современных отношений между христианской и либеральной социальными традициями в рамках так называемой западной цивилизации, расширяет границы хронологической сложности, которая связана с нерешенным теоретическим и историческим вопросом о непрерывности и прерывности, а также с вопросом, в какой степени цивилизации способствуют развитию региональных идентичностей⁴.

Итак, наша гипотеза сводится к тому, что возрождение религий в мировой политике после окончания холодной войны происходит посредством переутверждения цивилизаций в их сугубо культуралистском (и поэтому религиозном) понимании как стратегических фреймов мировой политики. В контексте данной ситуации не учитываются ни самая теоретически адекватная дефиниция цивилизации, ни то, как мы можем развить цивилизационную

аналитическую схему (структуру). Скорее всего это признание (которое Хантингтон ошибочно перенес в сферу академических споров об определении цивилизации) того, что текущее политическое понимание цивилизаций в значительной мере формируется религиозными традициями. Другими словами, преобладающее современное политическое понимание цивилизации переняло сохраняющий важность научный тезис, который усматривает в «религиозных сущностях наиболее важный элемент целых цивилизаций»⁵, что основывается на допущении/предположении, что «моральная и духовная архитектура каждой цивилизации строится в большей степени на религиозных взглядах, которые указывают на истоки нормативного значения, стоящего за структурой политической, экономической и культурной как таковыми»⁶.

Сегодня цивилизационная политика представляет собой метод, посредством которого религия проникает или даже «освящает» международную политику. Цивилизационная политика не является ни новой, ни неизменной. Однако современная цивилизационная политика, как представляется, имеет четко выраженные культуралистские/религиозные коннотации, которые были не столь существенными во времена холодной войны, когда цивилизационная политика трактовалась в идеологическом/политическом смысле. Достаточно вспомнить политическую трансформацию, которой подверглось понятие «Запад», начиная от политического сообщества свободного мира, куда вошли, например, Япония и Турция, до культуралистски-религиозного понимания иудео-христианского наследия, которое в контексте времени начиная с 1989 года затрудняет восприятие Японии и Турции как части Запада, даже при учете преваляющего старых стратегических альянсов в сфере безопасности.

Естественно, возможны и другие определения цивилизации, а следовательно, различные виды цивилизационной политики. Например, можно воспринимать цивилизации как материальные культуры, как это сделал Фернан Бродель по отношению к Средиземноморью. В результате, например, цивилизации, определяемые как материальные культуры, могли бы стать стратегическим референциальными фреймами для цивилизационной политики на уровне региональной интеграции, что пытались проделать с региональными политическими инициативами в Средиземноморье.

Апология диалога цивилизаций: цивилизационная политика, ориентализм и политическое конструирование «Другого».

Что можно сказать о действии цивилизационной логики, посредством которой религия сегодня взаимодействует с политикой и даже «освящает» ее? Бесспорно, то, что мы наблюдали в событиях, происшед-

¹ См.: Eisenstadt S. N. Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations. Leiden, 2002.

² Huntington S. Op. cit. P. 69.

³ Arnason. Op. cit. P. 307.

⁴ Ibid. См. разделы: “Traditions in transformation” («Традиции в трансформации») и “Civilisations and regions” («Цивилизации и регионы»).

⁵ Arnason. Op. cit. P. 233. Конечно, основой является классический анализ религиозных предпосылок современного западного мира и капитализма Макса Вебера. См.: Weber M. The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism. L., 1968.

⁶ Stackhouse M. L. Introduction, God and Globalization / ed. Max L. Stackhouse and Diane B. Obenchain. Harrisburg, 2002. P. 311.

ших за последнее время и характеризующих отношения между исламским и западным миром, составляет риск интеллектуального/политического конструирования культурного «Другого». Предостережение о политическом использовании конструирования своего «Я» через противопоставление негативно оцениваемому, опасному и угрожающему «Другому» является чрезвычайно важной задачей, в то время как столкновение цивилизаций, а также оппозиции «мы—они» и «добро—зло» заняли опасно значимое место в общественных сферах многих стран. В книге Э. Саида (E. Said) «Ориентализм», возможно, лучше, чем где-либо, подчеркивается такая опасность. По словам Саида, основная интеллектуальная проблема, которую поднимает ориентализм, заключается в следующем: «Возможно ли подразделить общественную реальность на четко различимые культуры, истории, традиции... и выдержать последствия по-человечески?»¹ В этом вопросе — вызов тем, кто поддерживает диалог цивилизаций как преодоление тревожной возможности столкновения. От такого суждения невозможно просто отойти, поскольку оно широко и искренне поддерживается не только либералами, но и широким кругом ученых-гуманитариев. Это суждение в действительности глубоко укоренилось в основном интеллектуально-политическом опыте современности, который С. Томас (S. Thomas) метко назвал «вестфальской презумпцией». Согласно «вестфальской презумпции» утверждение религиозных и культурных различий в сфере политики неизбежно ведет к нестабильности, конфликтам, политическому насилию, следовательно, она должна быть сведена к частным проявлениям, если речь идет о международном порядке².

С этой точки зрения значение, придаваемое цивилизациям и религиям, в контексте политики — даже в рамках режима диалога — угрожает активировать политически опасный механизм оппозиции «Я—Другой». Именно по этой причине Саид испытывал неудовлетворение по отношению к таким широким культурным категориям, как Восток и Запад, и убедительно аргументировал мнение об идентичностях на основании того, что цивилизации гибридные, исторически выстроены на случайных встречах, обменах, размыты по определению, всегда соперничают изнутри и являются объектом разнообразных интерпретаций³. Именно по этой причине он высказывался против романтической интерпретации культур как внутренне связанных и органически целостных. Именно так они идентифицируются в русле историзма Вико и Гердера — ученых, которым он отдает должное, хотя и видит в их трудах корни опасных националистических тенденций⁴. Схожее опасе-

ние недавно озвучил лауреат Нобелевской премии из Индии А. Сен (A. Sen), обвинив то, что он окрестил «цивилизационистским мышлением», в чрезвычайной опасности и вредности не только в случае применения в теории столкновения цивилизаций, но и в исполненных благими намерениями попытках диалога⁵.

Это мнение, предполагающее наличие связи между «сильными» религиозно-культурными идентичностями и политическим насилием, на мой взгляд, имплицитно выражено Саидом в его критике конструирования концепта «Я» через оппозицию с отрицательно оцениваемым концептом «Другой» и эксплицитно — в работе Сена с говорящим названием — «Идентичность и насилие» (“Identity and Violence”). В целом этот тезис создал одну из доминирующих интерпретативных схем анализа природы политического насилия и нестабильности после холодной войны либо в виде новых этнорелигиозных гражданских войн, движимых политикой идентичности, либо в виде замены религиозными фундаменталистами и политическими фанатиками политики на «апокалиптический милленаризм», возможно, предвещающий смертельно опасное сочетание мучеников и оружия массового уничтожения, или даже в виде сценариев возможных полномасштабных конфликтов и конфронтации на культурно-религиозной почве, как в случае грядущего столкновения цивилизаций⁶.

По мнению Саида и Сена, предотвратить политическое насилие на культурной и религиозной почве можно либо подчеркивая разнородность культурно-политических идентичностей, либо призывая к их «приватизации». Это мнение (которое, как я уже указывал, весьма распространено в академических кругах благодаря «вестфальскому» опыту и определенному имплицитному настрою социальных наук против культурных и религиозных традиций) не учитывает теоретической и эмпирической составляющих, все в большей степени проявляющихся в различных исследованиях, согласно которым для такого вида политического насилия характерны неглубокие религиозные и культурные идентичности со «слабой» доктриной, поскольку именно они являются благоприятной средой для интенсивной политизации, проводимой политическими предпринимателями⁷.

Относительно политического насилия на религиозной почве, вероятно, системного и наиболее сложного теста упомянутого выше тезиса, протестантский богослов М. Вольф, иммигрировавший в США из Хорватии, который лично столкнулся с этим феноменом, проявившимся сначала в использовании

⁵ См.: Sen A. Identity and Violence: The Illusion of Destiny (Идентичность и насилие: иллюзия судьбы). N. Y., 2006.

⁶ См. в указанном порядке: Kaldor M. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era (Новые и старые войны: организованное насилие в глобальной эре). Cambridge, 1999; Crevelde M. van. The Transformation of War (Трансформация войны). N. Y., 1991; Huntington S. Op. cit.

⁷ О том, какие механизмы задействуются в интенсивной политизации религии, см.: Carsten Bagge Lausten, Ole Wæver. In Defence of Religion: Sacred Referent Objects for Securitization // Religion in International Relations. P. 147–180; Hasenclever A., Rittberger V. Does Religion Make a Difference? Theoretical Approaches to the Impact of Faith on Political Conflict // Religion in International Relations. P. 107–145.

¹ Said E. Orientalism. P. 45.

² Thomas “Taking Cultural and Religious Pluralism Seriously” («Восприятие культурного и религиозного плюрализма всерьез»). См. также: Scott T. The Global Resurgence of Religion and the Transformation of International Relations (Глобальное возрождение религии и трансформация международных отношений). N. Y., 2005.

³ См. также: Said E. Culture and Imperialism (Культура и империализм). N. Y., 1993.

⁴ См. о Вико и Гердере как предшественниках историзма XX века (с его органическим и склонным к национализму взглядом на культуру) в: Said E. Op. cit. P. 118.

христианства в мучительной гражданской войне в бывшей Югославии, а затем — в фундаменталистской политике его американских собратьев по вере, убедительно доказывает, что политическое насилие, узаконенное религией, обычно является результатом политизации «размытой религиозности», понимаемой как исключительно личное дело индивидуума либо суженной до «культурных источников, наделенных ореолом священности»¹. Другими словами и вразрез превалирующему мнению: для политического насилия на религиозной почве могли бы быть характерны религиозные идентичности с «ослабленным» религиозным учением, то есть такие идентичности, которые были «вырваны» из почвы и сведены к уровню обыденного сознания и которые зачастую не подпитываются процессом передачи традиций из поколения в поколение. Религиозные идентичности доктринально «сильные», напротив, скорее могли бы находиться среди действующих лиц, участвующих в разрешении конфликтов и миротворческой деятельности².

Кроме того, как показывают современные исследования в области социологии религии с учетом роста христианского фундаментализма (хотя то же можно применить и к другим формам религиозного экстремизма), очевидно, что существует корреляция между так называемыми индивидуализацией и субъективизацией веры, называемой «легкой версией религии», и подъемом ассертивного коммуитаризма, провозглашающего консервативные моральные принципы и политические ориентации политически «сильной религии»³. Это укрепило бы мнение, что, когда культурные и религиозные идентичности являются неопределенными (размытыми) и лишенными прочных связей с традицией, политизация обеспечивает механизм поддержания «легкой» культурно-религиозной традиции и консолидирует общество последователей (религиозных и светских) вокруг малого числа политически «выгодных» реалий, таких как «культурная война» в американской внутренней политике последних десятилетий, а также политизация религии в националистской конструкции «Другой» на Балканах в 1990-е годы⁴.

¹ Volf M. Forgiveness, Reconciliation and Justice: A Theological Contribution to a More Peaceful Social Environment // Millennium: Journal of International Studies 29. 2000. № 3. P. 862, 866.

² См.: Appleby R. S. The Ambivalence of the Sacred: Religion, Violence and Reconciliation. Lanham, 2000; Johnston D., Sampson C. Religion: The Missing Dimension of Statecraft. Oxford, 1994.

³ Hervieu-Léger D. Le pèlerin et le converti. La religion en mouvement. P., 1999; Bastian J.-P., Champion F., Rousselet K. La globalisation du religieux. P., 2001. Детальный анализ религиозного фундаментализма с эмпирическим изучением всех главных религиозных традиций см. в пятитомном труде под ред. Martin E. Marty и R. Scott Appleby: The Fundamentalism Project. Chicago, 1991–1995. Vol. 1–5.

⁴ Об американской «культурной войне» см.: Hunter J. D. The American Culture War // The Limits of Social Cohesion: Conflict and Mediation in Pluralist Societies / ed. P. L. Berger. Boulder, 1998. P. 1–37. О роли религии и национализма в закате Югославии см.: Campbell D. National Deconstruction: Violence, Identity, and Justice in Bosnia. Minneapolis, 1998. Любопытно, что Кэмпбелл начинает свой анализ словами боснийки, которые демонстрируют «легкую» сущность религиозно-националистического сознания до начала войны: «Я мусульманка, — сказала она нам, — но до войны я этого не знала. До войны мы все, конечно, были атеистами!» Пояснение во-

Итак, вразрез с нормативным отрицанием Саидом и Сенем «цивилизационистского мышления» как политически опасного и безответственного недавние аналитические работы наводят на мысль о необходимости (в ограниченном смысле) «более», а не «менее» религиозных и культурных традиций для того, чтобы противостоять политическому насилию на религиозной почве. Вот что заметил по этому поводу П. Бергер: «Вопреки модным в настоящее время предположениям само по себе различие между цивилизациями не представляет угрозы, оно скорее является предпосылкой формирования идентичностей, для которых характерна определенная степень стабильности»⁵.

Существует еще один момент напряженности между ориентализмом и идеей активной политики цивилизационного диалога, которая связана со скептицизмом Саида по поводу теоретической возможности истинного диалога при условии тезиса о вездесущности власти, который подразумевается в критике последователей Фуко. Однако здесь, чтобы не вступать в сложный спор о философской природе и политических импликациях выработанной Фуко модели власти/знания, принятой тезисом об ориентализме, я хочу кратко остановиться на двусмысленном и проблематичном прочтении Саидом Луи Массиньона (Louis Massignon) (1883–1962), великого французского востоковеда, как части ориентализма, а именно части дискурса, неразрывно связанного с колониальной инициативой. В отличие от Саида, мне кажется, что работа и жизненный путь Массиньона являются убедительным доказательством возможности настоящего и продуктивного диалога цивилизаций, который может избежать обвинений в ориенталистском иге.

Когда читаешь об ориентализме, посвященном Луи Массиньону, то чувствуешь, как «запинается» теоретическая машина ориентализма. Оставляя в стороне отдельные оценки, которые высказывает Саид по поводу учености Массиньона, что могло бы потребовать исследований в совершенно ином направлении, этот спор явно демонстрирует тот скептицизм, с которым воспринимается теоретическая вероятность (и даже политическая возможность) диалога цивилизаций. Для Массиньона диалогический подход составлял основу его научной и политической деятельности⁶. В стиле герменевтики диалога (в духе последователей Гадамера) как «слияния горизонтов», когда становится возможным «поставить себя на место другого», Массиньон убеждает: «Понять — это не значит аннексировать, это значит децентрализовать себя: переместить центр себя (*par décentrement*)

просов взаимодействия религии и культуры в контексте националистских проектов см: Smith A. D. The 'Sacred' Dimension of Nationalism // Millennium: Journal of International Studies. 2000. № 3. P. 791–814.

⁵ Berger P. 'Conclusion' // The Limits of Social Cohesion. 1998. P. 372.

⁶ См. сборник эссе, посвященный 30-й годовщине со дня смерти Луи Массиньона: Louis Massignon et le dialogue des cultures. P., 1996. О диалогическом подходе как базовом измерении работы Массиньона см. главы, написанные Ж. Ваарденбургом (J. Waardenburg) "L'approche dialogique de Louis Massignon" (p. 177–200) и Г. Масоном (H. Mason) "Réflexion sur Louis Massignon et son legs du dialogue" (p. 171–175).

в сердце другого... сущность языка должна служить такой децентрализацией. Мы должны уметь объясняться, только посредством вхождения в систему другого»¹. Для Массиньона такая децентрализация подразумевает то, что он называет «наукой сострадания», которая заключается в проживании и разделении страданий и стремлений «Другого» к справедливости, и она основывается на том, что он защищал как главный экзистенциальный урок от своей встречи с исламом — «l'hospitalité sacrée», священное гостеприимство по отношению к незнакомцам, в особенности к слабым и бедным².

Для Саида, который порою отдает должное неустанным высказываниям Массиньона в пользу мусульманской цивилизации, такой сочувственный подход, однако, составлял часть проблемы, поскольку являлся общим мнением, которое, по сути, вело к упрощенным заключениям по поводу Востока в целом³ — до такой степени, что он говорил: «При таком подходе Массиньон не мифологизированный “гений”, а скорее система производства определенных заявлений, распространившихся в огромные беспорядочные образования, которые составляют архив, или культурный материал его эпохи»⁴. Я не могу здесь подробно обсуждать причины такого проблематичного прочтения Массиньона, но необходимо подчеркнуть, что Массиньон был предан поиску оригинальности и аутентичности цивилизационных, культурных и религиозных феноменологий, поскольку он верил: тот факт, что мировые цивилизации являются продуктом заимствований и общения (что он даже назвал синкретизмом), не подразумевает недостаток «фундаментальной оригинальности», которая фактически неразличима в том виде, в котором эти заимствованные элементы организованы и упорядочены⁵.

Такая идея «фундаментальной оригинальности», бесспорно, является формой эссенциализма, слишком далекой от интеллектуальных референций Саида. Такой поиск, однако, являлся для Массиньона важной составляющей его научных интересов и фактически неотъемлемой частью миграции между «Я» и «Другим», ведущей к открытию глубины «единства в разнообразии». А разве могло быть иначе с молодым взрослым атеистом, которого обратили в его первоначальную веру, христианство, посредством общения с исламом? С человеком, с которым, как он сам говорил в преклонном возрасте, Бог впервые заговорил на арабском? В общих чертах глубокая укорененность Массиньона в католической вере и предопределенном ею культурном сообществе, коим являлась Франция, никогда не была препятствием в достижении более высокого уровня универсализма, а скорее служила условием для любых творческих

поисков поверх национально-религиозных барьеров, как было в случае с разработанной им богословской доктриной авраамических религий. Вклад последней в недавнюю историю христианства и исламско-христианских отношений является значительным, и дерзновение его интеллектуальной пронизательности и *élan* (энергия, импульс) еще не скоро исчерпают свой потенциал⁶. Но это были доводы человека, которого называли мистиком и который в какой-то степени перекликался со светским гуманизмом Саида.

Возвращаясь в настоящее время, следует отметить, что напряженность между Массиньоном и Саидом, а следовательно, между диалогом цивилизаций и критикой *ориентализма* своеобразно отражается в различных ответах, которые эти ученые высказывали против тезиса о грядущем столкновении цивилизаций. После событий 11 сентября 2001 года Саид завершил свое великолепное эссе под названием «Столкновение невежества» (“*The Clash of Ignorance*”) следующими словами: «Сейчас тяжкие времена, но будет лучше мыслить в терминах сильных и беспомощных сообществ, светской политики разума и невежества, и универсальных принципов справедливости и несправедливости, нежели бродить в поисках обширных абстракций, которые могут принести только кратковременное удовлетворение, но мало самопознания и информативного анализа»⁷.

В 1952 году Массиньон написал эссе для журнала «*Politique Étrangère*» («Внешняя политика») — справочный обзор для французского внешнеполитического сообщества, который удивительным образом переиздали в 2006 году по случаю 70-летия журнала. Заголовок этого эссе, написанного во время антиколониальной борьбы, — «Запад перед Востоком: преобладание культурных решений» («*L'Occident devant l'Orient: Primauté d'une solution culturelle*») — ясно дает понять, что перед лицом потенциального столкновения между европейским и мусульманским мирами Массиньон отдает приоритет и первенство культурному решению, «решению справедливости, достижимому благодаря достойным подражания личностям и максимам мудрости, которые понятны инстинктам масс»⁸.

Другими словами и противореча вышеупомянутым доводам Саида, нам не нужно спасаться бегством в царство всецело универсальных максим, а следует углубиться с новой силой в фундаментальную оригинальность наших разных культур посредством сочувственного диалога, чтобы найти справедливость, которая (будь то колониальная эра или осложнения

¹ Massignon L. L'involution sémantique dans les cultures sémitiques // Opera Minora. P., 1969. Vol. 2. P. 631.

² См. сборник неопубликованных сочинений Луи Массиньона (куда вошла его переписка с М. Каиль): L' hospitalité sacrée. P., 1987. См. Также: Berque J. Une réponse de Louis Massignon sur l'Islam // Louis Massignon et le dialogue des cultures. P. 19–31.

³ Said. Op. cit. P. 255.

⁴ Ibid. P. 274.

⁵ Massignon L. Interprétation de la civilisation arabe dans la culture française // Opera Minora. Vol. 1. P. 187–202.

⁶ Здесь мне бы хотелось упомянуть удивительные, полные эрудиции тексты, известные под названием «Три молитвы Авраама» (“*The Three Prayers of Abraham*”), в которые Массиньон вносил поправки всю жизнь, начиная от своего возврата к христианству в 1908 году и вплоть до смерти в 1962 году, которые были полностью опубликованы несколько лет назад благодаря редактуре, проделанной его сыном, Даниэлем Массиньоном. См.: Massignon L. Les trois prières d'Abraham. P., 1997. Я считаю, что жизнь и интеллектуальный вклад Луи Массиньона заслуживают более глубокого анализа в контексте идеи и теории диалога цивилизаций.

⁷ Said. The Clash of Ignorance. P. 3.

⁸ Massignon L. L'Occident devant l'Orient: Primauté d'une solution culturelle (1952) // Politique Étrangère. 2006. № 4. P. 1033–1038.

⁹ Ibid. P. 1038.

послеколониального периода) может отозваться в коллективной психологии людей истинной справедливостью. Таким образом, «соглашаясь в несогласии», Массиньон и Саид противостоят «ориенталистской мысли», которая сегодня несет опасность и может привести к «столкновению невежеств». Что

касается политического дискурса диалога цивилизаций, решение все еще находится в пределах культурных горизонтов, там, где, по словам Массиньона, находится диалогическое «единство в разнообразии», которое прежде всего с уважением относится к истинному культурному плюрализму.

В. Ф. Петренко¹

ДУХОВНЫЕ ПСИХОПРАКТИКИ В СОЗДАНИИ АТМОСФЕРЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ, ВЕРОТЕРПИМОСТИ И НЕНАСИЛИЯ²

Говорят, как назовешь корабль, так он и поплывет. Долголетие уже десятых Лихачевских чтений, освященных именем великого русского гуманиста, собирающих под свои знамена цвет российской гуманитарной интеллигенции, ярких представителей искусства, писателей, режиссеров, поэтов, демонстрирует верность этого суждения. Как писал Сьерен Кьеркегор, истину нельзя познать, в истине надо быть. И сама трагическая биография Дмитрия Сергеевича Лихачева, его жизнь и творчество свидетельствуют в пользу тех принципов, которые он исповедовал и отстаивал. Стоит также поблагодарить ректора Университета профессора А. С. Запесоцкого и проректора профессора Л. А. Санкина, из года в год обеспечивающих прекрасные условия проведения этого форума интеллигенции в стенах Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Попутного ветра этому кораблю.

В докладах многих участников форума проводится мысль о необходимости диалога, толерантности и терпимости к чужим культурам. Вспоминается мысль У. Р. Эшби о ценности многообразия для самого существования сложных систем, примером которых является человеческая цивилизация. Однако призывы, не операционализированные, не подкрепленные конкретными правилами и алгоритмами, по которым должны разворачиваться действия по реализации этих верных положений, могут остаться только благими призывами: «ребята, давайте жить дружно» в духе кота Леопольда из популярного и «не политкорректного» мультфильма.

И здесь возможна работа психолога, политика, правоведа. Психолог работает с сознанием, картиной мира человека. Известны уже ставшие классическими исследования социальной идентичности

А. Тэжфила и Дж. Тернера, когда простая категоризация и, соответственно, разделение школьников на отряд А и отряд Б с присвоением каждому отряду условных символов и атрибутов приводили к конкуренции, групповому фаворитизму («Мы лучше, покажем эти слабакам из А или Б, кто тут настоящие парни»). Как тут не вспомнить групповые драки «деревня на деревню», «район на район» в относительно недалеком прошлом, или буйство футбольных фанатов в настоящем.

Принцип «свой всегда прав» имеет глубокие исторические и прагматические корни. Будучи студентом, я был шокирован, узнав, что родовая месть являлась первичной формой права, обеспечивающей относительную безопасность членам рода, ибо мощь родового клана была гарантией, так сказать, межобщинных («межгрупповых») прав его членов. Чужак, не принадлежащий к тому или иному клану, оказывался бесправным. И только с выработкой ветхозаветного принципа «гость в доме — посланник Бога» и горских законов гостеприимства, обязывающих брать под защиту вошедшего в твой дом чужеземца, культуры, принявшие эти правила, обеспечили себе конкурентное преимущество в развитии за счет межкультурной коммуникации, обмена и усвоения нового опыта. Отметим попутно, что демократический принцип личной ответственности за совершенные деяния, присущий свободному демократическому обществу, подчас неадекватен в плане правовой регуляции в традиционных обществах, где субъектом принятия решения (например, совершения геноцида или террористического акта) могут быть вожди, старейшины, лидеры клана, которые и должны нести ответственность наряду с исполнителями.

Но вернемся собственно к работе психологов по изменению форм категоризации и, соответственно, картины мира человека. Известный швейцарский психолог Жан Пиаже изучал, в частности, феномен эгоцентризма. Так, если маленьких детей посадить в круг и вокруг макета здания и попросить их выбрать среди множества фотографий этого макета ту, которая соответствует его позиции видения, то дети без труда справятся с этим заданием. Но если попросить ребенка выбрать фото, соответствующее тому, как должен видеть этот макет ребенок, сидящий напротив, то первый затруднится с выполнением задания и опять покажет фото, соответствующее его собственному видению. То есть он не в состоянии стать на позицию другого. Сходный феномен эго-

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики психологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор. Автор более 240 научных публикаций, среди них монографий: «Введение в экспериментальную психологию: исследование форм репрезентации в обыденном сознании», «Психосемантика сознания», «Лекции по психосемантике», «Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета)», «Основы психосемантики» и др. Член редакционных коллективов журналов: «Психологический журнал», «Психология», «Общественные науки и современность», «Историческая психология», «Московский психотерапевтический журнал», «Методология и история психологии».

² Исследования проводятся при финансовой поддержке фонда РФФИ, грант № 08-06-001-176а.

центризма демонстрируют дети и в логических суждениях: «Петя, у тебя есть брат?» — «Да, у меня есть брат Вовка». — «А у Вовки есть брат?» — «Нет, у него нет брата». То есть ребенок проявляет эгоцентризм собственной позиции в несимметричности логических отношений себя и другого.

Несимметричность отношений фиксируются и в языке: «Наш разведчик, но их шпион». Сходные феномены этноцентризма я наблюдал при исследовании телемостов с зарубежными странами (В. Ф. Петренко, 1997), проведением которых увлеклось отечественное телевидение на заре перестройки. Так, российские телезрители достаточно критично оценивали образ «типичного японца», но при «оценке типичного русского глазами японцев» были уверены, что нас должны истово любить. Советская пропаганда довольно успешно сформировала миф об особой любви к СССР со стороны «простых людей» в буржуазном мире. Аналогичный феномен этноцентризма был получен нами в исследовании семейно-бытовых стереотипов русских и азербайджанских девушек (В. Ф. Петренко, 2005).

В семантическом пространстве русских девушек русские не были похожи в своем поведении ни на кого другого, в то время как азербайджанки были близки грузинкам, узбечкам и армянкам. В семантическом пространстве азербайджанок уже азербайджанские девушки обладали уникальными чертами, в то время как русские в их пространстве «склеивались» с украинками и представительницами прибалтийских народов. То есть в зоне «моего Я» высока дифференцирующая сила восприятия (когнитивная сложность сознания), в то время как на периферии детали плохо различимы и масштаб «когнитивной карты» крайне мал.

Феномены эго- и этноцентризма ведут к феноменам «группового фаворитизма», нарушению логики, пристрастности в оценке чужого поведения. Психологические тренинги по снятию феномена центризма и увеличению когнитивной сложности сознания были разработаны Карлом Роджерсом для снятия конфликтных ситуаций. В групповом тренинге участники терапевтической группы или группы личностного роста учились вставать на позицию другого. Например, в случае семейной терапии отец может играть роль ребенка, мать — роль отца, а ребенок — роль матери. Пребывание в «шкуре другого», тренинг в игровых ситуациях понимания позиции и переживаний другого или даже реконструкция видения другим и оценки им третьего, расширяет сознание и снижает пристрастность личной позиции.

Помимо чисто психотерапевтической работы групповой тренинг К. Роджерса был успешно опробован им для примирения белых и черных граждан Южноафриканского союза. Культура «Т-групп», групп личностного роста, инкаутер-групп, тренингов сензитивности и прочих техник группового тренинга получила широкое распространение в мире и в нашей стране. В ряде отечественных и зарубежных публикаций вводится понятие «психологического общества», в направлении которого эволюционирует социум благодаря усвоению психологических практик.

Другие психологические аспекты культивирования толерантных отношений, заложенные в культуре, также связаны с механизмом категоризации. Язык, знаковые системы в своей категоризации мира человеческих отношений могут как разъединять, противопоставляя «Они» и «Мы» («ад — это другие», как писал Сартр), так и объединять на более высоком уровне категоризации в единое «Мы». Так, например, в средневековом арабском мире существовало понятие «люди Книги», куда мусульмане относили и иудеев и христиан, что обеспечивало относительную терпимость к представителям этих религий. Христианские же крестоносцы, захватив в XI веке Иерусалим и вырезав практически все население города, с гордостью отмечали в исторических хрониках, что «кровь лилась рекой». Современный экуменизм, на мой взгляд, также выступает формой объединения различных конфессий в общности более высокого уровня (Бог един, но разные народы по-разному ему поклоняются).

Отметим, что объединение на более общем уровне категоризации не отменяет различия на уровнях более частных, конкретных, которые могут являться более высокими уровнями в иерархии системы. Действительно, обобщение снимает дифференцирующие аспекты, которые могут быть и сердцевинной учения. Согласно общесистемному закону Седова—Назаретяна (А. П. Назаретян, 2008) развитие сложной системы на более высоких уровнях предусматривает стандартизацию, унификацию, а на более низких — ограничение разнообразия. Так, клеточная организация живых организмов от инфузории-туфельки до высших млекопитающих имеет схожую структуру, включающую ядро, оболочку, митохондрии и т. п.

Природа, породив в ходе эволюции оптимальную базовую структуру клетки, воспроизвела ее затем в гигантском разнообразии видов живых существ. Стандартизация на базовом уровне ведет к возможности прогрессивной эволюции и разнообразию на более высоких уровнях (в нашем примере на уровне организма). В человеческой техногенной цивилизации также действует этот закон. Например, на заре появления электростанций каждая генерировала электроток с присущими только ей характеристиками частоты. Стандартизация в этой сфере позволила объединить сети электростанций в единую систему энергоснабжения, обеспечивающую нужды развивающейся промышленности и потребности населения.

Закон Седова—Назаретяна справедлив и для человеческого менталитета, и для его духовной сферы. (Проще говоря, соблюдая правило не переходить улицу на красный свет светофора, а дожидаться зеленого, мы экономим энергию умственного ресурса для решения более сложных задач.) С началом «Осевого Времени» (в терминах Карла Ясперса) — времени возникновения мировых религий (индуизма, буддизма и даосизма на Дальнем Востоке, зороастризма и иудаизма, а затем христианства и ислама на Ближнем Востоке) в разных регионах земли, в разных культурах возникают сходные моральные императивы: «не убий», «не укради», «не лжесвидетельствуй», в более

общем виде выраженные в ветхозаветным «не делай другому того, что не хотел бы, что сделали бы тебе». Категорический императив Канта является фактически парафразой этого принципа. То есть человечество выработало единые базовые принципы, которые составляют этическую основу цивилизации, обеспечив многообразие культур и религиозного опыта, базирующихся на этом основании. Нарушение же базовых этических принципов ведет к отпадению и от Бога, и от человеческой культуры.

Формой духовной практики, снимающей привычные штампы и стереотипы, навязывающие образ врага, «враждебного инога», является медитация. Несмотря на то, что опыт пребывания в измененных состояниях сознания присущ практически всем религиям, сознательная и целенаправленная активность по произвольному вхождению в транс-овое состояние через медитацию, через «ретрит» (форма уединения с целью духовной практики, по сути близкая к православному «затворничеству»), через дыхательные практики и йоговские асаны присуща, тем не менее, именно соцветию индийских религий: брахманизму, индуизму, джайнизму и, конечно, буддизму. Последний также имеет ряд ветвей: Хинаяна, Махаяна, Ваджраяна, которые, в свою очередь, имеют такие ответвления, как школы Кагью, Ньингма, Дзогчен, Сакья и Гелуг (к которой принадлежит Далай Лама).

Основное отличие Хинаяны — Малой колесницы («яна» — на санскрите «колесница») от Махаяны — Великой колесницы заключается в том, что конечная цель Хинаяны — достижение состояния архата, заключающегося в личном освобождении-просветлении, и достижение нирваны, что разрывает круг сансары и прерывает цепочку кармических рождений. «У совершившего странствие, у беспечального, у свободного во всех отношениях, у сбросившего все узы нет лихорадки страсти. Его удел — освобождение, свободное от желаний и условий. Его стезя, как у птиц в небе, трудна для понимания. Чувства у него спокойны, как кони, обузданные возницей. Он отказался от гордости и лишен желаний. Такому даже боги завидуют», — так характеризует архата великая книга буддизма Дхаммапада (1991, с. 18).

Практику Хинаяны (это 18 школ) еще называют Тхеравадой, что на языке пали означает «учение старейших», и в ее канонические тексты включена, в частности, «Трипитака» («три корзины учения»). Тхеравада более связана с южным ареалом буддизма, а Махаяна — с северным и дальневосточным.

Цель Махаяны — достижение состояния Бодхисаттвы (бодхи — пробуждение, саттва — существо), то есть существа, достигшего просветления, но не ушедшего в нирвану как форму освобождения от цикла рождений, а из чувства сострадания продолжающего практики во благо всем живым существам и несущего учение людям. В этом плане Махаяну сближает с христианством позиция любви и жертвенности. Однако есть и принципиальные различия. В христианстве подчеркивается, что «вера без дел мертва» и, помимо молитвы, покаяния, поста и прочего, от верующего (особенно в католицизме и протестантизме) требуются активные деяния в миру,

помощь страждущим и нуждающимся, а также участие в благотворительности.

Буддизм же гораздо менее активен, так сказать, в социальном плане, и акцент делается на передаче учения (то есть на просветлении человека) и на работе в форме медитирования в ментальном плане. Буддизму не свойственна идея дуальности мира (идеального и материального), идущая от платоников и Ветхого Завета, и мысль подразумевается не менее действенной, чем поступок. Поэтому, например, медитативная техника «собираения и отдачи» (См.: Ело Ринпоче, 2006), когда медитирующий вбирает в себя в форме черного света чужие страдания и горести и отдает в виде золотого сияния добрые энергии страждущим, считается вполне действенной психопрактикой гармонизации мира.

Как тексты Тхеравады, так и книги Махаяны содержат подробное описание медитативных методик, которые могут быть сведены к двум основным направлениям (См. Бхикку Квантипалло, 2005):

1) Самадхи (или Шаматха) — путь безмятежности и спокойствия;

2) Випассана (или Випашьяна) — путь прозрения и осознающей мудрости, трансцендентального анализа и интуитивного созерцания.

Самадхи достигается концентрацией внимания и остановкой цепочки вербальных ассоциаций и мыслей («потока сознания» — по Джеймсу, 1993). «Шрадхотпада» — «шастра» дает следующее описание медитации: «Если кто-то хочет практиковать шаматху, он должен обитать в спокойном месте, сидеть прямо, упорядочив мысли (то есть сконцентрировав их в одной точке). Его внимание не должно задерживаться на том, что он видит, слышит, ощущает или знает. Все мысли, как только они возникают, должны быть отброшены, и даже сама мысль об искоренении мыслей тоже должна быть изгнана...» (Цит. по: Н. В. Абаев, 1991, с. 25).

Другие техники успокоения мыслей связаны с сужением сознания, фиксацией его не на понятийные формы, а на непосредственные ощущения, поступающие от органов чувств. Например, практика многодневной фиксации внимания на ходьбе, включающей непрерывное осознание каждого движения, или концентрации внимания на процессе вдоха и выдоха ведет к сужению сознания, а затем к переходу к его измененным формам.

И. Х. Шэток, проходивший трехнедельную практику погружения в медитативное состояние (курс «сатипаттхана») как воспитания ума, разработанную на основе древних практик буддийским священником Махаси-саядо в Центре Саасана Иита в Рангуне (Бирма), дает описание такой непрерывной концентрации внимания в течение всего курса: «При ходьбе нужно удерживать внимание на движении каждой ступни по мере того, как она поднималась, двигалась вперед и опускалась на пол или на землю; каждое из этих действий ходьбы следовало сопровождать повторением в уме слов “вверх”, “вперед”, “вниз”, или “поднять”... Во время каждого из шагов нельзя позволять, чтобы внимание отвлеклось от движения ног. Всякий раз, пройдя нужное расстояние, следовало переместить внимание на то, чтобы остановиться,

повернуть и опять начать ходьбу.. Всякий раз, когда ум отклоняется от своего объекта, тогда внимание привлечено чем-то внешним, нужно отметить в уме этот факт и мягко, но настойчиво возратить его к предмету созерцания... Вскоре моя жизнь оказалась подчинена монотонному распорядку — ходьба, сидение, снова ходьба. И в этом процессе произошло то, что неизбежно должно было произойти, — внешний мир стал удаляться из моих сознательных мыслей» (И. Х. Шэток, 1994, с. 33).

Шэток пишет, что цель буддиста, предпринявшего курс сатипатхана, заключается в приобретении випасаны, или прозрения. Только тогда, когда ум успокоен, прозрение или интуиция может получить доступ к переживаниям, лежащим в основе буддийской доктрины. Они возникают спонтанно в сознании как визуальные образы или как предельно достоверные сюжеты, напоминающие притчи.

В гипнотических сеансах (гораздо более кратковременных), где концентрация внимания пациента облегчается с помощью суггестора, практикуется фиксация внимания на тяжести рук, на скованности тела и его последующем «растворении» в пространстве. Концентрация внимания ведет к остановке потока сознания, и испытываемый, как правило, воспринимает однородное гомогенно окрашенное пространство, цвет которого, скорее всего, определяется эмоциональным состоянием пациента.

В православной практике исихазма (См.: С. С. Хоружий, 2005) используется, по сути, медитативная практика «трезвления» ума: «...Для желающих принадлежать самим себе и сделаться подлинно “монахами” (единицами) по внутреннему человеку, обязательно нужно вводить ум внутрь тела и сдерживать его там... Именно поскольку у только что приступивших к борению даже сосредоточенный ум постоянно скачет, и им приходится снова его возвращать, но он ускользает от неопытных, которые еще не знают, что нет ничего более трудноуловимого и летучего, чем их собственный ум, то некоторые советуют внимательно следить за вдохом и выдохом и немного сдерживать дыхание в наблюдении за ним как бы задерживать дыхание и ум, пока, достигнув с Богом высших ступеней и сделав свой ум неблуждающим и несмешанным, трезвенники не научатся строго сосредоточивать его в “единевидной свернутости”» (Г. Палама, 2005, с. 47). После «наивысшего восхождения мы, — цитирует Палама Дионисия Ареопагита, — соединяемся с невыразимым». Концентрация внимания на сердце молящегося вызывает поток интенсивного белого света, интерпретируемого исихастами как эманация божественной энергии («Фаворский свет»).

На фоне восприятия цветового пространства или потока света у медитирующего могут возникать спонтанные переживания в виде движения в энергетических потоках, путешествия в необычные, трудно описуемые в естественном языке миры и т. п. В гипнотических сеансах это могут быть и спонтанно появляющиеся картины из индивидуального прошлого, образы величественных мест, переживания себя в образе свободно парящей птицы, или мощного животного, или даже сверкающей на солнце капли дождя, скатившейся на зеленый листок.

В ведическом брахманизме, откуда и в оппозиции чему возник буддизм, существует понятие «Атман» — своего рода «божественная искра», которая есть в любом живом существе и которая затем возвращается, сливается с океаном космического Абсолюта (Брахмана). В буддизме же принцип «анатман» отрицает существование «Я», подчеркивает иллюзорность этого переживания.

Рассуждения буддистов, а конкретнее школ Йогаচারы и Маяхьямики просантики (См.: Е. А. Торчинов, 2005), на наш взгляд, близки современному конструктивизму (Дж. Келли, Дж. Герген, В. Ф. Петренко, Р. Харре). Так, Р. Харре призывает психологов переключить внимание в исследовании с поиска «Я» как некой сущности, которую надо раскрыть и описать, на конструирование «Я». В конструктивистском подходе в духе Дж. Келли сознание человека рассматривается по аналогии с работой ученого, который конструирует модели мира, себя, других людей. «Личность» или «Я» рассматриваются как когнитивные конструкции, «Я-концепции», построенные нашим сознанием, чтобы связать индивидуальный опыт, нанизав на временную нить и интегрировав те события, свидетелем которых было сознание.

Буддисты выражают сходные идеи «не субстанциональности», иллюзорности «Я» более образно. «Это как если бы горная тропа оказалась завалена каменными глыбами и осыпавшейся землей; и вот для того, чтобы взобраться на вершину, кто-то расчищает и разравнивает тропу, пока ему, в конце концов, не удастся вскарабкаться наверх и достичь полного кругозора. Эти факторы просветления можно сравнить с расчисткой и разравниванием такой тропы. Единственное различие в этом сравнении состоит в том, что когда открывается полный обзор, оказывается, что на вершине никого нет!» (Бхикку Квантипалло, 2005, с. 79).

Идея иллюзорности «Я» имеет огромный психотерапевтический эффект. В психоанализе эффект вытесненного в бессознательное травмирующего переживания снимается путем его осознания и переосмысления, или, как писал З. Фрейд: «На место Оно надо поставить Эго». Таким образом, через осознание и, тем самым, обобщение (за сознанием стоит человеческая культура) снимается эффект единичной уникальности психологической травмы («Это может быть с каждым»). «От тюрьмы и сумы не зарекайся», — гласит русская пословица. Единичный эффект растворяется во всеобщем универсальном.

Буддизм в концепции «анатман» (санскрит) или «анатта» (пали) идет еще дальше психоанализа, снимая эффект страдания просто за отсутствием адресата. «Я» как временное мимолетное сочетание дхарм (элементов сознания) просто не несет тяготы прошлого за спиной. Осознание иллюзорности «Я» снимает проблему личного страдания, замещающая ее страданием ко всем существам: людям, животным, богам, духам и т. д. На место «Я» (Эго) буддизм ставит «Единое Сущее» (единство всех живых существ).

В буддийской психопрактике используется, в частности, медитация на страшные опасные ситуации: например, «медитация на смерть», «медитация на трупах» (См.: Тхера Ньянапоника, 1994)

связана с культивированием непривязанности к телу (практика чод — отсечение страха), с необходимостью осознания иллюзорности «Я» (принцип анатман), а в психотерапевтических практиках — с активизацией инстинкта самосохранения и активизацией работы иммунной системы. «Внушается переживание тяжести в теле, нет возможности двигаться, как будто тебя засасывает жирная, зловонная тряпина. Болотная жижа сдавливает тело все сильнее и сильнее. Пузыри болотного газа скользят по телу. В кожу впиваются болотные пиявки. В рот попадают остатки гниющих растений и разлагающиеся останки животных». После переживания предсмертной агонии возникает ощущение разлагающегося трупа... Все тело как бы растворяется в болоте. С растворением, исчезновением тела (для буддистов это переживание равносильно утрате эго) человек освобождается от страха смерти.

«Я», утратившее физическую оболочку, оказывается внутри гораздо более обширного и богатого образа (пространства): «Элементами схемы тела (оболочки “Я”) выступают движения воздушных потоков, потоки солнечного света, водные и лесные просторы. Жизнь во всех ее проявлениях. Остается опушка леса, на краю болота, покрытая яркой зеленью. Яркое солнце. Белоснежные облака плывут по синему небу. Слышится пение птиц. Все наполнено движением звуков, красок. Все полно движением жизни» (В. Ф. Петренко, В. В. Кучеренко, 2008).

Практика медитации ведет к изменению категоризации «Я» в форме уникального, но смертного «Эго» и снятию «Я» (анатман) в единении со всем Человечеством, всеми живыми существами, снятию двойственности между миром и «Я». Категория «мы» (на самом деле медитация, поднимающаяся до уровня нирваны, снимает любую категоризацию) предельно широка и наполняет практикующего ощущением интеграции, любви и приятия. Мир, Бог, Другие и «Я» переживаются в единстве. Нет ни разделения, ни противопоставления. В этом плане практика медитации, будь то буддийская самадхи или випасана, практика исихазма в православии или динамическая медитация типа танца зикр в суфизме, является мощнейшим психотерапевтическим средством против вражды и ненависти, агрессивности, узколобого национализма и нетерпимости.

Однако социальный мир отнюдь не «царство Божие на земле», и чисто психологическая духовная работа по снятию конфликтов и враждебности между культурами и различными государствами, естественно, должна дополняться выработкой политических, правовых, этических форм взаимодействия культур и народов. Но это уже другой разговор и слово нашим коллегам других специальностей, приславшим на **Х Лихачевские чтения статьи, содержащие глубокие и интересные мысли.**

Литература

- Абаев Н. В.* Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае / Н. В. Абаев. Новосибирск : Наука, Сибирск. отд.-ние, 1989.
- Бхикку Квантипалло.* Секреты медитации / Квантипалло Бхикку. М. : Беловодье, 2005
- Василук Ф. Е.* Переживание и молитва. Опыт общепсихологического исследования / Ф. Е. Василук. М. : Смысл, 2005.
- Джаммапада* / пер. с пали, введ. и коммент. В. Н. Топорова. Рига : УГУНС, 1991.
- Ело Ринпоче.* Боевая чакра. Махаянское преобразование мышления. Комментарии к тексту Дхармаракшиты / Ринпоче Ело. Улан-Удэ : Ринпоче-Бакша, 2006.
- Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта / У. Джеймс. М. : Наука, 1993.
- Карицкий И. Н.* Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик / И. Н. Карицкий. М. ; Челябинск : Социум, 2002.
- Назаретян А. П.* Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии / А. П. Назаретян. М. : УРС, 2008.
- Ньянапоника.* Внимательность как средство духовного воспитания (буддийский метод сатипаттхана) // Медитация. М. : Олма-Пресс, 1994.
- Палама Г.* Триады в защиту священо-безмолвствующих / Г. Палама. М. : Канон +, 2005.
- Пиаже Ж.* Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. М., 1969.
- Петренко В. Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке / В. Ф. Петренко // Психологический журнал. 2002. № 3. С. 113–121.
- Петренко В. Ф.* Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. М. ; СПб., 1997, 2005, 2010.
- Петренко В. Ф.* Медитация как форма непосредственного познания / В. Ф. Петренко, В. В. Кучеренко // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 83–101.
- Торчинов Е. А.* Введение в буддизм / Е. А. Торчинов. СПб. : Амфора, 2005.
- Хоружий С. С.* Православная аскеза — ключ к новому видению человека / С. С. Хоружий. М. : Омега, 2000.
- Шэток И. Х.* Опыт внимательности / И. Х. Шэток // Медитация. Практика буддийского метода духовного воспитания. М. : Олма-Пресс, 1994.

Идлir Печи¹

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ЕВРОПЕИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ИНТЕРЕСНЫЙ СПЛАВ ПРАВОПОРЯДКОВ И ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР

Введение.

При обсуждении диалога культур и партнерства цивилизаций нельзя игнорировать развитие Европейского Союза (ЕС) в течение последних пятидесяти лет. Возникнув как организация с ограниченными целями и задачами, ЕС сейчас приобретает черты целостного национального государства.

¹ Доктор права Утрехтского университета (Нидерланды).

Я говорю о процессе приобретения характера национального государства, поскольку ЕС далеко еще не достиг этого состояния. Тем не менее главные особенности национального государства уже присутствуют. У ЕС есть собственный исполнительный орган, Комиссия, Парламент, избираемый напрямую из числа граждан ЕС, суд, который охраняет правовой режим ЕС, а с недавних пор — даже пре-

зидент¹. В то время как ЕС уже успешно согласовал многие сферы права в своих государствах-членах (ГЧ), согласование уголовного права не всегда протекало гладко. Диалог культур и партнерство цивилизаций — центральная тема процесса согласования и создания так называемых *acquis communautaire* (достижений сообщества). В процессе согласования уголовного права необходимо было достичь консенсуса между интересами ГЧ, с одной стороны, и интересами Союза — с другой. Разработки в этой области показали нежелание ГЧ признавать радикальные изменения, навязываемые ЕС их системам уголовного правосудия. Это, в свою очередь, стало препятствием для политических намерений придать Евросоюзу вид международной организации с характерными чертами национального государства.

В этом докладе я рассмотрю взаимодействие между правовыми порядками ГЧ и Евросоюза, особенно в процессе согласования в ЕС, а также препятствия для согласования уголовного законодательства. Для этого я сначала представлю краткий исторический очерк европейских сообществ, уделив внимание их изначальным целям и задачам. Затем коротко остановлюсь на «системе трех столпов» и возникновении ЕС согласно Маастрихтскому и Амстердамскому договорам. Это введение послужит основой для последующего анализа согласования уголовного права.

С вступлением в силу Лиссабонского договора было создано правовое основание для присоединения Евросоюза к Европейской конвенции по правам человека, а также для учреждения Европейской общественной прокуратуры: отсюда — некоторые соображения на данные темы. Доклад закончится обсуждением идеи ЕС как международной (наднациональной) организации с характерными признаками национального государства, а также о препятствиях, которые возникают перед ЕС на этом пути.

Рождение ЕС и усиление правового порядка Евросоюза в исторической перспективе.

После Второй мировой войны западноевропейские страны пытались отыскать механизмы, которые стимулировали бы диалог между народами, обеспечивали и защищали права человека и находили общие ценности для развития на их основе долговременного сотрудничества. Один из примеров — Совет Европы, который, в свою очередь, привел к Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) и учреждению Европейского суда по правам человека. Другой пример — европейские сообщества. Основная цель Договора о Европейском сообществе 1957 года (в соответствии с позднейшими поправками) заключалась в создании внутреннего общего рынка со свободным движением людей, товаров, услуг и капитала. Символом этого сообщества, однако, стало нечто большее, нежели просто учреждение общего рынка. Государства-члены, которые разделяли общие экономические ценности и интересы, не стали более враждовать. Кроме того, свободное движение людей, товаров, услуг и капитала также символизировало куль-

¹ Здесь следует отметить, что термин «президент ЕС» не вполне корректен. Это ярлык, используемый СМИ, который на деле обозначает президента Европейского совета.

турный обмен и драгоценную возможность узнать и понять друг друга во времена процветания и мира и в пространстве без внутренних границ.

Установление общего рынка и четырех ключевых свобод потребовало, чтобы ГЧ делегировали Европейскому сообществу часть своего суверенитета. Политика в области сельского хозяйства, налогов, таможи, рыболовства, транспорта не осуществлялась более на национальном уровне: она стала единой политикой и прерогативой Брюсселя. С самого начала Европейское сообщество функционировало как наднациональная структура с собственными исполнительными, законодательными и судебными институтами. Для реализации общей политики, которая, в свою очередь, привела к созданию и поддержанию общего рынка, ЕС при помощи распоряжений и указов создало обширный корпус законодательства. Основная цель этого законодательства заключалась в согласовании правовых норм и положений во внутренних правовых системах ГЧ. В сфере конкуренции Комиссия получила полномочия для контроля и применения санкций. Контрольные полномочия были также предоставлены Комиссии в других сферах, которые касались реализации общей политики. Однако эти полномочия сильно зависели от национальных правовых норм. Так называемые «евромиссары» могли действовать только в пределах правовых рамок ГЧ, используя помощь национальных властей. С самого начала стало очевидным, что ЕС могло предписывать нормы в сфере административного исполнительного производства, но действительное исполнительное производство зависело, прежде всего, от ГЧ².

Другим интересным этапом развития стало учреждение Отдела по борьбе с мошенничеством при Комиссии, так называемого ЕОБМ. В начале 1990-х годов ЕС уже позаботилось о защите собственных финансовых интересов. В середине 1980-х — начале 1990-х годов в ГЧ разразилась серия скандалов в связи с злоупотреблениями субсидиями ЕС, таможенными пошлинами и подкупом должностных лиц ЕС. Примеров мошенничества, коррупции и «отмывания денег», которые негативно сказались на ЕС, более чем достаточно. Один из самых известных — случай, когда торговцы снабжали партии югославской кукурузы этикетками греческой кукурузы, чтобы избежать уплаты таможенных пошлин при экспорте кукурузы в другие ГЧ³. Нидерланды приобрели горький опыт, связанный с общественными фондами и сельскохозяйственными субсидиями, когда выгоду получили «плохие» фермеры. Крупная мошенническая схема была раскрыта в Германии, где деньги ЕС использовались для контрабандной доставки сигарет в Польшу. Журналисты подкупали официальных лиц Комиссии для получения секретной информации⁴. ГЧ не были особенно заинтересованы в защите

² См.: *Vervaele J. E. A. The European Community and Harmonization of the Criminal Law Enforcement of Community Policy: Ignoti nulla cupido? // Sieber U. (et. al) Strafrecht und Wirtstraftrecht. Festschrift für Klaus Tiedemann. Carl Heymans Verlag, 2008. P. 1355–1384.*

³ Дело № 68/88: «Комиссия против Греции» (1989).

⁴ Дело № T-193/04: «Ганс-Мартин Тиллак против Комиссии» (2004).

финансовых интересов ЕС, поэтому было принято законодательство ЕС, которое изначально предоставило Комиссии полномочия требовать от ГЧ начинать административные расследования по делам, связанным с мошенничеством. Согласно Правилам № 2185/96 и 1073/1999, Комиссия и позднее ЕОБМ получили также полномочия независимо приступать к административным расследованиям в тех ГЧ, где под угрозу ставились финансовые интересы ЕС. Как и в случае с еврокомиссарами, оперативные полномочия ЕОБМ зависят от национальных норм ГЧ, в которых проводится расследование. После завершения расследования ЕОБМ обязан посылать информацию заинтересованному ГЧ. Отчеты со сведениями должны составляться в соответствии с нормами права этого ГЧ, чтобы они имели допустимое для этого ГЧ доказательственное значение в случае возможного административного судопроизводства. Применение санкций, однако, остается прерогативой ГЧ.

Из сказанного следует, что появился новый сложный правопорядок со своими принципами — правопорядок Европейского сообщества. Одни принципы развились из самих договоров, такие как принцип искреннего сотрудничества или принцип преданности сообществу, другие — из прецедентного права Европейского суда (ЕС), как например, принцип прямого действия¹ и прямого применения, или принцип примата². В ходе европейской интеграции другие принципы, которые действовали в рамках внутреннего правопорядка (например, принцип пропорциональности), также обрели значение на уровне Европейского сообщества. Правовые принципы до известной степени представляют собой переменную величину правовой культуры той юрисдикции, в рамках которой они функционируют. Взаимодействие между правопорядком ЕС и национальной юрисдикцией, насколько это касается правовых норм и принципов, означало взаимодействие между правовыми культурами ГЧ и, вероятно, учреждением правовой культуры Европейского сообщества, которую нельзя рассматривать отдельно от правовых культур его членов.

Взаимодействие между правовыми культурами более существенно в сфере согласования уголовного права. Чтобы лучше понять этот предмет, я сначала предложу краткий обзор событий, которые привели к образованию Европейского Союза с его «системой трех столпов», какой мы ее знали до тех пор, пока Лиссабонский договор не упразднил «столпную» структуру.

Маастрихтский и Амстердамский договоры.

Европейский Союз (ЕС) был образован в 1992 году согласно Маастрихтскому договору. Государства-члены (ГЧ) сочли необходимым распространить сотрудничество и за пределы Европейского сообщества и таким образом не ограничиваться экономическими интересами. Ощущалась потребность в общей внешней политике, сотрудничестве в правовой

сфере и во внутренних делах. В Маастрихтском договоре, когда возник Евросоюз, все это было учтено, и тех пор Евросоюз принято называть «системой трех столпов» со сводом, который включает общие положения, приемлемые для всех «столпов». Первым и самым важным столпом оставалось Европейское сообщество, второй столп олицетворял общую внешнюю политику, третий — правосудие и внутренние дела. Как я упомянул во введении, в центре моего внимания — согласование уголовного права, следовательно, я подробнее остановлюсь на третьем столпе.

Европейское сообщество учредило общий рынок и, как следствие, создало регион без внутренних границ, где могли свободно перемещаться люди, товары, услуги и капитал. Однако преступники и преступная деятельность также могли свободно распространяться по лишенной границ Европе. Следовательно, назрела необходимость в усиленном сотрудничестве между полицией и судебными органами. До Амстердамского договора 1998 года участие Евросоюза в национальном уголовном праве ограничивалось уровнем сотрудничества, и для «аппроксимации» уголовного права еще не существовало правовой основы. Амстердамский договор кардинально изменил ситуацию. Третий столп подвергся реформированию, и была сформулирована новая, несколько расплывчатая задача. Цель Евросоюза заключалась в том, чтобы обеспечить гражданам высокую степень защиты в области свободы, безопасности и правосудия путем противодействия и борьбы с преступностью, организованной или иной, особенно с терроризмом, торговлей людьми и преступлениями против детей, торговлей запрещенными веществами, коррупцией и мошенничеством³. Достичь этих целей можно было не только за счет сотрудничества между полициями, но также путем аппроксимации там, где необходимо, правил уголовного судопроизводства в ГЧ, то есть путем непосредственного согласования уголовного (процессуального) права.

Европеизация уголовного права.

Переговоры о реформе третьего столпа Амстердамского договора оказались нелегкими⁴. Хотя ГЧ осознавали необходимость интенсивного сотрудничества в уголовном судопроизводстве, они первоначально были против активного участия Евросоюза в своих сферах уголовного права. Во всех ГЧ сложилась долговременная традиция уголовного права, уголовных кодексов и процедур. Принципы уголовного права отражают национальные ценности и нормы. Уголовное право рассматривается как краеугольный камень в суверенитете независимой нации. Следовательно, надо было достигнуть консенсуса между Евросоюзом с его интересами и ГЧ, которые пытались защитить свои традиции и правовые культуры. Достигнутый консенсус отражается

³ Статья 29 Договора ЕС.

⁴ См.: Zwaan J. de. The Future of the Third Pillar and Fight against EU Fraud: Evaluation of the IGC and the Treaty of Amsterdam // Transnational Enforcement of the Financial Interests of the European Union. Developments in the Treaty of Amsterdam and the Corpus Juris / J. E. A. Vervaele (ed.) Antwerp ; Oxford, 1999. P. 13–29.

¹ Arrêt du 5 février 1963, Van Gend en Loos / Administratie der Belastingen (26–62, Rec. _p_ 00003).

² Arrêt du 15 juillet 1964, Costa / E.N.E.L. (6–64, Rec. _p_ 01141).

по крайней мере в трех аспектах. Во-первых, третий столп остался межправительственным в противовес наднациональному характеру Евросоюза. Решения в третьем столпе принимаются на основе единогласия, в отличие от голосования по принципу квалифицированного большинства в первом столпе Евросоюза. Во-вторых, в отличие от распоряжений первого столпа, правовым инструментом, выбранным для согласования уголовного права в третьем столпе, являются рамочные решения, не имеющие прямого действия. Они внедряются ГЧ в их внутренний правопорядок. Для этого ГЧ должны добиваться целей, обозначенных в рамочных решениях, но они оставляют за собой право действовать по собственному усмотрению в отношении средств достижения этих целей. В-третьих, в заключениях Европейского совета глав правительств и государств в Тампере (октябрь 1999 г.) было отмечено нежелание ГЧ гармонизировать уголовное право. В Тампере хорошо известен правовой принцип Европейского сообщества о взаимном признании стал краеугольным камнем правового сотрудничества в рамках Евросоюза. ГЧ обязаны взаимно признавать правовые решения друг друга без бюрократических проволочек. Взаимное признание основывается на концепции взаимного доверия: ГЧ доверяют правовым системам друг друга. Принцип взаимного признания был принят в качестве альтернативы детального и расширенного согласования уголовного права. Однако в заключениях Тампере отмечается, что взаимное признание нуждается в некоторых минимальных общих стандартах, которых можно достичь лишь за счет определенной степени согласования процессуального уголовного права.

Любопытно, что ни положения договора, ни принцип взаимного признания не остановили согласование. Процесс ускорился вследствие террористических актов 11 сентября 2001 года. В настоящее время имеется целый ряд заслуживающих внимания рамочных решений, нацеленных на гармонизацию и материального, и процессуального уголовного права. Некоторые из этих рамочных решений не обнаруживают связи с серьезными транснациональными преступлениями, поскольку зачастую они представляют собой продукты политических программ отдельных ГЧ¹. Государства, которые признают незаконным определенное поведение человека, склонны ожидать, что такое поведение будет признано незаконным и в других ГЧ. Таким образом, возникло новое явление. ГЧ используют правовые инструменты Евросоюза, чтобы навязывать другим ГЧ свои политические программы, а также свои ценности и правовую культуру. Например, либеральная политика Нидерландов в отношении наркотиков с опаской воспринимается в соседней Германии. Равным образом и либеральный подход к проституции в Дании — это своего рода «заноза» для Швеции².

¹ *Vervaele J. E. A. The Europeanization of Criminal Law and the Criminal Law Dimension of European Integration // Research Papers. College of Europe. Brugge, 2005. № 3.*

² *Elholm T. Does EU Criminal Cooperation Necessarily Mean Increased Repression? // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. 2009. Vol. 17. P. 191–226.*

Многие рамочные решения вне зависимости от того, являются ли они продуктами политических программ ГЧ или Комиссии, сильно повлияли на национальные системы уголовного права. Хороший пример в этом плане — «Рамочное решение по терроризму»³. В прошлом большинство ГЧ не объявляли терроризм самостоятельным уголовным преступлением. Во многих странах терроризм преследовался в судебном порядке, если имело место формирование (вооруженных) банд или участие в таковых. В большинстве рамочных решений, которые согласуют материальное право, также содержатся положения о минимальной и максимальной мере наказания. Недавнее исследование показало, что в Скандинавских странах данное обстоятельство, в свою очередь, привело к усилению мер карательного воздействия в определенных сферах уголовного права⁴. В этом плане для уголовного судопроизводства столь же существенным является «Рамочное решение об обще-европейском ордере на арест». Традиционные дипломатические каналы экстрадиции теперь заменил общеевропейский ордер на арест, который представляет собой прекрасный пример применения принципа взаимного признания. ГЧ обязаны исполнять требования общеевропейского ордера на арест без излишних формальностей, а число оснований для отказа значительно сократилось.

Лиссабонский договор продвинул согласование уголовного права на шаг вперед. Структура трех столпов отменена. Теперь Союз базируется преимущественно на двух договорах — Договоре о Европейском Союзе и Договоре о функционировании Европейского Союза (ТФЕУ, ДФЕС). Последний договор пришел на смену Договору о Европейском сообществе, а слова «право Сообщества» и «ЕС» были заменены словами «право Союза». Рамочные решения исчезли, и теперь уголовное право можно согласовывать посредством распоряжений. Это означает использование процедуры совместного принятия решений и голосования по принципу квалифицированного большинства. Распоряжения также обладают прямым действием, то есть в случае неправильной или несвоевременной их реализации граждане могут напрямую использовать распоряжения в качестве гаранта своих прав. Распоряжения должны устанавливать минимальные правила определения преступлений и санкций. Это главным образом коснется сферы серьезных преступлений, имеющих трансграничное измерение (с нарушением границ). Таким образом, новая преступность оформится в виде так называемой «европреступности». Однако ГЧ по-прежнему неохотно воспринимают активное вмешательство Союза в свои национальные системы уголовного права. Статьи 82 и 83 ДФЕС предусматривают так называемое чрезвычайное приостановление процедуры. ГЧ могут выразить озабоченность тем, что проект Распоряжения повлияет на фундаментальные аспекты их систем правосудия. В таких случаях ГЧ могут направить проект в Совет для рассмотрения. Это положение было

³ О. J. L. [Official Journal, Legislation = Официальный журнал Евросоюза. Сер. «Законодательство»]. 2002. P. 182.

⁴ *Elholm T. Op. cit. P. 191–226.*

внесено после того, как некоторые ГЧ выразили озабоченность тем, что полномочия Совета могут заставить их заимствовать правила, которые окажутся чуждыми их традициям и системам уголовного правосудия¹. Щепетильность проблем, связанных с уголовным правосудием, выражается и в том факте, что в рамках Совета оно представляет собой единственную сферу, где законодательные инициативы могут исходить как от Комиссии, так и от ГЧ. Статья 76 ДФЕС исключает уголовное право из обычной процедуры, когда законодательные инициативы исходят от Комиссии.

Статья 86 ДФЕС обеспечивает правовую основу для учреждения поста Европейского общественно-прокурора. Европейский общественный прокурор отвечает за ведение дел, связанных с ущемлением финансовых интересов Союза. Ответственность Европейского общественного прокурора предусматривает расследование, судебное преследование и доведение до суда виновных в совершении преступлений, а также соучастников в преступлениях, затрагивающих финансовые интересы ЕС. На данный момент Европейский общественный прокурор — еще не воплощенная в реальность идея, и, следовательно, в этом докладе не имеет смысла рассматривать его функции и связанные с ними вопросы.

Наконец, что не менее важно: Лиссабонский договор подтверждает, что ЕС присоединится к Европейской конвенции по правам человека². Переговоры между Советом Европы и Европейским Союзом уже начались, и, надо надеяться, в недалеком будущем мы станем свидетелями уникального события, когда ЕС — наднациональная организация — станет членом конвенции, ратифицированной национальными государствами.

Вместо заключения: явные и скрытые знаки и признаки европеизации уголовного права.

Европейская интеграция, как сказано выше, отчетливо демонстрирует интересное взаимодействие между различными правовыми порядками. Мы видим, что правовые порядки ГЧ выдержали комплексное взаимодействие под эгидой европейской интеграции. Отсюда следует, что правовые культуры ГЧ также взаимодействуют и влияют друг на друга. Возникновение единого правового порядка ЕС — еще более интересный и сложный предмет изучения. Возникновение правовых принципов Европейского сообщества и Евросоюза демонстрирует любопытную тенденцию — уклон в сторону европейской правовой культуры, для которой характерны, с одной стороны, смещение национальных правовых культур,

с другой — переменные показатели, такие как финансовые интересы и согласование уголовного права, действующие на европейском уровне. Согласование национальных систем уголовного права раскрывает иное измерение европейского правового порядка и правовой культуры. Законодательство ЕС, которое гармонизирует уголовное право, содержит ряд явно выраженных знаков и признаков. Их можно найти в преамбулах, законопроектах и даже в тексте самого законодательства³. Прямая цель заключается в том, чтобы создать некое пространство свободы, безопасности и справедливости, которое не станет терпеть и, следовательно, объявит уголовно наказуемыми определенные поступки. Однако согласование уголовного права также содержит некие имплицитные знаки⁴. Одна из категорий таких скрытых знаков — политические программы и стремления ГЧ. Показательный пример в этом плане — «Рамочное решение о несанкционированном въезде». Это решение было принято после событий в Дувре, когда 50 китайских беженцев погибли от удушья в контейнере при попытке нелегально проникнуть в Великобританию. Британское правительство потребовало расширения наказания за этот вид преступления во всех ГЧ. Другой скрытый знак Фогель назвал «колониальной целью». Согласно его взгляду, ЕС пытается трансплантировать определенные ценности ГЧ, не принимая во внимание правовой и культурный контекст (куда эти ценности экспортируются) и не заботясь о том, решат ли они проблемы или создадут таковые в странах-получателях. Напомню вышеупомянутый пример либеральной политики Нидерландов в отношении наркотиков. Третий и, возможно, последний скрытый знак видится в политическом стремлении придать Евросоюзу статус национального государства⁵. Уголовное право рассматривается в качестве краеугольного камня суверенитета независимой нации, и его общая регуляция на европейском уровне имеет очевидный символический смысл. Лиссабонский договор перевел этот процесс на другой уровень. Положение о Европейском общественном прокуроре и вступление ЕС в Европейскую конвенцию по правам человека значительно укрепили идею национального государства. Упорное сопротивление ГЧ и их отказ принять полное и безоговорочное согласование своих систем уголовного права все еще остаются препятствиями на этом пути. Однако «дорога мостится», и ЕС медленно, но неуклонно продвигается в направлении международной организации, которая несет в себе характерные признаки национального государства с собственным правовым порядком и собственной правовой культурой.

¹ См.: *Klip A. European Criminal Law. Antwerp ; Oxford ; Portland, 2009. P. 35.*

² Статья 6 (2), титул 1, общие положения Лиссабонского договора.

³ *Elholm T. Op. cit. P. 191–226.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.* См. также: *Spencer J. R. Why is the Harmonisation of Penal Law Necessary // Harmonisation and Harmonising Measures in Criminal Law / Wilt van der Klip (eds.). Amsterdam, 2002. P. 43–54.*

Е. И. Пивовар¹

РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКИЙ МИР КАК ФАКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Термин «постсоветское пространство», который постоянно используется после распада Советского Союза как учеными, так и в средствах массовой информации на протяжении последних лет, становится все менее употребляемым. С каждым годом этот регион отличается все большей разнородностью, но вместе с тем очень важный аспект заключается в необходимости понимания того, что связывает страны, входящие в постсоветское пространство, что объединяет их друг с другом.

Русский мир, безусловно, является для нашей страны интеграционным фактором по отношению к странам, на территории которых проживают русскоязычные граждане. Это в первую очередь касается государств, получивших независимость в результате распада Советского Союза. Последние столетия русская наука и культура служили как для украинцев, белорусов, так и для других наций и национальностей, населявших СССР, реальным проводником мирового социального опыта и научно-технических достижений². Сегодня российское зарубежье представляет собой один из важнейших факторов мировой цивилизации, являясь образцом межкультурного взаимодействия. На протяжении почти полутора столетий оно является объектом исследования историков, историков культуры, политологов, социологов, экономистов многих стран.

Исследование феномена российского зарубежья — важнейший элемент изучения как самой России, так и тех стран, на историю, культуру и социальное развитие которых он оказал огромное влияние. Без понимания значения русского мира в глобальном плане не представляется возможным не только сформировать объективный взгляд на исторический процесс, но и осмыслить современные социокультурные процессы, а также спрогнозировать их развитие.

Эта проблематика постепенно стала важным направлением внешней политики Российской Федерации, которое с каждым годом все более актуализируется. При этом сотрудничество с российским зарубежьем представляет собой не только элемент развития культуры нашей страны, но, учитывая потенциал

русского мира, способно оказать существенное позитивное влияние на развитие науки и образования, техники, экономики и бизнеса.

На уровне государственной политики в Российской Федерации постулировано, что взаимодействие с диаспорой и защита прав соотечественников являются одним из приоритетов государства и что такой подход продиктован самой стратегией дальнейшего развития нашей страны. Такой подход к проблематике российского зарубежья вполне обоснован, ведь синтез культурных начал способен сделать многограннее культуру каждого народа.

Российская диаспора в мире в начале XXI века превысила 25 млн человек и заняла по численности второе место после китайской. При этом современный русский мир представляет собой неоднородную картину. Это явление значительно шире и сложнее понятия эмиграции. В 1990-е годы распад СССР обусловил превращение русскоязычного населения в бывших национальных республиках в диаспору. «Новое зарубежье» дополнило очень сложным и значительным элементом процесс поиска Россией адекватного сложившимся политическим реалиям курса межгосударственных отношений, поддержания авторитета на международной арене, путей обеспечения внутренней стабильности.

Принципиально новый облик русского мира стимулирует поиск новых теоретических и практических подходов к его оценке и восприятию. На практике, говоря о русском мире, обычно подразумевают ту его часть, которая существует вне географических границ России и совпадает с традиционными представлениями о российском зарубежье и зарубежной России. В то же время идея осмысления больше сложного в культурном и политологическом смысле явления, чем конгломерат разбросанных по странам и континентам российских диаспор.

Очевидно, что за термином «русский мир» стоит многоаспектный социально-культурный феномен, объединяющий собственно Россию и связанное с ней цивилизационное поле. Российское зарубежье является уникальным объектом, в развитии которого можно наблюдать специфику взаимоотношений между феноменами языка, культуры и этноса. Двойная идентичность, а порой и более сложные модели самоидентификации утверждаются в качестве одной из основных характеристик современного русского зарубежья.

Концепт русского мира в последние годы становится частью внутренней и внешней политики Российской Федерации, поскольку позволяет соединить в единый комплекс те проблемы развития, которые связаны с миграционными потоками всех направлений. В то же время транснациональная глобальная миграция, ставшая глобальным процессом, пронизывает и российское зарубежье, формируя новые социально-культурные политические и правовые запросы, адресованные и всему мировому сообществу, и России.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, ректор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья, доктор исторических наук, профессор. Автор около 200 научных работ, в т. ч.: «Советские рабочие и НТР. По материалам автомобильной промышленности СССР», «Наше Отечество. Опыт политической истории», «Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения», «СССР и холодная война», «Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом», «Теоретические проблемы исторических исследований» (Вып. 1–5), «Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии», «Постсоветское пространство: альтернативы интеграции» и др. Член редколлегии журналов «Вестник архивиста», «Родина». Член правления Российского союза ректоров. Член президиума Совета ректоров государственных вузов Москвы и Московской области.

² Пивовар Е. И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. СПб., 2010. С. 147.

Все это свидетельствует о том, что русский мир с его сложной эволюцией можно рассматривать как часть глобального исторического процесса. Он представляет собой явление, имеющее не только прошлое, но и будущее. Активизация роли государства в направлении развития контактов с русским миром по всем направлениям и его изучения как уникального феномена дает все основания для уверенности в том, что роль русского мира в истории, культуре, общественно-политической жизни нашей страны и других стран, где проживают россияне и все, кто интересуется Россией, будет неуклонно возрастать.

Особое место в полноценном приобщении к культуре, духовным, нравственным, интеллектуальным ценностям и традициям принадлежит языку. Русский язык был и продолжает оставаться одним из мировых языков. Согласно оценочным данным, русский язык по числу владеющих им (500 млн человек, в том числе более 300 млн за рубежом) является одним из самых распространенных в мире. Он — официальный или рабочий язык в большинстве ведущих международных организаций (ООН, МАГАТЭ, ЮНЕСКО, ВОЗ и др.).

Однако в конце минувшего столетия в сфере функционирования русского языка как мирового в ряде стран и регионов в силу различных причин обозначились тревожные тенденции. В самом сложном положении русский язык оказался на постсоветском пространстве. Он до сих пор играет там роль языка межнационального общения, но во многом в результате внедрения языка титульных наций в качестве единственного государственного русский язык постепенно вытеснялся из общественно-политической и хозяйственной жизни, области культуры, средств массовой информации.

В период существования Советского Союза на русском как основном государственном языке разговаривали 286 млн человек, его хорошо знали почти все жители союзных республик, и в обязательном порядке — каждый школьник. Сегодня население 14 бывших республик СССР насчитывает свыше 140 млн человек (равно по численности населению России), однако русским там активно владеют (постоянно используют на работе, в процессе обучения, в быту), по оценкам экспертов, лишь 63,6 млн человек, еще 39,5 млн человек владеют русским пассивно (в той или иной мере понимают его, но не используют как средство коммуникации и постепенно утрачивают языковые навыки), а почти 38 млн уже не владеют русским языком¹.

Это хорошо видно на примере Украины, где доля населения, владеющего русским языком, неизменно сокращалась. В первую очередь это обусловлено государственной политикой в сфере образования всех уровней и средств массовой информации, где украинский язык постепенно становился доминирующим, хотя и не вытеснил полностью русский, сохраняющий определенные позиции². Только за период с 1991 по 2002 год доля школьников, обучающихся

на русском языке, сократилась в два раза — с 54 до 25 %. В середине — второй половине 2000-х годов сокращение доли русскоязычного среднего образования, включая уменьшение численности школ, ведущих преподавание на русском языке, продолжалось. Очевидным было также устойчивое снижение количества обучающихся на русском языке в украинских вузах, в том числе и в последние годы (в 2004/05 учебном году — 20 %, в 2006/07 учебном году — 17 % от общего числа обучающихся)³. Сужение области применения русского языка касается и бытовой сферы, и сферы массовой коммуникации⁴.

В результате проводимой политики в большинстве новых независимых государств наблюдается значительное сокращение числа русских школ, центров русского языка и культуры, русскоязычных СМИ, в том числе печатных, что соответствует правовому положению русского языка в этих странах. В законодательстве новых независимых государств зачастую отсутствует система норм о правовом положении языков и статусе государственного языка, в отличие от законодательства России. В тех странах, законодательство которых содержит положения о статусе русского языка, интерпретация этих норм зачастую носит противоречивый и неоднозначный характер⁵. Иная тревожная тенденция в сфере функционирования русского языка на постсоветском пространстве — демонтаж системы образования на русском языке, осуществляемый в последние годы с разной степенью интенсивности. В то же время нельзя не отметить, что в большинстве государств — участников СНГ намечается стремление к восстановлению с Россией образовательных связей, решению проблем взаимного признания документов об образовании, открытию филиалов российских вузов с преподаванием на русском языке.

Вместе с тем русский язык реабилитируется на пространстве бывшего Советского Союза⁶. Предпринимаются шаги по формированию единого (общего) образовательного пространства. На этот счет уже подписан ряд соответствующих соглашений. При этом, помимо соглашений на межгосударственном уровне, заключаются договоренности и на региональном и межвузовском уровне, такие как документы о создании консорциумов приграничных вузов, студенческом и академическом обмене, сотрудничестве в области дистанционного образования, партнерстве в сфере науки.

Постоянные контакты МИД России с рядом ведомств, учреждений и общественных организаций (Минобразование России, Минкультуры России, Минпечати России, Росзарубежцентр при МИД России, Центр развития русского языка, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, МАПРЯЛ, РОПРЯЛ и др.) способствуют повышению эффективности проводимых мероприятий по продвижению русского языка. Они служат делу координации действий в этой сфере и максимально

³ Русский язык в новых независимых государствах. С. 94–95.

⁴ Российская диаспора на пространстве СНГ / Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). М., 2007. С. 276.

⁵ Русский язык на постсоветских просторах // Демоскоп. 2008. № 329–330.

⁶ Никонов В. Русские собираются // Известия. 2008. 28 мая.

¹ Сколько людей говорят и будут говорить по-русски? // Демоскоп. 2006. № 251–252.

² Русский язык в новых независимых государствах: результаты комплексного исследования / под ред. Е. Б. Яценко, Е. В. Козиевской, К. А. Гаврилова. М., 2008. С. 89–96.

рациональному использованию выделяемых на эти цели средств, а также способствуют изучению русского мира как социокультурного явления¹.

Благодаря воссозданию в 2002 году Совета по русскому языку при Правительстве Российской Федерации и его активной деятельности, в последние годы складывается определенная система распространения и поддержки русского языка в зарубежных странах. Важным шагом в этом направлении было принятие Федеральной целевой программы «Русский язык».

Богатый опыт в работе по поддержке русского языка накоплен российскими загранучреждениями. Росзарубежцентр обладает постоянно действующей сетью курсов русского языка за рубежом. Хорошо зарекомендовали себя образованное в 1998 году Российское общество преподавателей русского языка и литературы и Центр развития русского языка, учрежденный в 1999 году, который уже провел на высоком организационном и профессиональном уровне ряд крупномасштабных международных мероприятий, имевших широкий общественный резонанс.

Развитию социокультурного сотрудничества между постсоветскими странами способствует проведение встреч и форумов представителей научной элиты этих государств. В последнее время активизировалось взаимодействие в области литературы и книгоиздания, заметно их стремление к восстановлению культурных и литературных взаимосвязей.

Рубежным этапом в выведении проблематики русского мира как элемента внешней политики России на качественно новый уровень стало создание указом Президента РФ В. В. Путина от 21 июня 2007 года фонда «Русский мир». В состав учредителей фонда вошли Министерство иностранных дел РФ, Министерство образования и науки РФ, а правление Фонда, являющееся его исполнительным органом, назначается Президентом Российской Федерации. Среди основных задач, стоящих перед фондом «Русский мир»: поддержка общественных, академических, образовательных организаций, занимающихся проблематикой, связанной с русским миром, и финансирование их профильных проектов; поддержка российских и зарубежных центров русистики; формирование благоприятного общественного мнения о России за рубежом; взаимодействие с диаспорами; продвижение экспорта российских образовательных услуг; поддержка ассоциаций выпускников российских вузов; поддержка русскоязычных СМИ за пределами нашей страны и т. д.

Реализация поставленных задач может быть успешной только при четком осознании того, что русский мир это не просто понятие, характеризующее этнических русских, проживающих за рубежом, но гораздо более широкое понятие, включающее, к примеру, и иностранных граждан, интересующихся русской историей и культурой, знающих или изучающих русский язык; понятие, определяющее целый многоконфессиональный, мультиэтнический пласт, объединенный в той или иной степени причастностью к судьбам России. В своей деятельности фонд исходит из самого широкого понимания рус-

ского мира как феномена, который объединяет в себе всех тех, кому интересна Россия. Такая концепция, безусловно, позволяет получить новый инструментальный сотрудничества с остальным миром в целом.

Серьезным шагом по организации работы с соотечественниками на новой основе стало и создание Международного совета российских соотечественников, членами которого сегодня являются организации из десятков стран мира. Главной целью совета является оказание поддержки российской диаспоре и русскому языку за рубежом через содействие объединению и координации деятельности общественных объединений соотечественников.

Во многих странах мира существуют советы российских соотечественников. Значительное место в культурной работе русскоязычных диаспор занимает распространение русского языка, литературы, традиций среди детей и юношества.

Сокращение употребимости русского языка как языка межнациональной коммуникации ведет к межкультурному разобщению народов России и других государств — участников СНГ. В связи с этим целенаправленные усилия по поддержанию русскоязычного пространства, пропаганда русской культуры являются приоритетными направлениями в деятельности профильных органов государственной власти и общественных организаций гуманитарного характера.

В настоящий момент в целом на постсоветском пространстве идет процесс сокращения частотности использования русского языка как в сфере управления, делопроизводства, в бизнесе, средствах массовой информации, науке и образовании, так и в бытовой сфере. Это обусловлено, с одной стороны, активным процессом сокращения численности русского по национальности населения в странах СНГ и Балтии, с другой — таким субъективным фактором, как государственная политика в странах постсоветского зарубежья в языковом вопросе.

Ключевым моментом с точки зрения сохранения и укрепления позиций русского языка является деятельность профильных государственных и общественных организаций федерального и регионального уровней, межгосударственных объединений, содействующих сохранению общего гуманитарного пространства. Безусловно, активизация их деятельности, повышение эффективности работы в данном направлении обусловлены финансовыми затратами, поэтому любые долгосрочные программы могут быть реализованы только при широкой государственной поддержке.

Важнейшую роль в сохранении и укреплении позиций русского языка должны играть образовательная политика, межвузовское сотрудничество. В целях поддержки научно-образовательного сотрудничества на пространстве СНГ и расширения возможностей получения гражданами стран СНГ образования на русском языке представляется целесообразным: активизировать сотрудничество между вузами России и научно-образовательными центрами стран СНГ, включая реализацию совместных образовательных и научных программ; интенсифицировать академический и межбиблиотечный обмен; содействовать

¹ Русский язык в мире : доклад МИД РФ. М., 2003.

открытию центров и представительств российских образовательных учреждений в странах СНГ; интенсифицировать и модернизировать сотрудничество в сфере межрегионального межвузовского взаимодействия, в том числе посредством создания межрегиональных вузовских консорциумов; обеспечить регулярный мониторинг и обсуждение положения и перспектив русскоязычного образования, а также положения русского языка в странах СНГ; способствовать усилению общественного интереса к обсуждаемой проблематике в странах СНГ и России посредством как создания новых специализированных медийных ресурсов, так и использования уже действующих СМИ.

Серьезную роль в укреплении позиций русского языка на постсоветском пространстве должно играть межрегиональное приграничное сотрудничество. Безусловно, отдельным направлением должна стать поддержка программ подготовки и переподготовки, повышения квалификации педагогических кадров, задействованных в преподавании русского языка и литературы в школах и вузах стран СНГ и Балтии.

В образовательном плане важным шагом может стать создание специальной гуманитарной институции, которая бы могла обеспечивать подготовку/переподготовку/повышение квалификации специалистов по широкому спектру гуманитарных специ-

альностей, востребованных в странах СНГ, и для их изучения. Создание такой специализированной учебно-научной структуры будет способствовать развитию междисциплинарных подходов к проблемам гуманитарного сотрудничества, стимулировать долгосрочное и системное партнерство в гуманитарной сфере; позволит интенсифицировать внедрение инновационных методов развития гуманитарного образования, ориентированных на сближение и сотрудничество молодежи стран постсоветского пространства, научного и педагогического сообщества; позволит осуществлять целенаправленную подготовку специалистов из стран СНГ по гуманитарным специальностям, востребованным в этих странах.

Однако реализация всех вышеперечисленных задач будет возможна только в условиях понимания русского мира как явления, касающегося не только этнических русских, но и всех, кто интересуется русской культурой, историей, языком. Только такое мультиэтническое и многоаспектное понимание русского мира, определяющее его как многоконфессиональный, мультиэтнический пласт, объединенный в той или иной степени вниманием к прошлому, настоящему и будущему России, будет способствовать укреплению международного имиджа нашей страны и распространению ее культуры в глобальном контексте.

М. Б. Пиотровский¹

МИГРАНТЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Мир с увлечением и беспокойством обсуждает проблему мигрантов. Правда не весь мир, а Европа и Россия. И часто не столько с беспокойством, сколько с истерией. Мигрантов делят на легальных и нелегальных, а точнее и честнее — на желанных и нежеланных. Водоразделы очень сложны и неясны. А главное — меняются со временем весьма серьезно. Сегодня мало кому нужны столь привечаемые некогда политические беженцы из Советского Союза или богатые родственниками гастарбайтеры из Турции. Только США, на поверхности ужесточающие все правила въезда в свою страну, продолжают строить всю политику своего развития в будущем на «свежей крови», влитой мигрантами. Именно они помогли Америке выскочить из жестокого политического и международного кризиса, избрав нового президен-

та нового типа. Что-то подобное попыталась сделать и Франция. Россия, правда, сделала это много раньше, но с сомнительным успехом.

Права не пускать, не допускать, изгонять со своих территорий «чужих» людей кажутся и представляются сегодня как нечто естественное и само собой разумеющееся. В действительности, однако, это вовсе не так. Моральности в этом праве не больше, чем в рудиментарных таможенных обычаях, когда сидящий на проезжей дороге разбойник взимает со всех проходящих пошлину просто по праву сильного и в правильном месте устроившегося. Его прямыми преемниками являются не только сомалийские пираты, но и, к примеру, знаменитая своей самостоятельностью нью-йоркская таможня. Сегодня, когда эпоха национальных государств в целом сходит на нет даже в Европе, неприменность права отказывать или миловать мигрантов ощущается как-то очень уверенно.

В пылу полемики и политических сражений осознанно или неосознанно остается в стороне культурная сторона миграций и роль мигрантов не просто в жизни стран, в которых они поселились, но и в жизни тех стран, которые они покинули. США с их «плавающим котлом» показывают не только прекрасный и нового качества сплав, но и демонстрируют нам живой диалог культур. Его культурная составляющая почти никак не страдает от политических или юридических обострений. Ни борьба за или против прав

¹ Член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, директор Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, профессор. Автор более 200 научных работ: «О мусульманском искусстве», «Исторические предания в Коране», «Коранические сказания», «Сверхмузей в эпоху крушения империи (музей как фактор эволюции)», «Мусульманское искусство: между Китаем и Европой», «Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле», «Южная Аравия в раннее Средневековье. Становление средневекового общества» и др.

Заместитель председателя Совета по культуре и искусству при Президенте РФ, председатель Конгресса петербургской интеллигенции. Председатель Союза музеев России, главный редактор журнала «Христианский Восток», председатель попечительского совета Европейского университета в Петербурге.

чернокожих, ни борьба с итальянской или колумбийской мафией не мешают диалектическому вхождению африканских, итальянской, испанской, латиноамериканской, китайской, корейской культур в культуру именно американскую, всех их синтезирующую. В то же время мигранты из разных стран становятся мостом для культурного влияния и диалога Америки с их странами-источниками.

Явление миграции — часть мирового процесса во все века. Миграция распространила род человеческий по Земле. Миграция не очень зависит, по большому счету, от субъективных желаний людей и народов. Уже одно это должно утихомирить страсти и психозы, которые начинают по этому поводу бушевать. Однако более интересно посмотреть на то, как и из чего складывается механизм участия мигрантов в диалоге культур и как в нем участвуют культурные институты стран-хозяев и народов-гостей.

Попробуем отвлечься от той эксплуатации чужого и дешевого труда, ради которой мигрантов с распростертыми объятиями допускали в страны Европы и которая вдруг сейчас стала отнимать у местных жителей работу, недавно еще для них неприемлемую. Из этой экономики исходит сильное обострение отношений, способное привести к серьезному взрыву. Около этой экономики находится культурный конфликт — они не желают подчиняться нашим культурным правилам и кодам, навязывают нам свои обычаи и правила.

Отвлечься можно только условно, но эта условность помогает многое увидеть в сфере культуры. Вспомним, как обогатилась европейская и российская кухня именно благодаря мигрантам. Лучшие китайские, корейские, кавказские, русские рестораны открылись для своих соотечественников, и сегодня спрос коренных носителей кулинарных традиций во многом определяет разнообразие еды в мире. Оглянемся на то, какое влияние оказали манеры жителей Востока на высокую и повседневную моду. Это и индийские одежды и ткани, и женские брюки-«шальвары», и различные платки. Напомним, кстати говоря, что обычай покрывать голову у женщин вовсе не чисто мусульманский. Благочестивые и приличные христианки еще недавно все покрывали голову и носили длинные платья. Несколькими годами назад в Эрмитаже проходили две знаменитые выставки — православного искусства и мусульманского. Обе выставки вызвали большой интерес не просто музейной аудитории, но и простых людей, причастных к данным культурам. Так и шли по Зимнему дворцу два потока женщин в длинных платьях и головных платках — православные и христианки. Во Франции уже давно выходцы из арабского Алжира и Марокко признаны успешными французскими писателями. А Сальман Рушди еще и до своих скандальных «Сатанинских стихов» был одним из самых популярных в Великобритании писателей. Остается он таким и сегодня, при этом представляя на английском языке традицию и культурную память Индийского субконтинента. Нет нужды составлять длинные списки тех примеров, когда мигранты вносят часть своей культуры в общее достояние культуры Европы. Происходит это и на уровне интеллигенции, и на бытовом уровне.

Жизнь стран, где селятся мигранты, становится разнообразнее своим внешним видом, бытом, культурой. Мигранты приносят с собой возможность приобщения к далеким и экзотическим культурам, будь то буддизм, или кришнаизм, или даже тайные культы африканцев. Экзотика (музыка, идеи, быт) поначалу радует глаз и слух образованной части жителей стран-хозяев разнообразием, вызывает интерес, оказывается созвучной демократическим идеям мультикультурализма. Мир действительно начинает ощущать, что разнообразие прекрасно.

Однако механизму чудного диалога культур противостоит психологическая модель гетто. Напомним, что эта модель рождается не столько преследованиями, сколько стремлением сохранить свои традиции, свою национальную или культурную идентичность. И тут вместо диалога начинается противостояние. Оно не абсолютно. Культура гетто осваивает многое из культуры страны-хозяина. Она также видоизменяет свою культуру, учитывая обычаи соседей и ища способы жить вместе. Примером тому является так называемый «европейский ислам», явление, на мой взгляд, более культурное, чем религиозное. Оно предполагает отказаться от некоторых обычаев ислама, неприемлемых для европейцев именно с культурно-этической точки зрения, таких, например, как жестокие наказания с телесными увечьями. Другой пример из совершенно бытовой области — ухищрения модельеров во Франции и Турции, создающих модели женской одежды, как бы не нарушающие бытовые запреты исламского общества, но не мешающие женщине быть кокетливой и привлекательной. Однако гетто — это, прежде всего, изоляция. Исторически эта тенденция нарастает даже в культурно-сверхмобильной Америке. Начинается то противостояние обычаев и культур, которое мы видим сегодня. Оно — часть внутренней жизни многих стран. Оно же — часть мирового процесса, совмещающего противоположные тенденции.

Мигранты — порождение глобализации. Именно она делает перемещения «рабочей силы» и «представителей чуждых культур» по всему миру явлением обычным и естественным. Потому его и трудно пресечь, когда ксенофобы вдруг просыпаются. Мигранты в условиях глобализма оказываются ответом на культурную и экономическую глобальную экспансию Запада. Растущее и сохраняющее или не сохраняющее свою самобытность арабское население Европы во многом выглядит как мирный ответ на Крестовые походы. Напомним что крестоносцы, европейские военные мигранты в Палестину, тоже сохраняли свою самобытность и частично ассимилировались с местным населением. Кстати говоря, и в европейской колонизации можно обнаружить многие черты того же порядка — пришельцы в чужие страны со своими обычаями, но готовые до определенного предела приспосабливаться. Колонизация тоже была одним из исторических механизмов диалога культур, так же как и войны (но не такие кровопролитные, как в XX в.). Современные мигранты неразрывно связаны с сегодняшней глобализацией. Это новые переселения народов, и для культуры человечества они имеют более интересные

результаты, чем борьба за рабочие места или рост влияния расистских политических партий. Глобализация проходит через испытание культурой. Она включает в работу несколько механизмов: механизм ассимиляции пришельцев и их вхождение в культурный мир страны-хозяина, механизм отторжения культуры страны-хозяина и механизм реакции на культуру пришельцев, механизм передачи элементов культуры Европы в страны-источники через семьи мигрантов. Этот последний механизм имеет огромное значение. Европеизация Турции, стран Магриба, Филиппин и других во многом является результатом долгого или постоянного пребывания тысяч соотечественников в европейской среде. Само собой разумеется, что это тоже встречает отторжение. Но в результате всех этих схождения и отторжений возникает новая культурная ситуация, порождающая новые культурные, и не только культурные, явления и новый культурный продукт. Кстати говоря, радикальные исламские течения вовсе не являются неким возрождением Средневековья. Напротив, они и есть порождение этих процессов взаимного отторжения и взаимного усвоения ряда культурных механизмов. «Аль-Каида» является современным ответом на современные вызовы. Она представляет собой институт, выдающий «гранты» членам из списка известной «базы данных» (это и есть значение слова «аль-каида».) Смертницы-мстительницы на Северном Кавказе знакомятся со своими мужьями-боевиками по Интернету. И тут дело вовсе не в освоении техники. Это — освоения менталитета новых бытовых и культурных навыков. Женщины сами ищут себе партнеров!

Кризис виртуальной банковской системы на Западе в 2009 году вызвал серию выступлений мусульманских публицистов, напоминавших о достоинствах мусульманской банковской системы. Коранический запрет на ростовщичество (он, впрочем, существовал и в христианстве) породил систему кредитования и финансирования, где тщательно прописана обязанность инвестора быть партнером «застраховщика» и делить с ним риски. Ответом в диалоге культур на финансовой почве являются венчурные капиталы и хедж-фонды, где инвесторы рискуют не меньше, а порой и больше партнеров.

Мигранты в Европе и в России напоминают, иногда и в очень резкой форме, о такой древней ценности, как семья и семейные узы. Они терпят всяческие мучения и тяжкий труд ради своей семьи на родине, делают все возможное, чтобы привезти к себе родственников, идут на всяческие нарушения и отказываются от ассимиляции ради своих семей и под их влиянием. Забота о родителях, желание уберечь от забот и чужих взглядов своих женщин, готовность пожертвовать всем ради образования детей. Эти ценностные ориентации сегодня более присущи общинам мигрантов, чем «аборигенов». Частые конфликты остро напоминают об этом и как бы заставляют западное общество «очнуться», переоценить себя, осознать, что, гордые технологическим прогрессом, мы многое теряем или уже потеряли. Мигранты своим существованием, мирным или немирным отличием напоминают об этом. Полагаю, что это действует на наше общество благотворно.

Еще одна особенность жизни мигрантов выглядит поучительно для принявшего их общества. Это высокий уровень религиозности и приверженность религиозным традициям. Речь идет не только о мусульманах. Высокая набожность, к примеру, характерна для мигрантов-филиппинцев. Традиционные верования хранят и лелеют китайцы, корейцы, многие африканцы. На фоне падения формальной религиозности, пустующих церквей и забвения религиозной морали во многих странах Европы набожность мигрантов оказывается основой их самобытности, их силы и, разумеется, усиливает ощущение угрозы. Есть шутка, близкая к истине, о том, что новый Папа Римский стремится обеспечить католичество ту роль, которую в мусульманском обществе играет ислам. Что-то подобное можно увидеть и в России.

Есть еще одна сторона присутствия мигрантов, важная для России, хотя и не только для нее. Существующая весьма сильная ностальгия по Российской—Советской империи могла бы несколько утешиться тем, что присутствие мигрантов, которые как раз и происходят из бывших частей империи или из стран ее влияния (Афганистан), в какой-то мере воссоздает и сохраняет старые связи. Представляется, что это полезно и хорошо во многих случаях. Именно эту черту можно использовать для возрождения диалога культур, присущего империям. Он может воссоздать некое ощущение комфорта взаимного общения на общем языке культуры между бывшими окраинами и центром.

Здесь очень хорошую роль могли бы сыграть учреждения культуры.

Прекрасный пример дает нам Британия и Британский музей. В нем, как известно, собраны памятники искусства и культуры со всего мира.

Так получилось, что в сегодняшнем Лондоне, мировой столице мигрантов, живут большие и очень большие общины выходцев со всего света. И именно здесь, благодаря музею, им удается не просто сохранять связи с собственным культурным наследием, но и знакомиться с ним лучше, чем это было бы у них на родине. Музей учитывает эту новую и необыкновенно широкую аудиторию в своей работе. С учетом носителей культуры создаются постоянные экспозиции. К примеру, в экспозицию исламского искусства включаются экспонаты из современности, работы современных мастеров, творящих в традиционном русле. Создана новая современная интерактивная экспозиция культуры Африки. Многие временные выставки учитывают наличие тех или иных общин и их культурных интересов. Их представители привлекаются к посещению выставок, и носители соответствующих культур составляют значительную часть посетителей временных экспозиций близкой им тематики.

При этом не происходит никакого заигрывания с национальными предрассудками или капризами. Выставки делаются в русле старой академической музейной традиции, без поверхностной актуальности. Таким образом, научный европейский подход к мировому культурному наследию прививается множеству носителей различных культур. Британский музей проводит также большую работу по подготовке на основе британских традиций местных специалистов

по археологии, истории и музейному делу, помогает развитию и созданию новых музеев в тех странах, культуру которых музей представляет в Европе. Музей организует множество просветительских, а также торжественных и праздничных мероприятий, ориентированных на общины мигрантов, проживающих в Лондоне. Среди них — даже разные религиозные праздники из далеких культур.

Этот яркий пример — лишь один из многих. Энциклопедические музеи играют универсальную и многоликую роль. Среди этих ролей — просвещение иммигрантов и создание для них комфортной культурной среды. В России издавна существуют практичные и проверенные временем традиции сосуществования и культурного взаимодействия разных народов. Эти традиции продолжают и российские музеи. Особую роль в этом играют Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), Российский этнографический музей. Само собой разумеется, что эту обновленную имперскую функцию выполняет и Государственный (императорский) Эрмитаж. Многие народы десятилетиями гордились тем, что памятники их культурного наследия хранятся в Эрмитаже. Через Эрмитаж они становятся доступными и почи-

таемыми всеми. Одновременно Эрмитаж дает возможность видеть эти культуры в мировом контексте. И наконец, что особенно важно сегодня, мигранты, живущие в России, могут в Эрмитаже не просто ознакомиться с собственной культурой, которая часто едина для многих сегодня разделенных границами областей. Они постоянно чувствуют свои связи с культурным наследием, возобновляют это ощущение, воспитывают историческую память у своих детей. Иногда для этого не хватает четкой организации экскурсионных курсов и событий. Они добавляются к тому огромному культурному удовольствию и знанию, которое несут не только туристам, но и «новым петербуржцам» экспозиции культуры Сибири, Средней Азии, Кавказа, памятники культуры Китая, Японии, а также древней и средневековой Руси, Хазарии, Золотой Орды, скифов, сарматов и варягов.

Музеи постоянно наращивают просветительскую и воспитательную роль. Переоценить их значение невозможно для знающих людей. Незнающие же часто не понимают того, что музейное дело не только важно, но и могло бы спасти страну от многих сегодняшних и будущих неприятностей и истерик. Объяснить это — еще одна из целей диалога культур.

Энрико Понзиани¹

О РОЛИ МИГРАЦИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МЕЖДУ ОБЩЕСТВАМИ, КУЛЬТУРАМИ И ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

Уважаемые дамы и господа!

Для меня большая честь участвовать в X Международных Лихачевских научных чтениях. От имени Международной организации по миграции (МОМ) я хотел бы выразить благодарность организаторам конференции за приглашение принять участие в этом выдающемся событии.

МОМ является ведущим межправительственным учреждением в области миграции и в настоящий момент насчитывает 127 государств-членов, и еще 94 государства и негосударственные организации имеют статус наблюдателей. Возможно, многие из вас знают, что на протяжении 15 лет МОМ проводит активную деятельность в странах СНГ и установила отличные отношения с государствами — членами СНГ как в организационных вопросах, так и в вопросах осуществления практической деятельности. Фактически большинство этих государств также являются нашими членами. Наша организация уполномочена заниматься проблемами мигрантов, беженцев, перемещенных лиц и других людей, нуждающихся в защите и помощи в поиске практических решений их проблем, связанных с миграцией. Задача МОМ — содействовать гуманизации и упорядочению процессов миграции ради всеобщего блага.

Миграция — одна из немногих международных проблем, вызывающих острые дискуссии как на национальном, так и на международном уровне. При-

¹ Директор Бюро Международной организации по миграции (Москва).

чиной подобного внимания и споров является то, что проблемы миграции в первую очередь касаются людей, перемещающихся между странами и обществами, и сложных социальных, экономических и политических последствий миграции. Другая причина — масштаб данного явления. Сегодня число мигрантов в мире превышает 200 млн человек, и каждое государство выступает экспортером мигрантов, транзитной и принимающей стороной. Влияние миграции ощущается повсеместно: на улицах, в местах отдыха, торговых центрах, на железнодорожных вокзалах и в аэропортах всех стран мира. Это особенно заметно в Российской Федерации — второй по величине стране после США, принимающей переселенцев; при этом в целом страны СНГ представляют собой одну из самых активных в миграционном отношении зон в мире, где миграционные потоки проходят из региона, внутри региона и через регион. Независимо от направления потоков они во многом связаны с экономическим неравенством, демографическими диспропорциями, экологическим дисбалансом и проблемами прав человека. В связи с сохранением и углублением указанных противоречий приходится признать, что миграция не исчезнет. Третьему тысячелетию суждено стать эпохой самой крупной мобильности населения за всю историю человечества.

Другими словами, миграция будет расширять свое влияние на экономическую, социальную и культурную сферы во всем мире. Современные подходы

к изучению миграции имеют тенденцию ставить во главу угла экономический аспект человеческой мобильности, рассматривая экономические стимулы миграции и ее воздействие на рынки труда в странах экспорта, транзита и приема мигрантов, однако в действительности социальная и культурная составляющие миграции играют не меньшую роль. Именно этот аспект имеет непосредственное отношение к сегодняшней конференции и, что отрадно заметить, привлекает все более пристальное внимание высокопоставленных политиков. Например, в 2010 году члены МОМ в рамках Международного диалога по миграции избрали тему «*Миграция и социальные трансформации*». В центре обсуждения — вопросы роли миграции и мигрантов во взаимодействии между обществами, культурами и цивилизациями. Итак, что можно сказать об этой роли?

Во-первых, необходимо иметь в виду, что процесс миграции — это процесс изменений, затрагивающий мигрантов, их семьи, а также принимающие их и родные им сообщества. Изменения могут носить позитивный характер: миграция предоставляет возможности для обогащения не только экономики, но и, пожалуй, что более важно, культуры и общественной жизни страны-экспортера и принимающей страны. Например, в настоящее время общепризнано, что денежные переводы — продукт миграции, однако недостаточно внимания уделяется обменам в общественной сфере, включая передачу мнений, форм поведения, национальной специфики и социального капитала.

Во-вторых, миграция способствует установлению связей между обществами и странами, она развивает культурные обмены и содействует взаимопониманию между народами. Наконец, в-третьих, миграция преобразует общества и тем самым вносит значительный вклад в изменение современного мира, делая его таким, какой он есть, — не только в экономическом отношении, но и, что более важно, в смысле социальных процессов в транснациональном измерении. Все преобразования, которые вызывает миграция, ведут к укреплению диалога и партнерства между различными нациями и культурами, а также стимулируют развитие транснациональной или глобальной культуры.

Тем не менее миграция, особенно в неупорядоченной форме, представляет и серьезную проблему. Не последними по значимости являются такие проблемы, как общественно-политические расколы, которые она продолжает вызывать в некоторых странах, проблема социального единства и национальной самобытности, проблема незащищенности мигрантов, необходимости адаптироваться к условиям многообразия, такого, например, как религиозный плюрализм. Социальные последствия глобального финансового кризиса и связанные с ним изменения в восприятии миграции и мигрантов только усиливают важность этих проблем.

Однако эти проблемы не являются неразрешимыми. Все зависит от того, какую политику выберут и будут проводить правительства стран. Чтобы в полной мере использовать потенциал и преимущества миграции, решить проблемы, которые она ставит, необходимо разработать протекционист-

ские и стратегические условия как в странах — экспортерах миграции, так и в принимающих странах. Правительство Российской Федерации предприняло существенные шаги в политической и законодательной областях по развитию таких условий. 15 января 2007 года в России вступило в силу новое миграционное законодательство.

Однако в долгосрочной перспективе одними внутрисударственными мерами невозможно достичь эффективного контроля над миграцией, которая стала транснациональным явлением. По определению международная миграция связана с перемещением людей в пределах нескольких стран. Сегодня большинство стран мира являются частью глобальной миграционной системы, поэтому миграционная политика одного государства не может не оказывать влияния на другие страны. Вследствие этого для эффективного контроля над миграцией сотрудничество является жизненно необходимым; и для МОМ межгосударственное сотрудничество — ключевой фактор.

МОМ активно поддерживает двусторонние и многосторонние инициативы, направленные на дальнейшее достижение согласия по вопросам выработки эффективных мер политики, направленных на решение проблем миграции, формирование комплексных подходов и систем.

Формальные механизмы межгосударственного взаимодействия — это главным образом обязательства, юридически закрепленные договорами, в области сотрудничества по вопросам миграции, которые государства заключили на двусторонней основе, региональном или глобальном уровне. Эти соглашения иногда принимают форму договоров, основным предметом которых является исключительно миграция. Таковы, например, двусторонние договоры по вопросам использования рабочей силы или соглашения более широкого спектра, такие как региональные и международные договоры по вопросам защиты рабочих-мигрантов, в которых также рассматриваются условия сотрудничества между государствами.

Двусторонние договоры по вопросам использования рабочей силы до сих пор являются самым распространенным директивным механизмом контроля миграции. В них определяются обязанности каждой из сторон, которые гарантируют, что миграционные процессы будут проходить в соответствии с принципами и процедурами, оговоренными в договоре¹. Они поддерживают упорядоченные передвижения трудовых мигрантов и тем самым способствуют развитию добрососедских отношений и сотрудничества между странами — экспортерами миграции и принимающими странами.

Значимость подобного сотрудничества получает все большее признание во всем мире на региональных и местных уровнях. Правительства встречаются для обсуждения региональных процессов и проблем контроля миграции и вырабатывают совместные действия для обмена наиболее эффективными мерами, применяемыми странами данного региона по регулированию миграции; максимальному использованию

¹ Essentials of the Migration Management, Inter State Cooperation. P. 23.

потенциала мигрантов; предотвращению, контролю и противодействию неупорядоченной миграции и торговле людьми; защите прав мигрантов и обеспечению их успешной интеграции, а также по развитию сотрудничества среди транзитных и принимающих стран региона в вопросах, связанных с миграцией.

Ярким примером того, насколько важным является региональное сотрудничество в области миграции, может служить деятельность стран СНГ по развитию партнерства и управлению миграцией. 29–30 января 2008 года был образован Совет руководителей миграционных органов государств — участников СНГ, перед которым поставлены задачи: способствовать эффективному взаимодействию государств — участников СНГ в сфере трудовой миграции, обеспечивать общеправовые стандарты при передвижении мигрантов в пределах СНГ, а также проводить совместные мероприятия по противодействию незаконной миграции. Подобное сотрудничество необходимо не только для улучшения контроля миграции, но и для уменьшения межкультурной напряженности, ускорения регионального развития и укрепления стабильности регионов.

Развитие взаимодействия между регионами неуклонно растет. Государства все более осознают необходимость налаживания контактов и диалога между различными местными и региональными движениями и группами. Такого рода диалог будет способствовать совместному плодотворному сотрудничеству, гармонизации и слаженности действий в области миграционного законодательства и управления. Более того, имеются многочисленные примеры глобального и межрегионального сотрудничества. Так, 14–15 июня 2001 года по предложению правительства Швейцарии на Международном симпозиуме по миграции была создана Бернская инициатива. Это межправительственный консультационный процесс, целью которого является совершенствование контроля над миграцией на национальном, регио-

нальном и глобальном уровнях путем развития взаимодействия между государствами.

Наиболее значимым результатом Бернской инициативы стала разработка Международной повестки дня в области регулирования миграции (ИАММ). Международная повестка дня — это программа без юридических обязательств, предлагающая широкую стратегию международного уровня по регулированию миграции, которая была выработана в ходе ряда консультаций между заинтересованными странами, ставшими главными субъектами в этой области, при поддержке и рекомендации соответствующих региональных и международных организаций, неправительственных организаций и независимых экспертов по вопросам миграции (Нильсен, 2006).

Однако многое еще предстоит сделать. В отличие от сотрудничества в области торговли и оказания гуманитарной помощи, где достигнуты большие успехи в отношении взаимодействия, миграция все еще остается сферой, которой лишь немногие страны уделяют пристальное внимание. Несомненно, можно привести примеры регионального сотрудничества (например, Евросоюз), но предстоит пройти еще долгий путь, прежде чем миграция станет «неотъемлемой частью национальной, региональной и глобальной стратегии экономического развития как в развивающихся, так и развитых странах мира». Также необходимо привлечь новых участников, включая частный сектор и гражданское общество и, что более важно, самих мигрантов. Необходимо широкомасштабное партнерство, если мы намерены создать справедливую, гибкую и эффективную систему управления миграцией, которая будет способствовать улучшению благосостояния и процветанию людей и стран всего мира. Оказание помощи правительствам в создании этой системы и развитии партнерства и взаимодействия является целью МОМ, и наша организация будет продолжать работать над ее достижением вместе со всеми заинтересованными сторонами.

Жан Радваньи¹

ФРАНКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПОРА СТЕРЕОТИПОВ?

С момента моего приезда в Москву в качестве директора Центра франко-российских исследований² вот уже больше года я не устаю удивляться тому, насколько часто СМИ, формирующие общественное

мнение России и Франции, при анализе и описании дел в другой стране прибегают к стереотипам. Почти каждую неделю я слышу, с теми или иными поправками, набор одних и тех же затверженных формул, сводящих происходящее в другой стране к нескольким образам, за последнее время крепко укоренившимся в общественном мнении наших двух государств.

Сегодня для многих французов Москва и Россия представляются опасным местом, куда не всякий рискнет приехать. Образ Москвы не может не вызывать удивления: в этом постсоветском городе будто бы везде небезопасно, царит коррупция, орудут грабители и мафиозные группировки, а сам он состоит из сплошных неблагополучных окраин. Совсем недавно одна моя знакомая, которую назначили

¹ Директор Центра франко-российских исследований (Москва), профессор Национального института восточных языков и цивилизаций (Париж, Франция), доктор географических наук. Выпускник Национального института восточных языков и цивилизаций (INALCO) по кафедре русского языка. С 1972 года возглавлял Группу по изучению постсоветских государств, руководил Центром российских и евроазиатских исследований. Автор научных публикаций: «Постсоветские государства», «La nouvelle Russie», «Atlas du Monde diplomatique», «La Russie entre deux mondes», «Les Etats post-sovietiques», «Atlas geopolitique du Caucase» и др. Входит в научный совет Leibnitz Institut für Länderkunde в Лейпциге (Германия), а также в редакционную коллегию журнала «Slovo» (INALCO).

² См. сайт Центра: <http://www.centre-fr.net>

на должность в крупном французском банке в Москве, призналась мне, что попросту боится заступать на свой новый пост.

Однако образ Франции, который распространяют СМИ и большинство российских туристов, побывавших в Париже, не менее удивителен. Это цивилизация, вынужденная обороняться от нашествия «черных», арабских, «желтых» и прочих мигрантов, которые без зазрения совести бесчинствуют и придают огню улицы нашей древней столицы, как это случилось во время беспорядков 2005 года. Их присутствие будто бы означает конец истинной французской культуры, чья предполагаемая чистота на самом деле — просто миф, выкованный из подручных материалов при столкновении разных воображаемых. Как можно представить развитие французской культуры без питавших ее на протяжении столетий представителей других культур, иммигрантов: от итальянца Леонардо да Винчи, «приглашенного» ко двору Франциска I, до Ива Монтана, от испанца Пабло Пикассо до японца Леонада (Цугухару) Фуджиты, черных американцев Жозефины Бейкер и Арчи Шеппа, а также многих других, которых у меня нет времени упомянуть?¹

Само собой, мне возражат, что это все крайности, народные интерпретации, которые не отражают реальность, и что во франко-российских отношениях все не так плохо, о чем лучше всего свидетельствует множество мероприятий, организованных в 2010 году в рамках Года Франции в России и Года России во Франции. Конечно, в наших странах есть настоящие знатоки обеих культур, а сами они давно и крепко друг с другом связаны и переплетаются множеством нитей. К счастью, мы все еще можем назвать имена многих таких «посредников», мужчин и женщин, которые дорожат этими отношениям: переводчиков, деятелей культуры, исследователей разных дисциплин, представителей различных административных инстанций и регионов, которые продолжают распространять, обогащать и передавать наше общее наследие.

Однако постоянное муссирование этих образов в самых популярных СМИ: крупных газетах, на телевидении, в блогах — превратили их в общеизвестные истины, с которыми становится все сложнее бороться, несмотря на то что наши страны так близки друг другу географически, находясь на двух полюсах Европы, ищущей свои границы.

Есть много факторов, которые объясняют, почему процесс, ведущий к упрощению и огрублению образа Другого, зашел так далеко, что рискует перечеркнуть вековую традицию взаимопонимания и взаимного обогащения и создать пусть не враждебный (Франция не входит в число государств, в которых россияне, по данным опросов, видят угрозу), но искаженный и надолго деформированный образ друг друга.

Первый фактор связан с самими средствами массовой информации (я знаю, что этот вопрос уже неоднократно поднимался на ваших предыдущих встречах): нынешнее телевидение (особенно самые популярные каналы) больше не признает сложности. Ему

требуются короткие и простые передачи, сжатые и однозначные сообщения. Любые противоречия, альтернативные взгляды и сомнения ему глубоко чужды. Подобный подход также отражается на фильмах и телесериалах, которые в большинстве случаев превратились в стандартные упражнения вокруг нескольких вошедших в оборот тем. И когда какой-нибудь телесериал, как недавно «Школа», выбивается из этого ряда, его сразу же принимаются критиковать и, вне зависимости от популярности, снимают с эфира либо переставляют на менее рейтинговое время. Аналогичные примеры можно вспомнить и во Франции.

Интернет — более сложное пространство, где могут развиваться любые идеи, вплоть до самых еретических. Однако тут появляются поисковые системы — «генералы» этой Всемирной паутины, которые направляют наш выбор и подводят к стандартным результатам обычного пользователя, который часто не в состоянии предпринять более глубокие разыскания и критически, вдумчиво оценить поток противоречивой информации, которая отыскивается в Сети.

Особого внимания заслуживают лингвистические проблемы. Будучи профессором института, где преподают 85 языков и где уже столько десятилетий находится важнейший во Франции университетский центр по изучению русского языка и цивилизации, я прекрасно понимаю, сколь противоречивы процессы, идущие в этой сфере. С одной стороны (и это может прозвучать странно), Интернет, новые программы перевода и средства коммуникации сделали доступней множество языков, и давно обещанная гегемония английского языка как орудия мирового общения сегодня все более активно ставится под сомнение. С другой стороны, на практике мы фиксируем целый ряд процессов, которые одни считают нормальными, а другие воспринимают с огромным беспокойством.

Если всеобщая гегемония английского языка сегодня далеко не очевидна, приходится признать, что мир просто идет в сторону его огрубления. Во всех сферах деятельности — от туризма до международных конференций — все чаще звучит упрощенный, убогий английский, который просто не приспособлен для анализа и утонченных дискуссий, которые необходимы для понимания другого, его взглядов и особенностей.

По сути, этот процесс лишь воспроизводит общую тенденцию, характерную для большинства языков: их неизбежную трансформацию, колоссальное упрощение (как минимум в сфере повседневного общения) под влиянием новых средств коммуникации — Интернета с его блогами и в еще большей степени сотовых телефонов с их SMS. В этих кратких форматах орфография больше не имеет значения, а борьба за сохранение стандартизированного, учебного правописания исходно обречена на провал.

Помимо СМИ и орудий коммуникации, стоит обратить внимание на политическую практику наших стран и на то, какие методы наши лидеры считают возможным использовать для мобилизации общественного мнения. Дело в том, что государства все активнее действуют на этом поле по случаю национальных кампаний: будь то с краткосрочными поли-

¹ См. по этому поводу выставку «Париж — 150 лет иммиграции» (8 февраля — 12 апреля 2010 г.), организованную Мэрией Парижа.

тическими целями (предвыборная кампания, передача власти) или в рамках сложного календаря коммемораций, призванных укрепить в обществе национальный и патриотический консенсус (этот термин звучит и во Франции, и в России).

2009-й и 2010-й стали годами коммемораций: 70-летняя годовщина начала Второй мировой войны, 65-летняя годовщина победы союзников над гитлеровским режимом. В обеих странах эти две даты, с одной стороны, позволили напомнить молодым людям о значении той битвы, в которой наши народы сражались бок о бок (и которая в дальнейшем так укрепила наши отношения на всех уровнях), а с другой — спровоцировали общественную полемику. Так, у многих во Франции вызывает недоумение, почему наши власти не пригласили на мероприятия по случаю годовщины высадки союзников в Нормандии никого из высоких представителей России. Даже если СССР прямо не участвовал в этой операции, мы хорошо знаем его выдающуюся роль на другом фронте, а также помним, что множество советских граждан сражалось в рядах Сопротивления в самой Нормандии. Кроме того, острую полемику вызывают многие предложения правительства. Речь идет, например, об использовании в школьном курсе истории целого ряда символов, таких как письмо юного коммуниста Ги Моке, расстрелянного в Шатобриане, или предложение, чтобы каждый класс взял шефство над одним убитым еврейским ребенком.

В России внимательных наблюдателей не может не насторожить попытка использовать эти годовщины, чтобы вновь обелить образ Сталина и сталинизма, завуалировав страницы истории, которые кажутся неприглядными. Речь, естественно, идет не о том, чтобы отрицать роль СССР в победе над гитлеровской Германией или огромные жертвы, принесенные тогда народами Советского Союза. Я просто не думаю, что, вывешивая в Москве большие портреты Сталина, можно найти ответ на вопрос: «Что осталось от нашей победы?» (если вспомнить заголовок французского издания полемического эссе Наталии Нарочницкой)¹. Опасно, да и, вероятно, тщетно пытаться консолидировать общество с помощью поуправды, табу и умолчания. Эта мысль относится

не только к России. Франции понадобились долгие годы, чтобы началось реальное признание роли коллаборационистского правительства Виши и его воздействия на наше общество. Вместо упрощения или ревизии истории я, признаюсь, предпочитаю смелый и трезвый взгляд Даниила Гранина и его «Непраздничных мыслей накануне Дня Великой Победы»².

Каждое поколение, без сомнения, должно знать собственную историю. Однако волюнтаристские, а порой и просто демагогические решения, упрощающие и манипулирующие тем или иным неоднозначным событием, лишь препятствуют пониманию прошлого. Недавно наш Центр организовал конференцию, посвященную проблеме «Истории, историков и власти», и я приглашаю вас прочесть тексты прозвучавших на ней докладов Пьера Нора, Бенжамена Стора, Александра Миллера или Изабель де Кегель, которые говорили о различных траекториях национальной памяти и истории наших стран в контексте современных споров и интерпретаций³.

Наконец, как не высказать сожалений о том, что, несмотря на звучащие с обеих сторон обещания и усилия наших дипломатов, вопрос о поездках и визах остается столь сложным, в том числе для исследователей и студентов, которые хотели бы регулярно ездить в другую страну. Можно только мечтать о такой системе, как «Эрасмус» (для студентов) или «Сократ» (для преподавателей), которая бы действительно охватила все европейское пространство. Одно из главных достижений Евросоюза за последние годы — то, что тысячи студентов получили возможность непосредственно познакомиться с культурой, языком других европейских стран, несмотря на все трудности, связанные с недостаточным финансированием этих программ (что делает такие поездки не всегда доступными для семей со скромным достатком).

И поскольку ничто так не помогает бороться со стереотипами, как встречи и личное знакомство с жизнью другой страны, пожелаем, чтобы расширяющаяся сеть «Эрасмус» соединила Россию и Францию и позволила бы молодежи преодолеть тот дефицит знаний друг о друге, которой сложился в последние десятилетия. Это было бы настоящим успехом Года Франции в России и Года России во Франции.

Александр Рар⁴

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО ГЕРМАНИЯ–РОССИЯ КАК ФУНДАМЕНТ ПРОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Осенью 2009 года в Москве состоялась встреча Председателя Правительства РФ Владимира Путина с так называемыми «капитанами» немецкой экономики. Никогда ранее столь представительная делегация немецкого бизнеса не посещала Россию. Визит

и переговоры состоялись, несмотря на разразившийся финансовый кризис. Видимо, Россия и Германия

¹ *Narotchnitskaia N.* Que reste-t-il de notre victoire? *Russie-Occident: le malentendu.* P.: Editions des Syrtes, 2008.

² Известия. 2009. 8 мая.

³ На пример Pierre Nora, «Les avatars de l'identité nationale», *Le débat* № 159, mars 2010, в ожидании публикации некоторые материалы конференции доступны на сайте: <http://files.mail.ru/SFEHVP>

⁴ Директор программ по России и Евразии Германского совета по внешней политике, журналист, политолог (ФРГ). В 1977–1985 годах — научный сотрудник проекта «Российская элита» в Федеральном институте восточноевропейских и международных исследований (ФРГ). С 1982 по 1994 год — научный сотрудник Исследовательского института радио «Свобода». С 1994 года — научный сотрудник Исследовательского института Германского совета по внешней политике. Автор биографий М. С. Горбачева, В. В. Путина («Немец в Кремле»), книг «Россия жмет на газ» и «Путин после Путина. Капиталистическая Россия на пороге нового мирового порядка». Член

решили выходить из кризиса совместно, опираясь друг на друга. Стратегическое партнерство прошло экзамен на зрелость. Отношения между Германией с Россией оказались более действенными, жизнеспособными, чем между Россией и Евросоюзом в целом. Попытаемся разобраться в причинах и целях германо-российского партнерства. По моему мнению, именно эти отношения закладывают фундамент архитектуры будущей Европы.

Но перед тем как рассмотреть вопрос о стратегическом партнерстве Берлина и Москвы, я расскажу об изменяющейся архитектуре Европы. Ведь в России и Германии она видится по-разному. За последние полстолетия у немцев и россиян сложился различный опыт взаимоотношений с Европой. Как изменилась Европа за этот исторический период? Как такие страны, как Германия и Россия, включились в процесс создания новой Европы.

Для немцев последние полстолетия были мирными, спокойными, благополучными в комфортабельной Западной Европе в условиях постоянного прогресса. Ужасные последствия Второй мировой войны уходили в прошлое. В Германии настало время экономического чуда; было достаточно средств как для создания либеральной рыночной экономики, так и для установления справедливого общественного порядка, способного обеспечить максимальную защиту социально слабым. Восхождение по социальной лестнице перестало быть привилегией узких кругов. Еще никогда в Германии молодое поколение не находилось в столь благоприятных условиях, при полной свободе и торжестве идеалов индивидуализма.

В конце 1960-х годов США выиграли космическую гонку, отправив первого человека на Луну, доказав тем самым свое технологическое превосходство. Впрочем, и холодная война к тому времени уже миновала «горячую» фазу. После смерти Сталина двадцать лет его преемникам приходилось бороться за выживание СССР.

Экономическое превосходство капитализма над коммунизмом становилось все более очевидным. ФРГ инициировала так называемую восточную политику (*Ostpolitik*) по отношению к Советскому Союзу. Лидеры компартии СССР не отвергали предложений о сотрудничестве — им предоставлялся шанс экономический стабилизации и модернизации страны. К началу 1980-х в Советском Союзе накопились проблемы. Перестройка стала единственным возможным путем реформирования распадающейся империи. Ценности западной демократии и рыночного уклада экономики привлекали все больше сторонников.

В Западной Европе за «сытими» 1970-ми годами пришли еще более благополучные 1980-е. Волнения 1960-х годов и последующая политическая радикализация общества сошли на нет, молодежь нового времени полностью стала ориентироваться на материальные ценности.

В 1980-е годы на Западе обилие и свобода информации, социальные блага, легкость передвижения,

дешевизна жилья и транспорта, многочисленные программы зарубежных обменов обусловили, пожалуй, самые благополучные, спокойные, счастливые студенческие годы для поколения, рожденного после войны.

Атлантическое пространство все более объединялось как политически, так и экономически. В конце 1980-х годов у ФРГ были настолько мощные финансовые резервы, что Гельмут Коль мог бы купить ГДР без особых проблем. Период воссоединения Германии мог бы стать судьбоносным началом нового союза между русскими и немцами. Россия не противилась единству Германии, а, наоборот, поддерживала его. Эти радостные годы — казавшееся окончательным примирение между ФРГ и посткоммунистической Россией — навсегда останутся в памяти у современников тех событий. Несмотря на то что цена воссоединения и экономически, и социально оказалась гораздо выше, чем ожидалось, Германии и Западной Европе удавалось поддерживать свое развитие. Деспособное поколение 30–60-летних с энтузиазмом направило свои силы на создание и укрепление Европейского Союза.

Лучшего времени для Европы трудно представить — исчезли все внешние угрозы. Появились новые европейские государства, в том числе Прибалтийские и Украина, восстановила свою былую мощь и значение Польша, многие государства изъявили желание вступить в Евросоюз.

Наступил XXI век, и период мечтательной эйфории быстро закончился. Запад стал формулировать свои геополитические интересы, пытаясь реализовать их в том числе и силой. Правомочность своих притязаний и действий он черпал в победе, одержанной в холодной войне. Военная операция в Косово положила начало последующей интеграции Балканского региона в структуры НАТО и Европейского Союза.

За несколько месяцев до окончательного развала Советского Союза страны Запада и государства — участники бывшего Варшавского договора подписали так называемую Парижскую хартию для новой Европы. Этот документ при определенных обстоятельствах мог стать основой будущего общего европейского дома. Идея большой объединенной Европы — от Бреста до Владивостока, — как мы знаем, не реализовалась. На сегодняшний день она кажется невыполнимой. Но вспомним, что еще 18 лет назад она являлась серьезной альтернативой дальнейшего развития Европы.

Вспомним также, что в августе 1991 года сама Россия освободилась от коммунистического тоталитаризма. Перестройка победила путчистов. И только после того как Россия стала свободной, окончательно рухнул биполярный мир, коммунистическая идеология, оккупационные режимы в Восточной Европе, «железный занавес» в Европе.

О короткой эпохе либерализма в России сегодня позабыли все, к сожалению, и в самой России. Россия в конце XX столетия решила вновь пойти по пути построения сильного государства. Но на этот путь у российских правителей был социальный заказ. А Запад, нарушая свои обещания, данные М. С. Горбаче-

правления российско-немецкого форума «Петербургский диалог» и дискуссионного клуба «Валдай», почетный профессор ГГИМО, член совета директоров YES (Yalta European Strategy).

ву, стал расширять НАТО на восток — вплоть до российских границ.

На Западе резонно полагают: расширение НАТО и Европейского Союза укрепляет и консолидирует демократическую Европу. Несомненно, это так. Но Запад допустил большую ошибку — он не интегрировал Россию в новую Европу. Причем Западу не нужно было технически принимать Россию в НАТО или ЕС. Но «выталкивать» Россию из Европы и европейской цивилизации — большая стратегическая ошибка. За это будущим поколениям европейцев, может быть, придется горько расплачиваться. Необходимо было параллельно с расширением западных структур смягчать его последствия для российского общества.

Возможно, и сама Москва своими действиями способствовала самоизоляции. И в России будущего поколения будут расплачиваться за то, что, может быть, слишком поспешно — из-за гордости или великодержавных комплексов — Россия отказалась от демократических моделей Запада.

На сегодняшний день в Европе сложилась такая ситуация, какая она есть. Все могло начать развиваться по худшему сценарию. Важно отметить, что новой холодной войны в Европе нет и вряд ли будет.

Следует разобраться в современной ситуации и подумать над тем, как можно вернуть ту благоприятную ситуацию, которая царила в Европе в начале 1990-х годов. Другими словами, как вернуться к идее великой Европы, которая опиралась бы, с одной стороны, на Америку, а с другой (для поддержания баланса) — на Россию.

Посмотрим на Россию. Москва яростно выступает против дальнейшего расширения НАТО на постсоветское пространство, клеймит планы США построить противоракетную оборону в Центральной Европе, вышла из Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Россия отказывается понимать мотивы вступления в НАТО бывших стран — участниц Варшавского договора. Идея объединенной Европы, где большие и маленькие государства равны и помогают друг другу, непонятна и чужда России. Российское видение Европы напоминает XIX век: сильные государства доминируют в «концерте Европы». Но главным образом Россию раздражает и унижает, что она не может влиять на построение архитектуры Европы, поскольку не является членом НАТО и Евросоюза — организаций, руководящих нынешней Европой.

Новые члены НАТО и Европейского Союза, например Прибалтийские страны и Польша, защищены американским атомным «зонтиком», они — часть общеевропейского экономического пространства, живут лучше, чем когда-либо. Они, в отличие от России, имеют полноправный голос при обсуждении вопросов построения новой Европы. Но у этих стран существуют серьезные конфликты с Россией, которые они иногда сами провоцируют.

Зачем Польше было необходимо накладывать вето на переговоры Евросоюза по продлению Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Россией? Было потеряно драгоценное время. С Россией нужно в ближайшие сроки договориться о будущей

системе энергоснабжения, миротворчестве на восточных границах Европы, борьбе с международным терроризмом, вхождении России во Всемирную торговую организацию (ВТО). Польский «каприз» блокировал создание четырех зон, объединяющих ЕС и Россию.

Европейский бизнес страдает от того, что отношения с Россией слишком политизированы. Германии не разрешили инициировать новую Ostpolitik от имени всей Европы. Об этой политике, которая могла бы способствовать медленному возвращению к принципам Парижской хартии для новой Европы 1990 года, будет сказано ниже.

Польша, Эстония и Швеция блокировали прокладку газопровода из России в Германию по дну Балтийского моря. Проблемы экологии в этом вопросе, естественно, игнорировать нельзя. Но тотальная оппозиция обусловлена и политическими соображениями. Это явный пример «выталкивания» России из Европы.

Невозможно заставить Россию транспортировать свои энергоносители через Беларусь и Украину, когда последние шантажируют Москву своим привилегированным положением транзитера, так же как Россия шантажирует их ценами на газ. Здесь идея энергетического НАТО не поможет: Россия обратит свои интересы к Азии.

Плохо, что фактор России сегодня вновь расколол Запад и Европу. Причем этот раскол прошел по той же «линии», по какой раскололся Запад в преддверии иракской войны в 2003 году. «Старая» Европа действительно примирилась с Россией. Она хочет выстроить стратегическое партнерство с ней. Конечная цель: свободная экономическая зона Евросоюз—Россия, безвизовый режим, может быть, даже совместная зона безопасности.

Я не вполне понимаю, почему в последние годы США резко выступают против политики сближения Евросоюза и России. Может быть, это попытка завлечь Европу в усиленное трансатлантическое сообщество, где России точно не будет места.

Страны «новой» Европы по-прежнему чувствуют себя жертвой оккупации со стороны России в послевоенные годы. Они не делают различий между Россией и СССР. Между странами «новой» Европы и Российской Федерацией не происходит примирения. Страны «новой» Европы, наоборот, возмущены «наивной верой в хорошую Россию» «старых» европейцев. Иногда кажется, что некоторые представители элиты «новой» Европы считают, что они вступили в старое НАТО и старый Евросоюз — времен холодной войны, когда Запад оборонялся от Советского Союза.

Результат раскола по вопросу о России очевиден: европейская политика безопасности и обороны не действует, консенсуса между странами нет и не будет, недоверие друг к другу растет. В Эстонии звучат обвинения в адрес Германии в плане того, что Берлин якобы содействует созданию нового Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (также известен как пакт Молотова—Риббентропа)! От Германии в жесткой форме требуется выражение позиции солидарности в отношении новых членов

НАТО и Евросоюза в их конфликтах с Россией. В то же время эти страны не проявляют солидарности с государствами «старой» Европы в их стараниях выстроить партнерство с Россией на благо стабильной Европы.

«Молодые» европейцы фактически разрушили так называемую «тройку» — формат встреч между Германией, Францией и Россией. На самом деле механизм «тройки» позволил европейцам «мягко» интегрировать Россию в общеевропейские процессы. Россия внутри «тройки» была частью европейской политики. Сегодня в отношении России действует только формат саммита Евросоюз—Россия, который проводится два раза в год, но стал чисто формальным.

Надо признаться, что споры по поводу отношения к России ведутся и в самой Германии. Германскую элиту, как и Евросоюз, расколол этот вопрос. У германской элиты существует следующий подход к России: пока Российское государство не примет либеральной модели правления, его нужно игнорировать и сдерживать. Москву надо заставить соблюдать права человека. Эти силы в Германии уже давно не верят в настоящее сотрудничество с Россией и не хотят с ней интегрироваться. По их аргументации Россия — чужеродная страна для Европы, не строящая свою идентичность на европейских, общечеловеческих ценностях.

Но в Германии существуют более влиятельные силы, которые думают и действуют иначе. Следуя традиции социал-демократического канцлера Вилли Брандта, многие немцы искренне, может быть из-за комплекса вины и перестав бояться, стремятся к сближению с Россией.

Пример этого сближения на практике — работа форума «Петербургский диалог» и других подобных неправительственных организаций. Эти немцы чувствуют симпатию к ним со стороны российского общества. Как это ни странно, немцы после белорусов — самый любимый россиянами народ.

Неправильно думать, что Германия ищет сближения с Россией по коммерческим соображениям или из-за страха лишиться российского газа. Зависимость от России преувеличена. В Германии распространено мнение, что необходимо попытаться создать будущую архитектуру Европы только вместе с Россией. Эта немецкая позиция была четко продемонстрирована на саммите НАТО в Бухаресте.

Энергетический альянс ЕС—Россия — первая и главная ступень стратегического приобщения России к Европе. В сентябре 2001 года Президент России В. В. Путин, выступая в немецком бундестаге, призвал к объединению пространства Европейского Союза и России для взаимного укрепления Европы. Тогдашний канцлер Шредер ему поверил и в союзе с Францией и Италией создал фундамент для энергетического альянса. Энергетические концерны этих трех стран получили доступ к добычанию энергоресурсов в России.

Но в то же время противоречия внутри Евросоюза усиливались, невозможность принятия единых решений по важнейшим вопросам привела к политической стагнации Союза. После 2005 года на-

чали множиться ненужные конфликты с Россией. Складывалось впечатление, что Запад рассматривал окрепнувшую Россию как вызов собственному благополучию и безопасности.

В России утвердилось мнение, что Запад проводил против нее политику сдерживания. Ряд «цветных» революций на постсоветском пространстве только упрочивали позиции скептиков. На фоне углубляющегося «разочарования» в Западе в России все громче стали звучать голоса сторонников ориентации на Восток, что в перспективе может иметь для Европы негативные последствия.

Апогеем конфронтации стал августовский конфликт в Грузии. Он отразился на сотрудничестве России и Евросоюза. Создалось впечатление, что ЕС не хочет иметь дела с Россией даже в роли поставщика энергетических ресурсов. Вновь на горизонте возникла тень холодной войны.

В 1950—1960-х годах, во время холодной войны, на Западе многие, в том числе Г. Кеннан, выступали за Европу вместе с Россией, исходя из того, что рано или поздно Россия освободится от влияния коммунизма. Никто не сомневался, что мощная посткоммунистическая Россия станет важным элементом будущей европейской архитектуры. После распада СССР этот сон мог бы превратиться в реальность. Но в Европе произошли изменения: экономический союз превратился в общество ценностей. Отношение Европейского Союза к России стало более фундаменталистским, догматичным. Запад праздновал свою победу в холодной войне. Ослабевшая Россия потеряла третью часть своей территории и географически удалилась от Европы.

Европа XXI века пока не строит фундамент совместного европейского дома. Скорее она остается «продуктом» кооперации с США в рамках трансатлантического содружества. НАТО и ЕС считаются «китами» европейской архитектуры. США, а не Россия играют главную роль в Европе. Россия лишена права решающего голоса в Европе, так как она не член НАТО и Евросоюза. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) деградировала. По мнению Запада, Россия должна смириться с ролью младшего партнера.

Желание России создать на постсоветском пространстве модель реинтеграции было отвергнуто Западом. НАТО до сегодняшнего дня отказывается подписывать договор о кооперации с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Некоторые страны Центральной и Восточной Европы видят себя «в первых рядах» в политике сдерживания по отношению к России.

Естественно, и Россия делает большие политические ошибки в отношениях с Западом. Новые независимые страны имеют право на свободный выбор нового союза. Москва не может настаивать на эксклюзивных *droit de regard* (правах контроля). И Россия должна понять, что Евросоюз и НАТО оказывают более магнетическое воздействие на эти страны, чем пока политически менее привлекательная Россия.

Грузино-осетинский конфликт в 2008 году стал кульминационным пунктом в борьбе за влияние на постсоциалистической территории. Сегодня Запад

признал так называемую «красную линию» Путина, которую он обозначил в своем выступлении в Мюнхене в 2007 году. НАТО и ЕС критиковали образ действий России, но не применяли никаких санкций и быстро вернулись к текущим делам. Более того, США нужна помощь России в Иране и Афганистане.

Возможны три сценария развития событий на пути возвращения к принципам и европейскому духу Парижской хартии для новой Европы. Первый — вынужденное соединение Евросоюза и России на почве самообороны впоследствии террористического акта, подобного произошедшему 11 сентября в Америке. Второй — экологическая катастрофа, демографический вызов или климатическое чрезвычайное происшествие, которые в той или иной мере будут угрожать Европе. Третий — эволюция современных отношений во взаимовыгодное экономическое сотрудничество.

В качестве примера приведем немецкий опыт интеграции в Европу. В 1950-е годы немцы вместе с Францией создали Европейское объединение угля и стали. При помощи этого взаимовыгодного союза несколько лет спустя был создан общеевропейский рынок, а десятилетия спустя — Евросоюз в нынешнем виде. Почему не попытаться через осторожный энергетический альянс ЕС—Россия создать фундамент для примирения и интеграции с Россией?

Понятно, что Россия не пойдет по пути послевоенной Германии и не будет каяться перед ранее поработанными народами советской империи. Хватит требовать от современной России повторения германского пути. Но жест примирения должен исходить от России. Я искренне надеюсь на то, что в ближайшем будущем состоится первый визит российского президента в Прибалтику. Не может долго длиться ситуация, когда ни первый, ни второй президент посткоммунистической России не нашли времени посетить одну из Прибалтийских республик.

Д. А. Медведев видит более значимую роль России в построении новой Европы и влиянии в СНГ. Россия хотела бы подписать что-то вроде пакта о существовании или ненападении с Западом. Однако Запад устраивает существующая архитектура Европы, и он не пытается ее изменить, но в то же время не может отказать Д. Медведеву.

Проблема заключается в том, что Россия находится в поисках своей идентичности, которая не соответствует западным меркам. Проблема состоит в том, что у Запада отсутствует единый взгляд на Россию. Некоторые страны желают стратегического партнерства с Россией, а некоторые считают Евросоюз и НАТО инструментами в политике сдерживания России, как это было во времена холодной войны.

Разногласия в Европе относительно России усугубляются, потому что такие страны, как Германия, Франция, Италия, Испания, не станут заложниками неудачной политики примирения между странами Центральной и Восточной Европы и России. Но и Россия переживет историческую катастрофу, если потеряет Европу. Европа с помощью России только окрепнет.

Вспомним еще раз историческое выступление В. Путина в немецком бундестаге в 2001 году.

Предложения Путина сводились к тому, что в рамках немецко-российского (а затем и российско-европейского) стратегического партнерства и сотрудничества необходимо выстроить общее экономическое пространство на взаимовыгодных условиях. Россия была готова закупать нужные технологии на Западе в обмен на поставки энергоносителей напрямую в Европу. Но она хотела продавать энергоносители не как дешевый товар, а участвовать в реализации газа напрямую конечному потребителю и влиять на ценообразование. Этого до сих пор добивается Газпром. В ответ же Россия должна была открыть границу немецким инвесторам, которые хотят не только продавать готовую продукцию, но и производить ее на совместных предприятиях в России. Это была лучшая схема из всех возможных.

Но эта идея не была реализована, потому что ряд европейских стран выступил против этой сделки. США в годы правления Буша не были заинтересованы в этом и всячески противились воплощению этой идеи в жизнь. Это сопротивление сохранилось до сих пор. США не желают, чтобы западные технологии пришли на российский рынок. Так что Россия встретила прохладное отношение к своей идее. Когда цены на нефть выросли, Россия возмнила себя энергетической супердержавой и стала третировать западных инвесторов как младших партнеров. Западные политики, в свою очередь, тоже стали говорить о том, что им не нужны стратегические инвесторы из России, Китая или арабских стран.

Финансовый кризис заставил обе стороны более здраво посмотреть на предложения, сделанные в начале XXI века. Сейчас ситуация изменилась, и приток российских денег европейцы только приветствуют, так как другие финансовые вливания отсутствуют. Но, к сожалению, ожидаемая российско-германская сделка по покупке акций „Opel“ не состоялась. Это должна была быть типичная сделка: немцы поставляют технологии, производят совместно с российскими предпринимателями новые машины и продают их как в России, так и на экспорт. Россия же получает доступ к одному из самых успешных исторических предприятий на Западе. На похожей основе можно было выстроить такую цепочку, которая соединит и другие отрасли промышленности Германии и России. Но влиятельные круги в США не позволили реализовать этой сделке.

Второй пример — покупка верфи судостроительной компании „Wadan“ в Германии. И хотя Газпром пока официально не признается в этой сделке, но уже известно, что на верфи будут совместно строить нужные обеим странам супертанкеры для транспортировки сжиженного газа. Немецкие верфи, в отличие от российских, владеют современными технологиями. Против этой стратегической сделки в Германии никто не выступает, только американцы. Россия, получившая доступ к западноевропейским технологиям, для них — кошмарный сон.

Третий пример — вложения АФК «Система» в крупнейшего европейского производителя электроники «Инфинион». Это самые современные высокие технологии, которые очень нужны России! Еще одна крупная сделка, которая широко не

афишируется, — это покупка госкорпорацией «Росатом» немецкой фирмы „Nukem Technologies GmbH“ с ее технологиями и производством по переработке радиоактивных отходов.

Союзы Коль—Ельцин или Шредер—Путин действительно имели место, а теперь существует союз Меркель—Медведев. В 1990-е годы ФРГ вкладывала в Россию значительные средства, чтобы российский хаос не поглотил Европу. Однако Россия не только вернула свои долги, но и охотно распахнула двери немецким компаниям, позволив им зарабатывать деньги. Поэтому кто бы ни был сегодня федеральным канцлером ФРГ, с мнением пророссийски настроенных деловых кругов ему в любом случае придется считаться. Госпожа Меркель в 2005 году сказала, что Россия напоминает ей ГДР, и ратовала за сближение с США. Сегодня же Меркель защищает российские инвестиции в немецкую экономику, против которых сама же боролась еще год назад. Она активно поддерживала Сбербанк в его желании купить „Orel“, и нереализация этой сделки — удар в том числе и по Меркель.

Во взглядах немецких канцлеров на Россию происходили метаморфозы. Например, Гельмут Коль вначале крайне негативно относился к России, но к концу своего правления стал выступать против расширения НАТО, в частности, на территорию Балтийских государств (чтобы не провоцировать Россию). Похожие перемены произошли и во взглядах Герхарда Шредера. Когда он впервые посетил Россию в 1998 году, то по возвращении сказал: «Там сплошная коррупция! С кем я там буду общаться? Никогда в жизни больше туда не поеду!» По его мнению, Коль проявил поразительную глупость, вложив в экономику России 6 млрд долларов в 1997 году, накануне финансового кризиса. Но прошел год, и Путин убедил Шредера в необходимости дружбы с Москвой.

Между Россией и Германией в последние 20 лет существует особая связь, которую невозможно объяснить на языке политологии. Может быть, путь России в Европу лежит через Германию.

Сейчас Европа опомнилась. Все поняли, что нам угрожают иные потрясения, чем старые геополитические конфликты XX века. Терроризм не побежден. Финансовый и экономический кризис кардинально меняет существующий мировой порядок. США

пока не удастся стабилизировать экономику, и надежд на то, что США вернуться на прежние позиции, немного. Китай стремительно приближается к тому, чтобы занять место второго мирового лидера, что в обозримом будущем может усилить международную напряженность. Но в этом встревоженном мире можно увидеть и новые грандиозные перспективы сотрудничества. Ведущие страны мира, особенно государства Европы, решили выходить из кризиса совместными усилиями. Европейский Союз доказал, что может эффективно и солидарно заниматься антикризисным менеджментом. Каким будет мир через 10 лет? К 2019 году мировой порядок будет выглядеть иначе.

Завершатся «золотые» полвека прогресса и роста. Настанут нерадостные времена. Придется решать новые глобальные проблемы. Вместо 6 млрд на нашей планете будут сосуществовать 8 млрд людей. Хватит ли на человечество жизненных сил и ресурсов Земли?

Хочется верить, что Россия и Европейский Союз станут единым целым. Только таким образом европейская цивилизация сможет выжить. Исторически верная и единственно возможная идея объединенной Европы обладает большой актуальностью. Только достигнув уровня полной континентальной консолидации, Европа будет в состоянии гарантировать свой статус суверенного и независимого субъекта мировой политики.

Для Европы станет катастрофой процесс слияния России с Китаем, что могло бы через 10 лет привести к появлению гигантской центробежной сверхдержавы на границах Европы, в результате чего нам придется расстаться со своим национальным суверенитетом, вверив судьбу европейской цивилизации в руки слабеющей Америки.

Именно на Россию и США должна опираться Европа в том случае, если она хочет найти твердые основания в завтрашнем мире. Но США по внутренним причинам могут прибегнуть к самоизоляции. Некоторые страны арабского мира могут стать ядерными державами с атомным оружием — и тогда современная архитектура безопасности исчезнет, как и идеалы либеральной мировой торговли вместе с ВТО и другими институтами. Азиатские страны накопят силы и опередят европейские государства.

Петер Рёлль¹

МОРСКОЙ ТЕРРОРИЗМ — УГРОЗА ДЛЯ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ?

Прежде всего я хотел бы поблагодарить Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов за приглашение на X Международные Лихачевские научные чтения. Запомнились глубокие

¹ Президент Института консультирования по вопросам стратегии, политики, средств безопасности и экономики (Берлин), доктор философии. Занимал должность ведущего советника по зарубежной политике и безопасности при Постоянном представительстве Федеративной Республики Германии в Европейском Союзе (Брюссель). Автор ряда публикаций, таких как «11 сентября Индии», «Терроризм — это война?» и др.

предметные дискуссии IX Лихачевских чтений (май 2009 г., Санкт-Петербург), проведенные на высоком научном уровне, а также впечатляющая культурная программа.

В своем докладе я представлю три наблюдения, сделанные в процессе проведенной исследовательской работы:

- 1) морской терроризм не вымысел, а реальность;
- 2) в центре внимания террористов — «узкие проходы» и мегапорты;

3) для борьбы с морским терроризмом и пиратством необходимо сотрудничество между государственными учреждениями и частным сектором.

Определение «морского терроризма».

Сложно дать определение морскому терроризму, особенно в силу того, что ООН до настоящего времени еще не выработала общего определения для термина «*терроризм*». Министерство обороны США определяет терроризм как «незаконное применение насилия, угроза его применения или принуждение к насилию в отношении людей или собственности, для того чтобы принудить к действиям или запугать правительство или общество, обычно для достижения политических, религиозных или идеологических целей». Полагаю, что это определение можно распространить и на описание морского терроризма.

Вооруженное ограбление и шантаж нельзя отнести к *морскому терроризму*: они подпадают под категорию *организованной преступности*. Например, в случаях нападений пиратов у мыса Горн, а также в Индийском океане превалировали соображения материального характера.

Наблюдение 1: *Морской терроризм не вымысел, а реальность.* Чтобы проанализировать угрозы со стороны морских террористов, недостаточно изучать лишь возможности и мотивы террористических групп. Необходимо также исследовать морское судоходство, практику морских перевозок, уязвимость торговых перевозок и контрамеры со стороны органов власти и других институтов, которые несут ответственность за безопасность маршрутов морских перевозок. Приведу несколько примеров намеченных (но не осуществленных) или осуществленных морских террористических нападений.

Январь 2000 года. Члены «Аль-Каиды» в Адене безуспешно атаковали военный корабль США «Салливан» (“Sullivan”). Перегруженная взрывчаткой лодка затонула, не успев достичь цели.

Октябрь 2000 года. Успешная атака «Аль-Каиды» на американский эсминец «Коул» (“Cole”) в Йемене. 17 моряков Военно-морских сил США погибли, 39 были ранены.

Июнь 2002 года. Члены «Аль-Каиды», планировавшие нападения на британские и американские корабли в Гибралтарском проливе, были арестованы секретной службой Марокко.

Октябрь 2002 года. Террористическая группа из Йемена, связанная с «Аль-Каидой», напала на французский танкер «Лимбург» («Limburg») около порта Аш-Шахир. Один член экипажа был убит, другие получили ранения. Аденский залив был загрязнен: в него вылилось 90 тыс. тонн нефти. В результате масштабы контейнерных перевозок в Йемене сократились с 43 до 3 тыс. контейнеров в месяц. Три тысячи докеров потеряли работу, а в национальной экономике произошло снижение ВВП на 1 %.

Февраль 2004 года. Взрыв бомбы на пассажирском пароме у Филиппин, осуществленный группой «Абу Сайяфа». Погибло более 100 человек.

Август 2005 года. Служба безопасности Израиля Шин Бет предупредила четыре израильских круиз-

ных лайнера, следовавших в Турцию, о возможном террористическом нападении и перенаправила корабли на Кипр.

Июль 2009 года. Египетская служба безопасности предотвратила нападение на Суэцкий канал и проходящий рядом нефтепровод. Согласно источникам в Каире, террористическая группа состояла из 24 египтян и одного палестинца.

Январь 2010 года. Египетские власти провели расследование по подозрению в терроризме в отношении новой группы, которая планировала нападения на американские корабли в Суэцком канале. Эта группа также намеревалась поставлять оружие и взрывчатку в сектор Газа для ХАМАС.

По сведениям западных разведывательных служб, некоторые исламистские террористические группировки в качестве своей главной цели провозгласили разрушение западных подводных трубопроводов. Айман аль-Завахири, второй человек в «Аль-Каиде», заявил: «Мы должны остановить разрывывание Западом нефти у мусульман».

Высказываются предположения, что террористические группировки способны создать альянс с организованными преступными группами и пиратами. Но пока отсутствуют доказательства того, что криминальные элементы, например сомалийские пираты, работают совместно с террористическими организациями. Однако не исключено, что пираты Сомали содействуют террористическим организациям путем выплаты им денег за «покровительство».

Исламистские террористические группировки предельно обособлены и с подозрением относятся к посторонним, особенно если те не разделяют их идеологии. Следует отметить, что за последние 15 лет лишь 2 % террористических актов можно причислить к явлениям морского терроризма. Хотя вероятность будущих морских террористических нападений не исключена и ее следует учитывать. Однако террористам для этого потребуются особые оперативные возможности, которыми они, видимо, пока не располагают.

В связи с этим мы не должны забывать о планах главного организатора морского террора в «Аль-Каиде» Абдул Рахмана аль-Нашири, известного как Принц морей, который был арестован в ноябре 2002 года в Объединенных Арабских Эмиратах. Нашири разработал стратегию, включающую следующие положения:

— таран кораблей или подрыв средних судов в непосредственной близости от других кораблей или в портах;

— таран супертанкеров с помощью малых самолетов, загруженных взрывчаткой;

— подводные нападения на корабли с использованием водолазов;

— нападения на круизные лайнеры и захват заложников.

Наблюдение 2: *В центре внимания террористов — «узкие проходы» и мегпорты.* Террористы задаются вопросом, в каких местах они могут нанести решительный удар по инфраструктуре промышленного мира, так как до настоящего времени террористические

нападения на море не представляли серьезной угрозы для мировой торговли. Они могут обратить внимание на так называемые «узкие проходы» и мегпорты, так как на последние приходится 75 % океанского грузооборота, то есть примерно 50 тыс. кораблей, которые обслуживаются приблизительно в 2800 портах.

Поскольку многие крупнейшие в мире порты расположены в Восточной и Юго-Восточной Азии и торговля в этом регионе осуществляется по морю, террористы при целевом планировании особое внимание могут уделить именно этому региону. Здесь находятся такие порты, как Кобе, Токио, Иокогама, Пусан, Шанхай, Гаосюн, Гонконг и Сингапур. Мегпорты в Соединенных Штатах Америки и Европе, такие как Лос-Анджелес или Роттердам, также могут оказываться в центре внимания террористов.

Стратегически важный Малаккский пролив представляет собой один из ключевых «узких проходов». Он соединяет Индийский океан с Южно-Китайским морем и Тихим океаном. Здесь пролегает самый значительный торговый маршрут между Дальним Востоком, странами Персидского залива и Европой. Ежегодно по Малаккскому проливу проходит 90 тыс. судов. На этот маршрут приходится 1/3 мирового торгового оборота, 80 % импорта нефти в Восточную Азию и 2/3 мирового объема перевозок сжиженного газа.

Террористический акт, например затопление танкера, в Малаккском проливе может блокировать пролив. Кораблям придется идти по обходному маршруту в 1000 км, через Зондский пролив и море Флорес в Индонезии, они будут вынуждены провести в пути два лишних дня, что в результате выльется в дополнительные расходы в размере 8 млрд долл. США ежегодно. За короткое время возрастут фрахтовые и страховочные тарифы, рыночные цены на все транспортируемые товары, что в экономическом плане негативно скажется на региональной и мировой торговле.

Подорванные контейнеровозы способны на недели заблокировать порты, не говоря уже о нападении на один из 20 мегпортов с использованием так называемых «грязных бомб». Например, закрытие порта Сингапура обойдется более чем в 200 млрд долл. США в год. А террористическое нападение на полностью загруженный танкер для перевозки горючего в одном из мегпортов вызовет разрушительное воздействие на мировую торговлю и позволит террористам достичь результата, сравнимого с последствиями 11 сентября, что и является одной из намеченных целей террористов.

Однако террористических нападений можно ожидать и в других «узких проходах», таких как Ормузский пролив, Баб-эль-Мандебский пролив, Суэцкий канал, Босфор, Гибралтарский пролив или Панамский канал. В Европе это может быть и Ла-Манш.

В заключение отметим, что морской терроризм несет потенциальную угрозу для мировой торговли.

Наблюдение 3: Для борьбы с морским терроризмом и пиратством необходимо сотрудничество между государственными учреждениями и частным сектором. Эффективное сотрудничество между государствами могло бы улучшить положение с безопасностью на

море. Примером служит интенсивное и успешное сотрудничество между Сингапуром, Малайзией и Индонезией в течение последних нескольких лет. В результате число пиратских нападений в Индонезии сократилось со 121 в 2003 году до 15 в 2009-м. Позитивное развитие событий мы наблюдаем также в Малаккском проливе. В 2004 году было зарегистрировано 38 нападений, в 2009-м — только 2. Подобная ситуация характерна и для Сингапурского пролива: 8 нападений в 2004 году и 9 — в 2009-м — отмечен незначительный рост.

Совершенно иная ситуация складывается у мыса Горн. В 2009 году там было зарегистрировано 217 инцидентов, 47 судов было захвачено, 867 моряков взяты в заложники. В то время как в 2008 году пиратские нападения были сосредоточены в Аденском заливе, в 2009-м большинство кораблей подверглись нападениям у побережья Сомали. Начиная с октября 2009 года увеличилось количество нападений в Индийском океане: было зарегистрировано 33 инцидента, включая 13 захватов. Многие нападения совершались на расстоянии в пределах тысячи морских миль от Могадишо.

Присутствие и сотрудничество международных военно-морских сил разных стран в целях борьбы с пиратством в этом регионе привело к позитивному результату: удалось предотвратить несколько попыток захвата судов пиратами.

Полезной оказалась Инициатива в области обеспечения безопасности международных контейнерных перевозок (CSI), предложенная США в 2002 году. Цель этой программы заключается в том, чтобы из 230 млн контейнеров, ежегодно перевозимых по морю, выявлять такие контейнеры с оружием массового уничтожения и опасными ядерными веществами, которые террористы могли бы использовать для нападений. Контейнеры, предназначенные для Соединенных Штатов Америки, проверяются в портах отправления. В настоящее время официальные представители Америки работают в более чем 46 портах мира.

Однако планы американцев по проверке всех контейнеров, следующих в США, представляются нереальными и, более того, невозможными. Выход из этой ситуации — своевременная работа разведслужб.

При реализации сотрудничества государственные организации и промышленные круги должны также использовать технические средства для защиты от потенциальных террористических нападений. Например, сканирование крупных контейнеров, использование акустических приборов дальнего радиуса действия (LRAD) оказались весьма эффективными мерами, когда 5 ноября 2005 года пираты попытались атаковать круизный лайнер «Сиборн спирит» («Seaborne Spirit»). Более того, противобордажные системы, такие как 9-тысячные вольтовые защитные ограждения для торговых судов, значительно затруднили возможность abordaja для пиратов или террористов. Используются также автоматические системы «Inventus». Снабженные камерами, они способны исследовать обширные участки океана и передавать данные на судно или наземную станцию.

Я также хотел бы обратить внимание на новую тенденцию. Вследствие увеличения количества нападений на корабли и, следовательно, ущерба для морского фрахта и страховочных тарифов государства углубляют сотрудничество с частными охранными предприятиями, которые специализируются на морской безопасности. В этой сфере лидирующую позицию занимают американские и британские компании. Однако присутствие вооруженных охранников на борту судна представляется спорным моментом: многие судовладельцы отвергают подобную меру, так как считают, что она приведет к эскалации насилия.

Что касается конструкции современных военных кораблей, предназначенных для отражения угроз со стороны других современных военно-морских сил, то становится очевидным, что такие корабли непригодны для противостояния террористам или пиратам. Нужно или обращаться к частным компаниям, которые могли бы защитить грузовые суда при

помощи охранников на борту, или правительствам строить военно-морские суда, специально спроектированные для отражения этой новой угрозы. В качестве еще одного решения можно предусмотреть размещение на судах морской пехоты, что напоминает о союзнических конвоях времен Второй мировой войны.

Если рассматривать политику безопасности всесторонне, то есть одновременно учитывать политические, экономические, социальные, экологические и военные аспекты и направлять все устремления к единой цели, то следует сказать, что успешная борьба с морским терроризмом возможна лишь при условии сотрудничества между государственными учреждениями и частным сектором.

Я завершу свой доклад девизом, которым много лет руководствуется НАТО и который обеспечил нам мир, свободу и безопасность: «Бдительность — цена свободы».

Н. М. Римашевская¹

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ

Постиндустриальное общество характеризуется глубокой и всесторонней гуманизацией отношений, когда материальное и экономическое благосостояние замещается расширением человеческих возможностей, главной из которых является «возможность выбора». Теория человеческого капитала трансформировалась в концепцию, в которой цель развития — это вопрос свободы, а не валовый национальный продукт, обеспечивающий увеличение производства и потребления. Соответственно и качество жизни, составляющее смысл бытия каждой личности и населения в целом — это восприятие индивидуумом его положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в которых индивидуум живет в связи с целями, ожиданиями, стандартами и интересами этого индивидуума (Всемирная организация здравоохранения, 1997). Сердцевиной качества жизни является состояние здоровья в равной мере человека и общества. С медицинской точки зрения роль качества жизни давно осознана как главный параметр ее ценности для самого человека, так как для него важно не только долголетие, но и способность человека сохранять здоровье, тонус и жизненную энергию. Характер качества жизни определяет решение трех ключевых проблем: прожить долгую и здоровую

жизнь, приобрести необходимые знания, иметь полный доступ к ресурсам для обеспечения достойного жизненного уровня.

Здоровье играет не только решающую роль в демографическом развитии, оно определяет качество человеческого потенциала страны, качество экономического капитала и главное — качество жизни населения, измеряемого ее продолжительностью в здоровом состоянии. Хотим мы этого или не хотим, но приходится признавать, что здоровье — это важнейший приоритет социальной политики, это оселок эффективности осуществления конкретных общественных мероприятий.

Не удивительно, что экономические достижения и социальные успехи любой страны определяются прежде всего и в конечном счете состоянием здоровья ее населения. К сожалению, рассматривая эту ситуацию в России как на популяционном, так и на индивидуальном уровне, мы вынуждены констатировать удручающий характер состояния здоровья. По показателю продолжительности предстоящей жизни (ППЖ) наша страна находится на 100-м месте, а инвалидизация граждан в 5 раз превышает ее масштабы в развитых странах. При этом средний уровень индивидуального здоровья населения России всего 3 балла по 5-балльной шкале, а в общей численности населения абсолютно здоровых лишь 3 %, относительно здоровых около четверти, имеют удовлетворительное здоровье — чуть более двух третей, а плохое и очень плохое — 8 %.

Но более опасные тенденции наблюдаются в динамике здоровья, которое имеет устойчивый нисходящий тренд. В самом деле, свыше трети новорожденных приходят в этот мир уже больными или заболевают непосредственно после рождения. И за последние 15 лет эта доля выросла, примерно в 3 раза. Специальные иссле-

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, советник РАН, заведующая лабораторией гендерных проблем Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 450 научных работ, в т. ч. монографий: «Равенство или справедливость», «Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1986 г.», «Человек и реформы. Секреты выживания», Россия в глобализирующемся мире. Политико-экономические очерки», «Сбережение народа» и др. Главный редактор журнала «Народонаселение», член редколлегии журналов: «Экономика и математические методы», «Мониторинг общественного мнения», «Экономические и социальные перемены», «Труд и социальные отношения», «Intellectual Economics» (Литва).

дования показывают, что каждое следующее поколение оказывается менее здоровым, чем предыдущее, то есть наши дети обладают меньшим потенциалом здоровья, чем их родители, а их дети, то есть наши внуки, наделены еще меньшим здоровьем. Официальная статистика показывает, что за период с 1990 по 2008 год заболеваемость граждан страны выросла почти в полтора раза.

В репродуктивный возраст вступают с каждым годом все менее здоровые когорты, воспроизводящие соответственно все менее здоровое поколение. (Больные рожают больных, как бедные — бедных.) Так образуется «социальная воронка» нездоровья. Чтобы выбраться из нее, необходимо не одно поколение. Если не остановить этот негативный процесс, он может оказаться необратимым.

Все приведенные данные это — медицинский факт.

Без изменений остается и гендерный парадокс: у мужчин ППЖ на 12–13 лет меньше (больше, чем в каких-либо других странах), чем у женщин, индивидуальный потенциал здоровья которых существенно ниже. Это формируется под действием комплекса объективных и субъективных факторов, с которыми невозможно не считаться. Женщина — хранительница человеческого генофонда, а в жизни она несет две нагрузки и потому ее текущее здоровье ниже, чем у мужчин. Все идеи относительно повышения возраста выхода женщины на пенсию, даже если они кому-то очень нравятся, не имеют под собой почвы. В этом случае мы лишь увеличим не только смертность, но особенно — численность инвалидов.

Что делать? Как преодолеть негативный тренд в состоянии здоровья?

Исследования факторов и причин снижения здоровья, которые проводились более четверти века, выделяют три комплекса причин.

Первый комплекс — уязвимость новых поколений, связанная с высокой долей родившихся больными (более 30%), когда приходят здоровыми в этот мир около 60% детей. Но в процессе жизненного цикла дети не приобретают, а постепенно теряют и тот потенциал, которым они располагали при рождении.

Не случайно, что официальная статистика показала: здоровых детей сегодня менее 1/3, чуть более половины имеют функциональные отклонения, а остальные — хронически больны.

Две главные причины подобной ситуации: а) низкий уровень здоровья беременных и кормящих матерей, около 40 % которых страдают анемией. А между тем известно, что анемия — это маркер низкого уровня материальной обеспеченности; и б) почти половина детей рождаются в семьях с доходом ниже прожиточного минимума или имеющих большой риск попасть в эту группу.

Последнее обстоятельство не нуждается в комментариях.

Второй комплекс факторов связан с потерей трудовой мотивации, вызванной падением оплаты труда и безработицей. Прожиточный минимум (ПМ), ко-

торый сегодня определяет границу бедности, и минимальный размер оплаты труда (МРОТ) по своему уровню и структуре обеспечивают лишь физиологическое выживание человека. Все это зависит от глубины и размера социального неравенства, которое действует на здоровье тройным образом. Оно вызывает фрустрацию населения, массовый стресс и слом динамического стереотипа высшей нервной деятельности. Это приводит к снижению иммунных сил и сопротивляемости организма патологическим воздействиям, что влечет за собой сердечно-сосудистые заболевания, онкологию и диабет.

Третий комплекс базируется на низкой оценке человеческой жизни и в целом по населению, и применительно к отдельной личности. Отчасти в основе ее лежит привнесенная в Россию теория «Экономически эффективного населения». Главная опасность при этом возникает как следствие отсутствия в культуре повседневной жизни самосохранительного поведения, когда человек вынужден конвертировать свое здоровье в дополнительные доходы, прежде всего по причине низкой оплаты труда.

Существующие факторы здоровья, что видно невооруженным взглядом, как это ни странно, органически зависят от состояния бедности и социальной поляризации населения.

Бедность в России, как известно, носит преимущественно трудовой характер, так как на треть ее масштабы есть следствие чрезвычайно низкой заработной платы основной части работающих. А минимальный заработок в 5–7 раз ниже, чем в Европе, и в 10 раз ниже, чем в США. Около четверти занятых имеют оплату труда ниже ПМ.

Российские мужчины живут на год меньше, чем индийские, несмотря на то что в Индии уровень доходов в 3,5–4 раза ниже. Это означает, что существенное негативное влияние на здоровье оказывают не столько масштабы доходов, сколько условия распределения создаваемого в обществе продукта.

Сказанное свидетельствует о том, что преодоление негативной динамики в состоянии здоровья органически связано с модернизацией распределительных отношений, что не только позволит существенно повысить ПМ, но вслед за этим — увеличить минимальную оплату труда, усилить трудовую мотивацию и повысить определяющие доход факторы. Все это позволит наилучшим образом удовлетворить базовые потребности каждого гражданина страны на всем протяжении его жизни — от рождения до последних дней. А без этого бессмысленно говорить о здоровье населения, так как одних желаний здесь слишком мало.

В России уже созданы механизмы и инструменты модернизации распределительных отношений, и чем дальше по времени мы будем откладывать реализацию соответствующих мер, тем большей численностью граждан страны заплатим за это.

Необходима решительность и политическая воля.

ИСЛАМСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДИАЛОГУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Человечество все более отчетливо понимает, что существующие в современном мире цивилизации должны сосуществовать друг с другом. Они могут сотрудничать и в случае необходимости дополнять и совершенствовать друг друга. Исходя из этого и учитывая современный уровень научно-технического прогресса, можно сделать вывод о необходимости налаживания более прочных связей между разными культурами и соответственно разными цивилизациями.

Инициативы Президента Исламской Республики Иран Сейеда Мохаммада Хатами относительно диалога цивилизаций как главного фактора в современном мире связаны с глубоким осознанием этой необходимости. В частности, он отмечает: «Диалог цивилизаций — это стимул для формирования универсальной модели совершенствования международных отношений, призванной исключить одностронние подходы и монолог в политике и культуре».

Таким образом, под цивилизацией не следует понимать механическое сложение составных элементов: стран, народов или регионов. Цивилизацию можно рассматривать, принимая во внимание новое качество системы, которое она обрела в процессе «кумулятивного эффекта». Например, в мусульманской цивилизации роль подобного «кумулятивного эффекта» выполняет слово Божье. «Действительно, мусульманская цивилизация — одна из немногих цивилизаций, которая зародилась и расширилась на основе единого Священного Писания — священного Корана»². Здесь надо отметить, что составными элементами системы мусульманской цивилизации были народы и страны, которые вплоть до появления священного Корана резко отличались друг от друга по этническим, социально-экономическим, географическим признакам и находились на разных уровнях культурного развития. И лишь приверженность божественному призыву послужила тем интегрирующим фактором, который позволил сформироваться мусульманской цивилизации.

Но в то же время все системообразующие компоненты мусульманской цивилизации, то есть мусульманские народы, сохраняют культурные особенности и самобытность, которые питают и обогащают мусульманскую цивилизацию: «Действительно, секрет разнообразных и обильных достижений мусульманской культуры и цивилизации заключается именно в

том, что едино оформленное Слово Божие породило разные толкования и разные формы воплощения».

Для осуществления диалога между различными цивилизациями, в частности между мусульманской и западной (которую политологи и социологи часто подразделяют на европейскую и североамериканскую), важно уметь говорить, слушать и понимать. С этой точки зрения каждый представитель человечества — личность, носитель как общих культурных черт, так и самобытных особенностей той культуры, к которой он принадлежит. «В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада, и отрицание этой двойственности сущности человека сделало наше понимание этой сущности ущербным и недостаточным».

Указанные особенности в исламе проистекают из учения священного Корана, согласно которому всем представителям монотеистических религий (мусульманам, христианам, иудеям, мандеистам, зороастрийцам и т. д.) обещаны различные блага и предписаны терпимость и умение слушать друг друга.

Изучение наук Бог считает важнейшим средством достижения этого. Не случайно первый аят (Божественного Откровения), полученный пророком ислама, открывается словом «читай» (Коран: 96–1). Следуя божественным наставлениям, пророк придавал науке первостепенное значение и побуждал своих последователей стремиться к научному знанию. Оно представляет собой один из надежных способов межцивилизационных связей и диалога, поскольку ислам в вопросах научных и культурных ценностей не признает никаких границ между цивилизациями.

Таким образом, одна из важнейших сторон исламского учения — это терпимость, которая распространяется на всех членов уммы (исламского сообщества). Например, Али ибн Абу Талиб в письме к египетскому наместнику Малеку Аштару писал: «Доброту по отношению ко всем гражданам (независимо от вероисповедания. — М. С.) и дружбу с ними считай украшением сердца... Ибо есть только две группы граждан: твои братья по вере и подобные тебе от творения»³. Говоря о необходимости отделять высказываемые мнения от тех, кто их высказывает, он замечает: «Не смотри, кто говорит, а ищи содержание речи». Это означает, что следует принимать и почитать идеи и культурные ценности, которые служат интересам человечества, вместо того чтобы обращать внимание на то, кто их провозглашает и на каких позициях они основаны.

Эпоха Возрождения стала важным проявлением многовекового диалога между Востоком и Западом в области культуры. Вопреки мнениям некоторых идеологов и историков, невозможно рассматривать Возрождение как механическое воскрешение античной культуры в Европе, хотя бы потому, что до возрождения в Европе античная культура (главным образом философия) была «воскрешена» и усовершенствована на Востоке, в основном в му-

¹ Член Парламента Исламской Республики Иран. Директор Центра изучения России и Восточной Европы Тегеранского университета (Иран), профессор юридического института Тегеранского университета, доктор наук (политология). Автор книг: «На Великом шелковом пути... Встречи на земле казахов», «Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ: социально-политические и экономические аспекты», «Мусульманское право и политика» (учебное пособие), «Отношения Ирана и России», а также многочисленных научных статей. Почетный член Союза писателей России, член Казахской академии общественных наук, консультант «Энциклопедии исламского мира» по России, Центральной Азии и Кавказу.

² Хатами С. М. Текст выступления на заседании ООН, посвященном диалогу цивилизаций. М., 2001. С. 54.

³ Зеленая память. Букет цветов из «Нахдж-уль-балага» повелителя правоверных имама Али. М., 2001. С. 14.

мусульманском мире. Античная философия как совокупность различных гуманитарных и в целом мировоззренческих и этических наук была переосмыслена, систематизирована и обогащена такими учеными мусульманского мира, как Аль-Фараби, Авиценна, Ибн Рушд и другие, а в последующие столетия ее использовали европейские ученые.

Мусульманские ученые разработали и ввели в научный обиход многие новые для эпохи Средневековья научные дисциплины. Среди них можно назвать алгебру (Аль-Хорезми), химию (Аль-Джабер, известный в Европе как Аль-Габар), систематизированную медицину (Авиценна) и т. д. На развитие европейской литературы оказали значительное влияние Фирдоуси, Омар Хайям, Хафиз и другие представители мусульманской литературы.

Таким образом, с самого начала эпоха европейского Возрождения во многих отношениях была обязана трудам восточных, прежде всего мусульманских, ученых. Это была эпоха бурного и плодотворного обмена научными, этическими и эстетическими ценностями.

Примечательно также и то, что вопреки утверждениям многих исследователей этой эпохи Возрождение не было периодом отхода от религиозных ценностей, но «миру предстал иной образ религиозного человека, открытый в Ренессансе»¹. Взаимная открытость мира и человека — основная идея Возрождения, преисполненная глубокого религиозного значения. Ибо Возрождение было направлено на укрепление, очищение и распространение религии, но не против нее.

Президент Хатами предлагает рассматривать диалог между цивилизациями как средство правильного, гуманного и практического решения многих глобальных проблем нашего времени, таких как: кризис семьи, экологический кризис, кризис этического свойства в связи с некоторыми направлениями научных исследований, кризис в международных политических отношениях и т. д.

Существуют два пути осуществления диалога цивилизаций:

1) Взаимодействие между цивилизациями на протяжении длительного времени. Этот процесс обусловлен естественным ходом событий, географическими или историческими причинами и не зависит от чьего-либо выбора или воли. Подобные взаимодействия осуществлялись длительное время, например между персами и греками в Античности, а позднее — между Европой и Азией по Великому шелковому пути и т. д.

2) Диалог цивилизаций и культур посредством диалога между их представителями. Такая форма диалога реализуется благодаря целенаправленной деятельности, не обусловленной географическими или историческими факторами.

Отмечая возрастающую важность полноценного и всеобъемлющего диалога культур и цивилизаций, мы в то же время отрицаем возможность проведения такого диалога с позиций насильственной секуляризации, давления и устрашения.

Диалог культур предполагает многополярный мир и отрицает планетарные изменения в сфере глобализации, направленные на создание более обширных товарных рынков и поглощение национальных культур одной господствующей культурой.

Диалог цивилизаций — это единственно возможный, но одновременно сложный и необходимый механизм сохранения мира и стабильности на планете. Это стимул для формирования универсальной модели улучшения международных отношений, который не допускает односторонних подходов и монолога в политике, религии и культуре. Он позволяет общественному мнению осудить любые силовые методы разрешения межнациональных и международных конфликтов и разногласий.

С этой точки зрения требуют изменения многие нормы международного права, так как они были разработаны в предшествующие десятилетия главным образом в интересах западных политиков и общественных кругов, без должного учета интересов восточных, в особенности мусульманских, стран.

Тенденция к глобализации должна осуществляться исходя из многополярности современного мира и предполагать появление новых нравов, нового коллективного права на основании международных институтов и законов, укрепление суверенитета и демократии во всех государствах, повышение их ответственности в решении международных вопросов. Для этого необходимо, чтобы все компоненты международной системы (государства и гражданские институты) могли активно и на равных правах участвовать в разработке и принятии решений².

Я считаю, что события 11 сентября 2001 года не могут опровергнуть теории диалога цивилизаций. Напротив, они являют собой убедительный аргумент в пользу того, что для решения накопившихся проблем человечество должно вести конструктивный постоянный диалог между существующими в мире цивилизациями. Осуждая любые проявления терроризма, хочу заметить, что для предотвращения подобных случаев необходимо более широкое участие и более глубокое взаимное понимание различных религий, культур и цивилизаций Востока и Запада на международной арене.

¹ Хатами С. М. В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада. (Выступление во Флорентийском университете). М., 2001. С. 44.

² Хатами С. М. В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада. С. 47.

А. А. Сафонов¹

РАЗВИТИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Взаимосвязь сферы занятости населения с особенностями социально-экономической ситуации в России.

Распоряжением от 17 ноября 2008 года Правительство РФ утвердило основные направления деятельности на период до 2012 года. Этот документ определил приоритетные социально-экономические задачи правительства и страны в целом на среднесрочную перспективу. Названный период во многом будет определять успех в достижении уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции. Одна из особенностей этого периода заключается в появлении новых внешних и внутренних вызовов устойчивому социально-экономическому развитию России. В наиболее обобщенном виде эти вызовы проявляются в следующих основных аспектах:

— нестабильность мировой экономики, колебания мировых финансовых рынков, цен на энергоносители и продовольствие;

— значительное усиление роли человеческого фактора во всех областях развития экономики и общества;

— ускорение технологических изменений: в мире назревает переход к качественному обновлению технологической базы на основе нано- и биотехнологий, энергосбережения, информационных и коммуникационных технологий;

— усиление роли экономических институтов в глобальной конкурентной борьбе за привлечение стратегических инвестиций с глобальных рынков капитала, создание благоприятной конкурентной среды для инвесторов и предпринимателей;

— ужесточение различных ограничений экономического роста, в частности снижение предложения трудовых ресурсов и дефицит квалифицированной рабочей силы.

Таким образом, два из пяти обозначенных в Основных направлениях вызова непосредственно связаны с эффективностью использования человеческих ресурсов в сфере занятости. При этом необходимо учитывать, что сама сфера занятости в России за последние 20 лет претерпела существенные изменения, которые носят не только положительный характер. Позитивны изменения, связанные с ликвидацией сверхзанятости населения, расширением многообразия форм и видов занятости, развитием ее гибкости, тенденциями изменения отраслевой структуры занятости и приближения ее к пропорциям, характерным для стран с развитой рыночной экономикой,

отличающихся более высокой долей работников, занятых в сфере услуг.

Развитие рыночных отношений в России привело к увеличению спроса на рабочие места, замещаемые на основе вторичной занятости. В середине 1990-х около 1,3 млн человек в стране имели второе место оплачиваемой работы, в 1998 году работали более чем в одной организации либо искали второе место работы около 3,5 млн, в 2005-м таких граждан было уже 10,5 млн, то есть более 15 %² всего занятого населения страны, в 2006-м — 10,8 (15,6 % всего занятого населения), а в сентябре 2009 года — 12,2 млн человек, или 17,3 % занятого населения страны.

Позитивные тенденции в динамике производства в период, предшествовавший началу мирового финансово-экономического кризиса, привели к сокращению работников, вынужденно занятых неполный рабочий день. Число находившихся в вынужденных отпусках в России сократилось с 4,7 млн человек в 1998 году до 1,2 млн в 2007-м, а занятых неполное рабочее время — с 4,3 млн до 435 тыс. В настоящее время возобновилась тенденция к вынужденному сокращению полной нормы рабочего времени значительного числа работников, и связано это с негативными макроэкономическими тенденциями, вызванными мировым финансово-экономическим кризисом.

Глобализация в определенной мере способствовала ликвидации моноукладности экономики России и сопровождалась перераспределением работников между отраслями. В настоящее время более половины всех занятых работают в организациях частной формы собственности. В составе занятого населения за последние 10 лет с 21,6 до 25 % выросла доля занятых в отраслях непродуцированной сферы при незначительном абсолютном увеличении (300 тыс. человек) работников соответствующих отраслей³.

Сокращение числа занятых в экономике страны за последнее десятилетие сопоставимо с масштабами оттока работников из промышленности, где за это время число работающих уменьшилось на 8,5 млн человек. Движение рабочей силы между отраслями экономики и предприятиями различных видов экономической деятельности привело по меньшей мере к двум результатам. Во-первых, изменилась отраслевая структура занятости населения. Сократилась доля занятых в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, науке. Значительно выросла доля работающих в торговле, управлении, здравоохранении, физической культуре и социальном обеспечении, финансовой сфере, жилищно-коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании.

¹ Заместитель министра здравоохранения и социального развития РФ, доктор экономических наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Охрана труда», «Управление социальными расходами: актуальные проблемы и современные тенденции», «Аттестация рабочих мест по условиям труда», «Современное состояние социально-трудовых отношений в России и перспективы их развития». Действительный государственный советник РФ 3-го класса.

² Рассчитано по сборнику «Обследование населения по проблемам занятости». Вып. от 1998, 2001, 2006 гг.

³ К отраслям непродуцированной сферы с определенной долей условности отнесены следующие: здравоохранение, физкультура и соцобеспечение, образование, культура и искусство, наука и научное обслуживание, финансы, кредит, страхование, управление.

Влияние глобализации и распространение в российской экономике тенденций, связанных с гендерной дифференциацией найма работников, нашли отражение в том, что за последние 10 лет значительно — на 5,5 млн человек — сократилась численность занятых в экономике страны женщин. Число работающих мужчин уменьшилось на 3,4 млн человек.

За последние 20 лет примерно на треть увеличилось число мужчин, занятых на предприятиях таких «женских» отраслей экономики, как связь, здравоохранение¹, культура и искусство. Еще более резко выросло число мужчин, работающих в торговле (в 3,5 раза) и в финансово-кредитной деятельности и страховании (более чем в 7,5 раза). Число работающих в этих отраслях женщин либо осталось неизменным (связь), либо увеличилось, но менее значительно по сравнению с мужчинами.

В настоящее время тенденции развития производства требуют придания системе трудовых отношений значительно большей гибкости. Различают несколько форм гибкости занятости²: численную гибкость³, функциональную⁴ и гибкость рабочего времени⁵.

Правовые нормы действующего в России трудового законодательства определяют возможность занятости работников в организациях различных форм гибкости занятости. На уровне организации численная гибкость проявляется в увольнении по сокращению штатов и распределении работников по видам трудового договора. С 2000 года по настоящее время число уволенных в связи с сокращением штата в России постоянно увеличивается, в среднем почти на 30 % ежегодно⁶. Косвенной количественной характеристикой масштабов увольнения по этому основанию является динамика численности высвобожденных работников, признанных безработными в установленном порядке и зарегистрированными в органах государственной службы занятости. Несмотря на относительно незначительные масштабы, численная гибкость занятости в последние годы вносит негативный вклад в формирование кадрового потенциала организаций. Согласно Трудовому кодексу РФ преимущественное право оставления на работе при сокращении штата имеют работники более высокой квалификации. Молодые работники по этому критерию, как правило, уступают более зрелым и в соответствии с законодательством являются

¹ Включая физкультуру и социальное обеспечение.

² Кларк С. Новые формы трудового договора и гибкость труда в России // Вопросы экономики. 1999. № 11.

³ Под численной гибкостью понимается как увеличение, так и сокращение среднесписочной численности работников, в том числе за счет использования временно занятых, сезонных работников, а также лиц, занятых на предприятии меньше законодательно установленной нормы рабочего времени.

⁴ Под функциональной гибкостью понимается возможность выполнения работником в процессе трудовой деятельности не только непосредственно своих обязанностей, но и обязанностей других, например временно отсутствующих сотрудников.

⁵ Под гибкостью рабочего времени понимается предоставление работнику возможности выработать определенную индивидуальным трудовым договором норму рабочего времени без строгого соблюдения установленного в организации правилами внутреннего трудового распорядка времени начала и окончания работы.

⁶ Без учета субъектов малого предпринимательства.

первоочередными кандидатами на высвобождение. В результате предприятия лишаются смены, необходимой для формирования кадрового потенциала в перспективе.

Таким образом, проблемы трудоустройства и высвобождения молодежи являются еще одним отражением развертывания процессов глобализации в России, в соответствии с чем Основные направления предусматривают создание дополнительных стимулов для привлечения в экономику молодежи.

Проявление гибкости рабочего времени имеет не только позитивные, но и негативные формы. Расчеты потерь трудового потенциала от его недоиспользования в связи с вынужденной неполной занятостью работников показывают, что в этом случае экономика страны даже в благоприятный для нее период, предшествовавший финансово-экономическому кризису, ежегодно теряла в пересчете на «условного» среднестатистического работника труд около 140 тыс. человек.

Представляется целесообразным использование опыта развитых стран по целенаправленному формированию творческого потенциала трудовых ресурсов. В ведущих западных странах работа в этом направлении началась еще в прошлом веке. В Японии, США и других странах в это время были приняты законы, нацеливавшие государство и частных предпринимателей на развитие интеллектуального потенциала работников и поощрение фирм к «инвестициям в человека». В Японии была разработана правительственная концепция «формирования человека», которая легла в основу экономического и социального развития страны. В дальнейшем на ее основе была принята программа «Развитие человека в новом индустриальном обществе»⁷, в которой были изложены принципы обучения, развития способностей, необходимых для информационного общества. Аналогичные программы были приняты в США, Франции, Великобритании, Швеции и ряде других стран. Политика развития трудовых ресурсов в странах с развитой рыночной экономикой возглавляется государством, а реализуется при значительном финансовом, организационном и ином участии деловых кругов и различных социальных институтов общества.

В подавляющем большинстве стран с развитой рыночной экономикой наиболее значительное воздействие на динамику занятости, ее гибкость, структуру, уровень безработицы оказывают нормы, регулирующие найм и увольнение работников.

Введение в российскую практику некоторых норм трудового законодательства других стран может способствовать рациональной стабилизации производственных коллективов предприятий страны, характеризующихся крайне высокими (более 60 %) показателями суммарного оборота кадров. Например, во многих странах при определении выходного пособия учитывается стаж работы. Так, в Италии и Португалии при стаже работы более 20 лет пособие выплачивается в размере среднеме-

⁷ Программа подготовлена президентами крупнейших компаний, руководителями правительственных учреждений и ведущими учеными.

сячной заработной платы за 18–20 месяцев, в Греции — за 6 месяцев. В ряде стран работодатель при расторжении контракта обязан учитывать не только стаж, но и возраст работника. Существует норма преимущественного права оставления на работе определенных категорий работников при высвобождении. Первоочередными кандидатами на увольнение являются недавно нанятые сотрудники независимо от уровня квалификации. В некоторых случаях работодатель обязан, как предусмотрено и российским трудовым законодательством, принять меры для трудоустройства высвобождаемого работника в рамках компании либо предоставить возможность переобучения.

Существенным «вызовом трудовых отношений» в условиях глобализации становятся различные аспекты и проблемы международной миграции населения. На протяжении ряда лет росло число иностранных граждан, работающих в России. По данным Федеральной миграционной службы РФ, за период с 2004 по 2010 год их численность увеличилась с 213,3 до 1361,0 тыс. человек. Преимущественно (89,3 %) это мужчины, из которых 35–40 % находятся в наиболее трудоспособном возрасте — 30–39 лет. Одновременно идет миграционный отток из России. В 2000 году он составлял 145,8 тыс. человек, в 2008 — 39,5 тыс. Выезжают лица, имеющие высокий уровень образования: высшее или среднее специальное. В подавляющем большинстве это люди, имеющие относительно непродолжительный трудовой стаж. У 80 % из них, а в отдельные годы даже более чем у 80 %, продолжительность профессиональной деятельности не превышала 1 года.

Квалифицированный профессионал, носитель знаний, становится главным источником инноваций, определяющих, в конечном счете, глобальную конкурентоспособность социально-экономической системы. В связи с этим возрастает роль социальных структур, определяющих качество человеческого потенциала, одной из которых является сфера образования. В общем числе дипломированных выпускников вузов снижается доля получивших образование на дневном и вечернем отделениях. Кроме того, происходит отток высококвалифицированных кадров профессорско-преподавательского состава из государственных вузов в негосударственные, где доминирующим видом подготовки всегда являлась наименее эффективная с точки зрения подготовки квалифицированных специалистов заочная форма обучения.

Таким образом, проблема снижения качества образования, как представляется, связана с гипертрофированным развитием не очных форм обучения, которые в силу организации учебного процесса и сочетания учебы с работой не дают возможности получить систематизированных, глубоких знаний. Каждый второй студент, обучающийся в негосударственном вузе, вынужден подрабатывать, что не может не сказаться на качестве учебы. Как показывает практика, сочетание обучения с работой позитивно отражается на профессиональных знаниях будущего специалиста в том случае, ког-

да выполняемые им на рабочем месте трудовые функции самым тесным образом связаны со специальностью, которую студент приобретает. В этом случае он значительно более конкурентоспособен по сравнению со своими сокурсниками. Если же непосредственной связи места работы и будущей профессии нет, а в условиях рынка труда подбор такого перспективного рабочего места достаточно проблематичен, то будущий специалист выглядит на квалификационных экзаменах не лучшим образом.

Если принять во внимание вышеперечисленные аспекты, то очевидно, что проблемы глобализации трудовых отношений тесно связаны с вопросами профессиональной подготовки квалифицированных кадров и молодежной политикой.

На обозначенных выше проблемах необходимо сосредоточить как научные разработки, так и практические действия.

Результаты реализации в 2009 году региональных программ, предусматривающих дополнительные меры, направленные на снижение напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации.

На реализацию дополнительных мер, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов РФ, в 2009 году было предусмотрено направить из федерального бюджета 43,5 млрд рублей.

Все субъекты РФ утвердили региональные программы на 2009 год, предусматривающие дополнительные меры по снижению напряженности на рынке труда субъектов РФ, с общим объемом финансирования 38,1 млрд рублей, в том числе 35,6 млрд — субсидии из федерального бюджета. Общая численность участников региональных программ насчитывает 2,5 млн человек. Нераспределенный остаток средств федерального бюджета составил 7900,2 млн рублей. Объем израсходованных средств консолидированного бюджета по состоянию на 31 декабря 2009 года составил 35,584 млрд рублей, что соответствует 93,4 % от средств, утвержденных в региональных программах субъектов РФ. По оперативным данным, средства, предусмотренные на реализацию региональных программ, в полном объеме освоены в Белгородской, Брянской, Курской, Калининградской, Ленинградской, Мурманской, Ростовской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Свердловской, Иркутской и Амурской областях, Краснодарском, Красноярском, Алтайском и Забайкальском краях, республиках Татарстан, Дагестан, Калмыкия, Бурятия и Тыва, а также в Москве и Санкт-Петербурге.

По состоянию на 31 декабря 2009 года в целях реализации региональных программ в субъектах РФ заключено более 344,2 тыс. договоров со 130,3 тыс. организаций на общую сумму 37,3 млрд рублей. Численность участников региональных программ составила 2803,8 тыс. человек, в том числе:

- граждане, находящиеся под угрозой увольнения — 1,8 млн человек;
- безработные граждане — 0,4 млн человек;
- граждане, ищущие работу, — 0,5 млн человек;

— выпускники учебных заведений — 0,1 млн человек.

На *организацию опережающего профессионального обучения* работников, находящихся под угрозой увольнения, заключено 37,7 тыс. договоров с 9,4 тыс. организаций на общую сумму 1405,7 млн рублей. Численность участников по заключенным договорам составила 218,9 тыс. человек, фактически участвовали в мероприятиях 216,0 тыс. человек.

С целью *организации общественных работ, временного трудоустройства и стажировки* в целях приобретения опыта работы безработных граждан, граждан, ищущих работу, включая выпускников образовательных учреждений, а также работников в случае массового увольнения заключено 167,9 тыс. договоров с 114,8 тыс. организаций на общую сумму 27171,9 млн рублей. Численность участников по заключенным договорам составила 2553,8 тыс. человек. По состоянию на 1 января 2010 года в мероприятиях принимали участие более 2434,5 тыс. человек.

В общественных, временных работах и стажировке на градообразующих предприятиях участвовали около 213,0 тыс. работников, находящихся под риском увольнения, что составляет около 10,0 % от фактической численности всех участников мероприятий по организации общественных работ, временного трудоустройства и стажировки в целях приобретения опыта работы. Наибольшая численность участников отмечена на градообразующих предприятиях Свердловской, Челябинской, Ульяновской областей, Чувашской Республики, республик Башкортостан и Татарстан.

Активно реализовывались меры по организации стажировки в рамках региональных программ. Численность граждан, направленных на стажировку в целях приобретения опыта работы, по состоянию на 31 декабря 2009 года составила более 60,4 тыс. человек, в том числе 49,5 тыс. выпускников образовательных учреждений.

На оказание *адресной поддержки гражданам, включая организацию их переезда в другую местность для замещения рабочих мест*, заключено 10,9 тыс. договоров с 4,6 тыс. организаций на общую сумму 408,9 млн рублей. Численность участников по заключенным договорам составила 11,0 тыс. человек.

В рамках реализации мер по *содействию развитию малого предпринимательства и самозанятости* безработных граждан заключено 127,7 тыс. договоров на общую сумму 7534,3 млн рублей. Открыли собственное дело 127,6 тыс. человек.

Социальное партнерство в сфере социально-трудовых отношений.

Ведущая роль в регулировании социально-трудовых отношений принадлежит социальному партнерству, а именно переговорному процессу между представителями работодателей и работников. Взаимодействие социальных партнеров должно строиться на основе ряда принципов, прежде всего открытости и доступности информации, обоснованности принятия решений, взаимной ответственности сторон. Одной из основных задач сторон социального партнерства является соблюдение и защи-

та социально-трудовых прав работников на уровне предприятий и организаций.

По состоянию на начало 2010 года в России действует 61 отраслевое соглашение, заключенное на федеральном уровне социального партнерства. Действие соглашений распространяется на 75 % организаций, действующих в различных секторах экономики страны, где трудится более 46 млн работников (около 62 % от числа занятых в России), что, безусловно, способствует повышению эффективности защиты трудовых прав работников и их социальных интересов.

Меры, которые принимаются на правительственном уровне и на уровне субъектов РФ, носят упреждающий характер, что предполагает активное взаимодействие социальных партнеров в рамках трехсторонних комиссий. На федеральном уровне действует Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений, где рассматриваются наиболее актуальные вопросы социально-экономического развития страны, в том числе вопросы, предусмотренные Генеральным соглашением между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ на 2008–2010 годы. В субъектах РФ на региональных трехсторонних комиссиях рассматриваются вопросы, требующие решения в социально-трудовой сфере.

В настоящее время социальными партнерами на федеральном уровне проводится работа по совершенствованию стратегии развития социального партнерства на отраслевом уровне, в частности по формированию и проведению согласованной политики в сфере экономических и социальных трудовых отношений, обеспечению учета экономических интересов бизнеса в ходе переговорного процесса. Будут проработаны наиболее актуальные вопросы, касающиеся отдельных положений Трудового кодекса РФ и Федерального закона «Об объединениях работодателей» в части совершенствования переговорного процесса по заключению отраслевых соглашений. Основные направления развития социального партнерства будут положены в основу подготовки в текущем году нового генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ на очередной период.

Ратификация конвенций Международной организации труда.

В соответствии с поручением Президента РФ, поручением Правительства РФ Министерство здравоохранения и социального развития РФ совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти проанализировало перечень конвенций МОТ и других международных актов, предусмотренных Генеральным соглашением на 2008–2010 годы. Проведенный анализ показал, что существующие в России правовые основы социальных и экономических гарантий прав граждан в основном соответствуют нормам ряда конвенций. Принятие их положений возможно без внесения из-

менений в действующее законодательство, а их реализация не повлечет дополнительных расходов федерального бюджета, что позволяет подготовить их к ратификации.

В настоящее время Минздравсоцразвития РФ совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти активно проводит работу по подготовке проектов нормативных правовых актов, необходимых для первоочередной ратификации конвенций МОТ. Предусматривается внести материалы в Правительство РФ в начале будущего года.

Социальное страхование и пенсионное обеспечение.

Правительством РФ принят ряд мер по повышению реального уровня пенсионного обеспечения. Социальное страхование трудящихся за счет средств работодателей улучшится в связи с принятием нового законодательства. С 1 января 2010 года вступили в силу федеральные законы:

— № 212-ФЗ от 24.07.2009 «О страховых взносах в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования»;

— № 213-ФЗ от 24.07.2009 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ в связи с принятием федерального закона “О страховых взносах в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования”».

Реализация указанных законов обеспечит достижение следующих целевых ориентиров пенсионной системы:

— начиная с 2010 года минимального уровня материального обеспечения пенсионеров не ниже величины прожиточного минимума пенсионера и повышение среднего размера трудовых пенсий по старости к 2016–2020 годам до величины, обеспечивающей не менее 2,5–3 прожиточных минимумов пенсионера;

— создание условий для повышения индивидуального коэффициента замещения утраченного заработка, на который начислялись страховые взносы, в реальном выражении, трудовой пенсией по старости не менее 40 %.

Для достижения этих целей с 1 января 2010 года осуществлены следующие меры:

— переход от налогового к страховому принципу формирования доходов пенсионной системы и обязательного социального страхования путем упразднения единого социального налога и введения страховых взносов на обязательное пенсионное и социальное страхование по единому для всех организаций и работодателей тарифу независимо от принадлежности к той или иной сфере экономической деятельности;

— перевод базовой части трудовой пенсии в систему обязательного пенсионного страхования, финансируемую за счет средств страховых взносов, и установление единого принципа индексации всей

суммы пенсии с учетом роста доходов Пенсионного фонда РФ в расчете на одного пенсионера, но не выше роста среднемесячной начисленной заработной платы;

— сохранение с учетом принимаемых антикризисных мер в 2010 году ставки тарифа страховых взносов на уровне ставки единого социального налога: 20 % на обязательное пенсионное страхование, 2,9 % в Фонд социального страхования РФ, 3,1 % в фонды обязательного медицинского страхования (с 1 января 2011 г. установление страхового тарифа в размере 34 %, в том числе 26 % — на обязательное пенсионное страхование, исходя из необходимого объема финансирования трудовых пенсий, в том числе финансирования ее базовой части за счет этого источника; 2,9 % — на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, 5,1 % — на обязательное медицинское страхование);

— установление льготного переходного периода, в течение которого для страхователей, имеющих налоговые льготы по уплате единого социального налога, предусматривается установление пониженного тарифа страхового взноса и компенсация части страхового взноса и выпадающих в связи с этим доходов системы обязательного социального страхования за счет средств федерального бюджета;

— введение предельного размера выплат работнику для начисления страховых взносов в 2010 году в размере 415 тыс. рублей с последующей ежегодной индексацией этого предельного размера в соответствии с ростом средней заработной платы;

— увеличение с 1 января 2010 года денежной оценки пенсионных прав, приобретенных 1 января 2002 года, на 10 % и повышение на 1 % за каждый год работы до 1 января 1991 года;

— установление социальной доплаты к пенсии, если ее размер с учетом мер социальной поддержки не достигает величины прожиточного минимума в субъекте РФ.

В части обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством реализация данных законов повлечет изменения, затрагивающие систему обязательного социального страхования. В частности, с введением принципа начисления страховых взносов на заработок, не превышающий установленного предела в год (415 тыс. рублей в 2010 г., или 34 583 рубля в расчете на месяц), предусматривается упразднить прямые ограничения пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячного пособия по уходу за ребенком максимальным размером, который в настоящее время нарушает принцип соотносимости (эквивалентности) обязательных платежей и страховых выплат. Эти пособия будут исчисляться исходя из фактического заработка застрахованного лица, на который начисляются страховые взносы на обязательное социальное страхование (с учетом установленной предельной величины базы для обложения страховыми взносами).

В результате введения этих мер максимальные суммы выплат, которые смогут получить застрахованные лица в 2010 году, составят:

Вид пособия	Размер	Максимальная сумма выплаты (2010)
Пособие по временной нетрудоспособности	60 % заработка — при страховом стаже до 5 лет;	20 750 руб.
	80 % заработка — при страховом стаже от 5 до 8 лет;	27 666 руб.
	100 % заработка — при страховом стаже 8 и более лет	34 583 руб.
Пособие по беременности и родам	100 % заработка	34 583 руб.
Ежемесячное пособие по уходу за ребенком	40 % заработка	13 833 руб.

Улучшение условий и охраны труда.

Одним из направлений Программы антикризисных мер Правительства РФ является обеспечение безопасных условий трудовой деятельности и улучшение охраны труда на основе совершенствования нормативной базы.

Одними из основных факторов, сдерживающих сокращение численности рабочих мест с вредными и (или) опасными условиями, являются отсутствие экономической заинтересованности работодателей в обеспечении безопасных условий труда работников, а также неэффективность существующей системы управления охраной труда на всех уровнях, созданной в 1970–1980-х годах, не способной в полной мере обеспечить эффективную профилактику производственного травматизма и профессиональной заболеваемости.

В рамках утвержденной Программы действий по улучшению условий и охраны труда на 2008–2010 годы осуществляется реализация комплекса мер, обеспечивающих улучшение условий труда в наиболее травмоопасных видах экономической деятельности. При этом основное внимание уделяется переходу к экономическим методам управления охраной труда путем создания системы оценки, контроля и управления профессиональными рисками, что будет способствовать созданию механизма экономического стимулирования работодателей к улучшению условий труда.

Основной задачей новой системы управления охраной труда является переход от реагирования на страховые случаи к управлению рисками повреждения здоровья работников. Данная цель может быть достигнута путем создания всеобъемлющей сквозной

системы управления профессиональными рисками, которая должна стать основой управления системой сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности и охватить все рабочие места вне зависимости от размера и формы собственности предприятия.

Разработанные в 2007–2009 годах решения и реализованные мероприятия позволят в краткосрочной перспективе обеспечить модернизацию системы охраны труда и социального страхования и перейти к современной высокотехнологичной системе оценки и управления профессиональными рисками, мотивировать работодателя к созданию безопасных условий труда и внедрению безопасных технологий. Создание единого информационного пространства в сфере управления профессиональными рисками и системы страхования профессиональных рисков позволит контролировать достоверность информации и качество проводимых работ, принимать обоснованные управленческие решения.

Влияние экономического кризиса сказалось на уровне производственного травматизма. Обусловленные кризисом негативные явления в сфере охраны труда приводят к возрастанию риска несчастных случаев и ухудшению состояния здоровья работников, в первую очередь на микропредприятиях, где отсутствуют надлежащие структуры управления охраной труда и главным приоритетом является выживание в условиях экономического кризиса. Вместе с тем даже в условиях экономического кризиса и связанного с ним спада производства, объективного ухудшения финансового состояния большинства хозяйствующих субъектов снижение уровня требований и стандартов в сфере охраны труда недопустимо, особенно для малых предприятий.

Необходимо значительно больше внимания уделять обеспечению работников современными средствами индивидуальной защиты, своевременному проведению инструктажей, обучению и проверке знания правил охраны труда и технической эксплуатации машин и оборудования, поддержанию на должном уровне контроля за охраной труда, проведению других организационно-технических мероприятий.

Таким образом, в современных условиях в экономике как никогда ранее необходима консолидация усилий федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, профсоюзов, работодателей в целях обеспечения безопасных условий труда работников.

М. В. Сеславинский¹

РОССИЯ–ФРАНЦИЯ: ПОЛУЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ХУДОЖНИКОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ

1. После знаменитых Дягилевских сезонов, давших старт марафону взаимообогащения культур России и Франции в XX веке, вторым ярким этапом стало сотрудничество русских художников с французскими книгоиздателями в межвоенные десятилетия.

О художниках русской эмиграции, оказавшихся после Октябрьской революции во Франции, в последнее время написано довольно много исследовательских работ. Это и монографии общего характера, и книги, посвященные отдельным выдающимся личностям². Их жизнь и творчество — это действительно захватывающий для исследователя материал, погружаясь в который мысленно переносишься в Париж прошлого века и переживаешь все перипетии жизни русской художественной эмиграции.

В то же время работа знаменитых мастеров отечественной живописи и графики во французском книгоиздании еще слабо изучена. Как правило, эта тема остается на периферии исследовательской работы и затрагивается лишь вскользь (в отличие, например, от выставочной или театральной деятельности).

Французские книги иллюстрировали многие русские художники — по разным оценкам, их количество варьируется от 130 до 150 человек³. Их национальность в то время не имела существенного значения: все эмигранты из России, как правило, считались русскими. Разброс в цифрах объясняется тем, что значительная часть работ — это рисунки в периодических печатных изданиях, рекламных брошюрах и плакатах, балетных и оперных программах. Кто-то был более талантлив, кто-то — менее; кто-то создал иллюстрации для нескольких десятков книг, кто-то — для одной-двух. Это и роскошные библиофильские издания, выпущенные по законам данного жанра весьма ограниченным тиражом, и рядовые массовые книги, предназначенные самым широким читательским кругам.

В целом, длившиеся десятилетиями «свидание» художников русской эмиграции и французских книгоиздателей — это уникальный неоценимый вклад как в историю книжного дела, так и в мировую художественную культуру. Именно этот вклад хорошо иллюстрирует знаменитое высказывание Нины Бер-

беровой о первой русской эмиграции: «Мы не в изгнании, мы — в послании»⁴.

2. Уже во второй половине XIX века во Франции издание библиофильских книг становится самостоятельным направлением развития книжного дела. Конечно, роскошные, богато иллюстрированные книги, выпущенные ограниченным тиражом, существовали и в предшествующее столетие, но, пожалуй, только с 1860-х годов ряд книгоиздателей стал специализироваться на выпуске продукции специально для библиофилов. Такими первопроходцами были Огюст Пуле-Маласси, издавший поэтические произведения Шарля Бодлера, и Альфонс Лемер, выпустивший книги Поля Верлена, Альфонса Доде, Анатоля Франса, Леконта де Лиля и других знаменитых авторов.

В начале XX века в сфере книгоиздания начинает работать большое количество знаменитых художников. В первую очередь расцвет этого направления искусства книги связан с именем Амбруаза Воллара (1866–1939) — удачливого коллекционера, продавца живописи и издателя.

В период Первой мировой войны и сразу после нее по понятным причинам библиофильские издания фактически не появлялись. Но в начале 1920-х годов начался их бурный расцвет.

Сильная девальвация франка благоприятствовала вложениям в редкую книгу и предметы искусства. В газетах и журналах появились рубрики «Книжная биржа», что способствовало спекулятивным процессам. Редкие книги быстро покупаются и перепродаются, иногда за неделю вырастая в цене в 2–3 раза.

Но пусть библиофильство и носило некоторое время полуспекулятивный характер, зато эти условия ускорили процесс расширения рынка роскошных книг и появления новых издательств.

В 1986 году вышел фундаментальный четырехтомный труд «История французского книгоиздания» под общим руководством профессоров Анри-Жана Мартена и Роже Шартье. Последний том содержал великолепную статью Антуана Корона, работавшего в то время директором хранилища редких и ценных книг Национальной библиотеки Франции «Роскошные издания»⁵. В ней автор приводит весьма интересный график выхода подобных изданий во Франции с 1874 по 1945 год. Из него мы видим, какой всплеск книгопечатания подобной продукции приходится на 1920–1930-е годы. Рост составил 300–400 %.

Часть издательств делает выпуск богато иллюстрированных библиофильских книг серьезным направлением своей тиражной политики. Другие издаются в качестве эксперимента или случайно. В любом случае количество издателей резко возрастает, хотя сроки их творческой жизни бывают очень короткими.

¹ Руководитель Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям. Избирался народным депутатом Российской Федерации, депутатом Государственной Думы Федерального собрания РФ. Возглавлял Российский творческий союз работников культуры. Работал в должности статс-секретаря — первого заместителя министра РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Автор книг: «Частное пионерское», «Поларис», «Аромат книжного переплета», «Рандеву». Председатель редакционно-издательского совета журнала «Про книги».

² Толстой А. В. Художники русской эмиграции. М., 2005; Лейкин О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. Художники русского зарубежья 1917–1939: биографический словарь. СПб., 1999.

³ В крупнейшем частном собрании по этой теме профессора-слависта Ренэ Герра содержатся книги, иллюстрированные 132 русскими художниками.

⁴ Берберова Н. Н. Лирическая поэма // Современные записки. 1927. Т. 30. С. 221–230.

⁵ Там же. С. 409–437.

В эти годы большие по объему книжные работы создает Марк Шагал. Это и иллюстрации к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя, «Басням» Лафонтена, Библии. Все эти серии примерно по 100 работ делаются по заказу Амбруаза Воллара, но экономический кризис начала 1930-х, затем его трагическая гибель в 1939 году и начавшаяся Вторая мировая война откладывают полноценное воплощение этих грандиозных проектов. «Мертвые души» выйдут в 1948 году тиражом 368 экземпляров благодаря стараниям издателя Эжена Териада. За эту работу художник получит Гран-при Венецианского биеннале, а само издание сразу превратится в библиофильскую редкость.

В межвоенные десятилетия в сегменте роскошной библиофильской книги наблюдался резкий спад во время экономического кризиса 1930–1931 годов. Цена на библиофильские книги упала в несколько раз, как в магазинах, так и на аукционах и продажах из рук в руки. Но уже период 1932–1938 годов (пусть и не с таким блеском, как прежде) демонстрирует восстановление рынка подобного рода изданий. Впрочем, общее количество специализирующихся на такой продукции издательств не превышало десяти.

Шок первого года оккупации Франции также сменился постепенным ростом библиофильской литературы.

При этом отметим тот факт, что сразу после оккупации Франции основная часть издателей и художников, принадлежавших к еврейской нации, были вынуждены либо перебраться на неоккупированную часть Франции, либо вообще покинуть страну, спасая свою жизнь в связи с антисемитской политикой гитлеровского рейха. В такой сложной ситуации оказались издатели Жак Шифрин, Фернан Натан, художник Григорий Глюкман, Лео Зак, Марк Шагал и др.

3. Отдельно следует сказать о книгах с иллюстрациями фривольного и эротического характера. Подобного рода издания традиционно существовали во Франции начиная с XVIII века и представляют собой отдельный пласт книгоиздательской культуры. Эта тема хорошо разработана во французской библиографической литературе, а сами издания изучены и представлены в специальном объемном каталоге. Его создатель Жан-Пьер Дютель описал 933 издания, вышедших в свет с 1880 по 1920 год, и 1728 изданий — с 1920 по 1970 год¹.

Собственно говоря, фривольные иллюстрации первоначально лишь сопровождали аналогичную литературу, также в течение трех последних веков постоянно развивающуюся во французской культуре.

В конце 2007 года в Национальной библиотеке Франции проходила большая выставка, на которой были представлены рукописи, книги, гравюры и рисунки эротического характера. Она называлась «Ад» («L'Enfer»): именно так с 1830 года в крупнейших библиотеках Франции называли тайный склад, стеллаж или закрытый шкаф, где хранились подобные издания. Организация подобной экспозиции в главной библиотеке страны свидетельствует о том,

что этот сегмент искусства и книгоиздания воспринимается как неотъемлемая составная часть французской культуры.

В 1920–1930-е годы такие книги выходили в большом количестве, иногда даже сериями. Но лишь в редких случаях они имели реальные выходные данные конкретного издания, особенно если это была эротика, граничащая с порнографией. Поэтому данный сегмент книгоиздания в значительной степени был представлен анонимными и подпольными книгами либо вымышленными названиями издательств с указанием их месторасположения в других странах, чаще всего Голландии. Иногда книги действительно печатались в этой более терпимой к нормам морали стране, но реально это все равно была французская продукция.

Из русских художников в этом жанре активно работали Юрий Анненков и Федор Рожанковский, обладавшие талантом блестящих рисовальщиков и с легкостью создававшие такого рода рисунки². Данная работа давала неплохой доход и, по всей видимости, просто нравилась этим творцам, ибо на антикварно-художественном рынке и в разного рода собраниях присутствует множество листов эротической и даже порнографической графики, не относящейся к книгоиздательским проектам.

4. Во французской книговедческой литературе для обозначения и классификации библиофильских изданий принято пользоваться несколько иными терминами, нежели теми, к которым привыкли российские знатоки книги.

Одним из наиболее используемых является термин *livres d'art*, обозначающий художественно оформленные, богато иллюстрированные книги, выпущенные специально для библиофилов. Именно этот термин употреблял известный российский искусствовед и знаток музейного дела Юрий Александрович Русаков, опубликовавший ряд работ о подобных изданиях с иллюстрациями знаменитых французских художников³.

Книговед Антуан Корон использует общий термин *livres de luxe*, включая в него не только предыдущий сегмент художественно оформленных книг, но и те, что мы называем «роскошными» изданиями, а также *livres de peintre* — уникальные книги, макет которых создается художниками от начала и до конца (текст, иллюстрации, обложка, выбор шрифта, заставки, концовки и т. д.). В последнем случае художник использует книжную форму в качестве основного инструмента для своего творчества и самовыражения.

В отечественной книговедческой науке эти термины в дословном переводе почти не прижились. Художественная книга и роскошное издание ассоциируются просто с хорошо оформленными или богато иллюстрированными книгами начала XX века, раз-

¹ Dutel J.-P. Bibliographie des ouvrages érotiques publiés clandestinement en français entre 1880 et 1920. P., 2002; *Idem*. Bibliographie des ouvrages érotiques publiés clandestinement en français entre 1920 et 1970. P., 2005.

² L'abbé de Choisy. Histoire de madame la comtesse de Barbes / par monsieur l'abbé de Choisy ; dessins de G. Annenkoff. P. : Aux Éditions Des Quatre Vents, 1945; *Idem*. Histoire de madame de Sansy / Ibid. P. : Aux Éditions Des Quatre Vents, 1946; Béranger. Chansons galantes / ornées de 16 aquarelles par Rojan. P. : Éditions de la Belle Étoile, [1937].

³ Русаков Ю. А. Избранные искусствоведческие труды. СПб., 2000.

личными альбомами по истории живописи или теми книгами, которые в советское время было принято называть подарочными изданиями. Определение «книга художника» в последнее время достаточно часто используется и в России именно в том смысле, как ее определяют французские исследователи и библиофилы. Но у нас этот термин имеет очень короткую историю современного существования и в большей степени относится к книжным экспериментам. Во всяком случае отечественные художники, широко известные за рубежом, фактически не оставили нам подобных ярких примеров своего творчества на Родине.

Общепринятым в российском книжном обиходе является термин «библиофильское издание». Именно его приводят составители изданной в 1999 году энциклопедии «Книга» (автор словарной статьи — известный ученый и библиофил Олег Григорьевич Ласунский)¹. Этим термином в своих научных работах пользуется известный исследователь и пропагандист антикварной книги, профессор Московского государственного университета печати Ольга Леонидовна Тараканова². Их определения основываются на том, что библиофильские издания предназначены для узкой читательской аудитории (в основном для коллекционеров и библиофилов) и отличаются от массовой книжной продукции совокупностью признаков. Сопоставляя эти признаки с критериями французских книговедов, относящимися к категориям «художественные издания» и «роскошные издания», мы видим, что речь идет примерно об одних и тех же критериях.

5. В 1880–1890-е годы во Франции был принят ряд законов о бесплатном светском начальном образовании, инициированный известным прогрессивным политическим деятелем того времени Жюлем Ферри. Они распространились и на женскую часть общества, постепенно приведя к значительным прогрессивным антиклерикальным изменениям.

После Первой мировой войны с подачи и при материальной поддержке Американского комитета детских библиотек во Франции разрастается сеть библиотек нового типа «Веселый час», в которых для детей открывается доступ к стеллажам, работают читальные залы, проводятся много мероприятий. Надо отметить, что до той поры французские библиотеки были устроены более примитивно, когда ребенку просто выдавали заказываемые книги через барьер или дверное окошечко.

Бурный рост читающих детей не сразу, но вполне закономерно привел издателей к мысли о необходимости выпуска качественных богато иллюстрированных книг.

Всплеск как обычных, так и подарочных детских изданий пришелся на межвоенные десятилетия одновременно с общим развитием книжного дела.

Книжки-картинки для самых маленьких, напечатанные на плотном картоне, пересказы популярных литературных произведений в сжатом виде, регулярные серии иллюстрированных изданий перевернули

рынок детской книги. Родители все чаще слышали просьбы купить ставшие любимыми издания и тянулись за кошельком, тем самым способствуя дальнейшему развитию этого сегмента книжной отрасли.

Главными издательствами, с которыми сотрудничали русские художники-иллюстраторы детской книги, были входившие в тройку лидеров «Фламарион» («Flammarion») и «Галлимар» («Gallimard»). Их деятельность в этом направлении проходила под влиянием ученого, педагога и издателя Поля Фоше (1898–1967), призывавшего создать национальную детскую издательскую программу, основанную на гуманизме и последовательном воспитании чувства красоты у ребенка. Кстати, по всей видимости, Поль Фоше знакомился с книгоиздательскими программами для детей, успешно осуществляемыми тогда в Советском Союзе. В Париже в то время прошли две значимые выставки, на которых были представлены советские детские книжные издания, богато иллюстрированные лучшими отечественными художниками.

Неслучайно Марина Цветаева под впечатлением от этих событий написала в статье «О новой русской детской книге» в журнале «Воля России» в том же году следующее: «Что в России хорошо — это детские книжки. Именно книжки, ибо говорю о книгах дошкольного возраста, тоненьких тетрадочках в 15–30 страниц.

Впервые за существование мира страна к ребенку отнеслась всерьез. К дошкольному, самое большее — шестилетнему — всерьез. В Англии, когда ребенок переходит улицу, все останавливается. В России ребенок все приводит в движение. “Его Величество Ребенок” — это сказала Европа, а осуществляет Россия»³.

Надо сказать, что советское Всесоюзное объединение «Международная книга» часть детских книжек с великолепными иллюстрациями переводило на французский и другие языки и издавало специально для Европы.

Издательства «Галлимар» и «Фламарион» провели серьезную подготовительную работу перед запуском программ детского книгоиздания. Известный ученый и пропагандист качественной детской книги Поль Фоше совместно с детскими психологами исследовал композицию и форму книги, пытаясь предугадать реакцию юных читателей. Рукописи проходили тестирование в различных аудиториях. При верстке и печати учитывались и рекомендации врачей-окулистов.

Серьезным прорывом в издании детских книг с иллюстрациями русских художников стала яркая работа Натали Парэн «Моя кошка», вышедшая в свет в 1930 году в издательстве «Галлимар». Поль Фоше, пригласивший ее к сотрудничеству с этим издательством и «Фламарионом», позаботился о том, чтобы серия детских сказок продолжалась все 1930-е годы. До войны вышло 25 наименований книг с рисунками этой талантливой русской художницы, а в 1941 году она получила за свой десятилетний труд Премию столетия Французской академии художеств. В 1944 году за совокупность работ — премию Академии изящных искусств.

¹ Ласунский О. Г. Библиофильское издание // Книга : энцикл. / гл. ред. В. М. Жарков. М., 1999. С. 97.

² Тараканова О. Л. Антикварная книга : учеб. М., 1996. С. 233.

³ Цветаева М. О новой русской детской книге // Воля России. 1931. № 5–6.

В той же серии «Сказки кота Мурлыки» Марселя Эме, которую иллюстрировала Парэн, вышло несколько книг с оригинальными рисунками Натана Альтмана, оставившего в свой французский период лишь минимальное количество образцов «взрослой» книжной графики.

Еще более активно сотрудничало с русскими художниками издательство «Фламарион». В выпуске их самого знаменитого детского бренда — альбомов серии «Папаша Бобер» — кроме Натали Парэн (книжки-самоделки «Я делаю маски», «Я вырезаю» и др.), принимали участие Иван Билибин («Ковер-самолет», «Русалочка»), Федор Рожанковский (множество книг о жизни лесных и домашних животных), Александра Экстер (игровая книга «Мой сад» с картинками для вырезания, знаменитые раскладные «Панорама реки», «Панорама берега», «Панорама горы»).

Детская книга во Франции была настолько востребована, что места на издательском рынке хватило для всех.

6. Среди множества французских издательств, работавших в эти годы с русскими художниками, отчетливо выделяется «золотая» десятка. В первую очередь надо упомянуть знаменитое издательство «Плеяда» («*Le editions de la Pleiada*»), специализировавшееся именно на библиофильских изданиях и возглавляемое патриотом русской графики и книги

Яковом (Жаном) Шифриным. Его деятельность заслуживает отдельного исследования. Затем следуют уже упомянутые лидеры французского книгоиздания «Галлимар» и «Фламарион». Кроме них, книги с иллюстрациями русских художников выпускали также следующие издательства: «Сан Парэй» («*Au Sans Pareil*»), название которого можно перевести как «Неповторимые» или «Не имеющие себе равных»; «Les editions *Mognau*», владельцы которого много сотрудничали с художником Иваном (Жаном) Лебедевым; «Nathan», знаменитое своими сериями исторических романов; «J. Ferenczi & Fils», активно привлекавшее к работе Юрия Черкесова; «Fayard», выпускавшее серии популярных иллюстрированных книг; «*La Si-gene*», издавшее знаменитую «Сказку о царе Салтане» с иллюстрациями Наталии Гончаровой; «L' Editions d'art H. Piazza», прославившееся библиофильскими изданиями с графикой Бориса Зворыкина.

7. Проходящий в настоящее время Год России во Франции и Год Франции в России — замечательный повод вспомнить об этом этапе нашего культурного сотрудничества. В связи с этим Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям проводит в Москве и Париже выставку «Рандеву: русские художники во французском книгоиздании первой половины XX века», на которой экспонируются 100 лучших книг, созданных интернациональным сообществом издателей и художников.

Н. Н. Скатов¹

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Конец XX — начало XXI века для нашей страны стали временем глобальных потрясений. Кризис, поразивший страну в 1990-е, был настолько глубок, что какое-то время речь шла о самом ее существовании. В эти трагические годы с необыкновенной остротой встали вопросы о защите нашей культуры, о ее выживании, о сохранении культурных ценностей, культурных институтов России от физического уничтожения. Нужно было сохранять столпы русской культуры — чтобы не обрушилось все здание. Нужно было побудить государство к мерам по защите культуры. Многие из участников настоящего форума были инициаторами таких мер, инициаторами больших общественных кампаний, подвигавших власть к действиям.

Менее всего я хочу сказать, что вопрос о защите отечественной культуры, одной из важнейших со-

ставляющих которой является русская литература, прежде всего — великая русская классика, утратил в наши дни остроту. Однако тут произошло некоторое смещение акцентов. К проблеме физического сохранения, материальной поддержки культурных институтов России добавились *проблемы просвещения и пропаганды*.

Современная Россия вовлечена в процесс глобализации. Я сознательно воздерживаюсь от оценок этого процесса и просто констатирую факт: Россия вовлечена в процесс глобализации. Новые коммуникативные технологии, изменившийся рынок, растущая открытость страны, способствующая активным массовым контактам россиян с другими цивилизациями Запада и Востока, — все это ведет к невиданной еще в истории России интенсификации диалога культур.

Для того чтобы русская культура в этом диалоге нашла «свой голос», требуется *сознательная и планомерная работа по массовому культурному просвещению и пропаганде национальных культурных ценностей*. Теперь мало физически сохранить русские культурные сокровища. *Надо добиться того, чтобы они «работали» в новых исторических условиях, чтобы русская культура и в частности отечественная словесность не превратилась в «мемориальный заповедник», интересный только узкому кругу знатоков и ценителей*. Ибо такая судьба неизбежно приведет к культурной

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор. Член Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, Главный редактор журнала «Русская литература». С 1987 по 2006 годы — директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Кольцов», «Некрасов», «Я лиру посвятил народу своему: о творчестве Н. А. Некрасова», «Русский гений», «Современники и продолжатели» Автор сборников историко-литературных статей «Поэты некрасовской школы», «Далекое и близкое», «Литературные очерки», «О культуре».

Президент Пушкинского фонда «Классика». Председатель Пушкинской комиссии РАН, заместитель председателя Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии РФ.

стагнации и опять-таки к гибели культуры, пусть и не разрушенной, но «мумифицированной».

Указанная работа, на мой взгляд, должна вестись по двум векторам — внутреннему и внешнему.

Внутри страны это должно воплотиться в налаживание активного *диалога между поколениями*. Ведь одной из ярких черт процесса глобализации является резкий культурный разрыв между «отцами», которые являются носителями культурных знаний и традиций, и «детьми», которые в большинстве не то чтобы не хотят, а просто не могут понять своих «отцов». Уже минимум два поколения — рожденные в 1990-е и 2000-е годы — вырастают «иностранными» по отношению к культурной среде родителей, чьи жизненные навыки сформировались в предглобализационный период. У них другой язык, другой ракурс мировосприятия. И нет ничего опаснее для нас, хранителей и носителей культурного наследия, чем не ощущать *разницу* между «другим» и «плохим». «Другое» — вовсе не обязательно «плохое» (но, разумеется, не обязательно и «хорошее»). Иначе говоря, нам надо разобраться в языке, образе мыслей, ритме жизни вдруг явившихся пред нами «иностранцев» — наших детей. Отделить для себя зерна от плевел и, главное, *найти понимание именно на «коммуникативном уровне»*.

Это вовсе не «сдача культурных позиции» и не «деградация». Приведу буквально животрепещущий пример. Вряд ли нынешнюю русскую православную церковь можно заподозрить в любви к модернизму. Тем не менее недавно патриарх Кирилл прямо поставил перед иереями задачу: изучать современную российскую молодежную субкультуру (даже тех молодежных объединений, которые оказываются весьма «рискованными» с точки зрения христианства). Изучать — чтобы наладить диалог, чтобы, по крайней мере, донести те ценности, которые хранит церковь, до *понимания* молодежи. И это представляется совершенно правильным.

Но и людям, профессионально занимающимся отечественной культурой, такой диалог насущно необходим! В частности, русская классическая литература должна не только быть предметом изучения в классах и аудиториях, но стать *компонентом повседневного культурного опыта российской молодежи*, превратиться, так сказать, во «внеклассное чтение».

Вот только один, на мой взгляд, очевидный способ подобной трансформации. Известно, какую огромную роль в современной культуре играет телевидение и кинематограф. Все помнят неожиданный успех теле- и киноэкранизаций Достоевского, Солженицына, Гоголя *именно в молодежной среде*. Но процесс экранизации литературной классики должно активно осуществлять и финансировать государство, это должно стать *государственным заказом*, важным компонентом культурной политики! Подобные фильмы необходимо дотировать, *обеспечивать режиссерам и актерам «зеленый свет» именно в этом направлении*. По каждой такой экранизации надо проводить дискуссии — в классах, аудиториях, на телевидении (причем в прайм-тайм, что также может вызвать вопрос о дотировании на государственном уровне). А это неизбежно приведет и к дискуссиям и внутри

молодежной среды, вызовет «резонанс» и, так сказать, «ответную реакцию», желание прочитать, осмыслить уже не как то, что «навязывается» школьной программой, а как «свое». Это как раз тот «мостик», который связывает культуру поколений воедино, и он очень дорогого стоит! Вот, например, по экранам прошел, на мой взгляд, блистательный фильм «Тихий Дон» С. Ф. Бондарчука, долго остававшийся недоступным для зрителей. И что же? Только вялая критика, упреки в адрес покойного великого режиссера за «нарушение традиций» и т. д. Да это должно было стать грандиозным событием в нашей современной культуре! Была необходима массовая, интересная для молодежи дискуссия — это просто долг и критиков, и учителей, и литературоведов. Увы!..

С другой стороны, как уже говорилось, *должна вестись внешняя пропагандистская работа по внедрению отечественных культурных ценностей в глобальную культурную среду*. Слово «пропаганда» не должно никого пугать! Ведь и знаменитые Дягилевские сезоны имели открытый пропагандистский характер. Сам С. П. Дягилев многократно прямо говорил, что патриотическая идея была одной из центральных в замысле Русских сезонов.

Тут присутствует некоторая тонкость. В советскую эпоху существовал мощный пропагандистский аппарат, работавший в том числе и на «продвижение» русского языка и русской литературы за границами СССР. Но эта деятельность проходила в историческом контексте борьбы двух систем и воспринималась как инструмент холодной войны. После окончания холодной войны она оказалась скомпрометированной и была свернута. Но неужели нам нечего донести до наших ныне дружественных соседей как на Западе, так и на Востоке, кроме установок марксизма-ленинизма на классовую борьбу? В русской культуре, литературе, искусстве масса интересных, нужных не только россиянину духовных и эстетических ценностей. Что же плохого в их открытой пропаганде за пределами страны? Но для такой пропаганды нужен аппарат, который был бы создан на государственном уровне, нужна заинтересованность и планомерная работа властных структур. А пока подобная внешняя работа почти полностью проводится энтузиастами-одиночками (между прочим, не только россиянами).

Например, почему бы государству не пойти на контакт с теми немногими центрами исследования нашей словесности за рубежом, которые сейчас существуют в Европе, Америке, Китае, на Ближнем Востоке? Почему не взять на себя инициативу по финансированию исследовательских и просветительских проектов? Почему бы не работать с переводчиками — как западными, так и отечественными? Ведь *огромный массив русской литературы, в том числе и классической, еще не имеет качественного перевода на основные европейские языки*. Почему бы не рекламировать издания переводов, не привлекать к ним внимание широких кругов западных читателей? Ведь такая «культурная вербовка», в отличие от вербовки политической, ничего, кроме сочувствия и уважения к стране, не вызывает.

А средства, затраченные на нее, окупятся с лихвой не только в идеологическом, но и в «материальном» плане. Вспомним опять-таки Дягилевские сезоны, создавшие, как теперь говорят, *бренд* «русского балета», который мы с успехом (финансовым) эксплуатируем до сих пор!

В заключение следует сказать: хотелось бы, чтобы дело защиты русской культуры в наши дни перешло из

пассивной фазы «глухой обороны» к фазе «активного наступления». В контексте глобализации и диалога культур такое наступление жизненно необходимо. Нельзя зарывать в землю россыпи имеющихся у нас драгоценных «танталов». Надо, следуя примеру евангельского благоразумного раба, давать их «в рост». «Ибо всякому имеющему дастся и преумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25: 29).

Ю. Н. Солонин¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ

1. Мой доклад был написан на основе впечатлений от научных сочинений Д. С. Лихачева. Его научные труды не ассоциируются с признаком научности, который обыденное сознание соотносит с научным жанром. Труды Д. С. Лихачева отличаются легкостью, ясностью, органичной простотой изложения, что можно наблюдать, читая или изучая их. Ясная мысль и адекватная ей словесная форма; незатемненная последовательность мысли и текста, прозрачность аргументации; полное безразличие к словесной или умственной виртуозности, устранение всяких эффектов вроде эпатажирующих метафор и сравнений; отсутствие пафетики, нарочитой фасцинации и бесконечного цитирования, отсылок к неизвестным текстам и недоступным источникам. Этот тип научной прозы, как и прозы вообще, демонстрирует уже утерянные навыки кларизма языка эпохи классицизма, французской литературной школы и ее рецепции в литературе пушкинского времени.

В русской научной литературе подобный научный стиль нередко характеризует работы, что удивительно, крупнейших отечественных натуралистов (в частности, Д. И. Менделеева) или записки путешественников и этнографов. Всякий имеющий отношение к научному делу знает, как трудно дается такое мастерство, не принижающее сложности научной проблемы.

Второе впечатление от прочтения научных трудов Д. С. Лихачева связано с невольным признанием необходимости введения в текст новых научных понятий и определений, которые ученый считает нужным использовать для развития концептуального со-

держания теории или объяснения. И будучи введенными, они «врастают» в научный язык и становятся общепринятыми. Но все же Д. С. Лихачев стремится избегать перенасыщенности текста абстракциями и сухими дефинициями, предпочитая описательные приемы (дескриптивность). В качестве примера можно проследить судьбу термина «экология культуры».

Научное лидерство Д. С. Лихачева — интереснейшая сторона его наследия как ученого. Мышление такого рода вообще редкость, а в настоящее время даже уникальность. Предположу, что его корень — в признании естественной зависимости научного текста от предмета, порождающего его.

2. Я, профессионально занимаясь философией и принадлежа к сократо-кантовской линии, для которой существенно не утверждение, а вопрошание, сомнение, критико-аналитическое проникновение в структуры содержания, разделяю позицию интеллектуального дистанцирования от тех научных ситуаций, в которых проблемы представляются решенными, но при ближайшем отстраненном рассмотрении предстают в противоположном виде. Так, когда каждый учебник по теории культуры начинается с известия о наличии не одного признанного, а нескольких сотен равноценных определений культуры, здравый смысл подвергается испытанию. Интеллектуальный дискомфорт усиливается, когда оказывается, что автор произвольно объявляет себя сторонником одного из них и весь дальнейший текст ориентирует на разработку этого условно избранного понятия. Возникает вопрос: читатель имеет дело с теорией культуры, относящейся к некоей реальной достоверности (даже при признании отвлеченности такой связи), или перед ним условная интеллектуальная конструкция произвольного типа?

3. Итак, возникает проблема: возможна ли теория культуры в том понимании, которое принято в научном (образованном) обиходе, — что всякая теория нечто говорит о реальности, в данном случае культурной. Постановка вопроса настолько тривиальна, а он настолько покрыт «плесенью» времени, что это сразу же навеивает скуку.

Но скуку вызывает вообще всякий призыв к методологической проработке проблемы, следованию правилам методологической культуры, к ясности и

¹ Декан философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой культурологии, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор книг: «Какая философия нам нужна?», «Предмет философии и обоснование науки», «Наука как предмет философского анализа», «Парадигмы исторического мышления XX века: очерки по современной философии культуры». Составитель и автор ряда сборников по актуальным проблемам общества и философии. Член Совета Федерации Федерального собрания РФ (представитель от Хабаровского края), первый заместитель председателя Комиссии Совета Федерации по вопросам развития институтов гражданского общества, член Комиссии Совета Федерации по образованию и науке, член Комиссии Совета Федерации по информационной политике. Председатель Санкт-Петербургского философского общества, вице-президент Российского философского общества, член редколлегии ряда научных журналов.

определенности выражаемого. К сожалению, мы живем во времена методологического нигилизма. Времена, когда разработка методов познания признавалась определяющей в возможности обретения знания и даже предвещала научные революции, видимо, находятся далеко в прошлом. Отсутствуют и признаки появления новой методологической парадигмы, возможно, потому что еще не очерчены отвечающие ей онтологические представления о мире. Системный подход во всех модификациях, в том числе синергетической, вероятно, достиг пределов своих эвристических возможностей. Но именно он питал великие методологические программы XVII–XX веков. Альтернативная ему целостная интерпретация реальности находится пока в эмбриональном состоянии и представлена отдельными фрагментами в гуманитарном знании и естественных науках.

Но этим фактом не оправдывается пренебрежение методологической культурой, которое сегодня стало типичным. Иногда создается впечатление, что возникновение научного текста имеет источником не объективное содержание проблем из мира культурных процессов и предметностей, а рождается силами произвольно конструирующего воображения. Эти силы породили беспредельный космос культурологической литературы, но научное продвижение оказалось минимальным.

4. Я не ставлю цель определить причины вырождения методологической культуры. Ограничусь общим указанием на его связь с тем методологическим переворотом, который был осуществлен на рубеже XIX и XX веков и привел к резкому размежеванию двух типов науки и знания по различению их предметных сфер, противопоставлению познавательных установок. Этот хорошо известный факт в сообществе гуманитариев получил одобрение, поскольку оценивался как утверждение суверенности гуманитарного знания. Но следует обратить внимание на то, что при всей важности этого обстоятельства возникла дивергенция наук, вызывающая сожаление. Гуманитарии резко отвергли методологический опыт точных наук и стали бороться со всякого рода проявлениями сциентизма в своей сфере. С болезненной подозрительностью выслеживалось все то, что можно было истолковать как «натуралистический редукционизм» в подходе к культурным сущностям или заимствование из арсенала естественно-научных понятий. Принцип единства знания, не отвергаемый напрямую, оказался, однако, в забвении. Тем не менее в природе любого знания, если оно определяется как научное, всегда имеются внутренние центростремительные импульсы, объединяющие различные его части в единый познавательный комплекс. Один из импульсов — невольная тяга к понятийной строгости и определенности на основе типов рациональности, которые не рождены в одной из частей знания и навязываются другим, подобно известному в прошлом «принципу физикализма».

5. Центральная проблема современной культурологии — процесс глобализации. Действительно, развитие цивилизации не только размывает экономические и политические границы, ставя под вопрос будущее национальных суверенитетов в различных

аспектах, охватывает мир единой информационно-коммуникационной сетью и системой энергетического обеспечения, подчиняет технологические комплексы различных регионов единым стандартам и нормативам, но и проникает во внутреннюю природу культурных процессов и затрагивает корни их возникновения. В XIX веке, в период бурного развития индустриальной фазы капитализма и всеобщей торговли, когда стала складываться система международного разделения производительных сил человечества, возникали теоретические представления о необходимости координации и региональной кооперации всех участников мирового процесса. Утверждалось, например, что «сама природа постепенно ведет нации к совершеннейшей ассоциации» (Ф. Лист). Рассматривались возможность мирового федеративного устройства государств и народов, интернационализация основных форм жизни, свободный обмен ценностями. При этом считалась сама собой разумеющейся свобода вхождения в такие ассоциации, сохранение своей культурной и этнической идентичности и своеобразия и национально-исторической самобытности.

В настоящее время подобные теории расцениваются либо как романтические иллюзии, либо как первичное осмысление нарождающегося глобализационного процесса. Возможно, это так. Но современные подходы имеют специфическую слабость: они оперируют понятиями, содержание которых затемнено или крайне неопределенно. Это касается в первую очередь базовых понятий, к которым, кроме глобализации, следует отнести понятия глобальной цивилизации, глобальной культуры, диалога культур и конфликта цивилизаций. Очевидно, перечень неполон. Неясно, о каких сферах общественных процессов идет речь. То, что представляется несомненным относительно материальных сторон развития в целом, вызывает сомнения, когда речь заходит о культуре. Именно здесь мы видим корень основных сложностей. Универсализация культур, духовных процессов и соответствующих им форм не представляется необходимой с такой очевидностью, как процессы первого рода. Повсеместно фиксируются тенденции деградации традиционных источников возникновения и поддержания культурных ценностей, создавших историческое многообразие человеческих культур. Набирает силу новый механизм производства ценностей техногенной природы (взамен старого). Примером являются всевозможные вариации медиакультуры. Если традиционные культурные ценности рождались стихийно и анонимно, складываясь в течение длительного времени и характеризовали состояние человека и обществ, то медиаценности создаются по законам техногенного общества, имеют фиксированные центры, как потребительский массовый продукт постоянно требуют обновления и в этом случае представляют непрерывный процесс. Это различие определяет различие экзистенциально-го статуса человека различных типов культур.

Следует признать, что культурологи еще далеки от тщательной и детальной проработки структуры глобализационных тенденций, установления детерминационных отношений между различными

сферами глобализационных процессов и их механизмами. Вместо этого господствует феноменалистский подход, удовлетворяющийся более или менее приемлемым описанием того, что доступно методологически неискаженному наблюдению.

Бесспорная истина, что новому предмету или новой сфере исследования должна отвечать подобающая ему теоретико-методологическая установка, далека от всеобщего признания. Это особенно проявляется в теоретически бесплодном дискурсе, посвященном проблеме диалога культур или цивилизаций. Является ли диалог особой сферой устойчивого межкультурного взаимодействия или ситуативно

возникшей необходимостью, реализуемой в бесчисленных форумах, конференциях, встречах? Если это процесс, то какова его конечная цель? Еще меньше ясности в вопросе о том, кто является субъектом таких диалогов. Что должно определять в культурном или ином отношении лиц или институты, которым доверена миссия проведения такого диалога. Мы должны понимать, что существуют различия между взаимодействием людей, активных носителей индивидуальных пристрастий и ценностных ориентаций, объективных ценностей и культурных форм, репрезентирующих различные культурные типы, и их создателей — народов и обществ.

Д. Е. Сорокин¹

РОССИЯ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПАРТНЕРСТВА

Участие любой страны в партнерстве цивилизаций возможно либо в качестве составной части одной из мировых цивилизаций, либо в качестве самостоятельного цивилизационного центра. Что касается России, то трехсотлетним дискуссиям о ее принадлежности к европейской (точнее западно-европейской) цивилизации или о ее существовании в качестве особой (российской) цивилизации, видимо, уготована еще долгая жизнь. Не вдаваясь в существо этих дискуссий, отметим, что страны, образующие ядро европейской цивилизации, на протяжении всего существования Российского государства никогда не рассматривали последнее в качестве органической составной части европейской экономики.

В ходе исторически складывающегося международного разделения труда Россия выступала в качестве сырьевого придатка Западной Европы². Поэтому, видимо, неслучайно даже сторонники принадлежности России к европейской цивилизации отмечают, что, несмотря на все усилия Петра I, задача «войти» в европейскую цивилизацию «так и не была решена. Время ушло на создание только лишь предварительных условий, необходимых для начала движения по этому пути. В результате страна преодолела его еще целых 200 лет...»³ Но вот преодолела ли?⁴

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, первый заместитель директора Института экономики РАН, заведующий кафедрой «Макроэкономическое регулирование» Финансовой академии при Правительстве РФ, доктор экономических наук, профессор. Автор и соавтор 70 научных работ, в т. ч. монографий: «Россия-2015: оптимистический сценарий», «Стратегический ответ России на вызовы нового века», «Россия перед вызовом: политическая экономия ответа», «Россия в глобализирующемся мире» и др. Член редколлегии журналов «Вопросы экономики» и «Экономическая наука современной России», член редсоветов журналов «Проблемы теории и практики управления» и «Журнала экономической теории».

² «С началом XVI века конъюнктура... обрекла Восточную Европу на участь колониальную — участь производителя сырья» (Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII веков : в 3 т. М., 1988. Т. 2. С. 259). Ф. Бродель при этом отмечал специфическую форму этой колонизации для Московского государства.

³ Андриевская В. Долгий путь экономических реформ в России от их начала, в веке XVIII // Экономические стратегии. 2000. Июль-август. С. 81, 91.

⁴ Для Запада — в разгар холодной войны, отмечал Й. Шумпетер, «российская проблема состоит не в том, что Россия —

«Трудно сказать, — отмечают современные исследователи, — когда станет возможным формирование единого европейского рынка. Причем главным препятствием здесь, как представляется, служит вовсе не позиция российского бизнеса, опасющегося конкуренции со стороны европейских товаропроизводителей. Опыт взаимоотношений с ЕС и европейским бизнесом позволяет сделать вывод, что наши западные партнеры в гораздо большей степени опасаются появления российских товаров на своих рынках»⁵. Видимо, поэтому объективные европейские исследователи предупреждают: «На западных границах России может возникнуть новая экономическая стена. Европа будет остерегаться всего, что идет из России, и отстраивать свое благополучие за счет ее природных ресурсов»⁶. Сходной позиции придерживаются и американские исследователи, рассматривающие Россию в лучшем (для нее) случае как партнера Запада или конкурента США наряду с Европой и Японией, но ни в коей мере как составную часть Европы⁷.

Таким образом, выстраивая стратегию своего развития, России следует исходить из того, что в обозримом будущем в межцивилизационном партнерстве ей предстоит выступать в качестве самостоятельного цивилизационного центра⁸.

социалистическая страна, а в том, что она — Россия» (Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия : пер. с англ. М., 1995. С. 522).

⁵ Мау В., Новиков В. Отношения России и ЕС: пространство выбора или выбор пространства? // Вопросы экономики. 2002. № 6. С. 142–143.

⁶ Эта тенденция была отмечена еще И. Т. Посошковым: «Я чаю, что и все европейские жители не рады нашим кораблям; им то надобно, чтобы они одни славились и богатели б, а мы б от них из рук глядели» (Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 2001. С. 212).

⁷ Пар А. На расстоянии руки // Московские новости. 2002. 12–18 нояб. С. 13.

⁸ См.: Мирский Г. И. Россия в современном мире: взгляды американских политиков и ученых // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 12.

⁹ Изложенное сохраняет свое значение и при условии отнесения России к так называемым «пограничным цивилизациям», то есть к таким, которые к настоящему времени не определились со своей цивилизационной идентификацией, к которым кроме России зачастую относят Латинскую Америку и регион Юго-Восточной Азии (См.: Рашковский Е. Б.,

Полноценное партнерство возможно только между равными участниками. Партнерство цивилизаций в современном мире глобальной экономики, а значит, и глобальной конкуренции не является исключением. В связи с этим, определяя стратегию России в межцивилизационном партнерстве, следует иметь в виду, что Россия непосредственно соприкасается с четырьмя мировыми цивилизационными центрами: европейским, мусульманским, китайским и японским. При этом Россия обладает «набором» ресурсов (территориальных и минерально-сырьевых), дефицитных для указанных центров. Поэтому борьба за занятие стратегически приоритетных позиций на российском пространстве неизбежно становится одной из стратегических целей этих цивилизационных центров. Понятно, что США не смогут «наблюдать со стороны» борьбу за российские ресурсы, результатом которой может стать усиление геополитико-экономических позиций какой-либо из соперничающих сторон. В этой ситуации США вынуждены уже на нынешнем этапе стремиться обеспечить себе наиболее выгодные «стартовые позиции» для этой борьбы¹.

Таким образом, геополитическое положение России таково, что она неизбежно становится «яблоком раздора» между основными цивилизационными центрами современного мира. Отсюда проистекает их объективная заинтересованность в «минимизации» роли России как равноправного участника межцивилизационного партнерства. Включение в военно-политические и экономические союзы, образованные иными цивилизационными центрами, территорий, «отпавших» от России на западе и юге, требование территориальных уступок и «освоение де-факто» на востоке — лишь видимые иллюстрации данного тезиса. Для того чтобы стать субъектом, а не объектом межцивилизационного диалога, России необходимо в полной мере восстановить свой статус одной из великих мировых держав, но уже по критериям XXI века, став одним из «полюсов роста» глобальной экономики и тем самым одним из ее «системных интеграторов».

К сожалению, системный кризис, в который Россия начала входить в конце XX века, перешедший в свою острую форму в его последнее десятилетие, результатом которого стала утрата Россией своего статуса великой мировой державы, не преодолен и поныне. Более того, сегодня в расширенном масштабе воспроизведена та структура экономики, которая послужила материальной базой этого кризиса (см. табл. 1).

Хорос В. Г. Мировые цивилизации и современность (К методологии анализа) // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12. С. 41).

¹ Как учит история, отмечает С. М. Рогов, «поддерживать устойчивость многополярной системы значительно сложнее, чем биполярной. ...Такой подвижный баланс сил с постоянно эволюционирующим составом участников и изменяющимся соотношением их возможностей чреват дестабилизацией, которая в прошлом нередко приводила к вооруженным столкновениям» (Рогов С. М. Россия в системе международных отношений // Россия-2015: оптимистический сценарий / под ред. Л. И. Абалкина. М., 1999. С. 22).

Таблица 1
Индексы производства по видам экономической деятельности (1991 г. = 100 %)

Годы	2000	2008
Добыча полезных ископаемых	74,3	103,7
В том числе топливно-энергетических	80,9	116,4
Обрабатывающие производства	51,0	84,4
Машины и оборудование	32,3	61,0

Источник: Росстат.

Последствия такой динамики отчетливо просматриваются во «внешнеэкономическом диалоге» России и КНР (см. табл. 2).

Таблица 2
Структура товарооборота РФ с КНР

Товарная группа	1998		2007	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Минеральное топливо, нефть, нефтепродукты	3,2	—	42	—
Машины и оборудование	25,3	5,2	4,4*	54
Изделия из кожи	—	23,9	—	4

* 2008 г.

Источник: Институт Дальнего Востока РАН.

В ходе кризиса 2009 года ситуация еще более ухудшилась. Если добыча нефти (включая газовый конденсат) составила к уровню 2008 года 101,2 %, то обрабатывающих производств — 84,0 %, в том числе производство металлорежущих станков — 36,6 %. Та же тенденция прогнозируется Минэкономразвития России и на «восстановительный период» 2010–2012 годов, в течение которого будет происходить рост доли топливно-энергетического комплекса в общем объеме промышленного производства при снижении доли производства машин и оборудования. Последствия развития по такому «сырьевому» сценарию, по крайней мере на декларативном уровне, осознаны высшим политическим руководством страны².

Оценивая возможности России по переходу к прогрессивным структурным сдвигам в экономике, обеспечивающим ее национальную конкурентоспособность, нелишне задаться вопросом: почему предпринимаемые с 2000 года усилия в этом направлении не дали результатов. Представляется, что причина не только (и даже не столько) в справедливо критикуемой в этой части экономической политике, сколько в сложившейся системе

² «И это неизбежно ведет к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, к закреплению за нами роли сырьевого придатка мировой экономики, а в дальнейшем может повлечь за собой отставание от ведущих экономик мира, вытеснение нашей страны из числа мировых лидеров. Следуя этому сценарию, мы не добьемся необходимого прогресса в повышении качества жизни российских граждан. Более того, не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни ее нормального развития, подвергнем угрозе само ее существование, говорю это без всякого преувеличения» (Путин В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 2008. 8 февр.).

экономических отношений, порождающей систему экономических интересов главных субъектов экономического роста — предпринимателей, — отторгающих рост на основе технологических нововведений. В свою очередь это неизбежно порождает негативные тенденции в развитии национального человеческого потенциала, «выталкивая» тем самым Россию из межцивилизационного культурного диалога.

Преодоление этой экономической системы, ее глубокое реформирование возможны лишь при достижении общественного согласия о целях и направ-

лениях такого реформирования. Последнее предполагает диалог между его участниками и, прежде всего, носителями знаний о развитии общества. Вместе с тем результативность такого диалога возможна лишь при отказе представителей различных течений, школ обществоведческой мысли от монополии на истину, направленности их на поиск путей интеграции накопленных знаний.

Таким образом, чтобы стать полноценным участником диалога культур и партнерства цивилизаций, России необходимо наладить диалог и партнерство в собственном обществе.

В. С. Степин¹

СТРАТЕГИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Оценивая современные процессы глобализации, мы говорим о диалоге культур. Он рассматривается как условие наиболее благоприятного и бесконфликтного развертывания глобализации. Диалог культур понимается как взаимное уважение и взаимовлияние различных культурных традиций. Он противопоставляется одностороннему воздействию доминирующей в процессе глобализации западной традиции.

Такое доминирование имеет свои исторические предпосылки. Современная глобализация выростала из модернизационных процессов XIX — второй половины XX века. В свою очередь, эти процессы были результатом воздействия западной цивилизации эпохи «Проекта Модерн» на традиционалистские общества. Я называю эту цивилизацию техногенной, учитывая, что в ее развитии решающую роль играют научно-технологические инновации. Их внедрение в различные сферы деятельности радикально меняет предметную среду человеческой жизни (вторую природу), социальные связи и институты, типы человеческих коммуникаций.

Под давлением техногенных обществ традиционалистские цивилизации переходили на путь техногенного развития. Основой этого перехода было заимствование технико-технологических иннова-

ций, которые, в свою очередь, требовали подготовки специалистов, модернизации системы образования, а вместе с тем, переноса на традиционалистскую почву ряда фрагментов и ценностей техногенной культуры.

Взаимодействие различных типов культур, основанных на различных и часто альтернативных ценностях, требовало времени на их взаимную адаптацию. Под влиянием новых культурных трансплантаций традиция переосмысливалась. В нее включались новые жизненные смыслы и ценностные ориентиры, регулирующие новые виды деятельности.

Таков был опыт великих российских модернизаций (реформ Петра I, Александра II и большевистской модернизации, превратившей страну в великую индустриальную державу). Таков был и путь Японии начиная с последней трети XIX столетия. Аналогично развертывались процессы модернизации в Южной Корее, Китае, Индии, странах Латинской Америки во второй половине XX века.

Ценности и достижения техногенной культуры выступали в процессах модернизации как условие прогресса и воспринимались как доминанта по отношению к традиционалистским ценностям.

Когда во второй половине XX века процессы модернизации приобрели системный характер и переросли в глобализацию, такого рода позиционирование своих ценностей со стороны Запада сохранилось. Более того, оно обрело новые измерения в связи с расширением спектра современных технологий. В их состав сегодня включены не только производственные, но и социально-гуманитарные технологии, в частности технологии организации рынка и технологии демократического управления, основанные на использовании современных средств массовой информации и различных способов психологического воздействия на сознание людей.

Вместе с тем возникает и критическое отношение к ценностям, определявшим успехи техногенного развития. Оно вызвано глобальными кризисами, порожденными этим развитием.

Современная глобализация развертывается на фоне этих кризисов. Кризисы приобрели планетар-

¹ Академик Российской академии наук, научный руководитель Института философии РАН, руководитель секции философии, социологии и права РАН Отделения общественных наук РАН, заведующий кафедрой философской антропологии и наук о человеке Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных работ, в т. ч. 21 монографии: «Философская антропология и философия науки», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание», «Философия и универсалии культуры», «Новая философская энциклопедия» (в 4 т.), «Философия науки: общие проблемы» и др. Президент Российского философского общества. Член Совета по анализу критических ситуаций и проектов правительственных решений при Правительстве Российской Федерации. Иностраннный член Национальных академий наук Белоруссии, Украины, почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), почетный профессор Академии общественных наук КНР (Пекин), действительный член Международного института (академии) философии (Париж, 2001). Лауреат государственной премии РФ в области науки и техники.

ный характер. Экологический кризис, антропологический кризис, все ускоряющиеся процессы отчуждения, изобретение новых и новых средств массового уничтожения, грозящих гибелью всему человечеству, — все это побочные продукты техногенного развития.

Об экологическом кризисе сказано уже немало. Происходит осознание того, что он будет только нарастать по мере стремления различных стран реализовать идеалы общества потребления.

Прогнозируемое увеличение населения Земли через 15–20 лет при тенденции к росту энергетического потребления во все большем числе стран планеты и экспоненциально растущем загрязнении среды неминуемо приведет к беспрецедентной экологической катастрофе.

Не менее опасные перспективы для человечества возникают в связи с антропологическим кризисом. Он имеет множество проявлений и тенденций. Одной из главных среди них выступает опасность изменения генофонда человечества. Возрастание мутагенных факторов вследствие прямого воздействия загрязненной среды (химические и радиоактивные воздействия), а также косвенного — через появление все новых видов болезнетворных микробов и вирусов, приводит к опасным изменениям генетической основы человека. Биологи пишут о растущих повреждениях генотипических структур, сформированных миллионами лет эволюции. Действие природных факторов сохранения генофонда (естественный отбор) в человеческом обществе резко ограничено, а социальные процессы, которые вроде бы можно интерпретировать как выполняющие функцию отбора, например войны, действуют в противоположном направлении. В войнах гибнет большое количество здоровых молодых людей, не оставляющих потомства. Более того, современные генетические исследования выявили факты неблагоприятного мутагенного воздействия некоторых ранений на генетические структуры человеческого организма.

Вторым значительным индикатором антропологического кризиса является возрастающее давление на человека стрессовых нагрузок. Современная жизнь с ее быстро меняющимися социальными ситуациями, нестабильностью, обостренной конкуренцией в любых областях деятельности погружает человека в чередование стрессовых состояний. Перенапряжения ведут к росту не только сердечно-сосудистых, онкологических, но и психических болезней. За последние годы такое тяжелое психическое заболевание, как депрессия выходит на одно из первых мест в мире среди наиболее распространенных болезней конца XIX — начала XX века. Чтобы избежать угнетенных состояний психики, люди все чаще прибегают к применению различных психотропных средств. Как отмечает Фукуяма в своей книге «Наше постчеловеческое будущее» (М., 2004), 10 % всего населения США принимают антидепрессант прозак или его аналоги (если же взять только взрослое, работоспособное население, то процент людей, принимающих этот антидепрессант, удваивается). Однако это фармакологическое средство, повышая самооценку, блокируя неконтролируемую агрессию,

имеет в качестве побочного действия ослабление и потерю памяти, сексуальные расстройства, повреждения мозга.

Третьей группой факторов, обостряющих антропологический кризис, выступают современные тенденции к переконструированию биологической основы человека. Они обозначились в русле достижений генетики и разработки новых биотехнологий. Расшифровка генома человека в принципе открывает возможности не только лечить наследственные заболевания, но и усилить те или иные его способности (умственные и физические). Уже сегодня ведутся исследования, ставящие целью добиться, например, повышения уровня гемоглобина в крови как наследуемого признака. То, что сейчас карается у спортсменов как кровяной допинг, может превратиться в генетически сконструированное свойство организма (изготовление будущих олимпийских чемпионов). Одновременно ведутся разработки по внедрению микрочипов, обеспечивающих лучшее функционирование нервной системы человека. Уже осуществляются операции по имплантации в мозг силиконовых чипов, обеспечивающих восстановление функций, утраченных в связи с болезнью Паркинсона.

Все эти начавшиеся эксперименты над биологической составляющей человека имеют далеко идущие последствия. Уже введено в обиход понятие «постчеловек», хотя и не всегда четко определяемое, но включающее в качестве составных смыслов идею изменения биологической основы человека. Техногенная цивилизация открывает новую зону риска. Системная целостность генетических факторов человеческого бытия вовсе не гарантирует, что при перестройке какого-то одного гена, программирующего определенные свойства будущего организма, не произойдет искажение других свойств. Но есть еще и социальная составляющая человеческой жизнедеятельности. Нельзя упускать из виду, что человеческая культура глубинно связана с человеческой телесностью и первичным эмоциональным строем, который ею продиктован. Предположим, что известному персонажу из антиутопии Оруэлла «1984» удалось бы реализовать мрачный план генетического изменения чувства половой любви. Для людей, у которых исчезла бы эта сфера эмоций, уже не имеют смысла ни Байрон, ни Шекспир, ни Пушкин, для них выпадут целые пласты человеческой культуры. Биологические предпосылки — это не просто нейтральный фон социального бытия, это почва, на которой вырастала человеческая культура и вне которой невозможны были бы состояния человеческой духовности.

Обострение глобальных кризисов, порожденных техногенной цивилизацией, ставит вопрос: можно ли выйти из этих кризисов, не меняя базисной системы ценностей техногенной культуры?

Я исхожу из того, что эту систему ценностей придется менять, что преодоление глобальных кризисов потребует изменения целей человеческой деятельности и ее ценностных регулятивов. А радикальное изменение ценностей означает переход от техногенной цивилизации к *новому типу цивилизационного развития, третьему, по отношению к традиционалистскому и техногенному.*

В таком подходе открываются новые аспекты диалога культур. В идее продолжения «проекта Модерн» диалог культур сводится к проблемам дальнейшей адаптации традиционалистских ценностей (в том числе сохранившихся в культурах тех обществ, которые уже стали на путь техногенного развития) к современным западным версиям ценностей техногенной культуры.

В идее перехода от «проекта Модерн» к новому типу цивилизационного развития намечается другой способ взаимодействия. Изменяющаяся система западных ценностей может открыть новые возможности их своеобразной переключки, с сохранившимися ранее и модифицированными ценностями традиционалистских культур. То, что в предыдущей истории, включая историю XX века, представало как альтернативное и несовместимое, может обрести согласие.

В первой версии диалога культур анализ акцентирован на выявлении общего в культурных традициях и фиксации тех особенностей, которые выступают как несовместимые парадигмы. Эти особенности следует признать, уважительно к ним относиться, но вместе с тем видеть в них границу, которую не следует нарушать.

Во второй версии сама граница особенностей предстает как изменяющаяся, а традиции как переосмысливаемые. Анализ акцентирован на выявлении тенденций изменения традиций. И в связи с этим возникает вопрос о предпосылках формирования точек роста новых ценностей.

Два взаимосвязанных процесса являются ключевыми в современных изменениях глобализирующегося мира. Это научно-технологические инновации и экономика. Поэтому важно именно здесь выявить тенденции изменений, связанные с трансформацией базисных ценностей техногенной цивилизации.

Технологические инновации изменяют тип экономического уклада. В современную эпоху они определены состоянием развивающейся науки. Главные направления научно-технологических исследований очерчены разработкой пакета конвергентных технологий (нано-, био-, информационные и когнитивные технологии). И важно выяснить, как сегодня меняется тип научной рациональности при освоении новых типов объектов.

В развитых формах научного знания, сложившихся в новоевропейской культуре, можно с достаточной отчетливостью выявить специфические установки науки, отличающие ее от других форм познавательной деятельности (обыденного, художественного, философского познания и т. д.).

Первая из них состоит в ее нацеленности на исследование объектов, которые актуально либо потенциально могут стать предметами человеческой деятельности. Наука ищет закономерности, которым подчиняются эти объекты. Она как царь Мидас из древней легенды, который к чему бы ни прикоснулся, становилось золотом. К чему бы ни прикоснулась наука — все для нее объект. Она может сделать предметом изучения любые фрагменты, аспекты и феномены мира: природные, социальные, человека, его деятельность, культуру, состояния человеческого

сознания. Ко всему, что включено в сферу ее исследования, она относится как к объекту, подчиняющемуся определенным законам.

Конечно, такой подход не исчерпывает многообразия человеческого бытия. Поэтому при всей важности науки она не может заменить собой других форм человеческого познания и всего многообразия культуры.

Вторая характерная особенность науки — это ее способность изучать объекты, не ограничиваясь только теми, которые включены в наличные виды деятельности. Наука постоянно выходит за границы производства и обыденного опыта своей исторической эпохи и способна исследовать объекты, практическое освоение которых возможно лишь на будущих этапах развития цивилизации.

С этими двумя фундаментальными характеристиками научного познания органично связаны особенности ее средств, методов, производимых ею знаний как продукта научной деятельности, а также специфика внутреннего этоса науки.

В его основе лежат два главных регулятива: установка на поиск объективного истинного знания и установка на постоянное наращивание такого знания (ценность новизны). Отсюда и два основных этических запрета, образующих ядро научного этоса: запрет на умышленное искажение истины в угоду тем или иным социальным мотивам и запрет на плагиат.

Развитие науки долгое время основывалось на достаточности этих этических регулятивов. Они рассматривались как одно из выражений гуманистических ценностей, поскольку открытия науки и последующие технологические инновации полагались улучшающими человеческую жизнь, а значит, и соответствующими гуманистическим идеалам. Но в современную эпоху ситуация изменилась. В орбиту научного исследования были втянуты объекты, представляющие собой сложные саморазвивающиеся системы. Постепенно они стали доминировать на переднем крае науки. Примерами таких систем являются биологические объекты, рассмотренные с учетом их эволюции, социальные объекты (общество и его подсистемы, в том числе и культура) взятые в их развитии, объекты современных нано- и биотехнологий, компьютерные сети и глобальная сеть — Интернет и т. п.

Саморазвивающиеся системы способны усложняться в процессе эволюции, в них возникают новые уровни организации, которые затем оказывают воздействие на ранее сложившиеся уровни систем и видоизменяют их.

Деятельность со сложными развивающимися системами имеет свои особенности. Она не является чисто внешним фактором по отношению к системе, а включается в нее в качестве компонента, актуализируя одни сценарии развития и понижая вероятность других. Но тогда развивающиеся системы становятся человекоразмерными. При их изучении важно выявить те сценарии, которые могут иметь негативные последствия для человека, чтобы в эти ловушки не попадать. Такая оценка сценариев означает, что только внутреннего этоса науки уже недостаточно. Необходимо каждый раз соотносить требования поиска истины с гуманистическими идеалами,

корректируя внутренний этос науки дополнительными этическими регулятивами. Такого рода корректировка сегодня осуществляется в форме социально-этической экспертизы научных и технологических программ и проектов.

Наука остается наукой. Ее фундаментальные установки поиска истины и роста истинного знания остаются. И социально-этическая экспертиза вовсе их не отменяет. Наоборот, она предстает как условие реализации этих установок. Это точка роста новых ценностей, возникающих в науке в рамках современной культуры. Не отказ от науки, а ее новое гуманистическое измерение предстает одним из важных аспектов поиска новых стратегий цивилизационного развития.

Я уже отмечал в своих предыдущих публикациях, что в этих изменениях научной рациональности открываются также новые возможности диалога культур. Многие из того, что новоевропейская наука ранее отбрасывала как ненаучные заблуждения традиционалистских культур, неожиданно начинает резонировать с новыми идеями переднего края науки.

Я обычно выделяю здесь три основных момента. Во-первых, восточные культуры (как и большинство традиционалистских культур) всегда исходили из того, что природный мир, в котором живет человек, это живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепахивать и переделывать. Долгое время новоевропейская наука относилась к этим идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как глобальной экосистеме выяснилось, что непосредственно окружающая нас среда действительно представляет собой целостный организм, в который включен человек. Эти представления уже начинают в определенном смысле резонировать с организмическими образами природы, свойственными и древним культурам.

Во-вторых, объекты, которые представляют собой развивающиеся человекообразные системы, требуют особых стратегий деятельности. Эти системы наделены синергетическими характеристиками, в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. В точках бифуркации незначительное воздействие может радикально изменить состояние системы, порождая новые возможные траектории ее развития.

Установка на активное силовое преобразование объектов при действии с такими системами не всегда является эффективной. При простом увеличении внешнего силового давления система может воспроизводить один и тот же набор структур и не порождает новых структур и уровней организации. Но в состоянии неустойчивости, в точках бифуркации часто небольшое воздействие — укол в определенном пространственно-временном локусе — способно породить (в силу кооперативных эффектов) новые структуры и уровни организации. Этот способ воздействия напоминает стратегии ненасилия, которые были развиты в индийской культурной традиции, а также действия в соответствии с древнекитайским принципом «у-вэй», который полагал идеалом минимальное воздействие, осуществляемое в соответствии с пониманием и чувством ритмов мира.

В-третьих, в стратегиях деятельности со сложными, человекообразными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности. В западной культурной традиции рациональное обоснование полагалось основой этики. Принципиально иной подход был характерен для восточной культурной традиции. Там нравственное совершенствование полагалось условием и основанием для постижения истины. Один и тот же иероглиф «дао» обозначал в древнекитайской культуре закон, истину и нравственный жизненный путь.

Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и который имманентно включает рефлексию над ценностями, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственной традиционным восточным культурам. Возникают новые аспекты функционирования науки как фактора современного диалога культур.

Изменение типа научной рациональности, новые аспекты этической регуляции научно-технологической деятельности создают предпосылки для формирования нового отношения к природе. Однако решающая роль в этом процессе принадлежит экономике. Идея главенства экономики имеет свои социокультурные предпосылки. Она органично связана с особенностями базисных ценностей техногенной цивилизации.

Понимание природы как своего рода резервуара ресурсов для деятельности, человека как деятельностного существа, преобразующего мир, понимание рациональности, предполагающее самоценность научных и технологических инноваций, идея увеличения власти человека над природой — все эти мировоззренческие установки, составляющие духовную матрицу техногенных обществ, определили стратегию экономической жизни.

Эпоха индустриализации, начатая первой промышленной революцией, реализовала эти стратегии. Возникли многообразные практики ускоряющегося экономического развития на путях технологического обновления производства.

Попутно отмечу, что материалистическое понимание истории К. Маркса представляло собой теоретическое обобщение этих практик. Его теория общества была порождением культуры индустриальной эпохи. Успехи индустриального развития укрепляли веру в социальный прогресс и возможность достигнуть неуклонного роста потребления на путях внедрения в производство научно-технических достижений. Эту идею в различных вариантах и аспектах развивали многие мыслители XIX века (Ш. Фурье, А. Сен-Симон, его ученик, создатель социологии О. Конт и др.). В концепции К. Маркса она была включена в обоснование коммунизма как высшей стадии человеческой истории, закономерно возникающей в результате научно-технического развития цивилизации.

Во второй половине XX века в экономически развитых странах Запада возник особый вариант капитализма — общество потребления. Основной принцип экономики этого общества гласит: «чем больше мы потребляем, тем это лучше для экономики». Потребление порождает спрос, спрос стимулирует новый

виток экономического развития. Возникает система с обратной связью. Удовлетворение спроса порождает новый спрос, что обеспечивает рост экономики.

В середине XX века западные теоретики рынка, социологи и философы обосновывали этот принцип как выражение справедливости. Известная концепция Д. Роулза соотносила идею регуляции социально-экономического неравенства с повышением уровня потребления «низших страт» общества и возможностью подтягивать их до уровня среднего класса благодаря новому циклу наращивания общественного богатства.

Идеологами рынка были предложены механизмы повышения потребительского спроса. Виктор Лебов, один из исследователей и пропагандистов свободного рынка, еще в середине XX века писал, что необходима особая система человеческого сознания, направленная на повышение потребительского спроса. Наряду с расширением рекламы и в ее рамках нужно постоянно менять моду на вещи. В. Лебов полагал так изменить пропаганду рынка в СМИ, чтобы приучать людей потреблять, изнашивать, и заменять вещи со все возрастающей быстротой. Это выгодно для экономики. Кстати, сегодня эта установка практически реализовалась. Многие производители товаров намеренно так упрощают технологии, чтобы товары быстрее изнашивались, и у потребителей был стимул покупать новые.

Понятно, что такая система экономики может развиваться только поглощая все большее и большее количество природных ресурсов и увеличивая масштабы загрязнения важнейшей среды.

Второй механизм повышения спроса связан с расширением практики дешевого кредитования. Это жизнь в рассрочку, в долг.

Во второй половине XX века широкие масштабы приобрело кредитование не отдельных лиц, а кор-

пораций и стран. Расширяющийся обмен валют и биржевые спекуляции превратили деньги в особый товар. Возник посредник обмена этого нового товара — мировая валюта. Им стал доллар США. И тогда изготовление этого нового товара стало источником прибыли. На рынке появилась огромная денежная масса, не обеспеченная товарами и услугами. США, увеличивая эмиссию доллара и выпуск государственных бумаг, получили возможность кредитовать сами себя, постоянно наращивая уровень потребления. Возник феномен супердержавы, обладающей огромной военной мощью, которая живет в рассрочку. Долг США сегодня составляет больше 11 трлн долларов. Тем не менее это государство продолжает политику увеличивающегося бюджетного дефицита, наращивая расходы и обеспечивая рост потребления.

Но жить в долг — это значит, жить за счет будущих поколений. В результате принцип «чем больше мы потребляем, тем это лучше для экономики» перестает быть справедливым. Как регулятор экономического развития он был санкционирован логикой техногенной культуры. Однако сегодня этот принцип проблематизируется.

Известный футуролог Э. Ласло в книге «Макродвижение» (русское издание М., 2004) рассматривает его как путь к экологической катастрофе и отмечает, что новые стратегии развития цивилизации должны быть связаны с отказом от этого принципа. Но тогда возникает новая проблема, ее нужно специально анализировать с учетом перемен, которые вносят экономика знаний, рост информационного потребления и возможности новых энергосберегающих технологий. Важно также проанализировать возможности изменения структуры финансового рынка на путях межнационального контроля за мировой валютой.

В. А. Тишков¹

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О культуре преемственного этнополитического мышления и задаче исторического знания.

Современный период развития нашей страны — один из самых драматичных в богатейшей истории

Российского государства и его народа. Речь идет о времени начала горбачевских реформ во второй половине 1980-х годов, распада СССР и постсоветского развития нового государства — Российской Федерации. Это составляет четверть века — значительный отрезок исторического времени. Существенную часть населения страны составляют граждане, родившиеся после распада СССР и об этом, казалось бы недавно, прошлом почти ничего не помнящие. Носителями советской исторической памяти остаются ныне живущее взрослое и старшее поколения, но и у этой части населения часто не совпадают ответы на вопрос о том, как относиться к советскому периоду: одним кажется, что это были «лучшие годы нашей жизни», другие с содроганием вспоминают преступления сталинизма и жесткую несвободу при тотальном дефиците товаров и услуг периода правления Брежнева.

¹ Академик Российской академии наук, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 300 научных и научно-публицистических работ, в т. ч.: «Страна кленового листа: начало истории», «Освободительное движение в колониальной Канаде», «История Канады», «История и историки США», «Коренное население Северной Америки в современном мире», «Тропой слез и надежд: книга о современных индейцах США и Канады», «Русские как меньшинство: пример Эстонии» и «Русские в Средней Азии и Казахстане», «Россия как многонациональная общность и перспектива межэтнического согласия», «Концептуальная эволюция национальной политики в России», «Очерки теории и политики этничности в России», «Политическая антропология. Российские исследования в гуманитарных науках», «Общество в вооруженном конфликте» и «Этнология и политика. Научная публицистика», «Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2008 гг.», «Наука и жизнь: разговоры с этнографами» и др.

В последние годы эти ментальные «разломы» среди россиян дополнились ориентацией на жесткое отторжение каждой новой правящей элитой того, что сделали их предшественники, даже если сами новые власти имущие были активными деятелями предыдущих правительств. Так, недавно возник образ «хаоса 1990-х годов», «кровавых девяностых». Цель этого образа — еще более возвысить позитивные перемены, происходящие в стране после 2000 года. Но плохо, что общество, включая политический класс, лишается культуры преемственного мышления и пестует в себе нетерпимость и даже ненависть к тем, кто был до этого у власти. А это в свою очередь порождает ненависть к действующей власти среди тех, кто желает прийти ей на смену или уже покинул властные позиции.

В этой политико-идеологической сумятице — отсутствии культуры преемственности — особая ответственность возлагается на тех, кто является профессиональными производителями знаний о прошлом, то есть на историков. Только историки обладают необходимой подготовкой по части знания широких исторических горизонтов, обучены методам обращения с достоверными источниками и свидетельствами, обладают необходимыми навыками проведения проверочных процедур и внутрипрофессиональными критериями достоверного толкования прошлого. При всем разнообразии мнений и даже ожесточенных дискуссий должен быть выработан необходимый консенсус по поводу того, что есть достоверное в прошлом и что есть вымысел или заблуждение.

Однако изучение современного периода истории характеризуется некоторыми трудностями, которые делают это занятие не менее сложным, чем изучение античных времен или Древней Руси. Во-первых, историописание еще не оторвалось от живой исторической памяти, и эта память, включая личный опыт самого исследователя, противоречиво влияет на объективное воссоздание наиболее достоверного и полного исторического полотна. С одной стороны, свидетель или непосредственный участник событий помнит то, что происходило, а с другой — он помнит только то, что происходило именно с ним. Его память связана с эмоциями и пристрастиями, которых не лишен каждый человек. Во-вторых, современная история в гораздо большей степени связана с текущим политическим процессом, и всегда есть искушение со стороны власти «подправить историю» в выгодном ключе.

Наконец, по сюжетам новейшей истории, то есть недавно прожитого, в каждом обществе ведутся дебаты о результатах перемен и реформ, сути происходящих процессов, роли политиков, партий и институтов. Недавнее прошлое — это то, что общество помнит само (без услуг историков) и использует в политике или как средство консолидации, или как средство раздора и обличения, а чаще всего — в прагматичных целях победы на выборах и прихода к власти. В изучении новейшей истории существует еще одно затруднительное обстоятельство — это налагаемые государством ограничения на обнародование архивных документальных источников, а также сугубо личностная мотивация в трактовке событий ав-

торами разных воспоминаний и рассказчиками, которые не являются профессиональными историками. Слишком мало документов и слишком много воспоминаний! Обычная проблема для недавно пережитой истории, но вполне решаемая.

Данная статья посвящена только одному аспекту общественно-исторического процесса за последние 25 лет. Речь идет о том, что длительное время в нашей науке и практике называлось «национальным вопросом» и «национальной политикой». Суть этих проблем составляют вопросы, связанные с состоянием и развитием этнического разнообразия населения страны (многонационального народа), системой государственной организации и управлением в условиях многонациональности, учетом и отправлением прав, запросов и интересов граждан и этнических общностей, соотносимых с сохранением их культуры, традиций, языка в условиях единой страны и разного типа расселения. Наконец, сюда входят проблемы межэтнических отношений, включая возможные конфликты, а также методы их предотвращения и разрешения.

В последние 15 лет, начиная с этнополитического конфликта в Чечне, к этой сфере добавились вопросы вооруженного этнического сепаратизма, религиозного фундаментализма, терроризма, которые почти всегда в программе индоктринации задействуют этнический фактор. Этнический и расовый аспекты подразумевают и такие явления российской жизни, как ксенофобия и экстремизм, направленные главным образом против иностранцев, но также и против собственных граждан или недавних соотечественников — выходцев из регионов Южного Кавказа и Средней Азии.

В понятие национальной политики в ее традиционном понимании также входят разработка и реализация конституционно-правовых норм, деятельность специализированных институтов государственного управления разного уровня, государственные программы и проекты в области развития, сохранения культуры и языка, просвещение и информация, общественные движения и организации этнокультурного направления, мониторинг и прикладные научные исследования.

Особенности позднего советского периода этнополитики.

СССР был одним из самых крупных многоэтнических государств, в котором фактически все нерусские этнические общности (народы, нации или национальности) имели автономные образования разного уровня, так называемые национально-государственные образования. Известная «советская матрешка» (союзные и автономные республики, автономные области и округа, национальные сельские советы) возникла в первые десятилетия существования СССР и с некоторыми изменениями просуществовала до его распада. Эта система основывалась на территориальной и государственно-политической ориентации на этнический фактор. Что стояло за правовым понятием «территория своей национальной государственности», применявшимся внутри страны по отношению к гражданам той или иной

национальности? Советская национальная политика была не столько политикой государствообразования на основе гражданской общности, сколько политикой развития и сближения социалистических наций на основе формул интернационализма и дружбы народов. Эта во многом пропагандистская и умозрительная политика имела серьезные риски по части спонсирования не только «национальных форм», но и потенциального изоляционизма, сепаратизма и «антироссийскости».

В СССР ситуацию спасали жесткий идеологический диктат и репрессивный партийно-политический режим, а также идеология советского патриотизма и концепция советского народа. Последний был реальностью, но он не был «новым типом исторической общности людей». Советский народ представлял собой историческое продолжение российского (русского в широком смысле этого слова) народа, который существовал веками, несмотря на утрату части территорий государства в 1917 году и приобретение новых территорий в 1940-м.

После упразднения в 1923 году специализированного ведомства — Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР — весь комплекс проблем в данной области государственной и общественной жизни находился в компетенции партийных органов, Совета Национальностей Верховного Совета СССР, некоторых министерств (культуры и образования) и комитетов (теле- и радиовещания), а также правительств республик, автономных областей и округов. Любые проявления этнического национализма и просто радикальные взгляды и действия в области «национального вопроса» жестко контролировались и пресекались Комитетом госбезопасности. Так, среди политзаключенных позднего брежневского периода были и некоторые активисты крымскотатарского движения, украинские и грузинские националисты, которым обычно предъявлялись другие статьи обвинений.

Лишь при М. С. Горбачеве в 1987 году в аппарате ЦК КПСС был создан Отдел межнациональных отношений, который решал вопросы все более обострившихся отношений по линии «центр-периферия» и пытался урегулировать некоторые острые конфликтные ситуации в этнической сфере.

С эпохи либерализации политической системы (иначе ее называли перестройкой) начинается новейшая история национального вопроса в нашей стране. Отметим, что грандиозная геополитическая коллизия, произошедшая в период правления М. С. Горбачева, а именно распад СССР, только частично связана с национальным вопросом, а тем более — с его нерешенностью. Напомним, что советское наследие в данной области имело противоречивые результаты. Наряду с жестокими массовыми репрессиями, в том числе насильственными депортациями целых народов с мест их постоянного проживания, а также с централизаторско-ассимиляторскими тенденциями в пользу доминирующей русскоязычной культурной традиции в советской национальной политике наблюдались позитивные тенденции: поддержка и развитие малых культур и языков, продвижение в разные сферы жизни, включая органы управления,

представителей разных национальностей. В отличие от царской России, которую иногда называли «тюрьмой народов», Советский Союз стал своего рода «колыбелью» многих наций, которые в ходе так называемого национально-государственного строительства в 1920—1930-е годы консолидировались на разнородной кланово-племенной основе вокруг «собственной государственности» и которые уже в послевоенные десятилетия обрели все необходимые институты для «национального самоопределения вплоть до отделения» (экономика, конституции, представительные органы власти, профессиональная культура и наука, полная система образования и т. д.).

Ослабление политико-идеологического диктата центра, хозяйственная самостоятельность, открытие советского общества для внешнего мира и внешние воздействия не столько в пользу демократизации СССР, сколько в пользу его раздела по этнонациональным границам были однозначно «прочитаны» националистически настроенной интеллигенцией и республиканской бюрократией как возможность осуществления самоопределения через сецессию. Общим лозунгом всех этих программ была демократизация и децентрализация — цели, которые внешне совпадали с целями горбачевской реформы. Однако националистическая политика на периферии носила скрытый, поэтапный характер: хозяйственный расчет — суверенизация — новые договорные отношения — независимость. Эта поэтапность была полностью реализована из-за грубых ошибок центральной власти и конфликта властной элиты в самом центре. Сыграли свою роль и внешние факторы поддержки дезинтеграционных сил внутри СССР.

Период правления Горбачева начиная с середины 1980-х годов до 1991 года был отмечен некоторыми серьезными попытками улучшить ситуацию в области национальной политики, хотя тогда приоритетными для Кремля были реформы политической системы и экономики. К таким попыткам можно отнести проведение специального Пленума ЦК КПСС в 1989 году, посвященного вопросам межнациональных отношений, и обсуждение этих вопросов на XXVIII съезде КПСС в 1990 году. К разряду наиболее важных мер в области сохранения СССР как многонациональной федерации также можно отнести работу над новым союзным договором.

Но противники реформирования СССР, с одной стороны, и сторонники предельной суверенизации — с другой, не позволили перестроить структуру государства на новой, более демократической и прочной, чем этнофедерализм, основе. Как видно из изложенного, дефицит времени и компетенции, политические импровизации и личностные амбиции политиков возобладали в решении вопроса эпохально исторического значения.

Еще до распада СССР центральная власть столкнулась с острыми кризисами в некоторых союзных республиках, спровоцированными радикально-националистическими силами, а также с рядом кровавых этнических конфликтов, которые Кремль пытался решить в основном мирными способами. Не получили жесткого отпора первые проявления этнически мотивированных погромов и других форм на-

силы в Сумгаите, Фергане, Оше и в других местах. Ни Верховный Совет, ни сам Горбачев не смогли принудить к согласию враждующие стороны в Нагорно-Карабахском конфликте. Использование армии против массовых выступлений в Литве, Грузии и Азербайджане дало противоположные результаты — мобилизацию радикально-националистических сил и сторонников выхода союзных республик из состава СССР.

Антицентристская позиция руководства РСФСР и прямое противостояние Горбачева и Ельцина довершили дело распада государства. СССР распался на 15 государств, казалось бы, по так называемым «национальным образованиям», но национальное самоопределение было всего лишь одним из внушительных аргументов, за которым стояла более сложная действительность. Новые страны оказались многоэтническими сообществами и могли построить свою государственность только путем демократического решения уже собственных «национальных вопросов», которые в подавляющем большинстве случаев были переведены в разряд проблемы меньшинств.

В данной статье рассматриваются вопросы национальной политики и межэтнических отношений в Российской Федерации и не затрагиваются аналогичные проблемы устройства и политики многоэтнических сообществ, гражданских прав, сохранения культуры и языка русскоязычного населения в других постсоветских государствах.

Этнополитика России периода 1990-х годов.

В Российской Федерации после 1991 года начинается новый этап истории «национального вопроса». Этот период — президентство Б. Н. Ельцина — можно считать отличительным этапом по ряду причин. Во-первых, это было время сложного и ответственного формирования новой демократической государственности при сохранении исторической преемственности и учета опыта существования других крупных многоэтнических государств. Конституция 1993 года справилась с этой трудной задачей и успешно действует до сих пор. Некоторые важнейшие положения о российском народе как единственном суверене нового государства, о государственном устройстве и российском федерализме с учетом этнического фактора, равенстве граждан независимо от расы, национальности и религиозной принадлежности, государственной поддержке этнокультурного многообразия населения страны и другие положения имеют непреходящее значение для нашей страны.

Принятие Конституции РФ и оформление федеративного устройства, в том числе через систему Федеративного договора, заключенного в марте 1992 года, а также отдельных дополнительных соглашений с некоторыми республиками, лидеры и общественные движения которых желали большей децентрализации власти и больше полномочий в контроле над ресурсами, не позволили осуществиться второму раунду дезинтеграции страны — за счет дальнейшего распада уже Российской Федерации по логике этнотерриториального самоопределения. Однако стране не удалось избежать возникновения открытого очага вооруженного сепаратистского конфликта в

Чечне, где власть узурпировала националистическая вооруженная клика, которая объявила государственную независимость от России и совершила массовое изгнание нетитульного (преимущественно русского) населения из республики. Впрочем, история этого этнополитического конфликта заслуживает отдельного анализа.

При формировании нового правительства в 1991–1992 годах позитивную роль сыграл факт создания нового федерального ведомства, ответственного за национальную политику, — Государственного комитета по национальной политике, который позднее претерпел неоднократные трансформации по названию и содержанию своей деятельности. Но сам факт существования такого федерального ведомства до 2000 года, возглавлявшегося известными политиками и общественными деятелями, помогал решать многие проблемы и разрешать коллизии на уровне регионов, отдельных групп и общин. Данный институт взял на себя функцию внешнего представительства государства в некоторых вопросах имплементации международных деклараций и других документов по проблеме прав национальных меньшинств, противодействия расизму и ксенофобии, содействовал международному сотрудничеству этнически родственных народов и взаимодействию с российскими диаспорами. Государственный комитет по национальной политике совместно с МИД отвечал за сложную проблему российско-германского сотрудничества по проблемам российских немцев. В рамках этого сотрудничества, в частности, были созданы немецкие национальные районы — эксперимент, взятый из опыта первых лет советской власти. Выбранный после 2000 года вариант «министра без портфеля» также положительно воздействовал на область межэтнических отношений на протяжении нескольких лет вплоть до 2004 года.

Декабром 1994 года заканчивается этап трудного, но мирного переустройства многонационального государства, отмеченный двумя противоположными по духу событиями: подписанием нескольких соглашений о разделении полномочий между органами власти Российской Федерации и органами власти Республики Татарстан и началом военных действий на территории Чечни. Последнее событие существенно изменило положение в стране и образ России в мире. Более ранний вооруженный конфликт между осетинами и ингушами осенью 1992 года в Пригородном районе Северной Осетии не имел таких последствий, хотя также оставил глубокий след.

Исторический этап 1991–1994 годов в области национальной политики был отмечен рядом важных явлений и событий. До 1993 года активно действовал Верховный Совет России, его Палата национальностей и некоторые профильные комитеты, особенно Комитет по проблемам депортированных народов. В апреле 1991 года был принят важный Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», который имел большое морально-политическое значение, ибо признавал незаконными (преступными) массовые депортации целых народов накануне и в период Великой Отечественной войны. Закон также предусматривал не только политическую

реабилитацию, но и некоторые материальные компенсации пострадавшим гражданам и их потомкам.

Верховным Советом России были приняты некоторые другие законы, касающиеся статуса и границ этнотерриториальных автономий, что имело важные, но неоднозначные последствия для истории межэтнических отношений и общей ситуации в стране (выделение автономных округов в качестве самостоятельных субъектов Федерации, преобразование Адыгеи в республику, раздел Чечено-Ингушетии в условиях невозможности проведения соответствующих политико-правовых процедур и создание Ингушской Республики без четко определенной территориальной основы).

В те же годы в правительстве и профильных комитетах Верховного Совета России шла разработка новых законопроектов в области национальной политики, а также началась подготовка концептуального документа по национальной политике. Наряду с проектом Концепции государственной национальной политики в Российской Федерации были разработаны и начали внедряться со скромным финансированием специализированные государственные программы помощи финно-угорским народам, отдельным этническим движениям и творческим группам, массово-фольклорным мероприятиям и т. п. В первой половине 1990-х годов возникла общероссийская общественная организация «Ассамблея народов России» и «Сенежский форум», ставший авторитетной площадкой обсуждения проблем национальной политики.

Важным и заметным направлением в национальной политике с первых лет перестройки стала деятельность общественного движения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. К моменту распада СССР в стране проживали 26 официально признанных малочисленных народов общей численностью примерно 125 тыс. человек (по переписи 1989 г.). Эта категория населения проживает в специфических природных условиях тайги, тундры и арктических морских побережий, до сих пор сохраняя многие элементы традиционного хозяйствования (охота на пушного и морского зверя, рыболовство, оленеводство). В условиях активного промышленного освоения арктических и других регионов проживания аборигенов в мире при помощи международных инструментов и национального законодательства давно выработана система защитных мер этой специфической по своим хозяйственно-культурным запросам этнической группы. В СССР также многое делалось для защиты малых народов Севера, что, однако, не убергло их от серьезных социальных проблем.

Первый съезд народов Севера прошел в 1990 году в Кремле с участием М. С. Горбачева, на котором была образована Ассоциация народов Севера СССР (в 1993 г. зарегистрирована как Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ). Конституция РФ 1993 года гарантировала права коренных малочисленных народов в соответствии с международным правом и международными договорами России. С началом работы Верховного Совета России в профильном Комитете

по проблемам Севера и Дальнего Востока началась работа над соответствующим законом, который был принят только в 1999 году как Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». В 2000 году был принят еще один Федеральный закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», а через год — Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», которые вместе с разработанным законодательством по этой тематике на уровне ряда субъектов Федерации сегодня составляют серьезную систему защиты прав коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока.

Однако вернемся к проблеме вооруженного конфликта на Северном Кавказе, который можно считать началом отдельного этапа в истории «национального вопроса» в современной России, хотя военные действия в Чечне и не носили всеохватного характера. Почему январь 1995 года, особенно штурм города Грозного, стал рубежным в истории России с точки зрения межнациональных отношений? Потому что это был масштабный вооруженный конфликт, когда от имени чеченского народа вооруженными незаконными формированиями при прямой поддержке международных террористических сил был брошен открытый вызов всей России, включая другие народы Северного Кавказа. В Чечне не было соблюдено никакой правовой процедуры провозглашения независимости, да и Конституция РФ не предусматривает явочную сессию. Однако и со стороны государственной власти России не были проведены должные правовые процедуры, регулирующие масштабное применение силы внутри страны против собственных граждан. Вновь надменность силы и амбиции двух лидеров (Ельцина и Дудаева) привели к кровавой драме, в которой в результате проведения двух ее этапов погибли около 50 тыс. российских военных и гражданского населения, не менее половины которого были русские жители Грозного. Чеченская война — это тяжелое поражение российской национальной политики, несмотря на героические усилия, которые предпринимались некоторыми российскими политиками, военными, общественными деятелями по завершению этой войны. Вторая чеченская кампания, восстановление контроля федерального центра в этом субъекте Федерации, образование легитимных временных органов власти Чеченской Республики и проведение конституционного референдума произошли в 2000–2003 годах и связаны с первым сроком президентства В. В. Путина.

Следует отметить еще несколько важных моментов в истории национальной политики позднееельцинского периода. Это был период, когда продолжалась достаточно плодотворная законотворческая деятельность и наблюдалась общественная активность в сфере национальной политики. После принятия Государственной Думой в 1996 году разработанного правительством Федерального закона «О национально-культурной автономии (НКА)» открылась возможность для внутреннего и экстеррито-

риального самоопределения этнических общностей, особенно тех, кто имел дисперсный характер расселения или иммигрантское происхождение. По всей стране стали возникать НКА разного уровня — от федерального до местного — из числа представителей различных российских национальностей (украинцев, российских немцев, евреев, азербайджанцев, армян и т. д.). Это был важный процесс самоорганизации в форме общественных объединений представителей разных национальностей с целью поддержки и развития собственных культур, укрепления групповой идентичности, защиты от возможных дискриминационных проявлений, продвижения своих интересов и прав через властные структуры и другие механизмы. Сегодня НКА представляют важный компонент и институт гражданского общества, при помощи которого решаются многие вопросы межэтнических отношений и этнокультурного развития. Лидеры НКА представлены в общественных советах министерств и ведомств, Общественной палате РФ, они активно позиционируют себя в СМИ и на международной арене.

Другим важным моментом национальной политики второй половины 1990-х годов было принятие в 1996 году Концепции государственной национальной политики в Российской Федерации (далее — Концепция). Этот документ имел принципиальное для своего времени значение, ибо в нем впервые после распада СССР были сформулированы цели, направления и механизмы политики государства в сфере национального вопроса. Документ содержал инновационные моменты в трактовке таких базовых категорий, как «нация», «самоопределение», «соотношение индивидуальных прав и прав этнических групп (народов или национальностей)» и др. Цель национальной политики определялась как обеспечение прав и запросов граждан, связанных с их принадлежностью к той или иной этнической, конфессиональной, языковой традиции или общности. НКА определялась как форма внутреннего самоопределения российских национальностей наряду с формой этнотерриториальных автономий, каковыми были республики и автономные округа. Среди основных направлений национальной политики выделялись: обеспечение достойных условий социально-культурного существования; сохранение групповой идентичности; обеспечение справедливого доступа к ресурсам развития и управлению; этнокультурная деятельность по сохранению культуры и языка.

Концепция была одобрена всеми субъектами Российской Федерации, парламентом России, она до сих пор имеет статус действующего документа. Однако на новом этапе развития страны возникли новые проблемы и исторические вызовы, обнаружилось новые задачи и появились новые возможности, которые не были сформулированы в Концепции 1996 года. В частности, реальными стали угроза вооруженного сепаратизма, рост настроений ксенофобии и экстремизма среди части населения страны, которые вызывали напряженность в отношениях среди граждан и озабоченность власти в деле обеспечения национальной безопасности и сохранения

гражданской стабильности и солидарности в российском обществе.

Наконец, в конце 1990-х годов проявились некоторые глубинные недостатки в системе федеративного устройства и проводимой в ряде этнотерриториальных автономий (республик) внутренней политике в сфере межэтнических отношений. Используя некоторые конституционные положения и законы, принятые в республиках в начале 1990-х годов, административный ресурс и политические манипуляции, в ряде республик так называемые титульные нации стали правящими группами меньшинства над большинством населения и проявляли недостаточную заботу о положении и запросах нетитульного населения. Это привело, например, к существенному оттоку русского населения из ряда республик, особенно из Северного Кавказа. При использовании возможностей действовавшего Федерального закона РФ «Об образовании» и местных правовых актов в российских республиках наряду с позитивными процессами возрождения местных языков и традиций начался процесс принижения статуса русского языка, не создавались должные условия для языков малых групп меньшинства, которые имеются почти во всех республиках. В сфере массовой информации, образовательной системе, общественных и научных дебатах позиционировались узкоэтнические и зачастую антироссийские установки и ценности. Становилось ясно, что в повестку национальной политики должны быть включены задачи не только сохранения этнокультурной самобытности и утверждения этнического (этнонационального) самосознания, но и обеспечения общероссийской солидарности и патриотизма на основе понимания российского народа как гражданской многоэтнической нации.

Еще одним новым фактором национальной политики стало усиление возникшей в период первых открытых конфликтов в СССР и его распада массовой иммиграции в Россию нескольких миллионов бывших советских граждан. Первоначально это были главным образом люди русской национальности или в более широком смысле — русскоязычное население, которому не нашлось должного места и не были обеспечены жизненные перспективы, а иногда и элементарная безопасность в новых независимых государствах, где они проживали до распада СССР. Из более чем 25 млн русского населения бывшего СССР в Россию переехало около 4–5 млн, подавляющее большинство получили российское гражданство и успешно интегрировались на своей исторической Родине. Более серьезной проблемой стала иммиграция вынужденных беженцев и переселенцев из зон конфликтов или открытого или косвенного «выдавливания» отдельных групп нетитульного населения (армян из Азербайджана, азербайджанцев из Армении, осетин из Грузии, месхетинских турок из Узбекистана, представителей дагестанских и северокавказских народов из государств Средней Азии). Масштабное перемещение населения вызвали осетино-ингушский конфликт и чеченская война; помимо Чечни, русские фактически покинули Ингушетию, много русских уехало из Дагестана и других республик.

Однако наиболее серьезную проблему в сфере межэтнических отношений вызвала плохо контролируемая трудовая миграция коренных жителей новых независимых государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. В Россию в 1990-е годы переехало в целом около 7 млн человек, часть — на временной, сезонной основе, часть — с целью постоянного проживания. На первом этапе в основном это были украинцы, молдаване, жители государств Закавказья. Позднее в этом потоке стали преобладать мигранты из Средней Азии (таджики, узбеки, киргизы).

Массовая иммиграция в Россию вызвала напряженность на рынке труда и конфликты в социально-бытовой сфере, чем воспользовались ультрарадикальные элементы и даже некоторые политические партии и общественные организации для разжигания чувства ненависти к мигрантам и провоцирования насилия. На антииммиграционных настроениях окрепли и распространились, особенно в молодежной среде, ультранационалистические и неонацистские группы и отдельные активисты, использовавшие разные средства мобилизации — от Интернета до организации так называемых «русских маршей». Одновременно неконтролируемая миграция вызвала повышение уровня преступности, связанное с наркооборотом, торговлей людьми, производством контрафактной продукции, неуплатой налогов и т. д.

Миграционный фактор стал одним из конфликтогенных в сфере национальной политики в начале 2000-х годов. В маленьком карельском городе Кондопога произошло массовое столкновение между местным населением и мигрантами из региона Кавказа, которое сопровождалось убийствами и погромом. В этот период в стране в целом от рук ультра-националистов и расистов погибло более сотни человек. Это тоже требовало соответствующей реакции со стороны властей и общества с учетом того, что иммиграция из стран бывшего СССР, особенно в форме организованных переселений соотечественников, являлась важным фактором в решении демографических проблем страны и развитии российской экономики. После принятия в 2001 году нового закона «О гражданстве РФ» с некоторыми последующими поправками, а также реформирования федеральной миграционной службы и обновления содержания миграционной политики ситуация в этой области стала улучшаться. Сокращению иммиграции также способствовал мировой финансовый кризис 2009 года.

Особенности российской этнополитики начала XXI века.

Реформы в сфере национальной политики на новом историческом этапе начались с инициативы президента В. В. Путина привести в соответствие с федеральной Конституцией конституционно-правовые акты субъектов Российской Федерации, прежде всего республиканские базовые правовые нормы, которые еще сохраняли положения эпохи «неограниченного суверенитета» и слабые гарантии прав человека нетитульной национальности. Для решения этой масштабной задачи в 2000 году была введена система

семи федеральных округов во главе с полномочными представителями президента России и сетью федеральных инспекторов непосредственно в субъектах Федерации. На протяжении ряда лет эта работа была выполнена путем внесения поправок в республиканские конституции и законы, а также через другие механизмы. Федеральные округа сохраняются в системе государственно-административного устройства страны. В январе 2010 года из Южного федерального округа был выделен Северо-Кавказский федеральный округ с центром в г. Пятигорске.

Важный шаг в сфере этнотерриториального устройства страны — начало процесса укрупнения субъектов Федерации за счет слияния автономных национальных округов с более крупными областями и краями, куда они и входили в советское время. Эта мера была продиктована прежде всего экономическими факторами, а именно необходимостью объединения ресурсов территорий для более успешного развития и улучшения социальных условий жизни населения. Этот шаг также имел целью уменьшить чрезмерно большое число субъектов Федерации и, следовательно, повысить эффективность управления. Менее всего процесс укрупнения субъектов преследовал цель лишить проживающие в автономных округах малочисленные народы атрибутов самоопределения, поддержки их традиционного хозяйства и культурно-языкового развития. Однако в ряде округов и некоторыми общественными активистами малочисленных народов, в частности бурятскими общественными лидерами, этот процесс был воспринят именно таким образом. Еще более болезненной и открыто конфронтационной была реакция со стороны адыгской общественности на возможное возвращение республики в состав Краснодарского края. Всего на 2010 год было упразднено шесть автономных округов, общее число субъектов Федерации составило 83, из них 21 республика, одна автономная область и четыре автономных округа.

В русле оптимизации государственно-административной структуры и повышения эффективности управления была изменена система выборов глав субъектов Федерации, включая президентов российских республик, которые до этого избирались на прямых выборах, а с 2004 года стали утверждаться президентом страны по представлению региональных законодательных органов. Следует отметить, что отмена прямых выборов подвергалась критике и пока не решила одну из важнейших задач — устранение клановости и коррупции региональных властей. Для российских республик вопрос качественного и эффективного управления на основе демократических, открытых принципов остается одним из наиболее труднорешаемых.

В доктринальном плане принципиально новые подходы в области национальной политики были сформулированы в сделанных по поручению Президента России В. В. Путина предложениях по корректировке действующей Концепции государственной национальной политики. Но они не были приняты, возможно, по причине ортодоксально-правового подхода руководителей государственно-правового управления Администрации Президен-

та России. Однако и без обновления Концепции в ряде ежегодных посланий Президента Федеральному собранию и официальных выступлений президента в последние годы было заявлено о новом понимании российской нации и возможности достижения национального единства при сохранении этнического и религиозного разнообразия населения страны. В 2004 году В. В. Путин заявил следующее: «Мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом. Мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство». В 2008 году Д. А. Медведев сказал: «Само историческое развитие российской нации в немалой степени основывалось на богатстве и сохранении этнокультурной и поликонфессиональной среды... Благодаря этому единство российской нации выдержало многие испытания. И в наши дни является важным фактором преодоления экстремистских настроений, национализма и религиозной нетерпимости».

Эти фундаментальные положения о необходимости осуществления в России формулы «единства в многообразии» не только отвечают насущной потребности обеспечения гражданского согласия в крупном государстве. Это и единственная реализуемая формула устройства многоэтнической страны. Новая идеология гражданского нацистроительства ни в коей мере не означает отрицания или растворения российских национальностей (наций в этническом

смысле слова) в некоей монокультурной общности под названием «российская нация». Последняя есть прежде всего форма надэтнической гражданской идентичности россиян, которые по историческому и культурному наследию, современной лояльности и патриотизму являются представителями одного российского народа, многообразного, но единого. Россия — это нация наций, поэтому суть современной национальной политики становится двуединой: с одной стороны, это обеспечение национальных интересов российского народа внутри страны и на международной арене, в том числе при помощи национальных проектов, модернизационного развития экономики, системы национального образования; с другой стороны, это сохранение и поддержка историко-культурного и религиозного разнообразия проживающих в России представителей разных национальностей и религий. Одно не исключает другого, а, наоборот, становится возможным только в сложном единстве и при эффективном, демократическом управлении.

Национальный вопрос и национальная политика в нашей стране за последнюю четверть века прошли весьма непростой и полный неожиданных поворотов путь. Тот бесспорный факт, что Россия с эпохи либеральных реформ второй половины 1980-х годов и до 2010 года развивалась в позитивном направлении, сохраняя и укрепляя свое единство в многообразии, свидетельствует о том, что в целом эта политика была успешной, несмотря на драмы, ошибки и сохраняющиеся проблемы.

Мустафа Тлили¹

ЕВРОПА И ИСЛАМ

В сценарии, представленном американским философом Фрэнсисом Фукуямой, окончание холодной войны должно было стать провозвестником блаженного конца истории². Вместо этого, как мы знаем, интеллектуальная арена, на которой некогда главенствовал идеологический спор коммунизма с западным либерализмом, стала свидетелем возникновения категорий культуры — религии, расы, цивилизации и идентичности, которые по меньшей мере оказались столь же смертоносными и вызывающими раздоры, сколь и категории идеологические.

Террористические акты 11 сентября 2001 года обеспечили идеальную возможность людям, которые в Соединенных Штатах и Европе занимались поисками нового жупела, лишний раз утвердить превосходство Запада. Так мы вошли в век «глобальной войны с террором», а история возобновила цикл насыления к вящему удовольствию группы консервативных интеллектуалов, чьи взгляды восходят к Макиавел-

ли. С таким же успехом Ирак предоставил шанс для военно-промышленных влиятельных кругов. А в свете нынешней ситуации в Афганистане «зеленая угроза» оправдалась не в меньшей, если не в большей степени, чем «красная».

Попытки изображать ислам в виде нового врага принимают все более спорные формы, и среди них не последнее место занимают попытки отдельных авторов, включая и некоторых ученых, исключить ислам из западного исторического нарратива. Важно показать, насколько бессодержательными на самом деле являются выдвигаемые при этом аргументы. Если принять, что Европа — родина Запада, то следует рассматривать общую историю, идентичность и судьбу Европы и ислама.

Хотя любая страна в Европе обладает собственными характерными историческими чертами, ее национальная идентичность не может быть совершенно отделена от идентичности европейской. А европейская идентичность не может быть отделена от вековой связи с исламом.

История учит, что христианство существовало задолго до того, как оформилась европейская идентичность. На протяжении более семи веков христианство

¹ Основатель и директор Центра диалогов Нью-Йоркского университета. Дипломат. Автор книг: «Le Bruit dort», «For Nelson Mandela», «La montagne du lion: roman», «Lion mountain», «La rage aux tripes: [roman]», «Un après-midi dans le désert: roman» и др.

² New York: Harper Perennial, 1992.

непрерывно взаимодействовало с мусульманским миром. И это взаимодействие, порой мирное, порой насильственное, положило начало непрерывной цепи материальных, интеллектуальных, коммерческих и культурных обменов, которые в глубине своей сформировали христианскую и мусульманскую ментальность. Андалузский период, столь хорошо описанный Марией Розой Менокал в книге «Орнамент мира: как мусульмане, евреи и христиане создали культуру терпимости в средневековой Испании», без сомнения, представляет собой лучшую иллюстрацию плодотворности этого многомерного и многогранного взаимодействия¹. В ходе этого процесса выковывалась европейская идентичность, сначала на уровне полиэтнических империй, затем постепенно выростала до уровня современных наций. Когда на Западе вспоминают об этом историческом периоде, то зачастую просто ссылаются на отдельные сражения — от битвы при Пуатье до Константинополя — или, в более широком контексте, на войны, такие как Крестовые походы или Реконкиста. При этом часто опускается тот факт, что и в Андалузии, и на Святой Земле между сражениями были длительные периоды, в течение которых люди общались, обменивались идеями, влюблялись, женились — все в атмосфере, исключительно доброжелательной к исламу (не только в военном отношении, но и в гражданском контексте). Можно уверенно утверждать, что средневековая европейская идентичность, а позднее идентичность европейских наций, была вскормлена достижениями ислама в философии, науке и искусстве.

Весьма показательно то, что в XII веке в городах Испании, отвоеванных католиками у мусульман, взялись за трудную задачу перевода на латынь созданных на арабском языке шедевров. Эти труды послужили источником некоторых богословских споров, будораживших Сорбонну и Оксфорд в последующие столетия.

Сегодня ученые все больше осознают ту фундаментальную роль, которую мусульманский мир, главным образом арабский, сыграл в становлении того, что ныне большинство людей именует «западной цивилизацией». Эта роль не ограничивается, как иногда полагают, сохранением наследия древнегреческих мыслителей на протяжении европейских «темных веков», но, скорее, включает серьезный вклад мусульманских математиков, астрономов, врачей, художников, архитекторов и философов. Их деятельность развивалась в тесном сотрудничестве с христианскими и иудейскими мыслителями как в средневековой Европе, так и в Северной Африке и в арабском мире — трех регионах, связанных с мусульманской Испанией Аль-Андалуса (а также в меньшей степени с отдельными местами в Италии). Совместными усилиями они способствовали формированию культурной идентичности, которую мы сегодня знаем как «европейскую» или, в более широком смысле, как «западную».

К концу Средневековья расстановка сил между погруженным во внутренний мир исламом и разви-

вающейся Европой начала смещаться в сторону последней. Центры интеллектуальной и культурной деятельности перемещались в европейские города, которые сбрасывали феодальные узы и обретали новую для себя свободу. По иронии судьбы победное шествие нового мирового порядка привело к странной исторической амнезии: исламская история Европы оказалась напрочь забытой.

То, что в наши дни очень немногие европейские студенты могут рассуждать об Аль-Фараби, Ибн Сине (Авиценне), Ибн Рушде (Аверроэсе), Ал-Хорезми или Ибн Ал-Хайсаме, не случайно. Подобное «упущение» можно объяснить тем, что европейские страны — Испания, Франция, Италия и Англия — отказались от культурного наследия, которому они обязаны своим рождением, в пользу мифической истории о непрерывной исторической преемственности между Древней Грецией и современной Европой. Этот миф укрепляется за счет сосредоточенности на конфликтах в отношениях между Западом и исламом, например, на усиленном внимании к военным столкновениям, как выигранным, так и проигранным, и таким образом превращает ислам из незаменимого друга, которым он столь долго был, в наследственного врага.

В европейском подосознании и сегодня устойчиво сохраняется это неприятие мусульманского наследия, несмотря на обилие исторических фактов, подтверждающих влияние ислама на европейскую идентичность.

К счастью, после трагедии 11 сентября мы стали свидетелями зарождения интереса среди историков к общей идентичности, которая связывает ислам и Европу, при этом более глубокого, чем это отражено в упрощенной теории «столкновения цивилизаций», состряпанной Сэмюэлем Хантингтоном. В дополнение к «Орнаменту мира» профессора Менокал стоит упомянуть еще три книги: «Потерянная история: бессмертное наследие мусульманских ученых, мыслителей и художников» Майкла Гамильтона Моргана², «Горнило Бога: ислам и становление Европы в 570–1215 гг.» Дэвида Леверинга Льюиса³ и «Исламская наука и становление европейского Ренессанса» Джорджа Салиба⁴. Эти четыре книги представляют собой блистательный вызов вопиющему невежеству теории «столкновения цивилизаций», развитой неоконсерваторами, чтобы оправдать свою политическую и милитаристскую программу по завершении холодной войны.

Но Хантингтон не единственный виновник. Стремление к отрицанию мусульманского вклада в европейскую идентичность прослеживается и в других книгах. Например, в такой как «Аристотель на горе Сен-Мишель: греческие корни европейского христианства» профессора Лионского университета Сильвена Гугенхайма, который утверждает, что мусульманские ученые не могли усвоить греческий рационализм и передать его наследие Европе из-за творческой неспособности ислама, вызванной его беспрекословным подчинением божественной

² Morgan M. H. *Lost History: The Enduring Legacy of Muslim Scientists, Thinkers and Artists*. Washington, 2008.

³ Lewis D. L. *God's Crucible: Islam and the Making of Europe*. N. Y., 2008.

⁴ Saliba G. *Islamic Science and the Making of the European Renaissance*. Cambridge, 2007.

¹ Menocal M. R. *The Ornament of the World: How Muslims, Jews, and Christians Created a Culture of Tolerance in Medieval Spain*. N. Y., 2003.

воле¹. По Гуггенхайму, Ренессанс обязан своим зарождением монахам нормандской крепости Сен-Мишель — тому месту, что ныне стало частью Нормандии. Вопреки общепризнанным историческим свидетельствам, он полагает, что именно монахи крепости Сен-Мишель восстановили для Запада утраченный массив текстов классической античности и задолго до арабских ученых усвоили Аристотеля, Платона, Птолемея и Евклида. Этот исторический спор чрезвычайно важен, поскольку он разоблачает неверное представление о том, что мусульманские сообщества являются чем-то чужеродным для Запада или же представляют собой феномен XX столетия.

Если принять во внимание степень предубеждения против ислама, как сегодняшнего, так и исторического, то движемся ли мы в направлении неизбежной глобальной конфронтации? Ответ на этот вопрос крайне важен, и найти его в наших силах. Ислам — неотъемлемая часть Запада; его нельзя просто так «сделать изгнанником». Только в Европейском Союзе проживает 20–25 млн мусульман. Многие из них родились в Европе или живут здесь уже десятилетиями, хотя, как показывают недавние исследования, их воспринимают как нечто отдельное от национальных сообществ, частью которых они являются. Европейские мусульмане вносят значительный вклад в экономическое благополучие и культуру континента; они представляют собой важный ресурс для Европы в условиях сегодняшней глобализованной экономики. И завтра Европа будет нуждаться в мусульманах даже в большей степени, чтобы поддерживать численность населения и удовлетворять растущий спрос на труд.

Часто замечают, что европейские мусульманские сообщества не сумели «интегрироваться», хотя никакой стандарт успешной интеграции так и не выработан ни правительствами, ни общественными науками, ни средствами массовой информации. Не на-

стало ли для Европы время предложить своему мусульманскому населению четкое определение прав и обязанностей, а также личных свобод каждого гражданина? На некоторых, подобных этому, форумах я уже призывал правительства, культурные объединения, работодателей, образовательные учреждения, религиозных деятелей и иных разработать «новый гражданский пакт», который лишней раз подтвердил бы право европейских мусульман на сохранение своей системы ценностей в полном согласии с гражданской культурой и правовой системой их новой отчизны. Соединенные Штаты Америки достигли успеха в том, что сумели объединить иммигрантские слои населения в общество на основе гражданства. Европе следует обратиться к этой модели, чтобы избежать опасности отчуждения и радикализации своих мусульманских сообществ.

Процесс этот не будет легким. Пропасть между мусульманами и немусульманским большинством в Европе может объясняться многими политическими, экономическими и социальными причинами, а также историческими противоречиями, которые трудно разрешить. Для одних ислам всегда был целью европейской агрессии, для других Европа всегда была целью исламской агрессии. Оба подхода игнорируют семь столетий, когда судьбы Европы и ислама были неразделимы. Признание этого периода продуктивного сосуществования не только восполнило бы огромный исторический пробел, но и заложило бы основу для общего чувства европейской идентичности.

Если нам это удастся, европейские мусульмане, возможно, станут образцом для более обширного мусульманского мира, который борется за то, чтобы установить равновесие между верой, традицией и современностью. И это, быть может, в свою очередь приведет к более мирным и продуктивным отношениям между Западом и мусульманским миром. Я верю, что мы сумеем воплотить эту мечту в реальность.

П. П. Толочко²

О ПРОБЛЕМЕ ВНУТРИКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

На Лихачевских чтениях 2009 года я выступил с докладом «Диалог или монолог культур и цивилиза-

¹ *Guggenheim S. Aristotle at Mount Saint-Michel: Greek Roots of European Christianity. P., 2008.*

² Академик Национальной академии наук Украины, директор Института археологии НАН Украины, доктор исторических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 25 книг: «Исторична топографія стародавнього Києва» («Историческая топография древнего Киева»), «Древний Киев», «Древнерусский феодальный город», «Історичні портрети» («Исторические портреты»), «Літописи Київської Русі» («Летописи Киевской Руси»), «Володимир Святий — Ярослав Мудрий» («Владимир Святой — Ярослав Мудрый»), «Від Русі до України» («От Руси к Украине»), «Древнерусская народность: воображаемая или реальная» и др.

Председатель Украинского общества охраны памятников истории и культуры, член Академии Европы (Лондон), член-корреспондент Центрального немецкого института археологии, член Международного союза славянской археологии. Лауреат Государственной премии УССР в сфере науки и техники, Государственной премии Украины, премии НАН Украины им. М. С. Грушевского.

ций», в котором пришел к выводу, что на всех этапах истории человечества культурное развитие было похоже на монолог, а если и диалог, то отнюдь не равноправный, а часто и не мирный. Разумеется, это не означало, что не было взаимовлияний и взаимообогащений, но все в конечном счете сводилось к экспансии одной культурной традиции по отношению к другой. В этих столкновениях далеко не всегда выживала объективно более развитая культура, чаще та, носители которой обладали большими военными и людскими ресурсами.

Казалось бы, процессы, характеризующие межкультурные отношения, не должны иметь места во внутрикультурном развитии. Однако, оказывается, что динамическая ситуация и здесь принципиально не отличается от межкультурной. Фактически нигде в мире нет политических сообществ (государств), которые бы представляли собой монокультурные

образования, не отягченные внутренними противоречиями. Чаще всего они состоят из нескольких субкультурных общностей, оспаривающих одна у другой право на высшую истину.

Примеров сказанному в мировой истории немало. Среди них и украинский, демонстрирующий всю противоречивость процессов становления нашей суверенной государственности и национальной общности. Даже и после двадцатилетнего независимого существования говорить о единой духовно-культурной идентичности украинского народа невозможно. Фактически он продолжает быть разделенным на три основных субэтнуса: центрально-северо-украинский, западно-украинский и юго-восточно-украинский¹. Сформировались они исторически и в условиях длительного раздельного существования обрели весьма заметные отличия. Причем не только культурно-исторические, но и ментальные.

Центрально-северо-украинский субэтнос со времен Переяславской Рады (1654) развивался на православно-культурной и духовной традиции в тесном единении с этнически родственным русским народом. Историческим мифом для этого региона является героика казачьего прошлого, с которым ассоциируется в народе защита его национальной и вероисповедальной идентичности. Стержневым событием в этой борьбе является Национально-освободительная война украинского народа под водительством Богдана Хмельницкого.

Западно-украинский субэтнос, начало формирования которого положила Брестская уния (1596), был интегрирован в западно-католический цивилизационный мир и вплоть до Второй мировой войны пребывал в составе различных европейских государств: Речи Посполитой, Польши, Австро-Венгрии и др. Содержанием его национально-патриотического мифа является убеждение в своем мессианстве, в исключительных заслугах по сохранению чистоты украинской нации и достижению ее государственной независимости. Одним из главных символов этого мифа является националистическое движение сопротивления времен Второй мировой войны.

Третий субэтнос, проживающий преимущественно на юге и востоке страны, своим образованием в качестве украинского целиком обязан территориальному формированию Украины советского времени. Согласно правительственным декретам в ее состав были включены земли, преимущественно заселенные русскими — Донбасс, Новороссия, Крым. Историческим мифом здесь выступает память об освоении этого края Российской империей в конце XVIII — первой половине XIX века, а также убеждение в том, что он является естественной частью русского мира. Свидетельством того, что он живет в ментальности нынешних насельников региона, является наличие здесь политических партий, в названиях которых присутствует определение «русские», а также движений за восстановление (или сохранение) символов российского имперского прошлого, коими явля-

ются, в частности, памятники Екатерине II, Потемкину, Ришелье и др.

Если сравнивать степень взаимной культурно-исторической близости, то большей она, несомненно, окажется между центрально-украинским и юго-восточно-украинским субэтнсами. И не только потому, что их формирование происходило в сходных исторических условиях, но и потому, что они в большей мере, чем западно-украинский субэтнос, сохранили память о своем едином киеворусском прошлом. Об этом свидетельствуют в том числе и памятники князьям — Святославу, Владимиру Святому, Ярославу Мудрому и другие, установленные в Киеве, Чернигове, Переяславе, Новгород-Северске, Запорожье, Харькове, Севастополе. Ничего подобного в западноукраинском регионе, конечно, нет. Там глубина исторической памяти не простирается дальше так называемой Галицко-Волинской державы второй половины XIII века и Даниила Галицкого, который именуется не князем, но королем.

Можно было ожидать, что объединенные в собственном и независимом государстве вышеназванные субкультурные образования обнаружат тенденции к консолидации. Но этого не произошло. Принципиально никто не против политической и культурной интеграции, но каждая сторона хотела бы, чтобы свершилась она на основе ее культурных традиций. Это не всегда декларируется, но неизменно присутствует в региональных поведенческих стереотипах.

Наиболее пассионарным является западноукраинский (галицкий) субэтнос, позже других осознавший свою украинскость, но почему-то только себе присвоивший право считаться единственным носителем и выразителем высшей украинской истины. Он знает, что такое украинский патриотизм, какой должна быть Украина, а какой не должна — ни при каких обстоятельствах, куда ей необходимо интегрироваться, на каком языке разговаривать и даже думать. С приходом к власти националистов улицы и площади городов Украины украсились в том числе и лозунгами «Любите Украину», «Я горд, что родился украинцем», «Думай по-украински!»

Не меньшая этнорегиональная агрессивность была внесена и в сферу образования. По существу, за «оранжевое» пятилетие предпринята попытка тотальной замены центральной и восточноукраинской культурно-исторической традиции единой западноукраинской. В качестве более приемлемой альтернативы отрекомендована история Западной Украины, общая с европейскими соседями, что нашло отражение в учебниках истории для средней и высшей школы. Общая история Украины с Россией на всем ее протяжении объявлена не нашей и предана анафеме.

Стоит ли доказывать, что столь агрессивное утверждение своей истины одним из субэтносов невозможно без отрицания таких же истин других. Центрально-северо-украинский субэтнос объявлен русифицированным, а русско-украинский — юго-восточный и вовсе обозван пятой колонной России. Причем родимым грехом обоих западноукраинские этноидеологи считают их приверженность к русской культуре. При этом совершенно не считаются с тем,

¹ В Украине имеются и другие этнокультурные сообщества, но поскольку они принадлежат к иным культурным традициям, их анализ в данной статье не предусмотрен.

что по меньшей мере для 8,5 млн украинских граждан она является родной по рождению, а для остальных русскоязычных — родной по ее созиданию.

По грамматике украинца Мелетия Смотрицкого московские студенты учились вплоть до конца XVIII века. В Ростове Великом жил и творил киевлянин Дмитрий Ростовский (Туптало). В Славяно-греко-латинской академии в Москве в течение XVIII века преподавали около ста профессоров из Киево-Могилянской академии. Киевлянин Феофан Прокопович был идеологом формирования Российской империи, а также инициатором основания Императорской академии наук в Петербурге. Многие выходцы из Украины стали выдающимися русскими музыкантами (М. Березовский, Д. Бортнянский, С. Гулак-Артемовский), художниками (Д. Левицкий, В. Боровиковский, И. Мартос), историками (Д. Бантыш-Каменский, Ю. Венелин, Д. Бодянский), литераторами (Н. Гоголь, В. Короленко). Процесс интеграции украинских интеллектуалов в русскую культуру продолжался и в советское время (Н. Островский, К. Паустовский, И. Козловский, С. Бондарчук и др.).

Следовательно, украинцы имеют все основания утверждать, что являются сотворцами великой русской культуры. Только полной потерей чувства реальности и ответственности перед памятью своих же соотечественников можно объяснить объявление русского языка (и литературы) в Украине иностранным. По существу, в годы правления националистов его вообще лишили прав гражданства, запретив употребление в сфере образования и культуры целым рядом актов исполнительной власти. По своему содержанию они оказались намного более жесткими, чем печально известный Валуевский указ. Его языковые ограничения относились только к общественно-политической литературе, тогда как акты «оранжевой» власти запрещали пользование русским языком в сфере культуры, образования и даже быта.

Конечно, будь русский язык для украинцев чужим, колониально-имперским, как уверяют националисты, в таком тотальном на него наступлении не было бы никакой необходимости. Он ушел бы из суверенной украинской жизни естественным образом. А не происходит этого потому, что для большинства населения страны он такой же родной, как и украинский. И никакие запретительные меры не в состоянии изменить такое его положение.

Поразительно, но борьба с русским языком продолжилась в Украине и борьбой с литературным украинским. Он объявлен этноидеологами не вполне украинским, русифицированным, не выражающим лингвистической полноты западноукраинского и диаспорно-украинского диалектов. Исправлять ситуацию принялись через коренное реформирование правописания, которое было принято еще в советское время и уже поэтому будто бы является не вполне национальным. Заменить его новым не удалось, но внести в литературный язык орфографическую и лексическую неразбериху — вполне получилось. Теперь в Украине фактически два литературных языка: традиционный — центрально-украинский, развив-

шийся на киево-полтавском диалекте, и новый — западноукраинский, основанный на галицком диалекте. Удивительно, но это никого особо и не волнует.

Еще одной сферой субкультурного противостояния является вероисповедальная. Придавать этому явлению слишком большое значение, учитывая его секулярность большей части украинского общества, возможно и не следует, однако и абстрагироваться от него тоже нельзя. Со времен Брестской унии на Украине было положено начало не только вероисповедальному, но и цивилизационному разлому, в результате которого жители Западной Украины, исповедовавшие со времен Владимира Святого православие, были обращены в католицизм. Ныне Украинская грекокатолическая церковь, находящаяся в каноническом и административном единстве с римским престолом, из региональной превратилась во всеукраинскую. Ее сакральный центр перенесен из Львова в Киев.

Учитывая историческую соревновательность православия и католицизма, такое стремительное продвижение последнего на традиционную каноническую территорию первого не может не вызывать противоречий в украинском обществе. Тем более что «оранжевыми» этноидеологами подводится под это распространение и научная основа. Она будто бы в большей привлекательности католической веры, демонстрирующей свои преимущества в том числе и экономической успешностью западного мира. Некоторые даже сожалеют, что Владимир Святославич не принял христианство от Рима, а то Украина уже была бы частью западного мира.

К сожалению, вирус регионализации поразил и Украинскую православную церковь, от которой откололись в суверенное время две конфессии. Они не признаны вселенским православием, но агрессивно позиционируют себя как единственно национальные. От высших иерархов этих конфессий нередко можно услышать весьма сомнительные призывы к созданию в независимой Украине единой самостоятельной православной церкви, которую они именуют то национальной, то поместной. Правда, самостоятельность эта понимается ими весьма своеобразно. Только по отношению к Русской православной церкви. А вот быть зависимыми, к примеру, от Константинопольской они не против. И даже предпринимали конкретные шаги в этом направлении. Много на этом поприще потрудились и бывший президент В. А. Ющенко, правда, без особого успеха. Его настойчивые просьбы к Константинопольскому патриарху Варфоломею взять под свой омофор Украинскую православную церковь остались без ответа.

Не удивительно, что в условиях столь конфронтационного противостояния христианские конфессии оказались неспособными ни консолидировать украинское общество, ни предложить ему единые этические нормы общежития и смыслообразующие истины.

В принципе субкультурная соревновательность не должна вызывать особого беспокойства. Это естественный процесс, характерный для всех времен и народов. Но это тогда, когда он не осложняется ад-

министративными предпочтениями, когда власть не подавляет другие субкультуры в угоду одной, по ее мнению, истинно украинской. Так как это имело место в «оранжевое» пятилетие. В таких условиях мирное сосуществование становится невозможным. Ведь за традиционными субкультурными явлениями стоят конкретные сообщества, которые не готовы расстаться со своими ценностями. Жесткая конфронтация между ними неизбежна. Что мы и наблюдаем в нынешней Украине. Объективно процессы, подчиненные исключительно идее монокультурной чистоты украинской жизни, несмотря на, казалось бы, патриотические помыслы их вдохновителей, ведут к ее обеднению и примитивизации. По существу, ослабляют созидательные силы общества, делают его неконкурентоспособным в современном мире.

Имеются ли возможности для консолидации поликультурного украинского общества? На том пути, по которому до сих пор шла независимая Украина, достичь этого практически невозможно. Нужно принципиально иное отношение к историческому прошлому, а равно и к организации общественной жизни страны в настоящем.

Первое, что необходимо сделать, это вернуть украинскому народу историческое достоинство, отобранное у него «оранжевыми» этноидеологами. Он не был народом-жертвой, но полноценным субъектом исторического процесса, в том числе и государственно-политического в России и Советском Союзе. Напомню, что правой рукой императрицы Елизаветы Петровны был украинец Алексей Разумовский. Его брат Кирилл почти два десятилетия возглавлял Петербургскую академию наук. Сын Кирилла Алексей Разумовский стал сенатором и министром образования России. Князь Александр Безбородько занимал должность канцлера в правительстве Павла I и Александра I. Князь В. Кочубей был председателем Государственного Совета и Комитета министров при Николае I... В советское время выходцы с Украины были не только вторыми, но и первыми руководителями страны — Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев.

Как же можно, зная все это, говорить о каком-то колониальном статусе Украины в имперское и советское время? Какая еще колония может похвастаться тем, что ее выходцы становились королями метрополий? Если какая-то часть Украины и была колонией, так это Западная, историю которой сегодня нам ставят в пример.

Чрезвычайно важно также отказаться от культивирования в народе чувства исторической безответственности. Это очень плохая услуга. Ведь, не взяв на себя ответственности ни за одно событие в прошлой истории, общей с другими народами, он не сможет быть ответственным и за то, что происходит в настоящем. По существу, этот комплекс мы испытываем все 20 лет нашей суверенности. В своих нынешних неудачах виним кого угодно, только не себя. И до тех пор, пока мы будем позиционировать себя как народ-жертву, народ-страдалец, народ, который не несет ответственности за прошлое, рассчитывать на успешность в будущем нам не приходится.

И, может быть, самое главное. Нам следует, наконец, понять, что историческое прошлое невозможно рассматривать исключительно через украинскую этническую призму. Поиск украинца в его нынешней культурно-языковой ипостаси в далекой глубине веков — занятие не только научно несостоятельное, но и идеологически небезопасное. Оно как бы выводит украинцев за пределы исторических закономерностей этно- и культурогенеза, ставит их в положение народа избранного, существовавшего всегда.

В заключение следует сказать, что государственно-политическая форма, в которую облеклась Украина после обретения независимости, не отвечает ее субэтнической и субкультурной разноликости. Унитарность в специфической украинской форме, когда центром страны на очередные пять лет становится один из регионов, никогда не решит внутренних противоречий. Мировая практика давно придумала федеративную форму государства — политическую и административно-территориальную, которая одна только и способна сбалансировать региональные и общенациональные интересы.

Рольф Торштендаль¹

ГЛОБАЛЬНАЯ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Основной вопрос нашей конференции звучит так: существует ли уже глобальная культура, и при каких обстоятельствах можно говорить о глобализации культуры?

¹ Член Европейской, Шведской и Норвежской академий. Профессор Уппсальского университета (Швеция), историк. Автор книг: «Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века», «Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период», «Bureaucratism in Northwestern Europe», «Assessment of twentieth-century historiography. Professionalism, methodologies, writings», статей по проблемам истории, опубликованных в российских научных изданиях. Иностраный член Уральского отделения РАН. Почетный доктор Российского государственного гуманитарного университета.

Как мне представляется, в отдельных областях, несомненно, уже существует глобальная культура. Эти области связаны с огромной сферой, которую можно назвать экономической культурой и которая включает гораздо более важные вопросы, чем уровень зарплаты, покупка и продажа товаров и услуг, получение займов и предоставление ссуд. Экономическая культура в широком смысле в немалой степени охватывает и требования ко всем видам транзакций в торговле и банковской сфере, а также к организации долевой заинтересованности (с экономическими последствиями) между наемными работниками и их нанимателями, к компаниям-производителям и компаниям-поставщикам и т. д. Требования важные,

и они должны опираться на поддержку властей. Таким образом, международные организации, такие как Всемирная торговая организация и Международный валютный фонд, стремятся принудить государства к соблюдению единых требований, и того же следует ожидать от самих государств в отношении организаций (компаний, профсоюзов или союзов предпринимателей), а также в отношении отдельных субъектов экономики.

Когда обществоведы и журналисты обнаружили эту последовательность требований в рамках единой мировой системы правил, они провозгласили эру «глобальной культуры». Трудно игнорировать эти требования или демонстрировать неподчинение им. Международная система имеет в своем распоряжении три типа санкций, которые могут быть наложены на государства, не желающие соблюдать требования: ограничение торговой деятельности (включая дополнительные таможенные пошлины), финансовые ограничения и силовое вмешательство (в виде угрозы военных действий или реального применения оружия). Поскольку для всех стран важна непрерывная торговля, а также кредиты и платежи для ее поддержки, торговые ограничения являются действительными. Наказание с применением оружия, даже в виде одной лишь угрозы, — устрашающая перспектива для тех, кто не исполняет своих обязательств. В большинстве случаев преимущества международной торговли столь велики, что страны считают выгодным для себя выполнять правила. В противном случае санкции оказываются достаточно действенными, чтобы заставить государства признать основополагающие требования глобальной культуры, даже если не все они являются членами международных организаций — гаранта этой системы. Так, поддержка системы единых экономических требований значительно расширилась после Второй мировой войны, хотя так и не стала всеобщей.

Джордж Сорос эти выводы подверг критике в своей статье, опубликованной недавно на разных языках. Сорос считает, что данная система требований и санкций неэффективна и не поддерживает глобальную экономическую культуру. В этом, по его рассуждениям, и состоит причина финансового кризиса, который мы до сих пор еще не преодолели, а также угроза нового.

Таким образом, в экономической сфере существует глобальная система требований, и почти все государства признают и соблюдают их, хотя порой только на словах. Возможно, отдельные страны и предпочли бы нечто иное, но реформировать эту систему крайне сложно. Поэтому данная система в той или иной степени навязана государствам, а через государства — также и гражданам.

Очень трудно выделить какую-либо иную область, где существует глобальное международное согласие. Основная причина кроется в том, что в большинстве других сфер нет международных организаций, которые могли бы обеспечить полудобровольное исполнение общих требований. Если рассматривать, к примеру, проблемы окружающей среды, которые совсем недавно стали объектом международной дискуссии на конференции ООН в Копенгагене, то здесь нет

никаких санкций за какие-либо нарушения. Дело обстоит именно так, несмотря на то что многие участники подчеркивали, что окружающая среда напрямую связана с экономикой. Они попытались доказать, что вопросы окружающей среды связаны с установленной системой требований в экономической сфере, но пока безрезультатно.

На конференции в Копенгагене выяснилось, что существуют по меньшей мере три «региональные культуры», поддерживаемые государственными лидерами: 1) США, Китай, Индия и Бразилия, которые хотят принимать собственные государственные решения по поводу того, что целесообразно с их точки зрения, но не желают связывать себя международными соглашениями; 2) страны ЕС (и сочувствующие им из других частей света), которые добиваются принятия четких требований, зафиксированных в международном договоре (такой договор должен налагать ограничения на все страны, развитые и развивающиеся, с целью защиты окружающей среды); 3) развивающиеся страны, которые не являются крупными международными державами и выступают за международный договор, который бы ввел ограничения для развитых стран, а также принудил бы их к оплате мер по улучшению окружающей среды, в том числе и в развивающихся странах. Стало очевидно, что пока не предвидится скорейшего консенсуса по проблемам окружающей среды. Столь же очевидно и то, что в данной сфере крайне сложно будет установить систему требований и правила их соблюдения.

Если мы обратимся к анализу других сфер культуры, то обнаружим, что они в целом еще более далеки от глобального согласия, чем природоохранная сфера. Это касается культуры здравоохранения, средств информации, политической, литературной, музыкальной, образовательной культуры и т. д. Полагаю, нет необходимости приводить примеры наблюдаемых в мире различий в этих сферах культуры. Даже часто провозглашаемое единство специфической «молодежной культуры» (в музыке, одежде/моде), социализирующейся в немалой мере посредством интернет-сайтов, Facebook, YouTube и так далее, — это еще больший миф, чем всеобщая культура, поскольку есть значительные группы молодежи, которые не желают быть частью этой культуры. Молодежная культура — это главным образом вид музыкальной культуры, та ее часть, которая нравится преимущественно молодежи и рекламируется на рынке посредством всех видов СМИ, что и заставляет ее выглядеть более единообразной и универсальной, чем она есть на самом деле.

Образ жизни может стать еще одной сферой общей глобальной культуры. Нет сомнений в наличии новых элементов, которые трансформировали сложившиеся привычки и способы общения: это, например, Интернет и мобильная связь. Сейчас общаться гораздо легче, чем это было когда-то, однако и ранее такое общение не было недоступным. Интернет-кафе и появление новейших моделей мобильных телефонов представляют собой поразительные феномены мирового масштаба, но они слишком зависимы от технологий, которым свойственно меняться. Самое важное, однако, заключается в том,

что для формирования культуры менее важны средства коммуникации, чем ее содержание. А содержание коммуникации через Интернет или по мобильным линиям не единообразно и используется как для углубления различий, так и для их сглаживания.

В отношении глобализации жизненного стиля и привычек «идентичность» является крайне сдерживающим элементом. Не вдаваясь в изменяющееся значение этого понятия, я хочу подчеркнуть его важность. И в развитых, и в развивающихся странах люди как сознательно, так и бессознательно ограничивают себя в готовности принять образ жизни, который они считают иноземным. Заимствованные привычки и образ жизни, которые не конфликтуют со старыми традициями и не подменяют их, усваиваются легко, но как только родной обычай вступает в противоречие с привнесённой инновацией, многие люди (не все) принимают сторону исконной традиции.

Если это верно, — а я уверен, что это так, — в чем же причина непрекращающегося разговора о глобализации?

История помогает легко выделить один важный фактор — перспективу. Многим хочется думать, что идеи, превалирующие в своей стране и/или регионе мира, вскоре распространятся и овладеют умами большого числа людей. Даже тех, кто изначально так не считает, можно убедить поверить в нечто подобное посредством внутренней государственной пропаганды или средств массовой информации соответствующей эпохи.

Начиная с эпохи императора Августа, то есть примерно с начала нашей эры, до V столетия, *древние римляне* (или большинство из них) верили в то, что со временем римская культура овладеет «всем миром», не говоря уже о том, что этот «весь мир» был ограничен у них перспективой Средиземноморья. И хотя римляне знали о врагах на границах, они верили, что эти враги один за другим будут уничтожены римской армией.

В *Древнем Китае* видение мира сформировалось значительно раньше, приблизительно за 1 тыс. лет до н. э., и оставалось доминирующим в Китае на протяжении долгого времени, вплоть до эпохи европейского Средневековья, если не дольше. В китайской перспективе, как и в римской, в центре размещался свой народ и государство. Краины мира были населены варварами, с которыми регулярно боролось китайское войско и которых приучали принимать китайскую перспективу, усваивая при этом и китайскую культуру.

Подобно предшествовавшим *Маурьям*, которые правили большей частью индийского субконтинента в III веке до н. э., *Великие Моголы в Индии* в течение периода своего владычества (в XVI и XVII столетиях н. э.) рассматривали мир из перспективы южных склонов Гималаев, где в различных областях прочно утвердилась их культура и правила их воззрения на правое и неправое, на войну и мир. За пределами этого пространства жили народы, которые жаждали индийской культуры и страстно впитывали те крупницы индийской мудрости, которые распространялись миссионерами.

В XVI—XVII веках и позже *европейские создатели империй* точно так же, по крайней мере до Первой мировой войны, рассматривали свою культуру как неопровержимую.

Американская мечта об американизированном мире возникла позднее, после Второй мировой войны, но корни ее уходят в межвоенные годы, а сама она лишь недавно показала свою несостоятельность.

Советская идея (мечта о том, чтобы Коминтерн стал международным органом) коммунистического мира с центром в Москве начала претворяться в жизнь сразу после Октября 1917 года, но после смерти Сталина она в значительной мере утратила поддержку.

Когда мы говорим о глобализации, необходимо вспоминать об этих взглядах на мир. Все вышеупомянутые мировоззрения, от династии Чжан и позже, были основаны на том допущении, что они объедают весь мир и что все сколько-нибудь значимое в мире уже содержится в их собственной культуре. Оставались одни лишь побежденные варварские племена, ожидающие благословенного вознаграждения культурой правящего народа. Рассматривая эти былые попытки включить весь мир в рамки одной культурной среды, мы вынуждены признать, что усилия эти оказались напрасными, а убеждения — ложными. Каждую из этих культур мы расцениваем как часть общей картины. Их убежденность в том, что они держат в руках ключи к тому, что мы можем назвать «глобальной культурой», была, на наш взгляд, необоснованной. Как же тогда обстоит дело с нашей культурой? И не является ли идея глобального культурного сообщества химерой, лишенной основания?

Ответ может быть таким: «Да, глобальное культурное сообщество кажется недостижимым». Если проанализировать историческое развитие за последние три столетия (или даже за больший срок), то не обнаружится никаких явных следов сближения цивилизаций. Временами наблюдалось сближение между сторонниками разных религиозных или политических воззрений, но за этим так же часто следовали периоды конфронтации. Если мы ограничим перспективу настоящим или очень недавним прошлым, то не сможем с уверенностью сказать, что конфликты между мировоззрениями (с религиозной окраской или без нее) исчезают или становятся менее острыми, чем ранее. В одних регионах мира разногласия могут уменьшаться (обычно вследствие военной победы одной из сторон), но в других ситуация может оказаться противоположной и конфликты — усугубляющимися.

На вопрос: «Является ли глобальное культурное сообщество химерой?» можно ответить и иначе: «Нет, не является». Основанием для такого ответа может послужить то, что взаимное сотрудничество возросло. Это справедливо не только в отношении сотрудничества, упрочившегося вследствие неравных силовых отношений сторон, но и в отношении вполне добровольного сотрудничества, а также добровольной организации схожих институтов и ассоциаций в разных странах и системах культуры. Приведу несколько примеров.

1. Профсоюзы в разных странах и регионах мира развились в важные организации поддержки наемных работников.

2. Системы страхования гарантируют безопасность множеству отдельных граждан в случае болезни, травмы или утраты имущества, и эти системы могут быть или государственными, или основанными на добровольном членстве.

3. Планирование семьи и эффективные для данной цели средства в виде контрацептивов позволяют семьям, особенно женщинам, строить жизнь по собственному выбору в совершенно разном культурном окружении.

4. Разные виды законов или добровольных коллективных соглашений, направленные на уменьшение разрушительного воздействия человеческой деятельности на природу, с давних времен существуют в самых разных формах во всех регионах мира. Причина такого рода мер заключалась скорее в заботе об обеспечении средств существования грядущим поколениям, нежели, как в наши дни, в непосредственной защите окружающей среды, однако результаты оказались сходными.

Эти примеры могут служить аргументами в пользу некоторых общих черт, присущих государствам и индивидам. Все они основаны на ценностях и оценках, и вполне очевидно также, что не все народы и граждане соответствующих государств разделяют эти ценности и оценки. Те же, кто разделяет их, часто приходят к одним и тем же практическим выводам и начинают предпринимать одинаковые действия. Еще более важно то, что они видят в сотрудничестве легкий и удобный путь для достижения общих целей. Такие цели выходят далеко за рамки сходных. Они основаны также и на готовности рассматривать иные народы и личности как равноправные в определенных стремлениях и как претендующие, подобно им самим, на равные доли от плодов общих усилий.

Соглашения и сотрудничество между нациями и этническими группами за последние два столетия возросли и количественно, и качественно. На личностном уровне частыми стали случаи социализации и бракосочетания без учета границ, что, безусловно, частично объясняет взаимосвязи на уровне государств и народов. «Другие» уже не кажутся иными, как было ранее. Данные тенденции незаслуженно остаются в тени противостоящих им национальных тенденций в силу того, что история чаще всего пишется с точки зрения, заданной национальным государством. Поэтому иммиграция мужчин и женщин иных национальностей и браки между гражданами данной нации и мужчинами или женщинами «извне» рассматриваются чаще как проблемы, нежели как вклад в наднациональное понимание. А ведь посредством таких малых шагов и выстраивается транснациональное сообщество.

И вновь история предлагает множество примеров, и особенно красноречива новейшая история Западной Европы. Вплоть до окончания Второй мировой войны для западноевропейских стран были характерны глубокие разногласия, недоверие и конфликты. В конце войны некоторые дальновидные политики осознали необходимость сотрудничества

между бывшими врагами, чтобы исключить возможность возобновления конфликтов. Созданные ими институты (в рамках угольной и металлургической промышленности), хотя и ограниченные, все же давали возможность для весьма широкого сотрудничества в ряде областей. Вскоре стала ощутимой необходимость в расширении такого сотрудничества, и был создан европейский общий рынок, который позднее перерос в то, что ныне стало Европейским Союзом. ЕС взялся за решение многих проблем, которые для его основателей были чуждыми, а сегодня именно здесь наблюдаются значительные транснациональные трансформации.

Другой пример — Индия. Разрозненные провинции британской колонии и несколько полунезависимых государств под властью местных правителей постепенно объединились в одно государство. Этому препятствовали не только противостояние индуизма и ислама, но и вся кастовая система, а также местные различия, которые лишь усилились при британском владычестве. С течением времени под влиянием экономического подъема Индия стала более однородной (или менее неоднородной), хотя все еще сохраняются внутренние различия и будут сохраняться до тех пор, пока на смену им не придут общие ценности и оценки.

То, что произошло в Европе или в Индии, — не «глобализация». Подобное же развитие, которое привлекает меньше внимания, наблюдалось на протяжении последних двух столетий и в других местах. В ретроспективе подобные явления часто характеризуются как «строительство нации», но это опасная терминология. Все попытки упрочить связи и углубить сотрудничество не приводят к созданию всеобщих институций и к общей политике. В таком случае эти попытки считаются провальными с позиции «строительства нации». Однако они могут служить хорошим примером транснациональной истории, когда приобретают значение все виды деятельности, преодолевающие прежние границы.

Транснациональная история, таким образом, важна. В рамках данного понятия можно анализировать историю схожих учреждений и ассоциаций (я это уже сделал применительно к западноевропейской бюрократии, так что хотя бы в этом предмете ориентируюсь хорошо), а также ценностей, тех же самых или разных, которые обеспечили подобие в институциональной структуре. Подобия такого рода не обязательно приводят к сотрудничеству (государственные бюрократические структуры, как правило, не сотрудничают), но они могут формироваться схожим образом, на основе одинакового опыта в качестве источника и со сходными целями. В этом смысле транснациональные культуры все время распространяются, ибо во все времена правители страстно желали улучшить свое правление, в том числе подражая другим народам и их формам правления. (Петр I в России — поразительный пример, но даже те, кто в своих нововведениях не заходил столь далеко, также собирали информацию с данной целью.)

По сравнению с транснациональными решениями, которые включают как сходные пути развития, основанные на сходстве ценностей и оценок, так и

попытки сотрудничества в той или иной сфере, глобальное сотрудничество, подстегиваемое глобальной культурой, в основном все же химера. Формирование транснациональной культуры в различных локальных регионах, приводящее к транснациональному поли-

тическому развитию, уже недалеко, и оно всегда было важным в течение долгого времени. Ныне это важная область исследований прошлого и настоящего. В ней (транснациональной культуре), а не в глобализации, заключен важный потенциал для будущего.

Ж. Т. Тошенко¹

МАНКУРТИЗМ КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОГО БЕСПАМЯТСТВА

Среди глубоких и кардинальных изменений, характеризующих сдвиги в отечественной культуре, особо следует отметить явление, связанное с историческим сознанием, исторической памятью, что особенно ярко проявилось в *манкуртизме*. Этот феномен знаменует историческое беспамятство, различные формы фальсификации прошлого, игнорирование ранее накопленного духовного богатства, препарирование исторических событий и процессов, претензии на трактовку истории в угоду шовинистическим, ксенофобским взглядам.

Появление слова «манкурт» в современной лексике связано с именем Ч. Айтматова, который возродил его из древних преданий и ввел в художественный и научный оборот. Под этим термином скрывается глубинный смысл. Манкуртами в эпоху степных империй называли людей, которые, попадая в плен, подвергались операциям, нацеленным на то, чтобы лишить человека всякой памяти о прошлой жизни. Добивались этого так: на голову жертвы надевали сырую плоть желудка убитого животного. Высыхая, она сжимала череп, вызывая страшные боли и стирая в рассудке всю информацию о прошлом, превращая человека в нечто, подобное растению, и заставляя его заботиться только о примитивных потребностях сегодняшнего дня. Человек после этого жил в постоянной удовлетворенности происходящим вокруг, был рад тому, что имеет пищу, одежду и ничего более не желал. Его не посещали сомнения, он ничего не знал о своей прежней жизни и жизни своего племени, своего народа. Иначе говоря, он жил в ситуации полной атрофии, в полном забвении и прострации².

На наш взгляд, нечто подобное, но в социальном смысле, происходит сейчас в российском обществе,

в странах СНГ. Многие люди ничего не знают о прошлом не только своего народа, своей страны, но и той местности, где они живут, о традициях и истории своей семьи. Одновременно есть люди, чья политика направлена на то, чтобы это забвение не только продолжалось, но и усиливалось, чтобы человек не интересовался своим прошлым, прошлым своего окружения, своей Родины. Все это позволяет говорить, что манкуртизм как историческое беспамятство проявляется в разных ипостасях, на которые нам хотелось бы обратить внимание.

Прежде всего, в формировании манкуртизма огромную роль играет *полное игнорирование* прошлого. Во многих постсоветских государствах существуют политические силы, которые желают перечеркнуть всю без исключения историю, связанную с существованием Советской страны (а заодно и всей истории России), представить ее как некий провал в развитии цивилизации. Поэтому такую «историю» можно не знать, полностью игнорировать. Показательны в этом отношении дискуссии, связанные с Гимном России. После провозглашения командой Б. Н. Ельцина гимном страны музыки М. И. Глинки сложилась ситуация, когда при всем уважении к великому композитору многие не могли запомнить мелодию, поэтому она практически не воспринималась. Попытки некоторых поэтов, таких как Р. Казакова и другие, предложить свои слова на эту музыку никого не впечатлили. И В. В. Путин, как Президент России, на наш взгляд, принял вполне справедливое решение: сохранить старый величественный советский гимн, видоизменив некоторые слова (хотя к этим новым словам есть свои претензии, вроде упоминания слова «бог», что не вяжется с провозглашением страны как светского государства). Несмотря на протесты либерал-радикалов и так называемых правозащитников (А. Чубайс, С. Ковалев и др.) было принято именно это решение, ибо оно опиралось на мнение народа: от 50 до 70 % людей, по данным РОМИР, одобрили возвращение «старого» гимна, и лишь 15,5 % высказались за «Патриотическую песнь» М. И. Глинки³.

Такие заявления лишний раз подтверждают, что мнение некоторых деятелей, презирающих и ненавидящих свой народ и свою страну, отвергающих ее историю, настолько завышено, что слово других им не указ. Однако события конца 1990-х годов показали, что бесперспективность и примитивизм игнорирования советского прошлого оборачиваются для их носителей полным отвержением других их идей и

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, главный редактор журнала «Социологические исследования», декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой теории и истории социологии, доктор философских наук профессор. Автор более 400 научных работ, в т. ч. более 17 монографий и учебников: «Социальная инфраструктура: сущность и пути развития», «Социальное проектирование», «Социология: Общий курс: учебное пособие», «Парадоксальный человек», «Три особенных лица власти», «Социология труда: опыт нового прочтения», «Социология труда: учебник», «Теократия: фантом или реальность?», «Интеллигенция и власть», «Интеллигенция в мире современных коммуникаций» и др. Член научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации РФ, член комиссии по грантам в области культуры при Президенте РФ. Действительный член Академии социальных наук Республики Беларусь и Республики Казахстан. Член редколлегии журнала «Общественные науки». Лауреат премии им. М. М. Ковалевского РАН.

² Подробнее об этом см.: Айтматов Ч. Буранный полустанок. М., 1999.

³ См.: Известия. 2000. 17 нояб.

программ. Это изменение отношения к либералам стало особенно заметным в связи с резким падением влияния всех антипатриотических сил, в каком бы обличье они ни выступали: «Демократической России», «Союза правых сил» или ныне пытающегося сохранить свое влияние «Правого дела», которых объединяет одно — поставить под сомнение правомочность существования советской (а в определенном смысле и российской) исторической эпохи.

К этой позиции тесно примыкает и такая форма манкуртизма, как намеренное *искажение (фальсификация) прошлого*, когда исторические события, жизнь и дела политических деятелей (и не только их) искажаются до неузнаваемости, лишаются всякого смысла и правдоподобия действий, причин и следствий происходящих событий. Ситуативность таких трактовок и объяснений исторического прошлого обычно преходяща, но за период их функционирования мировоззрение людей и их деятельность может привести к существенным издержкам, перекосам, а иногда и к общественной дезориентации огромных масс людей. В России это выразилось в попытках идеализировать царский режим, когда деятельность правления Романовых подавалась как благо, вершина цивилизации, идеал общественного устройства. Особенно в этом смысле «повезло» Николаю II, деятельность которого расписывалась в самых радужных красках. И это несмотря на то, что его называли Кровавым, не понимали его благорасположения к Распутину, говорили о бездарности в политике и вопиющих ошибках. Все это позволило даже монархически настроенным исследователям называть его «историческим ничтожеством», ибо именно его деятельность в незначительной степени способствовала краху России.

Не отстают фальсификаторы и на Украине. В связи с этим стоит напомнить позицию бывшего президента В. Ющенко и его окружения, взявшихся за перелицовку истории, особенно тех фактов и событий, которые можно было выдать как противостояние с Россией. Ради этой цели Мазепа, олицетворявший предательство, был провозглашен национальным героем как человек, противостоящий «захватнической» деятельности России. Битва под Конотопом в XVII веке, когда крымские татары вместе с поляками (ляхами) при участии казацких отрядов разбили русское войско, преподносится как историческая победа украинского народа в его борьбе за независимость¹. А чего стоит награждение пособника гитлеровцев С. Бандеры званием Героя Украины?

В период трансформации постсоветских государств одним из тревожных симптомов, знаменующих появление *манкуртизма с этническим акцентом*, становятся амбиции властвующих националистических лидеров, стремящихся аргументировать свои притязания на власть посредством доказательств, чей народ «древнее» и чьи предки внесли в историю больший, чем соседние народы, вклад. Показательна в этом отношении полемика вокруг Нагорного

Карабаха. Азербайджанские и армянские политики, опираясь на «выводы» своих историков, уже который год доказывают, кто первый появился на этой земле, осваивал ее и сделал такой, какая она есть. При этом приводятся данные археологических и этнографических исследований, цитируются труды различных мыслителей и разных эпох с одной-единственной, но взаимоисключающей целью — доказать первенство той или другой стороны. Осмысливая подобные ситуации, известный историк М. Гефтер образно говорил: «Нет теперь гроба, который вправе заявить: я ближе к небу». Такие подходы к историческому прошлому ведут лишь к нагнетанию напряженности и обострению межнациональных отношений².

Этнический манкуртизм нацелен на игнорирование исторических реалий, отказ от признания свершившихся коренных изменений, попрание интересов других народов. В связи с этим хотелось бы напомнить историю возникновения Приднестровской Молдавской Республики (Тирасполь). Население этого непризнанного государства на одну треть состоит из молдаван, на треть — из русских, на треть — из украинцев. Лобовые попытки «молдаванизировать» и даже «румынизировать» эту часть бывшей союзной республики привели к противодействию, а затем и к кровопролитию, военному противостоянию, в результате — погибли многие люди. Именно в этот период в историческом сознании части населяющих эту республику народов происходили «зигзаги» в общественном восприятии действительности. С одной стороны, это была реакция на многолетнее игнорирование таких этнонациональных факторов, как забвение родного языка, сокращение его преподавания, уменьшение роли национальной литературы, интенсивный процесс русификации и т. п. С другой стороны, полное игнорирование новой исторической ситуации, когда тяга к сохранению исторического и национального прошлого сводилась только к заботе о государственной независимости, касающейся лишь одной части населения, забывая о других формах решения злободневных проблем, имеющих отношение не только к молдавскому, но и к другим народам, веками населявшим эту территорию³.

Манкуртизм порождается созданием вымышленных лжесобытий, псевдопроцессов, квазиисторических персон. Эти своеобразные искусственно создаваемые фантомы особенно наглядно проявляются, когда исследуется историческое сознание отдельных народов, когда при оценке прошлого в их памяти выпячиваются события, которые, казалось бы, определяли их судьбу. Здесь происходит удивительное переплетение рационального и эмоционального восприятия, ревностная, но мало взвешенная оценка поворотных событий жизни своего народа и их последствий.

Это парадоксальное сочетание прошлого и настоящего, значимость происшедших событий для ориентации в настоящем показывает, что историческая память является мощным, активно действующим

¹ О данном феномене написано немало литературы как сторонниками политики Ющенко, так и его противниками и оппонентами, ряды которых значительно выросли в последние годы. См., например: Попов Д. Д., Мильштейн И. Оранжевая принцесса. Загадка Юлии Тимошенко. М., 2006.

² Подробнее об этом см.: Тошенко Ж. Т. Этнократия: история и современность. М., 2003; *Он же*. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. М., 1999.

³ Подробнее об этом см.: Приднестровье: истоки конфликта. Тирасполь, 2001.

феноменом, который оказывает не меньшее влияние на поведение людей, чем оценка ими своего нынешнего экономического положения, своей неустойчивости и неприкаянности в этот переходный период. Более того, можно утверждать, что именно историческая память способна усугубить или ослабить восприятие происходящих в личной и общественной жизни событий, обострить негативные характеристики, способствовать успокоению общественного и группового настроения.

Такая неустойчивость, парадоксальность сознания усугубляется тем, что историческая память, как и плоды некоторых исторических изысканий, используется в текущей политико-идеологической риторике, ангажируется различными политическими силами. Многие искусственно созданные модели интерпретации прошлого отмечены этноэгоизмом, эмоциональной окрашенностью и, будучи поддержаны массовым сознанием, стимулируют мышление по аналогии, то есть пытаются объяснить современные проблемы с «методологических» позиций концептуальной и мировоззренческой архаики, что иногда причудливым образом уживается с самыми различными лженаучными теориями. Многие специфические, но очень значимые для отдельных народов события становятся весьма важным фактором как общественного сознания в целом, так и их исторической памяти, вовлекая в явную, а иногда и незримую дискуссию и конфронтацию представителей других народов, проживающих на данной территории. К ним можно отнести события прошлого (особенно падение Казанского ханства) в истории Татарстана, судьбы государственности Тувы, историческое прошлое разделенного лезгинского народа и др. Поэтому расстановка акцентов в толковании исторических событий может способствовать (или противостоять) рациональному осмыслению сосуществования народов. В ином случае появляется настороженность, предубеждение, негативные клише (империя, шовинистическая политика и т. п.), которые имеют особенность долго сохраняться в общественном сознании, нагнетать социальную напряженность и порождать конфликты.

Манкуртизм проявляет себя в *политической борьбе, специально сконструированной политике*. Так как интерес к истории во все большей мере стал влиять на процессы, главным образом связанные с ситуацией бурно становящихся суверенитетов бывших союзных и автономных республик, для закрепления этих поворотов в судьбе народов осуществляется интенсивная манипуляция, которая проявилась в стремлении заставить людей поверить в новые мифологемы и возродить самые разнообразные, но отнюдь не безобидные мифы, слухи, домыслы. Сами по себе в контексте нормального обсуждения различные объяснения событий ничего предосудительного не представляют, но, будучи нацелены на пересмотр истории, рождают такое явление, которое можно назвать манипулированием, приводящим к далеко не безобидным последствиям во взаимоотношениях народов. Однако рассмотренные в особом ракурсе, они превращаются в *спекуляции на историческом прошлом*, когда события подаются в угоду политическим ам-

бициям, подчинены заранее провозглашенным установкам, преследуют своекорыстные цели.

В связи с этим достаточно назвать действия многих политических деятелей отдельных стран СНГ, которые предприняли попытки искажения или фальсификации событий. Особенно в этом отношении отличился президент Украины В. Ющенко. Он постоянно инициировал политические акции, которые принесли бы ему дивиденды для дистанцирования от России, возвысили бы его в глазах Запада, дали бы некий капитал, который увеличил бы его шансы на продолжение своего политического века. Так было с его позицией в отношении голодомора в 1932–1933 годах. Эта трагическая страница, затронувшая многомиллионное население не только Украины, но и России, и Казахстана, свидетельствовала о многочисленных жертвах в результате преступной политики и неурожая, пришедшегося на те годы. Сегодня эту трагедию пытаются превратить в сознательную политику, будто бы осуществляемую руководством СССР против украинского народа. Одновременно были выделены огромные средства из государственной казны на сооружение памятников, посвященных данному событию, проведены многочисленные манифестации, собраны музейные коллекции, выпущены воспоминания и труды, изданы книги памяти (причем, как установлено, в них заносили не только погибших, но и людей, оказавшихся живыми и здоровыми до сих пор, а также умерших от алкоголизма и других болезней в более позднее время). Было открыто много выставок, посвященных этим событиям, хотя не обошлось и без накладок: наряду с реальными фотографиями были документы, большинство из которых оказались фальшивками, ибо не имели никакого отношения к Украине. На одних из них были изображены жертвы голода из других регионов России, на других — бедствующие американцы во время Великой депрессии. Кроме того, было организовано много конференций, в том числе и с участием международных наблюдателей. Сами по себе эти мероприятия вполне приемлемы и возможны, если бы они не были доведены до спекулятивного абсурда.

Подобная провокационная политика не ограничилась пределами Украины — руководство Украины обратилось к другим странам с призывом признать данные события геноцидом украинского народа. Тем самым была инициирована масштабная политическая акция, которая привела к вопиющему извращению истории в угоду ущербным политическим интересам. Причем в этом рвении доказать недоказуемое находят все новые витки усложнения ситуации. Так, в ноябре 2009 года по инициативе В. Ющенко было решено открыть уголовные дела по жертвам голодомора, где уже назначен виновный — «московское советское правительство», ибо голодомор был спровоцирован Москвой «с целью уничтожения украинского крестьянства, его культуры и способов хозяйствования»¹.

Манкуртизм формируется и через *личностное «национальное сиротство»*, которое в значительной мере выражается в том, что оно стало характерно и

¹ Соколовская Я. Спецслужбы установили виновных в голодоморе // Известия. 2009. 2 дек.

для исторической памяти о прошлом своего народа, семьи, ближайшего окружения. К этому примыкает незнание истории своего села, города, области. Как показывают данные социологических исследований (ЦСИ РАГС, 2001), всего 5 % опрошенных знания и представления об истории своего народа, страны черпают из семейных архивов. А без личной и семейной связи с общей историей получается то, что Николай Рубцов называл «национальным сиротством»¹.

Этот личностный стихийный манкуртизм проявляется прежде всего в *полной или почти полной атрофии по отношению к историческому прошлому*. Такое явление порождено низким уровнем гражданственности людей, которых не интересует история своей страны, народа (об этом, по данным Социологического центра РАГС, говорят от 10 до 15 % опрошенных), издержками обучения в школе и вузе, воспитанием в семье. Эти данные свидетельствуют, что такой феномен достигнут в большей мере как стихийно, из-за отсутствия целенаправленности семейного воспитания (отсутствия традиций), так и в результате государственной политики. Результатом подобной ситуации стало то, что такие люди часто не признают необходимость патриотических навыков поведения, нередко становятся подражателями стиля и образа жизни населения других стран. Более того, это, как правило, база для отвержения всего национального, отказа от национальной гордости вплоть до предательства Родины. Эту позицию пытаются иногда оправдывать тем, что внимание человека сосредоточивается в основном на текущих проблемах, заботах сегодняшнего дня.

Это общенациональное забвение дополняется тем, что огромный пласт исторического сознания, связанный с личной жизнью, с теми событиями и явлениями, которыми полна повседневность людей, также деформирован, обладает чертами стихийного манкуртизма. Деятельность национальных героев, гениев, талантов, их подвиги и свершения хранятся в совокупной исторической памяти, как в своеобразном музее. Их знают по учебникам, научной и художественной литературе. Но их единицы. Память же о миллионах и миллионах других хранится в записках этого «музея», в памяти только близких, родных, друзей. Но это — миллионы кирпичиков в фундаменте нашей исторической памяти, безмянные работники и свидетели, без которых немислима сама история и, что особенно важно, — наша причастность к ней. Человек не может в полной мере ощутить себя гражданином страны, если он не только не знает знаковых событий, вехи ее истории, но и родословную своей семьи, историю своего города, села, края, в котором он родился или живет. К сожалению, большинство россиян имеют весьма приблизительное знание о своем генеалогическом древе, часто не дальше третьего поколения, то есть знают своего деда. На вопрос: «Составлялась ли в вашей семье родословная?» только 7 % опрошенных дали положительный ответ. На вопрос: «В чем вы видите причины слабого знания истории своей семьи?» 38 % опрошенных сказали, что некому было рассказать об

этом, а 48 % утверждали, что этот вопрос для семьи безразличен, к нему относились равнодушно.

Парадоксальность такого утверждения поразительна, ибо, как показывает тот же исторический опыт, знание «личной» истории возвышает человека, облагораживает его поведение, делает его жизнь более полной и значимой даже в том случае, если в его родословной не было ни дворян, ни купцов, а только крестьяне, рабочие или служащие. Не эта ли реакция на прошлое своей семьи породила удивительные и поразительные «открытия», сделанные многими амбициозными представителями интеллигенции (впрочем, не только ими), которые в 1980–1990-е годы бросились искать свои корни, истоки? В эти годы прокатилась волна (в той или иной мере продолжающаяся и поныне) поиска своей причастности к дворянству, купечеству или иным знатным слоям общества с целью доказать благородство своего происхождения. В такой ситуации общественность вдруг узнает, что такой-то интеллигент является отпрыском княжеских (боярских, дворянских) кровей, хотя реальных сведений этой «знатности» не обнаруживается.

В этом вполне понятном и объяснимом желании разобраться в личном прошлом, своем происхождении стало выделяться сомнительное стремление обязательно найти такое прошлое, полностью игнорируя реальные факты и даже отрицая свое «неблагородное» происхождение, как будто деятельность других сословий в прошлом не заслуживает гордости и уважения. На наш взгляд, это можно объяснить комплексом неполноценности, желанием добавить себе значимости для нынешней личной и общественной жизни, придать себе вес и значение, которых по каким-то причинам нет у этой категории людей. Не этим ли объясняется ажиотаж вокруг возрождаемых «дворянских» собраний, присвоения новых графских и княжеских титулов, своеобразная детская игра в «фантики» и «солдатики»?

В целом в современном историческом сознании преобладает отчужденность от личной приобщенности, причастности к истории. Это пренебрежение к своим корням проявляется и в том, что только 14 % опрошенных заявили, что знают историю происхождения своей фамилии (20 % людей утверждали, что знают ее частично). Невысока и культура отношения к фамильным реликвиям. Пока она ограничивается хранением таких материальных носителей, которые имеют краткосрочную историю: 73 % людей утверждали, что у них есть фотографии бабушек и дедушек (обратите внимание, что 27 % опрошенных не стали и этого утверждать), 38 % — что есть памятные вещи, такие как ордена, медали, почетные грамоты, наградные знаки. О письмах с фронта, других семейных реликвиях упомянули 15 % опрошенных, а о дневниках, рукописях, переписке — только 4 % (данные ЦСИ РАГС).

Как объяснить это реальное противоречие между общим и частным, между общественным и личным, особенно когда это касается глубинных устоев человеческого существования, его стойкости и уверенности в незыблемости своего «я»? Как охарактеризовать личный срез исторического сознания,

¹ Цит. по: Историческая память: преемственность и трансформации [круглый стол] // Социол. исслед. 2002. № 8. С. 78.

исторической памяти? На наш взгляд, можно говорить о его слабой развитости, низкакачественности. Осмелюсь утверждать, такое историческое сознание подрывает основы более высоких чувств — патриотизма, гордости за свою страну, готовности ее защищать и отстаивать ее интересы.

К сожалению, в нашей стране такие традиции или утрачены (для дворянских и купеческих семей), или не культивировались (для крестьянских и мещанских семей). Почему так случилось — тема отдельного разговора, хотя в социологической литературе мы имеем первые опыты (на основе биографического метода) обстоятельного анализа истории ряда семей в нескольких поколениях, что на первый взгляд дает очень образную, живую, раскрашенную всеми красками историю страны через историю семьи¹.

К вопросу об истории семьи примыкает информация об истории своего города (села). Здесь показатели немного выше, чем в случае со знанием своей родословной: о том, что они знают ее, говорили 17 % людей. Правда, еще 58 % опрошенных претендовали на то, что они что-то знают об истории своего города (села), но это, во-первых, относилось больше к горожанам, а во-вторых, здесь срабатывал эффект присутствия — что-то знать еще не означает удовлетворительности этого знания.

Вместе с тем сегодня наблюдается характерная тенденция к преодолению стихийного манкуртизма — стремление дистанцироваться от исторического забвения. По последним социологическим данным, регистрируется не просто созерцательное отношение к истории, но и желание внести свой вклад в сохранение ее ценностей, объектов и символов. Однако согласно имеющейся информации только 4 % людей принимают непосредственное участие в восстановлении памятников истории и культуры. Еще 33 % опрошенных говорили о том, что они содействуют этому процессу, в частности внося некоторые средства в восстановление исторических памятников. Иначе говоря, гражданская активность людей по отношению к своему историческому прошлому, хотя осознаваема, но еще невелика.

Сличной исторической памятью и историческим сознанием связан ренессанс интереса к народному духу, тяга к культурному и духовному наследию прошлого. Положительно воспринимается восстановление памяти незаслуженно забытых имен (мнение 58 %), 85–91 % опрошенных активно поддерживают возрождение народных промыслов, народной медицины, народных гуляний, ярмарок.

Методы формирования манкуртизма.

Социальный манкуртизм складывается не столько стихийно, сколько целенаправленно. В связи с этим проанализируем методы, которые направлены на то, чтобы не просто забыть историческое прошлое, но и исказить его, превратить в некий образ, реализовав при его помощи амбициозные планы или

выразив ничем не оправданные претензии. Эти методы многообразны и своеобразны.

Во-первых, немалый вклад в формирование манкуртов вносят «новаторские труды» академика А. Фоменко, историка Н. Морозова, математика С. Ваянского, экономистов Д. Калужного и О. Платонова, фантазии Э. Радзинского и журналиста Н. Сванидзе, которые ставят под сомнение полученное многими поколениями специалистов историческое знание. Пренебрегая методами исторического анализа, игнорируя сложившиеся и оправдавшие себя традиции исследования, новые «оракулы» стремятся поразить воображение невиданными, баснословными, фантастическими разоблачениями, вроде того что Батый был на самом деле католиком-крестоносцем, а ордынскую дань Русь платила Ватикану. Издаваемые сотысячными тиражами по сравнению с мизерным количеством научных исторических трудов, эти «изыскания» претендуют на замещение прежнего исторического знания и замену его произвольными версиями и домыслами. Спасает сейчас одно (и в этом, может быть, сказывается устойчивость и консервативность исторического сознания): согласно социологическим опросам эта информация рассматривается читателями как особый вид фантастики и приключений наравне с творчеством писателей детективов и фантастов².

В этой ситуации возникает парадокс: историческая научная литература востребована ограниченным кругом лиц, в то время как потребность в популярном изложении прошлого у читателей достаточно велика. Пока историческое сознание людей сопротивляется современным фантастическим версиям истории и историческим домыслам. Но не лучше ли тогда для противостояния этому искажению истории поддерживать творчество таких писателей, как В. С. Пилкуль, которые пробуждают интерес к истории через художественный вымысел в основном личной жизни героев, но не покушаются на основы исторических событий и процессов? Авторы таких художественных произведений способствуют преодолению исторического забвения, безродства, возрождая гордость и уважение к прошлому, помогают уверовать в значимость и величие своего народа.

Во-вторых, одним из наиболее распространенных методов формирования манкуртизма является клевета. Несколько поубавились, но не исчезли попытки посягать на святое святых — память о Великой Отечественной войне. Как уже говорилось, эта страница истории является определенным скрепом, который объединяет всех нас, независимо от убеждений и мировоззренческих ориентаций. Между тем находятся те, кто ставит под сомнение многие события и процессы этой войны. В 1990-е годы были предприняты попытки дезавуирования итогов войны, значения тех или иных сражений, роли отдельных личностей. Эти попытки пересмотра затронули оценку битвы под Москвой, Сталинградом, воплотились в дегероизации (а иногда просто в клеветнических измышлениях) подвигов З. Космодемьянской («Зачем эта дура поджигала деревенские хаты?» и т. п.), А. Матросо-

¹ Козлова Н. Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социол. исслед. 1994. № 4; Она же. Горизонты повседневности советской эпохи: голос из хора. М., 1996; Чуйкина С. А. Реконструкция социальных практик // Социол. исслед. 2000. № 1.

² См.: Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История на продажу. Тупики псевдоисторической мысли. М., 2005.

ва («Этот недоразвитый фезеушник, хлебнув водки, спяну полез на дзот» и т. д.), подвига панфиловцев («Никакого подвига не было — это выдумал корреспондент “Красной звезды” Лидов») и других событий этой войны.

К таким неблагоприятным акциям можно отнести «научные» изыскания В. Суворова (В. Б. Резуна), которые направлены не на прояснение исторической истины, а по большому счету на выражение своих амбиций, жадности денег и славы, достижение сенсации, обретение популярности и пропаганду своей «гениальности». Эти и тому подобные «изыскания» не только не были приняты в научной среде, но и отвергнуты массовым историческим сознанием. Само историческое самосознание народа защищается от этих нападков. Человек не желает потакать тому, что может унижить национальное достоинство, историю страны и историю его «я». По большому счету современное историческое сознание отказывается поддерживать ревизию того, что сплывает народ, ибо это может обернуться крупнейшей духовной, а затем и политической катастрофой.

В-третьих, манкуртизм нередко прибегает к методам возбуждения недоверия, подозрительности, клеветы, которые к тому же нередко приобретают лжеэтнический оттенок. При исследовании общественного мнения по проблемам социально-политического развития Северного Кавказа было выявлено, что многие явления и события минувшего века до сих пор будоражат умы людей, приковывают к себе пристальное внимание деятелей культуры и науки. Среди них наиболее глубокий след в памяти этих народов оставила Кавказская война 1817–1864 годов. Как оказалось, эта память концентрирует в себе не только открытую и доступную для всех информацию, но и латентные источники, такие как семейные предания и легенды, рассказы, народные песни, официальная и неофициальная топонимика. Так, проведенные исследования показывают, что той или иной информацией о Кавказской войне располагают 84 % опрошенных жителей Адыгеи. Более того, это событие имеет не просто характер воспоминания о прошлом — около 40 % из них считают, что это событие тесно вплетено в социально-политическую реальность современности. В связи этим, на наш взгляд, следует подчеркнуть, что в массовом, реально функционирующем сознании проявлены достаточно разнообразные характеристики причин этой войны. Вопреки некоторым «научным» и околонуучным утверждениям, что во всем виновата самодержавная политика России, в массовом сознании такой позиции придерживаются только 46 % опрошенных, в то время как 31 % — обвинили Турцию и 8 % — местных феодалов¹.

Нередко исторические данные пытаются поставить под сомнение с другой стороны — путем ничем неоправданного приписывания неких «великих» заслуг «своему» народу. В 4-томном издании Иллеса Сигаури «Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен», «восстанавливаемом» более чем «пятидесятилетний период истории Чечни», утверждается, что «чеченский

язык является самым древнейшим на планете», чеченский народ создал древнейшие цивилизации Передней Азии, Ближнего Востока, Междуречья и Средиземноморья, и что Адам — это чеченское имя².

Подобные утверждения коррелируют с трудом одного из украинских «ученых», рассказывающего, что Христос был украинцем, а также с высказываниями «очень» русского исследователя, писавшего о подвигах «руссов» в период охоты на мамонтов. Этот своеобразный «манкуртизм наоборот» ставит целью создать миражный облик истории своего народа, полностью игнорируя (отрицая, вычеркивая) историю других народов.

В-четвертых, в немалой степени манкуртизм складывается под воздействием беспредела, который сегодня творится в историческом знании, формирующем если не врагов, то людей, не собирающихся даже жить в «этой стране». Чехарда, противоречивость, взаимоисключающие оценки начинаются со школьных учебников. Если в рамках научного сообщества позволительны и даже необходимы различные точки зрения, то для воспитания подрастающего поколения все же предпочтительно иметь согласованные оценки, отражающие государственную позицию.

Немалую роль в формировании исторических манкуртов играют методы, основанные на *тщеславии, попытках возвышения себя над другими*. Следует отметить такую особенность исторической памяти, при которой в сознании людей происходит гиперболизация, преувеличение отдельных моментов исторического прошлого, ибо она практически не может претендовать на прямое, системное отражение, а выражает косвенное восприятие и такую же оценку прошлых событий.

Значение гиперболизации исторического сознания и исторической памяти возрастает в «эпохи потрясений и катастроф», переломные периоды жизни общества, когда, как правило, происходят интенсивные процессы переоценки существующих ориентаций и исторического прошлого. Именно в такое время происходят кардинальные изменения существующих ценностей, не всегда понятные людям процессы побуждают их искать ответы на волнующие проблемы в самых различных сферах жизни, в том числе и в историческом прошлом. В данных условиях искаженное историческое сознание становится мощным фактором, порождающим мифы, выдумки, фантазии, создающим мнимый образ «героического» или «блестящего» прошлого в жизни этих людей. Этому способствуют и лженоваторские выводы политиков-ученых, которые навязывают свои не совсем корректные выводы. Так, сегодня получил распространение термин «титulyные» народы, которые обычно дают название республике по имени когда-то жившего народа. Для Башкирии таким титульным народом являются собственно башкиры. Но по величине населения — они лишь на третьем месте. С ними веками совместно жили татары и уже несколько столетий — русские. Возникает вопрос — сколько времени надо прожить на этой территории, чтобы считаться

¹ Хунаху Р. А., Цветков О. М. Исторический феномен в современном преломлении // Социол. исслед. 1995. № 11.

² См.: Новиков А. Адам — чеченское имя // Известия. 2004. 24 июля.

титულным народом? Тем более что и башкиры тоже появились на этой территории не сразу — когда-то там жили другие племена. Не лучше ли в такой ситуации считать башкир автохтонным народом? Это лучше отражает суть происшедших процессов и не противопоставляет народы друг другу, не заставляет татар становиться башкирами и не угрожает примитивным желанием башкир выдвигать свой народ в противовес представителям других народов. Нечто подобное происходит и на границах Таджикистана и Узбекистана, где таджиков заставляют принимать «узбекское обличье», исходя из ложно понятых национальных интересов.

Манкуртизм не чурается и ситуативных методов, которые нацелены на то, чтобы удержаться у власти, используя все и всяческие поводы для удовлетворения политических притязаний. К последним можно отнести инициативу президента Украины В. Ющенко в преддверии выборов президента. Теряя всякую поддержку, он намеревался все же переломить ситуацию, мобилизуя все возможные силы для своей возможной победы. Наряду с этим он то апеллировал к жителям Западной Украины, оправдывая националистов-бандеровцев, то, мобилизуя память пострадавших от голодомора, в 2009 году вдруг обратился после многих лет игнорирования к украинцам — участникам Великой Отечественной войны, разрешил провести 9 мая парад и демонстрацию в честь Дня Победы и даже сам явился на демонстрацию. Одной из последних акций по мобилизации электората стала инициатива о возбуждении уголовного дела по факту депортации крымских татар в 1944 году. В. Ющенко дал поручение Генеральной прокуратуре и Службе безопасности Украины рассмотреть этот вопрос. Кроме того, он обратился со специальным посланием к делегатам и гостям II сессии Курултая крымско-татарского народа с уверением, что его заботой, как и всего демократического движения Украины, всегда была борьба за восстановление прав крымских татар. Чем, как не казуистикой, назвать это обращение после долгих лет игнорирования многих акций и просьб татарского населения в Крыму?¹

Наконец, манкуртизм поддерживается официальной пропагандой и проповедуется как официальными лицами, так и сторонниками борьбы с тоталитаризмом. Особенно ярко это проявляется при переоценке советских (российских) исторических ценностей, а также ценностей, разделяемых всем цивилизованным миром. К сожалению, такие попытки предпринимаются, например, по отношению к итогам Второй мировой войны и решениям Нюрнбергского процесса, осудившего эсэсовские организации как орудие бесчеловечности, нацизма и физического уничтожения других народов. Особенно усердствуют в этом направлении политические деятели Латвии и Эстонии, считающие, что это показатель дистанцирования от прежней «империи» — Советского Союза, и ее наследницы — современной России. Конечно, можно понять горькие чувства, которые связаны у части населения этих стран с воспоминаниями о том времени, когда эти государства входили в СССР. Но стоит ли из-за воспоминаний заниматься провокациями, всту-

пать в конфликт практически со всем человечеством? Можно ли оправдать подобные акции? Пожалуй, это можно квалифицировать (при помощи вездесущих адвокатов) и как признак старческого слабоумия или скудоумия, но в любом случае — это попытка забыть (оправдать?) прошлое, которое осуждено большинством людей, чего надо стыдиться, а не выставять напоказ как нечто героическое.

Не отстают в пропаганде методов манкуртизма и радикальные либералы. Это ими выдуман миф о «совке», который, по их мнению, является олицетворением всех человеческих пороков. При этом себя они не считают «совками», хотя всех остальных, живших в этой стране, причисляют к таковым. Конечно, если собрать отрицательные черты и негативные характеристики, присущие отдельным личностям, и приписать их всем людям, то непременно возникнет неприглядная картина. В определенном смысле она претендует на истину, так как этих отрицательных и негативных явлений более чем достаточно в советской истории. Только непонятно и необъяснимо в их концепциях, теориях, выступлениях одно — как эти «совки» построили вторую по мощности державу в мире, как добились победы в Великой Отечественной войне, как первыми совершили полет в космос, не говоря о других значимых и значительных достижениях и победах? Однако людям, ненавидящим СССР, неметает до сих пор. Так, некоторые носители этих идеологических ориентаций открыли в Москве кафе «Антисоветское», чем была оскорблена память людей, создавших великую мировую державу. Поэтому вполне резонно заключение известного журналиста Пушкиова: «Свобода слова не означает свободы подлости».

Подобные действия сродни простой клевете, когда все белое становится черным и наоборот. Что касается международного аспекта этой проблемы, то можно отметить неоднократные попытки отождествить фашизм и коммунизм, Сталина с Гитлером. Более того, находятся силы, которые на официальном уровне пытаются зафиксировать это положение. В 2009 году такую акцию осуществила ПАСЕ, что может служить образцом попыток переиначить историю со своих позиций. Не менее показательны подобные акции внутри страны, когда находятся силы и люди, готовые клеветать на свой народ, используя каналы СМИ. Так, нашлись лица, которые пытаются превратить генерала Власова, перешедшего на сторону фашистов и сдавшего в плен целую армию, в героя борьбы со сталинизмом, используя различные подтасовки. Другой пример. Осенью 2009 года стала известна выходка журналиста А. Подрабиника, считающего себя правозащитником, который оклеветал бывших солдат Великой Отечественной войны, надругался над памятью советских людей, назвав их служителями зла, «вертухаями» и «палачами», в то время как эти люди создали экономическую и оборонную мощь великой страны и считали себя патриотами. Более того, этот «журналист» восхвалял тех, кто с оружием в руках боролся против советской власти, был в рядах «лесных братьев», служил в рядах полицаяв и других предателей Родины². Каким целям служит эта

¹ См.: Полит.ру. 2009. 5 дек.

² Иванов В. «Наши» против Подрабиника, либералы против «Наших» // Известия. 2009. 12 окт.

выходка? Ясно, что это очередная атака на историческую память, заявка на очередной пересмотр истории и дезорганизацию общественного сознания.

В заключение отметим, что современный манкуртизм — это ложное сознание в том смысле, в котором понимал его молодой Маркс. Это сознательное искажение истины, реального положения дел, осуществляемого в подавляющем большинстве случаев (за исключением наивной его формы) в интересах определенных политических сил и группировок. Даже в том случае, когда этот процесс протекает стихийно в условиях идеологического вакуума, который характерен для современной России, он все же свидетельствует об отсутствии целенаправленной

деятельности политического класса, претендующего не только на управление страной в конкретных обстоятельствах, но и желающего (или по крайней мере намеревающегося) добиться сплочения общества для реализации национально значимых задач. Манкуртизм расшатывает идеи патриотизма, усиливает нигилизм по отношению к собственному прошлому, подчиняет сознание людей другим идеалам и целям, которые по своей природе или чужды, или не соответствуют национальному менталитету. Все это разрушает мировоззренческую основу сознания народа и в конечном счете уничтожает идеалы и идейную базу жизни народа, без чего любое государство не может существовать.

Н. А. Хренов¹

ОТ ИМПЕРСКОГО МОНОЛОГА К ДИАЛОГУ В ЕГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПОНИМАНИИ

Вот уже на протяжении нескольких десятилетий в нашей гуманитарной литературе используется понятие, которое с полным основанием можно назвать ключевым. Это понятие «диалог». В последнее время сфера его использования предельно расширяется. Начало обращения в нашей стране к этому понятию связано с филологией и с именем М. Бахтина, хотя, как известно, значительный вклад в обсуждение этой проблематики был внесен М. Бубером, В. Библером и др. М. Бахтин предпринял замечательную и непревзойденную интерпретацию романов Ф. Достоевского. Такую интерпретацию, к которой оказались неспособны даже представители всемирно известной отечественной «формальной» школы, чьи труды предвосхитили столь модный с середины XX века (в том числе и у нас), а ныне отошедший в прошлое структурализм; их значение стало общепризнанным. Сегодня, когда это понятие получило широкое распространение, история его происхождения, социальный и исторический контекст, потребность в нем уже мало кого интересуют. Но представляется, что к этому следовало бы еще вернуться для прояснения принципиальных актуальных вопросов.

Обратим внимание на следующий факт. Во-первых, потребность в этом понятии возникла в первой половине XX века, а точнее в 1920-е годы. Во-вторых, она возникла в одной из сфер гуманитарной науки, а именно в филологии. Хотя в данном случае следует иметь в виду, что М. Бахтин был не только филологом, но и философом. Дело тут не в специализации, а в том, что в своем предмете — романе Ф. Достоевского — он обнаружил его праструктуру, пратекст, относящийся к древнейшему жанру филосо-

фии — диалогу, открытому античными философами. Позднее уже не структуралисты, а постструктуралисты, в частности Ю. Кристева, это присутствие в каждом тексте более ранних текстов, известных в истории культуры, назовут интертекстом. Это обстоятельство резко разведет формализм как методологию и методологию М. Бахтина. В какой-то степени М. Бахтин преодолел ограниченность метода представителей «формальной» школы, делая значимыми те элементы произведения, которые формалисты не замечали. В данном случае речь идет о значимости при создании и воздействии произведения генетического подхода и социального контекста.

В связи с этим сформулируем первый тезис. Находясь в тексте, представляющем поздний период в истории, элементы, свидетельствующие об актуализации его древних истоков, М. Бахтин выводит на уровень коллективного сознания вопрос о диалоге, развертывающемся на уровне индивидуации (термин Ф. Ницше и К. Юнга). Здесь оказывается актуальным вопрос, связанный с происхождением диалога вообще, в том числе и философского диалога, каким он известен по античной философии. Философствование древних, как известно, происходило на площадях, то есть публично. Оно втягивало массу людей, становящихся участниками этой акции. Буквальный перевод слова «говорить» означает «площадствовать». Площадь — это не только рынок и храм, но и театр. Философия рождается на площади. По поводу философствования Сократа О. Фрейденберг говорит, что он излагает философию в вопросно-ответной форме, предвосхищая диалоги Платона и продолжая драматическую, балаганную линию словесных агоний [1]. Что касается Платона, то исследователь утверждает, что философское рассуждение он создает средствами старинной народной драмы, с помощью древних драматических традиций.

Но дело не только в этом. Философия, как и многое другое, например античная трагедия, рождается в ритуале и в момент возникновения является са-

¹ Заместитель директора Государственного института искусствознания (Москва), доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. книг: «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс», «Социальная психология искусства: переходная эпоха» и др.

кральным актом. Для нас важно, что диалог рождается в противостоянии или, как это называли древние, в агоне, в драматическом агоне. О. Фрейденберг пишет, что с момента своего возникновения слово связано с борьбой и произносится в агонистической форме [2]. То же можно сказать и о рождающемся философском слове. В поздней истории диалог в его философских формах потерял и сакральные смыслы ритуала, и формы его коллективного выражения, повторяя тем самым логику развития всей последующей культуры. Таким путем прошли и литература, и философия.

Однако когда мы сегодня предельно расширяем смысл понятия «диалог» и используем его применительно уже к процессам взаимодействия между великими культурами и цивилизациями, то есть выводим его использование из специальных, индивидуализированных форм, связанных с отдельными гуманитарными сферами, то возникает необходимость выявления первичных смыслов диалога, связанных и с пониманием его как агона, и с коллективными формами его функционирования. Тут важно и то, что диалог — это разновидность агона, то есть состязания, следовательно, он имеет театральную, драматическую и, в общем, игровую природу, и то, что в момент своего зарождения и становления он связан с психологией масс. Эти архетипические черты мы пробуем выявить в поздних разновидностях диалога-агона уже на уровне взаимодействия между культурами и цивилизациями.

Общий интерес XX века к архаике, что демонстрирует модернизм в искусстве в самых разных своих проявлениях, вернул диалог к ранним архаическим формам функционирования. Этому способствовала исключительная историческая ситуация, сложившаяся в начале XX века. Здесь не лишним будет напомнить, что эстетика XX века преодолевает поздние образцы прочтения культурных явлений. У истоков такого прочтения стоит Аристотель, предпринявший прочтение античной трагедии, во многом определившее последующую рефлексию относительно искусства. Аристотелевский вариант поэтики — образец всей позднейшей истории создания поэтики, в том числе формалистской и структуралистской. Однако в XX веке возник интерес к ранним, архаическим истокам литературы и вообще культуры. Ранней попыткой выхода за пределы аристотелевской установки стала рефлексия О. Фрейденберга. Предложенный ею подход (а она продолжала развивать методологию Н. Марра) явился реабилитацией тех архаических, точнее, мифологических форм, которые Аристотеля не интересовали. Но, по сути, О. Фрейденберг лишь возвращается к традиции прочтения античной культуры, начатой Ф. Ницше, отвергнувшим в 1870-е годы винкельмановскую интерпретацию античности, связанную с отождествлением классического периода античной культуры с этой культурой в целом. Именно Ф. Ницше показал, что античная трагедия не будет понятной, если не учитывать значения архаического периода в истории Античности и абстрагироваться от коллективной, то есть мифологической стихии. То, что древние называли катарсисом, предполагает и возвращение инди-

вида, обретающего в античной культуре свое индивидуальное «я», в мифологическую стихию (древний миф в эпоху расцвета трагедии сохраняется лишь в трагедийных, то есть эстетических формах), и последующую реабилитацию индивидуации.

Мы не случайно вспоминаем Ф. Ницше как представителя «философии жизни», ощутившего не только поверхностность просветительских рационалистических подходов, но и значимость дионисийской, иррациональной стихии, сполна проявившейся в истории XX века в массовых движениях и психологии масс. Именно в XX веке в гипертрофированной форме проявилось то, что в предыдущие столетия лишь возникало. В городах разрушаются религиозные верования, нарушаются традиционные связи, исчезает солидарность социальных групп и возможное еще в городах XIX века диалогическое общение [3]. Подхватив проблематику, открытую Г. Лебоном, С. Московичи пишет: «Разобщенные, люди остаются покинутыми в одиночестве со своими нуждами: в джунглях городов, в пустынях заводов, в серости контор. Эти бесчисленные атомы, эти крупинки множества собираются в зыбкую и воспламеняющуюся смесь. Они образуют нечто вроде газа, который готов взорваться в пустоте общества, лишенного своих авторитетов и ценностей, — газа, взрывная сила которого возрастает с объемом и все собой подавляет» [4]. По сути дела, омассовление обществ в XX веке становится социальным контекстом функционирования сохраняемых культурой диалогических форм, точнее, их свертывания в культуру, что соответствует идее Й. Хейзинги о вырождении в XX веке духа игры. Функционирование диалогических форм повторяет логику функционирования культур в целом. Культивируемая «галактикой Гутенберга» индивидуация сводит диалог к индивидуализированным формам. Между тем развертывание социальных и массовых движений XX века этот процесс поздней культуры, то есть индивидуацию, блокирует.

Позднее, в 1960-е годы, блокирование процессов индивидуации зафиксировал М. Маклюэн, но объяснение этого он будет сводить к последствиям появления столь мощного коммуникативного средства, как телевидение. В данном случае с М. Маклюэном трудно согласиться. В целом процесс им фиксируется верно, но истоки этого процесса связаны с «восстанием масс», что ближе к XX веку в истории и произошло. Мы употребляем слово «ближе» потому, что все, что будет характерным для XX века, уже в XIX веке зафиксировал Г. Лебон, размышляя над трудным движением французов к свободе начиная с конца XVIII века [5]. Первые мыслители, работавшие в парадигме психологии масс, уже констатировали все главное, что, кажется, определит удивительную неактуальность в XX веке предмета нашего внимания — диалога. Омассовление всего и вся, что фиксирует в XX веке Х. Ортега-и-Гассет, приведет к актуализации установок человека массы, отвергнувшего многое из того, что было создано культурой до XX века. Этот радикальный сдвиг будет реакцией на процессы, диагноз которым в XIX веке поставил В. Моррис [6]. Эти процессы — следствие начавше-

гося с Ренессанса обособления искусства от жизни и массы. Нас будет интересовать лишь исчезновение того личного начала в массе, которое обнаружил и проанализировал Г. Лебон. Именно эта утрата индивидуального начала породила воспетый футуристами и вообще художественным авангардом негативизм и нигилизм массы по отношению к любому размышлению и другим точкам зрения. Инакомыслие как основа диалога будет первым врагом массы. А потому нет ничего более чуждого массе, чем диалог. Проблема здесь в том, что вместе с упразднением диалога исчезает значимость не только личностного, но и игрового начала. Однако, как показал Й. Хейзинга, исчезновение из культуры игры означает и умирание культуры в целом.

Этот вывод будет более понятным, если мы, вслед за З. Фрейдом, поймем, что масса предрасположена к преклонению перед сильным лидером с его фанатической верой в существование единой истины, носителем которой этот лидер себя считает [7]. Работая над своим известным трактатом по психологии масс, Г. Лебон имел возможность наблюдать эту выведенную им закономерность в истории революций, гражданских и мировых войн в XX веке, но он ощутил ее в полной мере. А главное, история XX века подтвердила его наблюдение и заключение.

Вернемся к нашему исходному тезису. Казалось бы, значимость диалога станет актуальной проблемой лишь для второй половины XX века, о чем вроде и свидетельствует популярность идей М. Бахтина, не понятых в момент их появления. Но в реальности применительно к этому времени речь идет лишь о возникшей возможности реабилитации и институционализации диалога в разных сферах. На самом деле потребность в понятии, которое в это время становится ключевым, возникает в первой половине XX века, то есть в период, когда недIALOGичность социума достигает апогея и когда нетерпимость к инакомыслию разворачивается на государственном уровне, вызывая к жизни и «архипелаг ГУЛАГ», и мировые войны. Эта психология не может не воздействовать на искусство, которое мобилизуется и призывается к созданию образа врага. Так, выступая в 1935 году на Всесоюзном творческом совещании работников кино, кинорежиссер А. Довженко призывал к воплощению в кино оборонной тематики. «Я не раскрою здесь никакой военной тайны, если буду утверждать, что через несколько лет у нас может быть война. Будет огромная мировая война, участниками которой мы обязательно должны быть... Нужно готовить наше оружие к бою» [8].

Нетерпимость к инакомыслию М. Бахтин в полной мере смог ощутить на себе. Сейчас история непонимания и неприятия его сочинений, их критики описана в специальной монографии [9]. Проблема недIALOGичности возникшего в XX веке социума закрепляется в государственных формах, проявляется в истории XX века в гипертрофированном этатизме, причину которого Х. Ортега-и-Гассет опять же улавливает в психологии человека массы. Этот психологический комплекс, владеющий массой и связанный с нетерпимостью к инакомыслию, оказывается в основе государственной идеологии. Это также за-

крепляется в актуализации феномена врага как оборотной стороны преодоления в разваливающихся и вновь возрождающихся империях социальной аномии или смуты, как эта социальная аномия всегда обозначалась российскими историками. Без феномена врага достичь в массовых обществах солидарности невозможно. Но когда феномен врага актуализируется в истребительных и антигуманных мировых войнах, то сама война, в которой Й. Хейзинга еще находил игровой момент, игру уже совершенно исключает [10]. Констатируя, что современные войны утрачивают свою культурную и, тем самым, игровую функцию, Й. Хейзинга формулирует, что о войне как функции культуры можно говорить лишь в том случае, если она ведется по определенным правилам, то есть ее участники признают друг друга равными, а не стремятся друг друга уничтожить, ибо своих соперников людьми не считают [11]. Но именно эта особенность и была присуща древним грекам, которые не вели войны с «варварами», если только те не нападали первыми. Войны греков чаще всего внутренние, то есть между отдельными городами-государствами, и поводом к войне никогда не было стремление к территориальной экспансии за счет соседей. Война велась по правилам, предполагая уважение к противнику, и, следовательно, сохраняла в себе активный и все определяющий игровой элемент.

Выпуская джина, то есть массу, на арену истории, XX век предстает не диалогическим, а исключительно монологическим, о чем и свидетельствуют военные катастрофы. Царящее в начале XX века прекраснодушие по поводу единения народов и набравшей силу глобализации (хотя тогда это понятие еще не было модным), развертывавшейся как вестернизация, в ситуации предельного омассовления не соответствовало реальности. Естественно, что это омассовление стало психологической предпосылкой возрождения имперских амбиций и наращивания военного потенциала противостоящих друг другу государств. Но даже если мировые войны прекращались, то это временное перемирие обозначалось как холодная война.

В России эффект идей М. Бахтина возникает в период надлома большевистской империи, когда начинается демонтаж фантома врага. Начало этого периода связано с так называемой «оттепелью». Так, необходимость в использовании понятия «диалог» возникает тогда, когда монолог как форма взаимодействия между государствами смысла этого взаимодействия больше уже не исчерпывает. Общества начинают гуманизироваться.

В какой же новой ситуации взаимодействия оказываются существующие на планете народы? Гипертрофия государственной власти и взаимодействие государств по принципу монолога, когда такое взаимодействие трансформируется в военное столкновение, казалось, уходят в прошлое. Вопросы взаимодействия на уровне государств переходят на уровень культур и цивилизаций. Мир выходит на тот уровень истории, когда государство или империя, представлявшие себя единственными субъектами истории, уступают место, конечно, пока еще не личности, как это полагали экзистенциалисты, а культурам и

цивилизациям. Хотя акцент на личности тоже имел место, свидетельствуя о движении общества от империи к открытию значимости культуры. Но, как доказывал Й. Хейзинга, становление и функционирование культуры разворачивается в игровых формах. Следовательно, переход к новому этапу, для которого будет характерна реабилитация культуры, означает и возрождение духа игры, что не замедлит проявиться в художественном подъеме. Вместе с этим начинается качественно иной период истории. В гуманитарных науках возникает культурологическая рефлексия. На лидерство в этой системе наук культурология начинает претендовать тогда, когда в мировой истории происходит разочарование в формах взаимодействия на уровне монолога и начинает ощущаться потребность в иных формах взаимодействия.

Однако для того, чтобы такие формы возникали и утверждались, необходимо было, чтобы трансформировались и формы внутренней жизни народов. В формах внутреннего общежития народов следовало открыть иные связи. Необходимо было, чтобы народы хотя бы в пределах отдельных субкультур или элит выходили за пределы коллективной сферы, на уровень индивидуации. В тот период истории большевистской империи, который начинается с «оттепели», происходила именно такая трансформация. В эту эпоху в России народ начинает ощущать себя не только государством, а особой культурой. Но чтобы снова осознать себя особой культурой, необходимо заново открыть в себе не только индивидуальное, но одновременно и нравственное, и игровое, и национальное, и конфессиональное начала. Это обстоятельство, например, дает о себе знать в формах искусства. В эпоху «оттепели» появляются произведения искусства, позволяющие человеку заново осознать свою идентичность. Эту возможность дают такие произведения, как «Матренин двор» А. Солженицына, «Андрей Рублев» А. Тарковского, «Последний поклон» В. Астафьева и т. д. В данном случае следовало бы вспомнить другое ключевое понятие в концепции М. Бахтина — «карнавал». Как известно, М. Бахтин показал диалогическую природу карнавала. Карнавализация связана со смеховой стихией, точнее, с древними, амбивалентными формами смеха, которым известную дань отдал и Д. С. Лихачев, обратившись к смеху в Древней Руси [12].

Большевистская империя исключала смех. В древних культурах самосознание народа подразумевало карнавальную, следовательно, игровую стихию. Но самодовольная империя в ее большевистской форме эту стихию не допускала. Между тем эпоха «оттепели» стала исходной точкой реабилитации и карнавала, и смеха. В этом смысле весьма показательное издание романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Огромный резонанс публикации в 1960-е годы связан с реабилитацией смеха в эпоху надлома империи. Это один из значимых признаков размораживаемой, выходящей из подполья культуры. Именно в атмосфере осознания человеком себя не только верноподданным империи, но и представителем и носителем культуры в России возникает потребность в преодолении нетерпимости общества по отношению к инакомыслию. Оказывается, что солидарность

внутри общества достигается не только с помощью древнего комплекса врага, но и на уровне культурной традиции. Именно это обстоятельство, то есть видоизменение коллективной идентичности, для которой принадлежность к культуре приобретает особую значимость, становится исходной точкой культурологической рефлексии и появления науки о культуре, первые идеи которой возникли в России еще в эпоху Серебряного века [13]. Открытие художественного и культурного наследия этой эпохи начинается в эпоху «оттепели».

Видимо, именно поэтому на новой фазе отечественной истории для обозначения возникающих новых смыслов потребовались и новые понятия. В эпоху открытия культуры и осознания ее значимости в ситуации надлома таким необходимым понятием оказывается понятие диалога. В этой ситуации выяснилось, что отторгаемое обществом на предыдущей фазе истории «инакомыслие» М. Бахтина оказалось востребованным. Именно его теория способствовала тому, чтобы общество, во всяком случае его творческое меньшинство, на новом этапе ощутило необходимость в институционализации специфических смыслов человеческого бытия. Однако период «оттепели» как период реабилитации культуры был непрочным. Кроме того, реабилитация индивидуации как изживания неприятия инакомыслия обернулась утратой солидарности и социальной аноимией. Это породило испуг и способствовало возрождению ностальгии по империи, какой она была в эпоху Сталина. Негативную роль в этом сыграла психология масс. Массы, едва начавшие в эпоху «оттепели» вновь ощущать себя народами и нациями, сыграли свою роль в последующей бюрократизации и реабилитации сталинизма, и это было определяющим в том, что назовут «застоем». Таким образом, в период реабилитации в России культуры психология массы преодолена была еще не до конца. Она по-прежнему давала о себе знать.

Однако история с использованием понятия «диалог» в широком смысле на этом не заканчивается. Ближе к концу XX века, когда человечество вновь ощущает реальность разворачивающейся глобализации как следствие осознаваемой значимости культуры и культур, позволяющих общаться, исключая феномен врага, возникает необходимость вывести диалог за пределы культуры, при этом не умаляя ее значения. Выясняется, что соотношение диалога и культуры не исчерпывает всех возможных сюжетов истории. В некоторых ситуациях диалог как структурное средство функционирования культуры может поворачиваться иными гранями. Да и сама культура способна функционировать не только как цель, но и как средство. Как свидетельствует история, использование ее государством или большевистской империей в этом качестве привело ее к разрушению. Но в эпоху «оттепели», в ситуации слабости почти упраздненной большевиками православной церкви именно культура становится оппозицией по отношению к государству, ибо является основой и этнической, и национальной, и конфессиональной идентичности. Однако в конце XX века создается ситуация, когда лидерством культуры в процессах истории прихо-

дится жертвовать ради установления диалога между цивилизациями. Речь идет даже не о «жертвоприношении» культуры, а об особой, до сих пор оставшейся латентной ее функции — способствовать установлению и поддержанию цивилизационной идентичности.

Ближе к концу XX века человечество входит в такую фазу истории, когда свои внутренние и внешние формы общежития этносы, нации и народы начинают выстраивать в соответствии с цивилизационным принципом. Каждый народ существует или как особая цивилизация, или как составная часть цивилизации. Последний вариант особенно касается России. Цивилизация как структура, функционирующая в особом, специфическом для нее времени, накладывает особую печать на самоощущение каждого народа, на представление его о самом себе и о других народах. В истории цивилизационный аспект начинает осознаваться поздно. Первыми мыслителями, обозначившими эту проблему до А. Тойнби, были Н. Данилевский, В. Соловьев и О. Шпенглер, признававший, как известно, в постановке подобных вопросов первенство Н. Данилевского. Ренессанс империй в XX веке, особенно большевистской и национал-социалистической (немецкой), ставший возможным на основе процессов омассовления обществ и урбанизации, вытеснял из сознания вопрос не только о диалоге, но и об устройении жизни народов на уровне цивилизации, а значит, и вопрос цивилизационной идентичности каждого народа. Эпоха «оттепели», когда происходит частичное превращение массы в народ и нацию, была лишь вехой на пути к пониманию значимости цивилизационного фактора в истории. В данном случае понятие «цивилизация» мы употребляем не в том значении, которое в него вкладывал О. Шпенглер. Как известно, под цивилизацией он подразумевал лишь тот период в фаустовской культуре, для которого «восстание масс» явилось только одним из ее значимых признаков.

Когда речь идет о России, то здесь важно осознавать не только то, что это единая культура, но и то, что это особая цивилизация, объединяющая более сотни этносов, наций и, что важно, входящих в эту цивилизацию культур. Самосознание этносов и наций, превращенных империей в массы, не могло развертываться в цивилизационном направлении. Чтобы к этому подойти, следовало сначала реабилитировать культуру входящих в состав империи народов. На том этапе истории, когда Россия, объединившая эти нации и культуры, была империей, у народов накопилось немало проблем. В период, когда происходил надлом империи, а солидарность людей обеспечивалась культурой, эти нации и народы получили возможность интенсивного духовного развития, большей самостоятельности и самореализации. Это, правда, обернулось некоторыми трудностями и противоречиями, например вспышкой национализма. Кстати, это относится и к русским. Так, в своей работе о «русской идее» А. Янов приводит много примеров по поводу возрождения в России неославянофильства еще в эпоху «оттепели» [14]. Это неудивительно, ведь в России началось разочарование не только в большевизме, но и в модерне как мировос-

приятию, то есть в просветительской традиции, что берет начало в эпоху Просвещения. Реабилитация национального начала, в чем пришлось разбираться и Д. С. Лихачеву [15], свидетельствует о возвращении к той культурной оппозиции, что многое определила в истории XX века, а вместе с этим и к реабилитации мировосприятия, что возникло вместе с романтизмом. Начиная с эпохи «оттепели» в русской культуре получает развитие неоромантизм, в том числе и в становлении науки о культуре. Возникающая в России наука о культуре будет развиваться на основе традиции романтизма [16], что свидетельствует к тому же о нечувствительности отечественного варианта культурологии к позитивистской методологии.

Однако наступает момент, когда внутренние отношения между народами следует выстраивать уже на уровне цивилизации, объединяющей множество культур. И тут снова без диалога не обойтись, как не обойтись без игровой, смеховой стихии. В эпоху изживания феномена врага и культивирования исторической традиции принцип диалогичности становится определяющим и во взаимоотношениях между разными цивилизациями. По мере того как в отношениях между цивилизациями исчезает монолог, начинает актуализироваться игровое начало. Это обстоятельство, например, делает актуальной проблему возрождения культуры праздника [17]. В связи с актуализацией праздничной культуры возникает вопрос о возрождении древних форм смеха, способного смягчать напряженность, устранять антагонизм в отношениях между социальными группами, этносами и даже цивилизациями. А. Рэдклифф-Браун писал, что «любая серьезная враждебность предотвращается шутивным антагонизмом дразнящих друг друга людей» [18].

Хотя история всегда была и остается историей разных цивилизаций и взаимоотношений между ними, сегодня человечество существует на том этапе истории, когда этот ее аспект становится актуальным предметом осмысления. Снова, как и во взаимоотношениях между народами внутри отдельной цивилизации, в отношениях между самими цивилизациями возникают крайние варианты, связанные с осознанием каждой из них своего исключительного места в истории и с противопоставлением себя другим цивилизациям. Это становится предметом осмысления в известном сочинении С. Хантингтона [19]. Популярность идей С. Хантингтона объясняется тем, что он первым ощутил актуальный нерв истории на современном этапе, связанный с возникшей необходимостью осознания каждым народом своей цивилизационной идентичности, которой он посвятил свою следующую книгу [20].

Имея в виду это обстоятельство, можно утверждать, что вопрос о диалоге, понимаемом как норма взаимопонимания между цивилизациями, будет интересовать нас еще длительное время. От того, как мы будем его осознавать и осмыслять, будет зависеть и успех идеального исторического проекта — проекта глобализации, то есть единения уже в планетарном смысле. Пытаясь показать значимость игровой и, следовательно, художественной стихии во взаимоотношениях между цивилизациями, мы, тем

не менее, отдаем себе отчет в том, что установки некоторых актуальных цивилизаций игровую стихию, кажется, исключают. Это имеет отношение к народам, исповедующим ислам. То, что, скажем, в западной культуре предстает игрой, в исламе оказывается ритуалом. Здесь многое в культуре продолжает восприниматься как сакральное. Ради поддержания сакральных ценностей эти народы нередко оказываются в конфронтации с другими цивилизациями.

Кроме того, нельзя также забывать о той проблеме, с констатации значимости которой в разрушении диалогических взаимоотношений мы начали, а именно о рецидивах омассовления, которые постиндустриальные цивилизации явно не успели окончательно изжить. Для этого имеются все основания. В частности, таким основанием в России продолжает оставаться психология, связанная с ностальгией по империи. Мы уже констатировали актуализацию этой психологии в эпоху «оттепели», которая натолкнулась на барьер в форме имперского комплекса. Распространяющаяся тогда социальная аноμία породила испуг перед распадом империи. Либерализация общества оказалась приостановленной. Сегодня малая значимость либеральных партий в России, еще недавно предельно активных, свидетельствует о новом свертывании либеральных ценностей. Усиливающаяся в начале XXI века в России ностальгия по империи, о которой можно судить, наблюдая попытки реабилитировать фигуру Сталина, естественно исключает диалог. Но, как утверждал либеральный лидер Е. Гайдар, ностальгия по империи может принять катастрофические формы [21]. В качестве примера Е. Гайдар ссылается на психологию немцев после Первой мировой войны и распада германской империи. По его мнению, определяющим мотивом в ней был именно ностальгический мотив. Он принял такие формы, что во многом именно это послужило одной из причин возрождения империи и начала Второй мировой войны.

Однако для человечества даже большей опасностью, чем ностальгия по империи в России, оказывается констатируемая сегодня даже самими американцами опасность возможного перерождения Америки как образцового демократического общества в империю типа Римской. Такая тенденция особенно очевидно проявилась во время правления Д. Буша. Особенно показательным в плане анализа перерождения Америки в империю является исследование Ч. Джонсона [22]. Реабилитация в разных государствах имперского комплекса — реальная опасность для мира и процессов глобализации. Ведь в реальности глобализация сегодня имеет латентную функцию — она осуществляется как американизация. Иначе говоря, глобализация разворачивается как распространение ценностей американской цивилизации на все народы и государства. Именно это обстоятельство и представляет опасность для функционирования локальных культур.

В ситуации, когда Америка перерождается в империю, это становится проблемой. Между тем именно в этом распространении своих ценностей на весь мир и заключается в истории смысл имперского комплекса во всех его проявлениях. В данном слу-

чае трудно глобализационный процесс отделить от имперского. Когда одна цивилизация оказывается способной внедрять свои установки в сознание остальных народов и цивилизаций, возникает благоприятная основа для переписывания истории в соответствии с такими установками. Когда-то такую фальсификацию истории, в том числе и собственной, позволили себе большевики. Не хотелось бы верить, что именно это сегодня происходит с Америкой. Но именно это обстоятельство и свидетельствует о новом распространении монологического мышления уже в цивилизационной форме. Именно поэтому сегодня как никогда мир нуждается в противостоянии имперским амбициям и в оппозиционных противовесах этим амбициям. Таким способом противостояния может служить культура (и культуры), ведь именно в ней получает развитие то уникальное (национальное и ментальное), что в движении человечества к глобализации должно быть сохранено. Именно поэтому роль диалога, в том числе и в процессах взаимодействия между цивилизациями, будет по-прежнему значимой.

Литература

1. Фрейденберг О. Миф и литература древности / О. Фрейденберг. М., 1978. С. 277.
2. Фрейденберг О. Поэтика сюжета и жанра / О. Фрейденберг. М., 1997. С. 222.
3. Хренов Н. Диалог как проблема групповой и субкультурной дифференциации в городах России XIX — начала XX века / Н. Хренов // Социокультурное пространство диалога : сб. / отв. ред. Э. В. Сайко. М., 1999.
4. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. М., 1996. С. 50.
5. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон // Психология толпы. Социальные и политические механизмы воздействия на массы / сост. К. Королев. М. ; СПб., 2003.
6. Моррис В. Искусство и жизнь : избранные статьи, лекции, речи, письма / В. Моррис. М., 1973.
7. Паперный В. Культура Два / В. Паперный. М., 1996. С. 249.
8. За большое киноискусство. Всесоюзное творческое совещание работников советской кинематографии (8—13 января 1935 г.). М., 1935. С. 69.
9. Попова И. Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы / И. Попова. М., 2009.
10. Хренов Н. Игровые аспекты военной культуры императорской России / Н. Хренов // Мир психологии. 1998. № 4. С. 171.
11. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. М., 1992. С. 106.
12. Лихачев Д. Смех в Древней Руси / Д. Лихачев, А. Панченко, Н. Поньрко. Л., 1984.
13. Асоян Ю. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX и начала XX века / Ю. Асоян, А. Малафеев. М., 2000.
14. Янов А. Русская идея и 2000 год / А. Янов // Нева. 1990. № 11. С. 173.
15. Лихачев Д. Заметки о русском / Д. Лихачев // Лихачев Д. Избранные работы : в 3 т. Л., 1987. Т. 2.
16. Хренов Н. Романтическая парадигма в современной культурологической мысли / Н. Хренов // Полигнозис. 2009. № 2.
17. Эстетико-культурологические смыслы праздника. М., 2009.
18. Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе / А. Рэдклифф-Браун. М., 2001.
19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. М., 2003.
20. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. М., 2004.
21. Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России / Е. Гайдар. М., 2007.
22. Джонсон Ч. Немезида. Последние дни американской республики / Ч. Джонсон. М., 2008.

Синсин Чанг¹

ПОСТРОЕНИЕ БОЛЕЕ ГАРМОНИЧНОГО МИРОПОРЯДКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

22 апреля 2005 года на Афро-Азиатском саммите в Джакарте президент Китая Ху Цзиньтао впервые выдвинул предложение о «совместном строительстве гармоничного миропорядка». 15 сентября того же года на праздновании 60-летия ООН президент Ху Цзиньтао системно развил новую концепцию «строительства гармоничного миропорядка, где будут царить прочный мир и всеобщее процветание»². На XVII съезде Коммунистической партии Китая он выдвинул предложение, «чтобы народы всех стран общими усилиями продвигали строительство гармоничного миропорядка с прочным миром и всеобщим процветанием народов всех стран»³. Исходя из фундаментальных оценок современной международной ситуации и глобального развития, опираясь на внутреннее развитие экономики и политики Китая, Центральный комитет Коммунистической партии Китая во главе с Генеральным секретарем Ху Цзиньтао обобщил цели и принципы внешней политики и международной стратегии Китая в новой концепции гармоничного миропорядка.

Рассмотрим четыре основных тезиса данной концепции.

1. Созидание внутреннего гармоничного общества и содействие построению гармоничного миропорядка вовне как прачная консолидация внутренней и внешней политики Китая.

Содействие построению гармоничного миропорядка представляет собой внешнее продолжение внутренней стратегической задачи Китая — созидания гармоничного социалистического общества. Внешняя политика страны обычно является продолжением ее внутренней политики. Внутренняя политика страны, хотя порой и не в полной мере, сочетается с ее внешней политикой и должна, как правило, вестись последовательно, базироваться на тех же ценностях и политической логике, что и внешняя политика.

Принятая Китаем концепция содействия построению гармоничного миропорядка представляет собой внешнее продолжение его внутренней стратегии. Сочетание созидания гармоничного общества внутри страны и содействия построению гармоничного миропорядка за ее пределами составляет в новый период времени стратегию всенародного развития при единстве внутренней и внешней политики.

Внутреннее гармоничное общество также взаимосвязано с содействием построению гармоничного международного сообщества. С одной стороны, внутренняя гармония Китая — это основа для содействия строительству гармоничного международного

сообщества. Только при условии создания гармоничного общества внутри страны, реализации экономического процветания и политической стабильности мы сможем эффективно продвигать строительство гармоничного миропорядка.

С другой стороны, гармоничность международного сообщества дает возможность обеспечить внешние условия для гармоничного развития страны. Лишь в гармоничном международном окружении мы сможем сосредоточиться на создании гармоничного общества путем достижения интенсивного и быстрого развития. Со времени III пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая 11-го созыва, проведенного в 1978 году, экономическое развитие стало основной задачей, и более чем за 30 лет напряженных усилий экономическое развитие Китая ознаменовалось огромными достижениями. Однако в целом Китай все еще остается развивающейся страной, которая хотя и удовлетворила основные жизненные потребности своего народа, но должна по-прежнему сосредоточиваться на экономическом развитии, всесторонне укрепляя государственную мощь и совершенствуя материальное и культурное благосостояние народа.

Для достижения долговременных стратегических целей и создания гармоничного общества внутри страны Китай должен бороться за мирное и стабильное международное окружение. Только в условиях мирного международного окружения страна способна осуществлять всестороннее развитие внешнеэкономических связей, а также использовать собственные сравнительные преимущества в международной экономике с целью скорейшего роста национальной экономики.

Будучи ответственной великой державой, которая сосредоточена на экономическом развитии, улучшает при этом материальное и культурное благосостояние народа и выстраивает гармоничное общество, Китай остается приверженцем созидания для себя мирного международного окружения.

Основная цель гармоничного миропорядка — установление справедливого и разумного нового международного политического и экономического порядка, а также реализация прочного мира и процветания во всем мире. Что касается определения гармоничного миропорядка, оно было дано в Белой книге, озаглавленной «Китайский путь мирного развития»: «Китай считает, что гармоничный миропорядок должен быть демократическим миропорядком, гармоничным миропорядком, справедливым миропорядком и всеобщим миропорядком»⁴.

Заместитель министра иностранных дел Китая Ян Цзечи также раскрыл суть этой концепции: «Гармоничный мир, который мы пропагандируем, должен быть миролюбивым, стабильным миром. В этом мире страны доверяют друг другу и мирно сосуще-

¹ Профессор Высшей школы общественного развития (КНР), доктор философии.

² См.: Ху Цзиньтао. Идти в ногу со временем, целеустремленно строить будущее, создавать новое стратегическое партнерство между Азией и Африкой // People's Daily. 2005. 23 апр.; Он же. Попытка установить долговременный, мирный и процветающий всюду гармоничный миропорядок // People's Daily. 2005. 16 сент.

³ Там же.

⁴ Белая книга под названием «Китайский мирный путь развития» опубликована пресс-бюро Государственного Совета Китая (Пекин, 2005).

ствуют, а также вместе поддерживают мир и безопасность во всем мире с помощью справедливых и эффективных мер безопасности. Гармоничный миропорядок, который мы пропагандируем, должен быть демократическим и справедливым миром. В этом мире каждая страна обладает равным суверенитетом, международные связи основаны на правовой системе и принципе многоукладности, мировые проблемы решаются всеми странами на основе консультаций. Гармоничный миропорядок, который мы отстаиваем, должен быть миром взаимной выгоды и сотрудничества. В этом мире экономическая глобализация наряду с прогрессом в науке и технике способствует общему развитию международного сообщества и, прежде всего, развивающихся стран. Гармоничный миропорядок, который мы отстаиваем, должен быть открытым миром, миром для всех. В этом мире разнообразные цивилизации взаимодействуют друг с другом и дополняют друг друга, а различные социальные системы и различные модели развития могут учиться друг у друга и развиваться совместно»¹.

2. Содействие построению гармоничного миропорядка является необходимым требованием для следования путем мирного развития.

В конце 1980-х годов высший руководитель Китая Дэн Сяопин предложил содействовать установлению нового международного политического и экономического порядка, который должен отражать общие устремления и интересы людей во всем мире и базироваться на пяти принципах мирного сосуществования, целях и принципах Устава ООН, а также других общепризнанных нормах международных отношений.

28 мая 2003 года, выступая в Московском государственном институте международных отношений (Университете) Министерства иностранных дел РФ с речью, посвященной тому, как «на века быть добрыми соседями и совместно двигаться по пути развития и процветания», президент Китая Ху Цзиньтао детально разработал базовые аспекты содействия в установлении справедливого и рационального международного политического и экономического порядка. Он утверждал, что мы должны:

- способствовать демократизации международных отношений;
- поддерживать и уважать разнообразие мира;
- внедрять новую концепцию безопасности, основанную на взаимодоверии, взаимной выгоде, равенстве и сотрудничестве;
- способствовать равномерному развитию глобальной экономики;
- относиться с уважением к ООН и Совету Безопасности ООН и играть там важную роль.

После начала реформ и политики открытости в 1978 году Китай постепенно интегрировался в существующий международный механизм, принимал участие во все возрастающем числе международных экономических организаций, быстро поспедал за темпами экономической глобализации и стал инициа-

тором нового витка экономической глобализации. Поэтому мы пропагандируем строительство нового международного политического и экономического порядка посредством реформ, но не насилия.

В международном сообществе Китай — конструктивный соратник, и мы хотим реализовать новый международный политический и экономический порядок путем позитивного участия в международных делах, участия в составлении и пересмотре международных норм, строительстве международной системы, а также путем постепенного реформирования нецелесообразных и несправедливых компонентов существующей международной системы.

С 1978 года Китай встал на путь мирного развития и торжественно заявил перед лицом всего мира, что он будет неустанно придерживаться этого пути. Своими практическими действиями Китай доказал, что он является не соперником, но участником существующего порядка.

Являясь заинтересованной в международном порядке стороной, Китай будет использовать все возможности, чтобы играть конструктивную роль в международных делах в качестве ответственной великой державы. Сегодня мы предлагаем содействовать построению гармоничного миропорядка, что, по сути, означает установление справедливого и разумного нового международного политического и экономического порядка. Содействие построению гармоничного миропорядка лишней раз убеждает международное сообщество в том, что Китай будет неустанно придерживаться пути мирного развития. Для мира же развитие Китая — это его позитивный вклад и открывающиеся всем возможности, а не вызов, не говоря уже об угрозе, поскольку Китай всегда был и остается конструктивной силой в поддержании мира во всем мире и в содействии общему развитию.

3. Содействие построению гармоничного миропорядка согласуется с фундаментальными интересами Китая и с общими устремлениями людей во всем мире.

Гармония — важная ценность традиционной китайской культуры, а также одна из общепризнанных ценностей человеческого общества.

Исторически Китай — миролюбивая нация, а традиция китайской политической культуры обладает всеми качествами миролюбия. Большинство героев истории Китая прославились тем, что отражали вторжения чужеземцев, но не тем, что участвовали во внешней экспансии. В Новое время Китай испытал на себе агрессию империализма и колониализма, и этот тяжкий опыт научил китайский народ ценить независимость, равенство и свободу, а также ненавидеть любую форму агрессии и экспансионизма.

Эта историческая традиция и национальная психология оказали глубокое воздействие на внешнюю политику Китая. После образования Китайской Народной Республики Председатель Коммунистической партии Китая Мао Цзэдун, описывая внешнюю политику новорожденной республики, подчеркивал, что в будущем Китай никогда не вторгнется ни в какую другую страну². Мао неоднократно спо-

¹ См.: Агентство новостей Китая (2006. 3 апр.): «Смысл китайского гармоничного миропорядка в подробных разъяснениях заместителя министра иностранных дел Китая Ян Цзечи». URL: <http://www.china.org.cn/>

² Мао Цзэдун. Об идее военной стратегии Мао Цзэдуна. Пекин, 1993. С. 220.

собствовал установлению дипломатических отношений с другими странами, основанных на равенстве и взаимной выгоде, а также на взаимном уважении к суверенности и территориальной целостности. Эта идея легла в основу «Пяти принципов мирного сосуществования». Позднее Дэн Сяопин подчеркивал, что китайский социализм — это социализм приверженцев мира¹. Будучи лидером Китая, Дэн торжественно провозгласил в ООН, что если Китай последует курсом гегемонии, то люди других стран воспротивятся этому и низвергнут гегемонию вместе с китайским народом².

Преемник Дэна Цзян Цзэминь также много раз повторял, что Китай на протяжении более ста лет подвергался нашествиям и угнетению, поэтому он не станет угрожать никакой другой стране. В настоящее время Центральный комитет КПК во главе с Генеральным секретарем Ху Цзиньтао пропагандирует содействие построению гармоничного миропорядка. Эта новая концепция более отчетливо отражает главные цели китайской дипломатии в новую эпоху.

Содействие построению гармоничного миропорядка — желание не только Китая, но и всех народов мира. Мир и развитие в настоящее время остаются двумя основными темами мировой политики, а тенденции мировой многополярности и экономической глобализации продолжают усиливаться вопреки всем перипетиям. Последовательно укрепляются факторы поддержания мира, обуздания войны и подавления гегемонии.

С учетом тенденции к многополярности, прямая конфронтация между великими державами становится все менее вероятной, а практическое сотрудничество усиливается, и в мировом сообществе крепнет желание противостоять односторонней гегемонии сверхдержав. Столкнувшись с вызовами экономической глобализации, страны (главным образом великие державы) стали уделять больше внимания укреплению международного и регионального сотрудничества, и во всем мире государства в поисках путей развития начали больше полагаться на международное и региональное экономическое сотрудничество. Продолжает развиваться движущая сила мировой интеграции; углубляется взаимозависимость наций и интеграция интересов.

Все эти тенденции представляют реальную основу для построения гармоничного миропорядка, который мы отстаиваем. Он весьма точно соответствует сегодняшним глобальным тенденциям, способствующим миру, развитию и сотрудничеству.

4. Построение гармоничного миропорядка требует усилий и содействия от каждой страны.

Как строить гармоничный миропорядок? Автоматически он не возникнет: это зависит от усилий и сотрудничества народов. Как следует из выступления президента Ху Цзиньтао в ООН в сентябре 2005 года, из сути его речи в ЦК о международной политике в августе 2006 года и из стратегической линии, представленной в докладе на XVII Всекитайском съезде

КПК, мы должны содействовать этой цели по следующим четырем направлениям.

В политике нам следует сосредоточиться на повышении взаимного уважения, расширении консенсуса и выстраивании своих отношений со всеми другими странами, основываясь на пяти принципах мирного сосуществования. Мы должны также содействовать реформе ООН, поддерживая ее авторитет и Устав, способствуя ее эффективности и укрепляя возможности в сдерживании новых угроз и вызовов. Кроме того, мы должны пропагандировать приверженность международному праву и признанным всеми нормам международных отношений, уважая право каждой страны на выбор собственной общественной системы и своих путей развития, поощряя при этом демократизацию международных отношений.

В экономической сфере мы должны направить усилия на углубление сотрудничества, всеобщего развития и взаимной выгоды, содействия достижениям экономической глобализации и научного прогресса и стремления к всеобщему процветанию. Без всеобщего развития и процветания вся планета не сможет в полной мере пребывать в мире. Экономическая глобализация должна быть на пользу всем странам, особенно развивающимся.

В области культуры нам следует поощрять цивилизации к укреплению взаимосвязей и взаимодействия, углублению взаимопонимания. Многообразие цивилизаций — важный источник прогресса человечества.

В сфере безопасности мы должны сосредоточить усилия на углублении взаимного доверия, укреплении диалога и усилении сотрудничества с каждой страной, поддерживая принципы многосторонних отношений и стремясь к всеобщей безопасности.

Мы должны отказаться от мышления в стиле холодной войны, поощрять новую концепцию безопасности, основанную на взаимном уважении и взаимной выгоде, равенстве и сотрудничестве. Чтобы избежать конфликтов и войн, мы должны также создать справедливый и эффективный механизм коллективной безопасности.

Соседние регионы представляют собой зоны первостепенной важности для интересов нашей страны. Следовательно, мы должны уделять больше внимания отношениям с ними и содействовать их постепенному превращению в регионы долговременного и повсеместного процветания, мира и гармонии³.

В процессе содействия построению гармоничного мира мы должны также осознавать, что в международном сообществе еще существуют трудноразрешимые противоречия и острые конфликты. Характерные черты этих противоречий и конфликтов определяются тем, что мировой порядок пока еще пребывает в важной стадии перехода к многополярности и борьба между одно- и многополярностью остается по-прежнему напряженной. В ходе углубляющегося развития экономической глобализации соперничество в некоторых областях, таких

¹ Дэн Сяопин. Избранные труды : в 3 т. 1-е изд. Пекин, 1993. Т. 3. С. 128.

² См.: People's Daily. 1974. 10 апр.

³ См.: Ху Цзиньтао. Попытка установить долговременный, мирный и ведущий к процветанию гармоничный миропорядок // People's Daily. 2005. 16 сент.

как энергетика, наука и техника, рынки и трудовые ресурсы, все более и более ожесточается. Разрыв между Севером и Югом растет, и проблема неравномерного развития становится все более болезненной.

Ситуация в сфере международной стратегической безопасности в целом стабильна, но традиционные и нетрадиционные угрозы для безопасности взаимно переплетены, и факторы нестабильности и неопределенности, несущие угрозу миру и развитию, усиливаются. Хотя механизмы многосторонних отношений и международное сотрудничество существенно эволюционировали, развитые страны Запада по-прежнему занимают доминирующее положение в отстаивании и расширении своих законных интересов.

Борьба идет за лидерство в новом международном порядке, а вот какого рода международный порядок следует установить, остается вопросом существенным и трудным.

Существование этих сложных противоречий нельзя преодолеть одними лишь нашими субъективными упованиями, и потому построение гармоничного миропорядка, несомненно, станет нелегкой задачей. Построение гармоничного миропорядка не означает отказ от борьбы, но требует взаимодействия и сотрудничества. Содействуя процессу построения гармоничного миропорядка, мы должны энергично пресекать действия, которые угрожают нашему суверенитету, безопасности и интересам развития, а также наносят ущерб общим интересам всех других стран.

**В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²**

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК ПРОДВИЖЕНИЕ К НОВЫМ СИНТЕЗАМ

На Лихачевских чтениях мы уже не раз обращались к теме, которая почти не представлена в работах, посвященных творческому наследию Д. С. Лихачева. Речь идет о его личном участии в продвижении и реализации чрезвычайно важных экологических проектов, состоявшихся во многом благодаря его авторитету, принципиальности и настойчивости. Этот интерес к собственно экологической тематике никогда не афишировался, поскольку основным вектором научной работы было системное изучение и сохранение культурной среды, а также расширение предметной области экологии как научной и вузовской дисциплины, которая, по его мнению, не должна сводиться к защите биологической среды. Такая

заинтересованность объяснялась не только гражданской позицией и пониманием значимости защиты среды обитания.

Не менее важный мотив его деятельности — особенности мировосприятия ученого, отличавшегося глубоким видением той внутренней связи, которая существует между цивилизационным развитием и уровнем экологической культуры, а также между социокультурными и природными факторами, влияющими как на процесс становления отдельных цивилизаций (культурно-исторических типов) и этногенез, так и на характер межцивилизационных контактов. Д. С. Лихачев полагал, что именно культурная среда создает феномен «духовной оседлости», привязанности человека и народа к родным местам, без чего и долгосрочная экологическая политика теряет смысл. Такой подход может и должен быть положен в основу стратегии долгосрочного устойчивого развития, так как приближает нас к пониманию закономерностей природного и культурного синтеза в процессе цивилизационного развития, что позволяет органично соединить экологический и социокультурный аспекты стратегического планирования и прогнозирования.

Позиция Д. С. Лихачева основана на глубокой научной традиции. К примеру, М. Вебер в работе с говорящим названием «Кризис европейской культуры» рассматривал культурное и социальное развитие, познание природы и самопознание как *процесс цивилизации*. Благодаря этому процессу происходит, по его мнению, продвижение к совершенно новым синтезам, открывающим внутреннее единство творчества, его законы. Однако цивилизационный рост имеет и другое измерение — разрушение неразделимого природного и культурного наследия, которое накапливается тысячелетиями, но может быть утрачено в одночасье. Цивилизационный кризис в том и заключается, что культурная деградация, демографическая катастрофа и утрата цивилизацион-

¹ Академик Российской академии наук, член Президиума РАН, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН и Средне-Уральского научного центра Российской академии медицинских наук (Екатеринбург), доктор медицинских наук, профессор. Автор двух научных открытий, 29 изобретений, более 500 научных работ, в т. ч. 28 монографий: «Патофизиология», «Иммунофизиология», «Альфа-фетопротеин», «Иммунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека: метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и др. Академик РАН. Главный редактор «Российского иммунологического журнала», «Вестника Уральской медицинской академической науки», вестника Уральского отделения РАН «Наука. Общество. Человек», «Иммунология Урала». Президент Российского научного общества иммунологов, председатель Уральского общества иммунологов, член Совета Российского фонда фундаментальных исследований. Депутат Государственной Думы РФ, председатель Комитета Государственной Думы по науке и наукоемким технологиям.

² Профессор кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ, лауреат Премии Правительства РФ в области науки и техники. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Единство и преемственность сознания», «Концептуальный поиск: традиции, новаторство, ответственность», «Творчество и догматизм», «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования», «Экология человека в изменяющемся мире».

ного многообразия как бы накладываются на экологическое оскудение, связанное с лавинообразным сокращением естественного биологического разнообразия. Это две стороны одного феномена, имеющие общее происхождение — разрыв цивилизационной преемственности и сугубо прагматическое, хищническое отношение к природному и культурному наследию.

Установка эта заключается в том, что «методологический ключ» к пониманию механизмов возникновения, становления и взаимодействия мировых цивилизаций — приоритетное изучение процессов природного и культурного синтеза (в его онтологическом понимании). Этот синтез по-разному проявляет себя в контексте мировой и национальной истории с учетом многих факторов и, в первую очередь, территориально-региональных отличий (климатических, географических и ресурсных, социально-экономических и конфессионально-этнокультурных), специфических механизмов накопления и сохранения природного и культурного наследия великих и малочисленных народов. Среди факторов такого рода следует выделить также внутривосточные и геополитические реалии, способные кардинально изменить ход истории в том или ином регионе планеты, особенности национальных укладов и влияние на них господствующего технологического уклада, характер социальной структуры общества и динамику ее эволюции, баланс интересов различных социальных групп и стратегические цели долгосрочного развития. Все это во многом предопределяет выбор цивилизационного пути, жизнеспособность и конкурентоспособность культурно-исторических типов.

При этом природный и культурный синтез придает самобытность каждому культурно-историческому типу, что в полной мере касается России и подтверждается самой историей становления ее государственности. Изучение сущности и механизмов природного и культурного синтеза открывает многие закономерности межцивилизационных контактов, а также характер противоречий и конфликтов, неизбежно возникающих в процессе вынужденной унификации национальных культур и размывания цивилизационных отличий под натиском геопроектного политического мышления и, что намного важнее, вполне объективных глобальных трендов, стимулирующих конкуренцию проектов глобального переустройства.

Среди основных трендов — мощная тенденция «десуверенизации», под действие которой попадают не только страны-аутсайдеры и «страны-изгои», но и ведущие европейские государства (примером служит становление «пирамидальных политических надстроек» Евросоюза) с перспективной становления так называемой «цивилизации № 1». Именно так западные политологи иногда называют частичное или полное упразднение института национального гражданства с появлением «планетарной федерации», населенной «гражданами мира» (все эти выражения — эвфемизмы стратегий строительства так называемого «однополярного мира», несовместимых с сохранением полицивилизационного мироустройства). С этой

же тенденцией связано и ожидаемое значительное увеличение численности «потребителей первого уровня» (расширение «золотого миллиарда») в течение одного-двух десятилетий.

Подобная тенденция многократно увеличит степень антропо- и техногенной нагрузки не только на отдельные биосистемы, но и на планетарную социоприродную систему в целом, подрывая тем самым природные гаранты существования не только мировых цивилизаций, но и человека как вида. В качестве контрмеры (своего рода «анти-тренда») этому разрушающему природу и культуры процессу рассматривают обычно набирающую силу «экологическую модернизацию и реконструкцию». При этом забывают уточнить, что экологическая модернизация — это оборотная сторона указанного «цивилизационного проекта», а сама экологизация всех областей политики и сфер жизнедеятельности также является фактором тотальной унификации укладов жизни (основы основ цивилизационной преемственности) и усиления глобального контроля.

К сожалению, в современной «цивилизациологии», как подметил Ф. Фернандес-Арместо в книге «Цивилизации», полностью посвященной природным факторам становления самобытных цивилизаций (эти факторы он называет «вязким окружением» в генезисе цивилизаций), доминируют «линейные» и «прогрессистские» схемы. Это обстоятельство крайне затрудняет понимание феномена природного и культурного синтеза, в результате чего «человеческая» история (история цивилизационного развития), которую, по мнению Фернандес-Арместо, правильнее было бы поднять до уровня «исторической экологии»¹, сводится к набору заведомо тупиковых концептуальных схем. Их набор сравнительно невелик — от различных вариаций на тему географического детерминизма (теоретические построения самого Фернандес-Арместо иногда воспроизводят эти схемы) до узкодисциплинарных подходов, сложившихся в рамках отдельных областей общественных наук или всего гуманитарного цикла.

В последнем случае достижение общего понимания сводится, по словам основателя интерпретативной антропологии К. Гирца, к простой координации терминов или искусственному созданию новых терминов, а иногда к навязыванию единого набора категорий всей сфере исследований. С таким выводом вполне можно согласиться, поскольку в процессе сопоставительного анализа культур и цивилизаций действительно «следует искать систематические взаимоотношения между разными явлениями, а не сущностные подобию явлений одного и того же порядка». Для достижения этой цели придется «заменить “стратегическую” концепцию связей между разными сторонами человеческого существования синтетической, т. е. такой, в которой биологический, психологический, социологический и культурный факторы могли бы рассматриваться как переменные в рамках единой системы анализа»².

Выявлению причин доминирования заведомо односторонних исследовательских стратегий, харак-

¹ Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации. М., 2008. С. 29.

² Гирц К. Интерпретация культуры. М., 2004. С. 55.

терных даже для авторов, с именами которых связаны самые влиятельные научные теории и основные конкурирующие школы, составляющие основу современной «цивициологии» (это не слишком удобоваримое название постепенно входит в научный оборот), следовало бы посвятить специальный аналитический обзор. При этом, несомненно, акцент придется сделать на факторах экстранаучного характера, например, на идеологической ангажированности ученых, особенностях политики в области планирования и финансирования научных программ и проектов, методах выборочной институционализации дисциплин, специфике научной инфраструктуры. Но для того чтобы установка на приоритетное изучение природного и культурного синтеза превратилась из пожелания в исследовательский императив, потребуются значительные усилия и длительная работа.

Дело в том, что для достижения этой цели необходимо переосмысление многих устоявшихся парадигм и, главное, организация масштабных междисциплинарных научных проектов с участием многих ведущих ученых, способных органично соединять профессионализм и «методологическую толерантность» — качество, исключительно редко демонстрируемое в тех случаях, когда осуществляется «стыковка» принципиально различных методологий и технологий научной работы. Видимо, по этой причине сколько-нибудь интересного опыта реализации подобных проектов применительно к цивилизационной проблематике еще не было. Ею успешно занимаются, по преимуществу, «чистые гуманитарии», которые если и выходят за парадигмальные границы своих «научных делянок», то делают это либо в рамках смежных отраслей знания и «общей культуры» (совершенно необходимое качество для «цивициологов»), либо с использованием «вторичной информации», «адаптированных знаний», усвоенных из

«далеких миров» — сфер узкоспециализированного естественно-научного знания.

Еще труднее «стыковка» дается «цивициологам-естествоиспытателям» при освоении ими гуманитарного поля. При этом следует особо отметить, что труды основателя наиболее продуктивных подходов при изучении цивилизаций Н. Я. Данилевского (в 2009 г. Россия могла бы широко отметить 150-летие со дня выхода его великой книги «Россия и Европа...») были и остаются уникальным образцом и примером органичного «внутреннего» синтеза естественных и гуманитарных знаний.

Сегодня даже наиболее подготовленные и энциклопедически эрудированные специалисты не в состоянии осуществить полноценный синтез научных дисциплин, представляющих весь спектр современного знания. Существенному усилению «социоприродной составляющей»¹ такого проекта способствует тесное сотрудничество Северного социально-экологического конгресса, который уже утвердился как крупный международный форум, ставший перспективной площадкой для обсуждения наиболее острых проблем оптимизации северной стратегии России, и Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия (сопредседатели — академики Г. В. Добровольский и Е. П. Челышев). Опыт такого сотрудничества накоплен в процессе организации и проведения V конгресса. Следующий, VI конгресс «Экологическая безопасность и этнокультурная политика приарктических стран», который открыл свою работу в г. Тромсе в рамках крупного международного форума (Норвегия, январь 2010 г.), продолжит обсуждение заявленных тем в Москве в апреле 2010 года. Одна из конференций московского этапа конгресса «Цивилизационное развитие Севера и Арктики России» организована совместно с Научным советом и пройдет в МГУ (философский факультет).

А. О. Чубарьян²

ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ К ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

В последние годы широкое распространение получила концепция глобальной истории. Ей было

¹ Разделение социального и экологического применительно к отраслевой политике носит условный характер, поскольку функциональная цель экологической политики заключается не столько в защите природы от антропо- и техногенного воздействия, сколько в защите человека от природы «после того, что мы с нею сделали».

² Академик Российской академии наук, директор Института всеобщей истории РАН, президент Государственного академического университета гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 11 книг: «Мирное сосуществование. Теория и практика», «Брестский мир. 1918 г.», «Европейская идея в истории. Взгляд из Москвы», «История XX века. (Новые методы исследования)», «Истоки цивилизации», «Западная Европа и США» и др. Ответственный редактор периодических изданий: «Европейский альманах», «Россия и Балтия», «Цивилизации», Международного журнала социальных наук, Международного журнала «Cold War History». Главный редактор журнала Международной ассоциации ин-

посвящено специальное заседание Международного комитета исторических наук. Выходят журналы, посвященные этой концепции, публикуются монографии и статьи.

В связи с этим формируются и новые дефиниции всемирной истории и глобальной культуры. Например, всемирная история трактуется не как сумма национальных историй, а как самостоятельная сфера исследований, отражающая всемирность исторического процесса и тотальность мировой культуры.

ституты истории стран СНГ «Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ». Член редколлегии журнала «Новая и новейшая история». Президент Российского общества историков-архивистов. Председатель Национального комитета российских историков. Президент Международной ассоциации институтов истории стран СНГ. Член Королевской норвежской академии. Член Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию.

И все это анализируется в рамках общего процесса глобализации.

Особый интерес вызывает эволюция взаимоотношений национальных историй и всемирной истории. Развитие концепции национальных историй началось еще в XIX веке, когда в Европе неуклонно шел процесс укрепления национальной государственности, и получило новый стимул после успехов деколонизации, когда на авансцену мировой жизни вышли многие десятки государств Африки и Азии.

Существенный дополнительный стимул получила идея и проблематика национальной истории после распада СССР, когда бывшие советские республики стали независимыми государствами и едва ли не главной задачей их новых элит стало формирование своих национальных историй. В течение последних 20 лет историки, политологи, культурологи этих стран вместе с представителями политических элит приложили немало усилий, чтобы сформировать и обосновать концепцию своей национальной идентичности и национальной истории.

Отражением всех перечисленных явлений стало то, что в последние несколько лет во многих странах приобрела популярность проблема национальной идентичности. Ей посвящаются значительное число научных конференций и круглых столов. Столь усиленное внимание к вопросам национальной идентичности вызвало дополнительный интерес к исследованиям национальных историй.

Соответственно налицо и возрастание роли культурной идентичности и автономии. Один из приме-

ров этого — ситуация в рамках Европейского Союза. Отцы-основатели Союза когда-то мечтали о едином государстве и прочих аспектах объединения. Успехи европейской интеграции в последние годы, казалось, подтверждали эту тенденцию. Но оказалось, что страны — члены Европейского Союза отнюдь не намерены отказываться от своей национальной культурной автономии и идентичности. Наоборот, мы являемся свидетелями бурного развития и популяризации национальных культур, включая язык, историю, литературу, искусство и т. п.

Подводя некоторые итоги, можно сделать вывод, что ныне в мире и соответственно в науке (в исторических исследованиях, культурологии, политологии и т. п.) идут параллельные процессы: универсализация, значительное внимание к глобальной истории, пониманию мира (в том числе и его истории) в его целостности, к глобализации культуры и прочего — и одновременно рост национального самосознания, поиски национальной идентичности и резко возросший интерес к национальной истории. Видимо, все это будет развиваться в направлении синтеза национального и интернационального; важно, чтобы национальные истории и особенности национальной культуры не входили в противоречие с тенденцией к глобализации, универсальности, всемирности. Именно в этом плане можно оценивать повышенный интерес к проблемам диалога культур и цивилизаций, межкультурным коммуникациям, пониманию национальной истории и культуры как органической составной части мировой истории и культуры.

В. Е. Чуров¹

ВЫБОРЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В СОВРЕМЕННОМ МНОГОПОЛЯРНОМ И МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ (Сравнительный анализ)

«Из беседы Президента Российской Федерации с руководителями российских телеканалов 24 декабря 2009 года “Итоги года с Президентом России”».

Д. А. МЕДВЕДЕВ: — Вы знаете, демократия никогда не бывает всеобъемлющей. Никогда не бывает политической системы, которая бы покрывала все предпочтения граждан. Никогда не бывает политической системы, где все партии полностью закрывают все политические предпочтения, все интересы людей. Да, у нас сейчас в нашем Федеральном собрании представлены четыре политические партии. В общей сложности у нас есть семь политических

партий, которые работают в стране, зарегистрированных, то есть официально признанных и являющихся федеральными партиями.

...я считаю, что и четыре политические партии, которые представлены в Государственной Думе, и три другие партии — это все основа нашей демократической политической, партийной системы, которая тоже будет развиваться. Никто из нас не знает, сколько будет партий, допустим, через 10–15 лет. Может быть, будет семь, может быть, будет больше десятка, а может быть, мы в какой-то период выйдем на ту тропу, по которой стала развиваться американская демократия, которая базируется на двух партиях. Это должны выбрать сами граждане, и помочь им должны политические партии, которые должны быть действенным элементом политической системы».

Избиратели, безусловно, — главные участники любой избирательной кампании. И в России их политическая активность растет.

Кто на самом деле занят подготовкой выборов?

Во-первых, выборы готовят политические партии, выдвигающие кандидатов, списки кандидатов,

¹ Председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, профессор кафедры экономики СПбГУП. Автор свыше 30 научных публикаций и ряда публицистических работ: «Голосует вся Россия: о правовых и организационных особенностях грядущих выборов», «Избирательное законодательство и выборы в современном мире», «Демократия и культура: проблемы взаимодействия избирательных систем и национальных культур»; научно-художественных повестей: «Тайна четырех генералов», «Путешествие с гвардии генерал-майором артиллерии Владимиром Иосифовичем Брежневым от Будапешта до Вены» и детских романов «Рассказы Джона Сильвера», «Рассказы старого дворника».

назначающие доверенных лиц и уполномоченных представителей, готовые многочисленные наблюдатели, партийных агитаторов.

Во-вторых, в подготовке выборов заняты средства массовой информации. Они являются посредниками и доводят до сведения избирателей идеи, политические платформы, информацию об участниках избирательного процесса (то есть о кандидатах и партиях); они обеспечивают исполнение избирательными комиссиями своих функций по информированию избирателей.

В-третьих, это институты гражданского общества, специализирующиеся на контроле за организацией выборов.

В-четвертых, организацией выборов занимаются представители исполнительной власти — администрации на местах, которые в соответствии с законодательством создают материальную базу для работы избирательной системы.

Пятый «отряд» — это законодательные органы, начиная от нормотворчества на уровне местного самоуправления до Государственной Думы и Совета Федерации.

И, наконец, «шестой отряд» — это 5,5 тыс. сотрудников, работающих на профессиональной основе в территориальных избирательных комиссиях, избирательных комиссиях субъектов Российской Федерации и в Центральной избирательной комиссии РФ, к которым на федеральных выборах присоединяется еще 1 млн членов участковых избирательных комиссий.

Именно поэтому избирательная система представляется *ключевой основой* демократического государства в мирное время.

Политический институт выборов в широком смысле представляет собой совокупность общественных отношений, возникающих в процессе и в связи с формированием органов государственной власти и местного самоуправления путем выборов.

Выборы — процедура формирования государственного органа и наделяния полномочиями должностных лиц, осуществляемая коллегиально, публично, на конкурентной основе.

Выборы как политический институт — это обязательный и постоянно действующий элемент политической системы. В определенной мере можно говорить об институте выборов как универсальном политическом институте, выполняющем интегративную функцию в политическом процессе.

Особого внимания применительно к России заслуживают вопросы о необходимости формирования политических институтов, их востребованности гражданами, обществом в целом, их реальном значении в политическом процессе, правовом и практическом статусе и т. п.

Выборы в современном мире

Каждая страна свободна в выборе конкретных параметров своей избирательной системы, обусловленных ее историей, традициями, эволюцией общественно-политических институтов. Ни к одному суверенному государству не может быть применен какой-либо один «универсальный шаблон» демократии.

Национальные особенности электоральных моделей можно приветствовать, если они обеспечива-

ют реальный учет воли избирателей и реализацию избирательных прав граждан. Диапазон возможных электоральных моделей и конкретных избирательных процедур весьма широк и отражает разнообразие путей демократического развития, пройденных государствами.

Выборы легитимируют власть. Посредством выборов народ определяет своих представителей и наделяет их мандатом на осуществление их суверенных прав. Тем самым реализуется одно из важнейших прав человека и гражданина. Всеобщая декларация прав человека (1948) установила: «Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же путем других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования».

Основной тенденцией развития избирательного процесса в современном мире стало его насыщение автоматизированными электронными средствами голосования.

Технические средства голосования. Некоторые направления развития систем электронного голосования за рубежом

Одним из перспективных направлений использования современных информационных технологий является развитие электронного голосования избирателей.

Под термином *электронное голосование* (E-Voting) понимается применение технологии получения и подсчета голосов избирателей, а также подведения итогов голосования с помощью любых электронных средств.

Электронное голосование может проводиться на избирательном участке с использованием таких электронных технологий, как система оптического сканирования, автоматически считывающая информацию с бумажного бюллетеня или система прямой записи через сенсорный экран или кнопочный терминал.

Самостоятельным видом электронного голосования является удаленное (дистанционное) голосование с использованием информационно-телекоммуникационной сети общего пользования Интернет (далее — интернет-голосование) или других каналов связи (например, телефонная линия, мобильная телефонная связь).

Перечень стран по типам используемых систем электронного голосования в избирательной практике:

Системы оптического сканирования, автоматически считывающие информацию с бумажного бюллетеня (аналоги российского КОИБ — комплекса обработки избирательных бюллетеней): Великобритания (DRS, INDRA), Венесуэла (Smartmatic), Филиппины (Smartmatic).

Системы прямой записи через сенсорный экран (аналоги российского КЭГ — комплекса для электронного голосования): Колумбия (Smartmatic), Венесуэла (INDRA), Великобритания (INDRA), Португалия (INDRA), Словения (INDRA), Испания (INDRA), Бразилия (Diebold), США (Diebold).

Системы прямой записи через кнопочный терминал: Ирландия (Nedap), Германия (Nedap), Нидерланды (Nedap), Индия (Electronics Corporation of India Limited), Кения (Electronics Corporation of India Limited, предстоящие выборы).

Системы дистанционного электронного голосования: Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Франция, Дания, Испания, Норвегия, Болгария, Эстония, Португалия, Молдова, Канада, США, Австралия (системы различных производителей).

Использование при голосовании систем удаленного доступа делает факт голосования независимым от места нахождения избирателя. Таким образом, использование Интернета позволяет привлечь к избирательному процессу граждан, которые в силу тех или иных причин не могут принять непосредственного участия в выборах.

Вместе с тем мировой опыт показывает, что для внедрения и эффективного использования электронного голосования требуется долгая и согласованная работа государства, политических и общественных организаций, экспертного сообщества по преодолению технических, организационных и правовых проблем, возникающих на пути внедрения данной системы.

К настоящему времени многие страны активно разрабатывают национальные проекты электронного голосования избирателей, в том числе интернет-голосования.

Общая информация об опыте применения систем электронного голосования

Нидерланды

Здесь принята программа действий в области электронного правительства, в рамках которой предполагается с помощью сети Интернет превратить голосование в более простой и доступный для граждан процесс. Высокую заинтересованность в этом проявили муниципалитеты страны. На выборах в Европарламент 2005 года избирателям, проживающим за рубежом, была предоставлена возможность проголосовать через Интернет или по телефону. В перспективе предполагается применять электронное голосование на выборах всех уровней.

Швейцария

На национальном уровне правовая база для проведения пилотных проектов по электронному голосованию была создана в 2002 году после одобрения Федеральным советом. Эксперимент проводился в трех кантонах, в том числе в Женеве. Результаты двух официальных избирательных кампаний превзошли ожидания организаторов. Явка избирателей составила 43,6 и 28,9 % соответственно. 90 % швейцарцев, которые участвовали в интернет-голосовании, хотели бы снова принять участие именно в электронном голосовании.

Женева провела восемь интернет-голосований и процент явки никогда не был ниже 20. Анонимность была обеспечена тем, что для голосующих через Интернет не было именного списка, а только номера действительных карточек для голосования. При случайном прочтении результата голосования нельзя было определить личность проголосовавшего,

а только его номер. Также в целях безопасности процесса голосования было предусмотрено «перемешивание» электронной урны перед ее открытием, то есть электронные бюллетени считывались не по мере их поступления, а в произвольном порядке.

По итогам были сделаны три основных вывода: при интернет-голосовании невозможно манипулирование с бюллетенями; гарантия регистрации голоса путем появления на экране компьютера уведомления о приеме голоса по окончании передачи данных; использование **ID-карточки третьим лицом не позволяет** голосовать за избирателя, так как он идентифицирует себя, указав свой секретный код, дату и место рождения. В настоящее время Федеральным советом принято решение о постепенном распространении электронного голосования во всех кантонах.

Великобритания

В 2002–2005 годах проводились масштабные тесты систем электронного голосования, на которые правительство выделило около 30 млн фунтов. В 2002 году в ряде районов было разрешено голосование через Интернет (с домашних компьютеров) и мобильные телефоны (посредством SMS-сообщений). Основная причина — желание привлечь молодежь к участию в выборах.

На муниципальных выборах в Ливерпуле в порядке эксперимента было разрешено голосовать через Интернет, по мобильному и обычному телефону.

Вместе с тем такая технология дистанционного голосования подвергалась серьезной критике. Основные аргументы противников — ненадежность систем дистанционного голосования и большая вероятность мошенничества. Исследование, проведенное университетом De Montfort University, показало, что электронные методы голосования могут противоречить закону 1998 года о правах человека, принятому в странах Евросоюза. Этот закон гарантирует, в частности, тайну голосования, что, как считают некоторые исследователи, в электронных системах невозможно обеспечить. В качестве аргумента приводится пример, когда в Ливерпуле было возбуждено дело, связанное с нарушением прав человека при электронном голосовании.

Вместе с тем в мае 2007 года на местных выборах в графстве Суиндон использовалась технология, разработанная организацией Every Town Counts, которая гарантировала четкое и упорядоченное голосование и точный подсчет голосов. Избиратели могли голосовать по телефону, через Интернет, находясь дома, на рабочем месте, в публичных библиотеках или с любого из 300 портативных компьютеров, расположенных в 65 точках по всему району. В планы властей входит создание в ближайшее время Института электронного голосования.

С 2000 года в Великобритании было проведено более 150 пилотных проектов по использованию электронного голосования в 100 округах. Было охвачено около 6,4 млн избирателей, реализовано 17 централизованных проектов электронного голосования — интернет-киоски, интерактивное телевидение, телефония, SMS. 14 проектов включали применение сети Интернет: голосование с любого подключенного к сети компьютера с помощью персонального пароля,

получаемого одновременно с карточкой для голосования.

Франция

С 2003 года интернет-голосование используется для граждан, находящихся за границей (около 800 тыс. человек). Фактически через Интернет голосуют не более 2 % тех, кто имеет на это право.

Дания

В марте 2006 года на муниципальных выборах в г. Архусе было использовано интернет-голосование. По мнению экспертов, его дальнейшее распространение в Дании потребует ужесточения режима защиты информации и недопущения многократных голосований одним и тем же человеком.

Испания

Проведено несколько тестов систем электронного голосования. В 2004 году принят закон об электронном правительстве для Баскской автономии, содержащий положение об электронном голосовании. На референдуме в феврале 2005 года из двух миллионов избирателей (в 52 муниципалитетах) интернет-голосование использовали около 10 тыс. граждан.

Ирландия

На выборах 2004 года в Европарламент от использования уже приобретенных электронных систем для голосования (производства Nedap) отказались: закупленное оборудование было признано ненадежным, а программное обеспечение требовало доработки.

В 2009 году Ирландское правительство приняло волевое решение отказаться от дальнейшего внедрения системы электронного голосования. Существующее оборудование нуждается в серьезной модернизации, которая легла бы тяжким бременем на ирландских налогоплательщиков, считают власти страны.

Оборудование в количестве 7500 устройств производства нидерландской компании Nedap было закуплено еще в 2004 году. Общие расходы, включая содержание оборудования, достигли 51 млн евро. При этом система так и не была внедрена, поскольку, как выяснилось, она имеет серьезные уязвимости, позволяющие третьим лицам влиять на результаты голосования.

Норвегия

В 2004 году Министерство местного самоуправления и регионального развития создало рабочую группу для изучения возможности применения электронного голосования. Итогом проведенной работы в 2006 году стал доклад, указывающий на возможность (после устранения серьезных недостатков технологической базы) введения электронного голосования. В частности, интернет-голосование предполагается использовать только при досрочном голосовании.

В 2009 году министерство провело тендер по выбору разработчика системы интернет-голосования и в декабре подписало контракт на создание единой автоматизированной системы информационного обеспечения подготовки, проведения и подведения итогов всех выборов в Норвегии. В 2011 году планируется проведение пилотных выборов с использованием создаваемой системы интернет-голосования в 9 муниципальных округах. По результатам будет принято решение об использовании системы в национальном масштабе.

Болгария

В марте 2005 года было проведено экспериментальное интернет-голосование, в котором приняло участие более 1 тыс. молодых избирателей. В настоящее время рассматривается законопроект, предусматривающий интернет-голосование на национальных выборах и выборах в Европарламент.

Эстония

Электронное голосование проводится с 2005 года. При введении интернет-голосования учитывался тот факт, что сетью Интернет пользуются более 63 % граждан в возрасте от 25 до 40 лет. Впервые интернет-голосование было опробовано на выборах в органы местного самоуправления. «Электронная явка» составила почти 10 тыс. избирателей (всего избирателей 940 тыс.).

В 2007 году впервые среди стран — членов ОБСЕ электронное голосование использовано на выборах депутатов национального парламента и президента. Через сеть Интернет голосовали более 30 тыс. человек — около 3 % избирателей.

По утверждениям организаторов выборов, вопросы безопасности интернет-голосования и идентификации участников выборов не представили серьезной технической проблемы. Были использованы разработки в сфере интернет-банкинга, который практикуется в Эстонии уже 10 лет. Для участия в интернет-голосовании необходимо иметь компьютер с выходом в Интернет и устройство для считывания данных персонального электронного удостоверения личности (внутригосударственный удостоверяющий личность документ, обязательный для граждан, достигших 15-летнего возраста, позволяющий также ставить электронную подпись).

Что касается процедуры наблюдения за ходом интернет-голосования, то при отсутствии возможности наблюдения за индивидуальным голосованием избирателя существует возможность наблюдения за процедурой на центральной системе.

Португалия

Электронное голосование тестировалось во время выборов 2004 и 2005 годов: около 150 тыс. проживающих за границей граждан Португалии получили возможность проголосовать через сеть Интернет, однако юридической силы поданный таким образом голос не имел.

Германия

Принят национальный закон о тестировании устройств для электронного голосования, проведено около 30 тестов дистанционного голосования (в основном в частных компаниях, корпорациях).

Молдова

В рамках национальной стратегии развития предполагается создание системы электронного и дистанционного голосования для граждан, находящихся за рубежом. Проведение первого интернет-голосования планируется во время парламентских выборов в 2013 году.

Канада

Электронное голосование на муниципальных выборах применяется с середины 1990-х годов. Первое интернет-голосование состоялось в 2003 году во время выборов главы Новой демократической пар-

тии. В 12 муниципалитетах провинции Онтарио с 2006 года частная компания CanVote обеспечивала интернет-голосование порядка 100 тыс. избирателей с помощью системы, основанной на использовании идентификационных номеров и паролей.

США

Первым опытом интернет-голосования стали предварительные выборы Демократической партии США в штате Аризона в марте 2000 года, что, по оценкам организаторов, позволило увеличить явку. В 2002 году в нескольких штатах использованы системы электронного голосования на выборах в сенат, в 2004 году — на выборах президента. Вместе с тем первые системы электронного голосования подвергались серьезной критике вследствие ненадежности аппаратного и программного обеспечения (в частности, из-за отсутствия общенациональных стандартов, так как каждый штат организует систему голосования самостоятельно).

По итогам высказанных критических замечаний системы электронного голосования США совершенствовались, и сейчас многие специалисты оценивают их как достаточно надежные. Усовершенствовано также соответствующее законодательство штатов.

Американская система электронного голосования названа «диалоговой»: она состоит из регистрации избирателя на виртуальном избирательном участке, прохождения нескольких степеней контроля и собственно голосования. Для избирателей, находящихся за рубежом и голосующих дистанционно (прежде всего военнослужащих), подготовлена памятка. В феврале 2008 года было организовано интернет-голосование на первичных выборах для избирателей-демократов, находящихся за границей.

Австралия

Электронное голосование с выделенными избирательными пунктами практикуется с 2001 года. В 2002 году Австралийская избирательная комиссия по просьбе политиков и парламентских комитетов подготовила отчет о ходе работ по внедрению электронного голосования, в том числе через Интернет, в котором отмечались преимущества и недостатки этой формы голосования. С 2004 года парламентский комитет по выборам занимался подготовкой необходимой нормативной базы для возможности интернет-голосования военнослужащих, находящихся в отдаленных районах мира. В 2007 году был принят соответствующий закон и осенью того же года данный вид голосования был использован на парламентских выборах.

Индия

Серия выборов с применением электронных машин для голосования (EVM) производства Electronics Corporation of India Limited прошла в Индии в апреле-мае 2009 года. Выборы прошли в пять туров, результаты были объявлены 16 мая 2009 года. Это одни из самых масштабных демократических выборов с применением электронных машин для голосования, их сложность обусловлена огромным числом избирателей и сложностью подсчета голосов.

Факты о выборах в Индии:

— общая стоимость проведения выборов составила 2 млрд долларов;

— всего в выборах в Индии, стране с населением в 1,18 млрд человек, приняли участие и проголосовали 714 млн человек;

— было организовано 828 804 избирательных участка, задействовано 1368 тыс. электронных машин для голосования и 5,5 млн голосующих чиновников;

— более 6 млн полицейских и сотрудников безопасности были задействованы для обеспечения проведения выборов и охраны электронных машин для голосования;

— явка составила 60 %;

— по окончании выборов 1368 тыс. электронных машин для голосования были перенесены из строго охраняемых хранилищ (4600 залов) в более чем тысяча центров, где был проведен подсчет голосов.

Филиппины

На предстоящих 10 мая 2010 года всеобщих выборах на Филиппинах впервые в Юго-Восточной Азии будет полностью автоматизировано голосование на избирательных участках. Избирательная комиссия Филиппин по итогам тендера приобрела 82 200 машин для голосования, с использованием которых на предстоящих выборах на всех 7107 островах архипелага смогут проголосовать 50 млн избирателей. Электронное голосование на Филиппинах состыкуется с системой автоматизированной обработки и подведения итогов голосования, передачи данных о выборах в вышестоящие избирательные комиссии.

На Филиппинах процесс внедрения автоматизированных систем голосования начался с 2007 года, когда национальный Конгресс принял новое законодательство о выборах, устанавливающее обязательную процедуру автоматизированного голосования на всех местных и общенациональных выборах. Принятие нового закона было направлено на обеспечение большей степени достоверности итогов голосования и сокращение временных рамок объявления официальных результатов выборов.

Новые требования филиппинского законодательства было решено материализовать через использование на избирательных участках сканеров избирательных бюллетеней, подобных российским комплексам обработки бюллетеней. По итогам тендера, проведенного Избирательной комиссией Филиппин в июне 2009 года, по ее заказу международным консорциумом «Смартматик-ТИК» была поставлена комплексная система современного оборудования автоматизации голосования.

Расходы на разработку и внедрение оборудования новой системы голосования «под ключ» Избирательной комиссии Филиппин составили до 150 млн долларов США. В течение менее чем одного года Комиссия полностью оборудовала автоматизированными системами голосования 37 тыс. избирательных участков, а также обеспечила постоянную и, по мнению филиппинских организаторов выборов, надежную зону покрытия государственной сети мобильной связью, сохранив также дополнительно 5853 комплекса технических устройств голосования в резерве для соответствующих региональных избирательных комиссий на различных островах архипелага.

Пробное официальное тестирование нового оборудования было успешно проведено филиппинскими организаторами выборов 6 февраля 2010 года. В нем приняли участие реальные избиратели, реальные операторы технических устройств электронного голосования, операторы систем обобщения итогов голосования. Тестирование, проведенное в реальном режиме, воспроизвело все этапы предусмотренных законом избирательных процедур: фактического голосования, подсчета голосов, передачи результатов, а также подведения результатов выборов на уровне соответствующих избирательных территорий.

«Пробные» выборы, по мнению местных экспертов и журналистского сообщества, прошли вполне успешно, чтобы рекомендовать новую систему голосования для первого официального использования на всеобщих выборах 10 мая 2010 года, минуя возможные промежуточные этапы дополнительного тестирования в рамках проведения местных избирательных кампаний.

Выводы. В целом зарубежная практика электронного голосования свидетельствует о том, что, несмотря на достаточно серьезные замечания экспертов, многие страны настойчиво продолжают работу в данном направлении.

В 2008 году Экспертным центром по электронному голосованию и участию в выборах Европейской комиссии был опубликован доклад Р. Криммера и Р. Шустера, главной задачей которого являлся анализ и сравнение условий для внедрения электронного голосования, а также факторов, обеспечивающих готовность к использованию электронного голосования в 31 стране мира, включая страны ЕС, Россию, Швейцарию, США и Венесуэлу.

Прочные позиции Российской Федерации в списке стран, потенциально готовых к использованию электронного голосования, признаются зарубежными экспертами. В упомянутом выше докладе показатели уровня готовности к использованию электронного голосования в России находятся практически на одном уровне с такими странами, как Швейцария, Франция, Германия, Австрия, Швеция.

Сертификация систем электронного голосования

В рамках европейских институтов, в частности Совета Европы, приняты нормативные документы, регламентирующие использование и разработку систем электронного голосования: «Рекомендации по правовым, организационным, техническим аспектам электронного голосования» (сентябрь 2004 г.), «Рекомендации по электронному правительству» (декабрь 2004 г.), «Рекомендации по электронной демократии» (февраль 2009 г.). Участники европейского диалога по данной проблематике пришли к консенсусу о необходимости соблюдения требования по проведению международной сертификации систем электронного голосования в контексте проведения демократических выборов, а также о необходимости выработки единых стандартов по сертификации систем электронного голосования.

К числу последних международных встреч в данной области, в частности, относится мероприятие по линии Совета Европы 26–27 ноября 2009 года в Страсбурге (Франция). Здесь состоялось заседание

экспертной группы по сертификации электронного голосования. На заседании был представлен широкий круг специалистов в области электронного голосования от 20 государств — участников Совета Европы, Парламентской ассамблеи Совета Европы, Венецианской комиссии СЕ, Международного института по демократии и правам человека (Швеция), Конгресса местных и региональных властей Совета Европы, Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ.

В БДИПЧ ОБСЕ акцентируют внимание на необходимости соблюдения принципов демократических выборов при использовании электронного голосования, а именно: на заблаговременной выработке и наличии правовой базы, регулирующей использование электронного голосования, а также соблюдении требования об обязательном проведении предварительного аудита оборудования, которое предстоит использовать в день выборов, обязательном предоставлении публичной отчетности по итогам тестирования.

Вместе с тем в целом ряде стран, к примеру в Швейцарии, вопросами электронного голосования и его сертификации с 2001 года занимаются «на национальной площадке». При этом в процессе развития электронного голосования здесь акцентируют внимание на необходимости в первую очередь обеспечить безопасность данных. Достигнут национальный консенсус по данному вопросу. Тем временем интернет-голосование как наиболее предпочтительный способ волеизъявления практически полностью вытеснило доминировавшее в стране голосование по почте (в Женеве традиционно 95 % избирателей голосует по почте и только 5 % — в УИК).

В свою очередь, за пределами Старого Света, в США работы по национальной сертификации избирательного оборудования проводятся с 1994 года (сначала для механических устройств для голосования, а с 2001-го — для электронных и сенсорных машин для голосования). Внедрена и успешно функционирует единая общенациональная система, включающая различные модификации автоматизированного и электронного (в том числе сенсорного) голосования. Данное оборудование, прошедшее национальную сертификацию в США по заложенным в его основу техническим решениям, схоже с экспериментальным российским оборудованием.

Высокий уровень доверия к национальным системам электронного голосования также высвечивается по итогам опросов общественного мнения, проведенных в ходе пилотных проектов в Российской Федерации в единые дни голосования на региональных выборах в 2008–2010 годах.

Выводы. Итоги экспериментального электронного опроса избирателей с использованием интернет-технологий показали правильность выбранного направления, необходимость продолжения эксперимента, решения технических проблем, совершенствования нормативной базы.

Государство, партии, выборы

Развитие многопартийности в России отражает сложный процесс формирования политической системы постсоветского общества. Особое влияние

на становление многопартийности оказывают изменения избирательной системы, позволяющие не только определить ее специфику, но и показать роль политико-правовых механизмов в этом процессе.

Основные направления оптимизации избирательной системы, все изменения в избирательном законодательстве направлены на усиление связи граждан с политическими институтами, должны способствовать росту гражданского самосознания, развитию институтов гражданского общества и совершенствованию политической системы в целом. При этом граждане, а не партии находятся в центре избирательной системы, поскольку только их волеизъявление, доверие политическим партиям формируют политическую систему общества путем свободных выборов.

У любой развитой демократии политические партии имеют примерно одинаковый электоральный рейтинг как на местных и региональных, так и на общенациональных выборах.

Классический пример этому — соотношение земельных и федеральных выборов в бундестаг ФРГ, выборы сенаторов и конгрессменов в США и т. д. С этой точки зрения, по этому критерию Россия достигла развитой демократии уже к концу 2003 года.

Под выборами понимают прямые всеобщие равные выборы при соблюдении тайного голосования. Однако форм и видов выборов гораздо больше. Скажем, в суверенной демократии США выборная избирательная система — децентрализованная, не всеобщая, неравная, непрямая и в ряде штатов не обеспечивающая тайны выбора. Однако это — суверенная демократия.

В Российской Федерации сходным образом осуществляются выборы губернаторов. Категорически неверно говорить о том, что у нас губернатор не является выборным лицом, замещающим государственную должность. Да, сейчас не проводятся прямые выборы губернаторов, но не прямые — проводятся. Во-первых, избирается законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации, в котором (по только что измененному законодательству) кандидатуры на пост губернатора предлагаются президенту партией, обладающей большинством депутатских мандатов. Ровно таким же образом, как и большинство выборщиков в США избирают президента.

Во-вторых, вносит кандидатуру губернатора — главы региона Президент Российской Федерации — всенародно избранный равным прямым и тайным голосованием.

И, наконец, в-третьих, одобрение кандидатуры, предложенной президентом, осуществляют избранные всеобщим равным прямым и тайным голосованием депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Вопрос о том, что лучше — прямые или не прямые выборы, является предметом политической дискуссии и не имеет отношения к организации демократической системы органов власти.

В любом демократическом государстве, а мы убедились в том, что демократические принципы фор-

мирования органов власти осуществляются в суверенной форме — от конституционной, а иногда даже абсолютной монархии до прямой парламентской системы, с множеством особенностей для каждого государства, *избирательная система является стратегическим ресурсом*; без нее не могут быть сформированы демократические органы власти.

Хорошо работающая избирательная система обеспечивает в соответствии с международными, зафиксированными в обязательных документах, нормами демократические выборы с разумной периодичностью.

Международное наблюдение. В законодательстве Российской Федерации закреплён институт международного наблюдения на наших федеральных выборах. Большинство стран Европы сейчас следуют нашему примеру и включают эту норму в свое законодательство. Не так давно это сделала Австрия.

Но постоянно возникают споры, связанные с тем, что до сих пор нет международно признанного, одобренного и подписанного документа о международных стандартах наблюдения.

Страна, приглашающая к себе миссию международного наблюдения за выборами, требует от нее только прозрачности работы на трех этапах — при формировании миссии, во время работы миссии и при формировании итогового доклада.

Открытость и гласность избирательного процесса. Нет лучшего способа повышения доверия к избирательной системе, чем гласность и открытость. Для сравнения нами были выбраны сайты центральных избирательных органов следующих стран: Российской Федерации, США, Республики Перу, Федеративной Республики Германия, Польши и Украины.

Был определен перечень из 32 критериев, позволяющих установить степень информационной открытости сайтов избирательных органов. Оценивалась доступность для граждан сведений о нормотворческой деятельности, принятых решениях, ходе и результатах избирательных кампаний, результатах международной деятельности и т. д. Перечень критериев был основан на ряде положений международного права, а также опыте исследовательских коллективов, прежде всего Института развития свободы информации.

Анализ показал, что наибольшую информационную открытость демонстрирует сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (удовлетворяет 26 из 32 критериев).

Сайты Национальной службы по избирательным процессам (Oficina Nacional de Procesos Electorales, ONPE) и Национального суда Перу по вопросам выборов (Jurado Nacional de Elecciones, JNE) удовлетворяют 23 из 32 критериев.

Сайт Центральной избирательной комиссии Украины (Центральна виборча комісія України) удовлетворяет 16 из 32 критериев.

Сайт Федеральной избирательной комиссии Соединенных Штатов Америки (Federal Election Commission) удовлетворяет 14 из 32 критериев.

Сайт Федерального уполномоченного по проведению выборов Федеративной Республики Германии (Der Bundeswahlleiter) удовлетворяет 12 из 32 критериев.

При сравнении официальных сайтов центральных избирательных органов зарубежных стран по объему представленной на них информации оказалось, что средний объем сайтов составил около 150 Мб.

На фоне сайтов центральных избирательных органов зарубежных стран вновь выделяется официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, суммарный объем которо-

го — более 2,14 Гб, что почти в 10 раз превышает размер сайта Центральной избирательной комиссии Польши.

Таким образом, сравнительный анализ показал, что официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации является одним из самых открытых, а деятельность ЦИК РФ отвечает всем международным требованиям гласности.

**Ю. С. Шемшученко¹,
А. В. Кресин²**

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И РОЛЬ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Сравнительное правоведение, как справедливо отмечается в наиболее экономически, политически и культурно развитых странах мира, имеет чрезвычайно высокий потенциал. И не только для развития собственно юридических наук, но и с точки зрения влияния на интенсификацию международного политического сотрудничества и международных экономических связей, реформирования политической и правовой жизни, социогуманитарного образования, формирования демократического, плюралистического мировоззрения молодого поколения.

Сравнительное правоведение — методологически насыщенная наука, которая способна содействовать обновлению, преодолению методологического кризиса в правоведении и социогуманитарных науках в целом. Систематические и поддерживаемые на государственном уровне сравнительно-правовые исследования являются признаком зрелости государства, его готовности занимать активную позицию на международной арене, осуществлять продуманную и успешную внешнюю политику, потому что сравнительное правоведение — одна из ключевых дисциплин при подготовке дипломатов, специалистов по международным отношениям и международной экономике — дает не просто знание, а понимание

иностранного, международного и европейского права. Развитие сравнительно-правовых исследований и образования является залогом эффективной защиты экономических интересов государства и хозяйствующих субъектов на двустороннем и многостороннем уровнях, успешного представления интересов государства, юридических лиц и граждан в международных судах.

Осуществление эффективных политических и правовых реформ невозможно на основе только национального опыта или простого ознакомления с законодательством определенных стран, что мы и могли наблюдать на протяжении двух последних десятилетий. Это требует систематизированного научного знания об общемировых и региональных тенденциях правового развития, которое аккумулируется прежде всего сравнительным правоведением. Последнее является единственно возможным социогуманитарным аналогом эксперимента, лабораторного опыта или испытания в точных и естественных науках, и потому его ценность для правовых реформ трудно переоценить.

Внедрение сравнительного правоведения и производных от него дисциплин при разработке проекта Концепции развития юридического образования в Украине было признано одним из ключевых направлений реформирования последнего: ведь только познание национального права в общемировом и региональном контекстах может дать будущему специалисту понимание настоящего значения норм национального права, недостатков, системных проблем и возможных путей его реформирования.

Однако не менее важным является ценностный потенциал сравнительного правоведения, который проявляется в уже упомянутом влиянии на формирование демократического, плюралистического мировоззрения молодого поколения. Признано, что оно содействует преодолению таких негативных явлений, как изоляционизм, крайние проявления национализма и радикализма, шовинизм и другие формы чувства превосходства и нетерпимости. Сравнительное правоведение дает понимание многоликости и плюральности в мировом развитии, равноценности политико-правового и культурного опыта разных народов, формирует мировоззренческие основы для диалога цивилизаций.

¹ Академик Национальной академии наук Украины, иностранный член Российской академии наук, директор Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины (Киев), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины. Автор свыше 800 научных работ, в т. ч. книг: «Местные Советы и обеспечение законности», «Человек, природа, закон», «Академическая юридическая мысль», «Государственный и общественный контроль в области охраны окружающей среды», «Правовые проблемы экологии», «Природа и закон», «Правовой статус Академии наук Украины»; научных статей: «Экологическая конституция земли: концептуальные подходы», «Современная система энергетического законодательства Украины и основные направления ее совершенствования», «Проблемы развития аграрного права в Украине» и др. Академик-секретарь Отделения экологического и аграрного права Академии правовых наук Украины. Главный редактор ежегодника научных работ «Правовое государство». Лауреат премии НАН Украины им. М. П. Василенка. Государственной премии Украины в области науки и техники.

² Ученый секретарь, старший научный сотрудник Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины (Киев), кандидат юридических наук, доцент. Автор ряда научных публикаций по сравнительному правоведению.

В развитых западных странах сравнительное правоведение является высокоинституционализированной сферой научных исследований, образования и практической деятельности. То, что в 2010 году исполняется 200 лет сравнительному правоведению, является хорошим поводом для всесторонней оценки его научного и ценностного потенциала, обобщения его достижений и формирования системы мероприятий, направленных на обеспечение его дальнейшего развития в постсоветских странах.

Сравнительное правоведение изучается уже по крайней мере 140 лет¹, а в специализированный предмет исследования превратилось уже более столетия назад². Несмотря на достаточно широкий спектр взглядов на этот предмет, по нашему мнению, можно выделить характерные позиции исследователей относительно времени возникновения, основных факторов и периодов в развитии сравнительного правоведения. Конечно, с учетом характера основного привлеченного исследователями материала речь может идти лишь о взглядах на западную — европейскую и американскую — юридическую компаративистику.

Прежде всего практически все ученые соглашались в том, что в XIX веке в сравнительно-правовых исследованиях произошли кардинальные качественные изменения, от которых ведется отсчет современного сравнительного правоведения. Период до XIX века характеризуется следующими особенностями: 1) бессистемность, фрагментарность исследований, которые были делом отдельных немногочисленных ученых; 2) отсутствие определенной и последовательно применяемой методологии исследований; 3) господство естественно-правового направления юридической мысли, логико-спекулятивного изучения права; 4) несформированность объектов сравнения — национальных правовых систем; вместо этого сравнение осуществлялось между наднациональными и партикулярными правовыми массивами, которые одновременно применялись в фрагментированном праве определенного региона, — так называемое «внутреннее сравнительное право».

Формирование сравнительного правоведения значительная часть ученых видит в развитии юридической мысли, а также в появлении исторической и историко-философских (гегельянской и неокантианской) школ в Германии в 1810–1820-х годах и полемике между ними. Методологические подходы именно этих школ, по мнению большинства ученых, составили идейное содержание определенного периода развития сравнительного правоведения (до 1860-х гг.). Вместе с тем часть ученых считает роль исторической школы права в формировании сравнительного правоведения противоречивой — как положительной, так и отрицательной (Л.-Ж. Констан-

тинеско) или откровенно отрицательной (Г. К. Гаттеридж, У. Эвальд).

Другим проявлением становления сравнительного правоведения в этот период стали, по мнению ученых, позитивистские по своему характеру, компаративистские исследования первой половины XIX века (К. И. А. Миттермайера, Г. А. Сахарие, Ж. Л. Э. Лерминье, Ж. Ж. Г. Феликса и ученых, которые входили в их круг). Некоторые исследователи указывают и на первые проявления институционализации сравнительного правоведения в то время — появление первых специализированных кафедр и журналов. Вместе с тем начало XIX века как дата появления юридической компаративистики обосновывается и другими, ненаучными по своему характеру факторами, такими как кризис революционного движения в Европе и завершение в результате кодификации права оформления ряда национальных правовых систем.

Среди характерных для этого периода особенностей сравнительного правоведения ученые отмечают: 1) перенесение внимания ученых с внутреннего на внешнее сравнение с целью поиска удачных правовых решений различных проблем; 2) неотделенность юридической компаративистики от изучения зарубежного права, неопределенность ее сущности и предмета; 3) осуществление сравнения прежде всего между правовыми системами континентальной Европы; 4) лидерство в компаративистских исследованиях немецких ученых.

Исходя из этого, по нашему мнению, наиболее точно сущность периода, который длился с начала XIX века до 1860-х годов, определил Р. Б. Шлезингер: сравнительное правоведение стало специализированной сферой юридических исследований. Вместе с тем с точки зрения становления отдельной юридической дисциплины этот период, вслед за У. Хугом, следует признать «эмбриональным».

Следующий период в развитии сравнительного правоведения, по мнению части ученых, связан с распространением социологически-позитивистского (эволюционного) направления в 1860-х годах, учреждением Общества сравнительного законодательства во Франции и кафедры исторического и сравнительного правоведения в Оксфордском университете в 1869 году, а также специализированных журналов. Некоторые ученые также указывают на движение за обновление немецкого частного права, которое привело к принятию Германского гражданского уложения (У. Эвальд), и появление этнологического направления (А. Х. Саидов).

Характерными особенностями периода, который длился с 1860-х до 1910-х годов (то есть до начала XX в.), как отмечают исследователи, стали: 1) представление об однолинейности, стадиальности, закономерности всемирного правового развития, понимание сравнительного правоведения как сравнительной (общей, универсальной) истории права; 2) стремление отыскать для каждой конкретной ситуации единственно правильное правовое решение, наилучшую правовую норму среди разных национальных правовых систем, которая может быть принята и применена в любой стране, идея об «общем законодательном праве», обоснование и обслуживание

¹ Ренненкамф Н. К. О современной обработке сравнительного правоведения // Порівняльне правознавство : Антологія української компаративістики XIX–XX століть / ред. О. В. Кресина. Київ, 2008.

² Pollock F. The History of Comparative Jurisprudence // Journal of Society of Comparative Legislation. New series. 1903. Vol. 5.

унификационных проектов; 3) сравнительное правоведение существовало прежде всего в форме сравнительного законодательства, в котором предметом исследования были преимущественно законодательные нормы; 4) начало его теоретического осмысления, хотя оно еще не отделилось от сравнительно-правового метода.

По мнению значительной части авторов проанализированных нами работ, именно в это время сравнительное правоведение превращается в отдельную отрасль юридической науки / область исследований / научную дисциплину. Некоторые ученые считают, что оно и возникло именно в 1869 году (например, У. Хуг, Р. Хайленд), а некоторые — что это был лишь его «эмбриональный» период (например, Р. Сакко).

Новый период в развитии сравнительного правоведения, как отмечает часть ученых, начался на рубеже XIX—XX веков, а отправным моментом при этом стал Международный конгресс сравнительного права в Париже в 1900 году. Также некоторые исследователи считают 1900 год датой возникновения юридической компаративистики. Другие ученые считают, что этот период начался в 1910—1920-е годы.

Разные подходы исследователей к периодизации обусловлены прежде всего разными критериями. Парижский конгресс, безусловно, был выдающимся событием, которое удостоверило признание существования сравнительного правоведения и определенной «корпорации» компаративистов. Также он стал поводом для ученых системно изложить свои взгляды на природу, предмет и объект этой научной дисциплины. Но исследователи истории сравнительного правоведения не указывают на какие-то другие существенные изменения: внутренние — теоретико-методологические; в характере и направлениях сравнительно-правовых исследований; во внешних условиях развития юридической компаративистики — ее правовом, политическом или другом контекстах.

Итак, Парижский конгресс 1900 года, как и затененные им и незаслуженно забытые ежегодные конгрессы Международной ассоциации за прогресс общественных наук (с 1862 г.) и Всемирный конгресс юристов и судей в Сент-Луисе 1904 года, не означал начала новой эпохи в развитии сравнительного правоведения, хотя и существенно повлиял на его интенсификацию. По нашему мнению, началом следующего этапа оправданно считать 1910—1920-е годы.

Новый период связывается, с одной стороны, с доминированием в сравнительном правоведении юридического позитивизма и с его практико-прикладной ориентацией, а с другой — с распространением функционального подхода. Одним из важных событий, которые означили его появление, стало окончание Первой мировой войны. В частности, как отмечает В. Н. Денисов, в это время распространился скептицизм относительно возможности создания мирового права, а унификационные проекты в дальнейшем охватывали лишь сферу частного права.

Характерными особенностями этого периода, который (условно), длился до 1945 года, по мнению ученых, стали: 1) идея о том, что сравнительное пра-

воведение не является наукой или отраслью знаний, а лишь методом; 2) новая доктрина сравнительного права вместо сравнительного законодательства, которая предусматривала расширение предмета исследования, в который вошли разные источники права, его доктрина и историческая эволюция; 3) активные исследования континентальными европейскими юристами общего права; 4) изменение отношения к сравнительному правоведению с инструменталистского (прежде всего как к средству унификации права) на ценностное (средство недопущения правового изоляционизма и т. п.).

Следующий этап в развитии сравнительного правоведения начался после Второй мировой войны. В это время, с одной стороны, принципиально расширился предмет исследования — сформировался ряд постколониальных государств, существенно трансформировались правовые системы стран, которые стали на социалистический путь развития, началась религиозная фундаментализация многих правовых систем. Это все выявило несоответствие уровня юридической компаративистики задачам, которые перед ней стояли. С другой стороны, это был период доминирования и кризиса функционалистского подхода, а также «критической теории компаративизма».

Этот период, который, по мнению части исследователей, длился до 1980—1990-х годов, имел такие характерные особенности: 1) начало исследований социалистического, постколониального и религиозного права; 2) с разработкой доктрины правовых семей к сравнительному правоведению пришла системология, а с ней — признание равноценности «незападного» права; 3) развитие «теории отличий»: формирование плюралистической ментальности компаративистов, обоснование правового многообразия, понимание разноисточничности и многофакторности развития права; 4) распространение сравнительных исследований публичного и процессуального права, взаимодействия правовых систем; 5) значительно интенсифицировались институционализация сравнительного правоведения, его внедрение в юридическое образование.

Новейший, современный этап сравнительного правоведения, по мнению ученых (в частности, А. Х. Саидова и Х. Н. Бехруза), начался в 1980—1990-х годах. Он обусловлен дискуссией относительно сущности и задач юридической компаративистики в условиях развития и осознания процессов глобализации, распада СССР и кардинальных изменений в постсоветских правовых системах, усиления европейской интеграции, которая привела к формированию новой наднациональной правовой системы ЕС, появления ряда новых национальных правовых систем в результате распада федеративных государств и т. п. Как отмечает А. Х. Саидов, характерными особенностями современного периода являются кризис и разрыв преемственности поколений ученых.

Отличия во взглядах ученых на периодизацию развития сравнительного правоведения, по нашему мнению, обусловлены прежде всего такими факторами: 1) разные взгляды на природу сравнительного правоведения — как на науку или метод. На-

пример, те, кто считает его наукой, склонны делать акцент на его институционализации как элементе интеллектуальной легитимизации; 2) страны происхождения ученых и знание ими языков. Исследователи оперируют достаточно разным известным им материалом, который влияет на их подход к периодизации. Вклад своей страны тем или другим автором преимущественно гиперболизируется, а знание зарубежных традиций компаративистики оказывается недостаточным. Поэтому, например, абсолютно разными являются утверждения ученых о том, кто и когда впервые употребил термин «сравнительное правоведение» / «сравнительное право». Кроме того, часто не учитывается материал вне Западной Европы и США. Например, ознакомление с работами восточноевропейских ученых — сторонников исторической школы права (так называемая школа славянского права) могло бы снять любые сомнения относительно весомости вклада, который сделало это направление в развитие сравнительного правоведения. Кроме того, особенностью соответствующих советских, а также современных украинских и русских исследований является отдельное от мирового (реально — западного) рассмотрение национальной или восточноевропейской традиции компаративистики. Есть, конечно, и другие отличия, обусловленные разным правопониманием и другими особенностями исследователей.

По нашему мнению, предложенная нами пятичленная периодизация сравнительного правоведения, которая не является результатом простого собирания вместе разных взглядов, а построена на их сравнении и критическом переосмыслении, учитывает и в определенной степени способна примирить основные позиции ученых.

Что касается идеи плюрализма правового развития, которая является фундаментом для диалога культур и партнерства цивилизаций, следует сказать, что первым направлением в сравнительном правоведении, которое концептуализировало региональные особенности в праве еще в начале XIX века, стала историческая школа права. Но долгое время методологический арсенал сравнительного правоведения давал возможность осуществлять исследования прежде всего в рамках романо-германского или англо-американского права, которые существенно отличаются системой источников права, а сравнение с правом других стран практически не осуществлялось из-за неготовности учесть внеправовые факторы, которые в значительной степени определяют развитие права. В целом можно утверждать, что право вне близкой по основным параметрам группы правовых систем не только плохо знали, но и не желали знать, а сравнительное правоведение фактически использовалось как инструмент всемирной унификации права на основе «общего права цивилизованных народов».

С 1920-х годов на основе идей функционалистской школы круг исследуемых источников права был расширен, благодаря чему удалось преодолеть формальные отличия между континентальным и общим правом; они стали предметом систематического сравнительного исследования. В рамках домини-

рующего на протяжении долгого времени функционалистского подхода в сравнительном правоведении были признаны полноценными незападными и смешанными (в первую очередь — бывшие колониальные) правовые системы. В то же время функционализм, который фактически игнорировал влияние культуры на право и все то, что составляет отличия национальных правовых систем, не создал инструментария познания и понимания незападного права как самоценного, для которого в том числе характерно особое отношение к праву и другим социальным нормам.

Подход, способный открыть для сравнительного познания карту мира, был сформулирован в 1960-х годах Рене Давидом, предложившим плюралистический (довольно эклектичный) критерий сравнения и классификации правовых систем в правовые семьи, который учитывал не только юридико-технические особенности, но и влияние религии, идеологии, культуры на право. До Давида отдельные элементы такого подхода уже разрабатывались В. Дильтеем, М. Вебером, Р. Паундом, Ж. Гурвичем и др. Этот подход стал основой для переосмысления правовой карты мира, осознания равноценности незападного права и ценности отличий в праве, а вместе с этим — неуниверсальности европейского / западного правового наследия, его регионального характера.

Далее можно говорить про развитие аксиологической школы в сравнительном правоведении, которая опирается на цивилизационные идеи, и про соответствующую данной школе идею о существовании наднациональных «традиций права». Давид одним из первых писал о западной традиции права, позднее ее наиболее совершенное видение представлено Гарольдом Берманом. За несколько последних десятилетий сформировалось достаточно всестороннее видение мусульманской, африканской, индуистской, иудейской, китайской правовых традиций. Отличается остротой и полярностью подходов, а также политизированностью и соответственно недостаточной научностью спор о существовании отдельной восточноевропейской или даже евразийской традиции права.

Аксиологическая школа способна во многом ломать сложившиеся устои сравнительного правоведения, провозглашая практическую несравнимость традиций права, которая исходит из их несопоставимости, феноменологического восприятия, интуитивистского подхода при определении отличительных черт и фактического отказа от их системно-функционального исследования. Поэтому в сравнительном правоведении продолжают споры функционалистов и неофункционалистов с цивилизационистами, а тем временем в практической деятельности юристов практически безальтернативно господствует позитивизм. И в то же время именно подходы аксиологической школы в сравнительном правоведении существенно влияют на развитие международного и становление европейского права, распространение и постепенную концептуализацию идеи диалога культур и партнерства цивилизаций.

В Украине сравнительно-правовые исследования имеют свои давние традиции. Следует отметить, что работа Н. Иванишева «О плате за убийство в древнем

русском и других славянских законодательствах в сравнении с германской вирою» (1840) стала первой сравнительно-правовой диссертацией и монографией в Российской империи.

Важнейшим для развития сравнительно-правовых исследований в Украине событием стало создание в 1949 году Сектора государства и права Академии наук УССР (ныне — Институт государства и права НАН Украины), среди направлений научно-исследовательской работы которого указывалось изучение государственного права стран народной демократии. В последующем это направление в Институте было расширено. Можно говорить о фундаментальных исследованиях учеными этого сектора — института конституционного права стран Африки и Азии (А. Ганусец, Я. Плясун, В. Пеньковский, В. Денисов, В. Шаповал), Западной Европы и США (Г. Александренко, В. Евинтов, В. Забигаило, Н. Козюбра, М. Михайловский, В. Селиванов, О. Зайчук, Е. Кубко, Ю. Ныпорко), европейских социалистических стран (А. Таранов, В. Погорилко, Е. Тихонова, Г. Чангули, Л. Кривенко). Среди них отдельно следует отметить монографии Г. Александренко «Буржуазный федерализм» (1962) и В. Денисова «Системы права развивающихся стран. Становление и развитие национальных систем права стран Африки, освободившихся от британского колониализма» (1978).

В то же время сейчас следует в принципе открыто ставить вопросы о методологической отсталости постсоветского сравнительного правоведения и о несоответствии методологического инструментария отраслевых сравнительно-правовых исследований современным потребностям не только узнать, но и понять и применить знания о современном праве и наднациональных тенденциях его развития. В Украине и России в сравнительно-правовых исследованиях продолжает практически безраздельно доминиро-

вать примитивизированный вариант позитивистского подхода — простое сопоставление норм законодательства, иногда с привлечением текстов решений конституционных судов.

Для содействия обновлению теории и методологии сравнительного правоведения ученые Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины совместно с представителями других научно-исследовательских организаций и вузов разрабатывают и издают: серию научных изданий «Энциклопедия сравнительного правоведения» (монографии, справочники, в том числе и библиографические, антологии, словари; с 2002 г.); серию научно-методических изданий «Академия сравнительного правоведения» (открытые лекции ведущих компаративистов разных стран; с 2007 г.); международный научный журнал «Порівняльно-правові дослідження» («Сравнительно-правовые исследования»; с 2005 г.), а также учебники и учебные пособия по сравнительному правоведению, сборники статей. В 2006 году учреждена Украинская ассоциация сравнительного правоведения, которая проводит ежегодные международные научные форумы компаративистов. Ставится вопрос о восстановлении ликвидированных в последние годы научных и научно-экспертных центров сравнительного правоведения в системе Национальной академии наук, Академии правовых наук, Министерства юстиции Украины, о признании сравнительного правоведения отдельной специальностью для защиты кандидатских и докторских диссертаций по юридическим наукам.

Последовательное научное и институциональное развитие сравнительного правоведения в постсоветских странах должно стать основой выполнения присущих ему функций — формирования открытого и плюралистического мировоззрения, содействия развитию диалога культур и партнерства цивилизаций.

М. В. Шмаков¹

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В конце XX века человечество вступило в эпоху глобализации — процесс, охвативший не только экономику, социально-трудовую сферу, но и культуру в целом — целостную среду обитания человечества, созданную руками и разумом людей разных стран на

¹ Председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеевропейского регионального совета профсоюзов Международной конфедерации профсоюзов, почетный профессор СПбГУП. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «II Всероссийский конкурс «Российская организация высокой социальной эффективности»», «Трудовой кодекс — это не простой документ, он определяет развитие на десятилетия вперед» (интервью); статей для научных сборников, среди них — «Совершенствование деятельности профсоюзов в условиях глобализации» и др. Координатор Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ. Член Административного совета Международной организации труда.

протяжении тысячелетий исторического развития. Объективно глобализация выступает как процесс и результат диалога культур.

Оценить однозначно роль глобализации не представляется возможным. Ослабляется роль традиций в хозяйственной и общественной жизни, изменяется характер социальных связей. Глобализация активно воздействует на культуру, мораль, понятия жизненных ценностей, искусство, политические и социальные представления и установки миллионов людей, способы их взаимодействия в хозяйственной деятельности.

В то же время глобализация формирует систему международного разделения и кооперации труда, мировую торговлю, инфраструктуру, валютно-финансовую систему. Это втягивает национальные рынки труда в глобальные социально-экономические отношения, ограничивает возможности проведения

независимой национальной экономической политики и порождает новые проблемы в сфере социально-трудовых отношений. Происходит формирование глобального рынка труда, в который втягиваются национальные трудовые ресурсы. Интеграционные процессы обуславливают новые качественные сдвиги внутри национальных рынков труда.

Разумеется, глобализация сказывается и на социально-трудовой сфере в России, социально-экономическом развитии государства, становлении рыночных отношений в сфере труда, благосостоянии населения. По отношению к глобализации в каждой стране существуют как силы, содействующие этому процессу, так и силы, ему препятствующие. В условиях формирования глобальной культуры отечественным профсоюзам крайне важно осмыслить эту непростую ситуацию и занять последовательную и взвешенную позицию в отношении глобализации, подкрепив ее конкретными действиями как на международном уровне, так и в самой России.

Мы отдаем себе отчет в том, что глобализация является объективным процессом. Неоспоримо и то, что глобальная рыночная экономика демонстрирует мощные производительные возможности. Однако их цена — нарастающие едва ли не повсеместно противоречия между трудом и капиталом и проблемы, порожденные невероятными прежде масштабами трудовой миграции. На данном этапе развития цивилизации преодолеть их невозможно, но вполне реально их уменьшить, придя к разумным компромиссам.

Организация Объединенных Наций и Международная организация труда сегодня отмечают, что современные тенденции развития глобальных процессов во многом противоречат жизненно важным интересам подавляющего большинства населения Земли. Расширяются бедность и ее негативные последствия. Мы полностью разделяем эту оценку. Всем известна обеспокоенность ООН и тем, что поставленная задача — ликвидация нищеты — к 2015 году не будет решена.

С точки зрения социально-трудовых отношений и глобализации рынка труда заметным фактором выступают транснациональные корпорации (ТНК). В ряде отношений они располагают практически неограниченными возможностями влиять на функционирование мировой экономики через торговые операции и международные финансовые рынки. И их деятельность далеко не всегда отвечает интересам национальных экономик, в том числе и интересам России.

Многие страны, где размещаются производственные мощности ТНК, имеют низкий уровень социальных стандартов. Представляя большинство в таких организациях, как Всемирная торговая организация, ООН, они имеют возможность в угоду ТНК блокировать ряд принципиальных решений по совершенствованию системы международного разделения труда.

Способность ТНК быстро открывать и закрывать предприятия, перемещать производство и инвестиции из одной страны в другую подрывает и размывает основу для переговоров профсоюзов с ТНК. Представители ТНК считают, что это естественный про-

цесс «международной торговли рабочими местами» в условиях глобализации экономики. По их мнению, этот процесс должен привести к либерализации миграции населения и постепенному выравниванию условий жизни. На деле же это приводит к усилению эксплуатации трудящихся работодателями, усилению социального неравенства, несправедливому перераспределению плодов человеческого труда.

Глобализация рынка труда сопровождается ростом количества принимаемой национальной рабочей силы в филиалах и подразделениях ТНК, усилением миграционных потоков, формированием унифицированной системы компетенций и требований к персоналу. Последнее явление можно отнести к числу позитивных. Поиск работников с учетом глобализации стал стратегической задачей менеджмента ТНК и международных компаний, которые все больше прибегают к замещению национальными кадрами вакантных должностей за границей. При этом компании нередко отвергают сложившиеся в той или иной стране культурные традиции в области трудовых отношений, навязывая свою корпоративную культуру, отвергая диалогическое взаимодействие.

При этом децентрализация трудовых отношений и последующее ослабление профсоюзов — во многом результат сознательных усилий транснациональных компаний и правительств, выражающих их интересы. ТНК стремятся размещать производство в странах с развивающейся или переходной экономикой, развивая контакты с компаниями, где работники боятся потерять свою работу, не имеют исторических и культурных традиций по защите своих интересов. Хотя мы сегодня можем назвать и ТНК, приход которых в страны с менее развитой экономикой сопровождается приближением к более высоким стандартам социальной защищенности работников.

Фактически в подавляющем большинстве стран Европы старая модель регулирования трудовых отношений с профсоюзами как массовой и значимой организацией, основанная на глубоких исторических, национальных и культурных традициях, оказалась слабо совместимой с современной конкурентной глобальной экономикой.

Одним из следствий снижения влияния профсоюзов стало то, что в большинстве развитых стран профсоюзы сейчас рассматриваются как «консервативные институты, прежде всего озабоченные защитой относительных преимуществ меньшинства работающего населения». Представители международного бизнеса пытаются доказать, что современное профсоюзное движение неспособно дать адекватный ответ на вызовы, порождаемые глобализацией.

Низкий уровень социальной ответственности международного капитала, неспособность международного сообщества разработать приемлемые механизмы регулирования процессов глобализации, особенно в период системного кризиса, привели к росту антиглобалистских настроений, подпитывают национализм и терроризм, локальные вооруженные конфликты, рост преступности и наркомании. Все это сказалось на снижении в целом качества человеческих ресурсов на мировом и национальном уровне,

обострении процессов становления глобальной культуры.

Будучи участниками общественной жизни страны, полностью осознавая свою ответственность перед трудящимися России, профсоюзы активно отстаивают интересы трудящихся. В этой деятельности мы получаем поддержку со стороны международного профсоюзного движения, неотъемлемой частью которого являются профсоюзы России. Наше сотрудничество развивается в контексте отношений с другими европейскими национальными и международными организациями и союзами, в том числе и с Европейским Союзом.

Федерация независимых профсоюзов России особым образом включилась в глобальный диалог культур, используя более чем вековой российский исторический опыт защиты социально-трудовых прав граждан, опираясь на тот идейный багаж, который сформировался в бурные 1990-е годы и последующий период. Можно смело утверждать, что современное мировое профсоюзное движение было бы иным, если бы не влияние российских профсоюзов, основанное на отечественных культурных ценностях и исторических традициях.

В частности, ФНПР является активным участником международных профсоюзных центров, которые стали существенным фактором продуктивного взаимодействия различных культур, носителями которых выступают организованные группы трудящихся. Их создание стало возможным благодаря преодолению многих сложившихся политических и культурных стереотипов представителями мирового профсоюзного движения.

В ряде стран, профцентры которых являются членами международных профсоюзных объединений, существует разработанная на среднесрочную перспективу Стратегия развития отношений с Европейским Союзом. Эта стратегия определяет цели взаимоотношений с Европейским Союзом на ближайшие годы, средства их достижения и является логическим развитием нашей общей позиции.

Указанная стратегия направлена на формирование и укрепление партнерства с Европейским Союзом в общеевропейских и мировых делах, на предупреждение и разрешение совместными усилиями локальных конфликтов в Европе, с акцентом на международное право и неприменение силы. Она предполагает построение единой Европы без разделительных линий, проведение курса на взаимосвязанное и сбалансированное усиление позиций в рамках сообщества XXI века.

Сейчас фактически реализуется давняя идея некоторых руководителей национальных профцентров об образовании единой, так называемой «панъевропейской» профсоюзной структуры, объединяющей профсоюзы стран на пространстве от Лиссабона до Владивостока. Партнерство такого профсоюзного сотрудничества начинает включать страны Европы и Центральной Азии. Думаю, что со временем это позволит российскому профсоюзному движению активнее влиять на развивающийся процесс диалога культур и партнерства цивилизаций. Мы будем отстаивать свое профсоюзное видение глобализации, которая

должна строиться на идеалах гуманизма, прогресса и справедливости. Зародившись еще в эпоху становления христианства, идея справедливости лежит в основе российской культуры, и профсоюзы сегодня являются ее последовательными сторонниками и проводниками.

В этой связи необходимо отметить важную роль Международной организации труда в разработке теоретических основ трудовых отношений и социальной политики в новых условиях глобализации. Именно Международная организация труда должна сыграть важнейшую роль в поисках социально справедливых путей выхода из нынешнего глобального финансово-экономического кризиса с учетом интересов всех сторон на рынке труда.

Важное значение для решения этой проблемы имела дискуссия в рамках 98-й Конференции МОТ, посвященной преодолению глобального кризиса в отношении рабочих мест, восстановлению экономики на основе мер по обеспечению достойного труда. По ее итогам МОТ предложила принять Глобальный пакт о занятости. По мнению участников дискуссии, это поможет сблизить позиции участвующих в нем стран и тем самым ослабить напряженность, защитить людей в период экономического спада, подготовить основу для будущего роста экономики, устойчивого диалога между социальными партнерами. Такой договор содействовал бы оздоровлению экономики и созданию новых механизмов достижения справедливой глобализации, основанной на Программе достойного труда.

Не менее важным событием стало обсуждение вопросов глобального управления на Консультативной встрече социальных партнеров стран «Большой восьмерки» в Риме 26 июня 2009 года. Представители Федерации независимых профсоюзов России высказались в пользу расширения мандата Международной организации труда во всех процессах принятия решений, касающихся глобальных проблем социального и экономического порядка, поддержали Глобальный пакт о занятости, разработанный МОТ, и Хартию устойчивой экономической деятельности «Группы 20», которые были охарактеризованы как концепции, способные стать основой для взаимодействия на национальном, региональном и глобальном уровнях. Мы также подчеркнули важность укрепления реального социального диалога и соблюдения международных документов, таких как Конвенции МОТ и Руководство Организации экономического сотрудничества и развития для многонациональных предприятий.

Процессы глобализации значительно расширяют объемы внешней трудовой миграции. Сегодня Россия является второй после США страной приема мигрантов.

Как известно, в мировом профсоюзном движении сегодня не существует единой позиции в отношении трудящихся-мигрантов. Опираясь на сложившиеся в России культурные и исторические традиции, основанные на опыте существования многонационального государства, российские профсоюзы выступают за предоставление законным мигрантам равного с местными трудящимися права на достойный труд и его оплату. Профсоюзы объективно заинтересованы

в интеграции легальных мигрантов в общественную жизнь, в том числе и в профсоюзное движение.

При решении данной проблемы требуются взаимодействие, солидарность и консолидация между профсоюзами на международном уровне.

Идеология социальной ответственности и социального партнерства должна стать основополагающей в деятельности международных организаций, призванных регулировать и осуществлять международные отношения во всех сферах и во всех формах их проявления.

Перелом, который сегодня переживает Россия, — далеко не первый в ее многовековой истории. Российский народ, скорее всего, преодолет в конечном счете и нынешний кризис, как уже не раз это было в прошлом. После периода разброда и всеобщего замешательства в России всегда наступала эпоха солидарности, нового подъема духовных и материальных сил страны. И сегодня, нисколько не преуменьшая трудностей, стоящих перед современной Россией, все же нет оснований считать, что испытания, связанные с переходом к новой общественной системе, лишили российского человека главного — естественного чувства самосохранения, жизненной энергии, стремления обеспечить надежное будущее себе и своим потомкам.

Как бы ни складывалась геополитическая картина мира в прошлом и какие бы перемены ни ожидали мир в будущем, Россия была и всегда будет Европой. Но особой Европой: беспокойной, непредсказуемой, во многих отношениях отсталой, с огромным, но пока еще слабо используемым природным и интеллектуальным потенциалом, со своими специфическими, подчас самодовлеющими интересами на периферии евроазиатского континента и в других регионах мира — и все-таки Европой.

Россия — неотъемлемая, органичная часть европейской культуры, европейской цивилизации. Однако часть настолько своеобразная, что не раз в новейшие времена ее западные соседи приходили к выводу: лучше бы этой страны и вовсе не было на карте. Ибо, по распространенному на Западе мнению, ничего конструктивного, кроме постоянного беспо-

¹ Академик Российской академии наук, директор Института Европы РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. книг: «Авансы и долги. Вчера и завтра российских экономических реформ», «Европа вчера, сегодня, завтра», «Европа и Россия. Опыт экономических преобразований», «Европа и Россия: проблемы южного направления. Средиземноморье-Черноморье-Каспий», «Международные отношения», «Угрозы и прогнозы (к вопросу об их адекватности)», «Россия в многообразии цивилизаций» и др. Автор романов «Сильвестр», «В пути я занемог», сборников рассказов и повестей «Последний этаж», «Спектакль в честь господина первого министра», «Пушкинская площадь», «Ночные голоса» и др. Многие произведения переведены на иностранные языки. Член Экономического совета при Правительстве РФ. Член Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации. Член Союза писателей Москвы, Союза журналистов России.

Необходимо, чтобы в процессе глобализации происходила международная социальная интеграция, то есть выравнивание социального положения трудящихся разных стран путем перехода к более высоким стандартам, более прогрессивным нормам. Это прежде всего касается политики достижения и закрепления международных стандартов заработной платы, пенсий, пособий, социального страхования, медицинского обслуживания, регулирования миграционных процессов.

Н. П. Шмелев¹

QUO VADIS, РОССИЯ?

койства и стремления диктовать свою волю другим, от нее в истории не исходило, особенно в XX веке. К сожалению, этот взгляд и сегодня все еще диктует многое в политике Запада по отношению к уже другой — новой, демократической, рыночной и неконфронтационной России.

Да и относительно всего исторического прошлого России подобное мнение никак нельзя признать справедливым. За свою тысячелетнюю историю Россия являла пример не только ложных устремлений. Россия преградила путь в Европу всеполюсующему натиску татаро-монгольских орд, она в конечном счете поставила пределы османской экспансии, о нее разбились бредовые мечты Наполеона и Гитлера о всемирной гегемонии, включая, между прочим, и такое воистину дьявольское порождение тоталитарной идеологии, как Холокост.

Определенная обособленность России от остальной Европы является, конечно, следствием не только длительной разнонаправленной игры политических сил. Эта обособленность объективна, и сомнительно, что она может быть в близкой перспективе полностью преодолена. Причины тому — самые разные. Конечно, играют свою роль необъятные размеры страны, суровость климатических условий, историческое наследие. Но главное, что имеет значение сегодня: у России и у остальной Европы — разные задачи. То, что предстоит сделать России, если она окончательно не утратит инстинкты самосохранения, остальная Европа уже в основном сделала, а именно: освоила свои территории, построила высокоэффективную рыночную экономику, добилась достойного человека уровня жизни и создала гражданское, правовое общество.

Необходимость решения этих базовых цивилизационных задач определяет сегодня основное русло национального развития России в XXI веке, ее главный национальный интерес. Сколько времени понадобится новой России, чтобы решить подобные задачи, предсказать не возьмется, наверное, никто. Ясно, что в любом случае это потребует не лет и не десятилетий, а поколений. При благоприятном развитии событий можно, однако, с высокой степенью уверенности ожидать, что барьеры, отделяющие пока Россию от остальной Европы, будут и дальше

постепенно устраняться, открытость ее по отношению и к европейским соседям, и ко всему миру будет возрастать, а взаимопроникновение и взаимопереплетение экономических, научно-технических, культурных и прочих факторов на пространстве от Атлантики до Владивостока будет лишь усиливаться.

Если не говорить о некоторых присущих любому обществу крайностях, то именно на этой конструктивной основе преодолевается сегодня в России длительный исторический спор между западниками и славянофилами. Жизнь убедительно доказала бесплодность этого спора: попытки России идти против течения, против основного потока современной цивилизации ни к чему хорошему не привели. Грандиозный по своим масштабам и жестокости эксперимент, направленный на искусственное создание какого-то иного, отличного от всего остального мира человека, оказался полностью несостоятельным. Стремление к материальному благополучию, как выяснилось, присуще российскому человеку в той же мере, как и любому другому. И российский менталитет — по природе своей тоже европейский, христианский менталитет. Основу российских духовных ценностей составляют те же самые десять библейских заповедей и Нагорная проповедь, которые определяли и определяют мировоззрение европейского человека, всей европейской цивилизации, где бы территориально на Земле она сегодня ни располагалась.

Конечно, российскому менталитету присущи определенные особенности, объясняемые просторами и малонаселенностью страны, постоянным внешним давлением и изначальным господством в России византийской версии христианства, в которой основной упор всегда делался не на ответственность индивида, а на соборную, коллективную ответственность людей перед Богом. Отсюда еще сохранившиеся в России, прежде всего в деревне, остатки общинного мировоззрения, общинной психологии, выражающиеся, например, в недоверии к частной собственности на землю и стремлении все же сохранить давно уже обанкротившиеся коллективные формы хозяйства (преимущественно как своего рода социальную страховку). Этим же объясняется и стойкая приверженность российского общества к повышенной ответственности государства за социальное положение самых различных слоев населения.

Драматическая история России в XX веке породила к тому же новые психологические комплексы, в частности не только внешнее, за рубежом, но — что особенно печально — и внутреннее, собственное отношение к российскому человеку как к плохому, ленивому работнику, равнодушному, вороватому, лживому, зачастую спившемуся. Подобное отношение в высшей степени несправедливо: нельзя забывать, что уже четыре поколения россиян работают за нищенскую зарплату, в десятки, а то и в сотни раз меньшую, чем люди той же квалификации в нормальных цивилизованных странах. Неудивительно, что между российским человеком и российским работодателем в лице государства, а теперь и в лице предпринимателя давно уже сложился своеобразный конкордат: как вы нам платите, так мы вам и работаем. Истекшее столетие приучило также российского человека ни в чем

не верить ни государству, ни бизнесу, ни общественным организациям, ни жизни вообще. И новые времена для «человека с улицы», к сожалению, пока еще мало чем отличаются от прежних, советских: такие «демократические» акции, как повальная конфискация всех сбережений населения в 1992 году, или скоропалительная дармовая приватизация и по существу криминальный раздел общенародной собственности между узким кругом лиц, или государственный грабеж в результате дефолта 17 августа 1998 года, по сути, вполне были в духе того, что творили большевики начиная с октября 1917 года.

Показательно, однако: как только российский человек попадает в более или менее нормальную обстановку, скажем, перебравшись на постоянное место жительства в одну из западных стран, он, как правило, мгновенно превращается в самого добропорядочного гражданина, трезвого, бережливого, доброго семьянина, надежного соседа, старательного, изобретательного работника, законопослушного налогоплательщика и т. д. Дело, следовательно, не в особой природе, не в особом менталитете российского человека: он не хуже, не глупее и не ленивее других. Дело в тех условиях, в которых его вынуждает жить окружающая среда.

Нельзя также не видеть, что за годы реформ российский человек впервые распробовал вкус свободы, что выросло уже целое дееспособное поколение, которое никаких других условий, кроме условий свободы, даже и не знает в своей жизни. Звучит, конечно, несколько цинично, но старшие поколения, выросшие в условиях несвободы и привыкшие больше полагаться на партию, государство, вождя, а не на самих себя, скоро вымрут. А у идущих за ними поколений уже сложился или складывается преимущественно иной менталитет — европейский менталитет свободного человека, индивида, который сам выбирает свою дорогу и самостоятельно строит свое счастье. Вполне вероятно, что через 30–40 лет, если в мире не произойдет ничего воистину катастрофического, «российский менталитет» станет в основном таким же, как во всех других цивилизованных странах. Только не исключено, что более молодым, более энергичным и устремленным в будущее, чем там, где европейская цивилизация уже успела несколько одряхлеть.

Конечно, образовавшийся сегодня духовный и нравственный вакуум, всеобщая растерянность, потеря жизненных ориентиров — это трагедия нынешних поколений россиян. Но и это, надо надеяться, тоже дело поправимое: не может народ великой и, по сути, столь еще молодой страны долгое время жить в состоянии растерянности: что-то жизнеспособное он непременно найдет — если угодно, найдет свою национальную идею, свой национальный идеал. Но это, конечно, не может быть национальная идея, сконструированная искусственно откуда-то сверху. Все, что можно изобрести искусственно, Россия уже давно изобрела и, более того, испробовала на практике. Были в ее истории и идея державности, и идея безудержной территориальной экспансии, и идея «соборности», и поиски какой-то «высшей духовности», и попытки построить какое-то новое, выду-

манное кучкой безжалостных теоретиков общество, и идея силой перекроить и перестроить под себя весь остальной мир — все было, все она уже проходила. До конца, кажется, использован и фактор возможного врага: вряд ли можно сплотить сегодняшнюю Россию всерьез и надолго на основе антиамериканизма, или антиевропеизма (включая традиционное недоверие к Германии), или «желтой опасности», или угрозы «исламского фундаментализма», или борьбы против какого-то очередного внутреннего врага. Российский народ просто устал от кровавых трагедий невероятных масштабов и насилия, которые ему довелось испытать в XX веке... Конечно, и сегодня российский человек готов защищаться от врага (последняя чеченская война это показала). Но такая защита, очевидно, — это не то, на чем можно построить процветающее государство и нормальную человеческую жизнь.

Одного пока Россия не пробовала всерьез за свою историю: осуществить идею конструктивности, созидания, строительства, заботливого, бережного обустройства повседневной жизни как одного человека, так и общества в целом. Вернее, даже это она пробовала. Но все это почти сразу же выродилось в «египетские пирамиды», «стройки коммунизма», ГУЛАГ, загубленные реки, изуродованные земли, многочисленные промышленные монстры, не производившие ничего, кроме гигантских завалов бесполезного оружия. Все это делалось не для людей и, естественно, воспринималось ими не как личная цель и интерес каждого, а как нечто чуждое, враждебное ему.

Не поверит уже российский человек никакому новому «мессии». А вот во что-нибудь простое, человеческое, обращенное к нему и его семье — поверит. Что-нибудь вроде: «Мой дом — лучший на улице, моя улица — лучшая в городе, мой город — лучший в стране, моя страна — лучшая в мире». Подобные настроения, по многим признакам, начинают все шире распространяться в стране. Пора наконец строить свой дом, сажать цветы, растить детей, мостить дороги, строить школы и больницы. И пора наконец всерьез осваивать те огромные богатства и бескрайние просторы, какими Россию наделила судьба. Этого ей хватит по меньшей мере на несколько столетий, а дальше видно будет, что и как.

Говоря же о том, куда, к какому обществу движется современная Россия, было бы, вероятно, оправданным исходить из того, что с учетом ее прошлого и традиций ей все-таки ближе социал-демократическая модель в европейском варианте, естественно, со всеми поправками на конкретные российские условия. В политике — это законность, демократия, гражданское общество, неукоснительное соблюдение прав и свобод человека при высочайшем авторитете государственной власти. В экономике — господство рынка и частной собственности при активной регулирующей роли государства, социальная направленность экономических решений, максимальный простор для частной инициативы и одновременно строжайшее выполнение общеустановленных правил игры. В социальной сфере — повышение благосостояния всего общества, смягчение социальной поляризации, активная политика занятости, соче-

тание рыночных и вне рыночных методов социальной защиты, гарантированная государством система обеспечения личной и имущественной безопасности граждан. В культуре, науке, образовании, духовной жизни — свобода творческих сил и возможностей человека при максимальной государственной поддержке соответствующих нужд и устремлений общества. Наконец, во внешней сфере — это регулируемая открытость, стремление использовать благотворные силы международной конкуренции и трансграничного движения капиталов, политика мира и укрепления международной безопасности для всех.

Невозможно согласиться с распространенными на Западе утверждениями, что Россия сама сегодня не знает, чего она хочет и что ей нужно делать. Похоже, что в реальности в российском обществе уже достигнута высокая степень согласия в отношении общих контуров социально-экономической стратегии страны на перспективу ближайших десятилетий. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в своих основных положениях нынешние программы наиболее влиятельных общественных партий и движений — и левых, и центристских, и правых — во многом похожи друг на друга (за исключением, разумеется, самых крайних, маргинальных). Исходная мысль всех этих программ в сущности одна и та же: России предстоит строить «социально ориентированное рыночное хозяйство». Ограничители причем те же самые, что и в современной Европе: рыночному хозяйству — да, рыночному обществу — нет.

Выдвижение на первый план идеи строительства, созидания побуждает и к изменениям в отношении внешней политики. Было бы, вероятно, оправдано, если бы Россия перешла на позиции здорового, умеренного, конструктивного изоляционизма. Кроме активных коммерческих и культурных связей, у нее за пределами бывшего Советского Союза не должно быть никаких чрезмерных интересов и обязательств. Пусть мир живет как хочет: перед Россией стоят слишком серьезные внутренние проблемы, чтобы отвлекать свое внимание и ресурсы на что-либо иное. Но поскольку нынешний мир, судя по всему, так же жесток, своекорыстен и беспокоен, как и в прошлые времена, главной гарантией России от всяких неожиданностей должно быть сохранение на достаточно высоком уровне ее оборонного потенциала. Если Россия не допустит в перспективе значительного ослабления ракетно-ядерных сил сдерживания и сохранит компактные мобильные вооруженные силы, способные противостоять любой региональной или локальной угрозе, в системе ее внешнеполитических приоритетов неизбежно выдвинутся на первый план экономические интересы, оттеснив проблему политического влияния в различных регионах (разумеется, за исключением традиционных российских интересов на постсоветском пространстве).

Было уже в истории России весьма плодотворное, но, к сожалению, недолгое время, когда именно такая политика определяла поведение страны на международной арене. Имеется в виду эпоха царствования Александра III. Россия в это время не вмешива-

лась во внешне конфликты, не принимала участия в дележе мира, имела практически открытую экономику и почти открытые границы, строила Транссибирскую магистраль и много чего другого, в высшей степени нужного для страны.

Критерий пользы, выгоды, конкретного интереса должен быть по этой логике именно тем, что необходимо будет стоять во главе угла всей российской внешней политики. «Открываться?» — Да, конечно, «открываться». Но в таком ритме и в таких пределах, чтобы процесс шел в соответствии с древним принципом «не навреди», чтобы это было по силам стране и, безусловно, шло на пользу ее стабильности и перспективам ее дальнейшего прогресса на пути демократии и рынка.

Но этот призыв к определенной умеренности и сдержанности по отношению к внешнему миру отнюдь не означает возврата к психологии «осажденной крепости». Вызов, брошенный международным терроризмом всему цивилизованному миру, нарастающая агрессия исламского фундаментализма, события 11 сентября 2001 года в США, октябрьская трагедия 2002 года в Москве и другие столь же кровавые деяния мирового человеконенавистнического подполья поставили в международную повестку дня задачу объединения всех сил и возможностей цивилизованных стран в борьбе против новых глобальных

опасностей. В складывающемся сегодня всемирном антитеррористическом союзе Россия, несомненно, займет подобающее ей место. Не будет, наверное, преувеличением сказать, что Россия и Запад, все миролюбивые силы современности связаны отныне общей судьбой: им предстоит или вместе погибнуть, или устроить, наконец, на Земле жизнь, достойную Человека.

Более двадцати лет назад Россия стронулась с места и, видимо, никогда уже не вернется в прежнее состояние. При всех ее бедах: падении производства, обнищании населения, разгуле криминала и коррупции, ослаблении власти и других — не следует считать, что российское общество утратило жизнеспособность. Конечно, оно нуждается в определенной передышке: те конвульсии и судороги, в которые его вогнал бездумный азарт реформаторства, оказались слишком болезненными для большинства населения, его терпение сегодня, похоже, уже на пределе. Основная задача российского руководства теперь — внести успокоение в умы и души людей, в окружающую обстановку, вернуть их доверие к государству и веру в будущее страны.

Для этого России не нужна никакая идеология. Ей нужен обыкновенный здравый смысл. И, кажется, есть основания надеяться, что здравый смысл возобладает.

Юрген Штрауб¹

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Этот доклад основан на концептуальном анализе теоретического конструкта «межкультурная компетенция» (доклад на эту тему был сделан на IX Международных Лихачевских научных чтениях 2009 г. и опубликован на сайте конференции). Ниже я рассмотрю два важных вопроса, касающихся довольно популярного термина «межкультурная компетенция». В последнем разделе я попытаюсь обрисовать в общих чертах то, что понимается как гуманистическая перспектива межкультурной компетенции в современном глобализированном мире. Цель всех этих размышлений — дать пищу для осмысления и обсуждения проблем межкультурного общения, сотрудничества и сосуществования в мире, полном культурных различий.

Я разделю свои комментарии на три тематические части, каждая из которых, в свою очередь, имеет подразделы:

1. О цели научных определений: попытка предметной и практико-теоретической дифференциации «межкультурной компетенции».

2. О нормативном содержании научных понятий: попытка объективации нашей доброй воли.

3. Гуманистическая перспектива.

О цели научных определений: попытка предметной и практико-теоретической дифференциации «межкультурной компетенции»

Научные определения не охватывают «явления как таковые». Не существует «правильного» определения, которое соответствовало бы самому явлению. Это же касается и «межкультурной компетенции». В этом отношении предложенные определения не отражают «сущности» или «существа» самого явления. «Межкультурная компетенция» — это скорее довольно сложный теоретический конструкт, которому мы можем дать определение и применить, так или иначе, для достижения *конкретных целей* — научных или практических. Будучи учеными, мы уславливаемся об определении; мы делаем это не потому, что знаем, что такое «межкультурная компетенция» «в действительности» или «на самом деле», а потому, что по каким-то веским причинам мы считаем соответствующий теоретический конструкт полезным для достижения определенной цели.

¹ Заведующий кафедрой социальной теории и социальной психологии факультета социальных наук Рурского университета (ФРГ), доктор философии, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг по проблемам межкультурной коммуникации и компетентности, качественным исследованиям и использованию биографического метода в гуманитарных науках, теории действия, проблемам идентичности и нарративному анализу, культурной психологии и культурной антропологии: «Vestern, Kritik, Anerkennung», «Theoretische, methodologische und methodische Argumentationen in systematischer Adssicht» и др.

Кроме того, такое понятие помогло бы нам распознать и переформулировать признаки правил применения, которые важны для обеспечения нашей жизни и работы и которые мы, как и все люди, используем в определенных (*типичных или стандартизованных*) ситуациях. Это именно то, что происходит со всеми внутренне разграниченными психологическими «моделями компетенции», которые разграничивают и «интегрируют» определенные способности человека (такие, как установки, знания, навыки и мнения; точнее, можно, например, провести разграничение между владением языками, определенными знаниями норм поведения, характерных для разных культур, терпимость к неточностям, и т. д.). Все современные составляющие или компонентные модели межкультурной компетенции структурированы таким образом (хотя лично мне не известны случаи, в которых было бы определено, как следует понимать «интеграцию различных компонентов; какой статус имеют отдельные компоненты (центральные или периферийные; чрезвычайно релевантные или вполне релевантные; всегда или крайне редко уместные); необходимы ли они или даже необходимы и достаточны для актов межкультурной компетенции; в каких (эмпирических или логических) отношениях они находятся между собой; как они взаимодействуют друг с другом и т. д.)¹

Если описанный прагматический подход к ориентированной на цели природе научных определений приемлем, тогда относительно нашей дальнейшей работы над понятием «межкультурная компетенция» неизбежно возникают следующие вопросы:

А) Целесообразно ли (уже сегодня) формулировать общее обоснованное и, предположительно, охватывающее разные ситуации определение? Или, возможно, было бы не только более здравым, но и гораздо более полезным и продуктивным сначала выстроить определения межкультурной компетенции как *профильные* или *предметные* конструкты, которые вводятся в обращение соответственно определенным ситуациям и актуальным практическим потребностям? В этом случае мы можем сохранить, конкретизировать и осмыслить, учитывая все последствия, перспективу, которая уже сегодня имеется в нашем распоряжении в форме житейской интуиции. Кто сомневается, например, в том, что межкультурная компетенция одинакова и может быть только такой в следующих случаях:

- дети в поликультурном классе начальной школы;
- подростки, чья первая любовь приводит их к бикультурным отношениям;
- партнеры в длительном бикультурном браке;
- гиды, работающие с туристами во всевозможных регионах мира;
- сотрудники служб, оказывающих помощь в развитии развивающимся странам или странам с переходной экономикой, или этнологи, создающие национальные музеи;

¹ Штрауб Ю. Межкультурная компетенция — концептуальный анализ // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. СПб., 2009. С. 174–183

— миссионеры, путешествующие с религиозной проповедью;

— инженеры в поликультурных рабочих группах;

— менеджеры межкультурных переговоров;

— солдаты международных миссий?

Я думаю, никто.

Б) Возможно ли с помощью эмпирических исследований отдельных групп людей в отдельных сферах деятельности и областях жизни (или с помощью систематического анализа имеющихся результатов исследований) разработать предметную *типологию* межкультурной компетенции, и уже на основе этой типологии обозначить общие и, следовательно, абстрактные характерные признаки этого конструкта? Я придерживаюсь мнения, что многие вопросы, рассматриваемые в современной «международной дискуссии» как доказанные и повсеместно принятые, в этом отношении остаются спорными. Например, практически во всех определениях критерии *адекватности* и *эффективности* являются основными характерными свойствами межкультурной компетенции. Имеется в виду приблизительно следующее:

— «адекватность»: «действия участников коммуникативного акта соответствуют ожиданиям и требованиям ситуации. Соответствующий случаю тип коммуникации означает, что люди используют знаки, которые, как от них ожидается, они и должны использовать в данном контексте» (Люстиг / Кестер, 2003, 64);

— «эффективность» оценивается согласно мере, в которой «желаемые личные цели» были достигнуты: «Удовлетворенность в отношениях или достижение определенной заданной цели — это пример результата, который люди желают получить при общении с другими» (там же).

Анализируя эти критерии, нетрудно заметить, что понятие «эффективности» главным образом и в общем связывает межкультурную компетентность с моделью целенаправленного рационального и целевого действия и таким образом абсолютизирует этот тип действия. Действующих лиц, обладающих межкультурной компетенцией, интересуют исключительно «желаемые личные результаты», «достижение определенной заданной цели» и т. п. Но задумайтесь еще раз над перечисленными выше примерами совершенно разных сфер деятельности, областей жизни и групп людей! Эти примеры также напоминают нам, что часто не только достижение личных целей или стремление к достижению определенных заданных целей руководят нашими действиями (в том числе и межкультурными группами). Иными словами: мы не всегда действуем целенаправленно или рационально в достижении цели, инструментально и стратегически, короче говоря, не всегда ориентируемся на эффективность! Это соображение предполагает *практико-теоретически обоснованную* дифференциацию теоретического конструкта, который нас интересует. Повторимся: подумайте о детях, играющих друг с другом, или об обучающей групповой игре в яслях, детском саду или в школе; подумайте об общении людей, которые обращаются друг к другу, о дружеской беседе или о совершенно бесцельных занятиях влюбленных! Раз-

витое практико-теоретическое понятие межкультурной компетенции должно удовлетворять всем формам человеческой практики, не только действиям, которые связаны с ясными целями или задачами и основаны на понятии эффективности. Это требование может быть выполнено, если мы будем располагать конструктом, типологически дифференцированным в вышеизложенной форме, который будет гибким в использовании применительно к различным типам актов межкультурной компетенции. Также важно для этого акта, чтобы мы придерживались определенных правил (например, социокультурных норм), не преследуя определенных целей или выгоды, а нашими действиями мы иногда увековечиваем особую, повествовательно структурированную историю — также не стремясь к определенным целям и задачам.

Замечу здесь вкратце, что обе описанные возможности типологической дифференциации «межкультурной компетенции» имеют огромное влияние на наше представление о том, *что* и *как* мы узнаем по мере того, как усваиваем, расширяем и углубляем эту компетенцию (в неформальных или официальных процессах обучения). Однако это другой вопрос, которого я не касаюсь сегодня, несмотря на его важность. А теперь я перейду ко второму вопросу.

О нормативном содержании научных понятий: попытка объективации нашей доброй воли

С моей точки зрения, научной литературе не удастся четко разграничить два понятия межкультурной компетенции. Это снова и снова приводит к путанице, которая связана с накоплением эмпирических вопросов и нормативных проблем. Понятие «межкультурной компетенции» — это, очевидно, нормативное понятие. Так происходит со многими основными понятиями социальной и культурной науки и само по себе это не плохо. Ситуация становится опасной, когда упомянутую дифференциацию полностью выпускают из вида. Следует четко понимать:

— говорим мы о межкультурной компетенции как о наборе информации/знаний, навыков и способностей (в когнитивном, эмоциональном и конативном плане), который строго необходим (или необходим и достаточен) для участия в определенной деятельности, или

— говорим мы о межкультурной компетенции как о наборе информации/знаний, навыков и способностей, которые по этическим или нравственным причинам сами считаются ценными и желанными, и поэтому их ценят и их добиваются.

В первом случае межкультурная компетенция рассматривается как связанное с задачей средство в форме сложного перформативного потенциала, который человек может приобрести и «обладать», если хочет действовать адекватно и эффективно в определенных ситуациях. Второй случай, напротив, касается этически и нравственно отличительного свойства или ценного обретения, которое само по себе является желанной самоцелью¹ в сегодняшнем многонациональном мире. (В другом месте я писал, что такие определения направлены на этически-нравственную цель челове-

¹ В духе критики власти Мишеля Фуко можно было бы также сказать «саморегулятивной»

ческого существования, основанного на понятии Другого.) Можно сделать особый акцент на эмпирически-практическом (например, психологическом) и этическо-нравственном (или ценностно-нормативном) понятии межкультурной компетенции.

Во всех недавно предложенных определениях легко прослеживаются оба аспекта значения. Как я уже сказал, оно не представляет собой проблемы, пока мы осознаем этот «накопительный потенциал» и можем провести четкое разграничение между этими двумя аспектами. Это становится особенно важным, когда мы даем определение теоретическому конструкту с этическо-нравственной позиции (то есть в духе, который провозглашает определенные «собственные» ценности и нормы как основные и обязательные), так что многочисленные акты межкультурного общения и ситуации становятся *однозначно непригодными*.

Когда мы определяем границы межкультурной компетенции как исключительно вид «доброй воли», понимаемой как неограниченная доброжелательность и уважение к Иному и Другому, а также как безусловное признание их мировоззрения и стиля жизни, принятие их ценностной системы, образа жизни и системы действий, принципов и правил, тогда следующие вполне обычные действия неизбежно становятся выражением межкультурной некомпетентности:

- действия, создающие конфронтацию;
- споры с Другими, в том числе (довольно жесткая) критика их мировоззрения и образа жизни, а также языковых игр и практик, присущих их культуре;
- сознательное нарушение принципов;
- отклонение от правил, которые могут быть обязательными для Других и служат примерами этого наряду с любыми формами стратегически убедительного общения.

Те, кто хочет изменить Другого и Иного потому, что не может полностью согласиться с другим образом мышления, чувствования, желания и действия, ведут себя, согласно определению, «межкультурно некомпетентно». Это то, что предлагают многочисленные нормативные предписания обсуждаемого теоретического конструкта.

Именно нам следует обсудить, полезно ли это, и в какой мере, и не являются ли определенные этическо-нравственные идеи главенствующими здесь. В любом случае будет полезно опираться не только на мнение часто так называемых «ведущих экспертов США» (и некоторых европейских экспертов) в этой сфере исследований, но прислушиваться к голосам не-западного мира (и особенно к голосам, представляющим собой растущее число «национальных психологий» по всему миру). Я сейчас не делаю из этого третий пункт, но также нет необходимости размышлять над тем, что «мы» могли бы ожидать от такой дискуссии. Эти голоса, возможно, сказали бы нам, что конфронтация, разногласие, конфликт и насилие долгое время находились среди багажа тех самых культур, которые сегодня так много говорят о межкультурной компетенции и связывают ее с мыслью о гармоничном и удивительно спокойном мире.

Гуманистическая перспектива

В третьей части я только хочу задать вопрос, сможет ли и насколько может быть осмыслен и развит весь дискурс межкультурной компетенции в гуманистической перспективе.

Согласно доводам Губерта Канцика (1993), не существует «гуманизма» как такового — даже если ограничить себя территорией и историей Европы, не принимая во внимание другие регионы мира, в которых другие версии гуманизма давно устоялись и имеют другой вид. Скорее мы имеем дело с неоднородной и широко распространенной, но внутренне противоречивой традицией. Канцик приводит наглядные, но во многих отношениях несовместимые изводы гуманистического мышления, подобные следующим: западный, атеистический, христианский, диалектический, этический, эволюционный, экзистенциальный, древнееврейский, классический, критический, социалистический и светский гуманизм (в соавт.: Канцик, 2003, 176). Гуманизм очевидно неоднороден, и даже сегодня рождаются его новые версии.

Что касается истории понятия, оно произошло от латинского *humanitas*, что означало гуманность и человечество; это понятие появлялось в различных вариантах до XIX века, когда Фридрих Нитхаммер (1766–1848) вывел свою теорию *гуманизма*. Целью гуманизма Нитхаммера была все еще реформистская педагогика, и под гуманизмом он понимал «общую, не профессионально ориентированную подготовку к обучению, и интерес к ученику как “человеку”» (Канцик, 1993, 174). Этот так называемый «классический гуманизм» был прежде всего педагогическим новшеством, «модернизацией» целостного обучения, целью которого было общее, энциклопедическое образование человека, что подразумевало и включало в себя изучение Античности. Эта инновационная педагогика нуждалась в имеющей исторические корни концепции и ставила себе целью совершенствование «идеального человека»; в ее основание было заложено недавнее признание человеческой природы, и до сегодняшнего дня она не стала однородной, четко определенной и компактной системой, сочетающей этику и антропологию.

Только несколько десятилетий спустя, после провозглашения оригинальной реформистской программы образования, это понятие было также введено для обозначения эпохи итальянского Ренессанса (впервые его использовали Георг Фойхт и Якоб Буркхардт). В конце концов его стали повсеместно использовать как название *всевозможных* интеллектуальных течений, имеющих практическую цель. Эти течения основывались на определенной *антропологии* и *образах человечества*, отстаивали соответствующие мировоззрения и политические цели, отодвигая на дальний план связь с греко-римской Античностью, которая тогда все еще являлась образцовой для классического гуманизма. Таким образом, сегодня в нашем распоряжении имеется богатый спектр иногда довольно своеобразных видов гуманизма. Эта множественность и противоречивость — причины того, что трудно связать межкультурную компетенцию с гу-

манистической перспективой или считать ее гуманистической программой. Один вопрос неизбежен: *из какой именно* гуманистической перспективы следует исходить? Что данное прилагательное означает в этом отношении? Что сегодня можно считать гуманистической перспективой межкультурной компетенции, которая имела бы смысл?

Неизбежно двойственное значение гуманитарности (*humanitas*), которое также оказало влияние на многочисленные гуманистические проекты и движения, дает первую полезную, хотя и очень обобщенную и абстрактную подсказку. Согласно аргументам Канцика (2009), гуманитарность всегда подразумевала «образование» (*eruditio, litterae, scientia*) и «милосердие» (*mansuetudo, comitas, benignitas*), а также «(духовную) ученость» (*eruditio*) и «(активную) благотворительность» (филантропию). Таким образом, это понятие и, следовательно, разные гуманистические программы и движения объединяют:

— попытки универсальной (антропологической) идентификации человечества как определенного вида;

— нравственные и этические размышления о вопросах равенства и справедливости, которые в современную эпоху вращаются вокруг универсального достоинства людей и общих прав человека;

— педагогически и политически мотивированное стремление подвигнуть человечество, то есть каждого индивидуума, к развитому образованию и обучению, таким образом добиваясь (очевидно недостижимого) совершенства «идеального человека»;

— требование ориентировать жизнь и деятельность человека на *гуманитарные принципы* и уделять особенное внимание и поддержку тем, кто находится в крайних обстоятельствах и нуждается в помощи.

Очевидно, что понятие межкультурной компетенции не возникло ни в одном из тогда существовавших гуманизмов. Это понятие родилось в нашу эпоху, когда практические и политически мотивированные рассуждения о культурных различиях привели к беспрецедентному уровню самосознания и тем самым достигли небывалой глубины. Конечно, люди всегда разграничивали культурные формы жизни, языковых игр и перформативных стратегий. Уже во времена греческой Античности Геродот писал о них с большой осторожностью и явным пониманием тех трудностей, которые сравнительное изучение культур включало в себя. Но до XVIII века не существовало сравнительных антропологических исследований как таковых; только в XVIII веке эта дисциплина впервые появилась в возникающих гуманитарных, социальных и культурных науках, которые занимались систематическим сравнением культур. Например, как показывают труды Иоганна Готфрида Гердера, в XVIII веке отношения между отдельными культурами и универсальными общностями всех форм жизни человека необходимо было установить заново вследствие растущей восприимчивости к различиям и радикальному пониманию инаковости. Глубокое понимание значительных различий между формами знаний и практик, присущих разным культурам, которые в общем и целом были результатами проблем во взаимопонимании и серьезных конфликтов,

делало необходимым поиск универсальных антропологических основ. Только последнее сделало общение, сотрудничество и сосуществование возможным, несмотря на все бесчисленные, порой трудные для понимания и непримиримые культурные различия. Это понимание стало предвестником наступления эпохи «межкультурной компетенции», хотя это столь популярное в настоящее время выражение впервые было использовано только в последней трети XX века.

Это понятие также вошло в гуманистическое наследие не только потому, что оно касалось всего человечества, то есть совокупности всего вида, несмотря на усиливающийся и разграничивающий опыт культурных различий. С настойчивым требованием межкультурной компетенции единство человечества было объявлено *практической, современной* задачей. (Кроме того, его больше не считают врожденным в силу антропологической константы!) Эта блистательная компетенция должна установиться, утвердиться и, следовательно, обеспечить единство, четкие взаимоотношения и практическую связь между людьми и между их неизбежно отдельными, культурно определенными формами жизни и языковых игр, перформативными стратегиями и идентичностями.

Более того, гуманистическое наследие сохраняет релевантность, так как оно считается вызовом нашим практическим способностям и навыкам, *развитие* которых обязательно. Без этой образовательной и обучающей цели высшего порядка, которая относится к принципиальной возможности улучшения и совершенствования людей, было бы непонятно, зачем мы так долго говорим о межкультурной компетенции и зачем мы сделали ее задачей различных психолого-педагогических усилий. Как уже было сказано выше, Другой и Чужой теперь стали чем-то вроде «перемещенной данности» и средством постоянного обучения. Именно всем этим другим/чужим культурам, разбросанным по всему миру, мы можем, должны и желаем учиться. В определенной степени мы должны это делать, чтобы понять, кто мы и кем мы сами стали и хотели бы стать в будущем. Так же важно наше упорство в сращенном мире «культурных соперников». Понятие «межкультурной компетенции» включает в себя все это, хотя оно в основном касается практического и учебного потенциала *индивидуумов*.

Далеко идущее этическое и нравственное утверждение «межкультурной компетенции» ассимилирует до сих пор нетронутые потенциалы гуманистической традиции и предлагает их дальнейшее исследование. Как понятию, ему требуется чувствительность по отношению к отличиям, уважение и признание Другого и Чужого, чего в (европейской) истории «межкультурного общения» часто не хватало тем, кто становился жертвами насилия, берущего свое начало в самом сердце Европы. В этом отношении межкультурная компетенция содержит аспект, изучающий ее саму, а также самокритичную позицию, что доволь-

но трудно осуществить в отношении собственного прошлого и настоящего. Это породило необычную форму «проприофобии», которая представляет собой некую разновидность страха и антипатии к самому себе (особенно это заметно в отношении периода нацизма в Германии, когда геноцид евреев Европы, преступление против человечества, стал памятником бесчеловечности).

Достаточно бегло взглянуть на известные примеры (Штрауб Ю. Лихачевские чтения, 2009), чтобы убедиться, что определенные ценности и основные нормативные взгляды, которые в ходе критического процесса воспоминания и размышления о чрезмерном коллективном насилии заняли заметное место в коллективном сознании, также присутствуют в понятии межкультурной компетенции. В этом отношении это дитя европейского и во многих отношениях глобального гуманизма, который принимает собственные принципы. Это касается и желания связать этическое и моральное представление о самом себе у каждого индивидуума и человечества в целом с восприятием Другого и Чужого, чтобы развить это восприятие до уровня желаемой терпимости, достаточно сильной для необходимой нейтрализации собственного Я — ради ненавязчивых и стабильных отношений признания, а не ради насильственного подавления противника. В готовности и возможности испытать культурные изменения, межкультурное общение, сотрудничество и сосуществование как средство воспитания «идеального человека» следует видеть и важный признак современных стремлений к межкультурной компетенции, и традиции, и будущее гуманизма.

Заканчиваю этот доклад утверждением, что обучение межкультурной компетенции в конце концов станет еще одним шагом в кропотливом процессе образования, с помощью которого индивидуумы, отдельные группы и все человечество стараются научиться общаться с Другим и Чужим, изначально не воспринимая его как врага. Даже в свое время Гердер считался слишком оптимистично настроенным (но ни в коем случае не наивным), когда говорил об окончании времени вражды и конфликтов, отмеченном вспышками чрезвычайного насилия. Давайте процитируем его слова или, скорее, его вопрос, который, возможно, не такой уж «риторический», как полагал его оптимистичный автор: «Где те времена, когда такие племена, как троглодиты, сидели в своих пещерах за стенами, и каждый незнакомец был врагом?» (Гердер, 1784/1989, 659). Сегодня мы должны ответить, что эти времена не окончились до сегодняшнего дня и, кроме того, маловероятно, что они когда-либо закончатся. Тем не менее они демонстрируют возможность будущего человечества. Те, кто имеет смелость говорить о межкультурной компетенции и представлять ее достижение и дальнейший «гуманистический» проект широкого спектра, не должны терять из вида свои цели.

В. А. Штыров¹

РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ): ДУХОВНОЕ ВЗАИМОБОГАЩЕНИЕ НАРОДОВ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В 2010 году Республика Саха отметит 378 лет вхождения в состав Российской Федерации.

«Мы, многонациональный народ Республики Саха (Якутия)...» — так начинается Конституция Республики Саха (Якутия), принятая Верховным Советом Республики Саха (Якутия) 4 апреля 1992 года².

Якутия вошла в состав Российского государства в XVII веке, что стало ключевым событием в истории всех народностей, населяющих Якутию. Оно коренным образом предопределило дальнейшую историю якутского народа и в целом было прогрессивным событием: появилось пашенное земледелие, укрепились традиции оседлого быта, народы Ленского края получили возможность приобщения к русской культуре, государственной жизни.

Становление государственности Якутии начинается с образования в 1922 году Якутской Автономной Советской Социалистической Республики. В 1990 году в соответствии с Декларацией о государственном суверенитете республики произошло преобразование республики в Якутскую-Саха Советскую Социалистическую Республику. С 1991 года республика носит свое настоящее название — Республика Саха (Якутия)³.

Статья 44.1, гл. 3 Конституции Республики Саха гласит: «Территория Республики Саха (Якутия) принадлежит ее многонациональному народу и является исконной землей традиционного расселения коренных народов Республики Саха (Якутия)». По данным Федеральной службы государственной статистики РФ, население Республики Саха (Якутия) на 1 января 2010 года составляет 949 506 человек, из них городского населения — 622 722, сельского — 326 784 человек⁴. Республика Саха (Якутия) по численности населения после Приморского и Хабаровского краев занимает третье место в Дальневосточном федеральном округе, где проживают 6 440 624 человек.

По данным переписи 2002 года, в республике проживало 143 национальности, из них: якутов — 432 290 человек, русских — 390 671, украинцев —

34 633, эвенков — 18 272, эвенов — 11 657, татар — 10 768, бурятов — 2766, армян — 2764, немцев — 2283, корейцев — 1815, казахов — 1525, киргизов — 1454, долган — 1272, китайцев — 891 и др.⁵

Государственная власть республики имеет большой опыт работы по обеспечению мирного сосуществования разных национальностей с их самобытными культурами. Взаимное духовное обогащение укрепляется солидарностью жителей республики, тем самым демонстрируя эффективность управления.

В институционально-организационном плане ряд государственных структур при сотрудничестве с общественными организациями и творческими коллективами ведут последовательную и эффективную работу. Ведущая роль принадлежит Министерству культуры и духовного развития, которое разрабатывает и реализует государственную политику в области культуры, искусства, кино и духовного развития в Республике Саха (Якутия)⁶. Кроме того, департамент по делам народов и федеративным отношениям при Администрации Президента и Правительства Республики Саха (Якутия), созданный в 2002 году, участвует в разработке теоретических, организационно-правовых основ и механизмов реализации государственной политики в области федеративных и национальных отношений, поддержки коренных малочисленных народов Севера, взаимодействия с общественными и религиозными объединениями⁷.

В июне 2007 года в столице Республики Саха (Якутия) — городе Якутске — состоялся Конгресс народов России, посвященный 375-летию вхождения Якутии в состав России, в работе которого приняли участие представители 74 субъектов Российской Федерации и более 100 народов страны. Организаторами конгресса выступили Ассамблея народов России и Правительство Республики Саха (Якутия).

Это огромное историческое событие послужило важным этапом в создании нашего общего многонационального государства. Россия за свою многовековую историю накопила огромный и во многом уникальный опыт сотворчества культур и сосуществования народов, различных вероисповеданий в едином государстве при огромной роли русской нации как собирателя земель и народов России.

⁵ Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. Т. 04_03. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (сайт — Всероссийская перепись населения Российской Федерации 2002 г.). Дата обращения — 20 февраля 2010 года.

⁶ Положение о Министерстве культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) : утверждено Постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 31 августа 2006 года № 402. URL: <http://www.sakha.gov.ru/main.asp?c=1735> (Официальный веб-сервер органов государственной власти Республики Саха (Якутия)). Дата обращения — 20 февраля 2010 года.

⁷ Положение о создании Департамента по делам народов и федеративным отношениям : утверждено Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 25 июня 2002 года № 318. URL: <http://www.sakha.gov.ru/main.asp?c=975>. Дата обращения — 20 февраля 2010 года.

¹ Президент Республики Саха (Якутия), почетный профессор Иркутского государственного технического университета. Автор работ: «Акционерная компания “Алроса” в алмазобриллиантовом комплексе России и мира», «Мировая добыча алмазов: цифры, факты, события = World diamond production», «Северо-Восток России: региональная экономика и управление» и др. Заслуженный строитель РФ, заслуженный работник народного хозяйства Республики Саха (Якутия), почетный гражданин Республики Саха (Якутия). Лауреат Государственной премии им. А. К. Амосова в области государственного строительства.

² Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) : принята Верховным Советом Республики Саха (Якутия) 4 апреля 1992 года; текст утвержден Законом Республики Саха (Якутия) от 17 октября 2002 года 54-3 № 445-II.

³ На основании Постановления Верховного Совета Якутской-Саха Советской Социалистической Республики (в ред. Конституционного закона Республики Саха (Якутия) от 17 июня 2009 года 692-3 № 275-IV).

⁴ Предварительная оценка численности постоянного населения субъектов Российской Федерации на 1 января 2010 года и в среднем на 2009 год. URL: http://www.gks.ru/wps/portal/OSI_N/DEM (сайт Федеральной службы государственной статистики РФ). Дата обращения — 20 февраля 2010 года.

Культура — достояние всего человечества, а цивилизация — результат деятельности и взаимодействия народов. Конкретная цивилизация рассматривается как продукт локальной формы интернационализации — межэтнического взаимодействия, формирующего региональную социокультурную целостность (комплекс) с особой, свойственной только данной цивилизации системой культурных ценностей.

Сохранение культуры народа саха приобрело международное значение. В 2005 году ЮНЕСКО признало эпос «Олонхо» шедевром Всемирного нематериального наследия человечества. На основании этого решения в Республике Саха (Якутия) была разработана большая культурно-образовательная программа «Десятилетие Олонхо (2005–2015)», вступил в силу Закон «О защите и сохранении эпического наследия коренных народов Республики Саха (Якутия)»¹.

В 2006 году были проведены мероприятия, посвященные 210-летию святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, просветителя Сибири и Америки. В рамках празднования были организованы и проведены: международная церковно-историческая научно-практическая конференция, восстановлена Богородская церковь г. Якутска и построено здание Якутского духовного училища, в Москве в храме Христа Спасителя отслужили праздничную божественную литургию с чтением молитв на якутском языке.

Христианизация народов Якутии, несомненно, стала основой для процесса взаимообогащения и взаимопроникновения культур и приобщения к русской, а через нее — к европейской культуре и мировой цивилизации. До Октябрьской революции православие играло объединяющую роль в отношениях между народами. Христианизация сыграла исключительно важную роль в формировании самосознания народа саха как составной части многонационального российского народа.

В Якутии почти четыре столетия прекрасно уживаются язычество и православие. 378 лет назад с приходом в этот край казаков-первопроходцев коренные жители Якутии стали обращаться в православную веру. Вместе с освоением русскими первоходцами этого сурового и обширного края начался процесс знакомства северных народов с русской христианской культурой и далее — постепенное приобщение и к общеевропейской культуре. Якутская письменность появилась благодаря православным миссионерам. В Якутии начинались полярные экспедиции, здесь открывали месторождения руд и алмазов, прославились великие христианские миссионеры. В 1812 году в Иркутске была издана первая религиозная книга на якутском языке — «Молитвы. Символ веры и заповеди Божьи: начатки вероучения». В 1819 году священник Олекминской Спасской церкви Георгий Попов впервые составил якутский алфавит. Основная заслуга — перевод Писания на якутский язык — принадлежит святителю Иннокентию, просветителю народов Сибири и Америки. По его инициативе в 1853 году был создан Комитет по переводу священных и богослужебных книг на якутский язык. Над переводами трудился и его сподвиж-

ник, протоиерей Дмитрий Хитров (будущий епископ Якутский и Вилуйский Дионисий), который составил первую «Краткую грамматику якутского языка» (1858). Он изучал язык, обычаи и нравы якутов, что позволило ему осуществить перевод священных и богослужебных книг. Под его руководством и при поддержке святителя Филарета Московского были отпечатаны на якутском языке книги Нового Завета, Бытие и Псалтырь, богослужебные книги и грамматика. Он побывал во многих уголках Якутии. Местные жители выстраивались к нему за благословением в длинную очередь, и владыка на морозе благословлял свою паству.

К 1865 году в епархии насчитывалось уже 65 церквей (не учитывая монастырских) и 80 часовен. Православные священники, миссионеры проводили в отдаленных селах службы на якутском языке, обучали коренных жителей в православных школах грамоте. Все это способствовало просвещению народов Якутии и приобщению их к российским и мировым культурным ценностям. Православие в Якутии явилось проводником иного вида цивилизации. Духовные лица принимали непосредственное активное участие в хозяйственном освоении и культурном развитии Якутской области. Именно с деятельностью церковных учреждений связано появление школ, первой книги на якутском языке, первой газеты. По инициативе духовенства строились храмы, которые становились украшением и гордостью области, православное христианство способствовало цивилизованному культурному развитию народов Якутской области.

Православие стало укрепляться после 1993 года, когда была возрождена Якутская епархия. За этот период в республике по инициативе жителей и при поддержке руководства Якутии были восстановлены и построены заново десятки храмов. Сегодня в епархии действуют 52 прихода, 4 благочинья, в Якутске есть женский монастырь. В республике работают 28 храмов (13 каменных и 15 деревянных) и 17 часовен, Якутское епархиальное духовное училище, которое в сентябре 2010 года получит статус семинарии, 18 воскресных школ, православная гимназия в городе Мирный. В православных приходах появляется все больше верующих и православных служителей из представителей коренных национальностей. Ежемесячно выходит епархиальное издание «Православный вестник», издается молодежная православная газета «Логос».

Культура народов Республики Саха (Якутия) имеет православные корни, но в ней ощущается большое влияние языческих традиций коренных жителей. В настоящее время языческие традиции, поклонение матери-природе (осознание огромной ценности природы) почитаются жителями Якутии независимо от национальной и конфессиональной принадлежности. Элементы шаманизма стали частью быденной жизни старожиллов Сибири и присутствуют в быту. Согласно якутской мифологии боги живут в Верхнем мире, на девятирусном небе.

Со временем некогда отсталая и отдаленная восточная окраина превратилась в развитый промышленный и сельскохозяйственный регион на северо-

¹ См. об этом: URL: <http://www.olonho.com> (сайт — Культурно-информационное пространство Olonkho.com).

востоке страны. Более того, народам Якутии в огромном полиэтническом русскоязычном «океане» удалось сохранить свою национальную идентичность — территорию, язык, традиционную культуру.

Сегодня в республике существуют 15 различных религиозных течений, представляющих христианство, ислам, буддизм, традиционные якутские религиозные верования, иудаизм и ряд новых религиозных движений. В 2002 году были изучены уровень религиозности и конфессиональная ориентация населения, исследованием было охвачено 11 487 человек. Анализ показал, что 37,1 % относят себя к категории верующих, 38,4 % предпочли православие, 37,2 % — якутские традиционные верования. Среди русских причисляют себя к православным 70,4 %, среди якутов православие выбрали 24,7 %, шаманизм — 39,3 %, более 50 % отметили обе религиозные системы одновременно.

Сегодня возрождается духовная составляющая народа саха, его традиции, праздники и нравственные ценности. Якутские традиционные верования воспринимаются населением в качестве компонента якутской национальной культуры. В этом процессе особая роль и значение по-прежнему принадлежат Русской православной церкви. Как и прежде, святая вера несет людям, живущим в этом далеком северном крае, свет Христовой истины и вновь скрепляет духовное и культурное единство наших народов. Христианство предоставило возможность доступа к богатейшему культурному наследию христианского мира и через него — к европейской культуре и мировой цивилизации. Народы Республики Саха (Якутия) — люди единой судьбы и единой веры.

В настоящее время в цивилизационное движение широко вовлечены разные страны и народы. Этот процесс имеет глобальные масштабы, отличается взаимовлиянием и взаимопроникновением народов, рефлексией и синтезом культур. В первое десятилетие XXI века на фоне ускоряющихся процессов глобализации и становления постиндустриального общества основной проблемой становится взаимодействие цивилизаций. Следует отметить, что процесс взаимодействия цивилизаций далеко не новый. И хотя тысячелетия назад локальные культуры и цивилизации возникали и развивались, казалось бы, изолированно, многочисленные культурные, торгово-экономические связи между ними постепенно крепились и умножались, охватывая всю населенную часть земного шара. Это дает основание говорить об историческом процессе развития человечества в целом, смене мировых цивилизаций, известной синхронизации в динамике локальных цивилизаций.

Каждая национальная культура своеобразна и единственна. Ее вклад в общечеловеческий культурный фонд уникален и неповторим.

Чем более развита национальная культура, тем больше она способна к включению в сферу духовного общения ценности культуры различных наций и тем большие возможности она предоставляет для духовного обогащения личности.

В рамках глобализации возрастает роль международного диалога культур. Международный культурный

диалог усиливает взаимопонимание между народами, дает возможность лучшего познания собственного национального облика. В современном мире диалог культур усложнился в силу ряда обстоятельств. С взаимодействием культур разных народов связаны и современные проявления фундаментальных проблем. Особенность их решения заключена в рамках систематического диалога культур, а не одной, даже преуспевшей, культуры. Чрезвычайно быстрое развитие средств связи и коммуникаций открывает новые перспективы для диалога культур. Опасаться следует обратного процесса — унификации культур, которая низводит до уровня фольклора национальные и социальные особенности и превращает культуры потребления в товар, обмениваемый на широком рынке, где все ценности, складываясь, взаимно аннулируются и где вместо понятия «диалог культур» используется понятие «обмен продуктами культуры».

Большое значение имеет то обстоятельство, что каждая культура является выражением духа, потребности, своеобразия той или иной нации, поэтому она уникальна, самобытна. А богатство мировой цивилизации и соответственно мировой культуры определяется тем, что она представляет собой сокровище общечеловеческих ценностей, единство отдельных, своеобразных, уникальных и самобытных культур. Диалог цивилизаций и культур, существование различных общечеловеческих ценностей и сохранение всего богатства мировой культуры должно быть наивысшей целью человечества.

Сибирь как часть России не только является ее ресурсной и геополитической доминантой, но и характеризует итоги многовекового взаимодействия славянских, тюркских, монгольских, палеоазиатских народов, а также пространство диалога христианства, мусульманства, буддизма, шаманизма. Здесь мирно сосуществуют различные хозяйственные уклады и экономические структуры, традиционная и современная культуры, присутствуют все характерные для России формы территориально-административного устройства: республики, края, области, автономные округа. Здесь богатство народов действительно остается одной из значимых ценностей российской цивилизации.

Еще во времена древних цивилизаций человечество начало осознавать, что развитие общества невозможно без развития духовности. Живший почти две с половиной тысячи лет назад Аристотель внушал своим ученикам: тот, кто «двигается вперед в науках», но отстает в духовности и нравственности, — «больше идет назад, чем вперед». Античному мудрецу не раз вторили мыслители последующих эпох, в частности средневековый философ Фрэнсис Бэкон справедливо утверждал, что человечество было бы обречено на духовную скудость, если бы души людей не освещались внутренним духовным огнем.

Обратившись к истории, следует напомнить, что именно бездуховность и нравственное разложение приводили к крушению самых могущественных империй планеты. В итоге остались только те народы, которые сумели факт своего появления на свет трансформировать в явления духовного порядка.

И чем ярче было такое духовное сияние, тем сильнее и прочнее оказывалась «охранная грамота».

В последние годы в нашей стране много рассуждают о проблемах духовности, поскольку все понимают, что без нравственного преобразования общества невозможно не только построить новую Россию, но и сохранить имеющуюся. Речи подобного рода звучат из уст разных людей: политиков и священнослужителей, простых селян и руководителей федерального уровня, мастеров искусств и глав регионов. Но одно дело — абстрактно рассуждать о духовности, вздыхать по поводу ее утраты, необходимости возрождения, и совсем другое — формировать собственной позицией, личностными качествами, реальными делами и поступками ту самую духовную среду, в которой и происходит нравственное возрождение и воспитание других личностей. В этом смысле можно утверждать, что Республика Саха (Якутия) относится именно к тем регионам России, где столь непростая проблема решается не на словах, а на деле, где «плотность» духовного пространства значительно выше, чем во многих других краях и областях. Конечно, можно возразить, что и среди якутян достаточно бездуховных личностей, а наше общество еще далеко от достижения нравственных идеалов. Да, это так, но все познается в сравнении и большое видится на расстоянии. Можно упомянуть искренние слова председателя правления Союза писателей России Валерия Ганичева, произнесенные на одном из писательских форумов: «Мы гордимся Якутией, и она должна стать примером для всей страны».

Действительно, много ли в сегодняшней России регионов, где, так же как в Якутии, по специальной программе издается целая 120-томная библиотека национальной классики, ежегодно выделяются немалые средства на выпуск нравственно и духовно значимой литературы, государством в равной мере поддерживаются все профессиональные творческие союзы, учреждения культуры и искусства, существует единственная в своем роде «Академия духовности», где для создания условий для духовно-нравственного развития граждан пять лет назад была принята специальная целевая программа (наряду с основными программами по развитию промышленности, экономики и социальной сферы)?! Только с 2002 по 2010 годы в Якутии было построено более 70 объектов культуры, в том числе такие уникальные, как Национальный художественный музей Республики Саха (Якутия), Национальная библиотека, Арктический государственный институт искусств и культуры, государственный цирк Республики Саха (Якутия) «Саха цирк», Якутский государственный объединенный музей истории и культуры им. Ярославского. Созданы театр «Олонхо» и Театр юного зрителя в Якутске, Мирнинский театр. В Якутии регулярно проводятся всероссийские балетные, оперные и музыкальные фестивали, мастера сцены мирового класса сотрудничают с нашими творческими коллективами, способствуя их продвижению на новый уровень.

Особыми событиями стали признание якутского эпоса «Олонхо» шедевром культурного наследия человечества и провозглашение государственными органами Десятилетия «Олонхо». Благодаря

якутскому героическому эпосу коренные народы на протяжении тысячелетий сохранили этническую самоидентификацию, самобытную культуру, родной язык, традиции, исконные нравственные обычаи и нормы морали. Это непреходящее духовное богатство, завещанное нашими предками.

Огромное значение руководством республики придается сохранению духовного наследия и духовному росту многонационального народа Якутии, возвращению в общественную жизнь в новом качестве всего калейдоскопа уникальных северных культур. Достижения последних лет — несколько премий Национального театрального фестиваля «Золотая маска» Саха академического театра им. П. А. Ойунского, полученные на главном театральном конкурсе страны; первая премия на Международном конкурсе им. П. И. Чайковского ведущей солистки оперы Айтилины Адамовой, премии на международных конкурсах хоров «Соловушка» и Якутского музыкального училища, ансамбля скрипачей Высшей школы музыки, молодых артистов государственного цирка Республики Саха (Якутия) «Саха цирк». Можно отметить и большие достижения на российском уровне и других наших артистов, художников, писателей, кинематографистов. Неслучайно, по оценке ООН, по уровню развития человеческого потенциала в целом Якутия вошла в число российских лидеров, уступив место лишь Москве, Санкт-Петербургу и нескольким наиболее развитым субъектам Федерации.

Платон, учитель Аристотеля, утверждал, что «каковы в государстве правители, таковы обычно и подданные». Выражаясь образно, прежние лидеры республики сумели заложить основательный фундамент духовности, а сегодняшние руководители строят на этом фундаменте здание, которое сегодня видно из любой точки России.

Нельзя не отметить, что развитие искусств, возрождение исторической памяти и веры, возвращение имен выдающихся личностей прошлого — предмет особого внимания президента республики. Духовность составляет сущность человека.

В честь выдающегося сына якутского народа Алексея Кулаковского в центре столицы появился памятник первому поэту народа саха. Немного позже на площади у Саха академического театра им. П. А. Ойунского был воздвигнут монумент «Платону» — певцу новой жизни и хранителю эпоса. Рядом с Якутским госуниверситетом, носящим имя М. К. Аммосова, на пьедестале установлен памятник «яркому Максиму». Перекресток улиц Кирова и Поляркова сегодня уже трудно представить без памятника землепроходцу Семену Дежневу и его жене Абакаяде — символа настоящей любви и ненадуманного интернационализма. Всего за последние 6–7 лет в республике было открыто более 50 памятников, в том числе жертвам политических репрессий, первооткрывателям якутских алмазов, воинам Великой Отечественной войны. Все они формируют особую часть того самого духовного и нравственного пространства, которое воспитывает личности, особенно молодые.

«Новое время бросает новые вызовы» — это высказывание стало лозунгом на VII съезде деятелей ду-

ховной культуры народов Республики Саха (Якутия). Сегодня мы живем в совершенно иной социально-экономической системе, где рождаются новые ценности и нравственные идеалы. Какие они, как мы донесем их до людей? Эти вопросы требуют и философского осмысления, и практической работы. Безусловно, даже такие достижения в области экономики, как Нюрбинский горно-обогатительный комбинат, подводный газопровод через Лену, строительство нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан», не имеют ценности, если не развивается духовная сфера, не обогащается культура человека. Каждый человек должен быть строителем духа.

Участовавшая в праздновании 100-летия со дня рождения Суоруна Омоллоона Светлана Макарова, руководитель Краснодарской писательской организации, невольно сравнила в своем письме-очерке нынешнее отношение к ушедшим классикам на Кубани и в Республике Саха. «Год назад не стало Дмитрия Кононовича. Очень достойно хранят память о нем земляки. Часовенка с золотыми крестами, построенная на месте захоронения, вызывает самые трепетные чувства. И все это успели за год. А в Якутске имя писателя присвоено Государственному театру оперы и балета. Здесь не утрачена вера в магическую силу слова и, значит, сохранен дух, поддерживающий нравственные силы народа. У нас же на Кубани через три года после смерти Юрия Кузнецова (одного из величайших русских поэтов современности) так и не появилось ему памятника, лишь к 65-летию его имя дали городской библиотеке...» После таких слов возникает повод и для грусти, и для гордости.

В последние годы любимым местом якутян стал «Старый город», где любовно и бережно воссозданы атмосфера нашего прошлого, наша память и история, живая красота времен, воплощенная в дереве и камне. Поднялся из руин и стал духовным центром «Старого города» гордо сияющий куполами Преображенский собор. В последние годы в республике при поддержке населения и руководства было восстановлено и построено шесть каменных и семь деревянных храмов в Мирном, Ленске, Хандыге, Олекминске и других городах и селах, новое здание Епархиального управления и т. д. Во время празднования 375-летия вхождения Якутии в состав России в Москве состоялось торжественное богослужение в храме Христа Спасителя (в том числе на якутском языке) с участием Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, а также международная церковно-историческая конференция, посвященная 210-летию со дня рождения святителя Иннокентия, создателя Якутской епархии. Сегодня рядом с возрождающейся Богородицкой церковью в Якутске идет строительство духовно-просветительского комплекса с будущей семинарией, епархиальным управлением, иконописной и регентской школами — настоящий оплот православия, который, несомненно, поднимет духовную жизнь нашего края на новую высоту. Открытие Богородицкого комплекса планируется в сентябре 2010 года и приурочено к 130-летию создания самостоятельной Якутской епархии. Ожидается визит патриарха Кирилла. В будущем на территории

духовно-просветительского комплекса планируется создание мужского монастыря.

Роль православия в культурном и духовном развитии жителей нашего региона бесспорна. Православие стало объединяющим началом для представителей разных народов в их духовно-нравственном возрождении. Христианские заповеди были близки и понятны толерантному сознанию северян, которые в экстремальных природных условиях выстраивают свою жизнь, основываясь на представлениях о взаимовыручке и помощи ближнему.

Отличительные особенности духовного человека — это целостность, искренность, гармония с собой и окружающим миром. Дух — это храм человека, храм его души. Как заметил Г. Гейне, «величие мира всегда находится в соответствии с величием духа, смотрящего на него».

В год 375-летия вхождения Якутии в состав России на набережной Якутска был воздвигнут прекрасный монумент русским землепроходцам со скульптурой первопроходца — сотника Петра Бекетова. Человек должен знать свои истоки.

Историческая память, история России и освоение ею Севера в контексте мировых событий, особенности развития коренных народов Якутии и Арктики в целом, их традиционные культуры — эти темы волнуют президента республики не только по роду службы, как главу одного из северных субъектов Российской Федерации, но и как человека. Ведь это наш гражданский долг — интересоваться прошлым своего Отечества, родной республики, искать и находить для себя духовные опоры в этом прошлом, неизбывные ценности и примеры.

Знания и культура определяют не только духовный и интеллектуальный потенциал нации, но и ее место в будущем мироустройстве. Умение увидеть главное, самое ценное в прошлом и будущем, суметь опереться на него — вот качества, отличающие настоящих духовных лидеров.

Необходимо глубоко знать и исследовать наследие поэта и мыслителя Алексея Кулаковского, 133-летие которого недавно отмечалось в Якутии. Необходимо привлекать и молодежь к изучению его интеллектуальных, философских и духовных исканий. Алексей Кулаковский — духовный лидер своего времени. Его идея о равноправном развитии народов на основе поднятия их культурного уровня, предполагающего высокий интеллектуальный и духовно-нравственный человеческий потенциал, может быть полноценно реализована именно в XXI веке — веке науки, образования и духовности. Это общечеловеческая идея, которая освещена пламенем вдохновенной мысли, горячего чувства, нетленна и будет жить в веках.

Духовность человека — это не только умение жить по законам красоты и гармонии, но и богатство мыслей, широкий кругозор, сила чувств и убеждений, соединенная с высокой культурой. Духовные знания обогащают общую картину мира, законы развития общества, помогают глубже понимать жизнь, находить верные подходы и принимать правильные решения. Духовность безальтернативна. Хорошо, что в нашей республике накоплен

и продолжает накапливаться бесценный капитал, который позволит ей занять достойное место в будущей великой России.

Академик Дмитрий Лихачев писал, что память — преодоление времени. Человеческая культура в целом не только обладает памятью, культура человечества — это активная память человечества, уже реализуемая в современности.

Президент РФ Дмитрий Медведев утверждает, что «конкурентоспособность нашей страны во многом зависит от бережного отношения к богатейшему потенциалу Севера, рационального освоения природных богатств, сохранения самобытной культуры проживающих здесь народов».

Как и во всей стране, в Якутии сейчас заметны позитивные изменения: повысился государственный правовой статус, активно восстанавливается историческая и культурная память коренных народов края, улучшается благосостояние населения. Особенно плодотворной оказалась последняя пятилетка, когда решалась стратегическая задача стабилизационного характера: была проведена реструктуризация предприятий и некоторых отраслей, разработаны специальные программы социально-экономического развития республики. Республика по величине валового регионального продукта на душу населения заняла четвертое место в Российской Федерации: номинальные доходы населения выросли почти в 2 раза, реальные — в 1,4.

В последние годы возрастает роль Якутии в истории Российского государства как форпоста на Дальнем Востоке и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это важно и в связи с реализацией научно обоснованной Схемы комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года, одобренной Правительством Российской Федерации. Сегодня руководство республики ставит стратегическую цель — развитие экономики за счет перерабатывающих, наукоемких отраслей, широкого внедрения инновационных технологий. Мы стремимся, чтобы полноценно работали средний и малый бизнес, развивалась транспортная инфраструктура, эффективно функционировали научно-исследовательские и образовательные учреждения. Все это и реализация крупных инвестиционных проектов направлены на улучшение жизни населения. Реализация всех задач, обозначенных в Схеме, превратит Якутию в один из высокоразвитых регионов Российской Федерации. Главное — богатейшие природные ресурсы будут работать на человека, каждого жителя республики.

Северные народы независимо от страны проживания и этнического происхождения объединяет схожесть традиций. Они смогли найти механизм адаптации к экстремальным климатическим условиям, сохранили уклад жизни, основанный на бережном отношении к природе, создали неповторимую культуру. Среди представителей 143 национальностей, издавна живущих в Якутии, можно назвать якутов, эвенков, эвенов, долган, юкагиров, чукчей. По статистическим данным, сегодня в Республике Саха (Якутии) насчитывается около 30 тыс. представителей этих народностей. Важнейшей составляющей государствен-

ной национальной политики нашей республики является государственная поддержка коренных малочисленных народов Севера и исчезающих этносов в решении проблем, порожденных как историческим прошлым, так и трудностями их адаптации в условиях рыночных преобразований.

Руководством Якутии проводится сбалансированная национальная политика с обязательным учетом особой ситуации, сложившейся в связи с малочисленными народами Севера. Наши устремления находятся в русле задач второго Международного десятилетия коренных народов мира, объявленного ООН. Республика активно включилась в работу Национального организационного комитета по подготовке и проведению Международного десятилетия коренных народов мира.

В марте 2009 года в Нерюнгри (Якутия), где проживает более половины всех эвенков страны, прошел Всероссийский съезд эвенков, на котором более 250 делегатов из северных и восточных регионов России, а также гости из эвенкийских общин Китая, Монголии и Японии обсуждали проблемы сохранения традиционного уклада жизни народов Севера. Мы поддерживаем инициативы, в том числе и те, которые необходимо решать на федеральном уровне. Якутский парламент принял шесть законов, направленных на решение проблем коренных малочисленных народов. Оленеводство, в котором преимущественно заняты эвенки, включено в национальный приоритетный проект развития агропромышленного комплекса и развивается быстрыми темпами. В то же время в Якутии остро стоит проблема сосуществования оленеводов, которые проживают на этой территории издревле, и промышленных предприятий, продукция которых имеет стратегический характер.

Международное и всероссийское экономическое сотрудничество, международное образование, интернациональные педагогические коллективы, международные олимпиады, детские спортивные игры «Дети Азии», конкурсы юных талантов — эти явления в последние 10 лет прочно вошли в нашу жизнь. Мы убеждены, что подобные мероприятия необходимы для современной молодежи, они способствуют взаимному обогащению и достижению взаимопонимания между людьми. Руководство Якутии заботится о сохранении традиций и культуры, традиционного уклада жизни, обычаев малочисленных народов Севера, мест их компактного проживания.

Изучение национальной литературы фольклора, народного художественного творчества, теории и истории этнокультуры, классического искусства и новых форм искусства (театра Олонхо, кино Арктики) должно быть нормой наряду с обязательными предметами в образовательных учреждениях Севера. На наш взгляд, образование в учебных заведениях культуры и искусства в северных регионах России, от специализированных детских школ до вузов, должно основываться на симбиозе академической мировой культуры и сохранении традиций народов Арктики.

Якутия занимает особое место в образовательном и культурном пространстве северо-востока России. В республике развита инфраструктура учреждений культуры, искусства, образования и науки, существу-

ет сформированная система учреждений среднего профессионального образования, представленная колледжами культуры и искусств и музыкальным, хореографическим и художественным училищами, Арктическим государственным институтом искусств и культуры, которые объединены общей идеей сохранения культуры народов Севера и ее передачи будущим поколениям.

Подготовка высококвалифицированных специалистов для Республики Саха (Якутия) уже 17 лет ведется на целевой основе по линии Департамента по прогнозированию, подготовке и расстановке кадров при Президенте Республики Саха (Якутия), где в качестве заказчиков целевых мест выступают республиканские министерства и ведомства. Это прямое инвестирование в повышение качества трудовых ресурсов республики. За весь период существования департаментом была осуществлена подготовка специалистов в 195 учебных заведениях высшего и среднего профессионального образования Российской Федерации (из которых 102 — технические) по 346 специальностям.

В настоящее время по линии департамента за пределами Якутии обучается более 4 тыс. человек по 28 направлениям и 220 специальностям. Например, в вузах Санкт-Петербурга обучается около 1 тыс. студентов из республики. В ближайшей перспективе Якутии понадобятся 150 тыс. новых специалистов. Вопросы развития кадрового потенциала республики нужно решать совместно. Якутия и Санкт-Петербург постепенно развивают двусторонние связи.

Сегодня в Республике Саха (Якутия) создается надежная экономическая база для будущих поколений якутов. Я уверен, что республика и в будущем сохранит передовые позиции на Дальнем Востоке и в России.

Республика Саха (Якутия), являясь субъектом Российской Федерации, неразрывно связана с судьбой России. История взаимоотношений Северной столицы и северной республики уходит корнями в далекое прошлое. Когда-то из Санкт-Петербурга в Якутию отправлялись арктические экспедиции для изучения в том числе истории и культуры северных территорий. Благодаря их исследованиям в России и мире узнали об уникальной культуре народов Якутии.

Не случайно недавно одним из главных событий Дней деловой и культурной миссии Санкт-Петербурга в Республике Саха (Якутия) стала церемония передачи в дар от Санкт-Петербургской епархии Градоякутскому кафедральному Николаевскому собору иконы небесного покровителя Санкт-Петербурга праведного Иоанна Кронштадтского и совместное богослужение на русском и якутском языках. В Национальной библиотеке Республики Саха (Якутия) прошла презентация книги «Организация Комплексной академической экспедиции по изучению производительных сил Якутии (1924–1931)», автор которой — дочь ответственного секретаря Комплексной академической экспедиции Павла Владимировича Виттенбурга Евгения Виттенбург.

Сегодня в мире происходит процесс взаимопроникновения культур, поэтому сохранение самобытной культуры народов Севера должно стать достоянием, наследием человечества.

Академик Дмитрий Лихачев призывает хранить память, беречь ее как основу совести и нравственности — это наш долг перед собой и потомками. Духовное единство — это понимание, приятие друг друга, сотворчество культур, заимствование и поиск общих ценностей, общего миропонимания.

Р. М. Юсупов¹

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК РЕСУРС ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Сегодня, когда на государственном уровне ставится задача обеспечить переход России на инновационное развитие, необходимо вновь осмыслить те ресурсы и предпосылки, которые могли бы обеспечить эффективность этого процесса. Это целесообразно сделать на основе системного подхода как к циклам исторического развития цивилизации, так и к особенностям переживаемого нами периода.

Человечество в своем развитии прошло три больших этапа, которые различаются по способам обеспечения существования и развития общества, а так-

же по основным видам использовавшихся ресурсов. Принято выделять этап собирательства и охоты, аграрную и индустриальную стадию. На рис. 1 представлена хронологизация этих этапов, предложенная американским социологом Э. Тоффлером².

Последние десятилетия XX и первое десятилетие XXI века отмечены событиями, существенным образом трансформировавшими практически все значимые сферы жизнедеятельности современного общества — экономическую, политическую, культурную и др. Основным фактором этих изменений стало активное вхождение в жизнь социума новейших информационных технологий. Начиная с середины 1960-х годов западными философами, социологами и социальными философами (Д. Белл, Д. Рисман, О. Тоффлер, А. Турен и др.) активно обсуждается вопрос о вступлении развитых стран в новую стадию социального и технического развития,

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, директор Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ. Автор более 400 научных трудов, в т. ч. 20 монографий и учебников: «Введение в геофизическую кибернетику», «Научно-методологические основы информатизации», «Наука и национальная безопасность», «Интеллектуальные технологии мониторинга и управления структурной динамикой сложных технических объектов» и др.; 17 изобретений.

² Toffler A. The Third Wave. N. Y., 1980.

Рис. 1. Этапы развития человечества

охарактеризованную ими как постиндустриальное или информационное общество. Его главной отличительной чертой является определяющая роль информационных технологий во всех сферах жизнедеятельности людей.

Указанный период отличается тем, что общество невероятно быстро перешло от футурологических прогнозов к массовому внедрению электронной техники и цифровых технологий и в итоге к реальному информационному обществу. Сегодня продолжается бурное развитие средств массовой коммуникации, в особенности телевидения, распространение персональных компьютеров, расширение и усложнение глобальных информационных сетей, разработка технологий виртуальной реальности и других технологических инноваций. Все это коренным образом изменило жизнь общества и выделило в качестве самостоятельной, а также выдвинуло на передний план информационную деятельность, то есть деятельность, связанную с производством, потреблением, трансляцией и хранением информации. Именно это обстоятельство знаменует переход от индустриальной (товаропроизводящей) к постиндустриальной (обслуживающей) экономике.

Принципиальная разница между ними состоит в том, что в индустриальном обществе основная борьба ведется за доступ к ресурсу — нефти, углю, газу, другим полезным ископаемым. При этом обладателю доступа к ресурсу выгодно, чтобы было как можно меньше тех, кто может им пользоваться наряду с ним. В постиндустриальном обществе парадигма меняется — одним из ведущих источников общественного развития становится теоретическое знание. Инициатива переходит к тому, кто способен верно улавливать тенденции развития и использовать их в своих целях. Эта способность во многом связана с владением информацией.

Постиндустриальные технологии с точки зрения процессов глобализации носят инновационный характер. Это обусловлено объективной потребностью влиять на глобальные процессы и занимать в них лидирующие позиции. Стратегическая инициатива как на уровне государства, так и на уровне отдельных отраслей или товаропроизводителей удерживается в первую очередь за счет темпа. В современной конкуренции побеждает тот, кто сделал быстрее других, предложил и осуществил новые прорывные технологии.

Опыт показывает, что лидируют те страны и государства, где раньше других начался переход к информационному обществу. Этот переход занимает определенное время и отличается комплексностью, охватывая практически все значимые области духовно-практической деятельности. Логика этого перехода отражена на рис. 2.

Доминирующее положение информации в информационном обществе по отношению к традиционным видам ресурсов — материальным (вещественным), людским и энергетическим — обусловлено специфическими свойствами информации как ресурса и сложившимися в настоящее время условиями развития общества. Эти условия определяются тем, что человечество практически исчерпало экстенсивные пути развития. Применение традиционных технологий, способов производства, а также образ жизни современного человека с неизбежностью приводят к достаточно быстрому истощению ресурсов Земли и такому ухудшению экономической обстановки и здоровья человека, при котором под угро-

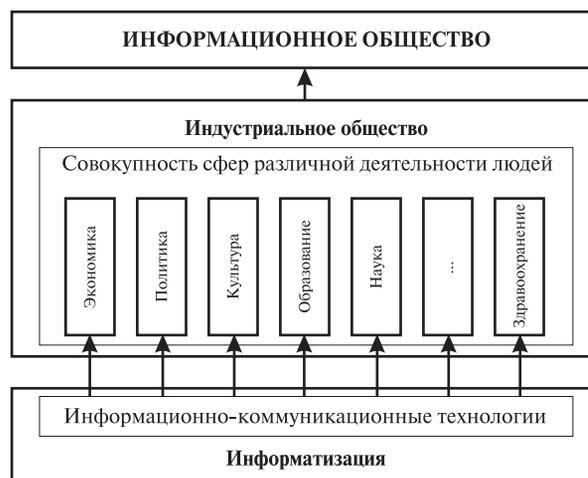

Рис. 2. Формирование информационного общества

зой оказывается само существование и дальнейшее развитие цивилизации.

Поэтому поиск и масштабное использование новых ресурсов, которые позволили бы избежать экологических, экономических, политических, гуманитарных катастроф и в то же время обеспечили бы поступательное развитие, стали одной из важнейших глобальных проблем второй половины XX века. К таким ресурсам следует отнести и информацию, обладающую следующими уникальными свойствами¹:

- информация представляет собой практически неисчерпаемый ресурс в том смысле, что в процессе использования она, по крайней мере, не убывает, относительно легко тиражируется и распространяется;
- информация обладает ресурсосберегающими свойствами. Применение информации позволяет сократить потребление других ресурсов и создать ресур-

¹ См. подробнее: Юсупов Р. М., Заболотский В. П. Научно-методологические основы информатизации. СПб., 2000; Юсупов Р. М., Заболотский В. П., Арефьева И. В. Информационные технологии и экономика // Гуманитарные науки. 2001. № 1 (20).

соберегающие и экологически чистые технологии и производства. К таким технологиям сегодня относят, например, наукоемкие «высокие» технологии;

— информация является (по крайней мере пока) экологически чистым ресурсом. В настоящее время степень информационного загрязнения в мире достаточно далека от опасных значений;

— для работы с информацией созданы универсальные, практически неограниченные по быстродействию и производительности средства — электронные вычислительные машины и т. д. Концепции и методологии информационного общества и общества знаний находятся в стадии развития.

Часто понятия «информационное общество» и «общество знаний» отождествляются (являются синонимами)¹. Предпринимаются попытки рассматривать общество знаний как постинформационное общество². Такого рода общество, в свою очередь, формирует инновационную экономику. Говоря об инновационной экономике, отметим, что этот термин тесно коррелирует с понятиями экономики знаний и экономики информационного общества. Рассмотрим, например, следующие утверждения и определения инновационной экономики.

Инновационная экономика — тип экономики, в которой прибыль создается не за счет материального производства или концентрации финансовых центров. Инновационная экономика позволяет генерировать избыточный поток инноваций, постоянно задавая новую планку в технологическом соревновании.

Инновационной экономикой знания можно считать такую экономику, в которой знания позволяют генерировать поток нововведений, отвечающий динамично изменяющимся потребностям, а часто и формирующий эти потребности³.

Формирование экономики, основанной на знаниях, — это путь развития информационного общества, где основная ставка делается на развитие науки, инноваций, культуры, информационной индустрии и человеческого капитала. Инновации — основная форма превращения знаний в благосостояние, ключевая характеристика экономики знаний⁴.

Экономика знаний есть высший уровень развития инновационной экономики⁵.

Формирование информационной отрасли экономики в мире идет бурными темпами. Эта отрасль задает в последние годы гораздо более высокие темпы роста по сравнению с другими (традиционными) отраслями. В последние годы мировой рынок информационного телекоммуникационного оборудования и услуг является самым динамичным и быстрорастущим. Инновационная продукция, значительную часть которой составляют информационные

продукты и услуги, в ВВП развитых стран занимает 20–30 %. Постоянно возрастает объем инвестиций в знания (расходы на НИОКР, высшее образование и разработка программного обеспечения) и ИКТ. Так, в 2003 году, по данным ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития), инвестиции в ИКТ в США, Австралии, Великобритании и ряде других стран превысили 7 % ВВП⁶.

Информационные технологии оказывают влияние на формирование во многих западных компаниях новой экономической стратегии — стратегии инновационного лидерства⁷, существенно отличающейся от стратегии конкурентной борьбы. Она не связана с поиском последовательных улучшений своих изделий по сравнению с конкурирующими. Стратегия инновационного лидерства направлена на создание абсолютно новых изделий, новых рынков, поиск новых покупателей, пусть даже ценой потери части старых.

В России ситуация с развитием и использованием информационных технологий, формированием информационного общества является весьма сложной. Руководство страны и общественность правильно понимают роль и место информационных технологий в жизни страны и в обеспечении ее безопасности. Разработан и принят целый ряд концептуальных документов и федеральных программ по развитию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и информационного общества. К ним можно отнести федеральную целевую программу (ФЦП) «Электронная Россия (2002–2010 гг.)», Концепцию использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года, Концепцию формирования в Российской Федерации электронного правительства, Концепцию региональной информатизации до 2010 года, Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации.

С другой стороны, налицо отставание России в области информатизации и развития информационного общества, инновационной экономики и ее информационной отрасли. Причины этого отставания многообразны. В частности, это сохраняющийся приоритет развития сырьевого сектора экономики; реальная недооценка роли науки в развитии инновационной экономики и человеческого капитала; невысокая информационная и управленческая культура части государственных чиновников; не отвечающий современным требованиям уровень развития компьютерной и коммуникационной (Интернет) инфраструктуры; несовершенство налоговой системы и нормативно-правовой базы в области ИКТ; недостаточное инвестирование отрасли ИКТ; географическая неравномерность развития ИКТ («цифровое неравенство»); низкая востребованность результатов научных исследований (в том числе в области информатики и ИКТ) отечественных ученых; высокий уровень зависимости отечественного

экономического роста. М., 2007.

⁷ Антипина О. Н. Настоящее богатство новой экономики // США. Канада. Экономика — Политика — Культура. 2008. № 12.

¹ Макаров В. Л. Экономика знаний: уроки для России // Вестник РАН. 2005. Т. 73. № 5; Вершинская О. Н. Информационно-коммуникационные технологии и общество. М., 2007.

² Теория и практика экономики и социологии знания / под общ. ред. Г. В. Осипова. М., 2007.

³ Там же.

⁴ Вершинская О. Н. Указ. соч.

⁵ Иванов В. В. Роль национальной инновационной системы в формировании экономики постиндустриального общества // Инновационные ресурсы России и государств — участников СНГ. М., 2005.

рынка от зарубежной ИКТ-продукции; низкая эффективность реализации ФЦП «Электронная Россия (2002–2010 гг.)» и т. д.

Если Россия не будет развивать отечественные информационно-коммуникационные системы и ИКТ, то возможны два основных сценария:

а) страна так и останется в преддверии (у порога) информационного общества;

б) информационное общество в России будет формироваться на базе зарубежных информационно-коммуникационных систем и ИКТ, в результате чего страна окажется в технологической и экономической зависимости от Запада, станет полностью беззащитной и управляемой извне.

Отмеченные выше негативные факторы свидетельствуют о том, что сегодня России нужна реаль-

ная конструктивная государственная политика в области информатизации и развития информационно-коммуникационных технологий, политика, которая позволила бы активно развивать и использовать отечественные ИКТ в интересах социально-экономического развития страны и обеспечения ее безопасности. Представляется, что руководство страны глубоко понимает эту проблему и предпримет конкретные шаги по ее решению.

Как представляется, именно наращивание информационно-коммуникационных технологий и реальный переход к информационному обществу не только обеспечат движение России по пути инновационного развития, но и позволят ей на равных войти в диалог культур и партнерство цивилизаций и внести свой вклад в этот процесс.

А. В. Яковенко¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЮНЕСКО

Для меня особая честь принимать участие в X Международных Лихачевских научных чтениях «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры».

Цели нынешних Чтений напрямую перекликаются с задачами, которые ставятся перед ЮНЕСКО мировым сообществом в условиях современного глобального развития. В связи с этим хотелось бы услышать ваше авторитетное мнение о приоритетных направлениях деятельности Организации по поддержке и развитию межкультурного и межрелигиозного диалога, выработке инновационных стратегий современной культурной политики. Наш обстоятельный разговор на эти темы особо актуален в контексте обсуждения насущных проблем человечества на предстоящем осенью в Нью-Йорке Саммите ООН по целям развития тысячелетия. Этой проблематике, в частности, будет посвящена Международная конференция кафедр ЮНЕСКО «Устойчивое развитие в условиях глобализации», проведение которой запланировано в ноябре 2010 года в Москве.

В условиях глобализации, перед лицом новых вызовов и угроз диалог между народами необходим, как никогда ранее. С появлением новых технологий темпы глобализации ускоряются. Это означает, что

люди, относящиеся к разным культурам, получают больше возможностей обмениваться мнениями и идеями, лучше узнавать друг друга, знакомиться с иным образом мышления и жизни.

Однако глобализация может производить и противоположное воздействие, порождая не открытость, а чувство отверженности, когда люди начинают отталкивать от себя тех, кто на них не похож, у кого иные ценности, иная культура. Это происходит, когда глобализация начинает восприниматься как угроза идентичности, особенно в такой ее важной составляющей, как религия, когда люди оказываются неподготовленными к новым возможностям общения из-за незнания и непонимания других культур и верований. На этой почве возникают нетерпимость и конфликты.

Религиозные различия не должны становиться фактором отчуждения. В связи с этим мы поддерживаем подходы ЮНЕСКО, которая в своих программах и мероприятиях уделяет равное внимание как свободе выражения, так и уважению религиозных верований и символов. Стремление к диалогу между цивилизациями, культурами и народами лежит в основе мандата этой международной организации, оно закреплено в ее Уставе. Развитие диалога во имя мира, укрепление идеи мира «в умах людей» — краеугольный камень миссии ЮНЕСКО.

Многие годы идея диалога между цивилизациями, культурами и народами воплощалась в жизнь ЮНЕСКО путем осуществления различных инициатив и проектов, организаций по всему миру многочисленных конференций и встреч. Во исполнение принятых в штаб-квартире в Париже решений и рекомендаций активно развивается международная сеть кафедр ЮНЕСКО по межрелигиозному диалогу в специализированных университетах мира. Они проводят комплексные научные исследования, ведут подготовку специалистов, осуществляют информационно-документационную деятельность в сфере межкультурного и межрелигиозного диалога.

¹ Заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол. С 1976 года работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате внешнеполитического планирования и в Постоянном представительстве СССР при ООН в Нью-Йорке. В настоящее время курирует вопросы участия России в международных организациях, международно-правовой проблематике, международного экономического, гуманитарного сотрудничества, в том числе в области прав человека. Автор книг: «Международная космическая станция», «Прогрессивное развитие международного космического права», «Современные космические проекты: международно-правовые проблемы», «Альянс цивилизаций и мировая политика», «Международное космическое право», ряда статей по международному праву и внешней политике. Член Бюро Совета РАН по космосу, Международного института космического права (IISL, Париж), Международной академии астронавтики (IAA, Париж).

Мандат ЮНЕСКО в области международного культурного сотрудничества поистине уникален, а деятельность нашей Организации по укреплению культурного многообразия и межкультурного диалога служит прочной основой для утверждения идей «нового гуманизма».

Ввиду актуальности задачи Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 2010 год Международным годом сближения культур и возложила на ЮНЕСКО роль ведущего учреждения по его проведению с тем, чтобы воспользоваться ее более чем 60-летним ценным опытом содействия «сближению и взаимному пониманию народов».

Год сближения культур, вписываясь в рамки мандата ЮНЕСКО, одновременно знаменует собой успешное завершение Десятилетия культуры мира (2001–2010) и служит отправной точкой для разработки новой стратегии. В своей Среднесрочной стратегии на 2008–2013 годы ЮНЕСКО отводит тематике межкультурного взаимодействия видное место. В документе отмечается, что «поощрение культурного разнообразия и его неизбежного следствия — диалога — является одной из наиболее насущных задач современности и центральным элементом сравнительных преимуществ Организации». Таким образом, культурное многообразие признается объединяющим, конструктивным фактором мирового развития в эпоху глобализации.

Нам импонирует подход тех стран — членов ЮНЕСКО, которые считают, что главная цель упомянутого Международного года состоит в том, чтобы продемонстрировать благотворное влияние культурного разнообразия наряду с признанием важности культурных обменов и связей, берущих начало еще во времена зарождения человечества. Принципы диалога и взаимопонимания следует интегрировать в политику в области образования, науки, культуры и коммуникации в интересах исправления ошибочных представлений и стереотипов, демонстрации того, что разнообразие обогащает человечество.

Как известно, 35-я сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО определила четыре главных направления деятельности, представляющих собой проект Плана действий: содействие взаимному признанию культурного, этнического, языкового и религиозного разнообразия; разработка рамок общих ценностей; укрепление качественного образования, развитие навыков межкультурного общения и поощрение диалога в интересах устойчивого развития.

В значительной степени успех Года сближения культур зависит от признания основополагающего принципа равного достоинства культур, взаимного уважения и укрепления сотрудничества в интересах обеспечения устойчивого мира. Межкультурный диалог представляет собой процесс, в котором признание и уважение культурного разнообразия неразрывно сочетаются с приверженностью общим ценностям свободы, равенства, солидарности, терпимости, бережного отношения к природе и общей ответственности. Они, как подтверждается в Декларации тысячелетия, «доказали свою неподвластность времени и универсальный характер».

В рамках такого рода международных манифестаций, как Год сближения культур, на первый план выходит проведение культурных фестивалей, религиозных встреч и спортивных мероприятий. Они являются предпочтительными направлениями культурного взаимодействия, приносящими пользу всем. Следует подчеркнуть важнейшую роль средств информации, особенно в странах или регионах, разобщенных межобщинными и межконфессиональными конфликтами.

Самым первым мероприятием нынешнего Года сближения культур стало создание при Гендиректоре ЮНЕСКО Группы высокого уровня по вопросам мира и диалога между культурами. В состав этой группы вошли известные интеллектуалы, политические и религиозные деятели всех континентов, в том числе России. Перед ними поставлена задача осмыслить современные тенденции и предложить новые пути построения мира, основанного на справедливости, уважении прав человека, гендерном равенстве и солидарности в условиях глобализации и возникающих проблем, таких как изменение климата, использование ограниченных ресурсов, соотношение этических и экономических факторов. Ответы на новые вызовы должны опираться на силу коллективного разума и диалога.

Мы позитивно оцениваем это решение Гендиректора ЮНЕСКО И. Боковой, а также подключение членов упомянутой Группы к конференциям по межкультурному диалогу «Сила культурного разнообразия и диалога» и «Строительство мира: значение общих ценностей в эпоху глобализации». Надеемся, что уже в самое ближайшее время будут подготовлены полезные рекомендации по всему спектру упомянутых проблем.

В то же время считаем принципиально важным, чтобы ЮНЕСКО в своей деятельности в области налаживания межцивилизационного общения и взаимопонимания в максимальной степени использовала возможности тесного взаимодействия с «Альянсом цивилизаций», региональными и межрегиональными знаковыми площадками, такими как конференция АСЕМ по межрелигиозному диалогу, международная неправительственная организация «Мировой общественный форум “Диалог цивилизаций”», а также огромный потенциал лидеров различных мировых конфессий и религиозных общин.

Как нам представляется, ЮНЕСКО также должна активнее задействовать межрелигиозный диалог как средство социальной консолидации и стабильности во всем мире. Для всех стран способность и желание генерировать и поддерживать диалог и взаимопонимание между этническими и религиозными общинами имеют решающее значение для продвижения по пути демократии, устойчивого развития и мира. За примерами не надо ходить далеко: возьмите хотя бы сложившуюся ситуацию на Ближнем Востоке, дестабилизирующим элементом которой является постоянная напряженность вокруг культурно-исторических и религиозных мест.

Мы отмечаем, что в рекомендациях, принятых различными совещаниями ЮНЕСКО по проблемам межкультурного и межрелигиозного диалога,

подчеркивается необходимость содействия образовательным и педагогическим проектам. На протяжении последних лет растет понимание необходимости обучения навыкам межкультурного и межрелигиозного диалога и воспитания молодежи в духе уважения к другим. Это более чем когда-либо необходимо для гармоничного сосуществования в рамках современных обществ, ставших плюралистическими. Российская Федерация поддерживает такие подходы.

Понимание значимости религиозного фактора и межрелигиозного диалога должно стать частью инструментария современной гуманистической мысли, потому что в конечном счете речь идет о поиске общих этических ценностей, которые следует открыть для себя, обменяться ими и передать следующим поколениям. Этот поиск должен осуществляться в условиях уважения религиозных и культурных различий, рассматриваемых не как фактор разделения, ведущего к подрыву социального единства, а как фактор взаимного обогащения во благо всего общества.

Наше концептуальное видение роли религиозного фактора в мировой политике связано с необходимостью сопрягать подходы к актуальным международным проблемам с базовыми ценностями основных мировых религий, составляющими духовно-нравственную основу общечеловеческой солидарности. Без учета этих принципов трудно добиться справедливого решения насущных вопросов мирового развития на подлинно коллективных и правовых началах, создать атмосферу доверия и взаимопонимания в отношениях между государствами в эпоху глобализации.

С этой целью в июле прошлого года была создана Группа высокого уровня религиозных деятелей при Гендиректоре ЮНЕСКО, и мы надеемся на то, что государства-члены ЮНЕСКО поддержат эту нашу инициативу, поскольку она возникла из осмысления успешного многовекового российского опыта мирного сосуществования различных культурно-религиозных традиций в рамках одного государства.

Как нам представляется, между предложенной нами Группой религиозных деятелей и ГВУ по вопросам мира и диалога культур нет никаких противоречий или внутренней конкуренции. Обе имеют собственные цели и задачи. Так, без вовлечения в диалог религиозных деятелей оказалось бы трудно-выполнимой задачей расширение взаимных знаний о духовных традициях и базовых ценностях различных конфессий, воспитание в духе толерантности религиозной молодежи, формирование современного понимания религиозного фактора в общественной жизни и международном общении. Дополняя друг друга и выполняя функции консультативных органов при Гендиректоре ЮНЕСКО, обе группы могут совместно способствовать углублению взаимопонимания и уважения между верующими и неверующими людьми.

В заключение хотел бы выразить уверенность, что работа нынешней Конференции будет направлена на научно-практическое осмысление возможностей межкультурного взаимодействия и межконфессионального диалога в изменяющемся мире, развитие идей и принципов диалога между представителями различных культур и конфессий, разработку рекомендаций, направленных на практическую реализацию идей мира и согласия.

Секция 1

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА И МИРОВЫЕ ИНСТИТУТЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ПУТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

14 мая 2010 г., СПбГУП

Руководители секции:

- А. А. КОКОШИН академик РАН, первый заместитель председателя Комитета по науке и наукоемким технологиям Государственной Думы Федерального собрания РФ, декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор
- Э. В. МИТРОФАНОВА председатель Исполнительного совета ЮНЕСКО, Постоянный представитель России при ЮНЕСКО, доктор экономических наук
- Н. А. СИМОНИЯ академик РАН, заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, руководитель Секции международных отношений Отделения общественных наук РАН, доктор исторических наук, профессор
- А. В. ЯКОВЕНКО заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор

Георг Анастассопулос¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА И МИРОВЫЕ ИНСТИТУТЫ: СОТРУДНИЧЕСТВО И СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Сегодня дебаты о роли национальных государств и мировых институтов в становлении «глобальной культуры» имеют чрезвычайно большое значение. Прежде чем обратиться к предмету нашего разговора, я полагаю, необходимо прояснить соответствующую терминологию. Прежде всего нам необходимо взглянуть на понятие «глобальная культура», которое — в свете намеченной цели — можно подразделить на две составляющие: *глобализация* и *культура*.

Помимо теоретических споров, которые выделяют в процессе глобализации движения «в русле глобализации», «против глобализации» и «альтернативные глобализации», само понятие «глобализация» описывает процесс, результатом которого является все возрастающий поток товаров, услуг, денег, людей, информации и культуры². При таком подходе «глобализация» представляет собой процесс, порождающий увеличение трансграничного течения нескольких составляющих, среди которых есть и культура.

Что касается определения «культуры», то я полностью согласен с определением, приводимым в Де-

кларации Мехико о политике в области культуры (Mexico City Declaration on Cultural Policies, 1982), где утверждается, что «в самом широком смысле слова культура может рассматриваться как совокупность ярко выраженных черт, духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных, характеризующих общество или социальную группу. Культура охватывает, помимо искусства и литературы, образы жизни, основные права человека, системы ценностей, традиции и веры». В Декларации неоднократно подчеркивается, что «любая культура представляет собой совокупность неповторимых и незаменимых ценностей, поскольку именно через свои традиции и формы выражения каждый народ заявляет о себе всему миру».

Основанное на приведенных определениях понятие «глобальная культура» — это отнюдь не унифицированный и стандартизированный набор ценностей, разделяемых по всему миру, а скорее «глобальная культура *многообразия*», то есть всемирная взаимосвязанная система разных культур, сосуществующих внутри народов.

Такое понимание «глобальной культуры» перекликается с точкой зрения, выражаемой во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии (**UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity, 2001**), где указывается, что процесс глобализации, которому способствует стремительное развитие информационных и коммуникационных

¹ Посол, Постоянный представитель Греции в ЮНЕСКО. Автор книг: «The 1992 challenge», «Horizontal Production», «Double Thread for Community Law», «Common Principles for a European Electoral System», «Constantinos Karamanlis: Myth and Truth», «Introduction to European Studies», «The conflict on the system of electing the members of the European Parliament», «The debate on the system of electing the members of the European Parliament» и др.

² Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Stanford, 1999.

технологий, хотя и представляет вызов культурному разнообразию, однако также создает условия для возобновления диалога между людьми и культурами. Другими словами, глобализация не означает непрерывной гомогенизации культур. Она также может способствовать межкультурному диалогу и культурному разнообразию.

Объяснив свое понимание «глобальной культуры», мне теперь хотелось бы обратиться к двум фундаментальным вопросам:

— Какова была реакция государств и международных организаций на появление этой самой «глобализованной культуры разнообразия»?

— Какова их роль в ее появлении и развитии?

Что касается первого вопроса, то сегодня мы можем наблюдать значительный рост числа государств — членов мирового сообщества. В самом деле, в период с 1980 года по настоящее время число государств — членов ООН увеличилось со 157 до 192, а государств — членов ЮНЕСКО — до 193. И исходя из положения, что стремление к государственности является для нации «естественным», возросла роль разнообразных политических течений, целью которых является создание новых государств (в стране бабсков, Курдистане, Квебеке и др.).

Одновременно был отмечен постепенный рост числа активных межправительственных организаций с примерно 1 тыс. в начале 1980-х годов до почти 5 тыс. — в 2008-м¹.

Эти параллельные тенденции можно объяснить господством в современном мышлении модели нации-государства, которая, с одной стороны, укрепила многосторонние институты, а с другой — ускорила распад «многонациональных» государств, таких как бывшая Югославия, закончившись появлением нескольких новых государств со своей национальной государственностью.

Рост числа международных организаций можно также связать с потребностью государств компенсировать сокращающуюся сферу своего влияния в глобализованном мире посредством создания глобальных механизмов управления. По утверждениям некоторых экспертов, глобализация порождает проблемы международного управления и сокращает регулятивную мощь государств². Я лично не разделяю этого мнения.

Каждый день в ЮНЕСКО мы видим, что проблемы носят действительно глобальный характер и требуют решений, которые могут быть обеспечены только многосторонними организациями.

Наконец, еще одним важным импульсом глобализации стало возвращение «глобальных городов»³ (таких как Нью-Йорк, Лондон, Токио и Сингапур), роль которых выходит за границы государств, где они расположены⁴. Таким образом, государства испытывают давление, вынуждающее их к передаче власти не только «вверх» — международным организациям,

но и «вниз» — региональным учреждениям и муниципалитетам.

Отвечая на второй вопрос: о роли государств и международных организаций в появлении и развитии «глобального культурного разнообразия», я хотел бы привести ряд ключевых примеров, которые, как мне кажется, наглядно иллюстрируют долю участия обоих этих действующих лиц:

— Декларация Мехико о политике в области культуры (Mexico City Declaration on Cultural Policies), принятая в 1982 году, содержит ряд принципов, которые должны определять политику, лежащую в основе смены парадигм. В этой декларации в особенности подчеркивается, что «любая культура представляет собой совокупность неповторимых и незаменимых ценностей»⁵, и что «все культуры формируют часть общего наследия человечества»⁶.

— Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (UNESCO Universal Declaration of Cultural Diversity), принятая в ноябре 2001 года, далее развивает эту точку зрения, ставя целью сохранение культурного разнообразия и недопущение сегрегации и фундаментализма. Декларация определяет культурное разнообразие как «общее достояние человечества, которое должно быть признано и укреплено для блага нынешнего и будущих поколений»⁷.

— Создание в 2005 году по инициативе Генерального Секретаря ООН «Альянса цивилизаций» имеет своей целью налаживание понимания и совместных отношений между нациями и народами разных культур и религий. ЮНЕСКО подписала с Альянсом Меморандум о взаимопонимании (Memorandum of Understanding) и приняла активное участие в двух международных форумах — в Мадриде (январь 2008 г.) и Стамбуле (апрель 2009 г.). На этих форумах собрались политические лидеры, представители международных и региональных организаций, духовные лидеры, представители молодежных организаций и гражданских общественных групп для открытого диалога о сокращении поляризации между нациями и для организации совместных инициатив содействия межкультурному пониманию в глобальном масштабе. Третий форум «Альянса цивилизаций» под названием «Соединение культур, строительство мира» состоялся 27–29 мая этого года в Рио-де-Жанейро.

— ЮНЕСКО объявила 2010 год Международным годом сближения культур, тем самым пытаясь способствовать росту информированности международного сообщества о преимуществах разнообразия и межкультурного диалога. Обладая полномочиями способствовать «созиданию мира в умах людей» благодаря международному сотрудничеству, ЮНЕСКО призвана играть ведущую роль в проведении этого года в рамках стран — членов ООН.

— И наконец, я хотел бы отдельно подчеркнуть выдающуюся работу других национальных организаций и международных институтов, таких как Совет Европы, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ISESCO), ОБСЕ, на-

¹ The Yearbook of the International Organizations. 2009–2010. Vol. 5.

² Yoshikazu Sakamoto (1994) and Robert Cox (1996).

³ Saskia Sassen in The Global City: New York, London, Tokyo (1991).

⁴ Choei et al (1996), Sassen (1991).

⁵ Mexico City Declaration on Cultural Policies. 1982. Art. 1.

⁶ Mexico City Declaration on Cultural Policies. 1982. Art. 4.

⁷ UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity. 2001. Art. 1.

ряду с другими организациями, связанными с таким важным предметом, как межкультурный диалог с целью содействия культурному разнообразию.

В заключение я хотел бы поделиться соображениями о стоящих перед нами проблемах. Я не верю в существование общей единообразной «мировой культуры». Культуры в своем многообразии сосуществуют, встречаются, смешиваются и развиваются с течением времени таким образом, который не допускает какого бы то ни было антиисторического понимания культуры. Именно на этом основании я также ставлю под вопрос все более широкое использование термина «цивилизация», который искусственным образом объединяет вокруг единой сущности множество ценностей, вероисповеданий, жизненных укладов и традиций.

Зная, как мы все боремся на национальном уровне, чтобы измерить и обеспечить культурное разнообразие в рамках своих границ, я спрашиваю себя, как же мы можем даже просто начать говорить в конкретных выражениях о международной повестке «сближения культур» и «партнерства цивилизаций»? Это может объяснить трудность, стоящую перед нами сегодня, в Год сближения культур. Я задаю прямым вопросом: что конкретно мы можем сделать для того, чтобы привести «культуры» к диалогу? Должны ли мы вмешиваться в определенные духовные сферы, находящиеся за пределами нашего влияния?

Я отдаю себе отчет в том, насколько провокационно это может звучать, однако я вынужден спросить: а не способны ли мы на большее, чем органи-

зация культурных мероприятий, сближающих художественные традиции и демонстрирующих нашу добрую волю к признанию художественных талантов других? Каким образом эти культурные «беседы» могут привести к более значимым трансформациям, способствующим длительному миру и созданию нового *этноса* диалога?

У меня нет ответов на эти вопросы. Я полагаю, что мы поставили перед собой очень сложную задачу, которая может потребовать от нас переноса политического внимания на фундаментальные вопросы: каковы ценности, объединяющие нас; что конкретно означает ведение диалога на международном и национальном уровнях; чего мы ожидаем от культурного обмена?

Комиссии на высшем уровне могут помочь в составлении списка принципов, разделяемых всеми нами, однако они не могут создать консенсус, необходимый для реализации этих принципов. Долгосрочная стабильность требует от нас безотлагательного обсуждения важнейшей роли культуры в нашем личном и коллективном процветании и развитии. А это подразумевает защиту с равным рвением как «глобальной культуры разнообразия», так и всеми разделяемых универсальных ценностей, гарантирующих единство человечества.

Демонстрируя, что все культуры переплетаются и питают друг друга, этот Международный год, будем надеяться, укрепит нашу решимость бороться за права человека и против новых форм расизма и дискриминации, сеющих ненависть и недоверие в умах мужчин и женщин.

Т. А. Жданок¹

РОЛЬ ЛЮДЕЙ С МНОЖЕСТВЕННОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Вопросы феномена множественной этнокультурной идентичности личности — сфера научных интересов психологов и социологов. Мой доклад базируется на другой основе — практическом опыте политика и правозащитника. Политика, которому русскоязычные жители Латвии дважды доверили представлять их интересы в Европейском парламенте. Правозащитника, хорошо знакомого с практикой защиты различными этническими, лингвистическими, религиозными меньшинствами, в том числе русскоязычными жителями ЕС, своих прав. Наконец, политика, имеющего опыт работы в партии «Европейский свободный альянс», лоббирующей интересы традиционных этнических меньшинств и конституционных регионов стран Евросоюза.

На основании данного опыта я могу привести множество примеров влияния фактора наличия в том

или ином государстве представителей меньшинств на межгосударственные отношения страны проживания и страны происхождения. Особенно существенно такое влияние в случае, когда речь идет о большой группе традиционного этнического, лингвистического или религиозного меньшинства. Рассмотрим следующие характерные ситуации.

Первая модель: государство проживания проводит политику, позволяющую представителям меньшинства сохранять и развивать двойную идентичность, связанную со страной проживания и страной происхождения. В этом случае представители меньшинства являются естественным «мостом» между данными странами и способствуют налаживанию хороших отношений между ними. Характерным примером этой модели могут служить два «мостика», введенные в Шлезвиге-Гольштейне: один формирует датское меньшинство Германии, второй — немецкое меньшинство Дании. Отрезок в 65 лет с момента окончания Второй мировой войны был отнюдь не безоблачным в сфере взаимоотношений меньшинства и большинства как по одну сторону границы, так и по другую. Начальный его этап, учитывая из-

¹ Депутат Европейского парламента (Латвия), доктор математики. Сопредседатель правления партии «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ). Автор ряда научных публикаций, в т. ч. учебных пособий: «Задачи-тесты по высшей математике: Множества. Функции. Пределы. Производные», «Задачи письменных вступительных экзаменов по математике в 1983 и 1984 гг. (с решениями)» и др. Одна из основателей Европейского русского альянса.

вестные исторические события, был особенно сложным, и это накладывало отпечаток на межгосударственные отношения. Но в кризисные моменты все стороны смогли проявить и мудрость, и настойчивость. Сейчас регион является образцом для других. Хотя один знакомый евродепутат, эксперт в области прав меньшинств, любит повторять сакраментальную фразу: «Я еще ни разу не встретил меньшинство, абсолютно довольное своим положением».

Второй и, к сожалению, более распространенный случай — когда государство проживания проводит политику насильственной ассимиляции своих меньшинств. Здесь можно выделить две полярные ситуации. Один крайний случай: меньшинство добровольно принимает такую политику. Во втором крайнем случае происходит самоизоляция меньшинства, ведущая к формированию в государстве второй общины. На практике чаще всего встречается более сложное сочетание, когда меньшинство делится на «ассимилянтов» и «изоляционистов». В этом случае дальнейшее развитие межгосударственных отношений зависит как от влияния той или иной группы в среде меньшинства, так и от соотношения сил между различными политическими силами в стране происхождения, отличающимися отношением к своей диаспоре. Примеры данной модели и ее разновидности можно найти в одном небольшом регионе — странах Балтии. В отношении русскоязычного меньшинства Литвы можно смело говорить о набирающем темпы процессе ассимиляции. Поскольку она осуществляется на принудительно-добровольной основе, вопрос положения «своего» меньшинства практически не стоит в повестке дня межгосударственных литовско-российских отношений. Однако он является краеугольным как в отношениях между Россией и Латвией, так и в отношениях между Россией и Эстонией. В обеих странах, причем в Латвии в большей степени, русскоязычное население сумело организовать сопротивление политике ассимиляции. Общество включает две языковые общины. Правда, мы не можем применять здесь термин «двухобщинное государство», поскольку такая ситуация не закреплена законодательно (как в Бельгии, например). Именно в плоскости борьбы за придание официального статуса русскому языку и лежит вопрос воспроизводства общины.

Каково отношение России к этим устремлениям? В начале 1990-х годов мы наблюдали полное игнорирование этого вопроса со стороны президента государства, других официальных лиц. Когда в 1990 году Борис Ельцин был в Латвии с официальным визитом, он отказался встречаться с оппозиционными депутатами, собиравшимися обратиться его внимание на опасность нарушения прав русскоязычного населения. Но в дальнейшем мы смогли изменить отношение к нам в России. В Латвии насчитывается 1 млн человек русскоязычных. Подавляющее большинство этих людей не мирится со своим дискриминируемым положением. У каждого из нас обязательно найдутся родственники или знакомые в России. Это означает, что 10 млн граждан России знают лично, не по-

наслышке, что в Латвии русскоязычные жители лишены ряда существенных прав. Эти люди являются весомым электоратом для российских политиков. Именно поэтому сейчас практически ни одна партия в России не отрицает наличия проблемы дискриминации русскоязычного населения в Латвии и Эстонии. Но в России имеется влиятельное экономическое лобби, которому эта ситуация не нравится, так как мешает «делать бизнес». Поэтому многие российские деятели стараются поддерживать центристские партии «ассимилянтов» в Латвии и Эстонии и ослаблять русское движение сопротивления. Аналогичный конфликт в настоящее время мы наблюдаем между разными политическими партиями Венгрии в вопросе об отношении к своей диаспоре. Особенно сильно он разгорается сейчас, после принятия в Словакии нового Закона «О государственном языке», дискриминирующего представителей венгерского меньшинства.

Рассмотренные примеры на первый взгляд позволяют сделать, казалось бы, простой вывод о том, что лучшим способом решения возможного конфликта является ускоренная ассимиляция меньшинства и усиление национального государства. Тем более что с целью влияния на межгосударственные отношения такой конфликт можно спровоцировать, чему есть множество примеров. Но мы живем в эпоху, когда существующие и стремительно совершенствующиеся технологии позволяют людям выстраивать горизонтальные контакты, служащие сохранению и укреплению их языково-культурной связи со страной происхождения. То есть препятствием на пути усиления национально-государственной идентичности стал технический прогресс. Построение страны в виде большого этнографического музея, о чем грезят некоторые национальные романтики, — абсолютная утопия.

Самоопределение современного человека становится все более многоуровневым. Это приводит к осознанию им своей множественной идентичности: континентальной, федералистской, национальной, региональной, этнокультурной, конфессиональной, корпоративной, профессиональной.

При этом следует обратить внимание еще на один феномен: усиление роли каждого из этих уровней может изменять влияние другого. Например, многие представители конституционных регионов, выступающие за их полную национальную независимость, видят в усилении федеративных связей внутри Европейского Союза фактор, способствующий решению поставленной ими задачи. И если, например, британские тори становятся все большими евроскептиками, то Шотландская национальная партия, выступающая за государственную независимость автономии, причисляет себя к проевропейцам. Аналогичный процесс мы наблюдаем и в автономных регионах Испании.

На мой взгляд, стимулирование развития множественной личностной идентичности — единственная адекватная реалиям XXI века стратегия достижения цели бесконфликтного существования культур, народов, цивилизаций.

В. Б. Кувалдин¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА КАК ДЕМИУРГИ МИРОВЫХ ИНСТИТУТОВ

Весь XX век прошел под знаком поиска мировых (глобальных) институтов, адекватных находящемуся в процессе становления и трансформации глобальному миру. Инициаторами создания принципиально новых моделей организации мирового пространства выступали национальные государства, особенно наиболее крупные и сильные из них.

Создавая мировые институты, национальные государства ревниво оберегают свой суверенитет. Для них глобальные формы мироустройства есть продолжение, усложнение, обогащение суверенитета, но никак не отказ от него. Мировые институты призваны воплощать коллективную волю стран-участниц, но не подменять их своей субъектностью. В настоящее время идея «мирового правительства» относится к области научной фантастики, но не практической политики.

На заре XX века господствующей формой наднациональной организации были колониальные империи. Несколько европейских держав, а также Япония контролировали основную часть земной суши. В мировой политике первую скрипку играли бывшие участники «европейского концерта держав», к этому времени расколовшиеся на два противостоящих блока. Западная Европа вершила судьбы мира.

После Первой мировой войны в рамках Версальского мирного договора была сделана первая серьезная попытка создать универсальную международную организацию в лице Лиги Наций. Она оказалась не слишком удачной, в частности, потому что в момент рождения Лиги Наций за ее рамками остались некоторые из важных государств планеты (США, Россия, Германия). Великий кризис и Великая депрессия подхлестнули национальный эгоизм, парализовав стремление к поиску коллективных решений. После Второй мировой войны расколота, окровавленная и обессилевшая Западная Европа была вынуждена уступить лидерство двум периферийным «продуктам» европейской цивилизации — США и СССР.

Как известно, основы современных глобальных институтов были заложены в конце Второй мировой войны, когда на повестку дня встал вопрос о принципах устройства послевоенного мира. Тогда появились на свет божий бреттон-вудские институты — Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ). В это же время был создан такой уникальный инструмент регулирования всей системы международных отношений, как Организация Объединенных Наций (ООН). Несколько позже было заключе-

¹ Заведующий кафедрой общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ, доктор исторических наук. Автор более 50 научных работ, в т. ч.: «Интеллигенция в послевоенной Италии», «Американский капитализм и интеллигенция: историко-социологический очерк», «Глобальный мир: экономика, политика, международные отношения» и др. Член исполкома Горбачев-Фонда.

но Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), предшественник современной Всемирной торговой организации (ВТО).

Правда, в условиях разгоревшейся холодной войны ни один из этих институтов не стал (и не мог стать) по-настоящему глобальным. МВФ, ВБ и ГАТТ были «приватизированы» западным блоком, действовавшим под эгидой США, ООН была парализована расколом и враждой между державами — победительницами во Второй мировой войне, инициаторами создания организации. Мировое сообщество, расколотое в своих идейно-политических основаниях, отвергало любую конструкцию, претендующую на универсальную значимость. Вопрос стоял иначе: кто кого?

Тем временем после спада межвоенного периода процесс глобализации продолжался и набирал силу без соответствующего институционального оформления. Проблема управляемости мировым развитием постепенно приобретала все более драматичный характер, о чем, в частности, свидетельствовали труды Римского клуба. Множились и обострялись глобальные проблемы, но не было реальных выходов на глобальные решения. Единственное, что удалось сделать, — несколько ограничить гонку ракетно-ядерных вооружений, чтобы она окончательно не вышла из-под контроля.

Поскольку в годы холодной войны по определению не могло создаваться никаких новых общемировых (глобальных) институтов, институциональное строительство осуществлялось по другим направлениям. Появился целый ряд наднациональных институтов, но ни один из них не претендовал на глобальный статус. Их задачи были скромнее: 1) они обслуживали противостоящие военно-политические блоки — Североатлантический блок (НАТО), Варшавский договор, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), в значительной степени Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), предшественник Европейского Союза (ЕС); 2) нащупывали третий путь в мировой политике (Движение неприсоединения), 3) синтезировали интересы государств соответствующих регионов — Организация американских государств (ОАГ), Организация африканского единства (ОАЕ), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

«Большая семерка», созданная в этот период для преодоления острого системного кризиса капиталистического мира 1970-х годов, наиболее ярким выражением которого была «стагфляция», была чисто западным институтом, несмотря на присутствие Японии. После вступления России превратившись в «Большую восьмерку», общемировым институтом она пока не стала, и неизвестно, станет ли в обозримом будущем. В связи с этим достаточно упомянуть, что в ее состав не входят два ключевых государства нашего времени, две поднимающиеся сверхдержавы XXI века — Китай и Индия.

Понятно, почему мировые институты не могли сформироваться в условиях жесткого противостояния холодной войны. Несколько сложнее объяснить, что препятствовало их появлению в течение двух десятилетий после ее окончания, вплоть до глобального экономического кризиса конца нынешнего десятилетия. Правда, разгадка очевидна: этого не хотела единственная сохранившаяся сверхдержава — Соединенные Штаты Америки. США справедливо полагали, что любые глобальные институты так или иначе ограничат свободу маневров. Поэтому в сфере мировой экономики они сделали упор на так называемый «вашингтонский консенсус», согласование позиций в рамках комфортного для них «треугольника» — Министерства финансов США, МВФ и ВБ. В сфере мировой политики они также предпочитали действовать в рамках западного клуба держав, обращаясь за содействием к ООН только в тех случаях, когда ее было невозможно обойти.

Прогрессирующее относительное ослабление позиций США постепенно способствует прекращению подобной практики управления мировыми делами. Ноша глобальной гегемонии становится неподъемной даже для такой могучей державы, как США. Бывший мировой кредитор № 1, ставший мировым должником № 1, вынужден считаться с позициями других государств. Военная мощь США, не имеющая себе равных на планете, оказывается ограничено полезной для решения сложнейших проблем глобального мира, как свидетельствует опыт в Ираке и Афганистане. Усложнение процессов взаимодействия в условиях глобального мира требует соответствующих институциональных форм и практик.

Самый глубокий за последние полвека мировой экономической кризис, из которого мы только начинаем выходить, возможно, даст новый импульс развитию глобальных институтов. Первая ласточка появилась в виде «Большой двадцатки». Хотя в «Большой двадцатке» представлены только 10 % государств нашей планеты, на них приходится более 90 % мирового производства. Другая важнейшая характеристика «Большой двадцатки», отличающая ее от предшествующих глобальных институтов, — необычайно широкое представительство развивающихся стран, которых ранее относили к так называемому третьему миру и не очень жаловали на глобальном уровне мировой политики.

Конечно, первая ласточка весны не делает, но само ее появление знаменательно. Ведь до этого бо-

лее полвека институциональное строительство на глобальном уровне было полностью остановлено. А геоэкономический и геополитический Юг вообще в нем не участвовал. Сегодня мы имеем дело с другим миром. Создание современных институтов управления глобальными процессами невозможно представить не только без Китая и Индии, но и без таких государств, как Россия, Бразилия, Мексика, Индонезия, стран Южной Африки.

Мировые институты приобретают качественно новый характер не только и не столько из-за расширения круга ключевых игроков, интенсификации их взаимодействия по широкому спектру проблем. На протяжении двух последних веков строительство глобального мира было делом одной — европейской (западной) — цивилизации в ее различных ипостасях и проявлениях. Сегодня к нему «подключаются» все другие цивилизационные комплексы в лице наиболее мощных своих представителей. Это означает, что проблемы ценностей, идентичностей, менталитета, взаимоперевода установок и представлений различных цивилизаций на общепринятый «язык» выходят на первый план мировой политики.

Другими словами, глобальный мир требует не только эффективных общемировых институтов управления, но и глобальной культуры, общечеловеческого языка ценностей, на котором могут общаться и правильно понимать друг друга представители различных цивилизаций. Иначе мы уподобимся строителям Вавилонской башни.

Как и раньше, основными носителями глобальных импульсов выступают наиболее сильные государства планеты в их сложных взаимоотношениях, где переплетаются сотрудничество и соперничество. Поэтому диалектическое взаимодействие национального, регионального, глобального начал было и остается центральным нервным узлом мировой политики.

В то же время появление в глобальном строительстве полноценной культурной составляющей требует основательно дополнить развитие межгосударственных связей широким сотрудничеством социумов, создающим прочную сеть человеческих связей и отношений на уровне «корней». Глобальный мир не может быть чисто политической конструкцией, он требует крепкого фундамента в виде «мегаобщества», новой человеческой общности сверх границ и барьеров. Его связующим звеном призвана стать глобальная культура.

Мохаммад Реза Мажили¹

СБЛИЖЕНИЕ КУЛЬТУР: ВВЕДЕНИЕ В ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Характерные черты прошлого столетия — война и насилие. Две опустошительные мировые войны,

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ, Постоянный представитель Исламской Республики Иран в ЮНЕСКО, доктор, бакалавр в области электроники, магистр в области управления. Автор ряда научных работ, посвященных проблемам политики, развития науки, судостроения, развития технологий в нефтяной, газовой и других

региональные войны, напряженность и конфликты, превалирование насилия на глобальном уровне и продолжение этих процессов в XXI веке — все это заставило нас задуматься и начать поиск путей и стратегий для выработки надежных решений, которые стратегических отраслях, нано- и биотехнологий, развития сотрудничества между университетами и отраслями экономики.

помогут нам преодолеть эту трагическую ситуацию. Я полагаю, что стремление к этой цели и искоренение причин насилия, напряженности и войн — это всеобщий идеал для человечества в целом.

Прежде всего следует ответить на вопрос: каковы первопричины насилия в нашем мире? На первый взгляд ответ достаточно прост. В современном мире заносчивость власть предержащих и унижение угнетенных, дискриминация, нищета, несправедливость, по мнению многих миролюбивых людей, являются важнейшими причинами возникновения насилия, терроризма и конфликтов.

Как нам остановить эту тенденцию? Это самый важный вопрос современного мира, на который мы должны ответить. Многие мыслители считают, что если уделять должное внимание вопросам культуры и следовать по пути сближения культур, то можно избежать насилия и конфликтов. Уважительное отношение к многообразию культур и попытки выстроить глобальную культуру, с опорой на поиск общности, отбросив различия, могли бы стать ключом к мирным отношениям и безопасности.

Следует отметить, что традиции и особенности вероисповедания каждого общества развивались в течение длительного времени. В результате — каждое сообщество обладает своей неповторимой культурой. Культура — это определенная система ценностей, традиций, норм и практик. В целом культура — это тип мировоззрения. Известно, что такой взгляд на мир различается в разных обществах, цивилизациях и религиях. Если бы удалось найти путь к сближению этих взглядов, подчеркнуть общность и игнорировать различия, наше видение глобальных проблем стало бы более определенным. В результате можно было бы избежать конфликтов и путем диалога разрешить несущественные разногласия. Следовательно, чтобы найти устраивающие всех решения, надо опираться на общепризнанные принципы, ценности и цели. Это стало бы решительным шагом на пути изменения существующей ситуации на основе сближения культур и диалога.

Диалог — важный аспект человеческой жизни. Это своего рода взаимодействие между общественными силами. Диалог — это не переговоры. В переговорах стороны-участники озабочены удовлетворением собственных интересов. В диалоге, напротив, присутствует совместный поиск истины. Цель диалога — обозначить различия и найти пути для более тесного сближения сторон. Таким образом, при помощи диалога между культурами можно достичь единства ценностей с соблюдением уважения к менее значимым различиям. Во всех культурах наличествуют ценности, имеющие много общего с ценностями других культур. Подчеркивая эти общие ценности, уважая многообразие культур, мы сумеем выработать решения на основе диалога о различиях.

Различия между культурами существовали всегда. Однако эти различия можно рассматривать и в качестве движущей силы развития человечества. Обращение к насилию, жестокости и угрозам — самым страшным опасностям нашей эпохи — есть результат создания искусственных границ между культурами и подчеркивания их различий. Таким образом, сближе-

ние культур при надлежащем внимании к культурному многообразию — это исключительно важный процесс, который необходим для повышения безопасности и достижения устойчивого развития и мира. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что принятие и признание культурного многообразия — прежде всего через диалог — будет способствовать достижению взаимного уважения и понимания.

Следует отметить, что процесс сближения культур как образец для установления мира и безопасности в международных отношениях обуславливает замену силы на мудрость в области международных отношений и, таким образом, представляет собой парадигму, которая ориентирована на предотвращение разрыва связей между людьми и сообществами. В процессе сближения культур следует выявлять, проверять и изучать скрытые возможности культур. В этом плане относительно возможностей, скрытых в каждой культуре и цивилизации, никто не может высказаться лучше, чем религиозные лидеры, мыслители, ученые, философы и интеллектуалы.

В одном из важнейших стихов священного Корана всемогущий Аллах говорит о многообразии культур и его значении для человечества. Священный стих гласит: «О люди! Мы создали вас мужчиной и женщиной и сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга. Ведь самый благородный из вас пред Аллахом — самый благочестивый. Поистине Аллах — знающий, сведущий!» (сура 49 «Комнаты», ст. 13)¹.

Этот священный стих показывает, что источник происхождения всего человечества один. Всемогущий Аллах создал из человечества народы и племена, чтобы они могли познавать друг друга. Этот факт подчеркивает важность единства сущности и природы человека и в то же время значимость культурного многообразия и его ключевую роль в жизни человечества. Фактически это косвенно затрагивает религиозно-культурный диалог, который должен доминировать во взаимоотношениях между людьми. Если такой диалог ведется между главными лицами, действующими на международной арене, то конфликт будет совершенно исключен, а каждая проблема будет решаться посредством диалога и беседы. Фактически монотеизм, который есть дух всех божественных религий; поклонение единому Богу и никому, кроме Бога, который в религиозных толкованиях есть абсолютная красота и благо; отрицание господства человека над человеком и особое внимание к свободе человека и его почитанию перед ликом Бога — это те вопросы, которые не только могут стать предметом диалога, но и помогут в построении лучшего мира.

К счастью, сегодня благодаря научному и техническому развитию или, другими словами, развитию нового программного обеспечения и аппаратных средств открываются границы для диалога между культурами и цивилизациями и возникают широкие возможности для обращения к диалогу и перехода из атмосферы конфликтов в среду понимания. Сегодня миру предоставляется возможность прибегнуть к ди-

¹ Здесь и далее суры Корана даны в переводе И. Ю. Крачковского.

алогу и принять всевластие мудрости и этики, но не насилия и господства. Однако диалог между культурами, их сближение как прообраз нового мира, в котором люди не только будут защищены, но и станут чувствовать себя удовлетворенными, уважаемыми и духовно, и физически, должен быть одобрен всеми сторонами в качестве стратегии. Также потребуются составить планы практических действий на национальном, региональном и международном уровнях.

Сегодня все люди и общества должны действовать сообща и оставаться приверженцами этики и ценностей равенства, справедливости, братства и отказа от дискриминации — всего того, что является общим для всех культур и религий. Использование общих элементов позволит объединиться и оградить себя от конфликтов в будущем. Как утверждает один из величайших иранских поэтов Саади:

Люди — члены одного целого,
При создании одной сущности и души.
Если одному становится больно,
То и остальным придется нелегко.
А если ты не сочувствуешь человеческой боли,
Ты не смеешь носить имя человека.

В этом плане международные усилия, включая провозглашение Генеральной Ассамблеей ООН 2001 года Годом диалога между цивилизациями, а 2010-го — Международным годом сближения культур, а также инициатива «Альянса цивилизаций» 2005 года демонстрируют насущную необходимость культуры и культурного диалога в деле защиты и установления мира и безопасности во всем мире. Они также подчеркивают значение, которое придается в мире культурным элементам и диалогу внутри и между культур.

Наряду с теоретическими фактами я хотел бы уделить внимание практическим аспектам дискуссии

и отметить следующие действенные меры. Необходимо более активно выделять общие черты; подчеркивать культурное многообразие и различные жизненные уклады; избегать политизации в вопросах культуры и предпринимать надлежащие шаги по «культурализации» политических различий; предпринимать меры на основе уважения к плюрализму мнений и общим интересам; уделять должное внимание интеллектуальному культурному наследию как надежному полю для диалога и взаимодействия; использовать СМИ в качестве инструментов культуры и культурного диалога, но не как повод для создания напряженности и конфликтов; подчеркивать роль элит в сфере научного диалога и использовать мощь интеллекта и мудрость, но не прибегать к насилию. Как говорит персидский поэт Джалаладдин Руми:

О мой брат, ты еси твоя мысль, и более ничто,
А в остальном ты — лишь кости да сухожилия.

Я бы хотел завершить свое выступление упоминанием о роли духовности в обеспечении мира и безопасности. Следует признать, что если забыть о душе, уделять внимание лишь телу и обращать взоры лишь на землю, то это не только вызовет серьезные проблемы для человечества, но и сделает жизнь скучной, лишенной смысла и блаженства. Такой духовный вакуум позволяет современному человеку лучше воспринимать духовные послания великих религий и божественные учения. Этот факт подготовил почву для диалога культур, цивилизаций и религий. Последователям великих божественных религий надлежит прислушаться к стиху священного Корана: «О обладатели Писания! Приходите к слову, равному для нас и для вас, чтобы нам не поклоняться никому, кроме Аллаха, и не измышлять нам другого божества, и чтобы не воздвигать среди нас иного владыки, помимо Аллаха» (сура 3 «Семейство Имрана», ст. 64).

Кароматулло Олимов¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА И МИРОВЫЕ ИНСТИТУТЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ПУТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Выражая искреннюю признательность организаторам Международных Лихачевских научных чтений, должен отметить, что вынесенная на обсуждение главная тема Чтений — «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры» — является чрезвычайно важной, актуальной, одновременно сложной и дискуссионной.

В современном мире наблюдается стирание тех границ и барьеров, которые разделяли народы и страны в XX веке. В начале XXI века новые возможности, новые информационные технологии все более сближают страны, людей и континенты. Появились

¹ Председатель Национальной комиссии Республики Таджикистан по делам ЮНЕСКО, директор Института востоковедения и письменного наследия, член-корреспондент Академии наук Таджикистана. Автор ряда публикаций по проблемам культуры.

новые формы и средства взаимодействия и взаимопроникновения культурных ценностей. Постановка проблемы становления глобальной культуры в связи с современными мировыми процессами необходима и своевременна, ибо она отражает главную тенденцию мирового цивилизационного процесса.

Диалог культур — закономерное явление. Он всегда был, но масштаб и участники этого диалога были ограничены как во времени, так и в пространстве. Однако нынешний диалог культур имеет более широкий, глубокий и разнообразный характер. По существу, в этот диалог вовлечены все ныне существующие культуры, но так как они разные, то роль и степень их участия в диалоге неравнозначны. Степень восприятия диалога субъектами культуры также неоднозначна.

Поэтому небезосновательно некоторые философы и аналитики современной эпохи озабочены современными вызовами глобализации. Тунисская журналистка Эле Бежи, исследующая современную культурную глобализацию, считает, что «понятие “диалог культур” основано на крупном непонимании. Все современные культурные притязания содержат некий вид агрессии, религиозной по своей природе». Причину безуспешности диалога она видит в том, что «индивидуализм вместо творческого своеобразия стал массовой идеологией», а «религия стала больше похожа на болезнь, потому что она больше похожа на психологический симптом, чем на духовный императив».

Известный французский социолог и философ Жан Бодрийяр считает, что «демократия и права человека находятся в обращении так же, как и любые другие глобальные товары, такие как нефть или финансовый капитал... Глобализация ведет одновременно и к уравниловке, и к росту дискриминации».

Немало ученых обеспокоено тем, что современный мировой порядок принимает характер насилия и беспорядка. Другие ученые смотрят на мир более оптимистично и видят в глобализирующемся мире, в котором устанавливаются глобальный капитализм и технологии, возможность и условия для лучшего индивидуального существования, общения с другими, имеющими иной опыт и мировоззрение.

Сегодняшний мир тесен, хрупок и противоречив. К наиболее серьезным противоречиям относится противоречие между светским и религиозным мировоззрениями, идеологиями. Как это ни парадоксально, в условиях глобализации религия иногда выступает как механизм защиты национальной культуры, претендуя на формирование национальной идентичности. Хотя иногда она может проявляться в форме деформированного сознания. В таких условиях важно определить те религиозные ценности, которые одновременно представляют собой культурные ценности, имеют гуманистическое содержание.

Опыт Таджикистана в разрешении светско-исламского противоречия и восприятии исламских ценностей как важного элемента национальной культуры, по существу, уникален. Поиск путей выхода из глубокого кризиса, переросшего в конфликт, привел к единственно правильному выбору — диалогу. Это был не только политический диалог, но и диалог культур. Решающую роль в организации диалога сыграли президент Таджикистана и откликнувшийся на его призыв лидер таджикской оппозиции. Успешное ведение диалога стало возможным благо-

даря международным институтам: ООН, ОБСЕ, Организации Исламская конференция и другим, которые сегодня играют важную роль в становлении глобальной политической культуры.

Необходимо отметить, что отношения между национальными государствами и мировыми институтами неоднозначны. Существуют противоречия между интересами сторон. Сегодня можно услышать как положительные, так и отрицательные отзывы в адрес, например, Мирового банка или других международных финансово-экономических организаций. В связи с тем, что интересы развивающихся стран не всегда учитываются мировыми экономическими, финансовыми, военными институтами, это обуславливает отрицательную оценку действий данных институтов. Как правило, это порождает негативное отношение к глобальным институтам; политизированные религиозные организации, пользуясь этим обстоятельством, прибегают к экстремистским действиям. Эти факты свидетельствуют о кризисе нашего времени. Задача состоит в том, чтобы построить взаимоотношения между культурами, религиями и странами на устойчивых этических принципах — справедливости, взаимоуважении, отказе от применения насилия. Бывший Генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Матсуура в своем предисловии к книге «Будущее ценностей» пишет: «Кризис, который мы сегодня переживаем, говорит о том, что мы потеряли этическую опору и не видим того горизонта, к которому могли бы стремиться. Это не столько кризис ценностей, сколько кризис самого понятия “высшие ценности” и нашей способности к самоуправлению».

Необходимо определить объем понятия «глобальная культура». Представляет ли она сумму всех культур народов мира или культур развитых стран? Это культура взаимоотношений между государствами и надгосударственными мировыми институтами, имеющими политическое содержание, или нечто большее по своему содержанию?

Чтобы глобальная культура не воспринималась как монстр, поглощающий другие культуры, необходимо в качестве главного компонента этой культуры обозначить нравственные принципы, выработанные общечеловеческими усилиями.

Конгресс петербургской интеллигенции, основателями которого являются выдающиеся гуманисты современности, посвятившие свою жизнь гуманизации культуры и установлению человеческих взаимоотношений на высоких этических принципах в планетарном масштабе, вносит достойный вклад в достижение успехов на современном этапе диалога культур.

Ромас Пакалис¹

ПЛОДОТВОРНОЕ УЧАСТИЕ ЛИТВЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮНЕСКО

Культура Литвы насчитывает тысячелетия. Тысячелетие первого упоминания названия Литвы отмечалось в 2009 году. Письменным источником, в котором она впервые упомянута, является «Хроника Кведлинбурга» 1009 года². Позднее литовцы захватили соседние земли и в XIII веке создали Великое княжество Литовское. В XV столетии Литва стала крупнейшим государством в Европе, однако в конце XVIII века оно было стерто с политической карты мира. В 1918 году было восстановлено демократическое государство. Тем не менее в 1940-м оно было включено в состав СССР. В советское время связи литовского народа (особенно научного сообщества) с ЮНЕСКО ограничивались участием в программе «Человек и биосфера»³.

Литва вышла из состава Советского Союза и провозгласила свою независимость 11 марта 1990 года, первой из советских республик. В 1991 году Литва вступила в ЮНЕСКО и добилась включения в список Всемирного наследия ЮНЕСКО нескольких культурных объектов⁴: исторический центр Вильнюса (1994), Куршская коса (2000), археологические памятники культурного резервата Кярнаве (2004), геодзическая дуга Струве (2005). Литва прикладывает существенные усилия для развития своего культурного наследия, которое включено и в список мировых шедевров устного и духовного наследия человечества: традиционная обработка крестов и ее символика (2001) и балтийские праздники песни и танца (2003).

Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Литве

Исторический центр Вильнюса включен в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО как имеющий выдающуюся общечеловеческую ценность (соответствует критериям отбора II и IV). Он представляет собой историческую часть города, построенную в XIV–XVIII веках. Сегодня общепризнано, что во время своего расцвета Вильнюс оказал огромное влияние на развитие культуры и архитектуры в Центральной и Восточной Европе. Объекты исторического центра Вильнюса — это выдающийся образец архитектурных ансамблей и городского ландшафта. Одна из самых красивых столиц Европы с давних времен была известна своей толерантностью. Здесь, в самом отдаленном восточном западноевропейском культурном центре, сосуществовали культурные традиции Востока и Запада. В городе и на его окраинах

селились представители различных конфессий и национальностей.

Древний политический и культурный центр Великого княжества Литовского представлен сложной системой укреплений и парадных зданий. В XVI веке исторический центр города окружала крепостная стена. В старой части Вильнюса сохранились подлинные здания, которые служили разным целям: оборонительные сооружения, жилые дома, представительские здания, культовые постройки. В Старом городе сохранились здания и элементы, относящиеся к различным архитектурным стилям (готика, ренессанс, барокко, классицизм). Архитектура уникальна, поскольку все эти стили соседствуют и взаимно дополняют друг друга в едином эстетическом целом. Типичные барочные купола церквей и сдержанная монументальная классицистская архитектура создают неповторимую атмосферу панорамы Вильнюса XVII века.

Исторический центр окружен новыми жилыми кварталами, но до сегодняшнего дня сохранилась радиальная планировка города, типичная для средних веков, и своеобразная гармония архитектуры и природного ландшафта⁵. Сегодня литовское общество продуктивно обсуждает стратегию устойчивого развития столицы, реализацию проекта приоритетного сохранения исторического центра и развития бывших окраин.

Куршская коса — полуостров, протянувшийся на 98 км, на западе омываемый Балтийским морем, а на востоке отделенный от континента Куршской лагуной, — представляет собой великолепный образец уникального равновесия человеческой деятельности и природы, шедевр функционального ландшафтного дизайна мирового масштаба. Куршская коса — это прекрасный пример мирного сосуществования для современного человека, уверенного в своем господстве над природой. Ширина полуострова (общая его территория составляет 180 кв. км) всего 370 м в районе Шаркау (сейчас Лесное) и в самом широком месте возле мыса Булвикис — 3,8 км.

Куршская коса образована ветрами и морскими течениями примерно 5 тыс. лет назад. Археологические раскопки указывают, что уже в конце периода неолита полуостров был заселен. Многочисленные находки датируются III и IV тысячелетиями до н. э. Полагают, что предшественники балтийских племен селились среди дюн, где они могли рыбачить и укрываться от ветров. В XV веке Куршская коса находилась под великолепным зеленым лесным покровом, а вдоль лагуны были разбросаны небольшие деревушки. Позднее леса безжалостно вырубали, особенно в период Семилетней войны (1756–1763). Из-за этого стал блуждать разносимый ветром песок, западные ветры продвигали его по полуострову в сторону Куршского залива, и под огромными дюнами

¹ Председатель Национальной комиссии Литвы по делам ЮНЕСКО.

² *Vaitkevičius, B., Jučas M., Merkys V.* (eds.) History of Lithuanian SSR. 1. Since foretimes to 1917. Vilnius, 1986 (на литовском языке); *Giese M.* (ed.) Die Annales Quedlinburgenses. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Germanicarum in Usum Scholarum, 72. Hannover, 2004.

³ *Kairiūkštis L., Eringis K.* Lithuanian Programme «Man and the Biosphere» МАВ. Vilnius, 1977.

⁴ URL: <http://www.unesco.lt>; Convention for the protection of the world cultural and natural heritage, 1972. URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-en.pdf>

⁵ World Heritage list objects in Lithuania. URL: <http://www.kpd.lt:80/en/node/733>

была погребена не одна прибрежная рыбацкая деревня.

Примерно два века тому назад необдуманная деятельность человека разрушила естественную растительность, и рыбацкие деревни оказались незащищенными перед песчаной стихией. Только благодаря проекту, который длился около 100 лет, Коса была спасена; были проведены работы по укреплению дюн, посадке травы, кустов и деревьев. Работа эта продолжается на Косе и сегодня, и будет длиться, пока люди хотят сохранить для себя этот полуостров¹.

Куршская коса разделена (52 км северной части), как и ответственность за ее охрану, между двумя государствами — Литовской Республикой и Калининградским анклавом Российской Федерации. ЮНЕСКО признала уникальное творение человека и природы, сочетание природного и культурного наследия этой приграничной зоны, и в 2000 году внесла Куршскую косу в список мирового наследия. Выдвинув полуостров в качестве кандидата в этот список, правительства Литвы и Российской Федерации на международном уровне подтвердили свою готовность уберечь Куршскую косу от разрушения силами природы, а иногда и руками человека. Необходимость реализации охранных мер, препятствующих экономической деятельности или вторжению современной архитектуры, находится на стадии фактического обсуждения. Мы считаем, что патронаж ЮНЕСКО поможет обоим правительствам найти оптимальное решение.

Культурный резерват Кярнаве в 2004 году был внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Признание значимости этой местности, которая отвечает строгим критериям отбора, свидетельствует об уникальности поселений в странах Балтии в течение примерно 10 тысячелетий². Данная местность — это свидетельство соединения дохристианских и христианских погребальных традиций, таких как городища и внушительные форты, представляющие собой выдающиеся примеры развития подобного рода строительства и истории их использования в дохристианский период. Кярнаве являет собой первобытное прошлое Литвы. На живописном берегу реки Нярис в центре амфитеатра долины Паяуты находится комплекс из пяти городищ, в котором с незапамятных времен селились, жили и умирали наши предки. Ландшафт создавался с течением времени, и многочисленные археологические раскопки свидетельствуют об исторических процессах и культурах, которые существуют здесь более 11 тыс. лет.

Культурное наследие последней языческой страны в Европе — руины древней столицы Литвы — сокрыто от глаз людей под толстым слоем отложений. Кярнаве впервые упоминается в письменных источниках — в Ливонской рифмованной хронике — в 1279 году. Во время нападения Тевтонского ордена в 1390 году деревянные дворцы и старый город

Кярнаве были сожжены до основания³. Лишь через 600 лет археологи обнаружили старый город Кярнаве и назвали его литовской Троей⁴. Сегодня результаты исследований создают базу для проекта по сохранению природы государственного культурного резервата Кярнаве, принимая во внимание необходимость осуществления не только его основной функции (сохранение культурного наследия), но и мер по защите и мониторингу природной среды⁵.

Геодезическая дуга Струве (2005) — это совместное мировое наследие Белоруссии, Эстонии, Финляндии, Латвии, Литвы, Молдавии, Российской Федерации, Норвегии, Швеции, Украины. Дуга Струве — это сеть из триангуляционных пунктов, которая тянется через 10 стран на 2820 км от Хаммерфеста в Норвегии до Черного моря. Эти пункты дуги были измерены в период между 1816 и 1855 годами астрономом Фридрихом Георгом Вильгельмом Струве, который представил точные измерения меридиана с его амплитудой.

Тракайский исторический национальный парк зарегистрирован в предварительном списке. Этот парк — вторая столица Литвы (XIII–XIV вв.) — с его замками, церквями, музеями, озерами, оригинальной градостроительной структурой. Здесь проживают представители замечательного народа — караимы.

Международный регистр программы «Память мира»

«Балтийский путь» — это живая цепь, связавшая три государства в их борьбе за свободу. Это уникальная мирная массовая демонстрация, проведенная 23 августа 1989 года, в которой приняли участие более миллиона человек, которые взялись за руки и образовали цепь длиной более 600 километров, таким образом соединив три государства Балтии — Эстонию, Латвию и Литву — в их порыве к свободе.

Эта впечатляющая живая цепь, приуроченная к 50-летию со дня подписания пакта Молотова–Риббентропа, имела своей целью призвать к обнаружению тайных исторических фактов. При поддержке мирового сообщества она убедила Совет народных депутатов СССР признать 24 декабря 1989 года пакты и секретные соглашения между Россией и Германией утратившими силу. Это признание пакта недействительным повысило шансы Эстонии, Латвии и Литвы на самоопределение и вызвало демократические движения во всем Советском Союзе. Подготовка к

³ Vėlius G. Kernavė town community in the 13th–14th c. // Bitner-Wróblewska A. (ed.) Kernavė, the Lithuanian Troy. Warszawa, 2002. P. 35–56 (на польском и английском языках); Vėlius G. Kernavė in the context of towns of the Grand Duchy of Lithuania // Archaeologia Lituana. 2003. Vol. 4. P. 161–174.

⁴ Luchtanas A. Kernavė, the Lithuanian Troy // Bitner-Wróblewska A. (ed.) Kernavė, the Lithuanian Troy. Warszawa, 2002. P. 11–33 (на польском и английском языках).

⁵ Sendžikaitė J., Pakalnis R., Avižienė D. Vegetation and cultural heritage protection possibilities in the State Cultural Reserve of Kernavė (Lithuania) // Gabrovec M. (ed.) Man in the landscape across frontiers: Landscape and land use change in Central European border regions. IGU/LUCC Central Europe Conference 2007. Abstracts. Ljubljana, 2007. P. 60–61; Sendžikaitė J., Pakalnis R., Avižienė D. Assessment of biodiversity as a tool for nature management in the State Cultural Reserve of Kernavė // Cygas D., Froehner K. D. (eds.) Environmental Engineering. The 7th International Conference. Selected Papers, I, Environmental protection. Vilnius, 2008. P. 318–327; URL: https://www.vgtu.lt/upload/leid_konf/sendzikaite_et_al_assessment.pdf;

¹ Raščius G. Curonian Spit. Vilnius, 2006.

² Vadišis S., Jonikienė A., Vitkūnas J. State Cultural Reserve of Kernavė. Vilnius, 2005 (на литовском и английском языках); Cultural Reserve of Kernavė. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/1137>

внесению «Балтийского пути» в Международный регистр ЮНЕСКО началась в 2005 году, когда группа экспертов из Эстонии, Латвии и Литвы занялась проработкой этой идеи. Решение о включении документальных материалов о ней в международный регистр программы было принято в 2009 году¹.

Архивы Радзивиллов и Несвижская коллекция книг (2009) — эти материалы были подготовлены по решению представителей шести стран (Белоруссия, Финляндия, Литва, Польша, Российская Федерация, Украина). Коллекция собиралась семейством Радзивиллов на протяжении XV–XX веков. В первоначальном виде она служила в качестве официальных архивов Великого княжества Литовского.

Собрание центра документации и изучения общины евреев-ашкенази в Мексике XVI–XX веков (2009). Собрание включает 16 тыс. томов на идиш и иврите, а также на литовском, польском, русском, венгерском языках, написанных эмигрантами из Восточной и Центральной Европы.

В завершение данного выступления необходимо отметить, что Президент Литовской Республики (до 2009 г.) Валдас Адамкус был назначен послом доброй воли ЮНЕСКО по вопросам обществознаний за его вклад в социальное развитие и междууниверситетское сотрудничество, управление водными ресурсами, охрану окружающей среды и мирового наследия и с учетом его заслуг и опыта во многих областях деятельности ЮНЕСКО. Данный факт является также прекрасной иллюстрацией вклада Литвы в различные области деятельности ЮНЕСКО.

Литература

Management planning toolkit. 1999. Tilburg: Eurosite Programme and Development Office. Электронный ресурс [Электрон. дан.] // Режим доступа: http://www.eurosite-nature.org/IMG/pdf/toolkitmp_en.pdf

Stončius D. The role of nature management in protection of biological diversity / D. Stončius, R. Treinys, P. Mierauskas. Vilnius, 2001 (на литов. языке).

В. В. Попов²

О РОЛИ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Изменение соотношения сил в мире ныне идет семимильными шагами, что отражает бурный характер перемен современного общества. По итогам 2009 года Китай становится второй экономикой мира, обгоняя Японию, хотя эксперты предсказывали, что это должно произойти несколькими годами позже.

Мировой экономической кризис приобретает цивилизационный характер. Он не просто отражает противоречия между планетарностью капитала и суверенитетом национального государства, но и обозначает новый виток межэтнических и геополитических столкновений, в основе которых лежит неприятие западного образа жизни выходящими на авансцену истории новыми цивилизациями.

В вышедшей в 2008 году книге «Постамериканский мир» известный американский политолог Фарид Закария подчеркивал, что в нынешней ситуации степень доминирования Америки будет неизбежно уменьшаться, поскольку набирают силу Китай, Индия, Россия. Другой характерной чертой XXI века является существование альтернативных социально-политических моделей... Другими словами, модернизация уже не означает «вестернизацию». Завершается 500-летняя эпоха господства нескольких европейских держав и США.

¹ URL: <http://www.balticway.net>

² Директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университет) МИДРФ, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Персидский залив в планах и политике Запада», «Ближний Тунис» и др. Член правления и директор по международным связям Фонда поддержки исламской культуры, науки, образования.

Эксперты все чаще приходят к убеждению, что именно духовные черты, социокультурные признаки конкретного общества или даже региона, накладывая отпечаток на социально-историческую динамику. Речь идет не только о стирании культурно-цивилизационных особенностей различных стран, но и об утрате полярности, без которой цивилизация мертва. Комментируя этот процесс отступления западной цивилизации, французский философ Жан Бодрийяр писал: «Может быть, однажды исчезнут и сами белые, так и не поняв, что их белизна есть лишь результат шокирующего смещения и сближения всех рас и культур, подобно тому, как белый цвет представляет собой амальгаму всех цветов»³.

Этот же процесс распространяется и на сферу противостояния Запада и исламского мира. Так случилось, что в начале XXI века именно ислам выступил в качестве реального оппонента США и других западных государств. Собственно говоря, по убеждению многих политологов, XXI век начался по существу 11 сентября 2001 года, то есть с момента крупнейшего террористического акта современности, когда погибло около 3 тыс. человек и был нанесен удар по наиболее значимым символам американского капитализма. И до этого времени отношения между исламским и западным мирами не были особенно безоблачными (не последнюю роль играло то обстоятельство, что ряд западноевропейских государств превратил многие исламские регионы в свои колонии), однако после 11 сентября процесс конфронтации стал принимать зримые очертания.

При этом решающим фактором в трансформации баланса сил выступает демография. Даже по весьма сдержанной оценке американцев (Фонд Карнеги),

³ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 60.

ислам станет первой религией мира по числу приверженцев к 2023 году. Сейчас общая численность мусульман на земном шаре оценивается по-разному и составляет примерно 1,5 млрд человек. На рубеже XIX—XX веков количество последователей пророка Мухаммеда оценивалось в 100 млн человек.

Ислам имеет определенные особенности, которые отличают его от других вероучений. Во-первых, всеохватывающий характер религии, которая является не просто мировоззрением, или идеологией, или сводом духовных ценностей — это образ жизни, поскольку всеобъемлюще регламентирует жизнь верующего. Во-вторых, это удивительная религия солидарности, которая объединяет всех правоверных, независимо от цвета кожи, национальной принадлежности и т. п. В-третьих, это религия, ориентированная на равенство и социальную справедливость, поскольку в Коране содержится немало указаний на то, что истинный мусульманин может отличаться от другого не богатством, не знаниями, не опытом, не силой, а только благочестием.

Простота и непротиворечивость устоев этой религии, ее способность дать верующим целостную и понятную картину мира, общества, устройства Вселенной — все это делает ислам притягательным для новых приверженцев. Ничто, кроме религии, не связывает марокканцев и индонезийцев, иранцев и малайцев. Ни в одном другом вероисповедании нет такого количества последователей, страстно и самозабвенно преданных своей вере. Ислам ощущается ими как основа жизни и мерило всех вещей. Но поскольку ислам больше чем религия, мусульманская цивилизация объединяет людей, которые при всем различии менталитета и обычаев осознают свою принадлежность к одной религиозной общности. И эта принадлежность к мусульманскому сообществу, по мнению виднейшего отечественного востоковеда Г. И. Мирского, порождает особую солидарность, которая опирается не только на единое вероисповедание, но и на вытекающее из самих устоев ислама мироощущение, отношение как к отдельным людям, так и к обществу в целом, к идеям, вещам в природе.

Только эта религия создала межгосударственную организацию, при которой образовались многие другие объединения и структуры: Организацию «Исламская конференция» (ОИК), которая ныне объединяет 57 стран и фактически вместе с другими подразделениями (типа Исламского Банка развития (ИБР), Исламской организации по культуре, науке и образованию (ИСЕСКО), исламского Красного Полумесяца, Олимпийского комитета и т. п.) является своего рода мини-ООН для исламского мира.

Серьезной заявкой на изменение роли ОИК в мире стало принятие нового Устава на 11-й сессии глав государств ОИК в марте 2008 года в Дакаре (Республика Сенегал). В сравнении с предыдущим Уставом 1972 года в новом документе нашли свое отражение понимание странами-членами изменившейся роли ислама и одновременно заявке ОИК на ведущую роль в мусульманском мире.

В частности, члены Организации обязались работать на благо реанимации ведущей роли ислама в мире, гарантируя при этом жизнеспособное разви-

тие, прогресс и процветание мусульманских народов государств-членов. Одновременно члены ОИК видят свою задачу в том, чтобы вносить свой вклад в дело международного мира и безопасности, взаимопонимания и диалога цивилизаций, культур и религий, продвижения и поощрения дружественных отношений и добрососедства, взаимного уважения и сотрудничества.

В условиях обострившихся в последние годы отношений между Западом и исламским миром страны — члены ОИК ставят своей целью всемерное содействие исламо-христианскому диалогу, диалогу цивилизаций, культур и религий. ОИК объявила одним из главных приоритетов борьбу с исламофобией, которая охватила весь западный мир. Неслучайно ислам называют религией солидарности и справедливости, одной из пяти основ которой является обязательная выплата не менее 2,5 % своих доходов в пользу бедных и неимущих, так называемый закят. В условиях современного мира, когда люди страдают от недостатка справедливости, этот аспект импонирует очень многим.

Наконец, это религия, которая больше, чем остальные, вознаграждает в раю своих последователей за богоугодные дела, особенно за самоотверженность и даже жертву своей жизни ради Аллаха. Примечательно, что религиозные экстремисты используют это для подготовки смертников, так называемых шахидов, которые отдают свою жизнь для того, чтобы наказать «врагов».

После поражения Египта и других арабских государств в войне 1967 года с Израилем, на мусульманском Востоке резко увеличилось влияние религии, что было связано с провалом многих социально-экономических доктрин, которые пытались взять на вооружение те или иные мусульманские государства, прежде всего арабские. Потерпели неудачу и проекты арабского социализма, и баасизма, и национализма, провалом закончились попытки построить общество научного социализма в Афганистане и т. п. Отсюда такая популярность тезиса религиозных деятелей о том, что все поражения мусульман связаны с отходом от истинной религии и что путь к решению всех проблем ведет через возвращение к истокам, правильному первоначальному исламу (на Западе это называют фундаментализмом).

То обстоятельство, что религия и политика на мусульманском Востоке, по сути дела, не разъединяются, во многом объясняет появление исламистских радикальных течений и движений.

К сожалению, действия этих радикалов ведут к тому, что зачастую ислам отождествляют с террором, и преступления небольшой кучки экстремистов приписывают самой религии, считая, что именно она рождает волну насилия и ненависти. Это далеко не соответствует истине, поскольку ислам по сути своей является миролюбивой религией, а милосердие и великодушие были и остаются одними из самых главных культивируемых достоинств.

Ислам — самая молодая из всех монотеистических религий. Она появилась через 14 веков после иудаизма и через 6 веков после христианства (точкой отсчета обычно принято считать 622 г. н. э., то

есть переезд пророка Мухаммеда из Мекки в Медину), и вполне естественно, что она впитала в себя многие положения упомянутых двух авраамических вероучений. Вместе с тем особенностью современного ислама является то обстоятельство, что он не прошел период изменений, аналогичных западно-европейской реформации, то есть мечеть не отделена от государства, и в абсолютном большинстве мусульманских стран ислам является государственной религией. Возможно, это обстоятельство содействует тому, что вероучение пророка Мухаммеда превращается в сильную жизнеспособную религию. Хотя нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что большинство актов международного террора в последнее время было совершено мусульманами. Это давало многим людям на Западе повод воспринимать данную религию как угрозу. Наряду с этим серьезное знакомство с Кораном никак не может оправдать заявления тех, кто характеризует ислам как «религию вражды и ненависти».

Разумеется, цивилизации не являются монолитными и бесконфликтными. В двух мировых войнах прошлого столетия большинство жертв составляли люди одной цивилизации, называемой иудео-христианской. А отставание мусульманского мира в течение последних веков привело к тому, что он в значительной степени оказался на обочине мировой политики, и это способствовало появлению исламского фундаментализма и даже радикализма. Фундаменталисты утверждают, что слабость и подчиненность мусульманских государств — это следствие безбожия тех мусульман, которые отклонились от пути, начертанного Всевышним, и предпочли ему, как отмечал американский профессор Джон Эспозито, светские материалистические идеологии Запада и Востока, капитализм или марксизм. Мусульмане гордятся своей древней и богатой цивилизацией, но с горечью видят, что в мире властвуют и задают тон другие. Именно это и создает почву для появления радикальных движений, которые проповедуют идеи насилия. Вместе с тем абсолютное большинство мусульман стоят на позициях умеренности и милосердия. Потенциальный мир ислама с его великими культурными традициями и сотнями миллионов преданных приверженцев обладает огромной мощью и динамизмом и, несомненно, внесет свой вклад в развитие человеческого общества.

Важнейшую роль в новом месте ислама в современном обществе играет демографический фактор. Неслучайно ислам называют самой быстрорастущей религией в мире. Даже американцы считают, что через 13 лет численность мусульман превзойдет количество христиан всех деноминаций. Большинство мировых проблем сегодня во многом связано именно с демографической ситуацией. В целом налицо нарастающая тенденция изменения этнического состава населения планеты, поскольку быстрыми темпами проходит продвижение, проникновение и расширение общин иммигрантов.

Ныне ислам стал второй по численности религией в США, обогнав иудаизм. В Западной Европе проживает 20 млн мусульман, и по прогнозам их число удвоится в ближайшие 10 лет, поскольку динамика

численности коренного населения Евросоюза не дает возможности воспроизводить необходимый уровень рабочей силы. В 1960 году люди европейского происхождения составляли четверть мирового населения, в 2000 году — одну шестую, а в 2050-м при нынешних темпах развития будут составлять одну десятую. Большое значение имеют и возрастные показатели. В 2000 году в Европе проживало 444 млн человек в возрасте от 15 до 60 лет. К 2050 году их число сократится до 365 млн. За 50 лет соотношение работающих и пенсионеров изменится — от пяти к одному до двух к одному. Чтобы не допустить резкого падения жизненного уровня, государства ЕЭС вынуждены будут увеличить приток иммигрантов, то есть иммиграция рабочей силы в Европу — это не альтруизм или желание помочь бедным мусульманским странам, а жесткая необходимость.

Следует обратить внимание на то, что мусульманские общины растут во всех регионах земного шара. В Индии число мусульман оценивается уже в 200 млн человек, то есть больше, чем в Пакистане. В Китае официальные данные говорят о 30 млн человек, но сами мусульмане приводят цифру в 100 млн человек. Достаточно быстрыми темпами растет численность мусульман в Латинской Америке.

Эти тенденции не обходят стороной и нашу страну. По свидетельству российского ученого А. Казанцева, к 2050 году численность мусульман и христиан в нашей стране может сравняться, если сохранятся существующие ныне тенденции.

Реальным эффективным подспорьем для расширения роли мусульманской общины в международных делах является и тот факт, что более двух третей мировых запасов энергоносителей (нефти и газа), расположены в мусульманских районах, причем, как правило, это высококачественная нефть. Например, себестоимость добычи барреля нефти в Саудовской Аравии обходится в 10 раз меньше, чем в России. Учитывая зависимость современного мира от нефти и газа, роль исламских государств в мировой экономике будет расти. Уже сейчас в двадчатку крупнейших экономик мира включены три исламских государства — Индонезия, Турция и Саудовская Аравия. Влияние ОПЕК на формирование цен на нефть хорошо известно. К этому следует добавить и новое финансовое могущество богатых исламских государств. Если цены на нефть в 2010 году сохранятся на уровне 75–80 долларов за баррель, то общие доходы нефтедобывающих стран Персидского залива приблизятся к 1 трлн долларов.

Открытый в конце 2009 года самый высокий в мире небоскреб в Дубае олицетворяет символ нового могущества нефтеэкспортеров, и таких символов становится все больше и больше. Во время кризиса хорошо показали себя исламские банки, деятельность которых строится на постулатах ислама. Успешно функционирует Исламский банк развития, который уже предоставил почти 50 млрд долларов кредитов.

Ислам все больше выдвигается в целом ряде регионов мира в центр международной жизни, но не всегда о нем говорят и думают в позитивном ключе. Зачастую он воспринимается, особенно на Западе,

в качестве серьезной угрозы. Кроме того, исламские сепаратистские движения от Филиппин и Таиланда до Китая и Индии воспринимаются как опасность для территориальной целостности и независимости ряда стран.

Мощным стимулом к объединению усилий и укреплению исламского мира является историческая память мусульман о былом величии, стремление отомстить Западу за десятилетия унижений и попрания прав, преодолеть отсталость и восстановить престиж и влияние в мире. Действенным средством для достижения этого является вера, которая представляет собой эффективную моральную силу воздействия на поведение последователей пророка Мухаммеда и способ их объединения.

Исламский мир в настоящее время все активнее позиционирует себя в качестве важнейшего игрока на международной арене. В XXI веке мы являемся свидетелями его консолидации в силу целого ряда исторических особенностей. Выход на авансцену мировой политики исламского мира, который ранее многие политологи называли «цивилизацией бедных», сегодня приобретает все более зримые очертания.

Примечательно, что даже многие американские и европейские ученые признают, что в последние годы в исламском мире появилась элита, ничем не уступающая, а может быть, даже в чем-то превосходящая западную. Дело в том, что мусульманские деятели, как правило, учились на Западе и хорошо знакомы с основами христианской и иных культур. Но в то же время они прекрасно разбираются в том, что связано с исламской цивилизацией. Заслуги современного турецкого руководства по выводу страны из кризиса, по укреплению международных позиций государства признают даже в Европе. Имена таких деятелей, как бывший премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад, нынешний генеральный секретарь ОИК Экмеледдин Исханоглу, президент Исламского банка развития Мухаммад Али, генеральный директор ИСЕСКО Абдельазиз Тувейджри являются общепризнанными авторитетами в своих областях. И этот список можно было бы продолжать бесконечно. В последние годы несколько мусульман стали лауреатами Нобелевской премии (нынешний, недавно избранный на второй срок президент Индонезии Сусило Бамбанг Юдойоно в начале января 2010 г. выпустил очередной, третий по счету, альбом поп-музыки. На этот раз поет не он сам, как в предыдущих альбомах, а написанные им песни исполняют известные индонезийские поп-певцы. Все деньги от сборов этих альбомов идут на благотворительные нужды).

Мусульмане, и это признают многие политологи, люди более сильные духом, которые убеждены, что отстаивают правоту своего дела. На фоне дехристианизирующейся изнеженной Европы мусульманские общины выглядят островками идейной убежденности и готовности к решительной защите своих прав. Мусульмане немало делают для того, чтобы доказать, что нельзя ставить знак равенства между их миролюбивой и сострадательной религией и терроризмом. Сейчас мусульманский мир мобилизует свои ресурсы для борьбы с экстремистами, и эта борьба становит-

ся все более результативной. Консолидация умеренных сил мусульманского мира — это процесс, который уверенно набирает обороты. Сейчас все труднее становится вешать ярлыки на многие организации, которые на Западе торопятся назвать террористическими.

Наряду с этим конфронтация Запада с исламским миром углубляется. Здесь стоит напомнить об известной концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона, в соответствии с которой ислам определяется в качестве главной угрозы цивилизации Запада. При этом С. Хантингтон сделал очень важную оговорку, подчеркивая, что основная проблема Запада вовсе не исламский фундаментализм, а ислам, ибо это — иная цивилизация. Его последователи настойчиво проводили мысль о том, что общность мусульман, для которых религиозная идентичность затмевает все другие ценности, это — реальная опасность. Более того, в США и Западной Европе опубликовано множество книг и статей, доказывающих, что эта религия рождает насилие, и в этом, а не в политике развитых капиталистических государств заключается суть проблемы между Западом и исламским миром. При этом некоторые политологи не особенно скрывают тезис о том, что исламская цивилизация является культурой более низкого уровня: хорошо известно высказывание на этот счет премьер-министра Италии С. Берлускони о превосходстве западной цивилизации.

Столкновения цивилизаций, которое предрекал С. Хантингтон, не произошло, однако цивилизационный разлом сегодня налицо, причем он углубляется. Он выражается, прежде всего, в эскалации напряженности между Западом и исламским миром. Это — ближневосточный конфликт, ситуация вокруг Ирана, иракская драма, а также афгано-пакистанский узел. Все эти конфликтные ситуации чреваты самыми серьезными последствиями для международного мира и безопасности. К этому надо добавить еще ряд недавних конфликтов в Йемене, Сомали, Судане. Общая картина представляется весьма тревожной.

Все рельефнее проявляется идеологическое противостояние, которое четко проявляется в Европе. Здесь речь идет не только о террористических актах, но и о так называемом «карикатурном скандале», многочисленных выступлениях против исламизации в Европе, активизации здесь правых антииммигрантских партий, швейцарском референдуме по запрету строительства минаретов и т. п. Этот список можно было бы продолжать.

В начале февраля сего года французские власти отказали в предоставлении гражданства иностранцу на том основании, что он заставлял свою жену носить паранджу, полностью закрывавшую лицо и тело («бурку»). В конце января 2010 года французский парламентский комитет рекомендовал запретить в ряде общественных мест ношение женщинами традиционных мусульманских одеяний, скрывающих лицо (хотя речь идет, по данным французского Министерства внутренних дел, всего о 1900 женщинах). Ранее президент Н. Саркози заявил, что ношение паранджи и чадры «унижает женщину и не приветствуется во Франции».

Этот процесс цивилизационного разлома все чаще проявляется и в США, где в конце ноября 2009 года майор американской армии палестинского происхождения расстрелял 13 своих соотечественников и ранил 40 человек в знак протеста против возможной отправки его в Ирак и Афганистан.

Между тем именно Россия является той страной, которая может помочь навести мосты между Западом и мусульманским Востоком и сыграть важнейшую роль в налаживании отношений, создании и упрочении атмосферы взаимопонимания и сотрудничества. Наши связи с исламскими странами в последние годы развиваются стремительно. В 2005 году Россия — единственная страна из постоянных членов Совета безопасности — вошла в состав ОИК на правах наблюдателя. Российской Федерации это дает возможность, с одной стороны, лучше понять, чем живет исламский мир сейчас, а с другой — добиться большего взаимопонимания с мусульманскими странами по многим актуальным вопросам.

«Россия — великая евразийская держава, расположенная на стыке цивилизаций и обладающая уникальным опытом сосуществования и сотрудничества многих культур, национальностей и религий», — говорилось в заявлении МИД РФ от 2 июля 2005 года в связи с предоставлением России статуса наблюдателя в ОИК. Поэтому predetermined самой историей призвание России заключается в том, чтобы вместе с другими странами вносить свой самобытный вклад в укрепление единства мировой цивилизации.

Российская Федерация — многонациональная и поликонфессиональная страна, на территории которой проживают официально свыше 15 млн последователей исламского вероучения, что составляет более 10 % населения страны. Ислам появился на территории современной России даже раньше, чем состоялось официальное крещение Руси. Христиане и мусульмане России имеют уникальный многовековой опыт совместного проживания, мирного сосуществования и взаимообогащения культур, опыт, которого не имеет большинство европейских стран, особенно, если учесть, что в России живет больше мусульман, чем в любой другой европейской стране, и их процентная доля среди населения быстро растет. Практически по всем ключевым глобальным проблемам позиции России и исламского мира близки или совпадают. А общее поле интересов по Ближнему Востоку, Ираку, энергобезопасности и тому подобным вопросам делает взаимодействие наших государств весьма актуальным, особенно на нынешнем этапе международных отношений.

«Сложение наших финансовых, технологических и кадровых ресурсов, — заявил В. В. Путин на X встрече глав государств и правительств ОИК 16 октября 2003 года в Малайзии, — способно стать реальным фактором мировой политики, началом прорыва на многих направлениях мировой экономики».

Ныне наша планета сталкивается с нехваткой целого ряда жизненно важных ресурсов, таких как вода, продовольствие, нефть и т. д. Но главным дефицитом современного мира является недостаток справедливости. Именно с укреплением роли России и более активным ее взаимодействием с исламским миром

многие связывают надежды на возрождение духовных и моральных ценностей в мире. В большинстве исламских столиц Россия воспринимается как могучее дружественное государство, способное предложить реалистические рецепты нахождения взаимоприемлемых развязок существующих конфликтных ситуаций.

Вот почему мы все чаще слышим со стороны наших мусульманских партнеров призывы играть более энергичную роль в том, чтобы не допустить межцивилизационного разлома, или так называемого столкновения цивилизаций. Только при активном участии Москвы любые инициативы по диалогу, партнерству цивилизаций могут стать глобальным проектом, направленным на выработку новой парадигмы, основанной на подлинном равноправии и учете интересов всех участников процесса.

Как заявил крупнейший мусульманский иранский богослов Мухаммед Али Тасхири на конференции «Россия — исламский мир» 23 июня 2008 года в Москве, Россия — великая страна, которая обладает великой культурой и историей. И то, что Россия ведет отношения с исламским миром — это на пользу всем. Наша страна удалена от Запада и США, со стороны которых идет несправедливое нашествие на исламскую культуру, осквернение святынь. По мнению Мухаммеда Али Тасхири, Россия может стать мостом между Западом и исламским миром для достижения баланса.

Для того чтобы осуществить это, нужно всемерно укреплять взаимодействие православия и ислама внутри нашей страны. Это — основные конфессии (две другие традиционные религии — иудаизм и буддизм — насчитывают гораздо меньше приверженцев). Все это требует от российского государства четко выверенной и последовательной линии в отношении с основными религиозными верованиями.

Сотрудничество христиан и мусульман в нашей стране всегда было важнейшим элементом внутривнутриполитической стабильности, и его действительно нужно охранять как зеницу ока.

В силу своеобразия ислама и особой солидарности всех мусульман исключительно важное значение приобретает последовательность линии государственных органов в отношении мусульманского населения и религии в целом. В последние годы в нашей стране многое сделано для поддержания и развития добрых отношений с исламским миром. Российская Федерация вошла в ОИК в качестве наблюдателя (30 июня 2005 г.); такой же статус она получила и в ИСЕСКО. В 2006 году была образована Группа стратегического видения «Россия — исламский мир» под руководством Е. М. Примакова и М. Ш. Шаймиева. В ее состав входят более 20 высокопоставленных представителей мусульманских государств; ее работа является важнейшей составляющей нашей общей политической линии в исламском мире. За этот период были созданы Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования, Центр арабских и исламских исследований (ЦАИИ), заработал телеканал «Россия сегодня» на арабском языке и т. п.

Российская Федерация следует демократическим принципам, которые нашли четкое закрепление в Конституции, гарантирующей светский характер

государства, свободу совести, отделение религиозных объединений от государства, равенство перед законом, недопущение пропаганды религиозной вражды. Указанные нормы конкретизированы в Федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях», определяющем равенство конфессий перед законом и их равную отдаленность от власти.

Мы живем в эпоху глобализации, которая ознаменовалась наиболее крупными и стремительными цивилизационными изменениями, какие когда-либо переживало человечество. Цивилизация открыла не-

виданные возможности для ускоренного научно-технического прогресса, общения государств и народов, расширения контактов между людьми, культурными и духовными ценностями. Налаживание нормальных отношений между исламским миром и Западом, в котором Россия может сыграть ведущую роль, по сути дела, будет означать серьезный поворот к лучшему в международных отношениях, ибо речь идет более чем о половине человечества, так как вместе христиане и мусульмане составляют свыше 3 млрд человек.

К. В. Руснак¹

РОЛЬ ЮНЕСКО ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НА ПУТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, народом, нацией. В понятие «культура» должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства. Данное определение понятия «культура» академика Д. С. Лихачева как нельзя лучше объясняет это слово, которое вызывает много спорных вопросов. Ученые, так и не достигнув консенсуса, отмечают, что это понятие имеет множество смыслов. Современная культура под влиянием нарастающего давления интеграционных процессов во всех сферах международного общения (будь то политика или экономика, музыка, литература, кино, живопись или спорт) благодаря новым информационным технологиям естественным образом включилась в процесс глобализации, который, по мнению большинства ученых, провоцирует множество конфликтных ситуаций, обостряя злободневные проблемы национальных, этнических, межкультурных и межрелигиозных отношений.

За короткий период времени стало нормой употребление таких социологических категорий, как «глобальное общество» и «глобальная культура». И если словами Д. С. Лихачева охарактеризовать понятие «глобальная культура», можно будет вместо слов «людей, населяющих определенное пространство», написать: «людей, населяющих земной шар», то есть *Globus* (латинское слово, производное от него — прилагательное «глобальный»). Некоторые сравнивают глобальное общество и глобальную культуру с Вавилонской башней, предрекая им лишь конфликтные ситуации, которые не могут привести к согласию и гармонии. И все же, несмотря на эти пессимистические взгляды, общество должно стремиться к взаимопониманию, гармонии. Мы убеждены в том, что общество может достигнуть определенных успехов в этой области, лишь избрав путь межкультурного диалога, единственный путь для развития и взаимообогащения. Искусство ведения взаимного диалога, который способствует взаимопониманию и создает

предпосылки для осмысления ценности других культур, признает неповторимость собственной культуры и наряду с этим — право других на целостность и своеобразие своей культуры (так как они представляют всемирные общечеловеческие ценности и каждый человек является их выразителем), необходимо культивировать. В условиях глобализации указанные императивы становятся более очевидными.

Идея, которая пропагандируется ЮНЕСКО начиная с конца прошлого столетия, — что только посредством диалога можно достичь стабильности в мире, сосуществования различных культур (которые, взаимно обогащая друг друга, придадут новый смысл прочному будущему), — обретает прочную основу. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы международных форумов, которые были проведены под эгидой ЮНЕСКО: в Тбилиси (Грузия, июль 1995 г.) — «За солидарность против нетерпимости, за диалог между культурами» (в нем участвовали представители 42 стран мира) и в Кишиневе (Молдова, май 1998 г.) — «За культуру мира и диалог цивилизаций, против культуры войны и насилия» (участвовали представители 37 стран), а также различные конвенции и другие документы этой всемирной организации.

Эту идею поддерживал в своих работах и академик Д. С. Лихачев. Он выдвигал тезис: «Сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн». Это высказывание означает, что на сегодняшний день настоящая угроза для мира — это не экономические, демографические проблемы, а неготовность и неумение современного общества сотрудничать и вести диалог вследствие отсутствия образования, а также из-за бедности его духовной жизни и низкого уровня культуры как самого общества, так и его правителей, которые подчас приходят к власти благодаря деньгам, а не личным качествам. Если мы действительно хотим, чтобы мир был процветающим, то должны понять: завтрашнее общество — это наши дети. Что мы посеём в их души сегодня, то пожнем завтра. Именно

¹ Генеральный секретарь Национальной комиссии Республики Молдова по делам ЮНЕСКО, профессор.

сегодня мы должны подумать о моральном здоровье будущего общества. Необходимо инвестировать в детей — самое большое богатство, которое мы имеем сегодня, — и четко осознавать, что более выгодных инвестиций не существует.

Думается, что для нравственного воспитания подрастающего поколения имеет большое значение активное привлечение молодежи к данным научным Чтениям («Лихачевский форум старшеклассников России», 2009, Всероссийский конкурс творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность», 2010). Воспитание молодежи в духе идей толерантности, терпимости, уважения общечеловеческих ценностей — главная задача сегодняшнего дня. Основная задача воспитателя в условиях глобализации — формирование у подрастающего поколения глубокой внутренней культуры, уровень которой позволил бы каждому индивидууму чувствовать себя уверенно в любых культурных условиях.

Думается, что настало время *«разоружить историю»*, то есть изучать не только историю войн и подвигов солдат и генералов — героев, которые нередко являются несчастными людьми, пожертвовавшими собой ради чужих желаний и амбиций. Вспомним Пунические войны, походы Македонского, Цезаря, Наполеона, Гитлера, Ирак, Иран, Косово, Африку, Афганистан... Список можно продолжать. Но в данном контексте особого уважения заслуживают герои, которые погибли, защищая родную землю. В учебниках по истории акцент нужно делать на изучении развития культурной мысли человечества, воспитании патриотизма, которое выражается не только в героических поступках, но и в повседневной деятельности каждого гражданина, выполняющего свои обязанности с максимальной пользой для страны. Это может только образованный человек. Образование способствует тому, чтобы человек чувствовал себя уверенно в эпоху всеобщей глобализации, которая воздействует на него подавляюще в силу колоссальных достижений в области информатики, компьютерных технологий, проникающих во все сферы жизни, буквально в каждый дом, тем самым усиливая предпосылки становления нового *глобального информационного общества*.

Поэтому ЮНЕСКО, кроме основных направлений своей деятельности — **культура, наука и образование** — разрабатывает и такие новые направления, как *коммуникация и информация*. При этом осознается, что одним из наиболее сильных катализаторов социально-экономического развития общества, факторов прогресса является информационная компетентность членов общества, которые смогут не только воспринять, но и принять то новое, что предлагает обществу научная мысль.

Процесс культурной глобализации, характеризующийся спецификой, отличной от политической и экономической, имеет свои положительные и отрицательные черты. Даже поверхностный анализ процессов, происходящих в мировых культурах, позволяет отметить, с одной стороны, стремление к дифференциации и автономизации внутри сложившегося культурного сообщества, а с другой — стремление к консолидации и автономизации, но уже по отно-

шению к болезненным процессам цивилизационной стандартизации и глобализации.

Агрессивное наступление массовой культуры сегодня представляет серьезную опасность для существования традиционных национальных культур. Эта тенденция в XXI веке может быть широко распространена. Опасение, что культура под воздействием глобальных процессов может превратиться в товар, услугу, не беспочвенно. Сегодня намечается тенденция к культурному «сепаратизму», являющемуся защитной реакцией на нарастание цивилизационной унификации. Национальная специфика мировидения требует осторожной, продуманной, но настойчивой защиты. Следует подчеркнуть, что речь идет не только о защите фольклора и традиционных форм прикладного искусства, но и о сохранении национального духовного своеобразия в художественном отражении мира в профессиональном искусстве и литературе.

Проблема национального своеобразия различных культур, до настоящего времени имевшая исключительно академический интерес и исследовавшаяся в трудах по философии культуры, сегодня получила практическое значение. Очевидно, что именно в явлениях культуры и искусства выражены и зафиксированы подсознательные реакции народа на явления действительности, проявлен его нравственный кодекс. Все: отношение к земле, свободе, миру, войне, природе, жизни — представлено в произведениях культуры, «сгустках» духовного опыта. Уже существуют произведения искусства, в которых выражен взгляд художника на процесс глобализации, информационный бум. Среди них хочется особо отметить роман Александра Зиновьева «Глобальный человек». Автор романа принимал активное участие в Кишиневском форуме 1998 года. То есть сегодня имеется потребность в практическом подходе к этому духовному опыту, его расшифровке.

Гуманитарной наукой накоплен большой исследовательский материал, проанализированы многие конкретные явления, исторические эпохи, стилевое развитие разных культур. Необходимо учесть, что *современные культуры* в части национального определения *сложны и требуют многоступенчатого и комплексного подхода*. Как отмечалось выше, большую роль во взаимодействии культур в процессе становления *глобальной культуры* (феномен, *под которым понимается гармоничное единство национальных культур*) играет ЮНЕСКО. Этот институт, в сферу компетенции которого входят вопросы, касающиеся защиты, сохранения и использования объектов культурного наследия, охраны и поощрения форм культурного самовыражения и культурного разнообразия, уделяет особое внимание нормотворчеству в данной области. Приоритеты ЮНЕСКО, относящиеся к сфере культуры, выражены в таких документах, как: Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972); Рекомендации ЮНЕСКО по сохранению традиционной культуры и фольклора (1989); Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (1970); Всеобщая декларация о культурном

разнообразия и план действий (2001); Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия (2003) и др.

Я хотел бы подробно рассмотреть один из документов, чтобы наглядно показать заинтересованность ЮНЕСКО в сохранении и приумножении культурного разнообразия всех наций, населяющих земной шар, в эпоху неизбежного наступления глобальной культуры. В 2005 году ЮНЕСКО приняла Конвенцию об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения. На сегодняшний день 36 стран ратифицировали этот документ. Основной целью данной Конвенции являются «охрана и поощрение разнообразия форм культурного самовыражения», направленные на «создание условий для расцвета и свободного взаимодействия различных культур на взаимовыгодной основе» и «поощрение диалога между культурами в целях обеспечения более широких и сбалансированных культурных обменов во всем мире в интересах взаимоуважения культур и культуры мира», а также «признание особого характера культурной деятельности и культурных товаров и услуг как носителей самобытности, ценностей и смысла». Конвенция также выдвигает задачу формирования правовой базы, призванной содействовать проведению «политики и мер, касающихся культуры, будь то на местном, региональном, национальном или международном уровнях, которые либо сосредоточены на культуре как таковой, либо предназначены для оказания непосредственного влияния на формы культурного самовыражения отдельных лиц, сообществ или обществ, включая создание, производство, распространение и распределение культурной деятельности и культурных товаров и услуг, а также доступ к ним».

Я имел честь голосовать за данную Конвенцию от имени Молдовы. Конвенция была принята следующим количеством голосов: за — 151 делегат, против — 2, воздержались — 2, не голосовали — 20. Все страны проявили к ней чрезвычайный интерес. Зал заседаний во время обсуждения данного документа был переполнен. 16 министров, 9 представителей международных организаций, 60 делегатов в своих выступлениях убедительно поддержали проект Конвенции, подчеркнув значимость данного документа для всего мира, называя его историческим моментом (Аргентина, Венесуэла, Зимбабве, Камбоджа); прозрачным процессом, сфокусированным на человеке (Зимбабве); документом, действующим во благо всех стран (Мали); новой эрой (Ливан); плодом разумного компромисса (Южно-Африканская Республика, Китай); детерминирующим фактором (Нигерия); большими привилегиями (Мексика); мажорным ангажементам (Швейцария); международным инструментом, ключом для защиты местных культур (Канада). Прозвучали также следующие высказывания: Конвенция как нельзя лучше выражает надежды Африки в этом вопросе (Берег Слоновой Кости); без этого документа страны мира продолжают процесс культурной асфиксии (Бразилия); *требуется выдвижение проекта на голосование без каких-либо изменений* (Индия, Мавритания, Монако, Индонезия, Йемен, Камерун, Венесуэла, Болгария, Россия, Румыния, Ке-

ния и др.), потому что эта Конвенция предполагает определенную свободу культурного самовыражения каждой нации, большой или малой, а свобода, по словам министра культуры Алжира г-жи Кхалида Тоуми, словно молитва, никто не может ее осушить вместо тебя. Против выступили США и Израиль. Представитель Мадагаскара выразил сожаление по поводу позиции США, а делегат из Папуа — Новая Гвинея подчеркнул, что некоторым не подходит этот документ, потому что он не дает возможности во имя торговли распространять свои культурные блага. Делегат из Мали отметил, что нельзя на одни весы ставить законы культуры и коммерции, а представитель Ямайки подтвердил эту мысль, сказав, что многие думают, что рынок и торговля более важны, чем культура. И хотя глобальная культура прибыльна, а локальная культура убыточна, это все же неправильное суждение.

В результате всех дискуссий, опасаясь того, что глобальная культура со временем вытеснит локальную, ЮНЕСКО в соответствии с этим документом (ст. 18) учредила Международный фонд по поддержке культурного многообразия, что вызвало в прессе много нареканий и критических оценок в смысле эффективности данного решения. Несмотря на участившиеся критические выпады в СМИ по поводу решений ЮНЕСКО, эта организация продолжает уделять большое внимание реализации различных проектов в сфере культуры, являющихся приоритетными в деятельности организации.

В связи с этим следует упомянуть некоторые проекты, связанные с Молдовой, которая стала членом ЮНЕСКО в 1992 году. Ряд проектов был направлен на фиксирование, исследование, систематизацию и популяризацию молдавского музыкального фольклора и произведений устного народного творчества. Проекты носили как практический, так и научно-исследовательский характер. В них рассматривался и обсуждался широкий спектр вопросов: фольклористика в системе академической науки; основные тенденции функционирования современной народной культуры; роль и место фольклора в современном воспитательном и образовательном процессе; внедрение современных информационных технологий для сохранения традиционной культуры; фольклор в средствах массовой информации и т. д.

Тема сохранения культурного наследия, культурного разнообразия и установления межкультурного диалога поднималась в проекте «Все разные, все уникальные». В его рамках был разработан и издан уникальный детский словарь в картинках «Мой первый словарь», предназначенный для детей дошкольного возраста и первоклассников, который учит их «дружить и разговаривать на языке дружбы», воспитывает чувство толерантности и формирует умение понимать друг друга. В 2004 году словарь был удостоен в Кейптауне (ЮАР) Международного диплома Г. Х. Андерсена, в том числе за прекрасное оформление. Он издан в шести версиях: румынско-украинской, румынско-русской, румынско-гагаузской, румынско-болгарской, румынско-английской, румынско-французской. Готовятся к изданию немецкая, итальян-

ская, испанская, польская, цыганская и еврейская версии.

Важным направлением в культурной политике Национальной комиссии Республики Молдова по делам ЮНЕСКО является развитие Международного дельфийского движения. Национальный дельфийский комитет Республики Молдова (далее — НДК РМ) был создан в 2000 году как общественная организация. НДК РМ действует под патронатом Национальной комиссии по делам ЮНЕСКО и поддерживается Секретариатом ЮНЕСКО (Париж). Учредителями НДК РМ являются 14 физических лиц, видные деятели культуры и науки Молдовы. Деятельность НДК РМ направлена на достижение целей устойчивого развития, просвещение молодежи в сфере универсальных и культурных ценностей, укрепление мира и межнационального взаимопонимания, сохранение культурного разнообразия, поддержку молодых талантов, сохранение и развитие

нематериального культурного наследия и народного творчества, участие в Дельфийских играх.

Был реализован ряд проектов, сфокусированных на сохранении культурного наследия и культурного разнообразия, проявляемого в таких формах, как традиционные ремесла, знания и навыки коренных народов, языки, изучение музейных экспонатов, их систематизация и сохранение и др.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что деятельность по сохранению и приумножению культурного и природного разнообразия в Республике Молдова, осуществляемая в контексте стратегии ЮНЕСКО, является активной и многоаспектной. Она реализуется с привлечением потенциала различных структур и обладает большими перспективами. Все вышеописанное наглядно подчеркивает важнейшую роль ЮНЕСКО как одного из катализаторов становления глобальной гармоничной культуры.

В. Г. Счастный¹

РОЛЬ ЮНЕСКО В СОХРАНЕНИИ И СБЛИЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В Уставе Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры в качестве целей этой международной организации, известной больше как ЮНЕСКО, с одной стороны, указывается на необходимость поощрения сотрудничества народов во всех областях умственной деятельности, международного обмена лицами, работающими в области образования, науки и культуры, а также обмена изданиями, произведениями искусства, лабораторным оборудованием и иной полезной документацией. С другой стороны, для обеспечения государствам — членам ЮНЕСКО независимости, неприкосновенности и сохранения своеобразия их культуры и систем образования эта организация отказывается от всякого вмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию этих стран.

Подобному диалектическому подходу ЮНЕСКО следует уже на протяжении 65 лет. Каким образом достигается баланс порой противоположных тенденций: активное международное сотрудничество и противостояние глобализации в области культуры? Прежде всего путем нормотворческой деятельности. За время своего существования в рамках ЮНЕСКО было разработано и принято более десятка международных документов в области культуры. Особое значение из них имеют три конвенции.

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972) предусматривает, в частности, участие всего международного сообщества в охране природного и культурного наследия путем предоставления коллективной помощи, поскольку некоторые ценности культурного и природного наследия представляют исключительный интерес и поэтому должны сохраняться как часть всемирного наследия всего человечества. Таким образом, объекты всемирного наследия, находящиеся на территории национальных государств, в определенной мере подпадают под международную юрисдикцию.

Важным документом, определяющим меры по сохранению традиционной культуры в условиях глобализации, стала *Конвенция об охране нематериального наследия* (2005). В преамбуле этого документа содержится признание того, что процессы глобализации и социальных преобразований, создавая условия для возобновления диалога между сообществами, вместе с тем являются, как и явление нетерпимости, источниками серьезной угрозы деградации, исчезновения и разрушения, которая нависла над нематериальным культурным наследием. А в соответствии с Конвенцией нематериальное культурное наследие означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и в некоторых случаях — отдельными лицами в качестве части их культурного наследия.

Если обсуждение проектов упомянутых двух документов проводилось на уровне отдельных экспертов и рабочих групп, то разработка проекта *Конвенции об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения* (2005) стала причиной межгосударственного противостояния. Инициаторами

¹ Председатель Национальной комиссии Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО, посол по особым поручениям Министерства иностранных дел Республики Беларусь. Представитель Республики Беларусь в Исполнительном совете ЮНЕСКО. Работал в секретариате ООН в Нью-Йорке, поверенным в делах Республики Беларусь в Литовской Республике, Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Беларусь в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии и по совместительству — в Ирландии. Награжден медалью Франциска Скорины, юбилейной медалью ЮНЕСКО.

принятия конвенции выступили некоторые европейские государства, в частности Бельгия. Предшественница конвенции — Всеобщая декларация о культурном разнообразии (2001) своим названием раскрывает суть данного документа. Засилье массовой культуры, прежде всего кинематографа одной державы, вынудило даже страны с развитой культурой принять решительные защитные меры. Они были вызваны обязательствами государств в рамках международных финансовых институтов, например Всемирной торговой организации, ограничивающих субсидирование национальных проектов, в частности в области кинематографа и телевидения, в целях «обеспечения свободной конкуренции». В результате принятия конвенции, пусть и с завуалированным названием, появилась возможность ссылки на мнение международного сообщества, принявшего этот документ подавляющим большинством.

Каковы же методы, используемые ЮНЕСКО в осуществлении целей в области культуры и нашедшие отражение в международных документах, иницированных этой международной организацией?

Под эгидой и с участием ЮНЕСКО публикуется целый ряд изданий общемирового характера, например недавно изданная многотомная «История человечества». В рамках учрежденной в 1992 году Программы «Память мира» создан Всемирный реестр, в который входят сейчас 197 объектов документального наследия, имеющих исключительное всемирное значение. Благодаря этой программе, а также созданной под эгидой ЮНЕСКО Всемирной цифровой библиотеке обеспечивается доступ к всемирному культурному наследию. Кроме того, благодаря новейшим информационно-коммуникационным технологиям появляется возможность совместного использования культурного наследия. Примером этого могут служить международные проекты с участием белорусских учреждений культуры, например, по виртуальной реконструкции библиотеки и архива Радзивиллов, архива М. К. Огинского, библиотеки Хрептовичей. Тем самым, благодаря осуществлению принципа децентрализации возникли новые направления сотрудничества на национальном и региональном уровнях. В частности, они нашли отражение в Соглашении о сотрудничестве ЮНЕСКО и Содружества Независимых Государств (СНГ), подписанном при содействии Бюро ЮНЕСКО в Москве. В апреле 2007 года в Минске была успешно проведена Международная конференция «Конвенции ЮНЕСКО

в области охраны культурного наследия и национальное законодательство государств — участников СНГ», в рамках которой состоялся обмен мнениями по специфическим для региона проблемам в области охраны культурного наследия. В феврале 2010 года в Минске состоялась Первая региональная встреча экспертов с международным участием — «Художественное образование в странах СНГ: вопросы и перспективы развития творческого потенциала в XXI веке», по итогам которой была одобрена Концепция развития образования в сфере культуры и искусства государств — участников СНГ. А в апреле в Белоруссии прошла Региональная конференция музейных специалистов из стран СНГ «Управление музеем — XXI век», проводимая под эгидой ЮНЕСКО/ИКОМ.

В результате сотрудничества на региональном и, прежде всего, на национальном уровне ЮНЕСКО выполняет роль катализатора конкретных направлений деятельности в области культуры благодаря своему авторитету у государств — участников СНГ. Это касается сохранения как материальных, так и нематериальных культурных ценностей. Например, благодаря ЮНЕСКО в нашей стране постепенно начинают понимать необходимость сохранения традиционной культуры не как архивизацию, а как обеспечения ее жизнеспособности.

Таким образом, ключевой фактор успешной деятельности ЮНЕСКО, каким является *должный учет национальных интересов стран — членов Организации*, содействует осуществлению краеугольного принципа функционирования Организации — *обеспечению наглядности ее деятельности*.

Благодаря такому подходу в Белоруссии ежегодно осуществляется более 20 национальных и региональных проектов сотрудничества с ЮНЕСКО. Значительная часть из них — в области культуры.

По инициативе ЮНЕСКО 2010 год объявлен Международным годом сближения культур. Его проведение станет хорошим поводом для оценки выполнения ЮНЕСКО возложенного на нее уникального мандата, который заключается в распространении информации о всемирном наследии, его сохранении и в то же время поощрении культурного разнообразия. В условиях глобализации результаты выполнения этого мандата становятся еще более наглядными, позволяющими осознать различие между понятиями «глобализация» с ее негативными последствиями и «глобальная культура».

К. В. Шувалов¹

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ С «АЛЬЯНСОМ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Через две недели после X Международных Лихачевских научных чтений в Рио-де-Жанейро откроет-

¹ Посол по особым поручениям МИД РФ, специальный представитель МИД России по взаимодействию с «Альянсом цивилизаций», Чрезвычайный и Полномочный Посол. В системе МИД — с 1976 года. Работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате министерства и за рубежом: заместитель начальника управления Департамента

ся Форум «Альянса цивилизаций» — третья встреча такого уровня со времени выдвижения Испанией и Турцией шесть лет назад инициативы создания Западной и Южной Азии, первый заместитель директора Третьего департамента Азии, посол России в Иране, директор Третьего департамента стран СНГ, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Боснии и Герцеговине.

Альянса и ее поддержки пять лет назад Генеральным секретарем ООН. В Группу друзей Альянса вошли 89 государств и 17 международных и региональных организаций, благодаря чему эта структура стала наиболее представительным механизмом взаимодействия в сфере междивизиационного партнерства.

Широкий отклик на испано-турецкую идею объединить на базе признания и уважения цивилизационного разнообразия усилия в интересах культуры мира и диалога служит доказательством ее возрастающей актуальности и востребованности. Понимание сложности этой задачи и одновременно необходимости ускоренного продвижения к ее решению характеризует деятельность на посту Высокого представителя Генерального секретаря ООН по Альянсу цивилизаций бывшего президента Португалии Жоржи Сампайю. В его видении «Альянс цивилизаций» представляет собой международное движение зонтичного типа, которое осуществляет мягкую координацию деятельности на местном, национальном, региональном и международном уровнях в целях «улучшения управления культурным разнообразием» и в будущем берется внести вклад в формирование новой парадигмы межкультурного диалога.

Культурно-цивилизационное разнообразие, представляемое участниками «Альянса цивилизаций», проявляется и в различии подходов к партнерству. Для большинства участников перспектива Альянса связана с его верностью заявленным принципам уважения культурно-цивилизационной множественности, что предполагает признание множественности моделей развития и равных прав для различных систем ценностей. Во взаимодействии на первый план выходит уважительный диалог, обмен опытом и информацией.

Подобному подходу противостоит нежелание вести так называемые «схоластические споры» по существу междивизиационных отношений; отсутствие интереса к обобщению и анализу идей теоретической глубины, которые высказываются на многочисленных международных диалоговых площадках; принятие за аксиому безальтернативности и превосходства западной системы ценностей и государственной практики, в том числе в сфере прав человека и этнокультурных отношений; скептическое восприятие потенциала межконфессионального диалога. При этом приоритет отдается узко ориентированным воспитательно-образовательным проектам.

«Альянс цивилизаций» ищет свое место среди других организаций и структур, занятых различными аспектами междивизиационного и межкуль-

турного взаимодействия. Представляется важным, чтобы удалось избежать дублирования его функции с ЮНЕСКО, Советом по правам человека, Международной организацией миграции, да и ООН в целом. Секретариат Альянса видит преимущества в нынешнем статусе движения, которое даже в названии подчеркивает привязку к ООН, но в своей деятельности остается полностью самоуправляемым. Эта позиция разделяется рядом государств — членов Группы друзей. Вместе с тем цели Альянса, которые он ставит на региональном и международном уровне, недостижимы без участия государств в качестве субъектов взаимодействия, а значит, более определенная структурная привязка Альянса цивилизаций к ООН не помешала бы, а только помогла их решению.

22 июня 2009 года Россия известила Альянс о своем Национальном плане развития отношений с этим движением. Его реализация предполагает сотрудничество государственных учреждений с неправительственными организациями, представителями науки, культуры, религиозных объединений, других сегментов гражданского общества. Особенно заметны усилия, которые предпринимает в этом направлении Российский фонд мира, Международный фонд «За выживание и развитие человека».

Отличительной чертой участия России в международном взаимодействии по междивизиационной проблематике является интерес к сближению базовых представлений о налаживании диалога культур и партнерства цивилизаций. Международные Лихачевские научные чтения snискали заслуженный авторитет как всемирно известный механизм обсуждения этих проблем. Конференции и круглые столы по различным вопросам общения и взаимопонимания культур и цивилизаций на регулярной основе проводятся Международным институтом Питирима Сорокина — Николая Кондратьева.

Весомым потенциалом в достижении междивизиационного согласия обладает международная неправительственная организация «Мировой общественный форум “Диалог цивилизаций”», проводящая ежегодные заседания форума на острове Родос (Греция). Актуальные вопросы партнерских отношений России с исламской цивилизацией являются темами диалога, ведущегося в рамках успешно действующей Группы стратегического видения «Россия — исламский мир».

Широкий доступ к деятельности «Альянса цивилизаций» для российской аудитории будет предоставлен после осуществления проекта перевода на русский язык его сайта, на которое дал любезное согласие организатор наших чтений — Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.

Ю. В. Яковец¹**ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ
И СТРАТЕГИЯ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Россия, как и большинство стран и цивилизаций мира, охвачена глубоким и затяжным кризисом социокультурной сферы, сферы духовного воспроизводства. Падают престиж науки, ее творческий и прогностический потенциал. Чрезмерно прагматизированная система образования вооружает новое поколение знаниями, не адекватными условиям XXI века, нарастает профессиональная некомпетентность на всех уровнях. Поток чувственной антикультуры захлестнул экраны телевизоров и Интернет, страницы книг и журналов, растут потери классического культурного наследия. Подрываются нравственные устои семьи и общества, попытки религий противостоять этому процессу пока дают мало эффекта.

Подготовленный российскими и казахскими учеными с участием ученых из других стран глобальный прогноз «Будущее цивилизаций», результаты которого при поддержке МИД России и Казахстана докладывались и были одобрены на заседании круглого стола в рамках 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 27 октября 2009 года², показал, что кризис социокультурной сферы является частью заката индустриальной мировой цивилизации, предвестником и импульсом становления во второй четверти XXI века интегрального социокультурного строя, предсказанного Питиримом Сорокиным³.

Кризис науки связан с закатом индустриальной научной парадигмы и не означает, вопреки утверждению американского публициста Джона Хормана, конца века науки, а служит прологом великой научной революции XXI века, итогом которой будет становление постиндустриальной научной революции и общества, основанного на знаниях⁴.

Синтез научной, образовательной и информационной революций позволит наполнить новым содержанием образование и придать ему инновационный характер, осуществить обновление знаний десятков миллионов работников. На это нацелена, в частности, деятельность созданного в рамках международного стратегического инновационно-технологического альянса Глобального инновационного интернет-университета, который в сотрудничестве с ведущими российскими и зарубежными университетами предлагает пакет программ дополнительного профессионального образования по актуальным проблемам, а также научно-образовательного интернет-портала «Новая парадигма», созданного Международным ин-

ститутом П. Сорокина — Н. Кондратьева (www.newparadigm.ru).

Наблюдаются признаки возрождения высокой культуры, усиление интереса к всемирному культурному наследию. Активное участие в этом принимает телеканал «Культура», вещание которого стоило бы распространить и на другие постсоветские страны, что расширило бы ареал влияния русского языка и российской культуры.

Усиливается работа общественности и церкви по укреплению нравственных устоев семьи и общества, становлению ноосферно-гуманистической этики. К сожалению, в этом процессе пока еще в минимальной степени участвуют средства массовой информации.

Наши исследования показали, что для поддержки и усиления этих позитивных тенденций нужна *долгосрочная стратегия социокультурного партнерства цивилизаций*, основным координатором выполнения которой могла бы стать ЮНЕСКО.

Необходима более активная роль ЮНЕСКО по поддержке, формированию и распространению в образовании новой научной парадигмы на базе классического наследия. Международный институт П. Сорокина — Н. Кондратьева совместно с Санкт-Петербургским государственным университетом предложил создать при поддержке ЮНЕСКО интернет-портал «Всемирное научное наследие», созданы первые сайты для такого портала — «Николай Кондратьев», «Питирим Сорокин», «Леонид Канторович». На заседании круглого стола в ООН было предложено создание при ЮНЕСКО Всемирного научного совета по глобальному прогнозированию.

ЮНЕСКО могла бы поддержать инициативу о создании международных научно-образовательных сайтов по основным отраслям знаний (подобно сайту «Новая парадигма» в области общественных наук).

Выдвигается также предложение о создании под эгидой ЮНЕСКО в странах Азии, Африки и Латинской Америки сети учебно-консультативных центров при местных университетах, в которых преподаватели, аспиранты, научные сотрудники могли получать дополнительное профессиональное образование и квалифицированные консультации со стороны ведущих ученых России, Западной Европы, США, Японии. Мы выступили с предложением перед ЮНЕСКО и «Альянсом цивилизаций» организовать дистанционное обучение по дисциплине «Цивилизации: прошлое и будущее» на основе учебника, изданного на русском, английском и арабском языках⁵.

Более активную позицию может занять ЮНЕСКО и в возрождении высокой культуры, пропаганде всемирного культурного наследия, содействии в сохранении культурного наследия, используя для этого

¹ Президент Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук.

² Будущее цивилизаций и стратегия цивилизационного партнерства. Часть 9 Глобального прогноза «Будущее цивилизаций» на период до 2050 года. М. : МИСК (www.globfuture.newparadigm.ru)

³ *Осипов Г. В., Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Перспективы социокультурной динамики и партнерства цивилизаций. М. : ИНЭС, 2007 (www.kuzyk.ru)

⁴ *Яковец Ю. В.* Великая научная революция XXI века. М. : МИСК, 2010.

⁵ *Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Цивилизации: прошлое и будущее : учебник. М. : ИНЭС, 2008.

информационные технологии, телевидение и Интернет. Опыт российских телеканалов «Культура», «Russia today» здесь был бы весьма полезен.

Следует также подумать о повышении роли ЮНЕСКО в сфере укрепления нравственных устоев общества, о поддержке усилий общественности и религий в борьбе против разложения гуманистической морали, противостояния новой волне сексуальной революции, потребительской психологии, вседозволенности под прикрытием безграничных прав чело-

века. Стоило бы подумать о выработке глобального морального кодекса, отражающего основные нормы общечеловеческой морали.

Представляется, что Россия, обладающая огромным интеллектуальным и культурным потенциалом, могла бы выступить инициатором разработки долгосрочной стратегии социокультурного партнерства цивилизаций и активным деятелем по воплощению в жизнь этой стратегии, выполнению ряда направленных на реализацию стратегии пилотных проектов.

**О. В. Яценковский¹;
А. С. Присяжнюк²**

ГЛОБАЛЬНОЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВО: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО И ГЛОБАЛЬНОГО КОНТЕКСТА

«Не может быть мировой цивилизации в том абсолютном смысле, который часто предоставляется этому выражению, поскольку цивилизация предполагает сосуществование культур, которые олицетворяют огромное разнообразие, можно даже утверждать, что цивилизация и заключается в этом разнообразии...»

К. Леви-Стросс

Глобальные изменения в области развития мировых культур уже не могут рассматриваться отдельно от политического контекста, который в современную эпоху приобретает ярко выраженный этнический, религиозный и культурный окрас. Культурная политика становится активным проводником национальных и транснациональных политических интересов, а иногда и источником межцивилизационного соперничества. Основные приоритеты политики интеркультурного сотрудничества отдельных глобальных акторов, в частности национальных государств, на национальном, региональном и глобальном уровнях обусловлены потребностью обеспечения национальных интересов в сфере межкультурного сотрудничества, формирования общественного мнения относительно собственного государства, ее международной репутации, внутренней и внешней политики, культурной самобытности и идентичности.

Политическая интеграция, коммуникационная глобализация и транснациональная мобильность общества активизируют новые тенденции международных взаимодействий, которые подтверждают необходимость реализации политической доктрины мультикультурализма и формирование глобально-интеркультурного общества знаний. Отсутствие новой модели мультикультурного социума как динамичного, активного и мобильного является показателем теоретического дефицита глобальной политической мысли, социальной практики и цивилизационной идеологии, внося проблемы культурной гибридизации и диалога культур, урегулирования и предупреждения этнокультурных конфликтов, толерантности и сохранения культурного разнообразия

на первый план глобальной повестки дня. Действенность политических подходов к мирному и взаимовыгодному сосуществованию множественного на глобальном уровне в значительной степени определяет судьбу планетарного человечества.

Следовательно, стоит указать на существование разных уровней понимания мультикультурализма как концепта, согласно которым он представляет собой не только социальный дискурс, не только научную теорию или идеологию, которая признает ценность культурного плюрализма, но и произведенную ими политику, ориентированную на практическое применение его принципов. Она заключается в направленности на гармонизацию отношений между институтами власти и этнокультурными меньшинствами, а также между различными этнокультурными сообществами в целом.

«Мультикультурализм» как концепт имеет комплексный характер и может трактоваться с идеологического, политического, этнокультурного, коммуникативного и других научных ракурсов, раскрывая специфические, локальные перспективы в решении конкретных задач в определенных сферах общественной жизни. Выделяют по крайней мере три уровня понимания мультикультурализма: демографический; идеологический, в рамках которого обсуждаются теоретические концепции и идеологии построения мультикультурного общества, например, доктрины полиэтнического национализма в Австралии и Канаде, межкультурного диалога и политики взаимопонимания по модели «единство в разнообразии» в Европе; и наконец политический уровень. В этом случае мультикультурализм объединяет ряд формальных государственных политик, преследуя две основные цели: сохранение бесконфликтного характера отношений между различными этническими группами и структурирование отношений

¹ Ответственный секретарь Национальной комиссии Украины по делам ЮНЕСКО.

² Магистр Киевского национального университета им. Тараса Шевченко Института международных отношений.

между государством и этническими и культурными меньшинствами.

Однако этнокультурное, религиозное и языковое разнообразие еще не является основанием для признания общества мультикультурным в целом. Для этого необходимо, наряду с дескриптивными и нормативными признаками, наличие своего рода интрасоциальной готовности принять множественность и различия как норму. В частности, открытость культуры общества для восприятия влияний со стороны других культур и взаимообмена с культурами других обществ и народов, снятие барьеров изоляции и самоизоляции в контексте глобализации культуры (включая влияние новых информационных технологий и телекоммуникаций), наличие в обществе языкового и этнокультурного плюрализма как общественной нормы, а также мировоззренческого плюрализма и толерантности.

Современная постнациональная мультикультурность носит весьма динамичный характер, так как развитие коммуникационных технологий и транснациональная мобильность создают условия для новых комбинаций культур или «культурной гибридации». Эти тенденции наиболее заметны как в долгосрочных политических стратегиях и инициативах, так и в новых направлениях современного искусства или в таком явлении, как смешивание национальных кухонь.

Из признания общества мультикультурным следует два основных последствия — переосмысление представлений о культурной монолитности и целостности общества, включая отказ от «грубой ассимиляции» этнических групп, и переоценка понятия культурного многообразия. Последнее предполагает рассмотрение интеркультурных взаимодействий как гармоничных взаимных трансформаций путем диалога. Проблема межкультурного диалога является производной от теории межкультурного взаимодействия или коммуникации, основательно разработанной А. Модем. Преодолевая определенную формализацию, присущую его произведениям, диалог культур можно определить как процесс общения культур, в ходе которого происходит их взаимная трансформация.

Для взаимодействия одной культуры с другой создается соответствующая подсистема, в которой и происходит сложный процесс согласования (адаптации) собственных культурных кодов с кодами иной культуры. Формирование глобального мультикультурного общества осуществляется путем реализации государственной политики и определенной степени правового признания и самостоятельности этнокультурных меньшинств, в то же время сохраняя соответствующее видение национального единства. Государственные органы должны определять политику, конкретные мероприятия и инициативы, которые бы предоставляли возможность различным культурам развиваться в пределах одной страны.

Важным фактором межкультурного сотрудничества является деятельность международных организаций, в частности ЮНЕСКО, которая заключается в стремлении объединить политические усилия госу-

дарств в рамках идеологии формирования глобального мультикультурного общества. Степень влияния ЮНЕСКО предопределяется ее возможностями действовать многостороннему диалогу между цивилизациями, способностью отразить и учесть многообразие социально-культурных, ценностных и мировоззренческих традиций международного сообщества, выступать как универсальный международный интеллектуальный центр для формирования идеологии глобального общества. Однако деятельность ЮНЕСКО в этом направлении не должна сводиться к чисто техническим функциям по расширению международного культурного сотрудничества. Организация взяла на себя выполнение важнейшей политической, интеллектуальной и этической миссии современности — защиту культурного разнообразия и утверждение в межгосударственном общении этики «культуры мира».

Одним из наиболее актуальных направлений деятельности ЮНЕСКО в контексте формирования глобального мультикультурного общества и углубления интеркультурных взаимодействий является подготовка и празднование в 2010 году Международного года сближения культур. Цель такой инициативы — признание общих ценностей толерантности, взаимопонимания, взаимоуважения, культурного многообразия и прав человека. В условиях, когда культурная и национальная идентичность нередко мобилизуется в деструктивных политических целях, свою текущую задачу ЮНЕСКО видит в стимулировании культурного плюрализма на национальном и интернациональном уровне. При этом ЮНЕСКО исходит из того, что каждое государство и культурное сообщество вырабатывает собственную национальную стратегию интеркультурного сотрудничества, основанную на реальных возможностях и культурно-исторических традициях.

Литература

1. Мировой доклад ЮНЕСКО: Инвестирование в культурное разнообразие и межкультурный диалог 2009 (UNESCO World Report. Investing in Cultural Diversity and Intercultural Dialogue 2009) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001847/184755E.pdf>
2. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. М., 2004. С. 33.
3. Моль А. Социодинамика культуры / А. Моль. М., 1974.
4. Паин Э. А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов / Э. А. Паин // *Общественные науки и современность*. 2009. № 6. С. 37–54.
5. Глобализация и мультикультурализм / отв. ред. Н. С. Кирабаев. М., 2005. С. 113–114.
6. Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития : материалы Междунар. конф. / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. Москва, 13–16 сентября 2007 г. / под общ. ред. В. К. Егорова. М., 2008.
7. Скачков А. С. Политика ЮНЕСКО в сфере развития современных мировых культур : дис. ... канд. полит. наук / А. С. Скачков. М., 2007.
8. Программа проведения Года сближения культур–2010 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://portal.unesco.org/culture/en/ev.phpURL_ID=39761&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html

Секция 2

ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: МНОГООБРАЗИЕ ОПЫТОВ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

14 мая 2010 г., СПбГУП

Руководители секции:

- А. Е. БУСЫГИН заместитель министра культуры РФ, доктор экономических наук, профессор
А. А. ГУСЕЙНОВ директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
Ю. Н. СОЛОНИН первый заместитель председателя Комиссии Совета Федерации РФ по вопросам развития институтов гражданского общества, декан философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор

С. Р. Абрамов¹

КАЗУС ФИЛОНА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО: ОПЫТ ВСТРЕЧИ ИУДЕЙСКОЙ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ

Вопрос о глобализации, а также о вызванном ею тесном контакте («встрече») культур и цивилизаций вызвал дискуссию как на Западе, так и в других регионах мира, в том числе у нас в России. Однако как бы ни оценивать этот «контакт» — в маркированных терминах типа «столкновение», «борьба», «схватка» (*clash*, по С. Хантингтону) или «содружество» и «диалог», как бы ни противиться ему и ни приветствовать его, приходится признать как самый факт такового «контакта», так и ряд проблем, в том числе научных, которые он ставит перед современной исторической и культурфилософской мыслью. Решение этих проблем, очевидно, зависит не от одной цивилизации (сколь бы развитой ни была ее экономика и научная мысль); опыт других цивилизаций не менее ценен.

Притом что контакт, взаимодействие и взаимовлияние культур и цивилизаций — отнюдь не специфическое явление современной эпохи, и опыт подобных встреч оказал влияние на формирование ядра европейской (западной) культуры. Сама западная цивилизация и общеевропейская культура, европейская идентичность как таковые оформились в ходе непрерывных контактов с иными культурами и цивилизациями, и опыт этот требует нового осмысления с позиций современности. Очевидно, что контакты эти отнюдь не всегда имели отрицательные следствия (крестовые походы, конкиста), о чем более всего принято писать в нашу политкорректную эпоху, но гораздо чаще приводили к взаимному обогащению и даже трансформации культур.

Россия как евразийская страна во многом имеет неповторимый лик культуры, не похожий на западный. Однако тысяча лет русской истории — это история восточного христианства, наследованного из Византии. Здесь и корни отличия (Россия получи-

ла восточную ветвь расколовшегося христианского наследия, с его мистико-спиритуалистическим акцентом, хорошо усвоенным опытом Платона и неоплатоников, исихастами, тогда как западная ветвь — европейская — последнее тысячелетие развивалась с опорой на Аристотеля, Августина и Фому Аквинского, подготовивших идейное торжество рационализма, и в отрицании хорошо усвоенного урока борьбы с гностиками); но здесь и корни единства (в обоих случаях это была христианская цивилизация, имевшая общим опытом становления предыдущее тысячелетие — от раннехристианской церкви и поздней античности).

Поэтому изучение опыта предшествующих культурно-цивилизационных «встреч» имеет эвристическую ценность и в рамках западной науки и практики, и для нас.

Нижеследующее — попытка рассмотреть предшествовавший этому первоначальному единству исторический и культурный опыт через призму культурного синтеза, предпринятого в самом преддверии христианской эры эллинизированным евреем Филоном из Александрии², сама жизнь и творчество которого стали символом встречи культур и цивилизаций. Учение Филона, его культуртрегерская миссия и переводческая практика не только обогатили основное течение раннехристианской мысли, но и породили, наряду с другими идейными источниками, такое специфическое явление как гностицизм, который потерпел поражение на арене борьбы идей, но окончательно был изгнан из европейской культуры и истории и предан опале и забвению лишь спустя 12 веков. Полезным оказалось в конечном счете творчество Филона и для иудейской традиции: он фактически прорубил ей окно в Европу.

¹ Заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор.

² Филон Александрийский, иначе называемый Филоном Иудеем (ок. 30/20 до н. э. — после 40 н. э.).

Не только Филона, но и всю раннехристианскую духовную культуру, да и само становление христианской цивилизации можно понимать как историю встречи иудейской и эллинистической традиций, как плод соития ближневосточных культур и цивилизаций с античной, поскольку основанием ее служит христианский библейский канон (корпус текстов, включивший в себя иудейскую Библию в виде одной из своих частей — Ветхого Завета) и творения Отцов Церкви, осуществивших вслед за апостолом и евангелистом Иоанном и апостолом Павлом (оба они прежде принадлежали к иудейской традиции) окончательный творческий синтез идей иудаизма и эллинизма. Однако этой судьбоносной для европейской истории встрече предшествовали еще, по меньшей мере, две.

Хронологически первая — это перевод иудейской Библии на греческий язык с еврейского и арамейского языков, выполненный во III–II веках до Рождества Христова и известный под названием Септуагинта¹, — событие всемирного культурно-исторического значения. Место этого события в предыстории христианской цивилизации, его значение для всей последовавшей культуры подробно рассмотрел С. С. Аверинцев [2]. И хотя эта встреча цивилизаций оставила свой след во всех европейских языках² и культурах, не она предопределила судьбу христианской цивилизации.

Вторая встреча Афин и Иерусалима (пользуясь аллегорией Л. Шестова) осуществилась собственно в жизни, трудах и умозрении Филона из Александрии. Произошло это в преддверии христианского синтеза. Именно о ней, этой второй встрече, и пойдет речь в настоящем докладе.

О Филоне написано множество работ³. Все указанные авторы соглашаются с тем, что Филон внес

¹ Названием своим Септуагинта обязана легенде, согласно которой ее переводчиками было 72 человека, по 6 от каждого из 12 колен Израилевых, которые работали в отдельных кельях, переводя всю Библию целиком; когда их труд был завершен, чудесным образом оказалось, что все 72 текста совпали. Подробный рассказ об этом событии содержится в так называемом «Письме Аристея», крайне ненадежном источнике, к которому и восходит традиция приписывать перевод семидесяти (точнее, семидесяти двум) толковникам, иудейским ученым Иерусалима, приглашенным Птолемеем Филадельфом в Александрию, чтобы передать по-гречески еврейские священные книги. Отсюда происходит латинское название этого перевода — *Septuaginta*, перевод с греческого *hebdomekonta* «70» (цифровое обозначение — LXX — общепринятое в научной практике сокращенное именование этого текста).

² «Именно через Септуагинту и ее новозаветные отголоски в европейский языковый мир — за греческим последовала к IV в. латынь, а затем романские, германские, славянские языки — на все века христианской эры вошли бесконечные лексические «библизмы», являющие собой как бы эхо древнего Ближнего Востока в речи Запада, без которых невозможно представить себе общеевропейскую словесную культуру» [2, с. 241–242].

³ Из источников отметим отечественные труды [4, с. 82–128] и [6], где наши великие ученые размышляют о значении Филона для богословских, эстетических и мистических доктрин европейской мысли; а также и ряд фундаментальных зарубежных работ [7] смелое, но несколько одностороннее представление Филона в роли иудейского мистика; [12] двухтомный труд, подчеркивающий связь Филона с палестинским фарисейским иудаизмом, его важную роль в истории философии, оригинальность его герменевтической (интерпретационной) теории в сравнении с раввинской и прочей современ-

ней вклад в европейскую науку, а его толкования⁴ на Пятикнижие Моисеево в понятийных категориях платонического идеализма и стоической этики оказали большее влияние скорее на христианскую, чем на иудейскую мысль.

Как мыслитель, Филон представлял собой весьма оригинальную фигуру тем хотя бы уже, что соединил в своих воззрениях две отдельные цивилизационные традиции — иудейское богословие и античную философию. Будучи ортодоксальным иудеем, он оформился как мыслитель под значительным влиянием Платона, Аристотеля, нео-пифагорейцев, киников и стоиков. Именно из греческой культуры он взял для своего культурфилософского синтеза дионисийскую мистическую ветвь⁵ и привил ее к иудейскому рационализму и легализму. И потому Филон предстает перед нами, по существу, первым еврейским мистиком. (П. А. Флоренский вообще называет его каббалистом, что в узком терминологическом употреблении не вполне верно, так как Каббала возникла столетия спустя; но для о. Павла сам термин «каббала» объемлет и гораздо более ранние навыки *символической экзегезы*, которые были описаны Филоном применительно к иудейским богоискателям Египта; впрочем, и Г. Шолем пользуется термином «Каббала» также и в широком смысле⁶.) Таким образом, в фигуре Филона мы имеем опыт межцивилизационной встречи, запечатленный не только в последующей европей-

ной ему литературой; [11] — фундаментальное исследование иудейских мистических теорий, где в разных местах постоянно затрагиваются проблемы, так или иначе связанные с Филоном, поскольку его учение получило свое развитие именно в европейской иудейской среде.

⁴ Филон интересен и тем, что разработал собственную теорию толкования священных текстов и осуществил ее в практике своих переводов-толкований. Вот как сам Филон описывает эту сакральную интерпретацию: «Толкование Священного Писания происходит путем раскрытия тайного смысла, сокрытого в иносказаниях. Весь закон <...> подобен живому существу, тело закона — словесные предписания, душа же — заключенный в слова невидимый смысл. В нем разумная душа сначала лучше видит особые свойства. Она узрела необычайную красоту мыслей, отраженную в наименованиях, словно в зеркале, обнаружила и раскрыла символы, извлекла на свет и открыла помыслы для тех, кто способен по незначительному намеку увидеть в очевидном сокровенное» [10, *De vita contempl.*, с. 78] (перевод здесь и далее мой. — С. А.). Эта теория, несомненно, сыграла роль в становлении герменевтического метода в крупнейших раннехристианских школах — в Антиохии и Александрии [см. 1].

⁵ Существо философских воззрений Филона составляет платонизм, причем столь отчетливый, что в его писаниях порой нельзя отличить собственных идей от цитируемых мыслей Платона. Иероним и Отцы Церкви упоминают весьма распространенную поговорку: «Либо Платон филионизирует, либо Филон платонизирует» [8, с. 364]. Более же всего у Платона Филон почитал диалоги «Пир» и «Тимей». Но античное влияние на Филона не ограничивается одним Платоном. Аристотелю Филон обязан прежде всего своей космологией и этикой. У нео-пифагорейцев, расцвет которых пришелся на столетие до Филона, он заимствовал свою мистическую нумерологию, в которой рассматривал значения чисел, в особенности семерки. Киники повлияли на него стилистически: их диатрибы он взял за образец для своих проповедей. Наконец, он творчески усвоил всю терминологию стоиков, хотя и критически отнесся к их теории.

⁶ Ср.: «Всем иудейским мистикам и каббалистам, от тех, кого описал Филон Александрийский, и до позднейших хасидов, в равной мере свойственно мистическое понимание Торы. <...> Каждая конфигурация ее букв, имеет ли она смысл в пределах человеческих языков или нет, есть символ одной из потенций Бога, действующих в универсуме» [11, с. 15].

ской христианской традиции (и в гораздо большей степени в гностицизме), но и в традиции иудейской. Свой синтез он осуществлял в первую очередь в интересах иудейской традиции, и как раз именно иудаизм стремился он сделать универсальной религией и обогатить его духовным опытом иной культуры, имевшей общечивилизационное значение. Однако этот синтез оказался плодотворным и для последующей европейской цивилизации.

И хотя как мыслитель Филон долго считался фигурой не первостепенного значения¹ как в иудейской, так и в христианской науке (для первой усилия его казались излишними и необязательными, для второй — вторичными и неканоническими, поскольку в своем синтезе Филон не сумел подняться до подлинного универсализма, то есть для обеих — сомнительными), этот предрассудок, вызванный двусмысленностью культурно-цивилизационной идентичности Филона, сегодня преодолен.

Отметим, в частности, что Филон первым показал разницу между непознаваемостью *сущности* и познаваемостью *существования* Божьего. Далее, в своем учении Филон утверждал индивидуальный Промысел Божий, способный отменять законы природы, в отличие от преобладавшего в античной философии понимания универсального Рока, самого подверженного действию неизменных законов природы. Филону принадлежит любопытная теория о Творении, по сути своей близкая гностикам². Филон не отвергал платоническую доктрину о предсуществовании материи, но настаивал при этом на ее тварности. Подобным же образом Филон пытался примирить иудейское богословие с платоническим учением об идеях: он представлял идеи вечными божественными мыслями, которые Бог сотворил реальными существами прежде сотворения мира.

Тора, или Пятикнижие Моисеево, по Филону, — боговдохновенные тексты (причем в каждой букве не только подлинника, но и того греческого перевода, которым пользуется Филон), и заключают в иносказательной форме учение Платона, Пифагора, Зенона и Клеанфа³. Таким образом, Филон является посредником между философией и откровением — и в этом его значение.

Очень интересной и, несомненно, одной из важнейших следует признать теорию Логоса, развиваемую Филоном. Филон представлял космос в виде многоступенчатого бытия, на вершине которого царил Логос, посредник между трансцендентным Богом и миром, хотя однажды Филон даже называет его

вторым Богом [7, с. 314]. Концепция Логоса играла важнейшую роль в написанном Филоном толковании на Пятикнижие; здесь Филон следовал традиции Септуагинты, сближавшей Логос с Премудростью Божией (*Sophia*) [10] (что открывало перспективу для последующего развития гностических теорий), и пользовался древнейшей традицией античной философии, использовавшей термин «логос» еще в эпоху досократиков. Однако Филон принципиально разошелся с Платоном в своем понимании Логоса как Идеи Идей, ибо он называл его местом бытования разумного мироздания, центром разума⁴. Тут Филон предвосхищает отчасти христианскую доктрину: он называет свой Логос «первородным Сыном Божиим», «Божьим человеком», «образом Божиим», «вторым Богом». Символизм *второго рождения* или *родов* как пути к духовности был распространен в мифологических воззрениях повсеместно; он был заимствован и развит александрийским иудаизмом и затем христианством и наполнен в них новыми значениями. Филон так же широко использует тему родов, говоря о рождении, о новой высшей жизни, о жизни духа⁵.

Логос Филона — образ Божества, служащий образцом или моделью устройства мира, отражение истинного Бога, архетипическая идея, заключающая в себе все остальные. Но это не просто модель или парадигма управления миром (в статическом греческом смысле); это и инструмент Божественной воли, активная действующая сила управления всем космосом — это творческая, направляющая энергия в мироздании (в динамическом иудейском смысле). Такова первая, *космологическая функция* Логоса по Филону. Его *антропологическая функция* — служить основанием человеческого разума, быть образом и образцом человека. Наконец, Логос — это проводник человеческой души в сферы Божественного разума. Как видим, эта изощренная концепция Логоса⁶ —

⁴ Ср.: «В отличие от Платона и от стоиков Филон не видит в своей „идее всех идей“, или в своем Логосе, абсолютного и самобытного начала: Логос есть прежде всего способность Божества, Его энергия, сила или разум, между тем как оно само — превыше всякой энергии, силы, разума или способности. Можно сказать, что именно в своем Логосе, как всеобщем месте или всеобщей потенции всех идей, Божество возвышается над всеми ими» [5, с. 175].

⁵ В свою очередь и св. ап. Павел говорит о «духовном сыне», о сыновьях, которых он произвел верой: «Титу, истинному сыну по общей вере» [Тит. 1: 4]; «Прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в устах моих» [Флм. 1: 10]. Очевидны различия между «сыновьями», которых «порождал» святой Павел в вере, «сыновьями Будды», теми, кого «родил» Сократ, или «новорожденными» в первобытных посвящениях. Неоплиту первобытного общества «убивала» и «возрождала» сама сила обряда; эта же сила превращала в зародыш индуса, приносившего жертву. Будда, напротив, «порождал» через «рот», то есть через передачу своего учения (*dhamma*), и именно благодаря высшему знанию, сообщенному посредством *dhamma*, ученик рождался к новой жизни, способной вывести его к порогу Нирваны. Сократ утверждал, что действует лишь как повивальная бабка: он помогает «родить» нового человека, которого каждый носит в глубине своего «я». Иная ситуация у святого Павла: тот «порождал» духовных сынов через свою веру, то есть благодаря таинству, основанному самим Христом.

⁶ На доктрину Логоса у Филона, несомненно, оказала влияние иудейская мысль. Греческим словом *λόγος* в Септуагинте передается термин *memra* (арам. «слово»), который в иудейской традиции использовался для обозначения Слова Божия как творческой силы, созидательной мир и впоследствии дей-

¹ Прежде исследователи преуменьшали значение Филона и представляли его простым проповедником, но в середине XX в. американский ученый Г. А. Вольфсон выпустил в свет фундаментальное исследование [12], где убедительно доказал оригинальность теоретических воззрений Филона.

² Как Творец, Бог использовал помощников; отсюда, по Филону, множественное число в: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему *и* по подобию Нашему» [Быт. 1: 26].

³ Поэтому толкования священных книг (главным образом кн. Бытия), интерпретирующие их в категориях греческой философии того времени, и представляются наиболее значительными из сочинений Филона. Сверхчувственная истина, приспособляясь к человеческой немощи, облекается в них в иносказательную форму; все Писание есть аллегория, и задача толкователя — в том, чтобы раскрыть «духовный» смысл, скрытый в этой аллессии.

не простое эклектическое приспособление иудейской традиции к эллинизму, а скорее новая ступень эволюции всей античной мысли, формализовавшей своим разработанным теоретическим аппаратом ветхозаветную теологию; Филон — это одновременно вершина и упадок всей античной герменевтической традиции: после него возможен был только гностицизм, то есть явный декаданс всей этой грандиозной концепции.

Филон впервые выдвинул теорию мистической любви к Богу, которую Бог заключил в человеческой душе и посредством которой человек становится Богоподобным. По мнению исследований философии Филона, он здесь, в своей мистической теории, пользуется терминами языческих религий, оккультных учений и тайных сект¹, поскольку эта лексика относилась к числу повседневной у просвещенных людей из среды Филона. Во всяком случае, соединение законничества и мистицизма в одном мыслителе отнюдь не уникально в иудейской истории. Влияние мистических платонических концепций (особенно «Пира») и популярных языческих культов на Филона не поверхностно и не случайно; отсюда его попытки представить иудаизм в качестве единственной подлинной мистерии².

Подобно Платону, Филон считал тело тюрьмой для души, и в этом дуализме тела и души, материального и вечного, а также в его описании бегства собственного «Я», в противополжности трансцендентного Бога и тварного мира, в тоске по непосредственному, интимному опыту Богопознания, он предвосхитил многочисленные гностические учения и дуалистические теории, сыгравшие столь значительную роль столетие спустя в интеллектуальной жизни раннехристианской эпохи.

Но в отличие от всей традиции греческой философии (за исключением эпикурейцев, которые верили в ограниченную свободу воли), Филон полагал, что человек совершенно свободен в выборе

ствующей в нем, мире, и в человеческой душе как «устрояющее и связующее» начало. Любопытно, что иногда этот термин используется в Таргумах (арамейских версиях Ветхого Завета) вместо священной тетраграммы YHWH — непознаваемого имени Бога. Концепция «Мемры» близка по значению христианской концепции Св. Духа-Параклита. Вообще «Мемра» — иконический знак иудейской пневматологии, как «Логос» — икона всей греческой философии. Филон, очевидно, имел в виду обе концептуальные системы, ему удалось соединить семантику еврейской «Мемры» с семантикой греческого «Логоса» и получить в результате своеобразный термин, значения которого выходили за рамки любой из упомянутых двух традиций: получился синтез, который впоследствии был использован гностиками и от которого оттолкнулся, ниспровергая его, евангелист Иоанн в своей логосной доктрине.

¹ Более того, Филон — основной источник знаний о доктринах этих оккультных сект и мистических культов, особенно это касается учения о воскрешении для новой жизни.

² Возможно, Филон, представлявший мистическую сторону иудаизма, рассчитывал тем самым противостоять прозелитизму мистических культов среди евреев диаспоры, а также укрепить своих единоверцев в истинной вере. Свидетельством его приверженности ортодоксальному иудаизму служит тот факт, что он благоговейно относился к буквальным толкованиям сакрального текста Писания, отвергал крайних аллегористов, а также отсутствие указаний на какую-либо его принадлежность к языческим культам. Целью того, что Филон называл «трезвющим опьянением» [10], был выход из материального мира в мир вечности.

своих действий и может идти наперекор своей природе.

В своей этической доктрине Филон утверждал две добродетели, незнакомые греческой философской литературе — религиозную веру и человечность. Кроме того, добродетельным он считал и покаяние, тогда как для греческих мыслителей оно было лишь признаком слабости. Однако совершенное счастье, по Филону, можно обрести не посредством человеческих усилий, но лишь по благодати Божией³.

Казус Филона — драматический опыт мыслителя, соединившего в себе на рубеже христианской эры живое наследие двух цивилизаций и культурных традиций. Этот очевидный опыт комплементарного творческого объединения можно рассматривать как диалог культур, принесший плоды согласия и взаимного понимания.

Литература

1. Абрамов С. Р. Христианская библейская герменевтика и богословские школы Александрии и Антиохии // С. Р. Абрамов // Понимание как усмотрение смыслов. Третья международная герменевтическая конференция: Статьи и выступления. Тверь, 1997. С. 150–162.
2. Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» / С. С. Аверинцев // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971. С. 206–266.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. [Русский синодальный перевод]. — Названия книг при цитировании даны в общепринятых сокращениях.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм / А. Ф. Лосев. М., 1980.
5. Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории / С. Н. Трубецкой // Трубецкой С. Н. Сочинения. М., 1994. С. 43–483.
6. Флоренский П. А. Собр. соч. : в 4 т. / П. А. Флоренский М., 1999. Т. 3. Ч. 1.
7. Goodenough E. R. The Mystic Gospel of Hellenistic Judaism / E. R. Goodenough. L., 1969.
8. Grant R. A Short History of the Interpretation of the Bible / R. Grant, D. Tracy. 2nd ed. Philadelphia, 1984.
9. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / S. Huntington. N. Y., 1996.
10. Philo. The Online Collection of Philo's Works / Philo. ©The Jesus Archive, 2002. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://209.123.32.29/research_howto.html.
11. Scholem G. Die jüdische Mystik in ihren Hauptströmungen / G. Scholem. Frankfurt a. M., 1993.
12. Wolfson H. A. Philo 2 vols. / H. A. Wolfson. Oxford, 1947.

³ В богословских воззрениях Филона укоренены и его политические взгляды. Филон часто говорил, что лучшая форма правления — демократия; но он понимал демократию далеко не как власть толпы, которую он осуждал как худшую форму организации общества (по-видимому, он видел выступления александрийской толпы). Для Филона демократия означала не столько устройство управления, сколько такой строй, при котором все люди равны перед законом.

А. В. Агошков¹

СОЦИАЛИЗМ КАК ПРОБЛЕМА, ЦЕННОСТЬ И КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Светлой памяти профессора
Рудольфа Григорьевича Яновского,
учителя и старшего товарища

Очевидно, что полнота общественной жизни во всем мире, как и мировой культуры во всем ее многообразии, реализуется в форме разнообразных опытов социально-культурной жизни, и только основательный анализ этого «фактического материала» может указать на действие законов и закономерностей развития всего человечества. Данная ситуация является отражением взаимодействия универсальных и национальных ценностей, степень корреляции тех и других является уникальной в каждом отдельном случае. Не претендуя на фундаментальное исследование данной тематики, попытаемся проследить действие этих «социальных механизмов» на примере мирового социалистического движения.

Не секрет, что оно вошло в XXI век с «багажом» надежд и разочарований. После непродолжительной эйфории начала 1990-х годов, когда ряды Социалистического интернационала (Социнтерна) пополнялись бывшими коммунистическими, а ныне социал-демократическими и социалистическими партиями стран бывшего «социалистического лагеря», а позднее стран СНГ, внутри мирового социалистического движения началось идейное брожение. Оно выразилось в публикации так называемого «Манифеста Блэра—Шредера», призывавшего социалистов и социал-демократов более активно инкорпорировать в себя основные постулаты и ценности либерализма. После этого у многих начало складываться убеждение в правомерности вывода Фукуямы о «конце истории» и полном торжестве либеральной модели.

Тем не менее уже в начале XXI века, когда партии Шредера и Блэра стали стремительно терять поддержку своих избирателей, да и сама либеральная экономическая модель начала давать сбои, выразившиеся в так называемом мировом финансовом кризисе и ряде других пока что локальных кризисах, стало совершенно ясно, что разговоры о крахе социалистической идеологии, о чем многие эксперты говорили как о свершившемся факте, оказались преждевременными.

Еще одно свидетельство живучести этой идеологии — не просто возрождение, но важный политический успех социалистического движения в большинстве ведущих стран Латинской Америки, Африки, Азиатского региона. Социалистический интернационал насчитывает в своих рядах 171 партию из 130 стран со всех континентов мира. Более 50 партий членов Социнтерна являются правящими в своих странах либо находятся в руководстве страны в коалиции со своими партнерами (например, Соцпартия Испании, Трудовая партия Норвегии, лей-

бористы Великобритании, Партия труда Бразилии и др.). Социалистический интернационал наладил практический диалог с ведущей Коммунистической партией из Китая².

Как ни странно, исключением из этой картины выглядит ситуация в Европе и СНГ. Уже несколько лет не могут вернуть себе утраченные позиции социал-демократы ряда европейских стран: Германии, Швеции, Голландии, Дании, Финляндии, Польши, Чехии и др. Среди наиболее важных причин этого называют «в первую очередь утрату собственной идентичности... Во-вторых, это отход от своих идейных, программных и политических принципов в ходе длительного нахождения у власти (пример: Социалистическая партия Франции и др.). Не случайно сегодня в Европе начинают набирать силу более левые партии, не входящие в Социнтерн, такие как Левая партия Германии, Компартия Моравии и Чехии и др. Ну и, в-третьих, существенно подрывает позиции европейских социал-демократов резкое снижение численности их традиционного электората — рабочих»³.

Ситуацию не стоит признавать катастрофической, учитывая сильные позиции левых в таких странах, как Испания, Великобритания, Норвегия, Словения и другие, а также наличие второй по численности фракции евросоциалистов в Европарламенте. Но то, что тенденция снижения влияния социалистического движения в Европе носит устойчивый характер, — бесспорный факт, вызывающий серьезную тревогу у его лидеров и руководства Социнтерна.

Итак, мы видим, что социалистические идеи все более захватывают страны третьего мира, подвергаясь тяжелым испытаниям у себя на родине — в Европе. Очевидно, что это во многом является следствием глобализации «на американский лад» и неравномерного распределения мирового богатства. Останется ли социализм одним из ведущих направлений общественного прогресса и в будущем? Какими национально-культурными особенностями он обогатится? Какие универсальные черты сохранит?

Не претендуя на полноту ответов на целый комплекс упомянутых вопросов, обозначим два неперемненных, на наш взгляд, условия решения главной проблемы. *Первое* — это (крайне запоздавшее) преодоление рыночной мифологии. Даже некоторые ярые сторонники левых идей в нашей стране, такие как Б. П. Гуселетов, признают «наличие рыночной экономики» залогом успешного развития в нашей стране социалистических идей. Между тем общеизвестно, что экономика большинства развитых стран носит не рыночный, а *смешанный* характер, подразумевающий

¹ Главный редактор журналов «Вопросы культурологии» и «Дом культуры», кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. учебных пособий: «Общественное. Человек в обществе», «Обществознание. Гражданин в государстве», статей по проблемам культуры.

² См.: Гуселетов Б. П. Влияние мирового финансового кризиса на международное социалистическое движение // Национальные интересы. 2009. № 6. С. 31.

³ Там же. С. 28.

их социальную направленность, многоукладность, плюрализм форм собственности, активную роль государства, действие механизмов «производственной демократии» и пр.¹ Эти же положения присутствуют в программных документах Социинтерна². Не потому ли оказалась под ударом социалистическая идентичность, что у наших теоретиков отсутствует различение данных понятий?

Второе — и, наверное, главное — преодоление экономоцентризма как в теории социализма, так и в понимании общественной жизни вообще. Здесь мы готовы встать на позицию Алена де Бенуа, который, вслед за Вернером Зомбартом, склонен противопоставлять социализм как *принцип* формационной теории социализму как стилю определенной *ментальности*. Он также указывает на необхо-

димость преодоления вулгарного экономизма при определении социальной справедливости, ибо считает, что исторической задачей социализма является «исход из пустыни экономического века» и создание общинного «историко-реалистичного» строя, позволяющего нации выйти на особый «благоприятный» *уровень культуры*³.

Таким образом, не либеральный, торгашеский социализм, но социализм «высокий», героический, способен возвысить моральный дух народа, ибо «благородство» умерло в буржуазии, которая обречена на то, чтобы не иметь морали⁴. Социализм — не как «всеобщая бездонная кормушка» и тем более не как «советская» уравниловка, но как *культура*. Именно та культура, которая не жила, не живет и не будет жить по законам рынка.

С. Н. Артановский⁵,
Е. М. Никифорова⁶

НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ: ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Наша конференция, посвященная памяти выдающегося ученого, патриота России Д. С. Лихачева, проходит в дни, когда весь российский народ, да и не он один, отмечает 65-летие Победы в Великой Отечественной войне. Советский народ в тяжелой борьбе разгромил гитлеровскую военщину, уничтожил германский нацизм и тем самым спас человечество от грозившей ему опасности порабощения. Великая Отечественная война была одним из тех эпохальных событий прошлого века, которые, наряду с образованием ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций, космическими исследованиями, пионером которых стала наша страна, и другими достижениями науки и техники — знаменовала переход от национальной истории ко всеобщей истории, включение национальной истории во всем ее богатстве во всемирно-исторический контекст. Народы и куль-

туры остались источниками творческой продуктивности, но теперь они оказались включенными в глобальный мир. Этот мир взаимосвязан и в то же время противоречив. Россия призвана занять в глобальном пространстве заметное место.

Необходимой предпосылкой участия России в глобальных структурах, ее значимой роли в мировых делах является ее модернизация, которая должна проходить с опорой на национальную традицию. Россия должна войти в мировое сообщество с высоко поднятой головой, но для этого она должна быть сильной, то есть модернизированной. В противном случае наша страна будет втянута в международное сообщество на правах сырьевого придатка развитых стран — что, к сожалению, и происходит на наших глазах. Чтобы предотвратить сползание России к колониальному статусу, необходим решительный рывок к модернизации, как инновационной, так и мобилизационной — сегодня нам надо вспомнить лозунг времен Отечественной войны — «Все для фронта, все для Победы!» Нам нужен трудовой и творческий подвиг, равносильный военному подвигу сороковых годов XX века.

Модернизация России не может проходить иначе, чем в тесном контакте со всем остальным миром. Мы должны использовать достижения всех народов в науке, технике, гуманитарной сфере, искусстве. Нам следует сверять наши традиции и стандарты с мировыми, учитывать зарубежный опыт развития. Но глобализационные процессы сегодня преломляются в зеркале национальной традиции. Глобальное — это не «безнациональное», это общий пучок национальных достижений.

Остановимся на взаимосвязи национального и глобального в модернизации. Американский социолог Кеннит Болдинг ввел в науку понятие «суперкультура». Он понимал под ней общее для всех народов современного мира — это градостроительство,

¹ К таковым относятся: сохранение экономической и социальной активности государства; экономическая демократия как непосредственное участие трудящихся в управлении предприятиями и приобщение профсоюзов к совладению предприятиями через повышение доли участия (фонды) в доходах этих предприятий; контроль производственных советов над определенными сферами хозяйственной деятельности (уровнем занятости, социальной политикой, гуманизацией труда, улучшением его условий) и пр. См.: *Лопарев А. В.* Социал-демократия: истоки и современность // *Обществознание в школе.* 1998. № 5. С. 13.

² Позволим себе привести этот тезис без перевода: “The democratic socialist movement continues to advocate both socialisation and public property within the framework of a mixed economy”. URL: <http://www.socialistinternational.org/viewArticle.cfm?ArticleID=31>

³ См.: *Бенуа А. де.* Два лика социализма // *Вопросы культурологии.* 2006. № 4. С. 18.

⁴ Там же. С. 19. Ряд похожих мыслей высказывал и Ж. Сорель.

⁵ Почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор филологических наук.

⁶ Сотрудник Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», кандидат искусствоведения.

дороги, аэропорты, университеты, медицинские центры и многое другое. Но, указывал Кеннит Болдинг в своих работах, суперкультура хорошо развивается там, где сильна национальная культура. В качестве примера он привел Японию. Он мог бы добавить сюда и Россию, вестернизация которой на протяжении XVIII и XIX веков только приумножила ее национальные культурные богатства. Действительно, национальная традиция России может много дать нам для нашей сегодняшней модернизации. Нам нужно не копирование нынешних зарубежных образцов, но смелое инновационное движение вперед. Наша модернизация должна быть не догоняющей, а опережающей, дерзкой, всеохватывающей. Но двигаясь вперед к совершенно новой, выработанной нами самими модели модернизации, и используя для этого зарубежный опыт, мы должны помнить и о богатствах нашего исторического прошлого.

Сегодня в нашей стране принято разыскивать порочные черты в далеких исторических эпохах. Одни огульно ругают советский период, другие изображают дореволюционную Россию как страну безнадежной отсталости, произвола власти и темноты народа. Между тем русская история и культура должна быть понята как единая линия развития, как общий поток, элементы которой присутствуют и в сегодняшней культуре российского общества. В дореволюционной России мы ценим православную культуру, традиционную нравственность, крепкую семью, боевые подвиги наших дедов и прадедов, науку, созданную Ломоносовым, Менделеевым, Владимиром Вернадским и др. Не говоря уже о нашей великой литературе, о солнце нашей поэзии — Пушкине, чьи произведения стали просто сакральными текстами «всей Руси великой».

В советские времена развитие нашей культуры, несмотря на все препятствия, продолжалось. Сегодня для нас важен опыт индустриализации страны 1930–1940-х годов, создание в советское время лучшей в мире системы образования, позволившей стране вырастить класс хорошо подготовленных специалистов во всех отраслях культуры, науки и техники. В зарубежной эмигрантской культуре для нас интересен опыт поддержания целостности русского, точнее российского, сообщества путем изучения русского языка детьми эмигрантов в специально созданных для этого школах. В эмигрантской среде стало традицией торжественно отмечать 6 июня день рождения А. С. Пушкина. Заметим, что этот день до сих пор не стал праздничным днем нашего календаря, как и 23 ноября — день рождения М. В. Ломоносова.

За последние десятилетия было также сделано немало хорошего — Русской православной церкви и другим религиозным институтам были возвращены их законные права, было издано много книг, бывших в незаслуженном пренебрежении в советское время — таких как «История государства Российского» Н. М. Карамзина, «Русские ночи» В. Л. Одоевского и др.

Недостаток места в этих тезисах не позволяет нам развернуть панораму сокровищ российской культурной истории — если это вообще возможно сделать, их слишком много. Ограничимся несколькими фак-

тами, связанными с событиями или юбилеями, которыми мы отмечаем в 2010 году.

Именем А. С. Грибоедова открывается одна из самых блистательных страниц в истории русской литературы. Достоверно неизвестно, в каком году он родился. Как гениальный поэт и глубокий мыслитель он оставил неизгладимый след в развитии нашей национальной культуры. Парадокс состоит в том, что Грибоедов, при всем блеске художественного дарования, создал лишь одно действительно великое произведение, бессмертное. Кто он был: драматург, военный, дипломат, музыкант, политик? Может быть, все вместе?.. Какая образованность! Какая компетентность во всех сферах! Какая принципиальность! — а нынешние российские чиновники?..

В этом году исполнилось 100 лет с того дня, когда указом Николая II был учрежден Императорский военно-воздушный флот России. Воздухоплавание тогда делало свои первые шаги, а у нас уже было некоторое количество боевых самолетов и отличных летчиков, таких как М. Н. Ефимов, С. И. Уточкин, Н. Е. Попов, А. А. Васильев и женщина-пилот Л. В. Зверева. В Гатчине и Севастополе были основаны летные школы, которые начали подготовку пилотов. Вскоре появились и самолеты, которые базировались на морских судах, называвшихся не «авианосцы», как теперь, а «авиаматки».

К сожалению, мы не можем считать большим современным достижением решение кремлевских властей истратить 25 млрд рублей на новую военную форму по моделям Юдашкина. Армия имеет более насущные проблемы — довольствие солдат и офицеров, квартиры, современное вооружение.

В связи с 65-летием Великой Победы уместно вспомнить и Полтавскую битву и благодарственный храм Сампсония Странноприимца, что на Выборгской стороне. Он был воздвигнут по велению Петра в честь победы под Полтавой. Это уникальный храм, так как он воплотил в себе черты начального периода петербургской архитектуры, памятников которого очень мало сохранилось. В то же время архитектурно-живописный облик Сампсониевского собора формировался в течение всего 300-летнего периода петербургской церковной культуры. И сегодня мы можем считать его прообразом многих утраченных петербургских храмов XVIII столетия.

Рука большевиков не поднялась и на красу и гордость Петербурга—Петрограда—Ленинграда — Исакиевский собор. «Верный твердыню православья врезан Иакий в вышине», — так сказал Н. Гумилев. В этом храме соединились западные и православные канонические особенности русского церковного зодчества. В этой связи отметим, что еще со времен Крещения Россия имела богатые международные культурные связи.

Нынешняя глобализация мира есть только отрезок мирового развития, которое начиная с XVI столетия, с великих географических открытий, характеризуется растущей объективной интернационализацией мира.

Проблема модернизации стоит сегодня перед рядом великих держав, таких как Бразилия, Россия, Индия, Китай (БРИК). Только модернизация в состоянии

сделать эти страны конкурентоспособными в глобальном мире. Все эти страны стремятся опереться на свою национальную традицию. Так, для Китая важна тысячелетняя традиция крепкой государственности, конфуцианской морали и редкостного трудолюбия китайского народа. На этой основе Китай добился больших успехов в модернизации своей страны, создал сильную экономику, выдержал испытание кризисом 2008–2009 годов, разослал свои товары по всему миру. Сегодня Китай находится в процессе ста-

новления как мировая финансовая, культурная и военная держава.

Россия имеет свой собственный исторический путь развития, но в наше время этот путь соизмерим с направлениями прогресса других стран мира. Подчеркнем нашу уверенность в том, что никакие преграды не будут в состоянии заставить Россию свернуть с этого пути. России нужно свое лицо в глобальном мире. Международному сообществу нужна сильная и процветающая Россия.

Е. М. Астахов¹

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ «РУССКОГО МИРА»

Российской нации генетически было присуще расширение во времени и пространстве. Так шла и история становления российского государства. В XX веке в этом расширении свою роль сыграли сложные, а порой и драматические страницы нашей истории. Разные по времени волны эмиграции в конце XIX — начале XX века, в периоды революционных катаклизмов, гуманитарных катастроф Второй мировой войны привели к пространственным, по сути планетарного масштаба, перемещениям миллионов людей. Но уже не миллионы, а десятки миллионов оказались вне пределов своей Родины после распада СССР.

В результате всех этих тектонических процессов сформировался «русский мир», который выходит далеко за границы России, а в ряде случаев — за пределы русского этноса. Наши соотечественники — это люди, ассоциирующие себя с Россией, русской культурой. Чувствовать себя частью России — это в первую очередь вопрос личного выбора, духовного самоопределения. Русскоязычное сообщество — вместе с гражданами России — сейчас занимает пятое место в мире.

Пространство расселения русской диаспоры — необозримо; она присутствует практически во всех странах современного мира. После революции и Гражданской войны 1917–1922 годов за рубежом оказались около 3 млн граждан бывшей Российской империи, чьих потомков — эмигрантов второго, третьего и даже четвертого поколений, принято называть старой, или белой, эмиграцией. Большинство белой эмиграции составляла политическая и культурная элита Российской империи. Этот факт предопределил беспрецедентно высокий уровень культурных ценностей, которые были созданы в зарубежье всего за несколько десятилетий.

«Русское зарубежье» состоялось как уникальное явление в отечественной и мировой культуре. Этот новый цивилизационный пласт продолжил продвижение вне географических границ России ее культуры, менталитета, духовной самоидентификации.

В настоящее время уже не встает вопрос, стоит ли признавать «русский мир» за рубежом. Работа с соотечественниками — часть нашей культурной дипломатии, выстраивания положительного образа нашей страны, но это также задача укрепления наших геополитических позиций, решения политических и экономических задач.

Для выстраивания практической линии в отношении «русского мира» за рубежом желательно иметь в виду следующее.

Разные волны эмиграции предопределили различный политический, социальный и культурно-образовательный состав российских диаспор. Для «трудовой» эмиграции XX века и постсоветского периода характерны слабая организация и сложное экономическое положение. В этом плане они заметно уступают западноевропейским, еврейским, армянским и другим диаспорам.

Более структурирована и политически очерчена белая эмиграция. Но организованности и единства не хватает и ей. Вместе с тем она всегда имела определенную идеологическую окраску и, в частности, не считала «трудовую» эмиграцию своей. Октябрьская революция воспринималась белыми эмигрантами как «катастрофа 1917 года», а большевистский режим — как чуждый, инородный для России проект, импортированный «космополитическими» элементами. Идеологи этой эмиграции продолжают считать себя представителями «всяя Руси» в границах 1913 года. Они не признали послереволюционный раздел России. Не признают они и распад страны в 1991 году. Белая эмиграция считает своей Родиной ту «страну, которая всегда находилась в канонической юрисдикции Патриархов Московских и всяя Руси».

С годами острота подобного восприятия истории постепенно ослабевает. В настоящее время многие белые эмигранты уже понимают аргументацию, что трагическая история России принадлежит всем ее «детям». Меняется позиция белых эмигрантов и в отношении единения Православной церкви. Если ранее они опирались только на Русскую зарубежную церковь, то теперь поддерживают усилия по ее объединению с Русской православной церковью.

В результате распада СССР вне России, причем не по своей воле, оказались более 25 млн человек. Это геополитическая катастрофа, не имеющая ана-

¹ Профессор кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Автор ряда научных публикаций по дипломатии и политике, в т. ч. монографии «Макро- и микроэкономическая дипломатия: сопровождение национального бизнеса» и др. Многие научные работы опубликованы за рубежом.

логов в мировой истории. Эти русские люди, не покидая своей земли, превратились в эмигрантов. Теперь они — российская диаспора и одновременно этническое меньшинство в новых странах.

Встает вопрос, какую политику следует проводить по отношению к этим людям?

Мнения на этот счет довольно противоречивы. До последних лет у части российской элиты сохранялся «беловежский» подход, эти люди, мол, являются частью населения суверенных государств, и ответственность за их права и судьбы лежит на руководстве новых стран.

Такой подход устраивает и руководство новообразованных государств. Это дает им возможность беспрепятственно решать свои стратегические задачи: укрепление государственности, прежде всего закрепление «навечно» в качестве государственных границ прежних линий административного деления бывших советских республик, силовое распространение «титального» языка на все, в том числе русскоязычное население, его информационная блокада, ограниченные влияния Православной церкви, и прежде всего Московской патриархии.

В последнее время в российском руководстве обозначился психологический перелом в отношении наших соотечественников. Есть понимание, что любой человек, причисляющий себя к российским соотечественникам и реализующий этот выбор в поисках контактов с российским культурным наследием, может претендовать на оказание ему помощи в рамках программ поддержки диаспоры за рубежом.

Наша страна сама выгнала соотечественников за рубеж и ее долг — воссоединить «русский мир».

На фоне непростой демографической ситуации в самой России взаимодействие с соотечественниками становится одним из национальных приоритетов страны. Практический интерес для нас представляет опыт других стран.

Пустая трата времени — искать за культурной дипломатией западных стран, куда входит и работа с диаспорами, «национальные идеи». Заявленные задачи большинства этих стран просты и прагматичны: популяризация культурного достояния, распространение языка, пропаганда достижений стран, их образа жизни. Но эта «мягкая» дипломатия используется для весомых целей — укрепления геополитических позиций, решения политических и экономических задач.

Работа с соотечественниками, решение задач продвижения культуры и благоприятного образа России малоэффективны без определения национальных целей. Сильная диаспора может быть только у сильного государства. А сильное государство немислимо без национальной идеи.

После катаклизмов 1917 и 1991 годов этот вопрос нам сейчас трудно разрешить. Для России малопродуктивны попытки выдумать национальную идею на «технологических» началах: повышение конкурентоспособности, экономического рывка с выходом в «восьмерки» и «двадцатки» передовых стран. Одно-го развития экономики для российского менталитета мало. Россия всегда нуждалась прежде всего в духовном развитии, нравственных ориентирах, историческом осмыслении своего пути. Но для нынешней

России, с учетом ее многонационального состава, поиски национальной идеи не должны сводиться к решению чисто русского этнического вопроса. Речь должна идти об общероссийской задаче. Известные постулаты о православии, собирании земель и общинном коллективизме могут не найти понимания других этнических групп и элит ряда субъектов Федерации.

Национальную идею надо искать на путях единого восприятия нашей общей истории, без ультралиберальных и леворадикальных черно-белых красок, восстановления социальной справедливости, возрождения морали, осмысления места страны в мировом развитии.

«Русский мир» за рубежом сложен и многообразен. Многие эмигранты сохранили язык и культуру своей Родины. Однако значительная часть их детей и внуков адаптировались к процессам глобализации. Но неизбежная ассимиляция не перечеркнула генетическую память, и большинство эмигрантов и их потомков продолжают думать по-русски.

Работа с российской эмиграцией, осознание ее роли, принятие этих людей не как париев, оставивших Родину, а как личностей, обеспечивающих культурное и информационное присутствие России за рубежом, поддержание позиций русского языка в мире, только начинается. Наши соотечественники должны помочь своей Родине в конструктивном диалоге с зарубежными партнерами, повлиять на формирование объективного образа России.

И сейчас, когда Россия вновь обретает динамику развития и авторитет в международных отношениях, когда ломается привычная структура мира, соотечественники призваны быть вместе. Российская зарубежная диаспора должна занять должное место в политике России. Очевидно, что внутренние социально-экономические проблемы сейчас для нас более актуальны. Но откладывать решение этой гуманитарной и одновременно стратегической задачи рискованно.

В работе с соотечественниками необходима долгосрочная стратегия. Органы исполнительной власти, организации и фонды, занимающиеся этой тематикой, должны понимать конечные цели и поэтапно идти к ним, исходя из имеющихся сегодня возможностей и ресурсов. Эти цели должна знать и российская диаспора. Только при этом условии она поверит в серьезность намерений государства. Диаспоре нужны не только оказываемые в последние годы знаки внимания. Ей прежде всего необходимо осознание неразрывной связи с Родиной, единение на основе понятной стратегии совместной работы.

Сегодня внешняя политика представляется прагматичной. После политико-идеологических потрясений прошлого века такая линия более экономна. Но повторим: без национальной идеи и стратегии Россия не сможет выполнить историческую задачу укрепления «русского мира» внутри и вне страны.

«Русский мир» — это энергия русской культуры, которая распространяется в мире автономно, подчас независимо от воли правительств. Такая энергия имеет огромный потенциал и ее надо использовать в интересах России.

Г. В. Атаманчук¹

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ И НЕКОТОРЫЕ ОТВЕТЫ РОССИЙСКОГО СОЗНАНИЯ

Это, по сути, четвертые Лихачевские научные чтения, посвященные проблеме «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Судя по публикациям выступлений на предыдущих чтениях, а также по повестке дня десятых (юбилейных), на форуме происходит откровенный обмен мнениями по обширному кругу вопросов и высказывается множество здравых мыслей и содержательных суждений. Мой доклад также связан с темой глобализации, которая возникла около 500 лет назад после Великих географических открытий, и партнерства цивилизаций, которое существует тоже давно, если следовать А. Дж. Тойнби, но посвящен прагматичному вопросу — как в современных мировых глобальных условиях сохранить *суверенность, самобытность и идентичность* многонационального российского народа.

Судьба Хельсинкского заключительного акта 1975 года, который исходил из глобализационных парадигм и был ориентирован на единение Европы, отчетливо показала, как исполняются даже согласованные документы, когда речь идет об интересах России. Не случаен тот факт, что более 17 лет Россию не хотят принимать в ВТО, хотя это всего лишь экономическая организация. Все позабыли, что нам обещали страны Запада, когда мы разрушали СССР и втаптывали в грязь социализм. Прошло 20 лет! Что мы получили? Из страны было вывезено капиталов на сумму более чем 2 трлн долларов, что составляет почти 15 тыс. долларов на каждого человека, также уехали талантливые люди, научные открытия и т. д.

В результате мы имеем то состояние производительных сил страны, ее территории и населения, которое всем нам известно. Экстраполяции по любому фрагменту жизни, из того, что реально существует, не очень радужные. Правда, это не мешает нашей пропаганде излучать оптимизм, а порой и эйфорию непонятно по каким причинам.

Сложность ситуации в России требует ее осознания, объективного определения причин и оснований, выявления источников и факторов преодоления слабых мест и инертности. Казалось бы, здесь нужно опереться на традиции и потенциал российской культуры, сравнить ее с культурами других народов и убедительно показать ее место и роль в глобальной культуре. В последней сегодня доминирует технико-технологическая составляющая человеческого мышления, ориентаций, поведения и деятельности. Сеть все больше стандартизирует идеалы и ценности, знания и опыт. Культура в России всегда отличалась духовностью и душевностью, человеколюбием и милосердием, эстетикой и этикой. Но кто в нашей стра-

не занимается познанием российской культуры и ее привнесением в реальную жизнь людей России? В основном преобладает схоластика.

В «Вехах», подводящих итоги XIX — начала XX века, справедливо зафиксированы наши увлечения: «шелленгизм, гегельянство, сенсимонизм, фурьеризм, позитивизм, марксизм, ницшеанство, неокейнсианство, Мах, Авенариус, анархизм — что ни этап, то иностранное имя. Наше сознание в массе не выработало для себя своих жизненных ценностей...»² И это действительно так, что подтвердили события XX века. Мы тоже, особо не раздумывая, многое позаимствовали у Запада, причем не из объективной практики, а из апологических описаний. Поддались модным течениям постнеклассицизма в науке, постмодернизма в искусстве, постиндустриализма в экономике, весьма увлеклись хаосом, неопределенностью, релятивизмом, стохастичностью и тому подобным, которые наряду с истиной по многим аспектам науки содержат немало субъективистских допущений. В России мало кто хочет изучать и оценивать объективные реалии, материальные и социальные факторы, общественные закономерности и тенденции скорее всего потому, что они не вписываются в постулируемые каноны. Вообще у нас отсутствуют объяснения того факта, почему объективное реальное состояние территории, населения и власти в Российской Федерации не вызывает пристального интереса наших мыслителей. Наверное, вследствие того, что уже стало моим кредо: «Правду говорить о правде жизни — славы не сыщешь». Гораздо перспективнее и приятнее писать о переходе к интеллектуализму, ноосферизму, цивилизму, корпоративизму, синергизму, глобализму или еще к чему-то «небесному», космическому, высоко парящему. Проза жизни не пробуждает вдохновения?

В то же время прежде всего на интеллектуальном уровне, который в конечном счете определяет политику, экономику, социальную и культурную жизнь, имеют место явления, отношения и процессы, которые не могут не настораживать и не вызывать тревогу. Симптоматично, что все приобретает комплексный характер, создает жесткую, замкнутую цепь проблем, когда попытки решения одной из проблем невозможно из-за отсутствия связи с другой. Мы вступили в глобализирующийся мир неподготовленными, даже теоретически, и теперь компоненты и элементы нашего общества «растаскиваются» через периметры открытых границ: одни — на Запад, другие — на Восток, третьи — на Юг.

В послевоенные годы, в условиях тоталитаризма, сковывающего сознание, мы в 1953 году по коэффициенту интеллектуализации молодежи (КИМ) разделили 2–3-е место в мире с Канадой (уступив США), построили прекрасный комплекс университетских зданий на Воробьевых горах, заложили

¹ Главный научный сотрудник Научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 335 научных публикаций; в т. ч. книг: «Управление — социальная ценность и эффективность», «Новое государство: поиски, иллюзии, возможности», «Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика», «Управление в жизнедеятельности людей. Очерки проблем», «Теория государственного управления» и др.

² Гершензон М. О. Творческое самосознание, Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 95.

фундамент ракетно-ядерного оборонительного щита и т. д. Теперь же, в условиях свободы, демократии, рынка и прочих цивилизационных институтов, мы вдруг утратили способность рационально мыслить и эффективно работать. Получается, что российская культура сегодня не может предложить что-то действенное, современное и оригинальное в области образовательной и профессиональной подготовки своих граждан, дать им идеи и знания, необходимые для жизни. Дважды на Лихачевских чтениях (в 2003, 2004 гг.) обсуждалась проблема образования. А что в итоге? В школе — тестовый ЕГЭ и компьютеризация, основанная на структуре американского мышления, в вузах — Болонская модель, которые в России, в отличие от Запада, не связаны с традициями и стереотипами производственной и социальной жизнедеятельности российского народа, осуществляемой в уникальных географических и почвенно-климатических условиях.

К сожалению, в России не наблюдается понимания глубинных корней глобализации, которая ведет к усилению конкуренции и борьбы за ресурсы и рынки сбыта в мировых масштабах. Ведь глобальная культура пока в основном относится к технотронной сфере существования людей, оставляя каждому народу его биосоциальную сферу, имеющую национальную природу и проявления. Следовательно, участвовать в системе мировых взаимосвязей и выстоять в ней можно лишь в том случае, когда наш человеческий потенциал будет обладать адекватной мировым требованиям образованностью, профессиональной подготовленностью, патриотической ориентированностью и неумной жадной творчеством. Но если формулировать проблему таким образом, то очевидно, что в развитии человеческого потенциала на первом месте должна быть не форма, а содержание (программы) обучения, воспитания и т. п. В нашей стране часто справедливо говорят об экономике знаний, умной экономике, актуальности интеллекта и так далее, но на практике преобладают догматизм, заскорузлость мысли, безразличие к талантам, апатия, а иногда и аномия личностной энергии. Самое актуальное для жизни и ее будущего почему-то отодвигается на задворки.

Следует учитывать и такие определяющие, жизнеутверждающие явления человеческого существования, как управление и государство в их истинном смысле. Ведь управлять можно в том случае, когда имеются согласованные и актуальные цели, обладающие практической направленностью усилий всех, а не каждого индивидуально; создан и действует организующе-регулирующий механизм их реализации, предполагающий законность, дисциплину, порядок, измерение и эффективность затрачиваемых ресурсов, и т. д. Сущность и ценности управления отчетливо противостоят привычным расхлябанности, эгоизму, снобизму. Естественно, что многие люди в России не признают этих ценностей, считают управление ненужным. Если в какой-либо стране правящий класс использует понятие «управление», то обычно оно адресовано наемным работникам, которые должны соблюдать законы, подчиняться, соблюдать нормы, беречь ресурсы и т. п. Но в ин-

формационную эпоху наивных людей становится все меньше. Уже сформировалась демократическая парадигма: или все вместе, или никто, что на психологическом уровне подтверждает разразившийся мировой финансово-экономический кризис. В значительной степени этот кризис именно управленческий, что заслуживает пристального изучения. Но это мало кого интересует. В наше сложное время все в основном заняты лишь делением прибыли и собственности.

В российской культуре не определено понятие государства как формы общества. Государство более ста лет ассоциируется с государственным аппаратом, вследствие чего значение, состояние и целостность государства подменили только одним государственно-правовым явлением — аппаратом власти. О том, что государство, как полагали почти все государствоведы России в XIX — начале XX века, представляет собой единство, вернее *триединство территории, населения и власти*, давно никто не вспоминает. Но драма — не в памяти, а в том, что из-за извращенного описания государства в России дважды его разрушали, и сегодня оно находится в ослабленном положении. На государство распространили все грехи государственного аппарата, но не исследуют того, что происходит с нашей территорией и нашим многонациональным народом. Ресурсы территории, важнейшие производственные мощности, рыночный механизм, источники материального благополучия граждан и многое другое, по сути, были выведены из сферы интересов государства. На Западе скопировали преимущественно суррогаты, а не суть.

Игнорируется основа основ общества — его целостность, органическая развитость и согласованность его частей: общественных отношений, видов человеческой деятельности (технологии) и социальных ролей. В подобных условиях объективная обусловленность, субъективная обоснованность и социальная эффективность управленческих решений и действий субъектов любых видов управления не могут быть высокими. Ограниченным и бессильным вследствие умышленной девальвации сущности государства стало государственное управление. Его свели к мизерному влиянию только на $\frac{1}{3}$ ВВП, а остальное отдали хозяевам капиталов для вольного распоряжения. Как эти люди управляют своей собственностью, тоже хорошо известно. Примеры такого управления хорошо видны и в США (но там все более открыто и честно).

Сегодня не только руководители государства, но и сама жизнь актуализирует проблему модернизации общества. Она комплексна, многогранна и может быть успешно решена лишь при надлежащем управлении и в рамках всего государства — при рациональном использовании ресурсов территории, активизации потенциала всего населения и разумном управлении со стороны власти. Российская культура с тысячелетними традициями обладает множеством общепризнанных достоинств. Она есть способ жизнедеятельности многонационального народа России. Необходимо понимать ее духовную сущность (сознание), то, как она воплощается в реальном

поведении и деятельности людей и как отражается в общественных институтах (морали, праве, государстве, собственности, семье и т. д.). При анализе и оценке культуры следует менее погружаться в былое (великое прошлое) и думы по поводу нее (А. И. Гер-

цен), а больше проецировать жизнь на грядущее и в ней черпать источники, факторы и ресурсы ее созидания. Жизнь нуждается не в умозрительных абстракциях, а в конкретных действиях, которые действительно укрепят нашу Родину.

В. П. Большаков¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ПОЛИКУЛЬТУРНОСТЬ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ

Для истории человечества характерны две тенденции. Первая тенденция — к умножению количества отдельных социальных групп и их культур. Вторая — к объединению общностей и их культур в более мощные, но менее однородные явления, дробящиеся на разные культуры, субкультуры и подобные им образования. Процессы глобализации вроде бы должны усиливать вторую тенденцию. С этими процессами связывается целый ряд следствий, опасных для человеческих сообществ и культур. Одна из главных опасностей — утрата отдельными культурами их своеобразия, в том числе ценностного. Процессы глобализации содействуют тому, что современная массовая культура стирает самобытность культур: универсальными становятся не ценности духа, а скорее ценности цивилизации определенного типа.

Осознание подобных следствий глобализации привело к развитию идеи многополярного, поликультурного мира, в котором должно сохраняться своеобразие культур. При этом в ценностной системе каждой из них ядро составляют универсальные, общечеловеческие ценности. Теоретически стремление к этому на первый взгляд кажется вполне разумным. Однако если учитывать реальное состояние взаимоотношений современных человеческих сообществ, даже теоретически такое стремление к единству в многообразии напоминает призыв кота Леопольда: «Ребята! Давайте жить дружно!»

Конечно, глобализационные процессы протекают не так, как хотелось бы гуманистически настроенным людям. Тем не менее глобализация неизбежна, не может быть отменена, как бы ни старались антиглобалисты. Объективно глобализационные процессы направлены на создание единства человечества, складывание единой земной цивилизации, появление того, что в лучшем случае сможет на самом деле (а не фигурально) именоваться культурой человечества. К сожалению, в худшем случае возможно движение к единому человеческому бескультурью, цивилизованному варварству. Очевидно, что пока глобализация если и ведет к единству человеческих ценностей, то ценностей массовой, потребительской культуры.

Но альтернативы единству человечества тоже не существует. Если человечество не станет единым, то оно в скором времени исчезнет, будет погублено соперничеством, конкурентной борьбой разных цивилизаций и культур. Вопрос заключается не в том, быть или не быть единству, а в том, в какой мере это единство может реализоваться в качестве поликультурного.

В ответ на вызовы глобализации и омассовления культуры окрепла убежденность в том, что именно поликультурность, сохранение культурного своеобразия каждой из общностей людей позволит человечеству стать единым не на основе насилия. Во многих странах, в том числе и в России, звучат призывы к спасению национального и конфессионального своеобразия. При этом своеобразии видится не в тех ценностях, которые объединяют разные культуры. Часть российской гуманитарной интеллигенции выступает за возрождение традиционных для России ценностей, в частности ценностей православной веры. Попытка введения в школах предмета «Основы православной культуры» настораживает в связи с тем, что изучаются не основы культуры вообще, а именно православной культуры. Эта тенденция совмещается со стремлением к утверждению еще одной традиционной ценности — российской великодержавности, любви к отечеству, в образе которого сливаются государство, Родина и общество. Полнота образа Отечества требует наличия вождя, лидера, «отца» многонациональной страны, доверие к которому (а со временем и беззаветная преданность) также считается одной из ценностей, уже утверждаемых в новой России. По мнению некоторых ученых, Россия вообще не может быть демократической страной, и ценности демократии западного типа для нее неприемлемы.

Стремление к тому, чтобы отдельная страна, отдельная культура и далее в поликультурном мире максимально реализовывали свою «особость», позитивно только в том случае, если эта «особость» выражена в наличии и действенности ценностей, которые могут иметь универсальное общечеловеческое содержание, различаясь только в формах его выражения. Эти ценности следует поддерживать при помощи всего духовного богатства, которое накопила своеобразная культура. Среди таких ценностей выделяется ценность человеческой личности, потому что с точки зрения культуры именно она приоритетна по отношению к ценностям общества, государства, конфессии и т. д. Доминантной в общечеловеческом плане является

¹ Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. книг: «Ценности культуры и время (Некоторые проблемы современной теории и культуры)», «Своеобразие русской культуры в ее историческом развитии», статей по проблемам культуры.

и такая ценность, как совесть, которую Д. С. Лихачев считал ядром культуры вообще. Ценностями подобного рода выступают порядочность, благородство, «рыцарство», которое, по мнению Н. А. Бердяева, не должно исчезнуть содержательно.

Представляется, что подобные ценности, порожденные в процессе развития разных культур, могут и должны быть основой их движения к культурному единству. Но они не продуцируются массовой культурой. Однако массовая культура при всей ее мощи не обладает всеобъемлющим характером. Все культуры, столкнувшиеся с ней, содержат то, что ей противостоит. Кроме того, массы людей, попадающие под воздействие культуры потребительства, по своим ценностным установкам не принадлежат ей целиком.

Проблема утверждения приоритетности универсальных общечеловеческих ценностей — это прежде всего проблема их носителей, социальных слоев, культурной элиты человеческих сообществ. Чем шире эти слои и чем более они уважаемы, тем в большей мере они выступают в качестве «маяков» в области массовых ценностных ориентаций.

Вряд ли кто-то может ответить на вопрос, как содействовать расширению этих слоев, например, в России. Но то, что системы образования и воспитания, социальные институты культуры должны действовать в этом направлении, представляется очевидным. И это дело не одной России: «В конце концов, поднятие гуманитарной культуры во всем мире — это забота всего мира»¹.

**А. А. Гезалов оглы²,
А. А. Гамзаев оглы³**

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ АКАДЕМИКА ЛИХАЧЕВА

В начале III тыс. проблематика глобализации является одной из наиболее обсуждаемых. Обилие публикаций и подходов — свидетельство практической актуальности поднимаемых вопросов, сложности и многообразия этого явления. Глобализация — многоликий и многомерный процесс, действие которого сказывается на развитии отдельных государств и всего мирового сообщества, затрагивает все сферы человеческой деятельности.

Глобализация характеризуется сложным взаимодействием собственно культурного фактора и цивилизационного развития, его противоречивым, сложным влиянием на прогресс общества.

С конца XX века глобализация все более проявляет себя как социокультурное явление. Это обусловлено возникновением целого ряда сравнительно новых тенденций в процессе развития культуры в условиях глобализации: 1) увеличение скорости и масштабов социокультурных изменений в целом; 2) доминирование интегративных тенденций в культуре на фоне обострения тенденций ее дифференциации и диверсификации в различных социальных системах; 3) по-

вышение интенсивности культурных взаимодействий в информационном обществе; 4) наступление западной культуры, зачастую в весьма агрессивных формах (культурная экспансия, вестернизация); 5) рост масштабов культурной индустрии в связи с появлением транснациональных компаний в сфере производства культурных товаров и услуг; 6) усиление влияния глобализации на ценностно-нормативные основы национальных культур в процессе модернизации обществ; 7) глобализация символов и универсальной культуры, особенно массовой; 8) обострение потребности культурной идентификации в этих условиях; 9) расширение влияния английского языка в современных средствах коммуникации и общения.

Эти тенденции характеризуют различные грани проявления глобальных процессов в мировой культуре, показывают поистине «глобальный» масштаб глобализации в современном мире. Разумеется, каждая из перечисленных тенденций «обросла» множеством частных проблем, которые в совокупности существенно меняют жизнь современного общества в целом, несмотря на сохраняющееся многообразие.

В частности, в этих условиях массовая культура не только корректирует свою традиционную антиэнтропийную функцию, но и подчас угрожает осуществлению культурной идентичности в условиях унификации ценностей, языка, стандартизации и универсализации образа жизни (одежды, быта, информации), музыки, кино, моды и т. д. Доминирующая (глобализирующая) культура, используя свое технологическое и информационное превосходство, навязывает свои ценности, нормы и стандарты другим культурам.

Сегодня культурологические идеи академика Лихачева помогают в решении подобных задач. Его идеи неисчерпаемы, в новом историческом контексте они открывают все новые грани смысла.

Академик Д. С. Лихачев является выдающимся культурологом XX века. Дмитрий Сергеевич первым

¹ Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 401.

² Старший научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, кандидат философских наук, докторант Института философии РАН.

Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Трансформация общества в эпоху глобализации: социально-философский анализ», «Феномен глобализации в контексте диалога культур», ответственный редактор и составитель сборника материалов международной научной конференции, «Взаимодействие культур в условиях глобализации», посвященной памяти Гейдара Алиева и др.

Член экспертного совета научно-образовательного проекта «Кто есть кто и что есть что в глобалистике». Ученый секретарь Евразийской секции Российского философского общества.

³ Директор Астаринского государственного педагогического техникума, кандидат философских наук, заслуженный учитель Азербайджана. Член Российского философского общества.

в новейшей истории обосновал культуру как духовный базис общенационального бытия, а ее сохранение — как залог душевной безопасности нации. Вне культуры, неустанно подчеркивал он, настоящее и будущее народов и государств лишается смысла. Он раскрыл особую роль национального языка, который удерживает культуру как системную целостность, концентрирует культурные смыслы на всех уровнях бытия — от нации в целом до отдельной личности. Д. С. Лихачев обосновал значение культурного диалога как ведущего условия саморазвития культурной системы — чем больше у культуры внутренних и внешних связей с другими культурами, тем богаче она становится, тем выше поднимается в своем историческом развитии.

Не только работы, но и культурологический метод академика вносят существенный вклад в становление и развитие методологии культурологического знания, позволяя уточнить сферу научной компетенции, скорректировать категориальный и исследовательский аппарат.

Академик Д. С. Лихачев понимал культуру как целостность. Глубокий научный потенциал и высочайший нравственный пафос имеет идея Дмитрия Сергеевича о целостности культурных и природных систем, где целое предшествует части, определяя ее сущность и функции. Культура в его понимании есть некое «органическое целостное явление», «духовная среда», «сакральное пространство», утрата какой-либо части которого неизбежно ведет к общему падению культуры. Академик Лихачев отмечал, что культурология в этой ипостаси близка экологии — обе науки должны изучать всю взаимосвязанность системы, понимая мир природы и культуры как целое, которое предшествует бытию каждой части, определяет все ее проявления. При этом академик конструирует свое особое видение внутреннего морфологического строения культуры, выделяя своего рода культурные комплексы и исследуя их взаимовлияние и эволюции.

Следует сказать, что фундаментальной культурологической идеей Дмитрия Сергеевича, важной для сегодняшнего самосознания духовной уникальности, является его утверждение о том, что модели национального будущего коренятся в прошлом. Новое — в старом, но не стареющем, в ушедшем, но бессмертном, в забытом, но актуальном.

Гуманистичность культурологического метода, попытка выявить в историческом процессе ту его составляющую, которая определяет нравственный смысл истории народа, его «Божий замысел». Гуманизм культуры — это мера ее человечности, утверждения в качестве высшей ценности человека как личности, его права на свободное развитие. Дмитрий Сергеевич Лихачев в своих работах убедительно показывает, что развитие культуры осуществляется через хаос к гармонии, через просветление высшего смысла, усиление организованности культурных форм, увеличение личностного, гуманистического начала — «сектора свободы».

Глобализация как взаимодействие культур, описываемая более или менее целостной совокупностью разнородных тенденций (унификация, стандартизация, интеграция и суверенизация и др.), представляет в своей основе объективный, но управляемый процесс культурной универсализации в условиях бурного роста социальных взаимодействий. С конца XX века в современном мире ее разнообразные и противоречивые процессы развиваются «по горизонтали»: глобализация «внизу» предоставляет новые возможности для развития культуры и человека через постижение поликультурности мира; и «по вертикали»: глобализация «сверху» — через унификацию и универсализацию социокультурного многообразия в интересах доминирующих стран.

На наш взгляд, можно выделить четыре основных концепта: а) глобализация как линейный социокультурный процесс; б) «миросистемная» модель глобализации, предполагающая культурное разнообразие (И. Валлерстайн); в) модель «глобальной культуры», в которой решаются проблемы культурной идентичности личности, предполагающая как линейное, так и нелинейное развитие культуры, с приоритетом локального характера; г) концепция взаимодействия цивилизаций и культур (Civilization of Meeting) — встреча цивилизаций как их диалог на базе всеобщих ценностей. Позиция антиглобализма, «протестующего мировоззрения» не предоставляет конструктивных идей для выхода из ситуации глобализма. Поэтому можно сделать вывод о необходимости выработки глобализационной парадигмы на основе идеологии нелинейности и диалога культур.

Н. В. Голик¹

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ

Многочисленные публикации последних лет, посвященные толерантности в широком диапазоне ее проекций, сделали едва ли не аксиоматичными два положения:

— толерантность — ключевой духовно-нравственный принцип гражданского общества;

¹ Заведующая кафедрой эстетики и философии культуры Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографии «Этическое в культуре», научных статей по проблемам культуры.

— толерантность приобретает особую значимость для России в связи с особенностями переживаемого ею исторического периода.

2011 год будет отмечен знаком своеобразного «юбилея» — 20-летия распада СССР и всей советской системы. Итоги этих лет оцениваются аналитиками по-разному. Для риторики «реформаторов» характерны оптимистические ноты: в России произошла полномасштабная социальная революция. Пессимисты считают, что экономика страны не становится ры-

ночной, а трансформируется в нечто иное с явным средневековым оттенком. Безжалостен приговор философов и социологов, полагающих, что посттоталитарное общество «сорвалось» в очередной виток исторической неудачи, не сумев «справиться со своим прошлым, истерически заболтав свои комплексы и травмы» (Л. Гудков). Более взвешенным и спокойным представляется суждение, согласно которому «ситуация в России никогда не бывает безнадежно плохой, как это может показаться на первый взгляд» (Р. Брейтвейт). В числе причин, сдерживающих развитие российского общества, называются не столько экономические и политические, сколько культурные: образ мышления и соответствующие ему нормы жизни и поведения российского обывателя. Если говорить о движении вперед, то необходимы сдвиг культурного характера и изменение структуры ментальности. Это невозможно без понимания этоса постсоветского человека, современного состояния общественных нравов, анализа болезненных точек национальной идентичности.

Отмеченное двадцатилетие предстает периодом абсолютной *интолерантности*. Фундаментальные социально-экономические процессы строительства капитализма в стране выявили и продемонстрировали природу «нового» отношения человека к миру. Ключевое слово в определении природы этого отношения — *захват*. Захват и насилие оказались не случайным «помрачением разума», а длящимся до сих пор естественным состоянием, постоянным спутником которого стали ксенофобия и этнодискриминация.

Социологические опросы фиксируют рост ксенофобии в России со второй половины 1990-х годов, который нарастает с началом второй чеченской войны. Как всякое массовое явление, ксенофобия свидетельствует о состоянии «ткани» культуры, уровня цивилизованности человека, если под культурой, опираясь на этимологию слова, подразумевать бережное возвращение человеческого (духовного) в человеке. Рост ксенофобии обусловлен несколькими причинами. Среди них можно выделить: историко-культурные (формирование образа врага как необходимой инстанции для сплочения нации); социально-политические (этнодискриминация: депортация, многолетняя политика государственного антисемитизма, на смену которой пришло «специфическое» отношение к людям так называемой «кавказской» национальности); политику государства в проведении реформ; социально-психологические (необходимость адаптироваться к новой экономической реальности, отказываться от привычных патерналистских стратегий); социальное расслоение, достигшее опасной черты, когда половина населения оказалась на грани обнищания и на экзистенциальном уровне испытывала ощущение «заброшенности», абсолютного одиночества и бессмысленности существования.

Вместе с тем сознание этнического большинства маркирует дискриминацию меньшинства как естественное и нормальное состояние, оценивает его как нечто привычное. Привычка, как известно, не замечается. Сознание большинства не восприимчиво,

не чувствительно к проблеме дискриминации. Отсутствует иммунитет недопустимости или, наоборот, присутствует иммунодефицит недопустимости дискриминации. Анализ массовых опросов последних лет убедительно доказывает следующее: «Сегодня нельзя найти ни одной группы в российском обществе, которая была бы совершенно свободна от тех или иных этнических фобий или антипатий». Речь не идет, конечно, об отдельных представителях.

Но если ксенофобия — норма, следовательно, в иерархии ценностей данной культуры отсутствует уважение к человеку и благоговение перед ним, ибо норма — это бытие ценности, а ценность не декларация и лозунг и не просто знание, это ориентир, императив человеческой жизни в целом и конкретного поведения в реальных ситуациях повседневности. Очевиден факт «нравственной амнезии», поскольку принцип «не причинения вреда Другому» («никогда не делай зла, не отвечай злом на зло») воплощает фундаментальное нравственное основание. Эта максима, сформулированная еще в недрах античной культуры, задавала определенную установку «выхода», выведения за круг насилия и агрессии. Именно эта максима в качестве основополагающего пункта конституирует один из первых в истории европейской культуры корпоративных кодексов — клятву Гиппократу, сохранившую свою универсальную значимость до сих пор. Позже нравственное богословие христианства воплотит античное «послание» в апостольском принципе: «Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно...» (Послание к галатам св. ап. Павла, 3: 28).

Проблема ксенофобии, которая встала в России особенно остро, связана с еще одним важным феноменом — так называемой авторитарной личностью. Подобно металлической детали, отлитой и отшлифованной на конвейерной сборке гигантской конструкции тоталитарного механизма, она исполняла известную роль «винтика» и была призвана обеспечить бесперебойную работу социального целого. Разработанная философами, социологами и психологами Франкфуртской школы концепция авторитарной личности устанавливала зависимость этнонеприятности (в частности, антисемитизма) от комплексов личностных характеристик. Иначе говоря, детерминацию ксенофобской установки следует искать прежде всего в личности ее носителя. Авторитарную личность характеризуют: конформизм, ригидность мысли, нетерпимость, склонность к стереотипам, отсутствие критической рефлексии, сексуальное подавление, страх и отвращение, вызываемые всем «неидентичным», недостаток воображения, неспособность к автономному, критически-когнитивному опыту. Все описываемое — феноменологический уровень проблемы, то, какой она предстает в реальности, на уровне демонстрации.

Попытка выйти на онтологический уровень, как правило, латентный, скрытый, приводит к установлению параметров, характеризующих авторитарный тип личности. Его отличают три существенных признака: конвенционализм (ориентация на общепринятые нормы и правила), авторитарное раболепие

(мазохистский компонент), авторитарная агрессия (садистский компонент). Естественно, что в реальности сочетание этих признаков и доля каждого из них в конкретном индивиде могут быть различными. Однако при всех возможных сочетаниях авторитарному типу характера присуща одна особенность — «недостаточная интеграция моральных законов, по которым живет индивид, с остальной структурой характера». Это означает, что нарушается динамика взаимоотношений между «Я» (совокупностью различных функций самоконтроля и самовыражения индивида), сверх-«Я» (совестью) и глубинными слоями структуры характера. Слабость интеграции моральных законов или отсутствие интеграции приводит к «умиранию» «Я», «превращению “Я” в чужеродное тело», поскольку исчезает фундаментальная функция самоконтроля «Я». Без этой функции «Я» теряет способность синтеза, установления и поддержания согласия, мира с собственной совестью (сверх-«Я»), «создания необходимых связей, позволяющих «совести, эмоциональным импульсам и самости существовать в относительной гармонии». Отсутствие такого синтеза создает благоприятную почву для ригидности, неуверенности и всплесков глубинной агрессии, ибо импульсы, особенно агрессивные и сексуальные, существуя вне контроля «Я» и остающиеся чуждыми «Я», неизбежно будут сильными, бурными и «работать» в режиме «гиперреализации».

Концепция «авторитарной личности» Т. Адорно дала мощный импульс дальнейшим исследованиям природы человеческого существа и получила подтверждение в ходе известных экспериментов

Зимбардо и Милгрэма, которые устанавливали ограниченный диапазон констант, определяющих поведение человека: укорененное в глубинах характера сознание необходимости повиновения авторитетам (раболепие) и неискоренимое стремление к власти (агрессия). Если принять это положение как некую реальность, обнаруживаемую в человеческой природе, то, подобно антагонизму (Муфф, Лаклау), эта реальность никуда не может исчезнуть. Ее можно понимать, по Лакану, «как твердое ядро, противящееся символизации, неподвластное диалектике, всегда упорно возвращающееся на свое место». Следуя логике Лакана, можно сказать, что реальность, обладая рядом свойств и вызывая ряд последствий, является главным образом наслаждением. Однако существует «механизм» контроля и ограничения принципа наслаждения — этический императив, который Лакан называет «модусом наличия реального в символическом: *Fiat justitia, pereat mundus* (Пусть погибнет мир, но торжествует правосудие!)». Иначе говоря, этическое в сущностном и прямом значении этого слова как воплощение волевого начала в человеке тоже возвращается на свое место с неизбежностью «твердого ядра», формирующего императив моральности или трансцендентной универсальности нравственного, а значит, толерантности в качестве всеобщего свойства человеческой психики. Следовательно, необходимо очистить собственное сознание от призраков и идолов, заставляющих априорно относиться к «Другому» как к «носителю жала» (Б. Вальденфельс), как к чужому, постороннему, врагу, и постоянно совершать усилие возвышения над собственной ограниченностью.

В. В. Горшкова¹

ДИАЛОГ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТРАДИЦИОННОЙ И МОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Открытие границ социокультурного пространства России вследствие распада советской системы стимулировало рост возможностей культурного выбора, обусловленный включением в глобальные сети обмена информацией и интеллектуальными ресурсами. Появились готовые модели потребления и культурные образцы не только Запада, но и Востока. Активно возрождались и приспособлялись к современным потребностям и собственные культурно-исторические традиции. В итоге существенно расширилась база культурно ориентированных форм социального опыта, свойственных в советское время представителям небольших групп интеллигенции. Но, в отличие от советского периода, их ядром стали импортные критерии потребления и жизненные стили, обеспечивавшие более комфортное существование личности и микрогруппы.

Такого рода потребности постепенно вызревали уже в недрах советского общества, ибо в ситуации все

увеличивавшегося дефицита товаров, услуг и информации повышение качества жизни нередко превращалось в проблему культурного выбора. Подключение России к глобальному информационному пространству поставило этот выбор в жесткую зависимость от экономического благосостояния человека.

Адаптируясь к условиям российской действительности, известные формы социокультурного опыта претерпевали серьезные модификации. Несмотря на привычную для западных моделей гражданского общества форму, будь то гуманитарные инициативы, благотворительные акции или правозащитные движения, их содержательная сторона оставалась направленной на решение задач выживания и социализации на уровне микросоциума.

Распространившаяся в постперестроечные годы практика прямого заимствования западного опыта ускорила процессы социальной стратификации. Стратификационные сдвиги воплощались в многообразных культурно-интегрированных формах. С этой точки зрения обоснованной представляется

¹ Заведующая кафедрой социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор.

оценка российской социокультурной динамики как движения от моностилистической культуры к полистилистической. Основным признаком последней является отсутствие четкой целеориентированности в ходе возникновения и развития новых культурных образцов и стилей. Это неотъемлемая черта модернизации в условиях глобализации.

В результате современное социокультурное пространство остается неоднородным и крайне противоречивым. Оно распадается на отчетливо выраженные субкультурные ареалы, среди которых можно выделить несколько базовых: «средний класс», «новые русские», «новые бедные», маргиналы, криминалитет, альтернативные молодежные субкультуры. Их представители ориентируются на различные культурные модели и стратегии жизненного выбора. В качестве принципа стратификации российского общества в ряде социологических исследований предлагается уровень адаптации к проводимым преобразованиям. Однако этот универсальный для переходных систем признак напрямую не соотносится с критериями геополитического выбора элитных групп, задающих приоритеты трансформации.

Под воздействием глобальных процессов трансформирующийся социум распадается на общности разной степени интегрированности в глобальный миропорядок. Это, во-первых, «элитная» группа «включенных» из числа представителей высшего бизнеса, ориентированная на взаимодействие в рамках глобальных сетей обмена информацией и интеллектуальными ресурсами. Далее следуют активные пользователи каналов «сетевого мира», повышающие с их помощью свой профессионализм, благосостояние и статусные позиции. Эти две группы имеют существенный инновационный потенциал, но они малочисленны и пока «привязаны» к крупным городам, корпоративным структурам или сетевым проектам с участием иностранных партнеров. Третью, самую массовую, группу образуют пассивные потребители глобального информационного и масскультурного продукта. И, наконец, в последнем приближении к модернизационным процессам расположен слой социальных маргиналов, отчужденных даже от примитивных моделей глобального потребления.

Хотя процессы социокультурной дифференциации и способны формированию жизненных стилей, альтернативных традиционным, подобная динамика отчасти компенсируется устойчивостью институтов, составляющих ядро культуры. Не утратили своего значения системы неформальных связей и механизмы взаимодействия, представляющие институты публичной сферы. Наличие такого своеобразного механизма социокультурной динамики подтверждают результаты кросскультурных исследований. Так, по оценке социологов, проанализировавших уровень распространения коррупционных практик в 85 странах, Россия входит в десятку наиболее коррумпированных государств мира.

О широком распространении в России теневых практик свидетельствуют и отечественные ученые. Вместе с тем некоторые из них полагают, что снисходительность к коррупционно-теневому поведению, поддерживающая такие практики, не означает

их признания; речь идет о рациональном поведении человека с неревольюционной психологией, которое не мешает понимать и осуждать самое явление, несовместимое с модернистской культурой. По данным опроса ВЦИОМ, к носителям модернистской культуры исследователи относят около 70 % россиян. Иными словами, утверждается, что ценности почти 3/4 российского социума противоречат системным устоям власти и сложившейся модели государственного управления. В результате государство и общество фактически разводятся по разные стороны традиционалистских и модернистских ориентаций.

Однако в действительности мы имеем дело скорее с вербальным выбором в пользу модернистских культурных ценностей и потребительских стандартов, который не всегда сопровождается соответствующими изменениями в социальном и политическом поведении, о чем свидетельствуют, как правило, политический эскапизм, конформизм и высокий уровень аполитичности, демонстрируемые сторонниками модернистской культуры. Такие настроения характерны для индивидуализированных обществ, в становление которых глобальные процессы вносят элементы неуправляемости, неподконтрольности, стихийного развития. Вместе с тем значительным остается ареал распространения традиционалистских ценностей, особенно за пределами больших городов, в сельской местности. Нередко и те и другие установки относительно мирно уживаются в одной личности или в микрогруппе, формируя интегрированное сознание.

Поиски устойчивой социокультурной идентичности корректируют систему ценностных предпочтений, формирующуюся в претерпевающем трансформационные сдвиги социуме под влиянием потребности информационного общества. На уровне обыденного социального опыта происходит усвоение универсальных для западной цивилизации потребительских образцов и жизненных стилей. Идентификация с Западом нацелена на прагматическое использование достижений глобального мира и утверждение в нем места России.

Императивы социокультурной динамики диктуют в качестве стратегической задачи создание возможностей доступа ко всем достижениям мировой культуры, в том числе и самым последним, каждому члену общества, то есть ориентацию на эффективность и конкурентоспособность отдельной личности, на рациональный выбор жизненной стратегии. Но коллективный социальный опыт подталкивает к таким формам включения в сетевой мир, которые находятся в видимом конфликте с сохранением ценностно мотивированной индивидуальной, групповой и национальной идентичности.

На уровне элитных групп и институтов, в рамках которых эти группы взаимодействуют в ходе принятия решений, идейные предпочтения и идеологические оценки вытесняются выбором в пользу тех или иных прагматических интересов. В то же время в массовых группах процессы артикуляции интересов идут медленно и болезненно, преодолевая одномерные установки ценностно мотивированной идентичности. Российский социум продолжает пребывать в состоянии глубокого внутреннего конфликта между

«элитными» и массовыми слоями, между «включенными» в сетевые структуры информационного общества и «остальными».

Разрыв между культурным потенциалом населения и темпами развития «культуры участия», между слабостью консенсусных установок в массовом сознании и императивом привлечения как можно более широкого круга заинтересованных сил к реализации социально ориентированной стратегии развития страны обуславливает противоречивость тенденций социокультурной динамики нашего общества. В отечественной истории такие противоречия уже не раз решались путем использования мобилизационной модели развития. Однако оптимальные параметры участия государства в становлении информационного диалога между представителями различных слоев общества в России остаются неопределенными.

Формируясь на стыке модернистской и традиционалистской ориентаций, вектор российского социокультурного диалога пролегает в системе координат глобализации и поиска своего места в миропорядке. Национальные интересы отождествляются с государственными, а последние нередко подменяются интересами стоящих у власти элитных групп. Высокий уровень социальной разобщенности препятству-

ет накоплению культурных ресурсов модернизации. Параметры социокультурной динамики задает диалогическое взаимодействие не устоявшихся культурных моделей и социального опыта трансформирующегося социума, разобщенного по различным направлениям.

Таким образом, современная российская культура осознает себя как множество радикально различных форм миропонимания, и различия эти не исчерпываются принадлежностью человека к той или иной национально-этнической или социальной группе. Простая осведомленность об инокультурных ценностях, не включенная в собственный опыт и ценностный мир личности, зачастую оказывается употребленной «во зло». Способы и формы миропонимания, язык, верования, нравственные установки, мотивации поступков — константы, определяющие культурную идентичность человека, нередко осваиваются в социально неприемлемых формах. И здесь альтернатива одна — организация паритетного диалога культур, в котором достигается взаимопонимание представителей различных цивилизаций в условиях реального равноправия участников данного диалога и признания ценностей Другого в контексте сохранения собственных.

В. М. Дианова¹

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ТРАКТОВОК УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Для того чтобы яснее представить характер преобразований, вызванных глобализацией, необходимо ввести ряд инструментальных понятий, которые обозначают и уточняют суть этих преобразований. Таковым является понятие «универсализация», используемое при рассмотрении результатов практического претворения процессов глобализации, в которых реализуется новый способ отношений между культурами.

Понятие «универсализация», к которому прибегают исследователи при обозначении феноменов культуры, бесспорно, обладает некоей притягательной силой, поскольку в нем заложена мысль о сопричастности тех или иных явлений Универсуму — всеобъемлющему миру, Космосу. Мы исходим из того, что Универсум неизбежно несет в себе ценностную установку, ведь это тот «дом», в котором живет человечество. И поскольку человечество неустанно задается вопросом о том, как достойно жить в этом доме (так как его деятельность не стихийна, а им самим управляема), постольку некие созданные им установления, принципы, процессы, претендующие на

роль всеохватывающих, были объявлены «универсальными».

Ретроспективный анализ позволяет обнаружить эволюцию трактовок универсализации культуры. Так, характерный для эллинской культуры «универсальный принцип *разума* и *слова* встретился лицом к лицу с религиозным началом абсолютного, универсального *монотеизма*»². В Новое время на смену универсалистской силе христианской религии пришло иное применение понятия «универсальное»: его распространили на трактовку роли и значения *знания* в жизни человечества, к обретению и накоплению которого устремилась наука. Со временем эти универсалистские притязания науки, морали и права, выраженные в проекте Просвещения, также подверглись критике. Однако единодушия в этом не было. Английский политический теоретик Дж. Грэй призывает «отказаться от универсалистского проекта западных культур, ставшего в наших исторических условиях нигилистическим выражением воли к власти, и заменить его готовностью к существованию с имеющими иную природу культурами»³. Осуждая универсализм как некую экспансию западного мышления, Грэй настаивает на формировании принципиально иного типа культуры, которому будет присуще разнообразие «несоизмеримых идей и ценностей»; культура будет плюралистична — этот факт он расценивает как некий истори-

¹ Профессор кафедры культурологии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Постмодернистская философия искусства: истоки и современность», «Философия искусства (Античность. Средневековье)», «Философия культуры», «Культурология», «Культурология: основные концепции» и др. Главный редактор вестника «Философское образование». Член Российского философского общества.

² Трубецкой С. Н. Сочинения. М., 1994. С. 117.

³ Грэй Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности: пер. с англ. М., 2003. С. 341.

ческий дар, которым надо наслаждаться и который надо принять. Этот вывод вполне приемлем, однако нельзя принять его противопоставление процессов универсализации и плюрализации: на протяжении всей книги «универсализм» трактуется Грэм лишь в русле просвещенческих идей и настойчиво подчеркивается «антиуниверсалистская направленность идеи плюрализма ценностей»¹. Между тем эти два понятия неразрывно связаны: универсальное еще в трактовке И. Канта может быть понято только через множественность.

Трактовка понятия «универсализм» в последние десятилетия XX — начала XXI века претерпела существенные изменения, вызванные динамикой самого культурно-исторического процесса, поэтому необходимо уточнить его смысловую нагрузку. Для того чтобы подчеркнуть его новую смысловую нагрузку, ученые вносят уточнение — «новый универсализм». Его формирование обусловлено тем, что постепенно исчерпывается роль Запада как мироисторического субъекта. «Симптом этого исчерпания проявляется в осознании Западом того, что его культура уже не есть безусловный и доминирующий центр мира», что он «признает необходимость “другого” (как это выражено постмодернистским культурным сознанием)»². Именно постмодерн подготовил почву для объяснения сосуществования множественности в едином универсальном пространстве. Постмодернистские «умеренные версии способствовали преодолению односторонности представлений о целостности мира в духе модернизаторского универсализма»³. Новый универсализм, как и старый, прежний универсализм, постулирует целостность мира/человечества. Однако способы или принципы видения этого целого весьма различны: целостность предмета основывается в новой методологии на признании всеобщности связей, лишенной универсально-нивелирующего характера, связи, участники которой в принципе разнородны, творчески активны, а их основания выглядят не как эманация целого, а как сочетание определяемых и определяющих это целое.

На необходимость различения понятий «универсализм» в старой и новой трактовке обращают внимание, помимо цитируемого М. А. Чешкова, и другие ученые. М. Н. Эпштейн предлагает ввести понятие «критическая универсальность», под которой он понимает способность того или иного консенсуса «занять критическую дистанцию по отношению к себе, вобрать ценности других консенсусов и культур, а главное — ценность согласия на разногласия»⁴. Это суждение — существенный шаг вперед в продвижении по пути концептуального осмысления того культурного многообразия, которое формируется в результате процессов глобализации. Эпштейн дает существенные разъяснения по поводу иного состояния множественности в условиях универсализации, по сравнению с предшествующей трактовкой это-

го феномена в постмодернистских теориях. Он поясняет, что в положительной оценке многообразия универсализм заодно с плюрализмом, только признание этого многообразия не ведет к отказу от оценки, а становится критерием самой оценки. Универсализм нового типа способен придавать ценностный характер идеалам других культур.

Универсальность культуры формируется посредством процессов преемственности, заимствования, усвоения, то есть при условии ее открытости. Универсализм присущ всякой культуре, однако он может иметь разный потенциал. В процессе генезиса культуры в отдельные периоды степень универсальности иногда затухает, становится неявной, забывается, и тогда возникает идея «локальности», «самобытности», «непреходящих» ценностей. Д. С. Лихачев рассматривал принцип универсализма в качестве одного из оснований европейской культуры⁵. По мере развития западноевропейской культуры на смену универсализму пришел локализм, знаменующий собой устойчивый период в ее развитии. Но и этот тип мировоззрения стал подвергаться разрушению, которое началось с романтиков — они «раскачивали лодку» европейской самобытности. Эти процессы нарастали, в XX веке было связано с усилением информационных потоков, миграцией, новыми экономическими формами международного сотрудничества, тяготением к усвоению опыта иных культур, обусловленным не только разочарованностью в западных ценностях, но и просто потребностью в новизне, переменах. Возникла необходимость во взаимосоотнесенности всех компонентов человечества, вовлекаемого в глобализационные процессы. Процессы заимствования, осознание утраты собственной самобытности, потребность в смене бытующих моделей в сфере образования, воспитания, художественного творчества, права усиливаются именно в переходные периоды эволюции культуры. Культура в такие периоды во многом утрачивает свою прежнюю самоидентичность, ибо происходит взаимопроникновение, ассимиляция, гибридизация, взаимовлияние и другие процессы межкультурного взаимодействия.

Новый универсализм, соответствующий тенденциям нынешнего этапа глобализации, не предполагает полной подчиненности частного и особенного всеобщему и целому. Универсальность в контексте глобализации понимается как результат усложнения междивизиационных и межнациональных связей. Она подразумевает равенство партнеров социокультурного процесса, возможность ведения «равноправного диалога».

В завершение изложенной темы отметим, что современные исследователи ставят задачу формирования новой науки «универсики» — так обозначена область изучения и понимания универсального, трактуемого как состояние открытости каждой культуры опыту иных культур⁶. Стремление к универсализму — это способ трансгрессии каждой культуры, движение

¹ Грэй Дж. Указ. соч. С. 149.

² Чешков М. А. Глобальное видение и новая наука. М., 1998. С. 52.

³ Чешков М. А. Глобалистика: поиски предмета: сб. ст. М., 2002. С. 9.

⁴ Эпштейн М. Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М., 2004. С. 648.

⁵ Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Наше наследие. 1991. Вып. VI (24). С. 15.

⁶ Эпштейн М. Н. Указ. соч. С. 635–651.

к формированию транснациональных ценностей, институтов, форм взаимодействия. Такое движение способствует расширению этнических, профессиональных, языковых границ, активизирует создание соответствующих этим изменениям иных культур-

ных установлений. В новой культурной среде формируется новый человек, универсально мыслящий, способный усвоить и оценить культурные ценности всего многообразного универсума. Таковы перспективы развития человеческой цивилизации.

О. А. Жукова¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ В ГЛОБАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ СОВРЕМЕННОСТИ: ВОЗМОЖЕН ЛИ НОВЫЙ УНИВЕРСАЛИЗМ?

Современность характеризуют мощные разнородные социальные процессы, ведущие к значительным культурным трансформациям. Их признаком является распад привычных картин мира. Как представляется, предметом осмысления для экспертного гуманитарного сообщества должны стать как сами распадающиеся структуры ментальности, укорененные в определенных социально-культурных традициях, так и их новые версии «сборки», создающие глобальный мир. И здесь культурологическая стратегия исследования вступает в область взаимодействия с философским познанием, призванным осуществлять, по словам М. К. Мамардашвили, «рефлексию над предельными основаниями культуры»². Сможет ли с помощью языка философской и научной рациональности понять себя современная культура и использовать его для смыслополагания и саморазвития? Ведь контекст происходящих событий крайне сложен. Цивилизационные процессы активно видоизменяют не только политические институты и социальные практики, но и устоявшиеся границы культурных миров. Культуры в их языковой, религиозной, бытовой, хозяйственно-экономической и политической форме выражения все менее привязаны к национальным традициям. Метафизические смыслы культуры, транслируемые традицией, теряют свою значимость вместе с деактуализацией религиозно-культурных практик, образывавших ранее границы не только национальных государств, но и цивилизаций.

Отрыву культуры и человека, ее носителя, от конституирующего идеального типа способствует и утверждающаяся информационная парадигма, претендующая на универсальный цивилизационный формат. Ее технологическая составляющая связана с новым типом теле- и интернет-коммуникаций, а содержательная сторона определяется образом маклюэновской глобальной информационной деревни с особой формой социальных связей, опосредствуемых медиакulturой³. Онтологизация культуры происходит уже не в акте создания произведения, уподобленного творчеству Бога, а информационного

продукта, существующего в мире знаков и значений. Воспринимаемая и опытно переживаемая реальность структурируется особым рода событиями — информационными. Укладности культур смешиваются, обыденные и высокие практики становятся пронизываемыми друг для друга, мир имеет только одно измерение — актуальной повседневности, которая поддерживается онлайн-информационным потоком. В данном контексте информационную культуру, ее коммуникативные технологии можно считать важнейшим инструментом технологического и ценностно-смыслового переоснащения обществ в процессе «освоения» современности и построения глобальной цивилизации. Она репрезентирует новый универсализм жизненного уклада и структуры ценностей, характерные для открытого (сетевое) типа социальной самоорганизации. Коммуникация в информационной культуре выступает порождающей моделью смысловых и структурных элементов социальной жизни. Универсализм информационной культуры проявляется в том, что она:

- предлагает способ актуальной жизни — быть в курсе событий, ощущать причастность к миру и его событиям;

- выступает как структура опосредствования между «я» и «мы», представленным многообразием социальных и культурных общностей;

- берет на себя функцию письменной культуры, или исторической памяти, — хрониста культурных событий;

- задает цели, ценности и смыслы через трансляцию образов и стилей жизни, формируя представления об идеале, должном, значимом, популярном, модном и т. д.;

- утверждается в качестве технологии передачи и наследования социальной информации;

- через интерактивные формы взаимодействия со зрителем и пользователем приобретает качество универсального способа социальной коммуникации, другими словами, становится местом социализации.

С известной долей уверенности можно утверждать, что технологическое развитие современной цивилизации «переформатировало» как историческое время, так и культурное пространство, а «восстание масс» получило новую форму социальности. Универсалистский характер постиндустриальной цивилизации подчеркнут также претензией на власть и знание, то есть на политическое и духовное лидерство. В этом случае целе-ценностной стратегией гло-

¹ Профессор Столичной финансово-гуманитарной академии, доктор философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Актуальность традиции: художественное творчество в истории русской культуры», «Русская культура: онтология Слова и Образа», «Метафизика творчества: искусство и религия в истории культуры России», «Лекции по истории русской культуры».

² Культурология как наука: за и против : круглый стол, Москва, 13 февраля 2008 г. СПб., 2009. С. 94.

³ Подробнее об это см.: Кириллова Н. Б. Медиакulturа: от модерна к постмодерну. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.

бального проекта современности следует признать ремифологизацию-демифологизацию сознания, то есть противоборствующий процесс созидания и разрушения социально-политических, культурно-исторических и личностных мифов.

И здесь неизбежно возникает вопрос о самой возможности социально-исторического творчества в современности, который встает перед культурами, имевшими длительную историю создания и «самозаписи» культурного предания, привязанного к метафизическим системам, своего рода исторической мифологии, послужившей основой формирования национального самосознания. О судьбе Европы во «Введении в метафизику» рассуждает М. Хайдеггер¹. Как выглядит ситуация? Культуры до-модерного и современного типа, входя в стадию постмодерна, становятся участниками современного технологического проекта современности, ориентированного на инновацию и инструментальное мышление, которое не озабочено проблемой метафизических оснований бытия и не имеет целью транслировать опыт переживания мира как целого. А именно подобный опыт составляет ядро цивилизаций периода «осевого времени» и национальных культур, формировавшихся под влиянием религиозных традиций.

В этом случае уместно ли говорить о метафизическом измерении современной культуры? На наш взгляд, оно может быть сохранено в процессе смыслополагания национальными культурами, в своем историческом развитии достигшими универсальных ценностных и смысловых значений, по крайней мере, той культуры, которая явилась прароди-

тельницей философской рефлексии и науки и выступила локомотивом современности. Казалось бы, будучи наследниками христианской цивилизации, защищенными ее научными открытиями, философскими аргументами и мистическими прозрениями, сегодня мы сталкиваемся с ситуацией, вызывающей сильную озабоченность. Отчетливо прослеживается, с одной стороны, тренд, связанный с понижением статуса интеллектуальной культуры, воплощающей базовую свободу человека — свободу самопознания. С другой стороны, проявляет себя тенденция деградации метафизического и ее носителя — религиозного сознания. Полюса разнесены очень сильно: на одном — катастрофический дефицит рациональности в социальных и культурных практиках, на другом — изгнание мистического опыта и метафизики, подмена его различными суррогатами.

Здесь-то и может быть востребована идея Д. С. Лихачева об универсальном значении национальных культур во всемирном тезаурусе культуры, его образ земли как Эрмитажа, «несущегося в космическом пространстве»². В этом смысле XXI столетие может стать веком не заката, а расцвета национальных культур, гармонизованных единой интуицией целостного мировоззрения — такого образа бытия, который не исключает координату вечности. И тогда самой важной духовно-творческой задачей христианской цивилизации Европы и русской культуры, как ее части, в этой новой универсальной симфонии культур окажется «проект» онтологизации опыта жизни человека и общества, возвращающихся в будущее через историю, через культуру.

С. Н. Иконникова³

«ТЕКУЧЕСТЬ» КАК МЕТАФОРА ИЗМЕНЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Современное общество является предметом многочисленных и острых дискуссий. «Информационное, сетевое, открытое общество», — утверждают одни. «Общество риска, постмодерна», — считают другие. Почти не используются прежние характеристики постиндустриального или посткапиталистического общества. Термин «социализм» тоже применяется крайне редко, чаще говорят «советские времена». Социальные процессы заменяют глобализацией, интенсификацией, модернизацией, трансформацией. Почти исчезло такое понятие, как «прогресс», культура рассматривается как часть или даже синоним цивилизации. Книги «Конец истории» (Ф. Фукуяма), «Прекрасный новый мир» (О. Хаксли), «1984» (Д. Оруэлл), «Конец идеологии» (Д. Белл),

«Третья волна» (А. Тоффлер), «Столкновение цивилизаций» (С. Хантингтон) стали классикой социального прогноза. Но ответ на вопрос: «Как называть современное общество?» остается неясным, все чаще современный мир определяют как «переходный» от прошлого к будущему. Прежнее состояние социума отличалось четкой социальной, экономической, политической структурой, почитанием идеологических, нравственных ценностей и традиций, ограничением свободы, жестким подчинением власти и закону. Эти черты в разной степени были присущи буржуазному и социалистическому общественному строю, либеральному и тоталитарному режиму. Это было общество монолитной структуры «твердых тел», имеющих четкие очертания и не поддающихся глубинным переменам. Сохранение монолитной структуры общества было главной стратегией политической деятельности и управления.

Однако монолиты крепки, но не вечны. Они подвержены старению, от них откалываются отдельные части, они со временем рассыпаются и исчезают. Такова судьба многих империй и цивилизаций. Они не исчезают вообще, но переживают процесс

¹ Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб., 1998. С. 119.

² Лихачев Д. С. Диалоги // Лихачев Д. С. Круг чтения. М., 1991. С. 164.

³ Заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор СПбГУП, доктор философских наук, академик Российской академии естественных наук, академик Международной академии наук высшей школы, заслуженный деятель науки РФ.

изменений, инноваций, превращающих их в новое состояние, именуемое переходным, маргинальным, эклектично соединяющим прежние структуры и новообразования. В этот период инерция общественного и индивидуального сознания сохраняет многие понятия, символы, идеи, ценности. В результате новые структуры часто продолжают действовать по-старому, одновременно «мертвы и все еще живы». Но постепенно процесс социального развития подрывает прежние устои, разрушает защитную броню укрепившихся традиций, верований и ценностей, вносит настроения скептицизма, критики, разочарования и отказа. Происходит «плавление», разжижение твердых тел, еще недавно считавшихся незыблемыми. Твердые структуры меняют не только форму, но и содержание. Они теряют четкие очертания, становятся устаревшими, утратившими свое социальное и культурное предназначение. Для того чтобы двигаться вперед, социальная система должна «снять тормоза», увеличить подвижность, открыть простор инициативе. Эти мысли высказывал французский историк XIX века А. де Токвиль в книге «Старый режим и революция», объявляя старые структуры и социальные институты безнадежно отсталыми и ненадежными, подлежащими «революционной переплавке».

Эти идеи вновь стали привлекать внимание социологов, но не как призыв к революции, а как способ обновления и инновационного развития современного общества. Немецкий исследователь Клаус Оффе в книге «Узы, кандалы, тормоза» (1987) отмечает, что либерализация должна ослабить жесткое регулирование и ограничение свободы, создать гибкие структуры управления. Это придаст социальной системе ускорение развития и откроет простор инициативам. Социолог Ульрих Бек в работе «Политика в обществе риска» (1999) предложил термин «вторая современность». Эта современность отличается растворением прежних сословий, подвижностью социальных институтов, ломкой границ, разрушением традиций и норм, изменением графика труда и отдыха. Возникают новые ориентиры и ценности, определяющие стратегию жизни. «Вторая современность» развивается вначале в форме отказа, но затем новые идеи, социальные институты, ценности обретают необходимую устойчивость и твердость.

Известный социолог Зигмунт Бауман, почетный профессор Варшавского университета, употребляет «текучесть» и «жидкость» как метафоры изменчивости современной эпохи, в отличие от предшествующих. Жидкости легко перемещаются, они подвижны, изменчивы, меняют форму. Они текут, проливаются, иссыкают, брызгают, переливаются, затопляют, расплываются, капают, просачиваются, выделяются, в отличие от твердых тел, их нелегко остановить — одни препятствия они обтекают, другие растворяют, через третьи просачиваются. Эта удивительная подвижность жидкостей связывает их с идеей легкости. «Таковы основания для того, — утверждает Бауман, — чтобы считать “текучесть” или “жидкое состояние” подходящими метафорами, когда мы хотим постичь характер настоящего, во многих отношениях нового этапа в истории современности»¹.

Для построения нового порядка необходимо избавиться от «священных принципов» и неприкосновенных социальных структур и ценностей, паутины этических норм, связывающих людей и препятствующих движению вперед.

Переход к новому состоянию означает не только избавление от балласта, но и увеличение социальной мобильности во всех сферах жизни. Как отмечает Бауман, «эра безоговорочного превосходства оседлости над кочевым образом жизни и доминирования оседлого населения над подвижным в целом быстро заканчивается»². Изменчивость — ключевая особенность, из которой вытекают все другие характеристики современного общества. Подвижность, мобильность, миграция становятся показателями современного образа жизни. Человек меняет города и страны, места работы и профессии, все чаще брак становится многократным, изменяются политические симпатии и потребительские вкусы, художественные предпочтения и нравственные ценности. Мир постепенно избавляется от визовых режимов, делает границы прозрачными, свободными от финансовых, идеологических и иных барьеров. Мобильные телефоны и Интернет стали предвестниками свободы коммуникаций. Изменяются отношения человека с пространством и временем. За единицу времени человек может пересечь больше, чем прежде, пространства, освоить огромное количество информации, произвести массу продукции. «Капитал путешествует налегке, имея при себе лишь ручную кладь — портфель, портативный компьютер и сотовый телефон»³. Скорость движения, маневренность, отказ от избыточных структур, сокращение занятости и увеличение прибыли становятся показателями успеха. «Гибкость» — самое модное словечко, — отмечает Бауман, — становится синонимом неустойчивости, поддерживает в обществе состояние нестабильности, отсутствие гарантий, порождает настроения ненадежности будущего. Рабочие места даже в надежных компаниях могут сокращаться, никто не может чувствовать себя действительно незаменимым — ни уже изгнанные, ни получающие удовольствие от увольнения других. Даже самая привилегированная должность может оказаться лишь временной и «до особого распоряжения».

Изменилось отношение к наградам и почестям, они утратили ореол привлекательности и заслуженной благодарности. Возникает неуверенность в их будущем значении, когда блестящие призы могут превратиться в символы позора. Стремительно меняются не только мода, но и стили жизни, они становятся устаревшими раньше, чем ими можно наслаждаться. То, что сегодня считают «шиком», завтра становится объектом насмешек. Мир напоминает контейнер, наполненный одноразовыми предметами с малым сроком использования. Культура выбрасывания становится новым требованием социализации личности. Любая возможность должна быть использована «здесь и сейчас» и не терпит откладывания на будущее, ибо оно неопределенно. «Сейчас» — ключевое слово жизненной стратегии.

² Бауман З. Указ. соч. С. 20.

³ Там же. С. 163.

¹ Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. С. 8.

В опасном и непредсказуемом обществе люди должны подражать тем, кто путешествует налегке, избавляясь от всего, что сковывает движение. Эта тенденция неизбежно захватывает мир человеческих связей и отношений и ведет к их ослаблению и распаду, разложению и исчезновению. Они приобретают значение и смысл «партнерства», которое держится на взаимной выгоде и использовании. Поэтому человеческие связи лишаются таких ценностей, как дружеская поддержка, сочувствие, нравственный долг. Партнерские отношения ориентированы на взаимную выгоду и не терпят дискомфорта. «Даже незначительная заминка может привести к разрыву партнерских отношений, банальные разногласия превращаются в ожесточенные конфликты, небольшие трения воспринимаются как признаки существенной и непоправимой несовместимости»¹, — отмечает Бауман. Недолговечность и ненадежность человеческих связей и отношений, дисбаланс между свободой и безопасностью — горькая плата за «разжижение» современного мира.

Но столь драматические описания распада вовсе не предполагают «конца истории». Как известно, маятник доходит до некоего предела и затем идет к противоположной точке. После стадии распада возникает формирование нового сообщества. В современной ситуации вновь обретает смысл понятие общения, взаимоотношений между разными этносами и нациями, общих интересов и потребностей. Люди ищут группы, к которым им хотелось бы принадлежать, где они могут найти понимание и уважение. Именно поэтому столь популярным стало понятие идентичности, отождествления себя с определенной группой, сообществом, нацией, государством, цивилизацией и культурой. Это чувство выражается общим понятием «мы» как сходством в главных чертах характера, жизненных ценностях и позициях.

Идентификация как социально-культурный и психологический механизм способствует групповой сплоченности, формированию общей ценностной ориентации. Вместе с тем сходство всегда предполагает и различия. Идентификация подчеркивает отличие данной группы от другой, границы между «нашими» и «чужими». Биполярность идентификации

может быть резкой, и тогда она становится источником социального и культурного напряжения. Поиск врагов стимулирует агрессию и насилие. Поэтому механизм идентификации необходимо использовать с осторожностью, опираться на принципы доброжелательной толерантности по отношению к культурным и социальным различиям. Известный социолог П. Штомпка отмечает, что «самым важным вопросом сегодня является проблема идентичности как многоуровневого феномена, от семейного и локального уровня до городского или сельского, регионального, национального»².

Не менее важно представление о цивилизационной идентичности, основанной на общей истории, политических событиях, художественной культуре, особенностях повседневной жизни. Постепенно формируется космополитическая идентичность человечества, в ней представлены всеобщие проблемы прав человека, сохранения жизни, профессиональных и культурных различий, совместного решения экологических проблем, преодоления насилия, военных столкновений, терроризма.

Современная цивилизация отличается многообразием социальных групп и субкультур, поэтому совместное проживание требует взаимного согласования различных интересов и позиций. В этих условиях особое значение приобретает диалог как форма межкультурного взаимодействия. Диалог предполагает установку на взаимопонимание, желание приобщиться к ценностям и достижениям иной культуры, познать ее неповторимость и уникальность, не стремится подчинить ее своим представлениям и нормам. Вместо монологического и авторитарного стиля отношений и мышления необходимо развивать диалогический стиль сознания и поведения, отказаться от высокомерных и пренебрежительных оценок других культур. Текущая современность полна неожиданных поворотов, непредвиденных изменений. Даже главный поток подвержен переменам, может изменить русло, обмелеть, разлиться на множество ручейков. Удержание потока в определенных границах требует особого внимания и бесконечных усилий, иначе возможны трагические последствия — катастрофы и наводнения.

Е. А. Кайсаров³

ПРОСТРАНСТВЕННО-ПЛАСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Петербург создавался как символ новой империи, мост между Востоком и Западом, традицией и инновацией. И он сполна реализовал все поставленные задачи, объединяя, транслируя множество разнообразных культур. Сам город стал воплощением диалога культур. Диалог — это такая форма отно-

шений разных культур, в котором дух Целого возникает и прокладывает себе дорогу сквозь различия культур. Если говорить о культуре Петербурга, то в ней наиболее диалогична пространственно-пластическая среда города. Д. С. Лихачев в актовой лекции «Петербург в истории русской культуры», прочитанной в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, отмечал, что «...Петербург как город не просто европейский, он явно русско-европейский город. Петербург и чрезвычайно

¹ Бауман З. Указ. соч. С. 177.

² Интервью с профессором Петром Штомпкой // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 4. С. 24.

³ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент.

европейский, и чрезвычайно русский. Поэтому он отличается и от Европы, и от России»¹. В формуле Д. С. Лихачева «русско-европейский город» выражена суть диалога культур, нашедшего свое выражение в пространственно-пластической структуре города.

Петербург формировался как город нового типа — регулярный город. Регулярные планировочные схемы городов столь же древние, как и свободные нерегулярные. Еще в Египте во II тыс. до н. э. строились города с геометрически правильной сетью улиц, например Кахун. Однако подлинными создателями прямоугольной планировочной системы в городах европейского материка были греки, прежде всего в лице Гипподама из Милета, который не только перепланировал несколько портовых городов на основе регулярных принципов (Милет, Пирей, Родос), но и оставил теоретическое сочинение, упоминаемое Витрувием. В дальнейшем регулярная, так называемая гипподамова планировка широко распространилась в градостроительстве эпохи эллинизма. Решающие шаги к последовательной регулярности были сделаны лишь в эпоху Возрождения, когда принципы геометризма получили глубокое теоретическое осмысление и воплотились в многочисленных проектах городов. Идеалом Петра I был регулярный, компактный город европейского типа. Сложная обстановка внутри и вне государства, отсутствие материальной и кадровой базы, необходимой для регулярного строительства, привели к тому, что будущая столица развивалась без необходимого надзора, естественным путем. Застройку Петербурга первых лет (1703—1710) можно назвать естественной, иррегулярной, похожей на застройку средневековых русских городов. Петербург начинает строиться на юго-восточном берегу Березового острова рядом с крепостью. Эта территория застраивается традиционным способом — слободами, образование которых происходило по различным признакам: профессионально-производственному, национальному, социальному, переселенческому, воинскому. На острове находилось до 15 слобод. Каждая из них представляла собой отдельный мир со своими особенностями быта, культуры и архитектуры. Здания приходилось возводить из дерева, так как кирпича и камня производилось очень мало. Чтобы деревянные дома как-то походили на западноевропейские, их раскрашивали под кирпич и украшали замысловатыми шпилями. Улицы рождающегося города не имели четких границ. Все это типичные атрибуты древнерусских городов. На Березовом острове ситуация сразу же стала неуправляемой. Не было готового плана застройки, и она возникала спонтанно, хаотично. Не хватало сил строить на болоте «идеальный город»: нужно было закрепиться в устье Невы. В 1709 году был достигнут коренной перелом в ходе Северной войны. Это обеспечило безопасность будущей столице и позволило Петру уделять больше внимания своему городу, строить его в соответствии со своим идеалом. Регулярность становится основным эстетическим критерием: вынесение домов на красную линию улиц, их прямизна, точное опреде-

ление размеров зданий, ширина набережных, площадей, унификация фасадов в соответствии с разработанными Д. Трезини типовыми проектами домов для лиц разного достатка. Прямоугольный квартал как главный компонент планировочного решения застройки Васильевского острова и непрямоугольную слободу Петроградской стороны можно считать символами диалога средневековой русской культуры и западноевропейской культуры Нового времени в пространственно-пластической структуре Петербурга, результатом которого стал своеобразный и неповторимый «русско-европейский город» как самостоятельное и крупное явление. Понять его можно лишь из внутренней логики его собственного развития.

Существенные коррективы в принцип «регулярности» вносил объективный фактор — необходимость согласования застройки со структурой природной среды, в которой определяющую роль играла Нева и ее притоки. В результате, прокладывая улицы и рытье каналов пришлось подчинять их рисунку, а не первоначально задуманной линейности. «Так, структурообразующим принципом города на Неве, — утверждал М. С. Каган, — стал не известный ни Амстердаму, ни Венеции, ни Парижу, ни Лондону, служившим Петру изначальными моделями его творения, “рисунки” живой Природы, в противоречивой связи с которым должны были находиться действия преобразующего природу человеческого Разума»². Пластическим эквивалентом противоречивого единства рационального и эмоционального начал стал завершенный в первой половине XIX века творчеством К. И. Росси архитектурный образ города.

Генетически с диалогом культур связан принцип ансамблевости в градостроении Петербурга. Слово «ансамбль», буквально означавшее «совместность», в Петербурге приобрело более конкретный смысл — «целостное единство разнородных элементов». Если в застройке Москвы он не имел решающего значения (показателен облик Кремля с хаотическим нагромождением башен, храмов, Большого Кремлевского дворца К. А. Тона, Дворца съездов), то Петербург изначально формировался как целостная композиция. Архитекторы должны были ориентироваться на предшествующую застройку города. Гениальность петербургских архитекторов А. Д. Захарова, А. Н. Воронихина, Ж.-Ф. Тома де Томона, К. И. Росси не только в ярком, индивидуальном пространственно-пластическом мышлении, но еще и в том, что каждый из них тонко ощущал сложившийся до него и развивающийся при нем образ города как единого целого и стремился органично вписать в это целое свои творения. Как отмечал М. С. Каган, здесь сокрыта главная тайна обаяния Петербурга: завершавшие процесс формирования его образа ампирные строения не обособливались и не отрицали их, а вступали с ними в диалог как равные с равными, но другими по строю выраженного в них мироощущения и пластическому языку³. На этой основе складывались ансамбли Дворцовой площади (диа-

¹ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 265.

² Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. СПб., 2006. С. 307.

³ Там же. С. 315.

лог ампиричного Главного штаба и барочного Зимнего дворца), Стрелки Васильевского острова (диалог здания Двенадцати коллегий и величественного перипетера Биржи) и многие другие ансамбли города. Сложившийся пластический образ города не разру-

шался при переходе к новому способу строительства и типу художественного мышления, а сохранял цельность, лишь расширяя заложенный в нем принцип единства в многообразии, то есть пространственно-пластической гармонии.

Д. Н. Катыхова¹

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАПАДНАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ТВОРЧЕСКИЙ ВЗАИМООБМЕН ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ИДЕЯМИ (XX–XXI вв.)

Речь пойдет о творческом взаимодействии художественных идей и опыта России и Запада в области драматического и балетного театра. Этот процесс особенно ярко прорисовывается в первой четверти XX века, с начала гастролей Московского Художественного театра в Европе и США (1923–1924 гг.) и выхода в свет в Нью-Йорке на английском языке книги К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве» (1924). Возникло ярко выраженное взаимодействие художественных идей России и Запада, так как К. С. Станиславским было предложено (в новом качестве) освоение школы актерского искусства и закономерностей профессиональной режиссуры.

Впервые была обнародована система актерского творчества, которая базировалась на законах органической природы сценического поведения, впитавшего открытия в области физиологии и психологии творческой личности.

В Европе и Америке появится обширная литература по «Системе», которую в Америке назовут «Методом» и будут преподавать его в знаменитой «Актерской студии» (Ли Страсберг, Г. Клермен, С. Адлер, Ч. Кроуфорд, позже с 1947 г. — Э. Казан). Благодаря этой системе не только родится новый театр («Группиэтэр»), но и будет подготовлена целая плеяда американских выдающихся актеров театра и кино (Марлон Брандо, Род Стайгер, Джеймс Дин, Пол Ньюман, Роберт де Ниро, Натали Вуд и др.). Творческое усвоение законов творчества, открытых К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко, их открытия в области режиссуры определяют формирование как выдающегося американского режиссера и сценариста Элиа Казана, одного из «новых королей Голливуда», так и целой плеяды знаменитых французских режиссеров («Картель четырех»).

Тема взаимодействия, взаимообмена России и Запада художественными идеями весьма обширна.

В области изобразительного искусства на эту тему написано немало книг. Не случайно в 1920–1930-е годы Меккой искусства в художественной сфере были признаны два города — Москва и Париж.

Взаимообмен художественными идеями продолжается и по сей день, так как творческое наследие таких выдающихся режиссеров, как Вс. Мейерхольд, А. Таиров, Е. Вахтангов, художники-конструктивисты в театре — братья Стенберги, стало достоянием мировой театральной культуры. Знаковые

черты их художественных открытий присутствуют во многих постановках зарубежных режиссеров, о чем свидетельствуют современные международные фестивали театрального искусства.

Другая важная веха взаимообмена художественными идеями связана с творчеством великого немецкого драматурга и режиссера Бертольда Брехта. Его произведения заняли постоянное место в репертуаре как зарубежного, так и отечественного театра. Идеи Брехта в области эпического театра определили новаторскую режиссуру Г. А. Товстоногова («Холстомер» по повести Л. Толстого, на сцене АБДТ им. М. Горького). «Карьера Артуро Уи» польского режиссера В. Аксера на этой же сцене выразительно представила эстетические координаты драматургии Б. Брехта с ее идеей «остранения» актера в образе, что оказало несомненное влияние на русскую режиссуру и актерское искусство при сценическом воплощении этого автора.

В наши дни мы явились свидетелями широкого мирового резонанса 100-летнего юбилея «Русских сезонов в Париже», организованных Сергеем Дягилевым и совпавшего с ним его собственного юбилея. Как верно отмечает В. М. Гаевский: «Масштаб личности С. Дягилева стал понятен для всех людей культуры... Он получил статус культурного героя XX века»². В культурную жизнь нашей страны и Запада (Европы и Америки) вошли «дягилевские чтения» и фестивали в честь новых художественных идей, активным участником которых был Сергей Дягилев.

Репертуар Парижских сезонов и позже его труппы «Русский балет», просуществовавшей два десятилетия, с постановками балетмейстеров-новаторов — М. Фокина, Вацлава и Брониславы Нижинских, С. Лифаря, Л. Мясина, Дж. Баланчина (создателя современного американского балета), предложили новую художественную идею воплощения сценического образа на балетной сцене. Она связана с включением мощной актерской составляющей, искусства переживания роли, новым качеством сценического перевоплощения, способностью подняться до трагического звучания балетного спектакля («Петрушка» И. Стравинского, хореография М. Фокина в исполнении главной роли В. Нижинским). Художественное сообщество Европы восприняло новые творческие идеи. В дальнейшем это сказалось в пересмотре роли мужчины-танцовщика в балетном спектакле

¹ Профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ.

² Гаевский В. М. Хореографические портреты. М., 2008. С. 116.

у таких великих хореографов XX века, как М. Бежар, Дж. Нормайер, Р. Пети, М. Эрк.

С. Дягилев смог поднять идею художественного диалога культур России и Запада на новую ступень, привлекая к постановкам «Русского балета» зарубежных современных художников (П. Пикассо, А. Дерен, Г. Шанель) и композиторов (Э. Сати). Эта традиция продолжается в балетном театре по сей день, когда на сценах разных стран пересекаются творческие судьбы современных танцовщиков, композиторов, художников, творя современную мировую художественную культуру.

Имя другого нашего соотечественника, великого танцовщика и балетмейстера мирового балета XX века Рудольфа Нуреева, воспитанника Ленинградского хореографического училища (ныне Государственная академия русского балета им. А. Я. Вагановой) широко известно во многих странах. Его можно по праву назвать связующим звеном культуры Запада и Востока. Его недавнее 70-летие породило новую волну интереса к этой гениальной личности, ее безусловной роли в сфере мирового балета. Интересы не только к балету, но и к художественной культуре в целом.

Свидетельство тому — памятные выставки, конференции, международные фестивали в Уфе, городах Европы и Америки.

Можно говорить об особом вкладе Р. Нуреева в художественную культуру XX века и его значении. Он появился тогда, когда на мировых сценах стали интенсивно развиваться различные направления хореографического искусства: неоклассицизм, свободный танец, танец-модерн, джаз-танец, бальный и др. В некоторых умах зарождались кощунственные мысли об исчерпанности классического балета. Надвигался вал массовой маргинальной культуры, обращенной к широкой пестрой аудитории, пре-

имущественно молодежной, с принижением художественным вкусом, потребительским отношением и предпочтением бессодержательной зрелищности.

Р. Нуреев предложил массовому сознанию искусство «высшей пробы» — классический балет с его романтической сущностью, культом красоты, возвышенной жизнью человеческого духа, идеалом Человека. Когда-то Л. Толстой заметил, что идеал — это путеводная звезда. Без нее нет твердого направления, а нет направления — нет жизни.

Нуреев был не просто танцовщиком, а выдающимся танцующим драматическим актером, владеющим школой переживания К. С. Станиславского. Это оказало большое влияние на мир балетных звезд Европы и Америки. Ему удалось в самом искусственном виде искусства раскрыть трагические глубины человеческого существования. Сделать балетный театр доступным самому широкому зрителю, так как его гастроли труппы «Нуреев и друзья» оказывались на многочисленных мировых сценах разных стран.

При всем предпочтении романтического балета, в котором, по мысли Ю. Лотмана, резко повышается моделирующая роль поэзии как искусства искусств, Р. Нуреев пробует себя в разных направлениях хореографического искусства (Р. Пети, Ф. Эштон, Х. Лиман, К. Макмиллан, М. Грэхем). Он своим примером доказывает, что классическая выучка — не препятствие освоению иного хореографического языка.

Подводя итоги вышесказанного, следует заметить, что творческий взаимообмен художественными идеями и опытом является сложившейся плодотворной традицией существования современного драматического и балетного театра, что обуславливает взаимопонимание народов различных художественных культур, представленных как самими творцами, так и широкой зрительской аудиторией различных континентов человеческого общежития.

В. Д. Комаров¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ИСТОРИЧЕСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ РОССИЙСКОЙ И ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В научной философии понятием «локальная цивилизация» обозначается определенная региональная часть человечества, взятая в постпервобытном состоянии конкретного исторического периода. «Цивилизация» в категориальном значении — это такое постпервобытное состояние человечества, при котором производственное накопление материального богатства и развитие социальной свободы

обеспечивают гуманистический прогресс культуры. В научно-философском значении культура понимается как совокупность способов и результатов человеческой деятельности в природе. В цивилизованном состоянии культура обретает интенсивное развитие². Всякая локальная цивилизация трехслойна: материальное основание, социальные институты и духовная культура.

Российская цивилизация является порождением и главной наследницей первой цивилизации в истории человечества, возникшей в ходе неолитической революции в Циркумпонтийском поясе (IX—VIII тыс. до н. э.). Эта первичная локальная цивилизация, оформившаяся как солидарное государство Аратта, стала родиной индоевропейских народов и праро-

¹ Профессор кафедры философии и психологии Государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Военного инженерно-технического института, доктор философских наук. Автор ряда публикаций, в т. ч. книг: «Научно-техническая революция и социальная экология», «Социальная экология: философские аспекты», «Научное предвидение общественных явлений», «Сталинская парадигма научно-технического прогресса» и др., свыше 250 статей по проблемам теории цивилизации, социальной философии, философии науки и техники, социальной экологии и философии культуры.

² Комаров В. Д. Философия цивилизации // Философия и общество. 1998. № 3. С. 55—112.

диной Руси в VII—I тысячелетиях до н. э.¹ Приобретая в I—II тысячелетиях н. э. **евразийский характер**, Российская цивилизация эволюционировала на социально-экономической основе солидарности, соборности и интеллектуальной саможертвенности. Эта цивилизация (как показали В. О. Ключевский и И. Я. Фроянов) генетически была чужда рабовладению, агрессивности и деспотизму, в отличие от последующих локальных цивилизаций².

Историческая первичность и евразийское месторазвитие российской цивилизации определили ее архетип как «сердце мира»³. Целостность этого уникального архетипа эволюционирует в направлении совершенства⁴ посредством единения служебно-домашнего характера материальной основы этой цивилизации⁵, соборно-суверенного качества социальной свободы⁶ и авторитарно-нравственного характера духовности⁷. Гуманистический характер интенсивного развития культуры в условиях этой цивилизации выразился в спасительной исторической миссии России как державы-цивилизации⁸.

Природа Западной локальной цивилизации формировалась в ходе ее исторического взаимодействия с другими локальными цивилизациями и в особенной степени — с российской евразийской цивилизацией⁹. Западная цивилизация свой гештальт-характер обрела в порядке преемственности от вторичных восточных цивилизаций антагонистического типа. Социально-экономической основой этой цивилизации становилось производящее хозяйство рыночно-приватного характера, политической формой — агрессивная империя, а духовным основанием — официально-тотальная религиозность (в новой эре — христианского происхождения). Под этим историко-культурным углом зрения пытался постигнуть историю цивилизации британский историограф А. Тойнби¹⁰. Основные методологические пороки его анализа — внеисторическая цикличность эволюции локальных цивилизаций, религиозный характер типологии и игнорирование

африканского региона. Евроцентризм цивилизационного анализа не может привести историка к научной истине.

Диалог культур Запада и России протекал и протекает на противоречивом общественно-формационном основании их цивилизационных процессов: социальные организмы западных народов классически прогрессировали с последовательной сменой всех трех формационных типов общественного развития¹¹, тогда как социальные организмы российского региона, пребывая в цивилизованном состоянии солидарного (неантагонистического) типа, лишь «на краях» прожили в условиях формаций первичной и вторичной. Именно такая историческая особенность «общинного бытия» российских народов (при ведущей роли славянских общностей людей основной части Евразийского континента) позволила им приоритетно войти в XX веке в общественную жизнь третичной формации. В ходе социальной революции третьего исторического типа, развернувшейся впервые на севере суперконтинента Евразии, народы России на солидарной основе социализма заложили основы «советской цивилизации» как обновленной, исторически прогрессивной цивилизации солидарного типа¹². Именно в рамках этой солидарной цивилизации модернизированного формационного типа была сотворена усилиями сотен народов «культура будущего» — социалистическая по содержанию, национальная по форме¹³. Начался всемирно-исторический этап «подлинно гуманистического прогресса культуры».

Органически сочетая формационный и цивилизационный подходы в философском анализе и синтезе культурного прогресса человечества, можно обозначить основы культурной компаративистики Запада и России. Целесообразно рассматривать при этом «социальный интеллект» как интегрирующий элемент культурного прогресса цивилизации¹⁴.

Первая линия сравнительного анализа — материальная культура Праруси, Киевской и Московской Руси, имперской России является генетической матрицей общественного прогресса Российской цивилизации. Опора на собственные природные и человеческие ресурсы евразийского месторазвития всегда была основой российского («русского») способа ведения производящего хозяйства. Западная цивилизация свой тип производящего хозяйства обычно базировала на рыночно-колониаторском способе освоения ресурсов собственных и внешних, внутриконтинентальных и трансконтинентальных, глобальных. Капиталистический путь глобализации — «ужасный ребенок» западной цивилизации.

Вторая линия — образ жизни. Социальная культура прародины индоевропейских народов всегда

¹ Шилов Ю. А. Пращуры. Целитель. М.; Минск; Киев, 2006; *Он же*. Начала цивилизации: космогония первобытного общества; праистория Руси VII тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Екатеринбург; М., 1999.

² Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991; Фроянов И. Я. Начала Русской истории. Избранное. М., 2001.

³ Мир России — Евразия. Антология / сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М., 1995.

⁴ Чуринов Н. М. Совершенство и свобода. Новосибирск, 2006.

⁵ Смирнов П. И. Слово о России: беседы о российской цивилизации. СПб., 2004.

⁶ Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М., 1994; *Он же*. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; *Он же*. Русская идея. Судьба России. М., 1997.

⁷ Федоров Н. Ф. Философия общего дела // Федоров Н. Ф. Собр. соч.: в 4 т. М., 1994. Т. 1; Флоренский П. А. Сочинения: в 2 т. М., 1990.

⁸ Соловьев В. С. Русская идея // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб., 1991; Сталин И. В. Избранные сочинения: в 3 т. Киров, 2004. Т. 3. С. 246–247, 249, 257–259; Косолапов Р. И. Истина из России. Тверь, 2004. С. 125–199, 263–406.

⁹ Одоевский В. Ф. Русские ночи. СПб., 1995; Чаадаев П. Я. Сочинения. М., 1989; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995; Карсавин Л. П. Сочинения. М., 1993; Философия истории. СПб., 1993.

¹⁰ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.

¹¹ Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. М., 2000.

¹² Ср.: Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М., 2008; Поликарпов В. С. Сталин — Властелин истории. Сталин: великий планировщик советской цивилизации. Ростов н/Д; М., 2007.

¹³ Ср.: Жданов Ю. А., Давилович В. Е. Сущность культуры. Ростов н/Д, 1979.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Комаров В. Д. Социальный интеллект и его управленческий потенциал // Общественное призвание философии. М., 2006.

представлял общинно-соборную сущность Российской цивилизации. Взаимопомощь выживания, договорный характер общения, взаимность в реструктуризации и модернизации цивилизованных условий жизни (при всяких колебаниях исторических форм) были основными факторами устойчивого развития этой локальной цивилизации. В то же время история образов жизни народов Запада характеризуется принципом выживания «человек человеку волк», обеспечением лоскутной комфортабельности жизни разных слоев населения, насильственным обеспечением устойчивости доменов, культурной ассимиляцией форм социальной жизни.

Третья линия сравнительного анализа. В сфере управления делами общества в Российской цивилизации преобладала со времен государства Аватта суверенная соборность. Высшим принципом внутренней политической культуры здесь является интеллектуальное Спасительство со стороны управляющих и спасительная жертвенность со стороны управляемых. Во внешнеполитических делах это противоречивое начало российской свободы выражалось в ориентации державы на договорное решение всех проблем и в оборонительной ориентации военно-политической культуры, силовых структур поддержания цивилизованных порядков. В отличие от этого качества управленческая деятельность в странах Западной цивилизации имела характер политического доминирования, часто обретала жестокие имперские формы, ориентировалась на всемерное подавление воли оппозиционеров и конкурентов. Завоевательные и колониальные войны — атрибут политической «культуры» этой локальной цивилизации до настоящего времени.

Четвертая линия — духовная культура Российской цивилизации имеет синкретический характер. Это означает, что генетической матрицей религиозности народов этого региона была интеллектуальная Спасительность времен Праруси, которая определила сначала гуманистический характер языческой духовности, а затем модифицировала христианство в народное православие, а из буддизма и ислама усвоила прежде всего принципы религиозной нравственности как главной ценности всех вероучений. Важно отметить, что своеобразие русской, славянской религиозно-нравственной культуры было обусловлено укоренением в России наивного коммунизма первоначальных иудеохристианских общин. Православная модернизация араттского принципа интеллектуального Спасительства способствовала периодической модификации пассионарности русского и других славянских народов¹. Через всю историю духовной культуры народов Российской цивилизации красной нитью проходит в I и II тысячелетиях борьба их нравственной религиозности против порабощающего влияния официальной церкви, периодически соединявшейся с эксплуататорским государством. Именно это нравственное свободомыслие народов России соединилось в XX веке с интенсивным развитием их научного интеллекта в

процессе становления цивилизации социалистического типа².

Духовная культура Западной цивилизации формировалась в процессе разрешения многообразных антагонизмов как общественного, так и экологического характера. Матрицей индивидуалистически-рационалистического, прагматичного типа этой культуры послужила восточная цивилизация антагонистического типа. Языческие верования многообразных ориентаций долго отторгали здесь спасительные тенденции буддизма, иудаизма, христианства и ислама. Ценности первоначального христианства не проникали в сознание народных масс до тех пор, пока они с помощью католической церкви не были взяты под контроль государства в виде официальной идеологии. Нравственное свободомыслие народа пробивало дорогу в I и II тысячелетиях в виде сектантства, церковно-реформаторских движений и утопических социокультурных проектов. Лишь в рамках буржуазного атеизма интеллектуальная культура Запада стала обретать сначала гуманистически-просветительский, а затем научный характер. Революционно-демократическое свободомыслие развивается в XIX веке.

В связи с разнотипным характером западной и российской локальных цивилизаций, вследствие существенных различий в их культурных ориентациях и судьбах неравноправное партнерство, а чаще противостояние между ними началось уже во II тысячелетии. Действительное партнерство этих цивилизаций складывается в определенном виде только во второй половине XIX — начале XX века. Своеобразный диалог культур начался раньше — в XV—XVIII веках и развивался неравномерно, синхронно развитию действительного партнерства.

Исторический поворот в партнерстве российской и западной цивилизаций произошел в середине XX века. Социалистическая революция в России впервые в истории цивилизационного процесса открыла новый, подлинно исторический, реально гуманистический путь развития этого процесса в глобальном масштабе. По мере построения на просторах «сердца мира» основ цивилизации нового типа все силы старой цивилизации антагонистического типа на Западе (Италия, Германия, Испания) и на Востоке (Япония) сконцентрировались в идейно-политическом движении фашизма, которое вероломно разрушило установившееся действительное партнерство двух самых развитых локальных цивилизаций. Вторая мировая война, сердцевинной которой стала Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии и империали-

¹ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989; Он же. Из истории Евразии. М., 1993; Он же. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1994.

² Чуринов Н. М. Совершенство и свобода. Новосибирск, 2006; Смирнов П. И. Слово о России: беседы о российской цивилизации. СПб., 2004; Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М., 1994; Он же. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; Он же. Русская идея. Судьба России. М., 1997; Федоров Н. Ф. Философия общего дела // Федоров Н. Ф. Собр. соч. : в 4 т. М., 1994. Т. 1; Флоренский П. А. Сочинения : в 2 т. М., 1990; Одоевский В. Ф. Русские ночи. СПб., 1995; Чаадаев П. Я. Сочинения. М., 1989; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995; Карсавин Л. П. Сочинения. М., 1993; Философия истории. СПб., 1993; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995; Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988; Зюганов Г. А. Постигание России. М., 2000; Он же. О русских и России. М., 2004.

стической Японии, по существу стала Армагеддонной мировой цивилизации. СССР своей жертвой и интеллектуальным спасением мировой цивилизации открыл надежный путь всем локальным цивилизациям ко всемирной цивилизации солидарного типа.

В ситуации всемирного перехода к подлинно человеческой истории не только возобновился «откровенный диалог» цивилизаций Запада и России, но на новой цивилизационной почве всемирного партнерства возник глобальный диалог культур во всем

их разнообразии. Думается, что в условиях обострения глобальных проблем современности и интенсификации процесса перехода народов на социалистический путь глобализации сердцевинной всемирного диалога культур становится творческое соперничество социальных интеллектов Запада и Востока в модернизирующейся России XXI века. В этом смысле историческая миссия интеллигенции нашей Родины — придать универсальную научную рациональность новой модификации совокупной российской цивилизации.

В. А. Конев¹

МОДЕРНИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА В РОССИЙСКОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

В российской истории можно выделить два периода — период смуты и период модернизации. В первом случае история всегда самобытна, а во втором — далеко не всегда, так как в это время обнаруживалось, что есть исторически более прогрессивные общества, форма жизни и деятельности которых определяют современность. В этом случае возникала задача модернизации тех или иных сторон российской жизни.

В отечественной истории можно выделить по крайней мере две масштабные модернизации. Первая — модернизация эпохи Петра I, вторая — советская модернизация. В первом случае была модернизирована армия и государственная «машина», во втором — экономическая структура. Обе модернизации оказались успешными. В первом случае была создана империя, во втором — индустриальное общество. И в том и в другом случае успех был обеспечен благодаря созданию необходимой для преобразований социальной и культурной основы.

Петровская модернизация требовала нового государственного человека — чиновника. «Нововведения военные, социальные и экономические, — писал историк В. О. Ключевский о преобразованиях Петра, — требовали от управления такой усиленной и ускоренной работы, ставили ему такие сложные и непривычные задачи, какие были не под силу при его прежнем строе и составе»². Для успешного действия нового управления, эффективной работы новой правительственной «машины» требовались исполнители, подготовленные к этой деятельности, обладающие нужными знаниями. Также было необходимо и общество, готовое поддержать преобразования, понимающее их сущность и цели. Поэтому

му Петр I уделял большое внимание распространению научных знаний, организации общеобразовательных, профессиональных и технических школ. Продолжением этого дела великого преобразователя было создание системы среднего и университетского образования в России, которое готовило управленческие кадры (выпускники университетов шли на статскую службу) и формировало слой образованных людей (только в России слово «интеллигенция» получило значение «люди, ориентированные на прогресс»).

Установка на служение Отечеству — вот культурная идея преобразований Петра Великого. «Жить для пользы и славы государства и Отчества, не жалеть здоровья и самой жизни для общего блага — такое сочетание понятий было не вполне ясно для обычного сознания древнерусского человека и мало привычно для его обиходной житейской практики»³, — пишет В. О. Ключевский, характеризуя личные качества Петра и его требования к окружению. В рамках данной статьи мы не будем рассматривать методы и конкретные формы проведения нововведений, которые им применялись, и все неоднозначные последствия. Важно отметить, что проведение модернизации российской действительности потребовало создания особого социального инструмента — чиновничества и нового аппарата его действия.

Советская модернизация, направленная на преобразование аграрной экономики в индустриальную, потребовала для своей реализации создания новой социальной силы, которая стала бы носителем и представителем индустриализма. Такой социальной силой становятся инженеры. На формирование инженерных кадров была ориентирована вся система образования советской цивилизации: преобладание в средней школе дисциплин естественно-математического цикла; быстрое увеличение количества вузов технического профиля и выпускников инженерного профиля. Если в 1928/29 учебном году было 26 высших технических учебных заведений, то в 1931/32 году — уже 245; прием во втузы в 1929 году — 22,9 тыс. студентов, в 1932 году — 114,5 тыс. В 1988 году в СССР окончили

¹ Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 200 научных и учебно-методических работ, в т. ч. монографий: «Философия образования. Культурно-тропологический аспект», «Социальное бытие искусства», «Онтология культуры», «Человек в мире культуры», «Критика способности быть», «Трансцендентальный эмпиризм Ж. Делеза», «Знак: игра и сущность», «Онтологические особенности мира человека», «Социальная философия», «Критика опыта сознания» и др.

² Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 57.

³ Ключевский В. О. Указ. соч. М., 1990. Т. 8. С. 379.

вуз 775 тыс. специалистов, из них 41 % — специалисты инженерного профиля. Эти установки образования создали те условия, которые позволили нашей стране уже в 1957 году запустить искусственный спутник Земли, а тогдашний соперник СССР Соединенные Штаты Америки ответили на это принятием закона «Об образовании в интересах национальной обороны», а затем докладом министра образования США «Нация в опасности».

Идеология строительства, конструирования, преобразования (а это и есть инженерный взгляд на действительность) пронизывает культуру советской цивилизации. Можно говорить о том, что строитель «сидел» в каждом советском человеке: «Мы не можем ждать милости у природы, взять их у нее — наша задача!» Не вдаваясь в рассуждения о плюсах и минусах этой установки, следует лишь подчеркнуть, что индустриальная модернизация не могла осуществиться без таких составляющих, как инженер и инженерная установка. То, что писатели были «инженерами человеческих душ», педагоги «ковали» (или «перековывали») человеческие характеры, все строили коммунизм, физики «подминали» лириков (может быть, кто-то помнит знаменитое выступление в «Комсомольской правде» математика И. Полетаева, подписывавшегося «инженер [sic!] Полетаев») — все это подчеркивает существование культурной доминанты.

Таким образом, две эпохи модернизации, пережитые российским обществом, реализовались благодаря тому, что каждая из них опиралась на свою социальную и культурную силу. Это доказывает правоту М. Вебера, который утверждал: для того чтобы капитализм господствовал в современной хозяйственной жизни, он должен был воспитать и создать необходимых ему хозяйственных субъектов — предпринимателей и рабочих — посредством экономического *отбора*. Но «для того, чтобы мог произойти соответствующий специфике капитализма “отбор” в сфере жизненного уклада и отношения к профессии, то есть для того, чтобы определенный вид поведения и представлений одержал победу над другими, он должен был, разумеется, сначала возникнуть, притом не у отдельных, изолированных друг от друга личностей, а как некое мироощущение, носителем которого являлись *группы* людей» (курсив Вебера. — В. К.)¹.

Сейчас Россия находится в процессе новой модернизации. Ее главными задачами являются перевод индустриального производства в наукоемкое, создание инновационной экономики, в которой основным источником богатства выступает не сырье и материалы, а новейшие научные достижения, знания. Конкретные и первоочередные направления модернизации экономики обозначены в Послании Президента России Д. А. Медведева.

Но важно не только осознать цель. Существенно определить, какая социальная и культурная сила может ее реализовать. Если главной силой первой модернизации был чиновник, второй — инженер,

то *кто* станет этой фигурой нашей современной модернизации, какая социальная сила может быть носителем инновационных начинаний? Без реального (то есть реализованного в действительности) ответа на этот вопрос общество не сможет измениться.

Обратим внимание: социологические исследования показывают, что общество не знает, кто может взять на себя ответственность за инновационные преобразования. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, почти 60 % граждан не знают, какие группы могут стать движущей силой инноваций, 23 % граждан уверены, что таковых нет вообще (см.: «Независимая газета» от 9 декабря 2009 г.). Президент России Д. А. Медведев в своей статье «Россия, вперед!», говоря о том, кто или что должно стать ведущей силой модернизации, пишет: «В конце концов не сырьевые биржи должны вершить судьбу России, а наше собственное представление о себе, нашей истории и о нашем будущем. Наш интеллект, трезвая самооценка, наша сила, чувство собственного достоинства, предприимчивость». Конечно, это так! Конечно, президент прав, когда он говорит, что важнейшим конкурентным преимуществом являются знания, которых нет у других, интеллектуальное превосходство, умение создавать вещи, нужные людям, что изобретатель, новатор, ученый, учитель, предприниматель, внедряющий новые технологии, должны стать самыми уважаемыми людьми в обществе. И такие люди в нашей стране есть. Президент отмечает, что об этом «свидетельствуют результаты международных интеллектуальных олимпиад, патентование за рубежом изобретений, сделанных в России, и настоящая охота, ведущаяся крупнейшими компаниями и университетами мира, за нашими лучшими специалистами». Если это так, то, следовательно, проблема не в недостатке творческих людей, а в том, что за ними в нашей стране *никто не охотится!*

Это необходимое звено. Должны быть люди, способные и желающие распознавать новое и организовывать его внедрение. Инновация — это плод не творчества, а внедрения (воплощения, реализации) результатов творчества. Инновацией были Русские сезоны в Париже, которые организовал С. П. Дягилев. (Хотя, конечно, их бы не было, если бы не великие русские артисты балета, но все-таки Русские сезоны — творение не артистов.) Инновацией были советские космические достижения, которые реализовались благодаря не только творческому, но и организационным усилиям С. П. Королева. Однако закрытый характер этих достижений не дал возможности воспользоваться полученными результатами за пределами военного применения. Инновацией становятся компьютерные программы, реализующиеся благодаря «Лаборатории Касперского». (Несмотря на то что немало талантливых российских хакеров создают не менее интересные программы, их работы не являются инновациями.)

Инновация — это особый продукт, в котором материализованы (в организационных формах, институтах, материале и т. п.) новые идеи. Идеи продуцируются творчеством (в науке, искусстве, идеологии), но воплощаются за его пределами (хотя это вопло-

¹ Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М., 1990. С. 76.

щение само может быть творчеством). И это воплощение требует особых усилий, особенной деятельности и специализации. Именно исполнители особой деятельности являются реальной силой современной модернизации. Это могут быть менеджеры (или менеджеры-продюсеры), профессионально нацеленные на поиск новшеств и организацию их испытания на действенность. Ориентация на новое, еще небывшее, неизведанное требует особого состояния и особого отношения к жизни, так как подобная ориентация всегда сопряжена с риском, а потому требует решимости и некоего авантюризма. Поэтому такими людьми не могут быть чиновники, которые по определению и по функциям обязаны избегать риска, тем более авантюризма.

Менеджеры инновационного развития должны сконцентрировать творческий потенциал нации. Сам творческий потенциал — это дух нации, прежде всего способность новых поколений к творческим порывам. Большое количество вузов в стране готовит менеджеров различных направлений, в последние годы после «Юриспруденции» это самая популярная вузовская специальность. И в этом процессе стихийно отражается существующая общественная потребность в новой социальной функции. Но стихийный рост количества менеджеров станет качественно значимым, если менеджеры проникнутся духом инновации, идеей обновления всех сфер жизни, в которых они действуют, на основе самых продуктивных достижений науки и культуры. Это возможно только при условии, если сама культура пропитана духом творчества. Не последним показателем подобного состояния культуры является направленность действия системы образования. Однако именно направленность развития образования порождает сомнение в его возможностях поддержать инновационное развитие страны.

Современное молодое поколение нашей страны живет в условиях, кардинально отличающихся от тех, при которых сформировалось поколение, определяющее актуальное состояние нашего общества. При всех видимых недостатках общественной жизни современной России, о которых говорил президент Д. А. Медведев, современная Россия дает человеку свободу. Нынешнее поколение молодых людей — это поколение свободных, раскованных людей, главным достоинством которых (рождающим одновременно и все их недостатки) является понимание, что их жизнь находится в собственных руках, что надеяться можно только на себя. Это поколение понимает конкретную ситуацию и умеет ее использовать. Для него настоящее ценнее будущего не потому, что «после нас хоть потоп», а потому что именно в настоящем закладывается будущее. Это поколение инициативное, энергичное, эгоистичное и открытое для изменений, флеш-поколение. В этом поколении заключен потенциал той продуктивной

силы, которая необходима для современной модернизации, основанной на инновациях. Но этот потенциал никак не используется и не культивируется (не «окультурируется», не оформляется, не шлифуется, не ограняется) существующей системой образования.

Классно-урочная модель построения обучения, доминирование мнения учителя, при котором голос ученика не более, чем эхо, ориентация обучения на единственно правильный ответ (ЕГЭ) и так далее — все это не способствует культивированию продуктивного (нетривиального) действия ученика или студента. Дисциплинарная модель обучения (где «дисциплина» понимается сразу в двух смыслах — как предмет изучения и как требование к поведению) не формирует творческого ума и инициативного действия. Эта дисциплинарная модель превратила Учителя в чиновника: учитель ориентирован на требования не ученика (его души и ума), а чиновника, который спускает циркуляры, указывая, что проверять и чему учить, и который решает в каких журналах можно публиковать важные научные открытия, а в каких — нельзя, какие специальности нужны, а какие — нет.

Конечно, школа (любого уровня) должна давать знания, формировать компетенции (точнее — формировать способности), но делать это нужно, используя потенциал ученика, который создают современные общество и культура¹. Многие специалисты, непосредственно связанные с системой образования, согласятся с тем, что за последние десятилетия резко снизился уровень знаний выпускников средней и как следствие — уровень подготовки выпускников высшей школы. Это снижение обусловлено расхождением между ожиданием ученика (студента) и тем, что предлагает ему школа (вуз). Без современных знаний и современной науки модернизация невозможна!

Получается, что если социально инновационная модернизация зависит от утверждения в обществе особой, ориентированной на организационные действия группы (назовем ее условно «менеджеры-продюсеры»), то институционально успех и стабильность модернизации нашего хозяйства и общества зависит прежде всего (но не только) от эффективности функционирования системы образования, которая сама должна стать инновационной.

В истории российской культуры было немало талантливых людей, изобретения и открытия которых, к сожалению, далеко не всегда становились основой инноваций в России или становились, но за пределами России, так как их таланты не находили поддержки и признания в своей стране. «Мы — государство, общество и семья — должны *научиться находить, растить, воспитывать и беречь таких людей*», — призывает президент Д. А. Медведев в своей статье «Россия, вперед!»

¹ Я писал об этом в работе: *Конев В. А. Образование перед вызовом века // Стратегия России. 2007. № 1.*

С. М. Ларьков¹

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Жизнь хороша, и надо так сделать, чтоб это мог подтвердить на земле всякий.

Ф. М. Достоевский.

Записи к «Дневнику писателя» 1876–1877 гг.

Мысль великого писателя, взятая для эпиграфа, не только формулирует постановку проблемы, ее решение в самом общем виде определяет количественный (всякий) и ожидаемое качество (хорошо) конечного результата; но поскольку она высказана русским мыслителем, то и отражает национальные устремления, а значит ее (мысль) можно считать «русской идеей». В то же время в устах представителя иной национальности она становится и национальной идеей этого народа, то есть она самодостаточна и потому может считаться определением необходимого и достаточного условия формирования глобальной культуры. «Не кровь, не происхождение определяют национальность человека, а то, на каком языке он думает. Я думаю по-русски», — говорил о себе В. И. Даль, датчанин по происхождению. Столь же убедительно это утверждение будет звучать на любом другом языке прошлого, настоящего, возвеличивая достоинство народа, сотворившего это чудо общения по известным только ему правилам.

Языковое разнообразие в мире — это интеллектуальное богатство и мощь человечества — один из путей исследования сущности *Homo sapiens*, *Homo legens*, *Homo fabier*, *Homo ludens*... Давно отмечено, «что проблемы взаимосвязей наук о человеке сконцентрированы вокруг лингвистики. Этот факт объясняется прежде всего исключительно регулярной и замкнутой структурированностью языка и той важной ролью, которую он играет в культуре, с другой стороны, как антропологи, так и психологи признают, что лингвистика является наиболее продвинутой и точной наукой о человеке и, следовательно, является методологической моделью для остальных смежных наук»².

Именно человек является «самоцелью» общественного развития, на данном этапе именуемом глобализацией (процесс), когда масштаб предмета изучения предельный. Он охватывает не только геометрию пространства в объеме глобуса, но и все аспекты человеческих интересов во всем их разнообразии, зависящих не только от количества народонаселения, но и от всевозможного сочетания интеллектуальных запросов индивидуумов. В естественных науках неукопнительно действует правило: «наука начинается с меры и измерения» (Д. И. Менделеев). В глобалистике (наука) мерой, единицей измерения, которая сохраняет свое качество при допустимом минимальном количестве, может быть только человек. В философии отсутствует понимание того, что такое человек? Традиционный путь создания дефиниции для существующего объекта путем учета всех его существенных проявлений не осуществим в силу постоянно изменяющихся в нем жизненных явлений.

¹ Президент Петербургского общества библиофилов, член Российского философского общества, член Секции книги и графики Дома ученых РАН.

² Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 370.

Дедуктивный подход, предложенный Э. Фроммом, представляется более продуктивным. Суть его состоит в том, что исходным для исследователя проблемы должен быть вопрос: «Что значит быть человеком?»³ Тогда появляется возможность создания нового знания *науки о человеке* — дисциплины, «имеющей дело с данными истории, социологии, психологии, теологии, мифологии, экономики и искусства, насколько они относятся к пониманию человека»⁴. Научный взгляд на эту проблему предполагает комплексное междисциплинарное исследование человека, что нашло свое подтверждение в коллективном труде «Многомерный образ человека» (М., 2001).

В церковной догматике Человек — сосуд избранный; по Достоевскому — носитель одновременно Добра и Зла. Многомерность человека как биологической и социальной субстанции — это макро- и микрокосм, находящийся в постоянном движении изменения своей сущности и являющийся развивающейся во времени комплексной целостностью, к которой в равной степени, с учетом контекста исследования, применимы континуум, конечное, бесконечное, в том числе и бесконечно малое, однако он сам никогда не становится «исчезающе малой величиной» (Х. Арндт).

Поэтому методология глобалистики сталкивается с принципиальной трудностью выработки нового мышления, более высоких уровней знания на базе качественно иных парадигм обобщения, способных ответить на вызовы постоянно возникающих проблем во всех сферах человеческой деятельности. И такие подходы методологического характера уже прозвучали в опубликованном еще в 1955 году Манифесте Рассела—Эйнштейна: «В том трагическом положении, перед лицом которого оказалось человечество... мы должны научиться мыслить по-новому». И далее: «Мы обращаемся как люди к людям: помните о том, что вы принадлежите к роду человеческому, и забудьте обо всем остальном».

Необходимость осознания каждым своей принадлежности не только к семье, роду, национальности, гражданству, но и к человечеству, вызвано опасностью исчезновения всего живого при нерешенных экологических, космических, политических и других проблем из-за постоянно возникающих конфликтов в международных отношениях, экономике, финансах... Эта самоидентификация в своем основании имеет биологическую природу. Общие интересы самосохранения делают человечество единым.

Все люди заинтересованы в техническом прогрессе, материальной стабильности, возможности наиболее полного раскрытия человеческого потен-

³ Фромм Э. Психоанализ и этика М., 1993. С. 261.

⁴ Там же.

циала. В своем социальном развитии человек восходит от члена семьи, рода, этнической и культурной принадлежности, осознания своей гражданственности и, наконец, сопричастности к глобальным цивилизационным процессам, творимым на Земле всем людским сообществом. Параллельно самоидентификации личности (де-факто) общество фиксирует отмеченные этапы различными документами или свидетельствами (де-юре). Свидетельство о рождении одновременно устанавливает статус члена семьи (отца, мать), фамилию (принадлежность к роду), место регистрации, страну.

Далее появляются документы, подтверждающие образовательный, имущественный и тому подобные цензы, дающие возможность и право функционирования на определенном уровне в государстве и межгосударственных отношениях. Так создаются культура общения, язык взаимопонимания между индивидом и обществом. В случае выпадения какого-либо звена в цепочках линий жизни возникают конфликтные ситуации с непредсказуемыми последствиями. В противоборстве лишенных способности к аннигиляции Добра и Зла рождается революционная сила чувства справедливости, которую Аристотель считал главной разрушительной силой «политий и аристократий». Это подтверждает ту мысль, что Человек и социум в каких-то моментах могут существовать как равномошные и эквивалентные множества. В поэтической форме это открытие сделал Г. Р. Державин: «Я царь — я раб; я червь — я Бог!»

Процесс самоидентификации индивида по мере взросления только предполагается непрерывным и полностью завершенным, на самом деле возможность свободного развития личности не всегда может быть реализована из-за возникающих на ее пути принципиальных трудностей. Из этого следует необходимость признания существенной неоднородности суждений людей о роли и нужности глобализации, а степень социальной активности определена их способностью оценивать жизненные ситуации с мировоззренческих позиций. Благоприятными факторами, способствующими бесконфликтному диалоговому общению, являются единая культурная среда, общий уровень образования и успешное разрешение острых социальных проблем на местах.

Таким видится течение процесса глобализации, реализованное по проектам нового совершенного научного знания — глобалистики, целостного восприятия мира на базе интегративного (качественно переосмысливающего достижения наук о человеке, природе, обществе) философского мышления. Тогда глобалистика, оформленная на уровне принятых мировым сообществом правовых актов, будет способна направить процесс глобализации из самоформирующихся действий государств, общественных и частных инициатив в русло, проложенное научными достижениями цивилизации.

Сказанное о взаимодействии культур можно проиллюстрировать многими примерами, как положительными, так и отрицательными. Самый близкий и показательный пример — Санкт-Петербург, культурная европейская столица многонационального государства, расположенного на евразийском кон-

тиненте, в которой представлены общинами все мировые конфессии и где мирно проживают представители более ста национальностей. Важно подчеркнуть, что, например, белорусская диаспора в городе насчитывает более 100 тыс. человек и являет собой самое крупное городское поселение, с учетом самой Белоруссии!

Интерес к проживанию в Петербурге прослеживается в течение всей его 300-летней истории со стороны самых разных социальных групп: интеллигенции, предпринимателей, рабочих и пр. Таковой оказалась притягательная сила сформировавшейся здесь российской цивилизации, ее базовой основой стали крупнейшие центры университетского, политехнического, художественного, театрального и религиозного образования. Языком межнационального общения был русский без каких-либо посягательств на запреты других языков.

Петербургская культура всегда выделялась из общерусской своим изяществом и утонченностью форм благодаря проживанию здесь плеяды великих русских писателей, артистов, художников; здесь комфортно себя чувствовали представители художественной интеллигенции с окраин империи, здесь родились новейшие течения культуры, имеющие мировое значение, наконец, здесь создавалась «русская идея»... Все это способствовало формированию у горожанина чувства своей принадлежности к русской цивилизации, а через нее приобщению к европейской и мировой культурам.

К сожалению, есть немало примеров отрицательного, преступного проникновения в русскую культуру. И один из них я хочу рассмотреть более подробно. Получится целая статья, которую условно назовем словами песни «Сталин — нашей юности полет... Вот!»

Ежегодно в феврале-марте вспоминают имя И. В. Сталина, кто с пиететом, кто с негодованием. А что если посмотреть на проблему с другой стороны, критически взглянув на себя, его современников, глазами Н. В. Гоголя. Вот что получается.

Слова песни, прочно засеявшие в головах старшего поколения, свидетельствуют о привычном обращении к его имени в виде синонима, раскрывающего тему восхваления. Сначала находили положительные, лестные выражения, затем — отрицательные, а теперь и вот такое — «не плохой и не хороший»¹, то есть ноль на числовой оси, как сказал бы математик. Попробуем на примерах указанной статьи показать справедливость математического вывода о том, что человек, у которого положительное и отрицательное уравновешены, не может считаться личностью. Безусловно, характер у него был, но целостной личностью он не являлся. В равной степени, по мнению автора упомянутой статьи, он служил Добру и Злу. Поэтому выдающейся личностью, «а Сталин, конечно, таковой являлся», его считать никак нельзя, как нельзя считать воздействие удава на кроликов подавлением одной личностью других. Под личностью человека понимаем систему социально значимых черт индивида — члена общества.

¹ См.: Санкт-Петербургские ведомости. 2010. 9 февр.

Вот еще цитаты из той же статьи: «я не думаю, что все репрессии... не имели оснований», а репрессии к членам их семей — тоже имели основания? Далее: «Первая... фаза войны, в чем есть и вина персонально Сталина» говорит о его несостоятельности как Верховного главнокомандующего, который в ответственной, судьбоносной для страны момент стал дипломатом (?!). Можно напомнить, что благодаря приказам Главкома ВМФ Н. Г. Кузнецова привести флот в состояние боевой готовности, вопреки указаниям Сталина, в первые дни войны агрессия была отражена и потерь у нашей стороны не было.

Более того, А. И. Солженицын в своем исследовании «Архипелаг ГУЛАГ» приводит факты деятельности Верховного (!), расцениваемые им как предательство. «Общее руководство (имеется в виду промышленность) осуществлял лично Сталин», но кто тогда и сейчас методы их осуществления считал правильными? Сознательность людей во многом определялась войной, все были едины в своем стремлении победить врага. «Сталинские лагеря показались бы по сравнению с этим (немецкими концлагерями. — С. Л.) детским садом». Ничего себе, Сталин и вдруг — директор детского сада?! Вот небольшой перечень человеческих качеств, составленный для анализа личности государственного деятеля И. В. Сталина (1879—1953):

- политик. Приведем слова Черчилля о нем: «Я всегда считал, что умру собственной смертью, но когда услышал, что Россия закупает зерно на Западе, чуть не умер от смеха». Есть и другие свидетельства, можно выбрать любое, по собственному усмотрению;

- социальное происхождение: отец — сапожник, мать — прислуга;

- национальность: грузин, а «нация — это сообщество людей, которые через единую судьбу обретают единый характер» (Отто Бауэр);

- образование: незаконченное среднее (церковное);

- судимости имел за революционную деятельность, совершил побег из тюрьмы. За бандитское ограбление казны и участие в государственном перевороте наказаний избежал;

- отношение к религии: воинствующий атеист, разрушил храм Христа Спасителя и нанес непоправимый ущерб православной церкви;

- отношение к культуре: вандал, европейскую культуру не принимал;

- ученая степень, звание: действительный член АН СССР, лучший учитель и друг самой передовой в мире советской науки;

- сферы научной деятельности: экономика, генетика, языкознание, история и философия. Последствия деятельности ощутимы до сих пор;

- философская школа: вульгарный материализм;

- место работы: Председатель Совета министров СССР;

- награды: Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда;

- семьянин (сын, муж, отец, дед): никакой;

- друг: друзей не имел;

- основные черты характера: стремление к власти, подозрительность. Над ним постоянно довлел страх перед опасностью раскрытия истинного его лица;

- гражданственность. С полной определенностью можно сказать об отсутствии у него чувства гражданственности.

Кто же Вы, товарищ Сталин? Если в рамках европейской культуры ответа найти не удалось, то логично продолжить поиски в восточной культуре; как известно, Восток с Западом не сходятся. Можно привести примеры восхваления в его адрес, привычные для того времени: «Гениальный продолжатель дела Маркса—Энгельса—Ленина»; «Мудрый учитель всех времен и народов»; «Под знаменем Ленина—Сталина вперед к победе коммунизма!» и др. Для сравнения можно привести примеры обращения старика Хоттабыча к Вольке в характерной восточной манере: «О прекраснейший из учащихся шестого класса “Б”»; «О царственный Волька!»; «О превосходнейший из отроков, звезда сердца моего, Волька ибн Алеша!» На наш взгляд, очень похоже.

Можно напомнить и о таких атрибутах власти, как предельное уничижение подданных и восхваление самих восточных правителей; все это подтверждалось требованиями соблюдения определенных строгих правил этикета и поведения. Вот характерный пример: в Баку есть дворец Ширваншахов, не идущий ни в какое сравнение с дворцовыми ансамблями Санкт-Петербурга, но примечателен он круглым помещением на третьем этаже, где восседавший на троне повелитель вещал свою волю осужденному, голова которого находилась у его ног, просунутая через круглое отверстие в полу. Узник направлялся по отдельной лестнице, дабы не осквернить пути следования вершителя судеб своим присутствием.

Подобную предельную степень унижения своих противников (только ли противников?), психического давления, интриги, вероломство использовал Сталин для достижения высшей власти. Не в этом ли причина уничтожения крестьянства периода коллективизации и голодомора 1932—1933 годов, репрессий в 1930-х годах, большого террора в 1937-м, ликвидации Музея Оборона Ленинграда и так далее, бессмысленных с точки зрения государственной целесообразности. Особо нужно сказать о голодоморе. В связи с этим можно вспомнить приключения Гулливера до попадания его к лилипутам. Члены команды с его корабля были пленены туземцами, их пасли, словно скот, на специальном пастбище, трава которого действовала как наркотик, и тот, кто раз ее попробовал, лишался рассудка и возможности отказаться от нее.

При этом людоеды отмечали отменные вкусовые качества «продуктов питания», полученных таким способом. Эта сторона вопроса Сталина вообще не интересовала, не людоед же он был! А решение было найдено простое: часть населения вообще не кормить. Эффект послушания при этом достигался феноменальный. Сталин и партия большевиков — виновники голодомора и разжигания межнациональной вражды. На этой почве политика прежних правящих кругов на Украине вызывает осуждение. Гильотина

была изобретена во Франции, но нигде в Европе проведение казни не сопровождалось дополнительным ритуалом, преследующим цель унижить узника. Но в Китае до сих пор перед проведением расстрела осужденный лично должен заплатить за убивающую его пулю и расписаться в уплате. Издевательство!

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что Сталин был правителем с восточной ментальностью. Естественно, что линия его правления, да и поведения, никак не соответствовала европейской культуре, не находила понимания у народа и потому была признана... гениальной! «От великого до смешного — один шаг!» Помните, у Гоголя: «И денег не платит, и не едет! И подорожная прописана в Саратов!» Ревизор! Это пример коллективного безумия. В финальной сцене в момент дружного хохота всех героев действия над городничим раздается его грозный окрик: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» Это был смех с надеждой на выздоровление, но моментом был пресечен.

У Пушкина о том же: «Мы ленивы и не любопытны»; «Народ безмолвствует». Добавим, наука (психология, философия) — тоже. Все рассчитываем на человеческую порядочность того, кто оказался на самом верху, верим ему. Однако, по здравому размышлению, трудно рассчитывать, чтобы нераскаившийся преступник — грузин, ограбивший казну, пусть по идейным соображениям, способен решить все социальные вопросы не только самого крупного в мире европейского государства, но и всего человечества! Не смешно ли это? И ведь поверили, и не только — простодушный русский. Однако власть, захваченная им, почему-то его не исправила, как предполагалось, а наоборот, только испортила?! Правда, странно? «Мы так Вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе!»

Сейчас уже нельзя всерьез воспринимать термин «культ личности Сталина» и придавать ему тем самым божественный оттенок. Это была уловка, запущенная Хрущевым и выведившая его и партию из-под удара. Правильнее было бы сказать, что И. В. Сталин — это авторитет в законе в полном смысле этого слова, заставивший работать на себя государственную машину. Как теперь становится все очевиднее, после провокации Саакашвили и событий в Южной Осетии, и Сталин — обыкновенный Джугашвили. Характеристика заимствована, по аналогии, из персоналии друга Сталина — Троцкого. «Троцкий Лев Давидович, в самом деле обыкновенный Бронштейн (1879–1940). Дьявольски хитрый еврей, смог возглавить Красную армию и победить в гражданской войне, чтобы никто не догадался, что он троцкист» (из работы Кира Булычева «Спринт-история»).

До сих пор находятся люди, нашедшие в Сталине своего кумира и боготворящие его; примером тому является статья С. Ковалева, дважды Героя Социалистического Труда, академика РАН, имеющая подзаголовок «Сталин ушел в историю таким, каким он был»¹. В серии ЖЗЛ издательства «Молодая Гвардия» его персоналия нашла «достойное» место рядом с... «Натальей Гончаровой», кого А. С. Пушкин называл

«чистейший прелести чистейший образец». Рядом стоящая фигура Сталина смотрится уже не столь неприязненно.

Неужели редакторы серии ЖЗЛ не страдают от помутнения собственного сознания, когда соединяют несоединимое? Им незнаком герой Ильфа и Петрова, гражданин Берлага, мнящий себя Наполеоном и находящийся там, где и положено находиться сумасшедшим? Им неведомо, что книга, хотя и является товаром, но особого свойства. Берлага и Наполеон в одном лице — шизофрения! «Книга — огромная сила», а сила, как известно, — вектор, который может быть направлен как в сторону Добра, так и Зла!

Нельзя оставить без внимания и такой вопрос: «Но было же много хорошего в советский исторический период?» Действительно так. И даже В. Высоцкий пел: «Было время и цены снижали...» Но это следствие естественного хода жизни, главного ее свойства. «Когда причину и следствие путает криминалист — в опасности судьба, а то и жизнь человека; когда их путает ученый — рождается лженаука» (академик Б. А. Мигдал). Жизнь прекрасна и удивительна — это всегда праздник, с часто случающимися слезами на глазах. И не мог Сталин всегда творить только зло! Это было бы противоестественно. Поэтому у него был большой «задел» неосуществленных замыслов. Подтверждением сказанному является дело врачей, осуществленное уже на закате жизни.

Что касается заслуг Сталина в Великой Отечественной войне, то они сводятся к созданию Ставки, состоявшей из выдающихся военачальников, правда, многие из которых были репрессированы накануне войны, а затем выпущены, другие попали в опалу после войны... У самого же Сталина невозможно обнаружить почерк полководца — необходимое условие наличия военного таланта. Почерк А. В. Суворова — быстрота и натиск, бить не числом, умением. Почерк Кутузова — умение сохранить армию и заставить противника принять бой в самых невыгодных для него условиях. Сталин же был психологом и принимал решение, как это было с «Операцией Багратион», проверяя степень уверенности командующего-разработчика плана проведения операции.

Вот примеры. Во время совещания он выставил маршала Рокоссовского за дверь с предложением подумать. Маршал остался тверд в своем мнении, и план операции был утвержден. В 1942 году под давлением Сталина было предпринято четыре провалившихся прорыва блокады Ленинграда! Г. К. Жуков считал их авантюрными. У Н. Н. Никулина в «Воспоминаниях о войне» описан один такой «прорыв», из Погостья. Впечатление ужасное от того, что пришлось пережить его участнику.

Из всего вышесказанного можно сделать главный вывод: в Великой Отечественной войне народ победил, несмотря на то, что во главе СССР стоял Сталин.

Автор данной статьи льстит себя надеждой, что всем понятна мотивация ее написания: осмеять собственное неразумие, когда, «глупея от восторга», в компании таких же несмысленней распевал песню, строчка из которой вынесена в условный заголовок.

¹ См.: Ковалев С. Не плохой и не хороший // Санкт-Петербургские ведомости. 2010. 9 февр.

М. А. Мануильский¹

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Исходным пунктом диалога культур является образ его субъектов. Причем образ каждого участника кросскультурной коммуникации имеет две ипостаси: представление, презентуемое субъектом взаимодействия, и восприятие контрагента глазами Другого². Обозначенные ментальные конструкции, как правило, не совпадают. Основные причины подобной аберрации — различия в элементах ценностного поля взаимодействующих культур, с одной стороны, и в интерпретации общих для них ценностей — с другой. Но есть и «субъективные» причины. Речь идет, прежде всего, о существовании противоречий в *создаваемом* субъектом диалога образе. Данная проблема и станет предметом рассмотрения.

В последнее время дискуссии о месте России в мире уже не носят столь драматического характера, как на рубеже XX–XXI веков. Хотя страна все еще находится в процессе модернизации, общество в значительной мере достигло взаимопонимания по поводу основополагающих представлений о геополитическом статусе России. Она видится одним из центров многополярного мира, а российская цивилизация — равноправным партнером, в том числе и в диалоге цивилизаций.

Реализация подобных устремлений зависит не только от программ и действий политиков и дипломатов. Такие стратегии формируются на основе как минимум экспертных оценок и учета общественных настроений. Обратимся к этим составляющим диалога культур.

На протяжении уже нескольких столетий одним из центральных пунктов представлений о цивилизационно-культурной миссии России является постулат «Россия — европейская страна». Это рассматривается в качестве необходимого и достаточного условия равноправного межкультурного диалога. Вместе с тем предполагается, что Россия имеет особую духовную миссию, ей предназначено исключительное место в мировой истории. Субъектами кросскультурного взаимодействия эта идея может быть интерпретирована по-разному:

- уникальность России обуславливает ее востребованность в межкультурном взаимодействии;
- «исключительность», «особость» являются препятствием в равноправном, цивилизованном диалоге.

Проиллюстрируем обозначенные положения на материалах исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2007 году. Значимость его результатов во многом определяется тем, что опрашивались лица, которые оказывают серьезное влияние на общественное мнение, социально-политические процессы, пози-

¹ Заместитель главного редактора журнала «Человек» (Москва), старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам философии и культуры.

² Строго говоря, это восприятие накладывается на исторически сложившиеся у Другого архетипы и установки относительно контрагента. Но в данном случае можно отвлечься от упомянутого обстоятельства без ущерба для раскрытия темы.

ционирование страны в межкультурном взаимодействии³.

Что прежде всего выделяется при анализе результатов опроса? Россия рассматривается не просто как европейская держава (точка зрения весьма популярная и прежде), но как *сильная держава* в многополярном мире (помимо США, Китая, Евросоюза), как *мост* между Западом и Востоком, призванная использовать *выгоды* своего геополитического положения (см. табл. 1). Вместе с тем в ответах респондентов проглядывали и представления об особой миссии России в междивизиационном диалоге. Многие рассуждения имели модус долженствования.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос о месте и роли России в мире⁴

Ответы	%
Быть одним из мировых лидеров в многополярном мире	46,6
Быть миротворческой державой, гарантом мира	23,0
Россия — посредник, «связующее звено» между Востоком и Западом	17,5
Быть «центром духовного притяжения», «православной цивилизацией», идти по своему «особому» историческому пути	16,6
Сдерживать негативные процессы в мире, совместно с другими странами решать общемировые проблемы (терроризм, бедность, болезни и т. д.)	9,5
Быть политически самостоятельной державой, не вступать в блоки, поддерживать конструктивные отношения со всеми странами мира	7,7
Отстаивать свои национальные интересы (здоровый прагматизм в отношении других стран)	5,0
Содействовать стабильности на постсоветском пространстве	4,6
Вернуть влияние в странах третьего мира	3,4
Укреплять миропорядок на демократических ценностях	3,1

Примечательно, что ни один из опрошенных не считает, что страна должна интегрироваться в западный мир, а число приверженцев имперского статуса России минимально. Иными словами, непопулярны два крайних варианта междивизиационного развития: растворение в иной культуре, упор на собственную исключительность.

А вот опросы рядовых граждан демонстрируют, что идея России как «европейской державы» не столь популярна. По данным международного исследования⁵, свою идентичность как европейскую выбрали 8 % опрошенных россиян в 2005 году и 11 % —

³ Боков М. В. Самовоспроизводящийся дух миссионерства // Человек. 2008. № 6. В 32 регионах страны было опрошено 326 представителей современной российской элиты: законодатели; высокопоставленные чиновники администрации субъектов РФ; судьи, прокуроры, адвокаты; высокопоставленные чины армии и МВД; представители крупного бизнеса; члены РАН, ректоры вузов; творческая элита; религиозные деятели; авторитетные журналисты; федеральные и региональные руководители политических партий и общественных организаций. Опрошенные могли высказаться в свободной форме по той или иной позиции.

⁴ Респондент мог отметить несколько позиций.

⁵ Уайт С., Макаллистер А. Белоруссия, Украина и Россия: Восток или Запад? // Мир России. 2008. № 4. С. 37–59.

в 2008 году. Подавляющее большинство считают себя гражданами своей страны (76 и 70 % соответственно). Для сравнения: около 55 % опрошенных во всех странах — участницах ЕС определяют свою европейскую идентичность в качестве *основной* или вторичной. Между прочим, почти столько же российских респондентов (47 %) занимают антизападную позицию¹. Таким образом, настроения в массовом сознании находятся в определенном противоречии с декларируемой установкой на «европейский диалог».

Впрочем, такие настроения имеют под собой определенные основания. В условиях глобализации культурная экспансия становится наиболее мощным оружием тех стран (и прежде всего США), которые обладают ресурсами и для иных видов экспансии (технологической, финансово-экономической и т. д.). В США прекрасно осознают значение ценностей не только как основания культуры (а следовательно, идеологии и политики), но и экономики. Агрессивное навязывание другим культурам собственных ценностей как исключительных вызывает у их представителей естественный протест.

Что касается оценок экспертов, то компендиум их размышлений о России можно уподобить пирамиде.

В основании — широко распространенное убеждение, что страна «обречена быть» одним из мировых лидеров; в *середине* — набор суждений о том, что Россия — это посредница между Западом и Востоком, «особая цивилизация»; на *вершине* — тезис, что у России свой исторический путь развития, своя историческая миссия. Вместе с тем опрошенным экспертам чужд односторонний фатализм.

Глобализация предполагает интенсификацию кросскультурных взаимодействий. Россия обладает мощным социально-культурным потенциалом к межкультурному, межцивилизационному диалогу. Российский истеблишмент демонстрирует ценностно и идеологически оформленную готовность к такому взаимодействию. Однако образ страны как партнера в межкультурном диалоге, создаваемый культурной и политической элитой, и «перспективы» такого взаимодействия в массовом сознании существенно не совпадают. Модернизация, с одной стороны, призвана сблизить эту оппозицию, а с другой — невозможна без внутрикультурного диалога. Вместе с тем, учитывая присущую массовому сознанию инерционность, процесс этот будет непросто.

Б. В. Марков²

ТРАДИЦИОННАЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРЫ

Уже давно гуманитарии воюют с тем, что называется массовой культурой. По сравнению с высокой культурой некоторые телевизионные зрелища напоминают эпоху Рима, ибо способствуют бестизализации людей. Но с точки зрения политтехнологов они выполняют важные функции, ибо связывают разобщенных индивидов в нечто единое. Если раньше люди выстраивались в колонну и с песней шли в одном направлении, то сегодня они привязаны к экрану ТВ настолько, что многие интересуются происходящим в «Доме-2» больше, чем своими семейными проблемами. Если не хочется ни двигаться вперед, ни возвращаться назад, то следует выявить положительные моменты традиционной и современной культуры и предпринять попытку их синтеза. Благодаря философской концептуализации современной культуры можно выявить набор антропологических констант, который должен в той или иной форме воспроизводиться в высоких культурах.

История человечества может быть рассмотрена под углом поиска способов объединения все растущего количества людей. Занимая свою территорию, они имели общую память в форме мифов и сказаний

и примерно одинаковые культы и ритуалы. Раньше в небольших поселениях каждый житель находился под взглядом другого. Все знают друг друга, и каждый может высказать свое мнение о поведении соседей. В сущности, все пространство жизни было общественным. Где же сегодня можно узреть общественное пространство? Парадокс в том, что все говорят о социальном прогрессе, в то время как социальное пространство деградирует. Как стало возможно, что в условиях роста больших городов, где люди пребывают скученными в толпу, общество, по сути, исчезает? Что происходит в наших выставочных и концертных залах, супермаркетах, в школе и на работе, где индивиды теснятся на виду друг у друга? Первое, что бросается в глаза, — отчужденность. Люди стараются не замечать друг друга. Конечно, царит вежливость и каждый старается прилично выглядеть. Однако это и создает невидимый барьер для общения. Раньше, побывав на ярмарке, человек узнавал все новости. Посещение сельмага, давало информации больше, чем телевизор. А главное — сообщаемые новости не воспринимались с характерным для современных горожан безразличием. Конечно, и в устной, и тем более в письменной культуре живое участие граждан в общественной жизни нередко сводилось к сплетням и пересудам, однако в целом люди ощущали себя звеньями единой цепи и отзывались на беды другого не только вежливым сочувствием, но и реальной поддержкой.

Революционным становится XX век — эпоха зарождения массового общества и страха элиты перед толпой. Это начало новой истории строительства

¹ Уайт С., Макаллистер А. Указ. соч. С. 55.

² Заведующий кафедрой философской антропологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Сердце и разум: история и теория менталитета», «История современной зарубежной философии», «Наука и альтернативные формы знания», «Очерки социальной антропологии», «Философская антропология: Очерки истории и теории», «Человек, государство и Бог в философии Ницше», «Понятие политического» и др.

больших общественных коллекторов (конгрессы, дворцы съездов, театры, магазины (пассажи), концертные залы и, наконец, стадионы). История этих мест не изучена, нет специальной науки о подобных социальных пространствах. В XX веке в гигантский архитектурный коллектор для огромного числа агрессивно настроенных людей превращается *стадион*. Почему открытый в глубокой древности эффект арены Колизея — этого обладающего наркотическим действием спектакля — вновь возрождается спустя тысячелетия? Ответ состоит в том, что наступление эры масс сопровождается разработкой ритуалов, контролирующих поведение людей.

Г. Тард придавал большое значение гипнозу и считал спорт формой внушения. Заражение и подражание — вот как достигается единство на стадионе. Стадион — прямая противоположность *агоре*, где консенсус достигается на основе разговоров. Э. Канетти определял массу через ринг и этим указал на значение архитектуры стадиона и особенно акустического эффекта. Как и афинские деятели, современные режиссеры консенсуса опираются на объединяющее и цементирующее воздействие музыки. Этот фонотопический синтез достигается в форме общего энтузиазма, возникающего в процессе слияния индивидов в целое.

Стадион для присутствующих на нем — это место убеждения в истине. Он сформировался в ходе поисков модели общественного контейнера, прообразом которой стало Марсово поле, где с большой помпой проводились разного рода демонстрации. После Французской революции взамен храма пришлось выработать новые ритуалы «сборки» нации в единое целое на основе величественных шествий и гипнотических речей. Так достигался синтез организации и психотехники. В эпоху модерна искусство социального синтеза достигло наивысшего расцвета. Единодушие и энтузиазм стали продуктом специальной организации. Мощный культурно-политический эффект достигался благодаря не рефлексии, а искусству. Модерн на дифференциацию общества отвечал усилением роли центра. Марсово поле в Париже, театр в Байрете, Красная площадь в Москве, спортивный стадион в Берлине — все это архитектурное выражение сопротивления децентрации.

Спортивная идеология эксплуатирует «олимпийскую идею», но на деле мотивом государственной поддержки спорта является стремление к психической «сборке» разобщенной массы в одно целое. Серия Олимпийских игр возвышается над временем, она объединяет историю. Под руководством Людвиг Куртиуса были воссозданы оригинальные олимпийские состязания и построен стадион в Афинах. «Олимпия» задумывалась как страна спорта, где судьями выступали университетские профессора. Чтобы стать атлетом, перешагивающим границы обычных человеческих возможностей, необходимо уверовать в телесный суверенитет. Олимпизм внушает уверенность, что власть идет от здорового тела. Олимпийские игры, как говорил Пьер Кубертен, есть не что иное, как продолжение грекофилии. Таким образом, эпоха Просвещения дала свое понимание спорта как формы воспитания здоровой ари-

стократической элиты. Как в Байрете происходило возрождение трагедии из духа музыки, так и олимпиады путем возрождения атлетизма должны были привести к появлению просвещенных масс. Таким образом, строительство стадионов пришло на смену филологическому ренессансу и постепенно привело к вытеснению книжной культуры.

Одной арены как коллектора, объединяющего массу, недостаточно. Требуется связующее звено (пресса, радио или ТВ), работающее дистанционно, распространяющее энергию зрителей на остальную массу населения. Во время Олимпийских игр эффект возбуждения приобретает планетарный характер. То, что называют единством, — это продукт производства общественных коллекторов, оснащенных такими «медиумами», как громкоговорители и телекамеры, не пропускающие ни одного события, в курсе которых благодаря ежедневной прессе и радиорепортажам может быть каждый.

По мнению В. Беньямина, единство публичного мира товаров и интимного мира желаний достигается в пассажах. Но для новых архитекторов они уже не являются примером для подражания. Превращение в торговые центры дворцов культуры, вокзалов и иных общественных мест — это проявление ультрамодерна. Если советские архитекторы создавали пространства для коллективных тел, то во время перестройки все они были отданы под торговые залы. Сегодня после осознания опасности децентрации, характерной для постмодерна, вновь начались поиски новой целостности.

Во второй половине XX века на передний план выдвигаются материальные символы достатка. Рост покупательной способности масс способствовал изменению сознания. Низшие слои населения пришли на рынок моды, мобильности, дизайна и гастрономии, ранее доступный лишь высшим слоям общества. Об изменении жизни с достижением достатка свидетельствует прежде всего автомобильная культура, хотя ее чрезмерное развитие наносит вред. Но настоящим прорывом становится расширение зоны свободного времени, благодаря чему возникают новые субкультуры. Излишки времени посвящаются развитию разного рода талантов и даже конструированию частных метафизических систем. Вообще говоря, столь широкое вторжение масс в сферу увлечений, отдыха, туризма, спорта, музыки не имеет прецедента.

Сегодня мы живем в эпоху знаковых событий. Культуру определяет теперь не само произведение искусства, а внушительный состав приглашенных звезд и знаменитостей, толпа зевак, рынок и рейтинги, сплетни и скандалчики, благодаря которым, собственно, и «навариваются» деньги. Фирменным знаком участников «культурной тусовки» является погоня за развлечением. Если телекамеры, логотипы солидных спонсоров вкуче с рекламной кампанией и раздачей образцов продукции не затмевают все вокруг, нельзя говорить о знаковом событии. Поэтому на место эстетов, художников и критиков приходят менеджеры в сфере искусства и культуры. Манипулирование цифрами, диаграммами, рейтингами, финансами становится более важным и более высоко-

оплачивается, нежели способность создавать произведения искусства. Претензии искусства на подлинность становятся смешными перед лицом циничных требований экономики и массового вкуса.

Современная «культура знаковых событий» напоминает праздники барокко, а не концерты модерна. В музее можно поесть, выпить и развлечься. Банк, универмаг — тоже сцена. Искусство не событие, а часть индустрии развлечения и потребления. Оно становится полезным и обслуживает не мечту, а ре-

альность. Можно ли сохранять смысл искусства в инсталляциях и презентациях? За шумом фестивальных культур все хотят что-то увидеть, узнать. И все ждут чуда преображения. Без искусства таких событий не было бы вообще. В этой толкотне сегодня и реализуется мечта. За масками шумных событий, в погоне за покупками и распродажами важно не потерять себя и не забыть о мечте. Там, где доминирует вторичное, неизбежна тоска по подлинному. Само недовольство зрелищами свидетельствует о верности мечте.

С. Т. Махлина¹

СЕМИОТИКА КРИЗИСА

Кризисы, с которыми столкнулось мировое сообщество в конце 2000-х годов, обратили на себя внимание современных ученых. Известно, что кризисы бывают не только финансовые, но и кризисы идей, затрагивают культуру и искусство. На мой взгляд, кризисы в культуре полезны. Не случайно Н. Тишунина писала: «Диалектика каждого кризиса заключается в том, что он знаменует собой переход от одной изжившей себя формы развития культуры к другой, нарождающейся»².

Кризис порубежья XIX—XX веков породил ситуацию, схожую с современной. Тогда так же, как и сейчас, передовая интеллигенция ужасалась упадку культуры, возвестив о «грядущем Хаме». Да, симптомы кризиса были всеобъемлющими. Но сегодня мы восхищаемся достижениями Серебряного века, с вдохновением повторяем многие имена того времени.

В середине XX века возникший в это время экзистенциализм констатировал, что современное общество тогдашних представителей экзистенциализма можно рассматривать как кризис цивилизации, разума и гуманности. Но они выступали против капитуляции личности перед этим кризисом.

Сегодня совершенно не случайно возникло большое количество ремейков, апгрейдов, симулякров.

Ремейк (*англ.* *Remake*) — это произведение, использующее сюжет ранее созданного произведения. Чаще всего ремейк — произведение киноискусства, когда вновь используется сюжет ранее зарекомендовавшего фильма, но уже с новыми актерами, новыми техническими средствами и т. п. Любопытно, что «Золушка» ставилась 100 раз, «Гамлет» — 74, «Доктор Джекилл и мистер Хайд» — 52, «Робинзон Крузо» — 44. Этот ряд можно продолжить³.

Апгрейд — сегодня весьма распространенное явление. Если раньше существовал только жанр ми-

нимальной пародии — дословно пересказывался известный текст, но ему придавался новый, не предполагавшийся смысл. В апгрейде, например, классический текст повторяется на фоне общего сокращения сюжетных поворотов, хотя при этом минимально изменяются обстоятельства, имена, профессии героев. В современном искусстве избилуют жаргонизмы, уничтожаются приметы стиля первоисточника. Сегодня часто раздаются возгласы о «смерти автора»⁴. Но это иллюзия. Автор всегда осознает свою ответственность.

Об этом писал и М. М. Бахтин: «Поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных подходов. Личность должна стать сплошь ответственной: все ее моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду ее жизни, но проникать друг в друга в единстве вины и ответственности»⁵. Ибо те, кто создает художественные произведения, отдают себе отчет, а иногда и неосознанно понимают, что их произведения оказывают достаточно сильное воздействие. Отметим, что еще в конце XIX века известный психолог и педагог П. Каптерев разделил читателей на две категории: на «идиотов подражателей» и «гениев подражательности». Гении, подражая, начинают новое творчество, «идиоты» подражают буквально, вплоть до внешности. Ценность искусства, по Каптереву, «не в прямой демонстрации положительного примера, но в преображенном и укрупненном отражении противоречивой реальности. Если же произведения искусства превратятся в иллюстрацию к правилам поведения, то оно тем самым перестанет выполнять свои социальные обязанности — средствами, доступными только искусству, подвигать человека к размышлению о самом себе»⁶.

Именно поэтому роль базового текста первоисточников становится как никогда значимой. В прошлом привлекают высокий нравственный идеал

¹ Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор свыше 250 научных публикаций, в т. ч. 13 монографий: «Семиотика культуры и искусства», «Язык искусства в контексте культуры» и др.

² Тишунина Н. В. Современные глобализационные процессы: вызов, рефлексии, стратегии // Глобализация и культура: аналитический подход: сб. науч. тр. СПб., 2003. С. 11.

³ URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/economic/article/ses2/ses-5705.htm>

⁴ Волкова П. С. Реинтерпретация художественного текста (на материале искусства XX века). Краснодар, 2008.

⁵ Бахтин М. М. Искусство и ответственность // Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. Киев, 1994. С. 7.

⁶ Левшина И. С. Кино-телематогрaф, мы и наши дети // Кино — юным. М., 1985. С. 228.

классических произведений, стремление увеличить коммуникативную направленность художественно-го текста.

Симулякр — слово, часто используемое в современной культуре. Слово *simulacrum* в латинском языке имеет три значения: 1) подобие, видимость; 2) образ, изображение, статуя; 3) тень, призрак, привидение. Этот термин Ж. Бодрийяр позаимствовал у Эпикура. Эпикур рассматривал это понятие как копию, образ вещи. Бодрийяр вводит это понятие для обозначения соотношения образа и реальности в современном постиндустриальном мире, которое проходит четыре исторические фазы: 1) образ отражает реальность; 2) образ маскирует и искажает реальность; 3) образ указывает на отсутствие реальности; 4) образ не имеет никакого отношения к реальности. Причем первые два этапа относятся к классической эпохе существования картины, в то время как третий связан с массовым репродуцированием образов в индустриальную эпоху, современный, четвертый период описан через понятие «симулякр».

Симулякр — знак без денотата, знак того, чего нет. Симулякр точно отражает культуру второй половины XX века. Ж. Бодрийяр писал: «Понятие симулякра (“видимости”, “подобия”) существовало еще в философии Платона: имеется идеальная модель-оригинал (эйдос), по отношению к которой возможны верные или неверные подражания. Верные подражания — копии характеризуются сходством (с моделью), а неверные подражания — симулякры — своим отличием (от модели и друг от друга)»¹. Данное понятие широко используется многими исследователями современной культуры. Однако Ж. Делез утверждает: «Симулякр — вовсе не деградированная копия. В нем таится позитивная сила, отрицающая как оригинал, так и копию, и модель, и репродукцию»².

Поэтому Ален Бадью, один из первых исследователей творчества Ж. Делеза, определил мир делезовских сущностей как «театр симулякров бытия»³. Связано это с тем, что бытие предстает для Ж. Делеза как некая игра парадоксов: мысль — не внешнее и не внутреннее, она — внешнее внутреннего или внутреннее внешнего; смысл — атрибут вещей и одновременно выражаемое в предложении; симулякр — ни оригинал, ни копия; события — ни активные, ни пассивные, ни внутренние, ни внешние, ни воображаемые, ни реальные.

Не случайно Ж. Бодрийяр, например, использует понятие «симулякр» и для анализа культуры, и для анализа искусства. Симулякры создают иллюзию заполненности мига, расширения пространства человеческих возможностей, иллюзию насыщенной и интенсивной жизни, характеризуя особенности современной потребительской цивилизации. Если в культурах прошлых веков существовали элементы иллюзорного расширения пространства, удвоение предметов (вспомним широко распространенные обманки в XVIII в.), то в современной культуре такого рода симуляции характеризуются всеобщностью

и постоянством. «Мы вступили в эру симуляции, наступление которой знаменует полная заменяемость некогда противоречивых или диалектически противоположных терминов: взаимозаменяемость красивого и уродливого в моде, правого и левого в политике, истинного и ложного в массмедиа, полезного и бесполезного на уровне объектов, природы и культуры на любом смысловом уровне. Все становится “неразрешимым” — эффект, вызванный повсеместным господством кода, основанного на принципе нейтрализации индифферентности»⁴. Симулякр снижает эксперимент до эмпирического уровня, в нем утрачиваются цели преобразования, но сохраняется преобразование как бесконечный акт. Таким образом, симулируется сам эксперимент. Симуляторы отбрасывают человека за пределы реального мира, вытесняют его, оказывая парализующее действие приемом пресыщения. Это иллюзорное образование, создающее иллюзию новизны при полной зависимости от традиционных вкусов и творческих методов прошлого. Экспериментальное мышление преобразуется в симулякр.

Понятие «симулякр» особенно важно при рассмотрении и понимании постмодернизма. В симулякре знак претерпевает ряд модификаций, симулируя реальность, маскирует ее отсутствие и в конце концов становится тем, что не означает ничего. Не отражая ничего, знаки-симулякры приобретают смысл, полученный ими из их эстетического облика, образованного из породившей их реальности, неся черты этой реальности и впечатлений от нее. Таким образом, знак, не имеющий связи с реальностью, утративший ее, становится компонентом художественной структуры, выражая ассоциации автора от реальности, целостность видения автора. Несмотря на то что этот знак, видимо, бессмыслен по своим реальным корням, он наполнен субъективным авторским содержанием. Пример симулякров в современном искусстве — серия «Менины» Пикассо, где серийный экспериментальный анализ служит для изучения знаменитого полотна Веласкеса. По мнению многих исследователей современной культуры, симулякр в дальнейшем будет занимать все большее место в массовой культуре. Ж. Делез писал по этому поводу: «Бог сотворил человека по своему образу и подобию, но в результате грехопадения человек утратил подобие. Сохранив, однако, образ, мы стали симулякрами, мы утратили моральное существование, чтобы вступить в существование эстетическое...»⁵

Кроме того, Ж. Бодрийяр сформулировал понятие «промышленный симулякр». При серийном производстве вещи постоянно становятся симулякрами друг друга, а вместе с ними — и люди, которые их производят. Но по сравнению с эрой подделки, двойников, зеркал, театра, игры масок и видимостей, эра серийно-технической репродукции невелика по размаху. Первым последствием этого сформулировал Вальтер Беньямин. Он показал в своем «Произведении искусства в эпоху его технической воспроизводимости», ставшем классическим, что именно

¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2006. С. 8.

² Бадью А. Делез. Шум бытия. М., 2004. С. 61.

³ Там же.

⁴ Бодрийяр Ж. О совращении // Ad marginem '93 (ежегодник). М., 1993. С. 330.

⁵ Делез Ж. Платон и симулякр. М., 2007. С. 49.

в XX веке открылись новые территории, свободные от «классических» производительных традиций и изначально расположенные под знаком воспроизводства. Сегодня в эту сферу попадает все материальное производство. Поэтому Ж. Бодрийяр считает: «Как нам известно, сегодня именно в плане воспроизводства — моды, массмедиа, шоу, рекламы, информационно-коммуникативных сетей — в сфере того, что Маркс пренебрежительно именовал непродизводительными издержками (какова ирония истории!), то есть в сфере симулякров и кодов обретают свое единство общие процессы капитала»¹.

Действительно, как верно указывает А. И. Извекков, ни один из предшествующих постмодернизму кризисов культуры не выразил столь ярко социально-психологический фон кризисной ментальности, усиливающийся феноменом, с которым человечество столкнулось фактически впервые, — обезличиванием культуры. «Обезличивание культуры обнаруживает себя в примитивизации запросов “средне-статистического человека”»². При этом А. И. Извекков приводит обширный ряд характеристик личности постмодернизма. Это и нигилист, пытающийся скрыться от нигилизма; и свободолобивый человек, не способный справиться со своей свободой; и человек, уверенный в своем превосходстве над людьми любых прежних эпох, но не способный определить сущность превосходства; и не верующий ни во что, но жаждущий веры. «Словом, это человек, который на вопрос о смысле жизни, скажет, что смысл только

в том, чтобы ее прожить, включая в прагматический расчет жизни все ее составляющие — от профессии до семьи. Наконец, черты новой личности приобретают глобальный, распространяющийся повсеместно характер»³.

Е. Гротовский так охарактеризовал эту ситуацию: «Сегодня не только каждая традиционная общность людей стала Вавилоном, где смешались языки и исчезли общие верования, но в равной степени каждый человек сегодня — Вавилонское столпотворение, потому что в основе его существа уже нет монолитной системы ценностей»⁴.

Сегодня кино и телевидение, создавая стереотипы своего искусства, сами подпадают под их власть и становятся рабами зрительских пристрастий. Чем обширнее аудитория, тем легче это происходит. Губительность коммерциализации ощущают все. Становясь на поток, искусство теряет свою духовную значимость.

Итак, можно без конца повторять, что мы видим ужасающую пропасть, куда проваливается современная культура. Мы можем даже указать на основные признаки этого угрожающего явления. Однако вместе с тем в этой культуре уже зарождаются многочисленные элементы того будущего расцвета, который обязательно последует за современным этапом. Как правило, в периферийных отделах культуры накапливаются новые элементы, которые впоследствии становятся все более значимыми. Так в истории культуры происходит постоянно.

А. Н. Мосейко⁵

РУССКИЙ МИР В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ЗАПАД–РОССИЯ–ВОСТОК

В ситуации становления глобальной культуры особенное значение приобретает цивилизационная специфика. В этом отношении интересно проследить судьбу русского мира, диалог культур и цивилизаций в его историческом развитии.

Русский мир можно определить как сложное, многоаспектное внесударственное культурно-цивилизационное русскоязычное пространство, в котором происходит сбережение и развитие рус-

ских культурных ценностей, смыслов, традиций, русского ментального кода и национальных архетипов.

Географически это пространство охватывает Россию, а также большинство стран и регионов мира, где живут выходцы из России и их потомки, для которых доминантной является русская культура.

Начало формирования русского мира относится к XIX веку, когда были отмечены первые массовые эмиграции из России и сформировались русские диаспоры за рубежом.

Системообразующим фактором для формирования русского мира в его современном варианте стала послереволюционная эмиграция так называемая белая эмиграция, или первая волна. Именно послереволюционная эмиграция сформировала русские диаспоры практически во всех регионах мира, совокупность которых стала называться русским зарубежьем, частью русского мира.

Главным в послереволюционной эмиграции была ее уникальная сущность, которая самими эмигрантами была определена как «миссия посланничества». Мощный эмоциональный, интеллектуальный, художественно-культурный накал, составляющий ауру эмиграции первой волны, сделал ее центром

¹ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 123.

² Извекков А. И. Проблема личности постмодерна: кризис культурной идентификации. СПб., 2008. С. 24.

³ Там же. С. 23.

⁴ Гротовский Е. От бедного театра — к искусству-проводнику // Искусство режиссуры. XX век. М., 2008. С. 553.

⁵ Ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент. Автор книг: «Идеология в странах Тропической Африки. Традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности», «Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. Междисциплинарное исследование», «Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы», а также серии научных статей о русской эмиграции в журнале «Общественные науки и современность».

притяжения как для предыдущих, так и для последующих периодов русской эмиграции, а также для постсоветской России.

В настоящее время русский мир развивается, расширяются связи русских диаспор с метрополией, формируется единое культурно-информационное пространство.

Культурно-цивилизационное пространство русского мира сегодня стремится к достижению целостности. Первым этапом в объединении соотечественников в рамках русского мира стал **I Всемирный конгресс соотечественников**, проведенный в 2000 году, а также последующие форумы.

Важный шаг в этом направлении — создание в 2007 году на основе президентского указа фонда «Русский мир» в целях популяризации русского языка и культуры и поддержки программ изучения русского языка за рубежом, а также поддержки всех образовательных и научных организаций и центров, занимающихся проблематикой, связанной с русским миром, взаимодействия с диаспорами и содействия установлению атмосферы межнационального уважения и мира.

В ноябре 2009 года фонд «Русский мир» провел III Ассамблею русского мира.

История и современность русского зарубежья (русского мира) являются уникальным образцом диалога цивилизаций. Живущие на пересечении двух и более культур эмигранты и их потомки, выросшие в таких условиях, в силу обстоятельств становятся субъектами диалога культур и цивилизаций. Идентифицируясь с собственной русской культурой, усваивая ее ментальные коды, русский язык, эмигранты, интегрируясь в культуру страны проживания, одновременно идентифицируются и с этой культурой, усваивая ее традиции и ментальность, язык страны проживания. Такая двойная идентификация приводит к постоянному внутреннему диалогу.

Таким образом, «возникает сложная цепь диалогов культур, которые ведутся не непосредственно двумя сторонами, а через посредство промежуточного звена, тесно связанного с обеими культурами и одновременно представляющего собой отдельное историческое явление»¹.

Следовательно, русское зарубежье является форпостом диалога русской культуры с иными культурами и цивилизациями как на Западе, так и на Востоке.

Прежде всего следует обратиться к вековому идеологическому диалогу, связанному со взаимоотношениями христианства и просветительства, на котором базируются идеи демократии. Этот диалог вели представители первой волны эмиграции.

Новое поколение эмигрантов утверждало, что критика просветительства была бы творчески плодотворна, если бы она не превращалась в огульное, исступленное отречение от всей западной демократической и научно-технической цивилизации. В. С. Варшавский, как представитель нового поколе-

ния, призывает к компромиссу христианства и просветительства, на котором основана демократия².

Представители западного мира испытали значительное влияние русской философии, развиваемой в эмиграции. Так, работа Н. Бердяева «Новое средневековье», посвященная критике дегуманизации и отхода западной цивилизации от христианства, была переведена на 14 языков³.

Большое влияние на западную науку оказали русские научные школы, например Институт византологии в Праге, Пражский лингвистический кружок. Российская эмиграция способствовала развитию мировой русистики, предоставляя материал — лингвистический, литературный — для изучения, а также участвуя в развитии русистики и советологии. В 1920–1940-е годы обозначилось влияние русской науки в США, которое проявилось в области истории (М. Ростовцев, Г. Вернадский, М. Карпович), социологии (П. Сорокин), технических наук (В. Н. Ипатьев, С. П. Тимошенко, В. К. Зворыкин, И. И. Сикорский, А. Н. Северский, Г. Б. Кистяковский).

С 1970-х годов в большинстве стран Европы, США, Канаде растет научный интерес к творчеству русского мыслителя М. Бахтина. К началу XXI века бахтиноведение стало одной из ведущих научных парадигм, определяя основы фундаментальных стратегий гуманитарного научного знания.

Существует специфика во взаимоотношении цивилизаций в странах Востока, где русские диаспоры оказались в ситуации взаимодействия с культурами, резко отличающимися от русской. В диаспорах на Востоке, например в Китае и Маньчжурии, наблюдался повышенный интерес к православию и сохранению русского языка и языковой культуры. Эти особенности сохранились и в русских диаспорах в Австралии, куда переместилась большая часть эмигрантов из Китая и Маньчжурии.

Православные приходы в Австралии стали центрами духовной, общественной и культурно-образовательной жизни русских эмигрантов многих поколений (вплоть до наших дней), они помогают им сохранить свою идентичность, русский язык как основу русской культуры. С 1950-х годов в Австралии началась организация русских субботних школ, где изучаются русский язык, русская история, география, литература, история русской культуры⁴.

На Востоке в литературе, изобразительном искусстве и науке значимым было влияние ориентализма. Харбин в 1920–1940-е годы превратился в центр востоковедения мирового значения. В это время здесь было написано множество трудов по истории, этнографии, географии Китая и Маньчжурии. Книги профессора М. Н. Ершова «Восток и Запад», «Прежде и теперь», «Восток и Запад в историческом освещении» оказали влияние на историю и востоковедение в мировой науке.

² *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 373–376.

³ См.: *Аржаковский А.* Между историей и памятью. Николай Бердяев, русский мыслитель во Франции // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940 гг. М., 1994. Кн. 1. С. 251, 256–257.

⁴ *История русских в Австралии.* Сидней, 2008. Т. 2: Русский язык в Австралии.

¹ *Пивовар Е. И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 25.

В Японии русская диаспора была немногочисленной (около 2 тыс. человек), хотя она несколько пополнилась после Второй мировой войны. Однако интерес к русской культуре в Японии всегда был очень большим, и культура Японии, а также ее наука испытали значительное русское влияние. В частности, первый симфонический оркестр в Японии был создан выходцем из России — профессором Шиферблатом. Особенно велик был интерес японцев к русской классической литературе и философии: к творчеству Л. Толстого, Ф. Достоевского, Л. Шестова, М. Бахтина. Профессор-русист Тору Кавасаки отмечает влияние творчества русского философа-эмигранта Льва Шестова, особенно его работы «Достоевский и Ницше. (Философия трагедии)», на интеллигенцию Японии в 1930-х годах. Анализ творчества Достоевского Л. Шестовым не только помог японской интеллигенции понять идеи этого писателя, но и оказался созвучен ее мировосприятию, оказавшемуся в кризисе в связи с разгромом коммунистического движения. Эта философия помогла интеллигенции Японии «изжить» свою трагедию, сделать экзистенциальный выбор¹.

В 1968 году в Японии вышел в свет перевод «Поэтики Достоевского» М. Бахтина, в последующие годы были переведены другие работы этого философа, а также труды его единомышленников. По словам профессора Такаси Кувано, с 1970-х годов в область культуры, где господствовали «серьезные»

идеи, стали проникать такие понятия, как «смех», «шут», «карнавал», что оказало огромное влияние как на гуманитарную науку, искусствоведение, так и на всю культуру Японии. Так, бахтинская теория карнавала помогла заново осмыслить русский авангардизм и многие другие явления русской и западной культуры, открыла новые горизонты в исследованиях истории культуры и духа. Теории карнавала и гротеска применили в своем творчестве известные писатели Оэ Кэндзабуро и Маруя Сайити. Последний использовал идеи Бахтина в спектаклях театра кабуки².

Таким образом, воздействие русского мира на культуру принимающих стран, а также на всю мировую культуру как на Западе, так и на Востоке было многогранным и существенным. В свою очередь культура русского мира восприняла и освоила многие влияния мировой культуры, с которыми познакомилась и продолжает знакомиться Россия, особенно в XXI веке. Российское зарубежье в XX веке оказалось в центре противостояния двух общественно-политических моделей развития, что обострило характер многочисленных и многообразных диалогов.

Развиваясь в процессе диалога культур и цивилизаций, русский мир включается в процессы глобализации, сохраняя свою культурную идентичность и обогащая мировую культуру своими ценностями, смыслами, культурными достижениями.

К. С. Пигров³

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ИНТИМНОГО ДНЕВНИКА

Все известные нам цивилизации, где существовала более или менее развитая культура письма, знали разнообразные формы интимного (личного, персонального, индивидуального) дневника. Чтобы решить вопросы о познании самого себя и преодолеть мучительную бессмысленность индивидуального бытия, которое впервые было ясно осознано в условиях цивилизации, люди использовали особые «технологии», предполагавшие удвоение своей индивидуальной жизни в описании — мимесис в форме интимного дневника.

Оказалось, что вербальное удвоение мира в записи своей неповторимой жизни через удвоение сво-

ей индивидуальности в фиксированном слове дает ту глубину самопостижения, которая недостижима другими способами. Записанное слово о своей жизни выводит человека непосредственно в мир эйдосов. Возможность удвоения себя в сигнифицированном письменном слове дает многообразие исповедальных ауто текстов, которые мы находим во всех культурах. Интимный дневник во всем многообразии его форм оказывается некоторой радикальной и доступной каждому грамотному человеку технологией спасения.

В то же время оказалось, что этот мимесис существенным образом близок философии. Формирование исповедальных дневниковых текстов и становление философского дискурса шло параллельно и поддерживало друг друга. И то и другое было глубинным образом тесно связано с формированием инновационных творческих установок, которые становились возможными там, где индивидуальность осмеливалась проявить свою самость и неповторимость.

Отношение государства (и всего социума!) никогда и не было однозначно положительным, во-первых, к интимному дневнику; во-вторых, к философии; в-третьих, к творческой инновационной активности. Двойственность, амбивалентность отношения общества к интимному дневнику, философии и инновациям выдает их глубинное внутреннее единство.

¹ Кавасаки Т. О влиянии идей Л. Шестова на японскую интеллигенцию // Культурное наследие российской эмиграции. М., 1994. Кн. 2. С. 272–276.

² Кувано Т. Восприятие Бахтина в Японии // Михаил Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли : антология. СПб., 2001. Т. 1. С. 493–497.

³ Заведующий кафедрой социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Творчество и современность», «Научно-техническое творчество: социально-философские проблемы», «Социальная философия», «Восточная Европа: концерт культур», «Феномен самодетельного философствования», «Шепот демона: опыт практической философии» и др. Главный редактор журнала «Методические записки» (СПбГУ), член редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество».

С одной стороны, любой цивилизационный порядок подталкивает к ведению личного дневника и одновременно, с другой — общество косвенным образом так или иначе «осуждает» и репрессирует такое самоуглубление. Любое цивилизованное общество декларирует «официальное» приятие философии, но одновременно фактически формулирует те или иные формы запрета на свободу философской совести. Любая цивилизация подталкивает индивида к инновационной активности, но в то же время заготавливает мощные рычаги, репрессирующие инновации (отсюда, казалось бы, «странное» стремление людей «зарывать таланты»).

Конечно, можно заниматься философией как профессией и без обнаружения своей индивидуальности. Точно так же можно быть искусным изобретателем, никак не обращаясь к своей неповторимости. Но и в том, и в другом случае оказывается «вынутым» потаенное творческое ядро. Интимный дневник проясняет такие пласты бытия, которые отвечают за собственно инновационное измерение. *Что* есть дневник для подлинного философского творчества, показала, например, публикация потаенного дневника Л. Витгенштейна, который он вел одновременно с подготовкой «Логико-философского трактата»¹, может быть, самого выдающегося философского текста XX века.

Дневник представляет собой совершенно особый, экстраординарный текст. Это не есть обращение к Богу, царю, секретарю парторганизации или к своему ученику, подчиненному, подданному. Это

текст не есть фиксация беседы с избранным Другим. В нем есть момент проповеди, но это проповедь самому себе, и момент исповеди, но это исповедь перед самим собой. Аутокоммуникация интимного дневника не есть форма подчинения, господства или диалога равных. Это беседа не с Другим, а с самим собой. Дневник есть самое ядро «заботы о себе»², которая позволяет самому индивиду осуществлять операции на своем теле, душе и мыслях.

Культура интимного дневника приобретает особое значение для нашего Отечества в нынешние трудные дни. Глубинным образом наши проблемы коренятся не в российской «бедности», не в нашей «лени», не в том, что нам «не везет с начальством». Дело в том, что наш народ так и не научился быть действительно свободным. Горький опыт российского XX века показал, что свободу нельзя «завоевать» снизу. Всякое завоевание чревато новым рабством как завоеванного, так и завоевателя. Свободу нельзя «даровать» свыше. Такой дар, как выяснилось, не может быть принят и удержан. Свободу можно только сотворить в рефлексивном метафизическом творчестве каждой души.

Дневник, принципиально существующий в эзотерическом измерении, есть «технология» потаенной свободы. Существуя в единстве с культурой философствования и инновационной активностью, он позволяет прорваться к подлинному бытию. В «ведении дневника» происходит драгоценный процесс самосознания как деятельности — самосознание письмом.

В. М. Померанцев³

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ОБЩИЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬ

Десять лет подряд под руководством академика А. С. Запесоцкого в СПбГУП проводятся Международные Лихачевские научные чтения. Широкий круг проблем и вопросов, обсуждаемых на Чтениях. Поиск общего знаменателя, казалось бы, обречен. Отметим неимоверную сложность поиска. Осмелимся утверждать, что общий знаменатель есть — куда мы идем? Но не так ставится вопрос в докладах, во всяком случае напрямую. И Д. С. Лихачев предостерегал от его постановки. Но этот вопрос основополагающий для всех без исключения сфер развития общества.

Главный вопрос всякого движения, в особенности движения общественного развития, — его начальная точка, исходный пункт, состояние, его значимость

¹ *Витгенштейн Л.* Тайные дневники 1914–1916 гг. / предисл. и пер. В. А. Суровцева и И. А. Эннс // Логос. 2004. № 3–4. С. 279–322.

² *Technologies of self : A seminar with Michel Foucault.* London, 1988. См. также: *Фуко М.* Забота о себе. История сексуальности—III / пер. с фр. Т. Н. Титовой и О. И. Хомы ; под общ. ред. А. Б. Мокроусова. Киев ; М., 1998.

³ Профессор кафедры технологии катализаторов Санкт-Петербургского государственного технологического института (технический университет), доктор химических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. по вопросам высшего технического образования.

и потенциальные возможности. Большая часть докладов входит именно в это направление, где между строк звучит один вопрос: куда? Дмитрий Сергеевич тонко подметил некорректность поставленного вопроса. Наши действия сегодня будут определять направление движения завтра. Что мы сделаем сегодня, то и получим завтра. Отнюдь не все наши творения окажутся судьбоносными, роковыми, а лишь их малая толика, что попадет в резонанс с волной общего развития. Гений Пушкина сформулировал: «Куда влечет нас рок событий...»

Большинство наших действий создадут фон физического шума или окажутся тривиальной суетой. Невольно напрашивается аналогия. Наука в лице жрецов — своих ученых выдвигает гипотезу, что впереди гора. Мы обсуждаем, обходить гору справа или слева, идти по горе или следовать философии, что умный в гору не пойдет, умный гору обойдет... Если мы накануне повернули направо, то и пойдём направо. Если настроили паруса в ином направлении, то и поплывем в ином направлении. Здесь мы не должны забывать о предостережении Д. С. Лихачева. Парадоксальная на первый взгляд ситуация. Обсуждаем всевозможные пути контакта, сближения, умиротворения

цивилизаций, но при этом дружно напрочь отвергаем идею «горы» Хантингтона.

Диалог культур и партнерство цивилизаций — естественный, стратегический, цивилизованный путь развития мира. Альтернатива ему — войны, путь самоуничтожения. Но и культуры, и цивилизации — явления в высшей степени самодостаточные и ни к диалогу, ни к партнерству не предрасположены. Структурной единицей цивилизации выступают этносы, народы, государства. Культура выдвигает в качестве структурной единицы человека. И диалог, и партнерство — вынужденные процессы, привнесенные извне. Значит, есть факторы, которые толкают, вынуждают к партнерству и диалогу в цивилизованных рамках. На первом месте стоит глобализация в техногенной сфере, в сфере коммуникаций. Там она уместна. Факт актуальности Чтений говорит о том, что глобализация глобализацией, но цивилизации и культуры выдвигают требования в уважении к ним. Они — основа, база. Явление глобализации не изобретение нашего времени. Проблемы глобализации Древнего Рима были отнюдь не менее острыми и актуальными. Нам трудно представить, что глобализация принадлежит к явлениям временного характера. Такова уникальность людей XXI века, пребывающего на стадии «разгона». Прошлому веку для «разбега» потребовалось полтора десятка лет. Сколько лет потребуется наступившему веку и куда он направится, нам остается только гадать.

Истории известен диалог с культурой инков, поля русской деревни Прохоровка помнят диалог с «культурой фашизма» (поставим кавычки, чтобы не шокировать таким нововведением). На наших глазах развивается диалог несовместных культур. Диалог ради диалога маловероятен и непродуктивен. Диалог возникает лишь тогда, когда перекрещиваются, пересекаются пути развития. Но еще чаще диалог неизбежен тогда, когда возникают проблемы, не решаемые в рамках одной культуры, одной цивилизации. Потенциал одной культуры, одной цивилизации оказывается недостаточен, неэффективен. Проблема поднимается до ранга общечеловеческой.

Когда железные когорты Древнего Рима правили миром, грабили ойкумену, казалось, что миропорядок установлен навсегда. Но далеко за морем находился Карфаген, который эффективно поглощал награбленное. Тогда у сенаторов Рима сформировалась идея: Карфаген должен быть уничтожен. И его уничтожили. Это происходило в 146 году до н. э. (до Рождества Христова, как писали раньше). Вот тогда и зародился принцип вывода человека из сферы купли-продажи. Тысячи лет потребовались для того, чтобы вывести физического человека из этой сферы. Пребывая в той эпохе, а в последнее время выбирая между капитализмом и социализмом, мы пришли к выводу, что надо вычленивать, сформулировать и сформировать элементы среды обитания человека. Сформировать их так, чтобы они были актуальны, приемлемы для всех цивилизаций, культур. Завершение мучительно: длительная эпоха выхода человека из сферы купли-продажи выдвинула естественное требование вывода из этой сферы и элементов среды обитания человека. Над этим размышляют участ-

ники Чтений, определяя центральный путь диалога культур и партнерства цивилизаций.

Небольшое отступление от темы. Совсем недавно завершился процесс вывода человека из сферы купли-продажи. Моя бабушка, безграмотная столетняя крестьянка, не раз покачивая головой, говорила: «При барине было лучше...» Это времена крепостного права, а было лучше. Русская деревня вкупе с верховной царской властью отвергли мягкий путь переустройства, предложенный Петром Аркадьевичем Столыпиным. В результате получили колхозное переустройство с раскулачиванием и расказачиванием. А в части России, в Псковской и Витебской губерниях, пожалованных прибалтам в качестве оплаты за преодоление международной изоляции, переустройство русской деревни происходило на западный манер, без большевиков. Деревня была «выброшена» на хутора. Титульная нация получила обработанные земли, русские деревни — неудобья: болота, заросли, косогоры и пески. Выжить можно было, прилагая нечеловеческие усилия. Таков был путь переустройства без большевиков. Тогда моя бабушка и высказала свои раздумья. Затем, уже будучи взрослым, я прочитал доклад главы Советского правительства Вячеслава Михайловича Молотова. Напрочь отрицая всякую критику в адрес правительства, он сказал, что говорят, что во времена крепостного права было лучше. Я подозреваю, что Молотов повторял слова, изреченные на самом вершине. Беспаспортное колхозное «закабаление» наводило на мысль о крепостном праве. Тогда был хозяин, барин и порядок, а в колхозе царил форменный бардак. Соответственно, была почва для сравнения. И при большевиках, и без большевиков, и на западный манер, и на колхозный преобразование русской деревни происходило так, что «при барине было лучше».

За разговорами о диалоге и партнерстве — просторы России. Периферия, просторы России, русская деревня, многонациональные российские составляющие феномена России будут определять ее судьбы. Каковы взаимоотношения, таков будет и эффект диалога и партнерства. Тема переустройства деревни актуальна в России до сих пор. Последние десятилетия показали, что фермерский путь оказался неприемлемым для нас. Выяснилось, что южные степные зоны и исконные земли Севера России требуют разного подхода. Мать-земля в России не просто территория, но база ментальности народа, основа его духовности.

Если диалог культур и партнерство цивилизаций выступают как стратегический путь общественного развития на обозримое будущее, то следует задать вопрос: что лежит в их основе? И что более важно: какие факторы будут способствовать налаживанию партнерства в ближайшем будущем, какие из них будут определяющими, а какие — наполнять содержанием партнерство? Многие могут сказать, что обусловливает партнерство экономическое развитие, что уровень технологий и материальное обеспечение людей лежат в основе. Казалось бы, все однозначно. Но мы уже приводили слова А. С. Запесоцкого о том, что и сама экономика соотносится не только с экономическими факторами. Сквозь призму

регулярных кризисов, возрастающих проблем общественного развития явно просматривается острая необходимость вывода из сферы купли-продажи основополагающих элементов среды обитания человека в широком смысле этого слова. Церковь хранит основы ментальности народа, сохраняет его естественную среду развития.

Культура, диалог культур в основе своей изначально предполагают человека. Все нацелено на человека, начиная с заветов библейских времен («Не убий!»). Но почему происходят войны? — не унимаются досужие либералы. Забывают, что войны — это уже взаимоотношения иных систем, систем этносов и народов, наций и государств.

Во всех религиях и культурах наличествует такое базисное понятие, как морально-нравственная основа человека. Борьба за эту основу — главный предмет диалога на современном этапе. Нынешние реалии — от телеэкрана до глобализации — сформировали волну, которая смывает морально-нравственные основы человека, ключевую базу его развития. Отход от морально-нравственных основ — характерная черта современности. В этих условиях диалог культур, поиск естественных морально-нравственных основ актуальны как никогда.

Предмет диалога может быть общезначимым для всех без исключения культур. Он может иметь переkreшивающийся характер для разных культур. Главное — что предмет диалога может иметь несовместимый, взаимоисключающий, антагонистический характер для разных культур. Например, в западных культурах, базирующихся на непреложности прав и свобод человека, в государственную сферу входят права и свободы некоторых меньшинств. В других культурах это трактуется как перемещение противоземных, греховных явлений в ранг естественных.

Не следует обманываться по поводу элементов среды обитания человека. Когда будет необходима идентификация, формулировка, то их несовместимость, взаимоисключаемость проявятся с особой остротой.

Диалог культур и партнерство цивилизаций протекали и будут протекать на базе естественного, сквозного техногенного развития. Более того, физическое содержание партнерства и диалога в значительной степени будут формироваться последствиями техногенного развития. Тысячелетиями назад изобретенное колесо было лишь забавной игрушкой. И только когда загромыхали колесницы фараонов Древнего Египта, наводя ужас на противника, началось триумфальное шествие давно изобретенного колеса. На наших глазах промелькнул «игрушечный этап» компьютера. Осуществилась всеобщая

компьютеризация, преобразующая все и вся. Возник вопрос о негативном влиянии компьютеров на этап образования, который заканчивается к 20 годам и сменяется этапом обучения, который длится всю оставшуюся жизнь. В Японии по этому поводу уже забили тревогу.

XX век характеризовался всеобщим и повсеместным отходом от морально-нравственных устоев. Наступивший век будет периодом возврата к этим устоям. И не потому, что кто-то захотел их вернуть. Крупномасштабное управление, основанное на компьютерной базе, натолкнулось на морально-нравственные устои, как и экономика, основа основ жизни общества.

Показателен пример советской цивилизации. Многие недоумевают: были тоталитаризм, ГУЛАГ, а наука и искусство процветали. Это было прямым следствием вывода человека из сферы купли-продажи. Поразительно, но история ничему не учит. В 1917 году «отменили» историю царской России. А в XXI веке вводят понятия внеисторических, противоисторических процессов. Революция 1917 года — эпоха великого соблазна, попытка одномоментно в одной стране вывести из сферы купли-продажи буквально все. Опыт советской цивилизации наглядно продемонстрировал, что в рамках одной цивилизации, одной культуры проблемы не могут быть решены. Без партнерства, длительного и изнуряющего диалога на этом поприще сдвигов не будет.

Повсеместная всеобщая компьютеризация, смена классического товарного производства денежным производством, нивелирование морально-нравственных основ человека — характерные черты первого десятилетия нового века. Мы, живущие в XXI веке, вступили в новый этап общественной жизни. Эпоха вывода человека из сферы купли-продажи сменилась эпохой вывода из этой сферы базовых элементов среды его обитания в широком смысле, включая науку и искусство. Глобализация, вооруженная компьютерами, ускорила процесс перехода к новой эпохе.

Подводя общий знаменатель под десятилетием Лихачевских чтений, мы задались вопросом: куда мы идем? Участники Чтений — люди с высшим образованием, обремененные учеными степенями, высокопоставленными должностями, жизненный опыт которых включает и социализм, и капитализм, и тоталитаризм, и демократию, должны ответить на этот вопрос.

Путь России в новую эпоху немислим вне общенациональной идеи: духовность и единение в общественной жизни, достаток и самоограничение в личной.

Г. А. Праздников¹

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПРАВСТВЕННАЯ УНИВЕРСАЛИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В середине 1980-х годов Д. С. Лихачев высказал мысль о необходимости разработать научное понятие, охватывающее предельно широкий круг явлений, совокупность сложившихся отношений людей друг с другом, внутренний мир отдельного человека, контакт человека с природой и Вселенной, — понятие «всеобъемлющее как ноосфера Вернадского, как биосфера, но заключающее в себя иную основу — человечность, гуманность, одухотворенность»². Дмитрий Сергеевич предложил слово «человекосфера».

Эта мысль ученого продолжала научную традицию русской культуры, традицию целостного понимания — осмысления — переживания мира («космопсихо-логоса», по удачному определению Г. Д. Гачева). Постигание единства человека и мира, мгновения и вечности определяло своеобразие духовного поиска отечественной философии, искусства и науки. Антропоцентризм, сформировавшийся на Западе в период Ренессанса и преодоленный европейским мышлением еще в XVII веке, был в русской культуре исходным принципом, по крайней мере, до начала XX века. Развитие естествознания не отменило его, более того, многие искания русских ученых шли от этого корня. Разработка К. Э. Циолковским идеи космической ракеты или учения В. И. Вернадского о ноосфере неотделимы от их нравственного поиска.

Обращенность русской духовной культуры к онтологическому единству мира была потеснена в философии советского периода преимущественно гносеологической проблематикой, однако было бы крайне несправедливо говорить о прерванной традиции.

Дальнейшее развитие получила разработка предельно широкой целостной системы, где в единстве практической, теоретической, практически-духовной деятельности происходит становление мира как «мира человека». Это новое теоретическое понятие было введено в научный обиход в середине 1960-х годов П. В. Копниным и С. Л. Рубинштейном (каждым в отдельности). Мир — это целое, в котором человек и среда находятся в состоянии сложнейших взаимообусловленностей и взаимопереходов. Более того, и сам человек — среда. Среда для себя — это пространство внутренних духовно-душевных преобразований. Среда для других, — когда внутренний мир человека переходит во внешнее действие — как привлекательное, восхищающее, созидательное, так и опасное, подавляющее, разрушающее.

«Мир человека», как и «гомосфера» — нейтральные, безоценочные понятия. Человечность — качественная, оценочная характеристика этого мира, связанная не с любой идеальной-духовной деятельностью, но только с нравственно направленной активностью. В «мире человека» существуют бесчело-

вечные политические действия, бесчеловечная экономика, реализуются бесчеловечные проекты. «Мир человека» должен трансформироваться в «человеческий мир» (Д. С. Лихачев отмечает знаки «наступающей гуманизации гомосферы»³). Человеческий мир — мир человеческий, связан с Абсолютом, Идеалом, ориентирован на подлинные ценности человеческой жизни, а потому непременно предполагает нравственное измерение любых, в том числе профессиональных, действий. Деятельность не только совокупность специализированных действий, но и жизненный поступок в человеческом мире.

Сложный многомерный предмет глобализации, рассматриваемый как необходимый процесс реализации объективных универсальных исторических тенденций, представляет собой очевидное, подробно описанное и проанализированное явление неизбежного сближения народов, наций и стран: мощное развитие информационных связей на основе новейших средств коммуникации; возрастающая интенсивность миграционных процессов; единые механизмы мировой экономики, транснациональные корпорации; создание международных политических правительственных и неправительственных организаций; свободное движение по планете новых достижений технической цивилизации и т. д.

Охватывает этот процесс и область духовной культуры, обнаруживаясь даже в такой сложной сфере искусства. Общность художественного развития выявилась сравнительно рано — уже в XVII—XVIII веках: сходные художественные приемы использовались в искусстве стран, находящихся на разных уровнях политического, экономического, общекультурного развития. Нельзя не вспомнить нашего выдающегося ученого — академика Николая Иосифовича Конрада и его книгу «Запад и Восток» (М., 1966), в которой были представлены разные виды сравнительно-типологического изучения культур. Общность человеческой истории — центральный смысловой стержень этой книги.

Еще в 1920–1930-е годы наш великий соотечественник академик Владимир Иванович Вернадский указал на становление человечества как единого целого в качестве характеристики новейшей истории, касающейся «всех и каждого». Это состояние человечества, рассматриваемое им как геологический фактор, Вернадский назвал «ноосферой».

В высшей степени значимо (особенно в наших рассуждениях о сегодняшнем глобальном мире), что это новое состояние истории ученый связывает с перестройкой мира в интересах свободно мыслящего человечества на основе критерия справедливости⁴. Если возможно безоценочное (да и то, до известных пределов) описание аспектов, форм, характеристик глобализации, то такой подход оказывается совершенно

¹ Заведующий кафедрой философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук.

² Лихачев Д. С. Память истории священна. М., 1986. С. 14.

³ Лихачев Д. С. Память истории священна. С. 16.

⁴ Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М., 1991. С. 241.

невозможным, когда речь идет о глобализме — идеологии и практике сознательного идеологического и практического управления этим процессом.

Вынесенное за скобки разговора о глобализации ее экзистенциально-нравственное измерение, как бы по умолчанию, предполагает, что глобализация — благо, а если она и несет в себе некоторые отрицательные тенденции, то как неизбежные издержки. Каждый видел в телевизионных новостях выступления антиглобалистов и слышал комментарии к ним: серьезные люди решают судьбы человечества, а кучка хулиганов... Неизмеримо сложнее ситуация с терроризмом — злом, не имеющим никакого оправдания. Терроризм, который должен быть уничтожен, мы не можем оправдать, но обязаны понять, найти мужество увидеть в чудовищных действиях жест отчаяния. Глобализация как процесс, совершенствующий человеческую жизнь — «всех и каждого», и глобализация в интересах безжалостного рынка, направляемого идеологией неолиберального фундаменталистского глобализма, — содержат разные социальные процессы.

Национализм провинциален, идеи национальной или расовой исключительности опасны для человечества (будь то белый расизм или черный — в крайних проявлениях негритюда), религиозный фундаментализм разрушает мир. Идея глобального мира прокладывает себе дорогу на протяжении всей человеческой истории. Однако с особой очевидностью общность исторического процесса открылась человеку XX века, когда появилась возможность, охватив единым взглядом мир Большого времени и Большого пространства, увидеть универсальное общее основание этого многообразия, осознать противоположности как целое, множество как единство.

Таким смыслообразующим началом человеческой истории при всей сложности этого процесса и многомерности его оценок является совершенствование человека и его жизни, очеловечивание человека. *Humanitas*, человечность — равносущностная характеристика человека и оценочный критерий высшего уровня развития человека и общества. Человечность — атрибутивная ценность человека и общества и, как таковая, она все более утверждается в культуре.

Уже не раз отмечалось абстрактность, заданность, размытость этого понятия: Маркс объявляет «сущностью человека самого человека»¹, а Хайдеггер замечает, что человечность человека «покоится в его существе», полагая при этом, что существо человека состоит однако в том, что он больше, чем просто человек...» («Письмо о гуманизме»)². Сложно, однако понять можно.

Согласимся, «человечность» — не четко очерченное понятие, но современная наука (гуманитарная — в особенности) работает и с такими понятиями. «Человечность» — это концепт, наряду с понятийным содержанием включающий спектр переживаний, ассоциативных смыслов, обретающий возможность их приращения через антоним — «бесчеловечный». В отличие от животного, человек не равен себе. Человечность бесконечна, она может развиваться «во все сто-

роны», но может быть утрачена как человеком, так и обществом. Вместе с тем человеческое в человеке имеет статус инвариантной суверенности, позволяющий вынести «за скобки» все остальное (раса, нация, страна, пол, возраст, профессия): «Мы обращаемся как люди к людям: помните о том, что вы принадлежите к роду человеческому и забудьте обо всем остальном» (Манифест Рассела—Эйнштейна, 1955).

Определение типологических универсалий общественного развития всегда представляло собой трудную задачу, однако ныне успешно преодолевается экономо- и техноцентристский подход. Важнейшим критерием оценки общественного процесса становится человек и его положение в мире. Программа развития ООН с 1990 года публикует ежегодные «Доклады о развитии человека», а с 1995-го — «Доклады о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации». Введен количественный критерий — индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Индекс рассчитывается на основе:

- индекса здоровья (долголетия);
- индекса образования;
- индекса уровня жизни (средний доход на душу населения).

В докладе 1999 года, опубликованном под девизом «Глобализация с человеческим лицом», говорится о необходимости интегрировать в процесс глобализации «человеческое и социальное измерение».

С 40-го места в 1990 году Россия за два десятилетия переместилась на 71-е. Вот уже 15 лет в этом списке последовательно лидируют Канада, Норвегия, уступив 1-е место один раз Исландии и дважды Японии. В России в минувший кризисный год удвоилось количество миллиардеров, и Москва сейчас занимает 2-е после Нью-Йорка место по количеству (50) проживающих в ней миллиардеров. Это предмет нашей гордости? К сожалению, этот показатель не входит в состав критериев, по которым рассчитывается ИРЧП.

Человечность, формируемая в обществе и обществом, экзистенциально существует только в конкретном человеке. Универсализация человека, «всемирность» его бытия неотделимы от все возрастающей ценности индивидуального, единичного человеческого существования. Таковы смысловые императивы общественного развития. Ответственность не только за себя, но и за планету возможна только в единичном («этом», как сказал бы Гегель) человеке. Мысля глобально, нельзя полагать человека только в качестве инструмента, фактора социальных преобразований.

К сожалению, пока человек как самоценность остается предметом политической риторики. Это тоже важный шаг на пути преодоления откровенно человеконенавистнических тезисов фундаментального неолиберализма.

Надо делать второй шаг, третий... И не только по прямой, подтверждая верность избранному курсу реформ: «Реформы для людей, а не люди для реформ». Может быть, следует эту простую и понятную фразу из статьи нашего президента Дмитрия Медведева «Россия, вперед!» развернуть в систему оценок нашей жизни, в том числе участие страны в процессе глобализации.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. С. 428.

² Хайдеггер М. Время и бытие : Статьи и выступления. М., 1993. С. 208.

Т. Б. Сиднева¹

ДИАЛОГ ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО В ИСТОЛКОВАНИИ ГРАНИЦ ИСКУССТВА

Современное пространство культуры, в котором происходит постоянная миграция смыслов и форм, рушатся всевозможные барьеры и преодолеваются традиционные представления, открывает новую значимость проблемы границ. Категории «граница», «рама», «порог», «предел» сегодня активно обсуждаются в самых разных сферах знания. Особую их злободневность обнаруживает искусство — как в самих художественных опытах, так и в арт-критике и науке. Причем в равной степени аргументированны и попытки «пересечь границы, засыпать рвы» (Л. Фидлер), и стремление установить жесткие пределы возможного, допустимого, приемлемого.

Одинаково актуальными стали лозунги о «растворении искусства в общей эстетизации повседневной жизни» (Ж. Бодрийяр), о том, что «художник может существовать сегодня где угодно, только не на территории искусства» (О. Кулик), и — о возврате искусства к своей суверенности, изолированности, автономности. Весьма типичную для последнего времени точку зрения высказывает Б. Гройс: «Возможно, мы присутствуем при исчезновении искусства как гуманитарного феномена — подобным образом когда-то исчезли алхимия или астрология»².

В то же время представление об уникальности современного состояния вопроса рушится под грузом исторических фактов. Закат постмодернизма, утратившего свою провокативность и новизну, обнаружил его близкое родство с поздним эллинизмом, кризисным периодом ренессанса, с постсимволизмом и тому подобным и занял место в ряду многократно возникавших рецидивов пост-явлений в искусстве, со свойственной им демократизацией, интертекстуальностью, цитатностью, деконструкцией.

История культуры со всей очевидностью подтверждает подвижность границ искусства и неискусства, утвердившуюся как необходимое условие развития искусства, как зона «брожения», эксперимента и прорыва к новым эстетическим реалиям. Дискуссии о пределе возможного и допустимого, о взаимоотношениях художественного и иных типов сознания (обыденного, нравственного, политического, религиозного, научного и т. д.) стали своеобразным лейтмотивом эстетических рефлексий в разные эпохи. В этом смысле оказываются связанными невидимыми нитями, казалось бы, весьма далекие друг от друга позиции.

Так, ригоризм Платона с его стремлением установить жесткий регламент художественно допустимого резонирует с догматическими канонами средневековья, эстетикой «школьных кодексов» классицизма,

¹ Проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 90 научных публикаций, посвященных изучению проблем культурологии, эстетики, истории культуры России.

² Литичевский Г. В чем сущность искусства // Художественный журнал. 1993. № 2.

«охранительством» теоретиков академизма, идеологическими нормами соцреализма. А убежденность Ж. Бодрийяра в самоисчерпании искусства, которое «растворилось не в возвышенной идеализации, а в общей эстетизации повседневной жизни», «исчезло, уступив место чистой циркуляции образов»³, имеет глубокое родство с позицией Гегеля в определении конца истории искусства. Для обоих философов главной причиной разрушения границ искусства являются его имманентный самораспад, «растворение» художественного опыта в предельной чувственности. Момент эмансипации внешнего материала, торжество самодовлеющей предметности, обыденности и эмпиричности, отмеченные Гегелем, оказываются в одном русле размышлений о симптомах растворения искусства в повседневности, выявленных философом конца XX столетия.

Размышляя о значении границы в культуре, Д. С. Лихачев отмечает двойственность этого феномена. С одной стороны, граница — наиболее творческая сфера диалога, взаимного обогащения. Но с другой — это область неприятия «другого». Граница является рубежом, объединяющим и разделяющим, она может быть понята «как путь оформления собственной самобытности, собственной оригинальности»⁴. Исследователь подчеркивает, что самосознание воспитывается на границах культур. Для понимания специфики искусства эти рассуждения имеют принципиальный характер.

Погруженность искусства в социальное бытие обусловила напряжение его пограничных отношений с наукой (когда его определяли как «недонауку», дающую приблизительное знание), с этикой (нередко представляя его как прикладную сферу, «путеводитель к подлинной нравственности»), с религией (определяя пределы художественно допустимого границами религиозного канона), политикой (превращая его в рупор злободневных политических идей). Непреходящее значение в русле обсуждаемого вопроса имеет суждение Э. Ильенкова: «Одну форму сознания вообще рискованно превращать в критерий суда над другой формой сознания — это всегда чревато тяжкими “судебными ошибками”»⁵.

В то же время представление об искусстве как некоей «башне из слоновой кости», также многократно актуализировавшееся в истории, его отграниченность от «чужих», нехудожественных, смыслов оборачивались неизбежным отказом от его природы и специфики.

Важнейшим, исходным фактором отделения искусства от неискусства и одновременно показателем его открытости, сопряженности с другими сферами

³ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 20.

⁴ Лихачев Д. С. Два типа границ между культурами // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет : в 3 т. СПб., 2006. Т. 3. С. 47.

⁵ Ильенков Э. В. Гегелевская концепция истины // Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал. М., 1983. С. 326.

культуры является язык искусства, который «создает особый фикциональный мир, живущий по своим собственным законам, не тождественным законам действительности»¹, и вместе с тем резонирует с общекультурными смыслами и структурами. Расширение языкового пространства искусства — непрерыв-

ный и необходимый процесс, обусловленный поиском адекватного художественно-метафорического, чувственно-ценностного осмысления внехудожественных сфер. Это и доказывает неизбежную двунаправленность «открытости-закрытости» границ искусства.

Г. Ф. Сунягин²

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК НОВАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ

На сегодняшний день сформировалось, как представляется, весьма одностороннее представление о ситуации, в которую вовлечен наш мир. Обычно прежде всего отмечается масштаб и взаимозависимость тех процессов, которые в нем происходят. Благодаря средствам массовых коммуникаций то, что происходит в одной части мира, может непосредственно провоцировать аналогичные процессы на другом краю ойкумены. Из этого делается вывод, что мир становится чем-то единым с единым человечеством и общечеловеческой культурой.

Но ведь у происходящего есть и другая сторона, выражающаяся, в частности, в том, что мы являемся свидетелями в сущности взрывного процесса самоутверждения национальных государств. Практически любая осознавшая свою идентичность нация при малейшей на то возможности стремится стать самостоятельным субъектом исторического процесса. В Европе с ее открытыми границами этот процесс в общем завершен. Ценою большой крови, как в Югославии, или вполне цивилизованно, как в Чехословакии, но каждая нация стремится воспользоваться своим правом на самоопределение. Всякого рода объединения происходят с большим скрипом и только на заранее оговоренной, ограниченной основе.

Короче говоря, при всей тесноте и взаимозависимости на земном шаре человечество предпочитает жить отдельными национальными группами в отдельных квартирах, имея друг с другом в лучшем случае политкорректные, то есть в сущности прагматические отношения. Прозвучавший несколько тысяч лет назад призыв жить одной семьей, не различая ни эллина, ни иудея, так и остался утопической мечтой. Попытка разрешить этнически отличным от нас людям жить рядом с нами по своим правилам даже в Европе с ее культом неотъемлемых личностных прав вообще всех людей — и посвятившими свою жизнь овладению вершинами мировой культуры, и оставшимися на уровне законов талиона — закончилась конфузом, когда добропорядочные швейцарцы вводят запрет на строительство минаретов, а не менее

добропорядочные австрийцы массово голосуют за откровенных националистов.

Видимо, не только христианство, но и глобализация оказывается на деле новым способом не только объединения людей, но и их разделения, а единое человечество остается лишь интеллектуальной абстракцией. Это тем более верно, когда речь заходит о некоей общечеловеческой культуре, в которой свойственным большинству культур становится набор общих правил — вроде не укради или не вытирай нос рукавом. А самое главное в любой культуре состоит в ее уникальности, в том, чем она отличается от других культур, позволяя тем самым быть ядром для идентичности определенного коллективного субъекта, своеобразным иммунитетом, отторгающим все чуждое для данного общественного организма, ибо иначе его просто не будет. Кстати сказать, именно это своеобразие культур и оказывается наиболее интересным и для других социальных субъектов, по крайней мере в наше время, когда нас усиленно кормят всеядной толерантностью, на деле оборачивающейся серым однообразием.

Почему-то принято считать, что в эпоху глобализации самой актуальной оказывается именно эта самая толерантность и чем ее больше, тем лучше. Но абсолютная толерантность это, в сущности, абсолютное безразличие. Ситуация, когда моя родина мне так же дорога, как и всякая другая, где тепло и сытно, означает своеобразную тепловую смерть применительно к современной сетевой жизни.

История нас учит, что наибольший вклад в сокровищницу мировой культуры внесло не человечество вообще (его большая часть как раз не внесла в эту сокровищницу практически ничего), а небольшие плотно спаенные группы, рассматривающие весь другой мир в лучшем случае как объект для торговых и геополитических манипуляций. Такими были античные полисы, такими были и торгово-промышленные города Возрождения. Аморфные и толерантные общественные образования вроде Священной Римской империи или Европы начала XX века исторически интересны лишь тем, что в их лоне вызревали новые произвольные образования вроде разнопорядковых национальных государств Нового времени, которые на протяжении XVIII—XIX веков вели между собой бесконечные кровопролитные войны, или даже фанатические претенденты на мировое господство вроде Советского Союза или фашистской Германии.

В сетях интересны не те, кто повторяет общечеловеческие банальности. Такие «правильные» субъ-

¹ *Рымарь Н.* Бахтинская концепция архитектоники эстетического объекта и проблема границы «искусство / не искусство» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Филология. Филология. 2006. № 1 (4). С. 255.

² Профессор кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор книг: «Промышленный труд и культура Возрождения», «Монологи скорбного патриота», «Социальная философия как философия истории» и др.

екты очень быстро исчезают без следа в волнах сетевого моря. Наша постмодернистская эпоха ценит прежде всего «экстравагантное», а самой естественной формой такой «экстравагантности» оказывается национально или этнически своеобразное. В этом смысле, потеряв свое своеобразное даже в антропологическом смысле лицо, мы рискуем потерять себя целиком. Стать чем-то просто неузнаваемым.

Это тем более верно применительно к нам, русским, пытающимся на доставшемся нам волею обстоятельств куске бывшего СССР, который вопреки культивируемому почти столетие интернационализму развалился именно по национальным стыкам, строить некую новую скукоженную Россию. Мы не отдаем себе отчета, что само слово «Россия» возникло в свое время для совокупного обозначения всех и, прежде всего, нерусских народов, живущих на необъятной территории северной Евразии, которых еще предстояло обратить в православие, а значит, в конечном счете в русских.

В общем, россияне это такая же искусственно сконструированная абстракция, как во времена советского интернационализма «советский на-

род». Но никакой российской культуры мир не знает. В мире известны русские и русская культура, имея которую за спиной, мы вполне можем чувствовать себя узнаваемыми и равными любому другому субъекту современного исторического процесса.

Оставшись же в лоне такого необозримого образования, как современная Новая Россия, которая существует на совершенно конъюнктурных предпосылках, состоящих в распродаже природного сырья, блокирующего формирование реальной экономики, и властной вертикали, плодящей коррупцию вместо самостоятельности, мы рискуем повторить судьбу исторической России и Советского Союза, для нас, русских, трагическую.

В этом смысле для нас глобальная культура может стать некой сетевой реальностью лишь постольку, поскольку мы останемся просто русскими, а не какими-то евразийскими россиянами, прекраснодушными рассчитывающими на некое цивилизационное партнерство, в то время как мировая история цивилизаций — это история жестоких войн за место под солнцем. И на горизонте как раз одна из таких войн.

В. И. Толкачев¹

ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

Глобализация культуры часто понимается и воспринимается как унификация культурных моделей, в основном по американскому образцу. Между тем глобализация — это организация единства многообразия, обеспечиваемого взаимодействием разных культурных традиций, образцов и ценностей.

Такое понимание глобализации культуры ставит на повестку дня вопрос о том, каким образом могут и должны сосуществовать, взаимодействовать, развиваться и так далее, с одной стороны, ценности глобальной культуры, с другой — ценности, составляющие ядро национальной культуры.

Строго говоря, идея глобализации не является принципиально новым порождением XX века. В частности, идея о единстве человеческого рода зародилась в Античности и носит исторически устойчивый характер. В четко выраженной форме на уровне научно-философского сознания она многократно формулируется в трудах В. И. Вернадского, Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского и других, посвященных проблемам русского космизма. Русская философия Серебряного века (Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, В. В. Розанов, П. А. Флоренский, А. С. Хомяков и др.) рассматривает человечество как единое существо с врожденным стремлением к соборности, собиранию. С высоты сегодняшнего знания и опыта можно говорить, что это был проект, предполагающий естественный процесс объединения как собирания духа, без какого-либо насиль-

ственного вмешательства, процесс культурного синтеза, схождения культур, взаимопрорастания их друг в друга на основе общих проблем и целей человечества, общей его судьбы.

Сегодня эти идеи интегрировались, модифицировались и проявляются в форме глобализации. В современной философской, социологической, культурологической литературе сформировались две различные точки зрения на проблему глобализации. Согласно одной из них, глобализация — это объективное явление, обусловленное в первую очередь технологической революцией в сфере информатики и телекоммуникаций, вследствие чего формируется глобальная информационная культура (И. С. Семенов, В. А. Виноградов, Г. Г. Почепцов, Г. Г. Воробьев и др.). Представители другой точки зрения считают, что это политика неолиберального глобализма, которая позволяет США и другим государствам финансовой «семерки» направлять этот процесс, прежде всего, в собственных интересах (А. Г. Володин, В. Л. Иноземцев, В. В. Михеев, Н. Е. Покровский, А. П. Федотов, Г. К. Широков и др.). В последние годы все больше внимания уделяется проблемам социокультурной глобализации (В. А. Кутырев, В. П. Терин, Т. Е. Савицкая, А. С. Панарин и др.).

В то же время обращает на себя внимание, что в трудах современных исследователей проблема глобализации культуры рассматривается в контексте информационной революции, в процессе формирования информационного общества и информационной культуры. Что же касается ценностных основ культуры, взаимодействия глобальных и национально-

¹ Ректор Международного института трудовых и социальных отношений (Минск, Республика Беларусь), кандидат исторических наук, доцент.

культурных ценностей, то этот аспект пока остается на периферии научного анализа.

Вопрос формулируется достаточно однозначно: если при взаимодействии двух национальных культур одна всегда выступает как донор, другая как реципиент, то как складываются отношения между национальной и глобальной культурами? Или еще проще — что несет национальной культуре культура глобальная: зло или благо? Обогащает ли глобальная культура культуру и нравственность социума как носителя культуры национальной?

В подходах к ответам на эти и аналогичные вопросы достаточно отчетливо просматриваются две противоположные точки зрения. Первая, которую условно можно назвать пессимистической, исходит из того, что в современной цивилизации наблюдается кризис человека и культуры, наступление которого связано с особым характером современного типа цивилизации, с тем, что для ее существования и развития определяющее значение имеют техника и информация. Выразителями такого рода взглядов выступают В. В. Бычков, Л. С. Бычкова, Л. И. Василенко, В. П. Гайденко, И. А. Гобозов, П. С. Гуревич, К. Х. Делокаров, Т. Имамичи, В. И. Курашов, В. А. Кутырев, Д. Маркуш, В. И. Смирнов, Н. В. Солнцев и др.

Другая точка зрения, «оптимистическая», исходит из того, что новые информационно-технические условия открывают перед каждым человеком уникальные возможности для культурного и духовного роста, и это является залогом преодоления культурного кризиса (Р. Ф. Абдеев, Т. П. Воронина, В. А. Конев, А. В. Прохоров, К. Э. Разлогов, В. Д. Рузин, А. И. Ракилов, В. А. Уханов, С. С. Шевелева, Е. А. Шуклина и др.).

Разумеется, социальная практика дает основания как для первой из указанных точек зрения, так и для второй. Современная культура многообразна и многовариантна, формирование глобальной культуры только началось. Но приходится констатировать, что нынешняя человеческая цивилизация вступила в полосу глубочайшего кризиса своего развития. Бездуховность, стяжательство, нищета души, моральная деградация, алчность, стремление к несправедливому богатству, уродливость чувств и поступков — вот далеко не все эпитеты, которыми можно определить, что происходит.

С экранов телевизоров, кинотеатров потоком распространяется культ насилия, секса, жестокости, самых низменных человеческих инстинктов и поступков. Массовые сцены насилия, кровавых убийств, сатанинские пляски стали нормой в производстве и демонстрации фильмов, спектаклей как отечественного, так и зарубежного производства. Современные писатели в своих книгах соревнуются, кто больше изобразит на страницах половых извращений, постельных сцен, секса. Ненормативная лексика употребляется героями чуть ли не на каждой странице. Главными героями книг, кинофильмов, песен становятся маньяки, убийцы, насильники, грабители, люди, обогатившиеся за счет соседа или друга, лишенные чувств сострадания ближнему, помощи другу, уважения и простой человеческой морали. Ин-

теллигентность подменяется цинизмом, словоблудием, предательством и подлостью.

Такие человеческие чувства, как совесть, долг, порядочность, образованность, воспитанность или отошли на второй план, или исчезли вообще со страниц книг, журналов, теле- и киноэкранов.

Разлагающее влияние на сознание молодежи, этическое поведение, культурность оказывает современное шоу-искусство, поп- и рок-музыка. О многом говорят даже названия рок-групп: «Красная плесень», «Крематорий», «Ногу свело», «Чума», «Крысы» и т. д.

Глобализация наиболее активно поддерживается молодежью и весьма эффективно действует на детей. Это происходит через экспансию различного рода игр, сувениров, игрушек, текстов.

Например «покемоны», в переводе с английского означает «карманные чудовища» (pocket monster). Они стремятся друг друга уничтожить азартно и мастерски. Ничего кроме агрессивности такие «герои» в детях сформировать не могут.

Еще в 70-е годы теперь уже прошлого XX века психологи установили, что модели поведения, которые демонстрируют обаятельные герои экрана, обладают огромной притягательностью. Известный американский психолог Альберт Бандура в работе «Теория социального научения» пишет о том, что даже одна-единственная телевизионная модель поведения может стать предметом подражания для миллионов.

Как говорит кандидат социологических наук, руководитель Центра коммуникативных исследований ИСЭПН РАН Н. Е. Маркова, в последние годы растет число детей, которые не могут в школе усваивать на слух информацию, страдают недоразвитием речи и эмоций. Как установили западные ученые, это дети, которых в раннем детстве «воспитывал» телевизор. Английский эксперт по речи доктор Салли Ворд говорит, что за последние 20 лет резко увеличилось количество ребят, умеющих воспринимать только зрительную информацию. Слова проходят мимо них. В школе «телевоспитанники» испытывают большие затруднения со сменой привычного зрительного восприятия на словесное, ведь обучает их не телевизор, а живой учитель. И вдобавок они должны общаться с другими детьми, а им это трудно¹.

Мракобесие, нигилизм, низкий уровень культуры и образованности — все это стало нормой, глубоко проникло в общество и, как коррозия, ржавчина, изнутри разъедает и уничтожает его здоровые клетки. «Мир русской культуры, — отмечает Д. С. Лихачев, — благодаря ее восприимчивости необычайно богат. Однако мир этот может не только обогащаться, но и постепенно, а иногда и катастрофически быстро, беднеть. Обеднение может происходить, ... потому что сегодня мы все чаще прибегаем к словам пошлым, пустым, стертým, не укорененным в традиции культуры, легкомысленно и без всякой надобности заимствованным на стороне»².

¹ URL: http://www.xpomo.com/ruskolan/tolpa/deti_06.htm

² Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 356.

В целом, как представляется, глобальная культура пока несет в основном негативное содержание и аналогичные последствия, особенно для подрастающих поколений. В определенном смысле эта культура формирует свою будущую аудиторию. Что можно этому противопоставить?

Многое, и прежде всего литературное, историческое и философско-культурологическое наследие академика Д. С. Лихачева — этот громаднейший пласт, неиссякаемый родник духовного, нравственного, культурного, этического развития народа. Труды Дмитрия Сергеевича служили и будут служить основой для многочисленных исследований и разработок, научных семинаров и симпозиумов по проблемам бережного отношения к родному языку, истокам национального самосознания, стремления понять и осмыслить, в чем величие и в чем низость человеческих деяний и поступков. Безусловно, глубинные и всесторонние по сути своего проникновения, доходчивости идеи, разносторонность и глобальность размышлений Д. С. Лихачева имеют значение для всего человеческого сообщества, затрагивают глобальные, вселенские проблемы нравственности, эстетики, гуманности, духовности, внутренней чистоты. Многочисленные его публикации, статьи и исследования, в частности «Поэтика древнерусской литературы», «Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили», «Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв.», «"Слово о полку Игореве" и культура его времени», «Заметки о русском», «Земля родная», «Письма о добром и прекрасном», будут всегда притягивать к себе многочисленных исследователей,

поклонников, последователей великого дара и таланта корифея русской словесности, летописной истории, нравственности души и эстетики мысли.

«Если человек не может хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, — значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, старые дома, пусть даже и плохонькие, — значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам своей страны — он, как правило, равнодушен к своей истории»¹.

В «Декларации прав культуры», разработанной научным коллективом СПбГУП под руководством академика Д. С. Лихачева, отмечается, что культура является основой социального и экономического развития народов, государств и цивилизаций, духовного и нравственного возрождения человека. «Культура является определяющим условием реализации созидательного потенциала личности и общества, формой утверждения самобытности народа и основой душевного здоровья нации, гуманистическим ориентиром и критерием развития человека и цивилизации. Вне культуры настоящее и будущее народов, этносов и государств лишается смысла»².

Нужно и дальше содействовать диалогу культур и партнерству цивилизаций. Нужно сделать еще многое, чтобы идеи Д. С. Лихачева и других замечательных мыслителей наших стран обогатили мировую глобальную культуру. Это позволит наполнить данный диалог новым содержанием на благо человечества.

Л. И. Харченкова³

ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Толерантность — это прежде всего фактор, стабилизирующий общество, направляющий действия людей в мирное русло, связывающий индивидов с традициями, моральными нормами и культурой своего народа. В последние десятилетия проблема толерантности стала одной из наиболее актуальных и широко обсуждаемых во всем мире.

Мы живем в век глобализации, быстрого развития коммуникации, взаимозависимости стран, в век миграций, урбанизации и преобразования социальных структур. Последние 100 лет мировой истории характеризуются не только бурным развитием техники, науки, образования и культуры, но и войнами, огромным числом вооруженных конфликтов, терроризмом. Человечество все чаще сталкивается с явлениями нетерпимости, межэтнической агрессии, религиозного и этнического экстремизма, по-

этому роль толерантности в организации и развитии общества как постоянно действующего механизма построения мирных отношений очень велика. Толерантность как объективно возникший социальный феномен является инструментом регулирования этих отношений. Кроме того, толерантность тесно смыкается с проблемой межкультурного взаимодействия.

Понятие «толерантность» хотя и отождествляется большинством источников с понятием «терпение», однако имеет более яркую активную направленность. В настоящее время толерантность трактуется не как пассивное покорение мнению, взглядам и действиям других; не как покорное терпение, а как активная нравственная позиция и психологическая готовность к терпимости во имя взаимопонимания между этносами и социальными группами, во имя позитивного взаимодействия с людьми иной культурной, национальной, религиозной или социальной среды. Толерантность — это интуитивное восприятие единства человечества, взаимозависимости всех от каждого и каждого от всех, состоящее в уважении прав другого (в том числе права быть иным).

Под толерантностью начинают иногда понимать принятие любых отклонений от должного, дежурное

¹ Лихачев Д. С. Избранное: Великое наследие; Заметки о русском. СПб., 1998. С. 548.

² Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб., 2007. С. 391.

³ Заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 180 научных и учебных публикаций.

соблюдение норм приличия, средство сдерживания внутренней враждебности, нарастающей по мере становления глобального общества, снисходительность, уступчивость и т. д.

Следует подчеркнуть, что восприятие любого понятия напрямую связано с историческим опытом народа. Англичане понимают толерантность как снисходительность, китайцы — как великодушие. Во французской культуре толерантность связывается со свободой слова, в арабской — с умением прощать. Для русского человека толерантность — это умение терпеть, выносить, выдерживать, мириться с чем-либо, признавать существование кого-либо, принимать, быть снисходительным.

В Декларации принципов толерантности, принятой ЮНЕСКО в 1995 году, отмечается, что толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность — это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства.

К социально-психологическим условиям формирования толерантности можно отнести:

1) высокий уровень благосостояния общества, всех слоев населения; только самодостаточный человек с позитивным проявлением самоидентичности способен к толерантному отношению к другим людям;

2) сохранение самобытной культуры, наличие чувства собственного достоинства, что позволяет с уважением относиться к культуре и личности других людей;

3) открытость общества, возможность межкультурных контактов, приобретение опыта общения с представителями других народов и опыта жизни в других странах;

4) построение правового государства, возможность регуляции межэтнических и прочих конфликтов на правовой основе; соблюдение прав человека;

5) создание гражданского общества как путь к накоплению социального капитала. Толерантность возможна только в обществе социального доверия.

Можно выделить следующие уровни существования толерантности: цивилизационный, международный, этнический, социальный, индивидуальный.

Толерантность цивилизационная подразумевает ненасилие в контактах различных культур.

Толерантность в международных отношениях является условием сотрудничества и мирного сосуществования государств вне зависимости от их величины, экономического развития, этнической или религиозной принадлежности их населения.

Этническая толерантность выражается в терпимости к чужому образу жизни, чужим обычаям, традициям, нравам, мнениям и идеям. Этническая толерантность обнаруживается и в проблемно-

конфликтных ситуациях взаимодействия с представителями других этнических групп.

Социальная толерантность — это форма партнерского взаимодействия между разными социальными группами общества, когда актуализируются необходимость такого сотрудничества и уважение позиций сторон. Она направлена на равновесие и гармонизацию отношений в обществе, признает право на объединение людей для защиты своих прав и интересов.

На индивидуальном уровне толерантность является уважением к другой личности, пониманием того, что существуют и другие взгляды, отличные от собственных. Каждый человек оценивается по его конкретным чертам и поступкам, а не на основе ожиданий, связанных с его национальными, религиозными и другими характеристиками.

Социокультурную толерантность нередко интерпретируют как моральное качество личности. Оно характеризуется терпимым отношением к другим людям, независимо от их этнической, национальной и культурной принадлежности. Социокультурная толерантность проявляется в терпимом отношении к иному рода взглядам, правам и привычкам. Толерантность выражается в стремлении достичь взаимного уважения и понимания разнородных интересов и точек зрения методами разъяснения и убеждения. Толерантность по отношению к другим является, прежде всего, признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций. Структурными компонентами социокультурной толерантности являются уважение, эмпатия и доброта.

Трудность определения границ толерантности связана со сложностью рационального обоснования самого феномена. Обычно апеллируют к следующим понятиям: религиозные, правовые, моральные, идеологические нормы, общественное мнение, общее благо.

Религиозный слой является первым в семантике толерантности. Он вобрал в себя явный дискомфорт от присутствия чего-то чуждого, напряженное сдерживание негативных эмоций, вынужденное принятие разномыслия. Так, в Англии пятница — рабочий день, воскресенье — выходной. Для мусульман выходной день — пятница, а для евреев — суббота. Это объясняется тем, что христиане являются доминирующей группой на территории Англии.

Правовые нормы образуют следующий смысловой слой в проблеме толерантности. В нем содержится осознание ценности культурного многообразия, признание за человеком неотчуждаемых прав и свобод, поощрение инициатив и альтернатив, уважительное отношение к другому человеку, образу мысли.

Определение предметных границ толерантности опирается также на потенциал морального ориентира в ценностно-нормативной системе общества (моральные нормы). Толерантность, на чем сходится большинство исследователей, непременно включает неодобрение убеждений или действий партнера по коммуникации. В случае толерантного отношения оно обнаруживает свой исходный, моральный смысл, хотя речь идет об отрицательной оценке.

Сложно установить границы толерантности не только применительно к разным обществам, но даже

иногда в пределах одного общества. Здесь возникает проблема общественного мнения. Например, современное преследование нацизма в Германии расценивается некоторыми странами как нетерпимость, тогда как в самой Германии сам нацизм считается в высшей мере нетерпимым. Противоречивые вопросы в различных странах могут включать употребление табака, алкогольных напитков или наркотиков, чтение неодобряемых политических трудов, а также девиантное поведение и уголовно наказуемые проступки.

Глобализация мирового сообщества вызывает перестройку и изменение этничности, что обусловле-

но стиранием границ между этносами в результате обширных миграционных процессов населения земного шара в связи со сменой места жительства, вызванной поиском работы, учебой, созданием семьи и др. По статистике, около 100 млн человек проживают вне своей этнической родины, что свидетельствует о том, что миграция и иммиграция являются устойчивыми тенденциями XX–XXI веков, правильное регулирование и осмысленное управление которыми приведет к исчезновению межнациональных конфликтов и созданию единого толерантного пространства.

Ю. М. Шор¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ ИХ ЕДИНСТВА И МНОГООБРАЗИЯ

Вряд ли сегодня можно отрицать, что человечество становится все более единым, причем это единство выражается, наверное, не столько в общности целей и идеалов, сколько во взаимозависимости, взаимосвязанности различных стран, регионов, народов, в неотрывности решения частных задач от задач общечеловеческих. Почву для такого единства создают как общие угрозы (ядерная, экологическая, террористическая), так и общие процессы, происходящие в человеческом обществе (экономические, социальные, демографические, информационные и т. п.).

Важнейшим явлением, представляющим эту тенденцию, выступает, как известно, феномен глобализации. Но глобализация в том виде, в котором она происходит, глубоко противоречива. В первую очередь она проявляется в сфере экономики, денежного обращения (международный финансовый капитал), включает энергетические, экологические, информационные аспекты. Как и всякий объединительный процесс, она несет в себе усреднение, нивелирование, стандартизацию. Между тем в сфере культуры нередко протекают прямо противоположные процессы.

Академик А. А. Гусейнов видит главное противоречие нашей эпохи как раз в этой противопоставленности двух сфер человеческой жизнедеятельности, если материальная сфера становится все более интегрированной и единой, то сфера духовного, культурного остается разделенной, и размежевание это даже обостряется. Поэтому «глобализация не может быть понята и не может состояться как сугубо внешнее, информационно-технологическое единство без того, чтобы она не была одновременно внутренним сплочением человечества как единого публичного пространства и этико-культурной общности»².

В любом случае процессы интеграции идут рука об руку с процессами дифференциации. Несомненный взрыв национализма, обострение национальных противоречий связаны в том числе и с проти-

востоянием тенденциям усреднения, нивелировки. Кроме того, нельзя не заметить, что реально глобализация проходит прежде всего как вестернизация, а также имеет место стремление представить западный опыт в качестве наиболее предпочтительного, универсально-человеческого. Между тем современный мир поляризуется. США, похоже, начинают постепенно утрачивать свое исключительное лидерство, возникают новые «центры силы» (Индия, Китай, мусульманский мир), нарастает противостояние между исламом и Западом, причем, судя по всему, оно будет носить достаточно болезненный характер.

Именно эти противоречия, эта «неразъемность» единства и разности, похожести и непохожести требуют такой универсальной формы взаимодействия, как *диалог*. Парадоксальная природа диалога заключается в том, что он включает и сохранение «своего» и понимание «чужого». Диалог ведет к взаимному обогащению при сохранении своеобразия.

Диалог между культурами напоминает диалог между людьми, он имеет смысл только в одном случае: если каждый участник обладает своей оригинальностью, своим «лицом необщим выраженьем». Самобытность культуры — это ее неотъемлемое право заявлять о своих ценностях, отстаивать свои духовные приоритеты. Эти ценности и приоритеты выработаны веками, отражают многообразие исторического опыта, все самое важное, что накоплено нацией за время ее исторического развития. Содержание культуры человечества складывается как из общего, так и уникального. «Мудрость всякого диалога, диалога культур в особенности, состоит в соединении общезначимого (универсального) с самобытным. При этом очень важно точно определить, какое из этих двух составляющих является исходной основой диалога»³.

Как же возможен диалог культур? Ведь принципиально разные культуры различаются не просто какими-то частными характеристиками, которые можно рассматривать как модификации неких общих, фундаментальных категорий, наоборот, каждая крупная культура характеризуется своим набором базовых ценностей, исходных моделей.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук.

² Гусейнов А. А. Диалог культур: возможности и пределы // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 68.

³ Гусейнов А. А. Указ. соч. С. 66.

Такой диалог, по мнению А. А. Гусейнова, невозможен по поводу того, что можно назвать «пафосом истины», он невозможен, если культуры апеллируют к «абсолютным истинам», «гласу Божьему», «правде истории» и т. п. Тут единственный выход — отказ от претензий на исключительность, непогрешимость, допущение (хотя бы и абстрактное), что возможна и принципиально другая точка зрения, что истина может видаться с иной стороны и т. д. Но несомненно одно: существуют обширные области, где диалог возможен и необходим, причем именно на ценностных основаниях, в контексте сопоставления различных позиций, внутри «проблемных полей», дискуссионных сюжетов, ибо смысл диалога культур в том и состоит, что он вытекает из качественных различий культурных миров, их непохожести, неповторимости, притом что каждая доказывает свою правоту, свой смысл и свое достоинство.

Между тем диалог невозможен и в другой ситуации, а именно если в его основе, хотя бы бессознательно, не заложены какие-то общие истины, некие «универсалии культуры».

«Существуют глубинные, фундаментальные основы культуры, — пишет Н. Н. Скатов, — на которых зиждутся меняющиеся экономические формации и культурные традиции, которые проходят через столетия. Именно они “базисны”, они определяют духовное здоровье или нездоровье как отдельного человека, так и этноса, и всего человечества в целом. Игнорирование этого постулата равносильно нарушению законов природы»¹. Решение вопроса о возможности диалога культур незримо включает более или менее ясное представление об этих ценностях, понимание того, что каждая отдельная культура ценна не только сама по себе, но и вносит

свой вклад в копилку общечеловеческого, общепланетарного.

Именно с этих позиций может рассматриваться и проблема самобытности русской культуры, постановка вопроса о которой должна избежать двух одинаково опасных крайностей — космополитизма, растворяющего особенное во всеобщем, и шовинизма, логическим следствием которого выступает агрессия и национальный изоляционизм.

Российской культуре есть что предъявить миру. Это великая литература, музыка, живопись, поэзия, это первоклассная философская мысль и наука, это православная религия, понятая как участник великого духовного диалога. Это стремление к цельности истины, к охвату всего богатства бытия в единстве человеческого и природного начала. Это «антитехнократизм» русского мировоззрения, отвержение (при всем понимании роли науки и техники) позитивистского, «частичного» взгляда на природу человека, прозревание идеала, вера в высокую человеческую миссию. Это понимание культуры, прежде всего, в качестве духовной сущности, идеально-смыслового измерения общественного бытия, а образования — как личностного созидания, воспроизведения образа Человека во всей его полноте. Это экзистенциальное чувствование личности, соперевживание ее радостям, горестям и страданиям.

Думается, свою роль должно сыграть и «промежуточное» геополитическое положение России, ее «узловое» расположение между Востоком и Западом, Севером и Югом. Не суждено ли России сыграть роль посредника в современном противостоянии цивилизаций, которым необходимо в трудном, драматическом диалоге все-таки найти свое единство? Хочется верить, что такие надежды не беспочвенны.

¹ Скатов Н. Н. Преодоление кризиса культуры — решающий фактор выживания человечества // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 64.

Секция 3

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПОИСК РЕШЕНИЙ

14 мая 2010 г., СПбГУП

Руководители секции:

А. К. ИСАЕВ	председатель Комитета по труду и социальной политике Государственной Думы Федерального собрания РФ
А. Л. САФОНОВ	заместитель министра здравоохранения и социального развития РФ, доктор экономических наук, профессор
М. В. ШМАКОВ	председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП

М. М. Артюхина¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В III тысячелетие человечество входит в условиях глобализации. Множество копий было сломано в дискуссиях о ее последствиях, достоинствах и недостатках.

Глобализация вызывает множество проблем стратегического характера, главная из которых заключается в неравномерном распределении благ и порождает неравенство. Поэтому неизменным остается базовый принцип — глобализация должна быть справедливой. Рассматривая процесс глобализации в контексте диалога культур и партнерства цивилизаций необходимо опираться на устои гармоничного экономического и социального развития и равноправное партнерство между сторонами социально-трудовых отношений, которое является важнейшим демократическим инструментом для создания справедливого мира.

Квинтэссенция критериев справедливой глобализации заключена во Всеобщей декларации прав человека — документе, по праву считающемся величайшим гуманистическим достижением человечества. Его преломлением в рамках европейской цивилизации является Европейская социальная хартия, ратифицированная Российской Федерацией.

Если на всех уровнях придерживаться норм, заложенных в этих важных документах, то стратегическая задача максимально эффективного использования благ современной цивилизации при сохранении сложившихся веками традиций народов и этносов станет выполнимой.

В Санкт-Петербурге и Ленинградской области, используя переговорный процесс и опираясь на принципы глобальной справедливости для всех, сто-

роны социального партнерства создают условия для гармоничного развития общества в условиях системного влияния глобализации на социально-трудовые отношения. Не случайно в Санкт-Петербурге была провозглашена стратегическая задача по достижению европейских стандартов проживания.

Конкретные количественные параметры показателей уровня и качества жизни определяются сторонами в рамочном трехстороннем соглашении. Мы пользуемся системой экономических, социальных, экологических показателей (от 20 до 30) и считаем их динамику главным критерием эффективности системы социального партнерства и основным индикатором на пути достижения глобальной цели по обеспечению каждого работника достойным трудом.

Подобная политика приносит свои плоды. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области один из самых низких в России уровень безработицы, который не превышал социально-критическую черту даже в период кризиса. А по индексу развития человеческого потенциала Санкт-Петербург неизменно находится в тройке лидеров среди всех регионов России.

Особое внимание уделяется развитию культуры переговорного процесса, которая основывается на глубоких исторических и культурных традициях российского и европейского общества. Именно ведение равноправного диалога между социальными партнерами позволило профсоюзам заключить лучшее в стране соглашение о минимальной заработной плате.

При переговорах как в городе, так и в области мы исходили из международных норм, в том числе из определяемого в странах Евросоюза соотношения между минимальной и средней заработной платой. На момент заключения соглашений это соотношение составляло 27 %, а конечной целью является

¹ Начальник управления социального партнерства межрегионального объединения «Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области», заслуженный экономист РФ.

достижение 60-процентного уровня, как это принято в Европе.

В целом, чем более высокий уровень минимальной заработной платы нам удастся установить, тем меньше у работодателей будет возможность снизить уровень средней заработной платы работников.

С открытием экономических границ на наш рынок в массовом порядке пришли транснациональные корпорации со своими устоями и воззрениями на регулирование социально-трудовых отношений. В России начали развиваться нетипичные формы занятости (аутсорсинг, аутстаффинг и др.). Сознательный перевод работников в сторонние организации или кадровые агентства при сохранении места их работы и трудовых функций находится сегодня за рамками российского трудового законодательства. Но это не мешает иностранным компаниям с успехом пользоваться такими приемами, цель которые предельно ясна — получение возможности увольнять работников, минуя нормы Трудового кодекса РФ, и сокращать налоговую нагрузку на фонд оплаты труда. Последнее обстоятельство может стать решающим на пути расширения «заемного труда» в условиях планируемого резкого увеличения в 2011 году страховых взносов, взимаемых с заработной платы.

Самая негативная тенденция — что российские предприятия стали активно прибегать к подобным формам занятости. Работодатели открыто давят на работников, притесняют, угрожают переходом на режим неполного рабочего времени, заставляя выходить из штата сотрудников организации. На таких работников не распространяются нормы коллективного договора. В рамках действующего законодательства их практически невозможно объединить в первичную профсоюзную организацию. Все это неизбежно ведет к разрушению общества, деградации трудящихся.

Сегодня «заемный труд» — один из основных, глобальных вызовов современной цивилизации, требующих скоординированных действий со стороны профсоюзного движения.

Транснациональные корпорации, по крайней мере, на этапе своего внедрения в российскую экономику избрали своей политикой полное игнорирование принципов социального партнерства. У себя на родине они вынуждены считаться с профсоюзами, заключать коллективные договоры, платить высокую

заработную плату. В Россию иностранный капитал пришел с целью сокращения издержек производства, в том числе за счет расходов на рабочую силу. Любые попытки создать на таких предприятиях профсоюз, добиться улучшения условий труда пресекались. В то же время эти компании, предлагая более высокую по сравнению со среднеотраслевой заработную плату, привлекали высококвалифицированные кадры, которые имеют достаточно возможностей заявлять свои требования на улучшение условий труда. Поэтому нет ничего удивительно, что именно с транснациональных корпораций начался ренессанс забастовочного движения. Там до сих пор сложнее всего идут переговоры по установлению систем оплаты труда, определению условий труда, социальным гарантиям. По сути, перед нами столкновение двух различных культур: культуры (или ее отсутствия) транснациональных корпораций, построенной на основе получения сверхприбылей; и культуры трудящихся, стремящихся защитить свое право на достойную жизнь.

Глобальный рынок труда породил еще одну серьезную проблему, связанную с миграцией рабочей силы. Мы выступаем не против привлечения квалифицированных иностранных работников там, где это действительно необходимо. Им должны быть предоставлены те же права и гарантии, что и коренному населению. Но серьезной проблемой является объединение мигрантов в профессиональные союзы. Многие мигранты не имеют культурных традиций, побуждающих их к вступлению в профсоюзы, что существенно снижает их возможности по защите своих интересов.

Несмотря на все трудности взаимоотношений с глобальным капиталом, Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области видит их дальнейшее развитие только в социальном партнерстве.

В действительности глобальная экономика способна открывать равные возможности реализации трудового потенциала для всех и обеспечивать равный доступ к ресурсам. Она может помогать преодолеть неравенство как внутри стран, так и между ними, вести к искоренению бедности.

Потенциальные возможности глобализации творить добро неисчерпаемы. Вопрос заключается лишь в том, сможем ли мы воспользоваться этими возможностями.

В. Г. Дербин¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИИ В СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Глобализация порождает бесконечные дискуссии. Одни утверждают негативную роль глобализации, ссылаясь на уничтожение культурной самобытности, мировые кризисы, последствия последнего из которых сравнивают с Великой депрессией. Квинтэссенцией позиции противников глобализации можно считать известное высказывание бывшего Ге-

¹ Председатель Межрегионального объединения «Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области».

нерального секретаря ООН Кофи Аннана: «Миллионы граждан убеждаются на собственном опыте, что глобализация — не подарок судьбы, а сила разрушения, подрывающая их материальное благополучие или их привычный образ жизни». Другие рассматривают глобализацию как широкий, многоплановый процесс, охватывающий все стороны жизни человеческого общества и вытекающий из саморазвития экономики. Глобализация, с их точки зрения, спо-

способствует свободным потокам товаров, капиталов и информации, создает наилучшие условия для роста человеческого благосостояния и способствует международному распространению культуры.

Являясь неизбежным и в целом позитивным процессом, глобализация сопряжена с определенными проблемами, именуемыми вызовами времени. Поэтому перед мировым сообществом стоит непростая задача — максимально эффективно использовать блага современной цивилизации, охраняя при этом сложившиеся веками традиции народов и этносов, населяющих нашу планету.

Большинство исследователей сходятся в том, что процесс глобализации состоит из трех взаимосвязанных компонентов — формирования нового мирового рынка труда, международного производства и политических отношений. При таком подходе трудовые отношения, как и профсоюзы, будут в полной мере испытывать на себе ее влияние, трансформироваться и сталкиваться с еще неизведанными проблемами и явлениями.

На примере деятельности Федерации профессиональных союзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области хотелось бы проанализировать отдельные аспекты глобальных тенденций последних десятилетий.

С открытием экономических границ на рынке труда появились многочисленные транснациональные корпорации (ТНК), что обусловило возникновение ряда положительных тенденций в регионе. Это новые технологии, широкий ассортимент товаров и услуг, повышение культуры труда, снижение цен, создание новых рабочих мест. Однако ТНК пришли со своими устоями и воззрениями на трудовые отношения, вопросы оплаты и условий труда и совершенно не стремились стать полноправным участником сложившейся системы социального партнерства. Многие ТНК стремились изъять свои предприятия из сферы трудового законодательства развитых стран. Это побудило профдвижение ряда стран — членов Евросоюза добиваться от парламентов своих стран закрепления порядка, в соответствии с которым не только национальные законы, но и условия общенациональных коллективных соглашений должны соблюдаться всеми компаниями, действующими на территории данной страны.

Известны многочисленные факты игнорирования российского трудового законодательства со стороны ТНК. Среди них: нарушения прав работников в вопросах оплаты труда, предоставления ежегодного отпуска; установление своих корпоративных правил, противоречащих Трудовому кодексу РФ; создание нездоровой обстановки среди работников, когда приветствуются доносы, слежка сотрудников друг за другом. На некоторых предприятиях ТНК мы сталкивались с негласной командой полного запрета на ведение профсоюзной деятельности вплоть до увольнения директоров предприятий, не выполнивших эту директиву.

Несколько лет подряд мы предлагали Санкт-Петербургской международной бизнес-ассоциации на Северо-Западе (СПИБА), представляющей крупнейшие транснациональные корпорации региона,

присоединиться к переговорам по заключению Трехстороннего соглашения Санкт-Петербурга. И только в 2009 году в решении этого вопроса был достигнут определенный прогресс. То есть мы постепенно переходим от решения конкретных проблем на иностранных предприятиях к диалогу на уровне объединения работодателей. По нашему мнению, необходимо предусмотреть в соглашениях обязательства ТНК по выполнению норм и требований российского законодательства, генерального и территориального соглашений и т. д.

Другой серьезной проблемой является миграция рабочей силы. Сегодня работодатели имеют возможность единолично заявлять о потребности в иностранных работниках, предварительно искусственно создав условия, при которых местное население эти места не займет никогда. В результате снижается оплата труда в регионе, не говоря уже об условиях труда мигрантов.

В начале 2010 года Правительством России был одобрен и направлен в Государственную думу проект Закона о внесении изменений в Федеральный закон РФ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Фактически проект закона предоставляет отдельным категориям мигрантов возможность находиться в России неопределенный срок. И никакими квотами этот процесс регулироваться уже не может.

Глобализация увеличивает мировое богатство, но при этом далеко не все могут воспользоваться его преимуществами. В 2009 году Россия вернула утраченные позиции в списке миллиардеров Forbes. Их число, по сравнению с 2008 годом, удвоилось. На протяжении всего кризисного года доходы наиболее обеспеченных слоев населения росли, а заработная плата, являющаяся основным источником дохода работников, падала. Поэтому дифференциация населения по доходам до сих пор превышает социально опасный уровень.

К сожалению, в России происходит однобокая экспансия мировых стандартов. Топ-менеджеры устанавливают себе европейский уровень условий труда, чего нельзя сказать об остальных аспектах социально-трудовых отношений. Профсоюзы постоянно поднимают вопросы развития социальной ответственности бизнеса, пытаются добиться от предпринимателей социальной ориентации возглавляемых ими структур.

В части установления минимальной заработной платы профсоюзы опираются на Конвенции Международной организации труда и Европейскую социальную хартию. В 2009 году в Санкт-Петербурге было заключено лучшее в стране соглашение о минимальной заработной плате, полностью исключившее из ее размера компенсационные и стимулирующие выплаты. В Ленинградской области на 2010 год мы исключили из минимальной заработной платы все выплаты компенсационного характера. При этом ключевая задача по доведению размера минимальной заработной платы до европейского уровня остается нерешенной.

Краеугольным камнем справедливой глобализации является учет потребностей всех людей

в обеспечении их прав, культурной самобытности и автономии, достижении целей достойного труда.

Стремление придать глобализации справедливый характер должно опираться на устойчивую гармонию экономического и социального развития и партнерские отношения между сторонами социально-трудовых отношений, которые испокон веков являются важнейшим демократическим инструментом создания справедливого мира.

В настоящее время можно определить инновационные направления деятельности профсоюзов, сохранивших свое единство благодаря деятельности Федерации независимых профсоюзов России. Необходимо отметить, что при этом традиционные, классические функции не отходят на второй план. Наряду с защитой интересов трудящихся, охраной труда, вопросами заработной платы возникают и другие профсоюзные функциональные составляющие, основанные на реалиях глобализации. Среди них можно назвать:

- осуществление мониторинга социально-экономического развития региона на основе социального аудита;

- создание действенных механизмов обеспечения социальной ответственности бизнеса;

- представительство интересов различных слоев по «горизонтали» и «вертикали» власти.

Кризис общественного доверия к крупному бизнесу, усугубленный финансово-экономическим кризисом и антиглобалистским движением, может быть разрешен только при формировании нового подхода во взаимоотношениях профсоюзов с бизнесом и государством.

Опыт промышленно-развитых стран показывает: добиться успеха на пути модернизации можно лишь в случае расширения повестки дня социального диалога, внесения в нее вопросов формирования государственной социально-экономической политики, применения антикризисных мер, а также социальной политики компаний, механизма финансовой помощи высвобождаемым работникам, включая пособия на переобучение и переквалификацию, переезд к новому месту работы и т. д. В обществе необходимо создать широкий консенсус и атмосферу сотрудничества.

Кризис должен стать катализатором качественных изменений в сфере взаимодействия социальных партнеров. Это будет способствовать переводу экономики и социальной сферы на путь интенсивного, устойчивого развития.

В. Ю. Зорин¹

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2002 года

Тема данных Чтений непреходяще актуальна и отнесется к числу мировых проблем, которые так или иначе связаны с культурой, диалогом между культурами и цивилизациями.

Для России благодаря истории и геополитическому положению вопрос этнокультурной самоидентификации является не просто предметом научной дискуссии, а, начиная с Александра Невского, проблемой постоянного выбора места и парадигмы дальнейшего развития.

Демонстрация культурного и языкового разнообразия огромной страны — почти исключительная компетенция переписи. Известные узким специалистам факты при помощи переписи становятся всеобщим достоянием и оказывают на людей огромное просветительское и воспитательное воздействие. Также важно понимать, что для эффективного государственного управления в такой стране, как Россия, просто необходимо учитывать этнокультурные реалии.

Этническое измерение России

По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, численность жителей России составля-

ет 145,2 млн. За межпереписной период с 1989 по 2002 год численность населения страны уменьшилась на 1,8 млн человек.

Перепись 2002 года явственно показала несостоятельность разговоров об «этноциде», якобы имевшем место в 1990-е годы, а также о радикальных изменениях в этническом составе населения России². Для этого достаточно взглянуть на табл. 1, в которой приведены данные по 23 наиболее многочисленным национальностям, что составляет 96 % населения страны.

При общей тенденции сокращения населения перепись 2002 года зафиксировала намного больше этнических групп, чем существовало ранее. Это связано не только с миграцией и другими демографическими процессами — изменился сам принцип подсчета итогов. В 1989 году в СССР насчитывалось 128 «национальностей». Сейчас в одной России их насчитывается гораздо больше. Весь вопрос в методике³. При подведении итогов переписи 2002 года была произведена группировка по 182 наименованиям, и появилось более 60 якобы новых этнических категорий.

¹ Заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН, доктор политических наук, профессор. Действительный государственный советник РФ 2-го класса. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики», «Национальная политика в России: история, проблемы, перспективы», «Русский народ в национальной политике. XX век», «Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законоотворчества» и др. Член Союза журналистов России.

² Степанов В. В. Этнический портрет России существенно не изменился // Население России 2003–2004: 11–12-й ежегодный демографический доклад / ред. А. Г. Вишневский. М., 2006.

³ См. об этом: Соколовский С. В. Инструментализация теоретического знания в разработке материалов Всероссийской переписи населения 2002 г. // Этнология общества. Прикладные исследования в этнологии / ответ. ред. С. В. Чешко. М., 2006.

Таблица 1

Этнический состав населения Российской Федерации в 2002 году

	2002		1989		рост в 2002 году по отношению к 1989 году, в %
	тыс. чел.	% к итогу	тыс. чел.	% к итогу	
все население	145164,3	100,00	147021,9	100,00	98,74
русские	115868,5	79,82	119865,9	81,54	96,67
татары	5558,0	3,83	5522,1	3,76	100,65
украинцы	2943,5	2,03	4362,9	2,97	67,47
башкиры	1673,8	1,15	1345,3	0,92	124,42
чуваши	1637,2	1,13	1773,6	1,21	92,31
чеченцы	1361,0	0,94	899,0	0,61	151,39
армяне	1130,2	0,78	532,4	0,36	212,28
мордва	844,5	0,58	1072,9	0,73	78,71
белорусы	814,7	0,56	1206,2	0,82	67,54
аварцы	757,1 ¹	0,52	544,0	0,37	139,17
казахи	655,1	0,45	635,9	0,43	103,02
удмурты	636,9	0,44	714,8	0,49	89,10
азербайджанцы	621,5	0,43	335,9	0,23	185,03
марийцы	604,8	0,42	643,7	0,44	93,96
немцы	597,1	0,41	842,3	0,57	70,89
кабардинцы	520,1	0,36	386,1	0,26	134,71
осетины	514,9	0,35	402,3	0,27	127,99
даргинцы	510,2 ²	0,35	353,3	0,24	144,41
буряты	445,3	0,31	417,4	0,28	106,68
якуты	444,0	0,31	380,2	0,26	116,78
кумыки	422,5	0,29	277,2	0,19	152,42
ингуши	411,8	0,28	215,1	0,15	191,45
лезгины	411,6	0,28	257,3	0,18	159,97
другие и не указавшие	5780,0	3,98	4036,1	2,70	143,21

¹ Для категории «аварцы» приводится цифра без учета численности андо-цезских групп и арчинцев; в 1989 году в составе аварцев андо-цезы и арчинцы были учтены.

² Для категории «даргинцы» приводится цифра без учета кайтагцев и кубачинцев; в 1989 году в составе даргинцев кайтагцы и кубачинцы были учтены.

Несмотря на заметные демографические перемены, произошедшие в России со времени последней советской переписи 1989 года, существенных этнических метаморфоз в масштабе всей страны Всероссийская перепись населения 2002 года не выявила.

Как показала перепись, количество русских в стране незначительно сократилось с 82 (1989) до 80 % (2002). Сокращение характерно также для марийцев, удмуртов, чувашей, мордвы, хакасов, коми и многих других национальностей. Некоторые этносы, наоборот, численно возросли, например аварцы, даргинцы, кумыки, якуты, буряты. Правда, все это принципиально не изменило этнической карты России.

Если рассматривать региональные варианты, то среди всех субъектов Российской Федерации не более чем в двадцати (пятая часть) за межпереписной интервал произошли заметные этнические перемены. Абсолютным лидером является Чечня. В этой республике ситуация коренным образом изменилась: раньше население было многоэтническим, теперь — практически моноэтническое. За Чечней следует Ингушетия, где этнокультурное разнообразие также существенно сократилось. Среди остальных регионов, частично изменивших свой этнический облик, можно назвать Туву, Чукотский и Корякский окру-

га, Якутию, Тюменский регион, Северную Осетию, Карачаево-Черкессию, Кабардино-Балкарию. В Дагестане динамика этнического состава оказалась невысокая, ниже среднего по стране, хотя внутри республики в многонаселенных районах культурная мозаичность усилилась. Незначительные перемены произошли в Москве, минимальные — в Санкт-Петербурге.

В общем виде можно представить следующую картину по стране: наибольшие изменения этнического состава произошли в российской части Кавказа, с гораздо меньшей интенсивностью менялась ситуация на Дальнем Востоке и Восточной Сибири. Незначительные перемены коснулись Западной Сибири и Европейского Севера. Еще менее заметные трансформации наблюдались в Поволжье и на Урале. Крайне малы изменения на Северо-Западе страны, в столичном центре и Центральном Черноземье. Практически не произошло никаких перемен в Волго-Вятском регионе.

Перепись показала обоснованность страхов о катастрофическом сокращении численности русских¹. Накануне переписи публиковались прогнозы,

¹ Тишков В. А., Степанов В. В. Этнический состав населения России (первые итоги переписи 2002 г.) // Бюллетень сети эт-

согласно которым численность русских по сравнению с последней советской переписью сократилась на 15–19 млн человек (около 15 %). Действительное сокращение — на 3,3 %, а доля в составе населения страны уменьшилась на 1,7 %. Причина — демографическое старение населения, большая часть которого — городские жители. С этим связана малая детность и высокая смертность. Второстепенным фактором сокращения является миграционный отток. В целом миграция сыграла и продолжает играть позитивную роль, компенсируя снижение численности населения. Речь идет о численной стагнации русских с тенденцией к сокращению по причине демографического старения. Дополнительным источником пополнения населения является ассимиляция в пользу русского языка и этнической идентичности — процесс не новый, который имел место и 100, и 300 лет назад.

В отношении самых крупных этнических категорий, насчитывающих *свыше 1 млн человек*, перепись обнаружила следующие тенденции. Имеются категории, численный состав которых значительно увеличился. Это прежде всего армяне, численность которых удвоилась (212 % по отношению к численности в России в 1989 г.). Ранее их насчитывалось 532 тыс., теперь — 1,1 млн чел. Одна из причин роста численности очевидна — интенсивная миграция начиная с конца 1980-х годов из Армении (землетрясение) и Азербайджана (Карабахский конфликт). Вторая причина — положительный демографический рост, особенно в среде выходцев из сельской местности.

На втором месте по уровню прироста численности — чеченцы. Данные показывают 50-процентное увеличение населения (было 899 тыс., стало 1,3 млн). О завышенном переписью количестве чеченцев немало говорилось в СМИ, этому посвящены и отдельные научные статьи¹. Анализ демографических итогов показывает, что при сохранившемся высоком уровне естественного воспроизводства заметный прирост численности действительно должен был иметь место. Смертность из-за военных действий, видимо, была меньшей, чем принято считать.

Среди многочисленных народов перепись показала увеличение количества башкир, которое объясняется не только демографо-миграционными причинами, но и факторами политического характера. Численность татар практически не изменилась: было 5,52 млн, стало 5,53 млн. Процессы демографического старения не являются единственными причинами замедления роста. Отчасти проблема связана с процессами ассимиляции, отчасти с неточностями учета этнической идентичности.

Что касается опережающего роста башкир по сравнению с татарами, то это не результат исключительно «демографических игр» политиков Башкирии. Если сравнить результаты нескольких переписей, то получится такая картина: в 1989 году численность тех, кто назвался татарами, возросла по отношению к численности 1979 года на 110,3 %, а ко-
 нологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Приволжский федеральный округ. М., 2003. № 64.

¹ Максудов С. Население Чечни: права ли перепись? // Население и общество : Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2005. № 96.

личество назвавшихся башкирами увеличилось лишь на 104,2 %. Если не учитывать феномен смены идентичности, результаты кажутся странными. Ведь известно, что среди башкир больше сельских жителей и более высокая рождаемость. В последней переписи был взят своеобразный реванш: у татар прирост мизерный — всего 0,6 %, а у башкир — заметный — 24,4 %. Реальное отражение действительности — где-то посередине.

Незначительно сократилась численность чувашей: было 1,77 млн, стало 1,64 млн. Имеют место процессы демографического старения, но основной фактор — смена этнической идентичности. Последний фактор стал причиной уменьшения численности и для украинцев. Известно, что в первые годы после распада СССР значительное количество украинцев, особенно из Дальневосточного региона, переехало в Украину. Но очень скоро наметилось обратное миграционное стремление — из Украины в Россию, особенно во второй половине 1990-х. До настоящего времени Украина является основным источником российского миграционного прироста. Накануне публикации первых итогов переписи СМИ давали прогнозы, по которым численность украинцев должна была существенно возрасти². И тем не менее перепись зафиксировала сильное и никем не прогнозируемое снижение численности украинцев — с 4,3 до 2,9 млн, то есть почти на треть. Наличие фактора смены идентичности в таком колебании представляется очевидным.

Среди других крупных этнических категорий *численностью менее 1 млн, но не менее 500 тыс.* человек увеличение характерно только для кавказских групп. Наиболее заметное увеличение произошло у азербайджанцев. Последняя перепись насчитывает 622 тыс. азербайджанцев против 336 тыс. в 1989 году, то есть произошло увеличение на 85 %. По темпам прироста азербайджанцы лишь немного отстают от прироста армян в России. Факторы быстрого увеличения численности те же, в основном миграционного характера. При этом перепись развенчала миф об огромных масштабах переселения азербайджанцев в Россию.

Уровень владения населением государственным языком Российской Федерации высок — 98 %. Это гораздо выше, чем в большинстве крупных стран мира с многоэтническим составом населения, и может быть сравнимо только с развитыми странами Западной и Восточной Европы.

Высокий уровень знания русского языка населением страны свидетельствует о культурной гомогенности российского народа и присутствии важнейшего компонента национальной общности и ее консолидации на уровне языковой коммуникативной системы. Эти же данные говорят о высокой степени языковой русификации нерусского населения страны как средства социально-культурной модернизации, осуществляемой преимущественно по свободному выбору граждан.

Из крупных народов самое большое количество не владеющих русским языком (от 10 до 17 %) — у ряда северокавказских народов (аварцев, даргин-

² Так, в газете «Новые известия» (5.09.2003) были приведены данные о более чем 700-тысячном приросте украинцев.

цев, чеченцев и ингушей) и якутов. Самая большая доля знающих русский язык среди северокавказцев — у осетин, но она все равно меньше, чем среди восточнославянских народов (украинцев и белорусов), финно-угорских народов и среди дисперсно расселенных народов (немцев, казахов, греков, евреев). Три последние группы фактически перешли на русский язык полностью.

Более всего в стране людей, говорящих по-татарски (5,3 млн) и по-башкирски (1,4 млн). Закономерным является распространение в России украинского языка, о владении которым в переписи заявило 1,8 млн человек. Далее по количеству носителей следуют чеченский, чувашский, армянский, аварский языки и т. д.

Использование языков

Сохранение и развитие национальных языков в России является основой нашего культурного многообразия. Доля поддерживаемых государством газет и журналов на языках народов России составляет более 30 % от общего количества профинансированных изданий. Издается 400 газет и журналов на 59 национальных языках, а также ведется телевидение на 56 и радиотрансляция на 69 языках.

В последнее время наблюдается рост интереса к этой проблеме и соответственно возросло число желающих изучать национальные языки. В настоящее время в школах России обучение ведется на 38 национальных языках. Это позволяет удовлетворять основные потребности населения в общении на родном языке вне зависимости от места проживания. Ключевое значение придается не только объемам финансирования соответствующих программ, но и получению органами власти достоверной информации для более эффективного решения задач сохранения и развития национальных языков во всех субъектах Федерации.

Необходимо отметить тенденцию увеличения в местах компактного проживания этнических меньшинств национальных государственных школ, где родной язык является языком обучения или предметом изучения. Так, на территории России действуют 47 армянских школ, 85 казахских, 66 азербайджанских, 19 туркменских и др. В Республике Татарстан функционируют 56 чувашских, 18 удмуртских и 9 марийских дошкольных учебных заведений. Работают 140 чувашских, чувашско-русских и чувашско-татарских школ, где родной язык изучают более 8374 чувашских детей.

В школах Республики Башкортостан обучение ведется на русском, башкирском, татарском, чувашском, марийском, удмуртском языках. В качестве самостоятельного предмета изучаются еще шесть языков: украинский, белорусский, немецкий, иврит, греческий и мордовский. В высших учебных заведениях республики ведется подготовка преподавателей указанных языков.

В 664 общеобразовательных школах Севера, Сибири и Дальнего Востока 103 729 детей в качестве школьного предмета изучают 23 языка коренных малочисленных народов Севера, на трех языках ведется обучение.

Данные об этнической карте России и владении языками будут уточнены в ходе предстоящей в 2010 году Всероссийской переписи населения.

Межнациональная обстановка в Сибири и на Севере России (коренные народы)

Важная особенность Севера Российской Федерации и Сибири — коренное население. Коренные народы в течение тысячелетий составляли часть этой экосистемы. Потребляя местные ресурсы, они часто становятся заключительным звеном в цепи движения загрязняющих веществ местного происхождения и тех, что транспортируются на дальние расстояния. Культура и традиции коренных народов неповторимы. Большинство из них продолжает использовать природные ресурсы традиционным способом, сохраняя свое культурное наследие и борясь за право сохранения своего образа жизни.

В Сибири и на Севере России живут практически все народы, населяющие страну в целом. Коренных народов, связанных с этой обширной территорией своим происхождением, гораздо меньше. Среди них: карелы, коми, буряты, якуты, тувинцы, западносибирские татары, хакасы, алтайцы (насчитывающие от 70 тыс. до почти полумиллиона человек), а также так называемые коренные малочисленные народы Севера (КМНС), численность которых колеблется от нескольких человек до сорока с небольшим тысяч (согласно российскому законодательству их количество не должно превышать верхний порог, установленный на уровне 50 тыс. чел.).

Из числа коренных народов только саамы и часть ненцев живут на Европейской Севере России (саамы — на Кольском полуострове), остальные — в Сибири. На Урале и за Уралом расселились манси, на севере Западной Сибири, в бассейне Оби, — ненцы, ханты, селькупы, чулымцы, западносибирские татары. На севере Восточной Сибири — территории расселения кетов (Енисей), нганасан, энцев, долган и ненцев (Таймыр); восточнее и южнее — юкагиров (Колыма), якутов (Лена), эвенов (Охотское побережье); на северо-востоке живут чуванцы, чукчи, коряки, керекы, эскимосы (Чукотский полуостров); на Камчатке — ительмены, камчадалы; на Командорских островах — алеуты. На Дальнем Востоке (Приморье, Приморье, Сахалин) живут нивхи, ульчи, нанайцы, орочи, ороки (ульта), негидальцы, удэгейцы. Большие по численности народы живут в основном в южной части Сибири: западносибирские татары — на юге Западной Сибири, алтайцы и хакасы — в Южной Сибири, на Алтае и Саянах, восточнее их — тувинцы; якуты занимают бассейн Лены и продвинулись дальше на север; на востоке Южной Сибири живут буряты (Забайкалье).

В континентальной части российской Арктики проживают КМНС, относящихся к арктическим, — это саамы, энцы, ненцы, нганасаны, долганы, эвены, эвенки, чукчи, эскимосы (юпик) и юкагиры. Кроме них, в той же арктической зоне проживают большие группы северных хантов и селькупов, официально относящиеся к числу КМНС, коми и якутов-оленьеводов, а также отдельные группы русских, которые в ряде случаев пришли в высокие ши-

роты ранее предков нынешнего нерусского населения: канинские поморы, енисейские сельдюки, колымчане, русско-устынцы и другие, ведущие образ жизни, аналогичный образу жизни вышеназванных малочисленных народов Севера. Наиболее крупные группы коренного населения в Арктике проживают на территории шести субъектов Российской Федерации: в Мурманской (по данным переписи 2002 г., 1769 саамов и 2177 коми) и Архангельской (8326 ненцев и 5745 коми, в том числе в Ненецком АО 7754 ненцев и 4510 коми) областях, в Ямало-Ненецком (26 435 ненцев, 6177 коми; 8760 хантов и 1797 селькупов), Таймырском (Долгано-Ненецком) (5517 долган, 3054 ненцев, 766 нганасан, 197 энцев) и Чукотском (12 622 чукчей, 1534 эскимосов, 1407 эвенов) автономных округах, а также в Республике Саха (Якутия) (1272 долган, 18 232 эвенков, 11 657 эвенов, 1097 юкагиров).

Народы Севера и Сибири при полном дву- или полиязычии в той или иной степени сохраняют и свои уникальные этнические языки, относящиеся к урало-юкагирской (финно-угры и самодийцы), алтайской (тюрки и тунгусо-маньчжуры), чукотско-корякской, эско-алеутской семьям языков; часть аборигенных языков считается изолированными, не имеющими прямых соответствий с известными языками народов мира (кетский и нивхский языки). Языковая ассимиляция у коренных малочисленных народов Севера выражена весьма сильно. Даже среди сельского населения «родным языком» считают русский язык от 20 до 70 % представителей тех или иных этнических групп. Культурная ассимиляция не уступает по своим масштабам языковой.

Наряду с языковой ассимиляцией, культурную ассимиляцию и генетическое смешение, изменяющее антропологический облик коренных малочисленных народов, усиливает высокий уровень смешанных браков с участием русских, якутов и представителей других национальностей (доходящий до половины и более всех брачных пар у некоторых коренных малочисленных народов Севера) или рождение детей от временных союзов женщин с лицами иных национальностей.

Анализ итогов переписи показал, что тезис формирования российской общегражданской нации из области теории был воспринят реальной политической практикой, что и произошло после постановки этой проблемы в Послании президента страны Федеральному собранию РФ: появились научные труды, прошли конференции и симпозиумы, были учреждены научные журналы.

В. В. Путин, будучи президентом России, и Д. А. Медведев в настоящее время говорят о российской нации как об историческом и современном феномене. «Россия была, есть и, конечно, будет крупнейшей европейской нацией, — заявил в 2005 году В. В. Путин. — Выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром». «Уже на стадии своего зарождения российская нация, как и сама

государственность, стала складываться как полиэтничная и реально сформировалась на базе синтеза восточных и западных традиций», — подчеркнул в своем Послании Федеральному собранию в 2008 году Д. А. Медведев.

О российской идентичности как доминирующей форме коллективного самосознания говорят и авторитетные исследования социологов и этнологов¹.

В настоящее время статистики и ученые активно работают над подготовкой к очередной переписи. Какие уроки переписи 2002 года следовало бы учесть на будущее? Особенно в свете развернувшейся в обществе дискуссии о сроках и содержании переписи.

Необходимость проведения переписи населения²

Следует сказать несколько слов о назначении самой переписи. В связи с распространением новых информационных технологий все чаще можно услышать, что перепись утратила свое былое значение и от нее можно отказаться. Вопрос этот тем более актуален сегодня, в пору финансово-экономического кризиса.

На самом деле технические новации не могут стать альтернативой переписи, поскольку они не подменяют всеобщего опроса населения. Получение ответов населения, будь то ответы, данные переписчику непосредственно, или по телефону, или при помощи новейших телекоммуникационных средств, не устраняет необходимости диалога, во время которого буквально каждый житель страны может сообщить уникальные сведения о себе. Таковы, например, персональные данные о национальной принадлежности человека или сведения о том, какими языками он владеет и какие использует в повседневной жизни.

Опыт переписи 2002 года показал, что, несмотря на трудоемкость сбора и обработки информации о национальностях и языках, полученные данные являются одними из самых востребованных переписных материалов и по прошествии шести лет их актуальность не снизилась. Особенно важно отметить, что эти материалы и сегодня используются для совершенствования законодательства федерального и регионального уровней, разработки и информационного сопровождения федеральных нацпроектов, федеральных целевых программ.

Учитывая, что за последние годы отечественная статистика утратила (или почти утратила) иные источники информации об этническом составе насе-

¹ См. серию социологических обследований Института социологии РАН под руководством М. К. Горшкова по проблеме российской идентичности и последнюю работу, выполненную экспертами Сети этнологического мониторинга по заказу Министерства регионального развития России: Российская нация: становление и этнокультурное развитие / под ред. В. А. Тишкова. М., 2008.

² Здесь и далее в основу положен доклад В. А. Тишкова и В. В. Степанова на Всероссийском совещании статистиков 12 февраля 2009 года. Опубликовано в: Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2009. № 85; *Степанов В. В.* Возможности совершенствования этнической статистики: анализ программы Всероссийской переписи населения 2010 года // Этнос и среда обитания : сб. этноэкологических исследований к 85-летию В. И. Козлова / ред. Н. И. Григулевич, А. Н. Ямсков; отв. ред. Н. А. Дубова. М., 2009.

ления, современная перепись превратилась в безальтернативный ресурс знаний по этому весьма важному для нашей страны вопросу. Никакие иные исследования, будь то социологические, этнографические и любые другие, связанные с выборочными опросами населения на ограниченных территориях, не в состоянии конкурировать с данными о национальностях и языках, получаемыми всеобщей переписью.

Опыт работы Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА), накопленный за многие десятилетия, свидетельствует о том, что данные переписей уникальны. Поэтому, каковы бы ни были суждения некоторых ученых и представителей управленческих структур о том, что якобы вопросы о национальности усложняют процедуру переписи (или даже противозаконны), необходимо осознать, что именно эти данные наряду с основными демографическими сведениями являются важнейшим итогом общегосударственной переписи.

Во время переписного опроса трудно добиться высокой точности учета, особенно в отношении малочисленных национальностей, но от этого значимость самой переписи не утрачивается. Важно осознавать, что ее данные являются важнейшим ориентиром для изучения национального состава населения Российской Федерации.

Необходимость учета двойной национальной принадлежности

Во многом ошибочно мнение о том, что в других государствах во время переписи статистика не учитывает национальности или языка населения. Соответствующие виды учета осуществляются во многих странах, однако при этом используются разные концепции и методики. Наиболее распространенным подходом в мире является фиксация этнического состава населения страны, в ряде случаев с предоставлением права гражданам указывать сложное этническое и расовое происхождение.

К сожалению, опубликованные итоги Всероссийской переписи 2002 года не позволяют судить о количестве респондентов с двойной национальной принадлежностью. Однако используя данные переписи 1989 года, можно оценить их количество на уровне 7–15 %.

Необходимо усовершенствовать программу следующей всероссийской переписи. Одним из шагов должно стать предоставление возможности отвечающему на вопросы переписи указать сложную национальную принадлежность (например, потомкам от смешанных браков).

На этапе подготовки осуществленной пробной переписи населения 2008 года Росстат планировал использовать метод более подробного учета ответов населения на вопрос о национальной принадлежности. Суть нового подхода состояла в том, чтобы опрашиваемые могли дать неоднозначный ответ, если они определяют свою национальную принадлежность как двойственную или более сложную. По этнографическим и социологическим данным, такие ситуации характерны для национально-смешанных семей (особенно в крупных городах), а также для населения некоторых регионов.

Некоторые итоги и уроки Всероссийской переписи 2002 года

Двойственность этнического самосознания не была принята во внимание во время проведения переписи в 2002 году. По результатам этой переписи получилось, что численность в России украинцев существенно «сократилась». При этом из более ранней (советской) переписи известно, что 76 % украинцев в России живут в смешанных семьях. То же можно сказать в отношении белорусов, мордвы, коми, евреев, немцев и многих других, чья численность тоже «уменьшилась».

Если национальная принадлежность человека не является однозначной, то, следовательно, фиксирование единичного ответа вместо множественного приводит к ошибкам. Значит, и итоги переписи оказываются менее достоверными, чем могли бы быть. Напомним: в переписи 2002 года относительно некоторых дагестанских национальностей итоги оказались вообще некорректными.

Если бы перепись была способна учитывать двойную национальную принадлежность, можно было бы избежать многих конфликтных ситуаций. Например, менее острыми были бы политические отношения в Башкирии, где последовала масса жалоб на нарушения конституционных прав башкирских татар, не учтенных государственной переписью. После переписи 2002 года татары в Башкирии даже предприняли попытку провести самоперепись. Широко известен скандальный пример с кряшенами в Татарстане и т. д. Если бы перепись была способна учитывать двойную национальную принадлежность, то в России не возникло бы такого большого количества не указавших национальность — почти 1,5 млн человек.

Конечно, количество людей, действительно причисляющих себя к двум национальностям, в целом по стране сравнительно небольшое. Но и они должны иметь возможность реализовать свое конституционное право на самоопределение. Таким правом во время переписи 2002 года они не обладали.

Важно сказать и о проблеме обязательности участия в переписи. Опыт переписи 2002 года показал, что далеко не все население согласно принимать в ней участие. Прежде всего речь идет о жителях крупных городов, трудовых мигрантах, а также об иностранцах, прибывших из стран дальнего зарубежья. В связи с этим Росстат предпринял попытки по внесению дополнения в Федеральный закон РФ «О Всероссийской переписи населения», которое бы предусматривало обязательное участие в переписи граждан. Напомним, что перепись 2002 года проводилась без этой поправки.

По поводу «обязательности» участия в переписи существуют разные точки зрения, но доминирует одна. Судя по обсуждениям в Росстате, руководство этого ведомства, а также многие специалисты по миграции, демографии, экономике, социологии выступают за то, чтобы участие населения в переписи стало обязательным. При этом как бы само собой разумеется, что желаемая законодательная норма автоматически обеспечит полный охват жителей переписью. Но настаивая на обязательности, почему-то никто не опирается на какие-нибудь исследования.

Считается, что достаточным аргументом в пользу обязательности участия является зарубежный опыт.

Действительно, в западных странах участие в переписи, как правило, обязательное, и понуждение к участию предусматривает наложение внушительных штрафов на нарушителей. Но насколько действенны установленные законом требования? Примеры наложения штрафов за уклонение от переписи в западной административной практике отыскать трудно. Но, например, в Британии, где штрафы за уклонение одни из самых высоких, статистики по завершении переписи стали бить тревогу: остался неучтенным почти 1 млн британцев. Объяснили это тем, что значительное количество соотечественников в момент переписи находилось за пределами страны. В США анализ переписи всегда сопровождается изучением территориального распределения данных о количестве опрошенных, не вернувших переписные анкеты. Жесткие требования, предъявляемые к населению во время переписи в Турции, согласно которым переписываемые должны находиться в домах и не появляться на улице, также нарушаются. Видимо, исполнение предписаний обязательного участия в переписи определяется не столько нормами закона, сколько гражданским сознанием и гражданской культурой.

В нашей стране общественная активность закономерно различается в городской и сельской среде, больших и малых городах, центральных и периферийных регионах. Особенно заметные различия наблюдаются в данных об активности населения на выборах в органы власти. Участие в выборах согласно Конституции Российской Федерации является гражданским правом, но не является обязанностью. Если учитывать различия в выборной активности, то легко предположить, что в крупных городах участие населения в переписи не может быть тотальным, поскольку жители крупных городов территориально более подвижны, им свойствен больший индивидуализм, они менее подвержены влиянию властных структур и менее от них зависят. Стремление Росстата сделать процедуру переписи обязательной не повысит степень участия в ней жителей крупных городов, а участие в переписи сельских жителей и без этого достаточно велико. Но обязательность участия может отпугнуть сомневающихся, а также тех, кто склонен к протестному поведению из-за социальной или бытовой неудовлетворенности. Вне всякого сомнения, требование обязательного участия в переписи отпугнет от нее иностранцев, прежде всего трудовых мигрантов.

Важно также понимать, что контроль обязательности участия в переписи на практике сильно затруднен. Опыт переписи 2002 года (хотя перепись не была обязательной) показал, что, как и в случае с голосованием на выборах, власти стремятся использовать административный ресурс, понуждая всякими способами, зачастую неправовыми, население к участию. Подобные методы не способствуют тому, чтобы опрошиваемые испытывали большое желание сообщать переписчикам данные о себе и своих близких. В Турции именно полиция надзирает за тем, чтобы на улицах никого не было во время про-

ведения переписи. В российских условиях правоохранительные органы, конечно, тоже способны осуществлять подобный внешний контроль, но отсутствие людей на улицах не поможет переписчикам проникнуть в жилые к опрашиваемым. Методы жесткого контроля не заставят граждан самолично явиться в переписной пункт для прохождения процедуры опроса.

Вопрос об обязательности участия в переписи в значительной мере перечеркивается формированием в Российской Федерации законодательных норм о персональных данных. Причем имеется в виду не столько Федеральный закон «О персональных данных» (2007), сколько положения Конституции Российской Федерации.

В Основном законе сказано: «*Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну*» (ст. 23). Заполнение бланков переписи, где указаны имя и фамилия опрошиваемого, а также код счетного участка (фактически адрес), безусловно, является вторжением в частную жизнь.

Мы, конечно, можем заявить, что собранная информация будет храниться в «агрегированном виде». Однако чтобы обобщить информацию, нужно обработать первоисточники (переписные вопросники), а это требует времени. Как известно, для осуществления полной процедуры требуется год, и лишь затем бланки переписи уничтожаются. Значит, конфиденциальная информация практически о каждом жителе страны хранится довольно продолжительный период. Это противоречит соответствующим положениям Конституции РФ: «*Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются*» (ст. 24, п. 1). Это означает, что, какими бы ни были поправки к закону о переписи, положения об обязательном участии будут неконституционными.

Что произойдет, если и в последующей переписи участие населения в переписи не будет определено законом как обязательное? Очевидно, что она, как и в 2002 году, будет успешно проведена. Росстат, безусловно, будет высказывать опасения в том, что без требования обязательного участия гарантировать полноту сбора информации нельзя. На это следует ответить, что полнота сбора данных зависит не от букв закона, а от уровня подготовки и технических качеств самой переписи.

Существенным недостатком переписи 2002 года было то, что переписчики попросту не посещали всех жителей, хотя последние были готовы дать ответы на вопросы анкеты. Чем грамотнее переписной персонал и лучше организована переписная процедура, тем выше качество переписных результатов. По опыту участия сотрудников Института ИЭА РАН в проведении предыдущей переписи представляется очевидным, что массовость участия населения напрямую зависит от того, насколько переписчики и иные исполнители взаимодействуют с жителями введенного им дома, улицы, квартала. Если такое взаимодействие было вялым или его не было вообще, степень осведомленности местных жителей о переписи оказывается крайне низкой. Телевизионная и газетная реклама, а также уличные плакаты играют в

подготовке общественного мнения, как выяснилось, незначительную роль. Именно личный контакт с населением переписной команды во время предварительного обхода обеспечивает тот необходимый уровень доверительных отношений, который может обеспечить полноту сбора данных, а в конечном счете и успех всего мероприятия.

Каково потенциальное желание самого населения принять участие в переписи? Действительно ли требуется полицейский надзор по турецкому образцу? В марте 2009 года ИЭА РАН провел всероссийский опрос, корректная выборка охватила жителей городских центров во всех субъектах Федерации. Мы посчитали необходимым уведомить респондентов, что закон не требует обязательного участия в будущей переписи, а затем спрашивали, будут ли респонденты участвовать в ней. Вопрос социологической анкеты был сформулирован следующим образом: «По закону давать ответы в переписи — дело добровольное. И никакие документы предъявлять не нужно. Будете ли вы участвовать в переписи?» Результаты оказались такими: «да», то есть будут участвовать, ответили 92 % опрошенных, «нет» — 3 %, затруднились ответить — 5 %. Заметим, что никакого предварительного обсуждения того, что перепись имеет важное значение, не было. Следует обратить внимание и на то, что опрос проводился в неблагоприятный период, когда в российском обществе в качестве важнейшей рассматривалась тема глобального экономического кризиса. Руководители Росстата, как и при подготовке к предыдущей переписи, опасаются низкого уровня участия жителей в больших городах, прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге. Действительно, участие населения мегаполисов в массовых мероприятиях бывает относительно низким. Тем не менее жители двух столиц проявили существенную заинтересованность в будущей переписи. В Москве 86 % заявили, что будут участвовать и только 5% ответили отрицательно. В Санкт-Петербурге 89 % — «за» и 4 % — «против». Конечно, следует учитывать, что реальное участие в переписи, как и в случае с выборами, может быть ниже заявленных намерений, но все же результаты опроса весьма красноречиво показывают, что готовность населения достаточно высока, причем она выше, чем в благополучных западных государствах.

Сказанное не означает, что закон не должен предъявлять требования обязательного участия в переписи. Но оно должно быть адресовано не населению, а различным государственным и муниципальным службам, бездеятельность которых зачастую и является камнем преткновения. Опыт переписи 2002 года показал, что именно этого вида сотрудничества зачастую не хватало переписчикам для эффективной работы. Известно, что в Москве переписчики тратили много времени не на то, чтобы произвести опрос, а чтобы добиться возможности получить номера телефонов тех, к кому они должны были прийти с вопросниками. Много времени и усилий было направлено на выяснение дверных кодов для проникновения в подъезды московских многоэтажных домов. То есть обязательным, а не добровольным должно быть участие в переписи именно чиновников.

Сколько национальностей в России?

После переписи 2002 года на смену пресловутому советскому лозунгу о 100 нациях и народностях пришло новое клише: в России проживает более 160 народов и этнических групп. Оно используется в выступлениях политических деятелей и в научной среде. Впервые эта фраза появилась в предварительных итогах, обнародованных через несколько месяцев после завершения Всероссийской переписи населения. Лишь через год, когда обработка итогов была завершена, выяснилось, что список включил не 160, а 182 наименования. Однако к тому времени фраза из предварительного доклада проникла в широкую печать и даже законы и, по сути, приобрела общественно-политическое значение.

Итоговый список, опубликованный после переписи, кем бы он ни разрабатывался и какая бы идея в него ни закладывалась, *не является* списком народов или этнических групп. Люди ответили на вопрос о национальности, и, следовательно, список содержит суммы полученных ответов, только и всего. А интерпретация полученных данных — задача для ученых, политиков и прочих «пользователей».

Отдельно следует сказать о ступенчатом варианте учета национальностей — нововведении переписи 2002 года. В советских переписях ступенчатый способ учета этнических категорий почти не применялся. Ступенчатость списка национальностей предоставляет возможность для более разнообразного учета форм этнической идентичности. Это большое достижение переписи 2002 года. Но в то же время остается невыясненной дальнейшая судьба такого списка. Будет ли его двухступенчатая структура сохраняться и впредь во всех публикациях материалов переписи или так называемый второй уровень исчезнет из дальнейших статистических сводок? Это зависит от того, каким будет отношение ко «второму уровню» среди управленцев, научных работников, общественных деятелей. После опубликования итогов переписи лидеры ряда общественных организаций (например, казачества) высказывали в адрес властей и Росстата недовольство по поводу того, что их национальность не была учтена «полноценно» и статистические органы якобы пошли на нарушение конституционных норм.

Однако составить непротиворечивый (удовлетворяющий науку и общество) итоговый список ответов на вопрос о национальности оказалось сложной задачей. В ходе переписи впервые была предпринята попытка не только отразить многообразие населения России, но и показать реалии культурно-интегративных и ассимиляционных процессов.

Характерен пример с Дагестаном. По лингвистическим данным, в Дагестане издревле существует 26 различных языков и еще около 100 диалектов, из которых как минимум два настолько своеобразны, что тоже могут быть названы языками. Этнографические данные свидетельствуют, что в этой горной республике проживает около трех десятков этнических групп. Одни состоят из сотен тысяч человек (аварцы, лезгины, даргинцы), другие по численности очень небольшие, есть даже «одноаульные». В СССР начиная с 1937 года языковая и этническая пестрота

не приветствовалась. Советские переписи игнорировали многообразие, выдавая искусственно урезанный список национальностей. Даже в эпоху заката социализма при проведении достаточно честной переписи официальный список «народов Дагестана» включил менее половины реально бытующих этнических наименований, остальные согласно установившейся практике были учтены под другими наименованиями. Так, различные группы населения, носителей 14 уникальных языков, обозначили «аварцами», и таким образом аварское население (самое большое в Дагестане) статистически было представлено еще большим.

Новая российская перепись нарушила «традицию». Теперь не существует обезличенной категории «народы Дагестана», и наряду с многочисленными аварцами на скрижалях статистики появились *андийцы, ахваццы, багулалы, бежтшицы* и др. Увы, ученые, политики, общественные деятели до сих пор спорят, кто скрывается под этими названиями — отдельные народы или те же аварцы. Одни высказывают аргументы, что собственные языки у данных групп совершенно разные. Другие заявляют, что по-аварски эти дагестанцы иногда говорят лучше, нежели на «домашних» языках, и при некоторых обстоятельствах называют себя аварцами. Так или иначе предоставим другим решать эту проблему. Переписная статистика в данном случае поступила мудро. «Спорные» группы дагестанцев были учтены дважды: один раз — в составе аварцев и второй — в составе десяти с лишним отдельных этнических наименований.

Избегая возможной этнической напряженности в вопросах доступа к власти, правительство Дагестана потребовало от Госкомстата РФ в итоговых материалах не только представить эти группы дагестанцев в качестве отдельных категорий, но и приплюсовать их к общей численности аварцев. Рабочая комиссия по подготовке результатов переписи к публикации приняла решение пойти навстречу этому требованию. Это вызвало сокращение названий в списке

национальностей первого уровня и увеличило количество названий в списке второго уровня. Хотя при этом общее число этнических категорий не сократилось и не уменьшилась подробность статистических данных, общественность и некоторые ученые отнеслись к этому как к «произвольному урегулированию реальной численности народов в угоду политикам...» По сходным причинам в переписи 2002 года отсутствуют статистически «независимые» категории «кряшены» и «сибирские татары», они указаны как подгруппы татар. Это тоже вызвало всплеск общественно-политических эмоций.

В тех случаях, когда заметного политического давления не было, новые этнические категории «появлялись» безболезненно. Речь идет, к примеру, о *бесермянах* численностью 3,2 тыс. человек. Против их «статистической независимости» не выступали власти Удмуртии. Этот фактор сказался и в отношении *кумандинцев, теленгитов, телеутов* и других, *учтенных независимо* от алтайцев. Переписью выделены отдельно от адыгейцев *шансуги*, от украинцев — *русины*, от тувинцев — *сойоты*.

Таким образом, целью и задачей государственной национальной политики в Российской Федерации является сохранение российского общества во всем многообразии культур и языков, создание условий для дальнейшего развития многокультурности. В просвещении, образовании и обеспечении гражданских прав заключаются основы подлинного самоопределения и свободного развития народов в Российской Федерации. Для достижения этих целей необходимо развитие и серьезное совершенствование законодательной базы, основанное на опыте и ответственности органов власти всех уровней. Государственная национальная политика в Российской Федерации строится в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и создает новые механизмы поддержки единства этнокультурного развития. Предстоящая Всероссийская перепись населения 2010 года поможет уточнить и решить эту задачу.

Д. В. Лобок¹

ГЛОБАЛЬНЫЙ РЫНОК ТРУДА И ПРОФСОЮЗЫ

Глобализация представляет собой объективный процесс в развитии человечества, воздействуя на диалог культур и партнерство цивилизаций. Она порождена характером производства, требующим интеграции национальных хозяйств в мировую экономику.

Суть современной глобализации состоит в том, что международными становятся не только обмен и торговля, но и само производство. Этот процесс координируется транснациональными корпорациями (ТНК) на межконтинентальном уровне посредством международной телекоммуникационной системы, которая передает огромное количество информации, управляет международными торговыми и финансо-

выми рынками, способствует организации производства в отдаленных друг от друга регионах.

Развитие ТНК влечет за собой глобализацию производственных связей, методов организации труда и сбыта готовой продукции, формирование унифицированной производственной культуры общества и соответствующей этой культуре этики и нормативов поведения людей, а также теории и практики управления трудовыми коллективами.

Однако глобализация трудовых отношений повлекла за собой ряд очень серьезных проблем. Транснациональные корпорации оказались не готовы к столкновению с культурными и национальными традициями вовлекаемых в процесс глобализации стран и регионов. Проводимая ими политика создания «корпоративной культуры» неизбежно входила

¹ Заведующий лабораторией по анализу и прогнозу профсоюзного движения СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент.

в противоречие с традициями и культурой трудовых отношений различных стран.

Преследуя цель извлечения прибыли, действуя в рамках жесткой конкуренции, ТНК либо полностью игнорировали сложившуюся в том или ином обществе культуру труда, либо пытались использовать существующие культурные традиции, включая их как составной элемент складывающейся корпоративной культуры.

Особенно ярко это проявилось в условиях России, где международные корпорации столкнулись с уникальными культурными и историческими традициями, базирующимися на принципиально других взаимоотношениях между работодателями и работниками. Смена собственников предприятий наложила на смену экономических формаций, при этом ревизии пришлось подвергнуть практически все: от практики соцсоревнования и досок почета до процедуры приема на работу.

Чтобы обеспечить конкурентоспособность своей компании на мировом рынке, руководство ТНК стремилось к минимизации внутренних затрат, снижая себестоимость производства за счет уменьшения зарплат и снижения уровня жизни рабочих, увеличения рабочего дня, отмены социальных льгот и гарантий. Исходя из условий глобального рынка, компании неизбежно встали перед необходимостью разрушения национального трудового законодательства, а также выработывавшихся веками социально-трудовых традиций. В России это выразилось не только в устранении из трудового законодательства понятия «трудо-вой коллектив», но и в попытках пересмотра роли и места профессионального движения в обществе.

Опираясь на идеологию современного неоглобализма, ТНК очень избирательно подходили к вопросам развития науки, образования и высоких технологий. Они не устанавливали обществу никаких разумных самоограничений материального и морального плана. Наоборот, сегодня поощряются самые низменные инстинкты человека, сознание которого фокусируется на удовлетворении чувственных потребностей «здесь и сейчас» в ущерб его духовному развитию и планам на будущее.

Данная практика не могла не вызвать протеста со стороны профсоюзов, представляющих наиболее высококвалифицированную и образованную часть общества, порождая социально трудовые конфликты и рост антиглобалистских выступлений.

Отстаивая социально-экономические права трудящихся в условиях глобализации труда, профсоюзы объективно выступали защитниками национальной культуры, защищая и гарантируя незабываемость, нерушимость нравственных, духовных оснований человеческой цивилизации и их реализацию на практике.

Свои требования национальные объединения профсоюзов адресовали к правительствам крупных национальных государств, где сильны традиционные духовные ценности, такие как патриотизм и служение своему народу, социальная ответственность, уважение к своей истории и культуре, любовь к родной земле.

Опыт развития таких стран, как Япония и Китай, убедительно свидетельствует о том, что формирование национального самосознания и единой нации является исключительно важным фактором

развития и эффективного использования человеческих ресурсов в современном технологическом обществе. Как отмечают многие исследователи, человеческий ресурс сегодня является основным компонентом национального богатства развитых стран и важнейшим фактором их дальнейшего социально-экономического развития. Способность народов осваивать новые технологии и достаточно быстро ассимилировать их в своей культуре рассматривается сегодня в качестве одного из важнейших показателей жизнеспособности нации в новом, стремительно изменяющемся мире. Поэтому и инвестиции в развитие человеческих ресурсов (в образование, науку, здравоохранение, развитие профессионализма и способностей к творческому труду, а также патриотизма и ответственности) в настоящее время являются наиболее эффективным вложением капитала.

Глобализация общества выдвигает на первый план еще одну новую глобальную проблему — проблему конкурентоспособности наций в области инновационной деятельности. В век информации и высоких технологий именно интеллектуальный капитал и способность наиболее эффективно его использовать могут обеспечить настоящий успех страны в условиях глобальной конкуренции.

Провозглашенный правительством России курс на модернизацию экономики дает российскому профсоюзному движению реальный шанс повернуть вектор глобализации в сторону ее нравственного (справедливого), гуманистического, культурного наполнения, и на этом пути они обретут много союзников, в том числе и в международном профсоюзном движении.

Важно отметить, что именно под давлением европейских профсоюзов, частью которых является российское профсоюзное движение, начался пересмотр проекта единой Европы. Старые европейские культуры оказались не готовы обменять свое национально-историческое своеобразие на ценности единого мирового порядка. Тем более не готовы к подобному обмену такие древние культуры, как, например, Китай, Индия, Япония или страны Латинской Америки.

Под воздействием международного профсоюзного движения начался пересмотр социально-экономической политики международных корпораций. Экономический кризис заставил мировое общество говорить о справедливой глобализации, основанной на идеологии достойного труда.

В своих программных документах глобальные профсоюзы призвали международные финансовые институты, ТНК и национальные правительства к проведению политики, способствующей повышению жизненного уровня трудящихся через надлежащую оплату труда и регулирование занятости, уважение к правам трудящихся и соответствующую социальную защиту.

Одной из главных и неотложных целей мирового сообщества должно стать создание достойных рабочих мест в соответствии со стратегиями, изложенными в Глобальном пакте о рабочих местах, принятом на Конференции Международной организации труда в 2009 году. Лишь реальный социальный диалог, осознанная социальная ответственность и эффективные

контрольные механизмы могут обеспечить достойный труд, устойчивое развитие общества.

Опыт последних десятилетий показал, что роль и значение глобальных профсоюзов как представи-

телей самой организованной части международного рабочего движения будет возрастать, что позволит им оказывать влияние на поиск альтернативных путей развития глобализации.

Б. И. Максимов¹

ИНОСТРАННЫЕ И СОВМЕСТНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В РОССИИ КАК АГЕНТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Предприятия с иностранным участием — расширяющаяся, перспективная сфера российского производства, занимает значительный сектор в российской экономике, являясь существенным фактором становления глобальной культуры. В начале XXI века число предприятий и организаций с участием иностранного капитала превысило 6 тыс., они давали до 15 % ВВП. В это число входят многие крупные, всемирно известные компании.

Появление таких компаний имеет разнообразные значения, от экономического, социокультурного и до морально-психологического. Это влияет на глобализацию трудовых отношений, актуализацию инновационных аспектов культуры. Предприятия с иностранным участием, особенно ТНК, можно рассматривать в качестве агентов глобализации трудовых отношений. При этом — можно сразу отметить — неоднозначных, противоречивых агентов.

ТНК привносят опыт построения культуры трудовых отношений не только одной (западной) страны, но и мировой. В этом их особая культурная и цивилизационная миссия. Предприятия ТНК разбросаны по всему свету, компании воольно или невольнo действуют применительно к условиям разных стран, аккумулируют опыт. Они применяют специальные методы трансляции опыта из одной страны в другую. Так, менеджеры компании в планомерном порядке, с определенным интервалом времени перемещаются из одной страны в другую; на российские предприятия прибывают специалисты, работавшие до этого в Индии, Австрии, Франции и других странах.

ТНК нередко изображают в виде спрута, вытягивающего кровь из тела российской экономики. Однако в первую очередь стоит отметить положительное влияние зарубежных компаний. Они вкладывают значительные средства в модернизацию российских предприятий, при этом не только технико-технологической базы, но и в плане социальной инфраструктуры. Так, на «Северном сиянии» иностранцы начали с улучшения условий труда, реконструкции бытовых помещений; особое внимание было уделено развитию медицинского обслуживания работников.

В области социально-трудовых отношений главным принципом в деятельности компании провоз-

глашается внимание к человеческому капиталу. При подготовке кадров, в использовании рабочей силы приоритетное значение придается человеческой составляющей, квалификации, ответственности, добросовестности работников, их отношению к труду, предприятию. За счет этого, только организационного и человеческого фактора, осознания людьми роли и результатов своего труда, удалось за один год повысить производительность труда на «Северном сиянии» до 35 %.

Одно из проявлений приоритетности «человеческого капитала» — повышение статуса служб, занимающихся построением (формированием) социально-трудовых отношений, в том числе кадровой службы, всей работы с «человеческим капиталом». На петербургском предприятии «Северное сияние» отдел по работе с персоналом из третьестепенного подразделения по оформлению приема, учета, увольнения кадров вышел в число наиболее важных служб наряду с финансовыми, маркетинга и продаж. Вообще квалифицированные, воспитанные в духе компании работники, рассматриваются как главное достояние предприятия. Реальные средства (и усилия), затрачиваемые на человеческий ресурс, намного превосходят существовавшие прежде. При этом технологии работы с людьми поднимаются на современный уровень.

В работе с кадрами имеется определенная стратегия, основные принципы которой привнесены ТНК, иногда просто актуализированы существовавшие российские. Это тщательный подбор кадров, предъявление высоких требований поступающим, выбор лучших; применение испытательного срока при приеме, что позволяет исправить ошибки подбора; использование системы тренингов — постоянного, систематического, разностороннего обучения и повышения квалификации кадров, при этом не только с целью совершенствования профессиональной подготовки, но и предоставления возможностей раскрытия способностей человека; привлечение иностранных специалистов для обучения западным методам бизнеса и воспитания в духе ТНК; воспитание «духа команды» (коллективизма, по-русски), патриотизма по отношению к компании; смягчение острых вопросов, например сокращения численности; доминирование поощрений, но не наказаний, опора на доверие при поддержании порядка.

Существенные изменения произошли в оплате труда, как в порядке начисления, так и в размере заработной платы. Компания предложила свою си-

¹ Ведущий научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург), кандидат философских наук. Автор книг: «Рабочие в реформируемой России: 1990 — начало 2000-х годов», «Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию», «Петербургская социология сегодня: сборник научных трудов» и др.

стему оплаты труда, имеющую транснациональный характер. В соответствии с мировым опытом была установлена полностью повременная оплата труда, переменная часть заработной платы отменена, усилена дифференциация заработков. При установлении оклада отдельному работнику учитывается большее количество критериев, в том числе социальных. Сохранены, в порядке сочетания с условиями страны, некоторые российские элементы, например, различные доплаты, отдельные виды премирования.

В методах поддержания режима и дисциплины труда принципами являются опора на доверие, сознательность, доминирование поощрений над наказаниями, игнорирование мелких нарушений. В плане условий, гигиены, охраны труда осуществляется ориентация на высшие нормы и стандарты, приоритетное улучшение базовых условий труда, осуществление систематического контроля за состоянием условий труда; не только на охрану труда в производственной среде, но и сохранение здоровья в целом, вложение больших средств на развитие медицинского обслуживания.

Важным положительным моментом является сохранение профсоюзной организации; при этом она выступает представителем (и защитником) фактически российской части персонала в противостоянии зарубежному владельцу-работодателю. Работники используют профсоюз в основном посредством индивидуальных обращений в него. Здесь профсоюз пользуется большим доверием, выглядит более привлекательным, чем на чисто российских предприятиях. В сфере профсоюзных объединений опыт рассматриваемой ТНК перекликается с опытом, например, входящего в ТНК ОАО «Лукойл».

Вместе с тем, как отмечалось, роль иностранных (транснациональных) компаний противоречива. Среди отрицательных черт их деятельности как агентов глобализации трудовых отношений можно отметить: невыполнение (нарушение) первоначальных обещаний (договоренностей, соглашений); сворачивание или вытеснение производства российской продукции; фактическое репрофилирование предприятия; сокращение численности российского персонала; чрезмерная дифференциация в оплате труда, положении работников в целом; фактическое выключение их из участия в управлении; встречающийся рост скрытой психологической, социальной напряженности; обострение противостояния иностранной администрации и российских профсоюзов; несовместимость психологических стереотипов российских и иностранных работников; и некоторые другие.

По соглашению о вхождении в ТНК предприятия «Северное сияние», головной офис компании

«Юнилевер» брал обязательства не репрофилировать производство, не сокращать работников в течение нескольких лет. Однако, несмотря на провозглашенную фирменной идеологией миссию («удовлетворять каждодневные потребности людей во всем мире, следовать высочайшим стандартам поведения по отношению к клиентам, своим сотрудникам, обществу и всему миру, способствовать развитию личной инициативы, тому, чтобы сотрудники получали удовлетворение от своей работы и гордились достижениями компании, служили примером во всем» и т. д.), уже через год начались сокращения кадров, сначала незначительные, затем массовые (почти наполовину состава); производство традиционной российской продукции вытеснялось «подработкой» привезенных из-за рубежа изделий («зачем выпускать в России товары, которые в западных странах производятся с более высоким качеством?!»); приобретенное российское предприятие ТНК все в большей степени использовала как перевалочную базу для создания фактически не производственных, а торговых филиалов по всей России и в странах СНГ.

Когда российский профсоюз начал проявлять некоторую несговорчивость, стал обсуждаться проект организации взаимоотношений между наемными работниками и работодателем без посредников. Администрация выдвинула тезис, что она предпочитает иметь дело непосредственно, напрямую с работниками, разрешать конкретные проблемы конкретных людей; в этой системе профсоюзная организация оказывается излишней и даже искажающей, деформирующей трудовые отношения. До разгона профсоюза дело не дошло, но ему все же было указано место (в лучшем случае — вспомогательное). Можно отметить, что иностранцы учили, использовали в свою пользу произошедшие изменения в российском трудовом законодательстве.

Таким образом, частный пример деятельности ТНК на предприятии «Северное сияние» показывает, что международные корпорации стремятся использовать культурные и национальные традиции каждого государства для извлечения прибыли и сохранения устойчивого состояния своих предприятий. В то же время жесткая международная конкуренция приводит к необходимости разработки и проведения в жизнь «корпоративной культуры», которая входит в противоречие с традиционной национальной культурой трудовых отношений. При этом временная опора на культурные традиции трудовых отношений используется только как средство для постепенного перехода работников к новым условиям труда, устанавливаемым транснациональными корпорациями.

В. Д. Рожков¹

РЫНОК ТРУДА. ВОПРОСЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ К КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Влияние глобализации на российский рынок труда проявляется, продолжающимся вымыванием наиболее квалифицированных ученых, специалистов и талантливой творчески одаренной части населения. Анализируя предпосылки данного процесса можно с уверенностью предположить его дальнейшее устойчивое развитие. Данному воздействию подвержен не только российский рынок труда, но и рынки труда государств центральной Европы и стран входивших в состав бывшего СССР. Рынок труда каждого отдельно взятого государства имеет свой миграционный потенциал определяющий масштабы и направления движения потоков в его различных сегментах. Немаловажным аспектом в действии механизмов регулирования международного и национальных рынков труда является его влияние на национальную культуру вплоть до изменений на генетическом уровне. Российский рынок труда восполняет образовавшийся дефицит по массовым рабочим специальностям в основном в строительном секторе за счет притока из Таджикистана, Узбекистана и других стран СНГ. Таким образом, сегодняшний рынок труда Российской Федерации подвержен влиянию как внутренних, так и внешних факторов. К внутренним факторам относятся демографические колебания, доступность и качество услуг здравоохранения и образования, информационное пространство, формирующее мотивационные представления о занятости, регуляторы уровня доходов населения, адекватность трудового и пенсионного законодательств, структуры и функций органов содействия занятости и контроля трудовых отношений, миграционная и экономическая политика правительства. К внешним можно отнести степень интеграции российской экономики в мировые процессы и миграционную политику стран с высоким уровнем экономического развития.

Безусловно, перечисленные выше факторы имеют неодинаковую степень воздействия на состояние рынка труда, под которым понимается соотношение спроса и предложения трудовых ресурсов в количественных и качественных аспектах. В то же время занятость населения — более емкое понятие, охватывающее совокупность общественных отношений, складывающихся по поводу участия индивида в общественно полезном труде и потреблении части производимого совокупного продукта. В проблеме занятости можно выделить и культурологические аспекты: отношение к труду, ценности трудовой деятельности, стереотипы поведения и формы самовыражения человека в труде, культурно обусловленные стандарты потребления, культурная идентичность и пр. Возникает вопрос: какие факторы необходимо задействовать с целью успешной реализации программы антикризисных мер российского правительства?

Исходя из понимания особенностей воздействия глобального экономического кризиса на российскую экономику, основных проблем докризисного развития и намеченных приоритетов деятельности, можно сделать вывод о том, что вхождение в стадию посткризисного восстановления и последующего поступательного продвижения по пути модернизации страны на основе инноватики возможно только при условии адекватного предложения на внутреннем рынке труда. Правительство видит главной задачей смену сложившейся модели экономического роста — модернизацию не только технологической, но также государственной и финансовой сферы. А это означает, что новые компетенции потребуются практически во всех отраслях.

Выполнение такой крупномасштабной задачи по формированию требуемых компетенций, отраслевому и территориальному перераспределению трудовых ресурсов невозможно без значительной реорганизации системы образования, структуры и функций государственных органов занятости населения. Эти действия можно рассматривать как практические шаги по реализации важнейших направлений модернизационной политики Правительства на ближайшие годы в части «проведения институциональных реформ, обеспечивающих устойчивое и динамическое развитие человеческого капитала. Именно инвестиции в человека являются приоритетом государственной политики и приоритетом расходов государственного бюджета: повышение эффективности систем образования, здравоохранения...»

Здесь возникает существенная проблема, далеко выходящая за пределы экономики. Очевидно, что модернизация и инновационное развитие невозможно осуществить в условиях, когда ценность труда определяется почти исключительно через финансовый результат, отсутствуют нравственные приоритеты труда. Сложившиеся в нашей стране ценностные установки предполагают возможность коррупции, массовых хищений и стремление жить «одним днем». Ярким примером этого являются техногенные катастрофы, аварии, трудовая недисциплинированность и пр. К сожалению, в условиях глобализации граждане России оказываются беззащитными перед и воздействием средств массовой информации и рекламы, пропагандирующих, прежде всего, ценности консьюмеризма и, зачастую, получения дохода любой ценой, даже путями, не предполагающими собственных трудовых усилий, трудовой мотивации и повышения образовательного уровня. Этот аспект модернизации экономики совершенно недостаточно учитывается современной системой профессионального образования и государственных органов регулирования рынка труда.

В этой связи необходимо пересмотреть целевые установки действий на рынке труда. Сегодня они предполагают поддержание доходов безработных и

¹ Ректор НОУ Института дополнительного профессионального образования «АТОМПРОФ», доктор экономических наук.

обеспечение временной занятости (как правило, на общественных работах). Это никак не способствует сохранению и развитию трудового потенциала страны, а скорее поддерживает ценности социального иждивенчества и стимулирует апатию в отношении профессионального развития. Необходимо понимать, что ценности и цели труда характерные для «общества всеобщего благосостояния» уходят в прошлое, не только в нашей стране, но и в развитых западных странах. В этой связи, чем быстрее будет осуществляться перестройка культурологических составляющих рынка труда, тем более эффективной и быстрой будет модернизация российской экономики, а также не только техническое и финансовое, но и социально-культурное включение в общий глобализационный контекст.

В условиях реализации антикризисных мер необходимо пересмотреть целевые установки в деятельности государственной службы занятости населения они должны быть связаны с задачей сохранения и формированием трудового потенциала способного удовлетворить потребность в кадрах предприятий определяющих точки экономического роста.

Экономический рост, следующий за кризисным состоянием, возможен только на основе прогрессивных технических технологических и организационных решений а это, в свою очередь, обуславливает соответствующие требования к наличию адекватных профессиональных компетенций. В решении этой задачи определенную и существенную роль может сыграть государственная служба занятости. Для этого необходимо внести изменения в технологию ее работы.

А. Ю. Шевяков¹

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Острые социально-экономические диспропорции, негативные демографические процессы (смертность, почти двукратно превышающая рождаемость и более чем двукратно превышающая смертность в развитых странах), низкая продолжительность жизни, депопуляция и продолжающийся снижаться средний уровень человеческого и социального капитала сегодня представляют серьезную угрозу социально-политической, экономической и демографической ситуации в стране, особенно в условиях развивающегося кризиса.

В основе сложившейся ситуации лежит несколько фундаментальных причин, которые не осознаются или не принимаются во внимание правительством при осуществлении социальной политики. И прежде всего это связано с тем, что в основе социальной политики в РФ лежат ложные парадигмы и мифы.

Сегодня у нас господствует либеральная точка зрения, согласно которой рыночные механизмы для социальной сферы являются, так же как и в экономике, наиболее эффективными. Во все предыдущие годы реформ государственная социальная политика была направлена на уход государства из социальной сферы и насаждения в ней рыночных отношений.

Принципиальное отличие государства от рыночной корпорации состоит в том, что цели и задачи государства значительно шире чисто экономических. Государство выстраивает социальный порядок, соз-

давая и поддерживая институты, регулирующие социальную конкуренцию и социальный отбор. Государство управляет социальной стратификацией, создавая или поддерживая статусные приоритеты, необходимые в интересах *долговременного* развития общества. Иными словами, оно призвано совершенствовать институциональную и социальную структуру общества согласно критериям, основанным на ценностях, выработанных человечеством в историческом процессе отбора идей путем многочисленных проб и ошибок, — ценностях, которые, ограничивая текущие предпочтения, позволяют минимизировать ошибки по отношению к будущему. Государство призвано это делать, но не делает: в фазе «турбулентных» политических и социально-экономических преобразований, направленных на «модернизацию» институтов путем имитации системы, сложившейся в более преуспевающих странах, как это произошло в России. «Экономическая стабилизация» после предшествующих шоков была определенным достижением. Но в России давно назрела необходимость реформ, основанных на рациональном предвидении и на интенсивном использовании своего интеллектуального потенциала, а не на имитации институциональных «рутин», которые в развитых странах отнюдь не играют такой роли, какая им вменяется в произведенных и в планируемых ныне российских реформах.

Рынок является одним из системообразующих институтов, но отнюдь не единственным и, наверное, не самым главным. Системообразующая роль управления, науки, образования, культуры и искусства, здравоохранения и социального обеспечения является не меньшей, причем более неотъемлемой для общества, чем роль рынка. Эти сферы представляют собой самоорганизующиеся институты, со своей внутренней институциональной мотивацией продуктивного поведения, которая принципиально отличается от рыночной мотивации и разрушается, когда вмешательство рынка в эти сферы становится чрезмерным. Заработки в перечисленных

¹ Директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 170 научных работ, в т. ч. более 10 монографий: «Неравенство, экономический рост и демография», «Неравенство как ключевой фактор социально-экономической динамики», «Статистика семьи и пути ее совершенствования» и др. Член экспертного совета Высшей аттестационной комиссии РФ, научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ, член Консультативного совета по реализации демографической политики при Комитете Государственной Думы РФ. Член редакционных советов журналов «Народонаселение», «Вопросы статистики» (Росстат).

отраслях экономики, как и в управлении рыночными фирмами и корпорациями, определяются не рынком, а системой институциональных факторов, точнее — соответствием, которое институциональная система устанавливает между социально-профессиональными статусами и распределением доходов. Здесь имеет место обратная по отношению к рыночной зависимость зарплаток от социальных статусов: размер зарплаты работника определяется тем, какой статус ему приписывает институциональная система, то есть тем, какое положение по своему статусу он должен занимать в совокупном распределении доходов.

Как следствие, «упование на рынок» привело к тому, что образование, здравоохранение, культура и искусство имеют *самые низкие статусы в общей системе оплаты труда*.

И несмотря на определенные усилия правительства по увеличению оплаты труда в бюджетной сфере, ее уровень еще далек от реальной значимости и важности для государства труда работников этих сфер.

Непонимание прямых и обратных связей между социальными и экономическими факторами, в том числе между неравенством и экономическим ростом, приводит к тому, что финансирование социальной политики все еще продолжает *строиться по «остаточному» принципу*. Успешность решения социальных проблем и финансирование социальной сферы идут от достигнутого уровня, а не от реальной потребности для решения имеющихся здесь проблем¹. Все проблемы социальной сферы лежат в ресурсной плоскости, и адресное ресурсное вливание рассматривается как основной метод эффективного решения социальных проблем.

Такой подход в условиях сравнительно высоких темпов экономического роста и благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры позволял правительству увеличивать бюджетные расходы, в том числе на пенсии, пособия, МРОТ, зарплаты в бюджетной сфере и тому подобное, и тем самым создавать иллюзию эффективной социальной политики.

Однако анализ эффектов таких мероприятий, несмотря на их необходимость и важность, показывает их низкую эффективность на снижение бедности — только 15–20 % выделяемых для этих целей ресурсов попадают бедным домохозяйствам.

Вместе с тем условия и предпосылки развития человеческого потенциала определяются распреде-

лением ресурсов между людьми, и от характера этого распределения развитие зависит не меньше, а даже больше, чем от количества самих ресурсов.

Анализ этого распределения показывает, что существующие сегодня механизмы формирования и перераспределения доходов населения настроены и работают в пользу богатых. Большая доля совокупного роста доходов уходит на рост доходов наиболее обеспеченных слоев населения, а на повышение доходов наименее обеспеченных остается малая доля, что позволяет высокодоходным группам населения перетягивать на себя большую часть преимуществ от экономического роста.

Исследования, проведенные в ИСЭПН РАН в последние годы, вскрыли новые, неизвестные до настоящего времени закономерности существенного влияния показателей неравенства на экономический рост, демографическую динамику и сохранение человеческого капитала.

Выявленные статистические зависимости позволяют говорить об исключительной значимости фактора неравенства в российских условиях: при оптимальном перераспределении доходов, снижающем величину коэффициента дифференциации до 7–10, рост ВВП в период 2000–2007 годов мог бы быть выше фактического на 30–50 %, а при годовом росте реальных доходов на 10 %, в принципе, можно было бы выйти на положительный естественный прирост населения в размере 3,3 промилле. Именно при таких параметрах распределения большая часть населения сможет реализовывать свои чаяния в экономическом и репродуктивном поведении, сохранении своего здоровья, наращивании человеческого потенциала и т. п. Такое распределение можно было бы считать общественно справедливым.

Таким образом, *на сегодняшний день основная проблема неравенства и бедности населения лежит не в плоскости недостатка ресурсов, а в механизмах их распределения и перераспределения*.

Именно поэтому перенос фокуса социальной политики на реформу распределительных отношений может не только скомпенсировать отрицательные последствия сегодняшнего кризиса, но и вывести социальную политику на траекторию *общественно справедливой* и соответствующей нормам современного социального государства.

¹ Это хорошо видно на примере уровня детских пособий, которые покрывают всего несколько процентов дефицита доходов в бедных семьях, или материнского капитала, уровень которого не сопоставим с ценами на жилье или образование.

Секция 4

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

14 мая 2010 г., СПбГУП

Руководители секции:

- А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ директор Института государства и права РАН, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор
- В. Е. ЧУРОВ председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП
- Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО академик Национальной академии наук Украины, иностранный член РАН, директор Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, доктор юридических наук, профессор

Г. Г. Бернацкий¹

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Важнейшим элементом культуры является идеология. Под идеологией обычно понимается система экономических, политических, социальных, правовых, нравственных, религиозных знаний, регулятивов и ценностей, выражающая наиболее общие интересы определенных социальных групп, классов, наций.

Статья 13 Конституции Российской Федерации устанавливает в качестве одной из основ конституционного строя нашей страны принцип идеологического многообразия: «1) В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2) Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Данная статья требует обстоятельного и всестороннего толкования. Если придавать ей примитивно буквальное толкование, то можно прийти к мысли о том, что Конституция призывает к полной деидеологизации государства, что было бы крайне опасно.

Вместе с тем в самых авторитетных Комментариях к Конституции РФ мы встречаем утверждения о том, что государство не должно руководствоваться какой-либо идеологией, быть деидеологизированным, стоять выше какой-либо идеологии. Так, Б. С. Эбзеев пишет, что признание идеологического многообразия «означает существенное сужение пределов государственной власти, поскольку из-под контроля государства выводится сфера идеологии»². И далее Б. С. Эбзеев продолжает: «Отсюда проистекает за-

прет для государства, его органов и должностных лиц в своей официальной деятельности по осуществлению государственно-властных функций и полномочий руководствоваться не Конституцией, законом, иными нормативными актами, а той или иной идеологией, включая идеологию либерализма, социал-демократизма, марксизма-ленинизма и пр. В этом отношении государство «выше идеологии»³.

В этом высказывании мы видим смешение сразу нескольких понятий. Во-первых, невозможно существование деидеологизированного государства. Известно, что поборником теории деидеологизации стал американский социолог Д. Белл, сформулировавший эту концепцию в начале 1960-х годов совместно с Р. Ароном, Э. Шилсом и др. В его книге «Конец идеологии» («The End of Ideology», 1960) друг другу противопоставляются наука и идеология и указывается на «истощение» левых идей. Однако впоследствии под влиянием движения новых левых Д. Белл вынужден был признать, что его представления о «конце идеологии» не оправдались. Итак, деидеологизированного государства не существует.

Во-вторых, в обществе и государстве действует определенная, общепризнанная, можно сказать, господствующая идеология, которая в современном мире обычно выражается в Конституции страны. В философии, социологии, юриспруденции показывается, что народ объединяется в единое общество и государство на основе не только общей хозяйственной деятельности, по марксизму, но и общей культуры, языка, системы ценностей, идеологии. Духовное единство скрепляет народ в единое государство даже в условиях хозяйственной раздробленности,

¹ Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

² Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М., 2009. С. 145.

³ Комментарий к Конституции Российской Федерации.

экономических кризисов, военных потрясений. В теории государства и права общепризнано, что «без политико-правовой идеологии немыслимо современное цивилизованное общество. Примерами высокоидеологичных документов могут служить Конституция США, Конституция ФРГ, французская Декларация прав человека и гражданина 1789 года, которые выступают идеологическим фундаментом демократий и правовых систем западных стран»¹. Можно провести аналогию. Так же, как в нормальный период развития науки в научном познании господствует определенная научная парадигма, охватывающая различные научные теории, так и в нормальный период развития государства в нем доминирует политико-правовая идеология, выраженная в основных политико-правовых документах государства и охватывающая различные (но не противоречащие) политико-правовые течения.

Действительный выбор государства и его народа заключается не в том, жить с идеологией или без нее, потому что какая-то господствующая идеология будет наличествовать в любом случае, а в том, какая идеология наиболее адекватна данному народу и государству, его сущности, духу, перспективам развития.

В-третьих, современные политико-правовые системы разнообразны. В одних государствах провозглашается принцип идеологического монизма: утверждение господства одной идеологии и запрещение распространения иных. Например, Китай строит свое государство на марксистско-ленинской идеологии. Статья 24 Конституции Китайской Народной Республики провозглашает: «Государство выступает за общественную мораль, для которой характерна любовь к Родине, народу, труду, науке, социализму, проводит воспитание народа в духе патриотизма, коллективизма и интернационализма, коммунизма, воспитание на основе диалектического и исторического материализма, ведет борьбу против буржуазной, феодальной и прочей тлетворной идеологии». В Исламской Республике Иран утверждается ислам в качестве господствующей идеологии в стране. Статья 2 Конституции Ирана начинается словами: «Исламская республика — это система правления, основанная на вере в: 1) единого Бога (Ла иллахи илла-Ллах!), в то, что Он устанавливает законы шариата и что человек должен покоряться его воле...» Статья 175 подчеркивает: «На телевидении и радио Исламской Республики Иран обеспечивается свобода слова и распространения мыслей и идей при условии соблюдения исламских норм и с учетом интересов страны».

В других государствах, обычно в современных демократических странах, устанавливается принцип идеологического плюрализма: допущение распространения различных идеологий, не противоречащих господствующей идеологии, выраженной в Конституции государства.

Разъясняя данный принцип, В. А. Кикоть справедливо пишет: «Многообразие в сфере идеологии означает право каждого человека, группы людей, их

¹ Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997. С. 561.

объединений: свободно развивать свои воззрения и научные теории идеологического характера, распространять и защищать их с помощью всех существующих технических средств; активно работать также над практическим осуществлением своих идей путем разработки программных документов, законопроектов, представление их на рассмотрение общественных и государственных органов, участие в поддержке и реализации уже принятых этими органами предложений и т. д.»²

В-четвертых, идеологический плюрализм действует для отдельных граждан, групп людей, политических объединений, но не для государства. Для государства продолжает действовать идеологический монизм: проведение в жизнь и защита господствующей идеологии, выражающей и закрепляющей конституционный строй государства. Само государство должно находиться не выше «идеологической борьбы», как указывает Б. С. Эбзеев, а в центре борьбы по защите основ конституционного строя от непрекращающихся попыток его идеологического разложения. В ч. 5 ст. 13 Конституции РФ предписывается: «Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни».

Демократический конституционный строй должен иметь активные средства защиты от нападения слева и справа, иначе он неминуемо будет разрушен. Об этом свидетельствует опыт, например, Веймарской республики. В тот период в Германии действовала демократическая Веймарская Конституция 1919 года. Однако государство не смогло положить конец проискам экстремистских национал-социалистических сил, а Конституция не содержала механизмов защиты демократии. Путь к власти нацистов начинался с беспрепятственного распространения фашистской идеологии, противоречащей основам Веймарской Конституции 1919 года.

В ныне действующем Основном законе ФРГ 1949 года такие механизмы содержатся. Конституция ФРГ, во-первых, предписывает государству защищать демократический строй от индивидуальной антиконституционной деятельности. Статья 18 Основного закона ФРГ гласит: «Каждый, кто использует свободу выражения мнений, в частности свободу печати, свободу преподавания, свободу собраний, свободу объединений, тайну переписки, почтовых, телеграфных и телефонных сообщений, право собственности или право убежища для борьбы против основ свободного демократического строя, утрачивает эти основные права. Утрата прав и ее пределы определяются решением Федерального конституционного суда».

Во-вторых, Конституция ФРГ защищает от опасности организованной, партийной борьбы против государственного строя. Статья 9 Основного закона устанавливает, что систематическая деятельность политической партии или организации, враждебная

² Комментарий к Конституции РФ. С. 83.

Конституции, может вести к запрету организации или партии. Д. Штернбергер, немецкий философ и идеолог защиты конституционного строя Германии в послевоенный период, выдвинул лозунг, часто повторяемый немцами: «Никакой свободы врагам свободы».

Существует и международно-правовой опыт запрещения опасной идеологической пропаганды и агитации. Например, ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года утверждает: «1) Всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом. 2) Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом». Отметим, что защиту против враждебной идеологии должны обеспечивать закон и государство.

Итак, государство стоит на защите конституционного строя, выраженного в политико-правовой идеологии общества и закрепленного в Основном законе — Конституции страны. В этом смысле политико-правовая идеология как политико-правовая парадигма является обязательной и государственной для всех граждан и организаций государства. Основной закон ФРГ (ст. 5) выразил эту

мысль в точной, лапидарной фразе: «Свобода преподавания не освобождает от верности Конституции».

Вместе с тем демократический конституционный строй ни в коем случае не посягает на свободу мысли человека. Наказуемы могут быть только действия, прямо запрещенные законом. Однако убеждения граждан свободны. Никто не может быть подвергнут каким бы то ни было преследованиям, ограничениям прав за свои убеждения. Согласно ст. 29 Конституции РФ никто не может быть принужден к выражению своих взглядов или убеждений или отказу от них.

Неизбежно могут возникать противоречия между индивидуальными взглядами личности и господствующей идеологией государства. Понятно, что историческая правда может быть и на стороне государства, и на стороне личности. Проблема исторической смены господствующей идеологии или политико-правовой парадигмы государства выходит за пределы данной статьи. Отметим лишь, что поиск новых идеологических теорий возможен в XXI веке в рамках научных исследований и научных диспутов, на основе отрицания обществом экстремистских идей и аккумуляции плодотворных теорий, в пределах мирного развития идеологического процесса.

С. А. Боголюбов¹

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ИДЕИ И ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

В области охраны окружающей среды, может быть как ни в какой другой, ощущается значение культуры, правосознания граждан и должностных лиц, субъективного отношения к природным ресурсам и природопользованию, роль воспитательного процесса. Законодатель поместил в головной нормативный акт экологического права — Федеральный закон РФ «Об охране окружающей среды» № 7 от 10 января 2002 года главу XIII «Основы формирования экологической культуры», включив ее тем самым в систему и институты экологического права.

Нельзя допустить превращения этого провозглашенного феномена в лозунг. Необходимо уберечь экологическое право от напрасной декларативности, предложить план конкретных организационно-правовых действий, имея в виду сложность, нестандартность, долговременность решения выдвинутой задачи, занимающей свою нишу в сохранении и развитии современной цивилизации, становлении глобальной культуры.

¹ Заведующий отделом аграрного, экологического и природоресурсного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Земельное право России», «Водное законодательство в вопросах и ответах», «Земельное право», «Правоведение», «Комментарий к земельному законодательству Российской Федерации», «Экологическое право», «Экология: юридический энциклопедический словарь» и др. Заместитель главного редактора «Журнала российского права».

Учитывая место права в формировании экологической культуры, полезно рассмотреть актуальные правовые проблемы обеспечения посредством права формирования основ экологической культуры, предложения о ее стимулировании, высказанные в середине XX века, некоторую оценку достигнутого состояния и нерешенных на сегодняшний день вопросов.

Правовые положения об экологической культуре формулировались на протяжении полувека на крупных межгосударственных и национальных форумах, многие из них оправдали себя на практике. На первой Всемирной межправительственной конференции по вопросам образования в области окружающей среды, организованной ЮНЕСКО и ЮНЕП в г. Тбилиси в 1977 году, были заложены основы формирования экологической культуры и развития экологического образования в мире, определены первостепенное значение этой деятельности среди множества других забот по охране природы, подходы для успешного изменения мировоззрения населения по нетрадиционным на тот момент аспектам жизнедеятельности.

Среди принципов, получивших впоследствии отражение и развитие в праве, социальной практике, были:

— рассмотрение природной среды в ее единстве — природном, преобразованном трудом человека, технологическом, социальном (экономика, политика, история, культура, мораль, этика);

— междисциплинарный характер, накладывающийся на специфическое содержание каждого предмета, но с целостной перспективой и ориентацией на всеобщее равновесие;

— изучение проблем окружающей среды под углом зрения локальным и национальным, региональным и международным;

— сосредоточение на текущих и злободневных ситуациях с неременной оценкой их в исторической перспективе;

— стремление помочь социальным группам и личностям приобрести необходимые ценностные установки по отношению к окружающей среде, а также мотивации к активному участию в улучшении и защите окружающей среды¹.

В Тбилисской декларации 1977 года говорилось, что образование, опирающееся на достижения науки и технологии, должно играть ведущую роль в обеспечении озабоченности и лучшего понимания проблем окружающей среды, способствовать накоплению положительных сдвигов в отношении к окружающей среде и использованию народами собственных природных ресурсов.

Прошедшие десятилетия были периодом преломления этих задумок и пожеланий (впоследствии они стали именоваться «мягким правом»), адаптации их к практической деятельности, превращения в реальные, действующие законодательные предписания, а главное — в надлежащее правоприменение.

Из декларации следовало, что экологическая культура исходит из следующих положений:

— во всех возрастах и на всех уровнях, как в формальных, так и неформальных сферах;

— каждый готовится к тому, чтобы жить с пониманием главных проблем меняющегося мира, и снабжается навыками и приемами, необходимыми для плодотворного участия в улучшении жизни и окружающей среды со всей ответственностью, диктуемой этическими нормами;

— важно способствовать воспитанию представлений о тесной взаимосвязи мира природы и мира, созданного трудом человека, помогать осознанию того, к каким последствиям завтра приведут конкретные поступки сегодня, демонстрировать зависимость народов друг от друга и необходимость объединения усилий всего человечества;

— надо быть нацеленным на внешнюю общественную активность, направлять каждого на деятельное участие в разрешении специфических конкретных проблем, на включение в осмысленную деятельность по построению лучшего будущего;

— сложность проблем окружающей среды связана с необходимостью развития критического мышления.

Эти первые международные несколько идеалистические призывы были положены в основу последующих решений и действий в области формирования экологической культуры. Что-то из изложенного приобрело конкретные правовые формы и стало

регулятором поведения, иные предложения оказались недостаточно востребованными, а главное — не поддающимися нормативному управлению. Однако их значение для последующего отражения в нормативных правовых актах и развития экологического права не уменьшается и может продолжать служить ориентиром правовых основ формирования экологической культуры.

Вторая Научно-практическая конференция по экологическому образованию прошла в г. Минске Белорусской ССР в 1981 году, третья через 5 лет — в г. Иваново. На этих конференциях в наших выступлениях (к сожалению, единственных, посвященных правовому стимулированию воспитания экологической культуры) отмечалась необходимость совмещения знаний, убежденности и природоохранной деятельности лиц, принимающих экологически значимые решения, отражения этих гуманитарных задач в законодательстве, в практике его применения. На всех последующих конференциях, посвященных охране окружающей среды и рациональному природопользованию, всегда уделялось большое внимание структурным элементам экологической культуры, осознанной деятельности в защиту природы.

Форсирование экологической культуры, как и всей единой государственной экологической политики, частью которой оно является, осуществляется в русле общепризнанных принципов и норм международного права, в порядке реализации международного сотрудничества как принципа охраны окружающей среды. 2005–2014 годы провозглашены Десятилетием образования в интересах устойчивого развития ООН.

Согласно ст. 29 Конвенции о правах ребенка (1989) образование должно быть направлено: на развитие личности, талантов и умственных и физических способностей ребенка в их самом полном объеме; воспитание уважения к правам человека и основным свободам; «воспитание уважения к родителям ребенка, его культурной самобытности, языку и ценностям, к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает, страны его происхождения и к цивилизациям, отличным от его собственной», а также «воспитание уважения к окружающей природе»².

Формирование экологической культуры рассчитано на многие десятилетия (если не столетия). Работа в этом направлении не может дать быстрых ощутимых результатов, но в конечном счете именно она призвана сплотить народы на экологических приоритетах и дать тот решающий сдвиг в мышлении, который обеспечит надлежащее отношение граждан к экологии.

На значении, порядке формирования, характере и содержании экологической культуры фокусируются все отрасли экологии и усилия их представителей — биологов, географов, почвоведов, ботаников, зоологов, растениеводов, животноводов, социологов, философов и др. К сожалению, совместные

¹ Проблемы образования в области окружающей среды: материалы Межправительственной конференции по образованию в области окружающей среды, 14–26 октября 1977 г., Тбилиси. М.: ГКНТ СССР, 1979.

² Конвенция о правах ребенка. Резолюция № 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г.: вступила в силу 2 сентября 1989 г. // Международные акты о правах человека: сб. док. М., 2000. С. 315–316.

встречи, дискуссии и симпозиумы свидетельствуют о разобщенности и крайне низкой правовой культуре большинства экологов, не осознающих возможности, роль права в жизни общества и решении экологических проблем. Большинство юристов также не владеют глубокими экологическими знаниями и призваны лишь оформлять правовое поле для современных природоохранных общественных потребностей. Отражение основ формирования экологической культуры в законодательстве означает и предполагает упорядочивание долговременного процесса формирования экологической культуры, который не может не интересовать юристов и юриспруденцию, демонстрируя достоинства и недостатки различных сторон и способов этого регулирования, исходя из профессионального понимания правотворчества и его влияния на социальную практику.

Коллегия Минприроды России в 1992 году одобрила «Стратегию развития экологического образования в Российской Федерации», где экологическая культура определена как совокупность опыта взаимодействия людей с природной средой, выраженная в виде теоретических знаний, нравственных норм, ценностей и культурных традиций, обеспечивающая формирование экологического сознания, способы практического взаимодействия с этой средой.

В 2000 году депутатами был разработан и внесен в Государственную Думу РФ законопроект «Об экологической культуре», в котором были сформулированы некоторые понятия, отличающиеся особенностями по сравнению с терминами Закона РФ от 10 июля 1992 года № 3266-1 «Об образовании». Однако из-за его излишней декларативности, отсутствия четких специфических требований и их размытости он не был одобрен Президентом РФ. Некоторые положения законопроекта были учтены при доработке Закона РФ «Об образовании» № 3266-1 от 10 июля 1992 года.

Отклонение Президентом РФ на основании заключения государственно-правового управления Администрации Президента РФ проектов федеральных законов об экологическом образовании и экологической культуре обосновывалось в том числе и тем, что отсутствуют самостоятельные предметы и сферы регулирования, которые предусматриваются в других законах и иных нормативных правовых актах. Весьма полезное замечание, которое надо учитывать законотворческим органам и депутатам, стремящимся по каждой проблеме соорудить законодательный акт, вместо того чтобы исследовать и понять, почему не действует предыдущий акт на ту же тему.

Последующее снятие этих законов с рассмотрения в законодательном органе не должно было означать снижение интереса к экологии, но лишь предполагало возможность решения проблемы экологической культуры другими, более рациональными и эффективными способами — в других, более общих нормативных правовых и подзаконных актах. Например, Концепция национальной безопасности РФ определяет воспитание экологической культуры населения в качестве приоритетного направления деятельности государства в экологической сфере.

На протяжении последнего десятилетия муссируется значение международной Хартии Земли как основополагающего документа, призванного объединять экологические усилия народов. Этот акт годится для очередного сосредоточения внимания и общественного мнения вокруг глобальных проблем экологии, привлечения интереса к экологической культуре, ориентира для правотворчества и национальных законодательств в данной области. Проблема заключается в том, чтобы некоторые (но не все, многие целесообразно оставлять для сферы нравственности) правительные природоохранные призывы переводить на язык правовых требований и законодательных актов, понимая значительные, но ограниченные возможности права, в том числе экологического.

К. А. Гезалова гызы¹

ПРАВОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ

Современную форму социального взаимодействия в мировом масштабе определяет транснационализация субъектов политики, экономики, культуры. Традиционная единица международных отношений — государство-нация — заменяется экстерриториальными комплексами гражданской идентичности. Возрастает роль интернациональных, региональных образований. В политике таковыми являются ООН, НАТО, Евросоюз, Шанхайский форум и т. д.; в экономике — транснациональные компании, транснациональные финансово-промышленные

группы, производственно-коммерческие агломерации, транснациональные стратегические альянсы и т. д.

Отчетливо проявляется феномен интеграции развитых стран. Ему можно противопоставить платформу самоподдерживаемого (устойчивого) развития, которая в настоящее время не имеет ни эвристической, ни институциональной формы воплощения. Прогресс можно оценивать только при его ориентации на сохранение среды обитания, в то время как сегодня баланс интересов не имеет ни концептуального, ни организационного выражения.

Суть глобализации — в формировании геоэкономического, геополитического, гуманитарного, гражданского, культурного, информационного по-

¹ Младший научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана (Баку), стажер Института государства и права РАН (Москва).

рядков, в основе которых — единение продуктивных возможностей человечества. Суть глобализации, протекающей в современном мире, — экстраполяция либерально-демократических ценностей на все регионы без исключения. Это означает, что политические, экономические, правовые и другие системы всех стран мира становятся идентичными и взаимозависимость стран достигает небывалых масштабов. До сих пор народы и культуры не были так зависимы друг от друга. Проблемы, возникающие в любой точке планеты, моментально отражаются на остальных странах мира. Процесс глобализации и гомогенизации привел к созданию единого мирового сообщества, в котором формируются единые нормы, институты и культурные ценности. Мира воспринимается как единый. Характеристика процесса глобализации включает следующие основные аспекты: 1) интернационализацию, которая в первую очередь выражается во взаимозависимости; 2) либерализацию, то есть устранение торговых барьеров, мобильность инвестиций и развитие интеграционных процессов; 3) вестернизацию — экстраполяцию западных ценностей и технологий во все точки мира; 4) детерриторизацию, что выражается в активности, имеющей транснациональные масштабы, и уменьшении значимости государственных границ.

Следует отметить, что юридическая практика последних лет показала, что проект правовой модернизации по зарубежным образцам не всегда приводит к ожидаемым результатам, более того, часто способствует дестабилизации функционирования механизма правового регулирования, организации правопорядка. Ошибочность этого проекта очевидна, поскольку невозможна стандартизация и полная унификация неоднородных культурных пространств. Экономическая глобализация вовсе не обязательно должна привести к правовой, культурной или политической глобализации.

Поэтому подведение под гуманистические «права человека» политического требования о «гуманитарном вмешательстве» позволяет силовым способом «кроить» мир по соответствующим лекалам (под видом защиты албанцев вытеснили косовских сербов, подвели к сецессии, дезинтеграции государства, реализовали геостратегические, геэкономические интересы Запада — установили контроль над кратчайшим путем из Европы в Восточное Средиземное море, к Суэцу, Персидскому заливу).

Осмысление дальней перспективы приводит к выделению аналогичной тенденции — курс на мировое лидерство, форсированное извлечение выгод из однополюсного мира. Надежды на широкое сплочение человечества вследствие глобализации не оправдались. Глобализация становится инструментом массового разобщения.

Антиглобалистские тенденции получают новые импульсы от фронтального наступления Запада на человечество, позволяющего ему преследовать, защищать преимущественно свои национальные интересы. Запад от имени «прогрессивного» (или сильно-го) «мирового духа» пренебрегает социальными единицами в силу их антиисторичности.

Шансы развивающихся стран уменьшаются за счет утраты самодостаточности, попадания в зависимость от развитых стран. Данная зависимость становится фактом глубокого недовольства.

В глобализации проявляются две неравноценные тенденции:

— единение мира — упрочение универсальных технологий организации жизни на основе воспроизводственных оптимумов;

— разъединение мира — выстраивание униполярной инициативной конфигурации, перераспределение мощи и влияния в сторону атлантизма.

Эффективность роли нации, государства в настоящее время обуславливается как обострением «поведения» этнических нелегалов, так и активизацией движения новых неонацистов, расистов, возникающих как ответ на вызов маргинальной локализации (движения в Германии, Франции, Австрии).

Компенсировать неорганичность, маргинальность, химеричность социальности можно только за счет возрастания роли нации-государства, которая может предложить социальные технологии по урегулированию конфликтности.

Наиболее продуктивной социальной технологией, купирующей нестабильность социального развития, является усиление нации-государства, деятельность которой должна быть направлена на устранение консолидации религиозных, этнических, языковых, гендерных групп. Глобализация должна быть естественным процессом отбора цивилизацией тех идей, принципов, ценностных установок, которые менее конфликтногенны, не усиливают риска и помогают в решении общепланетарных проблем.

Эффективность международного сотрудничества определяется приоритетами национального уровня. Если мир будет представлен множеством суверенных сильных государств, то он приблизится к идеалу свободной соревновательности и партнерства. Глобализация в данном ракурсе понимается как утверждение гуманитарных ценностей социального взаимодействия.

В условиях глобализирующегося социального пространства идеология правовой государственности остается одним из мощных механизмов, способствующих сохранению гражданского потенциала правовой, политической, гражданской организации сообщества, выступает потенциальным ресурсом налаживания жизни общества согласно соответствующим ценностным приоритетам. В условиях объективных противоречий складывания современного глобального общества правовое государство служит гарантией сохранения ценностей социального воспроизводства.

Вообще в условиях глобализации национальная правовая культура — практически единственная глобальная форма, через которую воспроизводится ценность и своеобразие национальных правовых феноменов — государственности, правопорядка, правовой системы. Культура несет в себе «генетический код» отечественных юридических явлений, служит как средством их обогащения в процессе всемирного культурно-правового обмена, так и особым бастионом, оберегающим от чуждого инокультурного влияния, разрушающего исходные предпосылки национальной правовой идентичности.

В. Г. Графский¹**РУССКАЯ ПРАВОВАЯ ФИЛОСОФИЯ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР
(Из опыта XIX и XX вв.)**

В наборе существующих методологических подходов к изучению права философский подход является самым объемным «вместилищем» диалоговой формы обсуждения предельных универсалий современного правоведения, таких как свобода, равенство, справедливость, мир, общее благо, ответственность человека, в особенности человека мыслящего, умелого, нравственно-ответственного и т. д. При этом философия может становиться местом диалогического обмена в виде коммуникативного общения, включающего диалог школ, течений, традиций и в отдельных случаях многовековых или многолетних культурных традиций и ориентаций. В культуре Запада этот обмен аргументами и репликами легко узнается в диалогах языческой и религиозной христианской традиций, символическим олицетворением которых в философии становятся Афины и Иерусалим. В некоторых странах, в частности таких, как Россия, межкультурный диалог принимает вид полемики православных и католических богословов и публицистов, в особенности после падения Византии, когда Москва претендовала на роль Третьего Рима. Позднее Россия становится местом сильно поляризованной конфронтации старых и новых традиций, в том числе советских и постсоветских политических и правовых традиций.

В статье представлены некоторые из традиций на примере творчества двух выдающихся философов права двух исторических периодов — периода взлета философской правовой мысли, олицетворением которого стало творчество философа, поэта и публициста Владимира Соловьева (конец XIX в.), и периода уникальной идейной конфронтации советской и нарождающейся постсоветской культурных традиций конца XX столетия, талантливым комментатором которой стал академик Российской академии наук Владик Нерсисянц.

Сквозными темами в творчестве Соловьева предстают: новое истолкование давней социально-политической идеи о мировой монархии и роли Рима и России в ее возможном претворении; новое восприятие социальной роли права и государства, связанное с оригинальной синтетической философской системой, названной Соловьевым философией всеединства, в которой право предстает синтезом требований равенства и свободы, претворяемых в виде принудительного баланса личной свободы и общего блага. В. Соловьеву также принадлежит заслуга в разработке оригинальной версии концепции *этического минимума в праве*, согласованной с общим религиозно-философским учением о божественном и человеческом началах социальной жизни, в особенности с обоснованием новой разновидности прав человека, названной философом *правом на достойное существование*. К числу положительных общественных форм жизни Западной Европы философ

относил правовое государство, правда, для него оно не было окончательным вариантом воплощения человеческой солидарности, а только ступенью к высшей форме общения. Право свободы основано на самом существовании человека и должно быть обеспечено извне государством. Степень осуществления этого права всецело зависит от многих внутренних условий, прежде всего от степени достигнутого нравственного сознания.

Французская революция имела бесспорный ценный опыт в этой области, что было связано с «объявлением человеческих прав». Это объявление было исторически новым по отношению не только к Древнему миру и Средним векам, но и к позднейшей Европе. Из двух начал — «человек» и «гражданин», — бессвязно сопоставленных (вместо того чтобы второе подчинить первому), низший принцип («гражданин») как более конкретный и наглядный оказался более сильным и вскоре «заслонил собою высший, а затем и поглотил его по необходимости». Нельзя было в формуле человеческих прав после фразы «права человека» добавлять «и гражданина», поскольку тем самым смешивалось разнородное и ставилось на одну доску «условное с безусловным».

Высказанные Соловьевым суждения об иерархии прав сделали возможным по-новому взглянуть на их общую совокупность и взаимозависимость. Исходным здесь может считаться представление о том, что все права человека (права—потребности духовные, физико-биологические, профессиональные и т. п.) должны восприниматься как своего рода частица (фракция) личностных прав человека. Подобное восприятие следствий, которые извлекаются из этой конструкции, позволяет говорить о разнохарактерности и неравноценности политических и частных гражданских прав человека, а сам человек выглядит главным субъектом признанных или предполагаемых индивидуально-личностных правоприязнаний. При этом общая совокупность тех и других задается его интуитивным или осознанным устремлением к счастливой и достойной жизни с постоянным преодолением наличных и потенциальных трудностей (от первичных материальных и духовных потребностей и обременений в виде болезней, страха смерти до ощущения тоски, отчаяния и общего трагизма существования). Как значительные воспринимаются в данном контексте и возвышенные устремления человека. «Если человек не мечтает о храме, ему никогда не построить и красивой мансарды» (Э. Мунье).

Идеи и взгляды В. Нерсисянца, высказанные им после 1989 года, сегодня воспринимаются как оригинальные и плодотворные для общей теории права рассматриваемого периода. Они заметно выделяются из многих других, появившихся в печати в постсоветской России, своей комплексностью и отчетливой обособленностью от концепций прошлых и доминирующих современных. Автор исходит из предположения, что обсуждаемое в его работах «*цивилизаторное общество*» является наиболее адекватным для России ориентиром и направлением развития во имя

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор.

достижения высшей стадии социетального развития, которую он именуется также «постсоциализмом» и на которой будут воплощены все требования, присущие надлежащему правовому общению. Право в этом новом историческом положении станет средоточием всех требований, которые присущи ему по природе и которые представляют собой требования равенства, свободы и справедливости.

Политическая философия и тесно связанная с ней правовая философия ориентированы на прояснение проблем властного правления на основе принципов законности и справедливости и обсуждение статусных и ролевых особенностей участия

в этом процессе человека как гражданина и государства как наиболее концентрированного средоточия властного влияния и принуждения в обеспечении указанных принципов (они же — благотворные цели властного правления). С некоторых позиций законность и справедливость выступают такими универсальными категориями, которые обнаруживают свою аналитическую и практическую пригодность во все общеизвестные исторические эпохи существования государства у разных народов и в этом смысле могут претендовать на роль универсальных категорий в обсуждении проблематики диалога культур и партнерства цивилизаций.

А. А. Джагарян¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ — КОНСТИТУЦИОННЫЙ ФАКТОР МУНИЦИПАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Формирование работоспособной модели местного самоуправления — не только одна из важнейших задач государственного строительства России, но и необходимое, жизненно важное условие ее существования как современного эффективного и конкурентоспособного государства. Параметры такой модели должны определяться прежде всего в соответствии с принципами основ конституционного строя, специальным конституционным регулированием муниципальных отношений, стратегическими и тактическими целями, которые ставит перед собой народ.

1) Социально-правовое качество местного самоуправления зависит не только от нормативных требований правовой действительности и образов будущего, но и в немалой степени от сложившихся в процессе исторического развития национальной государственности представлений народа о наилучших способах устройства местных дел, его устоявшихся опытных практик муниципальной демократии, то есть, обобщенно говоря, от содержания *национальной муниципально-правовой традиции, выкристаллизовавшейся в практическом бытии национального характера*.

Нации, отмечал А. И. Солженицын в своей «Нобелевской лекции», — это богатство человечества, обобщенные его личности. «Самая малая из них несет свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла. <...> Исчезновение наций обеднило бы нас не меньше, чем если бы все люди уподобились в один характер, в одно лицо»². Вторя ему, П. Дж. Бьюкенен отмечает, что «общество людей, которое называют нацией, намного больше “социума, где произошло разделение труда” или “рынка”». «Нация, — пишет он, — органика, живое существо, у нее есть сердце. Не конституция создает нацию, а нация пишет конституцию, которая представляет собой сви-

детельство о рождении нации, уже появившейся на свет в сердцах людей»³. Поэтому при выборе той или иной стратегии государственного и муниципального развития, как и при обеспечении оперативного руководства обществом, столь важно *сохранить, сберечь всю полноту и богатство национально-культурного своеобразия* и те устоявшиеся, исторически апробированные и выверенные типы и формы властной организации и самоорганизации народа, в которых это своеобразие воплощается и которыми оно поддерживается.

2) Муниципально-правовая традиция оказывает непосредственное воздействие на нормативный порядок, конституирующий институты местного самоуправления. Выступая неотъемлемым элементом самоорганизации социального коллектива, способом накопления жизненно важных властно-правовых моделей поведения и взаимоотношений, традиция служит фактором формирования специфических (оригинальных) типов социальных явлений и обеспечивает соответствие конкретно-исторических форм общественного сознания, социальных учреждений и практик сложившемуся в данном социокультурном и этнополитическом контексте строю базовых социально-правовых ценностей, особому цивилизационному коду государственно-правового измерения и структурирования (организации) социального пространства. Соответственно институты местного самоуправления как феноменологические фиксации эволюции государственно организованного общества и его муниципального развития производны от действия культурно-правовых регуляторов. Поэтому каждое общество стремится к формированию и реализации тех концепций и моделей местного самоуправления, которые являются оптимальными с точки зрения его исторического опыта, традиций и правовой культуры.

Традиция местного самоуправления аккумулирует ценностный опыт муниципального устройства

¹ Советник судьи Конституционного Суда РФ, кандидат юридических наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам конституционного права.

² См.: Солженицын А. И. Нобелевская лекция. Рассказы. Крехотки. Раковый корпус. М., 2004. С. 21.

³ См.: Бьюкенен П. Дж. На краю гибели. М., 2008. С. 171.

народа и в этом качестве образует своего рода *социально-нормативную матрицу муниципального развития*, на которой под воздействием конкретно-исторических условий, национальных потребностей, интересов и целей базируются конституционная модель местного самоуправления и муниципальное законодательство. Из этого следует *телеологическое, правообразующее и аксиологическое значение муниципально-правовой традиции*, которая как «неформальная форма» бытия права обеспечивает целевое ориентирование законодателя (как конституционного, так и ординарного), выступает источником формализации муниципальных норм, а также критерием оценки его решений.

В случаях коренного расхождения муниципально-правовой традиции и положительного муниципального права, а также «пробельности» последнего муниципально-правовая традиция может принимать на себя функции *непосредственного нормативного регулятора* самоорганизации населения. При этом муниципальная традиционность не только обязывает к непрерывности (преемственности) в развитии местного самоуправления, но и очерчивает допустимые социокультурные *пределы инноваций*, при выходе за которые система местного самоуправления утрачивает свою социогенетическую естественность, а следовательно, с высокой степенью вероятности не воспринимается обществом в качестве справедливого и рационального способа организации муниципальной жизни и отвергается. В этом качестве муниципально-правовая традиция предъявляет универсальные требования к инновациям любого рода, включая импортирование муниципальных моделей, институтов, норм: *трансфер зарубежного опыта возможен лишь на том основании и в той мере, которые позволяют эффективно адаптировать и синхронизировать его с императивами и логикой национального развития*.

Воздействие муниципально-правовой традиции на муниципальное строительство и развитие имеет комплексный характер:

а) традиция влияет на *муниципально-правовую идеологию*, формирование конкретно-исторического типа, уровня и качества *муниципальной культуры* населения, оказывая через надындивидуальную память, общественное мнение и институционально-правовые структуры целостности народа правоспитательное воздействие на правосознание;

б) традиция, имея ценностное значение и внутреннюю силу, опирающуюся на авторитет прошлого и добровольное подчинение человека сложившимся в неформальном виде общественным нормам, *генерирует и организует социальную и индивидуальную активность в сфере местного самоуправления*, задает субъективные пределы свободы личности в местном сообществе и местного сообщества — в народе, соотношение личной местной инициативы и муниципального «патернализма», формирует социальный долг и чувственные элементы муниципально-правовой ответственности;

в) через идеологические, эмоционально-психологические и иные социально-регуляторные аспекты традиция *определяет практику применения муниципального законодательства*, чем в известной мере

преобразует и нормативное содержание соответствующих законоположений;

г) муниципально-правовая традиция также сама является специфическим (неформальным) *источником муниципального права* — как часть права естественного, «живого», народно-исторического, в котором находят свое воплощение преломившиеся в народном правосознании опытные практики совместной жизнедеятельности людей, их жизненные смыслы и духовно-нравственные идеалы;

д) наконец, она выступает *источником муниципальной доктрины* и в этом качестве не только объясняет становление национальной системы местного самоуправления, но и заключает в себе концентрированное содержание вариантов (моделей) организации муниципальных отношений, приемлемых в данном социальном контексте, а потому направляет и в то же время лимитирует свободу научно-теоретического поиска.

3) Принципы традиционализма и преемственности (как и собственно правовые принципы и требования, значимые и для муниципальных отношений) внутренне присущи современной конституционно-правовой системе России.

Принимая Конституцию РФ, российский народ исходил из исторически сложившегося государственного единства, почитания памяти предков, ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, что получило свое закрепление в ее Преамбуле (абзацы второй, четвертый, шестой и девятый) — концентрированном выражении духовных (ценностно-целевых) основ конституционного строя. Следовательно, Конституция РФ, обладая очевидным проектно-преобразовательным, революционным потенциалом, практически реализуемым в том числе и через открытость конституционно-правовой системы для взаимодействия с иными (внешними) правовыми источниками, в то же время не лишена начал эволюционизма: будучи направленной на развитие (модернизацию), она исходит из социокультурной предпосылки неделимости истории и предполагает обеспечение государственно-правового континуитета на суверенно-демократической основе. Тем самым публичная власть ограничивается в выборе направлений и способов модернизации, основанием и пределом которой служат конституционные ценности, цели и национальные интересы.

Приведенные положения Преамбулы Конституции РФ означают, что традиции многонационального народа России, не исключая традиции ее муниципального устройства, не только органично «присутствуют» в системе конституционно-правового регулирования, но и, более того, создают своего рода среду, в которой кристаллизуется и существует нормативный порядок общества. Они являются *элементом каркаса конституционно-правовой системы и обеспечивают адекватное толкование конституционных принципов и норм в целях сохранения национальной идентичности*. При этом конституционное значение традиции для организации местного самоуправления открыто оговаривается в ч. 1 ст. 131 Конституции РФ, согласно которой местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на

других территориях с учетом исторических и местных традиций.

Нормативность муниципально-правовой традиции фактически признается и Конституционным Судом РФ. В одном из своих решений по вопросу о территориальной организации местного самоуправления суд указал: при проведении муниципально-территориальных преобразований субъекты публичной власти должны следовать требованию уважения к историческим и местным традициям, включая сложившиеся формы самоидентификации жителей населенных пунктов, наименования населенных пунктов и т. п.¹

4) Отечественная муниципально-правовая традиция определяется тесным переплетением и взаимообусловленностью индивидуальной свободы, коллективного взаимодействия и государственной организованности, связанность которых формирует целостное единство. Несущие элементы этого единства, хотя и соединены между собой, не поглощаются один другим, а находятся в постоянном динамическом сопряжении. В контексте русской философской мысли такие отношения могут быть охарактеризованы как *соборность, единство во множестве*. «Государству

неограниченное право действия и закона, Земле — полное право мнения и слова», — говорил К. С. Аксаков. При различном удельном весе и соотношении элементов это единство имело место и в деревенском мире, и в земстве, и в местных Советах.

В определенном виде это единство проявляется и сегодня, что отражает непрекращающееся движение «маятника» муниципальных реформ: от муниципальной «революции» 1990-х до «национализации» муниципальной власти в «нулевых». Заданное традиционными рамками, исключая абсолютизацию в этих отношениях личных, местных или государственных интересов, это единство характеризует поиск законодателем и практикой точки их оптимального, равновесного состояния на данном витке спирали исторического развития России. Его смысл (как, по сути, и ранее) — в формировании активных и мощных центров публично-властного руководства обществом, призванных обеспечить интеграцию населения и демократическое взаимодействие граждан по месту жительства, в государственно-правовой организации и структурировании муниципальной свободы для достойной жизни и свободного развития всего народа.

Е. М. Доровских²

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Обеспечение национальной безопасности страны не может быть ограничено лишь укреплением обороноспособности и обеспечением эффективности специальных структур, охраняющих ее государственные и общественные интересы. Фундаментом такой безопасности являются экономическая независимость, сохранение страной, ее народом самобытной культуры, осознание самоценности последней и основанное на этом чувство собственного достоинства. Страна может понести урон в материальном плане, но она способна возродиться, пока сохраняет свой духовный, культурно-интеллектуальный потенциал.

Между тем разрушительные процессы, которые развивались на протяжении двух предшествующих десятилетий (оставим за рамками рассмотрения последние годы существования советского строя), затронули духовную сферу не меньше, чем экономическую. Поэтому, определяя в качестве стратегической цели модернизацию страны, ее инновационное развитие, важно тщательно разработать систему правовых мер, направленных на сохранение и развитие культуры.

¹ См.: абзац шестой п. 2 мотивационной части Определения Конституционного Суда РФ от 15 мая 2007 года № 406-О-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. № 6.

² Заместитель главного редактора «Журнала российского права», научный сотрудник сектора политологических исследований Института государства и права РАН (Москва), кандидат юридических наук. Автор ряда научных публикаций по политико-правовым вопросам.

Представляется, что совершенствование правовой основы модернизации в сфере культуры должно осуществляться по двум направлениям: путем изменения действующих концептуальных документов по национальной безопасности и разработки и принятия концепции культуры и культурного развития страны.

Что касается первого направления, то в мае 2009 года Указом Президента России была утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. В отличие от ранее действовавшей Концепции национальной безопасности, новый правовой акт содержит отдельный раздел, посвященный вопросам культуры. В нем в качестве целей обеспечения национальной безопасности названы: расширение доступа граждан к достоянию отечественной и зарубежной культуры через создание современных территориально распределенных информационных фондов; обеспечение условий для творческой самореализации личности путем совершенствования системы культурно-просветительской работы, организации досуга и массового внешкольного художественного образования; содействие развитию культурного потенциала регионов Российской Федерации и поддержка региональных инициатив в сфере культуры (п. 79).

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года признается первоочередная роль культуры в возрождении и сохранении культурно-нравственных ценностей, укрепле-

нии духовного единства многонационального народа России (п. 84). Вопросы культуры с той или иной степенью полноты нашли свое отражение во многих разделах упомянутого документа, но в силу сложившегося подхода к национальной безопасности как средству достижения определенных стратегических целей, определенному виду деятельности культура рассматривается не как определяющее *средство* обеспечения безопасности и суверенитета государства, а прежде всего в качестве объекта защиты, отсутствует признание первостепенной роли культуры в целом для национальной безопасности страны. Между тем представляется, что юридические методы обеспечения национальной безопасности должны разрабатываться, обосновываться и применяться с учетом социокультурных особенностей российского общества. Национальная безопасность наряду с ее традиционными составляющими (военной, политической, экономической) должна включать и социокультурную безопасность, то есть создание условий для сохранения и воспроизводства культурной идентичности российского общества, с опорой на культуру (в ее широком понимании) как одно из главных средств достижения поставленных стратегических целей по модернизации общества и государства.

Что касается второго направления, то на совершенствование правовой основы модернизации в сфере культуры оказывает негативное влияние отсутствие соответствующего документа — концепции культуры и культурного развития страны. Принятые в 1992 году Основы законодательства Российской Федерации о культуре на современном этапе не отвечают задачам, стоящим перед законодательством в данной сфере, и требуют внесения в них радикальных изменений.

Приоритет прав и свобод человека и гражданина, закрепленный в Конституции РФ 1993 года, и включение общепризнанных принципов и норм международного права в качестве составной части в правовую систему Российской Федерации (ст. 15 Конституции РФ) наложили на государство определенные обязательства как по обеспечению прав граждан в сфере культуры, так и по защите культурной среды от тотального разрушения. В этих целях государству необходимо в полной мере использовать систему существующих правовых и экономических регуляторов, а также разработать и способствовать применению новых, адекватных современной ситуации способов воздействия на социокультурные процессы.

Необходимость создания общенационального культурного пространства и обеспечения единства граждан в формировании общенациональных норм

и стандартов социально-культурной самоидентификации личности и повышении эффективности социальной регуляции требует разработки и принятия концепции культуры и культурного развития страны, в которой были бы конкретизированы и развиты положения, содержащиеся в Стратегии национальной безопасности. Определенные разработки в данной сфере существуют, но большинство из них посвящено вопросам совершенствования законодательства о культуре. Между тем развитие последнего, формирование современной правовой базы в рассматриваемой сфере должны вестись, как представляется, на основе концептуального определения направлений культурного развития на ближайший период.

Основные задачи культурного развития: доступность и гарантии качества культурных благ и услуг для большого числа людей; гарантии возможности личной самореализации в сфере культуры; обеспечение качественного уровня развития культуры путем оказания финансовой поддержки творческим работникам; создание социально-правовых условий, способствующих развитию культуры; преодоление неравенства в сфере культуры между субъектами федерации, регионами, городом и сельской местностью, социальными, возрастными группами и т. д.; защита национальных языков, национальных культур и местных культурных особенностей; защита природной среды, историко-культурного ландшафта, охрана исторических памятников и культурного наследия.

Для реализации этих задач государство, помимо правового воздействия, должно эффективно использовать *экономические регуляторы*: различные виды прямого и непрямого финансирования (ежегодные бюджетные ассигнования, субсидии, налоговые льготы, льготные кредиты, тарифы и цены, стипендии, гранты, премии и т. п.).

Главной задачей следует признать использование культурной политики как инструмента для создания качественно лучшего общества, где каждый может свободно развивать свои способности и таланты. Правильный выбор стратегии культурного развития страны становится жизненно важным не только для сохранения собственно культуры, но и для самосохранения российского общества, что является главной целью национальной безопасности. Законодательные и административные меры должны базироваться на принципе, согласно которому культура является неотъемлемой частью социальной жизни. В связи с этим культурная политика должна рассматриваться в более широком контексте общей политики государства¹.

¹ Рекомендация ЮНЕСКО «Об участии и вкладе народных масс в культурную жизнь» (1976). URL: <http://www.unesco.ru>

А. А. Дорская¹

СООТНОШЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (На примере свободы совести)

Вопрос о соотношении универсальных и региональных норм международного права с формальной точки зрения решается достаточно просто: региональные нормы должны полностью соответствовать универсальным и дополнять их с учетом правовой культуры того или иного континента или международного образования. Однако в XXI веке по отдельным направлениям наметилась тенденция глокализации. Регионы и отдельные государства уже не могут удовлетворяться универсальными международно-правовыми стандартами и начинают вырабатывать свои нормы. Эта тенденция ярко проявляется в регулировании свободы совести, которая начиная со второй половины XVIII века получила свое юридическое осмысление в формуле «свобода вероисповеданий и право на атеистические взгляды и образ жизни». Проблема свободы совести имеет огромное значение, так как касается основы мировоззрения человека, его духовной жизни, представлений о должном, справедливом, о возможных формах поведения и ответственности за них.

Во второй половине XX века была выработана целая система универсальных международно-правовых стандартов, гарантирующих свободу совести индивидам в различных областях и при разных обстоятельствах. Основными источниками являются: Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений (1981), Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992) и др.²

¹ Заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века», «Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния», «Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права» и др. Член Российской ассоциации международного права.

² Свобода совести включает следующие положения: 1) право исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком; в тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком; 2) право менять свою религию или убеждения; 3) право совершения богослужения, выполнения религиозных и ритуальных порядков; 4) право искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ; 5) образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами; родители имеют право приоритета в выборе вида образования для своих малолетних детей; каждый ребенок имеет право на доступ к образованию в области религии или

отношение к религии рассматривается во всех региональных системах защиты прав человека.

В Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, которую на данный момент подписали и ратифицировали 47 государств, свободе совести посвящена ст. 9³. Она практически ничем не отличается от ст. 28 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. Однако, как отмечает судья Европейского суда по правам человека Лех Гарлицкий, «во многих делах, касающихся религиозных свобод, заявители также ссылаются на нарушение других статей Конвенции. Довольно часто Европейский суд фокусирует свое решение на этих нарушениях и не считает необходимым как-то выделять претензии по статье 9»⁴.

Американская конвенция о правах человека была принята 22 ноября 1969 года и была открыта для подписания государствами — членами Организации американских государств. Статья 12 называется «Свобода совести и религии» и содержит нормы, полностью повторяющие универсальные международно-правовые стандарты⁵.

Африканская система защиты прав человека сложилась значительно позже. Это было связано с тем,

убеждений в соответствии с желанием его родителей; 6) всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде и насилию, должно быть запрещено законом; 7) свобода исповедовать религию или выражать убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

³ 1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов. 2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

⁴ Гарлицкий Л. Государственное регулирование религии: противоречивые тенденции? Замечания относительно недавней практики применения прецедентов, касающихся ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 3 (56). С. 50.

⁵ 1. Каждый человек имеет право на свободу совести и религии. Это право включает свободу придерживаться своей религии и убеждений и менять их, а также свободу исповедовать или распространять свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком. 2. Никто не подлежит применению ограничений, которые могут умалять его свободу придерживаться своей религии или убеждений или менять их. 3. Свобода открыто исповедовать религию или убеждения может подлежать лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья или морали, равно как и прав и свобод других лиц. 4. Родители и в соответствующих случаях опекуны имеют право обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей или подопечных соответственно со своими собственными убеждениями.

что только в 1950–1960-е годы произошел распад колониальной системы и начался переход от «международного права цивилизованных народов» к универсальному международному праву как развитой правовой системе. Африканская хартия прав человека и народов была принята 26 июня 1981 года. В ст. 8 «гарантируется свобода совести, выбора профессии и свободного отправления религиозных обрядов. При условии соблюдения правопорядка никто не может подвергаться мерам, ограничивающим осуществление этих свобод». Как видно, в отношении свободы совести эта система также ничем не отличается от универсальных международно-правовых стандартов, а также европейской и американской систем.

Совершенно другая картина наблюдается в мусульманском мире. Необходимо подчеркнуть, что это единственная система, построенная не по континентальному (региональному) или межгосударственному принципам, а на основе религиозной идентичности. 19 сентября 1981 года по инициативе Исламского совета Европы в Париже была принята Всеобщая исламская декларация прав человека. Авторы Декларации утверждают, что четырнадцать веков назад ислам дал человечеству идеальный кодекс прав человека. Помимо традиционной формулировки о свободе религии в ст. 13 Декларации, есть и специфика: «овладение знаниями и поиски истины являются не только правом, но и долгом каждого мусульманина» (ст. 12 п. «б»). Особенностью является и то, что под меньшинствами Декларация понимает лишь религиозные меньшинства (ст. 10)¹. Кроме этого, в 1990 году государства — члены Организации Исламская конференция подписали Каирскую декларацию прав человека в исламе. Ее ст. 10²

также не свойственна другим системам защиты прав человека: «мусульманская концепция... не признает права перехода мусульманина в другую веру, оценивая такой шаг как вероотступничество (нарушение договора с Богом) и требуя за это смертной казни»³. В 1994 году в рамках Лиги арабских государств была принята Арабская хартия прав человека, нарушения положений которой могут рассматриваться в Арабском суде по правам человека.

Таким образом, если универсальные международно-правовые стандарты и региональные системы защиты прав человека (европейская, американская, африканская) построены на светской идее равенства всех вероисповеданий, а также прав всех верующих и неверующих, то параллельно существует и развивается концепция прав человека, носящая чисто религиозный характер. Это отражается и в законодательстве государств. Например, Европейский суд по правам человека на протяжении нескольких лет поддерживал позицию Турции как светского государства относительно запрета на ношение мусульманских платков в светских учебных заведениях. Однако 11 февраля 2008 года парламент Турции 403 голосами депутатов против 107 одобрил внесение поправки, нормативно закрепляющей право женщин носить традиционные мусульманские платки в высших учебных заведениях⁴. Иначе государство не справлялось с нарастающей проблемой. Только посредством взаимодействия универсальной, региональных, религиозных систем защиты прав человека на современном этапе можно найти ответы на вызовы XXI века и преодолеть такие явления, как международный терроризм, этническое и религиозное сектантство и сепаратизм.

Н. В. Колотова⁵

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА В РАЗЛИЧНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ: КОНСТИТУЦИОННЫЙ УРОВЕНЬ

В настоящее время социальные и экономические права почти везде признаны предметом конституционного регулирования, однако отношение к ним в разных странах по-прежнему неодинаковое, что влияет на объем, способы и характер их закрепления в конституциях. В течение XX века эти права стали конституционным индикатором социального государства, и включение их в конституции гово-

рит о стремлении стран развиваться по этому пути. О степени социальной ответственности государства невозможно судить только по наличию (или отсутствию) в Конституции социально-экономических прав. Например, Норвегия, имеющая традиционно высокие показатели по уровню качества жизни, живет по Конституции, принятой в XIX веке и практически не включающей социальные права.

Во многих случаях из анализа конституций следует признание особой юридической природы социально-экономических прав по сравнению с личными и политическими правами, имеющими естественно-правовое происхождение и характер защищаемых судом субъективных прав. Однако в ряде конституций (например, в Российской Федерации) не принято проводить какие-либо различия между группами общей системы прав человека, их ранжировать, что обуславливает отношение к социально-экономическим правам как к абсолютно равнозначным правам первого поколения.

Способы и формы регулирования социально-экономических прав различаются в зависимости от

¹ Ягофаров Д. А. Всеобщая исламская декларация прав человека // Права человека : энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. М., 2009. С. 472.

² «Ислам — религия первозданной чистоты. Запрещается прибегать к какой-либо форме принуждения человека или использовать его нищету или невежество для обращения его в другую веру или атеизм».

³ Глухарева Л. И. Исламская концепция прав человека // Права человека : энциклопедический словарь. С. 124.

⁴ См.: Женщинам в Турции окончательно разрешили носить хиджабы в вузах. URL: <http://www.interfax-religion.ru/print.php?act=news&id=22782>

⁵ Ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), кандидат юридических наук. Автор 30 научных публикаций по вопросам прав человека и социально-экономических прав.

типа цивилизационной принадлежности государства, что можно проследить даже на конституционном уровне.

Страны Европы, относящиеся к романо-германской правовой системе, традиционно закрепляют в своих конституциях самые большие списки социальных и экономических прав. В Конституции Португальской Республики (1976) широко очерчивается предмет конституционного регулирования по главам, отдельно посвященным экономическим (ст. 58–62) и социальным правам и обязанностям (ст. 63–72), правам и обязанностям в области культуры (ст. 73–79). Конституцию Королевства Испания (1978) зачастую оценивают как одну из самых прогрессивных в мире в сфере регулирования вопросов социально-экономического характера¹. Соответствующие нормы содержатся в разд. VII «Экономика и финансы» и гл. III «Руководящие принципы социальной и экономической политики».

Традиционно большое внимание регулированию социально-экономических прав уделяют государства, которые сформировались на политической карте Европы после распада социалистической системы. Конституционный опыт стран тоталитарного социализма был тесно связан с установлением социально-экономических прав, которые рассматривались как веский аргумент в пользу социалистического общества. Поэтому задачей новых конституций, принимаемых в этих государствах в конце XX века, были, с одной стороны, имплементация международно-правовых норм и стандартов в этой области, а с другой — сохранение высокого уровня защиты трудовых и социальных прав, присущих социалистическому законодательству.

В некоторых странах романо-германской правовой системы социально-экономические права формулируются косвенно, через определение основных социальных целей государства. Конституция Республики Ирландия, провозглашая основные принципы социальной политики, в ст. 45 прямо указывает, что соблюдение этих принципов — исключительная прерогатива парламента, не подлежащая никакому суду. В гл. 3 Конституции Королевства Испания (1978) «О руководящих принципах социальной и экономической политики» перечисляются обязанности органов государственной власти в сфере обеспечения социальных прав граждан. Глава II Конституции Республики Мальта (1964), в которой закреплены стандарты достойной жизни, также называется «Декларация принципов». В ней в ст. 21 указывается, что «ведущие принципы не являются правами», то есть эти предписания не обязательны в суде, но являются основными принципами, обязательными для управления страной.

И даже когда социально-экономические права закреплены достаточно определенно, они могут быть сформулированы как пожелания, намерения и цели государства, к которым оно обязано стремиться по мере развития своего экономического потенциала. Провозглашение в конституциях отдельных социальных прав, например права на медицинское

¹ *Осавелок А. М.* Конституционное право зарубежных стран. М., 2010. С. 402.

обслуживание или права на жилище, не всегда означает признание за ними качества субъективного права граждан. Например, право на охрану здоровья не означает права на бесплатное лечение в случае болезни, которое предусматривается в весьма ограниченных случаях, как это делается в ст. 32 Конституции Итальянской Республики, гарантирующей бесплатное лечение только для неимущих. Вместо права на социальное обеспечение конституции нередко говорят об «общественном призрении» или социальной помощи (Нидерланды, Австрия, Дания)².

В других европейских странах социально-экономические права непосредственно являются предметом конституционного регулирования. В конституциях Албании, Македонии, Польши, Португалии, Словакии, Турции, Хорватии, Чехии содержатся отдельные разделы, посвященные экономическим, социальным и культурным правам и свободам. Именно эти страны имеют в виду, когда пишут о «возникновении новых групп экономических, социальных и культурных прав и нового понимания роли государства, связанного с обязанностью обеспечить эти права»³.

В англо-саксонских странах социально-экономические права не до конца утвердились в качестве конституционных. До сих пор не признан конституционный статус социально-экономических прав в США. Американские авторы говорят не о конституционных, а о позитивных правах, реализация которых не означает их закрепления в качестве конституционных; также распространен термин «приобретенные права», то есть полученные посредством труда и обмена, а не принадлежащие человеку от рождения. Эти права определяются как права по статутному законодательству, права по закону. В случае необходимости вопросы судебной защиты социально-экономических прав решаются Верховным судом США при помощи обращения к клаузуле о «равной защите закона» и «надлежащей правовой процедуре» из V и XIV поправок к Конституции США⁴.

В Великобритании социально-экономические права также отнесены к правам по статутному законодательству и не урегулированы на конституционном уровне. Законодательство Великобритании признает целый ряд таких прав и свобод, подразделяя их на права, признаваемые за каждым работником, и права трудящихся, имеющих статус наемных работников. В Канадской хартии прав и свобод (1982) также умалчивается о социально-экономических правах, хотя Канада и присоединилась к Международному пакту по экономическим, социальным и культурным правам. В смысле защиты социально-экономических прав можно интерпретировать лишь п. 2 ст. 15 данной Хартии, согласно которому гарантии равенства не распространяются на программы по улучшению положения обездоленных и подвер-

² Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. М., 2009. С. 138.

³ Конституции стран мира о высших ценностях государства: российская рефлексия : материалы научного семинара. М., 2007. Вып. 4. С. 27.

⁴ *Сафонов В. Н.* Конституция США и социально-экономические права граждан. М., 2007. С. 15–16, 23.

гающихся дискриминации слоев населения. Парламентом была отвергнута даже поправка, предусматривающая гарантии права собственности. Канадские суды защищают эти права путем поиска в них элементов, закрепленных в Хартии прав, например, на основе принципов достоинства личности, равенства и запрета дискриминации в сфере социального обеспечения¹.

В конституциях мусульманских государств тоже содержатся некоторые социально-экономические права. Не все они регулируют эти вопросы столь подробно, как Конституция Турецкой Республики (1982), отдельной главой определяющая «Социальные и экономические права и обязанности». Но даже теократическая Конституция Королевства Саудовская Аравия (1992) гарантирует право на социальное обеспечение, образование, здравоохранение, благоприятную окружающую среду. Имеются положения о социально-экономических правах в текстах конституций Султаната Оман (1996), Афганистана (2004), Индонезии, Исламской Республики Иран и др.

В конституциях большинства мусульманских стран положения о социально-экономических правах носят общий и обтекаемый характер, но их закрепление соответствует реально сложившейся в обществе системе ценностей, сформированной исламской религией. Например, ст. 17 Основного закона Королевства Саудовская Аравия прямо говорит о социальной функции собственности в соответствии с шариатом. И социально-экономические права, равно как и другие права, подлежат соблюдению в той мере и последовательности, в которой они очерчены Кораном и другими источниками мусульманского права. Поэтому в исламских странах непременно подчеркивается обязательность права на образование; права собственности как права на неприкосновенность полученного трудом имущества; права свободно трудиться, овладевая любым видом деятельности и профессией ради устройства честной жизни; права на социальное обеспечение. Гарантии права на социальное обеспечение включают как социальную помощь малоимущим, обеспечиваемую государственными властями, так и обязанность богатых мусульман поддерживать своих малообеспеченных соотечественников, выплачивая закят — очистительный налог в пользу бедных мусульман². Таким образом, «на уровне современного конституционного законодательства права и свободы человека во многих мусульманских странах поставлены в рамки шариата»³.

Особенности конституционного регулирования социально-экономических прав характерны и для стран Латинской Америки. Латиноамериканские страны заметно разнятся между собой по уровню социально-экономического развития, однако все

¹ См.: *Бастраш М., Кононов А.* Социально-экономические права и права коренных народов Канады // Конституционное правосудие в действии: опыт России и Канады: сборник решений Конституционного Суда РФ и Верховного суда Канады. М., 2008. С. 208–213.

² См.: *Мухаммад Садик Мухаммад Йусуф.* Права человека в исламе. СПб., 2008. С. 65–104.

³ *Сюкияйнен Л. Р.* Исламский взгляд на свободу и равенство: юридическое закрепление и религиозно-этические границы // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М., 2009. С. 82.

они на конституционном уровне демонстрируют безусловное уважение к международным институтам и правам человека⁴. Наверное, неслучайно, что ныне действующая Конституция Мексиканских Соединенных Штатов (1917) была одной из первых, в которой подробно были сформулированы социально-экономические права. В Конституции Доминиканской Республики свобода труда, обучения, право собственности названы неотъемлемыми правами.

Современные конституции стран Латинской Америки регламентируют социальные и экономические права в большом объеме, закрепляя в основных законах такие детали, которые в других странах относятся к уровню регулирования кодексами и законами. Ярким примером такой детализации в области социальных и экономических отношений является Конституция Федеративной Республики Бразилия (1988). Статья 7 данной Конституции, перечисляющая права трудящихся, содержит 34 пронумерованных пункта, в том числе п. VI «Несоключаемость заработной платы», п. VIII, гарантирующий оплачиваемый 13-й месяц на основе полной месячной заработной платы или пенсии по старости. Таким же образом детализирована ст. 8, провозглашающая свободу профессиональных и профсоюзных ассоциаций (11 пунктов), и другие положения Конституции.

Конституционное регулирование социально-экономических прав в государствах, относящихся к восточной цивилизационной модели, во многом зависит от типа социально-политической системы страны. В конституциях социалистических стран, как правило, закрепляются гарантии социальных прав, но при этом устанавливается неравноправное положение различных видов собственности. Так, в ст. 12 Конституции Китайской Народной Республики провозглашается, что социалистическая общественная собственность «священна и неприкосновенна».

На примере Китая отчетливо прослеживается, что концепция прав человека как «часть заимствуемой духовной культуры Запада» интерпретируется в восточных цивилизациях в соответствии с национальными, историческими, экономическими и социально-культурными особенностями страны. Права человека рассматриваются здесь «сквозь призму коллективизма», и социально-экономические права являются правами коллективными и позитивными⁵. Конституция КНР (1982) устанавливает достаточно широкий перечень социально-экономических прав, подразделяя их на права граждан и права трудящихся: право на труд обеспечивается для всех граждан, а право на отдых, образование — только для трудящихся. Но реальное положение с защитой социально-экономических прав далеко от декларируемого. Специалисты считают, что «экономическое чудо» Китая базируется на отсутствии трех китов, ко-

⁴ См.: *Сила права vs право силы: международная безопасность (латиноамериканский ракурс) / отв. ред. Б. Ф. Мартынов.* М., 2004.

⁵ См.: *Титаренко М. Л.* Китай: прогресс в развитии политической системы. О китаизированной концепции прав человека; *Бородич В. Д.* К оценке политики в области прав человека в современном Китае // Всеобщая декларация прав человека и гражданина: универсализм и многообразие опытов. М., 2009. С. 70–73, 196–197.

торы лежат в основе любой развитой, социально-сбалансированной экономической системы: «В Китае нет пенсионного обеспечения, нет всеобщего государственного медицинского обслуживания, нет обязательного среднего образования»¹. Кроме того, часто препятствием для осуществления трудовых прав является китайский менталитет, устанавливающий приоритет обязанностей над правами, распространяющий идеи патернализма на иерархические отношения на предприятии, где младшие должны почитать старших².

Другая по структуре и содержанию Конституция Японии (1947), которая, несмотря на небольшой объем, закрепляет довольно широкий круг прав и свобод. В ней правами могут воспользоваться как граждане страны, так и иностранцы. Но и в этом случае на степень реализации этих конституционных положений влияет японская правовая культура, которая характеризуется доминированием традиционных ценностей согласия и гармонии. Считается, что работник, публично выражающий свои претензии к работодателю или требующий защиты своих прав, нарушает гармонию и согласие на предприятии, поэтому заслуживает порицания и даже наказания. Поэтому судебная практика и правовая доктрина в Японии придерживаются мнения о том, что данные гарантии направлены только на защиту народа от произвола государственной власти и не действуют во взаимоотношениях, направленных на притязания индивида, в том числе между частными лицами в трудовых отношениях³.

Общий анализ содержания социальных и экономических прав в конституциях различных стран позволяет заключить, что их инкорпорация в конституционные акты произошла в разной степени. В основных частях конституции содержатся лаконичные формулировки, предоставляя текущим законодательным актам их регулирование в общем объеме. Как устанавливает ст. 23 Конституции Королевства Бельгия: «Закон, декрет или норма... гарантируют с учетом соответствующих обязательств экономические, социальные и культурные права и определяют условия их осуществления». Поэтому порядок осуществления конституционно установленных социально-экономических прав определяется соответствующими законами, о чем постоянно упоминается в конституциях. Однако имеются конституционные акты, где социально-экономические права закреплены при помощи норм, которые формально можно отнести к уровню текущего законодательства (конституции стран Латинской Америки, постсоциалистических стран, отчасти конституции Португалии и Испании).

Можно сказать, что в целом мировое сообщество достигло согласия по вопросу признания ценности социально-экономических прав и необходимости закрепления этих прав в действующих конституциях. В целом они не только не являются второстепенными, но и в совокупности с гражданскими и политическими правами составляют единый комплекс прав человека, правового статуса личности, построенного на взаимной обусловленности и защищенности всех прав.

И. Ю. Котенко⁴

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ: ПУТИ К ВОССОЕДИНЕНИЮ

Введение

Данная статья основана на исследовании несоответствий между международным законодательством по правам человека и традиционными ценностями. Вопрос состоит в следующем: как следует относиться к разработанным на международном уровне нормам защиты прав человека в рамках определенного исторического и культурного контекста? Значительное число случаев нарушения прав человека и пути улучшения данной ситуации могут рассматриваться и решаться на основе объединения этических, нравственных и традиционных ценностей, бытующих в той или иной стране, с ценностями, выработанными

в рамках «современной» концепции защиты прав и основных свобод человека. Для достижения универсальности в деле защиты прав и свобод следует не только учитывать местные традиции и ценности, но и опираться на них в поисках путей реализации «чужих» международных норм.

1. Модернизация и возрождение традиционных ценностей в современном мире.

В начале XX века авторы теории модернизации утверждали, что модернизация и техническое развитие приведут к утрате доверия общества к традициям и моральным ценностям⁵. Считалось, что техническое развитие будет исключительно западным явлением до тех пор, пока традиционные общества не откажутся от традиционализма ради своего развития. Незападным цивилизациям предлагалось усваивать «морально превосходящую и технологически развитую» западную культуру вместо отброшенных традиций и ценностей.

¹ Томчин Г. А. Почему Россия не Китай? Конфликт XXI века // Диалог культур и партнерство цивилизаций : VIII Международ. Лихачевские науч. чтения. СПб., 2008. С. 280.

² Энг Э. Индивидуальные свободы в сфере трудовых отношений и их реализация в современных условиях (обзор материалов международного семинара по сравнительному социальному праву) // Государство и право. 2009. № 1. С. 102.

³ Ивамура М. Индивидуальные свободы в сфере трудовых отношений и их реализация в современных условиях (обзор материалов международного семинара по сравнительному социальному праву) // Государство и право. 2009. № 1. С. 106.

⁴ Ведущий ассистент директора Нидерландской школы по исследованиям в области прав человека, магистр права.

⁵ Маркс К. Foundations of the Critique of Political Economy [Маркс К. Критика политической экономии]. N. Y., 1973. Цит. по: Inglehart R., Bayker Wayne E. Modernization, Cultural change and the Persistence of Traditional Values // Am. Sociological Review. 2000. Vol. 62. P. 19.

Однако на практике этого не произошло. Ныне, в начале XXI столетия, мы являемся свидетелями «возрождения» религиозных и традиционных ценностей. Одним из важных вопросов, которые надо обсуждать сегодня, является вопрос о примирении ценностей вновь развившихся, модернизированных обществ с ценностями тех обществ, которые основаны на традиционной культуре.

Процесс поддержки и укрепления западной концепции прав и основных свобод человека, как правило, сталкивается с сопротивлением со стороны незападных цивилизаций, не желающих воспринимать ценности, которые противоречат местным нравам, традициям и обычаям. Причины такого сопротивления могут иметь различные основания: экономические, политические, религиозные, культурные. Так, государства с нестабильными нормами права и неустойчивой защитой прав человека часто декларируют собственную оригинальную культурную почву, которая не позволяет им легко усваивать ценности, предлагаемые вкуче с «пакетами» прав и основных свобод человека (что мы часто наблюдаем в государствах, где мусульманская религия превалирует, например в отношении прав женщин).

Среди других причин, которые выдвигаются в поддержку невозможности применения и укрепления «западных» прав и основных свобод человека, можно назвать следующие: политические причины (боязнь политической и экономической экспансии), расхождение между «западными» ценностями и местными традициями и обычаями, между этикой, основанной на религиозных ценностях, и этикой, которую предлагают сторонники прав человека, боязнь утраты самобытности и своеобразия страны и т. д. Нормы, защищающие права человека, тщательно разработанные на международном уровне и зафиксированные в международных законодательных правилах и положениях, на региональном уровне часто выступают в качестве норм, которые служат лишь политическим целям, но не способствуют снижению наблюдаемого сегодня большого количества нарушений в данной сфере.

Недавнее возрождение традиций и культурных ценностей в современном мире позволяет искать путь для восприятия универсальных ценностей, связанных с правами и свободами человека, через призму местных религиозных и культурных традиций. Воссоединение этих ценностей с правами человека могло бы помочь в продвижении тех идей, которые гарантируют как международные механизмы защиты прав человека, так и религиозные, а также нравственные устремлениями ко всеобщему благу человечества.

Культурная идентичность также может содействовать интересам группы, а с течением времени — усиливать культурное разнообразие¹. Следовательно, как показали недавние исследования², нет сомнений в том, что, несмотря на отчетливое движение к глобализации и унификации жизненных укладов, куль-

турное разнообразие представляет собой важный фактор, для которого глобализация является угрозой. Можно предложить целый перечень социально-культурных измерений и характеристик, чтобы глубже познать эти отличия и понять, действительно ли они способны служить основой улучшения благосостояния в тех обществах, которые сопротивляются распространению «западных ценностей» и «международных прав человека».

Хотелось бы понять, имеются ли какие-либо возможности для воссоединения культурных подходов к правам и свободам человека, а также для утверждения свободы личности, несмотря на различные культурные и исторические устои тех государств, которым предстоит воспринять данные ценности.

2. Западные и незападные подходы к правам человека.

Невзирая на тот факт, что неудачи в деле реализации, содействия и укрепления защиты прав человека часто объясняют невосприимчивостью местной культуры и религии к «чуждым» ценностям, имеются и примеры того, когда локальные культура, традиции и обычаи (например, религиозные) выдвигают идеи и понятия, схожие с теми, что включены в современную концепцию прав человека.

Религия есть путь к достижению блага человека посредством установленных в ней норм и обязанностей людей. Более того, любая религия ратует за универсальность своих этических норм и правил. Универсальность, на которую претендует концепция прав человека в качестве существенного условия для их распространения и защиты, также основана на концепции универсальности религиозных норм и правил.

Хотя понятие прав человека не произрастает из религиозного основания, религия, нравственность и этика способны стать плодородным полем для взращивания понятий, связанных с благом и свободой человека.

Концепция прав человека, основанная на ценностях свободы, равенства и блага человека, выработанная в эпоху европейского Просвещения и укрепленная механизмами международного права, обладает характерными чертами, схожими со всеми основными религиями.

Свободы и права, выработанные в рамках международной правовой системы защиты прав человека, основаны на достижениях не только западных ученых и философов. Иудейская, христианская и мусульманская религиозные традиции содержат дискуссию о толерантности, свободе, праве на жизнь и т. д. Следовательно, не вполне верно полагать, что западно-ориентированные права человека — это основа для распространения уникальных «западных» ценностей и традиций.

Если вникнуть в основной посыл главных мировых религий, то можно легко отыскать ряд соответствий концепции прав человека. Авторы работ по религиозной этике пытаются доказать не только то, традиционные религиозные ценности совместимы с решительной приверженностью к правам человека, но и то, что мировые религиозные сообщества сами

¹ Bernstein M. Celebration and Suppression: The Strategic Uses of Identity by the Lesbian and Gay Movement // Am. J. of Sociology. 1997. Vol. 103. P. 531–565.

² Inglehart R., Bayker Wayne E. Op. cit. P. 22.

по себе обладают ресурсами для человеческого процветания и тем самым предвосхищают или корректируют современное восприятие прав и обязанностей человека. Религиозная этика, которая более тысячелетия выступала за права человека, пытается предложить пути достижения блага. Контуры прав человека и основы свободы и терпимости можно найти в исламе: «Истинный ислам также защищает права человека. Алламах Абу-аль-Аля-Маудуди наметил следующую концепцию прав человека в исламе: каждый человек имеет: 1) право на жизнь; 2) право на безопасность жизни; 3) уважение к женской целомудренности; 4) право на минимальный уровень жизни; 5) личное право на свободу; 6) право на справедливость; 7) “равенство” с другими людьми и 8) право соглашаться или не соглашаться с правилами»¹.

В христианстве прослеживается примерно аналогичная идея². Права человека определяются как требования в уважении достоинств даже тех людей, которые намереваются оскорбить, предельной терпимости и уступчивости даже по отношению к тем, чьи взгляды в корне отличаются от ваших. В Нагорной проповеди Иисус Христос призывает к терпимости и уважению мнений, отличающихся от мнений большинства: «Вы слышали, что сказано: “Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего”. А Я говорю вам: “Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас”. Да будете сынами Отца вашего небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» (Мф. 5: 43–48).

Даже когда понятия о правах человека не полностью разделяются всеми, как, например, в некоторых исследованиях по Восточной Азии, тем не менее всегда подчеркивается универсальное значение уважения к другим, сочувствия к благу других³.

Однако наблюдая поддержку или релятивизм на почве противоположных воззрений на права и свободы, высказываемых западными современными сообществами и сообществами, связанными с традиционными и религиозными нормами, задаешься вопросом о поиске путей примирения моральных и этических основ стремления к благу с современной концепцией прав человека.

3. Сложность реализации, универсальность прав человека.

Релятивизм, выдвигающий на первый план источники традиционного, исторического и культур-

ного окружения, часто рассматривается как уход от универсальной реализации, распространения и укрепления прав и основных свобод человека, зафиксированных в международных правовых механизмах.

В сообществах с укоренившимися традициями боязнь западных ценностей, а также распространения западной философии и экономической политики часто приводит к нежеланию или отказу следовать идеям, разработанным в рамках концепции прав человека. Сторонники релятивистской позиции не принимают универсальность прав человека в качестве базового принципа, так как это противоречит местным традициям, ценностям и обычаям.

Однако под универсальностью прав человека вовсе не обязательно понимать универсальную реализацию прав человека, которая была разработана на международном уровне без учета культурных, религиозных, традиционных и этических норм, существующих в отдельной стране.

Концепция прав человека, которая стремится к достижению универсального блага для каждого человека, имеет много общего с мировыми религиями и традициями. Вопрос заключается в том, действительно ли в рамках каждой культуры наблюдается стремление к достижению блага носителей этой культуры и возможен ли путь к воссоединению концепции прав человека с этим традиционно обусловленным подходом. Сложность задачи — в том, чтобы найти в местной культуре тех, кто воспримет концепцию прав человека, уверенно будет гарантировать процесс реализации прав человека.

Задача исследователя — найти среди традиционных ценностей такие, которые способны с легкостью воспринимать идеи, выдвигаемые сторонниками прав человека.

4. Традиции и ценности, которые могут служить основой для реализации.

Религия. Опыт большинства западноевропейских и североатлантических сообществ показывает, что по мере развития плюрализма, демократии и толерантности отмечаются некоторый уход в сторону с общественной арены религии, приобретение ею частного характера и общее усиление секуляризации как определяющего контекста общественной жизни.

Специфичная форма данного процесса — когда секуляризация вытесняет религию из общественной сферы — привела к ослаблению притязаний религии на общественную сферу. В одном исследовании на тему влияния процесса модернизации на традиционные сообщества было выдвинуто предположение, что традиционные религиозные ценности часто играют решающую роль в процессах развития, защиты и реализации прав человека.

Так, Дж. Клейтон в своем исследовании рассматривает вопрос о примирении и сотрудничестве между правами и свободами, разработанными на международном уровне и основанными преимущественно на европейских (западных) ценностях и исторических достижениях, и традиционными (в данном случае религиозными) аспектами культуры, на которых главным образом основано человеческое бла-

¹ *Allamah Abu al-A la Mawdudi.* Human rights in Islam // Al Tawhid Journal. 1996. Vol. 4. № 3.

² *Fortman Bas de Gaay, Maohamed Salih M. A.* The Life and Times of Religion and Human Rights // Meeting Culture: Essays in Honour of Arie de Ruijter / E. A. van Beek Walter [et al.] (eds.). Maastricht : Shaker, 2003. P. 92.

³ *Clayton J.* Universal Human Rights and Traditional Religious Values // Society. 2004. Vol. 41. P. 36.

гополучие в традиционных обществах¹. В рамках религиозно-ценностного дискурса можно обнаружить определенные права человека, «глубоко укорененные в досовременном прошлом, которым недоставало лингвистического и концептуального аппарата современных концепций прав человека».

Семейные ценности. Принято считать, что свободы и права, конкретизированные в международных механизмах прав человека, обеспечивают правовую защиту интересов, связанных с семейными ценностями. Традиционные общества, основанные на религиозных нормах, нравах и этических категориях, рассматривают семью как краеугольный камень общества. Таким образом, важное значение семьи, уважительное отношение к родителям (независимо от их поведения), любовь и забота о детях (родители, даже если страдает их собственное благополучие, должны отдавать все лучшее детям), идеализация большой семьи в традиционном обществе, высокий уровень рождаемости — все это можно использовать в качестве оснований, на которые защитник прав человека может опираться в споре о возможности абортов, эвтаназии, (традиционных) гендерных ролях и нормах сексуального поведения, отношении к детям, принятии или отвержении гомосексуализма.

Отечество (национальная гордость). Для стран, ориентированных на семью и традицию, характерны, среди других особенностей, высокий уровень национальной гордости, большее уважение к властям, доверие к высшей власти. Третье поколение прав человека, связанное с проблемами окружающей среды

и социальной экономики, может апеллировать к данным аспектам.

Заключение

Во время Всемирной конференции по правам человека, состоявшейся в Вене в 1993 году, государственный секретарь США предупредил об угрозе превращения культурного релятивизма в последнее «прибежище» угнетения. Однако некоторые делегаты, слушавшие Уоррена Кристофера, по этому поводу затаили, вероятно, собственные опасения насчет того, что такое упорное требование универсализма с легкостью может стать последним «прибежищем» империализма.

Однако сторонники релятивистского подхода обоснованно сетуют на то, что Запад в целом и Соединенные Штаты Америки в частности используют свои приоритеты в области прав человека как средство навязывания всему остальному миру собственной политической идеологии и экономической политики.

Действительно, несовпадение традиционного и современного подходов, основанных на концепции прав человека, с достижением всеобщего блага — не оправдание для властей, не желающих принять на региональном уровне механизмов, выработанных в международном сообществе.

Рассмотренный в данной статье подход ориентирован на нахождение возможности примирения универсализма и релятивизма с целью достижения всеобщего блага на основе воссоединения концепции прав человека с традиционной моралью и этикой государства.

Н. А. Крашенинникова²

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ИНДИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Приобретающее ныне парадигмальный смысл понятие «правовая культура» как важнейший компонент любой цивилизации перемещает центр внимания исследователя на «человеческое измерение» права, мировоззрение человека, его культурные установки, систему ценностных ориентаций, которые оказывают непосредственное влияние на его поведение.

Ни в отечественной, ни в зарубежной правовой литературе нет однозначного понятия правовой культуры, содержания и структуры ее смыслового ядра, соотношения этого понятия с такими установившимися правовыми категориями, как «правовая система», «правосознание» и пр.³

¹ Clayton J. Op. cit. P. 36–41.

² Профессор кафедры истории государства и права Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, заслуженный профессор МГУ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. книг: «Ограничение гарантий неприкосновенности личности в английском праве. Habeas Corpus Act 1679 г. и чрезвычайное законодательство в Англии», «Индусское право: история и современность», «История государства и права Кубы», «История права Востока» и др. Член редколлегии журналов «Древнее право», «История государства и права». Лауреат премии им. М. В. Ломоносова.

³ О различных трактовках термина «правовая культура» см.: Право и культура. М., 2002. Гл. 2.

Правовую культуру в широком значении «правовой действительности», или «правовой жизни», можно определить как систему исторически сложившихся правовых традиций, убеждений, ценностей, идей, установок практического правомерного поведения, обеспечивающего воспроизводство правовой жизни общества на основе преемственности. Наиболее яркие выражения правовая культура как одна из составляющих различных локальных цивилизаций находит в традиционно устойчивой совокупности правовых источников, принципов, норм, процедур, традиционном правосознании, сложившихся в процессе длительного взаимодействия правовых, моральных, религиозных стандартов.

Особую актуальность ныне приобрело сравнительное изучение традиционных правовых культур постколониальных восточных стран и современных государств Запада в аспекте проблемы прав человека, являющихся гуманитарным измерением любой цивилизации⁴. Изучение проблем прав человека в различных правовых культурах определило, в частности, относительно недавнее появление научного течения

⁴ См.: Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М., 2009.

под названием «правовой полицентризм», объединившего ряд западных юристов, социологов, антропологов, философов права и др. В основе взглядов этих ученых лежит идея об определяющем влиянии на проблему прав человека образа жизни, сложившегося в ходе исторического развития той или иной цивилизационной общности¹. При этом не случайно их особый интерес проявился к правовой культуре Индии. Индийская цивилизация — одна из великих, переживших века непрерывных мировых цивилизаций, в историческом развитии которой ведущей соционормативной базой была и в значительной мере остается «суперрелигия» индуизма, ее религиозно-философская традиция.

Индуизм как синтез разнообразных и часто противоречивых идей, норм, культовой и обрядовой деятельности, поведения религиозно-ориентированного индуса в обществе, государстве, семье представляет собой не столько религию, сколько образ его жизни со своей престижно-ритуальной философией личности, социальной кастовой структурой и традиционными принципами права, морали, в основе которых лежат такие непреходящие ценности, как «Закон кармы», варно-кастовая дхарма, религиозный долг и пр.

В Индии продолжают сосуществовать две сферы общественных отношений, каждая со своей соционормативной культурой, системой ценностей: одна — современная, капиталистическая («вестернизированная», рационализированная), другая — традиционная, докапиталистическая с ее стойкой религиозно-философской ориентацией, общинно-коллективистскими началами и пр. Капитализм с его современными либеральными ценностями, будучи внедренным в культурно-цивилизационную целостность страны, получившей мощный импульс развития благодаря целенаправленной политике независимого государства, не смог подчинить законам своего развития нормативно-ценностные установки даже тех социальных слоев, которые так или иначе были втянуты в процессы капиталистического развития. Сосуществование этих двух сфер общественных отношений наряду с множеством национальностей, этносов, языков, религий, каст Индии является причиной крайнего правового плюрализма этой страны (не ставшего еще предметом заслуженного внимания в отечественном правоведении).

Наряду с современной Конституцией Индии, в которой провозглашен «демократический», «светский» характер независимой республики с современными нормами законов и судебных прецедентов, в стране действует и традиционное, религиозное право, причем в двух формах. Это официально признанные принципы, институты и нормы персонального права индусов, мусульман и других религиозных общин (главным образом, в области брачно-семейных отношений) и не признанные, истари сложившиеся общинные, кастовые правовые обычаи. Харак-

¹ Первая конференция этого движения была проведена в 1992 году в Копенгагене под руководством профессора Хана Перелсона. Публикации «правовых полицентристов» наиболее часто появляются в журнале «Архив правовой и социальной философии», издаваемом в Висбадене (Archiv für Rechts und Sozialphilosophie. Wiesbaden).

терной чертой индийской правовой культуры остается не только деятельность традиционных панчатных (кастовых) судов, решения которых зачастую противоречат нормам общенационального государственного права, но и действие архаических консервативных обычаев и обыкновений, ущемляющих конституционные права прежде всего «слабых слоев индийского общества», к числу которых Конституцией Индии 1950 года были отнесены представители так называемых «неприкасаемых каст», индийские женщины и дети.

Необходимость модернизации правовой системы была осознана правящими кругами страны с первых дней независимости Индии. Вскоре после принятия Конституции в 1955–1956 годах в Индии был принят так называемый «Индусский кодекс», кодифицирующий и реформирующий нормы религиозного персонального права индусов, а также ряд других законодательных актов, нормы которых с последующими изменениями стали показателем отхода индийского общества от представлений о неравноправном, зависимом положении индийской женщины, от взгляда на нее только как на члена семьи, группы, а не индивида с собственными правами². Но наиболее последовательное протворчество против архаических обычаев, не только противоречащих элементарным общечеловеческим нормам морали, но и прямо угрожающих правам индийских женщин на человеческое достоинство, здоровье и даже жизнь, развернулось в конце XX — начале XXI века, когда был принят ряд радикальных законов: дополнительные законы 1984 и 1986 годов о запрещении приданого (в основном за ритуально-престижного жениха)³; закон о предотвращении сати 1987 года⁴, впервые принятого еще в 1829 году, но нарушаемого до сих пор; закон о защите женщин от домашнего насилия 2006 года⁵. В том же году был принят закон о запрещении браков несовершеннолетних⁶ (традиционно широко распространенных в Индии вплоть до настоящего времени). К этому списку можно отнести и закон о специальных семейных судах 1984 года⁷ и закон о предотвращении злоупотреблений в области дородовой диагностики 1994 года⁸, запрещающий определение пола будущего ребенка методами УЗИ с целью недопущения рождения девочек и др.

Общей, главной целью этих законодательных нововведений стало не только и не столько запрещение (prohibition) архаических обычаев, утверждающих неравноправие, влекущих за собой безнаказанные

² См.: Крашенинникова Н. А. Индусское право: история и современность. М., 1982.

³ Dowry Prohibition (Amendment) Act 1984, Dowry Prohibition (Amendment) Act 1986 // Mukherjee A. Marriage, Separation, Divorce. 3 ed. Kolkata, 2002. P. 827–847.

⁴ The Commition of Sati (Prevention Act) // Gazette of India. Extraordinary. Part II. Sec. 1. 14 Jan. 1988.

⁵ The Protection of Women from Domestic Violence Act // Gazette of India. Extraordinary. Part II. Sec. 1. 14 Sept. 2005.

⁶ The Prohibition of Child Marriage Act // Gazette of India. Extraordinary. Part II. Sec. 1. 11 Jan. 2006.

⁷ The Family Courts Act // Gazette of India. Extraordinary. Part II. Sec. 5. 14 Sept. 1984.

⁸ The Pre-natal Diagnostic and Prevention of Misuse of Official gazette. Part I. Sec. 2. Sept. 1994. Подробнее об этом см.: Крашенинникова Н. А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. М., 2009. С. 253–294.

преступления против индийских женщин, сколько их предупреждение и окончательное подавление (**stamping out obnoxious practice**) путем издания различных приказов досудебной защиты прав женщин, прежде всего так называемых «запретительных приказов» (injunction). Объединяет эти законы их ярко выраженный радикализм, связанный прежде всего со значительным ужесточением уголовных санкций (вплоть до применения смертной казни), значительным расширением по усмотрению суда круга лиц, включаемых в категорию соучастников преступления, отказом от принципа презумпции невиновности при обвинении в этих преступлениях. Характерной чертой этих законов стали также положения о формировании правительствами штатов специальных судов, создании корпуса специальных должностных лиц: магистратов, общественных обвинителей, правозащитников, сети учреждений — опеки, приютов, больниц и прочего для защиты пострадавших от насилия женщин.

Если до конца XX века законодательство Индии против жестокости и насилия было направлено в основном на защиту женщин, находящихся в браке, и главным образом против таких крайних форм проявлений жестокости, как доведение женщин до самоубийства, то с принятием в 2006 году закона о защите женщин от домашнего насилия произошло значительное расширение как самого понятия насилия, так и методов и средств судебной и досудебной защиты женщин против этого социального зла¹. В ст. 3 этого закона к «домашнему насилию» были отнесены любые действия, бездействие или поведение ответчика, который причинил вред, нарушил права или поставил под угрозу жизнь, безопасность, части тела, физическое или психическое здоровье женщины. При этом предполагалось не только физическое или моральное насилие, но и насилие сексуальное, а также оскорбление словом, психическое или экономическое давление.

Закон о предотвращении сати был принят в 1987 году с целью окончательного искоренения

этой варварской практики. Острые жестких запретительных мер данного закона было направлено главным образом против ортодоксально настроенных групп индусов, деятельности некоторых храмов, других религиозных индусских учреждений, которые возрождали практику сати, прославляли этот антигуманный обычай вместе с обожествлением женщин, совершивших его во имя своего долга верности умершему мужу. По закону жестко караются, вплоть до применения смертной казни и пожизненного заключения, подстрекатели и пособники сати. Созданные на основании ст. 11 данного закона Специальные суды могут принять к своему производству всякое дело без предъявления обвинения любому лицу, только по получению «заявления о фактах, относящихся к преступлению, или на основании полицейского рапорта о таких фактах», при этом бремя доказывания своей невиновности лежит на самом привлеченном к суду (ст. 16).

Рассмотрение отдельных положений вышеназванных законов дает основание утверждать, что проблема искоренения традиционно институализированного неравенства индийских женщин, гарантий защиты их прав на жизнь, здоровье, человеческое достоинство приобрела ныне в Республике Индия первостепенное политико-правовое значение. При этом следует, однако, признать, что для достижения целей этой политики в стране с традиционным религиозно-ориентированным мировоззрением большинства населения потребуются немало времени. Подводя первые итоги проведения этой политики, необходимо сказать и о том, что реалии Индии с ее научными и экономическими достижениями, «вестернизированной» системой управления, конституционным закреплением прав и свобод индийских граждан с непрерывной борьбой за действительность их гарантий свидетельствуют об адаптивном превосходстве современного общества, вставшего на путь прогресса, против консервативного традиционализма прошлого.

А. В. Лавренко²

УРЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Санкт-Петербург с момента своего образования был многонациональным и многоконфессиональным городом. Сама природа города, возникшего без коренного населения, предусматривала приток в него людей различных национальностей и веро-

исповеданий, предполагала взаимопроникновение и взаимообогащение культур.

От мирного сосуществования представителей различных национальностей, культур, конфессий напрямую зависит спокойствие жителей нашего города, поэтому Следственное управление в своей деятельности не могло не уделить внимание проблеме, имеющей место в этих взаимоотношениях. По нашему глубокому убеждению, лишь комплексный подход к решению данных проблем может дать нужный результат, поэтому работа Следственного управления осуществляется сразу по нескольким направлениям.

Первое — противодействие этнической преступности.

¹ По официальной статистике в Индии насилие в отношении женщин происходит каждые 4 минуты (См.: National Crime Record Bureau // Crimes in India. New Delhi, 2002).

² Руководитель Следственного управления Следственного комитета при Прокуратуре РФ по Санкт-Петербургу. В органах прокуратуры — с 1993 года. Работал следователем, заместителем начальника Следственного управления Прокуратуры Ульяновской области, прокурором Железнодорожного района г. Ульяновска. С марта 2005 года — заместитель прокурора Санкт-Петербурга, с октября 2007 года — руководитель Следственного комитета при Прокуратуре РФ по Санкт-Петербургу.

Необходимо отметить — у преступников нет ни национальности, ни религии. Ни одна конфессия не призывает к совершению преступлений. Если кто-то из преступников прикрывается религиозными «нормами», то это, на наш взгляд, нельзя трактовать иначе как трусость и стремление к самооправданию.

К сожалению, приходится констатировать, что Санкт-Петербург является одним из наиболее привлекательных центров миграции в Российскую Федерацию, в том числе и незаконной. В настоящее время, по оценке УФМС, в городе живут от 60 до 80 тыс. незаконных мигрантов, как правило, выходцев из среднеазиатского региона. Нелегальные мигранты, не имея востребованной профессии, в условиях оторванности от своих культурных ценностей, языка, будучи изначально не мотивированы прилагать усилия, чтобы занять достойное место в новой экономической и этнической среде, создают социальную напряженность, зачастую находят выход в пьянстве, употреблении наркотических средств, насилии и встают на путь совершения преступлений.

При этом нередко ими совершаются преступления, немыслимые в их традиционном обществе. Например, при криминологическом анализе личности преступников, совершивших половые преступления, было установлено, что четверть из них составляют иностранные граждане, нелегально находящиеся на территории России. Так, сотрудниками Следственного управления в 2009 году изобличена преступная группа в количестве 4 человек, состоящая из незаконных мигрантов, систематически совершавшая дерзкие нападения на женщин с целью хищения их имущества и изнасилования на территории Невского района. Данные лица обвиняются в 6 эпизодах преступной деятельности.

Особую опасность представляют иммигранты, которые не просто ведут маргинальный образ жизни, но образуют и пополняют этнические преступные группировки, обеспечивают интересы теневой экономики, наркоторговли, иной криминальной деятельности. Так, в настоящее время в Следственном управлении расследуется целый ряд уголовных дел о преступлениях организованных этнических преступных группировок — убийствах, грабежах, разбойных нападениях, вымогательстве. Расследование данных дел показало, что проблема нахождения незаконных мигрантов на территории Санкт-Петербурга приобретает комплексный характер.

Многие мигранты совершают насильственные и корыстно-насильственные преступления в отношении работников и имущества организаций, в которых нелегально работают. Зачастую они и проживают нелегально на территории этих организаций. Так, при расследовании серии преступлений, совершенных мигрантами на территории Адмиралтейского района, в помещениях бывшего завода «Красный треугольник» был обнаружен, по сути, целый поселок незаконных мигрантов, проживавших там на протяжении длительного времени.

Указанные примеры демонстрируют, что незаконная миграция не может существовать как без явной заинтересованности работодателей в привлечении незаконных мигрантов ввиду дешевизны их тру-

да, так и без коррупционного прикрытия со стороны нечистоплотных сотрудников правоохранительных и контролирующих органов. В связи с этим для противодействия незаконной миграции в Следственном управлении разработан комплекс мер. Налажены контакты с управлением Федеральной миграционной службы, руководители которой проявляют большую заинтересованность в очищении своих рядов.

Одним из приоритетных направлений борьбы с незаконной миграцией является противодействие коррупционной составляющей данного явления. Только в 2009 году в тесном взаимодействии с прокуратурой города и иными правоохранительными органами было возбуждено 5 уголовных дел о преступлениях должностных лиц, связанных с коррупционным прикрытием деятельности незаконных мигрантов. Эта деятельность Следственного управления будет продолжена и впредь.

Не секрет, что проблемы, создаваемые для горожан незаконными мигрантами, отчасти провоцируют рост националистических настроений, особенно среди молодежи, что выливается в совершение преступлений на экстремистской почве. Поэтому второе большое направление деятельности Следственного управления — противодействие экстремизму.

Все преступления на почве экстремизма, совершенные в Санкт-Петербурге, зиждутся на идеологии неонацизма, бескомпромиссной и жестокой борьбы, направленной на возбуждение расовой и национальной нетерпимости. В этом плане необходимо понимать, откуда берется сама идеология преступников. Анализ уголовных дел показал, что в абсолютном большинстве лица, совершившие преступления, являлись участниками незарегистрированных общественных объединений националистического толка, таких как «Славянский Союз», «Славянская община», «ДПНИ», «Скинхеды», «Русское народное ополчение». По сути, каждое из этих движений подчеркивает исключительность определенной нации и опасность для нее со стороны иноземцев.

Следственное управление продолжает работу в составе межведомственной рабочей группы по борьбе с проявлениями экстремизма, возглавляемой заместителем прокурора города, куда входят представители всех правоохранительных органов города, контролирующих органов, Правительства Санкт-Петербурга. В структуре Следственного управления функционирует постоянно действующая следственная группа для расследования преступлений экстремистского и террористического характера. Налажен учет уголовных дел о преступлениях с выявленным или предполагаемым экстремистским мотивом. Всего в 2009 году на территории города зарегистрировано 12 таких преступлений.

Все уголовные дела с экстремистским мотивом ставятся на особый контроль в Следственном управлении. Расследование по ним осуществляет отдел по расследованию особо важных дел. Из 12 уголовных дел данной категории в настоящее время раскрыто 11. Так, в суд направлено уголовное дело по обвинению 11 человек, совершавших нападения на иностранных граждан по экстремистским мотивам на территории Пушкинского района. Направлено

в суд уголовное дело по обвинению 7 человек в совершении по мотиву расовой ненависти покушения на убийство Мкамы. Закончено следствие по уголовному делу по обвинению 26 человек в совершении серии нападений и убийств иностранных граждан на территории различных районов города. При этом сотрудниками Следственного управления осуществляется борьба как с исполнителями преступлений с экстремистским мотивом, так и с их идейными вдохновителями. Так, в суд направлено уголовное дело в отношении организованной преступной группы под руководством Душенова, наладившей издание печатных и видеоматериалов, разжигающих национальную и религиозную ненависть.

В одном ряду с Душеновым стоят и экстремисты, прикрывающиеся учением ислама. Так, Следственным отделом по Адмиралтейскому району направлено в суд уголовное дело по обвинению гражданина Таджикистана Искандерова в совершении преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, по факту распространения в молитвенной комнате на Сенном рынке Санкт-Петербурга книги Такиуддин Ан-Набхани «Система ислама», в которой пропагандируются экстремистские идеи. Аналогичные уголовные дела по фактам распространения также запрещенной в Российской Федерации «Книги единобожия» расследовались в свое время отделом по расследованию особо важных дел и прокуратурой Василеостровского района.

90 % всех преступлений, связанных с нападениями на лиц с другим цветом кожи, совершены лицами в возрасте от 14 до 18 лет, по сути подростками, с несформированными жизненными убеждениями, которые, даже не понимая сути идеологии, извлекают из нее лишь понятные для себя аспекты — это агрессия и вражда. В этом возрасте даже слабой искры национализма, любой более или менее стройной теории врага достаточно для того, чтобы человек стал преступником. В опасном переходном возрасте нужно уберечь детей от этого негатива.

Причиной массового увлечения неонацизмом является доступность страниц соответствующего содержания в Интернете — самом популярном у молодежи источнике информации. В итоге подросток попадает в реальную паутину нацистских идей, знакомств, совместных акций на этой почве. И ему из этого подчас самостоятельно не вырваться.

В связи с этим необходимо уделять особое внимание противодействию пропаганде экстремистских идей в Интернете. В России ежедневно Сетью пользуется 16 % населения: 17,7 млн человек в возрасте от 18 лет или 19,2 млн человек в возрасте 16 лет и стар-

ше. Об этом свидетельствуют данные опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» осенью 2008 года. Для сравнения: аналогичный опрос, проведенный ФОМ пять лет назад (осенью 2003 г.), показал, что всего лишь 3,2 млн человек (3 %) составляли ежедневную аудиторию Интернета. Всего осенью 2008 года опрошено 110 тыс. респондентов.

Многие пользователи Интернета считают его важной частью своей жизни: более четверти из них (26 %) полагают, что их жизнь без Всемирной паутины сильно изменится. Причем в таких мегаполисах, как Москва и Санкт-Петербург, этот показатель существенно выше.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что в последние годы Интернет используется заинтересованными лицами как быстрый, анонимный и практически неконтролируемый способ планирования и совершения преступлений. В связи с этим особая роль должна отводиться налаженной системе мониторинга Интернета. На наш взгляд, необходимо усилить ответственность провайдеров за размещение в Сети материалов экстремистского характера.

Третье важное направление в деятельности Следственного управления по решению проблем межнациональных отношений составляет профилактическая работа, направленная на повышение толерантности в обществе, на стремление к диалогу людей разных культур. Неоценимую помощь в этом оказывает Общественный совет при Следственном управлении, куда вошли видные общественные деятели Санкт-Петербурга. В рамках заседаний Общественного совета с привлечением депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга, членов правительства города, представителей городской прокуратуры и правозащитных организаций было проведено обсуждение проблем подростковой преступности, в том числе и экстремистского характера, выработан комплекс мер, направленных на предотвращение такого рода преступлений. В августе 2009 года под эгидой Общественного совета состоялся круглый стол руководителей всех религиозных конфессий города, на котором обсуждались вопросы взаимодействия религиозных объединений с правоохранительными органами и институтами гражданского общества с целью повышения взаимного уважения традиций и ценностей различных национальностей.

Системная работа по предотвращению преступлений, в том числе и на межнациональной почве, является приоритетной в деятельности Следственного управления и будет вестись и впредь.

В. В. Лапаева¹

ПРАВОПОНИМАНИЕ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ (Сравнительный анализ российской и западноевропейской правовой мысли)

Вся история развития юриспруденции — это история противоборства различных типов правопонимания², то есть различных подходов к пониманию того, что есть сущность права как особого явления социальной жизни. Знание истоков и характера доминирующего в стране типа правопонимания — это ключ к познанию ее правовой культуры и осмыслению ее цивилизационной идентичности в целом. Применительно к России такое познание невозможно без сравнительного анализа западноевропейской и российской правовой мысли, потому что начиная с эпохи русского Просвещения Россия всегда осознавала и идентифицировала себя в сопоставлении с Европой³.

Подход к пониманию права в России всегда отличался заметным своеобразием по сравнению с западной философско-правовой культурой, истоки которой коренятся в древнегреческой философии и римской юриспруденции. Главным стержнем западной философии права является ее гуманистическая, человекоцентристская ориентация, понимание права как формы индивидуальной свободы человека в общественной жизни. Русская же правовая мысль развивалась во многом под влиянием системостратегической в своей основе византийской духовной традиции, в рамках которой право трактовалось как некая стоящая над человеком и подчиняющая его форма духовного единения людей на базе правды-справедливости, божественной благодати, христианской этики и т. д.

Греко-римский подход к праву как способу упорядочения общественной жизни на основе индивидуальной свободы изначально был чужд российскому менталитету. Даже в «золотой век» отечественной философии, пришедший на конец XIX — начало XX века, человекоцентристское правопонимание не занимало в ней сколько-нибудь значительной по-

зиции. В трактовке ключевой для правопонимания проблемы общего блага доминировал не универсалистский (западный), а соборно-коллективистский (византийский) подход, согласно которому общее благо рассматривалось не как условие блага каждого, а как некое высшее, господствующее над индивидом начало⁴.

Приверженцы наиболее авторитетного в отечественной философии права морально-религиозного направления, которых можно, по-видимому, рассматривать как выразителей неких фундаментальных особенностей российского менталитета, трактовали общее благо как форму проявления стоящих над индивидом нравственно-религиозных ценностей милосердия, правды, социальной справедливости и т. д. Подобное общее благо составляет, по их мнению, основы человеческой солидарности, достижение которой требует от каждого индивида ограничения его индивидуальной свободы. С позиций такого подхода право рассматривается как подчиненное, вторичное (можно сказать, второсортное) начало по отношению к нравственности.

Истоки расхождений между западноевропейской и российской традициями правопонимания специалисты видят в глубинах религиозно-философской антропологии, где формируется специфический для византийско-московского православия подход к оценке человека не по деяниям его, а сквозь них, по принципу «не важно, что ты делаешь, важно, кто ты есть»⁵. Этот критерий оценки человека, воспринятый российской философско-правовой мыслью, предопределил, как справедливо отмечает Э. Ю. Соловьев, свойственное ей «высокомерное презрение к новоевропейской политико-юридической культуре»⁶, для которой человек — это прежде всего совокупность его поступков.

Тем не менее трудно согласиться с выводом автора, что «русская философия — сомнительный и ненадежный союзник в нашей сегодняшней борьбе за право и правовую культуру»⁷. Проблема заключается в том, что борьба за право в России обречена на поражение, если не будет найдена надлежащая концептуальная стыковка рационализма западной философско-правовой традиции, в основе которой лежит «римская идея» абстрактного, обезличенного (а потому и всеобщего) формально-правового равенства, с идущей от раннего христианства «русской

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), советник Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 150 научных публикаций, в т. ч. книг: «Вопросы права в “Капитале” К. Маркса», «Конкретно-социологические исследования в праве», «Законодатель и общество», «Право и политика: из научной публицистики», «Право и многопартийность в современной России»; учебников: «Социология права» и «Российская социология права»; ответственный редактор и соавтор «Комментария к Федеральному закону “О политических партиях”», сборника «Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития». На протяжении многих лет занималась экспертизой законопроектов в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Член редколлегии журналов «Социологические исследования» и «Науковедение».

² Тип правопонимания представляет собой специфический для юриспруденции вид научной парадигмы, содержащей принцип упорядочивания знания о праве и обеспечивающей единство и внутреннюю непротиворечивость процесса познания в рамках заданной парадигмы.

³ Межуев В. М. Россия в диалоге с Европой. URL: <http://www.lebed.com/2006/art4797.htm>

⁴ «В отсутствие свободных индивидов, общего правопорядка и государственной организации публичной власти, — писал В. С. Нерсесянц, — понятие “благо” в России относилось к трансцендентальной божественной сфере, а не к делам мира сего, не к светской области, не к организации социальной и политической жизни людей, не к их правам, свободам, интересам». См.: Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2006.

⁵ Синченко Г. Ч. От митрополита Илариона до Н. А. Бердяева. Тысячелетний оксюморон русской философии права // Философия права. 2000. № 1. С. 16, 18.

⁶ Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. М., 1991. С. 232.

⁷ Там же. С. 234.

идеи» ответственности каждого не только за себя, но и за других¹.

Именно осознание того, что рациональное начало «римской идеи» должно быть взаимосвязано с солидаристскими основаниями «русской идеи» в рамках единого подхода к правопониманию, обусловило постоянный интерес отечественной философии права к выработке такого понятия права, которое согласовывало бы между собой индивидуальную свободу как личное благо и социальную справедливость как общее благо. Однако возможность подобного синтеза отечественные философы связывали лишь с нравственным самоограничением индивидуальной свободы ради социальной справедливости.

Принципиально иной подход к решению этой проблемы возможен на базе разработанной В. С. Нерсесянцем либертарной концепции права, в рамках которой под сущностью права понимается формальное равенство, раскрываемое как единство трех составляющих: всеобщей равной меры регуляции общественных отношений, свободы и справедливости². В концепции В. С. Нерсесянца понимание права как меры свободы смыкается с трактовкой права как формы справедливости, обеспечивая *синтез свободы и справедливости на базе и в границах права*. При этом справедливость предстает не как нравственная категория, отражающая те или иные партикулярные в своей основе представления об общем благе, а как всеобщее формально-правовое начало, которое возвышается над «партикуляризмом факти-

ческого... и оценивает это фактическое формально-равным, а потому и одинаково справедливым для всех мерилom»³. Данный подход не исключает правового характера так называемой социальной справедливости, если в своей перераспределительной функции она не выходит за рамки правовой компенсаторности (в противном случае перераспределение в пользу слабых нарушает правовое равенство и приобретает характер привилегии)⁴.

В контексте такого подхода свобода человека предстает как его возможность воспользоваться своими правами в меру личных волевых усилий, то есть в меру реализации человеком его сущности как разумного существа, обладающего свободной волей, когда эта воля не деформирована привнесенными обстоятельствами, связанными с давлением чужого произвола или с социобиологической слабостью самого индивида. Это не означает, что правовая норма утрачивает присущий ей всеобщий характер. Просто в результате все большей дифференциации правового регулирования в зависимости от степени социальной незащищенности тех или иных слоев общества (что является следствием демократизации политической жизни) сужаются границы, в которых норма имеет всеобщий характер, но суть права как всеобщей меры свободы при этом не меняется. Таким образом, идея бесконечности человеческой личности, которая, как писал В. С. Соловьев, «есть аксиома нравственной философии»⁵, получает адекватное правовое воплощение.

С. А. Маркова-Мурашова⁶

ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ (На примере семейного права)

Современный правовой мир понимается лучше, если его представить как комплекс правовых традиций. Различные правовые традиции являются лучшим средством для понимания и сосуществования человеческого разнообразия во все более и более взаимозависимом мире.

Под правовой традицией следует понимать совокупность глубоко укоренившихся в сознании людей и исторически обусловленных их отношений к роли права в обществе, природе права и политической идеологии, а также к организации и функционированию правовой системы.

Без преувеличения можно сказать, что с изменением общественных отношений изменяются также и семейные отношения. Не всегда имеются очевидные большие сдвиги, сначала многое осуществляется

постепенно. Однако в течение длительного периода происходят значительные изменения. Даже если понимать право не только как надстройку общественных отношений, то при всем этом оно должно отражать изменения или, по меньшей мере, реагировать на них. Поэтому внимательный взгляд исследователя на изменение семейных отношений более чем оправдан. При этом речь идет не только об изменениях, относящихся ко всему обществу в целом, но также и о семейной и молодежной политике, и о парных отношениях между родителями, детьми и пожилыми людьми. Вместе с тем в современных условиях жизни трудно говорить только о браке и семье без того, чтобы не учитывать их контекст, включающий трудовые, образовательные, социальные, налоговые и пенсионные отношения, и, прежде всего, принципы построения и функционирования современного социального государства.

Брак и семью долгое время воспринимали как основу общественного сосуществования. Одновременно семья часто описывалась как кладь стабильности. Сегодня же мы, напротив, говорим о кризисе и разрушении в данной сфере человеческих отношений. Многие исследователи выражают обеспоко-

¹ О «русской идеи» в ее соотношении с «римской идеей» см.: Межуев В. М. Россия в диалоге с Европой. URL: <http://www.lebed.com/2006/art4797.htm>

² Нерсесянц В. С. Указ. соч. С. 30–47.

³ Там же. С. 47–48.

⁴ Там же. С. 31–32, 509.

⁵ Соловьев В. С. Оправдание добра. М., 1996. С. 202.

⁶ Профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета (Краснодар), доктор юридических наук, доцент.

енность по поводу нынешнего состояния института брака и семьи. Для них очевидно, что культура теряет свои моральные и нравственные нормы, а мы переживаем период упадка института брака¹. В такой ситуации появляются новые формы семейных союзов, насколько они могут решать возникающие проблемы, еще трудно судить. Правда заключается в том, что изменения, происходящие во всех областях жизни общества и государства, не могут не отразиться и на институте брака и семьи. Возникает вопрос: как глубоко они воздействуют на брачно-семейные отношения?

Сравнение института брака в рамках исламской и христианской традиций и перспектив его развития в XXI столетии позволяет создать стартовые условия для непосредственного диалога этих традиций и выработки конструктивных предложений по совершенствованию политики государства в сфере семьи. Красной нитью такого сравнения будет наличие определенной напряженности, возникающей в результате несоответствия между социальной действительностью и нормативными требованиями.

Процесс заимствования исламскими государствами правовых положений из других правовых систем привел к вестернизации исламского права. Такие заимствования в большей степени затронули сферу публичного права и в меньшей — семейные, наследственные и иные личные отношения, то есть сферу частного права.

Вместе с тем функционирование современных правовых систем в исламских государствах свидетельствует о возможностях правовой аккультурации, благодаря которой классическое исламское право совершенно по-новому способно регулировать разные сферы общественных отношений. Это объясняется тем, что оно приспосабливается к современным условиям не только через заимствования правовых положений из территориальных правовых систем, в частности из западного права, но и путем применения формально не противоречащих Корану и сунне обычаев, а также с помощью законотворческой деятельности исламских государств.

Одновременное существование разных образов жизни прибавляет определенные проблемы. Это ведет к коллизиям и конфликтам, выдвигая проблемы фактических семейных отношений на передний план. Правовое регулирование должно справляться с этими проблемами, для того чтобы не создавать напряженности в обществе и пробелов в законодательстве, которые могут заполняться далекими от нравственных и культурных нормами поведения. Иными словами, правовое регулирование брачно-семейных отношений выступает своеобразным показателем правовой культуры общества.

Вне всякого сомнения, ислам в XXI столетии не в состоянии будет избежать влияния западной современности, которая чрезвычайно сверхиндивидуализирована, но это не будет тотальным и концептуальным изменением понимания семьи в исламской правовой традиции. Наоборот, это позволит мусульма-

нам избавиться от некоторых излишних элементов, недостатков, таких как многобрачие или исключение женщины из активной общественной жизни.

И христианскому миру, в свою очередь, есть, что воспринять от исламской традиции — это и утраченное в определенной степени уважение к семье как основе общества и государства, это и принципы отношений в семье между родителями и детьми, старшими и младшими.

Семья всегда будет общественной ценностью. Между демографическим кризисом и кризисом семьи нет прямой связи. Никто сегодня не станет отрицать, что семья меняется. Какой она будет в ближайшем веке, никто не скажет, но совершенно ясно, что она будет значительно отличаться от патриархальной семьи позапрошлого века. Современные семьи становятся двухпоколенными, функции и роли мужчин и женщин видоизменяются. Все эти перемены не означают, что мы семью как общественный институт теряем, но вместе с тем ей нужна помощь.

А чтобы правильно оказать помощь со стороны государства, нужно внимательно отслеживать изменения в семейном укладе в России и мире и адаптировать социальные вызовы к нашему образу жизни. Тем более что Россия, с одной стороны, — светское государство, которое присоединилось к большинству международно-правовых конвенций и документов (в частности о моногамном браке), с другой — своеобразная европейская страна, так как на ее территории много демографических и национально-культурных составляющих, имеющих восточный характер. Об этом свидетельствуют как история, так и современная жизнь. В частности, Г. Ф. Шершеневич в своем учебнике в 1905 году отмечал тот факт, что в Российской империи в виде исключения допускались и многоженство для магометан, и полиандрия — соединение нескольких мужчин с одной женщиной².

В последние десятилетия XX столетия нередко обсуждался вопрос о соблюдении принципа единобрачия как на уровне средств массовой информации, так и в парламентах национальных республик, субъектах Федерации. Например, попытка легализации полигамии имела в Республике Ингушетия, Чечне. Постановлением № 32 от 11 июля 1999 года Администрации г. Урус-Мартан «О некоторых мерах по приведению в соответствие с нормами Шариата супружеских отношений» рекомендовано «пересмотреть свой жизненный уклад и изыскать возможность для заведения от двух до четырех супругов». Предпринимаются также попытки узаконить традицию калыма, руководство Чечни ратует за «спецодежду» женщин и т. д.³

На сегодняшний день мы можем констатировать, что международные европейские стандарты и законодательство в отношении института брака и семьи намного либеральнее, чем российская правовая доктрина, которая, тем не менее, не может не учитывать

² Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Казань, 1905. С. 587.

³ Цит. по: Лушников А. М., Лушников М. В., Тарусина Н. Н. Гендерное равенство в семье и труде: заметки юристов. М., 2006. С. 57.

¹ Роджерс К. Брак и его альтернативы. Позитивная психология семейных отношений / пер. с англ. Е. Г. Розановой. М., 2006. С. 50.

национальных, культурных и религиозных особенностей своих субъектов Федерации. Представляется весьма важным ответ на вопрос: придется ли процессам глобализации и конвергенции в области семейного права отступить перед традициями соответствующих культурных и национальных регионов?

Ответ на этот неоднозначный вопрос необходимо давать на основе результатов историко-правовых и сравнительно-правовых исследований института брака и семьи, но при этом всегда помнить о том, что «этот институт колебать — вообще страшно и преступно. Это значит колебать счастье человеческое, счастье нас всех. И это непременно произойдет, если

кто станет говорить с внутреннею тайною мыслью: ”Семьи и брака вообще не нужно”, ”без них можно и обойтись”. Нет, ”обойтись” никак нельзя, “обходится” только дурной, порочный. Всему доброму брак надобен. И вот раз есть эта мысль — уже с нею ”дотрагивайся”, видоизменяй, трудись около семьи и брака, и трудись — смело. Все дело в добром намерении, в данном случае — в любви и уважении к предмету. Священнее семьи вообще ничего нет, священнее брака вообще ничего в человеческих делах нет. С этою мыслью трудись, трудитесь. Сади, пересаживай, вводи нововведения, только бы ”расцветала семья”, были ”счастливы люди”»¹.

Р. Н. Минченко²

ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВОПОЛАГАЮЩИМ СВОБОДАМ НА ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В УКРАИНЕ

В соответствии с ч. 1 ст. 17 Закона Украины «Об исполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека» суды применяют при рассмотрении дел Конвенцию и практику Суда как источник права. Верховный Суд Украины также обращает внимание на обязательность применения судами Украины международных договоров в своих решениях и постановлениях Пленума. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Украины «Про судебную практику по делам о возмещении морального “неимущественного” вреда» от 31 марта 1995 года отмечено, что соответственно ст. 9 Конституции Украины, действующие международные договоры, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, являются частью национального законодательства Украины.

В частности, к ним принадлежит ратифицированная Верховной Радой Украины Конвенция «О защите прав человека и основоположных свобод», которая, как и другие международные договоры, подлежит применению при рассмотрении дел судами. Закон Украины «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основоположных свобод 1950 года, Первого протокола и протоколов № 2, 4, 7 и 11 Конвенции» предусматривает, что Украина полностью признает на своей территории действие ст. 25 Конвенции о защите прав человека и основоположных свобод 1950 года относительно признания компетенции Европейской комиссии по правам человека принимать от любого лица, неправительственной организации или группы лиц заявление на имя Генерального Секретаря Рады Европы про нарушение Украинской прав, изложенных в Конвенции, и ст. 46 Конвенции о защите прав человека и основоположных свобод 1950 года относительно признания обязательной и

без заключения специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека.

Согласно ст. 11 ГПК Украины суд решает дела относительно Конституции Украины и международных договоров, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины. Европейская конвенция о защите прав человека и основоположных свобод как международный договор должна применяться судами. В системе нормативных актов Украины Конвенция имеет силу закона и формальный приоритет перед другими законами в случаях конкуренции и инкорпорирована в правовую систему Украины через механизм ратификации. Кроме того, следует обратить внимание на такую важную вещь, что факт присоединения Конвенции возлагает на государства-участники обязанность привести свое законодательство в соответствие к европейским стандартам.

Проблема определения, насколько акты национального права по своей силе соотносятся с международными договорами, решается и формулируется по-разному: обычно речь идет о приоритете, сравнительно высшей силе и даже о верховенстве международных договоров относительно законов и подзаконных актов. Таким же способом примат международных договоров по разным вопросам установлен рядом законов Украины, отнесенных к разным отраслям национального права. Однако Конституция Украины не содержит положения относительно примата международного права (международных договоров). Поэтому конституционно признанный примат международного права (международных договоров) не имеет абсолютного характера и обычно не касается самого Основного закона.

Этот тезис является своеобразным постулатом, который основывается, в частности, на идее государственного суверенитета. В теории международного права, как известно, существуют две концепции взаимодействия международного и внутреннего национального права — концепция дуализма и концепция примата международного права.

¹ Розанов В. В. Собрание сочинений: Семейный вопрос в России / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2004. С. 21–22.

² Заведующая кафедрой гражданского процесса Одесской национальной юридической академии (Украина), доктор юридических наук, заслуженный юрист Украины. Автор ряда научных публикаций по проблемам права.

Реальное влияние на правоприменительную практику судов имеют и решения ЕСПЧ, но механизм такого влияния специфичен. Контрольные органы Совета Европы не выразили свою позицию относительно обязательности решений ЕСПЧ, государства-участники Конвенции, как правило, осуществляют соответствующие меры общего или специального характера, которые вытекают из решений ЕСПЧ. Совет Европы, в принципе, удерживается от определенного нормирования следствий принятия решений ЕСПЧ, но его позиция относительно исполнения Конвенции и решений ЕСПЧ воспроизведена в Рекомендации № К (2000) 2 Комитета Министров относительно просмотра дел и возобновления проведения дел на внутрисударственном уровне в связи с решениями Европейского суда по правам человека от 19 января 2000 года. В этой Рекомендации Комитет Министров отметил, что соответственно ст. 46 Конвенции государства-участники Конвенции приняли на себя обязанность придерживаться решений ЕСПЧ.

В юридической литературе распространена точка зрения о том, что решения ЕСПЧ имеют прецедентный характер для национальной судебной практики, что практически свидетельствует о квалификации решений ЕСПЧ как прецедентов. Вместе с тем наличие прецедентного права и обязательность прецедентов в правовой системе Украины не является очевидным, поскольку все-таки статус прецедента как источника права и возможность его применения определяются на законодательном уровне.

Формальная обязательность всех решений ЕСПЧ фактически не снимает вопрос касательно их природы, так сказать, прецедентности и границ такой прецедентности. В правовой теории проблема прецедента имеет давнюю историю и связывается с традицией англосаксонской системы права. В последнее время проблема прецедентности все чаще упоминается в контексте континентальной системы права. Вполне очевидно, что в данное время традиции правовых систем континентальной Европы относительно применения прецедента в принципе являются нерушимыми, но что касается решений ЕСПЧ, то они имеют общеобязательный характер, так как такими они признаны национальным законодательством.

Думается, что прецедентность решений ЕСПЧ следует рассматривать не только с точки зрения собственно прецедентного характера, то есть квалификации их как прецедентов, а с точки зрения общеобязательности. Общеобязательность по своему значению является более значимым свойством решений ЕСПЧ. Для практики применения решений Суда именно этот аспект остается более важным и отображает необходимость применения в судебной практике разных по своему характеру решений ЕСПЧ. Кроме того, очевидным является и тот факт, что в современной правовой доктрине, которая отображает реальное состояние юридической практики в странах романо-германской правовой семьи, является распространенной концепция «уставшей судебной практики».

В соответствии с этой концепцией целый ряд принятых судебных решений может рассматриваться как убедительное доказательство правильного толко-

вания правовой нормы. Предпосылкой отмеченного является систематическое применение в судебной практике правовых положений, которые были сформулированы и использовались судами. Эта концепция стала определенным эквивалентом англосаксонской доктрины действия прецедентного права в странах романо-германской правовой семьи и именно с помощью указанной концепции применяется прецедентное право в европейских странах.

Исследуя деятельность ЕСПЧ относительно толкования законодательных актов, можно прийти к выводу, что анализ упомянутой деятельности Евросуда дает основания утверждать, что его решение, в зависимости от случаев применения, является казуальным толкованием и неофициальным нормативным толкованием. Официальное казуальное толкование имеет место относительно дела, которое рассматривается Евросудом. Такие решения являются обязательными для исполнения только сторонами процесса. Что касается неофициального толкования, то, в отличие от официального казуального, оно является менее формализованным, хотя сфера его распространения должна быть более широкой. Его влияние на национальное судопроизводство осуществляется благодаря учету и внедрению самих принципов, выработанных ЕСПЧ, то есть концептуально-методологических оснований осуществления правосудия при рассмотрении судом конкретных дел.

Другой актуальной научно-практической проблемой является проблема реального и эффективного судебного применения Европейской конвенции о защите прав человека и основоположных свобод и практики (решений) Европейского суда по правам человека. Разнообразная практика (решений) Европейского суда может иметь существенное влияние на судебную практику Украины. Речь идет о применении Конвенции и практики ЕСПЧ в делах о защите имущественных прав, чести и достоинства, деловой репутации, уважения к частной жизни, свободы мысли, совести и вероисповедания, свободы выражения, при возникновении вопросов справедливого судебного рассмотрения и т. п.

Как пример, можно привести и некоторые ключевые решения ЕСПЧ, которые наталкивают на существенное переосмысление определенных юридических конструкций. Так, в деле «Компания «Комингерсоль» против Португалии» содержится положение относительно компенсации морального вреда юридическому лицу. ЕСПЧ признал, что компенсационные выплаты могут быть связаны не только с защитой деловой репутации юридического лица, но и с тем, что в результате ограничения правомочностей юридического лица может возникнуть неопределенность в планировании хозяйственной деятельности, препятствия в управлении компанией, в результате чего возникают осложнения для акционеров, менеджеров, трудового коллектива компании. Такая позиция ЕСПЧ представляет практический интерес, поскольку институт компенсации морального вреда в свое время, как правило, толковался только как способ защиты личных неимущественных благ, направленный на обновление психического благополучия человека.

А. А. Моисеев¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВ

Основным аспектом соотношения национальной правовой системы и международного права является вопрос о суверенитете государств и тенденциях его мирового развития.

В условиях все возрастающей взаимозависимости государств в различных областях общественной жизни возникает вопрос и об изменениях в природе суверенитета государств. Заключая любой международный договор или вступая в международную организацию, государства в различной степени сталкиваются с ограничениями своих прав. Возникает вопрос, ограничивается ли суверенитет государства в эпоху глубокой интеграции и глобализации, и если ограничивается, то до какой степени это возможно, каковы особенности суверенитета государств на современном этапе.

Бывший Генеральный секретарь ООН Б. Гали в своем докладе 1992 года «Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира» заявил, что «время абсолютного и исключительного суверенитета прошло... Задача руководителей государств сегодня состоит в том, чтобы понять это и обеспечить равновесие между потребностями благого внутреннего управления и требованиями все более взаимозависимого мира»².

Ту же идею высказывал и Г. И. Тункин: «суверенитет государств не является абсолютным и не означает неограниченную свободу действий»³.

Устойчивыми в сознании политиков и населения остаются опасения утраты государственного суверенитета, связанные со страхом потери независимости. Государственный суверенитет действительно не означает неограниченной свободы действий государства не только в связи с углублением интеграции, но также и потому, что, преследуя свои национальные интересы, государства добровольно соглашаются ограничивать свои права посредством международных договоров, поскольку это им выгодно.

Не вызывает сомнений, что любое государство по своему усмотрению устанавливает предметы своего ведения вплоть до принятия самостоятельных решений, «ограничивающих» права государства и объем его функций. Доказательством этого факта являются, например, положения конституций, касающиеся

делегирования полномочий государств международным организациям.

Следует понимать, что даже теоретически международное право и внутригосударственное право не установят тех «средств и возможностей» в рамках международной организации, которые позволили бы путем воздействия на компетенцию государства повлечь исчезновение суверенитета государства без его согласия, поскольку в рамках международной организации невозможно ограничить качество суверенитета государства без нарушения самого международного права или изменения статуса такой международной организации.

Общепризнано, что участие государств в международных организациях путем реализации любого объема и качества своих прав является не ограничением, а реализацией суверенитета, даже если речь идет о правах, которые обычно относят к внутренней компетенции государства. Государство, преследуя свои национальные интересы, заинтересовано ограничивать свои права для достижения совместных целей, однако такое «ограничение» никак не умаляет государственного суверенитета. Рамки реализации прав государств обусловлены, прежде всего, их взаимной заинтересованностью в уважении суверенитета и независимости.

Ограничение свободы действий государства представляет собой ограничение не государственного суверенитета, а осуществления его определенных прав, то есть ограничение его правоспособности. Количество государственных прав бесконечно, и любая их реализация — непосредственно государством или через международные организации — является подтверждением его независимости, самостоятельности и суверенитета.

Суверенитет необходимо отличать от того объема прав, которыми обладает государство, а точнее государственная власть. Международные обязательства не лишают государства их универсальной правоспособности, именно поэтому ее ошибочно отождествляют с суверенитетом. Свобода действий государства связана, прежде всего, со *способностью* государственной власти реализовывать государственные права с учетом многих условий — политических, правовых, экономических, экологических, социальных и др.

Появление в политической и юридической литературе утверждений об «ограничении суверенитета», «суверенитете... как совокупности прерогатив», «ограничении и уступке части суверенитета», «уменьшении государственного суверенитета», «необходимости ограничивать суверенитет», «относительном суверенитете» и тому подобных происходит по причине ошибочного отождествления суверенитета с суверенными правами государства, которые называются суверенными только потому, что они государственные.

Суверенитет государства характеризуется не объемом осуществляемых государственной властью

¹ Профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД РФ (Москва), руководитель Центра международного права и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД РФ, доктор юридических наук. Автор более 35 научных публикаций, в т. ч. книг: «Международные кредитно-финансовые организации: правовые аспекты деятельности», «Суверенитет государства в современном мире: международно-правовые аспекты», «Международные финансовые организации (правовые аспекты деятельности)», «Суверенитет государства в международном праве» и др. Доктор права Австралии. Почетный исследователь Университета Сиднея. Член Российской ассоциации международного права.

² Boutros-Ghali B. An Agenda for Peace: Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peace-keeping, 1992. N. Y., 1992. P. 5.

³ Тункин Г. И. Механизм безопасного мира // Правда. 1988. 18 июня.

функций, а свободой государства возлагать на себя те или иные полномочия или отказываться от них. Только само государство вправе решать, какие вопросы внутренней компетенции и в каком объеме оно делает предметом международного договора. Любые попытки навязать критерии отбора таких вопросов являются вмешательством во внутренние дела государства и нарушением его суверенитета.

Неограниченность государственного суверенитета следует рассматривать не как фактическое всемогущество государства, а как его свободу поступать так, как оно считает необходимым в рамках права. Государственную власть можно считать безграничной только в том смысле, что никакая другая власть юридически не может воспрепятствовать ей в изменении ее собственного правопорядка. Как верно подчеркнул Н. А. Ушаков: «Установление международным правом юридических пределов свободы внешнеполитических действий государств есть не ограничение суверенитета, а наоборот, утверждение государственной независимости в международных отношениях»¹.

Основная идея суверенитета на современном этапе заключается в том, чтобы государство было в состоянии в любой момент свободно взять на себя осуществление необходимых ему полномочий либо отказаться от них, включая возможность отказаться от ранее принятых международных обязательств. Исходя из этого, говорить, что государство обладает суверенитетом в зависимости от осуществляемых им государственных прав, неверно. В отличие от государственных прав суверенитет государства неделим и как качественная категория сохраняет абсолютный характер, представляя собой единую волю народа: либо он есть, либо его нет.

Наличие суверенитета служит признаком, отличающим независимое государство от других субъектов международного права. Само международное право основано на абсолютной природе суверенитета, гарантирующей самостоятельность государств независимо от характера их взаимоотношений и объема осуществляемых полномочий.

В силу абсолютного характера суверенитета государство не подчиняется власти других государств, однако согласно нормам международного права его правоспособность ограничена, поскольку государство обязано как минимум уважать суверенитет других государств и не вторгаться в сферы, относящиеся к их внутренней компетенции.

Однако абсолютный характер суверенитета не означает абсолютной правоспособности государства в международных действиях. Существование неограниченной правоспособности государств невозможно.

Любое осуществление государственных прав непосредственно властью государства на двустороннем, региональном или универсальном уровнях или через межгосударственные механизмы является подтверждением ее независимости и самостоятельности, но не правовой вседозволенности.

Суверенитет как качество государства имеет отношение только к вопросу существования государства как субъекта международного права, его международной правосубъектности, а права государства — к вопросу его международной правоспособности, реализуемой государственной властью, порожденной именно наличием суверенитета. Международная правосубъектность государства абсолютна, а его международная правоспособность относительна. Утрата суверенитета означает утрату международной правосубъектности государства и автоматически влечет потерю международной правоспособности, но не наоборот.

Что касается изменений в государствах, связанных с интеграцией и глобализацией, то, безусловно, они происходят, но касаются лишь объема и содержания государственных прав. В результате усиления политической и экономической интеграции мировой экономики, развития глобализации и деятельности надгосударственных организаций преобразуются государственные права, традиционно относящиеся к вопросам внутренней компетенции — экономике, обороне, правам граждан и пр., которые в современных условиях государства все чаще решаются на международном уровне.

Г. И. Муромцев²

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Какое влияние оказывает глобализация на правовые культуры современного мира? Совместима ли она с разнообразием этих правовых культур? Таковы главные вопросы обсуждаемой темы. Рассмотрению данных проблем должны предшествовать вопросы методологии, что объясняется подвижностью содер-

¹ Ушаков Н. А. Суверенитет в современном международном праве. М., 1963. С. 76.

² Профессор теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук. Автор книг: «Конституции арабских государств», «Мусульманское право (структура и основные институты)», «Источники права в развивающихся странах Азии и Африки. Система и влияние традиции», «Конституционное право развивающихся стран», «Теория государства и права», «Право и политика современной России».

жания понятий правовой культуры, а также недостаточной изученностью проблемы типологии и классификации правовых культур. Попытка определения понятия правовой культуры, в свою очередь, выводит нас на лежащие в его основе понятия культуры и права. В этом смысле понятие правовой культуры есть своего рода смежная категория, представляющая в культуре элемент права, а в праве — элемент культуры³.

Правовая культура есть разновидность «большой» культуры, или культуры в общесоциальном смысле. Поэтому содержательные и структурные «параме-

³ Право и культура / под ред. Н. С. Соколовой. М., 2002. С. 92.

тры» последнего в известном смысле предопределяют соответствующие характеристики первого. Точно так же содержание и структура понятия «право» есть отражение соответствующей правовой культуры. Представляется, что множество определений понятия культуры можно свести к двум его истолкованиям — «широкому» и «узкому». При первом из них понятие культуры отождествляется с некой исторически изменчивой «конструкцией мира», в рамках которой живет и созидает человек, развивается общество. Речь идет о характеристике определенных исторических эпох, общественно-экономических формаций, конкретных обществ, народностей и наций¹. Столь же широкий смысл имеет понятие культуры, включающее все, что в окружающей действительности создано человеком, в отличие от созданного природой². Важно отметить при этом, что культура выражает способы (или средства, механизмы) жизнедеятельности людей, результаты этой деятельности в материальной и духовной сферах, но не собственно социальные отношения³.

При «узком» содержании понятия культуры к ней относят лишь сферу духовной жизни людей либо специфические сферы жизнедеятельности (культуру труда, культуру быта и т. д.). Оба подхода, по нашему мнению, отличает понимание культуры как некоего единства человека и культурной среды, продуктом которой он является. Поэтому практически всюду просматриваются два «пласта» культуры, которые условно можно обозначить как объективный и субъективный.

В реальной жизни происходит постоянное взаимодействие объективных и субъективных элементов (или «пластов») культуры. При этом первый из них есть культурная среда, формирующая человека как носителя данной культуры и выступающая как «система координат», в рамках которой происходит его жизнедеятельность. Второй «пласт» в структуре понятия культуры, представляя микроуровень культуры, является лишь субъективным отражением культурной среды как среды обитания человека в его сознании⁴.

Содержание и структура понятия права по ряду параметров сходны с соответствующими аспектами понятия культуры, хотя бы потому, что первое понятие есть неотъемлемый элемент структуры второго. Однако это сходство является неполным уже в силу того, что часть и целое предполагают различия. Момент сходства состоит, в частности, в том, что понятию права, как и понятию культуры, также присущи широта, многоаспектность и подвижность содержания. Подобно культуре, право также включает элементы как объективного, так и субъективного характера. Их соотношение — в в дении того или иного исследователя — во многом предопределяет характер понимания права. Так, оно может быть «узким», включающим лишь совокупность (систему) обще-

бязательных норм, и «широким» — когда, помимо этого, в его структуру включаются правосознание, правоотношения и т. д. При этом в любом случае оно отражает специфику исторической эпохи и обусловленной ею культуры.

Разнообразные подходы к определению понятия правовой культуры в целом можно свести к двум разновидностям — «узкому» и «широкому». В основе того и другого лежат различия в понимании права и культуры. Так, «узкому», или нормативному, правопониманию соответствует «узкое» понимание правовой культуры, которую сводят к определенному состоянию правосознания, пониманию и исполнению людьми юридических норм⁵. При таком понимании правовой культуры она становится внешним по отношению к праву явлением.

При «широком» понимании правовой культуры одни авторы отождествляют ее с правовой системой общества⁶, другие придают ей еще более широкий смысл, сравнимый в ряде аспектов с понятием культуры в общесоциальном смысле⁷. Хотя такой подход не бесспорен, однако нельзя отрицать, что «большая» культура выступает здесь в качестве парадигмы правовой культуры. Признавая правомерность обоих подходов («узкого» и «широкого») к пониманию правовой культуры, мы в контексте данной работы понимаем ее в «широком» смысле.

Важной составляющей данной темы является вопрос о типологии и классификации правовых культур. В основу типологии мы положим тип цивилизации, в рамках которой и проводится классификация правовых культур. С этой точки зрения мы получим традиционный, то есть добуржуазный, и буржуазный (постбуржуазный) типы правовых культур. Традиционный тип правовых культур отличают прежде всего специфика доктрины (правопонимания), структуры, а также сферы и механизма действия права. Так, традиционное правопонимание исходит из несотворимости права, его данности от Бога, от предков и т. д. Отсюда — право имеет религиозную форму либо религиозно по своей сути и слитно (на известном уровне его структуры) с моралью и религией. Это предопределяет специфику сферы его действия, включающей отношения, которые с позиций современного европейского правопонимания не являются правовыми. Соответственно механизм действия традиционного права порой не предусматривает необходимости государственной защиты правовых норм. К традиционному типу правовых культур следует отнести культуру обычного права и культуру традиционно-религиозного права (иудейского, индусского, зороастрийского, мусульманского).

К буржуазному типу правовых культур относятся англосаксонская и романо-германская правовые

⁵ *Комаров С. А.* Общая теория государства и права. М., 1998. С. 331.

⁶ *Варламова Н. В.* Правовая культура : юрид. энцикл. / под ред. Б. Н. Топорнина. М., 2001. С. 804.

⁷ *Hoock M., van, Warrington M.* Legal Cultures and Legal Paradigms: Towards a New Model for Comparative Law // International and Comparative Law Quarterly. 1998. Vol. 47. P. 514.

¹ Право и культура. С. 76.

² История мировой культуры. Наследие Запада / отв. ред. С. Д. Серебряный. М., 1998. С. 14.

³ Право и культура. С. 77.

⁴ Там же. С. 78.

культуры. Специфика современной правовой карты мира состоит в том, что она включает наряду с развитыми правовыми культурами буржуазного типа и переходными к ним (как, например, в России) элементы всех предшествующих разновидностей традиционных правовых культур. С разной степенью интенсивности они проявляются в обширных регионах Африки, Ближнего и Среднего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. При этом роль «несущей конструкции» в национальных правовых системах здесь выполняет право европейского типа, которое за последние полтора-два столетия существенно потеснило традиционное право в сфере национальных правопорядков. Вместе с тем конституции стран исламского Востока обычно закрепляют ряд основополагающих принципов ислама (государственный характер религии ислама, шариат как основной источник законодательства и т. д.). Конституция Ирана 1979 года включает обширные цитаты из Корана и т. д. Все это свидетельствует об известном (порой значительном) влиянии традиционных правовых культур на общественное сознание указанных стран.

Кроме того, слитный характер традиционных правовых культур обуславливает феномен так называемого «живого права», которое формируется и действует в традиционном (полутрадиционном) обществе указанных стран без участия государства, то есть за рамками официальных правовых систем. Закреплению такого положения способствуют необычайная устойчивость традиционных (полутрадиционных) социальных структур и соответствующих форм общественного сознания даже в странах, преуспевающих экономически (Индия, Объединенные Арабские Эмираты Персидского залива), а также тот факт, что разрыв в уровнях социально-экономического и культурного развития наиболее развитых и наиболее отсталых стран мира не сокращается, а, напротив, возрастает.

Если процесс глобализации в области права состоит в придании универсального мирового характера идеям, нормам и институтам, возникшим на почве европейской правовой культуры, то можно ли прогнозировать в сегодняшних условиях успешное его завершение в обозримом будущем? Думается, однозначного ответа этот вопрос сегодня не имеет.

М. В. Немытина¹

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ, ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ

Одним из основных противоречий современного мира является противоречие, обусловленное необходимостью для стран быть вовлеченными в происходящие в современном мире интеграционные процессы, с одной стороны, и их потребностью в самоидентификации на основе национальных особенностей и культур — с другой.

В современных обществах сильно осознание уникальности собственного исторического пути, необходимости учитывать свой правовой опыт и традиции как основу развития. Собственный исторический и культурный контекст имеет для стран и народов ничуть не меньшее значение, нежели восприятие систем и институтов, функционирующих в настоящий период на межгосударственном уровне или в других более развитых в экономическом, социальном и правовом отношении странах.

Можно констатировать противоречие между существующими в российском обществе особенностями восприятия западных моделей и ценностей и реальными потребностями их в адаптации в условиях современной правовой реальности.

Так, по данным репрезентативных опросов населения России, проведенных осенью 2007 года в рамках работы научно-исследовательской лаборатории исследования гражданского общества Центра фунда-

ментальных исследований Государственного университета — Высшей школы экономики, со следованием образцам западного общества связывают гражданское общество в России лишь 5 % опрошенных². Это означает, что для российских граждан на сегодняшний день предпочтительнее следовать отечественным образцам и традициям, нежели воспринимать западные правовые ценности.

Между тем без использования правового опыта стран, достигших более высокого уровня развития, без имплементации международно-правовых норм и моделей правового регулирования нельзя обеспечить поступательное движение в различных сферах жизни российского общества, утвердить в реальной жизни, а не только на формально-юридическом уровне, более высокие стандарты в области защиты прав человека. В связи с этим все большее значение приобретают сравнительно-правовые исследования.

Если остановиться на методологических основах сравнительного правоведения, то деятельность в области компаративистики проистекает в четырех ракурсах. *Первый* связан с освоением чужого опыта, принципов и институтов современного зарубежного права (сравнения «по горизонтали»). *Второй* — с рецепцией зарубежного права в историческом ракурсе (сравнения «по диагонали»). *Третий* — с осмыслением традиций отечественного права, пониманием его истоков, анализом накопленного исторического пра-

¹ Заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. книг: «Суд в России, вторая половина XIX — начало XX в.», «Право России как интеграционное пространство», «Российский суд присяжных», «Квалификация и расследование преступлений в сфере экономики» и др.

² Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества. М., 2007. (Сер. Мониторинг гражданского общества. Вып. 1).

вового опыта (сравнения «по вертикали вниз»). Наконец, *четвертый* — с уяснением возможностей интеграции в международное правовое пространство. Учитывая, что международное право можно рассматривать не иначе как согласованный правовой опыт различных стран, во многом опережающий национальное правовое регулирование, в последнем случае речь идет о сравнениях «по вертикали вверх».

Первый вариант компаративистской деятельности ярко иллюстрирует отраслевая юридическая наука, когда законотворческий процесс в России активно шел и продолжает идти (может быть, на сегодняшний день уже не столь активно) на основе использования законодательства зарубежных государств. Применительно к разным сферам правового регулирования переводятся и используются для конструирования российского законодательства тексты зарубежных законов. Причем не ясно, почему в одном случае берется за основу опыт США, в другом заимствуется правовая конструкция Франции, в третьем, например, Швеции. Чем обусловлены предпочтения, оказанные той или иной стране в смысле заимствования ее правового опыта, влияют ли на этот выбор субъективные или объективные обстоятельства, в большинстве случаев остается «за кадром». Замечу, что в современном мире, где не утихает борьба за геополитическое влияние, заимствование чужого опыта правового регулирования может оказаться не таким уж безобидным.

Еще один недостаток таких заимствований состоит в том, что речь идет о переносе в пространстве юридических институтов, освоенных в нашем правоведении в большинстве случаев лишь на уровне нормативной регламентации, в лучшем случае — на уровне правовых доктрин. До освоения практики правоприменения дело, как правило, не доходит.

Вторая модель, предполагающая использование зарубежного опыта в историческом ракурсе, тоже не лишена недостатков. Тут уместно вспомнить о возродившемся в 1990-е годы в России делении права на частное и публичное, дуализме правовых систем, истоки которых лежат еще. Воссоздание форм и методов частноправового регулирования в качестве основополагающих начал современного гражданского права и смежных с ним отраслей стало их огромным достижением.

Однако в то время как в современном мире в основе всех существующих отношений лежат интеграционные связи, мы, руководствуясь идеей дуализма в праве, попытались строить правовую систему России, проводя жесткие границы между частным и публичным, строго «привязывая» общественные отношения к тому или иному типу правового регулирования. И получается, что апеллируя к зарубежному правовому опыту, мы не отслеживаем эволюцию правовых конструкций с момента возникновения до сегодняшнего дня. Мы грешим тем, что «выхватываем» понравившиеся нам правовые конструкции из разных исторических контекстов. Тем самым, апеллируя к историческому опыту, мы отстаем от господствующих в мире тенденций правового развития.

Третий вариант компаративистского поведения предполагает изучение собственного правового

опыта, привнесение в современное российское право правовых институтов, существовавших в отечественном прошлом, о чем уже шла речь выше. Так, в 1990-е годы стало крайне актуальным обращение к забытым и полузабытым государственно-правовым институтам, дореволюционному опыту конституционализма, парламентаризма, местного самоуправления, правосудия и т. д. Казалось бы, с реконструкцией собственного правового опыта и традиций все должно быть много проще, нежели с восприятием зарубежного. Но здесь возникают те же проблемы. Оценивая существовавшие в прошлом институты отечественного права, мы не всегда правильно идентифицируем социально-экономический и политический контекст, в котором они прежде существовали, не соотносим его с современной действительностью. Мы изучаем институты, имевшие место в отечественном прошлом поверхностно, на уровне нормативных конструкций, а не в реальной реализации.

Наконец, *в четвертом случае* речь идет об оценке возможностей интеграции в национальную правовую систему норм международного права, действующих на межгосударственном уровне правовых стандартов, механизмов международно-правового регулирования. Международно-правовые нормы интегрируются в российское право, прежде всего, в части защиты прав человека. Если обратиться к теме «Стандарты Совета Европы в области прав человека», то и тут основная проблема видится в недооценке специфики стран, которым эти стандарты должны быть адресованы, учета особенностей их культуры, этнических и конфессиональных факторов.

Таким образом, неотъемлемым компонентом сравнительно-правовых исследований становится адекватная оценка социокультурных контекстов.

Привносимые в современное российское право правовые конструкции сами по себе нуждаются в серьезном изучении (на уровне доктрины, догмы и практики применения). Не менее актуальна и оценка социально-экономических, политических и культурных предпосылок их адаптации в российских условиях.

Представляется, что заимствования в праве, впрочем, как и в иных областях жизнедеятельности общества, становятся возможными только при наличии *механизма адаптации чужого опыта (зарубежного или международного) в условиях данной страны*, в рамках которого необходимо выделить несколько стадий:

1) изучение предполагаемой к интеграции, привносимой из-за рубежа или из международного права конструкции на доктринальном, догматическом и практическом уровнях;

2) оценка экономических, политических и социальных условий в стране адаптации; выявление соответствия привносимой правовой конструкции традициям, культуре, укладу жизни страны;

3) прогнозирование ситуации, связанной с интеграцией новой правовой конструкции в правовую систему страны-реципиента;

4) апробация вводимых правовых институтов в виде малых моделей с последующим анализом полученных результатов (научное и методическое сопровождение деятельности — мониторинг);

5) построение функциональных связей между действующими в стране и предполагаемыми к введению правовыми институтами (системный подход);

6) принятие решения на уровне власти, оформление нового института в законодательстве, иных нормативных актах (нормативная регламентация, использование приемов юридической техники);

7) переход на уровень социальной практики, сопровождающийся проведением исследований в отношении вводимого института в целях выявления «узких мест» и «слабых звеньев» в механизме его реализации;

8) трансляция нововведений с помощью системы юридического образования в среду правопримени-

телей (действующих и будущих — студентов вузов) и посредством СМИ — в общество;

9) корректировка законодательства, регламентирующего новый институт, приведение его в соответствие с потребностями развития страны адаптации;

10) формирование правоприменительной практики, связанной с реализацией нового института.

Заметим, что в предлагаемом механизме адаптации органично соединяются синхронный и диахронный методы сравнительно-правовых исследований, методы моделирования, формально-юридический и социологический. Таким образом, восприятие государствами зарубежного и международного правового опыта требует методологической определенности.

С. В. Поленина¹

ИНСТИТУТ БРАКА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ²

Среди понятий, широко используемых не только в международном и национальном праве, но и в повседневной жизни людей, термин «брак» принадлежит к тем, которые, как правило, не нуждаются в специальной расшифровке. Понятно, что речь идет об акте, придающем легальный (законный) характер союзу лиц, создающих семью и соединяющих тем самым свои жизни в целях совместного проживания, ведения общего хозяйства, рождения и воспитания детей.

Однако вышеизложенное перестает быть достаточно ясным, если к приведенной формулировке подойти с позиции цивилизационного подхода, которому присущи весьма существенные различия именно в сфере брачно-семейных отношений. И связано это с тем, что, в отличие от остальных мировых религий, ислам представляет собой совокупность права, этики и мировоззрения, «тотальную» систему регуляции, в которой религия является унифицирующим и детерминирующим фактором³.

Другим унифицирующим регулятором, правда уже на межгосударственном уровне, является международное право, нормы, «стандарты», декларации и конвенции которого регламентируют вопросы становления, реализации и прекращения института брака. Наиболее полно ответ на эти вопросы дает Всеобщая декларация прав человека (1948), положения которой стали ныне международным правовым обычаем.

В ст. 16 Декларации провозглашено, что «мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия, име-

ют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступать в брак и основывать семью. Они пользуются одинаковыми правами в отношении вступления в брак и во время его расторжения. Брак может быть заключен только при свободном и полном согласии обеих сторон, вступающих в брак».

Приведенная международно-правовая норма содержит ряд существенных компонентов, характеризующих брак как правовой институт. В их числе следует прежде всего назвать *совершеннолетие вступающих в брак*.

В большинстве стран закон связывает совершеннолетие с достижением девушками и юношами не только физической, но и духовной зрелости. Во многих странах, в том числе в Белоруссии и России, совершеннолетие и соответствующий брачный возраст наступает в 18 лет, хотя его снижение для вступающих и допускается при наличии уважительных причин (ст. 13 Семейного кодекса РФ). В некоторых государствах, например в Армении и Украине, брачный возраст для женщин составляет 17, тогда как для мужчин — 18 лет.

Иначе обстоит дело в странах, большинство населения которых исповедует ислам, в соответствии с нормами которого брачный возраст определяется наступлением половой зрелости, а сам брак оформляется имамом. Так совсем недавно Верховный муфтий Саудовской Аравии на религиозном семинаре в Эр-Рияде вступился за земляков, которые женятся на малолетних. «Девочки в 10–12 лет вполне готовы к замужеству, — заявил он. — А те, кто считают, что они слишком юны, ошибаются и ущемляют их права»⁴.

Подобная практика, хотя и имеет место в других странах Арабского Востока, считается мировым сообществом незаконной. В ст. 16.2 Конвенции ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (1979) провозглашено, что «обручение и брак ребенка не имеют юридической силы,

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор ряда научных публикаций; в т. ч.: «Законотворчество в Российской Федерации», «О Своде законов Российской Федерации», «Гендерное равенство: проблема равных прав и равных возможностей мужчин и женщин», «Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика» и др.

² Работа выполнена по гранту РФФИ № 08-06-00104а при информационной поддержке Компании «Консультант плюс».

³ Сунатаев М. А. Роль мусульманского права в диалоге исламской и европейской культур // Права человека и современное государственно-правовое развитие. М., 2007. С. 242.

⁴ См.: Зазуля В. Замуж в 10 лет // Известия. 2009. 22 янв.

а государством принимаются все необходимые меры, включая законодательные, с целью определения минимального брачного возраста и обязательной регистрации браков в актах гражданского состояния»¹.

Следующим необходимым условием, представляемым международным правом для констатации законности заключения брака, является *свободное и полное согласие обеих сторон, вступающих в брак*. Соответствующие положения, изложенные в той или иной форме, содержатся в большинстве национальных законов, регламентирующих семейные отношения. В законах ряда государств добровольность согласия мужчины и женщины, вступающих в брак, подчеркивается также необходимостью их личного присутствия при заключении брака (ст. 11 и 12 СК РФ).

Допускаемое исламом малолетство вступающих в брак, прежде всего девочек, делает по сути беспредметной саму постановку вопроса об их свободном и добровольном согласии на брак. Такие и подобные им вопросы так называемого «личного статуса», включающего брачно-семейные, наследственные и связанные с родством и опекой отношения, решаются за вступающих в брак их ближайшими родственниками по мужской линии.

Статья 16 Всеобщей декларации прав человека раскрывает также юридическую сторону содержания института брака, подчеркивая, что вступающие в брак *мужчина и женщина пользуются одинаковыми правами в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и во время его расторжения*. Понятно, что при этом речь идет о всей совокупности прав: личных неимущественных, имущественных и, разумеется, прав на воспитание, образование ребенка, общение с ним и его защиту.

Так, в большинстве семейных кодексов стран, входящих в СНГ, закреплено право каждого из супругов на свободный выбор рода занятий, профессии, места пребывания и жительства, а также провозглашается необходимость совместного решения супругами всех вопросов жизни семьи, исходя из принципа равноправия супругов. В принципе равны права супругов и на расторжение брака. Правда, в ряде государств СНГ муж без согласия на то жены лишается права на развод во время беременности жены, а в некоторых странах и в течение от одного до трех лет после рождения ребенка.

Существенное значение для реализации принципа равноправия супругов имеет и Конвенция ООН «О гражданстве замужней женщины» (1958)². В ней провозглашено, что «ни заключение, ни расторжение брака между кем-либо из граждан (ратифицировавших Конвенцию государств. — С. П.) с иностранцем, ни перемена гражданства мужем во время существования брачного союза не будут автоматически отражаться на гражданстве жены».

В то же время в Коране отчетливо проводится мысль о разном статусе мужчины и женщины, что,

прежде всего, касается их имущественных прав, в том числе наследственных. Подчеркивается также вполне определенное превосходство мужчин в отношениях между супругами. Женщины согласно шариату имеют (по отношению к мужьям) такие же права, как и обязанности, «хотя мужья и выше их степени». Предусматривает шариат и определенные ограничения использования женщиной своего права на образование, выбор работы вне дома или свободу передвижения, если женщина не справляется в нужной мере со своими обязанностями по отношению к мужу, детям, родителям или ставит под угрозу свою честь и достоинство. Иными словами, исламский взгляд на права женщин исходит из учета социальных и нравственных аспектов ее статуса в целом, роли в семье и места в обществе, а также ставит во главу угла зависимость от целей шариата³.

Как уже отмечалось выше, целый ряд стран, большая часть населения которых исповедует ислам, подписали Конвенцию ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» с оговорками. Особые возражения вызвала ст. 2 Конвенции, центральная с точки зрения ее предмета и целей. Пункт «д» этой статьи обязывает государства отменить все положения уголовного права, дискриминирующие права женщин. Дело в том, что Коран провозглашает смертную казнь не только за убийство, разбой, выход из ислама, но и за внебрачные сексуальные отношения. И это касается только женщин⁴, так как у мусульманина, имеющего согласно Корану до четырех жен, соответствующие проблемы могут вообще не возникать.

Полигамия как юридическая форма брака, допускаемая исламом, международным правом не признается. Статья 16 Всеобщей декларации прав человека, ставшей с годами международным обычаем, говорит о праве достигших совершеннолетия *мужчины и женщины вступить в брак и основывать семью*. Принципа моногамии придерживается также национальное законодательство большинства стран мира.

На этом фоне вызывает как минимум недоумение широкое распространение в ряде стран — инициаторов принятия в 1948 году Всеобщей декларации прав человека, прежде всего США, Канаде и Великобритании, наряду с брачными союзами мужчины и женщины так называемых «однополых союзов». Этот факт вместе с широким распространением вспомогательных репродуктивных технологий обусловил появление в США законодательной концепции «функционального отцовства и материнства»⁵.

На позиции допустимости совместного усыновления ребенка лицами, не состоящими между собой в браке, включая однополые пары, стоит и Совместный комитет Европейского Суда по правам человека. Им было признано нарушающим права человека решение палаты лордов, лишившее права на усыновление гомосексуальные пары. В результате соответ-

¹ При ратификации Конвенции ООН 1979 года ряд государств с преимущественно мусульманским населением сделал оговорки о неприменении данной и ряда других статей Конвенции как противоречащих Корану.

² Ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР 28 августа 1958 г. // Ведомости Верховного совета СССР. 1958. № 22. Ст. 340.

³ Сюкияйнен Л. Р. Исламская концепция прав человека // Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2002. С. 304–306.

⁴ Антонов И. Принцессу хотят казнить за измену мужу // Известия. 2009. 21 сент.

⁵ Худякова О. Ю. Установление происхождения детей в однополых союзах по законодательству США // Государство и право. 2009. № 6. С. 97–102.

ствующее дополнение было внесено в английский закон об усыновлении и детях 2002 года¹.

На наш взгляд, такая опасная тенденция развития национального семейного законодательства в ряде веду-

щих стран мира расходитя не только с установленными международными конвенциями и декларациями нормами и принципами института брака, но и с идейной теологической основой практикующих на Земле религий.

Р. А. Ромашов²

МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КСЕНОФОБИИ НАЦИОНАЛЬНОГО, РАСОВОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ПРОЦЕССЕ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР

1. Постановка проблемы.

Современный мир представляет собой сложное мультикультурное образование, в рамках которого процессы глобализации и межкультурной коммуникации сочетаются со стремлением национально-этнических групп, которые по тем или иным обстоятельствам попадают в инонациональные социальные среды, сохранить свою культурную идентичность. Усиление миграционных потоков приводит к тому, что в пространственных сферах, традиционно занимаемых теми или иными титульными национальностями, появляются «чужеродные национальные вкрапления», которые в основной массе не стремятся к ассимиляции и вместе с тем не собираются в ближайшей перспективе возвращаться на «земли предков». Складывающаяся ситуация представляет собой реальную проблему, поскольку чревата усилением противоречий между представителями различных национальностей и культур и, как следствие, возникновением социально-правовых конфликтов на почве национальной вражды и культурного противопоставления.

2. Факторы, обуславливающие противоречия в сфере межкультурной коммуникации.

Противоречия в сфере межкультурной коммуникации имеют место как в сфере интеграции, так и в сфере локализации этносов. В качестве предпосылок данных противоречий следует выделить факторы объективного и субъективного характера.

Среди объективных факторов можно назвать различия в языках, культурах, уровнях социально-экономического и политико-правового развития.

К числу субъективных факторов относятся: психологическое восприятие непонимаемого в качестве враждебного; приоритет монологовых форм общения перед диалоговыми; стремление к возвеличению места и роли в социальной истории культуры собственного этноса и соответственно к принижению социальной роли и значимости других национальных культур; попытки объяснения собственных неудач и трудностей «враждебными происками иноплемен» и т. д.

3. Формы разрешения противоречий между национальными правовыми культурами.

Формами разрешения противоречий, возникающих в процессе межкультурной коммуникации, являются конфликт и консенсус.

Конфликт представляет собой открытое противостояние носителей различных социально-правовых культур. При этом интересы конфликтующих сторон приобретают взаимоисключающий характер. Соответственно реализация интересов одной стороны (субъекта, инициировавшего конфликт) предполагает ущемление интересов другой (контрсубъекта, принудительно вовлеченного в конфликт). В качестве предмета межкультурного конфликта может выступать реальный либо представляемый дефицит ресурса в той или иной сфере межэтнических отношений (строительство православного храма в месте компактного проживания мусульман, закрытие школы с преподаванием на национальном языке, обвинение представителей того или иного этноса в совершении вредоносных действий и т. д.).

Консенсус как форма разрешения межэтнических противоречий предполагает диалог представителей различных этносов, осуществляемый с целью нахождения компромисса культур и выработки взаимно устраивающих условий межкультурной коммуникации.

4. Социокриминологическая характеристика преступлений на почве «национальной ненависти».

Анализ субъектного состава преступлений, совершаемых на почве межкультурных противоречий («национальной ненависти»), позволяет выделить два социальных типа преступности: молодежная преступность и преступность бедных.

При этом возникают два вопроса, на которые до настоящего времени не найдено четкого ответа. Прежде всего это вопрос о том, следует ли выделять в особую группу преступления, совершенные на почве национальной ненависти, и, кроме того, следует ли акцентировать внимание на национальной подоплеке преступлений, совершаемых против представителей нерусских национальностей.

Представляется, что и на первый, и на второй вопросы следует ответить скорее «нет», чем «да». Статистика свидетельствует, что в качестве объектов преступных посягательств выступают не представители какой-либо конкретной национальности, ассоциируемой с «врагом русского народа», а абстрагированные «лица кавказской национальности», «черные», «азеры» и т. п.

¹ Татаринцева Е. А. Усыновление по английскому праву // Государство и право. 2007. № 10. С. 85–92.

² Начальник Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

При этом необходимо учитывать, что определить параметры отнесения лица к русской национальности довольно трудно. Зачастую преступления против «инородцев» совершают граждане России, относящиеся к украинской, татарской и иным национальным группам. Тот же факт, что в момент совершения преступления молодые люди выкрикивают лозунги типа «Россия для русских!», не является убедительным доказательством собственно национальной подоплеку совершаемого противоправного деяния.

Являясь одним из мотивов преступления, национальная неприязнь в силу своей абстрактности («ненависть ко всему чужому») не может рассматриваться в качестве прямого умысла, первичного по отношению к иным, прежде всего материальным, мотивам преступного поведения. Кроме того, фактор национальной подоплеку совершенного преступления относится к наиболее тяжело доказываемым в силу содержательной неопределенности самих понятий «национальная ненависть» или «разжигание межнациональной розни». Поэтому нет ничего удивительного в том, что сотрудники милиции и судьи предпочитают употреблять формулировки, в которых данные понятия не используются. Ведь в соответствии с презумпцией невиновности лицо изначально считается невиновным, а все сомнения, возникающие в ходе рассмотрения дела, должны толковаться в его пользу.

Говоря о преступлениях с национальным аспектом, следует говорить прежде всего о неотвратимости юридической ответственности за их совершение независимо от того, кем и против кого они совершены. Ведь от рук русских преступников погибает несоизмеримо большее число представителей русской нации, нежели представителей других наций и народностей. При этом представители государственной власти к подобным фактам относятся, так сказать, философски, то есть, говоря о преступности как о негативном явлении, тем не менее считают ее объективной составляющей жизни общества, а потому и особой проблемы из данного факта не делают. Получается, что внимание к проблеме преступлений на почве национальной ненависти продиктовано скорее не юридическими, а политическими мотивами, а это вряд ли способствует оптимизации ситуации в данной области.

5. Пути оптимизации социально-правовых отношений в сфере межкультурной коммуникации.

Если говорить о реальной программе оптимизации межкультурных отношений в современной России, то следует выделить следующие направления.

1) В настоящий момент общество и государство в лице аппарата государственной власти представляют собой обособленные социальные сегменты, взаимосвязь между которыми осуществляется посредством субординационных властеотношений. В подобной системе приказного типа практически отсутствует реальная миграционная политика, а это в свою очередь означает предоставленность контактирующих национально-культурных образований самим себе и, как следствие, усиление в социально-корпоративной среде радикальных тенденций экстремистского (в том числе и националистического) характера.

Следовательно, необходимо в кратчайшие сроки сформулировать основные направления подобной политики как на федеральном, так и на региональном уровнях. При разработке стратегии и тактики межкультурного взаимодействия следует учитывать реальные отношения и тенденции, сложившиеся в локальной национально-правовой культуре, с тем чтобы разрабатываемые модели взаимодействия государства и представителей той или иной культуры носили не абстрактный, а конкретный, адаптированный к конкретным жизненным реалиям характер.

2) Что касается противодействия тем или иным проявлениям национального экстремизма и связанных с ним преступлений, то следует избегать двух крайностей. С одной стороны, не следует уподобляться страусу, предпочитающему не замечать очевидной проблемы, которая, вероятно, в ближайшее время не может быть разрешена, но вместе с тем нуждается в постоянном внимании и детальном рассмотрении. С другой — не имеет смысла преувеличивать социальную значимость данной проблемы и придавать ей статус общенациональной угрозы. Также необходимо воздерживаться от беспелляционных заявлений, касающихся обвинения в бездействии государства вообще и правоохранительных органов в частности, либо в попустительстве по отношению к лицам, совершающим преступления в отношении лиц «не титульных» национальностей.

Из сказанного следует, что процесс воспитания терпимости к интересам «нерусских в России» и уважения к правам и свободам человека и гражданина должен носить двусторонний характер и осуществляться по принципу взаимного уважения и ответственности между культурным гостем и культурным хозяином дома, в котором гость при всем уважении к нему все же остается только гостем.

Р. А. Сафаров¹

О РЕЦЕПЦИИ ИНСТИТУТОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР ПРИ ПРОВЕДЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Во многих зарубежных странах та часть административных дел, которая связана с конфликтами между гражданами и властью, рассматривается в особом порядке.

Так, в Испании в общую судебную систему входят специальные административные суды — они дополняют суды общей юрисдикции именно в силу большого числа споров граждан с административными органами. В соответствии с Органическим законом Испании 6/1985 «О судебной власти», Законом Испании 29/1998 «Об административной юстиции» все административные суды — и провинциальные административные суды первой инстанции, и так называемые центральные административные суды (с 1998 г. — суды второй инстанции), и высшие трибуналы юстиции автономных сообществ, представляющие собой третью административно-судебную инстанцию в этой стране, и Административная палата Национального суда Испании — рассматривают «претензии по поводу действий, совершенных государственной администрацией»². Административная палата Национального суда, например, рассматривает по первой инстанции дела об оспаривании решений министров и государственных секретарей³.

Сторонники организации административных судов в Российской Федерации могли бы обратиться не только к опыту Испании: представляют интерес и иные национальные правовые культуры.

Однако административно-судебная реформа у нас так и не завершена. Частью 2 ст. 118 Конституции РФ установлено, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Этому конституционно-правовому положению вполне соответствует идея о том, что административно-правовые споры, и прежде всего споры по поводу административных решений, следует рассматривать специализированными административными судами, включенными в систему судов общей юрисдикции и применяющими правила административного судопроизводства. Она лежит в основе проекта Федерального закона РФ «О федеральных административных судах в Российской Федерации», разработанного

Верховным Судом РФ и принятого Государственной Думой 22 ноября 2000 года в первом чтении.

Однако данная идея до сих пор не реализована по причине того, что создание административных судов потребует определенных средств, которых пока нет, ведь судебная система и так работает в условиях недофинансирования. Таково, например, мнение П. Крашенинникова, председателя Комитета Госдумы РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству. «Этот законопроект, — считает он, — не положен под сукно, не отклонен. Причина задержки в рассмотрении была не только и не столько в противодействии некоторой части чиновников. Просто административная юстиция — дело затратное»⁴. Правда, первый заместитель Председателя Верховного Суда РФ Владимир Радченко, имеющий непосредственное отношение к законопроекту, утверждал противоположное, а именно, что расходы, необходимые для создания административной юстиции, потребуют всего около 5 % от текущего финансирования судов общей юрисдикции⁵.

Поэтому допустимо предположить, что дело все-таки в «противодействии некоторой части чиновников». В Высшем Арбитражном Суде, например, считают, что для защиты прав граждан надо создать другой механизм, а именно — досудебного (внесудебного) урегулирования споров (который, кстати, никак не ограничит существующий институт рассмотрения дел об административных правонарушениях арбитражными судами). В. Ф. Яковлев, возглавлявший ВАС (а ныне Советник Президента РФ по правовым вопросам), аргументировал эту позицию обращением к зарубежному опыту, напоминая, что в «некоторых государствах существуют комиссии, которые до суда рассматривают жалобы граждан»⁶. Предполагается, что административным комиссиям при органах власти в субъектах Российской Федерации можно будет предоставить право рассматривать жалобы граждан на решения административных органов и их должностных лиц.

Таким образом, имеет место обращение к национальной правовой культуре таких стран, как Великобритания, США, Австралия, Дания, где применяются административные трибуналы, со стороны тех, кто не поддерживает идею создания административных судов.

В Великобритании существует значительное число квазисудебных органов — трибуналов, комиссий, комитетов, которые обозначаются собирательным понятием «административные трибуналы». Они действуют при органах исполнительной власти и рассматривают административные споры, то есть спо-

¹ Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российской академии правосудия (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Римское право», «История отечественного государства и права XIX–XX вв.», «Морально-психологическое обеспечение служебной деятельности сотрудников таможенных органов» и др.

² Кабреро О. Руководство по правовой системе Испании. URL: <http://www.llrx.com/features/spain.htm>

³ Окончательной юрисдикцией для административных судов Испании обладает Административная палата Верховного суда. В его составе функционирует и так называемая Особая палата. Она рассматривает юрисдикционные конфликты между судами специальной и общей юрисдикции. В ее состав, помимо председателя, входят по одному судье, представляющему суд соответствующей юрисдикции (ст. 42 Органического закона «О судебной власти»).

⁴ Куликов В. Бюрократам готовят специальный суд // Российская газета. 2004. 16 марта.

⁵ Полное содействие гражданину // GAZETA. URL: http://www-supcourt.ru/print_page.php?id=1528

⁶ Куликов В. Указ. соч.

ры между гражданами и органами власти. Существуют «...трибуналы по земельным спорам, по делам о национальном страховании, по вопросам ренты, по делам о подоходном налоге, промышленные трибуналы, трибуналы национальной службы здравоохранения, трибуналы по квартирной плате и т. д.»¹ Состав и порядок работы каждого трибунала устанавливается министерством, профилю которого соответствует трибунал.

Разумеется, нельзя не видеть положительные стороны данного института. Так, административные трибуналы могут, — поскольку не являются судебными органами, — применять упрощенную процедуру рассмотрения дел и поэтому значительная часть споров в странах, где они применяются, находит свое разрешение в этой, досудебной, инстанции. Суды освобождаются от значительной части дел, в том числе и таких, которые связаны не со спором, требующим судебного разрешения, а просто с ошибкой, допущенной административным органом. Трибуналы обладают такими преимуществами, как «оперативность и дешевизна разбирательства дела; специализация при рассмотрении административных споров; гибкость применения правовых норм в процессе разбирательства дела; отсутствие строгой процессуальной формы рассмотрения дела; свободный доступ для лиц, желающих получить правовую защиту от действия и решений администрации»².

Однако обращение к зарубежному опыту сопряжено со значительными проблемами. На наш взгляд, основная проблема заключается в том, что институт административных трибуналов относится к числу таких правовых институтов, которые сложно рецептировать. Этот институт тесно связан с правовыми традициями, правовой культурой той страны, где он сформировался. В Великобритании он возник не сразу, а складывался в течение многих десятилетий (с 1958 г.).

Разрешение конфликтов граждан с органами власти — это вопрос, который имеет особое конституционно-правовое значение и неотъемлемо связан с национальной правовой культурой. Так, во Франции права граждан в их спорах с органами власти защищает не законодательный, а исполнительный, то есть правительственный омбудсмен, которому подчинены в каждом ведомстве министерские (департаментские) корреспонденты. Это интересный и достаточно эффективный правовой институт, но его перенос в Россию невозможен. Точно так же нельзя, например, осуществить рецепцию испанской конституционно-правовой процедуры защиты законных интересов граждан в споре с органами власти — процедуры «ампаро», потому что она является продуктом национальной правовой культуры.

В Великобритании административные трибуналы настолько же специфичны. Во-первых, они обладают дискурсивной властью и в то же время затраты на контроль их деятельности не представляются

в этой стране чрезмерными, они умеют соблюдать определенные гарантии. Во-вторых, эти органы сохраняют способность быть независимыми от исполнительной власти, несмотря на ведомственный принцип их формирования. И первое и второе есть следствие сравнительно высокой национальной правовой культуры.

Таким образом, обращение к национальной правовой культуре других стран должно основываться на разумной оценке тех институтов, которые наш законодатель собирается воспроизвести в условиях российской правовой действительности. Некоторые институты можно рецептировать, но есть и такие, которые настолько имманентны, то есть внутренне присущи национальным правовым традициям, что не могут быть перенесены в страну с другой правовой культурой.

Затрудняет рецепцию административных трибуналов и такая проблема, как высокая затратность данной меры. Это объясняется значительной территорией Российской Федерации. Если для Великобритании достаточно нескольких трибуналов, которые, например, занимаются спорами по поводу компенсации вреда здоровью, то в нашей стране такие трибуналы (административные комиссии) надо будет создавать в каждом субъекте. Поскольку трибуналы предельно специализированы (а именно в этом заключается одно из преимуществ), то их может насчитываться несколько десятков в каждом субъекте, а в целом по стране их количество будет таким большим, что немногим дороже обойдется создание системы административных судов.

Следует иметь в виду и то, что отсутствие строгой процессуальной формы рассмотрения дел административными трибуналами, возможность принимать дискурсивные решения делают необходимым создание контролирующих их апелляционных трибуналов, а это также связано с затратами. Нельзя же полагать, что в Великобритании не смогли обойтись без апелляционной инстанции при решении административных споров квазисудебными органами, а мы сможем. Принятый в 2007 году Акт Соединенного Королевства «О судах, трибуналах и правоприменении»³ предусмотрел создание Верховного трибунала, который будет рассматривать апелляции на решения административных трибуналов вместо прежних апелляционных трибуналов, но это, по сути, ничего не меняет.

Сторонники досудебного (внесудебного) урегулирования административных споров считают, что затрат (по крайней мере значительных) не будет, так как административные комиссии уже существуют в субъектах Федерации и им просто надо будет придать полномочие рассматривать административные споры по поводу действий, затрагивающих законные интересы граждан. Однако они должны отдавать отчет в том, что в субъектах Федерации такие комиссии созданы при территориальных, а не отраслевых органах исполнительной власти. Так, на основе Закона Саратовской области от 4 мая 2009 года № 41-ЗСО «Об административных комиссиях и наделении органов местного самоуправления государственными

¹ Усанов В. Е. Проблемы формирования административной юстиции в России // Право и жизнь. 2001. URL: http://pravogizn.hl.ru/KSNews/PIG_idx18.htm

² Административная юстиция в Великобритании // *administrativelaw*. 2009. 15 окт. URL: <http://administrativelaw.ru/?p=63>

³ Act of the UK Courts, Tribunals and Enforcement, 2007. URL: <http://www.justice.gov.uk/publications/-tribunalscourtsandenforcementact.htm>

ми полномочиями по образованию и обеспечению деятельности административных комиссий» созданы административные комиссии на территории соответствующего муниципального образования области¹; на основе Постановления Правительства Москвы от 6 мая 2003 года № 322-ПП созданы административные комиссии префектур административных округов города Москвы по делам об административных правонарушениях и т. п.

Территориальные комиссии не смогут оперативно рассматривать административные споры, придет-

ся в дополнение к ним создавать отраслевые административные комиссии. Только они будут обладать в силу специализации необходимой квалификацией и смогут достаточно эффективно разрешать такие споры, помогая мировым и арбитражным судам. Но процесс создания таких комиссий потребует, как было показано выше, значительных средств и, что не менее важно, может занять многие годы. Вновь следует напомнить и то, что административные трибуналы являются следствием особой правовой системы, таких правовых традиций, которых у нас нет.

С. А. Смирнова²

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Правовая культура является составной частью общей культуры и представляет собой систему ценностей, относящихся к правовой стороне жизни общества: законности и правопорядку, состоянию законодательства и юридической практики и пр. Достижение высокого уровня национальной правовой культуры является показателем прогресса страны и невозможно без учета основных тенденций развития мировых правовых систем. Одним из неотъемлемых звеньев национального правового аппарата, безусловно, является национальная судебная экспертная деятельность, цель которой — обеспечить правоохранительную систему государства судебными доказательствами, основанными на эффективном применении современных специальных знаний и научно-технических средств доказывания.

Судебной экспертизе как профессиональному виду человеческой деятельности около 100 лет. Первое экспертное учреждение Российской империи было образовано в 1912 году специальным законом об учреждении кабинета научно-судебной экспертизы в Санкт-Петербурге. С тех пор судебная экспертиза прошла несколько этапов своего развития, впитала многочисленные достижения научно-технического прогресса. Накоплена огромная экспертная практика; в Советском Союзе была создана разветвленная и мощная система судебных экспертных учреждений во главе с научно-методическим центром — Всесоюзным НИИ судебных экспертиз Министерства юстиции СССР.

Сформировались профессиональные экспертные традиции, межреспубликанские и межрегиональные связи экспертных учреждений, единая всесоюзная система подготовки экспертных кадров, еди-

ная всесоюзная система совершенствования и развития научно-методического обеспечения судебной экспертной деятельности.

Процессуальное законодательство союзных республик было исполнено на высоком уровне юридической техники и соответствовало единым для всех Основам законодательства Союза ССР.

В конце XX века мы стали свидетелями дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве. Спустя почти 20 лет эксперты и экспертные учреждения оказались разобщены, профессиональные экспертные связи разрушены, система подготовки экспертных кадров утратила былую стройность.

И сегодня совершенно очевидно, что национальная судебная экспертиза не может существовать изолированно, исключительно в границах отдельно взятого государства. Она не может эффективно выполнять свои функции обеспечения правоохранительной деятельности вне интеграции с международным экспертным сообществом.

Целью такой интеграции являются воссоединение экспертных ресурсов, обмен передовым опытом экспертной работы, учет самых современных достижений науки и техники, устранение дублирования при разработке научно-методического обеспечения; рациональное распределение частных задач между судебными экспертными учреждениями и их концентрация на разработке профильных экспертных направлений.

В конечном счете, цель международной интеграции в области судебной экспертизы — возрождение базовых принципов организации ее научно-методического обеспечения, утраченных в ходе недавней истории, достижение научно-методического единства деятельности судебных экспертных учреждений, приближение к общемировым стандартам судебной экспертизы.

Национальная судебная экспертная деятельность должна соответствовать как международным правовым, так и международным профессиональным стандартам. **Заключение, подписанное экспертом одного государства, должно иметь силу доказательства для судов другого государства.** В этом — главная цель сотрудничества.

¹ Закон Саратовской области от 4 мая 2009 года № 41-ЗСО «Об административных комиссиях и наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями по образованию и обеспечению деятельности административных комиссий». URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/saratov/196722>

² Начальник Северо-Западного регионального центра судебной экспертизы Министерства юстиции России (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч. книг: «Судебная экспертиза на рубеже XXI века», «Эксперт в правоприменительном процессе» и др.

Двойственная природа судебной экспертизы, ее научно-технический и правоохранный аспекты предполагают развитие обеих составляющих в ходе межгосударственного взаимодействия, то есть интеграцию в общее **интеллектуальное** пространство и общее **правовое** пространство. Только такой двойной интеграцией можно обеспечить поступательное развитие судебной экспертизы и ее эффективное использование в борьбе с преступностью, включая международную преступность.

Поэтому одним из основных препятствий на пути к международной интеграции в судебно-экспертной сфере является **несогласованность судебно-экспертного законодательства** разных государств, отдельные недостатки и пробелы в национальном законодательстве.

К примеру, в уголовно-процессуальном законодательстве России был утрачен принцип объективной истины при производстве по делу, на смену которому пришел принцип состязательности. В Российском законодательстве отсутствует единство в регулировании деятельности государственных и негосударственных судебных экспертов, требования к тем и другим существенно различаются.

Не отвергая принципа состязательности, все же нельзя забывать, что главная цель судебной экспертизы — **достижение истины по делу, установление объективных фактов** на основе специальных знаний экспертов, владеющих современным научным инструментарием.

Необходим пересмотр судебно-экспертного законодательства государств-членов и наблюдателей СНГ в направлении его гармонизации и совершенствования.

Следует возродить все лучшее из практики судебно-экспертного сотрудничества бывшего СССР; проанализировать действующее национальное законодательство государств-членов и наблюдателей СНГ и также взять на вооружение все лучшее, соответствующее условиям современного мира и вызовам современной преступности; учесть и привлечь передовой международный опыт других государств Европы, Азии, Америки.

Кроме корректировки национальных законов о судебной экспертизе в направлении их унификации, может быть, настало время выработать и общий модельный закон о судебной экспертизе для разных государств, в котором бы излагались основные принципы и нормы судебно-экспертной деятельности, не зависящие от национальной специфики.

Общая терминология и общий понятийный аппарат судебной экспертизы — проблема общемировая.

И в этой области мы должны задавать тон, поскольку советская школа криминалистики и судебной экспертизы в плане проработки вопросов теории и методологии, по моему твердому убеждению, являлась лучшей в мире.

Необходимо обеспечить более тесную связь экспертных учреждений с правоохранными системами государств, то есть с основными заказчиками судебных экспертиз. В том числе *и обратную связь*. Только зная реальные запросы правоохранительных органов, можно адекватно понимать, в каких направлениях следует развивать научно-методическое обеспечение — основной ресурс судебной экспертизы.

Наконец, следует приближать судебно-экспертную деятельность стран-членов и наблюдателей СНГ к общемировым международным стандартам в области судебной экспертизы. В частности, постепенно добиваться аккредитации национальных экспертных учреждений по действующему международному стандарту (ИСО/МЭК 17025-2005 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий»), конкретизированному в специальном Международном руководстве для судебно-экспертных лабораторий (ILAC-G19:2000 “Guidelines for Forensic Science Laboratories”). В настоящее время Российская Федерация не является членом Международной ассоциации по аккредитации лабораторий (International Laboratory Accreditation Cooperation — ILAC) и соответствующий национальный орган, отвечающий международным принципам, пока не создан. В полном объеме Система контроля качества судебно-экспертной деятельности, предлагаемая Европейским сообществом судебно-экспертных учреждений (ENFSI), может быть принята к обязательному исполнению на территории Российской Федерации после завершения всех необходимых ратификационных процедур в соответствии с нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

В настоящий момент в части, не противоречащей национальным нормам судебно-экспертной деятельности, аккредитацию и сертификацию судебно-экспертные лаборатории Российской Федерации могут осуществлять самостоятельно в добровольном порядке, поскольку национальная система аккредитации в России базируется на международных стандартах и фактически соответствует им. Кроме того, в 2008 году был введен в действие национальный стандарт «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий» (Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025), но орган по сертификации пока еще не определен.

И. А. Соболев¹

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ОТРАЖЕНИЕ В МОДЕЛЬНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СНГ

Под правовой культурой обычно понимается часть человеческой культуры, совокупность норм, ценностей, юридических институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социальной и правовой ориентации людей в конкретном обществе (цивилизации)². Такое широкое определение применительно к экологической правовой культуре (ЭПК) позволяет считать его справедливым не только в отношении ЭПК личности (как знание, понимание и сознательное выполнение требований экологического права в жизнедеятельности человека), но и в отношении ЭПК общества (как системы ценностей, накопленных правовой историей народа, — памятников права и действующих экологических актов, произведений юридической мысли и юридической практики).

ЭПК возникает и развивается в специфичной области — сфере взаимосвязей общества и природы. В каждой стране, даже отдельных ее частях данное явление имеет большие или меньшие особенности. Это обусловлено тем, что природная среда в конкретной местности уникальна, а исторический процесс обитания людей в ней, освоения ее естественных ресурсов, охраны экосистем в целом, отдельных их компонентов, обеспечения экологической безопасности и правовое регулирование возникающих в ходе этой деятельности общественных отношений, при всех общих закономерностях развития человеческой цивилизации, протекает своеобразно. Вместе с тем надо отметить, что природный фактор является не единственным и даже далеко не главным среди иных взаимосвязанных факторов (исторических, социальных, политических, экономических, культурологических, этнопсихологических и др.), которые формируют особенные черты ЭПК каждой страны.

В России развитие ЭПК как части правовой культуры общества и социальной культуры в целом происходило на протяжении многих столетий и имело определенную специфику. Так, значительный отпечаток на него наложило своеобразие природопользования от глубокой древности до появления промышленного производства — оно осуществлялось в условиях низкой плотности населения и огромных масштабов природных ресурсов, доступных для освоения. Такое положение способствовало форми-

рованию у наших предков представлений о неисчерпаемости естественных богатств и необязательности их рациональной эксплуатации.

Подобное отношение к среде обитания было неприемлемо в густонаселенных странах Западной Европы, Азии, в Египте, где крестьяне из поколения в поколение стремились рачительно использовать и улучшать то немногое, что доставалось им от природы. Другим фактором, не способствующим бережному отношению к естественным богатствам в нашей стране, являлось преобладание на протяжении долгого времени государственной и общинной собственности на природные ресурсы. Это создавало впечатление их «ничейности», то есть доступности произвольной эксплуатации.

Вместе с тем интересы общества, здравый смысл требовали рационального потребления природных ресурсов, их воспроизводства, проведения мер по охране окружающей среды. В древности Российское государство осуществляло правовое воздействие на отношения в сфере контактов общества и природы совместно с другими влиятельными социальными институтами — общиной-вервью и церковью, что оказывало положительное влияние на формирование ЭПК. Если древний человек, поклоняясь языческим богам, проявлял уважительное отношение к элементам ландшафта, опасаясь поплатиться за нанесение ущерба природе, то позднее служители православной церкви и иных конфессий, опираясь на народные традиции, призывали к бережному использованию природных объектов, заботе о диких животных, соблюдению определенных правил поведения в лесу, на водоемах и т. д.

В последующем, особенно с середины XIX века, все более важное воздействие на деятельность государства в области экологии стала оказывать общественность. Заметно возросший уровень ЭПК получил отражение в активизации ее деятельности по развитию правовых идей, стимулированию и поддержке законотворческого процесса. Общественные, выборные организации все в большей степени брали на себя ряд функций по осуществлению контроля за выполнением требований природоохранного законодательства, принятия решений об ограничении права природопользования нарушителями.

На протяжении всего времени существования советской власти государство стремилось использовать деятельность общественности, прежде всего с целью освоения природных ресурсов, что несколько односторонне формировало ЭПК. Об этом в одном из изданий говорилось: «не жалость к травкам, кустикам и деревьям, а сознание ценности и полезности зеленой растительности нужно внедрять в сознание взрослого и подрастающего поколения трудящихся Советского Союза»³. Следует отметить, что вторая половина 1980-х и начало 1990-х годов, когда произошло

¹ Профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Право. Экология. Урбанизация», «Основы антропо-экологии», «Общество и природа в дореволюционной России: правовой анализ», «Эколого-экономическое обоснование сбалансированных форм регионального развития в системе «общество—природа» (цели, задачи, решения)», «Концепция и проект Федерального закона «Об охране Ладожского озера» и др.

² Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. 5-е изд., доп. и перераб. М., 2001. С. 670.

³ Смолин П. Подготовка ко «Дню леса». М., 1927. С. 11.

обострение экологического кризиса в стране, отличались наибольшим за всю историю России интересом населения к проблемам охраны окружающей среды и стремлением повысить уровень ЭПК.

Своеобразие ЭПК в России нашло отражение в процессе развития экологического законодательства. У истоков правотворческой деятельности Российского государства лежат экологизированные правовые нормы, содержащиеся в таких комбинированных источниках, как «Русская Правда» (сложившиеся под влиянием норм византийского права), Новгородская и Псковская судные грамоты. В последующем появилось множество специальных законов, охватывающих практически весь спектр отношений, возникающих по поводу взаимоотношений общества и природы. В конце XVII века **проблемам природоохраны** были посвящены десятки актов.

В эпоху абсолютизма активно осуществлялась попытка упорядочения законодательства в данной сфере на основе внедрения многих принципов романо-германского права. За полтора столетия, начиная со времени царствования Петра I и **кончая смертью Николая I**, в нашей стране было принято более полутысячи нормативных правовых актов природоохранной направленности¹. Во второй половине XIX — начале XX века наметилась тенденция кодификации экологического законодательства. Принимаются многочисленные законы об охране и использовании лесов (1883—1913), недр (1864—1893), земель (1893), об охоте (1892), заповедниках (1916) и др.

В период существования советского государства произошло законодательное воплощение правовых принципов нового режима в области охраны окружающей среды и природопользования. По подсчетам О. С. Колбасова, к концу 1980-х годов число актов, которые можно было рассматривать в качестве источников советского экологического права, достигло примерно 4—5 тыс.² Особенности ЭПК в тот период нашли отражение в структуре нормативных правовых актов экологического права — число источников природоресурсного права намного превышало количество актов природоохранного права.

В современной России деятельность механизма правотворчества проходит по трем направлениям — осуществляется формирование системы актов, регулирующих отношения в области охраны окружающей среды, природопользования и обеспечения экологической безопасности. Между тем экологическое законодательство в России имеет ряд недостатков. Прежде всего оно не в полной мере регулирует весь комплекс общественных экологических отношений, его связи с другими отраслями российского законодательства (гражданского, предпринимательского,

уголовного, административного и др.) недостаточно устойчивы и рациональны.

Реализация Межпарламентской ассамблеей СНГ функции по формированию модельного экологического законодательства СНГ способствует интеграции стран Содружества посредством гармонизации национальных законов в новых политических и социально-экономических условиях. Основными принципами международного сотрудничества в сфере экологии, на которых строится экологическое законодательство СНГ, являются: приоритет экологических прав человека; суверенитет государства на природные ресурсы своей территории; недопустимость экологического благополучия одного государства за счет экологического вреда другому; экологический контроль на всех уровнях; свободный обмен международной экологической информацией; взаимопомощь государств в чрезвычайных обстоятельствах; разрешение эколого-правовых споров мирными средствами³.

В модельном экологическом законодательстве СНГ отражены многие положительные черты ЭПК в России. Среди них: наметившееся в последние годы рациональное соотношение актов природоресурсной и природоохранной (включающей аспект экологической безопасности) направленности; широкое использование механизма государственного управления в регулировании общественных экологических отношений; значительная роль общественности в научном обосновании законопроектов; традиции экологического образования и просвещения. Использование опыта правотворчества России и других стран Содружества в области экологии позволило подготовить принятый Межпарламентской ассамблеей государств — участников СНГ ряд важных актов, в том числе в 2005 году Модельный закон «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации в результате радиационных аварий, ядерных испытаний и инцидентов», в 2006 году Модельный Водный кодекс для государств — участников СНГ, в 2007 году Модельный Экологический кодекс для государств — участников СНГ (Особенную часть), в 2008 году Модельный закон «О сохранении генетических ресурсов культурных растений и их рациональном использовании», в 2009 году Модельный закон «О зонах экологического бедствия».

Указанное выше свидетельствует о необходимости исследования эволюции и основных черт ЭПК в России. Применение его результатов в процессе создания актов модельного законодательства повышает возможности использования последнего в развитии правовых основ решения проблем экологии в странах СНГ.

¹ Дулов А. В. Географическая среда и история России. М., 1983. С. 193.

² Колбасов О. С. Концепция экологического права // Право окружающей среды в СССР и Великобритании. М., 1988. С. 10.

³ См.: Безопасность личности, общества, государства: материалы конф. СПб., 2009. Т. 2. С. 280.

И. А. Честнов¹

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СОВРЕМЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Диалог цивилизаций — важнейшее социокультурное явление современности (постсовременности)². Оно демонстрирует необходимость и неизбежность различия как условия идентичности. Любое социальное явление, событие, процесс определяются через их различие с другими аналогичными явлениями, событиями и процессами. Более того, для выживания человечества, как и любой органической системы, требуется минимум разнообразия, не переходящий в изоляционизм. Диалог — это признание и принятие точки зрения Другого, необходимое условие социального бытия и мышления. Диалог цивилизаций — императив современности, выступающий контекстом всех социальных явлений и процессов, определяющий их социокультурное содержание, в том числе права.

Ситуация диалога цивилизаций, обуславливаемая сменой господствующей картины мира (переходом от классической картины мира к постклассической или постнеклассической³) задает новое представление о социальном бытии, о месте человека в мире, роли культуры в социальных процессах. В частности, это проявляется в признании множественности культур-цивилизаций, их качественного различия, а потому невозможности ранжирования на «хорошие» и «плохие», «развитые» и «неразвитые». Это диктует невозможность вмешательства в дела иной культуры под лозунгом «защиты прав человека» или «установления настоящей демократии» (кроме случаев геноцида населения). Это, ко всему прочему, говорит о невозможности механического перенесения рецептов (например, правовых институтов) одной культуры в контекст другой.

Смена картины мира, которую олицетворяют в гуманитарной науке лингвистический и антропологический «повороты», требует учета фундаментальной роли культуры при описании и объяснении любого социального явления. Именно культура задает содержание — системы значений, интериоризируемых в смыслы, — социального бытия. Именно культура выступает содержанием правовой системы.

Правовая система (и правовые системы), понимаемая как тождественная правовой реальности, включает нормы права, их реализацию в правопорядке и опосредование в правовой культуре. Правовая культура представляет собой не просто восприятие правовых явлений в правосознании, не только наделение их юридическим смыслом, но и механизм воспроиз-

водства правовой реальности, который проводит селекцию юридически значимых образцов поведения как на уровне социума, так и отдельного индивида.

Именно правовая культура, как представляется, должна быть основой сравнения, сопоставления правовых систем мира. Однако возникает проблема экспликации правовой культуры и ее измерения в сравнимых показателях. Проблема усугубляется сложностью сопоставления культур. Очевидно, что, например, японская культура отличается от западной, однако чем именно? На помощь тут может прийти психолингвистика⁴, показывающая механизм формирования социальных представлений (с позиций С. Московичи⁵), культурных концептов (по терминологии Ю. С. Степанова⁶) или культурных сценариев (с точки зрения А. Вежбицкой⁷). Именно система значений, закреплённая в наиболее значимых для данной культуры текстах, функционирующая в общественном сознании и воспроизводимая индивидуальными представлениями, установками и мотивациями, задает критерии идентичности культуры и соответственно применительно к правовой реальности — правовой культуры. При этом необходимо иметь в виду, что культура (и правовая, в частности) — не данность, а конструкт, производимый референтной группой, который легитимизируется широкими народными массами⁸.

Таким образом, для сравнения правовых систем недостаточно ограничиваться изучением действующего законодательства и даже «неофициального» права. Для этого необходимо изучать правосознание как правоприменителей, так и широких слоев населения, те значения, которые приписываются юридически значимым ситуациям (тем самым превращая социальную ситуацию в юридическую), смысловые коннотации юридических понятий и фактическую практику поведения в таких ситуациях. Другими словами, акцент в постклассической правовой науке должен быть сделан на хабиитуализации юридических практик, знаково-символических формах, в которые они облакаются на «личностном» (М. Полани⁹) или «фоновом» (Ч. Тейлор¹⁰) знании, эти практики производящем, и их опосредованности культурой данного социума. В этом и проявляется диалог человека и структуры, определяющий существенные характеристики социального бытия.

¹ Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук. Старший советник юстиции. Автор ряда научных публикаций: «История политических и правовых учений», «Правопонимание в эпоху постмодерна», «Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности», «Методология и методика юридического исследования», «Общество и юриспруденция на исходе II тысячелетия», «Механизм государства: классическая и постклассическая парадигмы» и др.

² См.: Crossing the Divide. Dialogue among Civilizations. N. Y., 2002.

³ О постклассической и постнеклассической научной картине мира см.: Постнеклассика: философия, наука, культура : кол. моногр. / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб., 2009.

⁴ См. об этом подробнее: Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М., 2010.

⁵ Moscovici S. On Social representations // Cognitive approaches to social behavior / ed. by J.-P. Codol, J.-P. Leyens. Hague, 1982.

⁶ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.

⁷ Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German and Japanese. Oxford, 1997.

⁸ Конструирование культуры и превращение этноса в нацию референтной группой блестяще показано в ставшей классической работе Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» (Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. 2 ed. L., 1991).

⁹ Полани М. Личностное знание. М., 1985.

¹⁰ Taylor Ch. Philosophical Arguments. L., 1996.

В. Е. Чиркин¹

КОНВЕРГЕНЦИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ И НЕСОВМЕСТИМОСТЬ НЕКОТОРЫХ ИНСТИТУТОВ В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Понятия «конвергенция» и «цивилизация» являются дискуссионными в науке. В данном случае при использовании слова «конвергенция» речь идет о возможностях сближения различных правовых систем, регулирующих общественные отношения, а также о пределах восприятия системой права правовых институтов иной системы. Разные мнения существуют по вопросу о понятии «цивилизация», их видах и числе в истории человечества и современных условиях. На конференции Отделения общественных наук РАН говорилось о более 250 определениях понятия «цивилизация» и в то же время всего о двух существующих цивилизациях — традиционной и технократической. В свое время известный английский историк А. Тойнби называл 19 существовавших и существующих цивилизаций (которые впоследствии объединил в 13)², а современные французские конституционалисты Ф. и Ф.-Э. Жикель говорят об одной существующей в мире цивилизации — индустриальной, которая стала, по их утверждению, универсальной, они называют ее также «западной цивилизацией»³. Некоторые авторы считают, что цивилизация может быть представлена одной страной, и в качестве примера называют Россию⁴.

В рассуждениях о правовых системах нет необходимости изобретать еще одно понятие цивилизации. Отметим лишь, что в данном случае слово «цивилизация» не имеет оценочного характера (плохая или хорошая, цивилизованная или нецивилизированные народы). Обсуждая вопрос о правовых системах, мы рассматриваем цивилизацию как определенную данность, тот или иной способ организации жизни в крупных человеческих сообществах, их группах независимо от того, нравятся нам это или нет. Цивилизация — образ жизни народа (народов), имеющий системный характер и опирающийся на одинаковые постулаты (в том числе на социальные нормы разного рода, включая правовые), представления, которые считаются или которые требуются считать неопровержимыми. Цивилизации — не застывшее явление, они развиваются, поэтому использование, например, слов «китайская», «африканская» или «российская» требует учета места и времени. Современный Китай отличается от императорского.

Цивилизационный подход к различным правовым системам стран мира богаче *формационного*, предло-

женного в марксизме. Он позволяет учитывать разные стороны явлений. Однако и формационный подход к правовым системам не следует отбрасывать. Он беднее, но ярче обнажает суть явления. Невозможно отрицать, что в истории человечества, хотя и не во всех странах, был рабовладельческий и феодальный строй, существует современный капитализм и тоталитарный социализм⁵. Им соответствовали *формационные правовые системы*. Но в жизни существуют и иные различия. Англосаксонская правовая капиталистическая система права в Великобритании, США, Австралии и других странах отличается от континентальной романо-германской, а система права в странах мусульманского фундаментализма (например, в Саудовской Аравии или Омане) иная, чем в «продвинутых» мусульманских странах, таких как Египет или Сирия.

Если выделять основные, принципиальные правовые системы с учетом цивилизационного и формационного признаков, то, по нашему мнению, такие системы связаны с тремя главными существующими на планете цивилизациями: мусульманской, тоталитарно-социалистической и капиталистической (христианско-социального капитализма в развитых странах, капитализма с другими постулатами в других странах). Сохраняющиеся остатки других цивилизаций (например, традиционной африкано-микронезийской) не имеют особого значения для развития человечества, хотя обычное право (племенное право) в этой группе стран продолжает играть большую роль в повседневной жизни, а иногда и в высших эшелонах власти (по обычному праву до сих пор существуют традиционные «королевства» и «короли», например Буганды или Ашанти в республиках Уганде и Гане, и хотя эти «короли» нередко живут за границей и лишь иногда навещают «королевства», соплеменники традиционно им повинуются).

Наименьшим изменениям в течение веков подверглась существующая полтора тысячелетия *мусульманская цивилизация* в монархических странах мусульманского фундаментализма. По разным подсчетам, в двух десятках мусульманских государств (из более 200 государств мира), а также в других странах (например, в Индии) проживает около 1,2 млрд человек. Как упоминалось, осовремененные, «продвинутые» мусульманские государства существенно отличаются от стран мусульманского фундаментализма, но в основных законах и тех и других присутствуют некоторые общие постулаты права.

В обеих группах мусульманских государств признана необходимость Основного закона. В странах мусульманского фундаментализма основные низамы (основные «рукотворные» законы) октроированы (дарованы) монархами (впервые в Кувейте в 1962 г., в Саудовской

¹ Главный научный сотрудник сектора сравнительного права Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Государственная власть в развивающихся странах», «Основы сравнительного государственоведения», «Законодательная власть», «Глава государства. Сравнительно-правовое исследование»; учебников: «Конституционное право России», «Государственное и муниципальное управление», «Публичное управление». Член редколлегии журналов «Труды Института государства и права Российской академии наук», «Государство и право».

² Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 731.

³ Gicquel J., Gicquel J.-É. Droit constitutionnel et institutions politiques. 21-e éd. P., 2007. P. 29.

⁴ Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2009. С. 213.

⁵ Понятия и классификация общественно-экономических формаций, как видно из этого названия, были связаны прежде всего с экономическими характеристиками. Другие стороны игнорировались, а если не игнорировались, то принижались (кроме социальных, классовых отношений и вопросов власти класса).

Аравии в 1992 г., в Омане в 1996 и т. д.¹), но конституцией здесь (об этом говорится в некоторых основных низамах) является Коран — записи изречений пророка Мухаммеда по памяти потомков. В нем, как считается, содержатся подлинные, «божественные» законы (кануны), в низамах — «рукотворные» нормы. Важным документом нормативного значения также является сунна — жизнеописание пророка. Видимо, на основе толкований этих двух документов (особенно Корана) мусульманскими юристами к XI веку были созданы основы мусульманского права в его разных толках (шафииты, ханбалиты, зейдиты и другие — от имен первых авторов древних книг). В странах мусульманского фундаментализма законов (низамов) мало, законодательство и сейчас остается в своей основе доктринальной системой. В «продвинутых» мусульманских странах формой правления является республика, конституции приняты парламентом или на референдуме, есть кодексы законов, действует иное обширное законодательство. Тем не менее некоторые принципиальные правовые положения в обеих группах мусульманских государств являются общими. Главный правовой акт — это всегда Коран. Конституции «продвинутых» мусульманских стран устанавливают, что главным источником законодательства является шариат², а ислам — государственной религией. Законодательство должно им соответствовать. Правда, нельзя не заметить определенного влияния западных конституционных постулатов даже на монархические низамы, но в самих мусульманских странах это категорически отрицается, а такие факты считаются простыми совпадениями. Конституционные основы мусульманского общества в них рассматриваются как уникальные.

В мусульманской цивилизации ячейкой социума является не индивид (как в капиталистической цивилизации, теперь существующей в наиболее развитых странах в форме социального капитализма) и не коллектив, основанный, как считается, на единстве общественных интересов и их приоритете по сравнению с интересами индивида (как в цивилизации тоталитарного социализма), а особое сообщество «правоверных» — умма, которое основано на единстве веры — ислама. Нерасчлененность, совпадение норм религии, права, морали (хотя собственно право — фикх — все же специальными выделяется), одинаково обязательные для «правоверных» и проистекающих из Корана, — одна из примет мусульманской правовой системы. Иные верования или постулаты в доктрине отвергаются вплоть до священной войны с «неверными» в средневековом исламе (сейчас эти положения Корана истолковываются иначе).

Из концепции единства уммы вытекает обязанность zakyat (5 % налогов с имущества богатых в поль-

¹ В некоторых странах основные низамы называются конституциями. Они всегда принимаются монархами после совета с аш-Шурой — совещательным органом, назначаемым монархом из авторитетных лиц (мужчин) мусульманского сообщества страны — уммы. Несколько лет назад недолго в аш-Шуре Омана были две женщины, сейчас — нет. При единоголосном мнении аш-Шуры монарх должен принять решение по ее совету, даже если его мнение иное.

² Понятие шариата (путь, по которому нужно следовать) в доктрине отличается от собственно правовых норм (фикха). Последний — составная часть шариата, а основы шариата содержатся в двух священных книгах — Коране и сунне.

зу бедных) и запрет рыбы — ростовщических процентов при займе. Эти положения теперь содержатся в основных низамах стран мусульманского фундаментализма (например, в ст. 21 Основного низама Саудовской Аравии 1992 г.)³. Умма организована в форме государства — мусульманского халифата. Поэтому юридически (хотя не всегда фактически) основное значение имеет не частная, а государственная собственность. Поэтому в странах мусульманского фундаментализма нет иностранных компаний по добыче нефти. Она принадлежит государству (умме), которое ее продает. Иностранные компании могут только обслуживать промыслы. В Основном низама Саудовской Аравии 1992 года, аналогичных документах других стран мусульманского фундаментализма, в отличие от прежних европейских норм, священной объявлена не частная, а государственная собственность.

Человек в мусульманском праве пассивен, его действия направляет Аллах. Считается, что законы тоже пишут не люди, их рукой водит Аллах. Хотя мусульманскими странами приняты хартии о правах человека, а в конституциях есть соответствующие нормы, главное в мусульманском конституционном законодательстве не права, а обязанности мусульманина перед Аллахом и уммой. Эти обязанности (в том числе религиозные) должны соблюдаться неукоснительно, иначе грозит наказание (в странах мусульманского фундаментализма существует религиозная полиция нравов — мутава, которая следит за точным соблюдением человеком ежедневных религиозных обрядов).

Люди в условиях мусульманской цивилизации не равны. Есть благородные племена и иные; все принадлежащие к ним индивиды имеют определенную долю от нефтяных доходов, но шейхи получают намного больше. Неравны мужчины и женщины. Существует узаконенное многоженство (мусульманин может иметь до четырех жен, не считая других женщин). Жenu можно безнаказанно убить в случае неверности, мужа — нельзя. При наследовании женщина получает половину имущества от того, что на ее месте получил бы мужчина, показания двух свидетелей-женщин в суде приравниваются к показанию одного мужчины и т. д. В «продвинутых» мусульманских странах в конституциях содержатся положения о равенстве прав мужчин и женщин, но с дополнением: «равенство по шариату», а шариат на деле исключает равноправие. Работают на промыслах и в других тяжелых сферах деятельности в основном иностранные рабочие-контрактники, которые живут отдельно и по особым правилам.

Конституционные основы политической системы в странах мусульманского фундаментализма устанавливаются в соответствии с принципом халифата. Парламенты заменены принципом аш-Шуры. Выборы в представительные органы и другие выборы отвергаются как институт, разрушающий единство уммы, хотя, например, в Иране существуют выборные парламент и президент, и на президентских выборах 2009 года развернулась острая борьба между кандидатами⁴. В странах мусульманского фундамен-

³ The Basic Law of Government // Highlight of Development in Saudi Arabia. Riyadh, б. г.

⁴ Следует учесть, что в Иране главой сообщества считается не президент, а факих («лидер») — один из имеющих звание аятолла, религиозного главы.

тализма запрещены политические партии, профсоюзы (считается, что они разрушают единство уммы). Монарх теоретически считается выборным (такова была начальная традиция халифата). Его избирают по процедуре байях из среды правящей семьи (аль-Сабах в Кувейте, аль-Тани в Катаре и т. д.). Вопрос о том, кто будет монархом, решается на семейном совете с участием улемов — ученых знатоков Корана. На практике избирается не обязательно сын, монархом может стать и брат, и племянник.

В «продвинутых» мусульманских странах партии, общественные объединения, парламент есть, но центральное место в политической системе занимает президент (Алжир, Египет, Сирия и др.), возглавляющий свою партию, имеющую большинство в парламенте. Президент переизбирается без каких-либо ограничений. В некоторых странах один президент был избран в пятый раз (Египет), иногда место покойного президента неоднократно занимает его сын, заранее подготовленный к этому (Сирия).

Население пяти сохранившихся стран *тоталитарного социализма* (Вьетнам, Китай, КНДР, Куба, Лаос) составляет более 1,4 млрд человек (из них более 1,3 млрд в Китае). Современная ситуация в этих странах несколько отличается от марксистско-энгельской и ленинско-большевистской трактовки социализма (особенно по вопросам собственности, «эксплуататорах», частично идеологии), но основой существующего строя, действующего права по-прежнему считаются принципы марксизма-ленинизма. Степень тоталитаризма неодинакова (например, ситуация в Китае отличается от ситуации в КНДР), но конституции этих стран и правовая доктрина по-прежнему исходят из постулатов тоталитарного социализма: руководящая роль одной партии — коммунистической (другие партии могут существовать, но руководящая роль навсегда закреплена Основным законом за одной партией¹); господство социалистической собственности на средства производства; власть трудящихся в организационной форме советов (в некоторых конституциях, правда, появились формулировки о власти народа); принцип разделения властей (ветвей государственной власти) и местное самоуправление отрицается. В некоторых конституциях термин «диктатура пролетариата» сохранился до 2000-х годов (КНДР), в других говорится о «демократической диктатуре народа» (но все-таки о диктатуре). Конституционно закреплено неравенство общественных классов (ведущий — рабочий класс, ведомый — крестьянство), принципы всеобъемлющего директивного планирования и распределения по труду («от каждого — по способностям, каждому — по его труду»), господство одной обязательной идеологии — марксизма-ленинизма (с национальной спецификой — идеями Мао Цзэдуна или Дэн Сяопина в Китае, чуче в КНДР, что закреплено в конституциях). Оппозиция, «антисоциалистическая» пропаганда и агитация запрещены уголовным законом

¹ Могут быть и были в некоторых странах другие партии (считается, что из всех сохранившихся стран тоталитарного социализма несколько партий есть в Китае), но они не могут быть оппозиционными, а должны быть союзными с коммунистической партией и признавать ее руководящую роль, закрепленную в конституциях.

и наказываются. Общественные организации существуют, но они действуют в соответствии с принципом демократического централизма и подчинены руководящей роли партии. Естественные права человека не признаются.

В условиях цивилизации тоталитарного социализма принята концепция приоритета общества, коллектива и государства перед личностью, человеком. Памятны слова Сталина, произнесенные им на праздновании в 1945 году в Кремле победы в Великой Отечественной войне, о человеке как «винтике» в обществе, партийно-государственной машине. Статус человека зависит от его принадлежности к определенному общественному классу, социальному слою. Различаются граждане трудящиеся и нетрудящиеся («эксплуататоры»), последние в отдельных странах тоталитарного социализма (не только в России) раньше лишались избирательных и некоторых других политических прав. В настоящее время некоторые социально-экономические права в конституциях стран тоталитарного социализма формулируются тоже неодинаково: есть права граждан, а есть права трудящихся (граждан). Существуют правовые различия между рабочими и крестьянами. В СССР крестьяне до определенного периода не имели паспортов и, по существу, были лишены свободы передвижения. В современном Китае это различие выступает как преимущество городских жителей перед сельскими на выборах в представительные органы в соотношении 5:1. Доступ эксплуататорам и не только им в правящую партию (коммунистическую) был прегражден. Правда, теперь в Китае предпринимателей в эту партию принимают. Некоторые предприниматели даже занимают руководящие посты в местных органах этой партии.

Право стран тоталитарного социализма длительное время исходило из принципа запрещения частной собственности. Сейчас в некоторых странах она допускается, получила большое развитие в Китае (есть и крупная частная собственность, миллиардеры), но все-таки отношение к ней негативное. В конституциях установлено, что ведущую роль должен играть социалистический сектор (уклад), а высшая форма собственности — государственная социалистическая собственность, которая пользуется повышенной правовой защитой (формы собственности неравноправны). Правда, сейчас в некоторых конституциях говорится о социалистическом рыночном хозяйстве.

Капиталистическая цивилизация (около 3 млрд человек) сложилась в результате ликвидации феодальной зависимости, но элементы социального облика она окончательно приобрела в ходе внутренних сдвигов и борьбы народа (особенно трудовых слоев) за социальные права. Не случайно первые положения в конституциях о социальной функции частной собственности и отдельных социально-экономических правах человека появились на волнах революционных событий в Мексике и Германии в 1917 и 1919 годах, а развитое социальное законодательство в капиталистических странах было создано после Второй мировой войны, в период, сопровождавшийся подъемом демократического движения в мире после разгрома фашизма.

Конституции капиталистических государств исходят из иных правовых постулатов, чем мусульман-

ские страны и государства тоталитарного социализма. В условиях данной цивилизации по отношению к человеку господствует индивидуалистический подход. Индивид — это элемент общества, который имеет приоритет по отношению к обществу и государству. Основа его независимости — частная собственность и неотъемлемые естественные права (на жизнь, свободу, личную неприкосновенность и др.). Правовое регулирование (и это обеспечивается законодательно) исходит из юридического равенства людей независимо от расы, национальности, пола (хотя женщины даже в Великобритании получили избирательные права только в 1919 г., во Франции — в 1946 г., в Швейцарии — в 1971 г.), физических или иных качеств личности. Современное право капиталистической цивилизации не ограничивается признанием юридического равенства, личных и политических прав индивида. Признаются и в определенной мере обеспечиваются социально-экономические права (право на труд и свобода труда, оплачиваемый отдых законодательное установление минимального размера оплаты труда, потребительской корзины (прожиточного минимума), определенный уровень бесплатного государственного образования, государственные пенсии и т. д.).

Большое значение в условиях капиталистической цивилизации (даже в ее социальной разновидности) имеет частная собственность индивида (группы индивидов), свобода обладания и распоряжения ею. Это предполагает хозяйственную и иную активность человека. Государство (социальное государство) должно обеспечивать только основные нужды человека (прожиточный минимум, определенный уровень образования, здравоохранения, пособия по безработице, пенсии, инфраструктуру — связь, пути сообщения и выполнять другие «общие дела»), но человек должен сам заботиться о себе и своей семье. Поэтому, в частности, не привилась концепция государства всеобщего благоденствия, которая вела к иждивенчеству человека, излишним упованиям на государство-благодетеля. Активность человека предполагает свободу конкуренции во всех сферах: экономике, политике, идеологии. Отсюда — соответствующие конституционные принципы свободы экономической деятельности, свободы рынка, многопартийности и политической соревновательности, идеологического многообразия и др. Социальное государство не пассивно, это не «ночной сторож» XIX века (хотя и тогда оно не было только «сторожем»). Это социально поддерживающее человека и социально регуляционное государство, социально-политический арбитр в обществе, но вовсе не орудие преобразования общества на новых началах «сверху». Его деятельность должна соответствовать законам эволюционного развития общества и исправлять недостатки такого развития (в частности, стихию рынка), обеспечивать законные права и интересы человека.

Правовая система социального капитализма включает также другие принципы: свободу объединения, разделение властей, решающую роль выборов в определении лиц и партий, которые будут управлять государством в течение следующего срока, демократическое социальное, правовое, светское государство,

местное самоуправление, подотчетность и ответственность должностных лиц, включая главу государства, демократический политический режим. Однако социальный капитализм — это капитализм. Его правовая система содержит недостатки, присущие этой цивилизации. Погоня за прибылью — главная цель развития, а воля доминирующего в обществе социального слоя, победившей на выборах партии считается волей всего общества. Государство прежде всего защищает интересы экономически, политически и идеологически доминирующего в обществе социального слоя (слоев). Социальное капиталистическое государство может корректировать недостатки таких подходов, но оно не может устранить их совсем.

Краткая характеристика основ правовых систем трех главных цивилизаций свидетельствует о тенденциях их сближения. Такое сближение имеет формализованный и содержательный характер. Первый аспект — изменения в *форме права*. Основным правовым актом всех стран стали или становятся конституции (как говорилось, в XX в. они стали приниматься и в странах мусульманского фундаментализма). Современные конституции имеют черты сходства во внутренней структуре: они в большем или меньшем объеме устанавливают правовые основы организации общества, государства и статуса личности (нормы такого рода есть и в мусульманских низамах), социальные положения. Этим они отличаются от прежних инструментальных конституций XVIII—XIX веков. Прежние традиционные нормы (в том числе правовые обычаи, судебные прецеденты, право справедливости в англосаксонском праве, особенно развитые в Великобритании) вытесняются кодексами законов и другим принимаемым обширным законодательством (в Великобритании кодексов нет, но в США, хотя и неполный, Уголовный кодекс существует). Кодексы законов принимаются и в «продвинутых» странах мусульманского права, и в единичных случаях в странах мусульманского фундаментализма. В какой-то мере вытесняются правовыми актами и доктринальные источники (толкования Корана средневековыми юристами или, что бывает чаще, дается новое истолкование в духе нашего времени, например о священной войне против неверных). В «продвинутых» мусульманских странах уже не практикуют мусульманские суды, которые применяют жестокие наказания по нормам Корана, хотя иногда они возрождаются (на севере африканской Нигерии, в мятежной Чечне). Форма права, организация правоприменительных органов, процедуры приобретают более общий характер, наблюдается взаимовлияние, как бы оно ни отрицалось при помощи высказываний о простом совпадении.

Сближение правовых систем происходит и с точки зрения их *содержания*. В условиях современности сближение правовых систем невозможно на основе отступления к прежним порядкам, оно осуществимо только на пути социального прогресса. Ориентиром для этого прогресса, закрепленным в важнейших правовых актах — конституциях, должно служить реальное создание демократического, социального, правового, светского государства.

Элементы *демократизации*, присущие всем странам, находят свое выражение в закреплении в кон-

ституциях, иных актах, содержащих основные права человека и соответствующих международным стандартам. В некоторых странах мусульманского фундаментализма созданы парламенты, а в Кувейте в 2007 году было предоставлено избирательное право женщинам (правда, ни одна из них не была избрана)¹. В 2005 году в некоторых городах Саудовской Аравии были проведены первые выборы в частично назначенные, частично выборные городские советы. Что касается лишения избирательных прав некоторых категорий «эксплуататоров» в странах тоталитарного социализма, то это уже давно не практикуется. Существуют и некоторые другие элементы демократизации, но нередко они почти незаметны или имеют формальный характер.

В наши дни элементы *социальности государства* имеются почти во всех странах (закят в исламе, государственные пенсии, государственное образование, здравоохранение, нормы конституций о социальной функции частной собственности, социальном партнерстве, социальной справедливости, более конкретные правовые нормы о минимальном размере оплаты труда, прожиточном минимуме и др.). Правда, размеры МРОТ или потребительской корзины, конкретное осуществление норм социальной справедливости свидетельствуют, что до построения подлинного социального государства России еще далеко (даже во время кризиса миллиардеры из России увеличили свое состояние в полтора-два раза, в США выплачивались скандально большие бонусы).

Тезис *правового государства* воплощается в жизнь путем принятия необходимого законодательства, устраняющего пробелы и несовершенства в правовом регулировании, установлении норм об ответственности государства, его органов, о праве человека обжаловать в суд такие действия. Однако для совершенного правового государства необходимо принятие многих мер, а в некоторых странах между провозглашением правового государства и реальностью лежит пропасть. Многие страны являются *светскими государствами*, наблюдается движение в этом направлении в мусульманских странах и странах тоталитарного социализма, но ни те, ни другие еще нельзя назвать светскими.

Отмечая определенное сближение правовых систем разных цивилизаций, нельзя не отметить таких правовых институтов и правовых норм, сближение которых невозможно, они *антагонистичны*, исключают друг друга. Преодоление противоречивости возможно только удалением из правовой системы одного (одной) из них и их заменой.

В сфере правового регулирования *экономики* такими антагонистическими институтами и правовыми положениями являются: рыночная регулируемая экономика при индикативном планировании — абсолютно свободный рынок; равноправие форм собственности — высшее положение одной из форм собственности (социалистической в странах тоталитарного социализма, публичной собственности уммы в мусульманских странах); неприкосновенность и неограниченность частной собственности — возмож-

ность на основе закона ее ограничения в государственных и общественных интересах; абсолютная свобода частной собственности на природные ресурсы — ограничение такой свободы в общественных интересах; особая роль одного из укладов в экономике — равное правовое регулирование различных способов и их конкуренция, что не исключает при необходимости государственной поддержки некоторых производств и др.

В сфере регулирования *политических отношений* взаимоисключающими положениями являются: политическое многообразие — политическое ранжирование и исключительность положения для определенных групп населения, объединений, лиц; запрет политических партий и общественных объединений — свобода их создания на основе закона; особая (руководящая) роль одной партии, закрепленная за ней навсегда в конституции — равноправие партий и общественных объединений, их соревновательность; отказ от институтов выборов и референдума как способов выявления воли народа и замена их совещательными органами — признание определяющей роли этих форм выявления воли народа, по крайней мере в обозримом будущем², и др.

В сфере регулирования *социальных отношений*: ведущая роль одного класса или слоя, его особое положение — равенство правового положения социальных слоев в обществе; только юридически равные шансы для всех — реальное обеспечение всем прожиточного минимума и адресная поддержка обществом (государственная поддержка) обездоленных слоев и лиц; распределение общественного продукта преимущественно по капиталу — комплексные принципы распределения общественного продукта преимущественно по труду и др.

В сфере *духовной жизни общества*: обязательная государственная идеология — многообразие идеологии; абсолютная свобода всех интеллектуальных форм — государственная поддержка прогрессивных форм творчества и запрет деструктивных форм, посягающих на интересы общества, жизнь, свободу и права человека только путем принятия соответствующего законодательства и создания общественных советов при влиятельных средствах массовой информации и др.

В сфере регулирования *правового положения личности*: равноправие граждан — неравноправие групп лиц (женщин, «эксплуататоров» и др.); признание и обеспечение основных (конституционных) прав граждан на уровне международных стандартов — ограниченное признание (например, в отношении социальных прав) и др.

Мы назвали, разумеется, не все тенденции сближения правовых систем и не все антагонистические правовые институты, препятствующие этому. Кроме того, мы ограничились принципиальными положениями публичного права, не затрагивая другие отрасли. Эта проблема чрезвычайно объемна и требует комплексных и разносторонних исследований.

² Возможно, что в будущем сверхинформационном обществе будут найдены иные способы выявления воли каждого и на этой основе — определения общей воли с учетом интересов различных слоев населения и каждого индивида.

¹ В Йемене, где сложилась такая же ситуация, в 2009 году женщины создали свой женский парламент — аш-Шуру.

Секция 5

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТОКИ КАК ФАКТОР МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

14 мая 2010 г., СПбГУП

Руководители секции:

- В. Л. МАКАРОВ академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- В. С. СТЕПИН академик РАН, научный руководитель Института философии РАН, руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, доктор философских наук, профессор

А. С. Запесоцкий¹

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТОКИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИЙ КУЛЬТУРЫ

Применительно к теме данного сообщения целесообразно принять наиболее широкое, классическое определение культуры — как всего того, что создано разумом и руками человека (культура — все то, что «не природа»). Следует учитывать, что, строго говоря, культуры сами не могут вести диалог между собой. Как справедливо отметил А. А. Гусейнов, диалог ведут люди, являющиеся носителями различных культур². И когда, например, Д. С. Лихачев говорит о саморегуляции культур, о том, что одно литературное произведение может заботиться о других произведениях³, — это образное изложение сути культурных процессов. Сам Дмитрий Сергеевич, и это видно из его работ, хорошо понимает, что субъектом любых культурных процессов является человек.

В связи с этим важно также использовать для анализа развития культуры хорошо описанный в гуманитарных науках механизм «опредмечивания» и «распредмечивания»: человек в процессе своей деятельности создает явления культуры, которые могут принимать материальную форму, «опредмечиваться» в предметах бытового обихода, картинах, книгах, дисках, зданиях и т. д. Другие люди, воспринимая эти материальные объекты с помощью органов чувств, «распредмечивают» предметы материальной

культуры, переводя их в сферу сознания, человеческого духа.

С учетом этих положений бытие культуры может быть представлено как всеобщий диалог культур и рассмотрено в условиях глобализации как всемирный и непрерывный информационный процесс.

Понятно, что человек не может знать все обо всем даже в ситуации стремительно расширяющихся возможностей информационных систем, да это и не нужно. Не все в культуре человечества имеет одинаковую ценность. Однако развитие глобальной, национальных, локальных и индивидуальных культур все больше превращается не только и даже не столько в вопрос создания культурных ценностей силами человеческого гения (социальные, технические, художественные и другие инновации), сколько в вопрос создания, конструирования и регулирования информационных процессов, способов подключения к ним человека.

Современная ситуация в данном плане характеризуется не только увеличением объемов информационных потоков, циркулирующих в обществе, и повышением мощности информационных систем. Происходят и иные перемены. На смену раннему буржуазному обществу свободной конкуренции со стихийной принудительностью экономических механизмов, рыночной реализации частных интересов независимых субъектов хозяйственной деятельности приходит «информационное общество» — государственно-монополистическая организация производства, охватывающая не только материальную сферу, но и сознание людей. Производство смыслов, формирующихся в человеческом сознании, превращается в самостоятельную отрасль экономики и пронизывает все традиционные сферы производства⁴.

¹ Академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор культурологических наук, профессор. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга. Заслуженный деятель науки России. Заслуженный артист России.

² Гусейнов А. А. О чем мы говорим, когда говорим о диалоге цивилизаций // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире : VII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 24–25 мая 2007 г. СПб. : СПбГУП, 2007. С. 57–62.

³ Запесоцкий А. С. Проблема диалога культур в научном и нравственном наследии академика Д. С. Лихачева // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. Доклады. СПб. : СПбГУП, 2010. С. 78.

⁴ Запесоцкий А. С. Экономика и культура : к вопросу о характере взаимосвязей // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры... С. 451.

Как полагают многие аналитики, к концу XX века демократические способы организации жизни общества все больше начинают испытывать деформации и уступать место скрытым формам регулирования экономического развития и социально-культурных процессов со стороны властвующих элит. Инструментами такого регулирования выступают информационные потоки. К примеру, существуют данные, свидетельствующие о том, что от 90 до 95 % мировых новостей производятся тремя корпорациями США, находящимися де-факто под контролем местных властей. В Китае властные структуры официально признают свой контроль над распространением информации и т. д.

Среди различных институтов, оперирующих информационными потоками, решающую роль играют СМИ. По сравнению с другими социальными институтами влияние СМИ на умы людей и общее состояние культуры наций неуклонно растет и достигло к настоящему времени беспрецедентных масштабов. В ряде отношений это влияние уже перевешивает воздействие всех прочих факторов, вместе взятых.

В России в первую очередь это относится к федеральным каналам Центрального телевидения, превратившимся с 1990-х годов в ключевой, системообразующий элемент не только информационного поля, но и всего духовно-нравственного пространства страны. Формирование картины мира и системы ценностей человека, багажа знаний, отношения к жизни и отдельным ее явлениям, структуры интересов, мотивации к той или иной деятельности, культуры речи и бытового поведения и т. д. и т. п. — все то, чем раньше занимались родители, педагоги, профессора, деятели культуры и искусства, выдающиеся писатели, — берет на себя телевидение. Оно «фактически контролирует всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры... Оно выделяет отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придает им особый вес, повышает ценность одной идеи, обесценивает другую, поляризует таким образом все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества»¹. Эти слова были сказаны западным исследователем о западном телевидении около 40 лет тому назад, но сегодня они еще более актуальны по отношению к современным российским СМИ.

Известно, что телевидение не информирует зрителя о реальности, а дает ее собственную интерпретацию, более того, создает в сознании аудитории иную «реальность»: «Телевидение — это производство, фабрика смыслов. Цензура реальности, в которой существует масса разнообразных симуляторов, пустотелых, иллюзорных и других построек. Формат — есть то, посредством чего мы осознаем реальность. Это всегда не «сырое» событие. На телевидении сырых событий нет, даже если вы ведете прямую трансляцию с места события»².

¹ Моль А. Социодинамика культуры : пер. с фр. М. : Прогресс, 1973. С. 29.

² Дондурей Д. Б. Российское телевидение: не нравится, но смотрю. Телевизионные рейтинги как инструмент конструирования реальности : стенограмма лекции, прочитанной 30 января 2009 года в Фонде им Д. С. Лихачева. СПб., [2009].

Якобы идя навстречу запросам населения, СМИ, осуществляя телепроизводство, удовлетворяют тот спрос, который сами же и формируют. Реализуется формула К. Маркса, согласно которой потребности производятся так же, как и продукты³. СМИ направляют значительнейшие ресурсы на то, чтобы объяснить своей аудитории, когда и какую именно продукцию следует потреблять. В этом смысле их деятельность ничем не отличается от производства кофе, шампуней, прокладок и т. д. СМИ в первую очередь рекламируют и навязывают аудитории самих себя. Закономерно, к примеру, что лидерами проката в стране являются фильмы, в рекламу которых телеканалы вложили десятки миллионов долларов. Специалисты в связи с этим отмечают, что ожидания и поведение людей формируются, определяются, делаются. Наилучшим образом это положение иллюстрируется такими мегапроектами, как «Ночной дозор», «Дневной дозор», «Фабрика звезд» и «Звезды на льду», «Ледниковый период», «Две звезды», «Цирк со звездами», «Король ринга», «Последний герой», «Танцы на льду», «Народный артист» и другими, на которые тратятся огромные деньги якобы в интересах телезрителей.

Особое значение имеет влияние на телезрителя содержание рекламы — продукта, объем которого выступает сегодня в профессиональной среде единственным мерилom значимости того или иного СМИ. С формальной точки зрения реклама — это способ информирования населения о продуктах и услугах, предлагаемых продавцом. Другие аспекты влияния рекламы на население, как правило, остаются в тени. Между тем в нашей стране в силу ряда исторических особенностей с начала 1990-х годов реклама заняла в массовом сознании нишу идеологии⁴, осуществляя демонтаж и реконструкцию фундаментальных мировоззренческих ценностей населения.

Во многом благодаря ей в это время происходит коренная переориентация предпочтений молодежи от нематериальных ценностей к материальным. Зарплата утверждается на первом месте в мотивах труда, оттеснив такие ценности, как содержание труда, самоопределение в труде, возможность реализации своих знаний и способностей через труд. Под воздействием рекламы понятие «уметь жить» начинается сводиться для молодежи к формуле «иметь»: носить модную одежду, посещать дорогие клубы и дискотеки, не утруждать себя тяжелой работой. Меняются понятия счастья, смысла жизни. Оказывается, что для ребенка реклама — прежде всего самая простая модель знакомства с обществом. Это то, с чем он сталкивается ежедневно, что его развлекает, очаровывает, играет с ним. Современная реклама в России меняет представления о приемлемом социальном поведении.

Пропаганда определенных образцов ведет к принятию их за эталон. Дети, наблюдающие за поведе-

³ См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала». Ч. 1) // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. М. : Политиздат, 1968. Т. 46, ч. 1. С. 28.

⁴ См. подробнее: Запесоцкой А. С. Образование и средства массовой информации как факторы социализации современной молодежи. СПб. : СПбГУП, 2008. С. 293–355.

нием пропагандируемых личностей, берут их жесты, артикуляцию, внешний облик, высказывания за образец для своей жизни. Предлагая то или иное поведение в социуме, реклама ориентирует на социальную сопричастность и референтность. Детская психика специфична. Ребенок не всегда способен критически оценивать культурные элементы, ценности, выдвигаемые СМИ, чаще он лишь усваивает их, копирует навязываемые образцы.

Активность масс в России искусственно направляется в сферу потребления, и наше общество превращается в «общество потребления». Реклама становится идеологией потребления и своего рода институтом социализации, проектирующим и формирующим нужного ей человека — «человека потребляющего».

Исследователи СМИ в разных странах мира обычно фиксируют свое внимание на новостном и общественно-политическом вещании, не придавая особого значения влиянию рекламы и развлекательных материалов. Однако и то, и другое является текстами культуры, содержащими неявные знания и формирующими сферу социального бессознательного.

Академик В. С. Степин обращает наше внимание на особую роль неявных знаний в культуре: «...этот вид неотрефлексированного знания играет важную роль в воспроизводстве и развитии даже такого рационального способа постижения мира, как наука. Неявное знание — это, прежде всего, образцы деятельности. Их зачастую даже трудно описать в виде инструкций, но они усваиваются и понимаются через подражание. В повседневной жизни образцы деятельности, поведения и общения выступают необходимым компонентом воспроизводства того или иного образа жизни. Подражая, люди как бы считывают друг с друга программы поведения и деятельности. Во всех этих ситуациях человек, осуществляющий действия и поведенческие акты, которые другими людьми используются в качестве образца, функционирует как своего рода семиотическая система¹. Неявные знания, транслируемые телевидением, трансформируют российскую культуру.

Для понимания механизмов происходящих трансформаций методологически полезно замечание академика Д. С. Лихачева об особой роли накопления культурных ценностей и их замены: «Ценности культуры не столько меняются, сколько создаются, собираются или утрачиваются. Особенное значение имеет отношение одной культуры к другой, формы и типы усвоения предшествующих или иностранных культур². Дмитрий Сергеевич полагал, что для каждого культурного единства характерно свое отношение к прошлому, свой выбор питающих это единство культур. И приводил пример: западноевропейская культура в Новое время пять раз обращалась к Античности.

В связи с этим нельзя не отметить, что наиболее масштабные преобразования российского об-

щества, такие как Петровские реформы, революция 1917 года, распад Советского Союза, несли в себе попытки тотального отрицания всей предшествующей культуры. При этом единство национальной культуры подвергалось разрушительным воздействиям. В последнем случае мы сталкиваемся с исключительно тяжелыми последствиями.

Практически все научные исследования качественных характеристик населения, проводящиеся в стране в последние годы, констатируют стремительный регресс по основным параметрам. И там, где в задачи исследователей включается оценка факторов регресса, на первое место выходит влияние ведущих каналов федерального телевидения. Телевидение задает направление развития общества и навязывает населению определенные модели поведения, которые затем реализуются.

Особенно трагична ситуация с молодежью, которой навязан радикальный культурный разрыв с предшествующими поколениями. Подобная ситуация существовала в теории, но никогда и нигде ранее не воплощалась на практике в подобной степени.

Российские СМИ на протяжении примерно 20 последних лет исполняют роль главного архитектора новой национальной культуры. Строго говоря, она не вырастает из старой, не создается путем модернизации того, что было, а строится путем отрицания или игнорирования прошлого. Точками роста выступают не базовые ценности российского общества, корнящиеся в толще веков отечественной культуры, а субкультурные образования типа гламура — субкультуры «новых русских».

Образно говоря, новая культура строится СМИ не на фундаменте старой, а в стороне от нее, на груде обломков культурных элементов, ранее уже доказавших свою несостоятельность и отвергнутых человечеством. СМИ отбирают существующие в культуре элементы для последующей обработки, упаковки и сбыта населению. В России формируется новый самобытный тип культуры, не имеющий прямых современных аналогов за рубежом. Наиболее близкий аналог — Древний Рим эпохи деградации и упадка, фактически принятый за образец московской «элитой» в начале 1990-х.

Впервые за тысячу лет Россия перестала быть христианским государством, стремительно скатившись в язычество. В 1990-е годы власть вывела заботу о нравственности в стране за рамки функций государства, и даже твердая личная поддержка принципов морали В. В. Путиным в качестве главы государства, а вслед за ним и Д. А. Медведевым не изменила в целом сложившуюся ситуацию: российское государство в наше время основывается только «на букве закона» и абсолютно игнорирует мораль. Аморальность стала лейтмотивом жизни современного российского общества и его культуры. И СМИ сыграли в формировании данной ситуации роль главного инструмента. Другая сторона этого же процесса — замена народной культуры на массовую, так называемую поп-культуру. В итоге Россия лишилась великой национальной культуры как магистрального пути своего развития.

Есть веские основания полагать, что общее падение культуры сопровождается понижением интел-

¹ Цит. по : Куда идет российская культура : [стенограмма круглого стола, 27 июня 2009 г.] : рукопись. Готовится к публикации в изд-ве СПбГУП.

² Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 171.

лектуального уровня населения страны. Культурная деградация становится настоящей катастрофой для экономики. Ректоры и профессора вузов практически повсеместно бьют тревогу: уровень общекультурной подготовки абитуриентов не позволяет готовить специалистов на прежнем уровне. Работодатели столь же повсеместно сетуют на недостаток квалифицированных кадров. Данные социологических исследований последних лет фиксируют рост иждивенческих настроений молодежи, массовую потерю мотивации к учебе, труду, саморазвитию.

Можно констатировать, что деформации системы массового воздействия на население в России привели к тому, что «общество потребления» — метафора, применяемая западными интеллектуалами для обозначения всего лишь одной из многих тенденций развития современного общества, — стало у нас полномасштабной характеристикой сложившейся ситуации. В стране действительно создано общество, которое научилось потреблять, но все хуже умеет производить.

Формальное игнорирование российской властью воспитательной функции СМИ привело в последние годы и к возникновению феномена, который специалисты называют «понижающей селекцией», — своего рода воспитания со знаком «минус», когда в человеке возвращается, культивируется все низменное, антигуманное. Систематическая апелляция к первобытным животным инстинктам, задействование обычно подавляемых культурой дремучих механизмов подсознания деструктивно влияют на личность.

Современные российские СМИ формируют новый тип личности, стоящий на эволюционной лестнице на несколько ступеней ниже типичного человека советской эпохи.

Отметим, что советская система стремилась создать человека-творца, личность творческого типа. Переход к воспроизводству «человека потребляющего» не оставляет России возможности реализовывать в экономике, сфере производства даже модель «догоняющего» развития, не говоря уже о развитии инновационном. В целом же формируется тип деградирующей культуры, основным содержанием которой является проедание ресурсов.

Сложившейся в России системе деятельности СМИ уже около 20 лет, и ее плоды уже отчетливо сказались на общекультурном состоянии нации. Тревогу бьют ученые МГУ им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, СПбГУП и др. 22 декабря 2008 года Общее собрание Российской академии образования приняло обращение к руководству страны по вопросам деятельности СМИ. В нем отмечалась необходимость масштабных изменений всего духовно-нравственного пространства страны, системообразующим элементом которого в настоящее время являются СМИ, и в первую очередь — основные федеральные телеканалы. Констатировалось, что происходящее духовно-нравственное перерождение страны создает угрозу ее будущему. Реакция на это обращение прослеживается в недавних выступлениях руководителей государства.

М. Б. Касенова¹

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕРНЕТОМ

1) Общие тенденции информационной революции конца XX — начала XIX века в **концентрированном** виде проявляются в Интернете. Глобальное киберпространство объективно связывается с качественно иным, более высоким уровнем международного взаимодействия не только государств и международных организаций, но и неправительственных организаций, частного сектора, гражданского общества. Существование Интернета порождает целый комплекс задач и вопросов, решение которых лежит в плоскости международного права.

Приоритетным вопросом и основой функционирования, успешного развития Интернета является создание эффективных механизмов глобального управления им. При этом речь идет о создании многосторонних, интернациональных механизмов, обеспечивающих стабильность, надежность и безопасность Интернета.

2) Важная роль в решении задачи построения глобального информационного общества и вопросов

управления Интернетом принадлежит универсальной международной организации — Организации Объединенных Наций. В Декларации тысячелетия ООН (2000) были сформулированы цели, которые все государства — члены ООН обязуются достичь к 2015 году. Государства — члены ООН обязались сформировать новое глобальное партнерство с целью достижения согласованных на международном уровне целей в области развития, включая «принятие мер к тому, чтобы все могли пользоваться благами новых технологий, особенно информационных и коммуникационных технологий». Практический аспект достижения этой цели выражается в том, что ООН вместе с главами государств и правительств, представителями гражданского общества, деловых и научных кругов консолидирует международные усилия в области построения глобального информационного общества и решения вопросов управления Интернетом.

Международное телекоммуникационное общество (ITU) в 1998 году одобрило резолюцию, предусматривающую проведение Всемирного саммита по вопросам информационного сообщества (далее — ВСИС) под эгидой ООН. В 1999 году Генеральный

¹ Профессор кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД РФ (Москва), кандидат юридических наук.

секретарь ООН инициировал подготовительную работу по данному вопросу, а в декабре 2001 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию в поддержку многоэтапного двухэтапного процесса подготовки ВСИС. ООН поддержала попытки содействия дальнейшей глобализации Интернета, обеспечение безопасного функционирования Всемирной сети в целом и обсуждение различий во мнениях по вопросам выработки принципов присвоения имен и адресов в Интернете в частности.

3) В Женеве на высшем уровне прошел первый этап ВСИС. Основная цель женевского этапа заключалась в «выработке и предложении четкого и ясного изложения политической воли и осуществлении конкретных шагов для закладывания основ информационного общества для всех». Важнейшие итоги первого этапа ВСИС: во-первых, принятие двух документов, одобренных Генеральной Ассамблеей ООН: Декларации принципов «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии» (далее — Декларация принципов) и Плана действий ВСИС (далее — План действий).

Во-вторых, ВСИС предоставил Генеральному секретарю ООН мандат на учреждение рабочей группы по управлению Интернетом, The Working Group on Internet Governance (WGIG) (далее — РГУИ). В рамках полученного мандата, Декларации принципов и Плана действий были установлены параметры деятельности, круг ведения и программа работы РГУИ. В течение 2003–2005 годов РГУИ провела четыре заседания, итогом которых стал заключительный доклад, представленный в августе 2005 года. Основными вопросами были: выработка рабочего определения управления Интернетом; выявление вопросов государственной политики, относящихся к механизмам управления Интернетом; формирование общего понимания соответствующей роли и сферы ответственности органов государственного управления существующих международных организаций и других форумов, а также частного сектора и гражданского общества как развивающихся, так и развитых стран.

РГУИ предложила следующее рабочее *определение понятия управления Интернетом*: управление Интернетом представляет собой разработку и применение правительствами, частным сектором и гражданским обществом (при выполнении ими соответствующей роли) общих принципов, норм, правил, процедур принятия решений и программ, регулирующих эволюцию и использование Интернета.

В докладе РГУИ были даны рекомендации относительно механизмов управления Интернетом, предложены четыре организационные модели по управлению Интернетом. Все модели исходили из необходимости многостороннего сотрудничества в управлении Интернетом, интернационализации институционального механизма управления, а также институциональной координации на универсальном, региональном и национальном уровнях.

4) В Тунисе в ноябре 2005 года был проведен второй этап ВСИС. Второй, так называемый тунисский этап заключался в «приведении в действие женевского плана действий, а также в выработке решений и достижении договоренностей по вопросам управ-

ления Интернетом». Результатом тунисского этапа ВСИС стали Тунисское обязательство, принятое на ВСИС (далее — Тунисское обязательство) и Тунисская программа для информационного общества (далее — Тунисская программа).

Существенным итогом тунисского этапа ВСИС явилось принятие Генеральной Ассамблеей ООН резолюции, которая, во-первых, одобрила Тунисское обязательство и Тунисскую программу; во-вторых, предусмотрела создание в Женеве Фонда цифровой солидарности в качестве инновационного финансового механизма добровольного характера, ориентированного на преодоление глобального информационного неравенства, так называемого «цифрового разрыва», «цифровой пропасти» (**Digital Divide**), содействие экономическому и социальному развитию путем использования информационных и коммуникационных технологий. В-третьих, в соответствии с п. 72 Тунисской программы под эгидой ООН был учрежден *Форум по вопросам управления использованием Интернета* (The Internet Governance Forum — IGF). В-четвертых, для того чтобы способствовать повышению уровня информированности о возможностях, которые предоставляет обществам и странам Интернет, а также другие информационно-коммуникационные технологии, Генеральная Ассамблея ООН объявила 17 мая каждого года Всемирным днем информационного общества. В-пятых, было предусмотрено проведение в 2015 году всемирной встречи на высшем уровне, на которой планируется обсудить практическое достижение целей в области управления использованием информационных и коммуникационных технологий, осуществление решений, направленных на построение информационного общества. Фактически в 2015 году будет проходить третий этап ВСИС.

Тунисский этап — большой шаг вперед на пути развития информационного общества, расширения возможностей применения цифровых технологий. Это связано с тем, что Тунисская программа предусмотрела среднесрочную перспективу глобального управления Интернетом и подтвердила необходимость создания условий для интернационализации механизмов управления Всемирной сетью. Кроме того, создание ВСИС усиливает интернационализацию контроля, осуществляемого Корпорацией по присвоению имен и номеров в Интернете (ИКАНН). В этом смысле создание ВСИС можно назвать своего рода победой международного сообщества, стремящегося интернационализировать механизм управления ядром глобальной информационно-коммуникационной Сети.

5) В ходе двух этапов ВСИС были выработаны концептуальные подходы по вопросам управления Интернетом. Речь идет главным образом о предложениях, высказанных во время проведения тунисского этапа ВСИС, на котором были сформулированы принципы новой модели международного сотрудничества:

— новая модель не должна заменять собой существующие механизмы или организации, а должна строиться на основе существующих структур управления Интернетом, с акцентом на взаимодополняемость (**the Complementarity**) функционирования всех участ-

ников процесса, включая правительства, частный сектор, гражданское общество и международные организации с учетом компетенции каждого из участников;

— новая модель государственно-частного сотрудничества должна содействовать устойчивой стабильности и надежности Всемирной сети посредством надлежащей адресации вопросов государственной политики, относящихся к ключевым элементам управления Интернетом;

— роль правительств в новой модели сотрудничества должна быть сосредоточена на принципиальных вопросах государственной политики, исключая вовлечение в повседневные операции;

— новая модель должна строиться на уважении архитектурных принципов Интернета (**the Architectural Principles of the Internet**), в том числе функциональной совместимости (**the Interoperability**), открытости (**Openness**) и принципа сквозной связи (**end-to-end Principle**).

Основная задача новой модели международного сотрудничества заключается в развитии и использо-

вании применимых глобально принципов государственной политики, а также в обеспечении участия международного органа управления на базе принципов, регулирующих вопросы, касающиеся присвоения имен, номеров и адресов, в частности:

— условия для глобальной системы распределения блоков **IP-адресов**, которая должна быть справедливой и эффективной;

— процедуры для изменения файла корневой зоны, специально для вставки новых доменов верхнего уровня (**TLD**) в **корневую систему** и смены менеджеров национальных доменов верхнего уровня, содержащих код страны (**ccTLD**);

— выработку планов действий в чрезвычайных обстоятельствах для обеспечения непрерывности важных функций системы доменных имен (**DNS**);

— установление механизма арбитража и разрешения споров на основе международного права в случае возникновения конфликтов;

— правила, применимые к системе доменных имен (**DNS**).

В. К. Мамонтов¹

МИР НА ПОРОГЕ ТЕКТОНИЧЕСКИХ ПЕРЕУСТРОЙСТВ

В последнее время стало совсем уж ясно — даже писателям-фантастам и даже Дэну Брауну, что мир находится на пороге мощных тектонических переустройств. Сразу несколько течений мысли, трендов развития, научного поиска двинулись вперед с нарастающей скоростью. Эти потоки неизбежно сольются — и дадут синергический эффект.

Думаю, что результатом этого станет фактически новый человек, вернее, то, что мы пока так для себя назовем, ибо существо, находящееся на пороге бессмертия, умеющее искусственно воспроизводить себе подобного и наделять его гораздо более совершенным мозгом и телом, вполне заслуживает и нового имени.

Попробуем перечислить, что же служит опорой такого предположения.

1. Глядите, компьютер срастается с мозгом.

Это не фантастика, не «Голова профессора Доуэля», приращенная к системному блоку. Как я пишу эти заметки уже сегодня? У меня открыты на компьютере два окна — текстовое и поисковик. И если я забуду, кто автор «Головы», то в течение секунды получу ответ: Беляев. Представить, что вскоре технология позволит:

а) уменьшить компьютер до размера, который можно скорее вживить в голову, чем наоборот;

б) обеспечить управление поиском без клавиатуры, а иным, для начала сенсорным, способом:

в) и наконец, максимально, до размеров Ленинки, расширить память — вполне возможно. Ничто не кажется несбыточным. На фоне миниатюризации наших ноутбуков, роста объемов флэшек, разных тач-скринов и т. д. Таким образом, ленинская фраза: «Нельзя стать коммунистом, не овладев всей суммой знаний, накопленных человечеством», получает неожиданное технологическое обеспечение.

Вряд ли на выходе мы получим коммуниста — но будем ли жалеть? Ловушка в том, что овладевшего больше ни в одну партию не заманишь — скучно ему там будет.

Жить с богатствами, накопленными человечеством, в голове, вернее, в режиме on-line с ними — это тоже не представляется дивным дивом: неандерталки этого процесса, «девочки, зависшие в Сети», быстро станут кроманьонками, сбросят шерсть и перестанут вообще выходить в «реал».

Другое дело, что и в информационном обществе будут плебс и аристократия, они уже есть. Почитайте популярного гуру Интернета и «каменты» к нему. Все станет ясно — кто есть кто. Но что потреблять — информацию или знания — дело ваше. Кем стать — дело ваше. Возможность есть и для того, и для другого. Тут свобода неоспорима. Видят ли ее? Пользуются ли? Коснемся этого чуть позже.

2. Заходите, генный инженер вас починит.

Продление запрета клонировать человека, которое снова недавно проштемпелевала Госдума, рано или поздно будет отменено. Для этого просто вызреют условия. Пока этот запрет обходят сбоку и сзади, выращивая органы, ткани... Ну и славно. Тренироваться надо на насущном.

¹ Президент ОАО «Редакция газеты «Известия». Автор книг: «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?». Член комиссий Общественной палаты РФ по науке и инновациям; по сохранению и развитию отечественной культуры; по вопросам развития гражданского общества.

Да и дело вовсе не в том, чтобы выпустить в свет еще одну Долли в человеческом обличье («Хелло, Долли, вас двое? Как мило! Джамп ту май “ягуар”»).

Дело, разумеется, в исправлении человеческих недостатков, дефектов, обеспечении долгой и здоровой жизни.

Вырастить зуб, почку, глаз — уже не поражает. Значит, либо уже есть, либо вот-вот будет.

А бессмертие? Ученые говорят: нельзя. Останется эволюция, погибнем, затянет тinou. Помоему, это самообман: если будет найдена формула бессмертия, то люди захотят ею воспользоваться. Но... Поживем — увидим.

Почему, говоря о генетике, не упоминают достижения медицины в других областях? Потому, что по сравнению с геной инженерией таблетки блекнут, растворяются и шипят. Хирурги выглядят просто мясособойней. Не говорю о стоматологах. Для их преступлений просто нет срока давности!

3. Бог как нанотехнолог.

Нанотехнологии, многократно осмеянные недалекими публицистами за бюджетоемкость, — это вообще прорыв в неизведанные креативные сферы. Собрать новый мир из нанокирпичиков, как ребенок собирает конструктор «Лего», — это ли не прорыв к божественным функциям?

4. Причем тут эзотерика?

На этом фоне очень оживились эзотерики. Пока физики, химики, биологи и так далее облучались, вкалывали себе вакцину, травились неожиданными результатами опытов, мыслители в области мистического способа познания мира, которые и так знали, что дважды два — четыре, теперь говорят, что они давно все предсказали. Осталось верно прочесть древние книги.

Прежде чем над ними потешаться, рассмотрим гипотетическую версию: а не являются ли древние трактаты отголосками утерянного знания?

Попросту говоря, не описан ли в Ветхом Завете доступным тому времени языком процесс, подобный тому, что происходит и сегодня на наших глазах? Коллективный бог, бог-генетик, нанотехнолог, кибернетик, медик, физик разве не творит на наших глазах нового человека?

Мы видим сонм молодых людей, портящих глаза у компьютера и шипящих в блогах на глуповатую власть. А не правильнее ли видеть затравку формирования могучего сетевого интеллекта, коллективного интеллекта, который обеспечит колоссальный прорыв в науке, знании, культуре?

Чуть ниже мы это обсудим подробнее.

Пока предположим, что мы, люди, — создания и вправду куда более совершенные, чем ноутбук и даже «Астон Мартин», были сотворены точно так же, в процессе чьего-то самопознания, и все, что с нами происходит, — это лишь обширный и величественный процесс нового самопознания, имеющий целью новое самоусовершенствование?

Куда девались следы этих пра-нас? Да никуда! Они с нами, в нашем опыте. Врач, придумавший деревяшку вместо ноги Сильверу, указал дорогу, по которой идет врач, пересаживающий печень и вставляющий в сердце клапаны. Мы все выполняем одну

программу эволюции, однажды запущенную, включая войны, братоубийства — но и великие высоты культуры и света.

5. Кто влияет на «свободных обитателей Сети»?

Наверняка есть скептики, которые скажут: автор рассчитывает на интеллектуальный прорыв там, где они видят один «олбанский язык». Да, сами по себе новые технологии не обеспечивают прорыва. Но пользование ими изменяет людей. И чем больше придет в Сеть людей глубоких, знающих и искренних, тем больше шансов на новое качество. Пока Сеть — «помойка». И причина называется одна: анонимность участников. Именно анонимность позволяет сбрасывать в Интернет копящийся в человеке негатив, примерять личины, ругаться матом и выдавать свои комплексы за истину.

И тут есть интересная развилка: возможно, эта манера вести себя станет общепринятой. То есть когда, допустим, Интернет перестанет быть анонимным, он останется «помойкой», потому что помойка укрепит как норма. И назовут это красиво: отброшенное лицемерие.

В Сети и сейчас есть лидеры, которые говорят правду (как им кажется), не стесняясь в выражениях и невзирая на лица. Они быстро укрепляются во мнении, что они и есть мессии нового миропорядка. Они — кураторы сетевых стад, аристократы Интернета, символы свободы. А дальше незаметно превращаются в таких же догматиков, каких столь яростно ненавидели.

Приведу цитату: «И все вышесказанное является истинной правдой», — пишет один из лидеров интернет-сообщества, завершая абсолютно небесспорное рассуждение. Даже обычная спасительная ирония ему отказывает.

И все-таки итог мне видится иным: анонимность будет утрачена и это скажется положительно. Заметьте: лидеры Сети известны. Им это не мешает. Не они чемпионы верхоглядства и самовлюбленности, а анонимные комментаторы, с упоением играющие в «праздник непослушания».

Лидеры интернет-сообщества полагают, что они не только станут властителями дум и разрушат традиционные государства. Они хотят быть метрополией, получателями ренты с интеллектуального продукта, который остальной мир-колония материализует, даже если он ему совсем не нужен. Чтобы стал нужен, есть другая Сеть: навязывание мнения, моды, ценностей. И это нешуточная борьба.

Пока одни тянут газовую трубу, другие сидят в Сети. Кто владеет миром?

6. Иллюзия свободы или свобода иллюзий?

Раньше Сетью называлась наша кухня, где шли толки «за все». Между кухней и жизнью пролегла гигантская пропасть. И пока это так — это параллельные реальности. Но на кухне нельзя было стать богатым, получить влияние. Кухня — отстойник. Тяжелый, лицемерный, полный ненавистных условностей материальный мир — реальная жизнь.

На наших глазах эта граница исчезает, смещается. Или это тоже иллюзия?

Сеть — это место, где можно заработать, стать известным и плюнуть на остальной мир. Или не плю-

нуть, а постараться его изменить. И тут опять уместно ждать прихода новых технологий, которые формируют действительность.

К примеру, возможность голосования в Интернете приведет в Думу абсолютно других людей — тех, кто яро боролся с тупостью и коррупцией. Но только если они самоорганизуются, или их организуют. А значит, они опять позволят «старому миру» доказать: приемы, увы, универсальны. А ваши свежесть и новизна — лишь тонкая пленка смены поколений и технологий.

Смогут ли «люди Сети» кардинально что-либо исправить? Скорее всего, они просто перенесут правила своего мира на весь — и с удивлением обнаружат, что им выдали компьютер с мигалкой, а они почему-то не отказались, как сегодня с урчанием позволяют участвовать в рекламных кампаниях и исподволь решать идеологические задачи.

Сеть манипулируема гораздо глубже — и интереснее, что важно, — чем проклинаемые ею несвободные телевидение и газеты. Пока она полностью зависит от материального мира, как страшно свободный блоггер зависит от того, какую машину он рекламирует — так «незаметно», так ненавязчиво. Или какого политика мочит — разумеется, просто потому, что не любит. Пользуясь репутацией независимости Сети. Эксплуатируя ее. И продуцируя «новое лицемерие».

Пока Сеть просто паразитирует на сотни раз обруганном материальном мире и называет это «образом гражданского общества». Если самые продвинутые пользователи понимают это и готовы этому противостоять, тогда они действительно станут участниками глобального поворота цивилизации. Нет — останутся помесью помойки с энциклопеди-

ей. В лучшем случае станут такими же империалистами, как и проклинаемые ими предшественники аграрного и индустриального обществ.

7. *Глобализация — это не стрижка под одну гребенку.*

Однако крот истории роет.

Пока у власти в США был Буш, глобализация по-американски принимала страшные формы — от гамбургера до бомбежек. Может быть, это изменится при Обаме.

На самом деле концентрация и перераспределение ресурсов, которые мы наблюдаем под именем глобализации, возможно, служат все той же цели многократного ускорения научного и духовного прогресса — и только в этом случае приемлемы. Как бессмертие остановит эволюцию, так глобализация ради усреднения, ради потребительской однотипности остановит развитие человеческого общества.

Если новый человек будет жить в интеллектуальном единстве с миллиардами подобных, он должен сохранять черты индивидуальности, этнические и иные различия, быть своеобразным в творчестве. Сохранить различие между мужчиной и женщиной, наконец!

Глобализацию можно оправдать, если она, обеспечивая приемлемый уровень жизни, на базе общечеловеческих, неоспоримых ценностей служит сохранению, больше того, поощрению многообразия как основы движения цивилизации вперед. Иначе она должна быть проклята и низвергнута. Миллиард одинаковых людей в одинаковых штанах с одинаковыми разрезами в башке — неужели это идеал, за который сторел Джордано Бруно, провидевший роль Бога как фактор, бесконечно запускающий познание?

Надеюсь, нет.

А. П. Марков¹

ГЛОБАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА: ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»

Глобализация — тенденция, характерная для всех переломных эпох в развитии человечества. Она была характерна для ключевого в человеческой истории «осевого времени», когда были рождены великие культурные системы, основанные на *Норме, Законе*. Нормы утверждались на огромных территориях, подчиняя себе значительную часть населения мира. Именно глобальный характер норм смог хоть как-то ограничить разгул жестокости, возникший в языческом мире в результате культа человеческой гордости, чувственности и поклонения обожествленному человеку. Идея глобализации была органично встроена в *Новый Завет*, который принес человечеству более совершенную систему нравственных регуляторов — *Ценности*. Начиная с миссионерской деятельности первых апостолов, христианство утверждало ценностно-нормативное ядро Нагорной проповеди системной и глобальной экспансией — духовной,

территориальной, этнокультурной, институциональной. Мы видим, что глобальные проекты в истории человечества преследовали (и в итоге совершали) антропологическую и культурную революцию — целенаправленно утверждался новый тип человека и создавалась новая модель культуры как среды его жизнедеятельности.

Сегодня в глобальных и на первый взгляд хаотичных информационных потоках также обнаруживается некая целеустремленность, воля, организующая и подчиняющая эти потоки единой цели: разрушению духовных основ христианской культуры и формированию «человека языческого». В этом плане принципиальное отличие сегодняшнего проекта глобализации — его ярко выраженный антикультурный характер, если мы под культурой понимаем ценностно-нормативные системы, выстроенные на основе этического идеала, сформировавшегося в недрах мировых религий.

Тип «неоязыческой культуры», утверждаемый современными глобалистами, в литературе иден-

¹ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук, доктор культурологии, заслуженный деятель науки РФ.

тифицируется как *цивилизация*. В ценностно-нормативном смысле культура и цивилизация — взаимно исключают модели бытия. В основе цивилизации лежат две группы ценностей: свобода (автономия) и материальные блага (обогащение, потребление, гедонизм, чувственные удовольствия). По существу современная цивилизация есть форма воплощения в новых реалиях языческой системы ценностей¹. Если традиционная культура утверждает духовность, социальность, соборность, она стыдлива и греховна, то цивилизация агрессивна и самодостаточна, она не знает стыда и греха. Если в культуре действуют моральные регуляторы — вера, совесть как внутренняя настроенность на другого, моральная ответственность, то в цивилизации доминируют сила и внешние формы принуждения, основанные на законе.

Глобальный (и по существу антикультурный) проект формирования «человека языческого» зародился в недрах западной цивилизации, которая давно уже поменяла свою протестантскую духовную матрицу и сейчас вместо традиционных ценностей честного труда открыто исповедует финансовый успех, агрессивный аморализм и гедонистический индивидуализм². Параллельно с утверждением «человека языческого» (эдакой «белокурой бестии») идет расчистка традиционных духовных основ бытия. Этот процесс существенно усилился с развитием средств коммуникации и приходом новых эффективных технологий обработки массового сознания, которые активно используются в целях разрушения традиционных моральных норм, представлений о норме и патологии, добре и зле. Начиная с середины прошлого века запущен огромный и беспощадный маховик индустрии зрелищ, основанный на двух деструктивных (и репрессивных по отношению к духовности), но глубоко встроенных в человеческую природу инстинктах: сексе и насилии. Этот невиданной мощи маховик постепенно убивает саму суть культуры — ее духовность, а в человеке — его душу как основу человечности. Отечественная интеллигенция советского периода, пусть робко и не всегда убедительно, все же пыталась утвердить границы нравственности, осуждая те произведения искусства, в которых царил половой разгул и агрессия. Сегодня эта волна захлестнула общество, в котором всесильно и безнаказанно правят СМИ и шоу-бизнес. Протест здравомыслящих и морально ответственных людей в такой

¹ Наиболее яркий исторический вариант такого ценностно-нормативного типа — языческая модель халдеев (Вавилон), основанная на гедонизме и антропоцентризме. Еще 3000 лет назад там была создана религия поклонения человеческой гордости, был развит культ обожествления человека. Практикуемая там технология удовлетворения человеческих похотей была доведена до своего совершенства.

² Яркой моделью языческой цивилизации являются США — государство, которое изначально создавалось на базе языческого идеала. Как известно, источниками ценностно-нормативной модели американского общества стали: существенно скорректированный во времена Реформации вариант западного христианства; языческое мировоззрение сект, члены которых в большом количестве мигрировали в США (тамплиеры, альбигойские катары, орден храмовников, франкмазоны и др.); социальная философия Ветхого Завета (американцы идентифицируют свою культурную модель в ценностном плане как иудео-христианскую).

атмосфере становится воистину «гласом вопиющего в пустыне»³.

«Зачистка» духовного пространства осуществляется с помощью философии постмодернизма, которая глубоко и системно пустила метастазы распада не только в интеллектуальных мирах гуманитариев, но и в современном искусстве, она происходит путем массового внедрения либеральных идеологий и практик, атрофирующих способность личности реагировать на девиацию, в частности, так называемых практик толерантности и политкорректности. Цель этой политики — разрушение ценностно-нормативных и идентификационных функций национальных культур, расширение пространства ненормативного и легализация его в качестве нормы жизнедеятельности, а в антропологической перспективе — превращение утратившего духовное самостояние субъекта в жалкое и заискивающее перед сильными мира сего существо, готовое продать душу дьяволу за очередную порцию земных благ.

По существу, на наших глазах возникает цивилизация с новой ценностно-нормативной доминантой, характерной, как об этом с юмором пишет В. Разумный, для сообщества «голых обезьян», — цивилизация, в том числе исповедующая свободное отправление естественных потребностей и животных инстинктов (публичное соитие без чувства стыда, немотивированную ненависть к другим и т. д.). И эта машина духовного растления («оскотинивания» человека) работает на мировоззренческой базе красиво декларируемых общечеловеческих ценностей — прав человека, защиты свободы и демократии⁴. Разрушительные для нравственности европейского человека последствия усилий либеральных идеологов «прав человека» очевидны: катастрофическое расширение поля девиации — от роста преступности на почве сексуальных патологий до расширения спектра и количества форм зависимого поведения (наркомания, игромания, шопинг, интернет-зависимость и т. п.). В общекультурном плане расширяются границы культурной аномии и постепенно утверждается «царство хаоса».

Глобализация информационного пространства стала не только формой трансляции деструктивных ценностей, но и средой социально-психологического заражения, прежде всего «вирусом» страха и агрессии. Всеобщий и логически трудно объяснимый рост ненависти (к представителю другой культуры, учеников — к учителям, детей — к родителям...) и всепожирающий страх (страх потерять финансовые накопления, страх истощенности базовых жизненных ресурсов, страх поездки в метро после взрыва

³ О «человекотворческом» характере современного искусства говорят основные «смысловые доминанты» кино — в среднестатистическом раскрученном фильме происходят десятки убийств и половых актов. Стараются не отставать «от прогресса» и творцы мультипликационных фильмов, в сюжеты которых все чаще встраивается ненависть во всех ее проявлениях и сексуально провоцирующая символика, разрушительная для душевного здоровья ребенка.

⁴ Иногда кажется, что и «Декларация прав человека» была задумана как «идеологическое бревно» для расчистки ценностного пространства великих культур, возникших на базе мировых религий и прежде всего христианства, — культур, которые в конечном счете удерживали человека в рамках гуманистического вектора его развития.

очередного религиозного фанатика) становятся реальным фактором мирового апокалипсиса.

Надо сказать, что успех «зачистки» массового сознания коренится не только в системности и целенаправленности усилий агентов новой «культурной политики» — он определяется самой природой человека, его «родовой испорченностью», глубинным стремлением быть объектом искушения. Современный человек готов поклоняться власти, силе, богатству, исповедовать культ успеха и социального признания. Он легко оказывается в плену у самой заманчивой иллюзии — свободы, не понимая, что «свобода» потребительского безумия всего лишь способ смирения «бунта рабов», средство ощущения иллюзорного чувства личной независимости. Современному «язычнику» практически неведома подлинная свобода, которая реальна лишь в сфере духа (в том числе и свобода добровольно пожертвовать своей жизнью — во имя того, что определяет и обеспечивает ее смысл). «Новые язычники» равнодушны и бессердечны, они прячутся под маской нравственно озабоченных и культурно ориентированных, извлекая из этого имиджевые дивиденды и социальный капитал. Но они — моральные «волки в овечьей шкуре», и в этом их культурная опасность.

Развитие глобальной информационной сети становится новой эпохой массовой атаки на традиционные культурные ценности. Субъектом и средством «культурной политики» путем обработки сознания масс выступает реклама, эффективность которой многократно усиливается за счет эксплуатации символического мира культуры и коммуникационных ресурсов СМИ. Современная реклама не продвигает товары и услуги — она становится мощным средством геополитики, формируя определенный тип мировоззрения и мировидения, одним из элементов которого является программируемое потребительское поведение.

Существенную роль в утверждении идеологии глобализма играют религиозные организации, исповедующие нетрадиционные культы и обладающие огромными финансовыми и технологическими ресурсами. По данным ООН, в мире сегодня более 6000 международных негосударственных организаций, большинство из которых действует на религиозной основе. Основная площадка их деятельности — школы¹.

Важнейшим полигоном утверждения «человека языческого» стали образовательные учреждения (прежде всего средняя школа и различного рода негосударственные образовательные учреждения, активно финансируемые международными фондами). Международные фонды субсидируют разработку, публикацию и внедрение учебных пособий и курсов, утверждающих оккультизм, гедонизм, потребительство. Через организацию различных факультативов и курсов осуществляется раннее половое просвещение, формируется терпимое отно-

¹ Один из идеологов оккультного движения так сказал о цели внедрения в школу: «Я убежден, что борьба за будущее человечества должна быть начата и выиграна в классах школ учителями, которые правильно понимают свою роль провозвестников новой эры. Школьные классы должны стать ареной конфликта между гниющим трупом христианства и новым сознанием».

шение и даже «социальная ценность» сексуальных девиаций. Иногда под флагом толерантности и лозунгом свободы альтернативных форм сексуального поведения идет откровенное развращение детей².

Природа языческой цивилизации экспансивна, и нарастание ее агрессивных тенденций в условиях глобализации неизбежно. Однако в свете событий последних двух лет появляется надежда, что эра язычества в мире кончается. В частности, анализ факторов финансово-экономического кризиса показывает, что его глубинные причины лежат в культурной плоскости, в духовном надломе западной цивилизации, в сущностном перерождении ценностного ядра христианской культуры. Капиталистическая цивилизация, балансирующая в последние десятилетия на грани между алчностью и страхом, похоже, завершает свой «языческий путь». Продолжение развития в традиционном русле — неизбежный тупик и грядущие катастрофы. Финансово-экономический кризис, пусть еще слабо, но запустил компенсаторный механизм душевного обновления, и мир получил шанс вернуться в границы христианской культуры.

Но мир поменяется, если поменяется сам человек. К сожалению, российское общество не избежало опыта неоязычества — в 1990-е годы оно было брошено в отвратительные недра «рыночной экономики», пережив нечто похожее на «второе крещение» долларом и пройдя искушение сытостью. Ослабленная советским периодом, культура не нашла в себе ресурсов для сопротивления — мы стремительно наверх тьвали упущенное за столетия, бездумно бросившись в омут «общества потребления». Резкое погружение советского человека в языческую модель бытия не прошло бесследно: самые, пожалуй, катастрофические последствия коснулись души человеческой, затронули ментальную структуру общества. В духовной плоскости произошло вытеснение и атрофия основных способностей души: совести, стыда, сострадания, милосердия, прощения. Эти качества — основа духовности, они же — базовые критерии человечности.

В сложившейся ситуации единственно реальная сила, способная противодействовать дальнейшему «оскотиниванию» человека и вернуть его в границы «образа и подобия Божьего», — это институт образования, базовым ресурсом которого всегда были великие гуманистические тексты европейской культуры прошлого, а также личность педагога, способная творить другого по своему образу и подобию.

² Широко известный в Европе греческий писатель Никос Зервас, несколько лет проживший в России, в интервью, которое он дал для газеты «Труд», сказал по этому поводу, что он не понимает нас, русских, позволяющих развращать наших детей, сажая их на иглу, приучая их творить скотство: «Мне просто стыдно смотреть на русских! В кого вы уродились? На ваших глазах паскудят и ублюдят ваших детей, и ни один из вас не может остановить развратителей? Думаете, это у вас что — русское смирение? Русская трусость у вас, а не русское смирение... Вы медленно, но верно превращаетесь в нацию де-ге-не-ратов». — См.: Зервас Н. Я хочу, чтоб к штыку приравнили перо // Труд-7. 2006. 19 января.

А. В. Матвеева¹

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ И ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОРЫ В МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Средства массовой информации (СМИ) играют важнейшую роль в этнокультурной и гендерно-ролевой социализации жителей планеты. Рекламная коммуникация давно преодолела государственные, культурные, этнические границы и стала одной из самых первых форм коммуникации так называемого глобального информационного общества.

Глобализация информационного пространства приводит к размыванию нормативов человеческого сообщества, человек начинает искать базисные, устойчивые категории для самоидентификации и находит их в гендерной и этнокультурной сфере. В силу этого основными категориями анализа межкультурного информационного пространства являются этнические стереотипы и этническая картина мира, которая характеризуется прежде всего ритуалами, характером восприятия пространства и времени, системой ценностей и отношениями личности и общества. Хофстедом выделяются четыре уровня анализа этих отношений: уровень властной дистанции; характер избегания неопределенности; индекс индивидуализма; степень выраженности маскулинности/феминности².

Так, в частности, способы проявления чувств, форма мышления, характер волевой регуляции поведения, особенности вербальной и невербальной коммуникации являются уязвимыми точками для информационной агрессии одной культуры в отношении другой или другого мировоззрения. На рубеже XIX и XX столетий русскими философами и поэтами, такими как Н. Бердяев, А. Блок, была осознана и репрезентирована в общественное сознание идея о «роковом процессе механизации жизни», замене органических видов жизни на механические. По мнению Н. Бердяева, эволюция жизни приведет к «торжеству машин», замене организма механизмом, что является феноменом «материализации жизни»³. Этот процесс должны сопровождать уродливые явления и гибель «старой красоты». При этом духовный смысл такой материализации в том, что «машина может быть понята как путь духа в процессе его освобождения от материальности»⁴.

В связи с вышесказанным мы можем выделить несколько уровней воздействия одной культуры на другую в информационном пространстве:

1) биологический уровень — воздействие на человека может осуществляться с помощью внедрения определенных ритмов в передачу аудиовизуальной информации через технические средства коммуникации. Как писал Бисмарк: «В побежденной стране звучит музыка победителя»;

2) психофизиологический уровень — воздействие возможно через модификацию пространственно-временных характеристик сложных сигналов, совпадающих с образами этногеографических стереотипов: форма одежды, продиктованная ландшафтом (так, большая часть молодых девушек в России одеваются в стиле мексиканской актрисы Дженифер Лопес, даже зимой), демонстрация чуждой природы и пропаганда стиля жизни в иных природно-климатических условиях;

3) собственно психологический уровень — воздействие осуществляется с помощью демонстрации определенных форм поведения индивидов, межличностного взаимодействия и характера реализации всех форм проявления человека;

4) социальный уровень — воздействие может быть произведено с помощью трансляции различных форм этнического группового поведения, отношения меньшинства и большинства, отношений лидера и общества в целом.

В современном обществе интенсивно протекающие процессы урбанизации, интеграции информационного пространства, ряд иных факторов формируют ситуацию унификации культуры, выражающуюся, в частности, в изменении качества и увеличении количества актуальных для общества социальных ролей, разрушении исторически сложившихся нормативов поведения, в отходе от культурных традиций, стандартизации ценностей. Имея неизмеримо большую свободу выбора ценностей и нормативов, человек не может традиционным способом реализовать потребность в системе ориентаций, отождествлении себя с неким признанным образцом, стремлении к социальному одобрению и утверждению. Происходит не просто разрушение традиционных социокультурных связей, но меняются сами критерии социальной идентификации.

Отсюда феномен «этнического парадокса современности»: самоопределение личности в культуре становится обязательным; этничность выступает через индивидуальные формы коллективного бытия. Но, несмотря на то что личностный выбор значимых для индивида в конкретной ситуации ориентиров совершается им произвольно, этот выбор осуществляется исходя из тех ценностных доминант и поведенческих норм, которые исторически сложились в данном обществе. Допонятийные формы репрезентации информации, имеющие образную структуру, присутствуют в картине мира субъекта в форме архетипов, стереотипов, имаго, специфические особенности которых обусловлены этнической культурой. Таким образом, в урбанизированном мире этническая культу-

¹ Профессор кафедры методологии психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, Московского государственного педагогического университета, доктор психологических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Связь с аудиторией в телекоммуникации», «Психологический анализ профессионально важных качеств творческих работников телевидения», «Восприятие рекламного образа в телевизионной коммуникации», «Психология телевизионной коммуникации», «Современный образ России: перспективы развития» и др.

² См.: Hofstede G. Value Systems in Fourty Countries: Interpretation, Validisation and Consequences for Theory // Cross-Cultural Contributions to Psychology / ed. by L. Eckensberger [et al.]. Allblaserdam, 1979.

³ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 235.

⁴ Там же. С. 237.

ра, не будучи актуальной, является ядром культуры этноса.

Интеграция информационного пространства ведет к уплотнению информационного потока, изобилию иностранных культурных продуктов. Это делает актуальным изучение особенностей кросскультурного восприятия продуктов массовой коммуникации (МК).

Наиболее ярко отражает специфику массово-коммуникативных процессов реклама как вид воздействующей коммуникации, опирающийся на наиболее сильные сигналы для воздействия на партнера по общению¹. Это наиболее образно насыщенный из жанров МК и наиболее актуально ангажированный из видов художественной коммуникации, отражающий все изменения в социальной, ценностной, эмоциональной и эстетической сферах жизни общества.

Реклама в данной работе выбрана в качестве модели, на которой наиболее явно проявляются механизмы воздействия на мотивационную, эмоциональную, поведенческую сферы человека. С одной стороны, из всех продуктов массовой коммуникации рекламные сообщения наиболее однородны по цели и средствам, что позволяет сравнивать эффект от их воздействия, с другой — их авторы стараются задействовать наиболее сильные стимулы, что позволяет реконструировать систему аргументов, к которым они апеллируют, и способы апелляций. Кроме того, краткость рекламного клипа позволяет за ограниченное время предъявить испытуемым большое количество законченных сообщений и, следовательно, охватить максимально широкий спектр задействуемых художественных образов и иных приемов организации опосредованного коммуникативного сообщения.

Наше конкретное исследование было посвящено анализу восприятия русскими людьми рекламы, выполненной в традициях различных культур: американской, европейской, восточной (японской) и славянской (русской). Исследование проводилось методами семантического дифференциала и контент-анализа. Результаты исследования показывают, что наиболее позитивно русские люди воспринимают рекламу, выполненную в европейской и восточной традициях, и отвергают рекламу, выполненную в американской и славянской традициях. Подобное исследование проводилось и в группе рекламистов, работающих в области производства рекламной продукции. Оказалось, что рекламистам ближе реклама, выполненная в стиле американской культуры.

Таким образом, выяснилось, что эстетические и этнокультурные предпочтения тех, кто производит

рекламу и руководит рекламным бизнесом в России, ориентированы на одну культуру, а зрителей — на другую. Соответственно мы можем констатировать феномен разорванной коммуникации в российском информационном пространстве.

Как правило, гендерные стереотипы выполняют в обществе три функции: оправдания и защиты существующего неравенства полов, регуляторную и ретрансляционную. В культурно-историческом контексте женщина всегда рассматривалась как субъект, зависимый от мужчины, и именно процессу женской эмансипации приписывается роль деструктора семьи и морали в современном обществе. Согласно К. Хорни, «отношения между мужчинами и женщинами во многом напоминают отношения между родителями и детьми, в которых мы предпочитаем фокусироваться на позитивных аспектах». И образы межполовой враждебности, которыми изобилует современная рекламная коммуникация, отражают серьезные проблемы, связанные с изменением гендерной идентичности. Регуляторная функция прежде всего описывает нормы и правила поведения, которое ожидается от мужчин и женщин в разных аспектах жизнедеятельности. Ретрансляционная функция в первую очередь проявляется в воспитании детей и при трансляции гендерных стереотипов с помощью СМИ.

Многочисленные исследования гендерных стереотипов в СМИ показывают, что мужчины в рекламе чаще всего изображаются как рассуждающие и оценивающие товар, ориентированные на его практическое применение и принимающие решение на основе рационального анализа. Женщины изображаются в рекламе прежде всего как занимающие зависимость от мужчины роли (образы жены, любовницы, подруги, сестры) и принимающие решение о покупке товара на основе эмоциональных переживаний, желаний и субъективных суждений. Мужчина изображается сильным, независимым, успешным и компетентным. Женщина изображается эмоционально теплой, уступчивой, чувствительной, слабой и гуманной. Новая роль женщины как лидера, компетентного управленца, независимого от мужчины, успешного предпринимателя вызывает неоднозначное отношение как со стороны мужчин, так и со стороны женщин в нашем обществе.

В рекламной коммуникации образ человека является главным носителем рекламной идеи, и символы женственности и мужественности в рекламной коммуникации имеют тенденцию к усилению; другими словами, в рекламной коммуникации мы сталкиваемся с образами супермужчины и суперженщины. Какими основными характеристиками обладают рекламные образы мужчины и женщины? Прежде всего провоцируется сохранение нормативного гендерного образа через апелляцию к внешности, образу жизни и системе мышления: образ мужчины — мужественный, успешный, имеющий высокую социальную позицию, агрессивный, пользующийся успехом у женщин и, как правило, не очень хороший семьянин; женщина, в свою очередь, часто изображается в интерьере дома, ее успех связан с ролью домохозяйки, жены, вечно молодой и привлекательной.

¹ См.: Матвеева Л. В. Рекламный имидж в бизнесе и политике // Международная конференция по рекламе: тезисы. М., 1994; Матвеева Л. В. Коммуникативный акт в условиях опосредования // Вестник МГУ. 1996. № 4. Сер. 14. Психология; Матвеева Л. В., Данилова А. Г. Этнокультурный фактор в восприятии телевизионной рекламы // Учение Л. Н. Гумилева: опыт осмысления: материалы конф. М., 1998; Матвеева Л. В., Аникеева Т. Я., Мочалова Ю. В. Психология телевизионной коммуникации. М., 2000; Грызунов О. М., Данник Н. В., Матвеева Л. В. Восприятие телевизионного рекламного образа в межкультурном пространстве // Информационная и психологическая безопасность в СМИ. Телевизионные и рекламные коммуникации. М., 2002. Т. 1. С. 302–335.

Широкое использование эротических кодов в качестве приманки, то есть привлечения внимания к рекламируемому товару, в первую очередь связано с показом образа женщины. Так, по данным А. Фанхэма, который проводил кросскультурное исследование, мужчины чаще представлены в рекламе как дикторы, а женщины — визуально; мнение мужчины более авторитетно, чем мнение женщины; женщина в рекламе моложе, чем мужчина; товары, рекламируемые мужчинами, служат, как правило, их собственному удовольствию, а товары, рекламируемые женщинами, призваны повышать их социальный статус либо усиливать их собственную красоту, чтобы нравиться окружающим.

В течение последних пяти лет мы проводили исследование категориальной структуры восприятия женского образа в рекламе (были использованы образы французской, английской, немецкой и русской женщины в печатной рекламе) на молодежной выборке с помощью метода психосемантического шкалирования. Категориальная структура женского образа у мужчин включает шесть факторов: личное обаяние (27 %); самоуверенность, демократичность (11 %); духовность (8 %); внешняя выразительность

(8 %); отражение российского культурного стереотипа (7 %); одаренность (6 %). Категориальная структура восприятия женского образа у женщин также включает шесть факторов: коммуникативная привлекательность (19 %); артистичность, модность (14 %); самостоятельность (9 %); бескорытность (9 %); духовность (6 %); демократичность (6 %).

Таким образом, в мужской выборке наиболее значимые качества женского образа — обаяние, доброта, демократичность, духовность. А в женской выборке — расположенность к общению, артистичность и модность, самостоятельность. В обеих выборках наиболее позитивно был оценен образ немецкой женщины, негативно — английской.

Обращает на себя внимание тот факт, что молодежной аудиторией женский образ в рекламе практически не оценивается по категориям эротического кода, символы которого так широко представлены в современной рекламе.

Литература

Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология / Г. Г. Дилигенский. М., 1996. С. 45–46.

Хейзинга Й. *Homo Ludens. В тени завтрашнего дня* / Й. Хейзинга. М., 1992.

Д. В. Минаев¹

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ МЕДИАСФЕРЫ В СТАНОВЛЕНИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Идея «новой цивилизации», предрекающей принципиально новый стиль жизни и человеческой деятельности, новые формы политики, экономики и общественного сознания, отнюдь не нова. Эта идея выкристаллизовалась в середине XX века и сейчас связывается с такими понятиями, как «постмодернизм», «постиндустриальное общество», «третья волна» (по Э. Тоффлеру). Идея нового устройства общества продолжает обсуждаться и развиваться. Вместе с тем мы, наверное, в полной мере еще не осознаем, что уже живем в новой цивилизации.

Рождение этой цивилизации связано с невиданным ранее, колоссальным влиянием современной «индустрии информации» на все стороны общественной жизни и сознания. Это влияние буквально и глобально. Создание единого мирового информационного пространства, формирование глобальной медиасреды сопровождается радикальными изменениями в процессе сбора, распространения и хранения информации и все больше влияет на различные аспекты общественной жизни, политики, культуры, экономики. Полноту функций медиасферы в социально-экономическом организме общества можно проиллюстрировать перечнем, представленным в исследовании, которое было проведено под эгидой ЮНЕСКО. Согласно этому документу средства массовой информации могут рассматриваться как: канал коммуникации между гражданами; сред-

ство распространения сюжетов, идей и сообщений; средство коррекции «естественной асимметрии информации» в конкурентной среде; организатор дебатов между разными социальными слоями; средство самопознания общества, формирующее чувство общности, понимания ценностей и традиций; проводник культуры и культурной сплоченности внутри и между нациями; средство контроля за деятельностью властей; *инструмент повышения экономической эффективности*; координатор демократического процесса; полноправный защитник и социальный партнер, уважающий при этом плюралистические ценности². (Очевидно, что порой средства массовой информации могут реализовывать эти функции со знаком «минус».)

Среди ключевых ролей медиасферы, представленных в вышеуказанном документе, в явном виде выделена экономическая роль (мы специально выделили ее курсивом). Однако изучение экономических последствий развертывания новой информационной цивилизации очень часто оказывается на периферии интереса научной общественности. Яркие политические, социальные и психологические

¹ Заведующий кафедрой экономики СПбГУП, доктор экономических наук, профессор.

² Показатели развития средств информации: система оценки развития средств информации: утверждены Межправительственным советом Международной программы развития коммуникации (МППК) на 26-й сессии (26–28 марта 2008 г.) ООН по вопросам образования, науки и культуры. 1, rue Miollis 75732 Paris Cedex 15 France©UNESCO Пер. с англ. И. В. Уткиной. Регистрационный номер CI/COM/2008/PI/3.

феномены медиакультуры заслоняют глубинные процессы трансформации экономического базиса общества. Попробуем в данной статье осветить некоторые важные экономические моменты взаимовлияния общественного прогресса и развития медиапространства.

В России изучением экономических аспектов формирующейся медиасферы преимущественно занимаются теоретики журналистики¹. Исследуя средства массовой информации как социальный институт, они чаще всего рассматривают экономический аспект как вспомогательный. Экономическая деятельность СМИ далеко не всегда связывается с социальными последствиями потребителей и производителей информации в отдельности и для общества в целом. Точно так же не до конца изучена и «обратная сторона медали» — экономические последствия социальной деятельности СМИ.

Для отечественной научной мысли характерна еще одна особенность. Она в существенной мере сконцентрирована на осмыслении драматичных преобразований и описании дефектов, складывающихся в ходе экономических реформ российской медиасреды. Это для России в силу исторических причин, безусловно, актуально, но концентрация на собственных перестроечных и постперестроечных вопросах реформ во многом мешает формированию общей теории экономики индустрии информации.

Откликаясь на практические запросы, ряд ученых разворачивают чисто прагматические исследования, в которых средства массовой информации рассматриваются как простые предприятия, обладающие обычным функционалом (производством, сбытом, рекламной политикой и т. д.). Этот раздел теории медиаэкономики потенциально наиболее понятен, и скорее всего именно он в первую очередь получит свое достаточно полное оформление (на сегодняшний день это не совсем так). Основным «подводным камнем» в разработке этого направления следует считать механистичный перенос обычных инструментальных концепций ведения бизнеса на медиапредприятия без учета специфики производимого ими информационного продукта. (Анализ показывает, что некоторые публикации в этой области страдают именно этим недугом.)

Западная школа теории медиаэкономики достаточно весома. В трудах ее представителей² часто можно обнаружить анализ экономических сторон деятельности средств массовой информации в увязке с общественной функцией. Однако экономические последствия для отдельных участников медиарынка и общества в целом во взаимосвязи с проблемами организации и управления медиасферой и в этих работах оказываются раскрытыми не достаточно полно.

В рассматриваемом нами контексте следует упомянуть еще ряд исследований, затрагивающих некоторые фундаментальные вопросы экономики общественных коммуникаций. Речь идет, например, о работах нобелевских лауреатов Дж. Акерло-

¹ Е. Л. Варганова, С. М. Гуревич, И. И. Засурский, Е. П. Прохоров, М. В. Шкондин, В. В. Ворошилов, А. А. Грабельников.

² Е. Абель, Д. Гербнер, Д. Хабермас, М. Кастельс, Д. Мак-Кэйл, Р. Пикар, М. Прайс, Г. Фогель, У. Шрамм, Р. Шуклер.

фа, М. Спенса и Дж. Стиглица³, в которых изучались экономические последствия *асимметрии информации*, формирующейся между рыночными агентами. Очевидно, что это исследование непосредственно касается проблемы изучения влияния медиасреды на экономические процессы, поскольку именно СМИ являются важнейшим каналом создания и разрушения информационной асимметрии.

В качестве другой работы, закладывающей базис *экономической медиалогии*, можно привести труды социолога Н. Н. Зарубиной, посвященные вопросам формирования и дальнейшей трансформации примата общественной рациональности⁴. Это исследование опирается на труды М. Вебера, Г. Зиммеля, С. Московичи, а главным тезисом становится влияние денег на человеческую *рациональность*, рассматриваемую как базис общества модерна. Формальная рационализация обуславливает перенесение на все типы отношений к реальности в обществе тех процедур, которые изначально применимы к денежному обращению. Это, прежде всего, *калькуляция* (*количественные вычисления*), которая сводит любые качественные отношения реальных индивидов и вещей к чистым формам, выражением которых и становятся деньги.

Однако в современных условиях формирующегося общества постмодерна специфика рациональности претерпевает дальнейшую трансформацию. Появление «*виртуальных*» или «*семиотических*» денег, которые не имеют жесткой привязки к состоянию реального хозяйства и обладают способностью *мгновенно перемещаться*, обуславливает «текучесть» социального устройства современного общества⁵. Жизнь общества постмодерна сопряжена с утратой однозначной детерминации и каузальности, оно отказывается от универсальной морали, линейного времени и единой пространственной перспективы. И в этом примере можно усмотреть огромную роль современной медиаиндустрии и информационных технологий в становлении общества постмодерна через виртуализацию, семиотизацию и обеспечение мгновенного «транспорта» виртуальных денег.

Таких примеров теоретических исследований можно было бы привести еще много. Но в целом можно констатировать, что синтетическая теория, которую можно условно назвать экономической медиалогией и которая объединила бы экономическую теорию с другими современными направлениями научной мысли в области изучения средств массовой информации, еще только формируется.

Рассмотрим некоторые направления и проблемные области развития экономической медиалогии. В первую очередь с экономической точки зрения эту проблематику можно разделить на две области, которые соответствуют двум субъективным позициям: агента медиасреды (участника медиаиндустрии)

³ Нобелевская премия за 2001 год была присуждена за анализ рынков с асимметричной информацией.

⁴ Зарубина Н. Н. Трансформации рациональности в глобализирующемся мире: влияние денег // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 38–48.

⁵ Термин «текучесть» ввел в оборот З. Бауман (*Бауман З. Текучая современность* М. ; СПб. : Питер, 2008; Он же. *Текучая жизнь*. Liquid Life // Polity Press, 2005).

и внешнего по отношению в медиасреде агента (потребителя или контактной аудитории). Первого интересует вопрос: «Как жить и выжить медиасфере в общей социально-экономической среде?», а второго — «Как влияет медиаиндустрия на социально-экономическую среду, и что полезного или вредного она может мне принести?»

Первая область, как мы уже отмечали ранее, более всего изучена. Самая очевидная экономическая роль медиаиндустрии — это то, что она сама является сектором экономики. Под предпринимательством (бизнесом) в сфере средств массовой информации (медиабизнесом) понимается инициативная деятельность граждан, направленная на получение прибыли в результате редакционной деятельности в условиях риска и осуществляемая от своего имени и под свою имущественную ответственность. Соответственно под медиапредприятием (предприятием СМИ) понимается самостоятельно хозяйствующий субъект, созданный в порядке, установленном Гражданским кодексом РФ, и осуществляющий производство услуг СМИ в целях удовлетворения общественных потребностей и получения прибыли. Основными продуктами медиапредприятий являются информация (контент), удовлетворяющая разнородные потребности людей, и реклама. Медиапредприятие как обычное предприятие образует юридическое лицо, имеет название, печать и расчетный счет в банке. Медиакомпании нанимают людей на работу, являясь покупателями и продавцами товаров и услуг. Они обладают основными и оборотными фондами, платят налоги и т. д. и т. п.

СМИ не являются самым крупным сектором экономики ни в одной стране, но их доля в ВВП достаточно ощутима. А если медиаиндустрию рассматривать в более широком смысле, включая разработчиков контента, каналы связи, создателей специального программного обеспечения и баз данных и тому подобное, то ее относительный вес в экономике станет еще больше.

Здесь может быть задействован и задействуется на практике широкий арсенал «классических» экономико-управленческих методов и моделей управления бизнесом: методы планирования, методы бюджетирования, финансового анализа и т. п. Естественно, с учетом специфики отрасли.

Одна проблема заключается в том, что, как продукт потребления, информационное наполнение (контент) средств массовой информации является так называемым *общественным товаром*. Это означает, что производство конкретного объема контента стоит для первого читателя столько же, сколько для тысячного.

Главная проблема состоит в оценке экономической эффективности, завязанной на оценку эффективности коммуникации. Сразу возникает вопрос о путях и способах ее изучения и «замера», что непросто сделать в силу неуловимости эффекта от информационного воздействия, связанного с его психологическим характером, пролонгированностью и другими особенностями. Среди наиболее продвинутых технологий такой оценки можно упомянуть так называемое медиапланирование — стандартизованную методику оценки различных количественно-стоимостных

показателей физического контакта аудитории с целевым информационным сообщением, которая ныне активно используется в рекламном деле.

Гораздо меньше изучено влияние медиасферы на экономические процессы, выходящие за рамки прямых рыночных отношений купли-продажи. Информационный продукт очень часто является так называемым *общественным товаром*, обладающим всеми известными из экономической теории эффектами. Например, «эффектом неделимости» — потребителем информации может стать кто угодно, в том числе и тот, для кого ее производство первоначально не было предназначено. Реклама в СМИ, являясь главным источником потребительской и коммерческой информации и основным механизмом ее распространения, одновременно с продвижением частного продукта во многом способствуют общему экономическому росту. Коммерческая информация, получаемая через рекламу, существенно сокращает информационные издержки потребителя и создает условия для срабатывания «эффекта масштаба», снижая долговременные средние издержки производства в результате массового сбыта продукции. Размер этого эффекта пока мало изучен.

Еще один важный экономический аспект влияния медиасферы связан с их воздействием на корпоративное управление. Он нередко обозначается понятием «инсайт». Открытие внутренней информации может повлиять на репутацию фирм стандартным способом, который учитывается в большинстве экономических моделей. Считается, что менеджер будет строго блюсти интересы акционеров и работодателей в ситуациях, когда его действия публично контролируются. Публикации могут так же инициировать реформирование законодательства о корпорациях или обеспечить его неуказательное соблюдение. Эта проблема на Западе активно изучается.

Наконец, информация, публикуемая в СМИ, может существенно улучшить функционирование экономической системы и через политические институты. Просвещенные граждане могут значительно ограничить возможности правительства причинять им экономический ущерб путем, например, конфискации частной собственности или чрезмерного регулирования хозяйственной деятельности.

Многие вопросы, касающиеся экономической роли СМИ, еще не получили отражения в научной литературе. И это не случайно. В современной комплексной экономике, вопреки стандартным (доинформационным) экономическим теориям, цены не отражают всей необходимой информации. В существующих же экономических моделях процесс распространения информации играет весьма незначительную роль. Предполагается, что заинтересованные лица каким-либо образом могут получать информацию. Цена самой информации не имеет значения. В моделях нет места специальным органам, осуществляющим сбор информации, что могло бы значительно снизить издержки на информационные транзакции.

Все эти и многие другие аспекты влияния медиасферы на экономическую сферу общества требуют дальнейшего изучения и осмысления.

А. Я. Недлин¹

ГЛОБАЛЬНЫЕ НОВОСТИ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В конце XX — начале XXI века в культуру пришло явление, которое знаменовало принципиально новую ситуацию во многих областях социальной практики — глобальное новостное телевидение. Оно стало одним из наиболее зримых проявлений глобализации и в то же время именно телевидение, как представляется, стало проводником глобализации.

Интенсивное развитие технических средств передачи информации (спутниковых, кабельных, компьютерных систем и коммуникационных средств связи, сети Интернет) в указанный период позволило оперативно распространять новостные программы в течение 24 часов в сутки, ежедневно и ежемесячно. Это привело к созданию глобального коммуникационно-информационного пространства, в орбиту которого вошли практически все страны и народы. Данная ситуация абсолютно вписывается в концепцию информационного общества. Сегодня существуют термины, призванные обозначить переход от постиндустриального общества к новой социальной реальности. Наряду с понятием «информационное общество» (Information Society) используются также «информациональное общество» (Informational Society), «общество знаний», «общество знаний и образования», «сетевое общество», «эпоха гибкой специализации (высокотехнологической специализации)», «цифровое общество», «общество услуг», «информационный капитализм» и др.

М. Кастельс в конце XX века выдвинул идею, согласно которой человечество вступает в эпоху «сетевого общества», где будет развитая сеть транснациональных коммуникаций и где культура будет строиться и функционировать на коммуникационных процессах и в форме коммуникационных процессов. При этом, по М. Кастельсу, в отличие от предыдущего периода, когда СМК воспроизводили социальную реальность, в новой символической среде СМК станут конструировать «реальную виртуальность», отличающуюся глобальными масштабами и воздействием на все сферы общественной жизни при радикальной трансформации пространства и времени².

Поскольку новости традиционно являются предметом повышенного внимания для всех категорий и социальных групп, именно они стали первым глобальным медиапродуктом, пользующимся стабильным спросом в различных странах мира. Сбор новостной информации, ее обработка, визуализация — стоят чрезвычайно дорого. Поэтому новости пользуются стабильным спросом практически всех СМИ, особенно тех, что не имеют возможности содержать собственные развитые новостные службы. Традиционно продажей новостного контента занимались международные агентства новостей, затем радиослужбы. Сегодня новости продают глобальные телесети новостей и онлайн-новостные СМИ.

¹ Заместитель руководителя филиала «Газпром-Медиа» в Санкт-Петербурге.

² Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford, 1996. Vol. 1: The Rise of Network Society. P. 372.

В итоге огромные массы людей, проживающие в различных странах и на различных континентах, практически одновременно могут наблюдать одни и те же события и получать их интерпретацию из одного источника. В итоге, по словам З. Бжезинского, возникает «...необычно взаимосвязанное общество, члены которого находятся в постоянном и тесном контакте — непрерывной интерактивной связи...»³ В связи с этим можно не просто говорить о влиянии СМИ на культуру, а о том, что глобальные информационные потоки формируют элементы глобальной культуры, как минимум в ее информационной составляющей.

Естественно возникает вопрос: как оценить это явление? В современном мире существуют две взаимосвязанные и взаимоисключающие тенденции и перспективы: глобальная и индивидуалистическая. Глобальные информационные потоки значительно изменяют не только сам мир, но мироощущение, мировосприятие и миропредставление индивидов. Глобализация приводит к определенной синхронизации этих процессов, нивелированию национально-особенного. В процессе глобализации человечество становится «одной общиной», что приводит не столько к единению, сколько к конфликтам и междоусобным войнам, поскольку глобальные новости не могут преодолеть разнородность «общины» и перемещение ее членов, этнические обиды и миграционное давление. Этническая неоднородность увеличивается почти во всех странах, и этот факт нельзя игнорировать. Проблема, стоящая перед политическими системами всего мира, — построение общей идентичности и выработка чувства общности среди граждан государств — пока остается лишь благим пожеланием, задачей на будущее.

Тем не менее, наша культура под влиянием глобальной новостной информации уже изменилась и будет меняться. В частности, мы все больше зависим от информации. Наше утро начинается с обзора источников в сети Интернет, продолжается чтением газет, просмотром новостных телепрограмм, и весь день мы стараемся не выходить из новостного потока, благо мобильный телефон, ноутбук с выходом в Интернет и тому подобное делают наше желание реальным. Мы постоянно повышаем требования к качеству, полноте, объективности новостей, что побуждает новостные каналы улучшать качество и оперативность своей работы.

С другой стороны, обилие информации выдвигает на передний план проблему информационной перенасыщенности, умения отбирать нужную информацию, противостоять информационному давлению и манипулированию. Не менее тревожно, что люди, получая практически круглосуточно негативную информацию, перестают различать добро и зло, возникает эффект привыкания ко злу. Не секрет, что глобальные новостные сети транслируют в основном

³ Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. N. Y., 1970. P. 9.

западную культуру, прививая ее ценности и нормы потребителям информации, внедряя инокультурные образцы в традиционные культуры.

В то же время глобальные новостные сети являются фактом, фактором и формой диалога культур и партнерства цивилизаций, мощным средством преодоления культурных барьеров. Благодаря глобальным новостям современный человек «выходит» из своего локального мирожизненного пространства

и не только может увидеть и услышать новости всей планеты, но и обретает возможность взглянуть на мир и себя с глобальной точки зрения, увидеть и ощутить свою связь с миллионами, свою причастность ко всему происходящему в мире. Это объективно не только расширяет кругозор современного человека, но и формирует на новом уровне чувство социальной ответственности, понимание своей роли в мировой истории.

Секция 6

РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

14 мая 2010 г., СПбГУП

Руководители секции:

- О. Т. БОГОМОЛОВ академик РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, доктор экономических наук, профессор
- А. А. ДЫНКИН академик РАН, директор Института мировой экономики и международных отношений РАН, доктор экономических наук, профессор

В. Ф. Богачев¹

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Концепцию модернизации экономики Президент России Д. А. Медведев впервые обозначил в ежегодном Послании Федеральному собранию. Ее появление во многом связано с тем, что нереальной оказалась идея перевода национальной экономики на инновационный путь развития, которая ставилась и активно обсуждалась начиная с 1980-х годов, однако достигнуть ощутимых успехов в этой области не удалось. При этом если в научном плане можно отметить некоторые достижения в виде научно-исследовательских разработок, публикаций, открытий и изобретений, защищенных диссертаций, то в практическом аспекте на пути коммерциализации научных идей встают непреодолимые барьеры, обусловленные особенным характером экономического развития страны.

Мировой опыт свидетельствует о том, что главными результатами функционирования инновационной экономики являются новые продукты, конкурентоспособные на международном рынке. Для сравнения следует отметить, что международных патентных заявок Россия оформляет в настоящее время в 7 раз меньше, чем Корея, и в 70 раз меньше, чем США. Доля затрат на технологические инновации в стоимости промышленной продукции у нас составляет чуть более 1 %, в Германии — 5 %. Инновационная продукция занимает в ВВП России менее 1 %. В Италии, Испании и Португалии — от 10 до 20 %, в Финляндии — 30 %. На мировом рынке высоко-

технологичной продукции Россия занимает 0,3 %, в то время как США — 36 %, Япония — 30 %, Германия — 16 %.

В связи с этим естественным выглядит стремление наиболее прогрессивно мыслящих ученых и практиков определить причины существенного отставания экономики России от мировых лидеров и сформулировать концепцию новой стратегии экономического развития на основе модернизации научно-производственной базы и более полного использования интенсивных факторов.

Представляется, что настоятельная необходимость смены парадигмы экономического развития кроется в национальных особенностях развития системы управления экономикой, когда выбор пути экономического развития за последние сто лет происходил без какого-то научного обоснования, в соответствии с коллективным решением политической элиты.

Вообще, первенство политики над экономикой в тот период было отличительной особенностью национальной модели управления. Из теории управления хорошо известно содержание одного из основных принципов социалистического управления — «единство политического и хозяйственного руководства», где главенствующим был тезис В. И. Ленина о примате политики.

Второй особенностью национальной модели управления является следование по своему, особому пути, который с середины XX века был основан не только на полной изоляции теории и практики управления от мирового опыта, но и на неприятии этого опыта. Сейчас, когда в России господствует якобы рыночный способ экономических отношений, по-прежнему декларируется идея «суверенной» демократии, свой, отличный от остального мира путь экономического развития.

¹ Профессор кафедры коммерческой деятельности и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, кафедры экономики СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. книг: «Рабочему классу — достойное пополнение», «Программно-целевые методы управления кадрами», «Промышленность России. Антикризисные стратегии предприятий», «Управление будущим. Очерки растущей идеологии», «Стратегия малого предпринимательства» и др.

Третьей особенностью российской модели можно назвать непрофессионализм менеджмента на всех уровнях управления. Ни один из наших политических лидеров после 1917 года не имел систематического базового управленческого образования, а к советам профессиональных экономистов прислушиваться было не принято. Поэтому характерными для различных этапов были: бесконечное «шараханье» от отраслевой формы управления к территориальной; постоянные кампании по «интенсификации» экономики, поиску зрелого, развитого и иного социализма; «перестройки» и «национальные проекты». В результате сегодня мы имеем национальную модель экономики, внешне похожую на классическую демократическую модель; Государственную Думу, которая, по мнению ее спикера, «не место для дискуссий»; суд, настолько независимый, во сколько можно оценить его решения; органы правопорядка, которые для населения опаснее организованной преступности; исполнительную власть, руководители которой не избираются, а являются преемниками и формируют команду по принципу личной преданности и надежности.

При этом характерной особенностью управления национальной экономикой является отсутствие у политической элиты стратегии развития, системного подхода к ее формированию, обратной связи в системе управления. Или такая стратегия существует, но не имеет ничего общего с основным предназначением топ-менеджмента страны — повышением благосостояния ее населения.

Четвертая особенность национальной модели — использование в первую очередь экстенсивных факторов развития экономики за счет привлечения дополнительной дешевой рабочей силы и использования природных ресурсов как основного продукта экспорта и формирования бюджета. Поэтому власть не заинтересована и, более того, препятствует использованию инновационных механизмов развития экономики. В результате мы имеем промышленность, основные фонды которой на 70 % морально и физически устарели; ведущие отрасли народного хозяйства (промышленность, сельское хозяйство, образование, здравоохранение, оборона) практически разрушены. Поэтому в этих условиях говорить целесообразно не об инновационном пути развития, модернизации, а скорее об индустриализации народного хозяйства, задача претворения в жизнь которой ставилась еще в 1930-х годах.

Из всего вышесказанного может сложиться впечатление, что точка возврата на путь инновационного развития экономики пройдена безвозвратно и страна обречена быть источником сырья для остального цивилизованного мира. Это означало бы безусловный крах и бесперспективность системы управления национальной экономикой, невозможность в обозримом будущем войти в число развитых в экономическом отношении стран. Для любой другой страны, вероятнее всего, этот сценарий был бы неизбежен, но Россия обладает таким потенциалом, который позволял ей в силу национальной уникальности выходить даже из более сложных ситуаций. В настоящее время, когда возможности использования экстенсивных факторов резко ограничены, а резервы,

накопленные за благоприятные в финансовом отношении 2000–2008 годы, стремительно тают, создаются реальные условия для поиска и использования интенсивных факторов, в первую очередь инновационного потенциала. Образно выражаясь, вчера не было желания привлекать инновационные факторы (или было рано); завтра будет поздно; а сегодня — тот момент, который нужно использовать, если мы хотим оставаться мировой державой. Но для этого необходимо коренным образом изменить механизм управления экономикой, который должен быть стратегически ориентирован на критерии, принятые во всем цивилизованном мире, апробированные и проверенные ходом исторического развития экономик развитых стран. Безусловно, нужна новая команда топ-менеджеров, независимая от политического влияния, способная профессионально и эффективно решать сложные задачи создания конкурентоспособной экономики.

Для более глубокого понимания содержания процесса формирования инновационной экономики в России представляется интересным проанализировать экономическую политику нашей страны в период 2000–2008 годов. В данный исторический период в силу целого ряда обстоятельств, связанных с высокими ценами на энергоносители, сложились благоприятные условия для коренного перевооружения промышленного потенциала на новой, инновационной основе. Главными проблемами в этот период финансового благополучия должны были стать повышение эффективности использования научных разработок и внедрение результатов фундаментальных и прикладных исследований в производство. Инновационная политика могла стать мощным рычагом, с помощью которого предстояло преодолеть спад в экономике, обеспечить ее структурную перестройку и насытить рынок разнообразной конкурентоспособной продукцией; она должна была обеспечить увеличение валового внутреннего продукта страны за счет освоения производства принципиально новых видов продукции и технологий, а также расширения на этой основе рынков сбыта отечественных конкурентоспособных товаров.

Получив возможность экономить и аккумулировать за счет благоприятной конъюнктуры рынка огромные финансовые ресурсы, политическая элита могла выбрать в качестве стратегии развития целый ряд сценариев, каждый из которых мог привести к созданию совершенно новой, передовой научно-технической базы страны. Вместо этого была выбрана самая неперспективная с точки зрения перестройки хозяйственного механизма страны стратегия сохранения финансового потенциала в ценных бумагах зарубежных компаний. Тем самым были утрачены темпы развития, и десять благоприятных с экономической точки зрения лет были растратчены на развитие экономик других стран и замораживание огромного финансового потенциала. Создавалось впечатление, что эта политика имеет далеко идущие планы, не имеющие ничего общего с социально-экономическим развитием страны.

Это нашло подтверждение в ходе развернувшегося экономического кризиса, который стал оправ-

данием целенаправленно выделяемой финансовой помощи избранным олигархическим структурам и банкам, что привело к неоправданному стремительному расходованию денежных ресурсов для нужд, не являющихся приоритетными с точки зрения преодоления кризисных явлений.

В итоге сложилась ситуация, когда практически все финансовые ресурсы были направлены на спасение проблемных банков, которые должны были на эти средства «спасать» производительные отрасли народного хозяйства, а также на помощь приближенным олигархам. Широко декларируемая помощь и поддержка социальных программ привели к тому, что реальное положение населения значительно ухудшилось: повышение пенсий и уровня заработной платы были существенно «перекрыты» ростом тарифов и уровня инфляции.

Следует сказать и о совершенно неоправданной стратегии руководства страны, ориентирован-

ной на реализацию «проектов века» типа строительства многочисленных трубопроводов для транспортировки углеводородов на все континенты Земли, проведения Олимпиады в Сочи в 2014 году, чемпионата мира по футболу в 2018 году, которые на фоне продолжающегося обнищания населения страны выглядят по крайней мере неуместными. В числе инициаторов разработки и реализации такого рода проектов следует указать и на Санкт-Петербург, где без какого-либо научного обоснования и учета интересов населения планируются строительство Охта-центра, стадиона на Крестовском острове и т. п.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что власти страны, увлеченные весьма сомнительными принципами «ручного управления», не справляясь с возложенными на них функциями и в отсутствии обратной связи реализуют цели, идущие вразрез с интересами населения.

М. А. Гусаков¹

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА КАК ПОДСИСТЕМА ИННОВАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ОБЩЕСТВА

Инновационный тип развития есть историческая тенденция, связанная с устойчивой реакцией на потребности и условия развития общества и проявляющаяся как сознательное и целенаправленное культивирование факторов развития во всех сферах общественной деятельности, факторов, в основе которых лежат инновации. Имеются в виду три сферы общественной деятельности: технология — отсюда инновационная экономика (производство и услуги); институции, совокупность форм экономической деятельности (от технологических сдвигов, ценностных устойчивых стереотипов производства и потребления) — отсюда инновационный менеджмент; социально-ценностная ориентация общества на изменения и свободный поиск — отсюда инновационная культура. Тенденции начала XXI века таковы, что инновационная экономика в большей степени формируется как подсистема инновационной культуры и социально-ценностных ориентаций, чем устойчивых стереотипов производства и потребления.

Эволюционный подход к изменению понимания научно-инновационного развития в соответствии с развитием технологической базы, рыночных основ, постиндустриализации, демократических перемен приводит к осмыслению сути инновационной экономики. В частности, в технологической сфере произошла трансформация движения научно-технического прогресса как постепенного формирования новых систем машин на новых технологических принципах к научно-технической революции как становлению череды ускоряющейся смены современных технологических укладов, а далее к инновационной экономике как экономике становления

инновационной жизни, инновационной культуры. Аналогичная трансформация происходит и в других сферах экономического и общественного развития, прежде всего в сфере услуг.

В мире происходит рост масштабов инновационной деятельности. НИОКР занимает все большую долю в инвестиционных расходах, превышая в наукоемких отраслях расходы на приобретение оборудования и строительство². Если в начале 1990-х годов производство наукоемкой продукции в мире возросло с темпом 6,2 % в год, а производство обычных промышленных товаров увеличивалось только на 2,7 %, то в начале XXI века объемы производства наукоемких отраслей возрастали на 11 % в год, что было вчетверо быстрее, чем в остальных отраслях³.

Инновационная экономика — это экономика, в которой господствует инновационный принцип хозяйствования, суть которого состоит в том, что главным источником различных нововведений начинают выступать наука и образование, научно-инновационный процесс, предпринимательство, культура. Экономика знаний требует особых качеств человеческого капитала, наращивания когнитивного капитала, возможно более гибкой и свободной системы принятия индивидуальных решений, основанных на креативности любого субъекта научно-инновационного процесса.

Существенными чертами инновационной экономики, показывающими принципиальное ее отличие, инновационного от индустриального этапа развития экономики являются следующие:

² Глазьев С. Ю. В инновационной экономике — будущее России // Парламентская газета. 2000. 17 мая.

³ Багриновский К. А. Проблемы управления развитием наукоемкого производства // Менеджмент в России и за рубежом. 2003. № 2. С. 65–76.

¹ Заведующий лабораторией Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор.

— инновационная готовность, охватывающая все сферы производства, услуг, нематериальной сферы, финансов, организации и управления, технологии, институтов, норм поведения, готовность к новаторству и изменениям, зависимость от инновационной культуры;

— с учетом опыта развитых стран, где реализован переход к инновационной экономике¹: ведущими звеньями становятся крупные корпорации и изобретатели (и инноваторы-предприниматели); интеграция трансформационных и трансакционных издержек; доминирование динамической конкуренции; встроенность инновационного процесса в культурные и экономические процессы; стратегический характер государственной политики в области инновационной культуры;

— огромная скорость изменений² производства и управления (что подтверждается массой статистических сведений затратных и результирующих показателей инновационного развития экономики), рост наукоемкости отраслей, переход к новому культурно-технологическому укладу как сумме технологий и переход к информационным и биотехнологиям, нано- и когнитивным технологиям, к социотехнологическим системам, экономико-экологическим системам, смена условий и среды обитания (социальной сферы), разнообразие инфраструктурных элементов;

— сильная зависимость от производства, распространения и применения новых знаний³, существенное повышение значимости науки, образования и культуры для экономического развития, ведущее к особой роли информатики и коммуникаций, требующих сетевых и самоорганизующихся форм и адаптационных механизмов быстрого реагирования, интерактивных технологий;

— мобильность и институциональное многообразие знаний, в том числе «инфраструктурных», межкультурных, не принадлежащих конкретному предприятию или исследовательскому консорциуму⁴, новая конфигурация выполнения научно-инновационного процесса («расщепленный» на два подпроцесса: один — проведение научных разработок и создание технологий; другой — встречный — создание бизнес-концепций формирования новых сегментов рынка и продукции и проведение научных разработок для ее реализации).

Инновационная культура как особая форма человеческой культуры предполагает тесную взаимосвязь с другими ее формами, прежде всего с правовой, управленческой, предпринимательской, корпоративной. Через инновационную культуру можно добиться существенного влияния на всю культуру профессиональной деятельности и производственных отношений людей.

В этой связи не следует забывать культурологическую и мировоззренческую, функции фундаментальной науки. И в этом ключе повышать престижа творчества, его свободы, стимулирования. В частности с целью популяризации необходимо развивать формы соединения науки и искусства, в частности для телевизионных программ, учесть опыт такого рода создания новых форм в творчестве известных художников, архитекторов и писателей. Необходимо возобновить публичный диалог между философией и религией, поскольку обе эти формы познания направлены на проблемы преобразования человека, его духовной сферы, то есть работают на готовность к переменам. Это позволит более полноценно проектировать формы социальной, политической и экономической жизни. Созданная комиссия по борьбе с лженаукой при Российской академии наук может найти здесь широкое поле деятельности.

Регионы и города уже сейчас весьма различны с позиций их существования в глобальном информационном обществе, различны их возможности взаимодействовать друг с другом, поскольку слишком различны интересы населения типов городов, образ их жизни и информационно-технологический потенциал. А с учетом быстрой смены интересов поколений и стилей, смены культурных традиций и производственных форм организации и образа жизни — параллельно могут функционировать разные типы городов, поселений. Их надо проектировать уже сейчас — с разными технологиями потребления и соответствующей архитектурной.

В области инновационной культуры следует переходить к активным «атакующим» действиям средств массовой информации против мифологем в общественном сознании, затрудняющим и замедляющим инновационную восприимчивость общества, готовность к радикальным нововведениям в производство и быт. Справедливо, на наш взгляд, ставится более широко вопрос о необходимости готовности общества к модернизации⁵.

В этой связи культурный контекст приобретает важную, возможно, определяющую роль при переходе к инновационной экономике.

Старт формированию инновационной экономики в стране дан, есть обнадесительные подвижки⁶. Однако подход по-прежнему не является системным, концептуальные подходы появляются и не реализуются, наукоемкость отраслей, территорий и корпораций сравнительно невелика, не развита инновационная институциональная среда, масштабность инновационной сферы мала.

К тому же даже так называемые догоняющие страны нас опережают. Ликвидация отставания тоже требует, видимо, времени для осознания драматичности ситуации и понимания, каких принципиальных трансформаций не хватает. Корни проблемы торможения процесса формирования инновацион-

¹ См., например: *Дынкин А. А.* Россия и мир: вызовы нового десятилетия (Конференция Академии народного хозяйства, 21–23 января 2010 г.).

² *Белуза А.* Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко // Трибуна. 2007. 14 дек.

³ *Inzelt A.* Are Transition Countries «Insiders» or «Outsiders» of the Knowledge-based Economies? // *Technology Transfer: From Invention to Innovation.* Dordrecht ; L., 1998; *The globalising learning economy: implications for innovation policy.* Luxembourg, 1998.

⁴ *Чесбро Г.* Открытые инновации. М., 2007.

⁵ *Ясин Е.* Модернизация и общество // *Вопросы экономики.* 2007. № 5. С. 10.

⁶ *Попова Е. В.* Будущее России — технологическая держава или сырьевой «придаток»? // *Инновации.* 2007. № 1 (99). С. 4–5; *Попова Е. В.* Актуальные вопросы инновационного развития России // *Инновации.* 2009. № 10.

ной экономики, как показывает ряд исследований¹, заключаются в создании:

- определенного общекультурного контекста;
- необходимости ликвидации бюрократического прессы;
- модернизации экономики и общества.

Инновационная экономика как подсистема инновационной культуры предъявляет особые требования к обществу, определяет культурный феномен реформирования, становление культуры инновационного типа. Исследуя тренды эволюции инновационного развития экономики развитых и так на-

зываемых догоняющих стран, ученые показывают, что в основание инновационной культуры положена необходимость сочетания традиционных культурных ценностей с продуктивными культурными ценностями, что дает определенное конкурентное преимущество².

Неоценимой становится роль науки в формировании мировоззрения, воспитания творческого мышления. Отношение государства к науке и ученым с использованием разных средств предопределяет благоприятность инновационного культурного фона.

С. А. Дятлов³

ИННОВАЦИОННАЯ ГИПЕРКОНКУРЕНТНОСТЬ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ⁴

В условиях широкого развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), всеохватывающей глобализации национальные государства, с одной стороны, все в большей степени конкурируют между собой за новые научные знания, право контроля и регулирования ресурсов, информационных и финансовых потоков, собственность на интеллектуальный и информационный капитал, право управлять экономическими процессами, которые во многом определяют их статусное лидерство и конкурентоспособность на глобальном мировом рынке. С другой стороны, формируются новые *глобальные (наднациональные) институты и центры управления, координации и контроля мировой экономики и мирового сообщества*. Качественно меняются основные методы, механизмы и формы регулирования экономики и конкурентной борьбы на глобальном, национальном и межрегиональном уровнях.

Национальная конкурентоспособность в общем смысле выражает способность определенной страны поддерживать устойчивые высокие темпы роста реального валового внутреннего продукта в расчете на душу населения в постоянных ценах. В широком смысле рассматривается и анализируется около 200 показателей, влияющих на национальную конкурентоспособность (внешняя торговля, открытость, правительств, финансы, технология, инфраструктура, менеджмент, образование, труд, институциональная среда и др.).

Следует выделить ряд особенностей, характеризующих *изменение методологических подходов к анализу конкурентоспособности*. Сегодня в условиях все-

охватывающей глобализации, всемерного развития ИКТ и обострения конкурентной борьбы на мировых рынках главной характеристикой передовой экономики становится *глобальная конкурентоспособность*. Системными элементами глобальной конкурентоспособности являются *новые знания (компетенции), программируемость, динамизм, мобильность, инновационность, эффективность и гиперконкурентность*, которые определяют *глобализационные преимущества* мировых стран-лидеров.

Гиперконкуренция обусловлена появлением на отраслевых и мировых рынках качественно новых конкурентов, которые получили название «*гиперконкуренты*». По нашему мнению, гиперконкурентные корпорации предлагают товары и услуги, характеризующиеся *глобальной инновационностью*, которая отличается прежде всего креативным менеджментом и маркетингом, предложением инновационных высококонкурентных товаров и услуг с качественно новыми функциями и потребительскими свойствами, формирующими и расширяющими новые ниши на глобальных рынках и новые потребности и предпочтения потребителей в большинстве стран мира.

Важнейшее место в современной глобальной экономике занимают крупнейшие международные компании (*Microsoft, IBM, Intel, Sony* и др.). В условиях тотальной и всеобъемлющей глобализации возникает новый тип компании, с новыми функциями, задачами и методами гиперконкурентной борьбы в глобальной экономике. В связи с этим мы вводим новое понятие «*глобальные гиперконкурентные корпорации*» (ГГК). Наибольшая концентрация ГГК, как правило, наблюдается в ведущих странах Запада. Именно ведущие мировые ГГК обеспечивают *высокий динамизм, инновационность, гиперконкурентность и лидерство* на мировых глобальных рынках. Именно глобальные гиперконкурентные корпорации предопределяют *глобализационные преимущества* мировых стран-лидеров (США, ЕС, Японии) в современных условиях. Именно крупные ГГК способны обеспечить привлечение крупных инвестиций в конкурентные инновационные проекты, успешную реализацию корпоративных финансовых

¹ Например: Ясин Е., Снеговая М. Роль инноваций в развитии мировой экономики // Вопросы экономики. 2009. № 9.

² Там же.

³ Профессор кафедры общей экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук. Автор книг: «Основы концепции устойчивого развития», «Основы теории человеческого капитала», «Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования», «Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование» и др. Член Экспертного совета по национальной экономике Российского гуманитарного научного фонда.

⁴ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-02-00375а.

стратегий. Реализация этих стратегий обеспечивается как привлечением средств на фондовых и кредитных рынках, так и посредством слияния и поглощения (**Mergers and Acquisitions**), **осуществляемых крупнейшими компаниями мира.**

Главной функцией и задачей ГГК является создание, продвижение и реализация *гиперконкуренции* (*Hypercompetition*), которая базируется на передовых информационных научно-образовательных, ресурсно-технологических, финансово-экономических и организационно-управленческих инновациях. Это предполагает постепенный переход от традиционной характерной для индустриальной эпохи ценовой конкуренции к конкуренции постиндустриальной эпохи, базирующейся на конкуренции качества, новых знаний и компетентностей. Лидирующие позиции на мировых рынках сегодня обеспечиваются использованием ИКТ, интеллектуального капитала, креативных способностей работников и менеджмента компаний. Следует выделить важное свойство гиперконкуренции — *креативность интеллектуального капитала, менеджмента и маркетинга компаний.*

Современный мировой рынок ставит на первое место в вопросах конкуренции инновационные технологии, товары и услуги, пользующиеся на мировых рынках повышенным устойчивым спросом (например, сегодня это технологии объемного 3D-видеоформата). Именно такие пользующиеся устойчивым спросом на мировых рынках инновационные технологии и товары являются важнейшими факторами *гиперконкуренции, или инновационной гиперконкуренции.*

Инновационная гиперконкуренция чрезвычайно изменчива, динамична и мобильна, так как никакое конкурентное преимущество, включая инновационно-технологическое, не может существовать вечно, со временем оно нивелируется, теряет силу. Поэтому компании, реализующие *стратегию глобального инновационного лидерства*, должны активно и постоянно инвестировать в новые разработки, квалифицированных специалистов, участвовать в международных технологических трансфертах инноваций, чтобы оставаться глобальным технологическим лидером. Это под силу только наиболее крупным мировым (транснациональным) корпорациям, то есть ГГК. Существенным свойством глобальной инновационной стратегии является гиперконкуренция, которая по своим характеристикам (в рамках терминологии Й. Шумпетера) тождественна *креативной деструкции* (*Creative Destruction*) или созидательному разрушению рынка на глобальном уровне под воздействием инноваций.

Современный опыт функционирования ГГК показывает, что, чтобы захватывать и сохранять рыночное лидерство, компании необходимо не только использовать конкурентные преимущества, технологический леверидж и рекомбинирование компетентностей, но и превращать слабые стороны в сильные, что обычно осуществляется на основе инновационного обновления и доминирования. Корпорация-гиперконкурент должна быстро усваивать новые технологии, методы и компетентности, нести значительные расходы на агрессивную конкуренцию *по критерию «инновационность—цена—качество»*, преодолевать национальные границы и протекционные барьеры при выходе на мировые рынки.

Важнейшим условием гиперконкуренции является достижение оптимального соотношения по критерию *«инновационность—цена—качество»* и *«затраты—качество»* (*Cost and Quality Trade-off*). При этом *точка предельной ценности* (*Ultimate Value Point*) соответствует тому предельному значению *«инновационность—цена—качество»*, который потенциально достижим при заданном уровне инновационности, благоприятного состояния инвестиционного климата, институциональной среды и рыночной инфраструктуры. Наиболее подходящей для ГГК стратегией является *стратегия инновационно-технологического лидерства.*

Важнейшим условием гиперконкуренции является *своевременный выход ГГК на рынок с технологически передовым инновационным товаром*, что предполагает грамотный маркетинг и перспективное позиционирование на мировых рынках. Целевой характеристикой и конечным показателем гиперконкуренции выступает *глобализация брендов и товарных знаков ГГК*, рассматриваемых как *индикаторы рыночной силы и статусности глобальной компании.* Ценность бренда и статусности глобальной компании заключается в коммерциализации и капитализации инновационно-научных идей, патентов, изобретений и их адекватной оценки мировыми рынками.

В условиях гиперконкуренции непрерывно появляются новые конкурентные преимущества, которые уничтожают или нейтрализуют конкурентные преимущества противника, ломая рыночный статус-кво и создавая неравновесное состояние рынка. Главная идея гиперконкуренции состоит в том, чтобы постоянно программировать и воспроизводить *доминирующее конкурентное преимущество.* Поэтому сегодня ГГК с помощью креативного менеджмента вынуждены постоянно создавать, воспроизводить, обновлять и продвигать свои доминантные конкурентные преимущества на глобальные мировые рынки.

А. И. Евдокимов¹КУЛЬТУРНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Одной из ключевых тенденций мирового развития на рубеже XX—XXI веков является прогрессирующая глобализация — качественно новый этап в развитии интернационализации и интеграции хозяйственной и культурной жизни. Постепенно мы отдаляемся от того периода, когда национальные экономики были изолированы друг от друга торговыми и инвестиционными барьерами; расстоянием, часовыми поясами и языковыми барьерами; национальными различиями в культуре и др. Мировая глобальная культура как мегасистема постепенно интегрирует национальные экономические подсистемы, национальные культурные подсистемы, хозяйственную и гуманитарную логику процессов и бизнесов мировой экономики.

«Несущей конструкцией» глобализации являются глобальная экономика и глобальная культура. Видимо, правильнее говорить не о первичности и доминировании одной составляющей над другой, а о синергии этих составляющих.

Признаки экономической глобализации: создание негосударственных транснациональных центров принятия стратегических, экономических решений, транснациональных корпораций (ТНК), финансово-промышленных групп (ФПГ), транснациональных банков, международных инвестиционных фондов и т. п. Постепенно происходит процесс «перемещения» полномочий с государственного на межгосударственный уровень. Глобальная экономика предусматривает взаимозависимость экономического, социального, политического и экологического измерений². Существуют и другие модели экономической глобализации, например модель глобальной экономики Ф. Броделя и И. Уоллестайна. Под глобальной мировой экономикой они понимают такую систему, в которой процесс накопления капитала происходит по всему миру³. Также интересна и модель П. Лукша⁴. Он говорит о целесообразности рассмотрения не только экономики культуры, но и глобальной культуры экономики как науки о будущем.

Глобальная культура также имеет несколько измерений. Например, согласно модели Арджуна Аппадурая⁵ культурная глобализация формируется в пяти измерениях: этническом, технологическом,

финансовом, электронном и идеологическом. Терминологически они обозначены как этноскейп, техноскейп, финансскейп, медиаскейп и идеоскейп. Существует также модель глобальной культуры информационного общества. Отличительные черты глобальной культуры информационного общества⁶:

— акцентирование внимания на информационных социально-ценностных ориентациях, знаниях и информационных технологиях в жизни общества;

— численный рост людей, занятых информационными технологиями, коммуникациями и производством информационных продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте;

— нарастающее влияние культуры информатизации общества с использованием телефонии, радио, телевидения, Интернета, а также традиционных и электронных СМИ;

— создание глобального культурного информационного пространства, обеспечивающего: а) эффективное информационное взаимодействие людей; б) их доступ к мировым информационным ресурсам; в) удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах.

Журнал “Foreign policy” ежегодно рассчитывает индекс глобализации для 62 стран, которые производят 96 % мирового ВВП и в которых проживает 85 % населения Земли. Индекс глобализации базируется на 12 параметрах, которые можно структурировать по четырем группам: степень участия страны в международной торговле и миграции капитала; уровень контактов населения страны с внешним миром (путешествия, денежные переводы, прибежание к средствам связи с зарубежными контрагентами); уровень проникновения технологий (число интернет-пользователей, хостов и серверов); политическая активность (участие в международных организациях, договорах и т. п.). Первые места в мире по уровню глобализации занимают Сингапур, Швейцария и США.

Экономическую глобализацию можно рассматривать через призму глобализации рынков и товаров (услуг). Очевидно, что эти две составляющие имеют социально-ценностные целевые (сегментные) ориентации, обуславливаемые глобальной мировой культурой, ее сигналами, вызовами, поводами.

В основе глобализационных процессов середины — конца XX века лежали два главных макроэкономических фактора. Первый выражается в либерализации внешнеторговой политики и миграции капитала, произошедшей после Второй мировой войны. Вторым фактором являются технологические изменения, особенно переворот в области телекоммуникационных технологий, способах и технологиях обработки информации и транспортировки товаров.

К началу XXI века глобальные культурные и гуманитарные процессы начинают доминировать

¹ Заведующий кафедрой международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук, профессор. Автор более 150 публикаций, в т. ч. книг: «Международные экономические отношения», «Международный маркетинг-менеджмент», «Теория и методология формирования “сервисной таможен”», «Швеция в системе мирового хозяйства» и др. Многие работы переведены на иностранные языки.

² Капица Л. М. Глобальная экономика и мирохозяйственные связи. URL: <http://www.mgimo.ru/kurs/document15791.phtml>

³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://polbu.ru/kastels_informepoch/ch21_i.html

⁴ Экономика культуры — штрихи к науке нового века. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/6/19.html>

⁵ URL: paradigma.narod.ru/05/kolesnikov.rtf

⁶ Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

и стимулировать экономические связи и бизнес-транзакции. Достаточно исследовать такие глобальные города¹, как, например, Лондон, Париж, Нью-Йорк, чтобы понять роль глобальной культуры в развитии глобальной экономики. Глобальная культура и экономика таких городов постепенно становятся доминирующими, оттесняя национальные культуры и экономики, растворяя, интегрируя их в мировом планетарном масштабе. Мультикультура глобального города (глобальный город — от *англ.* Global city, используются также термины «мировой город» (*англ.* World city) или «альфа-город» (*англ.* Alpha city) — это культура города, являющаяся значимым элементом для всей мировой экономической системы. Такой город обычно имеет ключевое значение для больших регионов Земли и оказывает на них серьезное политическое, экономическое или культурное воздействие².

С точки зрения оценки последствий процесса глобализации для развития стран (развитых и развивающихся) в экономической литературе выделяют три сценария. Сценарий «win—win» («выигрыш—выигрыш») означает, что глобализация (в синтезе экономической и культурная) оказывает позитивное влияние на развитие мирового хозяйства и в перспективе приводит к росту общественного благосостояния во всем мире. Сценарий «win—lose» («выигрыш—проигрыш») означает, что глобализация приносит выгоду только развитым странам и негативно влияет на прогресс развивающихся стран. Развитие событий по этому сценарию находится в центре внимания представителей антиглобализма. Сценарий «lose—lose» («проигрыш—проигрыш») означает, что глобализация отрицательно влияет на развитие всех стран, в том числе на мировую экономику в це-

лом. Основанием для такого сценария является современный мировой экономический кризис, то есть современная экономика как бы развивается по ошибочному, тупииковому пути.

К факторам включения России в процессы культурной и экономической глобализации относятся:

- благоприятное геополитическое положение между Западной Европой и Азией (13 % территории мира, 30 % запасов минеральных ресурсов);

- сохранение лидерства страны в 10–15 макротехнологиях из 45–50 имеющихся в мире, например в авиастроении, космосе, сверхпроводниковых и лазерных технологиях, судостроении и др.;

- происходит зарождение российских ТНК и ФПГ (ЛУКОЙЛ, Газпром, «Русский алюминий» и т. п.);

- наблюдается активизация правящих и деловых кругов страны по региональному интегрированию (ЕврАзЭС, Таможенный союз и т. п.);

- наблюдается постепенная интеграция микрокultur Российской Федерации в глобальную мировую культуру (образовательные, культурные, гуманитарные и другие связи).

Россия не может игнорировать процесс мировой культурной и экономической глобализации. В противном случае наша страна не сможет обеспечить устойчивый экономический рост и растворится как государство, а ее отдельные территории станут провинциями соседних государств (например, Дальний Восток — провинцией Китая). Автор солидарен со многими российскими и западными экономистами, которые отмечают, что Россия, обладая определенным набором культурных и экономических конкурентных преимуществ, может занять достойное место в мировых глобализационных процессах.

А. С. Запесоцкий¹

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА: К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Вопрос о взаимосвязях экономики и культуры относится к числу самых сложных и запутанных в современном знании. Дифференциация научного знания — процесс, зародившийся в момент появления науки, — зашел настолько далеко, что в научных отраслях, предметами которых являются экономика и культура, существуют на этот счет многие совершенно несовпадающие воззрения.

В системе государственного управления Россией с момента распада СССР и до последнего мирового экономического кризиса безраздельно торжествовал экономический детерминизм — своего рода вульгарная интерпретация марксистского положения о том, что бытие первично, а сознание вторично, что эко-

номика является базисом общественного развития, а культура, идеология, духовно-нравственная составляющая жизни — надстройкой, всецело определяемой базисом, полностью производной от экономики. В постсоветский период ведущим министерством в стране стало Минэкономразвития. Его роль столь велика, что именно данному министерству поручаются властью разработки проектов реформирования науки, образования и других сфер жизни отечественного социума. Формально идеология изгнана из деятельности государственного аппарата, реально же в основу деятельности органов власти положена именно идеология экономического детерминизма. В последнее время государственная политика становится более социально ориентированной, однако заката экономического детерминизма пока не предвидится.

Вульгаризация марксистского учения неоднократно подвергалась обоснованной критике. К примеру, булгаковский профессор Преображенский из «Собачьего сердца» утверждал, что «разруха начинается в головах», имея в виду не только плохое ведение

¹ Академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор культурологических наук, профессор. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга. Заслуженный деятель науки России. Заслуженный артист России.

народного хозяйства неумелыми, неискушенными в управлении комиссарами. В октябре 1998 года в одной из наших университетских дискуссий академик Д. С. Лихачев заметил: «70 лет нас воспитывали в пессимизме... Ведь марксизм — это одно из самых отчаянно пессимистических учений. Материя преобладает над духом, над духовностью — одно это положение говорит о том, что материя, то есть низменное начало, первична... Но дело не только в том, что материя не является основой духовности... я верю в человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как “Что ждет нас в будущем?” не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали никуда отклониться, в истории нет»¹.

В современной экономической теории влияние культуры, идеологии, нравственности (в широком смысле — «воли человека») на экономическое развитие исследуется весьма обширно. Достаточно упомянуть положения академика Льва Абалкина о теории исторического синтеза² или цикл исследований группы ученых под руководством академика Олега Богомолова³ и сказать, что ни одной Нобелевской премии по экономике в последние годы не было присуждено за «чисто» экономические работы, не учитывающие обусловленности экономических процессов социально-культурными. То есть представление о «базисе и надстройке», прочно владеющее умами наших сегодняшних российских управленцев и весьма удобное для решения отдельного класса теоретических, идеологических и практических задач (в особенности — задач по личному обогащению), является не единственно возможным и не содержит подходов к решению целого ряда острейших проблем современности.

Но если перед исследователем не «базис и надстройка», то что это? Как можно себе представить взаимосвязь и взаимообусловленность экономики и культуры? Мне представляется, что одна из попыток переосмысления традиционного для советского марксизма подхода может быть предпринята в рамках культурологии, одной из задач которой сегодня является создание обобщающей картины социальной реальности. Для культурологии наиболее широкое понимание культуры — это представление о ней, как обо всем, что создано руками и разумом человека. В этом понимании культурой не является лишь природа. При таком подходе экономика уже не является базисом, а культура — надстройкой. Культура понимается как макросистема, в которой экономика является одной из подсистем, наряду с идеологией, идейным и другими комплексами. В повестке дня — попытка осмысления экономической сферы человеческой деятельности как большого культурного комплекса в рамках культуры как системной целостности.

¹ Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 69–70.

² Абалкин Л. Размышления о долгосрочной стратегии, науке и демократии // Вопросы экономики. 2006. № 12. С. 16–17.

³ См., например: Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки / рук. исслед. проекта, науч. ред. О. Т. Богомолов. М., 2008.

Какова конфигурация экономики как феномена культурной жизни? Как экономика связана с другими культурными комплексами? С какими, каков характер этих связей? Поиск ответов на эти вопросы в ближайшие годы, по-видимому, станет перспективнейшим направлением исследований и для экономистов, и для культурологов.

Всю возникающую здесь проблематику в рамках тезисов обсудить и даже затронуть не представляется возможным. Выскажем лишь два соображения в качестве примера.

Первое из них касается взаимосвязи общественной идеологии и системы ценностей с экономикой. Моральная сущность экономических отношений, их социальная обусловленность изучались еще в Древней Греции Аристотелем и Ксенофонтом. Тогда этика доминировала над экономикой, что характерно для всех культур традиционного типа.

В XVI–XVII веках в Западной Европе происходит становление капиталистического способа производства, техногенной культуры (о чем много и интересно пишет академик В. С. Степин). Столкновение традиционной морали и капиталистического хозяйствования приводит к новому пониманию места экономики в системе общественных ценностей, выраженному Адамом Смитом в конце XVIII века в концепции «экономического человека»: поскольку следование индивидуумов частным интересам в конечном счете обеспечивает общественное благо, то стремление к выгоде следует признать благотворным. Нравственно то, что выгодно. Признание экономического индивидуализма легло в основу либеральных экономических воззрений, получивших наибольшее распространение в Англии. Для них характерен космополитизм и принцип невмешательства государства в экономику.

В противовес этим взглядам германская школа политэкономии и права, начиная со второй половины XIX века, отстаивает необходимость учета национальных (культурных) особенностей экономики. Историки в этой связи обычно называют имена Г. Шмоллера, М. Вебера и В. Зомбарта. Шмоллер считал, что общность языка, истории, идей, обычаев связывает экономики глубже и сильнее, нежели движение товаров или капитала. Эта теоретическая школа связывала изучение экономических явлений с национальными культурами. Весьма настойчиво ставился вопрос и о важности общественных интересов, также формулируемых культурой.

Впоследствии теоретический диалог о взаимосвязи экономики и культуры шел в пространстве между двумя полюсами. На одном лежало представление об «экономическом человеке», на другом — о «человеке социальном».

В спектре классических экономических теорий наша страна до событий 1991 года находилась на крайнем левом фланге. Господствующей идеологией был марксизм, своеобразно развитый сначала Лениным, потом Сталиным и далее — их последователями в поздний советский период: всю экономическую жизнь в стране должно регулировать государство, человек понимается как коллективное существо — «человек социальный», а любые его индивидуальные потребности находятся на втором плане.

Все в обществе должно было планироваться государством, интересы индивидуума подчинялись интересам коллектива.

После гайдаровской реформы Россия переместилась в крайне правую, неолиберальную парадигму: государство не должно ничего регулировать, рынок сам все наладит, никакие потребности социума не важны — только потребности личности. Человек стал пониматься как существо, все действия которого определяются выгодой. Именно эта идеология пока реально доминирует в нашей стране. По этому поводу два года назад на Лихачевских чтениях остроумно высказался китайский академик Ли Цзин Цзе: в заимствовании достижений западной культуры опасно допускать как уклоны влево, так и уклоны вправо. Уклоном влево он называет курс Советского Союза при социализме, уклоном вправо — курс России в постсоветский период. И то, и другое приносит негативные результаты. Валовой национальный продукт Китая во время глобального кризиса в прошлом году вырос на 8 %, а наш — упал на 8 %.

Между тем в последние десятилетия по мере глобализации культуры национальные экономики и, что особенно важно, различные социально-экономические формации движутся от полюсов к некоему центру, вступая в диалог, творчески заимствуя друг у друга и приспособлявая к своим нуждам наиболее эффективные механизмы развития. Реализуется остро критикованная у нас во времена СССР теория конвергенции. Наиболее яркие примеры тому — эволюция экономической жизни и социального устройства Скандинавских стран, Германии, Франции, Китая и др., и даже оплота либерализма — США. В связи с этим весьма остро встает вопрос о создании новой теории, интерпретирующей экономическую деятельность человека как деятельность по своей сути культурную (в широком смысле), но обладающую рядом специфических особенностей.

Интересны идеи, изложенные академиком А. Д. Некипеловым на IX **Международных Лихачевских научных чтениях**. Александр Дмитриевич констатирует, что современная экономическая наука, сформированная на базе концепции «экономического человека», является большим достижением, поскольку располагает солидным теоретическим аппаратом. С другой стороны, она имеет серьезные ограничения и недостатки, поскольку «экономический человек» — это абстракция. А. Д. Некипелов обращает внимание, что данная концепция предполагает наличие у хозяйствующего субъекта определенной ценностной установки. Само стремление к выгоде — это разновидность ценностной ориентации. Оказывается, что в таком качестве культурная составляющая интегрирована в самое сердце экономической теории¹. Из этого вытекает, что не следует отбрасывать достижения либерального экономического «мэйнстрима», поскольку существует возможность внедрить в сердцевину этой теории иное понимание человека. Представляется, что это — исключительно

перспективная идея, открывающая захватывающие возможности для теоретического прорыва путем интеграции экономической теории и культурологии.

Второе, к чему мне хотелось бы привлечь внимание участников данной секции Чтений, это культурологический взгляд на постиндустриальное общество. Академик Абалкин полагает более уместным называть его информационно-индустриальным. В таком определении содержится возможность выявления нового качества взаимодействия духовной и материальной культуры.

Дело в том, что за последние 100–150 лет рынок сильно изменился. Он перестал быть игрой свободных производительных сил, перестал подчиняться существующим утилитарным потребностям и свободной конкуренции в ее, скажем так, первобытно-капиталистическом смысле. Рынок все больше становится системой, производной от идей. Современное информационно-индустриальное общество — это общество, в котором идеологическая, культурная составляющая, смыслы начинают играть все большую роль. И, что особенно важно, роль смыслов становится качественно иной.

Это решающим образом меняет сферу производства материальных ценностей. Французские духи, которые приобретаются в петербургском магазине за 80 евро, до выхода с фабрики имеют себестоимость примерно 1 евро. А 79 евро — это некие идеи, комплекс представлений, смыслы, ценности, которые создаются в сфере духовного производства — с помощью рекламы, социально-культурных технологий, которые во второй половине XX и особенно в начале XXI века получают особое развитие. Один евро платится за материальный продукт, а 79 — за смысл, который создан в сознании у покупателя по заказу производителя. В этой новой ситуации уже не так важно, сколько труда на заводе требуется на производство, скажем, автомобиля «Бугатти», который продается за 2,5 млн долларов. Мы догадываемся, что реальных затрат на производство — не больше 50 тыс. Все остальное — это смыслы.

Философские основы понимания происходящего заложил Мераб Мамардашвили, описавший изменения «в соотношении между действием общественных экономических законов и механизмами сознания людей в нашу эпоху»². Культурное (в широком смысле) развитие, по его мнению, все в большей степени переносит центр тяжести человеческой деятельности с производства материальных предметов на производство смыслов, существующих в человеческом сознании. Этот процесс также может быть изучен только в интеграции экономической и культурологической теорий.

Вот почему сегодня экономисты все больше начинают размышлять о взаимосвязи экономики и культуры. Оказывается, что идеи и культура гораздо больше правят экономикой, чем было принято думать раньше. Ну что же, впереди у нас с вами — большая работа.

Спасибо за внимание.

¹ Некипелов А. Д. Экономика и культурные ценности // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX **Международных Лихачевских науч. чтений**, 14–15 мая 2009 г. СПб. : СПбГУП, 2009. С. 101.

² Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 329.

Т. В. Ивашковская³,
В. А. Павлов⁴

ПРОТИВОРЕЧИЯ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ ЭКОНОМИКИ

Интенсификация экономической глобализации как процесса усиления взаимозависимости различных частей мирового хозяйства стала отчетливо проявляться во второй половине XX века. Если в первой половине прошлого века динамика роста мирового ВВП и мирового экспорта практически совпадали, то начиная с 1960-х годов экспорт стал увеличиваться существенно быстрее ВВП. В последние годы XX столетия рост мирового экспорта почти вдвое опережал увеличение валового продукта. Причем о качественном изменении характера экономических отношений стран свидетельствовали даже не столько масштабы и доли экспорта товаров и услуг, сколько вывоз капиталов, торговля правами собственности в виде ценных бумаг, банковских депозитов, долговых требований и обязательств.

Основные принципы, на которых шло строительство глобализирующейся экономики, сводились к поощрению приватизации и развитию частного сектора, деbüroкратизации экономики и сокращению государственного вмешательства в экономическую сферу, обузданию инфляции и ограничению дефицита бюджета, минимизации таможенных пошлин, созданию благоприятных условий для привлечения иностранного капитала и открытию внутренних рынков для иностранных компаний.

Перечисленные принципы соответствовали основным ценностям неолиберализма, получившего распространение на рубеже 1980–1990-х годов. Согласно мнению их разработчиков (представителей МВФ и Всемирного банка), результатом реализации этих правил и принятия их всеми странами должно стать формирование единого глобального рынка, где свободно будут перемещаться капиталы, финансы, товары, услуги, рабочая сила. Все это должно было привести к всеобщему экономическому процветанию. Причем, в силу растущей взаимозависимости национальных экономик друг от друга, развитие и стабильное положение одного или нескольких хозяйств становится невозможным без стабильности и развития других. Таким образом, результатом экономической глобализации, с точки зрения ее адептов, будет более или менее равномерное распределение экономического богатства между различными регионами планеты.

¹ Википедия. Глобальные города. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

² Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

³ Доцент кафедры философии Северо-Западной академии государственной службы (Санкт-Петербург), кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книги: «История зарубежной философии», «Основы теории коммуникации» и др.

⁴ Доцент кафедры истории и мировой политики Северо-Западной академии государственной службы (Санкт-Петербург), кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. учебных пособий: «Концепции современного естествознания», «История зарубежной философии», «Философия».

Однако далеко не все страны, втянутые в процесс экономической глобализации, достигли экономического процветания. Слаборазвитые, периферийные страны испытывают усиление неравенства, экономические кризисы, обострение экологических проблем, рост безработицы (неразвитые открытые экономики, по выражению М. Делягина, рискуют превратиться в «пустую скорлупу»). Противники сложившейся модели экономической глобализации утверждают, что виной всему неолиберальная экономическая политика.

Действительно, богатые и сильные государства оказываются в несправедливо более выгодном положении. Как бы ни были велики экономические достижения последних двух десятилетий XX века, они не сняли с повестки дня необходимость преодоления опасных разрывов в уровнях экономического развития стран. Эта задача в 1970-е годы находилась в эпицентре движения за новый международный экономический порядок. Ей были посвящены доклады Римскому клубу М. Месаровича и Э. Пестеля «Человечество на распутье» (1974) и Я. Тинбергена «Перестройка международного порядка» (1976). Однако и в начале XXI века, по данным О. Т. Богомолова, на 20 % населения планеты, проживающего в богатых странах, приходится 86 % ВВП всего мира, а на 20 %, живущих в бедных странах, — всего 1 %.

Одним из инструментов формирования такой неравномерности экономического развития стали прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Промышленно развитые страны экспортируют капитал прежде всего друг другу, все более интегрируя тем самым свои национальные рынки. В мировом объеме прямых зарубежных инвестиций на долю промышленно развитых стран приходится более 70 %, на развивающиеся — менее 30 %. Это свидетельствует о том, что интенсивность экономической глобализации в различных регионах неодинакова, причем мировой рынок расширяется прежде всего в результате экономических обменов внутри группы индустриально развитых стран.

Нет убедительных свидетельств и того, что процесс глобализации способствовал обеспечению устойчивого экономического роста на нашей планете. Предпринятый несколько лет назад американским Центром экономических и политических исследований анализ важнейших экономических и социальных показателей стран мира за последние 20 лет XX века (1980–2000) в сравнении с предшествующим 20-летием (1960–1980) показал замедление общемирового прогресса по многим направлениям.

Заметно сократились ежегодные темпы экономического роста в расчете на душу населения по всем исследуемым группам стран — от сверхбогатых до сверхбедных. Например, в группе беднейших стран они упали с 1,9 до 0,5 %, в странах со средним уровнем доходов — с 3 до менее 1 %. За исключением группы

самых богатых стран, в остальных снизилась ожидаемая продолжительность жизни населения, замедлился прогресс в сокращении детской смертности, которая остается у беднейших и средних по доходам стран недопустимо высокой, а также в развитии школьного образования и ликвидации неграмотности.

В рамках Лихачевских чтений затрагивается широкий круг вопросов, которые весьма актуальны и обсуждение которых позволит найти решение многих волнующих нас проблем современности. В представленном докладе будут затронуты только отдельные аспекты состояния нашей человеческой цивилизации в контексте развития мировой экономики.

Мы являемся не первой цивилизацией на планете Земля. От чего исчезли предыдущие цивилизации, представлявшие собой, как и наша, органическую материю, обладавшую разумом? Не повторяем ли мы ошибку, от которых присутствие сознания не спасает? И можно ли предотвратить исчезновение цивилизации? Эти и многие другие вопросы требуют критического анализа как всей деятельности современного человечества, так и причин исчезновения предыдущих цивилизаций, которые, возможно, развивались по одинаковым сценариям.

Анализируя процесс развития материи, в которой представителем высшего ее вида является человек, следует отметить, что его отличает от более примитивных органических форм *наличие общественной формы организации жизнедеятельности и интеллекта, без которого человек как таковой не существует*. Наличие интеллекта позволяет человеку развивать в себе такие качества, которые в определенных условиях позволили бы не допустить господства личных интересов в ущерб развитию интересов всех членов общества. Именно последнему должен быть отдан приоритет. Например, даже у представителей животного мира существуют такие понятия, как защита членов стаи и забота о подрастающем поколении.

Однако следует отметить, что степень проявления таких инстинктов у животных различна. Для многих из них принцип «существования за счет другого», в том числе и за счет представителей собственного рода, не встречает инстинктивного неприятия. Например, лев готов использовать в пищу своих детенышей, что вынуждает их мать вступать с ним в бой за жизнь львят. К сожалению, человек, который является «венцом творения природы», мало отличается в этом отношении от «царя зверей». Даже обладая интеллектом, он, тем не менее, также придержива-

Словом, глобализация пока что слабо сказывается на преодолении отсталости, устранении нищеты, недоедания, опасных болезней, а у ее адептов, на наш взгляд, явно недостаточно аргументов в защиту ее положительного влияния на мировое экономическое и социальное развитие.

В. А. Каменецкий¹

УТРАЧЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

ется принципа «существования за счет другого», но только уже в ином «технологическом исполнении».

Вся история человечества доказывает, что развитие интеллекта и моральных принципов человека — это два совершенно разных, независимых друг от друга процесса. На наш взгляд, сам факт наличия разума у человека дает возможность связать оба этих свойства воедино и получить так называемый «человеческий капитал». К сожалению, в современном обществе данное понятие остается фактором, который законодательством не востребован. Несмотря на частые упоминания о его значимости, никаких реальных попыток изменить принятую сегодня денежную «систему ценностей» на подлинную в виде «человеческого капитала» не происходит.

Человек, обладая интеллектом, очень быстро понял, что использовать в пищу других людей — это то же самое, что «топить печь ассигнациями». Как только уровень развития производительных сил позволил ему добывать больше пищи, чем было нужно для его собственного пропитания, родилось рабство. Рабство — это уже не канибализм, но в целом оно представляло собой прямое существование одного человека за счет другого.

Переход от рабовладения к феодализму стал результатом дальнейшего развития человеческого разума, применившего новый метод реализации прежнего принципа существования одного человека за счет другого. С помощью церкви была создана и активно распространялась легенда о том, что одна часть общества обладает привилегиями от Бога, а другая — должна обеспечивать содержание лиц, занимавших высшее положение. Это позволило частично уйти от применения прямого насилия и постоянной угрозы восстания рабов. Тем не менее нельзя не признать, что в эпоху феодализма высшее сословие во многом состояло из людей, которые несли военную службу, что и дало возможность считать их привилегии при надлежащем оформлении отчасти правомерными. Кроме того, труд крепостных, которые выступали в качестве «арендаторов» барской земли и признавались обществом хозяевами выделенных им участков, был более производительным, чем труд рабов.

Система существования одного человека за счет другого путем использования социальных привилегий четко работала, однако со временем «натуральное хозяйство» превратилось в достаточно неэффективный способ производства. Новые формы экономических отношений стали возникать среди непосредственных участников трудового процесса,

¹ Ректор Академии труда и социальных отношений (Москва), доктор экономических наук, профессор. В течение 15 лет являлся руководителем аппарата Федерации независимых профсоюзов России — управляющим делами ФНПР. Сфера научных интересов — экономическая теория и ее несоответствие современной экономической практике. Автор более 20 научных публикаций, в т. ч. книг: «Собственность в XXI столетии», «Труд», «Капитал», «Основы социальной экономики» и др.

а не среди представителей высшего сословия. В результате буржуазно-демократических революций XVIII века к власти пришли новые люди, которые, как они сами об этом заявляли, несли человечеству «Свободу, Равенство и Братство». Однако вскоре оказалось, что это были все те же люди, придерживавшиеся принципа существования одного человека за счет другого. Возник определенный парадокс, когда на фоне провозглашенных лозунгов «Свобода, Равенство и Братство» родилась очередная, еще более изощренная система эксплуатации человека человеком. В существующий общественный порядок внесли значительные коррективы.

1. Было «сконструировано» и законодательно закреплено новое понимание «права», в частности «права собственности». Субъектом собственности признали институт «юридического лица», который производители создали с целью объединения различных ресурсов, поскольку в результате разделения труда и появления более узкой специализации профессиональных навыков одного физического лица было уже недостаточно для создания законченной продукции.

2. Была теоретически обоснована «особая» роль денег в жизни общества. Люди, обладающие капиталами, были наделены особыми правами. Родились новые мифы: а) «деньги являются главной ценностью, принадлежащей человеку»; б) «деньги делают деньги» («монетаризм»).

3. Был обесценен труд тех, кто непосредственно занимался производством товаров и услуг. Их объявили «наемными работниками», хотя объективно они являются экономическими партнерами.

4. Широкие права получили люди, оказывающие юридическому лицу финансовые услуги. Это было сделано без каких-либо на то оснований. Акционеры, как правило, не обладающие никакими нужными производству профессиями, стали собственниками производственных фондов и продукции предприятия.

Незаметно такие изменения произойти не могли. Участники трудового процесса, ставшие «наемными работниками», понимали, что владельцы денежных средств получают большие доходы совсем необоснованно. Еще недавно ростовщики, оказывавшие такие же финансовые услуги, ничего похожего на права, которыми «наделили» акционеров, не имели. В результате весь XX век прошел в ожесточенной классовой борьбе, унесшей сотни миллионов человеческих жизней. Необходимо отметить, что причины появления классовой борьбы были объективными. Это была битва за справедливое распределение дохода, но понимание роли участников этого процесса было совершенно неправильным. Предприниматель на самом деле не «экспроприатор», а такой же участник производственных отношений.

На наш взгляд, классовая борьба, предполагавшая уничтожение самой активной части общества — предпринимателей, как таковая была не нужна и принесла обществу неисчислимый вред. Следовало бы первоначально с помощью ученых-экономистов определить, а затем законодательно закрепить: а) цену финансовых услуг; б) роль участника юридического лица; в) роль лиц, оказывающих юридическо-

му лицу (участникам) финансовые услуги. К сожалению, этого не сделано до сих пор. Тем не менее классовая борьба не была безрезультатной. После Второй мировой войны под давлением левых сил во всех экономически развитых странах была значительно повышена заработная плата, благодаря чему противостояние классов утратило тот накал, который до этого момента имело, или даже вообще сошло на нет. Поделиться частью экономической прибыли оказалось экономически выгодно.

Во второй половине XX века произошел переход от индустриального общества к постиндустриальному и принцип существования одного человека за счет другого получил новую трансформацию. Масштабы неэкономического обогащения, основными формами которого стали инвестиционный процесс, переделанный под заданную схему, и финансовая деятельность по созданию денег без создания благ, приняли планетарный характер. Возникновение данной ситуации было обусловлено следующими причинами: а) увеличилось количество людей, имеющих значительные объемы свободных денег; б) ростовщичество стало доступным каждому состоятельному члену общества; в) выросла численность тех, кто наряду с трудовыми методами применял и методы неэкономического обогащения или вообще не участвовал в трудовой деятельности; в) появились отдельные страны (США и некоторые другие), для которых основным объектом экспорта стал финансовый капитал.

В процессе перехода от натурального хозяйства к товарному, означавшему огромный шаг вперед в экономических формах организации производства, человечеством была принята новая система распределения создаваемых благ. Она оказалась совершенно необоснованной в социальном отношении и была предназначена для осуществления неэкономического обогащения одной части общества, в руках которой оказались политическая власть и деньги, в ущерб остальной, обладающей только человеческим капиталом.

К сожалению, приходится констатировать, что данный вывод опоздал на сто лет. Современная рыночная система содержит те же принципиальные ошибки, которые были характерны и для производственных отношений, сложившихся к концу XIX века. Основное отличие заключается в том, что в течение XX века существенно выросли объемы денежных средств, которыми располагали не только отдельные категории граждан, но и большинство членов общества. Это стало особенно заметным, как было сказано выше, во второй половине XX века, когда в ведущих капиталистических странах произошло резкое повышение уровня зарплаты. В свою очередь это способствовало широкому распространению неэкономического обогащения за счет финансовой деятельности, использовавшей те же методы приращенного капитала, которые были созданы еще в конце XIX века. Однако в связи с ростом масштабов данного явления и резким увеличением «пустых» денег, не обеспеченных товарами и услугами, усилилось разрушительное влияние неэкономического обогащения на мировую экономику, что проявилось в росте безработицы, инфляции и возникновении финансовых кризисов в планетарном масштабе.

XX век был полон событиями, оставившими глубокий след в истории развития человечества. В их числе: мировые войны, которые вели между собой отдельные группировки государств, как за рынки сбыта, так и за доступ к сырьевым источникам; классовая борьба во всех ее проявлениях; национально-освободительные движения; революции с контрреволюциями; распад и образование новых государств; экстремизм, пришедший на смену классовой борьбе.

Возникает резонный вопрос: происходили ли в XX веке процессы, направленные на приведение принятых человечеством экономических «законов» (точнее — коррупционных актов) в соответствие с объективными законами природы? Полагаем, что подобные примеры, если они даже и были, не только не привели к каким-либо результатам, но и просто прошли для общества незаметно. Вряд ли главной причиной этого является экономическая некомпетентность общества, хотя свою роль в этом вопросе она, безусловно, сыграла. На наш взгляд, необходимо выделить две основные причины отсутствия информации о подобных примерах.

Во-первых, сословными привилегиями времен феодализма и раннего Нового времени пользовалась меньшая часть общества, а в существующую систему неэкономического обогащения во многих странах вовлечено большинство граждан. Например, в Швеции 90 % населения имеют акции, которые приносят им доход, и их не беспокоит мысль о том, что улучшение материального благосостояния при данной экономической модели может происходить только за чей-то счет.

Во-вторых, возможность быстрого и очень значительного личного обогащения, которое любому представителю современной общественной элиты способна обеспечить только финансовая деятель-

ность, лишает его необходимой дееспособности для осуществления трансформации экономической системы, существующей вот уже третье столетие. Лицемерие стало образом жизни.

Полагаем, что нет никаких объективных оснований утверждать, что со временем два вышеназванных фактора утратят свое значение. Скорее всего, человеческого интеллекта может не хватить для того, чтобы общество пошло на кардинальную перестройку всей ныне действующей системы производственных отношений, ведущей человечество к планетарной катастрофе (не обязательно экономической, но имеющей экономику в своей основе).

Именно это обстоятельство и повлияло на выбор названия для данной работы: «Утраченная цивилизация?» Знак вопроса означает вероятность двух сценариев развития: либо по направлению к окончательной гибели, либо по пути спасения.

Человечество способно эволюционировать более или менее нормально, когда материальные и духовные начала развиваются достаточно сбалансировано. Такой период в развитии человечества в какой-то степени соответствовал только периоду завершающей стадии натурального хозяйства. В современной цивилизации с переходом к товарному производству тоже установился «культ». В данном случае это оказался «культ денег», который, став объективным препятствием для духовного развития человека как личности, одновременно явился препятствием и для эффективного процесса обогащения человека, ради чего этот культ и был создан.

Подводя итог, следует сказать, что любые извращения человеческого сознания, принимающие форму «культа» («культ денег»), неизбежно препятствуют эффективному использованию производительных сил общества, обрекая его на вырождение.

М. С. Мотышина¹

СФЕРА УСЛУГ И РАЗВИТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Цивилизационный подход предполагает рассмотрение цивилизации как системы, которая имеет определенную «многослойную» структуру (пирамиду). Вершину пирамиды занимает духовная сфера, формирующая и передающая от поколения к поколению систему цивилизационных ценностей. Основание пирамиды составляют демографический фактор и природные ресурсы. Между ними находятся определенные «слои» — группы факторов, определяющих структуру цивилизации: социально-политический строй, экономический способ производства, технологический способ производства. Каждый из «этажей» пирамиды цивилизации выполняет свои функции и имеет свою структуру. Но они постоянно

¹ Декан экономического факультета СПбГУП, заведующая кафедрой управления, доктор экономических наук, профессор. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Системное исследование организаций», «Исследование систем управления», «Методы и модели маркетинговых исследований» и др.

взаимодействуют и согласованно, сбалансированно трансформируются, выражая тем самым сущность закона пропорциональности в структуре и динамике цивилизации, строгой гармонии в их развитии².

В этом контексте сфера услуг претерпевает изменения, неразрывно связанные с другими сферами цивилизационного пространства — культурой, технологиями, социальными институтами и пр. Подобные изменения проявляются в следующих моментах.

Во-первых, современная глобальная цивилизация развивается в значительной мере под влиянием тенденций, складывающихся в сфере услуг. Прежде всего это масштаб данного сектора в мировой экономике, который непрерывно возрастает. Производство услуг составляет доминирующую часть современного мирового хозяйства — в развитых странах его доля в ВВП и численности занятых достигла

² Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизация: теория, история, диалог, будущее. М., 2006.

в начале XXI века 80 %, а в мировом ВВП — 65 %. Значительный рост доли услуг на мировых рынках стал характерным признаком «постиндустриального» («сервисного») общества. Современную экономику называют также «сервисной экономикой», в которой преобладают услуги. Концепция перехода от индустриального к сервисному обществу основана на анализе тенденций развития ведущих стран мира. Согласно данной концепции сервис (в широком смысле слова) рассматривается как императив и основной тренд развития общества.

Во-вторых, меняются функции сферы услуг. Если прежде услуги выполняли в основном вспомогательную роль, опосредуя движение товарной массы, то в настоящее время подавляющая их часть выступает в качестве самостоятельных объектов, в том числе во внешнеэкономическом обороте. В настоящее время можно говорить о *глобальной функции* сферы услуг, состоящей в формировании, поддержании и развитии социального, в том числе человеческого «капитала» на основе создания благоприятной среды обитания, роста образованности, повышения духовного и интеллектуального уровня, поддержания здоровья людей и т. д.

Сфера услуг и происходящие процессы глобализации оказывают позитивное влияние на социальный прогресс: расширение доступа потребителей к качественным услугам повышает уровень жизни населения; происходит взаимообогащение национальных культур; создаются условия для сокращения разрыва между развитыми и развивающимися странами и т. д. С точки зрения общественного развития чрезвычайно важен обмен нематериальными ценностями, ускорение международного распространения научного знания, передовых технологий, производственного и управленческого опыта, моделей ведения бизнеса.

В-третьих, в соответствии с меняющейся функцией сферы услуг, а также под влиянием других подсистем цивилизационного пространства меняется и структура услуг. Если в недавнем прошлом лидирующие позиции в структуре этого сектора в развитых странах занимали такие виды услуг, как торговые, бытовые, рекреационные, то в настоящее время все большее значение приобретают наукоемкие услуги, телекоммуникации, образование, здравоохранение, культура. По динамике лидируют информационные и компьютерные услуги, различные виды консалтинга, финансовые услуги, инжиниринг, маркетинг, реклама, культурно-развлекательные. Например, в 1994–2006 годах темпы роста европейского управленческого консалтинга превышали темпы роста европейского ВВП. В результате удельный вес консалтинга в ВВП Европы вырос с 0,12 % в 1994 году до 0,62 % в 2006-м¹.

Характерной тенденцией развития сферы услуг в условиях глобализации является усиление инновационного характера и увеличение инновационной активности. Сфера услуг отличается сегодня динамичным ростом объема научных исследований и разработок, причем это касается не только компью-

терных и телекоммуникационных услуг, но и практически всех остальных. Многие услуги являются «информационно насыщенными» и в существенной мере зависят от развития информационных технологий и средств коммуникаций. Интенсивное развитие сети Интернет приводит к соответствующему росту других услуг. Это отчетливо проявляется в туризме, который представляет собой пример масштабного применения электронной коммерции: 65 % всех товаров, покупаемых через Интернет, составляют туристские продукты. В результате происходящих процессов на многих рынках услуг по существу складывается новая среда, формируются новые модели и механизмы реализации. Как и на рынках товаров, эффективные цепочки и сети связывают производителей услуг, работающих в разных точках мира.

Следует отметить, что отрасли сферы услуг в разной степени подвержены процессам глобализации в силу чрезвычайной неоднородности данного сектора. Так, процессы интернационализации в значительной мере обуславливают развитие услуг транспортировки, страхования, банковских услуг и многих других. В этих отраслях происходит рост экспорта услуг, обусловленный стратегиями интернационализации. Многие виды услуг имеют внутренние предпосылки к интернационализации, например, туризм, гостиничный бизнес, общественное питание. Характерной чертой этих видов услуг является их взаимодополняемость и взаимопроникновение.

В последние годы (до кризиса 2008–2009 гг.) возросли потоки экспорта услуг. Например, в Норвегии судоходство составляет примерно 50 % экспорта услуг. Туризм в Италии, Канаде, Швейцарии приносит 40–50 % экспортной выручки. В то же время в ряде отраслей услуг степень глобализации невысока, что связано с территориальной привязанностью производства многих услуг к локальным рынкам, со спецификой хозяйственной среды, с барьерами входа на рынок. Вместе с тем это позволяет сохранить национальные особенности в сфере услуг, что является фактором взаимного обогащения локальных цивилизаций и их партнерства.

В целом, глобализация услуг по масштабам пока уступает глобализации материального производства.

В-четвертых, сфера услуг как сектор экономики в значительной мере подвержена влиянию рыночных институтов. В глобальном развитии услуг существенную роль сыграли рыночные институты и политика либерализации, в том числе системы внешнеэкономических отношений. Эта политика проводится как отдельными государствами, так и международными организациями (ЕС, ОЭСР, НАФТА, АТР и др.). Заметную роль в этих процессах играет ВТО, особенно после принятия в 1995 году Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС), ориентированного на формирование условий взаимодействия и либерализации рынков услуг.

Существуют различные формы поставки услуг на мировой рынок — посредством трансграничной торговли, путем передвижения потребителей в страну, где предоставляется услуга, учреждения поставщиком услуги коммерческого присутствия на территории других стран, а также оказания услуг в стране

¹ The FEACO report of the European management Consulting Market 2007/2008. URL: <http://www.feaco.org>

зарубежными производителями. В последние десятилетия наибольшим динамизмом в этих процессах отличается экспорт капитала в виде прямых иностранных инвестиций (поставки услуг через коммерческое присутствие). По имеющимся оценкам, объемы внешнеторговых операций, связанных с перемещением потребителей, рабочей силы и с прямыми инвестициями, значительно превышают соответствующие показатели для трансграничной торговли¹. Процессы глобализации способствовали формированию очень крупных международных сервисных компаний, таких, например, как «Дойче Банк», «Макдоналдс», сеть отелей «Хилтон» и др.

В-пятых, при всей значимости рыночных институтов очевидно, что их влияние на развитие отдельных сфер экономической и социальной жизни не может быть эффективным в отрыве от других институтов, прежде всего социальных. Наиболее ярко это проявилось в условиях мирового экономического кризиса 2008–2009 годов. Это был первый кризис глобального характера, толчком к которому послужило перепроизводство услуг. Кризис стал индикатором дисбаланса между сферой производства услуг (прежде всего финансовых) и сферой производства товаров. Произошел огромный отрыв сектора финансовых услуг от других секторов экономики: промышленности, транспорта, сельского хозяйства и пр. Финансовые отношения стали воспроизводить сами себя, причем в колоссальных масштабах.

В-шестых, развитие отдельных локальных цивилизаций должно учитывать положительные тенденции, складывающиеся в других цивилизационных системах. В этой связи развитие сферы услуг в России и ее интеграция в мировой рынок услуг пока не достигли необходимых темпов и качества, позволяющих обеспечить лидирующие позиции. К сожалению, это характерно и для тех отраслей, которые являются основной базой инноваций — образования, науки, производства интеллектуальных услуг. Реформы, проводимые во многих отраслях сферы услуг, пока не дали ощутимых результатов. Поэтому модернизация механизмов управления в данной сфере является одной из наиболее актуальных задач экономического и социального развития страны.

В-шестых, развитие отдельных локальных цивилизаций должно учитывать положительные тенденции, складывающиеся в других цивилизационных системах. В этой связи развитие сферы услуг в России и ее интеграция в мировой рынок услуг пока не достигли необходимых темпов и качества, позволяющих обеспечить лидирующие позиции. К сожалению, это характерно и для тех отраслей, которые являются основной базой инноваций — образования, науки, производства интеллектуальных услуг. Реформы, проводимые во многих отраслях сферы услуг, пока не дали ощутимых результатов. Поэтому модернизация механизмов управления в данной сфере является одной из наиболее актуальных задач экономического и социального развития страны.

И. Н. Панарин²

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

1. Инновационная идеология

Модернизация всегда начинается с правильной оценки финансово-экономической ситуации в мире. А мир находится в глубоком системном кризисе, о чем еще раз заявил на 40-м Всемирном экономическом форуме в Давосе нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц. Впереди вторая волна мирового кризиса. И программы выхода из него у ставшего крайне непопулярным Президента США Б. Обамы нет.

Особое значение также приобретает духовно-нравственная составляющая: национальные духовные ценности и принципы, позитивные исторические примеры отечественной модернизации, позволившие победить фашизм.

Российская модернизация требует разработки инновационной идеологии, основанной на духовно-нравственных ценностях русской идеи великих мыслителей нашего Отечества (М. Ломоносова, Ф. Достоевского, Н. Бердяева, Н. Данилевского,

И. Ильина, В. Вернадского, Ф. Тютчева и др.). Разработанная инновационная идеология будет воспринята большей частью элиты (*прагматиками-технократами, государственниками, либералами-патриотами*) и обществом.

Важнейшей составляющей инновационной идеологии становится задача интенсивного развития человеческого потенциала, перехода от сырьевой экономики к экономике знаний, наукоемких производств, высоких технологий и интенсивных инноваций.

Модернизация России возможна только с опорой на национальные духовно-нравственные ценности, собственный успешный опыт модернизации, заимствованный у нас Японией, Китаем и рядом других стран.

Безнравственная колониальная модель мирового развития (модель насилия и наркоторговли, организации голодомора в Индии и двух мировых войн), разработанная Британской империей, ведет мир к катастрофе. Величайшим потрясением для мира может стать крах США в июле 2010 года.

Создание Евразийского Союза является магистральным путем осуществления модернизации России в XXI веке. **Появление Таможенного союза (России, Беларуси и Казахстана) с 1 января 2010 года — первый шаг к ускорению интеграционных процессов на евразийском пространстве.**

Только Россия — в союзе с Китаем и Индией, Италией и Испанией, Аргентиной и Бразилией, Францией и Германией, здравомыслящими силами США — может разработать и предложить миру инновационную и духовную модель развития человечества.

¹ Демидова Л. Глобализация рынков услуг: динамика и основные тенденции // Проблемы теории и практики управления. 2005. № 5.

² Декан вечернего отделения факультета международных отношений Дипломатической академии МИД РФ, доктор политических наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Информационная война и власть», «Информационная война и выборы», «Информационная война и дипломатия», «Информационная война и геополитика», «Информационная война, PR и мировая политика», «Информационная война за будущее России», «Крах доллара и распад США», «Первая мировая информационная война. Развал СССР» и др. Член Научно-методического совета при Центральной избирательной комиссии РФ, член Экспертного совета Комитета Совета Федерации по делам СНГ. Ведущий еженедельной авторской программы «Мировая политика» на радио «Голос России».

2. Россия — нравственное государство

Наиболее успешные попытки модернизации были осуществлены Россией трижды — при великом русском царе Иване Грозном (увеличение территории в 30 раз), при императоре Николае II (за 23 года увеличение численности населения на 60 млн человек, то есть на 50 %) и при генералиссимусе И. Сталине (увеличение ВВП за 10 лет в три раза).

Русь была самым *нравственным государством Европы* после принятия доктрины «Москва — Третий Рим» и началом ее реализации великим русским царем Иваном Грозным.

В 1547 году состоялось венчание и возведение на царский трон 16-летнего великого князя Московского Ивана IV (Ивана Грозного). Торжественная церемония прошла в Успенском соборе Московского Кремля. Женой Ивана Грозного была Анастасия Захарьина (Романова). Отец жены Ивана Грозного Роман Захарьин — родоначальник будущей династии Романовых.

Иван Грозный установил основной приоритет русской геополитики: *интеграция евразийского пространства, но уже при русском доминировании (присоединение к Московской православной державе бывшей Золотой Орды) и воссоединение старых русских земель.*

Одновременно была разработана идеология народной монархии (соединения православия и самодержавия, Земские соборы).

Преодолеть Смуту (1605–1613) помог механизм Земского собора, созданный Иваном Грозным. Концепция народной монархии помогла справиться с иноземной интервенцией и внутренней изменой.

За время правления на Руси Ивана Грозного:

- введен суд присяжных;
- введено бесплатное начальное образование (церковные школы);
- установлено местное выборное самоуправление вместо назначаемых ранее воевод;
- установлено равенство между всеми слоями населения;
- запрещен рабский труд (а ведь именно в это время в Америке началась *массовая работорговля*);
- иммиграция населения из Европы превысила 30 тыс. семей (тем, кто селился вдоль Засечной черты, выплачивались подъемные в размере 5 рублей на семью);
- рост благосостояния населения (и уплачиваемых налогов) составил несколько тысяч (!) процентов;
- *никто* не был казнен без суда и следствия, общее число «репрессированных» составило от 3 до 4 тыс. (в Варфоломеевскую ночь в 1572 г. в якобы просвещенной Франции было убито в 10 (!) раз больше).

Таким образом, использование позитивного русского исторического опыта модернизации — залог успеха модернизации России в XXI веке.

3. Инновационный путь — ключ к модернизации России

После крупнейшей геополитической катастрофы XX века — распада СССР — Россия пока не восстановила инновационный и экономический потенциал уровня РСФСР 1990 года. В конце XX века наша страна утратила ряд основных стратегически важных позиций, обнаружив явное технологическое отста-

вание, а главное — фатальную неспособность преодолеть это отставание при существующем внешнем конкурентном давлении.

Предпринимаемые Россией в последние десятилетия попытки осуществления модернизации постоянно блокировались геополитическими конкурентами с помощью специальных действий, осуществляемых ими прежде всего в информационно-идеологической сфере.

Реализация мер по переходу России *на инновационную модель развития трудноосуществима без создания частно-государственной системы информационного противоборства.*

В России очевидно отсутствие целостной системы противодействия организованному внешним информационным воздействиям на национальное российское информационное и финансово-экономическое пространство со стороны геополитических конкурентов, транснационального капитала. Особенно ярко это проявилось в августе 2008 года (пятнедневная война на Кавказе) и сентябре того же года (обвал российского фондового рынка), когда из-за отсутствия соответствующих организационно-управленческих частно-государственных структур Россия не смогла эффективно действовать в ходе развернувшейся глобальной информационной войны. Очевидно, что конкуренты, помимо акций по созданию негативного мирового общественного мнения относительно России, осуществляли комплексные информационные операции и по дестабилизации российского фондового рынка и финансовой системы страны. Финансово-экономические потери, понесенные в результате этих операций, не позволили нашей стране начать практическую реализацию принятого 15 мая 2008 года инновационного плана развития страны.

Модернизация России в XXI веке **требует** создания принципиально новых информационно-аналитических и информационно-пропагандистских структур, которые могли бы успешно заниматься публичной дипломатией. Речь идет о комплексном информационно-аналитическом и идеолого-проектном сопровождении процесса модернизации России в XXI веке.

Автор удовлетворен поддержкой идеи создания структуры российской публичной дипломатии, сформулированной в книге «Информационная война за будущее России» и ряде публикаций (http://news.km.ru/sistema_informacionnogo_protivo). 3 февраля 2010 года состоялось подписание президентских распоряжений о создании *некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам»* (<http://www.kremlin.ru/acts/6779>) и *Фонда поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова* (<http://www.kremlin.ru/acts/6780>). Однако это лишь первый шаг в правильном направлении.

Ведь *российское экономическое чудо может стать реальностью лишь после создания специального информационно-аналитического механизма, который будет выполнять организационно-управленческие и информационно-аналитические функции по поддержке инновационного пути развития страны, а также координировать их осуществление. Можно*

было бы условно назвать его **Инновационное бюро (ИБ)**. В рамках специально созданной инновационной межведомственной комиссии Совета безопасности России ИБ должно установить конструктивное взаимодействие с ФСБ, СВР, ФСО и МВД России. ИБ необходимо также наладить деловой контакт с лидерами политических партий, руководителями крупнейших государственных и частных СМИ, представителями крупного бизнеса.

4. Рубль — региональная резервная валюта

Модернизация России в XXI веке осуществима только при крепкой национальной валюте.

События, происходящие в мировой валютной системе, фактически являются революционными. *Потенциальный крах доллара* в 2010 году ставит перед Россией задачу построения самостоятельной, мощной, но открытой финансовой системы, с одной стороны, для гарантии безопасного развития страны, с другой — как вклада в стабильность мировой экономики в целом. С нашей точки зрения, основой самостоятельной, мощной, но открытой российской финансовой системы должна стать продажа российской нефти и газа только за рубли.

Россия должна быть готова в 2010 году принять активное участие в определении правил игры в финансовом мире будущего. Сейчас идет пересмотр роли основных резервных валют. И мы просто обязаны этим воспользоваться и предпринять ряд действий, направленных на достижение заявленной Россией долгосрочной цели — *стать одним из крупнейших мировых финансовых центров*, привлекательность которого была бы основана в том числе и на стабильности российской национальной валюты, удобной для обращения на мировом финансовом рынке, когда рубль станет одной из региональных резервных валют, *главной валютой формируемого к 30 декабря 2012 года Евразийского Союза.*

Россия должна быть готова оказать разумное содействие образованию новой мировой валюты **акоре**.

5. Санкт-Петербургская биржа — ведущая нефтегазовая биржа мира

В 2010 году должна быть реализована в полном объеме идея Послания Федеральному собранию Президента России В. В. Путина 10 мая 2006 года:

«В Послании 2003 года я ставил задачу обеспечения конвертируемости рубля.

Были намечены определенные планы, и, должен сказать, они выполняются. Сегодня предлагаю ускорить отмену оставшихся ограничений и завершить работу до 1 июля текущего года.

Однако реальная конвертируемость рубля во многом зависит от его привлекательности как средства, используемого для расчетов и сбережений. И здесь нам еще очень многое предстоит сделать. В частности, рубль должен стать более универсальным средством для международных расчетов и должен постепенно расширять зону своего влияния.

В этих же целях необходимо организовать на территории России биржевую торговлю нефтью, газом, другими товарами с расчетом рублями.

Наши товары торгуются на мировых рынках. Почему не у нас? Правительству следует ускорить решение этих вопросов».

24 сентября 2008 года благодаря активной деятельности вице-премьера РФ И. Сечина биржа в Санкт-Петербурге начала свою работу. Однако объемы продаж пока еще очень малы. Необходимо в 2010 году в 10 (!) раз повысить объемы продаж нефти и газа за рубли.

В 2010 году центр деловых операций в сфере энергетических ресурсов постепенно следует перемещать в Россию. Мы также должны ввести для иностранных корпораций ограничительные квоты на право добывать российские энергоресурсы. *Мировой опыт говорит об оптимальном размере квоты в 25 %.* Для европейских союзников России (Италии, Германии) эта квота может быть повышена до 35 %. Наиболее эффективно 25-процентная квота применяется сейчас в США для защиты стратегических отраслей промышленности от деятельности корпораций других государств.

6. Россия — великая держава XXI века

Россия может стать великой державой XXI века только при наличии собственного геополитического проекта — интеграции Евразии.

Великий русский князь Александр Невский начал работу по созданию евразийского интеграционного ядра, основанного на славяно-тюркском союзе. Затем в начале XVI века **инок одного из псковских монастырей Филофей** сформулировал основную геополитическую доктрину Руси: «Москва — Третий Рим». Русь объявлялась последним и вечным царством православного мира, наследницей величия древних прославленных государств (Римской и Византийской империй). После принятия геополитической доктрины «Москва — Третий Рим» территория Руси—России непрерывно расширялась. Ключевая роль в начале реализации глобальной геополитической доктрины принадлежала Ивану Грозному, потому что первого римского императора Августа Октавиана.

Представляется, что проект создания Евразийского Союза (ЕС-2) способен выступить российским глобальным геополитическим проектом в XXI веке, интегральной национальной идеей русского и дружественных ему народов Евразии. Развивая идеи Александра Невского и Ивана Грозного, *Россия должна быть ядром интеграции Евразии*, хранителем ее традиционных духовных ценностей.

Помимо этого, идея Евразийского Союза является развитием самой успешной геополитической доктрины нашего Отечества — «Москва — Третий Рим».

Наша победа в Великой Отечественной войне и осуществление С. Королевым и Ю. Гагариным полета человека в космос во многом были обусловлены тем, что генералиссимус И. Сталин после 1934 года начал процесс реализации доктрины Руси «Москва — Третий Рим» в новых исторических условиях.

3 июля 1941 года, когда Сталин обратился к советскому народу: «Братья и сестры!», данная доктрина стала доминирующей геополитической доктриной СССР—Руси и окончательно заменила ленинско-троцкистскую доктрину мировой революции, которая являлась внешним (импортированным)

геополитическим проектом. Общевразийский национализм (Н. Трубецкой) в соединении с идеей «Москва — Третий Рим», реализованный в условиях советского строя, дал результат: СССР одержал победу в глобальной схватке с фашизмом. А троцкистские идеи победили в конце XX века в США и ярко проявились в идеологии либерального глобализма части современной американской политической элиты (глобалистов).

Кроме того, идея Евразийского Союза является развитием взглядов выдающихся русских философов (К. Леонтьева, Н. Данилевского, Л. Гумилева). Евразийство — уникальный феномен отечественной мысли, русское духовно-геополитическое явление.

Оптимальной идеологической формулой, которая будет содействовать успешному переходу России к новому этапу мировой цивилизации, по нашему мнению, является формула *интеграции Евразии*, опирающаяся на духовно-геополитические взгляды Александра Невского, цивилизационно-философское учение — русский космизм (В. Федоров, В. Вернадский), идеи Л. Гумилева и современные модели интеграционных процессов Европейского Союза. Евразия — это огромная платформа для организации самобытных цивилизаций, способных к совершенному инновационному духовно-нравственному и технологическому рывку. В связи с этим представляется целесообразным постепенное создание к 2012 году Евразийского Союза, использующего конструктивный опыт евразийского единства на протяжении тысячелетий (общевразийский национализм Трубецкого), межгосударственного строительства ЕС, СНГ, ЕВРАЗЭС. У Евразийского Союза может быть две столицы (северная — Санкт-Петербург, южная — Алма-Ата).

В связи с вышеизложенным автор считает возможным представить разработанный им проект документа о создании нового регионального межгосударственного альянса.

ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА (ЕС)

30 декабря 2012 года

1. Данное межгосударственное образование является добровольным объединением равноправных народов.

2. За каждым государством обеспечено право свободного выхода из ЕС.

3. Доступ в ЕС открыт всем евразийским государствам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем.

4. Новое союзное государство строится на базовых принципах взаимоуважения и братского сотрудничества народов в духовной, гуманитарной, политической, экономической, военной и информационной сферах.

5. Государства, вошедшие в состав ЕС, в своем развитии базируются на учете исторических и духовно-нравственных ценностей своего народа.

Алгоритм

1-й этап. Создание до 1 января 2011 года Координационной интеграционной группы заинтересованных государств СНГ, разрабатывающей осново-

полагающие законопроекты об образовании Евразийского Союза.

2-й этап. Объединение трех государств (Россия, Белоруссия, Казахстан) в межгосударственное интеграционное объединение Евразийский Союз с 31 декабря 2012 года.

3-й этап. Вхождение в Евразийский Союз Армении, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана (до 30 декабря 2013 г.).

4-й этап. Присоединение к Евразийскому Союзу Украины, Молдавии и Туркмении (до 30 декабря 2014 г.). Появление третьего центра Евразийского Союза — Киева.

5-й этап. Присоединение к Евразийскому Союзу Грузии, Азербайджана, Монголии (до 30 декабря 2016 г.).

6-й этап. Присоединение к Евразийскому Союзу ряда других государств — Сербии, Словакии и т. д. (до 30 декабря 2020 г.). Потенциальное появление четвертого центра Евразийского Союза — Белграда.

7. Консолидация элиты — важное условие модернизации России

Назревшая модернизация России требует *стратегического согласия различных элитных групп, прежде всего прагматиков-технократов, государственныхников, либералов-патриотов. Важно обеспечить хотя бы нейтралитет прозападных либералов, объясняя им историческую неизбежность грядущего коллапса США.*

Отсутствие консенсуса в ценностях, мировоззрении и политических взглядах наиболее сильных элитных групп чрезвычайно опасно. Тем не менее сейчас просматривается общая точка отсчета, основанная на понимании того, что сырьевая модель развития России постепенно ведет к социальному взрыву, а значит, и радикальной смене всех элитных групп. Поэтому чувство самосохранения становится важным фактором консолидации элиты. Общеизвестной для различных элитных групп становится задача инновационного развития страны с постепенным ослаблением внешних механизмов воздействия и блокирования.

В связи с этим автор считает важнейшим условием осуществления российской модернизации сохранение властвующего тандема в 2010–2011 годах.

Вместе с тем нарастающая тревожность элиты (призывы либералов-прозападников к радикальной реформе МВД, ФСБ, Минобороны и других силовых структур, заявления С. Миронова в телепрограмме В. Познера и резкая реакция на них представителей партии «Единая Россия» 3 февраля 2010 г. и т. д.) требует оперативного реагирования.

В связи с этим автор считает целесообразным и оптимальным вариантом консенсуса российской элиты официальное публичное объявление стратегических целей тандема в мае 2010 года, в День Великой Победы над мировым злом — фашизмом:

1) государем нового межгосударственного образования — Евразийского Союза должен в 2012 году стать В. В. Путин;

2) Д. А. Медведев должен остаться на второй срок президентом России.

На мой взгляд, это оптимальная формула для властной вертикали и для консолидации политической элиты России.

Вывод: по мнению автора, инновационная идеология России — это сплав, органичное соединение

патриотизма, духовности, консенсуса элит, частно-государственного партнерства, памяти о великой победе над фашизмом, евразийской интеграции, самоуважения, самоорганизации и самореализации.

Л. А. Пасешникова¹

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ИНСТИТУТА АКАДЕМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

В современном мире права и свободы человека в значительной мере вышли за пределы чисто внутренней компетенции государства. Как справедливо пишет Н. И. Матузов, «права человека *внетерриториальны* и *внегосударственны*»². Ученые подчеркивают, что «можно считать новым и существенным обстоятельством современной истории влияние международных правовых норм о правах человека на изменение и, как правило, расширение правового статуса личности в современном правовом общении»³. Требование уважения прав и свобод человека стало общепризнанным принципом международного права, нормой *jus cogens*. Чем целостнее становится мир, тем значительнее влияние, оказываемое на права и свободы человека международными факторами. По мнению А. Агиллара: «Всеобщая декларация прав человека и международные пакты содержат нормы, которые, выделенные из коллективного опыта и общего наследия всех народов мира, представляют собой универсальные стандарты поведения для всех народов и государств»⁴.

Нормы международного права установили ту планку, ниже которой государство в деле установления прав и свобод человека опускаться не может. Именно поэтому весьма важно, чтобы конституционное закрепление элементов академической свободы базировалось на тех требованиях, которые нашли отражения в международных источниках. В контексте рассматриваемой проблематики принципиальное значение имеют положения Всеобщей декларации прав человека (1948) и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966). В частности, ст. 18 Всеобщей декларации прав человека гарантирует каждому человеку право на свободу мысли, совести и религии; ст. 19 — право на свободу убеждений и на свободное их выражение; ст. 26 — право на образование, которое должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам⁵. Положения Декларации

нашли конкретизацию в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. В частности, ст. 13 Пакта закрепляет: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на образование. Они соглашаются, что образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и сознания ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам. Они далее соглашаются в том, что образование должно дать возможность всем быть полезными участниками свободного общества, способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями и всеми расовыми, этническими и религиозными группами...» Статья 15 Пакта предусматривает обязанность государств уважать свободу, безусловно необходимую для научных исследований и творческой деятельности, и признает пользу, извлекаемую из поощрения и развития международных контактов и сотрудничества в научной и культурной областях⁶.

Рассматривая место академической свободы в системе конституционных прав и свобод, также следует обратить внимание на то положение, которое она занимает среди так называемых поколений прав человека. Это место следует учитывать для того, чтобы правильно определять социально-правовую природу и содержание данного правового института.

Анализ института академической свободы в контексте генерационного подхода позволяет говорить о том, что по своим основным показателям данный феномен имеет наибольшее отношение ко второму поколению прав человека. Вместе с тем отдельные его элементы могут быть отнесены к первому поколению прав человека, определяющему его *status negativus*. Права «первого поколения» имеют абсолютный характер и защищают индивида от произвольного вмешательства со стороны государства. В этом контексте сама академическая свобода, именно как свобода (обучения, преподавания, научных исследований), не допускающая установления государством произвольных ограничений, неразрывно связана именно с первым поколением прав человека. На это, в частности, обращает внимание В. В. Спасская: «Государство не вправе устанавливать какую-

¹ Первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета.

² Матузов Н. И. Теория и практика прав человека в России // Правоведение. 1998. № 4. С. 24.

³ Бадирян Г. М. Права личности: исторические и теоретические аспекты обоснования и признания // Государство и право. 2006. № 6. С. 59.

⁴ Цит. по: Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. С. 11.

⁵ См.: Международное публичное право: сб. док. М., 1996. Т. 1. С. 460–464.

⁶ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

либо философскую, идеологическую или религиозную идею в качестве единственной основы образовательной системы. Любой человек или группа людей вправе использовать свои убеждения в качестве идейной основы для получения образования. В этом состоит «негативная» свобода образования, связывающая право на образование с «первым поколением» прав человека¹.

Наконец, входящие в академическую свободу правовые возможности имеют отношение и к так называемому «третьему поколению» прав человека, к которому традиционно относят коллективные права. Как справедливо отмечает Ян де Грооф, право на образование проявляется как коллективное право людей, реализуется группами единомышленников и поддерживается правительством в интересах основных прав каждого².

Таким образом, будучи по своему содержанию полиструктурной юридической конструкцией, академическая свобода имеет отношение ко всем трем традиционно выделяемым поколениям прав человека, выступая тем самым связующим звеном между основными правами и свободами индивида.

Классическая модель академической свободы сложилась в Германии во второй половине XIX века и получила свое концептуальное обоснование и практическое воплощение в «университете Гумбольдта». В основу проекта университета Гумбольдтом были положены три основных принципа:

— единство науки и преподавания (*die Einheit von Forschung und Lehre*): профессоры занимаются научными исследованиями и готовят к этому студентов, присваивают ученые степени, отвечают за поддержание высокого научного уровня университета;

— «свобода учить и учиться» (*Lern- und Lehrfreiheit*): преподаватели самостоятельно определяют содержание читаемых дисциплин, а студенты выбирают изучаемые курсы;

— центральное место в структуре университета принадлежит философскому факультету, выражающему стремление к «чистой науке» (самоценному знанию)³.

Исследуя особенности формально-юридического закрепления академической свободы в России, следует акцентировать внимание на том, что для национальной правовой традиции данное понятие, вплоть до недавнего времени, рассматривалось как сугубо теоретическая конструкция. Объяснением такого отношения является прежде всего то, что на всех этапах исторического развития российского государства научно-образовательная система была не только «государственно ориентированной

и подотчетной», но и «государственно образуемой». Если на Западе университеты изначально имели статус самоорганизующихся корпораций, основанных на объединении субъективных интересов преподавательско-студенческого сообщества и органов муниципального (городского) самоуправления, то в России рождение университетов и академии наук непосредственным образом связано с «государевой (монаршей) волей».

Интересно, что в условиях отсутствия легальной академической свободы российские университеты практически сразу же становятся центрами «вольномудства», что объясняется изначально несводимостью механизмов управления образованием и наукой к жестким властно-распорядительным императивам. Неслучайным является и то, что период создания в империи университетской системы по сути совпадает с началом системной революционной деятельности, направленной на свержение государственного режима имперского абсолютизма.

Революция 1917 года, разрушив механизм монархического правления, не только не привела к демократизации общественных отношений, но напротив, стала инструментом формирования в стране режима, исключающего инакомыслие во всех сферах (естественно, в первую очередь в научной и образовательной областях) общественной жизни. В СССР образование и наука строились в соответствии с коммунистической идеологией и находились под жестким партийным контролем. Вузы, профессорско-преподавательский состав, студенты рассматривались сугубо в инструментальном аспекте, как элементы государственного механизма, объединяемые в своей деятельности публичными интересами общего дела — стремлением к победе коммунизма. Естественным, что такой подход исключал проявление свободы со стороны каких бы то ни было субъектов научно-образовательных отношений.

Современная Россия, находясь на очередном переходном этапе своей истории, декларирует и на законодательном (в том числе на конституционном) уровне закрепляет приверженность к общедемократическим ценностям. Одной из таких ценностей является академическая свобода, которой в современной России отводится важная функциональная роль в системах науки и образования.

Таким образом, академическая свобода постепенно утверждает себя и в России в качестве одного из важных элементов в ряду универсальных ценностей мировой культуры.

¹ Спасская В. В. Право на образование как источник образовательных отношений // Правоведение. 2006. № 3. С. 83. См. об этом также: Кайгородцева Е. И. Основные причины закрепления свободы преподавания в Конституции РФ // Юридическое образование и наука. 2006. № 2.

² См.: Спасская В. В. Указ. соч. С. 89–90.

³ См.: Волосникова Л. М. Гумбольдтова модель университета и академическая свобода // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2006. № 4. С. 249–250.

С. А. Рогинко¹

ПРОБЛЕМА КЛИМАТА — ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ ИЛИ КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ?

Проблема изменения климата, если подходить к ней корректно, имеет все основания для того, чтобы стать полем глобальных усилий, объединяющих все человечество в борьбе с общей опасностью.

Во-первых, проблема существует объективно и не принадлежит к распространенному в наше время типу виртуальных угроз (к которым можно отнести такие, как грипп АН1, «Аль-Каиду» и др.). Потепление и похолодание на планете — циклические процессы, происходящие на протяжении миллионов лет, и адаптация человечества к ним неизбежна, если оно намерено существовать дальше и развиваться.

Во-вторых, проблема касается всех стран, и разнообразие географических и иных природных условий в странах мира приводит к многообразию эффектов, вызываемых в каждой из них потеплением, что само по себе является масштабной задачей. Изучение этих эффектов, прогнозирование их последствий, выработка и реализация стратегий адаптации потребует мобилизации всего научно-технического потенциала, которым располагает человечество, и затраты немалых средств. Уже имеющиеся данные и прогнозы подтверждают, что данная проблема не делит страны мира на выигравших и проигравших, и это позиционирует проблему как общую беду, с которой человечеству следует бороться, объединившись.

Но на этом центростремительный потенциал проблемы заканчивается — дальше в дело вступают центробежные силы геополитических амбиций и экономических интересов ведущих держав. Они и определяют базовые форматы фундаментальных и прикладных исследований, ведущихся по данной проблеме, заранее задают их выводы и рекомендации, выдвигаемые мировому сообществу для принятия решений по проблеме.

Чтобы нагляднее представить действие механизмов трансформации проблемы климата из средства формирования общих интересов человечества в «яблоко раздора», провоцирующего межцивилизационные конфликты и раскол между «золотым миллиардом» и развивающимся миром, последуем старинному римскому принципу **«Qui prodest?»**. Выявить сторону, в наибольшей степени заинтересованную в вынесении проблемы на высший политический уровень, нетрудно: это Евросоюз, на протяжении последних лет 15 позиционирующий себя как лидер в продвижении в мировом сообществе темы глобального потепления.

Интересы ЕС как заинтересованной стороны в этом вопросе легко просматриваются из самой версии проблемы потепления, представляемой Евросоюзом и навязываемой в качестве базовой все-

му человечеству. Прежде всего, потепление интерпретируется как доселе небывалая проблема, с которой человечество еще не сталкивалось. Кроме этого, с каждым новым прогнозом ожидаемое повышение температуры увеличивается, а сроки этого повышения — сокращаются. Последние прогнозы рисуют картины беспрецедентных катастроф, вызываемых в мире потеплением в самые ближайшие десятилетия. Но самое главное в том, что в качестве основной причины глобальных бедствий признается деятельность человека, и прежде всего выбросы углекислого газа.

Такая картина однозначно определяет характер предлагаемых человечеству действий: масштабные сокращения выбросов CO₂, повсеместное внедрение энергосберегающих технологий и типов оборудования, переход на альтернативные виды топлива и энергии. Эти решения предлагались Евросоюзом на уже имеющейся в его странах технической базе, с опорой на собственные модели энергосберегающего оборудования, в производстве которых к началу 1990 годов страны ЕС заняли ведущую позицию. Если учесть, что в случае признания такого подхода правомерным ускоренной модернизации в мире подлежат тысячи предприятий с оборудованием стоимостью в триллионы долларов, то нельзя не признать, что забота Евросоюза о климате как минимум хорошо экономически мотивирована.

Еще понятней геополитическая подоплека лоббируемых Евросоюзом лимитов на выбросы CO₂. Фактически тем самым ставятся вне закона все важнейшие виды человеческой деятельности, такие как производство и потребление топлива и энергии, промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Лимиты на CO₂ для любой страны — это лимиты на ее развитие, и для уже вполне развитых стран Старой Европы к 1990 годам введение их в глобальном масштабе — это страховка от появления новых сильных конкурентов в Азии или Латинской Америке.

Эта логика Евросоюза была понятна развивающимся странам еще в ходе переговоров по Рамочной конвенции ООН об изменении климата, принятой в 1992 году. В дальнейшем, в ходе подготовки Киотского протокола в 1997 году они однозначно заявили о своем нежелании принимать на себя любые обязательства по сокращению национальных выбросов парниковых газов. В итоге такие обязательства в рамках Протокола были приняты только для развитых стран и для стран с переходной экономикой, таких как Россия и Украина. Развивающиеся государства оказались в льготном положении, в том числе те, которые по уровню доходов на душу населения сопоставимы с Россией и Украиной или превосходят их, например Южная Корея, Турция, Мексика, Южная Африка и др. Этот дисбаланс в обязательствах до сих пор дает основания судить о Киотском протоколе как о несправедливой конструкции.

¹ Руководитель программы экологических исследований Института Европы РАН (Москва), кандидат экономических наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч. книг: «Японский парадокс (реальности и противоречия капиталистического управления)», «Киотская рулетка: призы и ловушки Киотского протокола» и др.

Именно это определило выход из Протокола в 2001 году. США. Сделав несколько безуспешных попыток по демонтажу Протокола, Штаты со временем снизили свою активность и оценили преимущество позиции стороннего наблюдателя. Их прагматический подход состоит в том, чтобы не мешать другим странам вводить дополнительную нагрузку на свою экономику в виде затрат на повышение энергоэффективности, тем самым добиваясь снижения мирового спроса на топливо и повышения его доступности для США. Как было сказано в заявлении Торговой палаты США, «речь, собственно говоря, идет не о климате, а о путях обеспечения США долгосрочными надежными поставками дешевой энергии».

Что это означает на деле? Формула проста: обязательство других стран по снижению выбросов парниковых газов могут не только вызвать падение мировой потребности в углеводородном топливе, но и спровоцировать снижение цен на него. Этот двойной эффект достигается, в частности, за счет европейских налогоплательщиков, оплачивающих громадные дотации на ветроэнергетику, биотопливо и другие виды «чистой» энергии, что тоже в интересах США. Снижение конкурентоспособности европейских товаров, вызываемое подобными мерами, может несколько улучшить американский торговый баланс.

Гораздо важнее, с точки зрения США, вовлечение в гонку по снижению выбросов своего главного геополитического конкурента — Китая. На это Вашингтон не жалеет никаких сил, по нарастающей продуцируя форматы охвата Китая сотрудничеством в области изменения климата. Формально это мотивируется озабоченностью по поводу роста китайских выбросов, достигших 6,8 млрд тонн CO₂-эквивалента в 2008 году (увеличение на 178 % по отношению к 1990 г.), что серьезно превышает американские показатели — рост на 17 % за тот же период и общий объем — 6,4 млрд тонн в 2008 году¹. Фактически же ставка на климатическую тему делается для того, чтобы создать легитимные рамки для ограничения китайского экономического роста — предмета первоочередной озабоченности США. Попытки достичь договоренностей с Китаем предпринимались в ходе визита в Пекин многочисленных миссий, главной из которых стала миссия спецпредставителя президента США по климату Т. Стерна (июнь 2009 г.). Американские меры зондажа позиций, имеющие цель «вывести» Китай на какие-либо подтвержденные намерения лимитировать выбросы парниковых газов даже в отдаленном будущем, не имели успеха в Пекине. В частности, Т. Стерн пытался убедить китайское руководство в необходимости запланировать «пиковый год» роста выбросов в Китае, за которым по идее должно последовать их снижение. В итоге Стерн отрапортовал о том, что мысль «принять китайским руководством к рассмотрению», а официальный представитель Пекина ничем это не подтвердил, заявив, что Китай нуждается в росте производства и, соответственно, выбросов.

Не изменил ситуацию и прошедший в октябре 2009 года визит в Китай Б. Обамы, в котором пере-

говоры по проблеме климата занимали важное место. Тогда главной темой стал не вопрос о количественных ограничениях выбросов Китаем, который уже дал понять, что согласится только на относительные показатели снижения типа энергоэффективности и уменьшения удельных выбросов на единицу ВВП. Разговор шел о том, каким образом такое снижение будет подтверждаться на международном уровне. По мнению США, в стране с такой низкой степенью прозрачности как Китай необходим независимый мониторинг, подтверждающий национальные усилия по ослаблению карбоноёмкости, в противном случае китайским мерам трудно будет обеспечить международную легитимность.

Для укрепления позиции Обамы на переговорах, Пекину был недвусмысленно сделан намек на возможность введения «углеродных» торговых санкций. В частности, законопроект по вопросам климата, обсуждаемый ныне в Конгрессе США (так называемый закон Вэксмана—Марки) позволяет вводить дополнительные тарифы на товары из стран, которые не ограничивают свои выбросы ПГ. Как пояснил один из авторов этого законопроекта, конгрессмен-демократ от Массачусетса Э. Марки, «если Китай или любая другая страна полностью берет на себя роль партнера в глобальных усилиях по климату, эта страна должна ввести режим транспарентности и проверки своих мероприятий по сокращению выбросов». И хотя Китаю были сделаны немалые уступки в виде согласия США с относительными сокращениями выбросов вместо абсолютных лимитов, на предложения США последовал отказ. «Размен» не состоялся.

В ответ Китай развязал массированную идеологическую кампанию, в которой пекинские марксисты быстро нашли применение любимому детищу ЕС — легенде об антропогенной природе глобального потепления, отводящей промышленному развитию роль главного виновника грядущих всемирных бедствий. Китай настаивает на исторической ответственности за выбросы, возводя вину за потепление всецело на промышленно развитые страны. Тем самым на новой реальности реанимируется старая идея о капитализме как главном источнике бедствий развивающихся стран (к которым официально причисляет себя и Китай). При этом капиталистические страны-виновники (по крайней мере, в лице Европы) в данном случае не открещиваются от вины — напротив, они ее всячески признают и демонстрируют желание возместить нанесенный ущерб деньгами. Убедившись в этом, Китай идет дальше, повышая уровень агрессивности своей риторики. В частности, накануне саммита «восьмерки» в японском Токио в 2008 году Пекин на официальном уровне ввел понятие «климатических преступлений» и «климатических преступников». Под последними подразумевались только развитые страны, и Евросоюз ничем не ответил на такую откровенно враждебную постановку вопроса.

Тогда на Бангкокском раунде переговоров ООН по климату (октябрь 2009 г.) был проведен «Климатический трибунал азиатских народов». На заседаниях Трибунала, организованных в здании городского суда Бангкока, Китай, Индия и другие развивающиеся

¹ См.: <http://in.reuters.com/article/worldNews/idINIndia43515920091029>

страны определили, что развитые страны обязаны делать прямые выплаты развивающимся странам в качестве компенсации за изменения климата. Свидетелями выступали крестьяне из Таиланда и Бангладеш, горец из Непала и другие столь же «квалифицированные» в решении подобных стратегических вопросов эксперты. В зал суда для участия в этой акции, напоминающей «пятиминутки ненависти» времен «культурной революции», были вызваны дети из ряда развивающихся стран. В итоге суд приговорил страны «Большой восьмерки» к созданию «глобального адаптационного фонда с достаточным объемом финансирования для помощи бедным странам».

Фактически речь идет о серьезном политическом просчете ЕС, который сам загнал себя в ловушку собственной «климатической» идеологией. Новая платформа Китая не оставляет Евросоюзу даже возможности «сохранить лицо»: из главного инициатора мер по спасению планеты ЕС оказывается в позиции обвиняемого. Его дотации в адрес Китая и «третьего мира» начинают рассматриваться как ничтожные подачки на фоне огромных исторических долгов. Поэтому первым требованием Китая на переговорах по климату становится принятие развитыми странами масштабных обязательств по сокращению выбросов. Масштабы должны быть такими, чтобы ни одна из развитых стран (включая Россию) не смогла бы их выполнить собственными силами. Это должно обеспечить массовый гарантированный спрос на квазисокращения из Китая и развивающихся стран по линии проектов чистого развития и надолго превратить развитые страны в финансовых доноров. Такая постановка вопроса, безусловно, привлекательна для развивающихся стран и позволяет Китаю фактически выступать на переговорах по климату в рамках ООН в роли лидера всей этой страновой группы, поддерживающего в ней редкий уровень единства взглядов и координации действий на всех переговорных и параллельных мероприятиях.

Конкретные цифры обязательств развитых государств, на которых настаивают представители Китая и группы развивающихся стран, постоянно повышаются весьма быстрыми темпами. Если в совместном заявлении Китая, Индии, Бразилии, Мексики и Южной Африки по итогам саммита «Восьмерки» в Токио предлагалось к 2020 году сократить выбросы в развитых странах на 25–40 % по сравнению с 1990 годом, то на Конференции сторон РКИК ООН в Познани фигурировали цифры в 40 % снижения. На Боннских переговорах по климату (апрель 2009 г.) требования выросли до 45 % снижения, а уже на следующих, Боннских переговорах (июнь 2009 г.) развитым странам было предложено к 2020 году сократить свои выбросы на 79,2 % по отношению к 1990 году. Каким-либо обоснований таких цифр не приводится, и их, по всей вероятности, не существует.

Китай и группа союзников наращивают успех, бросая вызов развитым странам на новых участках «климатических» переговоров. Накануне Конференции ООН по климату в Копенгагене (декабрь 2009 г.) развитым странам (в рамках их «исторической ответственности») было предложено обеспечить финансирование адаптации развивающихся стран к из-

менению климата в размере \$ 200–300 млрд в год или 2 % от ВВП каждой развитой страны в год. Последнее означает для России выплату своеобразной «дани» развивающимся странам в размере \$ 300–400 млрд в период 2013–2020 годов. При этом никаких расчетов, подтверждающих необходимость именно таких размеров финансирования (беспрецедентных в истории человечества), не приводилось. В качестве дополнительных потенциальных источников доходов для развивающихся стран предлагались также весьма болезненные для отечественного ТЭК меры как введение специальных налогов на продажу нефти, газа и других видов топлива, а также на международные морские и авиационные перевозки. На размер этих запросов не повлияло даже выступление представителя США, пытавшегося предостеречь от несбыточных мечтаний о колоссальных объемах финансирования. Китай и развивающиеся страны пытаются полностью сменить идейную базу переговоров, отбрасывая положения Конвенции ООН об изменении климата и заменяя их своими идейными клише, такими как «историческая ответственность» развитых стран за изменение климата и применение принципа «загрязнитель платит» к парниковым газам. Отсутствие таких положений в Конвенции авторов подобных клише совершенно не смущает.

Еще более привлекательной перспективой для Китая стала возможность занять место Евросоюза в качестве главного поставщика энергоэффективного оборудования для предстоящей принудительной массовой модернизации предприятий под предлогом заботы о глобальном климате. Дело в том, что за последние 15 лет Китай со своим специфическим отношением к авторским правам практически полностью преодолел технологический разрыв с Европой в производстве основных видов продукции машиностроения. А следовательно, и доходы от намечающейся в будущем модернизации, формируемые европейской концепцией антропогенного потепления, могут странам ЕС и не достаться. Сопоставимая по техническому уровню китайская продукция, имеющая ценовые преимущества, с большей вероятностью будет куплена даже в Европе. В итоге вся многоходовая комбинация под лозунгом борьбы с потеплением может принести Евросоюзу не доходы, а немалые убытки. Некоторые европейские лидеры уже начинают это понимать: в частности, Николя Саркози в ходе недавнего председательства Франции в ЕС высказал идею ограничения импорта из стран, не вошедших в режим ограничений на выбросы ПГ. Какие страны здесь имелись в виду — догадаться нетрудно.

С этим багажом взаимного недоверия и противоречащих друг другу интересов страны мира пришли в декабре 2009 года к Копенгагенской конференции ООН по климату — мероприятию, планировавшегося как рубежное для достижения так называемого «глобального аккорда», всеобщего соглашения по международным усилиям в области климата на период после 2012 года. Основной водораздел в позициях пролегал между группой развитых стран и группой развивающихся стран, возглавляемых Китаем. Если последние выступали за сохранение статус-кво

(режима обязательств Киотского протокола), то основную часть развитых стран, и прежде всего США, режим Киотского протокола абсолютно не устраивал. Поэтому провал переговоров, в итоге которых фактически не было достигнуто никаких юридических значимых результатов, был во многом запланирован.

Подводя итоги трансформации проблемы климата в реальной политике последних двух десятилетий, следует отметить, что вместо реального транс-цивилизационного концепта эта проблема, в том виде, в котором она преподносится, сформировала новые линии для раскола между группой развитых и группой развивающихся стран, в том числе такие как:

— «углеродные» торговые войны с введением новых типов «климатического» протекционизма;

— несправедливые системы распределения обязательств по сокращению выбросов парников, составленные без учета реального экономического положения отдельных стран и, следовательно, усиливающие глобальную нестабильность;

— новые виды межцивилизационной конфронтации, в частности обвинения в «климатических преступлениях», «Народные климатические трибуналы» и т. д.;

— новые виды неспровоцированного агрессивного поведения развивающихся стран по отношению к развитым, такие как требования беспрецедентных

выплат под предлогом «исторической ответственности» последних за потепление.

Есть ли шанс улучшить ситуацию или концепция глобального потепления уже навсегда обречена на роль ускорителя для маховика глобальной конфронтации? Представляется, что такая возможность существует: она — в изменении способа представления проблемы мировому сообществу. Для этого у научного сообщества должна найтись решимость для разработки новой картины, более адекватно представляющей роль человечества в глобальном потеплении и саму картину потепления в XX веке. Если будет признана некорректность методов работы с базами первичных данных, приводящих к завышению показателей глобальной температуры начиная с 1980-х годов, если будут пересмотрены завышенные коэффициенты чувствительности глобальной температуры к концентрации CO₂, то скорее всего исчезнут наиболее важные выводы: неотложность проблемы и гипотеза о возможности быстро ее решить, регулируя выбросы парниковых газов. И тогда, когда у стран пропадет соблазн накинуть использовать углеродные ограничения в качестве инструмента глобальной экономической конкуренции, проблема займет подобающее ей место в ряду реальных глобальных проблем, решаемых конструктивно, без истерии в СМИ и громких ультиматумов.

Ф. Ф. Рыбаков¹

УСЛУГИ В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Начало XXI века ознаменовало эпоху колоссальных структурных преобразований. Научно-техническая, а затем и сервисная революции изменили структуру валового национального продукта развитых стран в пользу роста доли услуг. К началу XXI века в пространстве образовательных, культурных, гуманитарных обменов, миграционных процессов, туристских и других сервисных услуг наблюдается формирование глобальной культуры, которая способствует интеграции национальных экономик, национальных культур. Услуги в системе формирования глобальной культуры начинают играть если не первостепенную, то весьма значимую роль. Экономику постиндустриального общества называют экономикой услуг, что не лишено оснований.

Культура как мегасистема включает различные экономические и другие культурные подсистемы, например услуги сферы здравоохранения, образования, транспорта, туризма и др. Причем часто они культурно и экономически взаимосвязаны, причем

культурная составляющая является доминирующей по сравнению с экономической. В этом заключается специфика постиндустриального общества с ее имиджевыми, мифологизированно-культурными вызовами, поводами, сигналами. Мировой опыт свидетельствует о том, что в ряде стран, например, транспортные и туристические услуги формируют основные статьи госбюджета. Характерный пример — Египет, где Суэцкий канал, курорты Хургады и Шарм-Эль-Шейха составляют основную часть доходов бюджета. Панама половину бюджета формирует за счет транспортных услуг (Панамский канал). Страны — транзитеры нефти и нефтепродуктов получают значительные доходы за счет транспортировки этих продуктов по своим территориям.

В контексте глобализации культуры и экономики в литературе и других источниках постепенно формируются следующие подсистемы, связанные с сервисом и услугами.

Глобальная «*инновационная культура*», по М. А. Гусакову², характеризуется социально-ценностными ориентациями общества на изменения и свободный поиск. *Глобальные услуги инновационной культуры* — это услуги по обеспечению, планированию, реализации инновационных проектов в различных областях, в том числе социальных, экономических, социокультурных.

² Гусаков М. А. Инновационная экономика как подсистема инновационной культуры и социально-ценностных ориентаций общества. См. наст. изд.: С. 444–446.

¹ Заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 215 научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Демонстрация экономики как элемент рыночных отношений», «Антимонopolное регулирование: федеральный и региональный аспекты», «Экономическое реформирование России в XX веке: политико-экономический анализ», «Инвестиции и экономические реформы», «Экономика Санкт-Петербурга: прошлое, настоящее, будущее» и др.

Услуги глобальной кибербезопасности — это услуги по обеспечению осведомленности, ответственности, этики, своевременного реагирования, демократизации, оценки рисков, проектирования и внедрения специальных ИТ-систем, управления ими и своевременной переоценки целей и критериев безопасности¹. Соответственно *культура глобальной кибербезопасности* обуславливается социально-ценностными ориентациями общества как на личную, так и на корпоративную и государственную безопасность.

Услуги глобальных компаний — это услуги крупных международных предприятий, которые рассматривают весь мировой рынок как единое целое, производят и маркируют стандартизованный продукт с минимальным учетом особенностей национальных рынков зарубежных стран². *Культура глобальных компаний* — это культура социально-ценностных ориентаций международных корпораций с учетом взаимных целей, интересов, экономических выгод и компромиссов.

Культура глобальной экономики представляет собой исторически новую реальность, отличную от мировой экономики. Согласно Ф. Броделю и И. Уоллестайну, под глобальной мировой экономикой понимается такая система, где процесс накопления капитала происходит по всему миру³. По мнению П. Лукша⁴, целесообразно говорить не только об экономике культуры, но и о глобальной культуре экономики как науке о будущем. *Культура глобального сервиса* — составляющая культуры глобальной экономики, так как доля сервисных операций, услуг существенно растет (финансовые услуги, услуги социально-культурного сервиса, туризм, образование и т. д.). Культура глобальных туристских услуг как подсистема культуры глобального сервиса подразумевает не только интеграцию процессов, операций по функциям деятельности (перевозка, экскурсионное обслуживание, гостиничные услуги и т. д.), но и интеграцию сервисных кластеров по странам и регионам. В первом случае целесообразно говорить о функциональной интеграции, во втором — о региональной. Функциональная и региональная интеграции суть глобальная интеграция туристских услуг.

Культура глобального города (глобальный город от *англ.* Global city, используются также термин «мировой город» (*англ.* World city) или «альфа-город» (*англ.* Alpha city) — это культура города, считающаяся важным, значимым элементом для всей мировой экономической системы. Такой город обычно имеет ключевое значение для больших регионов Земли и оказывает на них серьезное политическое, экономическое или культурное влияние⁵. В противополо-

жность понятию «метрополия», которое может быть использовано и по отношению к центру конкретной агломерации или региона, «глобальный город» имеет смысл только в рамках системы городов на всем земном шаре. Термин «глобальный город» впервые был использован Саскией Сассен в ее работе «*The Global city*» (1991) в применении к Лондону, Нью-Йорку и Токио и противопоставлялся термину «мегалополис»; термин «мировой город» восходит к описанию П. Геддеса в 1915 году городов с непропорционально большим количеством бизнес-встреч. Совокупное население агломераций 130 глобальных городов составляет⁶ 766 млн человек. Из них на долю США приходится 15,9 %, ЕС — 12,3 %, Индии — 10,2 %, Китая — 9,5 %.

Культура глобального информационного общества — теоретическая концепция постиндустриального общества; культурная составляющая постиндустриального информационного развития цивилизации, в которой главными продуктами производства становятся информация и знания.

*Отличительные черты культуры глобального информационного общества*⁷:

- увеличение роли информационных социально-ценностных ориентаций, знаний и информационных технологий в жизни общества;

- возрастание числа специфически ориентированных культурных людей, занятых информационными технологиями, коммуникациями и производством информационных продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте;

- нарастание влияния культуры информатизации общества с использованием телефонии, радио, телевидения, сетей Интернет, а также традиционных и электронных СМИ;

- создание глобального культурного информационного пространства, обеспечивающего: а) эффективное информационное взаимодействие людей; б) их доступ к мировым информационным ресурсам; в) удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах.

Таким образом, можно наблюдать, что в системе глобальной культуры проявляются и развиваются новые подсистемы: культура глобальной экономики; культура глобального информационного общества; культура глобальных компаний; культура глобального города; глобальная инновационная культура; глобальная культура кибербезопасности; культура глобального сервиса; культура глобальных туристских услуг и др. Социально-ценностные ориентации, мотивации, потребности, глобальные культуры отмеченных пространств развивают экономики, технологии, методологии, логику соответствующих сфер сервиса и услуг.

¹ Материалы ООН. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей на 57-й сессии. П. 84 повестки дня. URL: <http://ifap.ru/ofdocs/un/57239.pdf>

² URL: http://mirslouvrei.com/content_eco/GLOBALNYE-KOMPANII-39620.html

³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://polbu.ru/kastels_informepoch/ch21_i.html

⁴ Экономика культуры — штрихи к науке нового века. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/6/19.html>

⁵ Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

⁶ Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

⁷ Там же.

Г. Ф. Фейгин¹

ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Термин глобализация — один из самых популярных в современной социально-экономической литературе. Впервые он был введен в 1983 году Т. Левитом, который обозначил им «...феномен слияния рынков отдельных продуктов, производимых крупными многонациональными корпорациями». Как мегапроцесс, глобализация охватывает различные сферы общественной жизни: политику, экономику, культуру. В значительной мере меняется бытовой уклад жизни человека. *Мы интерпретируем глобализацию как процесс становления глобального хозяйственного миропорядка.* Наряду с технологической и экономической предпосылками глобализации (развитие НТП и выход хозяйственных отношений на глобальный уровень) большое значение имеет и культурная предпосылка процесса глобализации, обусловленная партнерством цивилизаций. Существует понятие «культурная глобализация», детально разработанное П. Бергером, Д. Хелдом и Дж. Томлисоном. П. Бергер выделил четыре процесса, составляющие содержание понятия «культурная глобализация»: давосская культура (международная бизнес-культура), культура «мак-мира» (глобальная массовая культура), международная клубная культура интеллектуалов (мировая интеллектуальная культура) и новые религиозные движения (широко распространенная религиозная культура). Существуют многочисленные примеры, иллюстрирующие формы проявления «культурной глобализации» в Китае, Японии, Индии, Германии, Венгрии, ЮАР, Чили, Турции, Тайване.

Культурная предпосылка означает, что в ходе хозяйственной деятельности постоянно увеличивается количество контактов между представителями различных стран и народов, то есть между различными культурами. Тем самым проблема ментальных различий, с одной стороны, по-прежнему сохраняет свое значение в хозяйственной деятельности, а с другой — все больше отходит на задний план. В рамках различных культур обнаруживают себя общие экономические интересы, которые создают предпосылки для успешного совместного ведения бизнеса. Расширение бизнеса до глобальных масштабов все больше актуализирует проблему создания интернациональных трудовых коллективов. При этом интернациональный трудовой коллектив может функционировать не только в рамках одной страны, но и в нескольких странах и регионах. С учетом того, что интернациональные трудовые коллективы включают представителей разных стран и зачастую различных культурных объединений, большое значение приобретает коммуникационная проблема. Ментальные различия не должны быть препятствием для успешной коммуникации между сотрудниками.

Отмечая наличие культурной предпосылки глобализации, мы признаем, что вопрос о возможности

культурной глобализации является предметом многочисленных дискуссий. Некоторые эксперты указывают на огромные культурные различия цивилизаций, расположенных в отдельных регионах мира, и существование острейших противоречий, которые принципиально несовместимы с глобализацией. П. Бергер отмечает, что «при определенных политических условиях напряженные отношения между глобальными и местными культурами могут приводить к... столкновению цивилизаций». Очевидно следует различать факт наличия предпосылки и возможность практической реализации ее. В соответствии с авторской гипотезой многочисленные контакты между представителями различных цивилизаций делают возможным в перспективе переход человечества к глобальной форме существования. В то же время культурное своеобразие цивилизаций, вероятно, еще долго будет служить препятствием на пути становления глобального хозяйственного миропорядка. Можно предположить, что технологические и экономические факторы ускоряют процесс глобализации, а культурные различия отдельных цивилизаций — тормозят.

Перечень задач менеджмента, обусловленных культурной предпосылкой процесса глобализации, представлен на рис. 1. В условиях глобализации различные национальные модели менеджмента (например, американская, европейская, японская) все больше взаимодействуют между собой, конкурируя и одновременно обогащая друг друга. В современных условиях происходит становление неких универсальных управленческих ценностей, связанных с повышением эффективности хозяйственной деятельности.

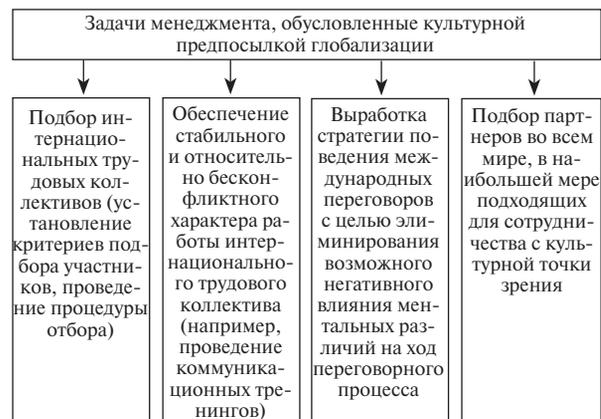

Рис. 1. Задачи менеджмента, обусловленные культурной предпосылкой глобализации

В связи с тем, что ментальные различия в современном менеджменте по-прежнему сохраняются, большое значение играет проблема межкультурных деловых коммуникаций. Представители различных деловых культур взаимодействуют друг с другом с целью осуществления совместных проектов. Возможность достичь положительного результата определяется

¹ Профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Открытая экономика: макроэкономический подход», «Трансформационная экономика в исследованиях западных ученых», «Реальный сектор экономики» и др.

способностью устранять противоречия, вызванные ментальными различиями. Ниже представлен перечень факторов, играющих решающее значение при осуществлении переговоров российских предпринимателей с партнерами из развитых стран:

1) Взаимное восприятие имиджа страны

На протяжении всего периода рыночных реформ развитые страны представляются россиянам как мир, в котором работают богатые предприниматели и обращаются крупные денежные суммы. Поэтому в начале ведения переговоров у многих россиян складывается стереотип, что именно иностранный партнер должен стать главным спонсором проекта. При решении финансовых вопросов должны быть соблюдены интересы российской стороны, так как у западных партнеров и «так много денег». В свою очередь, в восприятии России со стороны иностранных партнеров также присутствует ряд стереотипов. Современная Россия ассоциируется с деятельностью криминальных структур и высоким уровнем коррупции. Поэтому бизнес в России ассоциируется с большим количеством предпринимательских рисков, которые вынуждают предпринимателей отказываться от многих проектов в России. При проведении переговоров об осуществлении иностранных инвестиций в российские предприятия зарубежные партнеры проявляют известную осторожность, так как российская экономика зачастую ассоциируется с высоким уровнем коррупции, сильным влиянием криминальных структур и нестабильной экономической ситуацией в стране.

2) Соотношение формального и неформального элементов во взаимоотношениях со стейк-холдерами

В большинстве развитых индустриальных стран рыночные отношения находятся на высокой стадии зрелости и в значительной мере регулируются законодательными актами. В процессе ведения переговоров иностранный партнер знает четкие границы своих полномочий и исходит из них. Поэтому он не будет подписывать договор, даже если находит его удовлетворительным, но при этом видит какие-либо законодательные барьеры. В свою очередь, российские предприниматели исходят из того, что многие законодательные ограничения можно преодолеть за счет личных неформальных отношений. Подобное «асимметричное» восприятие соотношения формального и неформального элементов зачастую приводит к тому, что многие соглашения не подписываются. При ведении переговоров о создании совместного предприятия позиции российских и иностранных партнеров по вопросам, связанным с законодательным регулированием деятельности предприятия, могут существенно различаться. Для иностранных партнеров очень важна детальная информация о порядке регистрации предприятия на территории России, о процедурах выдачи лицензии на осуществление определенной деятельности и т. д. В свою очередь российские партнеры исходят из того, что многие организационные вопросы на территории России можно решить за счет неформальных связей.

3) Большие различия в поведении в ходе переговорного процесса

Для иностранных партнеров здесь характерен известный формализм. Они обычно позволяют себе

короткую вводную фазу и затем полностью концентрируются на предмете переговоров. Напротив, для россиян характерно «личностное» восприятие партнеров, зачастую подкрепленное желанием подружиться. Они заводят разговоры на отвлеченные темы, которые создают дополнительные препятствия на пути к достижению соглашения. При проведении переговоров о совместном проекте различия в моделях поведения российских и иностранных участников могут привести к возникновению разногласий по субъективным причинам. Так, постановка вопроса на отвлеченные, не связанные с содержанием проекта темы может вызвать негативную реакцию со стороны иностранных партнеров. В результате они откажутся от подписания договора.

4) Различное восприятие возможностей при реализации проектов

В России институты рынка существуют примерно с 1991 года, то есть около 18 лет. При этом в первые 5–6 лет происходило их становление. Поэтому в России еще не накоплен достаточный опыт по сравнению с развитыми индустриальными странами. Напротив, подобный опыт в развитых индустриальных странах гораздо более обширный. Соответственно российские и иностранные партнеры по-разному оценивают ожидаемые результаты совместной деятельности. Так, например, те объемы предполагаемой выручки, которые для российских партнеров представляются удовлетворительными, могут не устраивать иностранных коллег. То же относится и к характеру реализации соглашения. Расхождения могут касаться предполагаемых сроков, состава участников проекта, принципов его реализации и организации контроля результатов. В начале ведения переговоров следует предполагать, что каждая сторона имеет альтернативы, то есть может работать с разными партнерами. При этом возникает некоторая асимметрия. Уровень экономической интеграции в развитых индустриальных странах значительно выше, так что иностранные компании обычно имеют больший выбор потенциальных партнеров по сравнению с российскими. Поэтому в ходе ведения переговоров возникает известное «неравновесие». Иностранные партнеры зачастую не считают обязательной целью достичь соглашения с российскими партнерами, так как уверены в том, что при необходимости смогут легко найти альтернативный вариант. Результат обычно не достигается, потому что две стороны, ведущие переговоры, «хотят его не в равной степени». При проведении переговоров о совместном проекте различия в моделях поведения российских и иностранных участников могут привести к возникновению разногласий по субъективным причинам. Так, обсуждение вопросов на отвлеченные, не связанные с содержанием проекта темы может вызвать негативную реакцию со стороны иностранных партнеров. В результате они откажутся от подписания договора.

Шансы на позитивный итог подобных переговоров зависят от следующих факторов:

А) Готовность к компромиссу

Несмотря на многие предпосылки для противоречий, существуют возможности для компромиссов.

Стороны могут найти решения, которые будут в той или иной мере их устраивать. Реализация этих возможностей зависит от того, в какой мере стороны, ведущие переговоры, реально готовы к компромиссам. Способны ли они выслушать аргументы партнера и пересмотреть свою первоначальную позицию? Очевидно, что варианты ответа существенно различаются в зависимости от сферы деятельности, положения дел в стране и личностных характеристик ведущих переговоры сторон.

Б) Личные взаимоотношения

Результат ведения переговоров зависит также и от личных взаимоотношений между их участниками. Если они приобретают дружеский характер, то стороны могут достичь соглашения, даже при наличии объективных препятствий. Личные симпатии партнеров могут служить важной основой для развития деловых отношений.

В) Роль данного направления в системе внешних приоритетов партнеров

Стороны, ведущие международные переговоры, так или иначе занимаются развитием внешнего на-

правления. Диапазон различий в приоритетах может быть очень велик. Есть предприятия, деятельность которых полностью ориентирована на внутренний рынок и наличие зарубежного партнера не является обязательным. Деятельность других фирм полностью направлена на внешние рынки, и они остро нуждаются в партнерах из других стран. Если приоритеты сторон совпадают и поиск зарубежных партнеров является важной задачей для обеих сторон, то шансы достичь соглашения значительно возрастают.

Мы предполагаем, что обозначенные три инструмента достижения позитивного результата проявляют себя при устранении проблем, обусловленных всеми выделенными ранее факторами (табл. 1).

Рассмотренный пример межкультурных деловых коммуникаций дает представление о сложном и многообразном комплексе проблем, с которым сталкиваются современные менеджеры в контексте культурной предпосылки процесса глобализации.

Таблица 1

Пути достижения позитивного результата при ведении переговоров резидентов России с партнерами из развитых индустриальных стран

Факторы, влияние которых создает препятствия на пути достижения позитивного результата	Пути преодоления препятствия
Взаимное восприятие имиджа страны	<i>Готовность к компромиссу</i> Негативные оценки имиджа России смягчаются, если зарубежный партнер готов пойти на компромисс, то есть принять особенности российской действительности как данность. В свою очередь и российский партнер может доказать иностранному коллеге, что реализация проекта будет осуществляться в соответствии с международными стандартами и негативный имидж России не имеет под собой реальной почвы. <i>Личные взаимоотношения</i> Личные симпатии между партнерами перевешивают противоречия, связанные с восприятием имиджа страны. <i>Роль данного направления в системе внешних приоритетов партнеров</i> В случае если оба партнера считают данный проект приоритетным, то различия в восприятии имиджа стран не окажутся существенным препятствием на пути достижения соглашения
Соотношение формального и неформального элементов во взаимоотношениях со стейк-холдерами	<i>Готовность к компромиссу</i> Готовые к компромиссу стороны способны понять друг друга и прийти к соглашению по поводу оптимального соотношения формального и неформального элементов во взаимоотношениях со стейк-холдерами. <i>Личные взаимоотношения</i> Личные симпатии партнеров способствуют взаимопониманию, что позволяет договориться и по данному вопросу. <i>Роль данного направления в системе внешних приоритетов партнеров</i> Если данное направление является ключевым в международной деятельности партнеров, то это создаст дополнительный стимул для поиска возможностей для устранения препятствий, в том числе касающихся отношений со стейк-холдерами
Большие различия в поведении в ходе переговорного процесса	<i>Готовность к компромиссу</i> Готовые к компромиссу стороны не придают существенного значения негативным оценкам поведения партнеров по переговорному процессу. <i>Личные взаимоотношения</i> Личные симпатии способствуют сближению моделей поведения в ходе переговорного процесса. Переговорный процесс проходит в дружеской атмосфере. <i>Роль данного направления в системе внешних приоритетов партнеров</i> В случае если данное направление относится к числу приоритетных в рамках международной деятельности партнеров, различия в модели поведения не станут существенным препятствием на пути к достижению соглашения
Различное восприятие возможностей при реализации проектов	<i>Готовность к компромиссу</i> Готовые к компромиссу стороны приложат все усилия для того, чтобы договориться о порядке реализации совместного проекта и об ожидаемых результатах. Готовность к компромиссу сводит к минимуму препятствия к достижению соглашения, связанные с наличием альтернативных возможностей. Стороны стремятся договориться именно между собой. <i>Личные взаимоотношения</i> Личные симпатии партнеров позволяют им ставить себя на место друг друга, что повышает вероятность договориться между собой по вопросам, оценки которых по объективным причинам различаются. <i>Роль данного направления в системе внешних приоритетов партнеров</i> В случае если данное направление является приоритетным, стороны стремятся договориться, несмотря на различия в оценках тех или иных показателей и наличия альтернативных возможностей

Секция 7

СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ К ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

14 мая 2010 г., СПбГУП

Руководители секции:

А. О. ЧУБАРЬЯН

академик РАН, член Президиума РАН, директор Института всеобщей истории РАН, президент Государственного университета гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП

А. Г. Васильев¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРИУМФЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАВМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Память в европейской науке стала рассматриваться как внеиндивидуальное (коллективное, социальное) явление начиная с 1920-х годов. Началом формирования «мемориальной парадигмы» социально-гуманитарных наук можно считать появление в 1925 году работы французского социолога Мориса Хальбвакса «Социальные рамки памяти». Специфика подхода М. Хальбвакса заключается в интерпретации памяти как социально обусловленного явления. Память — частичное и избирательное воссоздание прошлого, ориентиры для которого определяют-ся извне, социальными общностями и культурными традициями, к которым принадлежит субъект. Хальбвакс обосновал фундаментальную связь между социальной группой и коллективной памятью и показал, что каждая группа формирует память о собственном прошлом, которая обосновывает ее уникальную идентичность.

Коллективная память у Хальбвакса всегда оказывалась связанной с той или иной локальной общностью (конфессия, семья, профессиональное сообщество, нация и т. д.). Возможность универсальной памяти он отрицает, существует столько «коллективных памятей», сколько групп. Глобальным измерением обладает только история, созданный профессиональной историографией образ прошлого. История — объективная, беспристрастная, абсолютная картина прошлого. Память является прямой ее противоположностью. Она субъективна, избирательна, пристрастна, связана с интересами групп. История для Хальбвакса начинается там, где память заканчивается. Память всегда локальна, она всегда чья-то, кому-то принадлежит и служит. История

призвана быть глобальной картиной одинаковой всегда и для всех истины.

В 1980-х годах, после достаточно длительного периода забвения, вновь возник интерес к проблематике социальной (коллективной) памяти. Но память при этом продолжала рассматриваться в локальных (преимущественно национальных) контекстах. Национальной памяти были посвящены такие знаковые для «мемориальной парадигмы» работы, как книга Й. Иерушалми «Захор» и много-томный проект «Места памяти» под руководством П. Нора. В начале 1990-х годов немецким египто-логом Я. Ассманом была разработана теория культурной памяти, положившая начало становлению «мемориальной парадигмы» в современной культурологии. Культурная память также рассматривалась им в локальных контекстах как специфическая для каждой культуры форма передачи и «осовременивания» культурных смыслов, обобщающее понятие для всякого знания, которое управляет поступками и переживаниями в специфических рамках взаимодействия внутри определенного общества. Каждому сообществу присуща специфическая «культура воспоминаний», которые подлежат сравнительно-историческому анализу.

Однако уже с середины 1990-х годов контекст обсуждения «мемориальной проблематики» стал радикально меняться. Постмодернистская критика существенно пошатнула границы между исторической наукой и культурной памятью. Определенная часть историков стала рассматривать историческое описание как форму культурной (социальной) памяти, при этом говорилось, что невозможно провести четкую границу между этими двумя формами видения прошлого, поскольку история также зависит от места, времени и социально-культурного контекста возникновения. Историком разных мест и времен сохраняют в качестве достойных памяти различные аспекты прошлых событий и изображают их по-раз-

¹ Заместитель директора по научной работе Российского института культурологии (Москва), руководитель направления «Гуманитарные исследования», кандидат исторических наук, доцент. Автор ряда научных публикаций по истории культуры, проблемам культурной памяти и культурного наследия.

ному (П. Берк). Историческая наука — одна из исторических форм коллективной памяти, официально признанная память (П. Хаттон). Глобализация и одновременный подъем локальных идентичностей поставили под сомнение значимость нации и национального государства как основной единицы политической и социально-культурной идентификации. Как подчеркивал создатель теории культурной глобализации Роланд Робертсон, глобализация всегда сопровождается локализацией, то есть имеет место глокализация. Здесь возник вопрос о возможности, содержании и форме памяти глокализирующегося постнационального мира.

Вопрос о возможности глобальной памяти вызвал дискуссию. Алармисты заговорили об угрозе утраты памяти в ситуации тотального презентизма глобальной культуры. П. Нора писал о том, что память не является более значимым элементом повседневного опыта современного человека и существует только в виде своеобразных «мемориальных реликтов», «окаменелостей», смысл которых, некогда ясный всем и каждому, может теперь дешифровать только специалист в результате специальной работы. Один из ведущих теоретиков нации и национализма Э. Смит в опубликованной в 1995 году книге «Нации и национализм в глобальную эру» пишет о том, что глобальная культура — это производство «вечного настоящего». Главный редактор журнала “**Memory Studies**” Эндрю Хоскинс статье «Телевидение и коллапс памяти» (2004) отмечал, что телевидение как господствующий медиум «вплетает» фрагменты прошлого в настоящее. Телевидение с его непрерывным потоком новостей и прямого эфира живет в вечном настоящем, мгновенностью и одновременностью. Глобальные медиа — своеобразная черная дыра, «аттрактор», силой своей гравитации поглощающий память и историю своим полем «вечно-настоящего-реального-времени».

Представляется, что эти выводы слишком радикальны. Коммуникации и памяти без участия медиа в человеческой истории никогда не было. Менялись формы медиа, расширялся контекст взаимодействия. Появление способов передачи и хранения информации без непосредственной коммуникации «лицом к лицу» никогда не означало «конца памяти». Это позволило коммуникативной памяти, связанной с живым биографическим опытом носителей, стать памятью культурной, способной передаваться и закрепляться, не будучи личным опытом никого из членов сообщества. Такую «угрозу» памяти Платон некогда видел в письменности, теперь ее усматривают на экране. Память, однако, не исчезла, она видоизменялась. Нация является всего лишь одной из исторических форм «сообществ памяти», характерной для эпохи модерна. Господствующей формой культурной памяти стала национальная история. Формирование наций в свое время сопровождалось поглощением, подчинением, интеграцией локальных «культур памяти», которые существовали в устной или летописной форме. Происходил своеобразный «коллапс» предшествующих сообществ и форм памяти. На смену им приходил доминирующий нарратив национальной истории. Меж-

ду ними складывались сложные отношения борьбы и сосуществования, но это не означало «конца памяти».

Более продуктивной, по моему мнению, является точка зрения о возможности существования коллективной памяти на глобальном уровне и постановка вопроса о специфике ее содержания и оформления. Для обозначения этой новой формы коллективной памяти предлагаются два наименования — «космополитическая память» (Даниэль Леви и Натан Шнайдер) и «транснациональная память» (Андреас Хюссен).

Сегодня говорят о глобальных «местах памяти», вокруг которых концентрируется идентичность глобального человеческого сообщества. Так, интернет-энциклопедия «Википедия» рассматривается как глобально дискурсивно коммуникативно конструируемое «место памяти» (Христиан Петцольд).

Складывающийся ныне нарратив глобальной памяти существенно отличается по своему содержанию от сформировавшегося на протяжении XIX столетия нарратива национальной памяти. С позиций тяготеющего к психоанализу направления исследований коллективной памяти отбор «образов-воспоминаний» в ней подчиняется определенным принципам. Главную роль здесь играют понятия «триумф» и «травма». Коллективная память предпочитает сохранять ситуации, в которых можно рассматривать себя либо как героев-победителей, либо как невинных жертв (Цв. Тодоров). Травма и триумф — «мифомотор» национальной идентичности, крайние границы опыта и предельный горизонт для самоопределения коллективного субъекта (Б. Гизен).

Национальная память национальных историографий концентрировалась преимущественно вокруг «триумфов», образов великой государственности, побед, завоеваний, выдающихся культурных достижений и их распространения в ходе выполнения цивилизаторской миссии. Глобальная память современного медиапространства, напротив, тяготеет к поражениям, страданиям, образам вины и несправедливости, «ресентиментам» (М. Ферро) и «тирании покаяния» (П. Брюкнер). Не случайно многие исследователи сегодня говорят о памяти Холокоста как модели организации глобальной памяти вообще. В последней четверти XX века произошла «космополитизация» Холокоста. Это событие утратило «привязанность» к конкретным месту и времени, превратившись в общечеловеческую метафору противостояния добра и зла. Посредством современных медиа Холокост стал одной из глобальных «икон» абсолютных зла и страдания, способной послужить обоснованием для разных идентичностей.

Релокализация, формирование «новых локальностей» глобального мира — не просто возрождение забытых или подавленных некогда традиций. Это новое конструирование новых локальностей в новом глобальном контексте (У. Бек). Важнейшей составной частью этого процесса является отстаивание собственных версий прошлого. Как правило, именно образ геноцида и страданий положен в основу новых локальных идентичностей.

Таким образом, можно выделить своеобразный вектор развития коллективной памяти от национальных триумфально-героических историографических нарративов к существующим преимущественно в пространстве новых электронных медиа травматическим нарративам сооб-

ществ глокализирующегося мира. В связи с этим представляет интерес рассмотрение соотношения в стратегиях нациестроительства постсоветских и постсоциалистических государств «триумфально-героических» и «жертвенно-травматических» моментов.

Н. Ф. Высоцкая¹

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СТИЛИСТИКИ БАРОККО В МОСКОВСКОЙ РУСИ: ПРЕДПОСЫЛКИ ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО XVII ВЕКА

Для понимания причин интеграции в европейское культурное пространство XVII века важно изучение конкретных исторических фактов, связанных с усвоением и восприятием западноевропейского барокко в Московской Руси, прежде всего с выявлением творческих контактов местных мастеров с художниками и ремесленниками сопредельных стран.

Как известно, барокко зародилось в Италии в конце XVI века в недрах позднего Ренессанса (маньеризма). И отсюда широко распространилось во многие страны Западной Европы. В царском дворе, православной церкви Московской Руси оно не могло быть принято из-за своего «латинства». А через посредство мастеров других стран, например Беларуси, эта стилистика, адаптированная в православии, проникала в Московскую Русь.

Быстрое утверждение барокко в Беларуси было связано с особенностями исторического развития страны. Усвоение западноевропейских стилей: романского, готического, Ренессанса, барокко, классицизма — в Беларуси происходило на базе традиций византийско-русского искусства XI–XIV веков. Поэтому культура Беларуси представляла своеобразный симбиоз местных особенностей и последовательной эволюции европейской стилистики. Интенсивному «впитыванию» барокко способствовала политика магнатов, некоронованных королей Великого княжества Литовского (XIV–XVI вв.) и Речи Посполитой (XVI–XVIII вв.), стремившихся не отставать от культуры великолепных дворов Италии, Франции, Германии, Испании и других стран. Нередко магнаты, шляхта в Беларуси благодаря своей экономической мощи и независимости перенимали барокко раньше, нежели другие центры большого государства — Речи Посполитой. Хорошим примером в этом плане может служить строительство итальянским архитектором Джованни (Яном) Мария Бернардини (ок. 1541–1605) для Николая VIII Христофора Радзивилла «Сиротки» (1549–1616) первой на территории всей Восточной Европы барочной

иезуитской купольной базилики Божьего тела в Несвиже в 1598 году. Таким образом, утверждение барокко в Беларуси происходит почти одновременно с Италией и многими другими странами Западной Европы. В формировании и развитии барокко в Беларуси можно выделить определенные этапы: а) конец XVI — первая половина XVII века — раннее барокко; б) середина — вторая половина XVII века — зрелое барокко; в) XVIII век — позднее барокко, которое к 1760-м годам постепенно затухает и в его недрах формируется классицизм.

Важным для нас является период конца XVI века, когда при наличии готических черт уже достаточно сильны традиции позднего Ренессанса и хорошо ощутимы черты нового стиля — барокко. Причем на протяжении первой половины XVII века традиции Ренессанса еще настолько явственны, что некоторые исследователи говорят о ренессансной функции барокко.

Именно в этот период в культуре Беларуси произошло активное усвоение новых технических приемов, новых эстетических норм в католических храмах Беларуси и постепенный их переход «в очищенном от католицизма» виде (по определению Д. С. Лихачева) в православную культуру. Это выразилось, во-первых, в освоении новой флемской резьбы с флемованными дорожниками, перлами, петушиными гребешками, кнорпелем (хрящем), ормушелем (ушной раковинной), рольверком, флоральным, цветочным орнаментом, акантом с листьями, гроздьями, ветками винограда, ламбрекеном, ордером, гирляндами, лентами, бантами; во-вторых, в переработке изящной, плоской, фряжской, барельефной (низкой) резьбы в горельефную (высокую), сквозную, позолоченную с выразительной светотенью.

Таким образом, в этот ранний период белорусы, усвоив технические приемы резьбы, которые можно было сделать на новых станах новыми инструментами (23 названия, 150 видов), используя «книги резного дела», обогатив свой терминологический лексикон, объединили эти новации со своими исконными традициями и создали национальный вариант барочной пластики.

Во время Русско-польской войны (1654–1667), походов «Благочестивейшего тишайшего самодержавнейшего великого государя царя и великого князя всея Великия и Малыя и Белья Росси самодер-

¹ Профессор Белорусского государственного университета (Минск), доктор искусствоведения. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Декоративно-прикладное искусство Белоруссии XII–XVIII веков», «Сакральная живопись Беларуси XV–XVIII веков», «Иконопись Белоруссии XV–XVIII веков», «Живопись Белоруссии XII–XVIII веков», «Пластика Белоруссии XII–XVIII веков. Мелкая пластика. Скульптура, резьба, лепка. Мемориальная пластика» и др.

жавца» Алексея Михайловича (царствовал в 1645–1676 гг.), посещения им Витебска, Полоцка и других городов Беларуси он мог видеть удивительные интерьеры — новый синтез всех видов искусств — с выразительными формами, живописностью, динамикой, сложной орнаментикой, декором, закрывающим конструктивные элементы. И такой вариант барокко в белорусской интерпретации оказался востребованным в Московской Руси во второй половине XVII века.

Алексей Михайлович, в частности, писал: «Нам, великому государю, таков мастер годен». Эти слова можно отнести к выходцам из Беларуси разных специальностей: резчикам, скульпторам, позолотчикам, каретникам, мастерам золотого, серебряного, токарного, иконного дела, керамистам (ценинникам), стекольщикам, живописцам, стихотворцам, запрошенным этой именитой особой в Московскую Русь.

В деятельности выходцев из Беларуси в Московской Руси можно выделить несколько этапов. Первый (ранний) этап относится ко времени переезда ремесленников из Кутейнского монастыря под Оршей в Валдайский Иверский монастырь; второй — самый яркий и новаторский — связан с покровительством царя Алексея Михайловича другу патриарха Великая, Малыя, Белая Руси Никону (Минов Никита, 1605–1681; патриарх в 1652–1666 гг.); а третий этап характеризуется службой ремесленников у царя Алексея Михайловича в Оружейной палате, где насчитывалось не менее 150 выходцев из Беларуси.

В 1656–1660 годах в белорусские города посылались доверенные люди, которым было поручено «сыскивать золотого и серебряного и бранного дела мастеров и учеников и призывать к Москве на житье». Только весной 1660 года из Витебска выехало 30 ремесленников. Они работали у Никона в Ново-Иерусалимском монастыре на Истре.

После низложения патриарха Никона (1666) Алексей Михайлович потребовал от монастырских властей «золотарей и серебряников и резцов и иных мастеров, которые были и есть в Воскресенском монастыре, переписать и выслать их с женами и детьми и со всеми их животы, дав им подводы, и мастеро-вым людям именную роспись прислать в Оружейную палату». Более 50 мастеров, переведенные в Оружейную и Серебряную палату, занимались выполнением заказов царского двора и церкви. Многие из них «за беспрестанную работу», кроме кормовых, были пожалованы царем «амбурским, аглицким и кармазынавым сукном».

В Москве мастера создавали скульптуру, чинили раки, строили дворец Алексею Михайловичу в Коломенском (1667–1668), о котором царский придворный поэт Симеон Полоцкий (Самуил Гаврилович Ситнянович-Петровский; 1629–1680), учитель Петра I (1672–1725), восхищаясь, писал: «Осмой див сей дом иметь наше». Ремесленники разных специальностей, «не щадя живота своего», работали в Москве и Подмоскowie. Они выполняли огромные иконостасы для Донского, Симеоновского, Ново-Иерусалимского, Валдайского Иверского монастырей и церквей в Измайлове и Новодевичьем монастыре.

Ажурная объемная позолоченная резьба этих великолепных многоярусных иконостасов получила в Московской Руси название «белорусская резьба сквозная» (по определению И. Э. Грабаря, А. И. Некрасова, М. И. Ильина). Белорусские мастера также способствовали проникновению новых технических приемов, мотивов в технику резьбы по камню.

Они привнесли новую технологию и в керамическое (ценинное) производство, разработали и внедрили барочную орнаментку и полихромные изразцы, возродили традиции украшения фасадов полихромными плитками, известными в Беларуси еще в XII веке. На базе итальянских ренессансных образцов белорусскими мастерами был создан крупный, пышный, барочный орнамент, раппорт которого набирался из многих элементов. Он получил в Московской Руси название «павлинье око». Керамические плитки с этим орнаментом декорируют фасады, барабаны Воскресенского собора в Новом Иерусалиме на Истре (1668–1685), церкви Григория Неокесарийского на Полянке (1671–1670), Покровского собора в Измайлове (1671–1679) и многих других церквей Москвы и Подмоскowie.

Белорусы впервые создали керамические иконостасы с архитектурными объемными горельефными полихромными элементами, переосмыслив изразец с румпой. Семь таких высоких иконостасов имеется в Воскресенском соборе в Новом Иерусалиме. Эти новшества «совершили переворот в старых представлениях и тем обогатили русское искусство» (по определению Ю. М. Овсянникова).

В результате вышеизложенного можно констатировать, что в конце XVI — первой половине XVII века в передаче реальных, обмирщенных белорусские мастера значительно опережали русские художественные центры, а во второй половине XVII века благодаря влиянию западноевропейских достижений, которое осуществлялось и при помощи представителей белорусской культуры, этот процесс стал развиваться синхронно.

В Московской Руси были созданы удивительные условия для развития талантов белорусских мастеров различных специальностей. Благодаря серьезному покровительству двух выдающихся личностей — патриарха и царя — выходцы из Беларуси имели возможность много и плодотворно работать. Выполняя произведения, соответствующие вкусам именитых заказчиков, они разрабатывали и внедряли новые технические приемы, орнаментальные мотивы, необходимые для осуществления масштабных государственных проектов, которых они не имели на своей родине.

Процесс взаимовлияния и взаимообогащения оказался плодотворным для обеих художественных школ. Белорусские мастера внесли существенный вклад в развитие русской культуры второй половины XVII века, становление в ней стиля барокко, который на русской почве приобрел ярко выраженный национальный характер. При этом они многое заимствовали из культуры Московской Руси, творчески ее переосмыслили, что нашло отражение в памятниках, созданных ими в Беларуси в конце XVII — начале XVIII века.

Данные исторические факты показывают открытость границ для межкультурного диалога славянских стран уже в XVII столетии. Эта особенность способствовала обогащению их культур и созданию ее национальных, локальных вариантов, органично входивших в общее (глобальное), в данном случае европейское, стилистическое пространство.

Взаимосвязь и взаимовлияние отдельных культур как субсистем мирового сообщества привели не к нивелировке национальных культур, а к взаимному обогащению и интенсивному развитию. Это стало возможно только благодаря серьезной государственной экономической политике и хорошо разработанной национально-творческой, идеологической программе развития духовной культуры Московской Руси, тщательно продуманной патриархом Нико-

ном, стремившимся к объединению трех славянских народов, созданию мощной, независимой (ставропигиальной) от Константинополя церкви, опиравшейся на исконные православные традиции. Никон и Алексей Михайлович мечтали о Третьем Риме («а Четвертому не бывать»), то есть о мощном сильном, процветающем государстве. Лучше всего их идеи отражала востребованная ими стилистика барокко, формирование и развитие которой они экономически, политически и духовно поддерживали. Но эта стилистика способствовала интенсивному обмирщению искусства, интеграции искусства Московской Руси в европейское культурное пространство XVII века, что в дальнейшем создало плодотворную почву для Петровских реформ и развития культуры Просвещения.

А. Н. Гончаренко¹

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗРАБОТКИ ИСТОРИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

8 декабря 1991 года прекратил свое существование СССР, и на его пространстве образовалось 15 суверенных государств. После грузино-югоосетинского конфликта 2008 года к этим государствам можно прибавить также Абхазию и Южную Осетию. С 1991 года существует непризнанная ни одним государством мира, но фактически суверенная Приднестровская Молдавская Республика. Из 18 перечисленных государств три входят в Евросоюз и НАТО и 11 — в состав СНГ.

После развала СССР, фактически являвшегося коммунистическим аналогом Российской империи, вновь созданные государства столкнулись с проблемой государственной легитимности и национальной идентичности. Их можно было сформировать только на основе идентичности языка, культуры и апелляции к историческим корням, которые следовало найти, и такая работа началась. Остановимся на историческом аспекте данной проблемы.

В отношении Российской Федерации вопрос решался достаточно просто. Она была провозглашена правопреемницей СССР, а следовательно, и предшествующих ему государственных образований на данной территории. Российская Федерация получила второе, закрепленное Конституцией 1993 года, наименование — Россия. Русский народ, составивший 80 % населения нового государственного образования, доминирование православия и две исторические столицы — Москва и Санкт-Петербург — дела-

ют исторический статус новой демократической России бесспорным в глазах как большинства населения страны, так и международного сообщества. Эти факторы позволили российской исторической науке воспринять основной корпус исторических источников по истории российской государственности и все позитивные наработки отечественной исторической науки, обосновывающей преемственность Киевской и Московской Руси, императорской России и советского государства. Символами новой российской государственности стали: герб (Московской Руси), флаг (Российской империи) и гимн (Советского Союза). Последний, правда, сохранил только мелодию.

Более сложным представляется данный вопрос в отношении других постсоветских государств. Часть из них вовсе не имели бесспорно устанавливаемых государств-предшественников в истории, поскольку являлись результатом «национальной политики» большевиков, другие утратили свою государственность либо в процессе мирного присоединения к Российской империи, либо вследствие завоевательной политики ее правителей.

В советской (сталинской и постсталинской) историографии присоединение национальных территорий к Руси—России рассматривалось исключительно позитивно: как акт, либо носивший прогрессивный характер и произошедший в результате добровольного присоединения, либо носивший прогрессивный характер, но произошедший в форме завоевания. В ряде случаев эти процессы рассматривались как «меньшее зло» для присоединенных народов. Такие трактовки, по понятным причинам, не могут устраивать национальные элиты, пришедшие к власти в постсоветских государствах и много сделавшие для развала единого многонационального государства, которым являлся Советский Союз. В условиях спасения от коммунистической утопии все средства были хороши.

¹ Заведующий кафедрой истории и политологии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор исторических наук, профессор. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч. книг: «Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX века (социально-экономическое исследование)», «Люди власти (административный корпус национальных районов Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX в.)», «Идеократические парадигмы советского периода отечественной истории», «Отечественная история», «Отечественная история в схемах, таблицах, определениях» и др.

Традиционно история России писалась как история Российского государства и его территории. Данная традиция была заложена Н. М. Карамзиными, а фактически — русскими летописцами, давшими первый опыт обоснования проблемы, «кто в Киеве нача первое княжити и откуда Русская земля стала есть». В отличие от данного методологического подхода, история постсоветских государств пишется как история их титульных этносов. История Украины — это история украинцев, Армении — армян, Грузии — грузин, Молдавии — молдаван и т. д. В ряде случаев, особенно в отношении бывших кочевых народов, современная занимаемая ими территория начинает носить вторичный по значению характер и иногда рассматривается как результат реализации чей-то несправедливой воли. Провозглашается тезис о «необходимости изучения истории через призму национальных (имеется в виду этнических. — Л. Г.) интересов». Таким образом, история прекращает быть наукой и превращается в идеологию, то есть систему взглядов, отражающих определенные групповые интересы. Как правило, научное качество такого рода исследований весьма невысоко и напоминает художественные произведения в жанре фэнтези. Следует отметить, что такого рода подходами грешат и некоторые российские авторы, не имеющие, как правило, отношения к академической науке. Идеология, основанная на полуправде, а в ряде случаев на мифе — сакральном вымысле, приобретает опасное для представителей других, нетитульных, этносов значение, препятствует установлению атмосферы толерантности в многонациональной общественной среде, осложняет отношения между постсоветскими государствами.

В современной Украине Древнерусское государство — Киевская Русь — колыбель трех братских славянских народов — окончательно превратилось в первое украинское национальное государство. Историческая Русь—Россия, начиная примерно со времен Ивана Калиты, позиционируется как страна-агрессор, оказавшая огромное негативное воздействие на историю всех без исключения входивших в ее состав нерусских народов. В национальной постсоветской историографии оказались широко востребованными все ленинские высказывания о России как «тюрьме народов», измышления историка Н. М. Покровского и других интернационал-большевиков в отношении Российского государства, его правителей и выдающихся деятелей. Особенность заключается в том, что теперь эти характеристики переносятся и на СССР как на «империю зла», а порой и на современную Российскую Федерацию как ее правопреемницу. Особенно отчетливо это проявилось в связи с 70-летием заключения пакта Риббентропа—Молотова и началом Второй мировой войны, а также действиями России по принуждению Грузии к миру после ее нападения на Южную Осетию.

Забывается, а фактически игнорируется или замалчивается, что Российское государство с момента его возникновения являлось результатом совместной деятельности многих народов. Доказательством этого служит тот факт, что политическая, военная и культурная элита этого государства всегда

являлась интернациональной. Это относится и к Киевской Руси, и к Московскому централизованному государству, и к Российской империи, и к Советскому Союзу. В состав этого государства на равноправной основе входили славяне, варяги, балты, тюрки, литовцы, поляки, немцы, казаки, грузины, армяне, представители народов Средней Азии. Впоследствии коммунисты поставят это себе в заслугу, а на самом деле так было всегда.

Российское государство никогда (!) не являлось классической империей. Положение метрополии всегда было значительно хуже ряда национальных окраин. Этот тезис становится совершенно очевидным, если сравнить, скажем, положение Польши, Прибалтики или Закавказья с губерниями Центральной России в период существования Российской империи. Явственно прослеживается эта тенденция и в период существования Советского Союза.

Русские крестьяне были первыми закрепощены и последними избавлены от крепостного права, их положение было наиболее тяжелым. Например, нерусские крестьяне Поволжья относились к ясачным крестьянам, то есть платили ясак (налог) государству и не знали гнета помещиков, а крестьяне Прибалтики на 40 лет раньше, чем русские крестьяне, получили личную свободу.

Уровень экономического развития ряда окраин был значительно выше, чем уровень развития метрополии. Промышленный и культурный потенциал Прибалтики, Польши, Украины, Бакинского промышленного района не шел ни в какое сравнение с экономикой губерний центральной России.

Эти факты выглядят особенно красноречиво на фоне, например, такой классической колониальной империи, как Британская. Невозможно представить, чтобы индийский раджа мог заседать в палате лордов Британского парламента. Потомков викингов, тюркских ханов, литовских князей можно было встретить в России и на заседаниях земских соборов, и Боярской думы, и Государственного совета, представители всех народов СССР участвовали в работе руководящих органов большевистской партии и высших органов Советского государства.

К сожалению, необходимость «государственной легитимности и национальной идентичности», идеологическая ангажированность и щедро раздаваемые зарубежные гранты не позволяют историкам на просторах постсоветских государств приводить эти факты в своих сочинениях. Безосновательное удревнение своей государственности, завышенные уровни культурного и общественного развития титульных этносов, самоутверждение за счет своих соседей, замалчивание одних фактов и выпячивание других, использование недостоверных источников стали общим местом исторических сочинений в постсоветских государствах. Данные подходы, по сути, являются контрпродуктивными и тупиковыми, они не способствуют интеграционным процессам на постсоветском пространстве, ведут к самоизоляции народов и государств, порождают межнациональные трения и конфликты и чреваты приходом к власти безответственных политических деятелей, способных толкнуть свои страны на кровавые авантюры.

Выход из данной ситуации возможен — необходимо активизировать сотрудничество историков России и стран ближнего зарубежья. Государству следует уделить внимание отечественным ученым-историкам и историческим научным центрам, занимающимся проблемами отечественной истории и историей стран СНГ, нужно проводить научные конференции с участием российских ученых-историков, учреждать совместные научные периодические издания и российские негосударственные гранты для историков этих стран. Учредителями этих грантов вполне могли бы стать представители крупного биз-

неса, отечественные компании, владеющие солидными пакетами акций предприятий в странах ближнего зарубежья, прокладывающие на их территориях нефте- и газопроводы, железнодорожные пути и возводящие там электростанции. Следует приветствовать открытие в странах СНГ совместных учебных заведений и филиалов ведущих российских университетов. Опора на историческую науку и использование этой науки в целях формирования национального сознания в странах ближнего зарубежья — важнейшие условия интеграционных процессов на пространстве бывшего СССР.

В. К. Карнаух¹

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация представляет собой не только явление современности. Глобализация — это процесс, имеющий длительную историю. В качестве исторических форм глобализации следует выделить завоевания, колонизацию, торговлю.

Первые цивилизации состояли из множества независимых городов-государств, разбросанных по аллювиальным долинам рек.

В процессе завоеваний происходило объединение отдельных государств, образование империй или «мировых держав». Империи насильственно объединяли в единое целое народы, большинство из которых существенно различалось по этнической принадлежности, по языку, культуре, по уровню социального и экономического развития. Наконец, в отличие от прежних крупных государственных образований, в которых не нарушалась традиционная структура управления подчиненных стран, имперская территория была разделена на однообразные, управляемые из центра административные единицы.

В условиях империи отчетливо проявилась тенденция к всеобщности, универсальности. Империю отличало наличие единого официального языка, на котором составлялись и рассылались из центра по всему государству официальные документы. В ней была установлена общегосударственная налоговая система. В условиях империи подверглись унификации и меры веса, длины и емкости. В ней была установлена единая денежная система. Выражением единства империи и взаимосвязи всех ее частей стали имперские дороги.

Образование «мировых империй» оказало существенное влияние на общественную психологию. В условиях нарушения привычных связей формировалась идеология космополитизма. Космополиты считали себя гражданами мира, отмечали свою сопричастность тому, что происходит в этом мире.

Завоевания оказывали существенное воздействие не только на уровне государственных образова-

ний, но и на уровне индивидов и социальных групп. В ходе завоеваний происходило размещение военных гарнизонов на оккупированных территориях. Если в начальный период завоеватели и местные жители существовали обособленно друг от друга, их взаимоотношения были проникнуты ненавистью и враждой, то в дальнейшем, благодаря установлению контактов прежде всего в экономической сфере, обе стороны начинали проявлять все большую терпимость по отношению друг к другу. С одной стороны, местное население стало все чаще привлекаться к снабжению военных, а с другой — военные несли не только свою службу, но и участвовали в хозяйственной жизни, работали на строительстве укреплений и дорог.

Главными центрами влияния завоевателей на местное население стали основанные ими города. В городах концентрировались наиболее зажиточные и влиятельные слои местного населения. Получение привилегий привлекало их на сторону завоевателей, открывало возможности для продвижения и карьеры, сближало с правящей иноземной верхушкой. В отличие от горожан, жители сельской местности были в значительно меньшей степени затронуты иностранным влиянием. Именно деревенские жители наиболее прочно сохраняли старый быт, устоявшиеся обычаи и нравы, нередко пытаясь с помощью мятежей противостоят завоевателям.

С целью основания новых городов и заселения пустующих земель завоеватели проводили как добровольные, так и принудительные массовые переселения. Переселения использовались и для того, чтобы сломить сопротивление, которое оказывалось оккупантам со стороны местных жителей. Такие переселения сопровождалось разрывом устоявшихся традиций, нарушением семейных и родовых связей, что приводило к разрушению прежних форм социальной идентичности.

В ходе распространения завоеваний происходило заимствование местным населением чужеземных стандартов, новых культурных образцов. Чтобы улучшить продажу своих изделий, местные специалисты начинали изготавливать их, ориентируясь на иноземный стандарт. В результате радиус распространения

¹ Профессор кафедры философии и политологии Санкт-Петербургского торгово-экономического института, доктор философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. учебных пособий: «Волны цивилизации», «Историческая антропология войны».

новой продукции значительно возрастал. Такие изделия пользовались спросом не только у ближайшей округи, но и в более отдаленных поселениях, а также в воинских частях.

Существенное влияние на местное население оказывала служба в армии завоевателей. Оказавшись в течение продолжительного срока в совершенно непривычной, новой для них среде, местные жители усваивали новый язык, вкусы, привычки, верования, проникались новой психологией, а отслужив свой срок и возвратившись домой, активно внедряли новый образ жизни и язык среди соотечественников.

Для управления оккупированной территорией завоеватели стремились сформировать определенную прослойку населения, которая поддерживала бы их политику. С этой целью в завоеванных областях устанавливалась новая административная система управления, для участия в которой привлекалась наиболее богатая местная знать. Эта прослойка быстрее других начинала перенимать иноземные имена, поклоняться чужим богам, усваивать вкусы, обычаи и традиции завоевателей.

Политическое господство завоевателей создавало особо благоприятные условия для распространения чужеземного языка. Язык завоевателей стал языком администрации, религии, торговли; он начал использоваться в межплеменных и межэтнических контактах. Поскольку, согласно представлениям той эпохи, боги победителей обладали большим могуществом, чем боги побежденных, местное население стало переходить под их покровительство.

Успех завоевателей определялся не только военной победой, но и тем, какую политику проводили победители по отношению к побежденным.

Другой исторической формой глобализации стала колонизация. Колонизация представляет собой процесс основания поселений и хозяйственного освоения новых земель. Не случайно термин «колонизация» имеет значения «хозяйство», «земельное владение», «поселение». Несмотря на то что колонию отделяло от метрополии большое расстояние, их жители оставались близки, тесно связаны друг с другом. Колония воспроизводила социальную структуру метрополии. Однако совершенно иную картину мы наблюдаем по отношению к местному населению. Хотя колонисты и местное население жили почти рядом, их разделяла значительная социальная дистанция.

Волны колонизации возникали и распространялись не только во времена Античности, но и в Средние века, однако ни по своему масштабу, ни по своим последствиям они не могут сравниться с волной колонизации, которая зародилась в преддверии капитализма в Западной Европе и распространение которой по планете привело к радикальному изменению прежних форм социального бытия.

Великие географические открытия стали существенной предпосылкой европейской колонизации. Они ознаменовали радикальное изменение положения Европы, продолжительное время оставшейся на периферии евразийского мира. В результате Ев-

ропа стала перекрестком, местом встречи самых разнообразных инноваций.

В ходе колонизации местное население довольно быстро перенимало предметы материальной культуры колонистов, особенно их одежду и орудия труда. Под влиянием переселенцев аборигены стали использовать завезенные из Европы металлические инструменты, огнестрельное оружие, новые сельскохозяйственные культуры. Причем европейское влияние распространялось не только через ввоз товаров. Работая у колонистов, нуждавшихся в рабочих руках, аборигены быстро овладевали новыми техническими приемами и навыками работы.

Заимствуя европейские орудия производства и технологические приемы, местное население, однако, активно сопротивлялось проникновению новаций в свою духовную культуру. Из-за такого сопротивления изменения в их духовной культуре произошли гораздо позднее, чем в материальной.

Волна колонизации несла с собой не только достижения европейской цивилизации. Вместе с колонистами из Европы распространялись специфические заболевания, вызывавшие массовое вымирание лишенных соответствующего иммунитета аборигенов. Местное население также не выдерживало непривычных форм организации труда — тяжелых принудительных работ.

Еще одной исторической формой глобализации выступает международная торговля. По сравнению с предшествующим обменом торговля связана с радикальным изменением организации социального пространства. С переходом к цивилизации беспорядочные маршрутные перемещения предметов обмена сменяются преимущественно радиальным передвижением товаров, основанном на постоянно функционирующем центральном месте.

Первые межцивилизационные контакты носили, как правило, непрямой, эпизодический характер. Однако установление регулярной торговли обеспечило сближение и непрерывное взаимодействие первых цивилизаций Индии, Средиземноморья и Ближнего Востока. Вместе с ростом масштаба торговли происходило расширение данной системы. После того как установились регулярные морские перевозки, передвижение по Великому шелковому пути, даже далекий Китай стал составной частью этой системы. Конечно, такая система еще не была глобальной, и связи между ее элементами были довольно слабыми. Тем не менее, зародившись на Ближнем Востоке, она распространилась и охватила все цивилизации Старого Света. Таким образом, торговля сыграла важную роль в интеграции человечества; обеспечивая циркуляцию продуктов материальной и духовной деятельности, она дала возможность установить в пространстве и во времени необходимые связи и отношения между первыми цивилизациями, способствовала объединению их в мировую систему.

Основными субъектами современной международной торговли, крупнейшими ее организаторами выступают транснациональные корпорации. Такие корпорации представляют главные каналы, по которым новации из центра распространяются на пе-

рифирию. Именно транснациональные корпорации позволяют наиболее эффективно перемещать товары и капитал через национальные границы, проникать на внешние рынки, минуя таможенные барьеры.

Не ограничиваясь рамками национальных государств, деятельность транснациональных корпораций выходит за их границы и носит по существу пла-

нетарный характер. Базирующиеся в разных странах филиалы таких корпораций, с одной стороны, удалены друг от друга в пространстве, разделены, как правило, большими расстояниями, а с другой — выступают как составные части единого организма, осуществляющего, благодаря современным средствам коммуникации свою деятельность, в глобальном масштабе.

И. В. Палагута¹

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Понятие «культурного наследия» занимает важное место в целом спектре гуманитарных дисциплин, включающем историю, археологию, этнологию, культурную и социальную антропологию. Проблема передачи и сохранения культурного наследия особенно актуальна в современный период глобализации экономики, отмеченный активным взаимодействием различных по характеру культур и цивилизаций.

Разработка вопросов, связанных с изучением ритмов культурогенеза, механизмов передачи и сохранения культурного наследия, в последние годы играла важную роль в работах крупнейшего в России специалиста в области восточной археологии В. М. Массона (1929–2010). Культурное наследие понималось В. М. Массоном с точки зрения блока культурных адаптаций населения, форм материальной и духовной культуры, складывающихся в рамках определенных ландшафтов, и сохраняющегося, несмотря на смену антропологического состава населения и языка. Ритмы культурогенеза рассматривались В. М. Массоном на примере Центральной Азии, где древнейший пласт культурного наследия представлен раннеземледельческими культурами VI–III тыс. до н. э., на базе которых формируется городская цивилизация [2–5]. Опыт подобных разработок применим и для изучения культурогенеза европейских народов.

Начало земледельческого освоения Европы относится к VII–VI тыс. до н. э. По своему происхождению комплекс земледельческо-скотоводческой экономики ранних земледельцев Европы связан с ближневосточным центром становления производящего хозяйства, что подтверждается общим набором культурных растений и домашних животных, параллелями в орудийном комплексе, сходством форм пластики, возникновением гончарного ремесла. Формирование ареала европейского раннеземледельческого расселения происходило за счет волн миграций из Балканского региона и аккультурации местных охотников и собирателей [7].

Раннеземледельческий ареал охватывал Балканы и Карпаты, лесостепную зону Восточной Евро-

пы, зону широколиственных лесов Центральной и Западной Европы. Культурное единство населения — «обществ балканского типа» (по В. М. Массону) — в рамках этой огромной по площади территории было основано не только на близости форм производящей экономики, но и на общности духовной культуры. Это отразилось в характерных приемах домостроительства и организации поселений, в распространении керамики с криволинейным спиральным и геометрическим орнаментом, выполненным красками или красками в сочетании с рельефным декором (отчего эти культуры еще в конце XIX века получили наименование «культур крашеной керамики»). Кроме того, на этой обширной территории прослеживается и сходство форм пластики, особенностей моделировки фигурок и их деталей, распространение изображений одних и тех же персонажей в пределах не одной, а нескольких археологических культур, а также широкая практика использования наборов статуэток вместе с моделями жилищ, зооморфными фигурками. Это напрямую указывает на общность менталитета древнейших европейских земледельческих сообществ.

На базе этого культурного континуума в позднем неолите — энеолите, формируются и отдельные культурно-географические ареалы. Уже в эпохи неолита и энеолита достаточно четко определяется специфика: 1) балканского региона; 2) примыкающего к нему массива Карпат; 3) Центральной Европы — Дунайского бассейна; 4) периферийных зон континентальной части Западной Европы (юг современных Польши, Германии, северо-восток Франции); 5) области Юга Восточной Европы, одной из особенностей которого стали контакты с носителями степных скотоводческих культур (модели культурогенеза в этом регионе, в частности, стали предметом ряда разработок В. М. Массона [2]).

Специфика этих регионов определяется доминированием той или иной модели расселения (стабильно-оседлой или подвижной, с группировкой поселений по иерархической модели, либо с образованием цепочек последовательных памятников), особенностями архитектуры жилищ, зависимой от экологических условий и доступности строительных материалов (с широким применением камня в домостроительстве, как в Греции, глинобитными домами с большим или меньшим использованием дерева, как

¹ Доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Искусство Древней Европы: эпоха ранних земледельцев (VII–III тыс. до н. э.)» и др.

в Центральной и Восточной Европе). Взаимосвязь локальных культур и межрегиональные связи поддерживаются складывающейся в энеолите системой обмена металлом, поступающим из ограниченных источников сырья на Балканах и в Карпатах. С другой стороны, сохранение и поддержание этих связей происходит и на уровне духовной культуры, что подтверждается сопоставлением принципов построения орнаментальных композиций и надкультурным распространением форм и образов пластики (обзор материала см.: [6]).

Коллапс и разрушение этой системы европейских взаимосвязей на рубеже энеолита и бронзового века в III тыс. до н. э. (в чем значительную роль сыграли и изменения природной среды, и соответствующие трансформации способов хозяйствования, и прогресс технологий, среди которых наиболее важным, наряду с появлением бронзовых сплавов, является распространение колесного транспорта), привел к существенным изменениям в материальной и духовной культуре населения Европы, в его антропологическом и этническом составе.

Однако, несмотря на это, сложившееся еще в неолите-энеолите культурно-географическое районирование сохранилось и на протяжении последующих этапов развития европейской культуры, несмотря на смены населения и языков, изменения границ обозначенных зон (в соответствии с развитием технологий, миграциями населения и климатическими циклами). Так, в области сформировавшейся на Балканах зоны стабильного расселения с доминантами — многослойными телями — впоследствии складывается эгейская цивилизация и наследующая ей античная. В области Дунайского бассейна и областей к северу от Альп впоследствии формируются гальштатская и латенская культуры, позже — мир германского «Барбарикума». Восточноевропейский земледельческий регион, с его относительно подвижным расселением, создает модель для последующего складывания пространств культур бронзового века, земледельческого населения европейской Скифии и Готии. Границы его в середине I тыс. н. э. расширяются за счет славянского расселения в лесной зоне.

Необходимо отметить, что в данном построении, основанном на понимании культуры как набора адаптаций человеческих коллективов к условиям окружающей природной и социальной среды [1], проводить прямые параллели и искать исторические корни современных народов непосредственно среди носителей конкретных археологических культур неолита-энеолита (как это делают некоторые националистически окрашенные авторы) — нет смысла. Утверждения о континуитете населения здесь беспочвенны. Но вместе с тем можно утверждать, что культура Европы базируется на общем наследии, обозначившемся в экономико-географической специфике ее регионов и, вместе с тем, в тесной взаимосвязи ареалов европейских культур, начиная с раннеземледельческой эпохи. На этом основывается и представление о единстве населения, объединенного единым культурным пространством и культурным наследием, пространством единой Европейской цивилизации, к которому принадлежит не только Центральная и Западная Европа, но и современная Россия.

Литература

1. Кожин П. М. Этнокультурные контакты населения Европы в энеолите — раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток, 2007.
2. Массон В. М. Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб., 2000. С. 135–166.
3. Массон В. М. Перспективы методологических разработок в исторической науке. (Формации, цивилизации, культурное наследие). СПб., 2004.
4. Массон В. М. Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб., 2006.
5. Массон В. М. Культурогенез Центральной Азии: три эпохи развития и взаимодействия // Диалог цивилизаций. № 7. Культурно-цивилизационные мосты и современность. Бишкек, 2007. С. 5–8.
6. Палагута И. В. Искусство Древней Европы: Эпоха ранних земледельцев (VII–III тыс. до н. э.): учеб. пособие. СПб., 2007.
7. Price D. (ed.) Europe's First Farmers. Cambridge, 2000.

Р. А. Урицкая¹

ПРОЕКТ «ЕВРОПА»: 400 ЛЕТ ИСТОРИИ (1610–2010)

Европа как цивилизационное понятие родилась на обломках Римской империи в форме суверенных национальных государств, объединенных общей христианской религией. Данный исторический контекст предопределил дальнейшее развитие европейской цивилизации по двум параллельным направлениям: стремлению к укреплению национальной государственности и борьбе за сохранение национально-культурной идентичности и в то же время стремлению к универсальности европейской цивилизации, определенной унификации специфически европейских ценностных установок.

Дважды в своей истории европейская цивилизация, цементирующим началом которой является христианство, подвергалась серьезным испытаниям. Сначала Великий раскол 1054 года разделил Европу на византийско-православную и римско-католическую. Затем религиозные войны, столкнувшие католиков и протестантов, взорвали изнутри римско-католический мир.

Именно это событие послужило первым импульсом к рождению идеи объединения Европы на основе

¹ Заведующая кафедрой истории СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент.

создания конфедерации христианских государств. Идея принадлежала Максимилиану Сюлли, министру Генриха IV Наваррского. После убийства в 1610 году его короля, он полностью посвятил себя проекту «Европа», предположившему осуждение военной агрессии, формирование международного суда и единой европейской армии.

С тех пор после каждого серьезного конфликта в воздухе всякий раз начинала витать мысль о достижении мира в Европе путем ее объединения.

На III Международном конгрессе 1849 года в Париже, после череды либеральных и национально-освободительных движений, потрясавших Францию, Германию, Италию и Австро-Венгрию годом ранее, Виктор Гюго впервые употребил термин «Соединенные Штаты Европы». В своей блистательной речи он заявил: «Наступит день, когда вы, Франция, Россия, Италия, Англия, Германия, все нации континента, объединитесь и достигните европейского братства... Наступит день, когда единственными полями сражения будут рынки, открытые для торговли, и умы, открытые для идей»¹.

После Первой мировой войны лидеры европейских государств, озабоченные сохранением мира на их континенте, также ставили этот процесс в прямую зависимость от объединения Европы.

В 1925 году на конференции в Локарно (Швейцария) министры иностранных дел Франции и Германии пересмотрели Версальский договор, — за что оба впоследствии удостоились Нобелевской премии мира, — и «взяли курс» на сближение их стран, объявив этот факт началом Соединенных Штатов Европы.

Их выступление предшествовало появлению в 1923 году книги «Пан-Европа» графа Ричарда Куденхов-Калерги, австрийского дипломата, основателя Паневропейского союза (1923), ставшего предтечей Совета Европы (1949).

Паневропейский проект предусматривал создание благоприятных условий для сохранения «вечного» мира в Европе. По идее авторов, путь к нему лежал через *отрицание национализма и развитие европейской цивилизации*.

В конце концов, такой мегаконфликт, как Вторая мировая война, породил геополитическую мегаструктуру, основанную на единых правовых, политических и экономических принципах, — Евросоюз.

Видя необходимость объединения на фоне противостояния двух сверхдержав — СССР и США, — 25 марта 1957 года, шесть государств — Франция, ФРГ, Бельгия, Нидерланды, Люксембург и Италия — сформировали Европейское экономическое сообщество (ЕЭС).

Сообщество, в свою очередь, переросло в Евросоюз (ЕС), рождение которого состоялось 7 февраля 1992 года, когда страны — члены ЕЭС подписали Маастрихтское соглашение.

Именно с этого момента и началась глобализация всей европейской жизни. В установленные сроки предполагалось принять единую валюту, единое

(общеевропейское) гражданство и общую конституцию.

Европейская конституция, по мнению ее авторов, должна была способствовать появлению *общеевропейского самосознания* и сделать ЕС моделью нового миропорядка.

Однако после нескольких веков вынашивания идеи *общеевропейского единства* выяснилось, что в половине стран ЕС ему имеется сильная оппозиция. Сформировав единые финансово-экономическое, технологическое и информационное пространства, европейцы задались вопросами: не приведет ли конституция к созданию Соединенных Штатов Европы наподобие США; не становится ли ЕС государством, второй Римской империей; подтверждает ли конституция, что Европа — это сообщество многих национальных государств?

В 2004 году принятие Европейской конституции было провалено. Противниками глобальной Европы выступили Дания, Великобритания, Польша, Нидерланды и Франция. Как писала пресса, в Европе произошло «геополитическое землетрясение»: против принятия евроконституции проголосовали 54,87 % французов, в то время как именно Франция стояла у истоков объединения Европы.

В мае 2005 года газета *Le Figaro* отмечала: «Французы оказались в Европе, которую они не понимают». Новую Европу не поняли и другие народы, ее населяющие. Универсальные, общеевропейские ценности, которые должны были сementировать фундамент Евросоюза, заставили европейцев увидеть в этом угрозу своей национальной идентичности.

В странах Восточной Европы, вступивших или готовившихся к вступлению в ЕС, резко усилились националистические тенденции.

В Польше в 2005 году партия братьев-близнецов Леха и Ярослава Качиньских «Право и стабильность» образовала правящую коалицию вместе с националистической «Самообороной» и ультраправой католической «Лигой польских семей».

В Болгарии лидер ультранационалистической партии «Атака» Волен Сидеров вышел во второй тур президентских выборов в 2006 году.

В Бухаресте глава партии «Ромыния Маре» Корнелиу Вадим Тудор требовал возвращения его страны к границам, в которых она существовала до Второй мировой войны, и призывал к объединению Румынии, Молдовы и Приднестровья.

О «Великой Венгрии» мечтал и лидер правоконсервативной партии ФИДЕС Виктор Орбан.

У «старых европейцев» вызывало и вызывает серьезную озабоченность изменение национального состава их государств. В странах Евросоюза от 7 до 10 % граждан в возрасте старше 18 лет родились за границей. В связи с этим *толерантность*, продекларированная Европейской Конвенцией по правам человека и гарантируемая евроконституцией в отношении любых меньшинств, — культурных, религиозных, языковых, — вызывает у европейцев страх «раствориться» в их среде.

Причины неготовности европейцев жить в общем доме, строительство которого ими ведется уже 400 лет, частично кроются в том, что долгие годы

¹ Цит. по: *Goulard S. L'Europe pour les nuls. P., 2007. С. 27–28* (перевод с фр. автора).

вопросы культуры в ЕЭС занимали второстепенное место, а приоритет экономики над всеми другими сферами был неоспорим и очевиден.

Один из идеологов и инициаторов объединенной Европы Жан Монне считал, что если бы предстояло вновь переосмыслить весь европейский интеграционный процесс, то он посоветовал бы начать с культуры, а не с «угля и стали»¹.

Только 2 апреля 1998 года в Резолюции совещания министров культуры по использованию культурной политики в целях развития были намечены принципы культурной политики Евросоюза.

20 октября 2005 года ЮНЕСКО приняла Конвенцию по защите и расширению культурного разнообразия.

Лиссабонский договор 2007 года, заменивший собой евроконституцию, предполагает, что культурная политика останется в границах компетенции стран-членов при дополнительных функциях со стороны ЕС. При этом идеи культурной толерантности и мультикультурализма как особой практики и политики бесконфликтного сосуществования в одном национально-государственном пространстве множества разнородных культурных групп приобретают все больше приверженцев.

Еврокомиссия провозгласила 2008 год Европейским годом межкультурного диалога. Тем не менее диалог между культурами является одним из самых сложных основных культурных и политических вопросов в ЕС.

П. Н. Хмылев²

АЛЬФРЕД ХЕЙЗ И ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЯ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

В наше время особую актуальность приобретает изучение всемирной истории. Глобализация умножает мировые явления и процессы, без изучения которых трудно понять настоящее, корнями восходящее к прошлому. Исторический процесс столь сложен и многообразен, что без четкого определения того, что такое всемирная история как теоретическое понятие, трудно разобраться в бесчисленных фактах и произвести из них выборку, необходимую для построения всемирной исторической картины.

С целью выяснения содержания понятия «всемирно-историческое» обратимся к работе немецкого историка Альфреда Хейза «К теории всемирной истории»³, которая поможет понять существующие проблемы и пути их решения. Этот автор с самого начала четко ставит проблему понимания всемирной истории. По его словам, в древние времена человеческий род обладал гомогенностью в масштабе всей планеты, и всеобщность его лежала открыто, что создавало определенную «всемирность» и возможность целостной трактовки истории. Однако в дальнейшем человечество многократно расщепилось, отдельные его части индивидуализировались, и прежняя «всемирность» утратила свой вес. Она потеряла свое конкретное содержание, поскольку начался процесс дифференциации и индивидуализации людей. Вместо прежнего единства появились отдельные народы, индивидуальные исторические явления и образования, и история прочно была связана с признанием индивидуального. В этой новой ситуации «на

горизонте частичного, — считает Хейз, — дело никогда не может идти о целостной, но только об относительной всемирности»⁴. Отсюда следует вывод: «Что, пожалуй, остается себе представить — это огромную сумму многих отдельных историй, не служащую в дальнейшем имени всемирной истории, поскольку с одной стороны предполагается “единство” субъекта, но с другой — это-то как раз и не может быть достигнуто в простом сложении»⁵.

Хейз напрасно полностью отрицает «суммирование отдельных историй» в качестве одного из значений всемирно-исторического. При всем разнообразии порядков люди остаются людьми, поскольку, как отметил еще Августин, Бог сотворил их по своему образу и подобию. Суммирование широко используется в новостных обзорах СМИ, а в 1930-е годы была издана книга «День мира» (под редакцией А. М. Горького), заполненная суммой исторических явлений.

Однако Хейз прав в том, что касается исторической науки, изучающей всемирную историю на более глубокой основе. Для историка главная проблема создания всемирной истории — это большое разнообразие исторического материала. Как предлагает выходить из этой трудной ситуации Хейз? Он предлагает три возможных варианта построения всемирной истории и соответственно три значения понятия «всемирность». Во-первых, он считает, «что с XIX столетия существует мировая политика в строгом смысле слова и что с этих пор политически происходящее на глобусе сростается в один действующий комплекс. Другими словами, с некоторых поколений в плюралистическую историю мира проникает глобальная история в том смысле, что определенные ситуации и события удается понять только во взаимосвязи, которая касается всей Земли, известных значимых повсюду норм»⁶. Подобные идеи, высказанные в 1960-е годы, способствовали

¹ 9 мая 1950 года французский министр иностранных дел Роберт Шуман предложил объединить две базовые отрасли военной промышленности (угольную и сталелитейную) и доверить управление ими общеевропейской организации для предотвращения возможности разжигания новой войны в Европе. Так, 27 мая 1952 года было подписано соглашение о создании Европейского объединения угля и стали, положившего начало ЕЭС.

² Профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам философии.

³ Heuß A. Theorie der Weltgeschichte. Berlin, 1968.

⁴ Heuß A. Op. cit. S. 1, 16.

⁵ Ibid. S. 2.

⁶ Ibid. S. 22.

формированию понятия «глобализация», а как методологический подход ориентировали на изучение того, как формировались реальные связи между странами и народами. Этот методологический подход сегодня является основным в исследовании всемирной истории, призванным осветить родословную глобального мира.

Во-вторых, «всемирная история, — пишет Хейз, — поскольку она существует, может быть историей только в одном известном аспекте...»¹ Иными словами, она возможна как выделенный аспект из целостных конкретных индивидуальных историй, например истории нравов, медицины, техники, колониальных завоеваний и т. п. Такое значение понятия «всемирность» вполне правомерно и давно используется в литературе. Однако Хейз противопоставляет это значение другому — общей целостной всемирной истории. «Нет “истории всего”, всеохватывающей, и ее не может быть, — утверждает Хейз, — потому что принцип повсеместности, в соответствии с которым она получила бы свой порядок, немислим. Интегрирующая история, в которой все находилось бы в объединении и сцеплении, что дают современные “специальные истории”, есть логическая невозможность и потому практически непредставима»². Единство исторического развития, как видим, понимается весьма ограниченно, оно признается только в отдельных аспектах. И странно было бы его отрицать при признании мировой политики и растущих взаимовлияниях стран. Внутреннее же единство и поступательность исторического развития отрицаются.

На базе этой идеи Хейз дает третье значение понятия всемирной истории. Он делает это, обращаясь к учению М. Вебера об идеальных типах. Именно идеальные типы, являющиеся мыслительными конструкциями, «могут претендовать на повсеместность во времени и пространстве»³ и позволяют достичь того, «что многие отдельные феномены в своей структуре не столь изолированы, что они не могут быть взяты вместе и выявить конвергенцию между теми и этими»⁴.

Далее дается развернутая формулировка того, что следует понимать в этом смысле под всемирной историей. Хейз пишет: «Многие явления позволяют

себя очень эластично центрировать вокруг определенных идеальных типов. Известные образования и устройства, очевидно, повторяются все снова в специальных формах, хотя никогда так, чтобы получились совершенно тождественные феномены, но все же всегда указывая на то, что всемирный репертуар исторического человечества всегда обозрим в основных формах политико-социальной организации и ограничен, а навязанная ему множественность исторического мира явлений опирается в первую очередь на бесконечную вариабельность его основных элементов. Мы должны иметь дело с одним известным постоянством мира в первичных исторических возможностях форм на глобусе, и это мировое постоянство постижимо в его больших единствах»⁵.

Здесь делается дальнейший шаг в признании единства исторического мира, говорится об «основных формах политико-социальной организации», «основных элементах» и «известном постоянстве мира в первичных исторических формах». Иными словами, признается наличие внутренних единых общих свойств исторического мира. Однако эти свойства не образуют единого поступательного исторического процесса. Выявляющий их «идеальный тип не дает предмет всемирной истории, но дает относительный пункт для него. Он берет историю мира не как материальный объект, но позволяет понять ее в модальностях»⁶. Исторические явления и образования мирового уровня остаются индивидуальными.

Что же мешает Хейзу признать внутреннее единство и прогрессивную направленность мирового исторического процесса? Видимо, он не может преодолеть неокантианскую идею индивидуальности исторических явлений. У него есть лишь намеки, но нет четкой постановки вопроса о субъекте мировой истории, которым является социальное устройство государства, социально-исторический организм, базирующийся на технико-экономической основе. Сравнение существенных свойств социально-исторических организмов позволяет увидеть их общие черты, включающие специальность. Это дает надежную основу для упорядочения множественности исторических явлений в концепции всемирной истории и ее эпох.

¹ Heuß A. Op. cit. S. 16.

² Ibid. S. 30.

³ Ibid. S. 73.

⁴ Ibid. S. 73–74.

⁵ Heuß A. Op. cit. S. 73–74.

⁶ Ibid. S. 79.

Секция 8

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

14 мая 2010 г., СПбГУП

Руководители секции:

- В. Н. ВАСИЛЬЕВ** — председатель Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга, ректор Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики (технический университет), доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. В. МИКЛУШЕВСКИЙ** — заместитель министра образования и науки РФ, доктор технических наук, профессор
- Н. Д. НИКАНДРОВ** — президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор

В. И. Адишев¹

ВЫСШЕЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И ЕВРОПЕ: РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Важной особенностью современного мирового развития является глобализация — это всепроникающий процесс, который происходит не только в политике, экономике, коммуникациях, но и в культуре, образовании, в том числе музыкальном.

Отечественная высшая музыкальная школа всегда была открыта миру — взаимодействовала, вела диалог, выстраивала партнерские отношения с музыкальными организациями, учебными заведениями, отдельными мастерами искусств многих зарубежных стран. Глобализационные процессы новейшего времени актуализировали в российской вузовской среде проблему международного сотрудничества. Это сотрудничество в большинстве отечественных высших музыкальных учебных заведений стало рассматриваться как одно из приоритетных направлений их деятельности, фактор инновационного развития.

В данной деятельности появилось немало нового, в том числе на организационном уровне. В целом ряде музыкальных вузов России были созданы международные отделы, введена должность проректора по международному сотрудничеству, разработаны

концепции международной деятельности, подготовлены соответствующие программы и планы. Вопросы международных коммуникаций, академической мобильности преподавателей и студентов включены в число аккредитационных показателей работы вузов, подвергаемых оценке в ходе комплексного анализа их деятельности.

Глобализационные процессы с их направленностью на сближение, интеграцию привели к тому, что в последнее десятилетие взаимодействие между российскими и европейскими музыкальными вузами заметно расширилось и обогатилось. Это взаимодействие в настоящее время осуществляется по нескольким направлениям: а) интенсивный обмен информацией по различным аспектам высшего музыкального и музыкально-педагогического образования (через специальные многоязычные интернет-сайты); б) проведение разного рода международных творческих акций (музыкальных конкурсов, фестивалей, постановки спектаклей, создание интернациональных студенческих музыкальных коллективов — оркестров, ансамблей, хоров); в) организация различных форм сотрудничества в сфере преподавания и обучения (обмен студентами и профессорами, проведение мастер-классов, творческих мастерских и др.).

Российские музыкальные вузы стали активно включаться в деятельность международных музыкальных обществ и организаций — Международного музыкального совета, Международного общества по музыкальному образованию, Европейского музыкального совета. Особо значимо для отечественных музыкантов участие в деятельности Европейской ас-

¹ Декан факультета музыки, заведующий кафедрой музыковедения и музыкальной педагогики Пермского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор. Автор книг: «Музыка в женских институтах России конца XIX — начала XX века (теория и практика образования)», «Теоретические основы музыкального образования в школе: исторический аспект», «Историография и источниковедение музыкального образования в отечественных школах закрытого типа (80-е годы XIX — начало XXI в.)», «Музыкальное образование в женских институтах и кадетских корпусах России второй половины XIX — начала XX века: теория концепции, практика» и др.

социации консерваторий. Ассоциация проводит плодотворную и разноплановую аналитическую работу, в том числе собирает и анализирует сведения о различных звеньях музыкального образования (общего, дополнительного, профессионального) в странах европейского континента, подготавливает и осуществляет международные исследовательские проекты по актуальным музыкально-педагогическим проблемам. Один из таких проектов, реализованных в последнее время, посвящен изучению влияния Болонской декларации на профессиональное музыкальное образование в различных европейских странах, выработке общих подходов к реализации положений этого документа в европейском музыкально-образовательном пространстве. Полученные в ходе исследования результаты представляют существенную ценность для отечественной высшей музыкальной школы, также включившейся в Болонский процесс и начавшей подготовку бакалавров и магистров музыкального образования.

Эффективной формой российско-европейского сотрудничества является диалог, который ведется на научных мероприятиях разного уровня: конгрессах, конференциях, симпозиумах. В последние годы российские вузы искусств, музыкальные факультеты педагогических университетов инициировали и провели целый ряд таких научных форумов. Особенно содержательной и конструктивной была работа трех международных научных конференций, проведенных в 2005–2007 годах Санкт-Петербургской государственной консерваторией им. Н. А. Римского-Корсакова, в которых приняли участие ученые, музыкальные деятели, педагоги из 25 стран Европы, других континентов и более сорока городов России.

Материалы петербургских и других международных форумов дают основание для констатации следующих положений. Международное музыкальное образовательное сообщество осознает, что современный мир стремительно меняется. В преобразованиях, интеграции нуждается и высшая музыкальная школа, в том числе потому, что в глобализирующемся мире российское и европейское высшее музыкальное образование столкнулось с одинаковыми вызовами и проблемами (падение престижа профессии музыканта и музыкального педагога; снижение конкурса в музыкальные вузы и качест-

ва подготовки абитуриентов; сложности с трудоустройством; снижение уровня государственной заинтересованности в академической музыке и академическом музыкальном образовании; засилье массовой музыкальной культуры и др.). В этой ситуации чрезвычайно полезен взаимообогащающий диалог, обмен опытом, межкультурное взаимодействие, приводящие к совместному решению общих проблем и рисков, выработке новых ценностных ориентиров и стратегий развития высшего музыкального образования в России и европейских странах. При этом участники конференций отмечают необходимость равноправного диалога, исключаящее одностороннее воздействие одной культуры на другую.

Российские и зарубежные деятели искусств, ученые солидарны в том, что процесс сближения, интеграции в профессиональном музыкальном образовании не должен приводить к разрушению исторически сложившейся в каждой стране музыкально-образовательной системы. В ходе модернизации национальных школ в русле выработанных европейским сообществом общих подходов (сформулированных в том числе и в Болонской декларации) следует сохранять характерные для этих школ самобытность, специфику, традиции. Говоря о российском высшем музыкальном образовании, участники международных научных форумов признают его высокий уровень и престиж в мире, отмечают важность сохранения и развития присущих этому образованию качеств, таких как фундаментальность, практическая направленность, преемственность с предшествующими вузу ступенями музыкального образования.

На международных конференциях неоднократно высказывалась мысль о том, что в современной эпоху, когда мир находится в состоянии ценностного разлома, важно выбрать такое движение общественного развития (в том числе в образовательной области), которое было бы направлено от идеалов потребления и массовой культуры к системе ценностей, провозглашающих первенство духовной и интеллектуальной сфер. В утверждении этих ценностей видится важнейшая миссия современного высшего отечественного и зарубежного музыкального образования, проходящего очередной этап своего развития в условиях глобализации.

Т. Н. Балобанова¹

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Современная экономическая ситуация требует активного интегрирования России в международные экономические, политические и образо-

¹ Доцент кафедры педагогических технологий в профессиональном образовании Ленинградского областного института развития образования (Пушкин), кандидат педагогических наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам воспитания учащихся.

вательные структуры, новых подходов в области профессионального образования и определяет новый качественный уровень профессионального и личностного самоопределения. Глобализация предъявляет чрезвычайно высокие требования к конкурентоспособности нашей экономики. Сегодня конкурентоспособность страны — одна из са-

мых влиятельных концепций в глобальной экономике и политике, поскольку охватывает не только экономические показатели, но и оценивает важнейшие не экономические явления.

В глобальном экономическом пространстве невозможно существовать без современной системы образования, которая реализует образовательные программы высокого качества, характеризующиеся доступностью и эффективностью. Происходящее в настоящее время в России реформирование системы профориентации как раз и вызвано изменениями социально-экономического характера и модернизацией рынка труда. Профессии быстро устаревают, требования к квалификации работника неуклонно растут. В такой ситуации человеку необходимо постоянно профессионально расти, совершенствоваться имеющиеся у него умения и навыки и осваивать новые; в связи с этим и происходит переосмысление организации профориентационной деятельности.

Задача сегодняшнего дня — помочь учащимся не только выбрать профессию, но и научить их оценивать себя в контексте требований рынка труда с учетом процессов глобализации. Вследствие этого актуальность проблемы профориентации и профессионального самоопределения как общественной проблемы проявляется в необходимости преодоления существующих противоречий между объективными потребностями общества в сбалансированной структуре кадров и неадекватно этому сложившимися субъективными профессиональными устремлениями молодежи и их родителей.

Вопрос профессионального самоопределения исследовался в различных направлениях, в том числе и с позиций формирования готовности выпускника школы и ОУ НПО (СПО) к оптимальному и быстрому вхождению в социальные и производственные отношения. Различные аспекты самоопределения личности рассматривались в работах Е. А. Климова, К. Г. Кязимова, А. К. Марковой, В. А. Полякова, Н. С. Пряжниковой, М. С. Савиной, И. Д. Чечель, С. Н. Чистяковой и других ученых. Изучением развития профессионального самоопределения учащихся и студентов в учреждениях профессионального образования занимались Г. В. Безюлева, Л. В. Лезова, Е. Е. Пашохонова, С. В. Степашкин.

Анализ имеющейся по этой проблеме литературы показывает, что большинство исследований направлено на изучение факторов и условий выбора профессии, а также на сам процесс выбора: изучаются профессиональная направленность личности, склонности, намерения и т. п. Безусловно, данные аспекты важны, и их следует изучать. Однако эти работы в большей степени затрагивают социологический план проблемы и, как правило, ограничивают рассмотрение профессионального самоопределения анализом подготовки выпускников школы к выбору профессии. Но ведь процесс профессионального самоопределения не заканчивается выбором профессии. По замечанию Е. А. Климова, вопрос об уточнении выбора профессии время от времени возникает в течение всего активного периода жизни человека. Кроме того, результаты исследо-

ваний показывают, что многие выпускники средней школы выбирают профессию случайно, затрудняясь сколько-нибудь обоснованно мотивировать свой выбор. В то же время даже мотивированный выбор будущей профессии далеко не всегда гарантирует успешность профессионального самоопределения. Поэтому ограничиваться выявлением факторов самоопределения недостаточно. Это позволяет сделать вывод о необходимости разработки организационно-педагогических условий, способствующих успешному профессиональному самоопределению.

Проблема профориентации в условиях общеобразовательной и профессиональной школы на современном этапе ее развития требует обеспечения планомерного проведения, координации действий государственных и муниципальных органов, школы, семьи, общественности и других социальных институтов, участвующих в ее решении, разграничения функций между ними, непрерывного и своевременного решения научных и организационных вопросов. Таким образом, возникает вопрос о координации и управлении организацией профориентационной работы и процессом профессионального самоопределения, причем особенно важно управление, которое включает подготовку и принятие решения относительно различных аспектов процесса профориентации, организацию практического осуществления решений, оперативное регулирование, контроль за реализацией решений, учет, подведение результатов, обработку и анализ управленческой информации, подбор, расстановку и обучение преподавателей, занимающихся вопросами профориентации. Это может быть и управление профессиональным просвещением школьника, развитием их интересов, склонностей в целях формирования профессиональной направленности.

Движущей силой управления профессиональной ориентацией выступает потребность личности в достижении заданной цели, то есть профессиональное самоопределение, соответствующее индивидуальным особенностям школьника и потребностям региона в кадрах. Нужно помнить, что профессиональное самоопределение личности предполагает, что она входит в сферу трудовой деятельности. Повышение эффективности профориентации требует определения научно обоснованных путей и условий ее управления, выявления принципов, функций, структуры, методов на основе личностно ориентированного подхода.

К основным функциям управления профориентацией относятся планирование, организация, координация, контроль, информационное обеспечение. Все перечисленные функции, действуя в единстве, направлены на осуществление профессионального самоопределения школьников.

Необходимо также предусмотреть несколько направлений научно-методической и организационной работы в сфере профориентационной работы, это могут быть:

— создание концепции управления профориентацией в условиях рыночных отношений и модер-

низации образования, профильного обучения учащихся;

— подготовка педагогических кадров, занимающихся непосредственно профориентационной деятельностью, перераспределение функциональных обязанностей школьных психологов, социальных педагогов, заместителей директоров учебных заведений по воспитательной работе, координаторов этой работы в муниципальных образованиях и органах властных структур;

— создание кабинетов профориентации и всей материальной базы этой работы, ее научно-методического сопровождения;

— издание необходимой литературы, программ, справочников, компьютеризация профориентационной работы;

— выстраивание вертикали и горизонтали профориентационной работы. Координация деятельности центров профориентации учебных заведений профессионального образования, профконсультантов, кадровых агентств, отделов кадров предприятий и организаций, подразделений федеральной службы занятости и др.;

— формирование общественного мнения о важности координации усилий всех социальных институтов по формированию будущего кадрового потенциала региона.

— создание рабочих групп, временных творческих коллективов, опытно-экспериментальных площадок по распространению передового профориентационного опыта.

Необходимо переосмыслить накопленный ранее большой опыт и не ждать, когда будут решены все проблемы (кадровые, организационные, материальные, методические и др.), а начинать работу по совершенствованию профориентационной работы немедленно, поэтапно.

Активизация позиции личности в выборе профессионального пути предполагает практическую деятельность по развитию профессионально важных качеств. Это требует серьезного методического обеспечения в виде различных программ, позволяющих удовлетворить разнообразные запросы личности по данному вопросу. Совершенствование методического обеспечения заключается, прежде всего, в создании компьютерных и аудиовизуальных систем профессиональной информации, разработке методов работы со средствами массовой информации, выпуске специальной печатной продукции, привлече-

нии предпринимателей для обеспечения стабильной занятости молодежи.

Процесс профессионального самоопределения охватывает длительный период жизни человека — от появления зачатков профессиональных интересов и склонностей в детском возрасте до окончательного утверждения в избранной сфере профессиональной деятельности в годы зрелости. На протяжении этого периода происходит не только собственно профессиональное, но и социальное, а вместе с тем и жизненное самоопределение личности. То есть по своему назначению система профориентации должна оказать существенное влияние на рациональное распределение трудовых ресурсов региона, выбор жизненного пути молодежью.

Литература

1. *Арефьев И.* Занимательная профориентация / И. Арефьев // Школа и производство. 1998. № 4. С. 79, 96.
2. *Арефьев И.* Методические разработки по разделу: отрасли общественного производства и профессиональное самоопределение / И. Арефьев // Школа и производство. 1998. № 1. С. 94.
3. *Арефьев И.* Профориентация учащихся в «Технологии» / И. Арефьев // Школа и производство. 2001. № 2. С. 76; № 3. С. 77; № 4. С. 73.
4. *Безюлева Г. В.* Психолого-педагогические обоснования профориентационной работы / Г. В. Безюлева // Профессиональное образование. 2004. № 5.
5. *Бурцева Т. Т.* Взаимодействие — залог успешной профориентационной работы / Т. Т. Бурцева // Школа и производство. 2002. № 3. С. 5.
6. *Водоватов Ф.* Готовность к профессии с дошкольного возраста / Ф. Водоватов // Народное образование. 1998. № 6. С. 176.
7. *Климов Е. А.* О принципиальных основах управления процессом профессионализации личности на этапе выбора профессии / Е. А. Климов // Тез. к XX Междунар. психол. конгр. М., 1972. С. 89–91.
8. *Пряжников Н. С.* Методы активизации профессионального и личностного самоопределения / Н. С. Пряжников. М., 2002. С. 392.
9. *Рыкова Е.* Профессиональная подготовка школьников: опыт и проблемы / Е. Рыкова // Школа и производство. 2004. № 1. С. 66.
10. *Сергушина О.* Формирование социально-профессионального самоопределения в условиях педагогической модели гражданского общества / О. Сергушина // Дополнительное образование. 2002. № 1. С. 49.

Г. А. Берулава¹,
М. Н. Берулава²

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследование развития личности в пространстве современной культуры невозможно без учета и понимания тех методологических изменений, которые произошли в связи с переходом нашего общества в статус информационного. Где и как сегодня должно происходить формирование культурного облика современного человека с учетом его существования в интеграционном поле самых различных культур?

Современность характеризуется сближением восточного и западного стилей мышления, образа и дискурса, действия и созерцания, человека и природы. Направление перехода к новому научному мировоззрению видится как переход к неклассической картине мира и соответственно образу мира исследователей, предполагающему переход от объектов к отношениям между ними, от детерминации к неопределенности и неоднозначности, от единственности к множественности интерпретаций, от тотальности к самоорганизации, толерантности, системному плюрализму. Новая научная парадигма основана на синтезе гуманитарного и естественно-научного типов мышления, рационального научного познания и культурного контекста.

Современная методология развития личности не может игнорировать революционные изменения в культурном контексте современного общества, определяемые новой информационной революцией, обусловленной массовым вхождением в жизнь человека Интернета — мировой информационной сети. Способ получения информации оказывает непосредственное влияние на психологические особенности личности, поскольку образует то культурное поле, в котором она существует, и это поле в настоящее время принципиально изменилось. Современная методология познания основывается на идеях

эволюции, историзма, вероятностного развития, бифуркации. Формируется новая познавательная парадигма, в которой различные типы рациональности не отрицают, а дополняют друг друга. Наиболее актуальной потребностью современной системы воспитания является создание инновационных технологий, разрабатываемых с современных методологических позиций.

Одной из важнейших причин отсутствия каких-либо позитивных изменений в современной практике воспитания является несоответствие между когнитивным стилем учащегося и стилем изложения информации в учебнике или учителем. Стиль мышления молодежи сегодня за счет постоянного общения с массмедиа — образно-эмоциональный, и именно на этом построена информация, подаваемая с помощью средств массовой информации. Мышление студентов все меньше тяготеет к абстрактным построениям. При этом усваивается прежде всего то, что имеет значимый эмоциональный градус. Все это идет вразрез с вербальным, декларативным стилем изложения учебной информации, что приводит к явлению когнитивного диссонанса. Таким образом, технологии предъявления информации, носящей культурно-воспитательный характер, сегодня не соответствуют стилю мышления современной молодежи, тенденция развития которого все больше противоречит вербальному, дизайнерскому, формально-логическим построениям учебника и педагога. Вступление в эпоху информационного общества разрушает сложившуюся эволюцию человеческого мышления. Массированное воздействие СМИ фактически закрывает человеку фазу размышления — важнейшую фазу формирования мыслительных структур.

Современный этап развития нашего общества подтверждает тезис о том, что воспитание молодежи гораздо важнее вооружения ее так называемыми знаниями, не опосредованными каким-либо нравственным стержнем. Вся история человечества является примером того, как образованные люди занимались порабощением и уничтожением других людей и целых государств. К сожалению, система образования сегодня очень далека от реалий современного общества. В частности, она не учитывает реальный социокультурный опыт, который ребенок, подросток получают в обществе. На телеэкране, в политике, в каждодневной жизни — всюду сегодня царят приоритеты, далекие от ценностей, которые проповедают педагоги.

Известно, что наиболее значимую роль в развитии личности играют образцы для подражания. Наиболее значимы в психологическом плане телевизионные образцы, модели поведения и общения, поскольку они всегда эмоционально насыщены. В связи с этим особенно важна роль телевидения в воспитании молодежи. Сегодня таким образом

¹ Член-корреспондент Российской академии образования, председатель Южного отделения РАО, директор Института образовательных технологий РАО, ректор Черноморской гуманитарной академии, доктор психологических наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Методологические основы деятельности практического психолога», «Методологические основы практической психологии», «Образ мира как мифологический символ», «Стиль индивидуальности: теория и практика», «Психодиагностика», «Диагностика и развитие мышления подростков», «Развитие естественно-научного мышления учащихся». Член Экспертного совета по психолого-педагогическим наукам Высшей аттестационной комиссии РФ и Совета по высшему образованию при Комитете Совета Федерации Федерального собрания РФ по образованию и науке.

² Академик Российской академии образования, ректор Университета РАО, доктор педагогических наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Гуманизация образования: проблемы и перспективы», «Основы экономики», «Теория и практика гуманизации образования», «Гуманизация образования: проблемы и перспективы», «Концепция работы современной школы в русле парадигмы гуманизации образования», «Теория и практика гуманизации образования» и др. Президент Фонда развития отечественного образования. Редактор журналов «Вестник Университета Российской академии образования» и «Гуманизация образования». Лауреат премии Правительства РФ в области образования, премии им. Сократа (Оксфорд, Великобритания).

цом для подражания является постоянно что-то жующий и пьющий, сексуально озабоченный субъект, цель жизни которого — выиграть миллион. В сфере его жизненных интересов отсутствует патриотизм, желание создать семью, вырастить детей, помочь другим людям, уважение к старикам, умение получать удовольствие не только от пива и жвачки, но и от общения с культурой — то есть от того, что делает человека человеком. К сожалению, современное телевидение ведет целенаправленную работу по разрушению в молодом человеке всего человеческого. Сегодня мы пожинаем плоды телевизионной антикультуры, которая активно формирует у молодых людей деструктивный социокультурный опыт.

Специфика современного этапа развития нашего общества обусловлена архиважной ролью средств массовой информации и Интернета в развитии личности детей, подростков, молодежи. Это принципиально новая ситуация, но, как нам кажется, система образования недостаточно гибко реагирует на эти изменения. Педагоги продолжают считать ее единственным источником информации для учащегося, однако в действительности этот источник в наши дни становится все менее значимым и привлекательным для подростка. Все большую роль в развитии юношества играет альтернативная информация, вступающая часто в антагонистическое противоречие с теми установками и информацией, которую предлагает учащемуся школа. Информация, поступающая из массмедиа, изначально является более значимой и приоритетной для молодого человека, а значит, ее влияние на его развитие очень велико.

Можно утверждать, что главным воспитателем являются средства массмедиа, которые в настоящее время формируют агрессивный, извращенный образ мира прежде всего у детей и подростков. Нормой начинают считать мир, где жизнь человека ничего не стоит, где нет любви и каких-либо человеческих интересов, а есть лишь физиологические потребности. Из наших массмедиа подросток никогда не узнает, что главное счастье человеку приносит возможность реализовать свое творческое начало, осознание того, что ты нужен окружающим. Вместо этого телевидение делает из нашей молодежи сексуально озабоченных, агрессивных и депрессивных людей. И молодые люди начинают жить в виртуальном мире, в котором они приучаются ненавидеть всех лиц другой национальности, интеллигентов, людей иной культуры, более успешных и богатых и вообще всех, у кого хоть что-нибудь лучше. Если градус этой агрессивности будет расти, то мы можем прийти к самым непредсказуемым последствиям.

Еще одной причиной отсутствия позитивной динамики в сфере воспитания культуры является то, что традиционные технологии делают ставку лишь на сферу рациона, однако психика человека активна и за счет сферы бессознательного. Именно данная сфера продуцирует всевозможные стереотипы общения и эмоционального реагирования. Ускорение темпа жизни, клиповость в подаче информации приводит человека к необходимости использования оперативных, унифицированных, упрощенных схем поведения, которые в значительной степени базиру-

ются на сфере бессознательного. Все больше специалистов в настоящее время акцентируют внимание на том, что фактически автоматическое, стереотипное поведение у людей превалирует, поскольку во многих случаях оно наиболее целесообразно, а иногда просто необходимо. Несмотря на то что существует неопределенное число возможных паттернов психической активности, каждая индивидуальность использует достаточно узкий диапазон таких персонафицированных схем. Как эти поведенческие паттерны влияют на культурный облик молодого человека, его отношение к другим культурам? Какие методы воздействия эффективны по отношению к учащимся с различными стереотипами поведения, какие коммуникативные и когнитивные стратегии надо корректировать, какие — микшировать, а какие — развивать и усиливать? Данная проблема является основополагающей на пути разработки новых технологий развития личности.

Современная молодежь в своей жизнедеятельности опирается не только на ту информацию, которую она получает в сфере образования, но и, прежде всего, на информацию, получаемую в сфере общения со сверстниками, в практической деятельности, в процессе общения с Интернетом и со средствами массовой информации. Не секрет, что последние оказывают на восприятие информации гораздо большее влияние, поскольку опосредованы более высоким уровнем мотивации (информация выбирается самостоятельно), более значимым эмоциональным фоном, наличием образной составляющей. Именно эта сфера в значительной степени формирует у молодых людей когнитивные, коммуникативные и эмоциональные паттерны, определяющие их поведение в различных ситуациях. Знание и понимание человеком своих когнитивных, коммуникативных и эмоциональных паттернов психической активности обеспечивает возможность их коррекции и учета в значимой сфере взаимоотношений.

Необходимо учитывать, что информационные сети перестали быть только техническим средством, они приобрели статус новой культуры, обладающей собственной семиосферой. Тексты, презентуемые электронными носителями информации, выступают сегодня как сенсорные и перцептивные эталоны, а представляемые сетью возможности достижения целей и удовлетворения потребностей — как нормы поведения и социального взаимодействия. Нельзя не учитывать, что информационное общество находится в стадии перехода к виртуальной реальности, заменяющей объективную, и это предполагает взаимодействие человека не с реальными объектами, а с симулякрами. Сегодня объективную реальность во многом заменяют те образы, которые продуцируют телевидение и Интернет. И эти образы не способствуют развитию гуманистически ориентированной личности, интеллигентного и умного человека. Самой большой проблемой развития личности сегодня является то, что наиболее значимые для развития личности источники воздействия — электронные носители информации — 24 часа в сутки продуцируют стереотипы патологического, агрес-

сивного, антигуманного, низко интеллектуально-го поведения. Эти стереотипы закрепляются в сфере бессознательного и начинают руководить всей жизнедеятельностью человека, поэтому в настоящее время имеет место противоречие между стилем мышления, доминирующими когнитивными стратегиями молодых людей и стилем предъявления учебной информации в учебниках и педагогом. Соответственно, необходимы технологии обучения, которые в комплексе несли бы в себе медийный, динамичный и эмоционально насыщенный образ представителя референтной группы, презентующего гуманистические ценности. Наши телеканалы не демонстрируют образцы творческой активности человека, но творческая личность может быть воспитана на основании наблюдения за стилем мышления других творческих людей и приобщения к нему. Очень многое в поведении — это интериоризация определенных образцов поведения, и наша молодежь интериоризирует эти образцы, но это образцы патологического поведения, зашкаливающей

агрессивности, бесцельного существования, депрессивного образа мира.

Телевидение, как основной воспитатель масс, должно относиться очень ответственно к каждому своему слову, тем более в периоды кризисного развития общества, когда причины всех трудностей легче всего увидеть в происках различных инородцев. У нас стала возникать тенденция к противопоставлению культур, искусственному поиску так называемых различий в национальных культурах. (В частности мы видим, как сейчас противопоставляются культуры россиян и народов Прибалтики, Украины, Грузии). Поэтому гораздо актуальнее искать нравственные установки, которые являются общими абсолютно для всех культур и религий, — именно это способствует развитию национальных культур. Поиск таких общих нравственных ценностей и должен явиться, по нашему мнению, важным направлением исследований историков, культурологов, социологов, психологов, педагогов. Сегодня это задача первостепенной государственной важности.

Е. В. Бондаревская¹

ВОСПИТАНИЕ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Самой заметной особенностью современного цивилизованного мира является глобализация — объективный процесс, ставший следствием интенсивного развития мировых экономик и стран, их открытости для взаимодействия, сотрудничества, обмена товарами и услугами, финансовыми ресурсами, культурными ценностями и даже моделями жизни и способами поведения людей.

Исследователи отмечают, что глобализация, как всякий объективный процесс общественного развития, имеет свои преимущества и таит в себе угрозы и риски. Характерно, что преимущества глобализации видятся исследователям прежде всего в развитии экономик (расширение мирового рынка, рост объемов производства и сбыта товаров, повышение прибыли др.), а угрозы и риски адресуются непосредственно человеку (увеличение разрыва между бедными и богатыми, ухудшение экологии, рост безработицы, вынужденной миграции, утрата культурной и гражданской идентичности, девальвация нравственных ценностей и др.). Особо отмечается, что глобализация, вызвавшая активный обмен продуктами массовой культуры, пагубно влияет на куль-

турное и духовное развитие молодежи. В условиях повседневного потребления «произведений» массового кино и музыкального искусства духовный уровень молодых людей заметно понизился.

Для решения глобальных проблем, связанных с экономикой, экологией, обеспечением безопасности природной и социальной среды, преодолением финансовых кризисов, в настоящее время на уровне отдельных государств и различных международных организаций принимаются политические, юридические, экономические, научно-технологические решения, при этом большие надежды возлагаются на образование, но роль воспитания в глобальном мире явно недооценивается. Между тем идея глобального воспитания, с помощью которого можно изменить все человечество, высказывалась еще Яном Амосом Коменским в начале XVII века. Великий педагог утверждал, что воспитание может избавить человечество от пороков, предрассудков и войн, улучшить нравы, повысить уровень жизни людей, «исправить все дела человеческие». В воспитании он видел универсальное средство спасения человечества от дикости и невежества, поэтому настаивал на всеобщем, обязательном и непрерывном характере воспитания всех людей, независимо от их возраста, национальной, расовой и сословной принадлежности.

В российской культурно-педагогической традиции воспитание всегда рассматривалось как базовая часть образования, от качества которой зависит его влияние на общественный прогресс. Именно воспитание делает образование человекообразующим и культуротворческим процессом. Основная цель обучения — помочь человеку овладеть знаниями и научиться думать, а воспитания — научить жить.

¹ Академик Российской академии образования, заведующая кафедрой педагогики Педагогического института Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ. Автор свыше 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Формирование нравственного сознания старшеклассников», «Нравственное воспитание учащихся в условиях реализации школьной реформы», «Теория и практика личностно ориентированного образования», «Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания» и др. Заместитель главного редактора журнала «Известия Южного федерального университета. Педагогические науки». Лауреат премии Правительства РФ в области образования.

Обучение работает с умом обучающегося, его познавательными способностями, а воспитание апеллирует к разуму, отношениям, смыслам и помогает человеку в решении общественно и лично значимых жизненных проблем. Когда педагог начинает работать с сознанием ученика или студента, его ценностями, смыслами, жизненными проблемами, он актуализирует и организует его жизненный опыт и тем самым учит, как надо жить. Для российского образования, сущность которого всегда рассматривалась как противоречивое единство обучения и воспитания, актуальным во все времена был вопрос о том, как научить молодых не просто жить, а жить достойно, то есть в соответствии с высшими духовными смыслами и нравственными критериями.

История образования свидетельствует, что как только воспитание перестает отвечать на вопрос, как жить достойно, оно становится ненужным, и возникает кризис воспитания, а вместе с ним и образования, ибо кризис — это такое его состояние, когда воспитание теряет ценность и, следовательно, выпадает из разряда смыслообразующих факторов.

В свете этого думается, что в период обострения глобальных проблем необходимо обратиться к воспитанию и рассмотреть его как педагогическую технологию социокультурного развития, от качества которой напрямую зависит решение кризисных проблем современного человека и общества. При этом важно понимать, что концептуализация и программирование воспитания на современном этапе должны опираться на новые идеи, опережающие уже состоявшееся развитие образования. Необходимо учитывать различие ситуации и стратегических задач образования и воспитания на предшествующем и сегодняшнем этапах социокультурного развития.

В 1990-х годах прежде всего надо было спасти образование от разрушения и обеспечить его выживание в разбалансированных, нестабильных условиях жизни страны. Образование, практически лишенное государственной поддержки, ставшее объектом жесткой критики со стороны общества, проявило себя в этот период как система, способная к самосохранению и саморазвитию, которая не только выжила, но вступила на путь инновационного развития. Это произошло, на наш взгляд, благодаря двум фундаментальным стратегиям образовательной деятельности, первая из которых состояла в глобальной ориентации образования на общечеловеческие и национальные ценности, а вторая — в раскрепощении творческого, инновационного потенциала педагогов.

Нельзя не признать, что в период жестокой девальвации прошлого и дестабилизации настоящего именно образованием была создана новая, альтернативная тоталитаризму, гуманистически направленная ценностная система страны, что, безусловно, способствовало сохранению ее целостности, как и сохранению самого образования. Благодаря образованию в сознание детей, их родителей и народа в целом была транслирована система гуманистических ценностей, основанная на идее человека — гражданина, человека культуры и нравственности

как «меры всех вещей», событий, процессов, явлений, происходящих в новой России.

Иными словами, сохранение и инновационное развитие системы образования в новой России началось с социокультурной практики введения детей, учащихся, студентов в мир ценностей. Этим самым приоритеты в образовании были отданы воспитанию, ибо сущность воспитания и состоит в развитии у человека ценностно-смыслового отношения к жизни. В свете этого тезиса думается, что не правы те исследователи, которые безоговорочно утверждают, что в 1990-е годы воспитание как целенаправленный, поддерживаемый государством педагогический процесс перестало существовать в российской школе, передвинулось на периферию образовательной работы.

Воспитание — процесс жизнеобеспечивающий и человекообразующий, а потому вечный, он не может просто так прерваться, перестать существовать. Конечно, воспитание — дискретный процесс, ему свойственны свои взлеты и падения. И 1990-е годы — это не период триумфа воспитания, но именно в это время в образовании началась методологическая работа по переосмыслению его целей, принципов, содержания, в результате которой идея воспитания приобрела гуманистический, ценностно-ориентированный характер.

Однако трансляция образованием гуманистических ценностей в 1990-е годы была существенно осложнена явлениями гуманитарного кризиса, выразившегося в массовом ухудшении условий жизни людей, агрессивном наступлении масскультуры, нарастании бездуховности, криминализации окружающей среды, распространении коррупции, воровства, административной вседозволенности, нарушении прав и свобод человека. Деятельность образовательных учреждений по интеграции в общество гуманистических ценностей создавала, безусловно, определенные предпосылки для преодоления возникшего на рубеже веков гуманитарного кризиса, но государство тогда еще не было готово поддержать новую ценностную систему социально-экономическими, правовыми, демографическими и другими жизненно важными изменениями бытия людей.

В настоящее время положение дел существенно изменилось, наметилась линия устойчивого социального и экономического роста, изменилась, стала более человекоориентированной общая социальная технология развития страны. И в этих условиях меняется роль образования: на него возлагается миссия быть реальным фактором опережающего развития общества и государства через человека.

В последние годы понятие «опережающее образование» все активнее входит в тезаурус современной педагогической науки, но достаточно обобщенного научного определения его еще не выработано. Одни исследователи связывают его с переориентацией содержания действующего образования на удовлетворение потребностей развивающегося производства, что, по существу, предполагает все ту же реализуемую в действующем образовании адаптационную стратегию, только адаптация обучающихся нацелена не на сегодняшний, а на завтрашний день

их трудовой деятельности. Другие видят суть опережающего образования в его связи с наукой, экспериментальным внедрением новых научных идей, концепций, методов в школьное и вузовское обучение. Третий определяет его как образование продвинутое, осуществляемое по углубленным программам повышенной трудности. Четвертые видят назначение опережающего образования в развитии творческих способностей, компетентностей и умений учащихся и студентов «работать с будущим»: проектировать, моделировать, конструировать новые среды и технологии, способы решения глобальных и региональных проблем, строить и проверять вариативные гипотезы преобразования жизни.

Все перечисленные подходы (условно назовем их адаптационно-прогностический, внедренческий, программно-опережающий, инновационно-развивающий), без сомнения, отражают важные особенности проектирования опережающего образования, но ни один из них сам по себе принципиально не изменяет характер образования, действующего в современной школе, а лишь добавляет к нему ту или иную инновацию. Мы же считаем, что опережающее образование следует рассматривать как новый тип образования, предполагающий не коррекцию его отдельных сторон, не дополнение образовательных программ, а коренное изменение всех составляющих действующего образования, включая его миссию, цели, принципы, содержание, технологии, критерии оценки качества и эффективности, — в направлении их соответствия жизнедеятельности и возможностям творческой самореализации выпускников школ и вузов в инновационной деятельности, обеспечивающей социокультурное развитие, а также их гражданскую, культурную и профессионально-личностную идентификацию в глобальном мире.

Миссия опережающего образования — быть глобальной технологией строительства будущего через выращивание человека, способного инициировать процессы инновационного развития и управлять ими во имя сохранения мира, природы, культуры, благополучной жизни людей в глобальном мире.

Обосновывая необходимость придания воспитанию функций системы (технологии) строительства будущего, мы хотим подчеркнуть, что впервые в истории человечества сложилась ситуация, когда будущее не может быть достигнуто естественным течением времени (как это было свойственно традиционным культурам), а может только конструироваться (вначале в мышлении, затем практически) в качестве возможного и насущного способа и образа жизни, обеспечивающего само ее продление. Это означает, что исходным моментом становится целеориентация образования на воспитание человека, способного к строительству будущего, обладающего необходимой для этого системой ценностей и личностных смыслов, силой духа, нравственными устоями, творческим потенциалом и развитыми инновационными способностями.

Таков образ человека, выращивание которого должно произойти в системе опережающего образования. Возникает вопрос, а есть ли для этого предпосылки в сегодняшнем мире человека? В связи

с этим отмечу, что негативные явления в обществе постмодерна столь распространены и заметны, что на их фоне мы просто забываем, что в современном глобальном мире возникли очень существенные для воспитания и развития человека блага, которых не было ранее: открытость и доступность информации; повышение роли знания в экономике, социальной и производственной сферах; развитие науки, новых информационных и наукоемких технологий; возможность вариативных моделей поведения творческой самореализации и свободного самоопределения людей; востребованность профессионализма, творчества, инноваций и др. Потребление этих благ и создает необходимый контекст для осуществления воспитания, ориентированного на будущее и человека, способного «работать с будущим».

Ориентация на работу с будущим, как мы уже отмечали, требует развития инновационных способностей воспитуемых. Инновационная способность — это способность к созданию и внедрению инноваций. Каковы ее происхождение, структура, условия развития, еще предстоит исследовать, но опытным путем уже доказано, что она проявляется в поле проектной деятельности. Поэтому воспитание как технология социокультурного развития должно разворачиваться на основе реального вовлечения школьников и студентов в социокультурное проектирование и жизнетворчество.

Развитие у молодежи инновационных способностей является фундаментальным, но не единственным направлением модернизации современного воспитания в целях обеспечения его функции строительства будущего. Необходимо, чтобы инновационная деятельность имела духовные (ценностно-смысловые) и нравственные (морально-этические) основания, исходила из единого источника — духовно-нравственной культуры человека.

Воспитание — это сложнейшая духовная работа, направленная на раскрытие, педагогическую поддержку и реализацию духовного потенциала, который изначально заложен в каждом человеке. Воспитание открывает этот потенциал, помогает студенту понять силу своего духа, свои творческие возможности и способности, сохранить свое человеческое достоинство, нравственные принципы, свою индивидуальность, гражданскую, национальную и культурную идентичность.

Чтобы реализовать эти возможности воспитания, необходимо понять, с каким человеком мы имеем дело сегодня в образовании. Я не хочу сейчас открывать дискуссию о том, хорош или плох современный студент, просто я хочу обратить внимание на то, что мы имеем сегодня в образовании человека, который духовно, внутренне, творчески еще не раскрыт. И с ним надо работать, раскрывать его сознание к поиску истины, добра, красоты и творчеству.

Современный студент, безусловно, закрыт для традиционного воспитания, которое всегда рассматривалось как идеологическая надстройка над жизнью детей и молодежи и реализовалось путем внешнего воздействия на их сознание. Поэтому воспитание следует понимать не как надстройку над

жизнью молодежи (есть жизнь и есть воспитание, которое надстраивается или, в лучшем случае, встраивается в жизнь студентов в виде воспитательных мероприятий), а как организованную и осмысленную жизнь, которая творится ими самими.

В этом случае основным принципом организации воспитания в вузе становится единство воспитания и жизни студентов. А это значит, что реальные жизненные, духовно-нравственные, профессиональные проблемы студентов должны быть включены в содержание воспитания.

Необходимо понять воспитание как бытийственный смысло-жизненный процесс, в котором в единстве происходят становление личностного образа, образа жизни и профессиональная подготовка студента. Картина действующего образования, к сожалению, существенно иная: качество жизни,

реальное бытие студента вынесено за скобки профессиональной подготовки. Основные жизненные смыслы, мироотношение формируются отнюдь не за счет прослушанных теоретических курсов. Онтологичности действительности студента не являются ни философскими, ни предметными, а строятся стихийно, обыденным (или неосмысленным) сознанием в его реальном бытии. Задача педагогов состоит в том, чтобы обеспечить единство воспитания, профессионального обучения и жизни студентов.

В свете онтологического подхода деятельность воспитателя становится гуманитарной практикой, то есть заботой, помощью студентам, школьникам в решении их жизненных проблем, педагогической поддержкой их творческих и духовных сил и раскрытием их потенциальных возможностей в инновационной деятельности по строительству будущего.

А. П. Валицкая¹

ЦЕННОСТИ КУЛЬТУР И ОБРАЗОВАНИЕ

1) Полиэтническое, мультикультурное, многоконфессиональное пространство современного мира — культурно-историческая реальность. Возможен ли такой диалог культур (больших и малых, этнических и региональных), участники которого обладают чувством собственного достоинства и понимают друг друга, не стремясь утвердить собственные представления о должном? Образование — та сфера социогуманитарной практики, в которой происходит становление самосознания личности и общества, формируются ценностные ориентиры; способность к паритетному межкультурному диалогу. Понятно, что словесные декларации не способны достичь истинной цели, коснуться души и духа воспитанника, превратившись в ценностные установки. Становление мировоззрения — сложный, сокровенный и длительный процесс, требующий сопереживания, сопричастности духу ближней и дальней, родной и всечеловеческой культуры (самоидентификации).

2) Любая человеческая деятельность, поскольку она предполагает целеполагание, ценностно окрашена. Красота, добро, справедливость, благо — ценности общечеловеческого характера — выступают как цели и смыслы жизни, хотя их интерпретация качественно зависит и от типа культуры, и от социального статуса субъекта, и от личностных характеристик человека. В интуитивно-чувственном и рационально-ценностном отношении к миру вещей и явлений совершается прорыв от материи к духу, «из сферы необходимости в царство свободы».

Поле ценностных смыслов (аксиосфера) строится как «для-меня-значимость» в векторе движе-

ния от ближних целей, диктуемых *необходимостью* выживания, к дальним, общим целям человеческого рода, «горизонтам бытия» (С. С. Хоружий), *свободно* избираемым личностью. В связи с этим диалог ценностей, организованный образовательным процессом культуротворческого типа², строится по принципу расширяющейся ойкумены: от освоения/проживания этоса и эстетизации своей культурной общности — к пониманию их актуальности в современном поликультурном пространстве и мировой культуре.

3) Духовная природа ценностей обнаруживается (объективируется) в конкретном, вещном выражении, что позволяет типологизировать их в зависимости от природы объекта отношения: ценности материальные, духовно-материальные, духовные; природы, культуры, общества; общечеловеческие, религиозные, личностные и т. д. В сознании личности и общества ценности выступают как блага, смысл и цели существования. Их содержание, формы воплощения на практике многообразны и изменчивы, однако общими остаются их духовная природа, собственно-человеческая, родовая сущность и телеологическая (целевая) функция.

Именно эта способность духовных феноменов воплощаться (опредмечиваться) в конкретно-образных формах порождает парадокс *замещения* образа предметом, ценности — ценой, идеала — идолом. Не напрасно предупреждает христианская формула: «Не сотвори себе кумира». Ценность, будучи духовным феноменом, — это то, что не имеет цены, не может быть присвоено (отнято, куплено). Эквивалент ценности — жизнь, именно тот «дар напрасный, дар случайный», который составляет собственность человека и подлежит обмену только на ценности индивидуальные и их утверждение: будь то жизнь другого человека, Родина, свобода, любовь или истина. Спекулятивная подмена духовного материаль-

¹ Член-корреспондент Российской академии образования, заведующая кафедрой этики и эстетики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Русская эстетика XVIII века: историко-проблемный очерк просветительской мысли», «Дмитрий Григорьевич Левицкий, 1735–1822», «Образование в России: стратегия выбора» и др.

² См. об этом: Валицкая А. П. Новая школа России: культуротворческая модель. СПб., 2005.

ным — знамение потребительской цивилизации, редуцирующей человеческую природу.

Дух нельзя определить, пользуясь инструментами психологии: он автономен и непространствен. Психология (при всех ее успехах в XX столетии), рассуждая о физиологических и психических процессах, видит в них лишь основания, предпосылки, не более чем носителей духа и, исследуя функции мозга и структуры сознания, останавливается перед тайной духа, отдавая ее постижение философам и богословам.

4) Имеет смысл различать три формы бытия духа: *субъективный* (индивидуально-личностный), *объективный* (порождающий совокупность завершенных творений родной культуры и культуры других народов) и *абсолютный* (ноосфера Вернадского, мировой или абсолютный дух Гегеля) — трансцендентный движитель жизни.

Субъективный дух проявляет себя как неизбывное стремление к высокому и совершенному, воля к творчеству, поиск смысла собственного существования, свободное самоопределение и вера (необязательно религиозная).

Индивидуальный дух не наследуется, он изначально существует лишь как потенциальная возможность и обретается посредством духовной работы, продолжающейся на протяжении всей жизни. Давно замечено, что духовные различия между людьми несравненно больше, чем различия физические или психические. Близость духовная — редкое счастье, уникальная ценность. Эта близость обнаруживается в общности ценностных предпочтений.

5) В процедурах экзистенциального развертывания сущности в существование, превращения индивида (биоида) в социокультурное существо (личность) совершается *образующее* человека восхождение от общности к социуму и культуре, которое совершается по ступеням ценностного осмысления собственного существования.

Духовное становление есть процесс *образования* человеческого в человеке, поскольку духовность — его видовое качество. *Духовность* личности — это свобода и воля к совершенствованию; способность подняться над своим существованием и взглянуть на

него сверху, понимать «Другого» и соизмерять с ним свои поступки и цели; руководствоваться не своими витальными потребностями и побуждениями, но видеть последствия своих поступков для людей, общего блага. Личный дух живет благодаря связям с духовной общностью, запечатленной в социуме и культуре: у бездуховных людей таких связей нет.

Подобно тому как носителем индивидуально-духа является психический склад личности, *объективный дух* существует в социокультурной общности, будь то народ, нация, класс, религиозное объединение или корпорация, *в форме ценностей*. В наиболее чистом виде объективный дух проявляется там, где его содержание наименее наглядно: в нормах мышления, понятиях и суждениях.

При этом личностный, субъективный дух, укорененный в духе национальной культуры, получает свою определенность и свободу только в процессах образования, которое функционирует как универсальный способ передачи культурного опыта поколений, особенно опыта духовной культуры своего народа.

Наконец, объективированный, трансцендентальный дух, устремленность к которому составляет главный признак субъективного духа и определяется в категориях веры, любви и добра, обнаруживает себя *в интуиции*, говорит с человеком в творениях природы и искусства, науки, философии, проявляется в ритмах истории, духе национальных культур как совокупность идей и устремлений, *в шкале ценностей*, которая характеризует ментальность народа.

6) Таким образом, духовное образование есть ни что иное как становление аксиосферы личности на пути диалога культур, сопряжения их ценностных смыслов. Такой диалог сегодня на постсоветском пространстве необходим, поскольку «национальное стало жгучей проблемой в современном мире. Политики торопятся практически “решать”, не подозревая, с какой многослойной толщей бытия и культуры тут приходится иметь дело»¹. Актуальная задача образования — ориентировать его содержание на освоение ценностных (духовных) констант отечественной и мировой культуры, обнаруживая их общность и различия.

Л. М. Ванюшкина²

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО ЗНАКОВОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Процессы глобализации во всех сферах детерминируют изменение подготовки человека к жизни в этом мире. Если принять за аксиому тезис о том, что Земля становится *единым открытым поликультурным*

пространством, то миссия образования, прежде всего школы, — дать опыт существования в этом интегративном пространстве культуры, создать условия для освоения общекультурного знакового языка, на котором говорит современный мир.

Такое понимание роли и места школы в системе других социокультурных институтов современная философия образования выработала сравнительно недавно: до середины 1980-х годов образовательная сфера рассматривалась как самостоятельная и самодостаточная («*образование внутри образования*», по

¹ Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М., 2008. С. 5.

² Заведующая кафедрой культурологического образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, доктор педагогических наук, профессор. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Теория и практика внеаудиторного образования», «Город, открываемый заново: освоение культурного наследия. Петербургская модель» и др.

А. Г. Асмолов), суть и смысл которой заключается в формировании образованной личности, владеющей языком науки.

С начала 1990-х годов пространство образования позиционируется как часть других мегасистем, прежде всего культуры («образование внутри культуры»). Образование трактуется как *незавершенный и непрерывный процесс освоения культурного наследия — восхождение к культуре*. Приоритетом культууроориентированной модели образования является воспроизводство «культурного человека», способного освоить и использовать знаковый язык культуры.

Это предполагает, что школа должна осознать себя частью культуры, пересмотреть собственное отношение к целям и ценностям образования в соответствии с ее логикой, позиционировать культуру в качестве аксиологического основания современного образования.

Сложность проектирования и реализации культууроориентированной модели образования — в том, что она формируется на фоне традиционной образовательной модели, а иногда и в противоречии с ней, ибо позиции последней чрезвычайно прочны и в значительной степени продолжают определять и содержание образования, и методы его освоения.

Классическая традиционная модель школьного образования сформировалась в Новое время — в эпоху великих естественно-научных открытий, породивших идею всеобщего научного знания. Приоритет науки способствовал возникновению таких педагогических идей, как сведение содержания образования к знаниям, структурируемым учебными предметами (В. Розин), а многообразия методов и способов познания — к научному познанию. Иными словами, огромное количество первоклассной и в общем необходимой информации осваивается школьниками вне культурного контекста, а следовательно, не находит применения в реальной жизни, тогда как именно «культура призвана составлять контекст, ткань смысла, с которым можно соотносить индивидуальное решение»¹. Все это дает основания считать школу начала XXI века «сколом» школы эпохи Просвещения, которая продолжает говорить исключительно на языке науки.

Вместе с тем уже во второй половине XX столетия человечество отказалось от притязаний науки на единственно правильный способ познания и преобразования мира. В начале III тысячелетия оно отчетливо осознает, что мир говорит на разных языках. Эти «языки» вступают в открытое общение друг с другом, признают правомерность и допустимость существования различных (в том числе и находящихся в конфликте) позиций.

Подобное взаимодействие предполагает плюралистическое восстановление в правах множественности различных форм полезного образовательного знания, метафизики и религии как автономных и взаимодополняемых типов знания, каждое из которых имеет собственный язык. Для современного человека наряду с научным все большее значение

приобретает теологическое, мифологическое и особенно художественное знание, обогащающее картину мира, делающее ее более глубокой, насыщенной и личностно значимой.

Новая культурная ориентация общества, характеризующаяся многосторонним взаимопроникновением различных сфер: науки, экономики, искусства, религии — и включением иных пластов в культурный контекст, приводит, по утверждению П. Козловского, к формированию общего культурного знакового языка. Это предполагает соотнесение разных областей знания, стремление к диалогу разных языков культуры, переосмысление, по М. М. Бахтину, значения «чужих» культур в рамках своей культуры.

Проблема необходимости овладения интегративным языком культуры пока не осознается педагогическим сообществом в полной мере как фундаментальная проблема становления личности. Но совершенно очевидно, что человек постиндустриальной эпохи не выживет, если не сумеет адаптироваться к многоголосью окружающего мира. Это, в свою очередь, предопределяет трансформацию школы: из места, где ученик осваивал только один язык — язык науки, она должна превратиться в место, где он учится владеть разнообразными языками культуры.

Применительно к содержанию образования это означает:

— во-первых, его фундаментальное расширение: отбор и включение разнообразного знания (мифологического, художественного, религиозного);

— во-вторых, корректировку содержания учебных дисциплин: усиление интеграции предметов базового учебного плана за счет введения курсов, предметом изучения которых является естественная культурная целостность. Наиболее перспективны такие целостные объекты культуры, как город (одновременно и памятник истории, и место жизни современных горожан, чудеса научного и технического прогресса и вне прогресса существующие художественные образы города, знаменитые горожане и я — житель и наследник культуры города), музей, театр или такие многомерные понятия как, например, «традиция».

Структурные изменения в содержании образования являются необходимым условием формирования общекультурного знакового языка, которое, в свою очередь, следует рассматривать как одно из направлений глобализации образования. Указанные изменения могут стать возможными при достижении иного качества компетентности педагога — повышении его общекультурного уровня за счет усиления культуурологической составляющей постдипломного образования. Учитель, который сам не является грамотным читателем, зрителем, слушателем, не способен подготовить ученика к тому, чтобы музеи, театры, библиотеки воспринимались как иное полноценное образовательное пространство, способное дополнить и обогатить образовательное пространство школы.

¹ Козловски П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития : пер. с нем. М., 1997. С. 86.

Н. В. Василенко¹**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ЗА И ПРОТИВ**

В настоящее время проблема глобализации занимает важное место в научных исследованиях. Значимость ее изучения обусловлена, с одной стороны, возрастающей социально-экономической и культурно-политической важностью осмысления положительных и отрицательных последствий глобализма, с другой стороны, недостаточной научной разработанностью данной проблематики в конкретных областях деятельности. Особенно актуальным исследование преимуществ и недостатков глобализации становится в образовательной сфере, ответственной за развитие человека, а на более высоком уровне обобщения — за формирование человеческого капитала. В данной статье рассматриваются аргументы «за» и «против» глобализации образования, которые следует учитывать при разработке направлений и мер государственной образовательной, социальной и молодежной политики.

Анализируя многообразие глобализационных проявлений, можно отметить, что ее основной сущностной чертой является подведение различных национальных идей и систем под одни институциональные правила. Это размывает национальные приоритеты и навязывает порядок вещей наиболее сильным экономическим странам. К сожалению, Россия здесь играет далеко не ведущую роль. Потеря национальной идентичности в пользу унификации под чужие для России правила становится ценой присоединения к мировым экономическим процессам. Ярким примером могут служить потери российской экономики в период кризиса, начавшегося в США. Различия между традиционными институциональными нормами российского общества и рыночными правилами не дают возможности в полной мере получать выгоду от глобализации, а недостаточный уровень социально-экономического развития ставит Россию в условия вечно догоняющей модернизации.

Глобализация образования предполагает возможность и необходимость обучения в различных странах, расширяя потенциальный выбор набора дисциплин и профессоров, их обеспечивающих. Сопоставимая система зачетов и кредитов создает основу для накопления освоенных курсов и взаимного признания результатов их изучения различными учебными заведениями. Взаимные стажировки профессорско-преподавательского состава обуславливают обмен научным и методическим опытом². Все это способствует конкурентному отбору дисциплин,

а затем в долгосрочной перспективе — и учебных заведений, их специализации на наиболее сильных областях исследования и преподавания, что создаст условия для повышения качества обучения и научных исследований³.

Образование в эпоху глобализации является той сферой, где формирующийся специалист приобщается к общемировым ценностям, расширяет кругозор и свои знания относительно не только профессиональных компетенций, но и условий труда, которые могут быть ему обеспечены в различных странах мира. Посредством развития профессионального самосознания происходит ориентация специалиста на индивидуальные ценности и поиск лучших условий для собственной творческой деятельности без учета государственных границ и интересов своей страны. Так закладываются и укрепляются основы перераспределения человеческого капитала в страны, где есть возможность получать более высокий доход и необходимые условия для работы. Это усиливает отток из России талантливых молодых людей, так как глобализация интегрирует национальные рынки труда в единый мировой рынок. Особенно это опасно в областях, отвечающих за стратегические направления российской модернизации.

Итак, следует признать, что глобализация образования:

— укрепляет индивидуальные позиции будущего специалиста и возможности его профессионального саморазвития, расширяя выбор условий и места приложения его творческих сил;

— позволяет концентрировать человеческий капитал высокого качества и добиваться лучших результатов для тех стран, которые способны создать лучшие условия труда;

— способствует усилению конкуренции между странами за носителей интеллектуальных ресурсов.

Одновременно с глобализационными процессами возникают проблемы общенационального характера, чрезвычайно актуальные для России. Общим проявлением этих проблем становится «утечка мозгов» и научно-практических идей в самых различных областях экономики, в том числе отвечающих за модернизацию страны. Такое положение в конечном счете угрожает экономической безопасности России, делает ее все более зависимой от экономик других стран и экономико-политических отношений с ними.

Поэтому, на наш взгляд, важно понимать и качественно оценивать степень проникновения глобализации, в пределах которой образование выступает как созидательный процесс, отвечающий интересам не только отдельного человека, но и России в целом.

¹ Доцент кафедры теоретической экономики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, кандидат педагогических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Институциональный подход к управлению», «Оценка эффективности социально-экономической деятельности», «Управление воспроизводством трудовых ресурсов мегаполиса», «Институциональная экономика», «Институционализм как методология исследования образования» и др.

² Стриженко А. А. Глобализация образования и международное сотрудничество. URL: <http://elibr.altstu.ru/elibr/books/Files/2000-04/3/Pap3.html>

³ Шадриков В. Д. Качество высшего образования и подготовки специалистов к профессиональной деятельности. URL: http://upravlenie.vgu.ru/discuss/files/disc_1.htm

В. Н. Васильев¹

РОССИЙСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА КАК СУБЪЕКТ МИРОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В контексте стоящих перед Россией масштабных задач по модернизации ведущих областей социальной практики и перехода на инновационный путь развития в новом осмыслении нуждается проблема кадрового обеспечения и роли высшей школы в этом процессе.

Представляется целесообразным не только рассмотреть, что может почерпнуть российская высшая школа в зарубежном опыте подготовки специалистов, но и понять, какой вклад может внести отечественная система высшего образования в мировой образовательный процесс. Таким образом, мы сможем наполнить диалог культур и партнерство цивилизаций новым содержанием и одновременно произвести своеобразную «инвентаризацию» того научного, методического, технологического багажа, с которым мы выходим в мировое образовательное пространство.

Интенсивное развитие инновационного сектора экономики, связанного с высокими технологиями, неотделимо от процесса широкого задействования специалистов высокого класса в области информационных технологий, прежде всего программирования. В последние годы стал общепризнанным факт, что позиции России на мировом рынке высоких технологий являются наиболее сильными и перспективными. Накопленный за годы советской власти научный, образовательный и индустриальный потенциал в этой сфере, несмотря на трудности, удалось сохранить и реализовать в последние 10–15 лет.

Мощный импульс роста отечественная индустрия производства программного обеспечения получила на рубеже нового тысячелетия, когда по времени практически совпали российский финансовый кризис 1998 года и постигший развитые страны в 2001 году «кризис доткомов» — крах надежд инвесторов на получение быстрой прибыли от развития интернет-технологий. За падением рынка акций высокотехнологичных предприятий последовал перевод разработок компьютерных технологий и программного обеспечения (ПО) в страны с более дешевой рабочей силой. Таким образом, отечественные компании получили существенные конкурентные преимущества. В результате начался бурный рост российской индустрии разработки ПО. В 2005 году объем выполненных российскими компаниями зарубежных заказов достиг 1 млрд долл. В 2006 году он превысил 1,5 млрд долл., в 2007-м — 2,1 млрд, а в 2008-м — 3,0. В России сфера производства ПО стала лидером по

темпам развития среди других направлений высоких технологий. Наряду с развитием позволившего выстоять в трудные 1990-е годы так называемого офшорного программирования, заключающегося в выполнении субподрядных работ от западных заказчиков, в последние годы многие российские компании перешли к разработке собственных программных продуктов. Сейчас можно утверждать, что будущее способных молодых россиян обеспечено, и у них нет необходимости уезжать на работу за границу. Отъезд российских программистов в развитые страны практически полностью прекратился после 2001 года.

Однако в последние несколько лет развитие отрасли сдерживается огромным кадровым дефицитом, поскольку наличие квалифицированных специалистов является решающим для ее роста. Ситуация осложняется негативными тенденциями, связанными с мировой глобализацией. В последнее десятилетие процессы формирования научно-технической элиты и кадров высокой квалификации в области компьютерных технологий и программирования как в развитых странах, так и в России сталкиваются с трудностями, вызванными негативными социально-психологическими процессами. Они обусловлены, в частности, общим падением интереса молодежи к занятиям точными науками, сильным оттоком в промышленность и бизнес наиболее активных и способных университетских преподавателей, негативным воздействием на молодежь клиповой и интернет-культур, компьютерных игр, телевидения и т. д. Это приводит к сдвигам в психике молодых людей, препятствующим их долговременной сосредоточенной умственной деятельности (так называемый *синдром перманентного частичного внимания*). Кроме того, имеет место общее изменение настроения молодежи на напряженный труд. В российских условиях описанные факторы и демографический спад значительно понижают уровень конкуренции между молодыми специалистами на рынке труда и их стремление к приложению усилий для повышения своей квалификации.

Отметим, что в области производства ПО важную роль играет возрастной фактор, который необходимо учитывать при выборе учебно-методических и организационных подходов. Для специалистов в области производства ПО характерны ранняя профессиональная подготовка и раннее начало профессиональной трудовой деятельности. Программирование — это занятие для молодых. Опыт показывает, что изучение ряда фундаментальных курсов теоретической информатики и программирования надо начинать в школьные годы, и иногда даже в весьма молодом по общепринятым стандартам возрасте весьма трудно наверстать упущенное в школе, так как с годами резко падает способность к обучению программированию. Знания, умения и навыки, полученные в последние два-три года обучения в средней школе и на I–IV курсах вузов, при изучении фундаменталь-

¹ Член-корреспондент Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики (технический университет), доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных публикаций по компьютерным технологиям, в т. ч. книги «Интернет-технологии — образованию», статей в научных сборниках и журналах. Председатель Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга. Вице-президент Российского союза ректоров. Президент Оптического общества им. Д. С. Рождественского. Лауреат премии Президента РФ в области образования, премий Правительства РФ в области образования.

ных дисциплин в области теоретической информатики и технологий программирования играют важную (если не решающую) роль в становлении высококвалифицированных разработчиков и исследователей. Возрастной фактор требует активного использования в учебном процессе привлекательного для молодых людей соревновательного подхода.

В связи с изложенным весьма актуальным является построение системы «школа — вуз — научные исследования — индустрия», обеспечивающей поиск, профориентацию, отбор, дополнительное обучение, предпрофессиональную и профессиональную подготовку (включая обучение в аспирантуре и докторантуре) высококвалифицированных специалистов в области производства ПО, которые смогут выполнять функции разработчиков, исследователей и руководителей широкого круга научно-технических, научно-исследовательских и инновационных проектов.

Получившая всемирную известность российская система образования в области точных наук в значительной степени базировалась на уникальной системе поиска и подготовки одаренных школьников и студентов, реализуемой через специализированные

физико-математические средние школы и систему олимпиад и творческих конкурсов по математике и физике. В начале 1990-х годов была поставлена задача сохранения и развития этой системы с целью поиска и подготовки высококвалифицированных кадров в области информационных технологий и программирования на базе использования новейших интернет-технологий. Созданная в настоящее время в России система поиска и подготовки молодых одаренных программистов признана одной из лучших в мире. Она отмечена премией Президента России в области образования за 2003 год и премией Правительства РФ в области образования за 2008 год, а также престижными международными премиями, наиболее авторитетной в мире международной организации в области информационных технологий и компьютерной техники Association for Computing Machinery (ACM).

Опираясь на имеющийся опыт и достижения последних десятилетий, российская высшая школа может и должна стать мировым лидером в подготовке кадров, которые обеспечат переход на инновационный путь развития как России, так и других стран.

**Ю. С. Васильев¹,
В. Н. Козлов²,
П. И. Романов³**

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ В СПЕЦИАЛИСТАХ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В условиях экономических преобразований, происходящих в мире, особое значение приобретает создание инструментария государственного регулирования процессов подготовки специалистов востребованных специальностей, обеспечивающих устойчивое социально-экономическое и научно-техническое развитие стран. Одним из главных направлений для решения данной проблемы является создание системы прогнозирования потребностей в специалистах, при разработке которой в современных условиях необходимо учитывать следующие тенденции:

— усиление глобальной конкуренции, охватывающей не только традиционные рынки товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, но и системы национального управления, поддержки инноваций;

— ожидаемую новую волну технологических изменений, усиливающую роль инноваций. Отставание ряда стран в развитии новых технологий может снизить конкурентоспособность экономики этих

стран, а также повысить их уязвимость в условиях нарастающего геополитического соперничества;

— возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития. Уровень конкурентоспособности современной инновационной экономики в значительной степени определяется качеством профессиональных кадров. В этих условиях важным является преодоление тенденций поддержания конкурентных позиций в мировой экономике за счет дешевизны рабочей силы и экономии на развитии образования;

— активное вовлечение современных стран в процессы международной миграции населения.

Так, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года, отмечается, что необходимо «увеличение доли иностранных студентов, обучающихся в России, до 5 % общего числа студентов, создание условий для подготовки в образовательных учреждениях обучающихся из государств — участников СНГ». В данном документе отмечается, что «повышение конкурентоспособности российского образования станет критерием его высокого качества, а также обеспечит позиционирование России как одного из лидеров в области экспорта образовательных услуг». Как показывают прогнозы, в среднесрочной перспективе в стране начнет сокращаться численность трудоспособного населения и будут расти потребности в профессиональных кадрах. Отчасти сокращение тру-

¹ Академик Российской академии наук, президент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ.

² Проректор по учебно-методическим объединениям (УМО), заведующий кафедрой системного анализа и управления Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор технических наук, профессор. Лауреат премии Президента РФ в области образования.

³ Директор Научно-методического центра УМО вузов России, доктор технических наук, профессор.

довых ресурсов можно будет компенсировать ростом производительности труда и внедрением передовых технологий в экономику. Однако даже при самых благоприятных прогнозах покрыть нарастающий дефицит трудовых ресурсов только за счет внутренних резервов России не удастся, поэтому придется привлекать иностранных работников. В этих условиях необходимо определить, в каком количестве и качестве России нужны трудовые мигранты. В то же время прогнозирование потребностей в специалистах должно проводиться с учетом оттока профессиональных кадров из России, активно возрастающим в эпоху глобализации образования.

В отечественной и зарубежной науке и практике накоплен определенный опыт методологического и методического обеспечения прогнозирования спроса на специалистов. Так, в Америке разработкой кадровых прогнозов занимается Бюро статистики труда США. Прогнозы на 10–15 лет уточняются каждые два года и являются частью среднесрочной программы управления экономическим ростом и занятостью. Во Франции прогнозирование рабочей силы осуществляется в режиме пятилетних планов. Как отмечается во многих исследованиях, для зарубежной методологии характерно многообразие подходов к прогнозированию спроса на рабочую силу, однако общим для большинства из них остается дифференциация методологии относительно национального, регионального, локального и отраслевого уровней; выделение компонентов совокупной занятости и учет специфики их изменений. Зарубежные исследователи используют сочетание экспертных, статистических и математических методов, с помощью которых оценивается место каждой отрасли экономики в совокупной занятости в стране. В соответствии с главными параметрами развития на основе динамической модели отраслевого баланса и с учетом сводного планового баланса трудовых ресурсов рассчитывается кадровая потребность.

В современной России потребность региональной экономики в выпускниках с высшим профессиональным образованием впервые была сформулирована в разрезе субъектов Федерации при заполнении форм СФ-1 и СФ-2. Отсутствие единой методологии для среднесрочного прогнозирования спроса на рынке труда привело к тому, что разные регионы использовали различные подходы к этому прогнозированию. Около половины субъектов Российской Федерации ориентировались на текущее состояние системы ВПО, другая часть использовала опрос крупных предприятий и организаций в регионе. Тем не менее этот опыт прогнозирования

оказался исключительно полезным, он показал необходимость разработки научно обоснованных методик прогнозирования потребностей рынка труда в выпускниках системы ВПО. Очевидно, что динамичной модели социально-экономического развития России должна соответствовать адаптивная система образования, быстро реагирующая на запросы рынка труда, стимулирующая экономический рост, воспроизводящая специалистов, способных эффективно работать в конкурентной экономической среде. В таких условиях региональные системы профессионального образования призваны обеспечивать перспективные потребности экономики субъектов РФ в профессионально-квалификационном обновлении и пополнении кадров. Прогнозирование потребностей рынка труда рассматривается как важная составная часть маркетинговой информации, необходимой для разработки мероприятий по регулированию и контролю над изменениями рынка образовательных услуг, стратегическому планированию системы подготовки и переподготовки кадров, ориентированной на спрос. Очевидно, что горизонт прогнозирования кадровых потребностей социально-экономического развития регионов России должен составлять не менее 5–7 лет, поскольку формируемые на основе его результатов планы приема в учреждения профессионального образования определяют структуру выпуска соответствующих специалистов через 3–4 (бакалавры) или 5–6 (магистры и специалисты) лет. Более длительные горизонты прогнозирования невозможны в связи с высокой рыночной динамикой, характерной для современной России¹.

В рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» авторский коллектив на протяжении ряда лет занимается разработкой комплексных моделей прогнозирования специалистов в России. Были разработаны методики использования статистической информации о текущем состоянии экономики России для целей прогнозирования потребности экономики нашей страны в бакалаврах, магистрах и специалистах. Основу этой методики составляет анализ сопоставления разделов двух классификаторов, используемых органами государственной статистики: Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД); Общероссийского классификатора специальностей по образованию (ОКСО). Также были разработаны адаптивные методы оценки потребности экономики России в бакалаврах, магистрах и специалистах в условиях неопределенности.

¹ Балыхин Г. А., Суоров М. В., Маркова О. П. Государственное задание на подготовку специалистов как механизм реализации государственной политики в области модернизации образования // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России : сб. докладов по материалам II Всерос. науч.-практ. интернет-конференции. Петрозаводск, 2005. Т. 1.

А. А. Галицких¹**ДИАЛОГ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

Президент Российской Федерации Д. А. Медведев в программной статье «Россия, вперед!» утверждает: «Инновационная экономика возникнет, конечно, не сразу. Она — часть культуры, основанной на гуманистических ценностях, стремлении к преобразованию мира ради лучшего качества жизни».

Связь образования с культурой закреплена в Конституции РФ: Россия как социальное государство должна заботиться об обеспечении свободного развития человека (ст. 7), в том числе в аспекте свободы его самовыражения и творчества, участия в культурной жизни (ч. 2 ст. 26, ст. 44), его культурного и духовного становления.

Мы исходим из тесной взаимосвязи прав в сфере культуры и права на образование. В законодательной политике государства за последние несколько лет можно проследить явную тенденцию постепенного освобождения от части своих социальных обязательств через включение культуры в рыночные отношения, ориентацию учреждений культуры на платежеспособный спрос, сокращение объемов культурных благ, предоставляемых населению на бесплатной основе. Через передачу ответственности за материальное и финансовое обеспечение культурной деятельности с федерального уровня на региональный и муниципальный без соответствующих субвенций создается ситуация, в которой общегосударственные задачи повышения культурного уровня становятся проблемой лишь местных органов власти, которые данным проблемам зачастую не уделяют должного внимания, а чаще всего не имеют для их решения ни финансовых, ни материально-технических возможностей.

Поэтому право на участие в культурной жизни и использование учреждений культуры, доступ к культурным ценностям должно найти отражение в законодательстве в виде установления социальных стандартов культурного обслуживания населения, государственных стандартов гарантируемого доступа к культурным ценностям.

При этом надо признать, что воспитательное воздействие культурной среды в Российской Федерации находится в прямой связи с проблемой недостаточной развитости инфраструктуры организаций культуры и искусства. Так, в Санкт-Петербурге школьники 10–17 лет за год посещают спектакли в среднем 3,42 раза, музыкальные концерты — 2,86 раза, художественные музеи и художественные выставки — 2,66. В центральных городах регионов — соответственно 3,32; 1,62; 1,71. В городах регионального подчинения — 0,64; 0,61; 0,85. В селах — 0,16; 0,73; 0,21. Сельский школьник бывает в музеях и на выставках один раз в 5 лет, на спектаклях и того реже — один раз в 6 лет.

В последнее время качество культурной среды изменилось: резко возросла роль ее информационной

составляющей, существующей в информационно-коммуникационном пространстве. Поэтому адекватным выходом из ситуации может стать широкое использование современных дистанционных технологий, посредством которых можно способствовать повышению доступности культурных благ, образовательных и познавательных ресурсов.

В связи с этим возрастает роль учреждений, для которых деятельность по хранению и предоставлению доступа к культурному наследию и образовательным ресурсам является уставной, — библиотек и музеев.

Например, в Кирове завершается строительство пристройки к старейшей в стране областной научной библиотеке, носящей имя А. И. Герцена, основанной в годы своей вятской ссылки. В ней разместится и филиал Президентской библиотеки, открытие которого планируется на январь 2011 года. В настоящее время Кировская научная библиотека проводит серьезную работу по оцифровке уникального фонда (книг и периодики) отдела краеведческой литературы. В рамках областной целевой программы «Развитие культуры в Кировской области на 2009–2013 годы» были предусмотрены средства для проведения данной работы в муниципальных библиотеках, что позволит в дальнейшем создать в области единую информационно-библиотечную систему.

Идет активный поиск новых форм работы и в областных музеях, в том числе включение информационных технологий в музейную образовательную деятельность. В 2007 году в Кировском областном художественном музее открылся виртуальный филиал Государственного Русского музея. 1 сентября 2009 года в музее торжественно был открыт Музейный центр творческого развития. Для центра выделен один зал с возможностью экспонирования (100 кв. м), оборудованный специальным инвентарем, мебелью и необходимым техническим оборудованием.

Можно обозначить следующие формы работы центра: студийные занятия (авторские музейно-педагогические программы, например «Радуга» (лепка, аппликация, рисование); «Радость» (изобразительное искусство, художественный труд, литература, музыка); «Сказки бабушки Палитры» (изобразительное искусство, основы дизайна); детская театральная студия (актерское мастерство, сценическая речь, сценическое движение, ритмическая пластика, музыка) с детьми в возрасте от 3,5 до 15 лет; проведение детских праздников; выставочная деятельность. В работе центра также используются ресурсы виртуального филиала Государственного Русского музея и виртуального медиаресурса «Кремль: больше, чем власть».

В 2010 году для воспитанников детских домов и школ-интернатов в рамках благотворительной акции Союза музеев России Кировским областным художественным музеем реализуется программа «Му-

¹ Заместитель председателя правительства Кировской области, кандидат педагогических наук, заслуженный учитель РФ.

зей. Музыка. Дети» (совместно с Кировским областным отделением Российского детского фонда, Кировским областным колледжем музыкального искусства им. И. В. Казенина).

Формирование и широкое распространение моделей инновационного поведения невозможно без координации усилий государства и общества. Ориентируя детей и молодежь на развитие творческих способностей, мы должны иметь возможность показать, почему эти творческие способности будут социально востребованы и помогут молодым людям стать успешными. Нужно вовлекать молодых людей в творческие процессы, создавать для них возможности соучастия в процессах творения.

В 2009 году государственное учреждение дополнительного образования «Учебно-методический центр повышения квалификации работников культуры и искусства» провел 8 мероприятий по поддержке юных дарований. В них приняли участие более 600 учащихся и преподавателей детских школ искусств, а также студенты Кировского областного колледжа музыкального искусства им. И. В. Казенина и Кировского областного колледжа культуры. Наиболее значимые из них — I межрегиональный открытый конкурс фортепианного исполнительского искусства для детей и юношества и региональный конкурс юных пианистов и их преподавателей.

Образование — это один из оптимальных и интенсивных способов вхождения человека в мир культуры. Велика миссия образования в развитии у молодого поколения ответственного отношения к культуре родного языка и языков международного общения. Образовательная среда, сформированная в школе или вузе, влияет на выбор сценариев общения и способов поведения человека в социальной группе.

Кировская область уникальна по многообразию этносов, культур, языков. Здесь живут представители 100 национальностей, из них русские составляют 90,4 %, татары — 2,7 %, марийцы — 2,6 %, удмурты — 1,4 %, другие национальности — 1,8 %. Наиболее компактно татары проживают в Вятско-полянском, Малмыжском районах, марийцы — в Уржумском, Пижанском, Кикнурском районах, удмурты — в Унинском, Слободском, Кильмезском районах.

Одно из направлений деятельности правительства области — предоставление равных возможностей в получении образования всем гражданам Кировской области независимо от их национальности, вероисповедания, социального положения и места проживания.

Сегодня на территории области работают пять национальных школ с родным (татарским) языком обучения, где в 43 классах обучаются 426 человек. Как учебный предмет татарский язык изучают 103 учащихся в двух школах. В двух дошкольных образовательных учреждениях организованы три группы с татарским этнокультурным компонентом. Марийский язык изучают 140 учащихся в трех школах Малмыжского, Пижанского и Яранского районов.

Национальные школы ориентированы на сохранение и развитие русского и родного языков, формирование российского самосознания и самоидентичности. Развитие двуязычия вызвано объективной потребностью жизни, и большинство учителей, родителей и учащихся понимают важность изучения и использования русского языка как средства межнационального общения и необходимость владения родным языком, формирующим национальное самосознание личности.

В Кировской области на протяжении многих лет складывались хорошие традиции межрегионального сотрудничества в сфере образования. Были подписаны соответствующие соглашения о сотрудничестве с Республикой Марий Эл, Удмуртской Республикой, Республикой Татарстан.

Яркими примерами тесного взаимодействия и обмена опытом являются: организация совместных праздников, ставших традиционными: «Костер дружбы», «Сабантуй», проведение Дней удмуртской культуры, марийской письменности, совместных совещаний, семинаров, научно-практических конференций по проблемам национального образования.

Опыт взаимодействия систем светского и духовного образования успешно осуществляется в муниципальном общеобразовательном учреждении Вятской православной гимназии во имя преподобного Трифона Вятского г. Кирова, открытой в 1998 году.

На наш взгляд, для наиболее эффективного взаимодействия в сферах культуры и образования необходимо в первую очередь принять меры по преодолению ведомственных административных барьеров, разделяющих соответствующие органы исполнительной власти, что позволит повысить эффективность системы образования и одновременно усилить воспитательную роль культурной среды. Здесь нужно искать решение вместе с формирующимися структурами гражданского общества, бизнес-сообществом и общественными объединениями. Функции координатора этих усилий должно взять на себя государство как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Е. О. Галицких¹

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО ГЛОБАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

...Без духовной самобытности народ не сможет существовать
в общемировой семье культур и цивилизаций.

А. С. Запесоцкий

Мировые интеграционные процессы в экономике, политике, экологии, образовании, следствием которых является поиск путей решения глобальных проблем человечества, могут рассматриваться не только на уровне мировых тенденций и перспектив, но и на уровне происходящих явлений в социуме каждой отдельной страны и ее регионов. Глобализация образования открывает широкие возможности для межкультурной коммуникации в образовании России в целом и в каждой области Российской Федерации как части целого. Не является исключением и Вятский государственный гуманитарный университет, в течение 95 лет активно развивающийся в контексте российского образования и выстраивающий свои пути вхождения в мировое образовательное пространство. Межкультурный диалог мы рассматриваем как средство глобализации гуманитарного образования, поскольку основная цель диалога заключается в расширении границ собственного понимания, соотнесении и согласовании различных культурных ценностей и нравственных приоритетов, принятии их смыслов путем взаимопонимания общающихся субъектов в условиях множественности культур.

Рассмотрим возможности межкультурного диалога как средства реализации идеи глобализации высшего гуманитарного образования в мире. *Первый ресурс* межкультурного диалога в контексте глобализации — это установление прямых связей международного сотрудничества в области образования, которые дают возможность осуществлять обмен студентами, аспирантами и преподавателями по гуманитарным специальностям. Студентам предоставляется реальная возможность продолжить образование в университетах разных стран для формирования универсальных компетенций, демонстрации «духовного наследия» своей национальной культуры, возможности межнационального общения и проявления толерантности.

Современной формой демонстрации качества образования и результатов языковой подготовки студентов из разных стран стали фестивали дружбы, в которых принимают участие студенты Российской Федерации и КНР. О Китае и его культуре рассказывают китайские студенты, пользуясь родным языком, и русские студенты, изучающие китайский

язык на лингвистическом факультете. Национальные музыкальные инструменты, танцы и костюмы, видеофильмы, сказки, стихи и песни, органично включенные в праздничную программу, дают возможность провести фестиваль сразу на двух языках (русском и китайском). При этом на китайском говорят русские, а стихи русских поэтов читают китайские студенты.

Преподаватели университета проходят ежегодные языковые и научные стажировки в университетах США, КНР, Великобритании, Франции, Германии, Тайваня, Италии.

Второй ресурс использования межкультурного диалога как средства реализации идеи глобализации мы видим в освоении современных педагогических технологий, которыми пользуются в высшей школе всего мира. Это технологии чтения и письма для развития критического мышления, педагогических мастерских, проектной деятельности, информационные технологии. Очень важно, что в мировом образовательном пространстве данные технологии оказались востребованными, так как позволяют сформировать коммуникативную компетентность, без которой невозможно включение студентов в «диалог цивилизаций», субъектную деятельность и адаптацию к образовательному пространству другой страны и нового вуза. Следует подчеркнуть, что владение перечисленными технологиями значительно увеличивает интенсивность гуманитарного образования, способствует демократизации образовательного процесса, насыщает его педагогическим творчеством, расширяет опыт общения с авторами разных культур и понимание разных текстов. Данные технологии объединяют студентов и преподавателей в поиске путей решения профессиональных проблем, открывают методики сотрудничества и уважения к инаковости другого.

Третий ресурс межкультурного диалога, включенного в глобализационные процессы в области образования, мы видим в разработке и реализации *международных программ сотрудничества* между странами, потому что многие проблемы носят «сквозной характер» и находят отражение как в искусстве, так и в политике. Например, социальная проблема сиротства раскрыта в романе А. Лиханова «Никто», исследована французом Ж.-М. Г. Леклезю в романе «Золотая рыбка» и трагично представлена в фильме Д. Бойла «Миллионер из трущоб». Реализация права каждого человека на образование — глобальная проблема человечества.

В 2010 году Вятский государственный гуманитарный университет обозначил направления, по которым вуз развивает сотрудничество с зарубежными странами:

¹ Заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Вятского государственного гуманитарного университета (Киров), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель РФ. Автор книг: «Духовное развитие личности», «Конспекты уроков для учителя литературы. 8 класс. Творчество А. С. Грина», «От сердца к сердцу: мастерские ценностных ориентаций», «Интегративный подход к профессионально-личностному становлению будущего педагога в университете», «Диалог в образовании как способ становления толерантности», «Профессия — учитель», «Литературные салоны в школе» и др.

— развитие научных, образовательных, культурных отношений с зарубежными университетами; обучение иностранных студентов и стажеров, разработка докторантами научных тем о формировании толерантности и готовности к межкультурному диалогу, подготовка аспирантов, способных ставить и решать задачи партнерства образовательных систем разных стран; расширение обмена студентами, преподавателями, сотрудниками ВятГГУ с вузами-партнерами (Китай, Германия, Франция, Польша, США, Чехия, Словакия);

— организация совместных международных конференций, семинаров;

— участие в международных проектах совместно с зарубежными партнерами: Тройский государственный университет (Алабама, США); Канзасский государственный университет (США); Каоенский технологический университет (Каошун, Тайвань); Национальный университет (Пэнху, Тайвань); Харбинский университет, Хэйхэский университет, Цицикарский университет (КНР); Рурский университет (ФРГ); Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия); Карагандинский государственный педагогический университет (Караганда, Казахстан); Педагогический институт (Канны, Франция); Университет Джангдже (КНР); Джорджский университет (КНР); Подляская академия (Польша);

— интеграция университета и региональной системы высшего образования в международное академическое сотрудничество;

— участие в международных программах, проектах Евросоюза, АФС, грантах; совместные публикации в российских и зарубежных журналах;

— подготовка иностранных студентов и слушателей курсов по русскому языку как иностранному;

— взаимодействие с фондом «Добро» по программе воспитания доверия между народами, поколениями, взрослыми и детьми по программе духовно-нравственного воспитания молодежи, сотрудничество с Российским детским фондом под руководством общественного деятеля А. Лиханова, проведение общественно-литературных Лихановских чтений.

Четвертый ресурс вхождения российского гуманитарного образования в мировое образовательное пространство заключается в организации и проведении международных конференций, телемостов, конгрессов, интернет-конференций, включающих ученых и студентов разных стран в поиск путей решения актуальных образовательных проблем мирового пространства. В этом году в ВятГГУ состоится: II Международная конференция «Актуальные проблемы лингвистики XXI века», телемост «Роль арт-педагогика в художественном образовании школьников» с участием граждан США, Биоморфологические чтения к 150-летию со дня рождения К. Раункиера; телемост «Мировые тенденции в развитии технологического образования» с участием граждан США; Международная научно-практическая конференция «Управление в XXI веке»; Международная научная конференция «Немцы в России: взгляд из провинции»; Международная интернет-конференция «Социально-личностное развитие детей дошкольного и младшего школьного возраста: возможности институтов детства»; II Международная научно-практическая конференция «Государство и общество: проблемы взаимодействия», а также планируется проведение совместно с управлением международных и региональных связей по Кировской области Дней Германии в г. Кирове (октябрь–ноябрь 2010 г.).

Включение студентов и преподавателей в международные формы межкультурного диалога (прием делегации преподавателей и студентов из КНР, прием второго секретаря посольства Германии М. Шпинера, представителя посольства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Ш. Симс, презентация французского культурно-образовательного центра в школах г. Кирова) расширяет опыт организации межкультурного диалога. Кроме того, это демонстрирует, как важно в гуманитарном университете сформировать глубинное уважение к культуре своего народа, толерантное отношение к национальным традициям других стран и воспитывает в сознании студентов чувство родины, национальное достоинство, позволяющее сохранять и развивать культуру России как ее самобытность и духовную ценность мировой цивилизации.

О. В. Гукаленко¹

ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Тенденции развития современной цивилизации привели к глобализационным процессам, которые

распространяются на все сферы жизнедеятельности людей.

¹ Член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры педагогики Педагогического института Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), председатель Комитета Верховного совета Приднестровской Молдавской Республики по вопросам образования, науки, культуры, семьи и детства, доктор педагогических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Поликультурное образование: теория и практика», «Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования», «Образование: уроки СНГ». Главный редактор журналов «Славянская педагогическая культура» и «Известия

Международной славянской академии образования». Лауреат премии Правительства РФ.

мическом отношении, так и в области знаний. Парадоксально, но наряду с усилением взаимосвязи глобализация инициировала процессы, при которых мир становится более мозаичным и расколотым, а финансово-экономический кризис лишь подтвердил и усугубил раскол в мировом сообществе.

Глобализационные тенденции все активнее охватывают и сферу образования. В ряде стран предпринимаются попытки распространения на образование категорий рыночной экономики, рассмотрения его как коммерческой услуги, предмета купли-продажи. Такой подход чреват тем, что вытесняется государственное регулирование образованием и вектор образования может быть смещен в сторону частного сектора и полной его коммерциализации. Есть опасения, что глобализационные подходы к образованию могут привести к неспособности школы поддерживать духовно-нравственные, этические и патриотические ценности и идеалы общества, моральный дух населения. В условиях глобализации во главу угла ставится интеллектуальный стандарт. Высшие слои общества, управленческая элита, как на Западе, так и в России нередко пополняются именно за счет людей, имеющих хорошие интеллектуальные способности, но при этом нередко демонстрирующих низкий моральный уровень: жадность, коррупцию, демагогию, сексуальную распушенность, стремление к накопительству и материальным благам (часто за счет общественных средств). Отдельные представители элиты, имея высокие управленческие, интеллектуальные и финансовые компетенции, зачастую не проявляют должных коммуникативных и личностных компетенций, отражающих гармонию человека с миром, обществом и природой.

Негативные последствия глобализация провоцирует и в области культуры. Поскольку современные телекоммуникационные системы весьма дорогостоящи, они недоступны для многих стран мира, а огромные преимущества имеет тот, кто обладает контролем над ними. «Практически монопольное владение средствами производства информации в области культуры и распространения культурной продукции во всем мире, предназначенной для все более широкой аудитории, — говорится в докладе Международной комиссии по образованию для XXI века, — является мощным фактором эрозии культурной самобытности. Несмотря на то что подобная ложная “всемирная культура” является монотонной и зачастую бедной по содержанию, она тем не менее внедряет в сознание людей определенные нормы, которые могут во многих случаях привести к чувству депрессии или потере собственной самобытности»¹. Это, по сути, и происходит сегодня на наших глазах — вытеснение и размывание оригинальных и самобытных культур массовой коммерческой культурой, весьма низкопробной, распространяемой с помощью СМИ.

Вряд ли есть необходимость доказывать, что культурное разнообразие мира, являющееся его фундаментальной чертой, составляет бесценное богатство

человечества, а униформизация и стандартизация в этой области наносят непоправимый ущерб, в том числе и в деле воспитания подрастающего поколения, поскольку несут опасность забвения уникального характера не только каждой культуры, но и целых народов и отдельной личности.

Усиливающаяся глобализация вызывает мощный поток социальных проблем, негативные явления в духовной жизни общества, отдельного человека, порождает настораживающую тенденцию к национальной нетерпимости и разобщенности.

В ситуации внешних изменений человек наиболее незащищен, растерян и требует к себе внимания. Часто он реагирует на процессы глобализации неадекватностью приспособления к жизненным условиям, что отражается в трудностях его социализации, воспитания и становления как личности. Это особенно опасно для подрастающего поколения, поскольку дети, молодежь — часть населения, сознание которого наиболее уязвимо в период нестабильности. Их жизненный опыт недостаточен для разрешения взрослых проблем, морально-этические ценности неустойчивы; они слабо адаптированы к изменившимся социокультурным и образовательным обстоятельствам.

Очевидно, что своеобразие исторической ситуации, сложившейся в том числе с учетом глобализации, требует сегодня разработки новой теории и практики воспитания. Среди стратегических задач развития современного образования в документах ЮНЕСКО обозначена задача *научиться жить вместе*. На первый план выдвигаются социальные потребности личности: с одной стороны, это стремление к национальной гармонии и мировой унификации, с другой — поиск корней и всего того характерного, что народы могут обрести только путем усиления культурной самобытности. Одновременно повышается значимость воспитания личности новой формации — гражданина мира, имеющего корни в собственной культуре, готового к транснациональной коммуникативности и межкультурному диалогу.

Реализовать в воспитании основное диалектическое свойство культуры, «единство в ее многообразии», в полной мере способно поликультурное воспитание, нацеленное на понимание принципов равноправия и самоопределения народов, постижение разнообразия культур и их ценностного осмысления.

Проблематика поликультурности и поликультурного воспитания достаточно широко обсуждается в научных источниках (Е. В. Бондаревская, В. П. Борисенков, Ю. С. Давыдов, В. И. Загвязинский, Г. Д. Дмитриев и др.).

Поликультурное воспитание — это сложноорганизованная система, в которой не просто суммарно представлено многообразие культур, а выдвигаются разнообразные культурные проявления на уровне нации, этноса, конфессий, рас, половых, социальных и других различий. С учетом этого в контексте процессов глобализации, на наш взгляд, имеет смысл рассматривать *поликультурное воспитание* как культуросообразный процесс принятия культурных универсалий, осознания самобытности культур,

¹ Делор Ж. Образование: сокрытое сокровище : докл. Международной комиссии по образованию для XXI века, представленный ЮНЕСКО. М., 1997.

утверждения разнообразия социокультурных практик в масштабах национальных, региональных культур, а также субкультур различных слоев и групп.

Поликультурное воспитание обладает рядом специфических признаков. Сущностные его характеристики базируются на категориях национальных (язык, история, искусство, фольклор, традиции народной педагогики и др.) в сочетании с общенациональными. Поликультурный воспитательный процесс развивается с различной степенью актуализации на всем протяжении становления личности. Содержание поликультурного воспитания определяет формирование планетарного сознания, глобального мировоззрения и базовой культуры личности; его технологии призваны отражать принципы поликультурности, личностной ориентации, глобализма и регионализации, то есть учета объективно опосредуемых социальных и педагогических условий.

Суть поликультурного воспитания — восхождение от личностно-этнического к общечеловеческому, формирование планетарного сознания через осознание себя частью этноса, государства, человечества. В данном направлении процесс поликультурного воспитания может включать этнический, гражданский и глобальный уровни.

Этнический уровень — приобщение к культуре своего этноса и знакомство с этнокультурой других народов, формирование толерантного отношения к другим людям, освоение культуры межнационального общения.

Гражданский уровень — развитие гражданской позиции, патриотических чувств, осознание себя гражданином страны, формирование политической, правовой, экономической культуры.

Глобальный уровень основан на знакомстве с системой знаний о правах и свободах человека, направлен на формирование позитивного опыта совместного сосуществования в многокультурном мире.

Поликультурному воспитанию призваны сопутствовать три стратегические идеи: плюрализм, равенство и объединение. Его *содержание* должно отвечать: принципам социокультурной идентификации личности, положительного толерантного отношения к культурному многообразию; формированию понятий и представлений об особенностях поликультурной среды и навыков межкультурного общения. Поликультурное воспитание призвано помочь человеку понять самого себя и окружающих его людей и содействовать выполнению социальной роли человека культурного в обществе и на производстве.

Задачами *поликультурного воспитания* могут быть: формирование планетарного мировоззрения, ориентация на высшие достижения человеческой цивилизации и принадлежности к мировому сообществу; воспитание миролюбия, веротерпимости, позитивного отношения к культурным различиям; культивирование бережного отношения к людям как представителям различных культур и субкультур; развитие умений и навыков продуктивного взаимодействия с носителями других культур.

Учитывая сложность и многоаспектность поликультурного воспитания, мы сочли целесообразным остановиться на трех основных, на наш взгляд, на-

правлениях, которые определяют стратегический курс развития воспитательных систем как в России, так и в мире с учетом процессов глобализации.

1. Воспитание национального самосознания личности средствами поликультурного образования.

В условиях глобализации и рыночных отношений на первый план выдвинулись социальные потребности личности, стремление обратиться к духовным истокам своего народа, заново открыть для себя богатства его традиций, языка, культуры. Очевидно, что формирование национального самосознания в оптимальном сочетании с общечеловеческими ценностями нравственной культуры межнациональных отношений — один из наиболее важных и сложных вопросов теории и практики поликультурного воспитания, так как относится к тонкой и сложной сфере человеческих отношений и испытывает воздействие широкого потока конкретных жизненных явлений. В многонациональном сообществе национальный фактор наряду с религиозным выступает на первый план в моменты социально-экономического неблагополучия или при провозглашении приоритета национальных интересов одного народа за счет подавления или игнорирования интересов другого.

В условиях усиливающихся процессов глобализации и интеграции следует пересмотреть этнические и культурные аспекты образования и обеспечить каждому человеку возможность понять другого и мир в целом в его хаотичном движении к некоему единству. Для этого необходимо научиться понимать самих себя, предпринимать внутренние усилия, основанные на осознании своей культурной идентичности, взаимосвязи и взаимозависимости окружающего мира.

2. Воспитание культуры межнационального общения.

Проблема межкультурного общения в условиях многоязычия является одной из древнейших проблем земной цивилизации. Актуальность данного вопроса обоснована востребованностью в обществе потребности обретения нового видения национальной жизни и межнационального взаимодействия, необходимостью совершенствования культуры межнационального общения среди учащейся молодежи. Воспитание культуры межнационального общения будет более эффективным в следующих условиях: конкретизации целей, задач воспитания, на основе поликультурности; включении учащихся как субъектов межкультурного взаимодействия в различные виды культуросозидательной деятельности; проработки вертикальных связей поликультурного воспитания, отражающих процесс целостного культурного становления личности в системе «цивилизованность—гражданственность—культура—духовность».

Высокая культура межнациональных отношений позволяет личности устанавливать конструктивный межкультурный диалог с окружающим миром, предполагающий уникальность каждого партнера и принципиальное равенство людей, различие и оригинальность точек зрения каждого человека. Это особенно важно в условиях глобализации, поскольку сегодня никакие политические, экономические, культурные разногласия не могут быть решены силовыми методами. На смену методам силового дав-

ления все чаще приходит политика, базирующаяся на принципах консенсуса, толерантности и ненасилия.

3. Воспитание интеркультурной коммуникабельности личности.

Интеркультурная коммуникация в условиях глобализации обеспечивает взаимодействие культур, основанное на выраженном национальном самосознании, демократичности и этнокультурной компетентности. Интеркультурная коммуникация человека призвана подвести его к межкультурному согласию, плюралистическому восприятию многообразия как культурных ценностей, так и национальных и религиозных традиций.

Все вышесказанное нацелено на формирование у подрастающего поколения умения жить в общностях, где влияния культур накладываются друг на друга, и устанавливать конструктивный компромисс с самыми различными этнокультурными и другими группами.

В целом внедрение обозначенных направлений, а именно *воспитание национального самосознания личности, культуры межнационального общения и интеркультурной коммуникабельности*, в содержание и формы поликультурного воспитания позволит сбалансировать отдельные образовательные проблемы, вызванные процессами глобализации.

Ю. С. Давыдов¹,
А. Ю. Давыдов²

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Глобализация — это ускоряющийся процесс расширения и углубления взаимосвязанности и взаимозависимости государств во всех сферах современной общественной жизни.

В какой мере в российском образовании в настоящее время осуществляется этот процесс? Если исходить из показателя утечки мозгов из страны — весьма успешно и с большой эффективностью для принимающей стороны. К примеру, большая часть ученых Силиконовой долины США — это выходцы из российской высшей школы.

Фундаментальность российского образования лежит в основе востребованности выпускников российских вузов на Западе. Как сказал один из руководителей компании «Майкрософт»: «Если есть простая задача — мы можем решить ее в Америке. Если есть сложная задача — мы решим ее в Индии. А если есть неразрешимая задача — решить ее можно только в России».

В настоящее время формируется вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО). В связи с этим возникает вопрос о степени открытости для зарубежных инвесторов рынка образовательных услуг. Этот вопрос требует глубокого изучения и осторожного решения. Ныне из 146 членов ВТО только 40 подписали соглашение об открытии образовательных рынков и предоставлении образовательных услуг. Особого внимания, на наш взгляд, требуют вопросы общего обязательного и специального образования, ибо это связано с опасностью по-

тери контроля над содержанием обучения и управлением учебным процессом.

Заслуживает внимательного изучения опыт Китая по поддержке своих студентов, выезжающих на учебу за границу. Министерство образования КНР опубликовало рекомендации для выезжающих на учебу, создало «Центр по оказанию услуг выезжающим на учебу за рубеж». В КНР сложилась и многофункциональная система оказания услуг специалистам, возвращающимся на родину, которая включает содействие в их трудоустройстве вплоть до финансовой помощи в создании собственных предприятий и предоставлении информации о возможностях вложения капиталов, и многое другое.

С огромным воодушевлением в свое время был принят Указ № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР», подписанный президентом Б. Н. Ельциным 11 июля 1991 года. Указ был положен в основу принятых позже законов «Об образовании» (1992), «О высшем профессиональном и послевузовском профессиональном образовании» (1996) и Национальной доктрины образования (октябрь 2000 г.).

Заметим, что названные документы, определяющие развитие образования, на наш взгляд, были одной из самых прогрессивных законодательных основ образования в мире. Не нужно было бы никаких других реформ в образовании, если бы требования перечисленных законов были выполнены. Однако в настоящее время об этом не приходится говорить, ибо самые значительные положения законов об образовании были отменены принятием в августе 2004 года Федерального закона № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов госу-

¹ Академик Российской академии образования, президент Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Болонский процесс и российские реалии», «Власть культуры в университете», «Университет в эпоху реформ», «Реформы российского образования: от желаемого к действительному», «Образование в современном мире: достижения и проблемы».

² Доцент Пятигорского государственного лингвистического университета, кандидат экономических наук.

дарственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» (см. ст. 16, 78).

Апофеозом «новой» роли государства в развитии образования, следующей из закона № 122-ФЗ, является исключение из закона «Об образовании» ст. 40 и 44, в которых конкретизировались государственные гарантии приоритетности образования (ст. 40) и развития его материально-технической базы (ст. 44). Эти статьи полностью исключены из закона.

Снятие статей о приоритетности образования с конкретными обязательствами может только замедлить переход страны к экономике знаний и ее вхождение в мировое образовательное пространство.

В настоящее время разрабатывается новый, интегрированный закон «Об образовании». Разработаны уже проекты его 1-й и 2-й глав. Но в них пока не прослеживается изменение отношения к образованию по сравнению с законом № 122-ФЗ. В этих главах, например, ничего не говорится о государственных гарантиях образованию, предусмотренных в первых законах об образовании. Нужно добиться, чтобы в оставшихся шести главах проекта закона были восстановлены отмененные законом № 122-ФЗ статьи (например, ст. 2, п. 3.3; ст. 17, п. 6; ст. 27, п. 2 закона о высшем образовании или ст. 43, п. 3–5 закона «Об образовании» и многие другие), которые способствовали развитию образования, а будучи отмененными, тормозят это развитие.

Принятию нового закона предшествуют и многие начинания, проводимые в высшей школе в настоящее время, которые вроде бы должны способствовать ее развитию. На совещании по развитию сети научно-образовательных центров 24 июля 2008 года на вопрос президента Д. А. Медведева: «Сколько вузов нужно России?» министр А. А. Фурсенко коротко ответил: «150–200 максимум». В этом министра активно поддерживает ректор Высшей школы экономики Я. И. Кузьминов. Он также считает, что сегодня в России наблюдается абсолютное «перепроизводство» вузов».

По мнению министра, «мы пришли к фактически всеобщему высшему образованию, гораздо более широкому по охвату, чем в советское время. (Если в СССР на 10 тыс. населения приходилось около 200 студентов, то сейчас — в 2,5 раза больше.)».

Наконец, как считает А. А. Фурсенко, «в стране должно быть не полтысячи университетов, а 20–30, максимум 50, поскольку “университет” — это высокое звание».

Далее рассмотрим названные предложения.

Первое. В стране должно остаться не более 150–200 вузов.

Заметим, 150 вузов было в России в... 1917 году. Их число сократилось до 90 в 1927 году. Но уже в 1940-м их было 481. Сейчас в стране 1134 вуза, но только 687 из них являются государственными или муниципальными, 665 — негосударственными. Причем 4 государственных и 227 негосударственных вузов являются неаккредитованными. Таким образом, резерв для сокращения действительно есть, и немалый — 231 неаккредитованный вуз. Вот где мо-

жет проявиться принципиальность Минобрнауки. Между тем число неаккредитованных вузов возросло по сравнению с 2007 годом в 1,7 раза!

Сколько же вузов нужно России? Если равняться, например, на Бельгию или Австралию, число вузов надо удвоить. В Бельгии и Австралии один вуз приходится на 52–55 тыс. жителей. В России — на 130,5 тыс.

Если равняться на Бразилию — всего 30–75, то есть вернуться, примерно, к середине 1920-х годов.

Второе. Пришли ли мы «к фактически всеобщему высшему образованию», и можно ли, исходя из этого, а также учитывая демографический спад, сокращать прием в высшие учебные заведения?

Сокращение приема на бюджетные места уже произошло. По сравнению с 2004 годом прием в вузы сократился на 36 % — с 628,6 тыс. в 2004 году до 397,2 тыс. в 2009-м. Население страны за этот период уменьшилось на 1,6 %. Число выпускников, получивших аттестаты о полном среднем образовании в 2004–2008 годах, сократилось на 29,7 %.

Кроме того, есть еще выпускники учреждений среднего профессионального образования, имеющие полное общее среднее образование, есть 4,6 млн выпускников средних школ, не поступивших в вузы в 2001–2006 годах. Наконец, есть 34 млн человек, потенциально нуждающихся в высшем образовании. Экономика знаний требует от 60 до 80 % работников с высшим образованием. В России же таких только 22–24 %. Работодатели уже сейчас более чем в 80 % случаев требуют работников с высшим образованием.

Таким образом, в настоящее время нужно не сокращать, экономя бюджет, а увеличивать прием на бюджетные места в вузах, несмотря на то, что их даже не 500, как говорил министр, а 529. Притом из этих 529 только 211 студентов обучаются за счет государственного бюджета. В 1980 году таких было 219 человек. Это ли ни свидетельство того, что число бюджетных мест в вузах нужно увеличивать, а не сокращать?

Радуют слова А. А. Фурсенко, сказанные им 8 декабря 2009 года на заседании Совета Российского союза ректоров, о том, что в дальнейшем число бюджетных мест сокращаться не будет.

Третье. Началась уже и реальная реструктуризация вузов.

К настоящему времени выделено два национальных университета: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет. По геополитическим соображениям создано семь федеральных университетов. На повестке дня формирование восьмого — Северо-Кавказского федерального университета.

Создаются федеральные университеты путем объединения ранее самостоятельных вузов, причем довольно разных по своему предназначению. Это ведет к потере заработанных десятилетиями великолепных брендов, широко известных на Западе. Ростовский госуниверситет теряет свое качество как наследник Варшавского университета. Таганрогский радиотехнический и Ростовский госпедуниверситет

должны еще будут подтвердить то высокое качество работы, которое им было присуще как известным в стране и мире вузам, теперь уже как составным частям Южного федерального университета. А не лучше ли было развивать Ростовский госуниверситет, создавая ему условия как федеральному вузу? Это ведь тоже один из возможных путей создания федеральных или национальных университетов.

Синергетического эффекта от объединения радиотехники, педагогики и архитектуры, например, в Ростове путем присоединения к классическому университету, на наш взгляд, трудно ожидать.

Конечно, нужно согласиться с выделением 14 вузов как национальных исследовательских университетов. Они созданы на основе конкурса, в котором участвовали 110 вузов. В апреле 2010 года возможно объявление нового такого конкурса. Пусть их будет вдвое больше.

Но все названные вузы, даже с удвоением научно-исследовательских, это всего 38 университетов, то есть цифра, близкая к озвученному министром необходимому количеству университетов — 30–50. Напомню, их в стране в настоящее время 350. Неужели выбирается «бразильский» вариант?

Какова же судьба оставшихся примерно 300 университетов и почти 300 институтов и академий?

В проекте нового закона «Об образовании» появляется новая категория вузов — колледжи, призванные осуществлять программы прикладного бакалавриата и программы более низкого уровня. Получается гибрид института, техникума и профтехучилища? Почему и профтехучилища? Да потому, что проектом нового закона «Об образовании» существование начальных профессиональных учебных заведений не предусматривается.

Таковыми же «гибридами» оказываются институты и академии. Отличие в том, что в институтах появляется академический бакалавриат, а в академиях — специалисты и ведение «прикладных научных исследований». Почему только прикладных? Это загадка, на которую могут ответить только составители проекта закона.

Университеты в проекте закона оказываются как бы вне вузов. Они имеют самостоятельные определения.

В настоящее время названные 24 «ведущих» вуза назначены то ли по геополитическим соображениям (федеральные университеты), то ли по элитарному статусу.

Действительно, разница между видами учебных заведений огромная. В основе университетского образования, и в этом надо согласиться с В. А. Садовничим, «лежат авторские научно-педагогические идеалы, вековые традиции, наконец, интеллектуальная элитарность учащихся». Именно эти обстоятельства позволяли университетам, в классическом понимании этого слова, успешно решать триединую задачу: быть центрами обучения, научных исследований, культуры и воспитания.

Как быть? Или признать элитарность небольшого числа университетов? Или добиться превращения в центры культуры и образования всех остальных высших учебных заведений, тем более что многие из них, хотим мы этого или нет, признаны университетами?

На наш взгляд, ответы именно на эти вопросы ныне пытаются дать, предлагая ранжировать вузы. Это идет от бедности ресурсов в стране (на все вузы средств не хватает) и от поверхностного представления о том, что считать ведущими звеньями, определяющими элитарность в современных условиях, ибо каждое из них может быть оспорено.

Независимый рейтинг показывает, что отнюдь не все вузы, считающиеся бесспорными авторитетами, стоят на первых местах. В первой десятке ведущих вузов страны, определенных независимой экспертизой Благотворительного фонда В. В. Потанина, в 2008/09 учебном году оказались только три из десяти национальных и федеральных университетов. Это МГУ им. М. В. Ломоносова, Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина и Уральский государственный университет им. А. М. Горького.

«Идея вуза над вузами, — и в этом правы авторы аналитического доклада “Высшее образование в России: состояние и направление развития”, — категорически противоречит не только здравому смыслу, но и европейскому стандарту университетской автономии... Статус ведущего может заново формироваться и закрепляться на свободном рынке, но не вследствие административного назначения...»

Авторитетами не назначаются, авторитеты завоевываются. И в этом отношении, безусловно, в России были, есть и будут ведущие вузы, известные своими достижениями в высоком качестве подготовки специалистов, науке и культуре, занимающие высокое место в мировом образовательном пространстве.

А. Я. Данилюк¹

ГЛОБАЛИЗИРУЮЩИЙСЯ МИР И ПРИОРИТЕТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Интегративных процессов, определяющих облик современного мира, не избежать и не остановить. Закрывать от них бессмысленно, напротив,

¹ Член-корреспондент Российской академии образования, главный редактор журнала «Педагогика», доктор педагогических наук, доцент.

следует использовать их потенциал для решения проблем социально-экономического и культурного развития страны. Как сохранить национальное своеобразие и в то же время полноправно участвовать в поликультурном диалоге? Это возможно только в том случае, если человек ощущает себя прежде все-

го гражданином своей страны. Миф о том, что в современных условиях успешность жизненного самоопределения зависит от способности быть гражданином мира, свободным от национальных традиций, на наш взгляд, не только несостоятелен, но и опасен. Без национальной идентификации невозможна самоидентификация, а вне ее включенность в мировой цивилизационный процесс представляется сомнительной.

Диалог культур как основа их развития предполагает полноценное развитие личности как носителя ценностей национальной культуры, открытого для восприятия достижений других культур. Тот, кто свободен от собственной культуры, свободен от культуры вообще. Нужен ли такой человек глобализирующему миру? Думается, нет. Нет корней — значит нет устойчивости в жизни, нет ценностей и нравственных регулятивов. Понимание сложной, но продуктивной диалектики национального и интегративного актуализирует вопрос об особенностях современной системы воспитания. Сегодня он приобрел первостепенное значение для нашей страны.

В конце 2009 года министром образования и науки России А. А. Фурсенко был подписан и зарегистрирован Минюстом РФ Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) начального общего образования. В настоящее время осуществляется активная разработка проектов стандарта основного и полного общего образования. Отличительная черта новых образовательных стандартов — приоритет воспитания обучающихся. Стандарты восстанавливают утраченное в 1990-е годы единство учебно-воспитательного процесса. Методологической и идеологической основой ФГОС общего образования, а также примерных программ духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся служит Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России (Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М., 2009).

В Концепции формулируются цели и задачи воспитания и социализации обучающихся, раскрывается система базовых национальных ценностей, лежащая в основе учебно-воспитательного процесса, определяются основные формы и методы духовно-нравственного развития гражданина России в процессе урочной, внеурочной и внешкольной деятельности, партнерских отношениях с семьей, институтах гражданского общества, конфессиях.

В основе организации учебно-воспитательного процесса лежит национальный воспитательный идеал, понимаемый как высшая цель образования, высоконравственное (идеальное) представление о человеке, на воспитание, обучение и развитие которого направлены усилия основных субъектов национальной жизни: государства, семьи, школы, политических партий, религиозных и общественных организаций.

Содержание воспитательного идеала определяют два важнейших источника. Первый — Закон РФ «Об образовании». В ст. 14 (п. 1–2) сформулирова-

ны национальные задачи, решение которых должно обеспечивать содержание образования:

- самоопределение личности, создание условий для ее самореализации;
- укрепление и совершенствование правового государства;
- адекватный мировому уровень общей и профессиональной культуры общества;
- формирование у обучающегося адекватной современному уровню знаний и образовательной программы (ступени обучения) картины мира;
- интеграция личности в национальную и мировую культуру;
- формирование человека и гражданина, интегрированного в современное общество и нацеленного на его совершенствование;
- формирование духовно-нравственной личности;
- воспроизводство и развитие кадрового потенциала общества.

Второй источник — отечественный педагогический опыт во всей исторической полноте. Национальный воспитательный идеал имеет конкретно-исторический характер и соответствует условиям определенной эпохи. В определении современного национального воспитательного идеала необходимо опираться на отечественные традиции.

Современный национальный воспитательный идеал — *высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях многонационального российского народа*.

Воспитательный идеал является компонентом и одновременно универсальной педагогической технологией решения важнейшей национальной задачи преумножения численности российского народа, повышения качества его жизни, труда и творчества, укрепления духовности и нравственности, гражданской солидарности и государственности, развития образования, науки и культуры. В контексте этой задачи и на основе национального воспитательного идеала формулируется цель современного образования, одна из приоритетных задач общества и государства, — воспитание духовно-нравственного, ответственного, инициативного и компетентного гражданина России.

Духовно-нравственное воспитание гражданина России — это начало и результат, смысл и основной ресурс социального и экономического прогресса общества. Модернизация страны, без которой невозможно ее равнопартнерское участие в мировых процессах, начинается с воспитания личности, способной ее осуществить. Национальный воспитательный идеал и цель современного образования не могут быть осуществлены только системой образования. Их реализация применительно к образованию требует консолидации сил, согласования полномочий и ответственности важнейших субъектов национальной жизни — личности, общества и государства.

В сфере *личностного развития* духовно-нравственное воспитание должно обеспечить:

— готовность и способность учащихся к духовному развитию, реализации творческого потенциала в предметно-продуктивной, социальной и профессиональной деятельности на основе нравственных установок и моральных норм, непрерывного образования, самовоспитания и универсальной духовно-нравственной компетенции — «становиться лучше»;

— укрепление нравственности, основанной на свободе воле и духовных отечественных традициях, внутренней установке личности школьника поступать согласно совести;

— формирование морали, осознанной обучающимся как необходимость определенного поведения, основанного на принятых в обществе представлениях о добре и зле, должном и недопустимом;

— развитие нравственного самосознания личности (совести) — способности школьника формулировать собственные нравственные обязательства, осуществлять нравственный самоконтроль, требовать от себя соблюдения моральных норм, давать нравственную оценку своим и чужим поступкам;

— принятие обучающимся базовых общенациональных ценностей, национальных духовных традиций;

— позитивную нравственную самооценку и самоуважение;

— готовность и способность открыто выражать и отстаивать свою нравственно оправданную позицию, проявлять критичность к собственным намерениям, мыслям и поступкам;

— способность к самостоятельным поступкам и действиям, совершаемым на основе морального выбора, принятию ответственности за их результаты, целеустремленность и настойчивость в достижении результата;

— трудолюбие, жизненный оптимизм, способность к преодолению трудностей;

— осознание ценности человеческой жизни, нетерпимость к действиям и влияниям, представляющим угрозу жизни, физическому и нравственному здоровью и духовной безопасности личности, умение противодействовать им в пределах своих возможностей.

— свободолюбие как способность к сознательному личностному, профессиональному, гражданскому и иному самоопределению и развитию в сочетании с моральной ответственностью личности перед семьей, народом, Отечеством, будущими поколениями;

— укрепление веры в Россию.

В сфере *общественных отношений* духовно-нравственное развитие должно обеспечить:

— сформированность идентичности гражданина России на основе принятия учащимися национальных духовных традиций, базовых национальных ценностей, нравственных приоритетов и моральных норм;

— готовность граждан солидарно противостоять глобальным вызовам современной эпохи;

— развитие патриотизма и гражданской солидарности;

— повышение роли институтов гражданского общества, традиционных российских религиозных ор-

ганизаций в воспитании и социализации детей и молодежи;

— укрепление доверия к другим людям, институтам гражданского общества;

— укрепление целостности российского народа, поддержание межэтнического мира и согласия;

— сформированность отношения к семье как к основе российского общества;

— приобщение к ценностям и традициям российской семьи;

— бережное отношение к жизни человека, продолжение рода;

— законопослушание граждан.

В сфере *государственных отношений* духовно-нравственное воспитание должно обеспечить:

— укрепление и совершенствование правового государства;

— повышение доверия к государственным институтам со стороны граждан и общественных организаций;

— повышение эффективности государственной власти в процессе модернизации страны;

— укрепление национальной безопасности.

Духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся неизменно сопряжено с определенными ценностями, духовными приоритетами. Без ценностей невозможно воспитание. В наши дни духовные основы российского общества, «то, что можно назвать исконными ценностями россиян», были определены В. В. Путиным в докладе «Россия на рубеже тысячелетий». В качестве важнейших национальных приоритетов были названы *патриотизм, державность, государственничество, социальная солидарность*. Был определен характер современной национальной идентичности — «как сплав, органичное соединение универсальных, общечеловеческих ценностей с исконными российскими ценностями, выдержавшими испытание временем». Этот ценностный ряд целесообразно дополнить с учетом наших традиций. Значимыми для России всегда были ценности семьи, творчества, труда, природы. На современном этапе особое место в ценностной иерархии занимает человечество. Напомним размышления одного из героев А. И. Солженицына о двух кругах — Отечества и человечества, между которыми не может быть ключей проволочки.

Рассмотрим, каким содержанием наполняются сегодня знакомые ценности.

Патриотизм — чувство гордости своим Отечеством, его историей и свершениями. Это стремление сделать Россию крепче, а ее граждан — богаче и счастливее. Патриотизм — это источник силы народа. Он выражается в следующих ценностях: любовь к России; любовь к своему народу; любовь к своей малой родине; служение Отечеству (ратное, духовное, трудовое).

В нашей стране коллективные формы жизнедеятельности всегда имели приоритет над индивидуализмом. Социальная солидарность — не только наша национальная традиция, но и одно из важнейших условий модернизации страны. Ее следует рассматривать как возможность личности развиваться в неагрессивной, благоприятной социальной среде,

как поддержку (социальную, педагогическую, духовную и т. д.), которую общество готово оказывать человеку, как заботу личности об интересах общества. Социальная солидарность раскрывается в ценностях: свобода личная и национальная; доверие на всех уровнях общества; справедливость; милосердие; доброта; честь и честность; достоинство.

Российские народы образуют российскую гражданскую нацию. Их объединяет общая историческая судьба, культура, ментальность, русский язык. Россиян сплачивают глобальные вызовы эпохи, на которые можно ответить только сообща. Единство нации в первую очередь воплощается в Российском государстве, которое необходимо рассматривать как исторически сложившийся способ взаимодействия и развития российских народов в общей социокультурной традиции. Гражданственность основана на следующих ценностях: правовое государство; гражданское общество; долг; закон; правопорядок; межэтнический мир; свобода совести и вероисповедания.

Россия начинается с российской семьи. Здесь впервые рождается и упрочивается понимание ребенком того, что он неслучайно появился в этом мире, его существование востребовано людьми, близкие, родные люди нужны ему для того, чтобы стать человеком. Семья создает человека и поддерживает его стремление к развитию, если членов семьи объединяют ценности, значение которых они хотят разделить с другими людьми: любовь и верность; здоровье и благополучие; почитание родителей; забота о старших и младших; забота о продолжении рода.

Нет средства более важного, чтобы стать человеком, личностью, семьянином и гражданином, сделать себя и окружающий мир лучше, чем свободное творчество и ежедневный труд. Это возможно, если человек принимает такие ценности, как: познание и истина; творчество и созидание; целеустремленность и настойчивость; трудолюбие; бережливость.

Россияне вправе гордиться своей страной, ее славной историей, великой культурой, традиционной духовностью, великолепной природой. Открыть для себя красоту российской земли, ее уникальные природные и культурные ландшафты школьники могут, приобщаясь к следующим ценностям: жизнь; родная земля; красота; гармония.

Российская идентичность соотносится с системой общечеловеческих ценностей. Это одно из условий ее устойчивости. У школьника необходимо воспитывать способность к духовно-нравственному развитию через обращение к другим национальным культурам и мировому культурному наследию. В то же время он сам должен быть понятен представителям других народов, открыт и дружелюбен по отношению к ним, что возможно через принятие таких ценностей, как: планета Земля; мир во всем мире; многообразие культур и народов; прогресс человечества; международное сотрудничество.

Система базовых ценностей имеет ключевое значение не только для образования, но и для организации жизни в нашей стране. Такая система определяет самосознание российского народа, расставляет приоритеты общественного и личностного развития, определяет характер отношений человека к семье, обществу, государству, труду, смыслы человеческой жизни. Воспитательное пространство школы, составляющей основу государственно-общественной системы воспитания, должно наполняться ценностями, общими для всех россиян, принадлежащих к разным конфессиям и этносам, живущих в разных регионах нашей страны. Эти ценности выражают суть общенациональной концепции: «Мы — российский народ». Это то, что объединяет всех россиян в дополнение к их этнической, религиозной, профессиональной и иной идентичности, то, что позволяет школьнику осознать себя гражданином единого многонационального российского народа. Это осознание позволяет чувствовать себя и частью единого поликультурного мира.

И. А. Зимняя¹

ЕДИНОЕ И ЕДИНИЧНОЕ В ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ (Пример компетентностного подхода)

Глобальные демографические, экологические, природно-ресурсные, финансово-экономические проблемы цивилизационного общемирового развития, вызвавшие необходимость их решения путем межконтинентальной, межгосударственной инте-

грации, обусловили интегративные процессы во всех сферах социокультурной, политической и экономической жизни стран, в частности в сфере образования. Так, начиная с 1960-х годов в европейском высшем образовании стали проявляться интегративные тенденции, впоследствии нашедшие отражение в Великой хартии университетов (1988) и зафиксированные в Лиссабонской конвенции (Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе) (1997) и Болонской декларации (1999) о европейском образовательном пространстве за рамками Евросоюза.

Со ссылкой на компетентных европейских авторов ведущий исследователь Болонского процесса В. И. Байденко отмечает, что «Болонский процесс

¹ Академик Российской академии образования, заведующая сектором Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Разработчик компетентностного подхода в современном образовании. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. учебника «Педагогическая психология»; монографий: «Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке», «Психология обучения неродному языку», «Психология обучения иностранным языкам в школе», «Лингвопсихология речевой деятельности» и др. Редактор коллективной монографии «Стратегия воспитания в образовательной системе России».

и Лиссабонская стратегия — два самостоятельных и очень важных процесса, серьезно влияющих на высшее образование в Европе»¹. При этом отмечается, что Болонская декларация — «это публичное обещание стран», «заявление о намерениях»; более того, В. И. Байденко подчеркивает, что «это добровольная обязательность»². В 2003 году эти обязательства приняла на себя Россия. Можно полагать, что принятие этих документов положило начало глобализации европейского высшего профессионального образования с формированием единого образовательного пространства.

Т. Е. Шехтер, определяя глобализацию в мировом масштабе, отмечает, что «в самом общем определении глобализация — это процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-экономического пространства на базе новых технологий»³. Автор говорит об изменении форм глобализации в период с 1960 года по настоящее время и констатирует, что «в последние годы развивается третья форма глобального преобразования мира — это становление глобальной культуры, вмещающей в себя разнообразие мировых культурных практик»⁴. При этом важным представляется добавление автора о том, что «глобальную культуру уподобляют плазме, в которой образуется и *гибнет* множество культурных образований»⁵ (выделено мной. — *И. З.*). Применительно к культуре, образованию такая перспектива настораживает.

Следует согласиться с А. В. Белоцерковским в том, что глобализация как «исчезновение физического расстояния для обмена идеями, знаниями и получением образования, международных степеней и сертификатов радикально изменила академический мир»⁶. Однако добавим, что в глобализации не могут и не должны раствориться национальные социокультурные особенности народов, их ценности, специфичность взглядов и воззрений, выражающиеся в национальной культуре, и особенно в системе образования, способствующей ее упрочиванию, передаче и воспроизведению. Неслучайно в Коммюнике Всемирной конференции ЮНЕСКО по высшему образованию (Париж, 2009) подчеркивается: «...чтобы глобализация высшего образования стала преимуществом для всех, необходимо... содействовать повышению качества и уважать культурное разнообразие и национальный суверенитет»⁷.

¹ Байденко В. И. Болонские преобразования: проблемы и противоречия (статья четвертая) // Высшее образование в России. 2009. № 11. С. 35.

² Там же. С. 36.

³ Шехтер Т. Е. Глобализация и диалог культур как факторы развития современной художественной культуры // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2009 г. СПб., 2009. С. 306.

⁴ Там же. С. 305.

⁵ Там же. С. 306.

⁶ Зимняя И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 85.

⁷ Новая динамика высшего образования и научных исследований для изменения и развития общества (Коммюнике Всемирной конференции ЮНЕСКО по высшему образованию, Париж, 5–8 июня 2009 г.) // Высшее образование в России. 2009. № 11. С. 44.

В результате анализа научной литературы было выявлено, что основной глобальной проблемой современного европейского образования, включая российское, является проблема позитивного изменения его *качества*, обеспечивающего совершенствование не только образовательного процесса, его результата, но и самой образовательной системы. Лейтмотивом решения этой проблемы является прежде всего конкурентоспособность европейского образования в целом, хотя в документах болонских форумов отмечается необходимость развития и самих обучающихся. Категория качества «воленс-ноленс» становится одной из определяющих, влияет на все направления совершенствования образования, учитывающего вызовы современного мира в условиях глобализации.

Как известно, одно из направлений совершенствования качества современного европейского высшего образования в рамках Лиссабонского и Болонского соглашений (наряду с его структурным преобразованием, изменениями в системе оценок и др.) — формирование не только знаний и умений специалиста, но и необходимых для обеспечения высокого качества результата образования соответствующих личностных и индивидуальных характеристик (Дж. Равен, Л. М. и С. М. Спенсеры и др.), которые были названы компетенциями, что определило формирование и развитие компетентностного подхода.

При осмыслении компетентностного подхода в общем контексте понимания процесса и сущности глобализации в целом и глобализации образования в частности возникает чувство несоответствия между единым, общим и единичным, специфичным. Так, если принять как данное, что отечественная система образования традиционно всегда направлена на воспитание субъекта-обучающегося с учетом специфики форм, методов этого процесса для разных ступеней, уровней этой системы, то этот акцент должен сохраниться и при компетентностном подходе. Более того, в условиях российской 11-летней школы, большого количества сельских и малокомплектных школ этот воспитательный социокультурный акцент должен быть усилен в высшем профессиональном образовании в качестве определенной компенсации как бы «упущенных возможностей».

Соответственно при единстве направления — повышении качества образования — возникает ситуация сохранения единичного в общем русле глобализации, а именно — собственно российского акцента на социально-позитивном личностно-ценностном развитии субъекта обучения — студента. Она может быть реализована при осуществлении компетентностного подхода (составляющей глобализации образования) за счет упрочения, развития парциальных социальных и профессиональных компетентностей студента (как интегральных *личностных* качеств) в структуре единой социально-профессиональной компетентности⁸, в которой объединены: интеллектуальный блок, блок личностных характеристик (таких, как ответственность, самостоятельность и др.) и собственно содержательный блок, который включает:

⁸ Зимняя И. А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Высшее образование сегодня. 2005. № 11.

а) знание содержания компетентности; б) умение применить это знание; в) ценностно-смысловое отношение к этому содержанию; г) эмоционально-волевую регуляцию процесса формирования и его применения в практике решения разных социальных и профессиональных задач; д) готовность реализации этих компетенций¹.

Личностно-ценностное развитие студента может быть целенаправленно продуктивно осуществлено, если при реализации компетентностного подхода в качестве результата высшего профессионально-

го образования выступит комплексная единая социально-профессиональная компетентность² (а не набор подлежащих освоению компетенций), в основе которой лежит ценностно-смысловое отношение к миру, обществу, государству, другим людям, труду, самому себе. Формирование такого осознанного отношения позволяет соотнести результат этого процесса с социокультурными ценностями традиционного российского образования и укрепить единичное в единстве глобальных образовательных процессов.

Л. С. Илюшин³

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК РЕСУРСЫ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ В МИРОВОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Первое десятилетие XXI века полностью оправдало прогноз о глобальной востребованности решения гуманитарных проблем в эпоху постмодерна. Будучи сама по себе еще недостаточно осмысленной и структурированной в геополитическом, хронологическом, экономическом, плане, эта эпоха, тем не менее, уже прочно ассоциируется с противоречиями, прежде всего, образовательного свойства, без поиска путей преодоления которых дальнейшее вхождение в новый век оказывается делом сложным и рискованным, причем в глобальном масштабе. Российская образовательная практика в этом отношении не является исключением, напротив, все более оказывается вовлеченной в общемировой процесс поиска идей и моделей «новой дидактики», «воспитания в условиях нового информационного контекста», «технологий обеспечения доступности и качества образования».

Научным инструментом такого поиска является компаративистский (сравнительный) подход к изучению и проектированию образовательного процесса. В общем виде, не детализируя особенности науковедческих, методологических подходов современной педагогики, возможно определить педагогическую науку эпохи постмодерна как «исследование изменяющихся “смыслов” образовательной деятельности»⁴. Понятие «смысл» в данном случае будет включать в себя и категорию целеполагания, и технологический аспект достижения цели, и содержательное «ядро» образования, и пространство индивидуально-личностных достижений и взаимной мотивации ученика и педагога. Вместе с тем, под сугубо «смысловой» категорией образовательной деятельности следует, по-видимому, понимать кате-

горию «качества жизни» как производной «качества образования»⁵.

Рассмотрим более детально область применения сравнительного подхода к исследованию образовательного процесса с точки зрения его востребованности современным состоянием российской школы. Миссию сравнительного педагогического знания можно определить как «развитие научного диалога за рамками государственных границ и культурных стереотипов». В этой связи, говоря о сущности сравнительных педагогических исследований, обозначим три очевидных направления научного интереса в этой сфере: собственно сравнение образовательных практик, поиск в них «общего и особенного» с целью выявления согласованности тенденций в области обучения, воспитания, развития детей в различных странах; изучение наиболее эффективных достижений зарубежной дидактики, практической когнитивной детской психологии, социального проектирования.

Следуя классическому построению структуры научного знания, можно определить совокупный актуальный «объект» сравнительных исследований как «профессиональная деятельность учителя, являющаяся социокультурным феноменом современного этапа развития человечества». Данный «объект» может подразумевать по меньшей мере несколько «предметных областей» для исследований: современный урок — его режиссура, содержание, личностно-ориентированный подход и массовый характер информационно-коммуникационных технологий; уклад школьной жизни как среда развития ценностных установок, культурного кругозора, толерантности и гражданской идентичности; образовательный менеджмент, национальный кадровый педагогический капитал как область экономического проектирования; гендерные, возрастные, национальные, культурно-конфессиональные и подобные аспекты образовательного диалога в современном мире.

¹ Зимняя И. А. Ключевые компетенции...

² Зимняя И. А. Общая культура...

³ Профессор кафедры непрерывного филологического образования и образовательного менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, доктор педагогических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книги «Образовательная мотивация: теория и методология исследования» и др.

⁴ Alexander R. Culture and Pedagogy. International comparisons in primary education. Blackwell Publishers Ltd, 2001.

⁵ Илюшин Л. С. Образовательная мотивация: теория и методология исследования. СПб., 2002. *Он же*. Вариант «три в одном» не проходит // Учительская газета. 2009. № 21. 26 мая.

Продолжая рассмотрение исследовательского «поля» сравнительного педагогического знания, можно выделить три области целеполагания таких исследований, актуальных с точки зрения включения их в реализацию комплексной национальной образовательной стратегии. Во-первых, целью таких исследований является поиск эффективных путей преодоления патерналистского сознания «завтрашнего» российского социума и развитие гражданского общества средствами образовательной деятельности. Во-вторых, это получение и сопровождение развития опыта инновационного поведения как образовательной и жизненной стратегии российских школьников. Наконец, в-третьих, это разработка и внедрение образовательных технологий, обеспечивающих преодоление тенденции «разрушения нации» через ориентацию школьников на сохранение здоровья и здоровый образ жизни.

Далее остановимся на еще одном важном аспекте сравнительных исследований в современной педагогической науке, а именно на рассмотрении личности педагога в условиях преодоления глобального экономического кризиса. Проведенные нами сравнительные исследования личностных и профессиональных позиций педагогов (Россия, Великобритания, США) в 1998–2008 годах, то есть накануне и «внутри»¹ глобального кризиса¹ позволили зафиксировать ряд тенденций, прежде всего ценностного характера, отражающих, на наш взгляд, сущность процесса самоопределения педагога в меняющемся мире. Первая из этих тенденций — признание педагогами очевидного роста бремени своей ответственности перед социумом за качество образования подрастающего поколения. Вторая тенденция — озабоченность педагогов снижением эффективности традиционных дидактических средств, «работавших» ранее, но не дающих должного результата в условиях динамичных, зачастую регрессивных изменений качества мотивации образовательной деятельности учащихся и запросов их семей, занятых проблемами восстановления (или сохранения) благосостояния в период кризиса экономики. Наконец, третья тенденция (отчасти противоречащая первой, но тем бо-

лее интересная в социально-психологическом плане для дальнейшего изучения) — укрепление «патерналистских вызовов» со стороны учительства, ищущего в жестких императивах государственной политики опоры для института школьного образования в целом, особенно в условиях роста конкуренции и идеологического противостояния «традиционной школе» со стороны СМК — средств массовой коммуникации.

Разумеется, следует сделать необходимую оговорку о том, что и причины, и следствия кризиса, определяемого как «экономический», трактуются сегодня в большей степени как явления гуманитарного, ценностного характера, нежели как сугубо финансовые, «замкнутые» на банковские, кредитные и прочие проблемы. Иными словами, базовой категорией на пути выхода из глобального кризиса следует считать не категорию «распределения потребительского продукта», а категорию «обретения гуманитарного смысла», подразумевая то, что последняя безусловным образом связана с проблемой личности учителя, воспитателя. Продолжая эту логику в отношении проблемы личности и профессиональных качеств современного педагога, можно предложить несколько конкретных тем для масштабных сравнительных исследований: исследование взаимосвязи успешности решения учителем педагогических задач с удовлетворением его потребности в самореализации в условиях посткризисного общества; исследование новых профессиональных «ролей» и ценностных позиций педагога в условиях современной школы в различных социокультурных (национальных) контекстах; расширение традиционных сравнительных исследовательских проектов PISA (Programme for International Pupils Achievements) и TIMSS (Trends in Mathematics and Science Study) в направлении изучения педагогической практики, то есть «достройка» исследовательских «парных» исследований: PISA-PITA и TIMSS-TIMST, где «Т» означает “Teachers” и “Teaching” соответственно. Осуществление исследований по предложенным направлениям могло бы стать одним из факторов мирового культурного развития в сфере образования.

В. П. Казарин²

НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Совместное развитие стран Черноморского региона невозможно без диалога культур, каждая из ко-

¹ Motivation, Engagement and Educational Performance (International Perspectives on the Contexts of Learning) / J. G. Elliott [et al.]. Palgrave MacMillan, 2005.

² Заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь), доктор филологических наук, профессор. Первый заместитель председателя Севастопольской городской государственной администрации. Депутат Верховной Рады Республики Крым. Автор книг: «Культура камня в эстетике и мировоззрении А. С. Пушкина», «Вера, язык, слово: филологическая публицистика, публицистика филолога: заметки крымчанина», «Крымский литератор—2000», «Перед

торых зачастую рождена разными цивилизациями. На берегах Черного моря сошлись страны, наследующие традиции античного мира и Византии, цивилизации древних славян и Османской империи, культуры арабского мира и традиции влиятельных еврейских поселений. Надо также помнить, что долгое время этот регион переживал острые противоречия, вызывавшие ожесточенные и кровопролитные войны. Все это привело к формированию национальных общественных стереотипов, которые юбилеем: очерки и размышления накануне 150-летия Крымской войны» и др.

препятствуют налаживанию диалога культур в новейшее время. Турки, в общем, испытывают недоверие к славянам, славяне с подозрением относятся к выходцам с Кавказа или из Румынии, болгары традиционно не доверяют туркам.

В XXI веке ломка устаревших стереотипов возможна только за счет формирования нового сознания у молодежи. Среднее и старшее поколения вряд ли смогут в корне изменить образ своего мышления. Именно поэтому в городе-регионе Севастополе ведется работа по созданию проектов, которые могли бы помочь формированию человека нового времени.

В числе наиболее интересных и важных можно назвать идею создания в Севастополе Черноморского евроколледжа. Эта идея была высказана 2 года назад министром иностранных дел Германии, ее поддержали страны Европейского Союза, согласие на ее реализацию дали Украина и Севастополь. Это будет третье учебное заведение такого типа, создаваемое в Европе (первый колледж был создан в Бельгии, второй в Польше). Проект предполагает создание в Севастополе международного высшего учебного заведения, патронами которого будут университеты пяти или шести стран Европы и Черноморского бассейна: Украины, России, Турции, Германии, Греции.

Список может быть продолжен и изменен. Учебное заведение будет иметь смешанный состав преподавателей из университетов указанных стран, а также смешанный состав студентов. Преподавание будет вестись на трех-четырёх языках, диплом вуза будет одинаково признаваться в каждой из стран и Европе в целом.

Другим примером работы по формированию нового сознания у современной молодежи является проект издания культурно-литературного журнала «Черное море», редакция которого будет включать специалистов из стран региона. Журнал будет выходить по крайней мере на двух языках, которые составят основу параллельно расположенных на каждой странице текстов. Издание станет пропагандировать культуру черноморских стран, знакомить читателей с видными деятелями культуры и по итогам года определять лучшего писателя и журналиста, музыканта и педагога, философа и художника из числа деятелей тех государств, которые берут на себя труд по реализации данного проекта.

Настойчивость в реализации этих и других проектов позволит через шесть-восемь лет вырастить целое поколение молодых специалистов, готовых по-новому взглянуть на прошлое и будущее того региона, в котором им предстоит жить.

И. А. Карачевцев¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ: НОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЛИ НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ДИСЦИПЛИН?

В современном мире материальный прогресс подчиняет себе духовную жизнь общества. Общество деморализующим образом подчинило индивида своим целям. Воля к прогрессу, проснувшаяся в людях в Новое время, ограничивается теперь лишь внешними успехами, ростом благосостояния, простым накоплением знаний и умений. Современная культура находится в глубоком кризисе. Культура лишилась своего глубокого предназначения — способствовать духовно-нравственному возвышению человека и человечества. Бег человека в поисках самого себя без четкого духовного ориентира ведет к потере человеческой идентичности.

Об этом я, учитель истории и обществознания, говорю своим ученикам на уроках, пытаюсь вскрыть сущность кризиса современной культуры в новейшей истории. Точнее хочу сказать своим ученикам и услышать их мнение, но на уроках истории и обществознания на этот разговор нет времени. Учебные программы по истории и обществознанию в старшей школе перегружены фактами, теориями. Современному ученику трудно все это запомнить и усвоить, так как опыт постижения истин невозможен без опыта сопереживания и сочувствия. А для этого необходимы диалог учителя и учеников, диа-

лог прошлого и настоящего, желание заглянуть вовнутрь себя и... достаточное учебное время.

В автобиографии Чарльза Чаплина есть сетования автора о недостатках его школьного образования: «Если бы только кто-нибудь из учителей... сумел бы расшевелить мое воображение и разжечь фантазию, вместо того чтобы вбивать мне в голову факты... помог бы мне ощутить идею в истории... — кто знает, может быть, я стал бы ученым»². Эти слова являются актуальными и сегодня в педагогической деятельности учителя истории.

Поиск духовных основ жизни человека и общества должен стать задачей школьного образования. Поэтому я стараюсь создавать на уроке условия для самопознания ребенка, моделировать ситуацию нравственного выбора.

Современный урок истории — это диалог ребенка с учителем, со своим товарищем по классу, с текстом, с миром человеческой культуры. Это урок равноправных субъектов образовательного процесса, где идет совместный поиск истины, где идет согласование ценностно-смысловых ориентиров учителя и ученика. Важной задачей современного урока истории является сохранение преданности человека родной земле, вере отцов в условиях современной глобальной цивилизации.

¹ Директор гимназии № 166 (Санкт-Петербург), заслуженный учитель РФ, почетный работник общего образования РФ. Победитель конкурса «Учитель года России—2003».

² Чаплин Ч. Моя биография. Ростов н/Д; М., 1997.

Многие специалисты в области образования, общественные и политические деятели говорят о необходимости введения в учебные планы российских школ предметов, направленных на духовно-нравственное развитие школьников («Основы православной культуры», «История мировых религий», «Этика»). Мне кажется, что не дополнительные предметы надо вводить, а усиливать духовную составляющую всех предметов, особенно гуманитарных. Нужен радикальный пересмотр содержания школьных предметов. Нужна реальная гуманитаризация образования, которая понимается как процесс обновления и обогащения содержания образования, направленный на целенаправленное и последовательное раскрытие философских основ научного знания; творческой роли человека в развитии науки и культуры; эстетической привлекательности процесса познания и этической ответственности за результаты своей учебно-познавательной деятельности. В своей деятельности мы стремимся: раскрывать в процессе обучения философские методологические основы конкретных наук; показывать гармоническую взаимосвязь между различными науками, их диалектическое единство; демонстрировать на уроках красоту научного познания на всех стадиях его развития; изучать особенности процесса мышления, культуры умственного труда; сопоставлять альтернативные точки зрения на те или иные научные или общественные идеи, процессы, явления; ставить перед учащимися вопросы этической ответственности человека в процессе образования и иной деятельности; и конечно, раскрывать на уроках сущность и противоречия диалога культур.

Несмотря на обозначившиеся тенденции глобализации в образовании, я считаю, что в реальном школьном преподавании истории нет диалектического единства между отечественной и всеобщей историей, отсутствует диалог культур, сохраняется противопоставление Востока и Запада, Севера и Юга. Цивилизационный подход в преподавании истории представлен в школьных учебниках фрагментарно. У наших школьников порой складывается впечатление, что Альберт Швейцар и Махатма Ганди, Лев Толстой и Дмитрий Лихачев жили «на разных планетах». А некоторые, окончив школу, так и не узнали об их существовании. Попытки же выстроить процесс школьного исторического образования на ос-

нове общечеловеческих ценностей вновь и вновь заводят нас в тупик.

Может быть, тогда учитель истории в школе должен сделать все сам, чтобы его предмет стал по-настоящему гуманитарным. Ведь долгие десятилетия история изучалась в жестких технократических схемах, где не было места альтернативности, диалогу культур, человеческому «Я». Гуманитарное знание на уроке истории должно теперь выступать больше как знание-истолкование, знание-интерпретация. Учитель-гуманитарий не может ответить на все вопросы, он не может «вскрыть» тайну. Но учитель истории старается сделать тайну истории для своих учеников узнаваемой, зримой, присутствующей в душе, при этом тайна остается тайной. Как сделать так, чтобы на уроке историческое знание стало для учащихся знанием-переживанием, знанием-погружением? Историческое познание невозможно без внутреннего стержня, без присутствия любви, любви как универсального качества отношения личности к миру и другим людям. Многим нашим учителям это сделать крайне трудно.

«Личность есть боль, — пишет в своей книге Н. А. Бердяев. — ...Можно избежать боли, отказавшись от личности. И человек слишком часто это делает. Быть личностью, быть свободным есть не легкость, а трудность, бремя, которое человек должен нести»¹. Эту мысль, на мой взгляд, должен нести на урок современный учитель истории. Урок должен быть организован не просто как процесс усвоения готовых исторических знаний, а как путь развития исторического мышления ученика. Мысль, как живое состояние ума, становится главной ценностью на уроке истории, а она не может быть безлична.

«XXI век будет веком гуманитарных наук, — говорил академик Д. С. Лихачев, — и если мы это не осознаем, не сделаем ничего, чтобы подготовиться к этому, мы погибнем»². Завершается первое десятилетие XXI века. Научились ли мы слушать и слышать, обосновывать свою точку зрения и быть терпимым к другому мнению? Родился и укрепился ли в нас, в учителе и ученом, в школьнике и студенте, в скромном труженике и публичном деятеле, «особый дух, — как писал русский философ Иван Ильин, — дух искания, ответственности и служения»³, так необходимый и нашей школе, и нашему обществу? Вопросов всегда больше, чем ответов...

О. В. Каширина⁴

МЕТАОБРАЗОВАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Метаобразование (от *греч.* meta — между, после, через) трактуется в авторской концепции культуры

¹ Бердяев Н. А. Самопознание. Л., 1991.

² Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 1999.

³ Ильин И. А. О грядущей России: Избранные статьи. М., 1993.

⁴ Доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, доктор философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Культура времени в современной картине жизни», «Соци-

альное времяведение. Философский взгляд на проблему формирования общеевропейского пространства высшего образования», «Информационное поле культуры: информационный отбор — цивилизационный отбор» и научных статей по проблемам философии.

своего места и подлинной роли в обществе и природе¹. В метаобразовании инновационной образовательной стратегией выступает социальное времяведение, которое опирается на стержневой принцип — культуры времени². Целью нашей работы является обоснование необходимости создать систему метаобразования в России, а возможно, и в рамках процесса глобализации образования.

В изучении инновационного развития цивилизационных субъектов (личностей, социальных общностей разного масштаба, включая и человечество в целом) наиболее эффективным, по нашему мнению, является *культурно-временной подход*. Культура времени манифестирует смысловой принцип дидактики социального времяведения и структурирующее начало метаобразования. Это находит отражение в решении проблем метарефлексии, смысловой времяцелостности и формирования культуры профессионального самосознания обучающихся, по образу и подобию становления профессионального самосознания изучаемых наук.

Мы акцентируем внимание субъекта обучения на культуре овладения цивилизационным временем в гуманитарном пространстве, а точнее, его *паттернами* (ускорением, замедлением или ожиданием), *формами* (внутренними, внешними, метавнешними) и *фигурами* (прошлым, настоящим, будущим) в конкретной пространственно-временной ситуации. Такая культура овладения индивидуальным временем ради повышения эффективности коллективной деятельности — это функция интеллекта, при ее помощи возникают когнитивные единицы — новации, которые в научной среде приобретают свойство быть инновациями³.

Теория социального времяведения может воплотиться в практике преподавания международного курса — новой учебной дисциплины «Основы социального времяведения» в качестве гуманитарной составляющей для естественных и технических университетов, отраслевых вузов и отдельных специальностей классических университетов. Этот курс, по нашему мнению, может стать началом создания международной *общевропейской системы метаобразования*.

«Основы социального времяведения» — это синтезная научно-философская гуманитарная учебная дис-

циплина, включающая в предельно сжатом виде (за счет изложения сквозь фильтр временного масштаба) определенные разделы общественных, гуманитарных и общенаучных дисциплин, позволяющая сократить учебное время преподавания этих дисциплин (не нарушая логики Природы и логики Истории) и акцентировать внимание обучающихся на профильных науках и их профессиональном самосознании.

Исходя из этих задач, а также из теории социального времяведения, являющейся по существу концептуальным обоснованием новой учебной дисциплины⁴, мы предполагаем включить в структуру учебника «Основы социального времяведения» следующие разделы: 1) Введение в социальное времяведение; 2) Метавремя культуры как метаистория; 3) Культура времени как современность; 4) Диагноз времени как виртуальная реальность; 5) Профессиональное самосознание науки.

В такой структуре, по нашему мнению, должны найти воплощение главные принципы, объясняющие *диалектико-триалектическую парадигму* социального времяведения: 1) *генеральный философско-методологический принцип* — «бесконечноподобия: времяподобия и пространствоподобия»; 2) *главный познавательный принцип* — динамического времяведения, сочетающего научно-сравнительное и философско-умозрительное времяведение; 3) *основной тактико-стратегический принцип* — золотой пропорции (золотого сечения) образования — гармоничного деления целостного актуального самосознания обучающегося (запаса цивилизованности), при котором большая его часть — накопление знаний, представлений, умений (уровень образованности), является *средней пропорциональной величиной* между всей целостностью и меньшей его частью — целесообразным использованием профессионального опыта (компетентностью и профессионализмом).

Таким образом, разрабатываемая нами инновационная стратегия социального времяведения дает возможность поставить и решить проблему оптимизации учебного процесса на основе культуры времени и профессионального самосознания науки, создать в России международную систему метаобразования, которую можно применить и в общевропейском пространстве высшего образования.

¹ Метаобразование как философская и педагогическая проблема : сб. науч. ст. Ставрополь, 2001.

² Каширина О. В. Культура времени в современной картине жизни. Ставрополь, 2007; Каширина О. В., Каширин В. И. Социальное времяведение. Философский взгляд на проблему формирования общевропейского пространства высшего образования. Ставрополь, 2006.

³ Каширин В. И., Каширина О. В. Инновационная культура в свете культуры времени (к разработке единой стратегии социального образования в странах СНГ) // I Международный инновационный форум СНГ «Международное инновационное развитие и инновационное сотрудничество: состояние, проблемы и перспективы» / Национальная академия наук Украины ; Центр исследований научно-технического потенциала и истории науки НАН Украины. Киев ; М., 2006. С. 326–334.

⁴ Каширин В. И., Каширина О. В. Социальное время и социальное времяведение // Диагноз времени как проблема социальной теории и практики : сб. науч. ст. М. ; Ставрополь, 2006. С. 108–161.

Т. П. Кибальник¹,
Н. А. Синицына²

ДВУЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ИНТЕГРАЦИИ ОБУЧАЕМЫХ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Масштабные изменения во всех сферах человеческой деятельности, свидетелями которых мы становимся в последние два десятилетия: глобализация в экономике и политике, информационный взрыв, бурное развитие средств коммуникации определили новые требования к качеству образования. В современных условиях востребованной оказывается личность, способная к самообразованию, квалифицированному анализу ситуации и принятию решений, обладающая развитой способностью к коммуникации в поликультурной среде.

Международная интеграция и кооперация во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и в образовании, существенно повысили роль лингвистического образования.

Ответом на требования времени к лингвистическому образованию стало создание в 1990-х годах во многих европейских странах двуязычных учебных заведений, обучение в которых осуществляется на двух языках — родном и иностранном. При этом иностранный язык присутствует в образовательном процессе в таком объеме и качестве, которые позволяют учащимся достичь высокого уровня лингвистических компетенций. Однако цель и значение двуязычного обучения заключаются не только в этом.

Двуязычие позволяет создать уникальную образовательную среду, которой свойственна ситуация постоянного диалога культур, образов жизни, мировоззрений, способов мышления. В таком диалоге приходит понимание, что каждая культура особенна, что мы все разные, что мы живем, мыслим, познаем по-разному, но можем взаимодействовать и сотрудничать друг с другом. Такое обучение способствует формированию критически мыслящей личности, способной воспринимать и генерировать новые идеи, готовой к профессиональным и человеческим контактам в поликультурной среде.

В настоящее время количество обучающихся в системе двуязычия достигло более 1 350 000 человек в 49 странах. Регулярными стали форумы и семинары преподавателей и учащихся различных стран, координация педагогической деятельности, совместная работа над учебными программами, учебным материалом, обмен опытом.

Первое в России двуязычное русско-французское отделение было открыто в 1994 году по инициативе Комитета по образованию Санкт-Петербурга и Посольства Франции в России на базе нашей гимназии № 171, одной из старейших школ города, где углубленно изучался французский язык. Программа двуязычного отделения рассчитана на четыре года

(8–11-е классы). В чем же особенности нашей программы двуязычного обучения?

На наш взгляд, двуязычие предполагает принципиально иной статус иностранного языка: из объекта изучения он превращается в инструмент познания, средство учебной и творческой деятельности. Основная черта двуязычного обучения — изучение так называемых нелингвистических дисциплин на иностранном языке. В системе европейского образования выбор этих предметов, количество часов, отводимое на их изучение, существенно различаются. В Болгарии, Чехии, Словакии, Венгрии, Польше на французском языке изучаются математика, физика, химия, биология, всеобщая история, в Турции — только научные дисциплины, а в Германии и Италии — наоборот, только гуманитарные и социально-политические науки. Удельный вес этих предметов колеблется в разных учебных заведениях от 2 до 15 часов в неделю. Разными также являются условия приема учеников, система оценивания знаний и сертификации.

У нас на двуязычном отделении в гимназии на французском языке преподаются литература, история, экономика. Вместе с уроками французского языка доля этих предметов составляет около 25 % учебного времени.

Мы считаем, что изучение предмета на французском языке не означает механический перевод его содержания. В реальности происходит обогащение содержания и методической основы учебного процесса французской составляющей. Франция присутствует не только в изучаемых темах, но и в виде методов преподавания, системы контроля и оценивания знаний. Например, в курсе французской литературы по аналогии с французскими учебными программами мы переносим акцент на анализ грамматических, лексических и стилистических особенностей литературного текста. При изучении истории большое внимание нами уделяется подлинному документу как источнику знаний об исторических событиях. Учителя гимназии по всем предметам используют активные методы обучения, развивающие у ученика умение самостоятельно мыслить и излагать свою точку зрения.

Изучение иностранного языка нашими учащимися также имеет свои особенности. В соответствии с современными взглядами в основе его изучения лежит коммуникативно-деятельностный подход, на базе которого выстроены современные учебники французского языка. Однако роль иностранного языка как средства передачи предметного содержания ставит перед преподавателем дополнительные задачи. Во-первых, это лексическое наполнение курса, ориентированное на язык различных дисциплин, во-вторых, это обучение структурированному устному и письменному высказыванию с соблюдением всех правил риторики.

¹ Директор гимназии № 171 (Санкт-Петербург), заслуженный учитель РФ, отличник просвещения РФ.

² Заместитель директора гимназии № 171, почетный работник общего образования РФ.

Большое внимание уделяется нами развитию у учащихся навыков самостоятельной работы, в частности, в учебном плане присутствует предмет «Основы поиска и обработки информации». На занятиях по этому предмету, которые проходятся на французском языке, ученики осваивают методы поиска информации по всем предметам французского цикла во французских СМИ, овладевают приемами отбора, классификации и свертывания информации, выполняют исследовательские работы по темам, затрагивающим различные области знаний. Программа этого курса опирается на французскую практику обучения школьников методам интеллектуальной работы, использует опыт проектно-исследовательских работ во французских колледжах и лицеях. Занятия по этому предмету проводятся в Центре документации и информации, обеспечивающем доступ к современным средствам информации.

Система контроля и оценивания знаний, разработанная благодаря совместным усилиям французских экспертов в области образования и учителей двуязычного отделения нашей гимназии, также широко использует французский опыт в этой области. Оценивание зачетных и экзаменационных работ проводится по 20-балльной системе, как это принято во Франции, в соответствии с разработанными критериями, затем отметка переводится в 5-балльную.

По окончании обучения наши учащиеся кроме экзамена на аттестат о среднем образовании сдают особые экзамены, которые принимают совместная русская и французская сторона. Экзаменационные работы для вступительных и выпускных испытаний разрабатываются совместно русскими и французскими специалистами. Французские эксперты присутствуют и на экзаменах. Выпускники, успехи которых оценены на «хорошо» и «отлично», получают французский диплом, позволяющий поступать в университеты Франции без лингвистических тестов.

Высокий уровень общей и лингвистической подготовки дает выпускникам нашей гимназии возможность обучаться в самых престижных вузах мира, продолжать образование в магистратуре французских университетов, участвовать в программах по обмену.

Выпускники нашей гимназии получают разные специальности, но их уровень владения французским языком, понимание особенностей межкультурного взаимодействия, нацеленность на деятельность в диалоге культур, словом все то, что дает двуязычное образование, определяет качество их деятельности, позволяет стать специалистами европейского уровня, востребованными в России и за рубежом.

Н. Н. Кириллова¹

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ ЯЗЫКОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Среда, в которой живет человек, всегда воздействует на его речевые навыки. Под каким влиянием находится речевое мышление человека в эпоху глобализации?

Прежде всего необходимо определить значение лексического неологизма «глобализация», вошедшего во многие языки мира. Образованное от латинского корня *globus* — «шар», в русском языке слово «глобальный» имеет два значения: «охватывающий весь земной шар» и «полный, всеобъемлющий» (С. И. Ожегов). Только это производное слово было зафиксировано в Толковом словаре русского языка конца XX века (СПб., 1998), Толковый словарь под редакцией Г. Н. Складневской (2006) содержит уже семь производных единиц². В словарях по межкультурной коммуникации отмечается, что процесс глобализации затрагивает три важные сферы человеческой жизнедеятельности: 1) сферу информационных

систем (коммуникаций) и новых технологий; 2) область этнических отношений; 3) процесс развития мировой экономической системы³.

Глобализация культуры — процесс, направленный на усиление взаимосвязи и взаимозависимости стран. Культурное влияние и расширяющееся культурное общение могут привести, с одной стороны, к обогащению собственной культуры, с другой — к ее культурному истощению за счет унификации и стандартизации. Информационные изменения в науке XXI века, связанные со становлением единого глобального мирового пространства, вносят свои коррективы в жизнь всего общества и отдельной личности.

Процесс всеобщего охвата многих языков приводит не только к расширению лексического состава языка, но и к «появлению новых ментальных структур, универсализирующих восприятие мира индивидом, вследствие чего возникают универсальные когнитивные структуры, которые «неизбежно ведут к сближению различных типов сознания»⁴.

Д. С. Лихачев раскрыл духовные особенности европейской культуры, в основе которой лежат три

¹ Профессор кафедры французского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кафедры немецкого и романских языков СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. книг: «Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект», «Сопоставительная фразеология романских языков», «Практическое пособие по лингвокультурологии. Французский язык» и др.

² Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М., 2006. С. 247–249.

³ Викулова Л. Г., Шарунов А. И. Основы теории коммуникации. М., 2008. С. 233.

⁴ Рогозина И. В. Новые медийные когнитивные структуры и глобализационные процессы // Глобализация—этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы : в 2 кн. М., 2006. Кн. 1. С. 475–476.

доминанты — личность, универсализм и свобода¹. «Прежде всего европейская культура — личностная культура (в этом ее универсализм), затем она восприимчива к другим личностям и культурам, и, наконец, это культура, основанная на свободе творческого самовыражения личности»². Восприимчивость русского языка легко прослеживается на материале заимствований, в частности, из французского языка.

Во французской культуре был выработан определенный словарь, в который заложена интенция гармоничного общения коммуникантов. Важно подчеркнуть, что этот словарь заимствован многими языками, что свидетельствует о приоритетности французского менталитета в области этики межличностных отношений. Приведем небольшие выдержки из этого словаря. 1) *Общекатегориальные понятия*: эталон (*étalon*) — нечто, являющееся образцом; этикет (*étiquette*) — установившийся порядок поведения в обществе; элита (*élite*) — лучшие представители общества; политес (*politesse*) — вежливость. 2) *Понятия о способах достижения гармонии общения*: реверанс (*révérence*) — а) почтительный поклон с приседанием; б) проявление почтительности, подобострастия; комплимент (*compliment*) — любезные, приятные слова, лестный отзыв о ком-л.; галантный (*galant*) — изысканно-вежливый, любезный; деликатный (*délicat*) — вежливый, обходительный человек.

Оценка человека в свете этих норм: *courtois* — тот, кто проявляет в тончайших формах вежливость, его синонимы *poli, civil; prévenant* — ‘внимательный, любезный, предупредительный’; *comme il faut* — ‘хорошо воспитанный, ведущий себя должным образом’ (используется в русском языке в транслитерированной форме «комильфо»); *bel esprit* — ‘острый ум’; элегантный (*élégant*) — ‘изящно одетый’; *distinction* — ‘изящность манер, языка, осанки’ (*distingué*); шарм — ‘покоряющая, притягательная сила’, исходящая от кого-либо (*avoir du charme, charmant, шарман*). Русское прилагательное «вежливый» имеет иной корень: «вежа» — ‘знаток’ (ср. невежа), но

в нем сема ‘умный’ с течением времени заменилась на сему ‘внимательный, любезный’ и т. п.

Заимствование данного раздела словаря, которое обычно описывается как подражание французскому этикету, свидетельствует о качественном изменении языкового сознания носителей языка-реципиента, а именно о его стереотипизации.

Среди стереотипов принято различать стереотипы мышления и языковые стереотипы.

В лингвокультурологии *стереотипом речевого поведения* — «социокультурная маркированная единица определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения»³, то есть стандартные формулы разрешения, запрещения, стереотипные комментарии к ситуациям, стереотипные комплименты и т. п. Некоторые речевые рефлексивы имеют ярко выраженную социальную окраску, превращаясь в устойчивые характеристики жителей определенных провинций той или иной страны.

В современных условиях поликультурное образование осуществляется по новым образовательным стандартам. Современный мир — это мир активного межъязыкового и межкультурного взаимодействия, который предполагает, кроме языковой и речевой компетенции, поликультурную компетенцию. Поэтому высокий уровень знаний обучающихся в сфере профессиональной деятельности должен дополняться умением применить их в поликультурном обществе. Выполнение этой задачи взяла на себя новая дисциплина — лингвокультурология, категориальный аппарат которой включает такие понятия, как национально-культурные ценности, менталитет, нормы поведения, традиции, культурная идентичность, социально значимое знание и др. Поликультурное обучение необходимо насыщать поликультурными текстами. Лингвокультурологический метод служит объединяющим началом в педагогическом и филологическом образовании.

В. А. Кудин⁴

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В условиях активной реализации идей Болонского соглашения о создании в Европе единого образовательного пространства, унификации требований к учебному процессу и его участникам, универ-

сализации многоуровневого образования и повышении качества образования предъявляются новые, повышенные требования к специалистам в области юриспруденции.

Роль образования в жизни общества была всегда исключительно велика, и не случайно еще с античных времен образование входило в сферу рассмотрения философии. В качестве социального института образование всегда было и остается объектом целенаправленной государственной политики. В настоящее время место образования в социуме, его методологические проблемы приобретают особое значение, так как именно благодаря эффективной системе организации образования во многом

¹ Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 2006. С. 28.

² Там же. С. 26.

³ Прохоров Ю. Е. Национальные социально-культурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996. С. 101.

⁴ Начальник Санкт-Петербургского университета МВД России, генерал-лейтенант милиции, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ. Председатель редакционной коллегии журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России». Председатель Совета по правовым вопросам и работе с силовыми структурами Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга.

обеспечивается успешное, динамичное, гармоничное развитие общества. Эта идея прослеживается в итоговом документе саммита «Большой восьмерки» (G-8) «Образование для инновационных обществ в XXI веке» (Санкт-Петербург, 16 июля 2006 г.). Образование здесь рассматривается как основа прогресса человечества. В документе говорится о том, что «социально-экономическое процветание в XXI веке зависит от способности стран обеспечивать образование всех членов общества, с тем чтобы дать возможность каждому человеку преуспеть в стремительно меняющемся мире». При этом акцент делается на необходимость эффективного управления, проведение здоровой политики и создание «благоприятной организационной среды» для развития образования.

Профессионализм юриста, какую бы должность он ни занимал в структуре правоохранительных и правоприменительных органов, становится важнейшим условием развития практически всех сфер жизни общества: экономической, культурной, политической и т. д.

Значительные изменения, происходящие во многих сферах общественной жизни в нашей стране, в том числе переход к рыночному регулированию экономических отношений, обуславливают необходимость коррекции социального заказа в образовании в целом, а также внедрения в образовательный процесс педагогических инноваций. Новые задачи ставят перед юридическим образованием все более стремительно развивающийся научно-технический прогресс и постоянное ускорение информационных потоков. Это обуславливает особую значимость выявления основополагающих, фундаментальных проблем, стоящих перед российской системой высшего юридического образования, и определения наиболее перспективных путей их разрешения. Одна из проблем — выбор стратегических образовательных приоритетов. Целевыми установками выбора могут служить: овладение необходимыми для специалиста знаниями, формирование у него умения получать новые знания, становление культурных и нравственных качеств обучаемых и т. п.

Сегодня системе обучения все сложнее учитывать научные достижения, так как они быстро «устаревает», сменяются другими. Это означает, что система образования, ориентирующаяся на подготовку узкого специалиста, обладающего некой суммой знаний в определенной области науки, не отвечает современным требованиям.

Главное в подготовке будущих специалистов состоит не столько в том, чтобы дать им необходимую сумму знаний, сколько в том, чтобы обучить их умению самостоятельно усваивать новые знания, непрерывно совершенствоваться, творчески подходить к решению новых проблем. Отсюда вытекает основная задача современного образования — способствовать овладению методологией самостоятельного формирования системы знаний, становлению и развитию высокой творческой культуры обучаемых. Целостность и многомерность процесса образования предполагают постоянный творческий поиск. Существуют различные формы, методы и технологии обучения, успешное применение которых зависит от

преподавателя, группы, их индивидуальных особенностей и интересов. Выбрать оптимальное они могут только сами благодаря самосовершенствованию, самовыражению, самореализации каждого участника процесса обучения.

В настоящее время процесс обучения должен быть ориентирован не только на передачу знаний, но и в равной мере на формирование личностных качеств обучаемых. Неслучайно гуманитаризация является мировой тенденцией в развитии современного образования. Гуманитаризация образования предполагает такие формы организации учебного процесса, которые ориентированы на развитие творческого мышления студенческой молодежи. Для реализации этой задачи необходимо внедрение в учебный процесс технологий обучения, помогающих не только раскрыть личностный потенциал обучаемых, но и сформировать профессионально важные качества будущих специалистов, в том числе юридического профиля. Среди них: профессиональная и социальная мобильность, самостоятельность, профессионализм, компетентность, ответственность. Вместе с тем не следует забывать о ценностной составляющей их профессиональных и личностных интересов.

Система современного образования как предмет исследования весьма многоаспектна. Известно, что под гуманитарным образованием понимают нравственное, духовное развитие человека в широком смысле. К основным ценностям гуманитарного образования относятся: свободное мировоззренческое самовыражение, общекультурная компетентность, личностная самоактуализация в культуре и жизни. Реализация этих ценностей проявляется в сбалансированной ориентации гуманитарного образования на общество, культуру и индивида. Для будущих юристов актуальны все вышеперечисленные ценности, но особо следует отметить ответственность и общекультурную компетентность.

Общекультурная компетентность включает смысловой, проблемно-практический, коммуникативный аспекты, на формирование которых направлено базовое гуманитарное образование. Особенно велико значение гуманитарных ценностей при изучении тех дисциплин, в которых «гуманитарен» сам изучаемый объект — в науках о человеке, его деятельности и поведении в социуме.

Важнейшим направлением инновационной коррекции существующей системы образования выступает гуманизация педагогического процесса. При этом понимание гуманизма наполняется новым содержанием. На современном этапе развития информационного общества человек рассматривается как открытая система, что соответствует ведущей идее конца II тысячелетия — идее коэволюции. Человек не центр Вселенной, он — частица социума, природы, космоса. В концепции гуманизации выражены два основных направления, а именно: личностно ориентированный подход в обучении и воспитании; ориентация целей образования на человека как разносторонне развитую личность.

Гуманитарные науки неразрывно связаны с естественными, последние, в свою очередь, — с точными науками. Осознание молодыми специалиста-

ми этой взаимосвязи ведет к повышению уровня образования, расширению кругозора и мировоззрения, способности быстро адаптироваться к новой социальной реальности.

В современной концепции Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования основой является сбалансированность гуманитарных, естественно-научных, специальных дисциплин. В связи с этим актуальным представляется ответ на вопрос: «При каких педагогических условиях процесс обучения естественно-научным, гуманитарным и специальным дисциплинам обеспечивает формирование готовности к профессиональной деятельности?»

Решение этой проблемы кроется в разработке новых требований к цели, функциям, структуре и этапам обучения. Наличие таких возможностей в высших учебных заведениях является основным конкурентным преимуществом при подготовке специалистов XXI века.

При формировании новых образовательных стандартов, с учетом их гуманитаризации, целесообразно обратиться к научному и духовному наследию Д. С. Лихачева, многогранность и глубина работ которого оценены далеко не полностью. Работы Д. С. Лихачева убедительно показывают, что в наше время нельзя стать хорошим специалистом, изучая только те науки и дисциплины, которые необходимы для профессиональной подготовки в той или иной сфере деятельности. Не может быть образования вне общего культурного процесса, а без общей культуры невозможна правовая культура.

Для формирования у сотрудников органов внутренних дел высоких моральных качеств, профессиональной устойчивости к различного рода «соблазнам» и другим негативным факторам, повышения антикоррупционной защищенности большое значение имеет культура — общая и правовая. Для повышения ее уровня у курсантов и слушателей — бу-

дущих юристов — мы активно используем богатое наследие Санкт-Петербурга с его историческими и культурными традициями. Мы совместно с Культурным центром при Главном управлении внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области проводим большую работу в этом направлении. В Санкт-Петербургском университете МВД России созданы и успешно функционируют оркестр, хор, фото- и изостудии и литературное объединение. Сотрудники вуза регулярно участвуют в художественных конкурсах, проводимых МВД России, в том числе в литературном конкурсе «Доброе слово». В 2009 году мы наладили хорошие творческие отношения с Союзом художников Санкт-Петербурга и регулярно проводим художественные выставки. Дальнейшему улучшению культурно-просветительской деятельности будут способствовать организация и формирование при библиотеке университета читательского актива, встречи с представителями творческой интеллигенции Санкт-Петербурга, проведение презентаций литературных и научных произведений.

Заметную роль в воспитательном процессе играет взаимодействие с представителями традиционных религиозных конфессий. Наша главная задача — направить это сотрудничество, духовно-нравственный потенциал традиционных религий на воспитание сотрудников МВД России, противодействовать попыткам проникновения в служебные коллективы национализма, ксенофобии, политического и религиозного экстремизма.

Формирование современного облика профессионального юриста в условиях интеллектуализации правоохранительной деятельности невозможно без гуманитаризации правового образования, которое существенно расширяет его мировоззренческий кругозор. Развитие ценностей гуманитарного образования при подготовке специалистов юридического профиля должно стать доминирующей современной тенденцией.

В. А. Курганская¹

«МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ» В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЯХ ОБРАЗОВАНИЯ

Всемирная паутина средствами наиболее совершенной технологии покончила с эпохой, когда можно было отличить фантастическое от реального. Гиперпространство сетевых структур информации и время компьютерных сетей, сжатое до мгновения, не связаны с конфигурациями пространства и рит-

мом времени реальной жизни. Время как трансцендентальная форма самосознания подчиняется чуждым ему ритмам движения по массиву информации, а человек превращается в номада (кочевника) голых, безландшафтных пространств информационных потоков. Реализуется предсказание Г. Башляра о смене прежней философии «как» (пришедшей на смену философии «что») философией «а почему бы и нет»².

Если идеальный мир метафизических сущностей строился как мир истинного Блага, Добра и Красоты, то виртуальный мир Интернета демократично включает все регионы бытия, в том числе и незакомпликовано вульгарные. В дистанционном образовании утрачивается именно *пафос дистанции*. Вместе

¹ Ведущий научный сотрудник Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы), доктор философских наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Философская антропология как метафизика свободы», «Метафизика всеединства: личностный смысл мировоззренческих универсалий», «Состояние и тенденции исламского просвещения и образования в Республике Казахстан»; статей: «Метафизика всеединства в неоплатонизме», «Категориально-логический схематизм онтологических постулатов метафизики всеединства», «Вопросы философии истории в религиозно-философской доктрине Н. Бердяева» и др.

² См.: Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987. С. 32.

с тем эта утрата является негативным симптомом и превращенной формой выражения становления новой онтологии самого человека, к которой привела логика развития общечеловеческой цивилизации. В этой онтологии целостнообразующим началом становится способность личности к свободному и ответственному самоопределению в стремительно меняющемся мире.

Опорой для выбора личностью своих смыслозначимых ориентаций уже не могут быть никакая-либо религиозная или философская доктрина, критерии научной рациональности или свобода творческого воображения. Лишь целостность культурно-исторического развития может стать авторитетной инстанцией самооценки личностью истинности или ложности ее экзистенциальных решений. Понятно, что роль образования, равно как и пути его философского осмысления, меняются самым кардинальным образом. Казахстан в этом отношении не является исключением.

В этносоциальном плане Казахстан — общество со сложной структурой и противоречивой динамикой. Культура коренного этноса постепенно занимает позицию реального и символического центра интеграционных процессов. В то же время в качестве духовно-нравственной основы общенациональной консолидации могут выступить мировоззренческие категории и ценности, присущие не одному или нескольким наиболее многочисленным этносам Казахстана, но, скорее, структуре диалога (взаимоположения, взаиморазвития) всех этнических культур в рамках евразийского типа интеграции индивидов в сообщество. Однако в условиях исторически сложившегося в Казахстане многообразия национальных культур задача даже поверхностного ознакомления с особенностями каждой из них в рамках школьной или институтской учебных программ практически невыполнима.

Поэтому модель поликультурного образования должна строиться на ином основании, чем изложение обычаев, традиций, нравственных и эстетических представлений каждого этноса, входящего в состав населения республики. Этим основанием должна стать всесторонне и глубоко образованная лич-

ность, сознательно-свободно идентифицирующая себя в ценностно-смысловых контекстах национальной традиции и в диалоге этнических культур. Тем самым педагогические стратегии смещаются с этнокультурных на поликультурные модели образования, что соответствует не только особенностям этнодемографической ситуации в Казахстане, но и философской модели человека, культуры и социальности.

Основная методологическая проблема, стоящая перед системой поликультурного образования, заключается: а) в нахождении оптимального сочетания в учебных дисциплинах национально-своеобразных, общекзахстанских и общечеловеческих ценностей; б) в осуществлении в образовательно-воспитательном процессе гармонического синтеза философских категорий, научных понятий, художественных образов, нравственных императивов. Тем самым мы подошли к идее «*мировоззренческих универсалий*» как концептуальной, методологической и семантической основы реализации культурно-исторической преемственности в моделях поликультурного образовательно-воспитательного процесса.

В мировоззренческих (ценностно-онтологических) универсалиях сконцентрированы основные типы и закономерности любых культурно-исторических и национально-своеобразных форм целостного отношения человека к природному, социальному и личностному миру. Актуализация содержания мировоззренческих универсалий (*Мир, Человек, Божество, Душа, Благо, Истина, Красота, Свобода, Судьба, Счастье, Жизнь, Смерть, Страдание, Вечность и т. д.*) в педагогическом процессе позволит в принципиальном плане преодолеть разрыв между экзистенциально-личностной сферой и познавательно-теоретической культурой, между свободной игрой воображения и научно-методологической дисциплиной теоретического мышления. Тем самым открывается возможность решить проблему единого основания поликультурного диалога как способа приобщения учащейся молодежи ко всей мировой философской, художественной, научно-теоретической, духовно-нравственной культуре, в том числе к культуре собственного народа.

О. Е. Лебедев¹

ШКОЛА КАК ЛОКУС ПЕРЕСЕЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Школа является социальным институтом, способным влиять на решение многих проблем общественного развития. Эта способность школы связана не только и не столько с подготовкой учащихся в течение 11 лет обучения к решению будущих проблем, сколько с использованием возможностей школы воздействовать на социокультурную среду «здесь и сейчас» (через построение определенного уклада жизни школы, включение учащихся в общественную

жизнь, формирование у них опыта решения социально значимых проблем).

К числу актуальных проблем общественного развития относятся проблемы взаимодействия людей в условиях поликультурного общества.

Российская Федерация представляет собой поликультурное общество, в котором существуют различные виды межкультурных отношений: отношения между культурными традициями и новыми явлениями в сфере культуры; отношения «отцов» и «детей»; отношения молодежных субкультур; межэтнические отношения; межконфессиональные отношения.

¹ Член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор.

Перспективным направлением исследования роли школы в поликультурном обществе являются межэтнические и межконфессиональные отношения.

Школа представляет собой один из социальных институтов, регулирующих межэтнические и межконфессиональные отношения. Возможности школы по регулированию этих отношений обусловлены двумя факторами:

— предметом изучения в школе выступает социальный опыт, который осваивается в рамках различных учебных предметов; одним из элементов социального опыта являются проблемы межэтнических и межконфессиональных отношений и пути их решения;

— в условиях школы межэтнические и межконфессиональные отношения являются реальностью, поскольку учащиеся могут принадлежать к разным этническим и конфессиональным группам.

Основной путь влияния школы на развитие межэтнических и межконфессиональных отношений заключается в достижении высокого качества образования, обеспечении возможностей для всех групп учащихся получить качественное образование, соответствующее вызовам времени. Качество образования следует рассматривать как один из факторов консолидации поликультурного общества.

Вместе с тем необходимы и особые условия реализации возможностей школы в развитии межэтнических и межконфессиональных отношений.

Школа может воздействовать на развитие межэтнических и межконфессиональных отношений двумя путями: через отбор содержания образования и формирование у учащихся способности анализировать проблемы межэтнических и межконфессиональных отношений; через формирование уклада школьной жизни, определяющего содержание собственного опыта учащихся по решению проблем межэтнических и межконфессиональных отношений. Школа, таким образом, имеет возможность создать модель межэтнических и межконфессиональных отношений, способную повлиять на существующую социальную практику.

Указанные возможности школы могут быть реализованы, если ее образовательная деятельность будет направлена на решение актуальных проблем межэтнических и межконфессиональных отношений (проблем, которые уже существуют и могут существовать в среднесрочной перспективе). В связи с этим планирование образовательной деятельности школы должно опираться на результаты научных исследований, предметом которых были тенденции развития межэтнических и межконфессиональных отношений на современном этапе развития российского общества.

Использование потенциала школьного образования для регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений предполагает решение ряда управленческих и педагогических проблем. К их числу относятся: разработка методики анализа и социально-педагогической оценки состава учащихся в конкретной школе; определение требований к образовательной программе школы; разработка методики адаптации учащихся к новой для них со-

циокультурной среде; разработка методики развития у них способности к межкультурной коммуникации, в том числе пониманию иных этнических и конфессиональных культур; выявление возможностей индивидуализации образовательных программ учащихся с целью оптимизации процесса вхождения в новую для них социокультурную среду.

Возможность эффективного решения указанных выше проблем зависит от ряда факторов, к числу которых относятся действующие образовательные стандарты, определяющие как общие целевые ориентации образовательной деятельности, так и степень свободы образовательных учреждений в формировании своих образовательных программ.

В связи с этим при анализе действующих и проектируемых образовательных стандартов необходимо выяснить, в какой мере они ориентированы на решение проблем межэтнических и межконфессиональных отношений и в какой степени обеспечивают возможность учитывать особенности социокультурной среды, в которой находится школа.

Разработка образовательных стандартов, обеспечивающих возможность актуализации содержания образования (с точки зрения конкретной социокультурной среды), предполагает использование такой процедуры их создания, обсуждения и утверждения, которая позволяла бы субъектам Российской Федерации оказывать существенное влияние на основные позиции стандартов. В связи с этим при анализе образовательных стандартов необходимо оценить не только их содержание, но и технологию разработки.

При исследовании возможностей общеобразовательной школы в формировании межэтнических и межконфессиональных отношений в России необходимо использовать и зарубежный опыт, поскольку в мире существует много поликультурных обществ. При этом возникает проблема определения базы для сопоставительного исследования, так как государства с полиэтническим и поликонфессиональным составом населения имеют существенные отличия и не все из них могут выступить в качестве базы для сравнения с особенностями поликультурного общества в Российской Федерации.

Исследование возможностей общеобразовательной школы в формировании межэтнических и межконфессиональных отношений может иметь большое значение для решения задачи актуализации содержания общего образования.

Такая задача заключается в определении проблем общественного развития на долгосрочную перспективу (примерно 10–20 лет), для решения которых могут быть использованы средства образования.

Ориентация образовательных стандартов на решение конкретных проблем общественного развития позволила бы точнее определить критерии оценки образовательной деятельности, ее результативности и тем самым способствовала бы достижению нового качества образования, соответствующего современным социальным запросам.

На примере проблемы формирования межэтнических и межконфессиональных отношений можно было бы разработать подходы к определению целей

общего образования, требований к образовательным стандартам, образовательной программе школы и оценке результатов ее реализации.

Следует иметь в виду, что Россия является уникальной страной, для которой характерна богатая практика внимания к разнообразию культур наро-

дов, ее населяющих. Вместе с тем опыт решения проблем межэтнических и межконфессиональных отношений средствами образования в постсоветский период изучен мало. Его изучение может способствовать сокращению дефицита знаний о сущности и путях решения указанных выше проблем.

С. В. Левковец¹

ОРИЕНТАЦИЯ НА ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

У работающих в школе учителей часто возникает вопрос: откуда сыплются на их головы те инновации, которые они вынуждены воплощать в жизнь: ЕГЭ, компьютеризация, технологизация, стандартизация, коммерциализация и ранняя специализация? Кто их инициирует? Культура тут вне подозрения. Тогда возникает следующий вопрос: действительно ли перемены в образовании, так или иначе связанные с глобализацией, сегодня находятся в контексте культурного развития?

Конечно, глобализация все полнее охватывает основные сферы жизни общества, в том числе и сферу культуры. Но не она в современном мире является основным двигателем глобализационных процессов. Не культура сближает сегодня народы, поэтому и образовательные реформы — не следствие ее развития, а часть политической и экономической стратегии.

Исторически тенденция к глобализации проявилась задолго до того, как возникло понятие ноосферы и были написаны труды В. И. Вернадского и Т. де Шардена. Границы по воле политиков, так же как и сейчас, становились прозрачными, культуры взаимодействовали, но насильно, движимые внешним импульсом, в основе которого лежала идея мирового господства. Политическая глобализация носила характер мировых войн.

Сегодня глобализацией руководит экономика. Стремясь к максимальной прибыли, бизнес тоже может сделать границы между государствами прозрачными. Никто сейчас не способен противостоять экономическому напору, государства открывают дорогу иностранным компаниям, и даже в политике основной интерес становится экономическим.

Образование в таких условиях используется для защиты экономических интересов государства и его граждан, так как политические средства становятся ограниченными, недостаточными и потому устаревшими, а экономические средства еще не развиты. Большая часть нововведений в области образования не имеет никакого отношения к духовности и культуре, а является попыткой решить экономические проблемы через включение культуры в экономическую войну. Если какая-то часть культуры все еще остается от нее в стороне, то образование почти полностью поглощено этим процессом.

Образование сегодня — это уже не столько сфера услуг, сколько образовательная индустрия, полу-

чившая государственный заказ — изготовить квалифицированные кадры, чтобы «догнать и перегнать». Экономика настолько внедрилась в эту сферу, что никому не кажется безумной идея увеличить обучающую и воспитательную производительность техническими средствами. Учителя выполняют экономический заказ, педагогика вытесняется техногиекой, а единственным средством мотивации детей к учебе становится будущий успех, выраженный в денежном эквиваленте. Так действует глобализация на сферу образования, вырывая ее из контекста культурного развития. Взаимодействию культур, да и просто искреннему человеческому взаимодействию нет места в этом процессе, поскольку и то, и другое по своей природе не технологично.

Таким образом государство пытается помочь развитию нашей отсталой экономики через управление областью культуры старыми политическими и неразвитыми экономическими методами. Мы лечим болезнь самой болезнью. Это настоящий порочный круг, в котором крутятся наша политика и экономика, вовлекая в него и образование.

Культура действительно способна помочь экономике, но только если она развивается самостоятельно. Совершенно очевидно, что в долгосрочной перспективе человечество будет вынуждено в целях самосохранения отказаться не только от попыток политической глобализации, приводящих к мировым войнам, но и от экономической глобализации, ведущей мир к глобальным экономическим кризисам. Еще не потеряна надежда поднять упавшую экономику экономическими рычагами, но все же растет понимание того, что объединение в области политики и экономики может происходить без саморазрушения только на основе межличностного культурного и духовного взаимодействия. Именно в этом образовании может и должно сыграть свою позитивную роль. И только в этом контексте можно говорить о глобализации образования и вообще о глобализации в позитивном плане.

Здесь нам не нужно судорожно кого-то догонять, чтобы упасть в ту же яму, а надо искать и создавать, имея для этого необходимую внутреннюю свободу. Образованию, если оно хочет остаться в контексте культурного развития, нужно выйти из зоны экономических и политических противостояний и заняться созиданием того, что может предложить Россия Европе и всему миру для межкультурного взаимодействия, для развития духовной области. Только через нее мы можем оздоровить экономику и политику.

¹ Учитель средней общеобразовательной школы № 658 (Санкт-Петербург). Автор ряда публикаций по проблемам образования.

Материалист В. И. Вернадский и теолог Т. де Шарден — первые теоретики глобализации — говорили об объединении людей именно в духовной сфере, а не о стирании политических и экономических границ. Нам не надо здесь стараться быть первыми. Россия с ее стремлением к душевному и духовному контакту, состраданию, соборности всегда была надеждой на спасение европейской культуры. Но имея в крови такую прекрасную идею, мы никак не можем ее воплотить во что-то реальное. Россия как будто все время беременеет ею, но никого не рождает. Как будто в самый ответственный момент у нее начинается ужасный токсикоз, и она, теряя разум, бросается искать очередную заграничную безделушку для своего будущего ребенка. А дитя, ради которого она так старалась, гибнет еще в утробе. Так было сто лет назад, похожая ситуация складывается и сейчас.

Нам надо научиться быть не только вечно беременными прекрасными идеями, но и воплощать их. Это касается не столько технических областей, о которых мы часто говорим, но, прежде всего, духовных. С идеей соборности русский человек рождается, а явления соборности в России нет нигде, даже в церкви. Хотя именно она должна лежать в основе не только церковных и духовных, но и всех общественных отношений. Тогда были бы ограничены политический диктат и экономическая агрессия. Культура может показать пример нового мирового взаимодействия, потому что полилог и единение — это естественное состояние для духовной сферы, в отличие от политики и экономики. Тогда, может быть, мы нашли бы в себе силы не догонять Запад, не заимствовать чужое, но и не бояться «немцев», а научиться у них умению воплощать *свои* идеи и действовать, особенно в области образования, более инициативно.

Педагогическое сообщество способно не только подчиняться сиюминутным веяниям или критиковать власть, не только тянуть в прошлое или предлагать идеи на будущее, а само создавать новые человеческие отношения, новые способы сотрудничества, основанные на доверии, которые пригодятся как в экономике, так, может быть, в очень далеком будущем, и в политике.

Как только российское педагогическое сообщество найдет, что оно может дать миру, преимущества глобализации станут нам очевидны, но пока мы участвуем в этом сугубо экономическом процессе только как пассивный элемент. Но, может быть, мы способны на творчество? С чего начать?

Школа, в которой я работаю, в силу своей специфики, много и плодотворно взаимодействует с учителями из Германии, Голландии, Финляндии, Швеции, Швейцарии, Бельгии. Возникает огромное количество тем для совместного обсуждения, и они не касаются поставок компьютеров, приемов работы с интерактивной доской и взаимодействия с бизнесом. В центре обсуждения стоит вопрос о том, чем и как мы можем помочь детям. Существует большое количество зарубежной методической литературы, интересные и актуальные педагогические исследования, международные педагогические конференции. Но насколько все это доступно нашим учителям? Где-то на подходе к педагогике и педагогам такой необходимый процесс глобализации образования замирает и до нас как будто не дотягивается. Пока мы сами не сделаем шаг навстречу и не вступим в диалог с миром, мы не сможем понять, есть ли в российском образовании что-то действительно ценное не в экономическом, а в культурном контексте. И этот шаг зависит только от нас. Начнем с себя.

Ф. А. Лейкина¹

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ КАК СРЕДСТВО ДИАЛОГА В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Глобализация образования привела к появлению мировых стандартов, в том числе относящихся к личностным и профессиональным качествам учителя. Личность учителя, по мировым стандартам, — это современная, творческая индивидуальность, обладающая оригинальным проблемно-педагогическим и критическим мышлением, опирающимся на передовой педагогический опыт и новые технологии обучения, интерпретирующая их в конкретных педагогических условиях. Одним из средств развития личности учителя стала педагогическая мастерская.

Педагогическая мастерская как инновационная технология (мастерская строения знаний, мастерская творческого письма) вошла в практику педа-

гогов с 90-х годов XX века. «Мастерская педагогическая — это такая форма обучения детей и взрослых, которая дает условия для восхождения каждого участника к новому знанию и новому опыту путем самостоятельного или коллективного открытия. Основой открытия в любой сфере знаний, включая самопознание, в мастерской является творческая деятельность каждого и осознание закономерностей этой деятельности. В мастерской построения знаний она может быть представлена так: творческий процесс — творческий продукт — осознание его закономерностей — соотнесение полученного с достижениями культуры — коррекция своей деятельности — новый продукт и т. д.»². В мастерской достигается

¹ Учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 367, методист кабинета словесности Научно-методического центра Фрунзенского района Санкт-Петербурга, заслуженный учитель РФ.

² Мухина И. А. Что такое педагогическая мастерская? // Современный ученик — современный учитель — современный урок : сб. метод. ст. и разработок. СПб., 2009. № 100.

максимальное приближение к реальному опыту истинно научного или художественного постижения мира, потому что каждый ее участник движется от осознания личного опыта к опыту национальной и общечеловеческой культуры в свободной деятельности. Другой особенностью мастерской является реализация идеи диалога во всех аспектах. Происходит обмен мнениями, знаниями, творческими находками между учениками мастерской, чему содействует чередование индивидуальной, групповой деятельности и работы в парах. Обмен происходит между опытом каждого участника, с одной стороны, — и ученым, художником, явлением культуры в целом, — с другой. Наконец, идет внутренний диалог каждого с самим собой. На пути к истине ученик оценивает как свою точку зрения, так и все другие, начиная понимать, что истина есть целое, что чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, вещи — с ними можно только диалогически общаться.

Значимым результатом работы в мастерской становится не только реальное знание или умение, важны сам процесс постижения истины и создание творческого продукта. При этом важнейшим качеством процесса оказывается сотрудничество и сотворчество — явления самоценные.

Ниже приведен опыт организации мастерских, как самим автором, так и его петербургскими коллегами.

Работа в мастерских строения знаний дает учащимся возможность обратиться к разным видам искусства, «интегрировать разнообразную информацию культурно-исторического характера (философские, критические, литературоведческие, искусствоведческие статьи, репродукции картин и графических работ, а также фрагменты исторических трудов и исторических документов)»¹. Мастерская «Метафора» предполагает сопоставление стихотворения Б. Л. Пастернака «Гефсиманский сад» с первоисточником — евангельскими текстами о Гефсиманском саде; изучение статьи испанского филосо-

фа, эссеиста Х. Ортеги-и-Гассета «Две главные метафоры»².

Мастерская «И детям странен буду я» (А. Володин. Жизнь. Творчество. Судьба) обращает внимание учащихся на фильмы, созданные по произведениям А. Володина («Фокусник», «Осенний марфон»), а на мастерской «Зеленый луг и желтые цветы» (Жизнь и судьба Януша Корчака) участники знакомятся с литературными и педагогическими трудами великого гуманиста («Король Матиуш Первый», «Как любить ребенка»). Звучит на этой мастерской и поэма Александра Галича «Кадиш».

Мастерская «Любите ли вы театр?» знакомит школьников с театральными журналами Санкт-Петербурга («Петербургский театальный журнал», «Искусство Санкт-Петербурга»), театальной жизнью Северной столицы.

Очень часто на мастерских строения знаний и творческого письма ученики сопоставляют творчество писателей и поэтов XIX–XXI веков: поэзия Александра Блока — и речь Ф. М. Достоевского об А. С. Пушкине (мастерская «Предчувствую Тебя...»); поэма А. Ахматовой «Реквием» — и творчество Н. А. Некрасова (мастерская «Поэт в России»); произведения А. Чехова, И. Бунина, Л. Андреева, С. Минаева (мастерская «Герой нашего времени?»).

Подобные формы и виды работы в пространстве мастерских не только повышают общий культурный уровень современных школьников, но и позволяют наблюдать тенденции развития современного искусства, сопоставлять, сравнивать, строить ассоциативные ряды, делать выводы и создавать собственное представление о русской культуре, мировых тенденциях развития искусства, то есть духовно формироваться, становясь новым поколением петербургской интеллигенции.

Опыт участия в педагогических мастерских формирует у учителей представление о современном образовательном процессе как диалоге культур, участники которого являются равноправными партнерами.

В. П. Максаковский³

О ЗАИМСТВОВАНИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ОПЫТА

При переходе к рыночным отношениям Россия не могла не учитывать опыт, накопленный на Западе. Некоторые заимствования явно пойдут нам на пользу, в том числе и в образовании. Во-первых, это

¹ Нелькин А. Г., Фураева Л. Д. Формы художественного мышления в русской литературе XX века. СПб., 2005. С. 5.

² Там же. С. 14.

³ Академик Российской академии образования, заведующий кафедрой экономической и социальной географии Московского государственного педагогического университета, доктор географических наук, профессор. Автор более 550 научных работ: «Экономическая и социальная география мира», «Научные основы школьной географии», «Преподавание географии в зарубежной школе», «Географическая культура», «Историческая география мира», «Всемирное культурное наследие», «Географическая картина мира», «Общая экономическая и социальная география» и др. Член редакционных со-

ветов журналов «География в школе» и «География и экология в школе XXI века». Почетный член Русского географического общества, географических обществ Чехии и Болгарии, действительный член Национального географического общества США. Лауреат государственных премий СССР, премий Президента РФ и Правительства РФ в области образования.

это усиление прикладной направленности школьного образования, отход от излишнего академизма.

Что же касается отрицательного заимствования зарубежного опыта, то ограничимся только двумя примерами, но зато какими! Ведь речь пойдет о пресловутом Едином государственном экзамене (ЕГЭ) и Болонской системе — квазирыночных нововведениях, внедренных в наше образование в известной мере волюнтаристски, вопреки убедительным и очень массовым протестным акциям. Хотя такое копирование западных образцов и проходило под лозунгом заботы об обществе и государстве.

Единый государственный экзамен — первое любимое детище Министерства образования и науки РФ — раскололо всю страну на два лагеря не меньше, чем монетизация льгот, проведенная несколько лет назад. Почему ЕГЭ вызвал в обществе такую волну неприятия? Почему еще в 2004 году протест по этому поводу направили В. В. Путину 420 известных ученых, академиков, учителей? Почему в сотнях, тысячах публикаций о ЕГЭ писали как об «угадайке», «кошмарном сне», «нейтронной бомбе, которая, не вредя телу, уничтожает душу» и т. п.? Почему они требовали, чтобы ЕГЭ по крайней мере не стал единственным способом поступления в вуз? Да потому, что *ЕГЭ не имеет никакого отношения к выполнению главной задачи нашего образования — повышению его качества*. Потому, что ЕГЭ толкает его на путь формализации и примитивизма, когда действительная проверка знаний, умения проникать в суть вещей подменяется *проверкой информации*, да еще в виде более или менее разрозненной фактологии. В результате ЕГЭ обезличивает прием и не дает раскрыться индивидуальным качествам поступающих. Воспитание навыков стандартного мышления — это путь к формированию ординарной, а не творческой личности. И стремление лучше подготовить учеников к ЕГЭ превращает учебно-воспитательный процесс из познавательного и развивающего в банальное натаскивание. Да и от коррупции он тоже не спасает.

Многие считают, что формализованный подход ЕГЭ более губителен для гуманитарных, чем для естественных предметов. Например, смысл и цели литературы или истории просто противоречат форме тестового экзамена. В этом свете особенно выделяется география — единственный школьный предмет, имеющий и естественное, и общественное содержание. Сошлюсь на основоположника отечественной экономической географии Н. Н. Баранского, который выразился предельно емко: «Если в географии не давать пространственной связи между явлениями, не давать связной, логически законченной характеристики стран и районов, что же останется от географии как науки? Собрание справок — не наука!»

Второй сверхзадачей Министерства образования и науки РФ стало присоединение к Болонскому процессу в 2003 году. Но ожесточенные споры по этому поводу не утихают. И это закономерно, поскольку в России у данного явления есть как «плюсы», так и «минусы».

Никто не сомневается в полезности Болонского процесса для Европы, поставившей задачу со-

здания «Европы знаний». Но этот процесс нельзя оценивать обособленно от реалий. Нужно понимать, что он лишь часть гораздо более масштабного процесса создания Единой Европы, прежде всего это относится к Евросоюзу. Нельзя не учитывать и того, что двухуровневая система высшего образования, имеющая в этом регионе тысячелетние корни, не означает его кардинальной ломки. Просто в стремлении к повышению конкурентоспособности своего высшего образования (прежде всего с США) европейцы решили сделать его более прагматичным и еще более ориентированным на рынок труда.

Совсем иное дело — Россия, которая строит свое единое экономическое пространство не столько с Европой, сколько с наиболее близкими ей странами СНГ. Конечно, некоторые положения Болонской системы могут быть полезными и для России, особенно если бы они вводились в жизнь более гибко, с правом выбора, разумным сочетанием старого и нового и, главное, с учетом тех принципов Болонского процесса, которые предоставляют университетам возможность самим формировать стратегию и выбирать приоритеты в обучении. Но у нас двухуровневую систему ввели, как всегда, в командно-приказном порядке, без учета того, что она фактически почти полностью разрушает сложившуюся подготовку специалистов с 5–6-летним сроком обучения. *Самым массовым продуктом высшей школы станет бакалавр*, что не может не привести к еще большему снижению качественного уровня выпускников. Напомню, что всю нашу прессу обошла фраза В. А. Садовниченко о том, что в зарубежных лабораториях бакалаврам доверяют разве что... пробирки мыть. А недавно еще резче высказался Ю. М. Лужков: «Бакалавр — это недотеха, полупродукт, который не будет знать, как применить себя в реальной жизни». В этом свете особенно беспокоит судьба учительского корпуса России. Преимущества моноуровневой подготовки по педагогическим специальностям со сроком обучения 5 лет и квалификацией выпускника как учителя и необходимость сохранения фундаментальности образования уже были доказаны многими авторитетными людьми.

Принцип фундаментальности для «классических» университетов, которые тоже готовят учителей, постоянно отставал В. А. Садовничей. Но с этим не посчитались, и теперь в нашу школу вместо дипломированных специалистов будут приходить бакалавры, более подходящие для должности помощника учителя. В США такая должность есть (кстати, с годовым окладом больше нашего профессорского), но ведь в России ее нет.

Мне кажется, что здесь налицо не совсем правильная трактовка понятия о глобальном образовательном пространстве и параметрах его унификации и недоучет того положения нашего закона «Об образовании», где говорится о единстве федерального культурного и образовательного пространства России и о нацеленности его на формирование российской национальной гражданской идентичности. Для подтверждения данного тезиса приведу пример. После Второй мировой войны оккупированная

Япония заимствовала у США структуру и средней (6 + 3 + 3), и высшей школы, но при этом сумела создать свое единое образовательное пространство, которое не является копией американского. В своем последнем Послании Федеральному собранию Рос-

сийской Федерации президент Российской Федерации Д. А. Медведев говорил о том, что мы обязаны беречь единое культурное пространство страны во всем его многообразии. Из этого и нужно исходить, а не бездумно копировать западный опыт.

В. Н. Максимова¹

НАПРАВЛЕНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Процессы интеграции, глобализации и информатизации, характерные для цивилизации XXI века, способствуют созданию единого культурно-образовательного пространства на европейском, евразийском и мировом уровнях. Процессы глобализации происходят и в образовании. Они касаются не только организации и содержания образования, но и общих целей и результатов, критериев качества образования, тех качеств личности, которые наиболее востребованы в современном культурно-образовательном пространстве, в общих социально-экономических условиях развития цивилизации. Такие качества личности должны обеспечивать не только конкурентоспособность выпускника образовательного учреждения на международном рынке труда, но и его способность выполнять пассионарную функцию, обеспечивать устойчивое и прогрессивное инновационное развитие общества, реализуя нестандартные модели поведения и деятельности. С этих позиций наиболее значимыми, с нашей точки зрения, направлениями глобализации образования являются следующие:

- формирование ноосферного мировоззрения человека;
- формирование его информационной культуры;
- акмеологическое развитие человека.

Ноосферное мировоззрение как компонент общечеловеческой культуры

Созданное выдающимся русским ученым В. И. Вернадским учение о ноосфере раскрыло закономерную взаимосвязь между процессами изменения природы и человеческой деятельностью, их взаимовлияние. Идеи космизма, холизма, целостности и системности мира получили развитие в трудах известных русских философов и ученых (П. А. Флоренского, А. Л. Чижевского, К. Э. Циолковского, Н. И. Вавилова, Л. Н. Гумилева, Н. А. Морозова, Н. К. Рериха и др.) и стали основой ноосферного мировоззрения. Современный глобальный экономический кризис происходит на фоне глобального экологического кризиса и отражает кризис мировоззрения и психологии человека, ориентированного на жизнь в об-

ществе потребителей. А. И. Субетто рассматривает ноосферизм как новую научно-мировоззренческую систему XXI века, которая должна стать основой фундаментального знания, содержания образования, понимания истинного гуманизма, обращенного в будущее человечества, становления ноосферной цивилизации. Ноосферное мировоззрение должно стать общепризнанным компонентом общечеловеческой культуры и найти отражение в законодательной базе как цель и результат современного образования, направленного на развитие планетарного мышления, на развитие человека как *Homo sapiens* и *Homo humanis*, человека-созидателя с бережным отношением к природным ресурсам.

Информационная культура как показатель адаптации и социализации человека в информационном обществе

Информатизация стала одной из ведущих тенденций развития системы образования в мире, характеризующих процессы интеграции и глобализации в культурно-образовательном пространстве. Цель информатизации — формирование информационной культуры личности, которая необходима для адаптации, социализации и инновационной деятельности человека в информационном обществе. Информационная культура имеет две основные составляющие: технологическую и нравственную. Технологическая составляющая отражает информационную компетентность человека, владение компьютерными технологиями, умениями сбора, обработки и применения информации, включая творческие процессы. Информационную компетентность можно измерить, информационно-компьютерным технологиям можно обучить. Нравственная составляющая информационной культуры — это результат воспитания человека, моральных принципов, регламентирующих его поведение. Общедоступность информации в Интернете привела к проявлению у целого ряда пользователей недобросовестности, к искажению информации, использованию ее в противоправных действиях, плагиату. Такое использование информации может привести к глобальным катастрофам. Необходимо усилить нормативно-правовую базу в процессе обучения информационно-компьютерным технологиям.

Акмеологическое развитие человека как процесс формирования акмеологической культуры личности

Акмеологическое развитие — это целостное, гармоничное развитие человека как личности, индивидуальности, субъекта жизнедеятельности, направ-

¹ Заведующая кафедрой теории и методики непрерывного образования Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Акмеологический подход в педагогике», «Акмеология: новое качество образования», «Межпредметные связи в учебно-воспитательном процессе», «Система педагогических целей и задач как средство руководства учебно-воспитательным процессом в профтехучилище» и др.

ленное на сохранение и обогащение всех ресурсов творческой самореализации и достижение вершин в жизни человека. Ресурсы творческой самореализации образуют акмеологический потенциал личности, который включает: 1) устойчивую мотивацию достижений; 2) способность к творчеству; 3) потребность в саморазвитии; 4) энергетический ресурс активной жизнедеятельности. Поэтапное акмеологическое развитие человека постепенно формирует интегральное личностное качество — акмеологическую культуру (Е. П. Кондратьева, А. А. Деркач, Е. В. Селезнева и др.). Акмеологическая культура в исследованиях рассматривается как психологическое образование высокого уровня обобщенности, которое интегрирует мотивационные, эмоциональные, интеллектуальные, аутопсихологические, регулятивные, коммуникативные, нравственные и другие качества личности и гармонизирует процессы саморазвития, обеспечивая наиболее полное самоосуществление человека во всех жизненных сферах, достижение вершин в творческой самореализации.

Акмеологическую культуру можно представить как некий результат, возникающий при взаимо-

действии трех видов личностной культуры: духовной, психологической и нравственной. Акмеологическая культура выделяет в личности и жизнедеятельности человека те стороны, которые связаны с акме-ориентированным саморазвитием, с качественным ростом, обеспечивая совершенствование этих процессов на основе акмеологических ценностей (духовность, одаренность, творчество, зрелость, саморазвитие, профессионализм, идеал, нравственность и др.). Одним из ведущих критериев уровня развития акмеологической культуры является нравственная позиция личности, когда субъект выступает носителем нравственных ценностей и проявляет способность к устойчивому нравственному поведению и самосовершенствованию, неприемлемо относится к аморальным проявлениям. Акмеологическая культура личности развивается как сложный полидетерминированный процесс и одновременно выполняет регулируемую функцию, являясь одним из механизмов социокультурной детерминации инновационной деятельности человека в современном обществе и культурно-образовательном пространстве.

**И. А. Максимцев¹,
Я. Я. Клементовичус²**

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПОДГОТОВКУ СПЕЦИАЛИСТОВ РОССИЙСКИМИ УНИВЕРСИТЕТАМИ

Последние несколько десятилетий ускоренными темпами идет процесс глобализации мировой системы, который оказывает влияние на многие сферы человеческой деятельности, в том числе на производство, науку, технологии, социальную сферу. Развитые страны выбрали путь инновационного развития, при котором основой развития экономики страны являются не ресурсы, а знания. В этих странах

идет процесс формирования постиндустриального общества. Указанные изменения нашли отражение на рынках труда, в требованиях к подготовке кадров. Таким образом, процессы глобализации оказали существенное влияние и на развитие системы высшего образования.

В условиях глобальной экономики российское высшее экономическое образование столкнулось с серьезными вызовами. Неуклонный рост уровня постановки специалистов для экономической деятельности и регулярного менеджмента в ведущих российских компаниях требуют принципиально новых компетенций от вуза экономического профиля. В свою очередь высокие темпы изменений и во внешней, и в организационной среде наших заказчиков диктуют необходимость повышения интеллектуального потенциала вуза, позволяющего соответствовать возрастающим потребностям и стандартам. Особенно это справедливо при подготовке специалистов высшей квалификации, включая магистратуру, аспирантуру, докторантуру и программы МВА, заочное обучение лиц, уже имеющих вузовское образование, а также последипломное повышение квалификации и профессиональную подготовку менеджеров высшего и среднего звена по наиболее актуальным и передовым в методическом плане направлениям экономики и менеджмента.

Присоединение Российской Федерации к Болонской декларации позволило российским вузам стать полноправными участниками европейского образовательного пространства. Болонская Декларация

¹ Ректор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук, профессор. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. книг: «Состояние и перспективы интеграции России в Балтийском регионе в свете расширения ЕС», «Промышленность России и проблемы глобализации», «Управление качеством образования в высшей школе», «Развитие торгово-экономического сотрудничества России и стран Евросоюза в условиях глобализации: проблемы и перспективы» и др. Ряд работ опубликован за рубежом. Председатель редколлегии журнала «Известия Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов». Заместитель председателя Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга, заместитель председателя Экспертного совета по экономике Высшей аттестационной комиссии, член Экспертного совета по законодательному обеспечению образования при Комитете Совета Федерации Федерального собрания РФ по образованию и науке. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга в области образования.

² Директор Международного института экономики и политики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук, профессор. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч. книг: «Формирование и развитие компетенций персонала в процессе стратегической реструктуризации», «Реструктуризация промышленных предприятий и проблемы трансформации труда», «Управление компетенциями». Ряд работ опубликован за рубежом. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга в области образования.

(1999) четко фиксирует цели и направления реформирования национальных образовательных систем:

- формирование единого рынка труда высшей квалификации в Европе;
- расширение доступа к европейскому образованию;
- расширение мобильности студентов и преподавателей;
- принятие сопоставимой системы ступеней высшего образования с выдачей узнаваемых во всех странах Европы приложений к дипломам.

Содержание Декларации свидетельствует о том, что в ближайшие годы Европа видит определенные перспективы по сближению европейских стран путем формирования единого европейского образовательного пространства и объединения рынка труда на фоне повышения миграции населения. Следует уточнить, что Декларация — это не обязательный документ. Она только фиксирует те основные принципы и положения, которые должны соблюдать все участники европейского рынка образования.

Россия присоединилась к Болонскому процессу 19 сентября 2003 года в Берлине на встрече 33 министров образования различных стран Европы. За решение о включении России в этот процесс единогласно проголосовали все 29 стран-участниц, подписавших 19 июня 1999 года Болонскую декларацию. Положительное голосование — это результат большой работы российских чиновников, дипломатов, сотрудников Министерства образования РФ, которые смогли найти необходимые аргументы, чтобы убедить европейскую общественность в важности присоединения России к Болонскому процессу. Выгодно ли России это или нет — вопрос достаточно спорный, потому что подписание Декларации накладывает на все страны-участницы определенные обязательства, связанные с пересмотром образовательных стандартов.

Сегодня в университетских кругах любые вопросы, связанные с Болонским процессом, вызывают большой резонанс. В частности, актуальным остается вопрос о соответствии российской системы образования международным стандартам. Сможет ли Россия отстоять свои национальные интересы? Не будет ли такая унификация отходом назад в национальном образовании? Как известно, в нашей стране накоплен колоссальный опыт подготовки элитных кадров по многим направлениям науки. Российское фундаментальное образование имеет множество положительных моментов, которые высоко оцениваются и западными экспертами. Вместе с тем российские вузы должны стратегически смотреть немного дальше, осознавая, что глобализация проникает и в образовательную сферу.

Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов (СПбГУЭФ) одним из первых начал осуществлять реформу экономического образования и сегодня вплотную приблизился к реализации важной стратегической задачи — достижению международного уровня подготовки специалистов и международного признания диплома университета.

Являясь одним из лидеров экономического образования в России, Университет формулирует свою миссию следующим образом: *СПбГУЭФ как ведущий государственный многопрофильный экономический университет всемерно содействует социально-экономическому развитию и процветанию России на основе творческого подхода к созданию современных образовательных программ и использованию инновационных технологий обучения с целью подготовки специалистов, обладающих высокими гражданскими и нравственными качествами и отвечающих глобальным вызовам XXI века.*

На основании миссии сформированы стратегические приоритеты развития СПбГУЭФ, основой которых является сохранение и упрочение лидирующего положения университета в системе национального экономического образования на базе:

- обеспечения высокого качества образования, соответствующего международным стандартам;
- активной интеграции в мировое образовательное пространство;
- формирования материально-технической базы, обеспечивающей применение современных инновационных технологий, создание комфортных условий труда, обучения и отдыха сотрудников и студентов;
- дальнейшего развития системы непрерывного обучения, базирующегося на фундаментальном университетском образовании;
- эффективного продвижения образовательных и научных услуг на национальном и мировом рынках;
- обеспечения постоянного улучшения материального положения сотрудников и студентов.

Российское высшее экономическое образование (в том числе и СПбГУЭФ) сталкивается с серьезными вызовами, связанными с достижением отечественной экономикой качественно нового уровня зрелости. Два главных вызова мы видим в принципиальном усложнении рыночных отношений и возрастании степени открытости национальной экономики. Особенно остро это проявляется на фоне активизации интеграционных процессов в различных сферах российского бизнеса. Ускорение инновационного процесса в мировой экономике, вплоть до прогнозов ведущими зарубежными экспертами новой технологической революции в перспективе 10–15 лет, представляет еще один вызов. Для подготовки специалистов, необходимых российским компаниям для конкуренции в глобальном масштабе, требуется серьезная модернизация всей системы подготовки экономических кадров. Данное обстоятельство усиливается глобализацией самого высшего образования. Повышение качественного уровня образовательной и научной деятельности — необходимая предпосылка для полноценного участия российских экономических вузов в Болонском процессе. Мы традиционно готовили специалистов для ведущих российских компаний и не хотим, чтобы эта функция перешла зарубежным вузам.

Очевидно, что европейские страны будут заинтересованы в привлечении наиболее талантливых и креативных молодых специалистов, в том числе

из других стран мира. Закономерно встает вопрос о признании дипломов, получаемых в различных странах. Именно поэтому сегодня специалисты активно ищут пути для создания понятных «правил игры» в расширяющемся европейском пространстве. В конечном счете именно рынок труда подтверждает качество подготовки специалистов. На уровне стран существуют свои элитные учебные заведения, диплом которых пользуется спросом среди работодателей. В перспективе должны появиться определенные нормы и правила подготовки молодых специалистов, единая форма приложения к диплому. Например, если во Франции учат математику 100 часов, а в Германии — 150, это не значит, что студент во Франции хуже знает математику, и т. д. Чтобы устранить подобные и иные разногласия и противоречия, было принято решение начать совместную работу по гармонизации учебных планов, программ и приложений к диплому. Благодаря этой работе, ожидается, что уже в 2010 году на рынке Европы появятся специалисты с сопоставимыми документами и определяемыми уровнями квалификации.

Стратегия международного сотрудничества СПбГУЭФ сегодня направлена на развитие совместных образовательных программ. Данный выбор определен стремлением руководства вуза активно интегрироваться в европейский рынок образовательных услуг и тем самым способствовать повышению уровня и престижа российского экономического образования в России и за рубежом. Многолетний опыт, накопленный в этой сфере, позволил сформировать необходимые ключевые компетенции в области организации учебного процесса, обеспечения качества предоставляемых услуг, развития языковых и межкультурных коммуникаций, проведения научных исследований. Можно также утверждать, что предпринятые усилия способствуют увеличению интеллектуального капитала СПбГУЭФ трех его основных составляющих (кадровой, методической, информационной), а также обеспечивают сетевой эффект — способствуют возрастанию интеллектуального капитала в системе высшей школы РФ.

Таким образом, реализация совместных образовательных программ является важной частью стратегии развития СПбГУЭФ как учебно-научно-инновационного комплекса и направлена на обеспечение качества многоуровневой подготовки выпускников (бакалавриат—магистратура—аспирантура (докторантура)), отвечающей самым высоким международным стандартам.

Сегодня университет сотрудничает с 110 зарубежными вузами Европы, Китая, США, стран СНГ, активно участвует в реализации крупных международных проектов TACIS, TEMPUS, ERASMUS MUNDUS. В вузе успешно реализуются программы студенческого и преподавательского обмена благодаря тесному взаимодействию с агентствами DAAD, Edufrance, CIMO и др. Студентам и аспирантам предлагаются стажировки в большинстве стран Европы, Китае, США и других зарубежных странах. Только за последние 5 лет более 1200 иностранных студентов прошли обучение в университете, более 300 преподавателей выезжали в зарубежные вузы для проведе-

ния научных исследований и чтения лекций. Издан целый ряд совместных с зарубежными профессорами статей, учебников и монографий.

Сотрудничество с французскими вузами, начавшееся в 1990 году, безусловно, сыграло роль катализатора. При участии французских коллег были модернизированы основные программы подготовки и открыты новые специальности. Благодаря реализации проекта TEMPUS в 1993—1995 годах значительный вклад был внесен в развитие специальностей «Финансовый менеджмент», «Банковское дело», «Страхование» и ряда других. Опыт сотрудничества с французскими вузами и достигнутые результаты были высоко оценены Правительством Санкт-Петербурга. Авторскому коллективу в мае 2007 года была присуждена премия за развитие экспортного потенциала системы среднего и высшего профессионального образования.

Географическая близость к странам Европейского Союза во многом определила приоритетное развитие сотрудничества с ведущими европейскими университетами и бизнес-школами. Однако надо признать, что реформа высшего образования, инициированная Болонским процессом, проходит достаточно тяжело как для европейских стран, так и для России. Трудности состоят не только в необходимости преобразования учебных программ, но и в медленном изменении восприятия новых дипломов и локальными рынками труда, и студенческим сообществом.

Нам представляется, что внедрение многоуровневой системы образования, несмотря на все сложности проведения реформ, имеет ряд преимуществ: в частности, обеспечивается повышение гибкости образовательных программ и траекторий, дифференциация профилей подготовки, реактивность образовательной сферы на требования и ожидания рынка труда.

Соединение традиций российской академической школы с практико-ориентированным подходом, привнесенным в образовательный процесс западными специалистами, позволяет формировать уникальных специалистов, отвечающих требованиям современного бизнеса. Выпускники совместных международных программ, кроме прочего, свободно говорят на иностранных языках и знакомы с культурой других стран.

Последние 15 лет отмечены активным крупномасштабным и многоплановым сотрудничеством СПбГУЭФ с ведущими европейскими университетами Франции, Германии, Италии, Польши.

Совместные образовательные программы, предусматривающие выдачу диплома университета-партнера:

1) с 1995 года в партнерстве с Гренобльским университетом (Франция) при поддержке МИДа Франции реализуется совместная бакалаврская программа по экономике и управлению на французском и английском языке. Основная цель — обеспечить, используя современные технологии дистанционного обучения, базовую подготовку российских студентов в области экономики и управления и предоставить им право на получение государственного французского

диплома, не покидая пределов России. Программа пользуется большим спросом как со стороны студентов СПбГУЭФ (75 % учащихся), так и среди студентов других вузов города (представлено 11 высших учебных заведений);

2) с 1993 года в партнерстве с университетом Париж-Дофин при поддержке МИДа Франции осуществляется подготовка специалистов по направлению «Менеджмент». До 2005 года российские студенты, обучаясь по совместной программе, могли получить французский эквивалент диплома специалиста — диплом «Maîtrise» (*мэтриз*). В рамках Болонского процесса французские университеты, и в частности экономические, перешли на подготовку бакалавров и магистров. Соответственно, программа была полностью перестроена и сегодня предлагается как прикладная программа подготовки магистров «Финансы и учет» на английском языке. В процессе обучения магистранты получают необходимые знания и навыки для работы в сфере международных финансов.

На фоне традиционных форм международного сотрудничества в последние годы успешно развиваются совместные магистерские программы двойного диплома по экономике и менеджменту. Опыт, накопленный университетами-партнерами в этой области, показывает, что развитие таких программ в полной мере отвечает принципам Болонского процесса и позволяет решать главную задачу — обеспечивать высокое качество подготовки выпускников, востребованных на европейском рынке труда. Современные компании в условиях глобализации и интернационализации непрерывно повышают уровень требований к молодым специалистам. Подготовка студентов-магистров в партнерстве с ведущими европейскими университетами, основным принципом которой является высокий уровень преподавания, остается одной из приоритетных задач СПбГУЭФ в области международных связей, его вкладом в повышение уровня высшего образования в России.

Совместные образовательные программы, предусматривающие выдачу двойных дипломов:

1) в 2005 году в партнерстве с университетом Гамбурга (Германия) при поддержке DAAD была открыта программа «MiBA — Master of international Business Administration». В Германии программа реализуется с 1998 года и уже получила международное признание. Сегодня по программе обучаются представители семи стран. Обучение проходит на английском языке. Занятия ведут немецкие и российские преподаватели (50/50). По окончании обучения выдается два диплома: магистра СПбГУЭФ и Университета Гамбурга — по направлению «Управление международным бизнесом»;

2) в 2005 году СПбГУЭФ в консорциуме с тремя европейскими университетами получил право реализации проекта ТЕМПУС, направленного на создание программы европейского магистра «Экономика предприятия и международная интеграция». Данное сотрудничество — яркий пример реализации принципов Болонского процесса. При разработке учебных курсов максимально учтены потребности рос-

сийского и европейского рынков труда. На втором году обучения появляется возможность выбора одной из трех специализаций, что фактически означает параллельное зачисление в магистратуру вуза-партнера:

— «Управление человеческими ресурсами и международная конкурентоспособность» совместно с Гренобльским университетом (Франция);

— «Управление качеством и инновациями» совместно с Римским университетом Сапиенца (Италия);

— «Управление изменениями в условиях международной конкуренции» совместно с Краковским экономическим университетом (Польша).

По окончании обучения выдается два диплома — СПбГУЭФ и европейского университета в соответствии с выбранной специализацией. Особыми преимуществами пользуются те учащиеся совместных программ, которые, кроме английского, свободно владеют языком страны вуза-партнера (немецким, французским, итальянским или польским). Благодаря дополнительным стипендиальным программам они могут принять участие в разнообразных программах академической мобильности и пройти стажировку на предприятии.

Обобщая представленный опыт, следует подчеркнуть, что обеспечение конкурентоспособности вуза в условиях международной интеграции зависит от уровня развития *четырёх областей фундаментальных компетенций*, в которых у СПбГУЭФ уже имеется методический задел и практический опыт.

Первая компетенция заключается в разработке, освоении и использовании в образовательном процессе современных методов и средств обучения, в первую очередь основанных на применении информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). Она включает освоение преподавателями в совершенстве технических методов обучения, но особый акцент должен быть сделан на содержательном применении этих методов и внедрении коммуникационных технологий, позволяющих интегрировать изучение отдельных учебных дисциплин в единую систему.

Вторая компетенция состоит в совершенствовании системы управления качеством образовательной и научно-исследовательской деятельности университета, в том числе на этапах подбора преподавателей и программ, реализации учебного процесса, его совершенствования и создания новых научно-образовательных продуктов.

Третья компетенция заключается в способности развития языковых и межкультурных коммуникаций: свободном владении научно-педагогическими кадрами иностранными языками и профессиональной лексикой; знании общего межкультурного контекста и наличии опыта, необходимого для подготовки и проведения учебных курсов на международном уровне. Развитие этой компетенции является необходимой предпосылкой для полноценного участия в Болонском процессе и интеграции России в мировую экономику.

Четвертая компетенция состоит в проведении научных исследований, ориентированных, в первую

очередь, на использование их результатов в учебном процессе при разработке курсов «продвинутого уровня», ориентированных на подготовку кадров для целевых групп заказчиков, которые в будущем должны спонсировать данные исследования.

Таким образом, формирование и непрерывное совершенствование этих четырех фундаментальных компетенций является основой для повышения интеллектуального капитала вуза и будет способствовать его интеграции в мировое образовательное пространство. В условиях ограниченности финансирования деятельности вузов реализация совместных образовательных программ в системе многоуровне-

вой подготовки выпускников для крупных российских корпоративных заказчиков, конкурирующих в глобальном масштабе, — необходимое условие для поддержания и воспроизводства созданного интеллектуального капитала. Выполнение данного условия определяется необходимостью создания действующей на постоянной основе системы подготовки экономических кадров высшей квалификации. Поскольку лишь такие специалисты способны осуществлять инновационные процессы непрерывного преобразования и трансформации деятельности отечественных предприятий, без чего занятие и удержание ими лидирующих позиций в глобальной конкуренции невозможно.

В. А. Мосолов¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ТРЕБОВАНИЯ К ЗНАНИЯМ

В своей статье «Глобализация или переходная эпоха?», опубликованной в 1999 году, известный американский социолог Иммануил Валленштейн писал: «... глобализация изменила все, ... она лишила государства их суверенности, а человека — возможности сопротивляться правилам рынка, аннулировала право на культурную автономию, поставила под серьезное сомнение стабильность нашей идентичности». Пожалуй, в этих словах обозначены наиболее острые проблемы, которые ставит перед человечеством «вызов глобализации».

Ускоряется и ширится процесс универсализации, проявляющийся в нивелировании жизненных стилей, культурных символов, особенностей. Глобализация приводит к тому, что западные и американские ценности, нормы, стиль жизни широко распространяются во всем мире, но при этом не могут заменить другие культуры. В этой ситуации все чаще при столкновении с другими культурами возникают конфликты. При этом меняются как самобытные культуры, оказавшиеся на пути современной глобализации, так и западные и американские ценности. Это приводит к перемешиванию культур и возникновению новых конфигураций². Само понятие «глобализация» подчеркивает это смешение глобального и локального. Глобальное развитие пока не может обойтись без тех или иных союзов, соглашений, локальных уз дружбы, взаимопомощи и доверия.

И здесь мы логически переходим к проблематике образования. Наиболее существенные черты гло-

бализации образования — это прежде всего формирование глобального рынка образовательных услуг, все больше действующего по принципу свободного предложения и свободного выбора. Образование существует вне традиционных политических, культурных и цивилизационных границ. Высшая школа становится все более транснациональной.

Образование более основательно, чем экономика, вовлекается в процесс глобализации. Потому что знания, особенно естественно-научные, по своей природе глобалистичны, а, допустим, рубль еще не стал мировой валютой. Знания, компетенции, профессионализм — это существенная и необходимая предпосылка глобализации. Определенные в идейно нейтральных вещах, прежде всего в технике, знания представляют собой действительную «душу» глобализации. От уровня и качества развития науки и техники зависит место государства в динамично ускоряющемся процессе глобализации.

Однако обязательно надо учитывать тот факт, что теперь знания требуют колоссальных материальных вложений, организации больших лабораторий с современными приборами и машинами, многочисленными коллективами научных сотрудников. Времена одинокого кабинетного гения давно прошли, хотя и гениев нужно оберегать и «выращивать».

Важнейшим требованием глобализации образования является актуализация высококачественных знаний. При этом становятся нужны знания как узкоспециализированные, так и широкие, фундаментальные. Нужны работники, либо объединяющие специализацию и фундаментальность, либо четко координирующие друг друга в данных направлениях профессиональной деятельности. Наша российская революционная система образования на рубеже XIX–XX веков осознала и стала, хотя и неуверенно, реализовывать идею гармонии указанных двух родов знаний. После 1917 года отечественное образование развивалось судорожно, конвульсивно, с периодическими разгромами «инакомыслящих». Нигде чувство меры не имеет такой значимости, как в образовательной политике, стратегии воспитания и перевоспитания народа. В советском образовании

¹ Профессор межфакультетской кафедры педагогики Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург), доктор педагогических наук, кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки истории образования и педагогической мысли», «Приоритеты воспитания: прошлое и настоящее: Опыт историко-педагогического исследования русской духовности», «Педагогика в социо-, космоисторическом измерении (проблемы воспитания)», «Концепция воспитания обучающихся в учреждениях профессионального образования» и др.

² Wulf Chr. Globalisierung und kulturelle Vielfalt. Der Andere und die Notwendigkeit anthropologischer Reflexion // Wulf Chr. Globalisierung als Herausforderung der Erziehung. Theorien, Grandlagen; Fallstudien, Munster u.a. / Hrsg. Chr. M. Merkel.

необходимая «золотая середина» не соблюдалась, хотя борьба с разного рода отклонениями всегда стояла на первом месте, что выражалось в недостаточном внимании к практицизму в образовании, в слабом финансировании науки и школы. В этом плане нынешняя организация двухуровневого образования — это шаг в верном направлении. Но это пока только один шаг.

В качестве основных требований к знаниям в эпоху глобализации можно выделить следующие: неограниченность и уникальность, общедоступность, открытость, гибкость, демократичность, поликультурность и др.

Глобализация актуализирует вопрос о гуманитарных знаниях. Исторически рефлексируя, следует признать, что советское гуманитарное образование (при всем уважении) было в значительной степени ущербным и пугающим остальной мир. Получаемые гуманитарные знания, особенно по истории, философии, литературе, были не только классово и партийно предвзятыми, но и весьма ограниченными. Категорически запрещалось, в частности, знакомство с богатейшим наследием русской эмиграции 1920–1930-х годов.

Таких ограничений и запретов больше не существует. Но сумело ли наше гуманитарное образование перестроиться за последние 15–20 лет? Глобализация требует знания иностранных языков, прежде всего английского. Но очевидно, что в массовом масштабе и качественно это требование не выполняется. Сегодня имеются значительные трудности с ознакомлением с зарубежными научными гуманитарными изданиями, даже порой бóльшие, чем в «спецхрановские» времена. И вместе с тем ставится

задача вхождения в «мировое образовательное пространство».

Но существуют более острые проблемы знаний, актуализированных глобализацией. Необходимо внедрять в широком порядке знания о самовоспитании, самоконтроле, самосовершенствовании человека. Наш народ длительный период пытались отучить от необходимой ориентации на себя, погружения вовнутрь, он десятилетиями был руководим, идейно опекаем и т. д. Если в ближайшие годы не возникнет хорошо продуманной системы самовоспитания и самооздоровления «массового человека», то Россия обречена на отставание.

Глобализация образования актуализирует и проблему знаний о собственной национальной культуре. Причем эти знания должны входить в качестве составной части в жизненную позицию человека, его мировоззрение патриота России. Обратим внимание на то, как в других странах берегут свои национальные традиции, свой родной язык. Русский язык могучий и великий, но он упорно подавляется за счет всеобщего употребления таких слов, как «бизнес», «шоу», «драйв» и т. д. И это происходит при незнании английского языка.

Наконец, отметим важную тенденцию в развитии современного образования — появление и выработку нового поли- и интеркультурного знания, преодолевшего ограничения и скованность собственной культурной, исторической и общественной традиции.

Истинные, глубокие знания, мудрость — вот что в первую очередь нужно и для позитивного восприятия глобализации, и для спасения себя от ее возможных и реальных угроз.

Л. М. Мосолова¹

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Тема диалога культур и партнерства цивилизаций является сегодня исключительно ответственной и вопросы, вынесенные на обсуждение, представляются чрезвычайно существенными для современных социокультурных практик. Среди них особо стоит выделить вопросы, связанные с ситуацией молодежи в поликультурном мире и ее освещением в средствах массовой информации.

¹ Заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 200 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Теодор Герцен», «История культуры Кольского Заполярья», «Искусство Кыргызстана», «Виталий Бубенцов — художник Русского Севера», «Культурологическое образование», «Основы теории художественной культуры», «Мировая художественная культура в памятниках», «Жизненный мир поликультурного Петербурга» и др. Член редколлегии журнала «Вопросы культурологии». Академик Национальной академии художеств Республики Кыргызстан, вице-президент Санкт-Петербургского культурологического общества.

В последнее время мы постоянно отмечаем значимость глобальных перемен, которые пронизывают все сферы деятельности человека, весь его жизненный мир. Он характеризуется неустойчивостью, динамизмом, усложнением и обострением проблем взаимодействия между людьми, потому что оно происходит в новой полиэтнической, поликонфессиональной и поликультурной среде.

Сегодня мы полностью осознаем, что глобализация не только связана с позитивными результатами интеграционных процессов, но и влечет за собой обострение межкультурных и межкультурных противоречий, межрелигиозного противостояния и конфликтов.

Финансово-экономический кризис, разразившийся на наших глазах, усугубляет эти противоречия и конфликты. Культурно-цивилизационные «вызовы» касаются проблем национальной безопасности и выходят за ее рамки. И там, и здесь социокультурное пространство в аспекте его интеграции

и дифференциации трудно поддается управленческим регуляциям.

В этом контексте предпринимаются попытки, с одной стороны, перестроить социокультурное пространство на принципах «этоса глобального мира» в соответствии с концепциями гуманизма и идеями культуроцентризма. С другой стороны, предлагается унифицировать это пространство по модели «вестернизации», что коррелирует с геополитической и культурной экспансией империй. Независимо от содержательного наполнения таких моделей они, как правило, отвергаются частью населения как неприемлемые для практической реализации.

Например, в России идея становления единого культурного пространства часто встречает возражения. Это происходит оттого, что отождествляются понятия «единство» и «унификация», которые не отражают истинного стремления людей к сложной полицелостности существования нашей цивилизации, представленной в единстве всего многообразия этнических культур. Но дело, конечно, не только в этом вульгарном отождествлении. Все еще не разработана идеология общенациональной консолидации, научные основы формирования российской идентичности, предполагающей сближения и обновления множества этносов и культур. Нет ответа на вопрос, какова роль специфических особенностей того или иного этноса, его культурной идентичности в процессах становления общей российской национальной идентичности?

Доминантный в стране русский этнос сегодня находится в ситуации политического и социально-культурного вызова стать гражданской нацией в синтезе со всеми этносами Федерации. Может ли он решить сегодня экзистенциальную задачу обеспечения целостности и единства России на историческую перспективу? Можно ли поддерживать, как в 1990-е годы, направленность массового этнического сознания на «культурное возрождение», на «религиозный ренессанс»? Можно ли продолжать мириться с тем, что сознанием российской молодежи с нарастающей активностью завладевает массовая культура, которая в своих ценностях, нормах, формах и идентифицирующих маркерах позиционируется негативно по отношению к этническим культурам страны в силу их «архаичности», «не стильности», «не клеветности», «не гламурности»? Факты свидетельствуют о том, что этнофобия обретает самостоятельную жизнь и размах в информационном пространстве, в мире «гуманитарных технологий», навязывая сознанию молодежи конфликтно-драматическое зрелище отношений с «иными», «не нашими».

Заметно снижение позитивной этнополитической активности в стране, ее вырождение в маргинальные формы — религиозный экстремизм, культурный рационализм и т. п. При этом отсутствуют публично и ясно артикулируемая стратегия в отношении к «национальному вопросу». К чему стремится страна: сохранить «этнополитическую единицу», национальную республику как основу федерализма; перейти к территориальной организации федерации и культурной автономии этносов; провести полити-

ку поликультурализма или стратегию «плавильного котла» культур?

Все эти и близкие им вопросы совместного бытия народов в стране, на редкость многонациональной, свидетельствуют о вызовах социальной, гуманитарной, культурологической и философской наукам и соответствующему им образованию в России. В частности, станут ли эти науки в отдельности, но более всего в междисциплинарном плане, «интеллектуальной основой и моральным лидером рациональной коммуникации» в нашем обществе, оказывая влияние на стратегические решения властей? Сосредоточатся ли они на деятельностных технологиях, а именно на дискурсах, полемике, активном реагировании действиями на происходящее в обществе? Иначе говоря, станут ли гуманитарные, культурологические, социальные науки и образование ядром университетского сообщества, призванного позиционироваться над властью, быть «морально-интеллектуальным камертоном общества и генерировать модели гражданского общества и образцы демократии»?¹

Сегодня от научных сообществ нужны теоретические обоснования перспектив поликультурной политики и межкультурного диалога как платформы мирного сосуществования людей в условиях глобализации и связанных с ней информационных, технологических, миграционных процессов. Необходимо прояснение и упорное внедрение в содержание образования целого ряда базовых положений, которые помогут нацелить школы и вузы на формирование соответствующих ключевых компетенций школьников и выпускников университетов. Назовем некоторые из этих положений.

Представляется фундаментальным положение, которое высказал на предыдущих Лихачевских чтениях доктор, профессор социологии Йельского университета, хорошо известный нашей научной общественности Иммануил Валлерстайн. По его мнению, «нация должна сама счесть себя достойной диалога на равных и понять, что положение неравноправия препятствует решению политических и социальных задач, в то время как новые политические условия могут принести реальные изменения. Слабая сторона должна иметь уверенность, что ситуация неравенства может сдвинуться с мертвой точки»². Этот процесс он назвал «активизацией культур малого влияния»³. Действительно, взаимопонимание между этническими общностями внутри стран и между нациями-государствами *возможно только в многокультурном обществе; точно так же диалог и партнерство возможны только между равными*. «Без достижения равенства поиск взаимопонимания между культурами — безнадежная утопия»⁴.

Другое важное положение связано с признанием того, что *взаимодействие культур основано не только*

¹ См.: *Тхагансоев Х. Г.* Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития : монография. СПб., 2008. С. 209–214.

² *Валлерстайн И.* Из выступления на VIII Международных Лихачевских научных чтениях «Диалог культур и партнерство цивилизаций», 22–23 мая 2008 года. СПб., 2008. С. 37.

³ Там же.

⁴ Там же.

на сходстве их ценностно-смысловых оснований, но и на признании различий между своей и другими культурами.

Признание различия и на этой основе разнообразия обуславливает открытость для взаимодействия этносов и их культур. На этом принципе концептуализирована Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии¹. Однако, когда под термином «различие» подчеркиваются лишь уникальные черты этнических культур, то их «локальная инаковость» может выступать в форме «защитной самобытности». При таком подходе различия могут возводиться в фактор, препятствующий межкультурному диалогу, ибо поддерживается противостояние «своего» и «иного». *Такая этничность не принимает целостности мира* (единства социокультурного пространства) и не включает в коммуникацию принципы толерантности в условиях многокультурности.

Данное положение, подчеркнем, не просто спор о терминах. Неадекватное науке понимание этничности сказывается, например, на практике подготовки и утверждения государственных образовательных стандартов, на наличии или отсутствии в них «регионально-этнического» или «регионально-национального» компонента. (Это, кстати сказать, разные понятия.) Региональный компонент был введен в стандарт в 1990-е годы, теперь он отменен, оставлен только федеральный стандарт образования, в котором должны быть прописаны национально-культурные элементы. В этом контексте напрашивается введение соответствующего общероссийского культурологического предмета; о его поликультурном содержании идут споры.

Очень важно понимать сам феномен межкультурного диалога во всем богатстве его содержания (как социокультурный институт и процесс; как тип социокультурной практики; как форма коммуникации, общения; как стратегия культурной политики и т. д.). Кроме того, необходимо различать разные компоненты диалога — научно-теоретический, структурно-организационный и ценностно-смысловой. *Существенно также разрабатывать и осваивать через образование полилоговую матрицу межкультурного диалога*². Ее содержание не является простым суммированием высказываний участников диалога. Обращение к нему связано с методологической целью: показать возможность освоения новых форм взаимодействия культур, образующих сегодня сложную полицелостность отечественной и мировой культуры. Нуждается во внимании изучение нового потенциала межкультурного диалога в условиях расширения миграционных процессов в России. Этот процесс сказывается на составе и проявляется в культурном и психологическом состоянии студенческой аудитории вузов.

Особо следует осмыслить явление мультикультурализма как стратегии демократического государ-

ства, подумать о том, какой тип мультикультурализма следует считать приемлемым. Ведь открывая дорогу множественной идентичности, он может создавать трудности для формирования в обществе коллективной идентичности.

Кроме указанных тем, вопросов и положений, которые необходимо проблематизировать научным сообществом университетов, есть, конечно, и много других, о чем в одном выступлении сказать невозможно. Отмечу лишь значимость поликультурного образования как пути к обретению толерантности современным студенчеством.

Толерантность сегодня представляется как определенная модель социокультурных коммуникаций. В соответствии с «Декларацией принципов толерантности» она выступает как комплекс системы знаний, ценностей и практических действий, который формирует межкультурную компетентность человека. *Толерантность лежит в основе диалога как культура восприятия «другого»*. Она вписана в него как способ снижения этнокультурных конфликтов и предотвращения насилия и агрессии. Это обусловлено тем, что толерантность предусматривает позицию уважения, принятия и понимания многообразия культур. В ней нуждаются в связи с необходимостью практического внедрения в общественное сознание современников модели «единства и гармонии в многообразии».

Однако трудность ее внедрения в межкультурные практики состоит в том, что механизм реализации толерантности как «красоты компромисса» (выражение Н. Рериха) предполагает определенный отказ участников диалога от некоторых «своих» ценностей.

Сегодня еще существует большая пропасть между идеальной моделью толерантности и той, что внедряется в системы воспитания и обучения студентов. И здесь нужны специальные усилия и меры. Роль образования как процесса освоения культуры диалога и как технологии передачи знаний для понимания культуры других народов в этом отношении неопределима.

Развитие и практическое внедрение образцов межкультурного образования характерно для евроатлантических стран. Известен, например, опыт Канады в данном направлении образования. В России осуществлялись попытки воспитания молодежи в духе толерантности, благодаря наличию уже упомянутого «регионального компонента», а также открытию национальных школ и классов. Вместе с тем в них не были решены проблемы поликультурности образования. Эти вопросы нуждаются в доработке. Дело в том, что толерантность — не только и не столько «знаниевое» образование. Это очень сложный коммуникативный процесс, который требует не только рационального познания, но и включенности личностно-ценностных систем, ряда психологических способностей человека.

В Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена за последние два года было разработано несколько моделей по межкультурному образованию молодежи. Они были подготовлены в ходе выполнения Инновационной образовательной программы в рамках приоритетного

¹ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии: принята 32-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО, Париж, 2001. 2 нояб.

² См. об этом: Астафьева О. Н. Межкультурный диалог в условиях глобализации: проблемы теории и практики // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. / отв. ред. Д. Л. Спивак. СПб., 2008. Т. IV: Культурная политика. С. 359–363.

национального проекта «Образование». К их числу относятся: учебно-методический комплекс *«Технологии межэтнического, межконфессионального и межкультурного взаимодействия»*; научно-методические материалы по теме *«Трансформация образовательных технологий гуманитарного профиля в условиях множественности культур»*; специальная программа для будущих преподавателей по воспитанию культуры диалога и толерантности *«Теория и практика обучения межкультурной коммуникации в полиэтническом и поликультурном мире»*. Кроме того, была подготовлена серия учебных пособий для университетов *«Истории поликультурной России»*. Эта новая научно-педагогическая и учебная литература в настоящее время внедряется в учебный процесс Герценовского университета и диссеминируется в других образовательных учреждениях страны.

Заключая размышления о проблемах обучения и воспитания молодежи в поликультурном мире,

подчеркнем следующее: при всей значимости образования как фундаментального способа воспроизводства нации и ее культуры, все же усилий образовательных учреждений недостаточно. Мы все прекрасно понимаем масштабные возможности средств массовых коммуникаций в обсуждаемом направлении. Однако содержание работы СМИ отнюдь не пронизано идеями межкультурного диалога и толерантности. Многие передачи продолжают разрушать нравственное здоровье молодежи низкопробной продукцией, а тонкая и сложная духовная сфера межэтнических и межкультурных отношений в стране, строительство современной поликультурной России остается без серьезного внимания. СМИ в ряде случаев даже стимулирует негативные вещи, например, мигрантофобию. Сегодня необходимо масштабное изменение всего пространства духовной культуры страны, где СМИ служат системообразующим элементом.

Г. В. Мухаметзянова¹

ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА

Модернизация профессионального образования происходит под определяющим воздействием институциональных и структурных изменений рынка труда. Рыночные преобразования изменили не только спрос на рабочую силу, но и востребовали новые качества человеческого капитала. Это обусловило актуальность гуманитарной составляющей в профессиональной компетентности специалиста. Гуманитарная составляющая, по нашему мнению, отражает компонентный состав ценностно-смысловых, общекультурных, социально-профессиональных компетенций как интегральных характеристик личности. Совокупность этих компетенций обуславливает формирование и развитие профессионального мировоззрения — системы специальных знаний высокой степени обобщенности, ценностных ориентаций, принципов, оценок и убеждений. Это влияет на интеллектуальное и ценностно-эмоциональное отношение индивида к профессиональной деятельности, формирование профессиональных идеалов, готовности к обучению в течение всей жизни, спо-

собности к самоорганизации и конкурентоспособности на рынке труда. Гуманитарная сфера и гуманитарное образование сегодня доминируют в самых различных областях. Это обусловлено спецификой гуманитарного образования, с которым взаимосвязаны все направления воспитания, формирования целостной гуманитарной картины мира, знание об экзистенциальных ценностях, всей внутренней сложности личности с ее многочисленными потребностями, ценностными ориентациями, самовыражением и самореализацией. В условиях глобализации, когда человечество все больше интегрируется в единую целостность, постоянно сталкивающуюся с необходимостью культурного плюрализма при решении проблем современности, ориентироваться нужно не только на рынок труда, но и на личностный потенциал студента — гражданина, патриота, носителя родной национальной культуры и культуры межнационального согласия.

Специфика гуманитарного знания состоит в том, что оно включает ценности, интенции, значения, смыслы, интросубъективные и аутокоммуникативные отношения, детерминированные сенсорным, топогностическим и прочими уровнями сознания. В более общей форме это целостный континуум субъективной реальности, составляющий настоящее и внутреннее богатство индивида: текущее настоящее, прошедшее прошлое, открытое к протеканию будущее, данные в памяти, эмоциях, душевных порывах, всех расположенностях и предрасположенностях. Гуманитарное знание, рассматриваемое как некоторая целостность, принципиально не может быть представлено в виде логической или иерархической структуры, потому что его теоретические составляющие отобраны из ряда областей. Именно

¹ Академик Российской академии образования, директор Института педагогики и психологии профессионального образования РАО (Казань), доктор педагогических наук, профессор. Автор более 350 научных работ, в т. ч. книг: «Формирование мировоззрения учащихся в процессе эстетического воспитания», «Трудовое и эстетическое воспитание студентов», «Стратегии реформирования системы среднего профессионального образования», «Педагогическая культура татарского народа», «Гуманизация и гуманитаризация средней и высшей технической школы», «Подготовка специалистов социальной сферы: региональный аспект», «Методология проектирования и развития системы среднего профессионального образования в регионе», «Современные проблемы образования», «Профессиональное образование в России: методология и теория», «Профессиональное образование: проблемы качества, научно-методическое обеспечение» и др. Главный редактор «Казанского педагогического журнала». Лауреат премии Правительства РФ в области образования.

(и только) при их помощи можно дать обобщенные теоретические описания важнейших объектов гуманитарного знания. Гуманитарное знание, следовательно, есть знание о том, что не укладывается в «точную» науку в принятом понимании слова. Оно есть знание обо всей внутренней сложности личности с ее многочисленными потребностями, самовыражением и самореализацией. Это знание обо всех приоритетных проблемах человека и человечества, какими являются духовные вопросы, лежащие в границах самоотречения, самоуважения, самопознания, самопреобразования, самоосуществления.

Гносеологический анализ гуманитарного знания показывает, что познание в гуманитарной сфере апеллирует не к природной сущности вещи, а к ее смыслу. Последнее определяет ряд особенностей концептуальной репрезентации предмета гуманитарного знания в форме его объекта, которое включает пространство человеческих значений, ценностей, смыслов, возникающих при усвоении и освоении культуры, и имеет более мобильный, гибкий статус в противоположность объекту естествознания.

На практике формирование гуманитарной составляющей в профессиональной компетентности специалиста может быть представлено разными моделями. Но все они должны быть направлены не только на получение гуманитарных знаний, но и на обеспечение опережающего качества профессионального образования. Обеспечение качества образования — это результат процесса поиска и разработки организационно-педагогических и методических механизмов доведения научных результатов до их практического применения в деятельности субъектов образования.

В современных условиях, когда мир непрерывно и стремительно изменяется, качество образования должно носить опережающий характер. Темпы происходящих перемен столь высоки, что сегодня можно вполне обоснованно говорить о новой глобальной проблеме современности — проблеме человека в изменяющемся мире. И одна из важнейших стратегических целей системы образования на современном этапе заключается в том, чтобы своевременно подготовить людей к новым условиям существования, которые несет им стремительно приближающееся будущее. Структуртивной в этом плане является и идея опережающего образования. Смысл опережающего образования заключается в изменении содержания и методологии педагогического процесса во всех звеньях системы образования с целью подготовки молодого поколения к успешной адаптации в новой социальной и информационной среде и способности активно воздействовать на нее в интересах сохранения и дальнейшего гармоничного развития общества и окружающей природы.

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что в профессиональной школе опережающее образование должно основываться на совокупности принципов интеграции, креативности, акмеологичности, фундаментализации, рациональности. Реализация принципов опережающего образования обуславливает выделение двух компонентов в формировании гуманитарной составляющей в профес-

сиональной компетентности специалиста — содержательного и технологического.

Содержательный компонент определяет образовательную стратегию, ориентированную на формирование личности, способную к смысловотворчеству, активной и эффективной жизнедеятельности в многокультурной среде, имеющую представление о целостной гуманитарной картине мира. Содержательный компонент включает следующие педагогические условия:

- формирование у студентов целостного поликультурного мировоззрения и ценностно-мировоззренческих установок, позволяющих преодолевать языковые, религиозные, расовые, национальные барьеры;

- диалектическую взаимосвязь национального самосознания обучаемых с освоением социальных и нравственных норм поведения;

- формирование у студентов способности понимать исторические, социокультурные события в их взаимосвязи;

- отбор учебного материала по дисциплинам гуманитарного цикла с учетом современных требований (формирование гуманитарной картины мира);

- соответствие логике изучаемой научной дисциплины, федеральным государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования, целям образовательной программы;

- интеграция фундаментального, междисциплинарного, профессионального и инновационного научно-учебного материала;

- взаимодействие методологии науки, предметной отрасли знания и методики преподавания;

- установление интегративных связей между гуманитарным и профессиональным знаниями;

- системная целостность предметного содержания, учебных и профессиональных умений и навыков; доступность для успешного усвоения студентами).

Отбор и структурирование содержания современного учебного материала по предметам гуманитарного цикла предполагает несколько этапов:

1. Теоретическое обоснование: формирование информационной базы учебно-научных знаний; определение целей и задач содержания подготовки специалистов; построение концептуальных схем, моделей учебно-программной документации, обоснование взаимосвязи элементов содержания образования; определение принципов построения содержания учебного материала и дидактического модуля; разработка критериев отбора содержания учебного материала; развитие категориального аппарата содержания интегрированного учебного материала; выбор дидактических и методических форм и методов отбора и структурирование содержания учебного материала.

2. Структурно-смысловой отбор содержания современного учебного материала в границах дидактического модуля: научное обоснование принципов отбора содержания и структурирования учебного материала; определенные системы теоретических знаний, обеспечивающих фундаментализацию гуманитарного образования, и практических знаний,

составляющих основу учебных умений и навыков; установление междисциплинарных связей в сопряженных полях дисциплин гуманитарного цикла; выявление интегративных связей гуманитарного знания с другими науками (техническими, естественно-научными) и определение системы гуманитарного знания как единой совокупности; выделение в содержании гуманитарного знания основных компонентов: а) инвариантной части, представляющей собой совокупность понятий, социальных законов, фактов и пр.; б) специализированной части, включающей образное изложение материала; в) мировоззренческой части, обеспечивающей мировоззренческую направленность учебного знания.

3. Методическое обеспечение отбора и структурирования содержания учебного материала по предметам гуманитарного цикла: составление технологической карты (целеполагание, дозирование заданий для самостоятельной работы студентов, формы и методы обучения, методы диагностики и коррекционной работы); учет индивидуально-возрастных особенностей студентов; формы и методы работы с одаренными студентами; особенности сотворчества преподавателей и студентов; интериоризация знаний студентами.

Структурирование содержания учебного материала по предметам гуманитарного цикла должно быть основано на следующих специфических принципах:

- единство содержания и аппарата организации усвоения знаний;
- учет закономерностей восприятия письменных текстов;
- систематичность и системность изложения учебного материала;
- доступность учебника без посредства деятельности преподавателя;
- интеграция и дифференциация, ориентирующая проектирование содержания учебного материала как на синтез широкого круга междисциплинарных знаний, так и на отдельные учебные дисциплины с конкретными областями знаний.

Указанные принципы отражают объективные закономерности развития гуманитарного образования, междисциплинарных связей, интеграции различных предметных областей знаний, взаимосвязи целей, средств и конечного результата.

Технологический компонент формирования гуманитарной составляющей в профессиональной компетентности специалиста связан, прежде всего, с социокультурным проектированием студентов. Именно в процессе проектной деятельности у студентов формируется целостная гуманитарная картина мира, происходит становление гуманистического мировоззрения и гуманитарной грамотности, создаются условия для самопознания, саморазвития и самореализации в системе поликультурности современного мира, развивается профессиональное мировоззрение. Человек, обладающий целостным миропониманием и поликультурной ориентацией в познании окружающей действительности, способен найти применение своего жизненного и творческого потенциала, самореализоваться в системе «откры-

того диалога» и цивилизованно-значимой деятельности.

Технологический компонент включает следующие педагогические условия:

- формирование и развитие модульно-компетентностных технологий профессионального обучения;
- блочно-модульное построение учебного материала по дисциплинам гуманитарного цикла с учетом современных требований (единство содержания и аппарата организации усвоения знаний);
- учет закономерностей восприятия письменных текстов;
- систематичность и системность изложения; доступность;
- интеграция и дифференциация;
- составление «портфолио профессионально-личностного развития» каждого студента;
- участие студентов в разработке и реализации научно-образовательных и социокультурных проектов, конкурсах профессионального мастерства с использованием материалов медиатеки, видеотеки, тематических сайтов сети Интернет.

В Институте педагогики и психологии профессионального образования РАО разработаны и внедрены в практику модульно-компетентностные технологии профессионального обучения: проектно-кейсовая, мегапроектная мультиагентная сетевая и системно-ориентированная.

Проектно-кейсовая технология основана на участии студентов в разработке и реализации научно-образовательных и научно-производственных проектов, комплектовании кейсов, специально организованных занятиях-практикумах.

Системно-ориентированная технология направлена на поэтапное формирование компонентов профессиональной компетентности студентов при решении многофакторных профессионально ориентированных учебных задач в условиях интеграции образования, науки и производства.

Мегапроектная мультиагентная сетевая технология предполагает разные уровни интеграции, которые по типу легио обеспечивают ее системную целостность, динамичность, вариативность. Это интеграция форм и методов обучения; общего и профессионального знания; теории и практики; научного и технического творчества; дидактических концепций; проблемно-тематическая и целевая интеграция дисциплин естественно-научного, социогуманитарного и художественно-эстетического циклов; субъектная интеграция.

Качественное отличие данных технологий состоит в том, что в процессе обучения не только активно используются вариативные виды проектирования, но оно рассматривается как целеустремленная система, способная к самоорганизации и самоуправлению. Основным понятием технологий стал «образовательный модуль». Итоговая компетентность в той или иной профессиональной сфере представляется совокупностью таких модулей, а каждый из них формируется как специфическая функция будущей профессиональной деятельности. В пределах образовательного модуля осуществляется комплексное

освоение знаний и умений в рамках формирования конкретной компетенции, которая обеспечивает выполнение конкретной трудовой функции, отражающей требования рынка труда.

Модульно-компетентные технологии взаимосвязаны с концепцией непрерывного образования («образования в течение всей жизни»), поскольку имеют целью формирование высококвалифицированных специалистов, способных адаптироваться к изменяющейся ситуации в сфере труда, с одной стороны, и продолжение профессионального роста и образования — с другой. Модульно-компетентные технологии позволят оптимально сочетать теоретическую и практическую составляющие обучения, интегрируя их. При этом обеспечивается переосмысление места и роли теоретических знаний в процессе освоения компетенций, их упорядочивание и систематизация, что в конечном счете приводит к повышению мотивации обучающихся в их освоении. Гибкость модульно-компетентных технологий, основанных на компетенциях, позволя-

ет оперативно обновлять или заменять конкретные модули при изменении требований к специалисту вследствие изменений в технологиях и организации труда, обеспечивая качество подготовки специалистов на конкурентоспособном уровне; дает возможность индивидуализировать обучение для каждого обучающегося исходя из его уровня знаний и умений и предыдущего обучения (или трудового опыта) путем комбинирования необходимых модулей и отдельных единиц модулей; позволяет применять одни и те же модули как элементы сразу нескольких учебных программ (техника безопасности, эффективное общение и т. д.).

Таким образом, гуманитарная составляющая профессиональной компетентности будущего специалиста — это показатель не только качества образования, но и духовно-нравственной культуры, профессионально-психологического потенциала, мотивационно-ценностной направленности, гражданственности личности, готовности к продуктивному социально-профессиональному взаимодействию.

В. С. Мухина¹

ПРОБЛЕМЫ БЫТИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОТЕНЦИАЛОВ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Безусловно, культура — совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством, характеризующая определенный уровень развития общества. Сегодня многие представители рода человеческого все чаще к понятию «культура» присовокупляют определение «глобальная». Особенно активно это делают философы, политологи, психологи и другие представители отраслей знаний, ответственных за понимание бытия человека в новых условиях.

Глобальная культура носит всемирный характер, предполагается ее отнесение не только к территории всего земного шара, но и к Великому идеополу общественного самосознания человечества.

Очевидно, сегодня науке следует рассматривать позитивные и негативные стороны глобализации. Нельзя игнорировать идею о том, что глобализация проходит как особый процесс эволюции ноосферы.

Нельзя не согласиться с В. И. Вернадским, который считал, что под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — ноосферу. Он указывал на интенсивный рост цивилизованного человечества, когда народы и государства не смогут существовать вне ноосферы,

вне научной мысли. Идея о значении объективного содержания мышления в многообразных формах не раз формулировалась в философии и науке — от древних философов до современников.

К. Поппер указывал на непреходящую ценность научных знаний и идей, которые сконцентрированы в библиотеках мира и могут быть дешифрованы в случае глобальных катаклизмов нашими цивилизованными потомками (не имеет значения, будут ли они земными живыми существами, которые сделались цивилизованными людьми, или пришельцами из космоса). Было бы лучше, если бы человечеству не грозили эти предсказания.

Наука уже успела выразить идеи о накоплении потенциала мыслей и обсудила вариации, их влияния на *Великое идеополе общественного сознания*. Эти идеи появились у древних греков, начиная от Гераклита, Гомера, Фалеса, Ксенофана, Демокрита и многих других. Сократ и Платон формулировали свое понимание *идеи* как подлинно сущего. Аристотель представлял *идею* как некое *мировое поле*, или *мировой нус*, который содержит собственную умственную материю.

Пройдя долгий путь мучительных поисков выразить то, что является достоянием общечеловеческого поиска, глобальной культуры, я ввела в поле научного мышления понятие «Великое идеополе общественного сознания».

Великое идеополе вбирает в себя образы, знаки и идеи объективных реальностей, которые были созданы человеческой культурой: 1 — предметного мира; 2 — природы; 3 — образно-знаковых систем; 4 — социально-нормативного пространства; 5 — внутрен-

¹ Академик Российской академии образования, заведующая кафедрой психологии развития Московского государственного педагогического университета, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор около 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Таинство детства», «Возрастная психология. Феноменология развития», «Феноменология развития и бытия личности: избранные психологические труды», «Личность: Мифы и реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты)», «Отчужденные: Абсолют отчуждения» и др. Многие учебники и монографии переведены на иностранные языки.

него пространства конкретной личности. На пересечениях и при взаимодействии пяти реальностей возникают условия развития и бытия человеческой личности.

Все реалии представляют сложившиеся условия, которые своей образно-знаковой ипостасью, сформированной всей предшествующей культурой человечества, вращены в Великое идеополе общественного сознания. Все реалии при этом пронизаны образами, знаками и идеями, которые сформировались в истории человеческого рода, обеспечивая коммуникативную, сигнификативную, экспрессивную и прочие функции в их многоплановом предназначении не только как сложившейся концептосферы, но и как некой потенциальной возможности для рождения новых идей.

Реальность образно-знаковых систем, становящаяся достоянием глобальной культуры человечества, безусловно, может выступать как условие психического и личностного развития человека, но может выступать по отношению к человеку и негативной своей стороной. Реальность образно-знаковых систем по своей феноменологической сути такова, что может возвышать человека до необъятных высот и низвергать его в тартар.

Особенности самосознания представителей разных цивилизаций сегодня определяются не только историей пройденного пути, но и следствиями интенсификации современных интеграционных процессов. В условиях глобализации межэтнические отношения и самосознание отдельной личности подвергаются интенсивному воздействию. Сегодня все народы планеты подлежат воздействию аккультурации, результаты которой: ассимиляция, интеграция, сепарация и маргинализация. Дж. Берри заблуждался, когда полагал, что «если объяснить совершенные открытия людям, ответственным за управление процессами аккультурации, то наша научная и социальная миссия будет выполнена». Однако рекомендации «объяснить совершенные открытия людям» — путь к созданию очередного мифа, предвещающего улучшение миропорядка. Реалии гораздо многозначнее.

Полагаю, что помимо уже сложившегося взаимовлияния национальных культур и межкультурных идентификаций в результате лавинообразно нарастающих миграционных процессов, обострившихся во второй половине XX столетия и происходящих поныне, в мире грядет квазиаккультурация под влиянием самих процессов и политики персон, охваченных идеей глобального переустройства миропорядка.

Новообразования ценностно-ориентационных идентификаций взаимодействуют друг с другом по типу кругов Л. Эйлера, по модели конъюнкции. Модель отражает множественность вариаций идентификаций: с родом, этносом, конфессией, регионом, страной, мировым сообществом. В то же время каждый отдельный человек осуществляет идентификацию с самим собой как с уникальной личностью.

Модель конъюнкции, которая выстраивается в соответствии с условиями взаимодействия многоуровневых идентификаций и внутренней позицией

каждого отдельного человека как уникальной личности, показывает особенности самосознания личности с его социально-психологическими и этническими компонентами.

Модель многоуровневых идентификаций, объединяющих людей по феноменологически присущим им значениям «мы», не снимает феноменологических значений «я». «Мы» и «я» обратимо и неразрывно взаимосвязаны друг с другом: в норме одно не должно доминировать над другим. В противном случае возможна антиутопическая проекция «мы»: вспомним Е. Замятина с его «Мы» и вполне реалистически отчужденным «я».

Человечество в XXI веке еще до конца не продумало для себя, в каких соотношениях должны находиться групповое «мы» и индивидуальное «я», чтобы общество развивалось наиболее эффективно. Реально «мы» главенствовало в родоплеменных культурах, во все времена истории, а в XX веке — в тоталитарных государствах, подавляя возможности уникального «я». В то же время идеология Запада уже давно провозглашает первичность «я», что было закреплено в Декларации прав человека. Однако реально эти провозглашения тяготеют к утопии и мифотворчеству.

Н. Элиас специально исследовал отношения между категориями «общество» и «индивид». Он писал: «Для структуры наиболее развитых обществ наших дней характерно, что тому, что отличает людей друг от друга, их Я-идентичности, приписывают сегодня большую ценность, чем тому, что у них есть общего, — их Мы-идентичности. Я-идентичность превалирует над Мы-идентичностью». Тот же Н. Элиас в то же время заявлял, что «наступает время групповой Мы-идентичности на общечеловеческом уровне». Сколь синкретичным, однако, бывает наше сознание, как трудно бывает четко выразить происходящие в мире тенденции.

Я полагаю, что прежде чем человечеству реально продвигаться в направлении всечеловеческой мы-идентичности на общечеловеческом уровне, было бы правильно развивать эту способность на уровне каждого отдельного государства и на уровне я-идентичности каждой отдельной личности.

Однако этому упованию сегодня противостоят новые тенденции развития культуры и квазикультуры.

Современные технологии настолько изменяют самосознание людей, что это дало основание Дж. Гэлбрейту ввести понятия «технокультура» и «зрелая корпорация».

В то же время современные исследователи отслеживают, как Интернет из специализированной военной сети превратился в глобальную Сеть и создал по-новому организованное информационное общество. М. Кастельс, размышляя об Интернете во всем потенциале его возможностей, пришел к видению влияния галактики Интернета на сферы коммуникаций, экономики, культуры, а также на отношения между людьми и структуру нашей повседневной жизни.

Вводимые в современную науку новые сферы исследования, которые определяют условия развития

и бытия человека, а также новые понятия объясняют феномен нового индустриального и информационного общества в контексте тенденций глобальной культуры.

Новые условия развития и бытия современного человека приводят ученых не только к идее становления глобальной культуры (собственно это происходило постепенно во всей многовековой истории человечества), но и к предвосхищению столкновения цивилизаций (С. Хантингтон), шока будущего (Э. Тоффлер), постчеловеческого будущего (Ф. Фукуяма) и многого другого. Бурное развитие индустрии, информации, медицины и биотехнологии может реально разрушить наработанный в истории потенци-

ал общечеловеческой культуры высокого духовного уровня и лишить человека возможности быть личностью — этого колоссального достижения человечества в истории его духовного роста.

Сказанное есть предупреждение многих ученых о том, что позитивный потенциал глобальной культуры всего лишь одна сторона того амбивалентного направления развития, которое несет в себе немало угроз как всему человечеству, так и каждому отдельному человеку как личности.

Ученые обязаны со всей ответственностью обсуждать возможные стратегии сохранения условий развития и бытия личности в контексте вероятных амбивалентных потенциалов глобальной культуры.

Б. М. Неменский¹

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ШКОЛЕ КАК ПУТЬ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ НАРОДОВ

Проблема национальной идентичности, а значит и национальной культуры, резко обострившаяся после распада СССР, не может не волновать нас — художников и педагогов искусства.

Необходимо признать, что эта проблема вообще очень сложная, а для образования даже болезненная. Она имеет прямое отношение к таким областям развития, как история и искусство. Час то мы здесь принимаем позу умолчания. Проблема существует. Решения однозначного нет.

Существует человеческая потребность поиска общности, близкой себе среды. Людям это остро необходимо, как обретение самоидентификации. Ибо семья — чересчур узкий фундамент, а государство Российское пока не нашло единой, объединяющей всех достаточно прочной «веры». Православие или ислам не могут стать такой объединяющей линией для всех. Россия сложилась как многонациональное, многоконфессиональное государство.

Человечество прекрасно своим разнообразием. Сегодня реальностью является поиск людьми самоидентификации в объединениях национальных и религиозных. Человек не может жить вне человеческой общности — любой. Как часто эта общность становится криминальной!

Какую же позицию в этой ситуации, в это трудное время должно занять искусство, среда культуры нашей страны вообще и общеобразовательная школа, в которой учатся дети всех существующих у нас наций и религий, в частности? А Россия характерна сохранением не просто многообразия, но даже языка и культуры маленьких народов.

Мне кажется, позиция может и должна быть такой: существует действительно общечеловеческая культура — культура Земли, человеческого сообще-

ства. При всем своем национальном и религиозном многообразии в нем есть единые основы для всех племен и верований. И объединяющей всех нас позицией должно быть утверждение силой искусств в сознании молодых, во-первых, понимания нашего единства; а во-вторых, понимания того, что внутри этого единства мы все разные. Так сложилось исторически, и это прекрасно. Я не знаю, как назвать этот подход — интернационализмом, как было при советской власти, или плюрализмом, но главное сегодня для нас воспитать через искусство не только интерес и уважение, но и способность наслаждаться культурами иных, непохожих народов и радость их познания. Это возможно именно через сопереживание и сопереживание, что и является глубинной основой любого искусства и нашего педагогического метода. Глубже — присвоение. Освоение — через эмоциональное творческое присвоение. Но, естественно, с опорой на свою, родную культуру, через наиболее глубокое ее проживание. Мы руководствуемся принципом: «От родного порога в мир общечеловеческой культуры». Познавать и уважать иной народ, как свой.

Но такому «сопереживательному» познанию нужно учить. Именно школьный предмет «Изобразительное искусство» (так же как и музыка, и литература) должен выполнять эту роль. Однако учить сопереживанию гораздо сложнее, чем знанию. Это невозможно выучить и сдать. Это происходит только через опыт творческой деятельности. Функцию передачи важнейшего человеческого социального опыта — способности переживать ни одна наука не способна осуществлять, у нее просто нет инструментария для выполнения этих задач. Этот инструментарий заложен во всех искусствах — это художественный образ. Но чтобы он действовал, нужны специальные программы, учебники, методики — то есть подлинный урок искусства, который так не часто пока удается воплотить в школе.

Урок искусства, однако, фикция без художественно развитого учителя. Художественное развитие

¹ Академик Российской академии образования, академик Академии художеств, профессор. Народный художник РФ. Автор книг: «Доверие», «Мудрость красоты: О проблеме эстетического воспитания», «Культура — искусство — образование: цикл бесед» и др. Лауреат государственных премий СССР и РФ, премии Президента РФ в области образования и др.

это не просто знание законов, фактов, даже грамматических навыков. Это развитая способность пользоваться этими законами для выявления — не в искусстве, но именно через искусство — в ученике очеловечивающей сущности огромного многовекового опыта поисков добра и зла как прекрасного и безобразного в ткани искусств всех веков и народов.

Это огромный опыт и сегодня плохо понимаемая ответственность школы. Особенно в ситуации современных СМИ, занятых часто получением доходов ценой любого опущения человека до примитива.

В Центре непрерывного художественного образования мы сформировали модель художественного образования и инструментарий ее осуществления в массовой школе. Идеала, конечно, достигнуть невозможно, но практика показывает, что путь дает реальные результаты. Меняются человеческие отношения и это особенно заметно в многонациональных классах. Меняются не отметки, а люди.

Мне кажется, в наш XXI век, когда народы Европы «распри позабыв» пытаются создать некое многонациональное единство, опыт России, уже давно создавшей подобное единение, может быть положительным примером. Я не могу понять, какую можно найти иную — не общерусскую или общероссийскую идею в обход нашей истории, которая была и остается в этом плане богатой нюансами... но не всеядной. Она сегодня противится «чернухе» и гламуру. Она просто нормально человеческая. И упаси Бог от того, чтобы стала иной.

Передо мной, человеком русским, однако, сегодня не может не стать и другой вопрос, внешне, казалось бы, и не связанный, но внутренне... Он требует внимания и среди интеллигенции и государства: как в этом «плюрализме» будет чувствовать себя русский человек? Как с нашей самоидентификацией? Сегодня бесполезно и вредно скрывать, что не просто Россия, но именно русские часто подвергаются дискриминации и уничтожению, из них создают образ врага, и не только за рубежами страны. Конечно, унижение унижает и унижаемого, и унижающего и, естественно, порождает рознь, дикие проявления в человеческих отношениях, экстремизм в быту, искажения нравственные и мировоззренческие.

Попытки сделать вид, что подобного вопроса нет или что он малозначим, опасны. Если загнать проблему в духовное подполье, этим не преминут воспользоваться политические спекулянты и попытаются решить его... через скинхедов. Они постараются создать условия и поводы для истерических кровавых столкновений. Опасность зоологической русофобии, как и агрессивной ксенофобии, не должна замалчиваться. Унижение великого народа не менее опасно, чем малого, как для его культуры, так и для культуры народов, связанных с ним.

В России сотни народов живут в сложнейших переплетениях быта и культуры. Поэтому проблема самоидентификации, самосознания русского народа важнейшая не только для него, но и для всех наций нашей страны. Важнейший вопрос и для государства — не отдавать ее на откуп скинхедам. И тут вопрос не просто компактного расселения. Да, татары тоже

расселены не только в Татарии, чеченцы — не только в Чечне. Но у них есть анклавы внутри России, где они являются образующим народом. Русской республики внутри России нет, и нигде нет у русских преимущественного права. Везде и нигде. Государство — образующий народ всей России? Но такого права у него нет в законодательном порядке. Хотя, по факту... опять же и есть, и нет... Сегодня это создает определенную национальную некомфортность.

У грузин, якутов, казахов и других есть землячества, культурные центры (если не посольства), где они могут получить поддержку, помощь. Может быть, нужны культурные центры не только армянские или чеченские, но и русские; надо создавать их для пропаганды русской культуры, для взаимной поддержки клубы русской культуры (не просто самодеятельность). Сегодня даже в школе очень слабо ведется линия истории нашей культуры.

Ни русским, ни татарам, ни якутам национальная нетерпимость или нигилизм не прибавит счастья. Будет не только кровь. Будет провал в средневековье. Что же до религиозной самоидентификации, то православие в истории России в период средних веков сыграло эту объединяющую роль: сохраняя единую веру, сохраняло единую культуру и язык.

Сегодня русскому народу и нашей церкви необходимо осознать многовековую цельность и ценность всей русской культуры. Она, несомненно, выросла, как на дрожжах, на православии. На мудрости православия строилась и ее терпимость к иным верам, ведь насильственному крещению не подвергались народы, присоединяемые к России: ни мусульмане, ни буддисты, и даже ни язычники. У католиков и протестантов было иное. Не только Альбигойские войны, крестовые походы, Варфоломеевские ночи, но и трагические судьбы народов Америки — исторический тому пример: текли реки крови, гибли миллионы людей. И очень интересно, что именно они-то сегодня и учат нас плюрализму... Поучительный пример!

Но существует еще одна очень глубокая проблема. Мы сами должны осознавать не только гуманизм своей религии, но и ту огромную роль, которую она играла в создании многовековой русской культуры. И не только допетровской Руси или досоветской России (такая тенденция есть). Вся культура России цельна и едина. Прямая духовная линия протянута и воспринята от Рублева до дня сегодняшнего. Это и в литературе, и в музыке, и в изобразительных искусствах, и в кино. Например, попытка считать «зомбированными» Западом, чуждыми России музыку, начиная с Глинки, литературу, начиная с Пушкина, изобразительное искусство, начиная с Брюллова и Александра Иванова, не просто ложна, но и опасна.

И наследуют культуру единовременные и неверующие. России более всего сегодня опасен раскол нации. А я сталкивался с подобным. Это поведет к опаснейшему делению русских творцов культуры на «чистых» и «нечистых», своих и чужих. Это станет блестящей помощью антирусской кампании по представлению, утверждаемому, например, Людвигом фон Мизесом, о творческой неспособности

русских: «Интеллектуальное бесплодие русских столь велико, что они никогда не смогли бы найти выражение собственной глубинной природы <...> В отношении человеческого общества и сообществ наций их позиция — это позиция народа, стремящегося к потреблению того, что накоплено другими. Люди, жизненными силами которых являются идеи Достоевского, Толстого и Ленина, не могут создавать прочную социальную организацию. Они должны скатиться к условиям полного варварства»¹. Рональд Рейган представил Мизеса как доброго отца современной демократии.

Народ, создавший богатейшую культуру, пассивно освоивший огромное пространство от средней России до Аляски — яростно творческий. Иначе не освоил бы, не вспахал бы. Но сегодня опасность есть. Когда русофобия проникла даже в среду самих русских людей, нам необходимо осознать, утвердить, понять это умом и сердцем, цельность, единство и значимость для всех народов России всех граней нашей многовековой культуры. Осознать, что духовный объединяющий стержень рублевской «Троицы» как фундамент проходит через все века, все виды и все течения нашего искусства. Естественно, кроме «актуального», ернического постмодерна, действительно духовно чуждого нашей культуре.

Русская культура... Сколько людей других национальностей внесли в нее весомую лепту! Не только Даль или И. Левитан, Н. Гоголь, Ф. Грек, К. Брюллов, но и многие другие — тысячи. Интернационал не только в крови (как написала Инна Кошежева) — он в нашей культуре. Недаром Достоевский говорил о ее всеохватности, всеприемлемости. И при этом ее не спутаешь ни с немецкой, ни с итальянской, ни с французской культурой. Кстати, на способности переваривать, переплавлять в свое любое чужое ча-

сто основываются ее хулители. Ныне — особенно. Русская культура веками объединяла, не подавляя, не ликвидируя. Это относилось к культурам и всего Союза. Я не так хорошо знаю литературу, музыку, хотя кто не знает Ч. Айтматова, В. Мурадели, А. Хачатуряна и т. д. Я знаю хорошо живопись армянскую, грузинскую, азербайджанскую, украинскую, молдавскую, народов Средней Азии — какие яркие и непохожие друг на друга и на русское искусство за XX век сформировались национальные школы и таланты!

Да, ныне мы не можем не думать о сложности и значимости самоидентификации и русского человека. И не можем не понимать, что это необходимо. Каждому. И наша культура здесь может сыграть незаменимую роль.

Есть вековой опыт объединения культур именно вокруг культуры русской. Поэтому мы и строим нашу концепцию изобразительного искусства для школы, с одной стороны, на принципах патриотичности, с другой — на глубоком уважении ко всем иным культурам, на всеохватности, толерантности. Это программа для детей, юношества, массовой школы, то есть для тех, кто в будущем станет зрителями, читателями, слушателями. Мы убеждены, что именно культура, искусство наряду с историей могут и должны стать стрелом самосознания российских народов — от западных до восточных рубежей страны, и для 20 млн русскоязычных, которые вследствие разделения наших стран остались за рубежами России.

Именно на этом пути стоит объединить свои усилия. Именно здесь сегодня можно вести поиск объединения идей национальной самоидентификации в единстве культур народов нашей страны. Знать и учиться понимать друг друга! И учиться понимать исторически сложившееся единство наших культур.

А. М. Новиков²

О СТРУКТУРЕ КУЛЬТУРЫ В ОТНОШЕНИИ СТРУКТУРЫ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

В последние десятилетия в педагогике критикуется традиционный так называемый знаниевый подход (ЗУНы). В то же время в противоположность знаниевому подходу, «предметоцентризму» уже около 30 лет назад В. В. Краевским, И. Я. Лернером и М. Н. Скаткиным была выдвинута концепция культурологического подхода, рассматривающая содержание образования как педагогически адаптированный социальный опыт человечества, тождественный

по структуре (разумеется, не по объему) человеческой культуре во всей ее структурной полноте»³. Этот прогрессивный, вполне современный культурологический подход получил широкое признание, многие его разделяют и поддерживают, и никто, казалось бы, не возражает. Но до его реализации дело никак не доходит уже многие годы. Почему?

Очень просто: для реализации культурологического подхода необходимо решить целый ряд проблем, к чему пока еще никто не приступал. В том числе концептуально-философская проблема, которая заключается в необходимости разобраться — что же такое *человеческая культура* и как она должна быть достаточно полно отражена в содержании как общего, так и профессионального образования.

Как известно, каждое последующее поколение людей наследует все достижения человеческой куль-

¹ Мизес Л. фон. Либерализм. М., 2001. С. 146–147.

² Академик Российской академии образования, руководитель Центра проблем непрерывного образования Института теории и истории педагогики РАО (Москва), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 300 научных работ, в т. ч. книг: «Процесс и методы формирования трудовых умений», «Английский колледж», «Русское образование в новой эпохе», «Развитие отечественного образования», «Постиндустриальное образование», «Основания педагогики» и др. Член Союза журналистов России. Иностраный член Академии педагогических наук Украины. Лауреат Государственной премии РФ.

³ Краевский В. В. Содержание образования: вперед к прошлому. М.: Педагогическое общество России, 2000.

туры, созданные предшествующими поколениями. *Человек в процессе образования осваивает культуру человечества.* Как зародыш в утробе матери повторяет в фантастически ускоренном масштабе времени всю эволюцию жизни на Земле (миллиард лет), так и растущий человек за 20 лет должен освоить культуру, которую человечество создавало 4 млн лет. Освоить «догнать», чтобы затем стать в авангарде дальнейшего ее развития.

Отсюда следует, что в самом общем виде цель образования человека заключается в освоении (трансляции) культуры. При этом культура понимается нами в данном случае в самом широком смысле.

Культура включает, во-первых, *объективные* результаты деятельности людей (машины, технические сооружения, результаты познания (книги, произведения искусства, нормы права и морали и т. д.) — это ее первый компонент; во-вторых, *субъективные* человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности (ощущения, восприятия, знания, умения, производственные и профессиональные навыки, уровень интеллектуального, эстетического и нравственного развития, мировоззрение, способы и формы взаимного общения людей и т. д.), — это ее второй компонент¹.

Предметные результаты деятельности человечества (первый компонент культуры) отражаются в *формах общественного сознания: язык* (понимаемый в широком смысле — как естественный родной и иностранные языки, так и искусственные языки); *обыденное сознание; политическая идеология; право; мораль; религия* (или антирелигия — атеизм); *искусство; наука; философия*².

Второй компонент культуры — *субъективные человеческие силы и способности.* Они выражаются в личностных знаниях, в том числе в образных, чувственных знаниях, которые не передаются словами (понятиями), в умениях, навыках, в развитии тех или иных индивидуальных способностей, в мировоззрении каждого человека (а оно у всех людей разное) и т. д.

Освоение объективных компонентов культуры. Освоение человеком (обучающимся) объективных компонентов культуры происходит не столько через непосредственное восприятие материальных предметов культуры — сооружения, машины, произведения искусства и тому подобное, сколько за счет освоения идеальных продуктов человеческой культуры в виде *общественного сознания* — отражения общественно-исторического бытия человечества в идеологической жизни общества³.

Формами общественного сознания (их всего девять) выступают: *язык, обыденное сознание, мораль, право, политическая идеология, наука, искусство, философия, религия.* Формы общественного сознания и являются *основаниями содержания образования* в части освоения обучающимся *объективных* компонентов культуры. Причем необходимо подчеркнуть, что в педагогике, в содержании образования эти формы

общественного сознания (*язык, обыденное сознание, политическая идеология, право, мораль, искусство, наука, религия, философия*) должны рассматриваться как *рядоположенные*. Хотя, конечно, по объему учебного материала они могут сильно различаться. Например, изучение основ наук, естественно, потребует от обучающегося гораздо больше времени и труда, чем изучение основ права или освоение обыденного сознания.

В предыдущую *индустриальную эпоху* в основу содержания образования были положены *научные знания*. Это и понятно. Наука тогда была центром организации всего общества, поскольку решить глобальную проблему человечества — проблему голода (накормить людей) могла только наука, научное знание (в первую очередь, естественно-научное и техническое знание). Поэтому перекос в построении содержания образования был сделан именно в эту сторону. В этом истоки критикуемой сегодня «знаниевой парадигмы».

Но сегодня ситуация коренным образом изменилась, и все формы общественного сознания в структуре образования должны быть отражены как *равнозначные*. Формой хранения, коммуникации и трансляции (наследования) общественного сознания являются *общественные знания*.

В самом общем виде *знания определяются как продукт познания*. В то же время знания можно подразделить на две категории:

— *общественные знания* как продукт общественно-исторического познания. Общественные знания существуют объективно, независимо от каждого конкретного человека — в книгах, Интернете, других носителях информации;

— *индивидуальные знания* — как принадлежность каждого отдельного человека.

Естественно, индивидуальные знания принципиально отличаются от общественных. Во-первых, по своему объему, ведь один человек не может все знать. Во-вторых, принципиальное отличие заключается еще и в том, что у индивида наличествуют также знания в виде ощущений, восприятий, конкретных образов, на основе которых он и осваивает общественные знания в виде понятий, теорий и т. д. В-третьих, индивидуальные знания человека неразрывно связаны с эмоциями, мотивами, ценностными ориентациями и т. д. В том числе они связаны с самоопределением человека: что ему надо, а что — нет. Но индивидуальные знания будут относиться уже к субъективным компонентам культуры.

Освоение субъективных компонентов культуры. Второй аспект культуры (субъективные компоненты человеческой культуры) — субъективные человеческие силы и способности. Они выражаются в мировоззрении каждого конкретного человека (а оно у всех людей разное), его убеждениях, стремлениях, индивидуальных знаниях, умениях (компетенциях), навыках, эмоциях, воле, мышлении и т. д.

Субъективные компоненты культуры осваиваются обучающимся в процессе образования на основе объективных компонентов культуры. В первую очередь на основе общественного сознания — морали, права, науки и тому подобного посредством

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 294.

² Там же.

³ Там же.

освоения общественных знаний, а также на живых примерах поведения конкретных людей — педагогов: родителей, воспитателей, учителей и т. д.

Основания содержания образования человека в аспекте освоения субъективных компонентов культуры мы рассмотрим по трем составляющим иерархической структуры личности:

1. *Содержание воспитания* — развитие, формирование направленности личности. *Направленность личности* — одна из ее подструктур, являющаяся ее высшим уровнем. Направленность личности рассматривается как совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих деятельность личности, и характеризуется: уровнем развитости, шириной развитости, интенсивностью и действенностью. Формами направленности личности являются: *влечения, желания, интересы, склонности, идеалы, мировоззрение, порывы, убеждения, ценности, ценностные ориентации*.

2. *Содержание обучения* — развитие, формирование опыта личности. Основанием содержания обучения как развития опыта личности является структура этого опыта: индивидуальные знания, умения (компетенции), навыки, привычки.

О знаниях индивидуальных, их отличиях от общественных уже упоминалось. Здесь целесообразно подробнее остановиться на умениях (компетенциях).

Умения — освоенные человеком способности выполнения действий, обеспечиваемые совокупностью приобретенных знаний и навыков. Умения рассматриваются как сложные структурные образования личности, включающие чувственные, интеллектуальные, волевые, творческие, эмоциональные ее качества, обеспечивающие достижение поставленной цели деятельности в изменяющихся условиях ее протекания. *Умение* — *высшее человеческое качество, формирование которого является конечной целью образовательного процесса, его завершением*. Действительно, все структурные компоненты личности: знания, мировоззрение, интересы, мышление и тому подобные направлены как бы во «внутренний план», находятся внутри сознания. А единственным внешним проявлением человека является действие. Вспомним гетевское выражение «В деянии начало бытия!» А способностям успешно действовать, то есть действовать «с умом», и есть *умение*.

Компетенции. В последнее время в педагогической теории и практике широко распространился так называемый *компетентный подход*. Он основан на концепции компетенций как основе развития у обучающегося способностей решать важные практические задачи и развития личности в целом. Предполагается, что «компетентность» — это самостоятельно реализуемая способность к практической деятельности, решению жизненных проблем, основанная на приобретенных обучающимся учебном и жизненном опыте, его ценностях и склонностях.

Фактически *компетенции* являются синонимами *умений*. Заметим, что у нас, как всегда, «нет пророков в своем отечестве»: в российской педагогике и психологии давным-давно была разработана теория формирования умений. Причем начиная с работ Е. А. Милеряна 1970-х годов умения стали рассмат-

риваться не в узком технологическом смысле, а как «сложные структурные образования, включающие чувственные, интеллектуальные, волевые, творческие, эмоциональные качества личности, обеспечивающие достижение поставленной цели деятельности в изменяющихся условиях ее протекания». Но отечественная теория формирования умений оказалась, к сожалению, невостребованной. В английском же языке аналога нашему понятию «умение» не существует. И когда мировая образовательная практика столкнулась с проблемой деятельностной направленности образования, в англо-американской образовательной среде стали использовать термин *competence*, а наши российские авторы быстро его подхватили¹.

Рассмотрим, что подразумевается под компетенциями. В тексте «Стратегии модернизации содержания общего образования»² были сформулированы основные положения компетентного подхода в образовании, узловое понятие которого — компетентность. Было подчеркнуто, что это понятие шире понятия знания, или умения, или навыка, оно включает не только когнитивную и операциональную — технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую.

Если сопоставить эти определения компетенций с приведенным выше определением умений Е. А. Милеряна, то увидим, что если простить авторам определений «компетенции» путаницу в понятиях (ведь умения формируются на основе знаний и навыков и т. д.), то по содержанию понятия «умения» и «компетенции» *тождественны*. За исключением *одного принципиального момента*: в компетенции включена мотивационная составляющая. Некоторые авторы так и говорят, что компетенции отличаются от умений *мотивами*. Но это опасный признак!

Дело в том, что одна и та же по содержанию деятельность может осуществляться с совершенно разными мотивами. Но если включить в компетенции мотивы, а при компетентном подходе они будут включаться в образовательные стандарты, учебные программы, тогда мотивы будут программироваться в содержании образования. Это будет означать, что мотивы у обучающихся, а в дальнейшем у выпускников образовательных учреждений должны быть одинаковы. А это уже *покушение на свободу человека*. То, что у американцев (и европейцев) мотивы включены в компетенции, вовсе не случайное явление. Оно отражает опасные тенденции развития западной цивилизации³. Так что вряд ли стоит безоглядно заимствовать американизмы.

¹ Вообще удивляет стремительная американизация российской педагогики. По крайней мере ее терминологии. Так, в последние годы «модным» стало понятие «креативной деятельности» — американцы стали его использовать совсем недавно. А в отечественной педагогике и психологии уже давно известно понятие «продуктивная деятельность» — полный аналог. Или «когнитивный» — «познавательный». И так далее.

² Стратегия модернизации содержания общего образования: материалы для разработки документов по обновлению общего образования. М., 2001.

³ Многие ученые предсказывают в перспективе развитие нового рабовладельческого общества. Власть захватят (и уже захватывают) глобальные сети и корпорации; тогда каждый человек будет им подконтролен и обязан выполнять их требо-

Тем не менее компетентностный подход (его с тем же успехом можно назвать «умениевым подходом») — явление прогрессивное. Его признание учеными и общественностью означает переход к новой образовательной парадигме — от «знаниевой» к «деятельностной».

Помимо знаний и умений (компетенций) в структуру опыта личности входят также *навыки* — сформировавшиеся при многократных повторениях (упражнениях) автоматизированные (то есть осуществляемые без непосредственного участия сознания) компоненты деятельности и *привычки* — автоматизированные действия, выполнение которых стало для человека потребностью.

3. *Содержание развития* — развитие психических процессов личности. Основанием содержания развития является структура психических процессов (их

еще называют высшими психическими функциями). В соответствии со сферами личности (сферами психики человека: интеллектуальной, волевой, эмоциональной, физической) развитие психических процессов обучающегося рассматривается в следующих аспектах:

- интеллектуальная сфера — *интеллектуальное развитие* (развитие мышления, памяти, внимания);
- волевая сфера — *волевое развитие*;
- эмоциональная сфера — *эмоциональное развитие*;
- физическая сфера — *физическое развитие*.

Таким образом, в кратком изложении мы рассмотрели все компоненты структуры человеческой культуры в отношении содержания образования. Детально эти вопросы проанализированы нами в работе «Основания педагогики»¹.

А. А. Оводенко²

СПБГУАП В КОНТЕКСТЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

19 июня 1999 года в Болонье (Италия) 29 европейских стран подписали декларацию, которая является поворотным пунктом в развитии высшей школы Европы и отражает поиск совместного подхода к решению общих проблем высшего образования. Участники Болонского процесса, включая и Российскую Федерацию, которая присоединилась к Болонскому процессу в 2003 году, планируют достичь повышения конкурентоспособности европейской высшей школы, обеспечить совместимость, сравнимость и взаимное признание дипломов, степеней и квалификаций, способствовать росту академической и профессиональной мобильности специалистов.

С учетом вступления Российской Федерации в Болонский процесс Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (СПбГУАП) использовал европейскую систему зачетного перевода (ECTS) и разработанную

Европейской комиссией систему кредитов, которая призвана обеспечить способ измерения и сравнения результатов обучения студентов при переходе из одного вуза в другой. Использование рейтинговой системы при организации учебного процесса в университете должно способствовать активизации самостоятельной работы студентов, оказывать положительное влияние на ритмичность их работы. С «Правилами формирования рейтинговой оценки» каждый студент СПбГУАП может ознакомиться на страницах «Личной книжки студента I курса очной формы обучения на 2009/10 учебный год».

Внутреннюю потребность в постоянном повышении профессионального уровня, стремление к творческому поиску, уверенность в своих деловых возможностях можно реализовать за счет дополнительных видов обучения и самообразования. На протяжении последнего десятилетия активно ведется работа по освоению дистанционных форм образования. Отличительной чертой организации дистанционного обучения в СПбГУАП является сочетание современных информационных технологий с живым общением студентов и преподавателей, выезжающих читать установочные лекции и принимать экзамены в региональные центры.

Учитывая высокий научно-технический потенциал вуза, опыт в области дистанционного образования, накопленный за долгие годы сотрудничества с Международным институтом планирования образования (МИПО) ЮНЕСКО, а также успешную реализацию этого опыта на практике, решением ЮНЕСКО от 21 февраля 1999 года в СПбГУАП была открыта кафедра ЮНЕСКО «Инженерное дистанционное образование». Партнерами СПбГУАП по кафедре стал ряд крупнейших университетов России, стран СНГ, Европы, Америки и Азии, с преподавателями которых ученые и преподаватели Университета аэрокосмического приборостроения многие годы работали над реализацией разнообразных программ дис-

вания. Появился даже термин «нетократия» (от англ. net — сеть). Уже сегодня такие понятия, как «корпоративная символика», «корпоративный стиль», «корпоративная этика», «корпоративные вечеринки», «корпоративный отдых» и тому подобные стали повсеместными. А еще — покупки только в корпоративных магазинах. За всем этим кроется стремление корпораций держать человека (и его семью) «на виду», под контролем. Повсеместно устанавливаются камеры слежения — на улицах, в банках, магазинах и т. д. Практически каждый человек со всеми его личными данными «зафиксирован» в десятках сетевых баз и банков данных (в том числе и у нас, в России). Сегодня в Интернете можно найти о себе такие сведения, о существовании которых вы даже не подозреваете. Так что надо ли копировать во всем Запад?!

¹ Новиков А. М. Основания педагогики. М., 2010.

² Ректор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. книг: «Проектирование робастных локационных устройств систем управления», «Робастные устройства и приборы обработки локационной информации», «ГУАП через годы в будущее», «Закономерности глобализации и их воздействие на экономику России»; получил 88 авторских свидетельств на изобретения. Научный редактор периодического бюллетеня «Новости Международного института планирования образования» (ЮНЕСКО).

танционного обучения. Бордо-1, Париж и Безансон во Франции, Иерусалим в Израиле, Нью-Йорк, Бостон, Лос-Анжелес в США, Дармштадт и Карлсруэ в Германии, Пекин, Будапешт, Хельсинки, Амстердам, Токио — вот далеко не полная география разносторонних контактов СПбГУАП с крупнейшими университетами и научными центрами Европы, Азии, Америки. С коллегами из этих стран ученые и преподаватели ведут совместные научные и научно-методические исследования, там проходят стажировку студенты и специалисты Университета.

В СПбГУАП учатся студенты и аспиранты из Таиланда, Туниса, Марокко, Индии, Израиля, Китая, Судана, Непала, Пакистана, Южной Кореи и других стран. Структурным подразделением СПбГУАП является Институт международных образовательных программ (ИМОП), который организует все возможные формы обучения иностранных граждан и координирует программы международного сотрудничества СПбГУАП в сфере образования. Наибольший интерес для иностранных граждан представляют направления бакалаврской и магистерской подготовки («Менеджмент», «Приборостроение», «Информатика и вычислительная техника», «Инноватика»), что соответствует основным положениям Болонской декларации.

С 2005 года реализуется совместная образовательная программа Экономического факультета СПбГУАП и Университета штата Индиана (США). Для группы наших студентов в дистанционной форме с использованием интернет-технологий почетным доктором СПбГУАП профессором Джеральдом Кокрелом из штата Индиана читается курс лекций по дисциплине «Управление проектами». По завершении курса студентам вручаются сертификаты американского университета.

В 1994–1995 годах на базе СПбГУАП была создана Российская секция ISA (**The Instrumentation, Systems and Automation Society — Общество приборостроения, систем управления и автоматки**, создано в 1945 г., объединяет 40 тыс. членов в более чем 120 странах мира). В 1995 году была организована студенческая секция ISA под руководством А. В. Бобовича — бессменного председателя Европейско-

го студенческого комитета ISA. Наши студенты с 1995 года — участники интернет-конференций ISA и международных студенческих соревнований по приборостроению, которые проводятся в США. Они неоднократно награждались дипломами и медалями, грамотами, призами, получали гранты Международного общества автоматки. Приятно отметить, что наши студенты — члены секции — продолжают свою учебу в аспирантуре.

Студенты СПбГУАП принимают самое активное участие в различных конкурсах, проводимых Федеральным агентством по образованию, Комитетом по науке и высшей школе Администрации Санкт-Петербурга, а также в международных научно-производственных форумах и выставках.

Предполагается дальнейшее расширение международной деятельности СПбГУАП через участие в программах ЮНЕСКО; проведение международных конференций по актуальным проблемам науки, техники и образования; расширение сотрудничества с университетами других стран; участие студентов СПбГУАП в международных соревнованиях и конференциях и прежде всего по информатике и информационным технологиям. С 14 февраля 2006 года в СПбГУАП действует Центр инноваций и трансфера технологий, созданный в ходе межправительственного семинара в Москве. Данный Центр является француско-русским партнерством и носит экономический, индустриальный и научно-технический характер. В основе деятельности Центра лежат совместная идентификация и эксплуатация новейших технологий, а также их внедрение в сферы современной индустрии. Успешная работа Центра основывается на высоком качестве многолетних отношений с СПбГУАП, а также русскими и францускими промышленными предприятиями.

В настоящее время Университет является уникальным, признанным в стране и за рубежом центром по подготовке, переподготовке и повышению квалификации специалистов широкого профиля, выполнению научных исследований, которые будут определять социально-экономическое и научно-техническое развитие России в XXI веке.

Б. Д. Парыгин¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Глобализация как значимый и вместе с тем противоречивый фактор современного развития образования и культуры в масштабах мирового сообщества привлекает к себе все большее внимание исследователей. Принято говорить о связи этого явления с реализацией новых коммуникативных возможностей

¹ Почетный заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Международной академии психологических наук и Нью-Йоркской академии наук.

расширения международного сотрудничества в социально-экономических, правовых, образовательных, научных и культурных сферах жизнедеятельности любого социума.

Применительно к образованию — это достижение конвертируемости образовательных стандартов и эталонов, расширение поля социальной мобильности, то есть свободы выбора для абитуриентов и студентов места получения вузовского диплома, наконец, это существенное для молодежи приобщение

к новому жизненному опыту и кругу общения в рамках других культур.

Наиболее ценным фактором глобализации применительно к образованию является то, что расширяющееся поле коммуникации в этой сфере при многообразии различных культурных составляющих (этнических, конфессиональных и др.) делает крайне важным формирование новой невиданной ранее в истории человечества готовности к установлению эффективных коммуникаций и эффективному диалогу культурных составляющих.

Глобализация образования связана не только с позитивными возможностями, но и с новыми проблемами, обусловленными различной степенью психологической готовности субъектов образовательного процесса к эффективной коммуникации через диалог культур. Сама модель феномена готовности к диалогу культур в рамках глобального образования не имеет пока адекватных технологий для решения поставленной задачи в мировой практике. На сегодняшний день не существует научно обоснованных разработок модели феномена готовности к диалогу культур в рамках глобального образования, несмотря на множество ее модификаций, имеющих в рамках коммуникативного потенциала, накопленного в разных культурах. Это связано с тем, что потенциал социокультурного многообразия коммуникаций в условиях глобализации образования несопоставимо более многомерен, чем имеющийся опыт наработанных коммуникаций в сфере образования (диалог политических деятелей, академической общественности, этнические и конфессиональные диалоги и др.).

Отсутствие психологической готовности к «режиссуре» диалога в рамках глобализации образования чревато опасностью подмены одних разновидностей диалогической коммуникации другими: диалог с культурных позиций может перейти на язык политических, с духовно-нравственных — на конфессиональный или этнокультурный и т. д.

То, что воспринимается в рамках конструктивных диалогов в глобальном образовании как отступление от его первоначального предназначения, в случаях смешения или подмены жанров, может быть использовано в иных целях, где смесь жанров служит заманчивым инструментом спекуляций, нередко используемых средствами массовой информации. Эта опасность тем более велика в связи с тем, что СМИ сами по себе являются мощным и усиливающимся по своим возможностям инструментом глобализации в современном мире. В этом смысле СМИ могут стать абсолютной альтернативой диалога культур. По словам исполнительного директора Международного общественного фонда «За выживание и развитие человечества» Р. И. Хаирова: «В какой цивилизации (культуре) предстоит жить будущему поколению, сегодня напрямую зависит от целей и доминирующего содержания массмедиа»¹. По словам ректора СПбГУП, академика РАО А. С. Запесоц-

кого, к сожалению, СМИ в России играют роль не столько позитивного фактора формирования духовно-нравственной культуры и образования, сколько фактора трансформации этой культуры и образования. Аморальность стала лейтмотивом современного российского общества и его культуры. И СМИ сыграли в формировании данной ситуации роль главного инструмента².

Несмотря на обозначенные трудности конструктивного включения российского потенциала образования и культуры в контекст глобализационных процессов, остается в силе установка на их модернизацию при условии исключения тех деформирующих эффектов, о которых говорилось выше. По сути это означает качественную перенастройку как стратегии развития системы научно-технического и производственного потенциала общества, так и приоритетов в сфере образования, духовно-нравственных ценностей и науки.

Одним из важнейших факторов преодоления обозначенных выше перекосов в духовно-нравственной сфере и образовании должна стать новая концепция и практика межкультурного диалога в рамках глобализации образования. Это позволит в первую очередь обеспечить более динамичное развитие системы гуманитарных наук, их нацеленности на формирование более многомерной концепции коммуникативной культуры, способной адекватно духу и вызовам времени определять основные направления коммуникативной деятельности как вертикальных, так и горизонтальных структур социума.

Все более актуальной становится задача приведения потенциала интегрированного научного знания в соответствие со стремительно растущей сложностью и остротой все многообразия социальных проблем и противоречий мирового сообщества, втягиваемого в водоворот социальных и природных катаклизмов, социально-экономических и духовно-нравственных кризисов, сопровождающихся накалом экстремальности бытия и психологической неготовностью властных структур к их разрешению.

В научном сообществе это осознается как необходимость преодолеть разрыв между желаемым, несопоставимо более высоким, чем прежде, уровнем интегрированности общей социальной теории, способной объяснить переживаемые сегодня миром трудности на переломе столетий, и имеющимся, но пока неспособным к этому наличным потенциалом мировосприятия³.

² См.: Запесоцкий А. С. СМИ как фактор трансформации российской культуры : науч. доклад (презентация результатов исследования) 6 октября 2009 г. (на правах рукописи). СПб., 2009.

³ См.: Солонин Ю. Н. Россия в контексте современной социально-философской мысли // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира : сб. ст. / под ред. Б. В. Маркова, Ю. Н. Солониной, В. В. Парцвани. СПб., 2001. Вып. 1. С. 262.

¹ Хаиров Р. И. К вопросу о создании глобальной системы вещания // Диалог культур и партнерство цивилизаций : VIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб. : СПбГУП. 2008. С. 95–96.

М. Б. Пильдес¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ШКОЛЫ

«Образование должно опережать жизнь» — эта аксиома давно стала «общим местом», она встречается сегодня и в официальных документах Министерства образования и науки, и в научно-педагогических исследованиях, и в газетных публикациях. Современное образование немислимо без учета общемировых тенденций, главной из которых является глобализация всех социально-экономических систем и, в частности, системы образования.

Выделим всего лишь несколько проблем, возникающих в связи с глобализацией образования:

— проблема конкурентоспособности образовательной системы в целом и каждого образовательного учреждения в отдельности. В условиях глобализационных процессов современный учащийся даже средней, а тем более высшей школы обладает гораздо более широкой свободой выбора образовательного маршрута. В этой ситуации учебные заведения вынуждены «бороться за клиента», к чему далеко не все готовы;

— проблема соответствия международным стандартам качества образования;

— проблема профессиональной подготовки учителей кадров, владеющих современными технологиями обучения, а главное — готовых на протяжении всей профессиональной жизни осваивать новое;

— проблема освоения новых форм и методов образования. Сегодня в мире уже стала реальностью ситуация дистантного образования, образования одновременно на базе нескольких учебных заведений по индивидуальному образовательному маршруту.

На наш взгляд, решение этих проблем во многом связано с внедрением в практику образования современных информативно-коммуникативных технологий, появление на образовательном поле школ нового типа, «цифровых школ».

Очевидно, что мир сегодня становится «цифровым», современные дети уже не мыслят себя вне новой цифровой техники. Для школы сегодня не существует вопроса, применять или не применять новые технологии. Проблема в том, как найти такую модель школы, в которой использование новых технологий расширяло бы возможности педагогического процесса. (Недаром еще древние китайские философы говорили, что хорошая стратегия — та, при которой любой путь ведет к победе). Таким образом, речь, прежде всего, должна идти о выработке стратегии развития школы.

Мы готовы поделиться нашей стратегией, ведь главный секрет гимназии № 56 состоит в том, что у нас нет секретов. «Цифровая школа» — это общеобразовательное учреждение, осознанно и эффективно использующее цифровые технологии в образовательном процессе с учетом своих особенностей с

целью повышения конкурентоспособности каждого конкретного ученика и школы в целом.

Придя в школу, каждый ученик должен быть уверен, что ему будет предоставлен определенный, известный, устраивающий его уровень условий — а именно: квалифицированные педагоги, возможность и готовность использовать современные образовательные технологии и современное учебное оборудование, безопасные и комфортные культурно-бытовые условия, насыщенная, полноценная развивающая среда.

Разработка нового стандарта образования и сводится к созданию условий для учащихся, обеспечивающих достойное культурно- и природосообразное проживание школьного периода жизни; содействие полному раскрытию природного потенциала учащихся с учетом их особенностей, склонностей и способностей; воспитание на лучших образцах мировой и отечественной культуры.

Цифровая школа — это медиатека, мультимедийные классы, оснащенные интерактивными досками, мобильные компьютеризированные классы, которые благодаря беспроводным технологиям можно быстро развернуть в любом учебном помещении, интерактивный холл с информационной плазменной панелью и многое другое. Но самая передовая техника будет мертва, если учитель не способен вдохнуть во все это жизнь. Создание таких условий предполагает современную технологическую базу образовательного процесса.

Цифровая школа — это школа, способная пробудить в учителе стремление учиться, активно использовать научный и методический потенциал всей страны, читать профессиональную литературу, научиться перенимать лучшее и создавать свое, использовать возможность самообразования и постижения тонкостей ремесла.

Системное повышение качества образования возможно путем развития образовательной среды для учащихся и профессиональной среды педагогов и сотрудников в школе за счет встраивания в эту среду информационных технологий.

Информационные, коммуникативные, аудиовизуальные и интерактивные технологии становятся фундаментом, основой для построения структуры новой образовательной среды, организации учебно-исследовательского пространства нового типа — цифрового учебного заведения, в котором возможно осуществление перехода с репродуктивного типа обучения на креативный.

Имеющаяся в каждой школе техника помогает решить важную задачу создания пространства современной цифровой школы, то есть интерактивной обучающей среды, наполненной высокотехнологичным оборудованием и программным обеспечением, а также предоставляющей всем участникам образовательного процесса неограниченные возможности оперирования цифровыми образовательными ресурсами нового поколения.

Одним из основных показателей модели «Цифровой школы» является открытость. Цифровые школы

¹ Директор гимназии № 56 (Санкт-Петербург), народный учитель РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования. Член Общественного совета Министерства образования и науки РФ, Координационного совета Всероссийского педагогического собрания.

должны явиться открытой площадкой для всех заинтересованных в обучении — и детей, и взрослых.

С помощью новых цифровых технологий работа ресурсного центра сможет выйти на качественно новый уровень. Мы сможем проводить консультации в сетевом режиме, демонстрировать уроки и открытые мероприятия по системе видео- и конференцсвязи, организовать дистанционное обучение.

Естественно, что создание такого сложного и устремленного в будущее проекта как «Цифро-

вая школа» невозможно без определения основных принципов развития образовательного учреждения. В нашей гимназии такими принципами являются: открытость к сотрудничеству и обмену опытом со всеми, кто стремится обеспечить нашей стране надежное будущее и дальнейшее процветание, а значит, разделяет лидерскую миссию нашей гимназии, в которой **должно быть комфортно учиться детям, работать учителям, в которой родители чувствуют себя уверенно и спокойно и где интересно коллегам.**

Ю. В. Сенько¹

ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПУТЯХ ЕГО ГЛОБАЛИЗАЦИИ²

Глобализация образования сегодня — это реалия современного мироустройства. Это прогресс укрепления и углубления связей национальных образовательных систем, направленных на становление жизненно важных компетенций людей в меняющемся многополярном мире. К таковым, по данным ЮНЕСКО, относятся: социальные, межкультурные, коммуникативные, императивные, способность человека учиться всю жизнь. Однако действительную ценность этих ключевых компетенций определяет гуманитарный вектор, их ориентация на человека.

Вместе с тем мы являемся свидетелями происходящего — девальвации ценностей, и не только в России. В многочисленных исследованиях это обосновывается ссылками на антропологический кризис, процессы глобализации, рыночными отношениями. Вот как оценивает ситуацию в «обществе потребления» В. Франкл: «Ныне мы живем в эру разрушающихся и исчезающих традиций. Поэтому вместо того, чтобы новые ценности создавались посредством обнаружения уникальных смыслов, происходит обратное. Универсальные ценности приходят в упадок. Поэтому все большее число людей охватывается чувством бесцельности и пустоты, или, как я это называю, экзистенциальным вакуумом. Тем не менее, даже если все универсальные ценности исчезнут, жизнь останется осмысленной, поскольку уникальные смыслы останутся незатронутыми потерей традиций. Конечно, чтобы человек мог найти смыслы даже в эру отсутствия ценностей, он должен быть наделен в полной мере способностью совести»³.

Из этого В. Франкл делает вывод, имеющий непосредственное отношение к образованию: «Можно, следовательно, утверждать, что в такие времена, как наши, во времена экзистенциального вакуума, основная задача образования состоит не в том, что-

бы довольствоваться передачей традиций и знаний, а в том, чтобы совершенствовать способность, которая дает человеку возможность находить уникальные смыслы. Сегодня образование не может оставаться в русле традиций, оно должно развивать способность принимать независимые аутентичные решения»⁴.

Однако традиции сильны не только в религии, но и в образовании. Дело в том, что ситуация в современном образовании является следствием сложившегося в европейском образовании еще со времен Античности противопоставления «техне—эпистеме». Это противопоставление в терминах XX века представлено оппозицией «технократическое—гуманитарное». Оно обнаруживает себя в образовательной практике многочисленными и многообразными перекосами в сторону естественно-научного, технократического.

Вместе с тем, по свидетельству М. Вебера, центром тяжести древнегреческой, как и средневековой, а также и китайской системы образования явились не профессиональные «нужные», а совсем другие аспекты. За всеми современными (а эти строки написаны в 1930-е гг.) дискуссиями об основах образовательной системы кроется идущая по поводу всех самых интимных вопросов культуры борьба типа «человека-специалиста» со старым каноном «культурного человека», обусловленная неудержимым распространением бюрократизации всех государственных и частных отношений господства и ростом значения специального знания⁵.

Ориентация высшей школы на подготовку *homo faber* — человека компетентного в «своей» области приводит к выходу из ее стен «бездушных профессионалов», «бессердечных специалистов».

Вопрос в том, можно ли этого избежать, нужно ли это делать, если неудержим «рост значения специального знания»? В рамках традиционного понимания образования, его задач, соотношения с «потребностями общества» — ответ отрицательный. Он и не может быть иным, если признается приоритетным технократизм, рассудительность, сила вещей, а не духовность, связь людей. Отсюда — широко распространенная (в том числе, к сожалению, и в педагогической

¹ Академик Российской академии образования, заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Формирование научного стиля мышления учащихся в процессе обучения», «Диалог на уроках физики», «Гуманитарные основы педагогического образования», «Теоретико-методологические основы развития профессиональной деятельности учителя» и др.

² Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ (грант №8-06-00161а).

³ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 295.

⁴ Франкл В. Указ. соч.

⁵ Вебер М. Бюрократия // Личность. Культура. Общество. М., 2007. Т. IX. Вып. 3(37). С. 35–36.

среде) установка: поменьше бы нам Белинских, побольше Эдисонов и Менделеевых.

Однако не только жизнь накладывает свою печать на образование. Само образование вступает в коалиции с реальным миром, чтобы его «переделать» — либо утвердить, либо изменить, либо подвергнуть критике. И даже самая непосредственная связь образования и жизни была бы непостижима, если бы образование не «рас-страивало» и не «перестраивало» отношение будущего специалиста к жизненной и производственной практике.

Стать высококвалифицированным специалистом выпускнику высшей профессиональной школы может помочь именно вузовский педагог при условии его ориентации на студента, а не на «свой» предмет, не на «стандарт» образования. Для этого преподаватель должен быть носителем проникновенного слова. Такого слова, которое вмещается во внутренний диалог студента и позволяет ему услышать собственный голос.

По традиции схема «преподавание — учение», представляющая по своей природе целостность, разделена на преподавание (деятельность преподавателя) и учение (деятельность студента). Однако преподавание не тождественно педагогической деятельности. Взаимодействие «преподавания — учения» только тогда и постольку содержит педагогическую деятельность, когда и поскольку преподаватель связывает с ним субъективный смысл. О преподавании как о педагогической деятельности можно говорить в том случае, когда его смысл соотносится с деятельностью Другого, ориентирован на него.

Связкой, преодолевающей эту традицию, выступает «диалог как гуманитарное определение мышления, взятого в его всеобщности»¹. Конечно, гуманитарная природа педагогического процесса дает о себе знать, пробивает дорогу в опыте широко- и малоизвестных педагогов общеобразовательной и профессиональной школы, в новом — кануна XXI века — педагогическом мышлении. В недрах «естественно-научного» определения образования рождается его гуманитарное определение, преодолевается технократический подход к Другому как объекту педагогического процесса.

Действительное, недекларируемое субъектное (гуманитарное) определение учащегося раскрывает гуманитарную природу учащегося, снимает с непосредственных участников педагогического процесса маски, раз и навсегда закрепленные социальные роли. Но тогда лекция, семинар, консультация — не только фрагмент педагогической деятельности, педагогическое событие, но и со-бытие, совместное «проживание» — не «отбывание» — двух (и многих) индивидуумов в сфере личности.

Смысл как личностное отношение участников процесса образования к усваиваемому содержанию существует только «на рубеже двух сознаний» как отношение между ними. Поэтому развертывание педагогического процесса на основе диалога способно перестроить этот процесс как гуманитарную практику, внести в него гуманитарные, то есть человечес-

кие — не функциональные — основания. При этом воздействие преподавателя на студентов заменяется их личностным (и в этом плане равноправным) взаимодействием.

Со-бытие преподавателя и студента, погруженное в процесс образования, создает уникальные возможности становления вузовского преподавателя как педагога, предрасположенного к пониманию и сотворчеству, диалогу с Другим. Понимание и сотворчество, поиск смысла и его осуществление — ключевые характеристики интеллигента (от *лат. intelligens* — понимающий). Получается, что гуманитарная перспектива образования — в возрождении интеллигентного педагога. Потребность в таком педагоге насущна для современной школы. Герой одного из немногих, к сожалению, фильмов о школе («Доживем до понедельника») в сочинении на заданную тему написал: «Счастье — это когда тебя понимают». Между этими короткими словами читается противопоставление школьному укладу: «А не когда тебе объясняют».

Непреходящая (не эпохальная — эпохи когда-нибудь да кончатся) суть профессиональной деятельности интеллигентного педагога — поиск смыслов, ключевых ценностей в отношениях с учениками, побуждение их к поиску и обретению собственных смыслов, профилактика «экзистенциального вакуума» (В. Франкл). Такие задачи педагог *homo faber* — специалист, владеющий лишь содержанием «своего» предмета и педагогическими технологиями его развертывания, решить не может. Более того, он даже не видит их в своей работе.

Именно отсутствием, потерей жизненных смыслов объясняется горькая статистика Министерства труда и социального развития РФ: из ежегодно выпускаемых 15 тыс. воспитанников детских домов для сирот треть попадает на скамью подсудимых, 3 тыс. — становятся бомжами, 1,5 тыс. — кончают жизнь самоубийством². Были у них, скорее всего, хорошие учителя-предметники. Но не встретился на жизненном пути каждого из них тот понимающий учитель, который убедил бы этих ребят в том, что «жизнь человека полна смысла до самого конца, до самого последнего вздоха», и помог бы им обрести свой смысл, осуществить его.

Как средство и как условие поворота к человеку, «перехода от системы к судьбе» (Л. С. Выготский) должно быть сегодня осмыслено образование. Именно это просто и емко в канун нынешнего века выразил наш современник Д. С. Лихачев: «Я мыслю себе XXI век как век развития гуманитарной культуры, культуры доброй и воспитывающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил. Образование, подчиненное задачам воспитания, разнообразие средних и высших школ, возрождение чувства собственного достоинства, не позволяющее талантам уходить в преступность, возрождение человека как чего-то высшего, которым должно дорожить, возрождение совестливости и понятия чести — вот в общих чертах то, что нам нужно в XXI веке»³.

² См.: Учительская газета. 1987. 6 фев.

³ Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 60.

¹ Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. М., 1991. С. 300.

В этой логике предположена профессиональная деятельность современного педагога средней и высшей школы. Но для этого его профессиональный образ мира должен иметь четко выраженные гуманитарные ориентиры. Рассмотрим, например, гуманитаризацию преподавания естественно-математических дисциплин в Алтайском государственном университете:

— наука (в том числе математика, естествознание) изучается как феномен культуры, как один из ее элементов. Стиль научного мышления, внутринаучные нормы и ценности предъявляются студентам (и осмысливаются ими) в социальном контексте в сопряжении с натурфилософией, философской и педагогической антропологией, ценностями этики, религии, искусства;

— студенты приобщаются к науке и технике как к творческой деятельности человека и особой форме межпрофессионального общения, а не как к сумме обезличенного политехнического знания, готовых результатов научного производства — выводов, правил, рецептов. В центре учебного процесса — способы постановки вопросов, проблематизации природного и социального бытия, но не кем-то сформулированные ответы;

— в процессе обучения осуществляется (на имитационных моделях, путем «мозгового штурма», дискуссий и т. д.) гуманитарная и экологическая экспертиза замыслов и результатов изучаемых научных исследований, их влияние на ноосферу, обосновывается необходимость профилактики механического переноса

в человекознание присущих социологии и современному естествознанию подходов, таящих опасность воспроизводства технократического мышления;

— преподаватели дисциплин естественно-научного цикла подчеркивают адресованность научного исследования потенциальным единомышленникам. Обучение вводит их в «лабораторию мысли» ученого, оно характеризуется открытостью, обнажающей гносеологические и психологические трудности, ошибки ученых, нравственно-мотивационный контекст и подтекст научного поиска.

Есть все предпосылки считать гуманитарное основание культуры ее фундаментальной базой. В таком случае образование как способ становления человека в культуре является в той мере образованием, в какой оно гуманитарно. Гуманитаризация образования — обращение к духовному опыту непосредственных участников педагогического процесса (гуманитарный, то есть имеющий человеческую природу, относящийся к человеку, его культуре). Чтобы оно таким стало, необходимо в самом образовании и в себе самом преодолеть технократизм. Речь идет о переходе от педагогики предметоцентризма, патернализма, объяснения, монолога, значения к педагогике другодоминантной, педагогике сотрудничества, понимания, диалога, смысла. Переход этот труден и длителен, но он происходит. Иными словами, образование XXI века — это усилие быть гуманитарным образованием. Таким образом, гуманитарный вектор образования является интегрирующим основанием его глобализации.

Н. В. Серова¹

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ЗАДАЧА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

В условиях интенсификации мировых глобализационных процессов усиливается влияние факторов, которые в значительной мере препятствуют становлению целостной Я-концепции личности подростка. Во-первых, приметой современного состояния глобальной культуры становится глобальный обмен ценностями. В этой ситуации культурные ценности, сформированные в процессе национального исторического развития, начинают утрачивать роль ориентиров в процессе формирования Я-концепции. Во-вторых, развитие интернет-общения способствует виртуализации Я-образа подростка. В такой «ценностной качке» подросток чувствует себя крайне неуверенно, поскольку в значительной мере оказывается незащищенным перед проблемами нравственного характера. Эта дезориентированность в ряду других обстоятельств приводит к нарастанию противостояния подростков и взрослых, принятию подростком таких стратегий поведения, которые носят стихийный, спонтанный характер.

В этом смысле школьная среда чрезвычайно показательна. Даже тот факт, что количественное соот-

ношение взрослых, непосредственно занятых в процессе образования и воспитания, и детей в школьном коллективе существенно меньше единицы, играет важную роль. Большая численность подростков, сконцентрированных в одном месте, в ситуации невозможности осуществления контролирующих функций взрослыми, а также различные проявления феномена «подростковой толпы» являются факторами, стимулирующими мало контролируемую подростком необходимость создавать образ своего «Я» в угоду большинству и сиюминутным обстоятельствам. В таких ситуациях теряют значимость традиционные ценности. Для подростка в школьной среде часто отсутствует необходимость осмыслить себя как некую целостность. В этой связи роль педагога в школе необычайно велика, но школьному работнику часто недостаточно имеющегося педагогического инструментария. Этой проблеме в нашей академической гимназии мы стараемся уделять особое внимание.

В определении сущности воспитательного процесса мы считаем необходимым сделать акцент на содействии вхождению школьника в контекст национальной и мировой культуры. На длительном пути

¹ Директор Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета.

мирового культурного развития сформировался определенный набор общечеловеческих ценностей, которые могут стать для подростка опорой в личностном становлении.

Мы считаем, что ценности национальной культуры в ее предметно-пространственном воплощении особенно важны, и стараемся это учитывать в учебном процессе. Так, например, в курсе литературы существует ряд текстов, которые в процессе их изучения и обсуждения должны формировать в сознании школьника некое национальное ценностное поле. Это такие произведения, как «Поучение Владимира Мономаха», тексты житийной литературы, «Сказание о Петре и Февронии Муромских», летописные воинские повести. Но в силу того, что тексты написаны непривычным для ребенка языком, они часто вызывают слепое отторжение. Для детей 11–13 лет еще очень важен момент процессуального отношения к миру, важно осознание того, что ценности, запечатленные в указанных произведениях, уже существуют, и поведение тех, кто находится рядом, обусловлено этими ценностями, понимание, что эти ценности вырабатывались эмпирическим путем на протяжении долгих лет существования культуры, что они отличаются от ценностей других наций и народов. Необходимо сосредоточиться на функциях указанных текстов в системе культуры Древней Руси. Мы стараемся приобщить ребенка не только к историческим реалиям времени, но и к системе национальных архетипов, которые порождают определенную картину мира.

Большой опыт академической гимназии по работе с детьми из разных регионов России, различного образовательного и культурного уровня показывает, что все больше становится детей, которые не знают сюжетов русских народных сказок, в которых национальный архетип достаточно ярко воплощен. Простой анализ хронотопа сказки, сопоставление его с хронотопом греческого мифа позволяет выявить и познакомиться с существенными моментами национального сознания.

Освоение процессуальной культуры рассматривается как постижение функциональной компетентности, способности эффективно управлять базовыми процессами жизнедеятельности современного человека. Процессуальная компетентность необходима и в работе с языком, с текстами определенной культуры. Такая работа в Академической гимназии происходила и происходит благодаря фольклорным экспедициям, в которых наши учащиеся в течение долгих лет участвовали, а теперь обрабатывают материалы. Школьники с удовольствием ездили в экспедиции. Привлекательными для учеников оказались условия жизни крестьян, их тип мышления, личные и социальные отношения. Интерес представляли и полевые условия жизни.

Внутри каждой группы формировалась своя система взаимоотношений, происходило распределение рабочих обязанностей. Группа быстро осознавала себя как единый коллектив. В одну группу обычно попадали учащиеся разных классов (с 9-го по 11-й), которые, как правило, быстро находили общий язык друг с другом. Важную роль играло осознание каж-

дым своей работы как части «общего дела», необходимость при сборе материала постоянно решать психологические и интеллектуальные задачи, что принципиально отличает экспедицию от школьного похода.

Для организаторов очень важно, что экспедиция, имеющая статус школьной полевой практики, имела не только учебно-ознакомительный, но и научно-исследовательский характер. Учащиеся прослушали спецкурсы по фольклористике и этнографии. Некоторые из участников экспедиций использовали собранные материалы для курсовых работ, готовили к публикации материалы архива. В 2000 году был издан сборник «Традиция в фольклоре и литературе: статьи, публикации, методические разработки преподавателей и учеников Академической гимназии СПбГУ» (ред.-сост. М. Л. Лурье. СПб., 2000), часть статей и публикаций которого основана на материалах архива. Кроме фольклорных экспедиций гимназисты на протяжении уже многих лет участвуют в археологических раскопках в Крыму, Санкт-Петербурге, Ленинградской и Новгородской областях.

Особенности формирования коммуникативной компетентности могут быть сформулированы следующим образом: необходимость эффективно управлять процессами установления межличностных контактов должна сочетаться с необходимостью эффективно взаимодействовать с самим собой на различных уровнях. Например, если всем совершенно понятно, что коммуникация на иностранном языке — безусловно нужная компетенция, то далеко не все задумываются о том, как разговаривать с самим собой, как выстраивать коммуникацию со своим «Я», как, в конце концов, обнаружить ценность «другого» в самом себе. В связи с этим инструментом деятельности становится овладение способами автокоммуникации, которым в образовательной практике сегодня не придают особенного значения, не рассматривая автокоммуникацию как инструмент сознательного стратегического выбора того или иного варианта поведения, принятия того или иного решения и т. п.

К сожалению, давно забыта такая форма автокоммуникации, как читательский дневник школьника. Это позволяет опредметить в слове, транслировать в мир идеи, чувства, эмоции. Безусловно, такая форма автокоммуникации наиболее активно используется в период 11–13 лет. Однако навык, полученный в средней школе, довольно успешно закрепляется на уровне модели рефлексирования и затем в своих отдельных элементах всегда востребован в старшей школе. Нами совместно с филологами СПбГУ вот уже несколько лет реализуется проект, направленный на повышение интереса к чтению, в котором большое место занимает и читательский дневник. Нет необходимости подробно говорить о том, что рассмотрение письменного текста через призму теории коммуникации чрезвычайно продуктивно. Понимание того, что средством коммуникации является язык-код, а горизонт ожидания воспринимающей текст стороны обусловлен культурными, социальными и многими другими

обстоятельствами, заставляет школьника рефлексировать, что так или иначе делает актуальной автокоммуникацию.

Через обретение перечисленных выше компетентностей, через допрофессиональную и профессио-

нальную компетентности идет формирование наиболее важной универсальной культурно-цивилизационной компетентности, которая раскрывается через постижение Любви, Красоты, Жизни, Человека, Вселенной.

Т. А. Скопицкая¹

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из прос- то населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нрав- ственные и моральные нормы поведения людей и государ- ства.

Д. С. Лихачев

Теория глобализма захватывает все стороны сов- ременного развития цивилизации. Не обходит она стороной и основу всех основ — образование, осно- вополагающей частью которого является воспитание личности и ее развитие. Следовательно, глобализа- ция образования является педагогической пробле- мой, направленной на необходимость подготовки человека к жизни в условиях быстроменяющегося и интегрированного мира, подверженного глобальным проблемам и кризисам.

Создавая модели глобального образования, аме- риканские философы Р. Хенви и Р. Боткин² подчер- кивают, что суть глобального образования состо- ит в совокупности ряда направлений, в числе кото- рых: формирование непрерывного взгляда на мир как осознание неоднородности восприятия мира; осознание целостности и состояния нашей плане- ты; познание глобальной динамики развития; совер- шенствование деятельности через осознанный вы- бор. При этом каждому индивидууму необходимо перейти от бессознательного приспособления к миру «на позиции активной и осмысленной социализации, сознательного предвосхищения и личной сопричаст- ности» к происходящему и ожидаемому будущему.

Развивая эти направления, мы рассматриваем подходы Д. С. Лихачева к образованию и развитию личности, в основе которых лежат нравственность, саморазвитие, воспитанность, отношение к людям, к творениям человека и окружающей природной среде.

Человек не может измениться в одночасье. Он не может закрепить свои качества, если их не поддер- живает общественная среда. Вопросы глобализации образования позволяют выделить приоритеты в вос- питании и развитии человеческих качеств, создать пути взаимодействия и понимания между людьми.

Примером глобализации образования в контек- сте мирового культурного развития может служить

международное Десятилетие образования в целях устойчивого развития (2005–2014), объявленное ООН в 2005 году. Оно направлено на достижение изменений в сознании и поведении человека через активную деятельность и принятие идей и целей ус- тойчивого развития на фоне нарастающих противоречий во взаимоотношениях человек—природа—об- щество.

На протяжении всей жизни человек пребывает в постоянном творческом процессе изменения. От младенчества до зрелой личности человек входит со- ставной частью в единый творческий процесс при- роды и общества в целом. Он растет, формируется, изменяется — готовит основу для своего будущего и будущего всей жизни на земле.

В современных условиях утверждается идея акту- альности образования в интересах устойчивого раз- вития общества, человечества. ООН подчеркивает, что чрезвычайно важно в системе непрерывного об- разования в течение всей жизни человека актуализировать и реализовать идеи устойчивого развития. Образование для устойчивого развития строится на принципах «совмещения обучения с воспитанием» для «привития культуры устойчивого развития» и на целенаправленной интеграции достижений всех со- временных отраслей знания, причастных к выработ- ке моделей экологически устойчивого развития со- циума. В качестве новых приоритетов образования выделяют: формирование экологоцентрического мышления (С. В. Левина, Е. А. Большакова, А. В. Ху- дякова и др.), экологосоциальной ответственности (С. Алексеев и др.), мотивированной деятельности и способности к ее вариативности (Н. Д. Никандр- ров и др.), личностные качества, определяющие об- раз жизни человека, уровень его культуры, интеллек- туальное развитие (Е. А. Климов и др.).

«Экология представляет собой взгляд на мир как на дом. Природа — дом, в котором живет человек. Но культура тоже дом для человека, причем дом, создаваемый самим человеком. Сюда входят самые разнообразные явления — материально воплощен- ные в виде идей и различного рода духовных ценно- стей» (Д. С. Лихачев).

¹ Методист факультета развития профессионального об- разования Ленинградского областного института развития образования (Санкт-Петербург). Автор научных публикаций по проблемам образования.

² URL: <http://m-m.sotcom.ru/2-3/glob-obr.htm>

Тезис Д. С. Лихачева об экологии и природе созвучен с положением, что образование для устойчивого развития — это осознание личностью взаимозависимости отношений человек—природа—общество, угрозы противоречий в мире природы и социума и возможности человека творчески в активной деятельности решать эколого-социальные проблемы перехода к устойчивому развитию в природосоциальной среде.

Нельзя не согласиться, что «всякое подлинное образование по определению работает на устойчивое развитие» (Ю. Л. Мазуров). Однако исследования по внедрению идей устойчивого развития в работу общеобразовательной школы как инновационного системного проекта показывают более широкую возможность развития школьного образования как социального института; выделяют более высокий уровень вопросов воспитания как ведущего элемента современного образования; помогают расширить и систематизировать образовательное пространство.

Основой формирования новых качеств личности являются ее личностные установки, формирование которых наиболее продуктивно в подростковом и юношеском возрасте.

С точки зрения педагогического процесса формирование личностных установок деятельности старшеклассников в реализации идей устойчивого развития — это целенаправленный многосторонний процесс воздействия на психоэмоциональную (сознание и подсознание) сторону развития личности с целью активизации мотивационной значимости деятельности на основе оценки и переосмысления окружающей действительности и собственного опыта как ценности бытия и будущего.

Если традиционное обучение воспроизводит в основном опыт прошлого, а учебное знание существенно отстает от современных достижений научно-технического прогресса, то образование для устойчивого развития ориентируется на проблемы будущего, предусматривает реализацию интегрированных программ с возрастающим потоком информации и требованием времени.

Формирование личностных установок деятельности учащихся при реализации идей устойчивого развития происходит в результате целостного подхода к обучению и воспитанию, единства сознания, поведения и отношений; целенаправленного формирования личностной ориентации; включения в учебный процесс различных видов исследовательской и познавательной деятельности; ценностных притязаний, связанных с настоящей и будущей деятельностью учащихся; использования опыта социальных отношений, потребностей, мотивов, убеждений личности.

Ценностно-мотивационная установка деятельности — это готовность, определяющая направления деятельности индивидуума в биосоциальной среде и представляющая собой комплекс установок, который формируется под воздействием как традиционных, так и нетрадиционных целей, форм и методов обучения в школе. Д. С. Лихачев не мыслил образования без воспитания, без положительного изменения личностных качеств человека. Он акцентировал внимание на том, что человек может развиваться только в гармонии отношений человек—человек, основанных на доброте и нравственности; человек—природа как образец гармонии, красоты и целостности мира, жизни; человек—мир, когда познание культуры, природы, истории других стран сближает людей, налаживает взаимопонимание и обогащает друг друга.

Накопление знаний (научная эрудиция) развивает интеллект, формирует профессионализм личности. Однако образование, лишенное нравственной основы, усвоения гуманистических общечеловеческих ценностей и превращения их в *нормы поведения (деятельности)*, не позволяет сформировать полноценную личность интеллигента. С этой целью Д. С. Лихачевым как ученым-культурологом был разработан нравственный кодекс третьего тысячелетия. А любые нравственные позиции воплощаются в жизнь через личностные установки, которые формируются на основе оценки и переосмысления окружающей действительности и собственного опыта как ценности бытия и будущего.

Г. В. Стадников¹

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЛЕКЦИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Исторически ценность лекционного метода то повышается, то понижается в зависимости от особенностей общественно-политической ситуации, официальных требований к преподаванию, уровня развития той или иной науки, материальной базы, личных дарований и подготовки преподавателей и др. В основе эффективной лекции лежат не только научные изыскания, но и традиции лекционного преподавания в различных культурах.

Так, отличительными чертами восточного образования всегда являлись: взаимосвязь религиозного и научного образования; сочетание образования и нравственного воспитания; построение взаимоотношений между учителем и учениками на основе уважения и авторитета; обучение на основе классических текстов. В восточных университетах придается большое значение устному слову, переданному непосредственно от учителя к ученику, личности наставника как духовного лидера. Лекция в восточном образовании традиционно является одним из основных способов передачи культуры, социального опыта. При этом лекционное преподавание на Востоке связывается с воспитанием, восприятием

¹ Заведующий кафедрой зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

мудрости, усвоением культуры рефлексивного мышления.

В традициях западной культуры лекционное преподавание принято рассматривать под углом его воздействия на развитие интеллектуальных процессов, научного образа мышления, восприятия научной картины мира, способности к рассуждениям и личного эмоционального воздействия лектора на студентов с целью повлиять на формирование их взглядов. В западных университетах при реализации индивидуальной траектории обучения студенты часто выбирают не только курс, но и лектора. Если лекции не интересны и бесполезны, студенты просто не придут на них.

В условиях вхождения России в мировое образовательное пространство наблюдается сокращение числа аудиторных занятий. Объясняется это значительно возросшим вниманием к самостоятельной работе студентов, внедрением многообразных форм организации и поэтапного контроля за этой работой. Однако это вполне оправданное направление нередко переходит допустимые границы, отодвигая на периферию другие формы учебной деятельности, и в первую очередь лекцию — традиционную форму занятий в российской высшей школе. Лекционные часы, представленные сегодня достаточно скромно в учебных планах, предлагается еще больше сократить.

В ситуации глобализации образования источников информации становится все больше, и существует мнение, что в этих условиях лекция утрачивает свое значение. По сути, все наоборот. Именно опытный лектор поможет отобрать студентам в многообразном потоке разнородной информации главное, логично выстроить основную концепцию изучаемой дисциплины, сосредоточиться на наиболее сложных проблемах, дать аргументированный анализ самой новейшей научной литературы. Именно лекция стимулирует самостоятельную работу студента, способствует развитию творческого начала, помогает углубить и систематизировать знания. К тому же лекция — одна из важнейших форм воспитания у студентов внимания, умения полностью сосредоточиться на изучаемой теме. Лекция — школа овладения студентом искусством анализа и конспектирования устного сообщения, что всегда являлось ценной традицией российского образования. Прочитанная увлечено и выразительно, лекция имеет неопределимое воспитательное значение.

Заметим, традиции бывают разные: одни со временем утрачивают свое значение, другие остаются, несмотря на смену времен. Лекция пришла в высшую школу в эпоху Средневековья, в пору рождения первых университетов. И с тех пор она оставалась самым почетным видом образовательной деятельности, а профессор-лектор — центральной фигурой учебного заведения. Уже в XII веке лекции таких известных ученых и педагогов, как Абеляра в Париже, Иринея в Болонье, привлекали сотни студентов со всех концов Европы, многие из которых и сами впоследствии становились блестящими лекторами. В истории образования и культуры были лекции, которые имели громадный общественный резонанс.

Как, к примеру, вступительная лекция Фридриха Шиллера «В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения», прочитанная 26 мая 1789 года в Йенском университете. А пламенная речь Шиллера, пронизанная страстным призывом отдаться служению «истине, нравственности и свободе», имела вдохновляющее значение для формирования жизненных позиций многих студентов.

Талантливо прочитанные лекции вызывают у студентов особый интерес к научному знанию, побуждают к самостоятельным поискам в том же направлении. Крупнейший русский филолог Федор Иванович Буслаев, вспоминая студенческие годы, так оценивал значение для его будущей научной деятельности лекций С. П. Шевырева: «Лекции Шевырева произвели на меня глубокое, неизгладимое впечатление, и каждая из них представлялась мне каким-то просветительным откровением, дававшим доступ в неисчерпаемые сокровища разнообразных форм и оборотов нашего великого и могучего языка. Я впервые почувствовал тогда всю его красоту и сознательно полюбил его... достаточно будет сказать, что лекции воодушевили меня и были положены в основу моих грамматических и стилистических исследований»¹.

Слово лектора остается живым и для последующих поколений, о чем, в частности, свидетельствует современная издательская практика. В печати все больше появляются курсов лекций, записанных благодарными слушателями. Лекции, некогда обращенные к студентам, обретают вторую жизнь в печатном слове, пополняя золотой фонд филологической науки. Вот несколько примеров.

Издан курс лекций Бориса Ивановича Пуришева (1903—1989), которые он читал в Московском государственном педагогическом институте. Как отмечает составитель книги, Пуришев вел этот курс в течение шести десятков лет, постоянно обновляя, углубляя и совершенствуя его. «Дать импульс творческой мысли — такова была «сверхзадача», которую ставил перед собой, обращаясь к студенческой аудитории, профессор Б. И. Пуришев»².

Осуществлено издание лекций крупного германиста Альберта Викторовича Карельского, преподававшего в течение многих лет на филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Автор вступительной статьи к книге лекций ученого пишет: «Альберт Викторович был Учителем милостью Божьей, и в основе его педагогической деятельности лежала старинная благородная традиция заботы об учениках и дотошного профессионального воспитания, идея интеллектуального воспитания, идея интеллектуального братства с будущими коллегами»³.

Лишь эти несколько примеров (а их можно умножить) свидетельствуют о том, какое бесценное значение имеет для студентов лекция, яркое слово знающего и увлеченного педагога. Ибо лекция не только дарит знания студентам, но и вдохновляет на овладение знаниями.

¹ Буслаев Ф. И. Мои досуги. М., 2003. С. 134.

² Пуришев Б. И. Литература эпохи Возрождения. М., 1998. С. 9.

³ Карельский А. В. Метаморфозы Орфея. М., 1998. С. 11.

Значение лекции в общей системе вузовского образования неизмеримо велико, и следует надеяться — пока существует высшая школа — будет жить и лекция. А сегодня в условиях глобализации образования и подчас формального подхода к выполнению требований Болонского процесса лекцию нужно поддержать, уделить ей должное вни-

мание. И думается, что отличительным знаком, своеобразной фирменной маркой каждого факультета должно быть расписание занятий, где значились бы имена ведущих лекторов — профессоров, доцентов, преподавателей, а сама лекция, в силу особого уважения к ней, была бы выделена особым шрифтом.

В. Е. Триодин¹

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ничто, пожалуй, не вызывает столь полярных оценок, как глобализация. Под ней принято понимать влияние и воздействие мировых процессов на судьбы отдельных стран и народов. Сторонники глобализации видят в ней панацею от всех бед. Противники пугают глобализацией. Это, — говорят они, — реванш тьмы, контркультурная революция. Глобалистов называют гуннами, всемирными туземцами.

Суть проблемы предельно четко обрисовал в свое время В. Маяковский. Он мечтал о времени, когда люди будут жить без России и Латвии единым человечим общезитием. Но совместное проживание вовсе не уничтожает национальное своеобразие. Более того, подлинное богатство создается многообразием непохожих друг на друга людей.

В глобализации целесообразно выделить научно-техническую и культурно-образовательную составляющие.

Научно-технические достижения объективно носят интернациональный характер. Таблица умножения национальности не знает. Поэтому вряд ли найдется страна, которая откажется от передовых технологий, промышленных роботов, автоматов, компьютеров на том основании, что они ущемляют национальные интересы.

Острее стоит вопрос о сохранении национальной самобытности, «исконно русского начала» в культурно-образовательном компоненте глобализации. Как всегда, судьей в споре могла бы стать история. Но ведь «глобализация культуры» — новый термин. Это так. Тем не менее его истоки можно найти на самых ранних этапах отечественной истории. Только тогда планета казалась на порядок меньше. Разве изобретатель книгопечатания в Европе И. Гутенберг не яркий представитель глобализации, разве книгопечатание не изменило мир и не создало новый тип просвещенного человека? Все верно. Как верно и то, что книга, расширив кругозор русского человека, европеизировав его, не изменила его ментальность. Он остался русским человеком. Такое понимание национального и интернационального предельно точное выражение получило в эпоху Петра Великого. Это

тем более интересно, что ни на одном этапе российской истории глобализация (вхождение в Европу, освоение европейских ценностей) не шла так интенсивно. Ее итогом стал европеизированный россиянин. Позднее Достоевский пророчески скажет, что назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским — значит только стать братом всех людей, всечеловеком. Наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления к воссоединению людей. В сущности, это и есть формула культурно-образовательного глобализма.

Англицизм (экспансия английского языка) — излюбленный аргумент антиглобалистов. Но Россия и это уже проходила. Язык, правда, был другой — французский. Даже «русская душою» Татьяна «...по русски плохо знала, / Журналов наших не читала / И выражалася с трудом / На языке своем родном». Прозвище Пушкина в Лицее было Француз. И хотя уже более двухсот лет назад князь Михаил Щербатов сокрушался по поводу «повреждения нравов в России», иноземное влияние не привело ни к размыванию национального в русской культуре, ни к стиранию ее самобытности. Напротив, общепринято считать первую половину XIX века «золотым веком» русской культуры.

Постсоветская история убедительно показывает, что равнение на статую Свободы в Нью-Йорке вовсе не культурная экспансия, а обретение утерянной свободы. Запретные (и потому притягательные) плоды так называемых западных ценностей на проверку оказались общечеловеческими и потому так легко были освоены. Экс-президент США Билл Клинтон утверждал, что холодную войну выиграл король рок-н-ролла Элвис Пресли. Это он раздвинул железный занавес. Режиссер фильма «Исчезнувшая империя» Карен Шахназаров пришел к выводу, что в распаде Советского государства ключевую роль сыграли не козни ЦРУ, не мягкость Горбачева, не война в Афганистане, не состояние экономики, а «Битлз» и «Роллинг Стоунз».

Но ни Элвису Пресли, ни «Битлз» не под силу было изменить ситуацию в стране, если бы идеалы свободы, независимости не упали бы на благодатную почву. Важно уловить только самое главное. Именно в культуре и образовании происходят таинственные процессы зарождения новой жизни, нового типа человека, который и перекраивает карту будней. В свя-

¹ Директор Института образования взрослых РАО (Санкт-Петербург), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ. Автор более 100 научных работ, в т. ч.: «Клуб и свободное время», «Педагогика клубной работы», «Воспитание увлечением: формирование и деятельность клубных объединений», «История и теория социально-культурной деятельности» и др.

зи с этим принципиально важно, что человечество постепенно приходит к мысли, что образование является барометром состояния дел в стране. Оно как закономерность выводит зависимость темпов развития общества от положения дел в образовании. Все очевиднее становится, что образование — фундамент развития общества, первопричина его побед и поражений. И даже будущее правомерно рассматривать как образовательный продукт. Образование уверенно выходит на первый план как ведущий вид деятельности. Образование не может быть ограничено частью жизни. Оно есть вся жизнь. Образование, осуществляемое в течение всей жизни, получило название непрерывного образования. Сам термин «непрерывное образование» впервые был использован в материалах ЮНЕСКО (1968), а после опубликования доклада комиссии под руководством Э. Фора (1972) ЮНЕСКО приняло решение, признавшее непрерывное образование основным принципом, «руководящей конструкцией» для нововведения или реформ образования во всех странах мира.

В последнее время в России появляются педагогические проекты, обогащающие и развивающие концепцию непрерывного образования. Они заслуживают обсуждения мирового педагогического сообщества. Речь, прежде всего, идет об утверждении системы наук, отображающих закономерности образования в разные периоды жизни человека: педагогика (период незрелости); андрагогика (период зрелости); геронтология (период старости). Но у этой в целом положительной тенденции есть и оборотная сторона — человек в непрерывности его обучения разбирается по частям отдельными науками. Появляется потребность в интегральной науке, которая исследовала бы процесс непрерывного образования в целостности. Еще в 1920 году Е. И. Медынский выдвинул идею разработки антропагогики (от греч. *antropos* — человек; *ago* — веду) как науки, синтезирующей закономерности образования на протяжении всей жизни. Только с созданием такой науки концепция непрерывности образования получит свое теоретическое обоснование.

В стратегии образовательной политики важно дать ответ, казалось бы, на простой вопрос: а какова цель образования? Сегодня образование жестко увязывается с производством. Именно производство диктует заказ на тех или иных специалистов. Производству, к примеру, не требуется такого количества экономистов, юристов, которое выпускают вузы. Вот и возникает административный зуд, соблазн «прополоть» вузовский огород. В СМИ периодически «впрыскиваются» будоражащие воображение населения сообщения о массовых закрытиях вузов, слияниях и поглощениях одних другими. Но надо отчетливо понимать, что за новомодным термином «переизбыток высшего образования» скрывается сведение человека всего лишь к придатку производства. Если же исходить из интересов не производства, а человека, если припомнить, что цель человека — саморазвитие, то высшего образования много не покажется. Потому что чем больше человек учится, тем отчетливее понимает, что его «многознание» всего лишь песчинка в Космосе знаний.

Еще одна взрывоопасная образовательная ситуация тлеет в связке человек—государство. Л. Н. Толстой обнажил ее с предельной остротой. Университеты, — заявил он, — дают образование, нужное государству, но не человеку. Массовое сопротивление ЕГЭ как завершающему звену в цепи Государственного образовательного стандарта — современная иллюстрация пророчества Толстого. Восприятие человеком истории вовсе не всегда совпадает с государственными установками, зафиксированными в учебниках. В результате возникает отчуждение человека от государства. И как здесь снова не припомнить Л. Н. Толстого, который писал, что университеты делают с человеком что-то странное. Он становится чуждым культуре собственного народа.

Наконец, нельзя не обратить внимания на мутацию самого понятия «образование». Из него исчезли важнейшие компоненты: воспитание, культура. Между прочим, Закон об образовании рассматривает образование как целенаправленный процесс воспитания и обучения. Здесь не случайно воспитание поставлено на первое место. Потому что образованный злодей опаснее необразованного. Закон уточняет и приоритеты воспитания. Оно осуществляется в интересах личности, общества, государства. Личность опять-таки выдвинута впереди и общества, и государства. Особая актуальность нравственного воспитания сегодня обусловлена рыночной экономикой. Экономическая категория рынка сознательно перенесена на все стороны человеческих отношений. В этом смысле телесериал Валерии Гай Германики «Школа» — это если и не сегодняшний день, то грозное предупреждение, что будет завтра. Надо восстановить подлинный смысл понятия «образование», соединить знание с культурой и нравственностью. Если в обществе сохранится инстинкт самосохранения, оно должно объявить смыслом и сутью непрерывного образования подготовку интеллигента, понимая под ним образованного человека, душа которого способна быть «уязвлена от людских страданий» и у которого сформирована готовность «идти на грозу», оказывать поддержку и помощь терпящим бедствие. Очевидно, что такой тип личности готовится всей жизнью, а не на каком-то отдельном его этапе.

В каждой сфере непрерывного образования накопились свои проблемы. Но более всего их, пожалуй, возникло в сфере образовательных услуг взрослых и пожилых людей. Россия едва ли не единственная европейская страна, где до сих пор не принят специальный закон об образовании взрослых. Старая база образовательных институтов взрослых (заводы-втузы, вечерние школы, народные университеты и т. д.) перестала существовать, новые институты не созданы, а речь идет не просто о возрождении институтов образования взрослых, но об их новом качестве — образовании шаговой доступности. Планета выживет, если она станет образовательной планетой. Поэтому сегодня принципиально важно в каждом регионе, городе, микрорайоне создавать образовательные пространства. Это хорошо понимал еще Петр I. Летний сад был не просто местом отдыха, прогулок, развлечений. Он был задуман как сад-школа, раскрытая

книга басен Эзопа. Каждый фонтан Петр украсил скульптурой, изображавшей один из сюжетов басни. На специальных табличках печатался текст басни и ее толкование. Летний сад был и музеем скульптуры под открытым небом. Под скульптурами были прикреплены таблички: не знаешь, кто такие Аполлон, Венера или Вакх, — прочти и приобщись к европейской культуре.

В какой-то степени инициатива Русского музея «музейная миля» (музей выставил под открытым небом репродукции картин вдоль канала Грибоедова) повторяет петровский опыт обучающего пространства. Сегодня эта составляющая непрерывного образования получила название неформального обра-

зования (образование вне рамок каких-либо социальных институтов, без атрибутов педагогической формы — через общение, влияние улицы, рекламы и т. д.). Книжные ярмарки на площадях, вагоны метро, где вместо привычной рекламы появляются лучшие стихи российских поэтов, читательские конференции в библиотеках, лекции в обществе «Знание», просмотр и обсуждение спектаклей в театрах, с одной стороны, и напряженная и интенсивная жизнь в школах, вузах — с другой, создают новый тип образовательно-просветительного города, региона, которые и являются материализованным воплощением концепции непрерывного образования или обучения длиной в жизнь.

А. А. Факторович¹

КАЧЕСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: РОССИЙСКИЕ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

В истории становления систем управления качеством образования в вузе можно условно выделить два этапа, характерных как для зарубежной, так и для отечественной практики. Первый этап отличается преобладанием формально-регламентирующих подходов. В настоящее время, по справедливому замечанию бельгийских ученых Д. Ф. Вестрехайдена, В. Хульпия, К. Вайтенса, «акцент в исследованиях обеспечения качества сместился... к осмыслению реальной пользы от всей этой деятельности... Фактор, который мы выделяем особо, — преподавательский опыт обеспечения качества и влияние его на общий климат в учреждениях образования»². Наибольшую актуальность для реальной образовательной практики сегодня приобретает вопрос о культуре качества в преподавании и обучении. Оно «не рассматривается как процесс, которым можно управлять с помощью процедур оценивания и измерения; оно включает также ценности, обычаи, установленные порядки, которые поддерживаются университетским сообществом»³.

Преимущественно административные методы в институциональном управлении качеством образования сменяются пониманием важности ценностных регулятивов деятельности образовательного учреждения в целом и каждого конкретного преподавателя. При этом одной из приоритетных ценностей, обеспечивающих постоянное совершенствование качества образовательного процесса, становится педагогическое мастерство преподавателя, качество его педагогической деятельности.

Сложность современного образовательного процесса требует не только безупречного владения пред-

метом своей науки, но и высокого уровня педагогической культуры. Однако, к сожалению, педагогическая деятельность не всегда входит в число ключевых ценностей сотрудников вузов. Позиция «я должен свою науку сделать инструментом воспитания у студентов ценностного, творческого отношения к выбранной профессии» занимает весьма скромное место в системе ценностно-целевых установок преподавателей вузов. Однако, если подобная ситуация сохранится, то вряд ли можно ожидать серьезного приращения качества высшего образования.

Ценность самовоспитания через воспитание других, повышения качества преподавания сегодня не может рассматриваться как вторичная. Внедрение компетентностного подхода, идей студентоцентризма требует от преподавателей вузов высокого уровня педагогической квалификации, что определяется рядом причин.

1. Принципиальным становится вопрос о готовности преподавателя высшей школы к осуществлению целенаправленной воспитательной деятельности. Сегодня формируется новое понимание воспитания в профессиональном образовании. Оно должно приобрести сквозной характер, реализовываться через:

— содержание обучения (актуализация вопросов ценностного отношения к профессии, проблем профессиональной этики в программах дисциплин и модулей);

— выбираемые формы и методы работы (например, групповая работа является действенным средством формирования компетенций, связанных с коммуникацией, организацией собственной деятельности; совместная исследовательская деятельность преподавателя и студента — воспитания ценностного отношения к профессии, понимания ее социальной значимости);

— организацию работы на практике (здесь прежде всего формируется ответственное отношение к результатам своего труда, дисциплинированность, заинтересованность в развитии профессиональных

¹ Руководитель отдела программ и технологий высшего и послевузовского образования Центра начального, среднего, высшего и дополнительного профессионального образования Федерального института развития образования (Москва), кандидат педагогических наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам образования.

² URL: www.utwente.nl/cheps/publications/downloadable_publications/downloadablesen

³ Веттори О., Люгер М., Кнасшюлер М. Культура качества — практика институтов // Болонский процесс: концептуально-методологические проблемы качества высшего образования (книга-приложение 3) / под ред. В. И. Байденко. М., 2009.

компетенций, понимание перспектив развития профессии и своей роли в этом процессе).

2. Стремительные темпы устаревания знания и лавинообразное нарастание нового знания предполагают обновление дидактического инструментария, использование активных методов обучения, организацию системы самостоятельной работы студентов, создание и апробацию моделей приобщения обучающихся к исследовательской и проектной деятельности. Преподаватель должен владеть современными образовательными технологиями, обеспечивающими не трансляцию информации, а формирование способности и готовности обучающихся к ее поиску, структурированию, генерации.

3. Переход к двухуровневому образованию предполагает разные модели преподавательской деятельности на разных уровнях высшего образования, использования индивидуального подхода, построения индивидуальной траектории профессионального развития для каждого студента.

Изменение представлений о содержании, формах организации и результатах образовательного процесса выводит качество педагогической деятельности преподавателя на первый уровень в ценностной иерархии. Качество человека может создаваться, изменяться или транслироваться только лишь человеком — носителем этого качества, поэтому так важна роль педагога, оказывающего непосредственное влияние на формирование качеств личности обучающегося, будущего профессионала, поэтому можно с уверенностью утверждать, что качество образования в вузе производно от педагогической квалификации каждого отдельного преподавателя.

Понимание прямой зависимости между качеством подготовки в вузе и качеством труда каждого педагога выдвигает на первый план задачу оптимизации системы повышения педагогической квалификации преподавателей. Целесообразно выстраивать ее с опорой на следующие идеи:

- преподавателю вуза нужен не педагогический «ликбез», изложение информации по классическим учебникам педагогики и психологии без необходимой направленности на конкретные виды педагогической деятельности, ее функции, на решаемые преподавателем задачи личностно-профессионального развития и подготовки будущего специалиста;

- главным в отборе и структурировании содержания психолого-педагогической подготовки должен стать компетентностный подход, ориентация на конкретный результат — совокупность компетенций, необходимых для решения профессионально-педагогических задач;

- система повышения педагогической квалификации должна соответствовать принципам модульности и предоставлять возможности построения индивидуальной образовательной траектории; необходима диагностика проблем преподавателей, выявление «дефицитов» профессионально-педагогических компетенций, часто встречающихся затруднений и подбор соответствующего содержания, технологий и режима обучения;

- одной из перспективных форм повышения педагогической квалификации следует считать созда-

ние творческих групп преподавателей, ориентированных на постоянное совершенствование качества образовательного процесса в вузе; такая деятельность обладает большим консолидирующим и эвристическим потенциалом, поскольку обеспечивает взаимопомощь, взаимоконтроль, передачу опыта молодым преподавателям, совместное решение профессиональных задач; кроме того, проектные команды в наибольшей степени соответствуют интегративной, надпредметной природе компетенций.

Показательно, что вопрос о педагогической деятельности преподавателя высшей школы приобретает сегодня интернациональный статус. И зарубежные, и отечественные вузы ищут механизмы, позволяющие найти его решение. В связи с этим интересно проанализировать накопленный опыт.

Так, например, Министерством образования одной из крупнейших земель ФРГ — Северный Рейн-Вестфалия — начиная с 1990 года реализуется программа повышения качества преподавания. Она включает комплекс мероприятий по повышению результативности учебно-воспитательного процесса, в числе которых:

- создание при вузах центров дидактики высшей школы;

- широкое привлечение тьюторов к проведению дополнительных занятий со студентами, компенсирующих недостаточные личные контакты студента с преподавателем;

- работа преподавателей-кураторов с небольшими группами студентов по 15–20 человек в течение всего периода обучения;

- улучшение консультационной деятельности;

- контроль уровня дидактической квалификации будущих преподавателей при присуждении им права преподавания в вузе, организация устного экзамена по методике преподавания дисциплины;

- проведение экзамена, выявляющего уровень дидактической квалификации, при назначении на должность преподавателя или продлении договора (в последнем случае предусматривается и учет мнения студентов о преподавателе);

- проведение регулярных опросов студентов о качестве преподавания;

- поддержание связи с выпускниками, учет их мнения о содержании и качестве подготовки;

- предоставление преподавателям отпуска для повышения педагогической квалификации;

- отчет отделения о педагогической работе каждые два года;

- консультации для начинающих преподавателей, прикрепление к молодым преподавателям более опытных коллег.

Не отрицая традиционной идеи университетского образования, основанной на единстве задач исследования и обучения, министр науки Северный Рейн-Вестфалия считает необходимым повысить роль педагогической работы при определении степени профессионализма научно-педагогического персонала вузов.

Примером серьезного внимания к уровню дидактической подготовки преподавателя высшей школы может служить квалификационная характеристика,

разработанная Британским исследовательским консультативным центром карьеры. В ней четко обозначены функции, которые выполняет преподаватель университета, который «должен:

- блестяще знать профессиональную дисциплину, преподаваемую студентам;
- уметь сочетать обучающую, исследовательскую и административную работу, баланс которой определяется ролью самого преподавателя, значимостью и типом учебного заведения;
- налаживать контакты со студентами, аспирантами, коллегами;
- проводить практические занятия, опытные и экспериментальные работы, полевые работы;
- руководить профессиональной практикой студентов;
- иметь навыки подготовки и проведения лекционных и практических занятий;
- сочетать умения работы как с большой аудиторией (на лекциях, например), так и с малой (на семинарских, тьюториальных занятиях, дискуссиях и др.);
- консультировать и давать студентам советы по вопросам учебной работы, будущей карьеры, личным проблемам;
- уметь объективно оценивать результаты студенческой работы, вести текущий учет их знаний, помогать добиваться успехов в учебе и исследовательской работе;
- иметь навык проведения экзаменов, четко ставить вопросы, задачи, определять задания;
- уметь аналитически мыслить и учить этому студентов;
- иметь навык работы в библиотеках, проводить экспериментальную работу в области своего профессионального интереса;
- руководить студенческими исследовательскими проектами (как от своего имени, так и от имени спонсора; как индивидуально, так и в сотрудничестве), оформлять полученные результаты для печати;
- обладать организаторскими способностями, иметь навыки административной работы как неотъемлемой части преподавательской деятельности, что предполагает работу в приемной, экзаменационной комиссиях, разнообразных университетских комитетах, собраниях, оказание необходимой помощи начинающим или менее опытным коллегам и др.;
- принимать участие в работе профессиональных обществ, ассоциаций, мероприятиях национального масштаба, предметных дискуссиях;
- участвовать в качестве внешнего эксперта на экзаменационных сессиях других университетов страны и за рубежом;
- иметь глубокий интерес к преподаваемой дисциплине, постоянно пополнять и «освежать» свои профессиональные знания, следить за достижениями и нововведениями в своей отрасли;
- уметь налаживать контакты и общаться со студентами, как коллективно (со всеми вместе), так и индивидуально (лично с каждым);
- быть заинтересованным и содействовать благополучию (в материальном и духовном плане) сту-

дента (особенно это относится к исполняющим работу тьютора);

- быть коммуникабельным, обладать коммуникативными навыками, отличаясь толерантностью, проявлять уважение к студенту;
- иметь навыки разработки учебной программы на основе требований изучаемого курса;
- обладать высоким уровнем практической компетентности, уметь его демонстрировать во время работы в малых и больших студенческих группах;
- уметь постоянно меняться, вбирать в себя новое, соответствовать современным требованиям».

В перечне из 23 требований 14 составляют те, которые регламентируют различные виды педагогической деятельности преподавателя. Это обусловлено пониманием четкой корреляции между уровнем профессионально-педагогической компетенции преподавателя и качеством организуемого им образовательного процесса.

В ряде российских вузов также появляются специализированные структуры, обеспечивающие повышение качества педагогической деятельности преподавателей (например, факультет педагогического образования МГУ, Педагогические чтения экономического факультета МГУ), что свидетельствует о позитивной тенденции, однако опыт такой работы еще носит локальный характер. С нашей точки зрения, это направление должно стать приоритетным для управления качеством образования на институциональном уровне. В вузах, где есть кафедра педагогики, роль Центра повышения методической квалификации и педагогической культуры преподавателей может выполнять она. В отсутствие специализированной кафедры такие задачи может решать один из отделов в структуре Центра менеджмента качества. В его функции может входить:

- организация индивидуальной консультационной деятельности для преподавателей по теоретическим и практическим вопросам современной дидактики высшей школы;
- отбор необходимого содержания и форм проведения занятий по совершенствованию педагогического мастерства преподавателей;
- контроль уровня дидактической квалификации молодых преподавателей; консультации для начинающих преподавателей, прикреплению к молодым преподавателям более опытных коллег;
- повышение уровня дидактической квалификации при продлении договора с преподавателем и др.

Совершенно очевидно, что, если качество педагогической деятельности не займет приоритетного места в системе ценностей вуза, решать проблемы, связанные с совершенствованием качества образования будет предельно трудно. Думается, что необходимо развивать тот опыт, который накоплен вузами в области повышения педагогической культуры преподавателя. Этот вопрос нельзя считать локальным или факультативным. Возрастание интереса к нему со стороны международного научно-педагогического сообщества свидетельствует о его предельной актуальности в контексте создания единого европейского образовательного пространства.

В. Я. Фетисов¹

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ОБЩЕСТВА И РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

При анализе любого общества важно различать в нем тесно связанные, но отличающиеся друг от друга процессы — сохранение и развитие. Сохранение означает такое состояние, которое обеспечивает его внешнюю и внутреннюю безопасность, стабильность, удовлетворение жизненно важных потребностей и главное — сбережение нации. Что касается развития, то оно предполагает переход общества на качественно новый уровень, проявляющийся в реализации более высоких потребностей и интересов. На разных этапах социума один из процессов выступает в качестве доминирующего, нередко осуществляясь в ущерб другому.

Одна из существенных тенденций современности — сближение процессов развития общества и индивидов. Прежде прогресс первого, как правило, осуществлялся за счет вторых. Теперь же поступательное движение социума во многом зависит от человека. О действительном прогрессе общества теперь можно судить по степени обеспеченности и уровню развития его членов. Отражение данного факта — разработанный экспертами ООН Индекс развития человеческого потенциала, служащий критерием оценки развития различных стран. По этому показателю Россия опустилась со второго десятка стран в советский период в седьмой десяток в настоящее время.

Другая важная черта современного общества — его сохранение и, следовательно, удержание достигнутого уровня. Там, где замедляется, а тем более прекращается поступательное движение, начинают распространяться процессы вырождения и деградации: бюрократизация, монополизация, криминализация, усиление произвола властей и т. д. Отметим некоторые, по нашему мнению, наиболее важные свойства и процессы, определяющие сохранение общества, преобразование которых в данном направлении непосредственно связано с его развитием.

Во-первых, речь идет об определенной степени удовлетворенности своим положению всех основных слоев общества. Рост и возвышение потребностей как объективный процесс требует легитимных способов их удовлетворения, что, в свою очередь, связано с решением проблемы занятости.

Во-вторых, не укрепляет российский социум и присущий ему уровень социальной мобильности. В социологии давно сформулировано положение о том, что если в обществе плохо работают социальные «лифты», поднимающие «наверх» способных, энергичных и достойных людей, то «внизу» зреет недовольство, которое, достигнув критической массы, может «взорвать» общество. Для нормального его функционирования и устойчивой динамики необходима не только основанная на объективных кри-

териях циркуляция элит, но и мобильность широких масс.

В-третьих, важное свойство, способствующее сохранению общества и граждан, — эффективный контроль по отношению к субъектам негативных девиаций. Последние, попирая нормы и законы, разрушают ткань общественной жизни, вынуждают общество и индивидов переносить акценты с созидательной на защитную и охранительную деятельность.

В-четвертых, стабильность и устойчивость общества во многом зависит от степени его расслоения. Российское общество характеризуется социальной поляризацией, огромным разрывом в уровне и качестве жизни различных слоев. И, наконец, еще одно существенное условие стабильности общества — наличие у основных слоев общих норм, ценностей и устремлений.

Подчеркнем еще раз: указанные выше проблемы, сопряженные с сохранением общества, эффективно можно решать на путях его инновационного развития, все более превращающегося в императив. Однако его реализация предполагает повышение уровня и качества жизни населения, его культуры и образовательного потенциала, заинтересованность людей в проводимых преобразованиях. Игнорирование этих факторов, сведение инновационного развития к отдельным мерам и проектам технократического характера превращает их в паллиативы.

Особую роль в сохранении общества через развитие играет система образования. Она аккумулирует достижения культуры и вооружает ими новые поколения. Поэтому состояние и динамика образования существенным образом определяют созидательную способность общества. Речь идет не только о его технической и естественно-научной, но и гуманитарной составляющей. Во многом через нее транслируются традиции и ценности социума, формируются идеалы и жизненные ориентации людей, предопределяется выбор способов средств их реализации.

Гуманитарная культура придает смысл существованию человека, повышает чувство его собственного достоинства и активность, способствует обретению идентичности, становлению как субъекта деятельности. И, наоборот, ее недостаток превращает человека в узко мыслящее существо, в прагматика, технократа, подверженного интеллектуальному и эмоциональному «выгоранию». В этом отношении общественность выдвигает немало обоснованных претензий к существующему положению дел.

Объективная необходимость современного общества сознательно сочетать процессы сохранения и развития ставит вопрос о конвергенции (сближении) капитализма и социализма. В каждом из них доминировал один из процессов. Их интеграция представляет собой не смешанное общество, а синтез, придающий социуму новое качество. Оно состоит в том, что главной целью общества становится сохранение и развитие не отдельных узких групп и слоев,

¹ Профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор ряда научных публикаций по проблемам социологии.

а подавляющего большинства населения. Государство и рынок как основные механизмы регулирования общественной жизни в условиях социализма и капитализма превращаются из самодовлеющих институтов в средство реализации указанных целей и потому взаимно ограничивают друг друга.

Объективные интеграционные процессы как фактор инновационного развития предполагают со-

знательные и целенаправленные усилия по взаимодействию и диалогу различных культур и цивилизаций. Исторический опыт и современность свидетельствуют: обособление той или иной страны от мира оборачивается стагнацией во всех сферах ее жизни, что, в свою очередь, усиливает ее замкнутость, негативно сказываясь не только на динамике, но и сохранении ее этносов.

Г. Н. Филонов¹

РАЗВИВАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Сложный полифункциональный процесс глобальных изменений в области экономики, социальной жизнедеятельности и духовно-нравственной культуры российского общества предопределил адекватные парадигмальные сдвиги в структурах общественного и индивидуального сознания, открывшие новые горизонты ценностно-ориентированного выбора мировоззренческих и духовно-нравственных позиций, составляющих фундамент становления и развития целостной социокультурной системы воспитания и развития личности.

В этих условиях воспитательное пространство как открытая социуму диалектично функционирующая система становится важной составляющей целостного системно-деятельностного процесса обновления развивающего мировоззренческого потенциала личности. Это проявляется в глобальном самоосмыслении собственного «Я», как пришедшего из прошлого, в выработке внутренне мотивированных жизненных приоритетов, выводящих человека на выбор фундаментальной ценности своего бытия — нравственности.

Только глубоко осмысленный рефлексивно-мотивированный выбор ценностно-деятельностных ориентаций стимулирует развивающий потенциал мировоззрения в оптимальном личностном выборе и расстановке жизнеутверждающих приоритетов, отражающих процесс динамичной инновационной направленности развития мировоззрения. Данная направленность обеспечивает внутреннюю гармонизацию глобально возросшей когнитивной и эмоционально-чувственной сферы личности, проявление на этой развивающейся базе ее инновационно-созидательного потенциала как феномена оптимально интегрируемых компонентов восприятия, осмысления, понимания и мотивированной деятельности (действия, поступки). Последние составляют стратегически деятельностный субстрат «человеческого фактора», основу неизбежно и закономерно возрастающего, идейно и содержательно обогащенного созидательного потенциала мировоззрения.

Сущность методологического подхода к воссозданию более полноценного развивающего арсенала

мировоззрения состоит в поиске и становлении общепризнанных и доступных сознанию каждого индивида, адекватных вызову времени инновационных социальных технологий. Они отражают единение и понимание в диалоговых отношениях любого уровня, прямую и последовательную рефлексивную приоритетную концентрацию нравственных ориентаций и установок личности, средоточие полисубъектов на поиске оптимально согласованных, созидательно ориентированных мер, действий и поступков.

Сущность феномена рефлексии как ресурса, развивающего мировоззрение, четко фиксируется в исследовании П. Тейяра де Шардена «Феномен человека». Ученый утверждает, что человек становится человеком не в момент своего рождения, а в момент возникновения такого феномена, как рефлексия. Это приобретенная сознанием способность сосредоточиться на самом себе и овладеть собой как предметом, обладающим специфическими устойчивостью и значением. Путем этой внутренней индивидуализации самого себя живой элемент, до этого расплывчатый в смутном кругу восприятий и действий, впервые превратился в точечный центр, в котором все представления и опыт связываются и скрепляются в единое целое, осознающее свою организацию (Феномен человека. М., 1987). Именно в процессе рефлексии интегрируется в единое действие потенциально «скрытое» ядро развивающего мировоззрения — четырехзвенный ингредиент: восприятие, осмысление, понимание и мотивация действия, что определяет качественно возросший личностный интеллектуально-нравственный и деятельностный статус, а также общие развивающие функциональные возможности воспитания как социального феномена.

Социокультурный и нравственный потенциал развивающего мировоззрения обретает полифункциональные реалии в различных сферах государственной, общественной и индивидуальной деятельности. Это открывает новые горизонты приведения в действие механизмов феномена понимания и развивающего воспитательного потенциала в его целостном взаимодействии в условиях нештатных социальных и морально-психологических ситуаций, отягощенных негативными отношениями или ущербными субъектными позициями в сферах межгосударственных, межнациональных и конфессиональных отношений.

¹ Академик Российской академии образования, советник президента РАО, доктор философских наук, профессор. Автор более 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Воспитание личности школьника», «Подготовка молодежи к жизни», «Формирование личности: проблемы комплексного подхода в процессе воспитания школьника» и др.

В результате поиска адаптивно сбалансированных, толерантно взаимоприемлемых позиций, достигнутых единственно возможным способом союза идеологии, смыслов понимания и мотивированных действий (а это главное в реализации развивающего потенциала мировоззрения), становится оптимально возможным развивать диалогические процессы и отношения, опосредованные общими волевыми и морально-психологическими усилиями их участников, достигать консенсуса, надежного сотрудничества и партнерства в обеспечении «умной внешней политики», социально-педагогической практики, национальных и межличностных взаимодействий.

Единение взглядов и принципиальных подходов к обеспечению оптимального регулирования межгосударственных и национальных отношений, профилактика социокультурных и межличностных осложнений в различных сферах социума закономерно предполагает формирование глобально операционального алгоритма социально-гуманитарного мышления, гарантированно обеспечивающего всесторонне взвешенные и глубоко мотивированные проекты и нормативные акты международного и национального назначения.

Эти масштабные изменения в государственном мышлении и массовом обыденном сознании требуют значительных перемен в сущностно-целевых деятельностных позициях каждого субъекта. Это возможно лишь в результате эволюционного перехода от вербальных деклараций в пользу приверженности инновационным стратегиям обновления эпистемологической, инструментально-мотивированной и морально-психологической базы современного миростроительства к созданию нормативно-правовой, законодательной базы, необходимой инфраструктуры в различных сферах межгосударственных и межнациональных отношений, организации постоянных межотраслевых контактов в сферах науки, образования, воспитания и культуры. Данные меры обеспечивают широкий фронт формирования качественно нового интеллектуально-нравственного, интегрированного всеединством глобальной политической воли пространства, в пределах которого в различном деятельностном формате полноценно реализуются шансы развивающего потенциала мировоззрения.

Приоритетная роль в подготовке подрастающего поколения граждан, ориентированных на обновленные ценностно-смысловые структуры сознания и деятельности, выработку социального и нравственного опыта солидарного соучастия в диалоговых процессах, принадлежит сферам образования и воспитания.

Отсюда особого внимания требует ныне завершающийся этап разработки и реализации образовательных стандартов второго поколения. Стимулируя развивающие личностно-ориентированные зоны воспитания, стратегически ценно отразить в стандартах «точечные» аспекты когнитивной и креативной деятельности субъектов. Это развитие внутренней мотивации к научному познанию и учению, способностей детей и юношества к общению, участию в диалоговых ситуациях, особенно представляющих возможность мотивированного выбора собственных оценочных позиций в экстремальных условиях.

Следует развивать у детей чувства социальной ответственности и гражданской активности, формировать эмоциональную сферу на основе приобретения детьми умений и навыков оценочной, в том числе критически направленной саморефлексии, позволяющей одновременно занимать устойчивые позиции социального оптимизма.

Развивая у учащейся молодежи понимание ценностно-нравственной сущности образования, необходимо одновременно вводить в практику программы и модули формирования и развития универсальных учебных действий. Эти деятельностные формы выполняют важную роль в общекультурном и духовно-нравственном развитии личности обучающихся, поскольку они не только реализуют развивающий мировоззренческий потенциал учебного процесса, обновленного содержания общего и профессионального образования, но и прогнозируют функциональный базовый потенциал для непрерывного самообразования и социального выбора профессиональной деятельности.

Развивающийся на разных уровнях диалог культур и партнерство современных цивилизованных сообществ несомненно и закономерно вносят весомый интеллектуальный и духовно-нравственный вклад в инновационный процесс развития научного мировоззрения, гуманистических основ жизнедеятельности общества и личности.

М. Н. Фроловская¹

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА ПЕДАГОГА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ²

Всякий раз, когда пытаешься осмыслить ту или иную проблему, неизбежно сталкиваешься с извеч-

¹ Доцент кафедры педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), кандидат педагогических наук. Автор учебных пособий: «Педагогика искусства», «Педагогика», «Учитель—Ученик: возможность понимания», «Педагогика понимания» и др.

ными вопросами: что есть образование, в чем смысл педагогической деятельности, каковы особенности педагогической позиции? Особенно остро поиск ответов на эти вопросы актуализируется в кризисные моменты развития образования. Сегодня ключевым

² Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант №08-06-00161а).

направлением преодоления кризиса признаются модернизация и глобализация.

Конечно, век экспериментов
Над нами — интересный век.
Но от щекочущих моментов
Устал культурный человек, —

писал И. Северянин более чем 100 лет назад. Однако «век экспериментов» продолжается. От чего зависит успех реформ образования? Кто является центральной фигурой преобразований? Поскольку эти вопросы «извечны», не беру на себя ответственность за однозначность ответов, но попытаюсь приблизиться к их пониманию в контексте глобализации.

Глобализация (от *англ.* global — всеобщий) в буквальном смысле слова рассматривается как создание всеобщего, всестороннего пространства мировой культуры. Успешность ее развития определяется, и не в последнюю очередь, глобализацией образования и построением единого образовательного пространства. Речь идет об укреплении взаимосвязи национальных образовательных систем, единстве образовательных целей, основанных на общечеловеческих ценностях. Однако это все — внешние, декларируемые характеристики глобализации образования.

Несмотря на присоединение России к Болонскому процессу, увеличение доли взаимообменов преподавателей и студентов высшей школе и многое другое, образование остается закрытой системой. И эта закрытость обнаруживается в установке на подготовку компетентного специалиста. Освоение студентами содержания образования по-прежнему происходит в пространственно-временных границах, заданных федеральными государственными образовательными стандартами. С одной стороны, провозглашается необходимость глобализации образования, с другой — эта стратегическая задача теряется в перечне частных задач. Как известно, «улучшение в деталях ухудшает ситуацию, порождая слабость координации» (А. Н. Уайтхед).

Скорее всего, прав А. А. Ухтомский, утверждая, что судьба реакции определяется не на станции отправления, а на станции назначения. «Станцией назначения» выступает, по моему убеждению, связка «преподаватель—студент», «учитель—ученик». Все потому, что образование есть встреча людей в осмысленном мире. Такая встреча является базовым условием глобализации образования. Внутренним основанием глобализации образования, имеющим именно гуманитарный смысл, являются, прежде всего, отношения между людьми. Понимание ими сущности образования, обнаружение собственных ценностей и смыслов, совместное выявление целевых установок участников педагогического процесса, их обращение друг к другу в едином образовательном пространстве. Все это, так или иначе, замыкается (или размыкается!) на Человеке — педагоге и ученике, которых вместе свело образование.

В связи с этим возникает необходимость смещения акцента с *подготовки специалиста на образование человека*, способного «входить» в пространство мировой культуры, выстраивать его и совершен-

ствоваться самому через культуру. Осуществить этот переход, скорее всего, способен гуманитарно ориентированный педагог.

Профессиональный образ мира педагога — многоплановый и многомерный феномен. В нем сопрягаются универсалии педагогической культуры: «Я-концепция» педагога, его мировоззрение, научно-педагогическая картина мира. Он конкретизируется в педагогических компетенциях, причем профессиональные компетенции и профессиональный образ мира соотносятся как средство и цель образования.

В первом приближении профессиональный образ мира педагога представляется как универсалия педагогической культуры, отношение преподавателя к педагогическому процессу, к себе и другим его участникам. Это отношение освещено смыслом и раскрывается в аксиологических (ценности и смыслы), онтологических (взаимодействие структурных составляющих педагогического процесса), методологических (принципы стиля педагогического мышления) координатах гуманитарной парадигмы образования.

Профессиональный образ мира педагога является условием рождения образа мира студента, возможностью их совместного «выхода» из пространства предметов в пространство человеческой деятельности, жизненных ценностей и смыслов (В. П. Зинченко). Ведь смыслы «притягивают» людей, в отличие от потребностей, которые людей «толкают» (В. Франкл). И это «притяжение» является ключевым в процессе глобализации образования и развитии мирового пространства культуры.

В этом процессе слиты индивидуальное и надиндивидуальное, предметное и деятельностное, которые одновременно творятся и воссоздаются обращениями непосредственных участников педагогического процесса друг к другу и самим себе. Профессиональный образ мира, постоянно уточняемый, всегда заново создаваемый с его аксиологическими, онтологическими и методологическими гуманитарными основаниями конкретизируется в обращении педагога к Другому. В этом «обращении» «оживает» профессионально-педагогическая культура.

Несмотря на национальные различия, традиции педагогических культур, их связывает общая гуманитарная характеристика — профессиональный образ мира педагога. Построение педагогического процесса как гуманитарной практики, обнаружение в ней смысла придает профессиональному образу мира открытый характер. Вместе с тем его можно рассматривать как «предстояние» самой педагогической деятельности. В то же время он является пониманием настоящего, отмеченного конкретным осмысленным педагогическим действием, предметом рефлексивного отношения к себе, Другому, педагогическому процессу.

Профессиональный образ мира педагога становится, то есть возникает как профессионально-педагогическая реальность. С одной стороны, эта реальность объективирована надиндивидуальным обращением, укорененным во всеобщей педагогической культуре. С другой стороны, эта реальность проявляется каждым педагогом и в нем самом как

переживание, субъективное отношение к педагогической культуре. Проблема в том, что профессиональный образ мира педагога, как правило, формируется стихийно. И в связи с этим, как и в случае подготовки специалиста любого профиля, возникает принципиальной важности задача перехода от *подготовки* будущего педагога к его профессиональному образованию.

Профессионально-педагогическое образование — это процесс созидания собственного образа в педагогической культуре и культуры в себе. Что-

бы войти в педагогическую культуру, ее нужно «открыть» для себя и «открыть» себя в ней. Педагогическая культура в едином образовательном пространстве несет «культ света» по стреле времени: педагог встречается с ней, рожденной в *прошлом*, в *настоящем* и вместе с ней устремляется в *будущее*. Профессиональный образ мира раскрывается педагогом «на границах» настоящего и прошлого, настоящего и будущего. В таком случае основанием глобализации образования и ее условием является профессиональный образ мира педагога.

М. А. Хмырова¹

РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЛИЦЕЕ СПбГУП

Современное глобальное общество нуждается в грамотном человеке, носителе своей национальной культуры, воспринятой не изолированно, а в условиях взаимодействия с другими культурами. В. С. Библер, обосновывая концепцию школы «диалога культур», подчеркивает, что «...сейчас меняется строй разума — от “человека образованного” к “человеку культуры”, сопрягающему в своем мышлении и деятельности различные, несводимые друг к другу культуры, формы деятельности, ценностные, смысловые спектры»².

Международный лицей Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов является многонациональным учебным заведением — почти пятую часть составляют учащиеся из других стран (Казахстан, Украина, Белоруссия, Эстония). В этих условиях задача развития индивидуальности учащихся приобретает особую значимость и сложность.

В основу образовательного процесса в Международном лицее СПбГУП положена культуроцентристская парадигма, которая предполагает: «понимание образования и воспитания как важнейших социальных институтов культурной преемственности; расширение гуманитарного ядра образования путем органичного включения в образовательный процесс духовно-нравственного потенциала российской и мировой культуры; возвышение роли воспитания как механизма формирования “культуры жизнеспособности” — психологической и нравственной готовности жить и работать в быстро меняющемся мире, как способа выращивания творческой личности, сознательного субъекта социально-культурных преобразований; утверждение в качестве мировоззренческих приоритетов воспитания стратегической задачи и идеала формирования разносторонне развитой личности; оптимальное сочетание профессионализма и универсализма; ориентацию на принципы партнерства и социальной ответственности, на приоритет гуманистически и демократически ориентированных социальных технологий; построение обра-

зовательного и воспитательного процессов на принципе диалогичности информационно-ценностного поля обучения»³.

В своей образовательной стратегии мы придерживаемся позиции, что дети должны знакомиться не только с культурой своего народа, но и с культурами других народов, их национальными особенностями. Такое знакомство, сравнение и обмен выступают движущими и обогащающими факторами в развитии не только культуры в целом, но и каждого учащегося, являются важным ресурсом индивидуального развития учащихся, их творческого и интеллектуального потенциала. Мы стараемся изучать культуры учащихся различных стран и регионов России, выявляя их сходства и различия, общие истоки и корни. Через сравнение культур учащиеся начинают глубже постигать и тоньше воспринимать свою национальную культуру.

В нашей многонациональной школе одним из направлений является приобщение учащихся к художественному творчеству, которое осуществляется в процессе изучения и сравнения культур различных народов. Художественное творчество способствует тому, что учащиеся становятся более свободными в незнакомой среде, более инициативными, креативными, уверенными в себе. Ежегодно учащиеся лицея становятся победителями и призерами международных и всероссийских творческих конкурсов и предметных олимпиад. С 2000 по 2009 год количество победителей и призеров выросло до 45 % от общего количества учащихся лицея. Это и творческие конкурсы, например: Международный фестиваль-конкурс детского и юношеского национального творчества «Без границ», Международный фестиваль молодежи «Модный мир звезд», городской конкурс «Турнир юных поэтов», городской конкурс юных журналистов «Голос поколений», городской конкурс школьных эссе, посвященных Дню народного единства, городской детский фестиваль «Родная песня», фестиваль патриотической песни «Триумфальная арка», городской открытый детский

¹ Директор средней общеобразовательной школы «Международный лицей СПбГУП».

² Школа диалога культур: Идея. Опыт. Перспективы / сост. В. С. Библер. Кемерово, 1993. С. 5–6.

³ Запесоцкий А. С. Образование: философия, культурология, политика. М., 2002. С. 324.

эстрадный конкурс «Восходящая звезда», городской конкурс авторской песни «Петербургский аккорд — новое поколение» и др.

Для выявления и реализации творческих возможностей используются разные виды занятий, близкие к тем, что распространены в международной практике (проблемное обучение, проектные исследования, спецкурсы по медиатехнологиям, дизайну, литературе, английскому языку, лицейская видеостудия, музыкальная лаборатория, студия эстрадного вокала, танцевальная студия и др.). Способствуют творческому развитию и разнообразные детские объединения («Клуб любителей поэзии», «Редколлегия журнала “Ботанический сад”», «Юный фотограф», «Лицейское научное общество» и др.).

Творческие достижения и успехи влияют на академические достижения учащихся, успешность их обучения. Формируется новое отношение к себе — как к способному и успешному человеку. Повышается их статус среди сверстников. Лицей воспринимается учащимися как школа, заботящаяся об их развитии, действующая в их интересах, а в связи с этим меняется и их отношение к учебе, растет ответственность. Меняются, становятся более определенными послешкольные профессиональные планы лицеистов, которые, в свою очередь, корректируют систему учебных мотивов, влияющих на успешность изучения всего набора учебных предметов, побуждающих участвовать в предметных олимпиадах по русскому языку, литературе, истории, английскому языку, обществознанию. Учащиеся лицея неоднократно были победителями и призерами предметных олимпиад и конференций школьников Санкт-Петербурга «Молодые ученые XXI века».

В настоящее время образование рассматривается как социокультурная система, обеспечивающая культурную преемственность и развитие человеческой индивидуальности. Эта важнейшая задача в условиях Международного лицея СПбГУП приобре-

тает особую остроту в связи с тем, что в нем учатся школьники из государств СНГ, обучавшиеся по разным учебным планам, с различным уровнем подготовки, но с одинаковой установкой на получение качественного образования в России. Поэтому деятельность лицея, с учетом мирового опыта, ориентирована на формирование индивидуальных образовательных маршрутов учащихся, которые способствуют их самореализации, и осуществление индивидуального подхода к каждому лицеисту.

Комфортная образовательная среда Международного лицея создает предпосылки для повышения заинтересованности учащихся в самом образовательном процессе, способствует формированию уверенности в своих силах, готовности к проявлению своих творческих возможностей, личностной самоидентификации, росту самосознания. Обучение в многонациональной среде дает молодому поколению неоценимый опыт межкультурного общения, взаимоуважения, взаимопонимания и взаимосвязанности.

Все вышесказанное позволяет сделать выводы:

— в Международном лицее СПбГУП эстетическое воспитание учащихся рассматривается как эффективный фактор развития их способностей, индивидуализации образовательных маршрутов на основе природных дарований учащихся;

— развитие индивидуальности учащихся в лицее осуществляется на основе накопления у детей положительного эмоционально окрашенного субъективного опыта творческой и учебной деятельности, формирования культурно-образовательной среды, включающей индивидуальные образовательные маршруты школьников;

— положительный опыт реализации культуроцентрической парадигмы, положенной в основу образовательного процесса лицея, отвечает мировым тенденциям и может представлять интерес как для российских, так и для зарубежных школ.

А. А. Шехонин¹

ЗАДАЧИ ВУЗОВ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТУДЕНТОВ НА МИРОВОМ РЫНКЕ ТРУДА

В соответствии с международными нормами (Конвенция Международной организации труда № 122 «О политике в области занятости») неотъемлемой частью экономической и социальной политики любого государства должно быть содействие полной, продуктивной и свободно избранной занятости. В период плановой экономики СССР обеспечивалась гарантированная занятость выпускников

высших учебных заведений, распределение которых осуществлялось с использованием административных методов. В современных экономических условиях трудоустройство выпускников высших учебных заведений перестало быть гарантированным. Основным механизмом при поиске работы является рынок труда.

Главной целью современного этапа реформирования российской и европейской образовательных систем является создание единого международного рынка труда, в том числе высококвалифицированного труда. По существу, Болонский процесс, направленный на формирование единого Европейского пространства высшего профессионального образования, и является основным инструментом для достижения этой цели. В случае если выпускнику рабочее

¹ Проректор по учебно-методической работе, заведующий кафедрой прикладной и компьютерной оптики Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики (технический университет), кандидат технических наук, профессор. Автор более 110 научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Проектирование оптико-электронных приборов», «Методология проектирования оптических приборов» и др. Заместитель председателя Совета Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области приборостроения и оптоэлектроники.

место искать не приходится, то успешность трудоустройства определяется в основном адаптацией к условиям труда, которая непосредственно происходит на рабочем месте, периодом становления выпускника специалистом. В современном мире, при высоком темпе жизни, редкие виды деятельности предусматривают наем работника на всю жизнь, а предполагают высокую мобильность. Следовательно, требования к периоду адаптации выпускников на рабочем месте ужесточаются — период вхождения в профессию сокращается.

Организация социального диалога высшей школы с рынком труда, создание единого образовательного пространства в Европе и проводимая в русле этого процесса реформа высшего профессионального образования ставят перед академическим сообществом, работодателями и всеми заинтересованными в улучшении отечественной образовательной модели субъектами ряд серьезных задач. К наиболее важным из них можно отнести задачу ориентации учебного процесса на результаты обучения, обеспечивающие высокую конкурентоспособность выпускникам вузов. Во многом степень востребованности выпускников определяется на рынке труда, когда вчерашний студент непосредственно начинает выполнять свои профессиональные обязанности. Насколько востребованным студент окажется на рынке труда, зависит от результатов его обучения.

Результаты обучения являются важнейшими инструментами реформирования системы высшего образования и необходимы для:

- построения структур квалификаций высшего образования (всеобъемлющей структуры квалификаций единого европейского пространства высшего профессионального образования и Национальной рамки квалификаций), позволяющих вести сравнение и признание квалификаций разных стран на основе общих формулировок результатов обучения;

- разработки профессиональных стандартов, включающих перечни должностей и соответствующие им должностные обязанности, прописываемые на уровне необходимых основных умений, навыков и знаний;

- разработки и реализации Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования путем установления на их основе требований в форме компетенций к выпускнику вуза (результатам освоения основной образовательной программы);

- признания уровня полученного образования, независимо от путей приобретения знаний, умений и компетенций;

- разработки средств и технологий контроля качества подготовки специалистов и работы профессорско-преподавательского состава в ходе учебного процесса.

Для целей обеспечения занятости студентов и выпускников во многих университетах мира организованы центры, способствующие развитию карьеры выпускников. Задачами таких служб являются: оказание профессиональных консультаций, содействие студентам в поиске мест для прохождения практик, а выпускникам — мест трудоустройства, взаимодей-

ствие с работодателями, информирование студентов о рынке труда, поддержание контактов с выпускниками. Так, в Кембриджском университете для этих целей организуются факультативные курсы о рынке труда, семинары и деловые игры, консультации, выпускаются брошюры, ведется специальная страница в Интернете, собираются данные по выпускникам, организуются клубы по интересам, в которых участвуют работодатели¹.

В целях устранения барьеров, существующих между странами и высшими учебными заведениями, которые препятствуют эффективному использованию знаний и компетенций выпускников из-за отсутствия прозрачности квалификаций, в Евросоюзе разработана Европейская система квалификаций. Она является рамочной конструкцией, описывающей обобщенную структуру квалификаций образования всех уровней, сопоставимую с национальными системами квалификаций образования. В течение последних лет в европейских странах происходит активная разработка национальных систем квалификаций.

В докладе рассматриваются вопросы сопряжения Европейской и Национальной рамочной квалификации с вводимыми в действие Федеральными государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования. Анализируются вопросы реализации компетентного подхода в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования, системно-иерархического задания в них результатов обучения и согласования их с профессиональными стандартами. Особо выделяются нерешенные проблемы освоения и оценивания результатов обучения в компетентном образовании: в том числе уровни планируемых результатов обучения по дисциплинам, приоритет баланса результатов обучения и трудоемкости при определении зачетных единиц, переход от итоговых обобщенных результатов обучения к результатам и критериям их оценивания на уровне дисциплин и др.

В качестве примера можно рассмотреть организацию балльно-рейтинговой системы в вузе как инструмента регулярного оценивания результатов обучения с использованием информационных технологий, которая позволяет оценивать не только знания и навыки учащихся, но и их творческие возможности: активность, неординарность решений поставленных проблем, умения организовать группы для решения проблемы и т. д.

Вуз отвечает за результаты обучения студентов и заинтересован в эффективном трудоустройстве выпускников. Отбирая наиболее способную молодежь, вузы несут ответственность за дальнейшее развитие ее интеллекта, эрудиции, формирование базовых профессиональных компетенций. Оптимальное сочетание профессионализма и универсализма может обеспечить личности и будущему специалисту конкурентоспособность на рынке труда, а вузам — конкурентоспособность на рынке производителей образовательных услуг.

¹ Cambridge University Careers Service ANNUAL REPORT. 2003–2004.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абалкин Л. И. 20
Абрамов С. Р. 302
Авдеев А. А. 21
Агошков А. В. 306
Адищев В. И. 484
Анастассопулос Георг 277
Анчев Панко 23
Артановский С. Н. 307
Артюхина М. М. 358
Арутюнян Ю. В. 26
Асадуллин Ф. А. 27
Астахов Е. М. 309
Атаманчук Г. В. 311
Афиани В. Ю. 29
Балобанова Т. Н. 485
Бернацкий Г. Г. 376
Берулава Г. А. 488
Берулава М. Н. 488
Бирженюк Г. М. 32
Богачев В. Ф. 442
Боголюбов С. А. 378
Богомоллов О. Т. 34
Большаков В. П. 313
Бондаревская Е. В. 490
Бондарь Н. С. 37
Брутенц К. Н. 41
Бусыгин А. Е. 42
Валицкая А. П. 493
Ванюшкина Л. М. 494
Василенко Н. В. 496
Васильев А. Г. 471
Васильев В. Н. 497
Васильев Ю. С. 498
Васильев В. И. 45
Высоцкая Н. Ф. 473
Гаджиев Г. А. 46
Галицких А. А. 500
Галицких Е. О. 502
Гамзаев оглы А. А. 314
Гезалова гызы К. А. 380
Гезалов оглы А. А. 314
Герра Ренэ 47
Гигер В. Б. 51
Голик Н. В. 315
Гончаренко Л. Н. 475
Горшкова В. В. 317
Гранин Д. А. 19
Графский В. Г. 382
Гринберг Р. С. 53
Гуанчен Син 57
Гукаленко О. В. 503
Гусаков М. А. 444
Гусев П. Н. 59
Гусейнов А. А. 61
Давыдов Ю. С. 506
Давыдов А. Ю. 506
Давыдов В. М. 64
Данилюк А. Я. 508
Делягин М. Г. 66
Дербин В. Г. 359
Джагарян А. А. 383
Джоши М. М. 68
Дианова В. М. 319
Доровских Е. М. 385
Дорская А. А. 387
Дуткевич Петр 71
Дуткевич Ян 71
Дятлов С. А. 446
Евдокимов А. И. 448
Елисеева И. И. 72
Жданок Т. 279
Жукова О. А. 321
Запесоцкий А. С. 76, 425, 449
Затулин К. Ф. 80
Зимняя И. А. 511
Зорин В. Ю. 361
Иванов В. Н. 82
Ивашковская Т. В. 452
Иконникова С. Н. 322
Илюшин Л. С. 513
Казарин В. П. 514
Кайсаров Е. А. 324
Каменецкий В. А. 453
Карачевцев И. А. 515
Карнаух В. К. 477
Касавин И. Т. 83
Касенова М. Б. 428
Катышева Д. Н. 326
Каширина О. В. 516
Кибальник Т. П. 518
Кибрик А. Е. 85
Кириллова Н. Н. 519
Клеандров М. И. 87
Клейнер Г. Б. 89
Клементовичус Я. Я. 530
Клесс Арман 92
Клестиль-Лёффлер М. 94
Козлов В. Н. 498
Козлов В. П. 96
Колотова Н. В. 388
Комаров В. Д. 327
Конев В. А. 330
Королев И. С. 100
Котенко И. Ю. 391
Крашенинникова Н. А. 394
Кресин А. В. 250
Кувалдин В. Б. 281
Кудин В. А. 520
Курганская В. Д. 522
Лавренко А. В. 396
Лавров С. В. 102
Лапаева В. В. 399
Лапин Н. И. 105
Ларьков С. М. 333
Лебедев О. Е. 523
Левковец С. В. 525
Лейкина Ф. А. 526
Лекторский В. А. 107
Лисицын-Светланов А. Г. 108
Лобок Д. В. 369
Лукашева Е. А. 109
Мажиди Мохаммад Реза 282
Макаров В. Л. 111
Максаковский В. П. 527
Максимов Б. И. 371
Максимова В. Н. 529
Максимцев И. А. 530
Мамонтов В. К. 430
Мануильский М. А. 337
Марков А. П. 113
Марков Б. В. 338
Марков А. П. 432
Маркова-Мурашова С. А. 400
Матвеева Л. В. 435
Матвиенко В. И. 117
Махлина С. Т. 340
Межуев В. М. 119
Минаев Д. В. 437
Минченко Р. Н. 402
Митрофанова Э. В. 122
Моисеев А. А. 404
Мосейко А. Н. 342
Мосолов В. А. 534
Мосолова Л. М. 535
Мотышина М. С. 455
Муромцев Г. И. 405
Мусякодзи Кинхиде 123
Мухаметзянова Г. В. 538
Мухина В. С. 541
Назаретян А. П. 131
Наумкин В. В. 133
Недлин Л. Я. 440
Неменский Б. М. 543
Немытина М. В. 407
Никандров Н. Д. 137
Никифорова Е. М. 307
Новиков А. М. 545
Оводенко А. А. 548
Олимов Кароматулло 284
Осипов Ю. С. 142
Павлов В. А. 452
Пакалнис Ромас 286
Палагута И. В. 479
Панарин И. Н. 457
Парыгин Б. Д. 549
Пасешникова Л. А. 461
Перес Браво Альфредо 146
Петито Фабио 148
Петренко В. Ф. 158
Печи Идлир 162
Пивовар Е. И. 167
Пигров К. С. 344
Пильдес М. Б. 551
Пиотровский М. Б. 170
Поленина С. В. 409
Померанцев В. М. 345
Понзиани Энрико 173
Попов В. В. 288
Праздников Г. А. 348
Присяжнюк А. С. 300
Радваньи Жан 175
Рар Александр 177
Расторгуев В. Н. 240

Рёль Петер 182	Сорокин Д. Е. 202	Хренов Н. А. 231
Римашевская Н. М. 185	Стадников Г. В. 557	Чанг Синсин 237
Рогинко С. А. 463	Степин В. С. 204	Черешнев В. А. 240
Рожков В. Д. 373	Сунягин Г. Ф. 351	Честнов И. Л. 419
Романов П. И. 498	Счастный В. Г. 296	Чиркин В. Е. 420
Ромашов Р. А. 411	Тишков В. А. 208	Чубарьян А. О. 242
Руснак К. 293	Тили Мустафа 215	Чуров В. Е. 243
Рыбаков Ф. Ф. 466	Толкачев В. И. 352	Шевяков А. Ю. 374
Санаи Мехди 187	Толочко П. П. 217	Шемшученко Ю. С. 250
Сафаров Р. А. 413	Торштендаль Рольф 220	Шехонин А. А. 569
Сафонов А. Л. 189	Тощенко Ж. Т. 224	Шмаков М. В. 254
Сенько Ю. В. 552	Триодин В. Е. 559	Шмелев Н. П. 257
Серова Н. В. 554	Урицкая Р. Л. 480	Шор Ю. М. 356
Сеславинский М. В. 195	Факторович А. А. 561	Штрауб Юрген 260
Сиднева Т. Б. 350	Фейгин Г. Ф. 468	Штыров В. А. 265
Синицына Н. А. 518	Фетисов В. Я. 564	Шувалов К. В. 297
Скатов Н. Н. 198	Филонов Г. Н. 565	Юсупов Р. М. 271
Скопицкая Т. А. 556	Фроловская М. Н. 566	Яковенко А. В. 274
Смирнова С. А. 415	Харченкова Л. И. 354	Яковец Ю. В. 299
Соболь И. А. 417	Хмылев П. Н. 482	Яценковский О. В. 300
Солонин Ю. Н. 200	Хмырова М. А. 568	

Научное издание

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ
СТАНОВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

X МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

13–14 мая 2010 года

Ответственный редактор *И. В. Петрова*

Художественное оформление *В. Б. Клоков*

Редакторы: *Я. Ф. Афанасьева, В. Г. Даниленко,*

Т. В. Никифорова, А. А. Санникова

Технические редакторы: *Л. В. Климович, Е. Ю. Николаева*

Корректоры: *О. В. Афанасьева, Т. А. Кошелева, И. Н. Чугунова*

ISBN 978-5-7621-0552-1

9 785762 105521

Подписано в печать с оригинала-макета .04.10. Формат 60х90/8
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 71,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Санкт-Петербургский Гуманитарный
университет профсоюзов

192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12